

Annotation

В то время как на континенте Генабакис Малазанская империя столкнулась с неожиданным сопротивлением, в другой части света, в Семи Городах, зреет бунт. Грядёт давно обещанный пророчествами Вихрь – восстание, в котором захлебнутся кровью имперские захватчики. Восставших поведёт таинственная Ша'ик – но кто она и чего хочет?..

И вот в самом сердце Вихря сходятся дороги наёмного убийцы Калама, вечных странников Икария и Маппо, а также ищущих путь к Восхождению древних оборотней. И отступает, защищая гражданских, войско полководца Колтейна, на которого враги уже накинули Собачью цепь...

Второй роман из величественного эпического полотна «Малазанская Книга Павших» – впервые в новом, выверенном и откомментированном переводе.

* * *

Стивен Эриксон

Благодарности

Действующие лица

Врата Мёртвого домаПролог

Книга перваяГлава первая

Глава вторая

Глава третья

Глава четвёртая

Глава пятая

Книга втораяГлава шестая

Глава седьмая

Глава восьмая

Глава девятая

Глава десятая

Книга третьяГлава одиннадцатая

Глава двенадцатая

Глава тринадцатая

Глава четырнадцатая

Книга четвёртаяГлава пятнадцатая

Глава шестнадцатая

Глава семнадцатая

Глава восемнадцатая

Глава девятнадцатая

Глава двадцатая

Глава двадцать первая

Глава двадцать вторая

Глава двадцать третья

Глава двадцать четвёртая

Эпилог

Глоссарий

Племена субконтинента Семи Городов

Семь городов

Мир чародейства

Титулы и объединения

Колода Драконов – Оракулы (и соответствующие Взшедшие)

Вестник

Взшедшие

notes1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

* * *

Стивен Эриксон

Врата Мёртвого дома

Этот роман посвящается двоим:

Дэвиду Томасу-младшему, который принимал меня в Англии и познакомил с неким литагентом,

и Патрику Уолшу, этому самому агенту.

В эти годы сотрудничества вы всегда верили в меня, и за это я благодарю вас обоих.

Steven Erikson

Deadhouse Gates: A Tale of the Malazan Book of the Fallen

Copyright © Steven Erikson 2000.

This edition is published by arrangement with Transworld Publishers, a division of The Random House Group Ltd. All rights reserved

Издательство выражает особую благодарность Владимиру Ареневу за помощь в подготовке издания предыдущего тома «Сады Луны»

© Лихтенштейн Е., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Благодарности

Я хотел бы выразить глубочайшую благодарность за поддержку: персоналу «Café Rouge» в Доркинге (и ещё кофе, пожалуйста...); ребятам из «Psion» за Psion Series 5, который стал домом для первого черновика этого романа; Дэрил и остальным из «Café Hosete»; и, конечно же, Саймону Тэйлору и остальным сотрудникам «Transworld Publishers».

Моей семье и друзьям: спасибо вам за веру и поддержку, без которых всё, чего я добился, ничего бы не значило.

Также благодарю Стивена и Росса Дональдсонов за добрые слова, Джеймса Баркли, Шона Рассела и Ариэль.

И, наконец, огромное спасибо всем читателям, которые писали комментарии на разных веб-сайтах: писательство — это одинокое занятие, но вы помогли его сделать менее одиноким.

Действующие лица

На Тропе Ладоней

Икарий — странствующий яггут-полукровка

Маппо — его спутник, трелль

Искарал Прыщ — верховный жрец Тени

Рилландарас — Белый Шакал, д'иверс

Мессремб — одиночник

Гриллен — д'иверс

Могора — д'иверс

Малазанцы

Фелисин — младшая дочь из Дома Паранов

Геборик Лёгкая Рука — ссыльный историк и бывший жрец Фэнера

Бодэн — спутник Фелисин и Геборика

Скрипач — Девятый взвод, «Мостожоги»

Крокус — гость из Даруджистана

Апсалар — Девятый взвод, «Мостожоги»

Калам — капрал Девятого взвода, «Мостожоги»

Дукер — императорский историк

Кальп — кадровый маг, Седьмая армия

Маллик Рэл — главный советник Первого Кулака Семи Городов

Саварк — начальник охраны на отатараловых рудниках в Черепке

Пелла — солдат, расквартированный в Черепке

Пормкваль — Первый Кулак Семи Городов, ставка в Арэне

Блистиг — командир Арэнского гарнизона

Шик — Глава Когтей

Сон — капитан сиалкских морпехов

Ченнед — капитан в Седьмой армии

Сульмар — капитан в Седьмой армии

Лист — капрал в Седьмой армии

Глазок — сапёр

Спрут — сапёр

Геслер — капрал береговой охраны

Ураган — солдат береговой охраны

Истин — новобранец в береговой охране

Прищур — лучник

Жемчуг — Коготь

Капитан Кенеб — беженец

Сэльва — жена Кенеба

Минала — сестра Сэльвы

Кесен — старший сын Кенеба и Сэльвы

Ванеб — младший сын Кенеба и Сэльвы

Капитан — владелец и командир торгового корабля «Затычка»

Кривой — виканский пастуший пёс

Таракан — хэнская комнатная собачка

Виканцы

Колтейн — Кулак, Седьмая армия

Темул — молодой копейщик

Сормо И'нат — колдун

Нихил — колдун

Бездна — колдунья

Бальт — опытный полководец и дядя Колтейна

Красные Клинки

Барья Сэтрал (Досин-Пали)

Мескер Сэтрал — его брат (Досин-Пали)

Тин Баральта (Эрлитан)

Аральт Арпат (Эрлитан)

Лостара Йил (Эрлитан)

Аристократы в Собачьей цепи (малазанцы)

Нэттпара

Ленестро

Пуллик Алар

Тамлит

Последователи Апокалипсиса

Ша'ик — предводительница восстания

Леоман — капитан Апокалипсиса в Рараку

Тоблакай — телохранитель и воин Апокалипсиса в Рараку

Фебрил — маг и первый советник Ша'ик
Корболо Дом — Кулак-предатель, полководец армии оданов
Камист Релой — Высший маг в армии оданов
Л'орик — маг Апокалипсиса в Рараку
Бидитал — маг Апокалипсиса в Рараку
Мебра — шпион в Эрлитане

Другие

Салк Элан — путешественник в море
Шан — Гончая Тени
Зубец — Пёс Тени
Бельмо — Гончая Тени
Бэран — Пёс Тени
Крест — Пёс Тени
Моби — фамилиар
Хентос Ильм — заклинательница костей т'лан имассов
Легана Брид — т'лан имасс
Олар Этил — заклинательница костей т'лан имассов
Кимлок — таннойский духовидец
Бенет — вор в законе
Ирп — маленький прислужник
Радд — ещё один маленький прислужник
Апт — демоница-аптори
Панек — ребёнок
Карполан Демесанд — торговец

Була — хозяйка таверны

Котильон — бог, Покровитель убийц

Престол Тени — владыка Высокого дома Тени

Реллок — слуга

Врата Мёртвого дома

Пролог

Что видишь ты на потемневшем горизонте,

Но всё ж не в силах

Заслонить рукой?

Ток Младший. «Мостожоги»

1163-й год Сна Огни

Девятый год правления императрицы Ласиин

Год Отбраковки

Волоча ноги, он вошёл в Круг Правосудия с аллеи Душ — будто уродливое облако из мух. Кипучие сонмы насекомых с бессмысленной настойчивостью ползали по телу; иногда они отваливались чёрными блестящими комьями и разбивались о булыжники мостовой, разлетались обезумевшими роями.

Час Жажды близился к концу, и жрец шёл, пошатываясь, — слепой, глухой и безмолвный. В этот день служитель Худа, Владыки Смерти, почтил своего бога и присоединился к другим братьям, чтобы раздевать мертвецов и смазывать себя кровью казнённых убийц — той кровью, что хранилась в громадных амфорах, стоявших вдоль стен в нефе храма. Затем торжественная процессия жрецов двинулась по улицам Унты, чтобы приветствовать посланников своего бога и присоединиться к пляске смерти, которой был отмечен последний день Пору Гниения.

Стражники, стоявшие по периметру Круга, посторонились, давая жрецу пройти, а потом ещё больше разошлись, пропуская жужжащее живое облако, что летело за ним. Небо над Унтой по-прежнему казалось скорее серым, чем голубым, потому что мухи, влетевшие на рассвете в столицу Малазанской империи, поднялись в воздух и медленно двинулись над заливом в сторону солёных болот и подтопленных островков за рифом. Мор пришел вместе с Порой Гниения, а сама Пора являлась неслыханно часто – она приходила уже трижды за последние десять лет.

Воздух в Круге всё ещё гудел и переливался, словно в нём висела взвесь из крупного песка. Где-то на соседней улице скулила собака – будто была при смерти, а рядом с центральным фонтаном на площади лежал полумёртвый мул и слабо перебирал ногами. Мухи пробрались в несчастное животное через все отверстия, и теперь его раздуло от газов. Мул, упрямый, как и вся его порода, умирал уже около часа. Когда жрец слепо прошаркал мимо него, мухи взлетели с мула и влились в окутывающее человека облако.

Фелисин было совершенно ясно, что жрец Худа ковыляет прямо к ней. Он смотрел на мир тысячью крошечных глаз, но девушке казалось, будто все они устремлены на неё. Даже нараставший ужас не мог сорвать покров оцепенения, которым было окутано её сознание; Фелисин знала, что ужас поднимается внутри, но это знание было больше похоже на воспоминание о страхе, чем на живой и настоящий испуг.

Она почти позабыла первую Пору Гниения в своей жизни, но вторую помнила во всех деталях. Всего три года назад она провела этот день в безопасности семейной усадьбы, за крепкими стенами дома, где все окна были закрыты ставнями, щели заткнуты тканью, а во дворе и на высоких стенах стояли жаровни, от которых исходил густой дым тлеющих листьев истаарла. Последний день Пору Гниения и Час Жажды были для неё мгновениями неприятными, даже отвратительными, но не более того. Тогда она и не думала о бесчисленных городских нищих, об одичавших животных, которым негде было спрятаться, и даже просто о небогатых горожанах, которых потом насильно стогнали в отряды для очистки улиц.

Тот же город, но совсем другой мир.

Фелисин гадала, пропустят ли стражники жреца, который подходил всё ближе к жертвам Отбраковки. Она сама и остальные были теперь на попечении императрицы Ласиин, а путь жреца можно было принять за случайный, и неизбежное столкновение – скорее за несчастный случай, чем за осознанный выбор, хотя Фелисин нутром чуяла: это не так. Двинутся ли с места солдаты в высоких шлемах? Попробуют ли провести жреца через Круг без жертв?

– Сомневаюсь, – сказал человек, что сидел на корточках справа от неё. В его полуприкрытых, глубоко запавших глазах сверкнуло что-то похожее на веселье. – Я же вижу, как у тебя взгляд мечется с охраны на жреца и со жреца на охрану.

Высокий молчаливый мужчина слева от неё медленно поднялся на ноги, натянув цепь. Фелисин поморщилась, когда кандалы дёрнулись и врезались в кожу, а мужчина скрестил руки на покрытой шрамами груди. Он посмотрел на приближавшегося жреца, но ничего не сказал.

— Что ему от меня нужно? — прошептала Фелисин. — Чем я заслужила внимание жреца Худа?

Человек справа перенёс вес тела на пятки и подставил лицо лучам послеполюденного солнца.

— Ох, Царица Снов, неужели с этих пухлых нежных губ слетают слова самолюбивой юности? Или это просто обычный подход особы благородных кровей, вокруг которых, как известно, вертится мир? Молю тебя, ответь, о капризная Владычица!

Фелисин нахмурилась.

— Мне было лучше, пока я думала, что ты спишь или умер.

— Мертвецы на корточках не сидят, девочка, они пластом лежат. А жрец Худа идёт не за тобой, а за мной.

Фелисин обернулась к соседу, и цепь между ними звякнула. Он больше напоминал жабу с запавшими глазами, чем человека. Лысую голову и лицо покрывали тонкие чёрные линии татуировки, в затейливом узоре скрывались мелкие квадратные символы, которых было столько, что кожа казалась сморщившимся пергаментным свитком. На старике не было ничего, кроме изодранной набедренной повязки — когда-то красной, но выцветшей. По всему его телу ползали мухи; они не спешили улетать и танцевали по коже — но, вдруг поняла Фелисин, не по мрачному мановению Худа! С ног до головы мужчину покрывала сложная татуировка — морда вепря накладывалась на его лицо, замысловатый лабиринт курчавого меха скатывался вниз, на руки, охватывал бёдра и голени, а ступни украшало тщательное изображение копыт. До сих пор Фелисин была слишком поглощена собой и потрясена, чтобы обратить внимание на соседей в шеренге скованных цепью узников: этот старик был жрецом Фэнера, Вепря Лета, и мухи, казалось, это знали, понимали настолько, что изменили свой безумный маршрут. С болезненным восхищением она смотрела, как они собирались на культах, которыми заканчивались запястья старика, — только эти старые рубцы на его теле не тронул своей властью Фэнер, но по пути к ним насекомые не коснулись ни единой чёрточки татуировки. Мухи вились в безумном танце, лишь бы избежать знаков бога, но, тем не менее, плясали алчно и рьяно.

Жрец Фэнера был прикован последним в шеренге. Кандалы обхватывали его лодыжки, хотя остальным железные полосы сковывали запястья. Ступни старика были покрыты кровью, и мухи вились над ними, но не садились. Фелисин заметила, что старик резко распахнул глаза, когда его внезапно накрыла тень.

Это был жрец Худа. Цепь загремела, когда все узники слева от Фелисин попытались отодвинуться как можно дальше. Стена за спиной оказалась горячей, плитка — украшенная сценами из пышных имперских церемоний — впилась в тело сквозь тонкую рабскую тунику. Фелисин не могла отвести глаз от окутанной облаком мух фигуры, которая безмолвно возвышалась над сидевшим жрецом Фэнера. Девушка не видела и клочка кожи, вообще ничего от самого человека — мухи покрывали его полностью, под ними он жил во тьме, где даже жар солнца не смог бы его коснуться. Облако с жужжанием растеклось в стороны, и Фелисин отшатнулась, когда холодные лапки

насекомых коснулись её ног, быстро двинулись вверх по бёдрам – девушка прижала подол туники и плотно сдвинула ноги.

Жрец Фэнера заговорил, его широкое лицо будто треснуло в мрачной ухмылке:

– Час Жажды миновал, аколит. Возвращайся в свой храм.

Слуга Худа не ответил, но Фелисин показалось, что жужжание начало менять тон, оно становилось всё ниже, пока не завибрировало у неё в костях.

Жрец сощурился, и его голос зазвучал по-другому:

– Ну, довольно. Я и вправду был когда-то слугой Фэнера, но это в прошлом – годы утекли, а касание Фэнера не сходит с моей кожи. Однако кажется, что хотя Вепрь Лета не слишком-то меня любит, тебя он не любит ещё больше.

Фелисин показалось, будто что-то у неё в душе вздрогнуло, когда жужжание вновь начало меняться, складываясь в понятные слова:

– Секрет... покажу... сейчас...

– Так давай! – прорычал бывший служитель Фэнера. – Показывай!

Может быть, тогда вмешался Фэнер, яростный бог хлопнул ладонью – Фелисин навсегда запомнила этот миг и часто о нём думала, – или секрет оказался просто шуткой бессмертных, недоступной её пониманию, но в этот миг волна ужаса прорвала дамбу, бесчувственность выжгло из души, когда покров из мух вдруг взорвался, разлетелся наружу, а внутри его... никого не оказалось.

Бывший жрец Фэнера дёрнулся, как от удара, и поражённо раскрыл глаза. На другой стороне Круга полдюжины стражников закричали, из глоток вырвался бессловесный вопль. Цепь лязгнула, когда остальные узники рванулись прочь, будто собирались бежать. Железные кольца в стене, через которые была пропущена цепь, скрежетнули, но выдержали. Стражники бросились вперёд, и шеренга узников снова замерла.

– А вот этого, – потрясённо пробормотал старик в татуировках, – я ничем не заслужил.

Прошёл час, и за это время загадка, потрясения и ужас от появления жреца Худа улеглись в сознании Фелисин, стали новым слоем – самым свежим, но не последним – бесконечного кошмара. Аколит Худа... которого на деле не было. Жужжание мух, которое складывалось в слова. Может, это был сам Худ? Неужели Владыка Смерти вновь ходит среди смертных? Зачем же он тогда остановился перед бывшим жрецом Фэнера – в чём был смысл этого откровения?

Но вопросы постепенно поблекли, а сознание снова заполнила бесчувственность, вернулось холодное отчаяние. Императрица провела отбраковку знати, конфисковала богатства благородных домов и фамилий, а

после общего обвинения в предательстве и приговора многие оказались в цепях. Что же до бывшего жреца справа и огромного, грязного громилы, обладавшего всеми признаками обычного головореза, — ни тот, ни другой явно не могли похвастаться благородным происхождением.

Фелисин тихонько рассмеялась, и оба вздрогнули.

— Неужто тебе открылся смысл секрета Худа, девочка? — спросил бывший жрец.

— Нет.

— Так что же тебя тогда развеселило?

Она покачала головой. А ты-то рассчитывала оказаться в хорошей компании — что за бредовая мысль! И вот, пожалуйста, демонстрируешь именно то поведение, которое так бесит крестьян, подливаешь то самое масло, которым плеснула в огонь Императрица...

— Дитя!

Голос принадлежал пожилой женщине, он звучал по-прежнему надменно, но с нотками томительного отчаяния. Фелисин на миг зажмурилась, а затем выпрямилась и отыскала глазами тощую старуху в шеренге за громилой. Та была одета в ночную рубашку, изорванную и запачканную. Не чем иным, как благородной кровью.

— Леди Гейсен.

Старуха вытянула дрожащую руку.

— Да! Жена лорда Гилрака! Я — леди Гейсен... — Слова прозвучали так, словно она забыла, кем была, теперь старуха нахмурилась, так что пошёл трещинами толстый слой пудры, скрывавший морщины, и покрасневшие глаза впились в Фелисин. — Я ведь тебя знаю, — прошипела она. — Ты из Дома Паранов. Младшая дочь. Фелисин!

Фелисин похолодела. Она отвернулась и посмотрела на стражников, которые стояли в тени, опираясь на пики, передавали друг другу фляжку с элем и отгоняли последних мух. За мулом приехала телега, из неё выпрыгнули четверо измазанных пеплом мужчин с верёвками и баграми. За стенами, окружавшими Круг, вздымались раскрашенные башни и купола Унты. Она тосковала по затенённым улочкам между ними, скучала по беззаботной жизни, которой наслаждалась ещё неделю назад, скучала по Себри, по тому, как он грозно кричал, когда она аккуратно, легко направляла бег своей любимой кобылы. Тогда Фелисин поднимала глаза и видела зелёную изгородь из кустов свинечника, отделявшую площадку для верховой езды от семейных виноградников.

Рядом хмыкнул громила.

— Худовы пятки, а у этой сучки есть чувство юмора.

«У которой?» – подумала Фелисин, но смогла сохранить отрешённое выражение лица, хоть и утратила покой воспоминаний.

Бывший жрец шевельнулся.

– Сёстры вечно ссорятся, так ведь? – Он помолчал, а затем сухо добавил: – Но это уж перебор.

Громила снова хмыкнул и наклонился вперёд так, что его тень упала на Фелисин.

– Жрец-расстрига, выходит? Не похоже на Императрицу – делать одолжения храму.

– Это не одолжение. Я давно уже распрощался с благочестием. Уверен, что Императрице больше понравилось бы, если бы я остался в монастыре.

– Да ей плевать, – презрительно заявил громила и принял прежнюю позу.

Леди Гейсен проскрежетала:

– Ты должна поговорить с ней, Фелисин! Пусть попросит за нас! У меня есть богатые друзья...

Громила заворчал и расхохотался.

– Ты глянь в начало шеренги, карга, там и найдёшь своих богатеньких друзей!

Фелисин только покачала головой. «Поговорить с ней», как же. Прошли уже месяцы. Даже когда отец умер – ни слова.

Воцарилась тишина, углубилась и стала почти такой же нерушимой, как и до этого неожиданного всплеска разговорчивости, но затем бывший жрец откашлялся, сплюнул и пробормотал:

– Не стоит искать спасения у женщины, которая просто исполняет приказы, миледи, и не важно, что она – сестра этой девочки...

Фелисин поморщилась и гневно посмотрела на бывшего жреца.

– Ты что, воображаешь...

– Он ничего не воображает, – проворчал громила. – Забудь о крови, о том, что она там должна значить, по-твоему. Это работа Императрицы. Может, ты думаешь, что это личное, может, тебе так приходится думать, учитывая, кто ты такая...

– Кто я такая? – Фелисин хрипло расхохоталась. – Какой из Домов считает тебя родичем?

Громила ухмыльнулся.

– Дом Позора. И что с того? Твой-то выглядит ничуть не менее потрепанным.

— Я так и думала, — заявила Фелисин, с трудом оставив без внимания справедливость последнего замечания. Она покосилась на стражников. — Что происходит? Почему мы до сих пор сидим здесь?

Бывший жрец снова сплюнул.

— Час Жажды миновал. Толпу снаружи надо организовать. — Он посмотрел на Фелисин из-под тяжёлых бровей. — Крестьян надо раззадорить. Мы — первые, девочка, и должны стать примером на будущее. То, что творится здесь, в Унте, должно потрясти всех благородных в Империи.

— Чушь! — возмутилась леди Гейсен. — С нами будут обращаться достойно. Императрица обязана обращаться с нами достойно..

Громила хмыкнул в третий раз — это он так смеётся, поняла Фелисин, — и сказал:

— Если бы глупость считалась преступлением, миледи, вас бы арестовали много лет назад. Хряк прав. Не многие из нас доберутся до кораблей. Этот парад по Колонному проспекту превратится в кровавую баню. И учти, — добавил он, поглядывая на стражников, — старик Бодэн не допустит, чтобы его разорвала в клочья толпа крестьян.

Фелисин почувствовала, что в животе у неё шевельнулся настоящий ужас.

— Не возражаешь, если я буду держаться поближе к тебе, Бодэн?

Громила посмотрел на неё сверху вниз.

— Слишком ты пухленькая, как на мой вкус. — Он отвернулся, а затем проговорил: — Но делай, что пожелаешь.

Бывший жрец наклонился поближе.

— Если подумать, девочка, это ваше соперничество не из тех, где вздыбливают хвосты да царапаются когтями. Скорей всего, твоя сестра хочет убедиться, что ты..

— Она теперь — адъютант Тавор, — отрезала Фелисин. — Она мне больше не сестра. Она отреклась от своего Дома по зову Императрицы.

— Пусть так, но сдаётся мне, это дело личное.

Фелисин нахмурилась.

— Тебе-то откуда знать?

Старик отвесил насмешливый полупоклон.

— Был некогда вором, затем — жрецом, теперь стал историком. Мне хорошо известно, в каком напряжённом положении оказались благородные дома.

Фелисин от удивления широко раскрыла глаза и тотчас выругала себя за глупость. Даже Бодэн, который, разумеется, всё услышал, наклонился поближе и внимательно на них посмотрел.

— Геборик, — заявил он. — Геборик Лёгкая Рука.

Геборик вскинул руки.

— Да легче некуда.

— Ты написал ту переименованную хронику, — проговорила Фелисин. — Совершил измену...

Жёсткие брови Геборика поднялись в притворном ужасе.

— Боги упасите! Философское расхождение во взглядах, ничего больше! Так сам Дукер сказал на суде — в мою защиту сказал, благослови его Фэнер.

— Да только Императрица его не слушала, — ухмыльнулся Бодэн. — Ты ведь сперва обозвал её убийцей, а потом ещё набрался наглости заявить, что она провалила работу!

— Запрещённые книги читаешь, да?

Бодэн заморгал.

— Так или иначе, — продолжил Геборик, обращаясь к Фелисин, — я бы предположил, что твоя сестра, адъюнкт, побеспокоится о том, чтобы ты добралась до корабля живой. Исчезновение твоего брата в Генабакисе привело к смерти вашего отца... Так говорят, — добавил он с ухмылкой. — Но именно слухи об измене по-настоящему пришпорили твою сестру, верно? Нужно очистить родовое имя и тому подобное...

— По-твоему, всё выходит почти разумно, Геборик, — ответила Фелисин. В её голосе прозвучала горечь, но девушке было уже всё равно. — Мы разошлись во мнениях с Тавор, и вот — взгляни на результат.

— В мнениях о чём именно?

Фелисин промолчала.

Вдруг шеренга пришла в движение. Стражники вытянулись во фронт и обернулись к Западным воротам. Фелисин побледнела, когда увидела свою сестру — адъюнкта Тавор, сменившую Лорн, которая погибла в Даруджистане. Тавор ехала на собственном жеребце, лучшем из лучших конюшен Дома Паранов. Рядом, как обычно, виднелась Ян'тарь, красивая молодая женщина с гривой длинных рыжеватых волос, которые оправдывали такое имя. Откуда она родом, не знал никто, но теперь Ян'тарь стала личной помощницей Тавор. Вслед за ними на плац въехали несколько офицеров и рота тяжёлой кавалерии. Солдаты выглядели причудливо, как чужаки.

— Какая ирония, — пробормотал Геборик, разглядывая всадников.

Бодэн склонил голову и сплюнул.

– Красные Клинки, задохлики ублюдочные.

Историк удивлённо покосился на него.

– А тебя профессия поводила по свету, а, Бодэн? Видел даже морские стены Арэна, не так ли?

Громила недовольно поёжился, затем пожал плечами.

– Довелось постоять на палубе-другой, хряк. К тому же, – добавил он, – в городе о них судачат уже больше недели.

Отряд Красных Клинков выстроился, и Фелисин увидела, как латные рукавицы сжимаются на рукоятях мечей, остроконечные шлемы поворачиваются – все как один – к адъюнкту. Сестрица Тавор, неужели исчезновение нашего брата так глубоко тебя ранило? Каким же ужасным тебе кажется его неверность, если ты решила заплатить за неё такую цену.. а потом, чтобы показать свою абсолютную преданность, ты выбирала между мной и мамой – кого назначить символической жертвой. Неужели ты не понимала, что Худ стоит на распутье той дороги, что ведёт к любому из этих решений? Мама, по крайней мере, теперь со своим возлюбленным мужем.. Фелисин смотрела, как Тавор быстро проинспектировала свою охрану, а затем что-то сказала Ян'тари, которая повернула свою лошадь к Восточным воротам.

Бодэн снова хмыкнул.

– Не зевай! Сейчас начнётся бесконечный час.

..Одно дело – обвинить Императрицу в убийстве, и совсем другое – предсказать её следующий шаг. Если бы только они прислушались к моим словам. Геборик поморщился, шаркая по мостовой, – кандалы больно врезались в лодыжки.

Люди цивилизованные во всей красе продемонстрировали свою мягкотелость – изнеженность и чувствительность стали отличительными признаками благородного происхождения. Таким людям жилось легко, безопасно, и в этом было всё дело: они стали живым символом непоказного изобилия, которое жгло нутро бедным ничуть не меньше, чем явная демонстрация богатства.

Геборик это прямо сказал в своём трактате и теперь не мог подавить горькое восхищение перед Императрицей и адъюнктом Тавор, которую Ласин назначила своим инструментом в этом деле. Показная жестокость полуночных арестов – двери выламывали, людей вытаскивали из постелей под вой перепуганных слуг – породила первый уровень потрясения. Осоловевших от недосыпа благородных господ скрутили, заковали в кандалы и привели на суд пьяного магистрата и присяжных – нищих, которых притащили с соседней улицы. Это была смачная и наглядная пародия на правосудие, которая убила последнюю надежду на вежливое обращение – сорвала весь налёт цивилизации, оставив только хаос и дикость.

Потрясение накладывалось на потрясение, разрезало это нежное подбрюшье. Тавор знала себе подобных, знала их слабости – и безжалостно использовала. Что же может довести человека до такой жестокости?

Услышав новости, бедняки наводнили улицы, кричали от восторга и восхищения своей Императрицей. Затем последовали аккуратно подготовленные беспорядки, мародёрство и убийства, толпа прокатилась по кварталу Знати, выискивая тех немногих высокородных господ, которых не стали арестовывать – ровно столько, чтобы утолить жажду крови, дать толпе лица, на которых можно было бы выместить ярость и ненависть. Затем последовало восстановление порядка, чтобы город не сожгли.

Императрица очень редко совершала ошибки. Она воспользовалась ситуацией, дабы схватить независимых учёных и недовольных, чтобы сжать столицу в железном кулаке армии, провозглашая необходимость увеличить численность войск, набрать новых рекрутов, усилить защиту от предательских заговоров знати. Отошедшие короне богатства позволили расплатиться за прирост армии. Этот изысканный ход – пусть и повторяемый – был использован во всех провинциях, подкреплённый силой Императорского эдикта, и в каждом городе теперь набухал жестокий гнев толпы.

Горькое восхищение. Геборику снова и снова хотелось сплунуть, а ведь он не делал этого со дней юности, когда был ещё только простым карманником в Мышином квартале города Малаза. Он видел потрясение, написанное на большинстве лиц в шеренге узников. Это были лица людей в ночных рубашках, грязных и мокрых от пребывания в темнице, так что у закованных не осталось даже самой простой защиты – обычной одежды. Растрёпанные волосы, ошеломлённые выражения лиц, неестественные позы – всё, что только мечтала увидеть толпа за стенами Круга, всё, что она мечтала растоптать...

«Добро пожаловать на улицы, – подумал Геборик, когда стражники заставили шеренгу двинуться вперёд под взглядом адъюнкта, которая восседала в седле – прямая, как палка, с таким напряжённым лицом, что от него остались одни чёрточки – прорезь глаз, складки по бокам тонкогубого рта, – проклятье, да ей ведь красоты не отсыпали при рождении, верно?» Все взгляды привлекала к себе младшая сестра, девчонка, которая теперь ковыляла на шаг впереди.

Глаза Геборика впились в адъюнкта Тавор с любопытством, с вниманием – может быть, даже с проблеском зловещего удовольствия – и вот её ледяной взор, пробегая по шеренге, на кратчайший миг задержался на сестре. Но только на миг, знак узнавания – ничего больше. Взгляд Тавор двинулся дальше.

Стражники распахнули Восточные ворота в двух сотнях шагов впереди, перед первыми узниками. Под сводами древней арки прокатился рёв, волна звука, которая врезалась в стражников и заключённых, отразилась от стен и взлетела к небесам вместе со стайкой перепуганных голубей. Хлопанье крыльев опустилось вниз, словно вежливые аплодисменты, хотя Геборику показалось, что никто, кроме него, не заметил этой иронии богов. Он не сдержался и отвесил лёгкий поклон.

Пусть Худ подавится своими проклятыми секретами. Вот, Фэнер, старый ты хряк, никуда от тебя не денешься. Так смотри же, что будет с твоим беспутным сыном.

Что-то в душе Фелисин ещё сопротивлялось безумию, отчаянно боролось с неодолимым водоворотом. Солдаты стояли вдоль всего Колонного проспекта в три ряда, но толпа снова и снова находила слабые места в ошестинившейся копьями стене. Фелисин словно со стороны видела тянущиеся к ней руки, занесённые и опускающиеся на неё кулаки, размытые лица, выныривающие из водоворота, чтобы плюнуть в неё. И так же, как в душе Фелисин держался последний бастион сознания, её обороняли крепкие руки – руки без кистей, испещрённые гноящимися шрамами культи, которые обхватили девушку и подталкивали вперёд, только вперёд. Никто не тронул жреца. Никто не осмелился. А впереди шагал Бодэн – страшней, чем сама толпа.

Он убивал легко. Презрительно отбрасывал в сторону тела, ревел, подзывал жестами, манил. Даже солдаты в гранёных шлемах вновь и вновь смотрели на него, вздрагивали от его оскорблений, сжимали руки на пиках или рукоятках мечей.

Хочущий Бодэн, нос которому разбил метко брошенный кирпич, Бодэн, от которого отскакивали камни, Бодэн в изорванной тунике, мокрой от крови и слюны. Любое тело, которое оказывалось рядом с ним, громила хватал, скручивал и ломал. Он задерживался, только когда что-то случалось впереди – расступались солдаты или вот когда потеряла сознание леди Гейсен. Тогда он подхватил её под руки и бесцеремонно швырнул вперёд, не переставая сквернословить.

Волна страха катилась перед ним, капля ужаса, которая отразилась, вернулась обратно к толпе. Нападать стали реже, хотя кирпичи летели по-прежнему: большинство мимо, но некоторые попадали в цель.

Марш через город продолжался. В ушах у Фелисин стоял болезненный звон. Она слышала всё сквозь этот глухой звук, но глаза видели ясно, искали и находили – слишком часто – образы и картины, которые она никогда не забудет.

Узники уже видели ворота, когда случилось самое жестокое нападение. Солдаты словно растворились, и волна дикого голода выплеснулась на улицу, охватывая заключённых.

Фелисин улышалась, как за спиной Геборик сдавленно пробормотал:

– Вот и он.

Бодэн заревел. Вокруг сомкнулся круг тел – руки рвут на куски, ногти впиваются в плоть. С Фелисин сорвали последние обрывки одежды. Чья-то рука ухватила её за волосы, дёрнула, пытается сломать шею. Фелисин услышала отчаянный крик и поняла, что он вырвался из её собственного горла. Звериный рык послышался сзади, она почувствовала, как рука судорожно сжалась, а затем исчезла. В уши хлынул новый крик.

Их подхватила волна, повела или потащила — Фелисин и сама не знала — и тут в поле зрения попало лицо Геборика, тот сплюнул на землю обрывок окровавленной кожи. Вдруг вокруг Бодэна появилось пустое пространство. Громила пригнулся, поток портовых ругательств срывался с его разбитых губ. Правое ухо ему оторвали — вместе с волосами, кожей и плотью. Обнажившаяся височная кость влажно поблёскивала. Вокруг лежали искорёженные тела, лишь немногие подавали признаки жизни. У ног громилы лежала леди Гейсен. Бодэн схватил её за волосы и поднял так, чтобы всем было видно лицо. Фелисин показалось, что время замерло и весь мир сжался до этого крошечного пятка.

Бодэн оскалил зубы и рассмеялся.

— Я вам не сопливый дворянчик, — прорычал он в толпу. — Чего хотите? Хотите крови знати?

Толпа завывала, вперёд потянулись жадные руки. Бодэн снова захохотал.

— Мы пройдем, слышали меня? — Он выпрямился, поднимая леди Гейсен за волосы.

Фелисин не могла понять, в сознании старуха или нет. Глаза её были закрыты, на лице застыло умиротворённое выражение — почти юное — под слоем грязи и разводами синяков. Наверное, она умерла. Фелисин молила богов, чтобы это было так. Что-то сейчас случится, что-то сосредоточит весь этот кошмар в одном-единственном образе. Воздух звенел от напряжения.

— Она ваша! — заорал Бодэн. Другой рукой он ухватил Гейсен за подбородок и одним движением повернул голову назад. Шея хрустнула, а тело обвисло, подёргиваясь. Бодэн накинул ей на шею цепь. Натянул потуже и начал пилить. Показалась кровь, и цепь стала похожа на разодранный шарф.

От ужаса Фелисин не могла отвести глаз.

— Смилуйся, Фэнер, — прошептал Геборик.

Толпа поражённо замолкла, даже жажда крови покинула её, люди отступили. Появился солдат без шлема; не сводя глаз с Бодэна, он сделал шаг, другой и остановился. За ним над толпой показались островерхие шлемы и широкие мечи Красных Клинков, которые медленно прокладывали дорогу к месту.

Всё замерло, двигалась только цепь. Никто не дышал, только Бодэн всхрипывал от натуги. Если беспорядки и бушевали где-то, то наверняка за тысячу лиг отсюда.

Фелисин смотрела, как голова женщины дёргается вперёд и назад, словно в насмешку над живыми движениями. Она вспомнила леди Гейсен, надменную, властную, утратившую былую красоту и искавшую взамен достоинство. А можно ли было иначе? Можно, но сейчас это не имеет значения. Даже окажись она мягкой, доброй бабушкой, это было бы не важно, никак не повлияло бы на оглушительный ужас этого мгновения.

С чавкающим звуком голова отвалилась. Бодэн посмотрел на толпу, и его зубы блеснули.

— Мы договаривались, — прохрипел он. — Вот вам то, чего хотели, — запомните этот день! — Он швырнул голову леди Гейсен в толпу, ком спутанных волос и потёков крови. Вопли ознаменовали её невидимое приземление.

Появились солдаты, за ними возвышались конные Красные Клинки — медленно двинулись вперёд, отталкивая онемевших горожан. Порядок восстанавливали по всей длине шеренги — всюду, но только не здесь, жестоко, беспощадно. Когда под ударами мечей упали первые люди, остальные разбежались.

Через ворота Круга прошло около трёх сотен узников. Фелисин посмотрела на шеренгу и впервые заметила, сколько их осталось. Кое-где кандалы были пусты, в других местах цепи продолжали держать только оторванные запястья. Меньше сотни узников ещё стояли на ногах. Многие корчились на мостовой, кричали от боли; остальные вовсе не шевелились.

Бодэн покосился на ближайшую группу солдат.

— Вовремя вы подоспели, жестянки.

Геборик тяжело сплюнул. Его лицо подёргивалось, когда он уставился на громилу.

— Ты вообразил, что откупишься, Бодэн? Дашь им то, что они хотят. Да только всё зря, да? Солдаты уже шли сюда. Она могла бы жить...

Бодэн медленно обернулся, его лицо покрывала кровавая корка.

— Ради чего, жрец?

— Так ты рассуждаешь? Мол, она бы всё равно умерла в трюме?

Бодэн оскалился и медленно проговорил:

— Просто ненавижу договариваться с ублюдками.

Фелисин посмотрела на три фута цепи между собой и Бодэном. Тысяча мыслей могла бы пробежать в голове, звено за звеном — чем она была, чем теперь стала; какую темницу нашла внутри и снаружи, сплела живой памятью, — но она подумала и сказала только:

— Больше ни с кем не договаривайся, Бодэн.

Он прищурился, глядя на неё. Эти слова и тон каким-то образом задели его.

Геборик выпрямился и смерил её взглядом. Фелисин отвернулась — отчасти из чувства противоречия, отчасти от стыда.

В следующий миг солдаты, которые уже убрали из цепей мертвецов, погнали живых узников вперёд, в ворота, на Восточную дорогу, ведущую к портовому

городку под названием Неудачник. Там их ждали адъютант Тавор и корабли работоторговцев из Арэна.

Крестьяне и фермеры столпились у дороги, но не выказывали и тени той ярости, которая кипела в сердцах горожан. В их лицах Фелисин увидела глухую скорбь, страсть, порождённую иными шрамами. Девушка не могла понять, откуда взялась эта скорбь, и знала, что в том-то и состоит различие между ними. И ещё – синяки, царапины, беспомощность и нагота говорили Фелисин, что это лишь первый из уроков, которые ей придётся выучить.

Книга первая

Рараку

У ног моих он плыл,

Могучими руками загребая

Песок текучий.

Спросил я: «По какому

Плывёшь ты морю?»

На это он ответил:

«Я видел ракушки, и панцири, и кости

В пустыне на песке,

Поэтому плыву по памяти земли,

Так что её я прошлое».

«Далёко ль держишь путь?» – спросил я.

Ответил он: «Не знаю сам.

Ведь утону задолго до того,

Как доберусь до цели».

Тэни Бьюл. Речи шута

Глава первая

И все пришли, чтоб оставить

Свой след

На пути,

Вдохнуть сухие ветра,

Заявить права на

Восхождение.

Мессремб. Тропа Ладоней

1164-й год Сна Огни

Десятый год правления императрицы Ласиин

Шестой из Семи годов Дриджны, Апокалипсиса

Исполинский плюмаж из пыли пронёсся по долине и направился дальше в непроходимые пустоши Пан'потсун-одан. Хотя до этой воронки было не больше пары сотен шагов, казалось, она появилась из ниоткуда.

Со своего места на вершине плоского холма Маппо Рант проводил её взглядом глаз цвета песка – глаз, глубоко сидевших на костистом бледном лице. Ладонью, что была покрыта с тыльной стороны щетиной, он сжимал кусочек кактуса-эмрага и не обращал ни малейшего внимания на впившиеся в кожу ядовитые шипы. Потёки сока окрасили его подбородок в голубой цвет. Маппо жевал медленно, задумчиво.

Рядом с ним Икарий швырнул камешек с края гряды. Тот прогрохотал вниз, до усыпанного валунами подножия. Под изорванным балахоном духовидца – когда-то оранжевым, а теперь выцветшим до цвета ржавчины под немеркнущим солнцем – серая кожа потемнела и стала оливковой, будто древняя кровь отца Икария откликнулась на зов этой пустыни. Пот стекал по длинным, заплетённым в косицы чёрным волосам и падал крупными каплями на белёдые камни.

Маппо вытащил застрявший между передними зубами шип.

– Краска у тебя потекла. – Он поглядел на кактус и откусил ещё кусок.

Икарий пожал плечами.

— Уже не важно. Здесь — не важно.

— Даже моя слепая бабушка не поверила бы в твой маскарад. На нас косо смотрели в Эрлитане. Я днём и ночью чувствовал спиной взгляды. Таннойцы всё-таки, по большей части, — низенькие и кривоногие. — Маппо оторвал взгляд от пыльного облака и оглядел друга. — В следующий раз попытайся выбрать племя, где все ростом в семь футов, — проворчал он.

Иссечённое морщинами лицо Икария на миг сложилось в улыбке, в намёке на улыбку, а затем снова приобрело обычное спокойное выражение.

— Те, кто может опознать нас в Семи Городах, уже опознали, а кто не может — пусть гадают, на большее они не способны. — Прищурившись против солнца, он кивнул в сторону песчаного вихря. — Что видишь, Маппо?

— Плоская голова, длинная шея, чёрный, весь порос шерстью. Кабы только это, был бы похож на одного из моих дядек.

— Но это не всё.

— Одна нога спереди, две — сзади.

Икарий задумчиво постучал пальцем по горбинке носа.

— Значит, не один из твоих дядек. Аптор?

Маппо медленно кивнул.

— До схождения всего несколько месяцев. Думаю, Престол Тени почуял что-то и выслал разведчиков.

— Но этот аптор?

Маппо ухмыльнулся так, что показались мощные клыки.

— Далековато забрался. Теперь служит Ша'ик.

Он доел кактус, вытер широченные ладони и поднялся. Потянулся, выгнув спину и поморщился. Прошлой ночью под его спальным мешком обнаружилось бесчётное множество скрытых в песке корней, и теперь мускулы по обе стороны хребта в точности повторяли узор этих костяных пальцев несуществующих деревьев. Маппо потёр глаза. Глянул на себя и обнаружил изорванную, покрытую коркой грязи одежду. Он вздохнул.

— Говорят, где-то здесь должен быть колодец...

— У которого разбила лагерь армия Ша'ик.

Маппо недовольно хмыкнул.

Икарий тоже выпрямился и в который раз отметил огромные размеры своего спутника — большого даже по меркам треллей — широкие, поросшие чёрным

волосом плечи, мускулистые длинные руки. И тысячелетия, что пронеслись перед глазами Маппо с резвостью лани.

— Можешь его выследить?

— Если захочешь.

Икарий скривился.

— Как давно мы знакомы, друг мой?

Маппо ответил насторожённым взглядом, затем пожал плечами.

— Давно. А что?

— Я умею распознать нежелание в голосе. Тебя тревожит то, что может случиться?

— Любая возможная стычка с демонами меня тревожит, Икарий. Труслив, как заяц, этот трелль Маппо.

— Я спросил из любопытства.

— Я знаю.

Странная пара вернулась к крошечному лагерю, который разбила между двумя высокими, обтёсанными ветром скалами. Они не спешили. Икарий присел на плоский камень и продолжил натирать маслом свой длинный лук, чтобы роговая древесина не ссохлась. Закончив с этим, он взялся за палаш — вытащил старинное оружие из украшенных бронзовыми пластинами ножен и стал прожигиваться точилом по иззубренному лезвию.

Маппо толчком опрокинул палатку из шкур, небрежно свернул её и засунул в свой большой кожаный мешок. За палаткой последовали спальники и нехитрая посуда. Трелль затянул тесёмки, повесил мешок на плечо и взглянул на Икария, который уже завернул лук в ткань, забросил за спину и теперь дожидался друга.

Икарий кивнул, и оба — яггут-полукровка и чистокровный трелль — зашагали по тропинке, ведущей в долину.

На небе ярко светили звёзды, их сияния хватало, чтобы покрыть растрескавшуюся поверхность долины налётом серебра. Вместе с дневной жарой пропали и кровные слепни, уступив власть над ночью немногочисленным роям накидочников и похожим на летучих мышей ящерицам-ризанам, что ими питались.

Икарий и Маппо устроили привал на широком дворе посреди каких-то развалин. Стены из глинобитного кирпича почти рассыпались, остались лишь не доходившие до колена гребни, выложенные геометрически правильными узорами вокруг высохшего колодца. Плиты двора покрывал мелкий,

принесённый ветром песок, который, как показалось Маппо, тускло мерцал. Жухлый скрэб цеплялся за трещины перекрученными корнями.

В Пан'потсуне и священной пустыне Рараку, которая примыкала к одану с запада, было немало таких памятников давно исчезнувших цивилизаций. По пути Икарий и Маппо натыкались на высокие телли — холмы с плоскими вершинами, образовавшиеся из многих слоёв древних городов, — расположенные один за другим лигах в пятидесяти между холмами и пустыней: явное свидетельство того, что когда-то богатый и процветающий народ жил на земле, которая стала теперь сухой, иссечённой ветрами пустошью. Из священной пустыни пришла и легенда о Дриджне — Апокалипсисе. Маппо подумал, насколько бедствие, постигшее жителей этих городов, повлияло на миф о суровой поре разрушений и смерти. За исключением немногих покинутых усадеб, вроде той, где путники сейчас устроили привал, развалины эти свидетельствовали о войне, грабежах и пожарах.

Маппо поморщился — его мысли двинулись по накатанной колее. Не все события прошлого можно разложить перед собой, и сейчас мы к ним не ближе, чем бывали раньше. И у меня нет причин не верить самому себе на слово. Как случилось и прежде, трелль отмахнулся от этих мыслей.

Неподалёку от центра двора возвышалась одинокая колонна из розового мрамора, покрытая выбоинами и подточенная там, где по ней неустанно хлестали ветры, что летели из Рараку к холмам Пан'потсун. На противоположной стороне колонны ещё сохранились спиральные ложбинки, вырезанные давно умершим каменщиком.

Как только путники вошли во двор, Икарий тотчас направился к шестифутовой колонне и стал рассматривать её со всех сторон. Он хмыкнул, и Маппо понял, что его друг нашёл то, что искал.

— И что на этой? — спросил трелль, сбрасывая с плеч кожаный мешок.

Икарий вернулся, отряхивая песок с рук.

— У самого основания — россыпь отпечатков, крошечные когтистые ладошки. Искатели на Тропе.

— Крысы? Больше одной пары?

— Д'иверс, — кивнул Икарий.

— И кто же это, хотел бы я знать?

— Вероятно, Гриллен.

— Хм-м, неприятно.

Икарий окинул взглядом плоскую равнину на западе.

— Придут и другие. Одиночники и д'иверсы. Те, кто уже близок к Восхождению, и те, кто от него далёк, но всё равно ищут Тропу.

Маппо вздохнул, глядя на своего старого друга. Призрачный ужас шевельнулся в его душе. Д'иверсы и одиночники, два проклятья оборотничества, неизлечимая хворь. Собираются... здесь. Идут сюда.

— Мудро ли это, Икарий? — мягко спросил трелль. — В поисках твоей вечной цели мы сейчас направляемся в самый центр пренеприятнейшего схождения. Если врата откроются, дорогу нам преградит армия кровожадных созданий, объединённых верой в то, что врата ведут к Восхождению.

— Если такой проход существует, — проговорил Икарий, не сводя глаз с горизонта, — возможно, я найду за ним ответы на свои вопросы.

Эти ответы не принесут тебе облегчения, друг. Поверь мне. Пожалуйста.

— Ты мне так и не объяснил, что собираешься делать, когда их получишь.

Икарий обернулся к другу и едва заметно улыбнулся.

— Я сам себе проклятье, Маппо. Я прожил сотни лет, но что я знаю о своём прошлом? Где мои воспоминания? Как я могу судить о собственной жизни без этого знания?

— Многие сочли бы твоё проклятье великим даром, — сказал Маппо, и по его лицу пробежала тень печали.

— Но только не я. Это схождение для меня — возможность. Оно способно дать мне ответы. Надеюсь, что сумею получить их, не прибегнув к оружию, но возьмусь за него, если придётся.

Трелль снова вздохнул — и поднялся.

— Боюсь, эту твою решимость скоро будут испытывать, друг. — Он взглянул на юго-запад. — По нашему следу идут шесть пустынных волков.

Икарий развернул роговой лук и одним текучим движением натянул тетиву.

— Пустынные волки не охотятся на людей.

— Точно, — согласился Маппо. До восхода луны оставался ещё целый час. Он увидел, как Икарий выложил перед собой шесть длинных стрел с каменными наконечниками, а затем прищурился, глядя во тьму. Холодный страх пополз вверх по шее. Волков ещё не было видно, однако трелль их чувствовал. — Их шестеро, но он один. Д'иверс.

Лучше бы это оказался одиночник. Превращаться в одного зверя — само по себе неприятно, а уж в нескольких сразу...

Икарий нахмурился.

— И — могучий, раз сумел принять облик шестерых волков. Не знаешь, кто бы это мог быть?

— Есть подозрение, — тихо проговорил Маппо.

Оба замолчали и стали ждать.

Полдюжины рыжеватых тел появились из неестественного сумрака в тридцати шагах от них. На расстоянии двадцати шагов волки рассыпались полукругом, не спуская глаз с Икария и Маппо. Пряный запах д'иверса заполнил ночной воздух. Один из поджарых зверей шагнул вперёд, но остановился, когда Икарий поднял лук.

— Не шестеро, — пробормотал Икарий, — но один.

— Я его знаю, — заявил Маппо. — Жаль только, он того же не может сказать о нас. Он не уверен, но принял охотничий облик. Сегодня ночью кровь в пустыне проливает Рилландарас. Интересно, он охотится за нами или за кем-то другим?

Икарий пожал плечами.

— Кто будет говорить первым, Маппо?

— Я, — ответил трелль и шагнул вперёд. Тут потребуются хитрость и коварство. Ошибка может стоить жизни. Он заговорил низким и хриплым голосом: — Далеконько от дому убежал, а? Твой брат, Трич, думал, что убил тебя. Где там была эта пропасть? В Дал-Хоне? Или в Ли-Хэне? Ты тогда был д'иверсом шакалов, помнится.

Рилландарас заговорил в сознании каждого из них голосом срывающимся и нетвёрдым, он очень давно им не пользовался:

— Меня мучает искушение посостязаться в острословии, прежде чем убить тебя, Н'трелль.

— Не стоит, — легко откликнулся Маппо. — Я странствую в такой компании, что, как и ты, давно не упражнялся в этом, Рилландарас.

Ярко-голубые глаза вожака метнулись к Икарию.

— Я не силен в острословии, — мягко проговорил яггут-полукровка едва слышным голосом, — но я теряю терпение.

— Глупо. Только обаяние и может спасти тебя. Скажи мне, лучник, ты уверяешь жизнь хитроумной лжи своего спутника?

Икарий покачал головой:

— Разумеется, нет. Я разделяю его мнение о себе.

Рилландарас был сбит с толку.

— Значит, вы странствуете вместе только ради выгоды. Спутники без доверия, без уверенности друг в друге. Ставки, должно быть, высоки.

— Мне становится скучно, Маппо, — заметил Икарий.

Шесть волков вдруг оцепенели, как один.

– Маппо Рант и Икарий. Ага, теперь мы понимаем. Знайте, что мы не питаем вражды к вам.

– Вот и сравнивались в остроловии, – заявил Маппо, и его ухмылка на миг стала шире, а затем вовсе исчезла. – Ищи добычу в другом месте, Рилландарас, иначе Икарий может оказать Тричу непрошеную услугу. – Иначе он обрушит на мир всё то, что я поклялся предотвратить. – Ты меня понимаешь?

– Наши дороги... сходятся там, – сказал д'иверс, – где пролёт след демона Тени...

– Уже не Тени, – возразил Маппо. – Это демон Ша'ик. Священная пустыня пробудилась.

– Похоже на то. Вы запретите нам охотиться за ним?

Маппо взглянул на Икария, который опустил лук и пожал плечами.

– Если хочешь скрестить клыки с аптором, это твоё дело. Наш интерес он привлёк лишь случайно.

– Значит, наши клыки вопьются в горло демону.

– Хочешь сделать Ша'ик своим врагом? – спросил Маппо.

Вожак склонил голову набок.

– Это имя мне ничего не говорит.

Оба путника смотрели, как волки отошли восвояси и вновь исчезли в магическом сумраке. Маппо осклабился, затем вздохнул, а Икарий кивнул и произнёс вслух то, что оба они подумали:

– Скоро скажет.

Виканские кавалеристы верещали и дико кричали от восторга, когда сводили своих крепких коней по трапу с грузового корабля. В имперской гавани Хиссара воцарился хаос: всюду толпились буйные кочевники обоих полов, тут и там поблёскивали над заплетёнными в косицы чёрными волосами и остроконечными шлемами железные наконечники копий. Со своего наблюдательного пункта у парапета припортовой башни Дукер[1] смотрел на эту диковатую иноземную армию с большой долей скепсиса и растущей тревогой.

Рядом с императорским историком стоял представитель Первого Кулака, Маллик Рэл; он сложил на пузе толстые мягкие руки цвета промасленной кожи и распространял вокруг сильный запах арэнских духов. Маллик Рэл был совершенно не похож на главного советника командира всех малазанских войск в Семи Городах. То, что жрец-джистал Старшего бога морей, Маэля, должен был официально передать приветствие от Первого Кулака новому

Кулаку Седьмой армии, было именно тем, чем казалось: хорошо рассчитанным оскорблением. Впрочем, поправил себя Дукер, этот человек очень быстро занял высокое положение среди имперских игроков на этом континенте. Среди солдат из уст в уста передавались тысячи слухов о гладком, спокойном жреце и власти, которую он приобрёл над Первым Кулаком Пормквалем, но всё это говорилось исключительно шёпотом, поскольку путь Маллика к должности советника Пормкваля сопровождался таинственными и необъяснимыми несчастьями, которые постигали всякого, кто мешал ему, и несчастья эти, как правило, приводили к смерти.

Политическая трясина, в которой увязли малазанцы, оккупировавшие Семь Городов, была непроглядной и смертельно опасной. Как Дукер подозревал, новый Кулак мало что поймёт в принятых здесь завуалированных знаках презрения, поскольку недостаточно разбирается в нюансах этикета, принятого среди более приспособившихся граждан Империи. Таким образом, перед историком стоял один вопрос: как долго Колтейн из Вороньего клана проживёт на новом посту.

Маллик Рэл сложил пухлые губы и медленно вздохнул.

— Историк, — тихо проговорил он со своим пришепетывающим гедорско-фаларским акцентом. — Рад твоему присутствию. Равно и заинтригован. Далеко же от двора в Арэне ты теперь... — Жрец улыбнулся, но не показал выкрашенные зелёной краской зубы. — Осторожность, порождённая дальней отбраковкой?

Слова катятся, будто волны, бесформенное жеманство и коварное терпение морского бога Мазля. Это мой четвёртый разговор с Рэлом. Ох, как же я не люблю это создание! Дукер откашлялся.

— Императрица уделяет мне мало внимания, джистал...

Тихий смех Маллика прошелестел, словно погремушка на хвосте змеи.

— Внимания к историку или внимания к истории? Тень обиды из-за совета отвергнутого или, того хуже, незамеченного. Себя успокой, преступления не вылетают из башен Унты.

— Рад это слышать, — пробормотал Дукер, гадая, откуда жрец всё это узнал. — Я остался в Хиссаре с исследовательской целью, — объяснил он через некоторое время. — Практика ссылки узников в отатараловые рудники на острове уходит корнями во времена Императора, хотя он обычно приберегал эту судьбу для магов.

— Магов? Так-так.

Дукер кивнул.

— Эффективно, да, но и непредсказуемо. Точные свойства отатарала как руды, подавляющей магию, остаются по большей части неизвестными. Тем не менее безумие одолело большинство этих чародеев, хотя и неведомо, стала тому причиной отатараловая пыль или невозможность коснуться своего Пути.

— Несколько магов среди следующей партии рабов?

– Несколько.

– Тогда вопрос отвечен быстро.

– Быстро, – согласился Дукер.

Т-образную пристань захлестнула волна воинственных виканцев, перепуганных портовых рабочих и раздражительных боевых коней. В начале пристани у полукруглой мощёной площади пробкой в горлышке стоял кордон хиссарской стражи. Стражники – родом из Семи Городов, – подняв круглые щиты и обнажив тальвары, [2] грозили широкими изогнутыми клинками виканцам, которые отбрехивались подначками.

К парапету подошли двое. Дукер приветственно кивнул. Маллик Рэл не удосужился заметить ни бывшего капитана, ни последнего выжившего кадрового мага Седьмой. Оба явно занимали слишком низкие посты, чтобы жрецу стоило их окучивать.

– Знаешь, Кальп, – сказал Дукер приземистому седовласому чародею, – ты, кажется, очень вовремя.

Узкое, обожжённое солнцем лицо Кальпа скривилось в невесёлой ухмылке.

– Я сюда сбежал, чтобы мясо на костях удержать, Дукер. Не желаю становиться тем мешковатым ковриком, с которого Колтейн шагнёт прямо на свой пост. Это всё его люди, в конце концов. То, что он ни Худа не сделал, чтобы подавить грядущую драку, – это дурной знак.

Капитан согласно заворчал.

– Это ж кол в горле! – буркнул он. – Половина местных офицеров первую кровь увидела, когда дралась с этим ублюдком Колтейном, а теперь вот он, явился, чтобы принять командование. Худовы костяшки! – Капитан сплюнул. – Никто и слезинки не уронит, если хиссарская стража прирежет Колтейна и всех его виканских дикарей прямо на причале. Седьмой они не нужны.

– Истинны, – полуприкрыв глаза, сказал Дукеру Маллик Рэл, – угрозы восстания. Континент здесь – гадюк гнездо. Колтейн – выбор странный...

– Не такой уж и странный, – заметил Дукер, пожимая плечами.

Он снова сосредоточил внимание на происходившем внизу. Виканцы в начале причала принялись расхаживать туда-сюда перед закованным в броню кордоном. До начала полномасштабной битвы оставались считанные секунды – бутылочное горлышко станет полем смерти. Историк почувствовал холодный ком в животе, когда увидел, что многие виканцы уже натягивают тетиву на роговые луки. По улице, справа от главной колоннады, подошла ещё рота стражников с пиками.

– Можешь объяснить? – поинтересовался Кальп.

Дукер обернулся и с удивлением обнаружил, что все трое внимательно смотрят на него. Историк припомнил своё последнее замечание и снова пожал плечами.

— Колтейн объединил виканские племена для восстания против Империи. Императору нелегко было совладать с ним — это некоторые из вас знают по личному опыту. В полном соответствии с привычками старого Императора, тот сумел завоевать преданность Колтейна...

— Как? — ахнул Кальп.

— Никто не знает. — Дукер улыбнулся. — Император редко объяснял причины своих успехов. Как бы там ни было, поскольку императрица Ласиин не слишком-то любила избранных полководцев своего предшественника, Колтейн до сих пор гнил где-то в глухомани в Квон-Тали. Теперь ситуация изменилась. Адъюнкт Лорн убита в Даруджистане, Первый Кулак Дуджек и его армия поднимают мятеж и фактически сдают всю кампанию на Генабакисе, а здесь, в Семи Городах, приближается Год Дриджны, предречённый год восстания. Ласиин нужны умелые военачальники, пока положение не вышло из-под контроля. Новая адъюнкт — Тавор — ещё не прошла проверку. Поэтому...

— Колтейн. — Капитан кивнул и нахмурился пуще прежнего. — Послан сюда, чтобы взять под командование Седьмую и подавить восстание...

— В конце концов, — сухо заметил Дукер, — кто лучше сумеет подавить мятеж, чем воин, который сам был мятежником?

— Коль будет бунт, малы его шансы, — проговорил Маллик Рэл, не сводя глаз с происходящего на причале.

Дукер увидел, как блеснули тальвары, заметил, что виканцы откатились и обнажили свои длинные ножи. Кажется, дикари нашли себе предводителя — высокого грозного воина с фетишами, вплетёнными в длинные косы: он теперь ревел, подбадривая других и потрясая оружием над головой.

— Худ! — выругался историк. — Да где же этот Колтейн?

Капитан хохотнул.

— Вон тот, высокий, с одним длинным ножом.

Глаза Дукера округлились. Этот сумасшедший — Колтейн? Новый Кулак Седьмой?

— Ни капельки не изменился, как я погляжу, — продолжил капитан. — Если хочешь сохранить голову на плечах среди всех этих кланов, нужно быть более злобным, чем все остальные, вместе взятые. Почему, думаешь, он так нравился старому Императору?

— Храни нас Беру, — с ужасом прошептал Дукер.

Вздых спустя, пронзительный вопль Колтейна заставил всех виканцев замолчать. Клинки скользнули обратно в ножны, луки опустелись, стрелы вернулись в колчаны. Даже норовистые, злобные кони замерли, подняв головы

и наострив уши. Пустое пространство образовалось вокруг Колтейна, который повернулся спиной к стражникам. Высокий воин взмахнул рукой, и четверо на башне увидели, как в полной тишине каждую лошадь аккуратно оседлали. Меньше чем через минуту виканцы были уже в седлах и выстроили коней в плотный строй, который мог бы соперничать с парадным построением имперских элитных кавалеристов.

— Вот это, — сказал Дукер, — было сделано великолепно.

Маллик Рэл тихонько вздохнул.

— Дикарское поведение, звериное чувство брошенного вызова, затем презрение. Послание стражникам. Нам тоже?

— Колтейн — хитрый змей, — сказал капитан, — если ты об этом спрашиваешь. И если высшее командование в Арэне считает, что его легко будет обвести вокруг пальца, их ждёт неприятный сюрприз.

— Великодушное предупреждение, — поблагодарил Рэл.

Капитан выглядел так, будто проглотил нечто острое, и Дукер понял: тот говорил, не подумав о положении, которое жрец занимает в высшем командовании.

Кальп откашлялся.

— Он их выстроил для марша — думаю, дорога до казарм окажется мирной, как ни странно.

— Признаюсь, — с сухой иронией заметил Дукер, — я с нетерпением жду встречи с новым Кулаком Седьмой.

Не сводя глаз под тяжёлыми веками с пирса, Рэл кивнул.

— Согласен.

Оставив позади острова Скара, рыбацкий баркас двинулся на юг и вышел в море Кансу. Его треугольный парус надулся и поскрипывал. Если ветер продержится, можно будет добраться до Эрлитанского побережья часа за четыре. Скрипач нахмурился сильнее. Эрлитанское побережье, Семь Городов. Ненавижу этот треклятый континент. И в первый-то раз его возненавидел, а теперь и подавно. Он перегнулся через планширь и сплюнул в тёплые зелёные волны.

— Тебе полегчало? — спросил с носа Крокус, и на его загорелом молодом лице отразилась искренняя забота.

Старому сапёру захотелось прямо по этой роже и съездить; однако он лишь невнятно заворчал и снова привалился к борту.

Смех Калама загремел от руля.

– Скрипач с водой не в ладах, парень. Глянь на него – зеленей, чем твоя летучая мартышка.

Рядом со щекой Скрипача кто-то сочувственно засопел. Он приоткрыл покрасневший глаз и увидел маленькое, сморщенное личико.

– Проваливай, Моби, – прохрипел Скрипач.

Фамилиар, который прежде служил дяде Крокуса, Маммоту, теперь, кажется, прикипел душой к сапёру, как частенько делали бездомные собаки и кошки. Калам бы, конечно, сказал, что всё наоборот.

– Враньё, – прошептал Скрипач. – Врать-то Калам умеет.. Проторчали целую растреклятую неделю в Руту-Джелбе из надежды, что в гавань зайдёт скрейский торговец. «Поплывём с удобством, а, Скрип?» Словно и не переплывали растреклятый океан, о нет – и это тоже всё должно было быть «с удобством». Целую неделю в Руту-Джелбе, кирпичной выгребной яме, где, куда ни глянь, одни ящерицы, и что в итоге? Восемь джакат за этот напополам распиленный пивной бочонок, где дырка пробкой заткнута.

Ровная качка усыпила Скрипача за несколько часов. Его память обратилась к невыносимо длинному странствию, которое привело их сюда, и к невыносимо долгому странствию, что ждало их впереди. Никогда мы не ищем лёгких путей, верно?

Скрипач не возражал бы, если бы вообще все моря высохли. Человеку даны ноги, а не плавники. И даже так нам ещё нужно пройти по суше – через полную мух пустошь, где люди улыбаются, только чтобы объявить, что сейчас тебя прирежут.

День тянулся дальше – зеленоватый и покачивающийся.

Скрипач подумал о товарищах, которые остались в Генабакисе, и пожалел, что не смог отправиться в путь с ними. На религиозную войну. Этого не забывай, Скрип. Религиозные войны – невесёлая штука. Здравый смысл, позволявший признать поражение и сдаться, в таких случаях не работал. Но всё равно долгие годы Скрипач знал только свой взвод. Покинув его, сапёр чувствовал себя обездоленным. Один Калам остался из старой компании, и он эту землю, что впереди, называет домом. И улыбается перед тем, как убить. И ещё ни слова не сказал мне о том, что они там задумали с Быстрым Веном.

– Смотри, опять летучие рыбы! – воскликнула Апсалар, по голосу Скрипач понял, чья мягкая рука коснулась его плеча. – Сотни рыб!

– Что-то крупное из самых глубин гонится за ними, – проговорил Калам.

Со стоном Скрипач оттолкнулся от борта и сел прямо. Моби тут же выказал истинные причины, по которым он целый день ворковал, – лишь для того, чтобы свернуться на коленях у сапёра и закрыть жёлтые глаза. Скрипач ухватился за планширь и вместе с тремя спутниками устался на косяк летучих рыб, который показался в сотне ярдов по правому борту. Молочно-белые рыбины длиной в руку взлетали на волны, плыли футов тридцать и снова уходили в глубину. В море Кансу летучие рыбы охотились, как акулы, один косяк за считанные минуты мог разорвать в клочья кита. Благодаря

способности летать они падали на спину киту, когда тот поднимался на поверхность, чтобы глотнуть воздуха.

— Да кто же, клянусь Маэлем, охотится на них?

Калам нахмурился.

— Никто на них не охотится тут, в Кансу. В Ловцовой бездне водятся, конечно, дхэнраби..

— Дхэнраби! Ох, вот это ты меня утешил, Калам. Просто слов нет!

— Это какой-то морской змей? — спросил Крокус.

— Представь себе многоножку длиной в восемьдесят шагов, — ответил Скрипач. — Обхватывает китов и корабли, выпускает весь воздух из-под панциря и идёт ко дну, словно камень, — вместе с добычей.

— Их очень мало, — сказал Калам, — и никогда прежде они не были замечены на мелководье.

— До сегодняшнего дня, — возразил Крокус, и в голосе его звенела тревога.

Дхэнраби вынырнул среди летучих рыб, бешено мотая головой и выхватывая добычу широкой бритвенно-острой пастью. Голова была огромной — не меньше десяти сажень в ширину. Под слоем ракушек чешуя чудовища была тёмно-зелёной, и из-под каждого сегмента тянулась длинная хитиновая ножка.

— Восемьдесят шагов в длину? — прошипел Скрипач. — Только если её напополам распилить!

Калам поднялся у руля.

— Берись за парус, Крокус. Будем удирать. На запад.

Скрипач спихнул взвизгнувшего Моби с колен, раскрыл заплечный мешок и стал торопливо распаковывать арбалет.

— Если эта тварь решит, что мы вкусные, Калам..

— Знаю, — прорычал убийца.

Быстро собирая крупные железные части своего оружия, Скрипач поднял глаза и встретил перепуганный взгляд Апсалар. Её лицо побелело. Сапёр подмигнул.

— Есть у меня сюрприз, если она захочет нами пообедать.

Девушка кивнула.

— Я помню..

Дхэнраби их увидел. Отвернувшись от косяка летучих рыб, он, извиваясь, заскользил по волнам к барке.

— Это не обычная тварь, — пробормотал Калам. — Чуешь то же, что и я, Скрипач?

Пряный, горьковатый запах.

— Худов дух! Это ж одиночник!

— Кто? — переспросил Крокус.

— Оборотень, — ответил Калам.

В голове Скрипача вдруг зазвучал скрежещущий голос — и по выражениям лиц своих спутников сапёр понял, что они тоже его услышали:

— Смертные, не повезло вам увидеть меня в пути. — Скрипач фыркнул. Судя по голосу, никакого сожаления чудовище не испытывало. Тварь продолжала: — Поэтому вам придётся умереть, хоть я и не стану осквернять вашу плоть и пожирать её.

— Очень мило с твоей стороны, — пробормотал Скрипач, укладывая толстую стрелу на ложе арбалета. Железный наконечник заменял на ней глиняный шар размером с грейпфрут.

— Ещё одна рыбацкая лодка таинственным образом пропала без следа, — иронично проговорил дхэнраби. — Увы и ах.

Скрипач подобрался к корме и присел рядом с Каламом. Убийца выпрямился и обратился к дхэнраби, удерживая одной рукой руль:

— Одиночник! Плыви своей дорогой — нам нет дела до твоего странствия!

— Я убью вас без излишней жестокости.

Огромная тварь рванулась к корме баркаса, рассекая воду, как корабль с острым килем. Пасть его широко распахнулась.

— Тебя предупреждали, — буркнул Скрипач, поднял арбалет, прицелился и выстрелил. Стрела влетела в раскрытую пасть чудовища. Дхэнраби молниеносно сомкнул челюсти, его тонкие зазубренные клыки разрезали древко и разбили глиняный шар, так что в воздух посыпался скрытый в нём порошок. Последовал громогласный взрыв, который разнёс голову дхэнраби на куски.

В воду со всех сторон посыпались обломки черепа и куски серой плоти. Зажигательная смесь продолжала жечь всё, к чему прикасалась, так что вверх с шипением устремились облака пара. Безголовое тело по инерции двигалось вперёд, оказалось в четырёх саженях от баркаса и лишь потом, погрузившись в воду, исчезло из виду — а последнее эхо взрыва по-прежнему звучало над волнами. Над морем поднимались небольшие клубы дыма.

— Не тех рыбаков ты выбрал, — сказал Скрипач, опуская оружие.

Калам снова сел у руля и повёл баркас на юг. В воздухе повисла странная тишина. Скрипач разобрал арбалет и заново упаковал в промасленную ткань. Как только сапёр уселся на своё место, Моби снова забрался к нему на колени. Вздохнув, Скрипач почесал его за ухом.

— Итак, Калам?

— Сам не знаю, — признался убийца. — Что привело одиночника в море Кансу? Почему он хотел, чтобы его передвижение осталось в тайне?

— Если бы тут был Быстрый Бен..

— Да только его нет, Скрип. Придётся нам жить с этой загадкой и надеяться, что с другими оборотнями мы не столкнёмся.

— Думаешь, это связано с...?

Калам скривился.

— Нет.

— С чем связано? — не выдержал Крокус. — О чём вы оба говорите?

— Так, просто гадаем, — ответил Скрипач. — Одиночник плыл на юг. Как и мы.

— И?

Скрипач пожал плечами.

— И.. всё. Больше ничего. — Он снова сплюнул за борт и опустил на палубу. — Я с испугу даже про морскую болезнь позабыл. Да только испуг-то теперь испарился, будь он неладен.

Все замолчали, но угрюмое выражение лица Крокуса подсказывало сапёру, что юноша очень скоро снова примется их допрашивать.

Продолжал дуть сильный, ровный ветер, который быстро гнал баркас на юг. Не прошло и трёх часов — и Апсалар заявила, что видит впереди землю, а ещё через сорок минут Калам повернул баркас и повёл его вдоль побережья Эрлитана, в полулите от кромки прибоя. Они плыли на запад, вдоль поросшей кедрами гряды, а день медленно клонился к вечеру.

— Кажется, я вижу всадников, — заявила Апсалар.

Скрипач поднял голову и вместе с остальными посмотрел на вереницу всадников, которые скакали вдоль берега по гряде.

— Я насчитал шестерых, — сказал Калам. — И у второго конника..

— ... имперская хоругвь, — закончил Скрипач и поморщился от привкуса во рту. — Курьер и эскорт уланов..

— Скажут в Эрлитан, — добавил Калам.

Скрипач обернулся и посмотрел в глаза капралу.

— Неприятности?

— Возможно.

Ни один не произнёс вслух ни слова, понимание пришло само — слишком много лет они сражались бок о бок.

Крокус спросил:

— Что-то не так? Калам? Скрипач?

А мальчик соображает.

— Сложно сказать, — пробормотал Скрипач. — Они нас видели, но что они видели? Четверых рыбаков на баркасе — семья скреев направляется в порт, чтобы причаститься цивилизации.

— На юге есть деревенька, сразу за рощей, — сказал Калам. — Не пропусти устье ручья, Крокус, и пляж без плавника — дома жмутся с подветренной стороны гряды, в глубь материка. Хорошая у меня память, а, Скрип?

— Неплохая, как для местного, а ты и есть местный. Сколько там до города?

— Десять часов пешком.

— Так близко?

— Так близко.

Скрипач замолчал. Имперский курьер и его охрана спустились с гряды и, повернув на юг, к Эрлитану, скрылись из виду. Согласно плану путешественники должны были приплыть прямо в древнюю людную гавань Священного города так, чтобы никто не обратил на них внимания. Скорее всего, курьер вёз послание, которое вовсе их не касалось, — они ничем не выдали себя с тех пор, как добрались до имперского порта Каракаранг из Генабакиса и приплыли на торговом судне Синих морантов, оплатив проезд работой на корабле. Дорога по суше из Каракаранга через Талгайские горы в Руту-Джелбу шла по маршруту таннойских паломников — нахоженному и людному. И всю неделю в Руту-Джелбе они вели себя тише воды ниже травы, только Калам выходил каждую ночь на прогулку в портовый квартал, чтобы найти корабль, который перевезёт их через Отатараловое море на материк.

В самом худшем случае до кого-то из чиновников добрался рапорт о том, что два вероятных дезертира в компании генабакца и женщины прибыли на земли Империи — вряд ли такая весть способна всколыхнуть малазанское осиное гнездо аж до самого Эрлитана. Так что Калам скорее всего просто играет в параноика, как обычно.

— Вижу устье речки, — заявил Крокус, указывая на берег.

Скрипач покосился на Калама.

– Враждебные земли. Как же близко к земле нам придётся держаться?

– Настолько, чтобы на кузнечиков снизу вверх смотреть, Скрип.

– Худов дух!

Сапёр снова посмотрел на берег.

– Ненавижу Семь Городов, – прошептал Скрипач. У него на коленях зевнул Моби, распахнув пасть, полную тонких и острых, как иглы, зубов. Сапёр побледнел. – Ты спи сколько хочешь, щеночек, – сказал он и поёжился.

Калам повернул руль. Крокус занялся парусом – юноша набрался опыта за два месяца пути через Ловцову бездну, так что баркас легко шёл по ветру, а истрёпанный парус едва приподнимал переднюю шкаторину.[3] Апсалар поёрзала на скамье, потянулась и улыбнулась Скрипачу. Сапёр нахмурился и отвёл глаза. Тряхани меня Огнь, следить надо, чтоб рот не разевать всякий раз, как она это делает. Она ведь когда-то была совсем другой женщиной. Убийцей, клинком бога. Делала такое... К тому же она ведь с Крокусом, так? Мальчишке всё счастье досталось, а каракарангские шлюхи – что траченные оспой сёстры из гигантской траченной оспой семейки да ещё и с траченными оспой детишками на коленях... Сапёр встряхнулся. Эх, Скрипач, слишком долго ты пробыл в море, слишком долго!

– Никаких лодок не вижу, – заметил Крокус.

– В верховьях ручья, – проямлил Скрипач и поскрёб в бороде ногтями, пытаясь выгнать вошь. Вскоре он поймал её, выдернул и бросил за борт. Десять часов пешком, а потом – Эрлитан, и баня, и бритьё, и молодая кансуанка с гребнем, да целая ночь в придачу.

Крокус толкнул его в бок.

– Оживаешь, Скрип?

– И представить себе не можешь.

– Ты же был здесь во время завоевания, да? Когда Калам ещё дрался с другой стороны – за семерых Святых фалах'дов – но за Императора выступили т'лан имассы и...

– Хватит! – Скрипач отмахнулся. – Мне это напоминать не надо, и Каламу тоже. Все войны уродливы, но эта оказалась поуродливей прочих.

– А правда, что ты был в отряде, который гнался за Быстрым Беном по священной пустыне Рараку, а Калам служил вам проводником, только они с Беном задумали вас предать, но Скворец это уже понял и...

Скрипач гневно воззрился на Калама.

– Одна ночь в Руту-Джелбе с кувшином фаларского рома – и этот малец знает больше, чем любой ныне живущий имперский историк! – Сапёр снова обернулся к Крокусу. – Слушай, сынок, лучше тебе побыстрее забыть всё, что этот

пьяница наговорил той ночью. Прошлое уже сидит у нас на хвосте — не надо ему помогать.

Крокус провёл рукой по своим длинным чёрным волосам.

— Ладно, — тихо сказал он, — если в Семи Городах так опасно, то почему мы не отправились прямо в Квон-Тали, где жила Апсалар, — чтобы найти её отца? Зачем мы так старательно прячемся — да ещё и на другом континенте?

— Всё не так просто, — проворчал Калам.

— А что? Я думал, что ради этого мы и отправились в путь. — Крокус взял руку Апсалар и сжал в ладонях, но суровый взгляд приберёт для Калама и Скрипача. — Вы оба сказали, что обязаны ей помочь. Это было неправильно, и вы хотите всё исправить. Но теперь я начинаю думать, что это только одна из причин; что вы двое что-то задумали и отвезти Апсалар домой — только повод, чтобы вернуться в вашу Империю, хоть вас официально объявили вне закона. И что бы вы ни задумали, нужно было попасть сюда, в Семь Городов, и поэтому нужно прятаться, всего пугаться, шарахаться от каждой тени, будто за нами гоняется вся малазанская рать. — Он замолчал, глубоко вздохнул и продолжил: — Мы имеем право знать, потому что вы нас подвергаете опасности, а мы даже не в курсе, какой именно, и зачем, и вообще ничего не знаем. Так что начинайте рассказывать. Сейчас же.

Скрипач откинулся на планширь. Взглянул на Калама и приподнял брови.

— Ну что, капрал? Это твоё решение.

— Озвучивай список, Скрипач, — приказал Калам.

— Императрица хочет получить Даруджистан. — Сапёр посмотрел в глаза Крокусу. — Принято?

Мальчик заколебался, затем кивнул. Скрипач продолжил:

— То, чего хочет, она обычно получает — рано или поздно. Можно сказать, есть прецеденты. И она уже один раз попыталась захватить твой город, верно, Крокус? При этом потеряла адъюнкта Лорн, двух имперских демонов и верность Первого Кулака Дуджека, не говоря уж о «Мостожогах». Этого любому хватит, чтобы больно укололо.

— Ну да. Но какое это имеет отношение к...

— Не перебивай. Капрал приказал озвучить список. Я озвучиваю. Ты пока ничего не упустил? Хорошо. На этот раз Даруджистан от неё ускользнул, но в следующий раз она будет действовать наверняка. Если, конечно, будет следующий раз.

— Ну-у, — мрачно протянул Крокус, — а почему бы ему не быть? Ты же сказал, она получает то, чего хочет.

— А ты предан своему городу, Крокус?

— Конечно!..

– Значит, ты сделаешь всё, чтобы не дать Императрице его покорить?

– Ну да, но...

– Капрал? – Скрипач обернулся к Каламу.

Крепкий чернокожий солдат посмотрел на волны, вздохнул, а затем кивнул и обернулся к Крокусу.

– То-то и оно, парень. Время пришло. Я иду за ней.

Даруджиец, кажется, ничего не понял, но Скрипач увидел, как глаза Апсалар расширились, а кровь отлила от лица. Вдруг она расслабилась, а затем криво ухмыльнулась – и Скрипач похолодел, увидев это.

– Не понимаю, что ты имеешь в виду, – сказал Крокус. – За кем идёшь? За Императрицей? Как?

– Он имеет в виду, – объяснила Апсалар, с той, прежней улыбкой, которая принадлежала ей давно, когда девушка была... другим существом, – что собирается найти её и убить.

– Что?! – Крокус подскочил и чуть не вывалился за борт. – Ты? Ты и измученный морской болезнью сапёр с поломанной скрипкой за спиной? И ты думаешь, что мы поможем тебе в этом безумном, самоубийственном...

– Я вспомнила, – вдруг проговорила Апсалар и прищурилась, глядя на Калама.

Крокус обернулся к ней.

– Что вспомнила?

– Калам. Он был Кинжалом одного из фалах'дов, а Когти дали ему командовать пятернёй. Калам – профессиональный убийца, Крокус. А Быстрый Бен...

– В трёх тысячах лиг отсюда! – закричал Крокус. – Он же взводный маг, Худовы пятки! И всё – убогий, жалкий взводный чародей!

– Не совсем, – заметил Скрипач. – И то, что он далеко, ничего не значит, сынок. Быстрый Бен – наша бритая костяшка в дырке.

– Ваша кто? И где?

– «Бритая костяшка» – хороший игрок всегда использует подбритые костяшки, чтобы мошенничать с бросками, если ты понимаешь, о чём я. А что до «дырки», так это Бенов Путь, по которому он может явиться к Каламу за пару ударов сердца, где бы тот ни находился. Вот так-то, Крокус: Калам хочет попытаться, но тут потребуются план, подготовка. И начинается всё здесь, в Семи Городах. Хочешь, чтобы Даруджистан навеки остался свободным? Императрица Ласиин должна умереть.

Крокус медленно сел.

— Но почему Семь Городов? Разве Императрица не в Квон-Тали?

— Потому, парень, — сказал Калам, направляя баркас в устье ручья, так что гнетущая жара суши поднялась вокруг них, — что Семь Городов скоро восстанут.

— Ты что имеешь в виду?

Убийца осклабился.

— Мятеж.

Скрипач обернулся и оглядел зловонные заросли по берегам речки. «И вот эта часть плана, — сказал он себе, чувствуя холод в животе, — мне меньше всего нравится. Гоняться за очередной безумной идеей Быстрого Бена по земле, которая пылает у тебя под ногами».

Через минуту баркас прошёл поворот, и показалась деревушка — несколько мазанок стояли полукругом у песчаной отмели, на которой лежали рыбацкие ялики. Калам налёг на руль, и нос баркаса повернулся к берегу. Когда киль коснулся дна, Скрипач перевалился через планширь и ступил на твёрдую землю, а проснувшийся Моби всеми четырьмя лапками вцепился в его тунику на груди. Не обращая на повизгивавшую мартышку внимания, Скрипач медленно распрямился.

— Ну-у, — вздохнул он, когда первая из деревенских дворняжек подняла лай, сообщая всем об их прибытии, — началось.

Глава вторая

До сих пор многие с лёгкостью упускают из виду то, что Высшее командование в Арэне было поражено предательством, раздорами, соперничеством и интригами... Предполагать, что [Высшее командование в Арэне] пребывало в неведении о настроениях на окраинах, в лучшем случае, наивно, а в худшем — крайне цинично...

Куллалан. Восстание Ша'ик

Дождь размывал охряно-красный отпечаток ладони на стене, и багровые корни потекли между обожжёнными кирпичами вниз по раствору. Сгорбившись под не по сезону обильным ливнем, Дукер смотрел, как отпечаток медленно исчезает, и жалел, что погода не выдалась сухой и что он не нашёл этот знак, прежде чем дождь размыл его — ведь тогда, возможно, Дукер сумел бы

что-нибудь узнать о ладони, которая оставила метку здесь, на внешней стене старого дворца Фалах'да в сердце Хиссара.

В многочисленных культурах Семи Городов хватало символов – тайный пиктографический язык невразумительных знаков, которые имели огромное значение для местных. Благодаря этим символам происходил сложный диалог, не понятный ни одному из малазанцев. Далеко не сразу, лишь спустя долгие месяцы жизни здесь, Дукер начал осознавать опасность такого невежества. С приближением года Дриджны подобные символы стали встречаться в неимоверном изобилии, все стены в городах вдруг стали свитками, исписанными тайным кодом. Ветер, солнце и дождь надёжно очищали свитки, чтобы освободить место для следующих реплик.

А им, похоже, сейчас о многом надо сказать друг другу.

Дукер встряхнулся, пытаясь расслабить напряжённые плечи и шею. Все предупреждения, которые он посылал Высшему командованию, судя по всему, оставались не услышанными. В этих символах была система, но Дукер, видимо, оказался единственным малазанцем, который желал расшифровать этот код или, по меньшей мере, осознавал опасность невежества в подобных вопросах.

Он поглубже надвинул капюшон, пытаясь прикрыть лицо от дождя, и почувствовал, как струйки воды потекли по предплечьям, когда широкие рукава балахона-телабы на миг открылись под ливнем. Отпечаток уже смыло начисто. Дукер зашагал дальше.

Потоки воды лились с вымощенных булыжниками террас под стенами дворца и устремлялись в канавы, пересекавшие каждую улицу и переулок. Напротив мощной дворцовой стены навесы над крошечными лавочками опасно накренились. Из холодных теней в щелях, что считались здесь прилавками и витринами, Дукера провожали взглядами мрачные торговцы.

За вычетом несчастных ослов и редких вьючных лошадей, улицы были практически пусты. Несмотря на прохладные ветры, которые изредка дули с моря Сахуль, Хиссар был городом, рождённым засушливым жаром пустыни. Хоть Империя и сделала этот порт своим главным местом высадки, город и его обитатели жили, словно повернувшись к морю спиной.

Дукер оставил позади узкие улочки и старые дома под стенами дворца и вышел к колоннаде Дриджны, которая копьём пронзала сердце Хиссара. Ветви гульдиндх, обрамлявшие проезжую часть колоннады, безостановочно дрожали оттого, что дождь поглаживал их охранную листву. По обеим сторонам тянулись приусадебные сады – в большинстве своём не огороженные, открытые для глаз прохожих. Ливень сбил цветы с кустов и карликовых деревьев, заполнив тротуары белыми, альми и розовыми лепестками.

Историк пригнулся, когда порыв ветра плотно прижал телабу к боку. Дукер почувствовал на губах привкус соли – напоминание о том, что в тысяче шагов справа бушует море. Там, где улица, названная в честь Бури Апокалипсиса, резко сужалась, проезжая часть превратилась в месиво из расколотой брусчатки и глиняных черепков, а гордый орешник уступил место кустарнику пустыни. Эта перемена застала Дукера врасплох, и он оказался по щиколотку в грязной воде, прежде чем понял, что вышел на окраину города. Щурясь от потоков дождя, историк огляделся.

Слева, едва заметная за струями воды, тянулась стена имперского гарнизона. Из-за её высокого гребня к небу пробивался дым. Справа, намного ближе, располагалось хаотическое скопление кожаных шатров, коней, верблюдов и повозок – лагерь торговцев, которые недавно прибыли из Сиалк-одана.

Поплотнее запахнув полы телабы, Дукер повернул направо. Ливень был достаточно сильным, чтобы скрыть звук его шагов от собак, когда историк вошёл в узкий глинистый проход между шатрами. На распутье Дукер задержался. Напротив стоял большой, поблёскивавший медью шатёр, стенки которого украшала россыпь нарисованных краской символов. Из-под входного полога струйкой сочился дым. Историк двинулся через перекрёсток и задержался лишь на миг, прежде чем откинуть полог и войти.

Рёв голосов на волнах горячего, мокрого от пара воздуха обрушился на Дукера, когда он остановился, чтобы стряхнуть воду с балахона. Со всех сторон кричали, ругались, смеялись, запах дурханга, благовоний, жареного мяса, кислого вина и сладкого эля окутал Дукера, пока тот оглядывался по сторонам. Слева весело звенели, падая в горшок между несколькими игроками, монетки; прямо перед ним через толпу ловко пробирался тапу, сжимая в каждой руке по вертелу с жареным мясом и фруктами. Дукер вскинул руку, чтобы привлечь внимание разносчика.

– Козлятина, клянусь! – подходя, воскликнул тапу на прибрежном дебральском диалекте. – Козлятина, не собачатина, досий! Понюхай сам, и всего-то обрезник за такие яства! Разве столько с тебя возьмут в Досин-Пали?

Дукер родился на равнинах Дал-Хона, и его тёмная кожа была того же оттенка, что и у местных дебралов; он носил морскую телабу торговца из островного города Досин-Пали и говорил на тамошнем наречии без малейшего акцента. Услышав похвальбу тапу, Дукер ухмыльнулся.

– За собачатину возьмут, тапухарал. – Он вытащил два местных полумесяца – примерно равных «обрезнику» имперской серебряной джакаты. – И если ты воображаешь, что мезланы легко расстанутся с серебром у нас на острове, ты – глупец или того хуже!

Тапу занервничал, сбросил с вертела кусок сочного мяса и два янтарных плода, а затем завернул их в листья.

– Берегись мезланских шпионов, досий, – пробормотал он. – Слова можно исказить.

– Слова – единственное их оружие, – презрительно бросил Дукер принимая еду. – Правду говорят, что покрытый шрамами варвар теперь командует армией Мезла?

– Человек с лицом демона, досий! – Тапу покачал головой. – Даже сами мезланы его боятся. – Спрятав полумесяцы, он двинулся дальше, воздев над головой вертелы. – Козлятина! Не собачатина!

Дукер оперся спиной на распорку шатра и, глядя на толпу, начал есть – жадно и неаккуратно, как было тут принято. «Всякая твоя трапеза – последняя», – гласила житейская философия Семи Городов. Когда жир потёк по подбородку, историк бросил на грязный пол листья и коснулся испачканными пальцами лба в ритуальном (а теперь запрещённом) жесте благодарности Фалах'ду, чьи кости теперь гнили в иле на дне Хиссарской бухты. Взгляд Дукера остановился на кружке стариков, сидевших за игроками, и он направился туда, вытирая руки о штаны.

Собрание оказалось Круговоротом Времени года, где два провидца сидели друг напротив друга и разговаривали на символическом языке прорицаний и сложных жестов. Протолкавшись через кольцо зевак, Дукер увидел провидца в круге, старого шамана, чьё лицо, украшенное серебряными шипиками и кожаными полосками, выдавало в нём выходца из материкового племени семаков, а напротив него – мальчика лет пятнадцати. На месте глаз у мальчика краснели сморщенные, едва залеченные рубцы. Тонкие руки и ноги, а также вздувшийся живот указывали на крайнюю степень истощения. Дукер догадался, что семья мальчика погибла во время малазанского завоевания, а сам он теперь живёт на улицах и переулках Хиссара. Его нашли те, кто организовал этот Круговорот, ибо всем хорошо известно, что боги говорят через такие страждущие души.

По напряжённому молчанию собравшихся историк понял, что за этим прорицанием стоит настоящая сила. Несмотря на слепоту, мальчик двигался так, чтобы оставаться лицом к лицу с провидцем-семаком, который медленно и бесшумно переступал по белому песку. Оба вытянули руки перед собой и выписывали в воздухе замысловатые фигуры.

Дукер толкнул локтем соседа.

– Что предрекли? – прошептал он.

Кряжистый горожанин со шрамами старого хиссарского ополчения, которые едва маскировали ожоги на щеках, зашипел сквозь желтоватые зубы.

– Сам дух Дриджны, чей облик они обрисовали руками, – дух, который видели все здесь, призрачное предзнаменование пламени.

Дукер вздохнул.

– Эх, кабы я сам это увидел...

– Увидишь. Смотри! Вот он снова!

Историк заметил, как руки предсказателей словно коснулись невидимой фигуры, и в движении начали оставлять за собой след красноватого света. Мерцание становилось всё сильнее и вскоре сложилось в человеческую фигуру. Фигуру женщины, чьей плотью был огонь. Она подняла руки, и на запястьях призрака блеснуло железо, теперь танцоров стало трое – призрак заметался и завертелся между двумя провидцами.

Вдруг мальчик резко запрокинул голову, из его горла с каменным скрежетом вырывались слова:

— Два источника бушующей крови! Лицом к лицу. Кровь — одна, двое — одно, и солёные волны омывают берега Рараку. Священная пустыня помнит своё прошлое!

Призрачная женщина исчезла. Мальчик рухнул на песок лицом вниз, тело застыло, словно доска. Провидец-семак присел рядом и положил руку ему на голову.

— Он вернулся к своим родным, — проговорил шаман в сковавшей круг тишине.
— Милосердие Дриджны, редчайший из даров, было явлено этому ребёнку.

Грубые кочевники заплакали, некоторые упали на колени. Потрясённый Дукер отступил в сторону от сомкнувшегося круга. Историк сморгнул пот с глаз, чувствуя на себе чужой взгляд. Он огляделся. Напротив стояла фигура в чёрных шкурах, капюшон из головы козла надвинут так, чтобы лицо оставалось в тени. В следующий миг незнакомец отвёл взгляд. Дукер поспешил убраться от него подальше.

Историк подошёл к пологу шатра.

Семь Городов — старая цивилизация, закалённая в горниле древности, когда Взшедшие бродили по каждому торговому тракту, каждой тропе, каждой заросшей дороге между давно забытыми городами. Говорят, пески копили силу под своими шепчущими волнами, и каждый камень впитывал чары, как кровь, и под каждым городом лежат развалины бессчётных городов прошлого, городов, которые застали ещё Первую Империю. Говорят, каждый город вырос на спинах привидений, и плоть духов здесь густая, плотная, как слои сломанной кости; и каждый город вечно рыдает под звёздами, вечно смеётся, кричит, торгует и торгуется, молится и вздыхает — первым вздохом, который несёт жизнь, и последним — предвещающим смерть. Под улицами скрываются сны, мудрость, глупость, страхи, гнев, горечь, похоть и любовь — и жестокая ненависть.

Историк шагнул наружу, под дождь, наполнил лёгкие чистым, прохладным воздухом и снова закутался в теллабу.

Завоеватели могут захватить стены, могут перебить всех жителей, поселить в каждом доме, каждой усадьбе, каждой хижине своих людей, но править будут лишь тонким слоем, кожей настоящего, и однажды их свергнут духи снизу, и победители станут только одним из множества слоёв. «Такого врага нам никогда не победить, — подумал Дукер. — Но история рассказывает нам о тех, кто снова и снова выходил против него. Быть может, победа не в том, чтобы одолеть этого врага, а в том, чтобы присоединиться к нему, стать с ним единым целым. Императрица прислала нового Кулака, чтобы раздавить беспокойные столетия этой земли. Бросила ли она Колтейна на произвол судьбы, как я сказал Маллику Рэлу? Или просто держала наготове, как оружие, выкованное и закалённое для одной конкретной цели?»

Дукер покинул лагерь, вновь сторбившись под струями дождя. Впереди чернели ворота имперского гарнизона. Быть может, он получит ответы на свои вопросы уже через несколько часов, когда встретится лицом к лицу с Колтейном из Вороньего клана.

Историк пересёк изрытую дорогу, шлёпая по мутным лужам, заполнившим глубокие колеи, что оставили копыта коней и колёса повозок, а затем поднялся по глинистому склону к воротам.

Два стражника в клобуках выступили из тьмы, как только он приблизился к узкому боковому входу.

— Сегодня прошений не принимают, досий, — сказал один из малазанских солдат. — Приходи завтра.

Дукер распахнул балахон, чтобы стала видна имперская диадема, приколотая к тунике.

— Кулак собрал совет, не так ли?

Оба солдата отдали честь и отступили. Тот, что заговорил, сконфуженно улыбнулся.

— Не знал, что ты был с тем, другим, — пробормотал он.

— С другим?

— Он вернулся несколько минут назад, историк.

— Да, разумеется.

Дукер кивнул стражникам и вошёл. На каменном полу виднелись отпечатки грязных мокасин. Нахмурившись, он вошёл в гарнизон. Крытая галерея вела вдоль стены налево и заканчивалась у прямоугольного, невыразительного штабного здания. Дукер и так уже промок до нитки, поэтому решил пересечь плац напрямую и подойти к главному входу. По дороге историк заметил, что человек, пришедший до него, поступил точно так же. Залитые водой следы его ног выдавали кривую походку всадника. Историк нахмурился ещё больше.

У входа в главное здание его встретил ещё один стражник, который направил Дукера в зал совета. Подходя к двойным дверям, историк поискал глазами следы предшественника, но ничего не заметил. Тот, очевидно, направился в другую комнату. Дукер пожал плечами и открыл двери.

Зал совета оказался комнатой с низким потолком, каменные стены не были покрыты штукатуркой, а лишь выкрашены белой краской. В центре возвышался внушительный мраморный стол, который выглядел диковато из-за отсутствия стульев. В зале уже были Маллик Рэл, Кальп, Колтейн и ещё один виканец-офицер. Когда историк вошёл, все обернулись, а Маллик Рэл удивлённо приподнял брови. Он явно не знал, что Колтейн пригласил Дукера на совет. Интересно, новый Кулак таким образом хотел вывести жреца из себя? Намеренно подначивал его? Подумав, историк отбросил эту мысль. Скорее всего, дала о себе знать несогласованность нового командования.

Стулья убрали нарочно, это было заметно по следам, которые ножки оставили в белой пыли на полу. Маллик Рэл и Кульп явно чувствовали себя не в своей тарелке от того, что не знали, где встать и какую позу принять. Жрец-джистал Маэля переминался с ноги на ногу, спрятав руки в широких рукавах, и на лбу у него ярко блестели в свете ламп со стола капли пота. Кульп,

кажется, предпочёл бы прислониться к стене, но не знал, как виканцы воспримут такую небрежную позу.

Дукер внутренне улыбнулся и повесил свой насквозь промокший балахон на скобу для факела у дверей. Затем повернулся и предстал перед новым Кулаком, который замер у ближнего конца стола, справа от своего офицера — хмурого ветерана, чьё широкое лицо словно норовило сложиться пополам из-за косоного шрама, идущего от левого виска к правой части челюсти.

— Я — Дукер, — заявил историк. — Императорский историк. — Он отвесил полупоклон. — Добро пожаловать в Хиссар, Кулак. — Вблизи было заметно, что военный вождь Вороньего клана провёл сорок лет на севере Виканской равнины в Квон-Тали. Его худое, невыразительное лицо было покрыто морщинами, глубокие складки залегли по обе стороны широкого тонкогубого рта и в уголках тёмных, глубоко посаженных глаз. Украшенные фетишами из вороньих перьев, промасленные косы спускались ниже плеч. Колтейн был высок, носил выдающуюся кольчугу поверх кожаной рубахи и плащ из вороньих перьев до пят. Он надел кожаные бриджи для верховой езды, затянутые жилами по внешней стороне бёдер. Из-под левой руки выглядывал длинный нож с костяной рукоятью.

В ответ на слова Дукера виканец склонил голову набок.

— Когда я тебя видел в последний раз, — произнёс он с грубым виканским акцентом, — ты лежал в горячке на личной походной койке Императора, собираясь подняться и пройти во Врата Худа. — Колтейн помолчал. — Бальт был тем молодым воином, копьё которого тебя пропороло, и за это солдат по имени Дуджек поцеловал Бальта в лицо мечом. — Колтейн медленно повернулся и улыбнулся изуродованному шрамом виканцу.

Мрачное выражение седого воина не изменилось, когда он перевёл взгляд на Дукера. Затем он покачал головой и вздохнул:

— Я помню безоружного человека. То, что в руках у него не было оружия, в последний миг отвратило моё копьё. Я помню, как меч Дуджека похитил мою красоту, и как мой конь укусил его за руку, сокрушая кости. Я помню, что Дуджеку лекари отрезали руку, потому что её поразило гнилостное дыхание коня. Между нами, я в том обмене проиграл, потому что потеря руки никак не сказалась на блестящей карьере Дуджека, а потеря красоты оставила меня всего с одной женой, которая у меня к тому времени уже была.

— Она ведь была твоей сестрой, а, Бальт?

— Была, Колтейн. И слепой к тому же.

Оба виканца замолчали — один хмурился, другой мрачно смотрел исподлобья.

Рядом Кальп сдавленно хмыкнул. Дукер приподнял бровь.

— Извини, Бальт, — сказал он. — Хоть я и был в той битве, я не видел ни тебя, ни Колтейна. В любом случае особой потери красоты я не заметил.

Воин кивнул.

– Нужно присматриваться, это верно.

– Быть может, – проговорил Маллик Рэл, – пора окончить шутки, сколь бы они ни были смешны, и начать совет?

– Начнём, когда я буду готов, – небрежно ответил Колтейн, продолжая рассматривать Дукера.

Бальт хмыкнул.

– Скажи, историк, что тебя надоумило пойти в бой без оружия?

– Наверное, я его потерял в сражении.

– Все нет. Не было у тебя ни пояса, ни ножен, ни щита.

Дукер пожал плечами.

– Чтобы описывать историю Империи, я должен быть в гуще событий, господин.

– Ты собираешься проявлять такое же безрассудное рвение, описывая командование Колтейна?

– Рвение? О да, господин. Что до безрассудства, – Дукер вздохнул, – увы, моя отвага уже не та, что прежде. Теперь, когда иду на битву, я облачаюсь в броню, беру щит и короткий меч. И шлем. Стою в окружении телохранителей по меньшей мере в лиге от сердца сражения.

– Годы принесли тебе мудрость, – заметил Бальт.

– В некоторых вещах – недостаточную, как мне кажется, – медленно проговорил Дукер и перевёл взгляд на Колтейна. – Я буду настолько отважен, что осмелюсь сегодня давать тебе советы, Кулак.

Колтейн покосился на Маллика Рэла и сказал:

– И ты опасаясь гнева, ибо будешь говорить то, что мне не понравится. Быть может, услышав такие слова, я прикажу Бальту закончить начатое и убить тебя. Это многое говорит мне, – продолжил он, – о положении дел в Арэне.

– Об этом мне мало известно, – сказал Дукер, чувствуя, как по телу под туникой градом катится пот. – Но ещё меньше – о тебе, Кулак.

Выражение лица Колтейна не изменилось. Перед глазами Дукера почему-то встал образ кобры, медленно поднимающей голову, взгляд немигающий, холодный.

– Вопрос, – подал голос Маллик Рэл. – Совет уже начался?

– Нет ещё, – медленно ответил Колтейн. – Мы ждём моего колдуна.

Услышав это, жрец Маэля резко выдохнул. Кальп сделал шаг вперёд.

Дукер вдруг обнаружил, что у него пересохло во рту. Откашлявшись, он сказал:

— Мне казалось, что Императрица — в первый год своего правления — приказала, кхм, искоренить всех виканских колдунов. За этим приказом ведь последовала массовая казнь? Я помню внешние стены Унты...

— Они умирали много дней, — сказал Бальт. — Висели на железных шипах, пока вороны не прилетели, чтобы забрать их души. Мы принесли детей к стенам города, чтобы показать старейшин племени, чьи жизни у нас отняли по приказу коротко стриженной женщины. Мы даровали детям шрамы — на память, чтобы сохранить жизнь истине.

— И это была та Императрица, — заметил Дукер, внимательно глядя на лицо Колтейна, — которой вы теперь служите.

— Коротко стриженная женщина ничего не знает об обычаях виканцев, — заявил Бальт. — Вороны, которые несли в себе души величайших колдунов, вернулись к нашему народу, чтобы дождаться новых рождений, и так сила старейшин возвратилась к нам.

Боковая дверь, которой Дукер прежде не заметил, скользнула в сторону. Высокая кривоногая фигура вступила в комнату. Голову незнакомца покрывал капюшон в форме головы козла, который он теперь откинул, открыв лицо мальчика не более десяти лет от роду. Тёмные глаза ребёнка встретили взгляд историка.

— Это Сормо И'нат, — сказал Колтейн.

— Сормо И'ната — старика — казнили в Унте, — прошипел Кальп. — Он был самым могущественным из колдунов — Императрица лично о нём позаботилась. Говорят, он умер на стене одиннадцать дней. Это не Сормо И'нат. Это какой-то мальчишка.

— Одиннадцать дней, — пробурчал Бальт. — Одна ворона не могла вместить целиком его душу. Каждый день прилетала новая, покуда не забрали всего. Одиннадцать дней, одиннадцать ворон. Такова была сила Сормо, его жизненная воля, и такую честь оказали ему чернокрылые духи. Одиннадцать пришли за ним. Одиннадцать.

— Старое чародейство, — прошептал Маллик Рэл. — Древнейшие свитки косвенно упоминают о таком. Мальчик по имени Сормо И'нат — воистину возродившийся колдун?

— У рхиви в Генабакисе распространены похожие поверья, — заметил Дукер. — Новорожденный ребёнок может стать сосудом для души того, кто не вошёл во Врата Худа.

Мальчик заговорил — голосом тонким, но ломающимся, на рубеже зрелости:

— Я — Сормо И'нат, который несёт в своей груди память о железном шипе. Одиннадцать ворон явились к моему рождению. — Он отбросил за плечи плащ. — Сегодня я стал свидетелем обряда прорицания и увидел в толпе историка

Дукера. Вместе мы наблюдали видение, посланное духом великой силы, духом, чьё лицо — одно из множества. Дух этот возвестил Армагеддон.

— Это я видел, как и он, — подтвердил Дукер. — У стен города разбил лагерь торговый караван.

— И в тебе не узнали малазанца? — вкрадчиво поинтересовался Маллик Рэл.

— Он хорошо говорит на местном наречии, — ответил Сормо. — И совершает жесты, которыми показывает ненависть к Империи. Этого облика и действий довольно, чтобы обмануть местных. Скажи мне, историк, доводилось ли тебе прежде видеть подобные прорицания?

— Не такие... явные, — признался Дукер. — Но я видел достаточно, чтобы ощутить нарастающее напряжение. Новый год принесёт нам мятеж.

— Смелое заявление, — заявил Маллик Рэл. Он вздохнул — жрецу явно было неудобно стоять. — Новому Кулаку следовало бы с разумной осторожностью отнестись к подобным утверждениям. Иногда кажется, что в нашей стране пророчеств не меньше, чем жителей. Такое множество заставляет сомневаться в истинности каждого отдельного предсказания. Мятеж в Семи Городах предрекают каждый год со времени малазанского завоевания. И какие же из них сбылись?

— У жреца есть тайные мотивы, — сказал Сормо.

Дукер заметил, что невольно задержал дыхание.

Круглое, потное лицо Маллика Рэла побелело.

— У всех есть тайные мотивы, — произнёс Колтейн, будто отмахнулся от заявления своего колдуна. — Я услышал совет-предупреждение и совет-предостережение. Хорошее сочетание. Вот что я скажу. Маг, которому хочется опереться о стену, смотрит на меня, как на гадюку в своём спальнике. Его страх говорит обо всех солдатах Седьмой армии. — Кулак сплюнул на пол, лицо его исказилось. — Мне нет дела до их чувств. Если будут исполнять мои приказы, я, в свою очередь, послужу им. Нет — вырву каждому сердце из груди. Ты слышишь моё слово, кадровый чародей?

Кульп смотрел на Колтейна волком.

— Слышу.

— Я здесь, — в голосе Маллика Рэла прозвучали визгливые нотки, — чтобы передать указания Первого Кулака Пормкваля...

— До или после официального приветствия от Первого Кулака? — Дукер сразу же пожалел, что сказал это, несмотря на то что Бальт вдруг лающе рассмеялся.

Маллик Рэл расправил плечи.

— Первый Кулак Пормкваль приветствует Кулака Колтейна в Семи Городах и желает ему всяческих успехов на новом посту. Седьмая армия остаётся одним

из трёх исходных военных подразделений Малазанской империи, и Первый Кулак уверен, что Кулак Колтейн почтит её достойнейшую историю.

— Мне нет дела до репутаций, — отрезал Колтейн. — Солдат будут судить по делам. Продолжай.

Рэл аж затрясся, но продолжил:

— Первый Кулак Пормкваль попросил меня передать приказы Кулаку Колтейну. Адмирал Нок должен выйти из гавани Хиссара и отправиться в Арэн, как только корабли пополнят припасы. Кулаку Колтейну следует начать подготовку Седьмой армии к маршу по суше... в Арэн. Первый Кулак желает дать смотр Седьмой, прежде чем окончательно определить её дислокацию. — Жрец вытащил из рукава скреплённый печатью свиток и положил на стол. — Такovy приказы Первого Кулака.

На лице Колтейна отразилось отвращение. Он скрестил на груди руки и демонстративно повернулся спиной к Маллику Рэлу.

Бальт невесело рассмеялся.

— Первый Кулак хочет дать смотр армии. Скорей всего, у Первого Кулака есть в подчинении Высший маг, а может, даже и пятерня Когтей? Если он так хочет осмотреть войска Колтейна, пусть-ка прибудет сюда по Пути. Кулак не собирается обмундировывать армию и отправлять в путь длиной в четыреста лиг, только чтобы Пормкваль мог возмутиться по поводу пыли на сапогах у солдат. Такая перестановка сил оставит восточные провинции Семи Городов без действующей армии. В теперешнее беспокойное время подобный уход будет принят за отступление, особенно если совпадёт по времени с отплытием Сахульского флота. Этой страной не получится править из-за стен Арэна.

— Неподчинение приказам Первого Кулака? — прошипел Маллик Рэл и впился в широкую спину Колтейна взглядом сверкающих, словно окровавленные бриллианты, глаз.

Кулак резко развернулся.

— Я советую изменить эти приказы, — сказал он, — и теперь ожидаю ответа.

— Ответ я тебе дам, — прохрипел жрец.

Колтейн глумливо ухмыльнулся. Бальт сказал:

— Ты? Ты — жрец, не солдат, не правитель. Ты даже не признан членом Высшего командования.

Яростный взгляд Рэла метнулся от Кулака к воину.

— Вот как? Воистину!..

— Не признан императрицей Ласиин, — перебил Бальт. — Она ничего не знает о тебе, жрец, кроме того, что докладывает Первый Кулак. Пойми: Императрица не доверяет власть тем, кого не знает. Первый Кулак Пормкваль использовал тебя как мальчика на побегушках, и таким ты останешься в

глазах Кулака. Ты не можешь приказывать. Ни Колтейну, ни мне, ни даже последнему поварёнку в обозе Седьмой.

— Я передам эти слова и выражения Первому Кулаку.

— Не сомневаюсь. Теперь — можешь идти.

У Рэла отвисла челюсть.

— Идти?

— Мы с тобой закончили. Оставь нас.

В тишине все смотрели, как жрец уходит. Едва лишь дверь закрылась, Дукер обернулся к Колтейну.

— Возможно, это был непродуманный шаг, Кулак.

Взгляд Колтейна казался сонным.

— Это Бальт говорил. Не я.

Дукер перевёл взгляд на воина. На рассечённом шрамом лице виканца застыла ухмылка.

— Расскажи мне о Пормквале, — проговорил Колтейн. — Ты с ним знаком?

Историк снова обернулся к Кулаку.

— Да.

— Он хорошо правит?

— Насколько я могу судить, — сказал Дукер, — он не правит вовсе. Большинство эдиктов пишет человек, которого ты — Бальт — только что выставил из комнаты. Есть и другие деятели за кулисами, по большей части — благородные, богатые торговцы. Именно они в первую очередь ответственны за сокращение пошлин на привозные товары и, как следствие, повышение местных налогов на производство и экспорт — за исключением, естественно, тех товаров, которыми они сами торгуют. Имперской оккупацией заправляют малазанские торговцы, такая ситуация сохраняется с тех пор, как Пормкваль получил титул Первого Кулака четыре года назад.

Бальт спросил:

— Кто был Первым Кулаком до него?

— Картерон Краст, который однажды ночью утонул в Арэнской гавани.

Кальп фыркнул.

— Краст мог пьяным проплыть сквозь шторм, а потом просто взял и утонул, точь-в-точь как его брат Урко. Тел не нашли, разумеется.

– То есть?

Кальп ухмыльнулся, но Бальт промолчал.

– Краст и Урко были людьми Императора, – объяснил Дукер. – Судя по всему, они разделили судьбу большинства спутников Келланведа, в том числе Тока Старшего и Амерона. Их тел тоже не нашли. – Историк пожал плечами. – Теперь это старая история. Запрещённая история, между прочим.

– Ты подразумеваешь, что их убили по приказу Ласиин, – заявил Бальт и оскалил кривые зубы. – Но представь себе ситуацию, когда самые опытные командиры Императрицы просто... исчезают. Она остаётся одна, остро нуждается в способных людях. Ты забываешь, историк, что прежде, чем стать Императрицей, Ласиин была хорошо знакома с Крастом, Урко, Амероном, Дассемом и остальными. Представь себе, как ей одиноко теперь, как свежи раны потери.

– И она воображала, что, если убьёт других двух старых знакомых – Келланведа и Танцора, – это ничуть не повлияет на дружбу с этими командирами? – горько спросил Дукер и покачал головой. Они были и моими друзьями.

– Некоторые ошибки в оценках исправить невозможно, – проговорил Бальт. – Император и Танцор были способными завоевателями, но были ли они способными правителями?

– Этого мы никогда не узнаем, – сорвался Дукер.

Виканец вздохнул так, словно фыркнул.

– Нет, но если и существовал близкий к трону человек, который мог предвидеть, что произойдёт, это была Ласиин.

Колтейн снова сплюнул на пол.

– Больше нечего об этом сказать, историк. Запиши слова, которые прозвучали здесь, если они тебе не покажутся слишком горькими. – Он покосился на Сормо И'ната и нахмурился.

– Даже если я ими подавлюсь, – ответил Дукер, – запишу всё равно. Я не был бы историком, если бы поступал иначе.

– Хорошо. – Кулак по-прежнему не сводил взгляда с Сормо И'ната. – Скажи мне, историк, какой властью Маллик Рэл обладает над Пормквалем?

– Хотел бы я сам знать это, Кулак.

– Выясни.

– Ты просишь меня стать шпионом.

Колтейн обернулся к нему со слабой улыбкой на устах.

– А кем ты был в шатре торговца, Дукер?

Историк поморщился.

— Мне придётся отправиться в Арэн. Не думаю, что Маллик Рэл снова допустит меня на собрания внутреннего совета после того, как я видел его унижение здесь. Собственно, уверен, что он теперь считает меня врагом, а его враги имеют вредную привычку бесследно исчезать.

— Я не исчезну, — заявил Колтейн. Он шагнул вперёд, вытянул руку и схватил историка за плечо. — В таком случае, мы оставим без внимания Маллика Рэла. Ты поступишь под моё командование.

— Как прикажешь, Кулак, — ответил Дукер.

— Совет окончен. — Колтейн развернулся к колдуну. — Сормо, ты расскажешь мне о приключениях этого утра... позже.

Колдун поклонился.

Дукер забрал свой балахон и вышел из комнаты, по пятам за ним следовал Кальп. Как только за ними закрылись двери, историк потянул чародея за рукав.

— На пару слов. Без свидетелей.

— Я подумал о том же, — ответил Кальп.

Они нашли дальше по коридору комнату, забитую старой мебелью, зато безлюдную. Кальп запер за собой дверь, а затем обернулся и дико посмотрел на Дукера.

— Да он вообще не человек! Он — зверь, и видит всё по-звериному. А Бальт — Бальт распознаёт рычание и оскалы своего господина и облекает их в слова — в жизни не видел такого разговорчивого виканца, как этот покорёженный старик.

— Совершенно очевидно, — сухо заметил Дукер, — Колтейну многое нужно было сказать.

— Подозреваю, что прямо сейчас жрец Маэля готовит свою месть.

— О да. Но меня потрясло то, как Бальт защищал Императрицу.

— Ты согласен с его аргументами?

Дукер вздохнул.

— Что она сожалеет о своих действиях и теперь ощутила — во всей полноте — одиночество власти? Возможно. Любопытно, но уже давным-давно не важно.

— Думаешь, Ласиин откровенничала с этими виканцами?

— Колтейна вызывали на аудиенцию к Императрице, и я полагаю, Бальта цепями не оторвёшь от господина, но что произошло между ними в её личных

покоях, — неизвестно. — Историк пожал плечами. — К поведению Маллика Рэла они были готовы, это ясно. А ты, Кальп? Что думаешь про юного колдуна?

— Юного? — Кадровый маг нахмурился. — У этого мальчика аура древнего старика. Я от него почувял запах ритуального питья крови кобылы, а этим ритуалом колдуны отмечают Пору железа — последние годы жизни, высшее цветение своей силы. Ты его видел? Пустил стрелу в жреца, а потом просто стоял и смотрел на последствия.

— Но ты же утверждал, что это всё ложь!

— Не стоит давать Сормо понять, какой у меня чувствительный нос, так что я и впредь стану обращаться с ним так, будто он — мальчишка, самозванец. Если повезёт, колдун обо мне забудет.

Дукер помедлил. Вдохнул затхлый, пыльный воздух комнаты.

— Кальп, — наконец заговорил он.

— Да, историк, чего тебе от меня нужно?

— Это никак не связано с Колтейном, Малликом Рэлом или Сормо И'натом. Мне нужна твоя помощь.

— В чём?

— Я хочу освободить узника.

Брови кадрового мага приподнялись.

— Из хиссарской темницы? Историк, я не хочу ссориться со стражей Хиссара...

— Нет, не из городской темницы. Это узник Империи.

— И где его держат?

— Его продали в рабство, Кальп. Он в отатараловых копах.

Кадровый чародей ошеломлённо уставился на историка.

— Худов дух, Дукер, и ты просишь помощи у мага? Воображаешь, что я по доброй воле осмелюсь хотя бы приблизиться к этим рудникам? Отатарал разрушает магию, сводит чародеев с ума...

— Не ближе, чем на палубу плоскодонки у берегов острова, — перебил Дукер.
— Это я обещаю, Кальп.

— Забрать узника, а потом что? Грести, как демону, чтоб уйти от досийской галеры на хвосте?

Дукер ухмыльнулся.

— Что-то вроде того.

Кальп покосился на запертую дверь, а потом оглядел свалку в комнате так, словно прежде её не замечал.

— Что это было за помещение?

— Кабинет Кулака Торлом, — ответил Дукер. — Здесь её застали ночью убийцы-дриджниты.

Кальп медленно кивнул.

— А мы-то именно сюда вошли случайно?

— Очень надеюсь, что так.

— Я тоже, историк.

— Ты мне поможешь?

— Этот узник... кто он?

— Геборик Лёгкая Рука.

Кальп снова медленно кивнул.

— Давай я над этим поразмыслю, Дукер.

— Позволь спросить, что заставило тебя задуматься?

Кальп нахмурился.

— Мысль о том, что я рискую выпустить в мир ещё одного коварного историка, что же ещё?

...Священный город Эрлитан поднимался уступами белого камня от гавани и охватывал большой усечённый холм под названием Джен'раб. Многие верили, что в глубине Джен'раба погребён один из первых городов мира и что там, среди руин, ждёт своего часа Престол Семи Защитников, который, по легенде, был вовсе не трон, а залом, в котором стояли полукругом семь возвышений, благословлённых каждым из Взшедших, которые основали затем Семь Городов. Эрлитану сравнялась тысяча лет, но Джен'раб, ставший ныне грудой разбитого камня, был в девять раз старше.

На заре истории Эрлитана местный фалах'д начал обширное строительство на плоской вершине Джен'раба, чтобы почтить город, погребённый под улицами. В каменоломнях на северном побережье закипела работа, срывали целые склоны, десятитонные блоки мрамора обтёсывали и перевозили на кораблях в эрлитанскую гавань, а затем тащили через нижние кварталы к рампам и помостам, ведущим на вершину холма. Храмы, усадьбы, сады, купола, башни и дворец фалах'да росли, как самоцветы девственной короны на челе Джен'раба.

Через три года после того, как был установлен последний каменный блок, древний погребённый город.. шелохнулся. Подземные арки провалились под огромным весом Короны Фалах'да, стены сложились, камни фундамента расползлись, укрыв улицы каменной крошкой. Под землёй крошка и пыль вели себя как вода, текли по улицам и проулкам, в зияющие проёмы дверей, под полы – невидимые в непроглядной темноте Джен'раба. На поверхности же, в лучах яркого рассвета, что сопутствовал годовщине правления фалах'да, Корона осела, башни обрушились, купола треснули, выбросив в воздух тучи мраморной крошки, и дворец провалился в реку пыли – неровно, кое-где лишь на несколько футов, в других местах – более чем на двадцать сажень.

Наблюдатели из нижнего города описали это событие. Словно гигантская невидимая рука потянулась к Короне, сжалась на каждом здании и сломала его, вдавливая при этом в землю. Поднялась такая туча пыли, что солнце на несколько дней превратилось в медный диск.

В тот день погибло более тридцати тысяч человек, в том числе и сам фалах'д, но был один выживший: юный поварёнок, который уверился, что кувшин, который он уронил на пол за несколько мгновений до землетрясения, и повинен в произошедшей катастрофе. Обезумев от чувства вины, мальчик ударил себя ножом в сердце, стоя на Меркирской площади в нижнем городе, а кровь несчастного потекла между камнями мостовой, на которой стоял сейчас Скрипач.

Прищурившись, голубоглазый сапёр наблюдал, как Красные Клинки быстро скачут через редкую толпу на другой стороне площади.

Закутавшись в выцветшее льняное одеяние с капюшоном, наброшенным на голову по моде племени гралов, Скрипач неподвижно стоял на священном камне, украшенном полустёртой памятной надписью, и гадал, расслышат ли переполошившиеся горожане стук его отчаянно бьющегося сердца. Сперва сапёр проклял себя за то, что рискнул прогуляться по древнему городу, а затем проклял Калама за то, что тот задержал их в городе, пытаясь выйти на связь со своим старым агентом.

– Mezla'ebdin! – прошипел голос рядом.

«Малазанские прихвостни» – довольно точный перевод. Красные Клинки были уроженцами Семи Городов, однако поклялись в нерушимой верности Императрице. Редкие – хотя в данный момент и нежеланные – прагматики в стране фанатиков и визионеров только что начали вразумлять сторонников Дриджны по-своему – мечами и копьями.

На выцветших камнях площади неподвижно лежало полдюжины жертв – среди поваленных корзин, тюков ткани и продуктов. Две маленькие девочки скорчились у тела женщины рядом с пересохшим фонтаном. На соседних стенах атели потёки крови. На расстоянии нескольких кварталов звенели тревожные сигналы городской стражи Эрлитана: городскому Кулаку уже сообщили, что Красные Клинки снова пошли против его необдуманных приказов.

Дикие всадники продолжали убивать направо и налево, двигаясь по главной улице прочь с площади, и вскоре скрылись из виду. Попрошайки и воры струдились у мёртвых тел, воздух наполнился завываниями. Горбатый сводник схватил обеих девочек и нырнул в один из переулков.

Несколько минут назад Скрипач чуть не попал под удар меча, когда вышел на площадь и оказался на пути одного из Клинков. Военный опыт заставил сапёра броситься наперерез лошади, так что всаднику пришлось взмахнуть мечом наискось со стороны щита, а Скрипачу — нырнуть вперёд и вниз, чтобы проскочить под лезвием и оказаться позади, вне досягаемости. Красный Клинок не стал преследовать его, а просто обезглавил следующую беспомощную жертву, женщину, которая отчаянно пыталась оттащить двух детей с пути лошади.

Скрипач встряхнулся и тихо выругался. Протолкавшись через толпу, он свернул в тот же переулок, где скрылся сводник. Высокие покосившиеся дома с обеих сторон погрузили узкий проход в полутьму. Густой воздух пропитался гнилью и мертвечиной. Не увидев никого, Скрипач осторожно потрусил дальше. Он добрался до бокового прохода между двумя высокими стенами — достаточно широкого для мула и засыпанного по щиколотку пальмовыми листьями. За обеими стенами были разбиты сады, а высокие пальмы сплетались кронами, словно полог в двадцати футах над головой. Через тридцать шагов переулок закончился тупиком, и там сапёр увидел сводника, который придавил младшую девочку коленом к земле, а сам прижал старшую к стене и возился с завязками её бриджей.

Услышав, как Скрипач идёт по сухим листьям, сводник обернулся. У него была белая кожа скрея, он оскалил почерневшие зубы в лукавой ухмылке.

— Грал, она — твоя за полджакаты, как только я ей кожицу порву. Вторая будет подороже, потому что младше.

Скрипач подошёл к скрею вплотную.

— Я купи, — сказал он. — На обе женись. Два джаката.

Сводник фыркнул.

— Да я за неделю на них больше заработаю. Шестнадцать джакат.

Скрипач вытащил длинный гральский нож, который купил час назад, и прижал лезвие к горлу сводника.

— Два джаката и тебе пощада, симхарал.

— Да, грал! — с выпученными глазами прохрипел сводник. — Договорились, клянусь Худом!

Скрипач вытащил из пояса две монеты и бросил их на листья. Затем отступил.

— Сейчас забирать обе.

Симхарал упал на колени и зашелестел листьями.

— Забирай их, грал, забирай.

Скрипач хмыкнул, сунул за пояс нож и взял по девочке под мышки. Повернувшись спиной к своднику, он зашагал прочь из тупика. Вероятность того, что негодяй попробует сыграть грязно, была ничтожной. Гралы частенько напрашивались на оскорбления, лишь бы только получить повод заняться любимым делом — кровавой мезьей. И подкрасться к граву сзади, по слухам, было невозможно, поэтому никто даже не пытался. Но несмотря на это, Скрипач был рад, что между ним и сводником остался ковёр сухой листвы.

Сапёр вышел из переулочка. Девочки висели у него на руках, как огромные куклы, — всё ещё не оправались от потрясения. Он посмотрел на лицо той, что постарше — лет девяти, может, десяти. Та подняла на Скрипача взгляд огромных тёмных глаз.

— Всё, уже не страшно, — сказал он. — Если я тебя поставлю на землю, сможешь идти? Покажешь, где вы живёте?

Некоторое время девочка молчала, затем кивнула.

Они добрались до одного из кручёных переходов, которые в нижнем городе считались улицами. Скрипач поставил девочку на землю, а вторую продолжал бережно держать на руках — она, кажется, уснула. Старшая немедленно вцепилась в плащ сапёра, чтобы толпа не разделила их, и потащила вперёд.

— Домой? — уточнил Скрипач.

— Домой, — ответила она.

Через десять минут они покинули рыночный квартал и оказались в более спокойном жилом районе, где стояли скромные, но чистенькие дома. Девочка повела Скрипача в одну из боковых улочек. Как только они вошли туда, отовсюду появились дети и с криками окружили пришедших. В следующий миг из ворот, что вели в сад, выскочили трое вооружённых мужчин. Они двинулись на Скрипача с поднятыми тальварами, а толпа детей вдруг рассеялась, и наступила напряжённая тишина.

— Нагальский грал, — прорычал Скрипач. — Женщина убил Красный Клинок. Симхарал эти две братья. Я купить. Не тронуть. Три джаката.

— Два, — поправил один из охранников и сплюнул на брусчатку под ногами Скрипача. — Мы нашли симхарала.

— Два купить. Один привести. Не тронуть. Три. — Скрипач мрачно ухмыльнулся. — Хороший цена, дешёвый за честь грала. Дешёвый за защиту грала.

За спиной у Скрипача заговорил четвёртый мужчина.

— Да заплатите вы граву, дураки! Тут и сотня золотых — не деньги. Это вы должны были защищать няньку с детьми, а сами сбежали, когда показались Красные Клинки. Если бы этот грал не нашёл и не купил девочек, они уже были бы обесчещены. Платите и благословите его во имя Королевы грёз, его и весь его род благословите во веки веков. — Солдат шагнул вперёд. На нём красовались доспехи наёмного стражника с капитанскими знаками отличия. На

узком лице выделялись крестообразные шрамы — знак того, что он дрался под Й'гхатаном, а на тыльной стороне ладоней виднелись старые ожоги. Он твёрдо встретил взгляд Скрипача. — Прошу тебя назвать своё торговое имя, грал, чтобы мы могли поминать тебя в молитвах.

На секунду Скрипач замешкался, а затем назвал капитану своё настоящее имя, имя, которым его нарекли при рождении — давным-давно.

Услышав ответ, капитан нахмурился, но ничего не сказал.

Один из охранников подошёл к сапёру с монетами на ладони. Скрипач передал спящую девочку капитану.

— Неправильно, что она спит.

Седой воин осторожно принял у него ребёнка.

— Мы позовём домашнего целителя.

Скрипач огляделся. Дети явно происходили из богатой и влиятельной семьи, но здания вокруг казались сравнительно небольшими и принадлежали скорее всего мелким торговцам и ремесленникам.

— Раздели с нами трапезу, грал, — предложил капитан. — Дед этих девочек захочет с тобой поговорить.

Скрипача одолело любопытство, и он кивнул. Капитан повёл его к низким воротам, врезанным в стену вокруг сада. Трое охранников поспешили их отпереть. Первой внутрь пропустили старшую девочку.

За воротами раскинулся на удивление просторный сад, где воздух был влажным и прохладным от дыхания ручья, что тихо звенел где-то среди буйной растительности. Над выложенной камнями дорожкой смыкался полог из крон старых плодовых и ореховых деревьев. С другой стороны видна была высокая стена, возведённая целиком из мутного стекла. Отдельные секции сверкали радужными отблесками под капельками влаги и минеральных потёков. Скрипач никогда прежде не видел сразу столько стекла в одном месте. В стене виднелась одинокая дверь из льняного полотна, натянутого на тонкий металлический каркас. Перед ней стоял старик в помятом оранжевом облачении. Его кожу глубокого, богатого цвета охры оттеняла копна седых волос. Девочка побежала к старику и обняла его. Тот не сводил со Скрипача внимательного взгляда янтарных глаз.

Сапёр упал на одно колено.

— Благослови, духовидец! — прорычал он с самым грубым гральским акцентом, какой только мог изобразить.

Смех таннойского жреца прошелестел, словно песок на ветру.

— Я не могу благословить то, чем ты не являешься, господин, — тихо проговорил он. — Но прошу, раздели со мной и капитаном Туркой скромное угощение. Я полагаю, эти охранники пожелают исцелить свою отвагу тем, что позаботятся о детях здесь, в стенах сада. — Он положил морщинистую руку

на лоб спящей девочки. — Сэляль защищается по-своему. Капитан, скажи целителю, что её нужно вернуть в этот мир — и аккуратно.

Капитан передал ребёнка одному из охранников.

— Ты слышал слова господина. Живо!

Обе девочки, а также их провожатый скрылись за льняной дверью. Таннойский духовидец жестом предложил Скрипачу и капитану Турке идти за ним и повёл обоих туда же, но не так поспешно.

В стеклянной комнате стоял низкий железный столик, а вокруг — обтянутые кожей сиденья высотой по щиколотку. В мисках на столике лежали фрукты и холодное мясо — красное от специй. Хрустальный графин с бледно-жёлтым вином был открыт, чтобы вино дышало. У дна графина скопился осадок в два пальца толщиной: бутоны пустынных цветов и тельца беломёдных пчёл. Вино наполняло комнату прохладным, сладковатым ароматом.

Внутренняя дверь в мраморной стене была сделана из крепкого дерева. В небольших альковах горели свечи, каждая — со своим цветом пламени. Отражения огоньков завораживающе поблёскивали в стеклянных плитках напротив.

Жрец сел и указал на остальные стульчики.

— Присаживайся. Я удивлён, что малазанский шпион рискнул своим маскарадом ради двух эрлинских детей. Ты теперь попытаешься вызнать ценные сведения у охваченных благодарностью родных?

Скрипач со вздохом откинул капюшон на спину.

— Я — малазанец, — признался он. — Но не шпион. Я скрываюсь, чтобы меня не нашли... малазанцы.

Старый жрец налил вина и протянул кубок сапёру.

— Ты — солдат.

— Да.

— Дезертир?

Скрипач поморщился.

— Не по своей воле. Императрица решила объявить вне закона моё подразделение. — Он пригубил сладкое цветочное вино.

Капитан Турка зашипел.

— «Мостожог». Солдат из Воинства Однорукого.

— Тебе многое известно, господин.

Духовидец указал на миски с едой.

— Прощу. Если после стольких лет войны ты ищешь мирную обитель, то совершил серьезную ошибку, когда прибыл в Семь Городов.

— Это я понял, — сказал Скрипач и принялся за фрукты. — Потому и надеюсь как можно скорее купить себе место на корабле до Квон-Тали.

— Кансийский флот ушёл из Эрлитана, — заметил капитан. — Теперь редкий торговец решится плыть через океан. Высокие налоги...

— И возможность быстро разбогатеть, когда начнется гражданская война, — продолжил, кивая, Скрипач. — Значит, придется идти по суше, по крайней мере, до Арэна.

— Неразумно, — сказал старый жрец.

— Я знаю.

Но духовидец продолжал качать головой.

— Дело не только в грядущей войне. Чтобы добраться до Арэна, тебе придется пересечь Пан'потсун-одан, которая граничит со священной пустыней Рараку. Из Рараку явится Вихрь Апокалипсиса. И более того, там состоится схождение.

Скрипач сощурился. Одиночник-дхэнраби.

— Это когда Взшедшие силы собираются в одном месте?

— Именно так.

— Что их притягивает?

— Врата. Пророчество о Тропе Ладоней. Одинощикам и д'иверсам врата обещают... нечто. Притягивают их, словно пламя — мотыльков.

— А чем могут заинтересовать оборотней врата Пути? Они не объединены в братство и не пользуются чародейством, во всяком случае, сколько-нибудь сложным.

— Удивительная глубина познаний для солдата.

Скрипач нахмурился.

— Солдат всегда недооценивают, — буркнул он. — Я не с закрытыми глазами провёл пятнадцать лет, сражаясь на войнах Империи. Император схлестнулся с обоими — Тричем и Рилландарасом — под Ли-Хэном. Я был там.

Таннойский духовидец склонил голову, извиняясь.

— У меня нет ответов на твои вопросы, — тихо проговорил он. — По правде говоря, я не думаю, что даже сами одиночники и д'иверсы точно знают, что ищут. Как лосось возвращается в те воды, где родился, так и они действуют инстинктивно, повинувшись грубому влечению и чувственному обещанию. — Он

сложил руки. — Среди оборотней нет единства. Каждый — сам за себя. Эта Тропа Ладоней... — Старик помолчал, затем продолжил: — Это, вероятно, средство Восхождения — для победителя.

Скрипач медленно и натужно выпустил воздух из лёгких.

— Восхождение означает силу. Сила означает контроль. — Он перехватил взгляд рыжеватых глаз духовидца. — Если один из оборотней совершит Восхождение...

— Власть над своим родом и племенем, да. Такое происшествие будет иметь... последствия. В любом случае, друг мой, пустоши никогда не считались безопасным местом, а в грядущие месяцы одан превратится в обитель дикого ужаса, это я знаю наверняка.

— Благодарю за предупреждение.

— Но оно тебя не удержит.

— Боясь, что нет.

— В таком случае, мне суждено предложить тебе некоторую защиту на время пути. Капитан, если тебя не затруднит?

Воин поднялся и ушёл.

— Объявленный вне закона солдат... — проговорил через некоторое время старик, — который рискует жизнью, чтобы вернуться в сердце Империи, приговорившей его к смерти. Это должна быть по-настоящему весомая необходимость.

Скрипач пожал плечами.

— «Мостожогов» помнят здесь, в Семи Городах. Их проклинают, но ими и восхищаются. Вы были честными солдатами, которые сражались на бесчестной войне. Говорят, ваше подразделение закалилось в жаре и на выжженном камне священной пустыни Рараку, когда преследовало отряд чародеев фалах'да. Эту историю я бы хотел однажды услышать, чтобы обратить её в песню.

Скрипач удивлённо раскрыл глаза. Чары духовидцев выпевались — никаких других ритуалов не требовалось. Хотя песни танно и посвящались миру, силу, по слухам, они имели огромную. Сапёр задумался, чем такое песнопение может закончиться для «мостожогов».

Духовидец, видимо, понял его незаданный вопрос, потому что улыбнулся.

— Такую песнь до сих пор ещё никто не пытался спеть. В песни танно есть залог Восхождения, но может ли целое подразделение взойти? Воистину, вот вопрос, заслуживающий ответа.

Скрипач вздохнул.

— Будь у меня время, я бы рассказал тебе эту историю.

— Это займёт лишь один миг.

— Что ты имеешь в виду?

Старый жрец поднял морщинистую длиннопалую руку.

— Если позволишь мне прикоснуться, я узнаю твою историю.

Сапёр отшатнулся.

— А-а, — вздохнул духовидец, — боишься, что я не лучшим образом обойдусь с твоими тайнами.

— Я боюсь, что их знание поставит твою жизнь под угрозу. Да и не все мои воспоминания — о делах честных и благородных.

Старик откинул голову и рассмеялся.

— Если бы все они были честны и благородны, ты мог бы с куда большими основаниями носить такое облачение, как я. Прости меня за неучтивую просьбу.

Капитан Турка вернулся с небольшим песочного цвета ларцом из морёного дерева. Он поставил его на столик перед своим господином, который откинул крышку и потянулся за чем-то внутри.

— Ракаку была некогда морем, — сказал танно. Он вынул из ларца выцветшую белую раковину. — Такие останки можно найти в Священной пустыне, если знать, где пролегали древние берега. Кроме песни памяти о внутреннем море, в неё были вложены и другие песни. — Старик поднял глаза и встретил взгляд Скрипача. — Мои собственные песни силы. Прошу, прими этот дар за спасение жизни и чести моих внучек.

Скрипач поклонился старому жрецу и приподнял в ладонях раковину.

— Благодарю тебя, духовидец. Значит, твой дар даёт защиту?

— В некотором роде, — с улыбкой заметил жрец. Затем он встал. — Не смею тебя более задерживать, «мостожог». — Скрипач быстро поднялся. — Капитан Турка проводит тебя к выходу. — Старик шагнул ближе и положил руку на плечо Скрипачу. — Кимлок Духовидец благодарит тебя.

С раковиной в руках сапёр вышел из комнаты. Снаружи, в саду, прохладный влажный воздух коснулся его мокрого от пота лба.

— Кимлок... — едва слышно прошептал Скрипач.

Турка хмыкнул, шагая рядом с ним по дорожке к воротам.

— Первый гость за одиннадцать лет. Ты понимаешь, какой чести удостоился, «мостожог»?

— Ясно, что он очень ценит своих внучек, — сухо ответил Скрипач. — Одиннадцать лет, говоришь? Выходит, последним его гостем был...

– Первый Кулак Дуджек Однорукий из Малазанской империи.

– С предложением мирной сдачи Каракаранга, святого города культа танно. Кимлок утверждал, что может уничтожить малазанские легионы. Полностью. Однако сдался, и его имя теперь вошло в поговорки как символ пустых угроз.

Турка фыркнул.

– Он открыл ворота города, ибо ценит жизнь превыше всего. Он постиг вашу Империю и понял, что смерть тысяч ничего для неё не значит. Малаз всё равно получил бы то, чего хотел. А хотел он Каракаранг.

Скрипач поморщился. С грубоватым сарказмом он сказал:

– И если это означало бы привести в святой город т'лан имассов – как оно случилось в Арэне, – мы бы так и сделали. Сомневаюсь, что чары Кимлока смогли бы сдержать т'лан имассов.

Оба остановились у ворот. Турка раскрыл створки, и в его тёмных глазах блеснула старая боль.

– Поэтому Кимлок так и поступил, – сказал он. – Бойня в Арэне выказала всё безумие Империю...

– То, что случилось во время Арэнского мятежа, было ошибкой, – отгрызнулся Скрипач. – Никто не давал приказа Логросовым т'лан имассам.

Вместо ответа Турка только горько усмехнулся и жестом предложил сапёру выйти на улицу.

– Ступай с миром, «мостожог».

Раздражённый Скрипач вышел.

Повизгивая от восторга, Моби метнулся через узкую комнату и врезался в грудь Скрипача, с бешеным хлопанием крыльев цепляясь за одежду. Сапёр выругался и, отодвинув в сторону фамилиара, который чуть не задушил его в объятиях, перешагнул порог и запер за собой дверь.

– Я уже начал беспокоиться, – пророкотал Калам из теней в дальнем конце комнаты.

– Отвлёкся, – буркнул Скрипач.

– Неприятности?

Сапёр пожал плечами, расстёгивая верхний плащ, под которым блеснула кольчужная рубаха с кожаными накладками.

– Остальные где?

— В саду, — с некоторой иронией ответил Калам.

По пути Скрипач остановился у своего вещевого мешка. Он присел и положил туда раковину танно, завернув в запасную рубашку.

Когда сапёр подсел к небольшому столу, Калам налил приятелю кружку разведённого водой вина и заново наполнил собственную.

— Ну?

— Трещотку в рот воткну! — проворчал Скрипач и сделал солидный глоток, прежде чем продолжить. — На стенах полным-полно знаков. Думаю, неделя — не больше, — и улицы станут красными от крови.

— У нас есть кони, мулы и припасы. Будем уже на подходе к одану. Там безопаснее.

Скрипач внимательно посмотрел на своего товарища. Тёмное, грубоватое лицо Калама поблёскивало в мутном дневном свете, пробивавшемся из занавешенного окна. Пара ножей лежала на столе перед убийцей, а рядом — точило.

— Может, и так. А может, и нет.

— Ладони на стенах?

Скрипач хмыкнул.

— Это ты их заметил.

— Куча знаков восстания, размечены тайные места для сходок, извещение об обрядах Дриджны — это всё я могу прочесть не хуже любого местного. Но вот эти нечеловеческие отпечатки ладоней — нечто совсем другое. — Калам наклонился вперёд и взял ножи. Он бездумно скрестил голубоватые клинки. — Похоже, они указывают направление. На юг.

— В Пан'потсун-одан, — сказал Скрипач. — Это схождение.

Убийца замер, не сводя тёмных глаз с перекрещенных лезвий.

— А вот такого слуха я ещё не слышал.

— Это мнение Кимлока.

— Кимлока?! — Калам выругался. — Он в городе?

— Говорят, да.

Скрипач глотнул ещё вина. Если рассказать убийце о произошедшем на рынке — и о встрече с духовидцем, — Калам очень быстро окажется за дверью. А Кимлок — за воротами Худа. Сам Кимлок, его родня, его охрана. Все. Человек, сидевший напротив Скрипача, всегда действовал наверняка. Вот и ещё один дар для тебя, Кимлок... моё молчание.

В коридоре раздались шаги, и вскоре на пороге появился Крокус.

— У вас тут темно, как в пещере.

— Где Апсалар? — резко спросил Скрипач.

— В саду — где же ещё? — отгрызнулся вор-даруджиец.

Сапёр взял себя в руки. Старые страхи по-прежнему не желали уходить в прошлое. Раньше, если она пропадала из виду, после всегда случалась беда. Когда она пропадала из виду, следовало быть начеку. Тяжело поверить, что девушка уже не является тем, чем была раньше. Между прочим, если Покровитель убийц вдруг решит снова одержать её, первым знаком этого для нас станет нож в горле. Скрипач помассировал каменные мышцы шеи и вздохнул.

Крокус подтащил к столу стул, плюхнулся на него и потянулся за вином.

— Мы уже устали ждать, — заявил он. — Если нам и вправду нужно пересечь эту проклятую пустошь, давайте выступать в дорогу. За стеной сада гряда вонючего мусора уже такая, что забились канавы и стоки. И полным-полно крыс. Воздух горячий и густой, толком даже не вдохнёшь. Нас мор приберёт, если мы тут будем дальше торчать.

— Понадеемся, что это будет синезычка, — заметил Калам.

— Это ещё что такое?

— Язык от неё синееет и опухает, — объяснил Скрипач.

— А что в этом хорошего?

— Говорить не можешь.

Над головой блестели звёзды, но луна ещё не взошла, а Калам двигался в сторону Джен'раба. Старая дорога поднималась к вершине холма великанскими ступенями; прорехи, словно выбитые зубы, темнели там, где обтёсанные каменные блоки вытащили, чтобы использовать для строительства в других районах Эрлитана. В прорехах рос запутанный кустарник, длинные жёсткие корни которого впились в склон холма.

Убийца легко скользил среди развалин, пригибаясь, чтобы его силуэт не выделялся на фоне ночного неба, если кто-то вдруг решит посмотреть на Джен'раб с улиц внизу. В городе царила странная, неестественная тишина. Редкие патрули малазанских солдат оказались вдруг одни, словно их назначили охранять некрополь, где, кроме призраков, никого нет. Стражники нервничали и поэтому вели себя шумно, так что Каламу без труда удавалось разминуться с ними на улицах и в переулках.

Убийца добрался до гребня и проскользнул между двумя большими блоками песчаника, из которого когда-то была сложена внешняя стена верхнего

города. Он остановился, глубоко вдохнул пыльный ночной воздух и посмотрел вниз, на улицы Эрлитана. Цитадель Кулака, которая когда-то служила резиденцией Святому фалах'ду города, вздымалась тёмной бесформенной грудой над хорошо освещённым гарнизоном, словно сжатая рука среди россыпи углей. А внутри этой каменной громадины прятался военный правитель из Малазанской империи, стараясь не слышать горячих увещаний Красных Клинков и тех малазанских шпионов, которых ещё не выгнали из города и не убили. Все оккупационные войска скопились в казарме цитадели — отозванные из дальних фортов, что располагались в ключевых точках на окраинах Эрлитана. Цитадель не могла справиться с таким наплывом солдат — вода в колодце уже отдавала гнилью, а воины спали на камнях надвратной башни, под звёздами. В гавани две древние фаларские триремы стояли на якоре около малазанского мола, и одна недоукомплектованная рота морпехов удерживала имперские доки. Малазанцы оказались в осаде, хотя пока ещё никто не поднял на них руку.

Калам разрывался между двумя преданностями. По рождению он принадлежал к покорённым, но по собственному выбору сражался под знамёнами Империи. Сражался за императора Келланведа. И Дассема Ультора, и Скворца, и Дуджека Однорукого. Но не за Ласиин. Предательство давным-давно разрушило эти узы. Император бы вырвал сердце этого мятежа при первом же движении. Краткое, но жестокое побоище, за которым бы последовал долгий период мира. Но Ласиин позволила старым ранам загноиться, и грядущая бойня лишит дара речи самого Худа.

Калам отступил от гребня холма. Перед убийцей раскинулся сложный лабиринт из разбитых плит песчаника и кирпича, провалов в грунте и спутанных кустов. Над чёрными прудами роились тучи насекомых. Среди них метались летучие мыши и ризаны.

Рядом с центром вздымались три нижних этажа башни, увитые змеистыми корнями мёртвого от засухи дерева на вершине. У основания зияла чёрная пасть дверного проёма.

Некоторое время Калам внимательно смотрел на него, затем приблизился. Убийца был уже в десяти шагах от арки, когда заметил внутри отблеск света. Он вытащил нож, дважды постучал рукояткой по камню и подошёл к проёму. Голос из темноты остановил его.

— Не подходи ближе, Калам Мехар.

Калам звучно сплюнул.

— Мебра, думаешь, я не узнал твой голос? Гнусные ризаны вроде тебя никогда не отходят далеко от своего гнезда, поэтому тебя так легко было найти. А проследить досюда — ещё легче.

— У меня здесь важное дело, — прорычал Мебра. — Зачем ты вернулся? Чего от меня хочешь? Я был должен услугу «мостожогам», но их больше нет.

— Ты был должен мне, — заявил Калам.

— А когда следующий малазанский пёс с горящим мостом на плече меня найдёт, он опять потребует долг? А затем следующий, и ещё один, и ещё? О нет, Кала...

Убийца оказался в дверях прежде, чем Мебра успел что-то понять, метнулся в темноту, безошибочно схватил шпиона рукой за горло. Тот взвизгнул, когда Калам поднял его и припечатал спиной к стене. Убийца крепко держал Мебру, а острие ножа Калама щекотало ямку над грудиной шпиона. Мебра выпустил из рук что-то тяжёлое, что прежде прижимал к груди, и свёрток с громким стуком упал на землю. Калам и не взглянул под ноги, он пристально смотрел в глаза Мебре.

— Долг, — повторил убийца.

— Мебра — человек чести, — прохрипел шпион. — По всем долгам платит! И по этому тоже!

Калам ухмыльнулся.

— Ты там руку положил на кинжал за поясом, Мебра, — лучше больше ею не шевели. Я вижу всё, что ты задумал. По глазам. Теперь посмотри мне в глаза. Знак чего ты там видишь?

Дыхание Мебры участилось. По лбу заструился пот.

— Пощады... — прошептал он.

Калам приподнял брови.

— Какая грубая ошибка...

— Нет-нет! Я прошу пощады, Калам! В твоих глазах я вижу только смерть! Смерть Мебры! Я верну долг, мой старый друг. Я много знаю, всё, что только нужно знать Кулаку! Я могу отдать весь Эрлитан ему в руки...

— Не сомневаюсь, — проговорил Калам, отпустил шпиона и сделал шаг назад. Тот обмяк и сполз по стене. — Но Кулак пусть сам выбирает свою судьбу.

Шпион посмотрел на него снизу вверх, и в его глазах вдруг блеснула хитрость.

— Ты вне закона. И совсем не хочешь вернуться в объятия Малазана. Ты вновь человек из Семи Городов. Ох, Калам, да благословят тебя Семеро!

— Мне нужны знаки, Мебра. Безопасный путь через одан.

— Они тебе известны...

— Символы умножились. Я знаю прежние знаки, и они принесут мне смерть от рук первого же племени, которое меня найдёт.

— Путь тебе откроет один-единственный знак, Калам. На любой тропе в Семи Городах, клянусь.

Убийца отступил на шаг.

— Какой знак?

— Ты — дитя Дриджны, воин Апокалипсиса. Сделай знак вихря — помнишь его?

Калам подозрительно прищурился, но кивнул.

— Я видел множество других, новых символов. Что они значат?

— Во всей туче саранчи правдив лишь один, — ответил Мебра. — Как лучше оставить Красных Клинков в неведении? Пожалуйста, Калам, уходи. Я отдал свой долг..

— Если ты меня предал, Адаэфон Бен Делат об этом узнает. Скажи, сможешь ты скрыться от Быстрого Бена, когда он откроет свои Пути?

Мебра стал бледен, как лунный свет, и молча покачал головой.

— Вихрь.

— Да, клянусь Семерыми!

— Не шевелись, — приказал Калам. Не снимая ладони с рукояти длинного ножа за поясом, убийца шагнул вперёд, присел и подобрал предмет, который Мебра выронил на землю. Услышал, как шпион задержал дыхание, и улыбнулся. — Наверное, это стоит взять с собой — в качестве гарантии.

— Умоляю тебя, Калам..

— Тихо! — Убийца увидел, что держит в руках завернутую в парусину книгу. Откинул грязную ткань. — Худов дух! — прошипел Калам. — Из подвалов Первого Кулака в Арэне.. и в руки эрлинского шпиона. — Он посмотрел в глаза Мебре. — Сам Пормкваль знает о том, что у него украли предмет, который начнёт Апокалипсис?

Коротышка ухмыльнулся, так что сверкнул ряд острых зубов с серебряными колпачками.

— Даже если бы из-под этого дурака выкрали шёлковую простыню среди ночи, он бы не узнал. Пойми, Калам, если ты заберёшь её как залог, все воины Апокалипсиса будут охотиться за тобой. Священная книга Дриджны вышла на волю и должна вернуться в Рараку, где Провидица..

— Поднимет Вихрь, — закончил Калам. Древний фолиант в руках вдруг показался ему тяжёлым, точно гранитная плита. Переплёт из шкуры бхедерина был покрыт пятнами и царапинами, а от страниц из ягнячьей кожи поднимался запах ланолина и чернил из кровь-ягоды. А на этих страницах.. слова безумия, а в Священной пустыне ждёт Ша'ик, Провидица, обетованная предводительница восстания.. — Ты откроешь мне последнюю тайну, Мебра. Ту, что должен знать носитель этой Книги.

Глаза шпиона испуганно распахнулись.

— Она не может стать твоей заложницей, Калам! Бери лучше меня, умоляю!

— Я доставлю её в священную пустыню Рараку, — сказал Калам. — Лично в руки Ша'ик, и это откроет мне дороги и тропы, Мебра. И если я почую хоть тень предательства, если увижу у себя на пути хоть одного воина Апокалипсиса, — уничтожу Книгу. Ты меня понял?

Мебра отчаянно заморгал, потому что глаза ему заливал пот. Затем резко кивнул.

— Ты должен скакать на жеребце цвета песка, смешав с ним кровь. Ты должен облачиться в красную талабу. Каждую ночь ты должен оборачиваться лицом к своему следу, вставать на колени, разворачивать Книгу и взывать к Дриджне — и всё, больше ни слова, ибо богиня Вихря услышит и подчинится — и все следы твоего странствия исчезнут. Ты должен один час ждать в молчании, затем снова заворачивать Книгу. Её нельзя открывать солнечному свету, ибо время пробуждения Книги принадлежит Ша'ик. Сейчас я повторю эти указания...

— Не нужно, — прорычал Калам.

— Ты и вправду вне закона?

— Тебе мало доказательств?

— Передашь в руки Ша'ик Книгу Дриджны, и твоё имя вовеки будут воспевать на небесах, Калам. Предашь наше дело, и при звуках твоего имени станут плевать в песок.

Убийца снова завернул Книгу в парусину, а потом спрятал её в складки своей туники.

— Наш разговор закончен.

— Да благословят тебя Семеро, Калам Мехар.

В ответ Калам хмыкнул и пошёл к двери, остановившись лишь для того, чтобы оглядеть окрестности. В лунном свете он никого не увидел и выскользнул наружу.

Продолжая сидеть у стены, Мебра смотрел вслед убийце. Он замер, ожидая услышать, как Калам шагает по битому кирпичу, камням и черепкам, но ничего не услышал. Шпион утёр пот со лба, запрокинул голову, прижав затылок к прохладной кладке башни, и прикрыл глаза.

Через несколько минут он услышал поскрипывание доспехов у входа в башню.

— Видел его? — спросил Мебра, не открывая глаз.

— Лостара следит за ним, — ответил низкий голос. — Книга у него?

Тонкие губы Мебры изогнулись в улыбке.

— Такого посетителя я не ждал. О нет, никак не ожидал такого удивительного гостя. Это был Калам Мехар.

— «Мостожог»? Поцелуй тебя Худ, Мебра! Знай я, мы бы его зарезали прежде, чем он вышел бы из башни.

— Если бы попытались, — проговорил Мебра, — ты и Аральт с Лостарой уже поили бы собственной кровью жадные корни Джен'раба.

Кряжистый воин отрывисто хохотнул и вошёл внутрь. За спиной у него, как и ожидал шпион, виднелась фигура охранявшего вход Аральта Арпата — такого высокого и широкоплечего, что он перекрыл собой почти весь лунный свет.

Тин Баральта положил руки в перчатках на рукояти мечей у пояса.

— Что с твоим первым контактом?

Мебра вздохнул.

— Как я и говорил, нам скорее всего понадобится ещё дюжина таких ночей. Он напуган и сейчас уже, наверное, на полпути к Г'данисбану. Он... передумал, как поступил бы на его месте всякий разумный человек. — Шпион поднялся и стряхнул пыль с телабы. — Поверить не могу, что нам такая удача подвалила, Баральта...

Кольчужный кулак Тина Баральты молниеносно мелькнул в воздухе и врезался в лицо Мебре, так что шипы оставили длинные царапины на щеке шпиона. На стену брызнула кровь. Мебра отшатнулся и прижал руки к разодранному лицу.

— Не фамильярничай, — спокойно сказал Баральта. — Ты подготовил Калама, я так понимаю? Дал ему нужные... указания?

Мебра сплюнул кровь, затем кивнул.

— Ты безошибочно сможешь его выследить, командир.

— До самого лагеря Ша'ик?

— Да. Но молю тебя, господин, будь осторожен. Если Калам вас заметит, он уничтожит Книгу. Оставайтесь на день позади него, может, даже больше.

Тин Баральта вытащил из кошеля на поясе кусочек шкуры бхедерина.

— Телёнок ищет матку, — сказал он.

— И находит безошибочно, — закончил Мебра. — Чтобы убить Ша'ик, тебе понадобится армия, командир.

Красный Клинок улыбнулся.

— Это наша забота, Мебра.

Мебра заколебался, глубоко вздохнул, затем сказал:

— Я бы хотел только одного, господин.

— Ты бы хотел?

— Я нижайше прошу, командир.

— Чего?

— Оставь жизнь Каламу.

— Раны твои неравномерны, Мебра. Позволь я приласкаю и другую сторону твоего лица.

— Выслушай меня, командир! «Мостожог» вернулся в Семь Городов. Он назвал себя воином Апокалипсиса. Но пристанет ли Калам к лагерю Ша'ик? Сможет ли человек, рождённый, чтобы приказывать, подчиняться другому?

— К чему ты клонишь?

— Калам тут по другой причине, командир. Он хотел только получить безопасный проход через Пан'потсун-одан. Он забрал Книгу лишь потому, что это обеспечит ему безопасность. Убийца направляется на юг. Зачем? Мне кажется, это захотели бы узнать Красные Клинки — и Империя. А такое знание можно получить, лишь пока он дышит.

— Ты что-то подозреваешь.

— Арэн.

Тин Баральта фыркнул.

— Хочет воткнуть клинок в рёбра Пормквалю? Мы все благословили бы его за это, Мебра.

— Каламу плевать на Первого Кулака.

— Так что же ему нужно в Арэне?

— Мне только одно приходит в голову, командир. Он ищет корабль, который направляется в Малаз. — Сгорбившись и потирая пульсирующее болью лицо, Мебра из-под полуприкрытых век наблюдал, как его слова медленно пускают корни в сознании командира Красных Клинков.

После долгой паузы Тин Баральта тихо спросил:

— Что ты предлагаешь?

Несмотря на боль, Мебра улыбнулся.

Словно грудa уложенных друг на друга глыб известняка, утёс вздымался над пустыней на высоту четырёх сотен саженей. Выветренный склон был покрыт глубокими трещинами и расселинами, а в самой большой из них — на высоте примерно пятидесяти саженей над песком — стояла башня.

Единственное сводчатое окно чернело на фоне кирпичей.

Маппо тревожно вздохнул.

— Я никакого очевидного подхода туда не вижу, но должен же быть путь! — Он бросил взгляд назад, на своего спутника. — Ты считаешь, там кто-то живёт.

Икарий вытер запекшуюся кровь со лба, затем кивнул. Он наполовину выдвинул меч из ножен и нахмурился, заметив кусочки плоти, которые застряли в зазубринах на лезвии.

Д'иверсы застали путников врасплох, дюжина леопардов цвета песка выскользнула из лошины в десятке шагов справа, когда друзья готовились разбить лагерь. Один прыгнул на спину Маппо, вцепился клыками в загривок, разрывая крепкую шкуру трелля когтями. Леопард пытался убить его так, словно Маппо был антилопой, — потянулся к горлу, норовил повалить на землю. Но трелль не был антилопой. Клыки глубоко вошли в плоть, однако нашли только мускулы. В ярости трелль забросил руки за спину и сорвал зверя с плеч. Ухватив рычащего леопарда за шкуру на шее и бёдрах, Маппо изо всей силы стукнул его головой о ближайший валун так, что треснул череп.

Остальные одиннадцать бросились на Икария. Маппо отбросил тело леопарда в сторону, резко обернулся и увидел, что четверо зверей уже неподвижно лежат у ног яггута-полукровки. Когда взгляд трелля упал на Икария, Маппо внезапно охватил страх. Насколько? Насколько далеко зашёл ягг? Благослови нас Беру, только не это.

Один из зверей вцепился клыками в левое бедро Икария, и Маппо увидел, как древний меч воина рванулся вниз и одним ударом отрубил голову леопарду. Жутковатая деталь — голова ещё некоторое время висела на ноге Икария, словно хлещущий кровью бесформенный мешок.

Оставшиеся в живых хищники кружили вокруг спутников.

Маппо рванулся вперёд и ухватился за бешено бьющий хвост. Трелль заревел и швырнул рычащего зверя в воздух. Извиваясь, леопард пролетел семь или восемь шагов, а затем врезался в камень и сломал себе хребет.

Для д'иверса всё было кончено. Он осознал свою ошибку и попытался отступить, но Икарий был неумолим. Глухое клокотание в его горле переросло в пронзительный рёв — и ягг устремился к пяти оставшимся леопардам. Те бросились врассыпную, но поздно. Хлынула кровь, рассечённая плоть с глухим звуком упала на землю. Мгновение спустя ещё пять тел неподвижно лежали на песке.

Икарий резко развернулся, высматривая следующую жертву, и трелль сделал полшага вперёд. В следующую секунду пронзительная скорбная песнь Икария затихла, и ягг распрямылся. Каменным взглядом он посмотрел на трелля и нахмурился.

Маппо увидел капли крови на лбу Икария. Жуткий звук исчез. Не слишком далеко. Не успел. Ох, боги нижнего мира, этот путь... зря я, дурак, за ним пошёл. На краю остановился, на самом краю.

На запах крови д'иверса — пролитой столь щедро — придут другие. Спутники быстро свернули лагерь и скорым шагом направились прочь. Перед уходом Икарий вынул из колчана одну из стрел и воткнул её в песок на видном месте.

Под покровом ночи они бежали трусцой. Обоих гнал вперёд отнюдь не страх смерти, куда больший ужас скрывался в том, чтобы убивать. Маппо молился про себя, чтобы стрела Икария оказалась достаточно весомым предупреждением для остальных.

Рассвет застал спутников у восточной гряды. За утёсами вздымались выветренные горы, которые отделяли Рараку от Пан'потсун-одана.

Некое существо не обратило внимания на стрелу и шло по их следу — примерно в лиге позади. Трелль почуял его ещё час назад: одиночник, и облик он принял громадный.

— Найди для нас тропу наверх, — сказал Икарий, натягивая тетиву на лук. Он вытащил оставшиеся стрелы и прищурился, глядя назад. Всего в сотне шагов мерцающий жар поднимался над песком, словно занавес, и скрывал всё вокруг. Если одиночник покажется там и бросится в бой, ягг успеет выпустить полдюжины стрел. Врезанные в их древка Пути смогли бы уничтожить даже дракона, но по выражению лица Икария было件нятно, что его мутит от одной мысли об этом.

Маппо коснулся глубокой раны на шее. Растерзанная плоть воспалилась, горела, по ране ползали мухи. Мускулы пульсировали глубокой болью. Он вытащил из мешка побег кактуса-джегуры и выжал в рану сок. По шее распространилось онемение, позволившее треллю шевелить руками без мучительной боли, от которой его бросало в пот последние несколько часов. Маппо поёжился от внезапной прохлады. Сок джегуры был так силен, что использовать его можно было только раз в день, иначе онемение достигло бы лёгких и сердца. И мухи слетелись бы на запах в ещё большем количестве.

Он приблизился к расселине в каменном склоне. Трелли живут на равнинах. Маппо не обладал особыми умениями скалолаза и совсем не был рад предстоящему испытанию. Трещина была достаточно глубока, чтобы поглотить утренний свет солнца, и узкой у основания — едва ли в ширину его плеч. Ссутулившись, трелль скользнул внутрь, и холодный, затхлый воздух вызвал у него новую волну дрожи. Глаза быстро приспособились к полумраку, и Маппо разглядел дальнюю сторону расселины в шести шагах впереди. Ни ступенек, ни ухватов для рук. Задрав голову, он посмотрел наверх. Выше расселина расширялась, но стенки оставались гладкими до выступа, на котором, как решил Маппо, стояла башня. Ничего похожего, например, на болтавшуюся верёвку с узлами. Загорчав от разочарования, трелль выбрался обратно на солнечный свет.

Икарий стоял лицом к пустыне: стрела на тетиве, лук натянут. В тридцати шагах от него покачивался на четырёх мощных лапах огромный бурый медведь, зверь приподнял голову и принюхивался. Одиночник догнал их.

Маппо присоединился к спутнику.

— Этого я знаю, — тихо произнёс трелль.

Ягг опустил оружие и ослабил тетиву.

— Обращается, — сказал Икарий.

Медведь накренился вперёд.

Маппо заморгал, потому что зрение на миг помутилось. Он почувствовал вкус песка, ноздри раздулись от сильного,пряного запаха превращения. Трелль ощутил инстинктивную волну страха, сухость во рту, от которой стало трудно глотать. В следующий миг обращение завершилось, и к спутникам шагнул человек — голый и бледный под палящими лучами солнца.

Маппо медленно покачал головой. Под личиной одиночник был огромной, мощной горой мышц — но теперь Мессремб оказался ростом всего в пять футов, почти безволосым, худым, как кость, узколицым человечком с лошадиными зубами. Его маленькие глазки цвета граната поблёскивали среди смешливых морщинок, которые вызвала появившаяся на лице одиночника улыбка.

— Маппо Трелль! Нос мне подсказал, что это ты!

— Давно не виделись, Мессремб.

Одиночник с интересом рассматривал ягга.

— О да, это было к северу от Нэмила.

— Думается, тамошние девственные сосновые леса тебе больше подходили, — проговорил Маппо, вспоминая те времена, вольные дни, когда огромные караваны треллей ещё отправлялись в великие странствия.

Улыбка исчезла с лица одиночника.

— Это точно. А ты, господин, должно быть, Икарий, создатель механизмов, а ныне — погибель д'иверсов и одиночников. Знай, что я чувствую большое облегчение от того, что ты опустил лук — у меня сердце едва не выскочило из груди, когда я заметил, что ты прицелился.

Икарий хмурился.

— Я не стал бы ничьей погибелью, будь выбор за мной, — произнёс он. — На нас напали без предупреждения, — добавил он, но в голосе ягга прозвучала странная неуверенность.

— То есть у тебя не было возможности предупредить это злополучное создание. Да упокоятся части его души. Я-то — уж точно не опрометчив. Единственный мой бич — любопытный нос. «Что это за запах смешивается с Маппиным, — подумал я, — так похож на яггутский, но чуть-чуть иной?»

Теперь, когда глаза дали мне ответ, я готов продолжить свой путь по Тропе.

— Ты знаешь, куда он тебя приведёт? — спросил Маппо.

Мессремб словно оцепенел.

— Вы видели врата?

— Нет. Что ты ожидаешь там найти?

— Ответы, старый друг. Теперь позвольте вас избавить от запаха моего превращения и отойти на некоторое расстояние. Пожелаешь мне всего доброго, Маппо?

— Конечно, Мессремб. И добавлю к пожеланию предупреждение: четыре ночи назад мы столкнулись с Рилландарасом. Будь осторожен.

Что-то от медвежьей дикости мелькнуло в глазах одиночника.

— Я его поищу.

Икарий и Маппо смотрели вслед человеку, который вскоре скрылся за каменным выступом.

— Безумие кроется в нём, — заметил Икарий.

От этих слов трелль вздрогнул.

— В них всех, — вздохнул Маппо. — Подъёма я пока не нашёл, кстати. В пещере ничего нет.

До спутников вдруг донёсся неспешный стук подкованных копыт. На тропе, идущей вдоль склона, появился человек на чёрном муле. Он сидел, скрестив ноги, на высоком деревянном седле, и был закутан в изорванную, грязную телубу. Руки, лежавшие на резной луке седла, были цвета ржавчины. Лицо скрывал капюшон. Мул казался странным: шерсть — чёрная, кожа внутри ушей — чёрная, даже глаза — чёрные. Ровный цвет ночи нигде не нарушался, если не считать грязи и пятен, похожих на засохшую кровь.

Приблизившись, человек покачнулся в седле.

— Входа нет, — прошипел он, — только выход. Час ещё не настал. Жизнь, данная за жизнь отнятую, запомни эти слова, запомни! Ты ранен. Светисься от заражения. Мой слуга позаботится о тебе. Услужливый человек с просоленными руками: одна морщинистая, другая розовая — осознаёшь важность? Ещё нет, ещё нет. Так редко приходят... гости. Но я вас ждал.

Мул остановился напротив расселины и бросил на двух странников печальный взгляд, когда всадник попытался распрямить согнутые ноги. При этом человек поскуливал от боли, и, в конце концов, отчаянные усилия нарушили его равновесие так, что, взвизгнув, незнакомец свалился с седла и мешком рухнул в песок.

Увидев ярко-алую кровь, которая проступила на ткани телабы, Маппо шагнул вперёд.

— Ты и сам ранен, господин!

Человек извивался на земле, словно полупарализованная черепаха, ноги его так и оставались скрещенными. Капюшон свалился, открыв большой крючковатый нос, клочковатую тонкую бородёнку, лысую макушку, покрытую татуировками, и кожу цвета тёмного мёда. На искажённом гримасой лице сверкнул ряд великолепных белых зубов.

Маппо опустился на колени, пытаясь рассмотреть рану, из которой вылилось столько крови. Мощный запах железа щекотал ноздри треллю. Потом Маппо сунул руку под балахон незнакомца и вытащил открытый бурдюк. Хмыкнув, он посмотрел через плечо на Икария.

— Не кровь. Краска. Красная охра.

— Помоги мне, олух! — рявкнул человек. — Ох, ноги мои, ноги!

В недоумении Маппо помог человеку распрямить ноги, при этом каждое движение сопровождалось жалобными стонами. Как только человек поднялся и сел, он тут же начал лупить самого себя по бёдрам.

— Слуга! Вина! Вина, чтоб тебя, тупица безголовый!

— Я тебе не слуга, — холодно сказал Маппо, отступая на шаг. — И я не беру с собой вино, когда иду через пустыню.

— Да не ты, варвар! — Человек гневно оглянулся. — Где он?

— Кто?

— Слуга, разумеется. Он думает, что возить меня — это его единственная обязанность... Ага, вот он!

Проследив за взглядом человека, трелль нахмурился:

— Это мул, господин. Сомневаюсь, что он сумеет откупорить бурдюк с вином, не говоря уж о том, чтоб наполнить кубок. — Маппо улыбнулся Икарию, но ягг не обращал внимания на происходящее: он снял тетиву с лука, а теперь устроился на камне и чистил меч.

Продолжая сидеть на земле, человек набрал пригоршню песка и швырнул её в мула. От испуга зверь заревел, рванулся к расселине и вскоре скрылся в пещере. С натужным стоном человек поднялся на ноги и стоял, покачиваясь, его руки быстро теребили одна другую, словно от нервного тика.

— Так-то, нагрубил гостям, — пробормотал он с неуверенной улыбкой. — Как-то! Как-то нагрубил гостям, я имел в виду. Бессмысленные извинения и добродушные жесты очень важны. Нижайше прошу прощения за временное падение гостеприимства. О да, очень прошу. Мои манеры оказались бы получше, не будь я настоятелем этого храма. Послушнику следует

подлизываться и скоблить полы, а потом ворчать и жаловаться в компании собратьев по несчастью. Ага, вот и Слуга.

Широкоплечий, кривоногий мужчина в чёрном одеянии вышел из пещеры. В руках он держал поднос с кувшином и глиняными чашами. Лицо его скрывала чадра слуги, в прорези видны были глубокие карие глаза.

— Ленивый олух! Паутину видел где-нибудь?

Акцент Слуги застал Маппо врасплох. Малазанский!

— Нет, Искарал.

— Обращайся ко мне по званию!

— Верховный жрец...

— Не так!

— Верховный жрец Искарал Прыщ из Тесемского храма Тени...

— Кретин! Ты — Слуга! А значит, я...

— Хозяин.

— Вот именно. — Искарал обернулся к Маппо. — Мы редко разговариваем, — пояснил он.

Икарий подошёл к ним.

— Значит, это Тесем. Мне говорили, что это монастырь, посвящённый Королеве грёз...

— Они съехали, — буркнул Искарал. — Забрали с собой свои фонари, оставили только...

— Тени.

— Умный ягг, но меня об этом предупреждали, о да! Вы оба больны, как недоваренные свиньи. Слуга приготовил для вас покои. А также отвары целебных трав и корней, лечебные настойки и эликсиры. Белый паральт, эмулор, тральб...

— Это всё яды, — заметил Маппо.

— Да ну? Неудивительно, что свинья померла. Уже почти пора, не приготовиться ли нам к восхождению?

— Веди, — согласился Икарий.

— Жизнь, данная за жизнь отнятую. Следуй за мной. Никому не перехитрить Искарала Прыща. — Верховный жрец повернулся к склону и гневно прищурился.

Маппо не понимал, чего они ждут. Через несколько минут трелль откашлялся.

— Твои послушники спустят вниз лестницу?

— Послушники? Нет у меня послушников. Никакой возможности посамодурствовать. Очень печально, никто у меня за спиной не ворчит и не жалуется, никакой радости быть верховным жрецом. Когда б не шёпот моего бога, я бы вообще это дело бросил, уж поверьте и примите во внимание, учитывая всё, что я уже сделал и сделаю.

— Я вижу движение в расселине, — сказал Икарий.

Искарал хмыкнул.

— Бхок'аралы. Они тут гнездятся на склоне. Гнусные писклявые твари, лезут под ноги, нюхают то одно, то другое, мочатся на алтарь, гадят мне в подушку. Они — моё проклятье, выбрали меня из всех, и за что? Я ведь даже не освежал ни одного из них, не сварил их мозги, чтобы выскрести их ложечкой из черепов во время изысканной, цивилизованной трапезы. Ни силков, ни ловушек, ни яда, но всё равно они преследуют меня. За что — нет ответа. Я в отчаянии.

Солнце опускалось всё ниже, и бхок'аралы стали смелее: перелетали с уступа на уступ, цеплялись ручками и ножками за щели и выступы на отвесном склоне и ловили ризанов — маленькие летающие ящерки как раз выбирались из укрытий на ночную кормёжку. Маленькие обезьяноподобные бхок'аралы хлопали кожистыми, как у летучих мышей, крыльями, были лишены хвостов, а их крапчатые шкурки отливали рыжевато-коричневым и бурым. Если не считать длинных резцов, лица бхок'аралов удивительно напоминали человеческие.

Из одинокого окна башни вывалилась и развернулась из мотка верёвка с узлами. Крошечная круглая головка высунулась наружу и посмотрела на них.

— Разумеется, — добавил Искарал, — некоторые из них оказались довольно полезны.

Маппо вздохнул. Он-то надеялся, что сыщется какой-нибудь чародейский способ подняться наверх, что-то достойное верховного жреца Тени.

— Выходит, придётся карабкаться.

— Конечно, нет! — возмутился Искарал. — Слуга заберётся наверх, а затем поднимет нас.

— Ему потребуется немалая сила, чтобы поднять меня, — заметил трелль. — Да и Икария тоже.

Слуга поставил на землю поднос, поплевал на руки и подошёл к верёвке. Он взобрался по ней с неожиданной ловкостью. Искарал присел рядом с подносом и плеснул вина в три чаши.

— Слуга — наполовину бхок'арал. Длинные руки. Железные мускулы. Дружит с ними — вот возможный источник всех моих бед. — Искарал взял себе одну чашу и, выпрямившись, указал на поднос. — К счастью для Слуги, я такой

мягкий и терпеливый хозяин. — Он обернулся, чтобы посмотреть, как человек карабкается по верёвке. — Быстрей, пёс паршивый!

Слуга уже добрался до окна, перелез через подоконник и скрылся из виду.

— Дар Амманаса этот Слуга. Жизнь, данная за жизнь отнятую. Одна рука старая, другая — новая. Вот истинное раскаяние. Увидите.

Верёвка задрожала. Верховный жрец проглотил остатки вина, отшвырнул в сторону чашу и заковылял к верёвке.

— Слишком долго был открыт! Уязвим. Живей-живей! — Он уцепился руками за один из узлов и поставил ноги на другой. — Тяни! Оглох, что ли? Тяни!

Искарал пулей взлетел вверх.

— Лебёдка, — заметил Икарий. — Слишком быстро, чтобы было иначе.

Маппо поморщился — боль вернулась к плечам, затем сказал:

— Ты ждал чего-то другого, я так понимаю.

— Тесем, — проговорил Икарий, глядя, как жрец скрылся в окне. — Храм исцеления. Чертог отшельнического созерцания, хранилище свитков и книг. Ненасытные монахины.

— Ненасытные?

Ягг взглянул на своего друга и приподнял брови.

— О да.

— Какое тяжкое разочарование.

— Весьма.

— В таком случае, — заметил Маппо, когда верёвка снова упала вниз, — я думаю, что отшельническое созерцание помутило ему рассудок. Война с бхок'аралами и шепотки бога, которого иные и самого считают безумным...

— Но здесь есть сила, Маппо, — тихо сказал Икарий.

— Точно, — согласился трелль, подходя к верёвке. — Когда мул скрылся в пещере, там открылся Путь.

— Тогда почему же верховный жрец им не воспользовался?

— Сомневаюсь, что мы сможем получить простые ответы у Искараала Прыща, друг мой.

— Держись покрепче, Маппо.

— О да.

Икарий вдруг протянул руку и положил ладонь на плечо Маппо.

— Друг мой.

— Да?

Ягг хмурился.

— У меня не хватает стрелы, Маппо. Более того, на моём мече кровь, а на тебе я вижу ужасные раны. Скажи, мы с кем-то дрались? Я... ничего не помню.

Трелль долго молчал, а затем сказал:

— На меня напал леопард, когда ты спал, Икарий. Тебе пришлось использовать оружие. Я не думал, что об этом стоит упоминать.

Икарий нахмурился ещё больше.

— И снова, — медленно прошептал он, — я утратил время.

— Ничего ценного не потерял, друг мой.

— Иначе ты сказал бы мне? — В серых глазах ягга отразилась отчаянная мольба.

— Зачем бы я молчал, Икарий?

Глава третья

Красные Клинки были в то время самой многочисленной из промалазанских организаций, которые появились на оккупированных территориях. Члены этого воинственного квазикульта рассматривали себя как сторонников прогресса, принимавших ценности объединения в Империю, и печально прославились жестоким прагматизмом по отношению к более консервативным соотечественникам...

Илем Траут. Жизнь покорённых

Фелисин неподвижно лежала под Бенетом, пока он с последним содроганием наконец не кончил. Отодвинувшись, он ухватил в пятерню её волосы. Под слоем грязи его лицо покраснело, а глаза блестели в свете лампы.

— Ты ещё научишься получать от этого удовольствие, девочка, — сказал Бенет.

Волна чего-то дикого всегда накатывала после того, как Фелисин оказывалась под ним. Она знала, что это пройдёт.

— Наверняка, — ответила Фелисин. — Он получит день отдыха?

Хватка Бенета на миг стала крепче, но потом он расслабился.

— Ага, получит. — Он отодвинулся дальше и начал завязывать штаны. — Но как по мне, смысла в этом никакого. Старик всё равно до конца месяца не дотянет. — Бенет помолчал, глядя на неё; его дыхание стало жёстким. — Худов дух, девочка, ты ведь красавица. Будь поживее в следующий раз. Не пожалеешь. Я тебе мыло добуду, новый гребешок, от вшей настойку. Работать будешь тут, на Загибах, — это я обещаю. Покажи, что тебе приятно, девочка, только и всего.

— Скоро, — сказала Фелисин. — Когда перестанет болеть.

Пробил одиннадцатый дневной колокол. Они находились в третьем забое Дальней шахты на Загибах. Забой выдолбили Гнилоноги, поэтому по всей длине — почти четверть мили — высота тоннеля едва позволяла ползти на четвереньках. В затхлом воздухе стоял запах отатараловой пыли и мокрого камня.

Все остальные уже давно были бы в Присмерке, но за Бенетом стоял капитан Саварк, поэтому он мог делать что вздумается. Например, захватить для личных нужд заброшенный забой. Фелисин была здесь уже в третий раз. В первый было труднее всего. Бенет заметил её сразу же после прибытия в Черепок, шахтёрский лагерь в Досийских коях. Бенет был огромен, выше даже Бодэна, и хотя сам являлся рабом, командовал всеми прочими рабами, так что стража считала его своим человеком среди заключённых — жестоким и опасным. К тому же он был поразительно красив.

Фелисин быстро училась на тюремном корабле. Ей нечего было продавать, кроме своего тела, но оно оказалось ценным товаром. Отдаваясь стражникам, она получала больше еды для себя, Геборика и Бодэна. Раздвигая ноги для нужных людей, смогла добиться, чтобы всех троих приковали у килевого трапа, а не в полной нечистот воде, которая плескалась по щиколотку в трюме. Другие сгнили в этой воде. Некоторые захлебнулись, когда голод и болезни ослабили их настолько, что не хватало сил удержаться на поверхности.

Гнев и горе, которые вызывала у Геборика цена, которую Фелисин за это платила, поначалу было сложно не замечать, они заставляли её испытывать жгучий стыд. Но такой ценой они остались в живых: это была несомненная истина. Бодэн тогда — и до сих пор — только смотрел на неё ничего не выражающим взглядом. Он наблюдал за Фелисин, как незнакомец, который никак не может разобраться, кто она на самом деле. Но он держался рядом — и сейчас тоже маячил за спиной у Бенета. Между двумя мужчинами явно установилась какая-то молчаливая договорённость. Когда Бенета не было поблизости, чтобы защитить её, рядом оказывался Бодэн.

На корабле Фелисин хорошо изучила вкусы мужчин, а также тех немногих женщин-стражниц, которые брали её к себе в койку. Она думала, что готова

к Бенету, и ко многому действительно оказалась готова. Ко всему, кроме размера.

Поморщившись, Фелисин натянула свою рабскую тунику.

Бенет посмотрел на неё. Высокие скулы рельефно выступали под глазами, длинные чёрные курчавые волосы поблёскивали от китового жира.

— Я отправлю старика на Земельку, если хочешь, — сказал он.

— Правда?

Бенет кивнул.

— Для тебя всё изменится. Я не возьму ни одну другую женщину. Я — король Черепка, ты будешь моей королевой. Бодэн станет твоим личным телохранителем — я ему доверяю.

— А Геборик?

Бенет пожал плечами.

— Вот ему доверия нет. И проку от него никакого. Только тележки таскать — на большее он не способен. Тележки или плуг на Земельке. — Взгляд Бенета метнулся к Фелисин. — Но он твой друг, так что я ему что-то подберу.

Фелисин провела пальцами по волосам.

— Тележки его и убивают. Если ты его поставишь на плуг, это не особая услуга...

Бенет нахмурился, и Фелисин подумала, что зашла слишком далеко.

— Ты никогда не тянула тележку с камнями, девочка. Тянешь одну пол-лиги по тоннелям, потом идёшь обратно, и всё по новой — три, четыре раза в день. Сравни это с тем, чтобы волоочь плуг по мягкой, изрытой земле. Проклятье, девочка! Если я сниму старика с тележек, я это должен как-то оправдать. В Черепке все работают.

— Но дело ведь не только в этом, да?

Вместо ответа он отвернулся и пополз к выходу из забоя.

— У меня каннское вино, свежий хлеб и сыр. Була приготовила для стражников рагу, и нам достанется по миске.

Фелисин последовала за ним. От одной мысли о еде потекли слюнки. Если сыра и хлеба окажется вдосталь, можно будет приберечь немного для Геборика, хотя тот настаивал, что нужны только мясо и фрукты. Но такие яства в Черепке ценились на вес золота, и найти их было не легче. Фелисин подумала, что он обрадуется всему, что бы она ни принесла.

Было ясно, что Саварк получил приказ уморить историка. Никаких убийств — слишком велик политический риск; медленная, мучительная смерть от голода

и непосильного труда. Отсутствие рук у Геборика дало капитану повод отправить его таскать тележки. Каждый день историк налегал на ремни, вытаскивая сотни фунтов дроблёного камня из Глубокой шахты к Присмерку. Все остальные тележки тащили волю – по три на каждое животное. Геборик тянул только одну – вот и всё, что указывало на его принадлежность к роду человеческому.

Фелисин не сомневалась, что Бенет знает об инструкциях, которые получил Саварк. Власть «короля» Черепка была не безграничной, хоть он и утверждал обратное.

Они добрались до основной штольни, до Присмерка оставалось около четырёх сотен шагов. Если в Глубокой шахте толстая, богатая и прямая жила отатарала шла под холмами, то на Загибах жилы скручивались, поднимались и опускались, петляли в известняке. В отличие от железной руды на континенте, отатарал никогда не уходил в материковый грунт. Найти его можно было только в толще известняка, отатарал залегал долгими, неглубокими жилами, которые текли, словно реки ржавчины, между окаменевшими растениями и моллюсками.

«Известняк – это кости некогда живших созданий, – сказал Геборик на вторую ночь в лачуге, которую они заняли в Запкойном ряду – ещё до того, как Бенет перевёл их в более престижный район за таверной Булы. – Я раньше читал об этой теории, а ныне и сам убедился. Теперь приходится признать, что отатарал, похоже, не естественная руда».

«Это важно?» – поинтересовался Бодэн.

«Если это не естественное образование, то что же? – Геборик ухмыльнулся. – Отатарал, погибель магии – рождён магией. Если бы я был менее добросовестным учёным, написал бы об этом трактат».

«Это ты к чему?» – спросила Фелисин.

«К тому, – объяснил Бенет, – что так он подтолкнул бы магов и алхимиков к попыткам сотворить собственный отатарал».

«Ну и что с того?»

«Жилы, которые мы тут разрабатываем, – снова заговорил Геборик, – похожи на слой жира, который когда-то расплавился, а теперь лежит между слоями известняка. Весь остров должен был расплавиться, чтобы образовались такие жилы. Чародейство, породившее отатарал, вышло из-под контроля. Я бы не хотел нести ответственность за то, что подобная катастрофа может вновь повториться».

У ворот Присмерка стоял одинокий малазанский солдат. За спиной у него начиналась насыпная дорога, ведущая в городок. Далеко впереди солнце как раз садилось за грядку на границе рудника, так что Черепок накрыли ранние тени, покрывало сумрака, которое приносило благословенное избавление от дневной жары.

Молодой стражник положил руки в наручах на крестовину своей пики.

Бенет хмыкнул.

— А напарник твой где, Пелла?

— Этот растреклятый досий ушёл, Бенет. Может, тебе удастся достучаться до Саварка — Худ свидетель, нас он не слышит. Солдаты-досии растеряли остатки дисциплины. Наплевали на расписание нарядов, всё время только и делают, что режутся в орлянку у Булы. Нас всего семьдесят пять человек, а их — две сотни, Бенет, а теперь ещё все эти разговоры про мятеж... объясни это Саварку.

— Да ты совсем историю позабыл, — сказал Бенет. — Досии не встают с коленей уже три сотни лет. Они по-другому жить не умеют. Сперва ими помыкали выходцы с континента, потом фаларские колонисты, а теперь вы, малазанцы. Так что успокойся, мальчик, пока не потерял лицо.

— «Историей утешаются дураки», — заметил молодой малазанец.

Бенет лауще хохотнул и шагнул к воротам.

— А это чьи слова, Пелла? Не твои же.

Стражник приподнял брови, затем пожал плечами.

— Я иногда забываю, что ты — корелец, Бенет. Это слова императора Келланведа. — Взгляд Пеллы метнулся к Фелисин, и в нём сверкнуло напряжение. — «Кампании Империи» Дукера, том первый. Ты ведь малазанка, Фелисин. Помнишь, что там говорится дальше?

Она покачала головой, гадая, что вызвало скрытое напряжение в этом молодом человеке. «Я научилась читать людей по лицам, а Бенет ничего не замечает».

— Я не знакома с трудами Дукера, Пелла.

— Стоит познакомиться, — с улыбкой заметил стражник.

Фелисин почувствовала нетерпение Бенета и шагнула к воротам мимо Пеллы.

— Боюсь, во всём Черепке и одного свитка не найдётся, — сказала она.

— Ну, может, найдёшь человека, который выудит продолжение из памяти, хм?

Фелисин снова посмотрела на него и нахмурилась.

— Мальчик с тобой флиртует? — поинтересовался Бенет. — Будь мягкой, девочка.

— Я подумаю, — тихо ответила Пелле Фелисин, а затем снова двинулась к Загибским воротам.

Догнав Бенета на дороге, она улыбнулась.

— Не люблю таких нервных типов.

Он расхохотался.

— Это меня успокаивает.

«О, благословенная Королева грёз, пусть это окажется правдой».

Окружённые отвалами битого камня штольни зияли по обе стороны насыпной дороги до того места, где она сливалась с двумя другими на перекрёстке Трёх доль, широкой вилки, рядом с которой возвышались две приземистые досийские караулки. К северу от Загибной дороги, по правую руку от идущих к перекрёстку, лежала Глубокая дорога; на юге, слева от Фелисин, тянулась Штольная дорога, которая вела к выработанной шахте, куда каждый вечер вывозили мертвецов.

Повозки с телами нигде не было видно, значит, задержалась в городке: видимо, трупов сегодня набралось больше, чем обычно.

Они повернули на перекрёстке и оказались на Рабочей дороге. За северной караулкой раскинулось Утопное озеро — гладь бирюзовой воды тянулась до самой северной стены рудника. Говорили, что вода проклята и нырнувший туда стинет. Некоторые верили, что на дне живёт демон. Геборик предположил, что недостаток плавучести — свойство самой богатой известняком воды. В любом случае, мало кто из рабов был настолько глуп, чтобы пытаться сбежать через озеро, поскольку стена рудника на севере была ничуть не уже, чем в других местах, а сама она постоянно поблёскивала каплями скапливавшихся на корке известняковых отложений, которые покрыли кладку, словно влажная, полированная кость.

Тем не менее, когда наступил сухой сезон, Геборик попросил Фелисин обращать внимание на уровень воды в Утопном озере, и шагая по Рабочей дороге, она присматривалась к дальнему берегу, несмотря на сумерки. Линия отложений поднималась над водой на сажень. Эта новость его обрадует, хотя Фелисин и не понимала почему. Даже думать о побеге было абсурдно. Вокруг рудника простиралась безжизненная пустыня, в которой питьевой воды не было на несколько дней пути в любом направлении. Рабы, которые смогли выбраться за стену, а затем ускользнуть от патрулей на Жучьей дороге, окружавшей копи, оставили свои кости в красных песках пустыни. Забраться так далеко удавалось немногим, и на широкой стене башни в Ржавом уклоне стальные шипы напоказ выставляли свидетельства их неудачи. Недели не проходило, чтобы башня не украсилась телом новой жертвы. Чаще всего беглецы умирали на первый день, но некоторые мучились дольше.

Вымощенная истёртыми камнями Рабочая дорога тянулась между таверной Булы справа и чередой борделей слева, а затем выходила на Крысиную площадь. Посреди круглой площади стояла выложенная из отёсанного известняка, шестиугольная башня Саварка. Из всех рабов внутри трёхэтажного строения бывал только Венет.

Двенадцать тысяч рабов жили в Черепке, огромном руднике в тридцати лигах к северу от единственного на острове города и порта Досин-Пали. Кроме них и трёх сотен стражников тут поселились и местные: проститутки в борделях, служанки в таверне Булы и в игорных домах, работники, связавшие судьбу с малазанскими войсками, торговцы, наполнявшие Крысиную площадь в День

отдыха, а также разношёрстное воинство изгнанников, бездомных и обездоленных, которые выбрали для жизни рудник, а не гнилостные переулки Досин-Пали.

— Рагу будет холодное, — проворчал Бенет, когда они подошли к таверне Булы.

Фелисин вытерла пот со лба.

— Хоть что-то холодное.

— Это ты ещё не привыкла к жаре. Через месяц-другой будешь дрожать по ночам, как и все остальные.

— По вечерам ещё чувствуется дневной зной. Мне холодно в полночь и предутренние часы, Бенет.

— Перебирайся ко мне, девочка. Я тебя согрею.

Бенет был готов погрузиться в один из своих неожиданных приступов дурного настроения. Фелисин ничего не сказала, понадеявшись, что он на время оставит эту тему.

— Думай хорошенько, от чего отказываешься, — прорычал Бенет.

— Була меня возьмёт к себе в постель, — сказала она. — Можешь посмотреть, а то даже присоединиться. Она нам наверняка разогреет еду. Даже вторую порцию даст.

— Она тебе в матери годится, — буркнул Бенет.

«А ты — в отцы». Но она уже услышала, как изменилось его дыхание.

— Она круглая, и мягкая, и тёплая, Бенет. Подумай.

Фелисин знала, что он подумает, и разговор о переезде не возобновится. По крайней мере, сегодня. Геборик ошибается. Бессмысленно думать про завтра. Только про следующий час, и следующий, и ещё. Выживай, Фелисин, и живи хорошо, если получится. Однажды ты окажешься лицом к лицу со своей сестрой, и тогда даже океана крови из её жил не хватит, придётся удовлетвориться просто всем их содержимым. Выживай, девочка, вот и всё. Борись за каждый час...

Фелисин взяла Бенета за руку, когда они подошли к таверне, и почувствовала, что его ладонь взмокла от пота, рождённого в воображении картиной, которую она ему посулила.

Однажды. Лицом к лицу, сестра.

...Геборик ещё не спал, сидел у очага, завернувшись в одеяло. Он поднял глаза на Фелисин, когда та забралась в комнату и закрыла за собой люк в полу. Она вытащила из сундука овчину и набросила на плечи.

— Неужели ты начала получать удовольствие от жизни, которую выбрала, девочка? В такие ночи я начинаю сомневаться.

— Я-то думала, тебе уже надоело осуждать меня, Геборик, — сказала Фелисин, снимая с крючка бурдюк с вином, и начала рыться в груди полых тыковок, пытаясь найти чистую. — Я так понимаю, Бодэн ещё не вернулся. Кажется, даже такая простая задача, как помыть посуду, ему не по силам. — Фелисин нашла чашку, которая сошла бы за чистую при не очень внимательном осмотре, и выдавила в неё вино.

— Для разнообразия могла бы попробовать просохнуть, — заметил Геборик. — Это ведь уже не первая ночь подряд, я полагаю.

— Не учи меня жить, старик.

Покрытый татуировками жрец вздохнул.

— Худ побери твою сестрицу, — пробормотал он. — Не захотела просто убить тебя. Превратила собственную четырнадцатилетнюю сестру в шлюху. Если Фэнер услышал мои молитвы, судьба Тавор превзойдёт её преступления.

Фелисин выпила половину чашки и посмотрела на Геборика затуманенными глазами.

— Я в прошлом месяце вошла в шестнадцатый год, — сказала она.

Его глаза вдруг показались ужасно старыми, затем Геборик отвёл взгляд и снова стал смотреть в огонь.

Фелисин снова наполнила чашу, а потом тоже подошла к очагу. Навоз в жаровне горел ровным бездымным пламенем. Возвышение, в котором был устроен очаг, было отполировано и наполнено водой. Огонь согревал воду для мытья и умывания, а само возвышение излучало довольно тепла, чтобы прогнать из комнаты ночной холод. Половицы укрывали обрывки досийского ковра и камышовые циновки. Всё строение было приподнято на сваях на пять футов над песком.

Усевшись на низенький деревянный табурет, Фелисин прижала промёрзшие ступни к тёплому камню.

— Я тебя видела сегодня у тележек, — слегка невнятно проговорила она. — Рядом шёл Ганнип с хлыстом.

Геборик заворчал.

— Это их весь день веселило. Ганнип говорил своим стражникам, что отгоняет мух.

— Он рассёк кожу?

— Да, но следы Фэнера хорошо меня лечат, ты же знаешь.

— Раны — да, но не боль... Я же вижу, Геборик.

Он покосился на Фелисин.

— Странно, что ты хоть что-нибудь видишь, девочка. Чем это от тебя пахнет? Дурхангом? Поосторожней с ним. Этот дым тебя уведёт в штольню потемнее и поглубже, чем даже в Глубокой шахте.

Фелисин протянула ему чёрный комочек размером с гальку.

— Я избавилась от своей боли, теперь твоя очередь.

Он покачал головой.

— Спасибо за предложение, но не сейчас. Ты держишь в руках месячный заработок досийского стражника. Я бы посоветовал использовать это для торговли.

Фелисин пожала плечами и положила дурханг обратно в кошель на поясе.

— Всё, чего я хочу, Бенет даёт мне просто так. Нужно только попросить.

— И ты думаешь, что он это тебе даёт бесплатно?

Она выпила.

— Всё равно что бесплатно. Тебя переводят, Геборик. На Земельку. С завтрашнего дня. Больше никакого Ганнипа с хлыстом.

Он закрыл глаза.

— Почему, когда я тебя благодарю, во рту остаётся такой горький привкус?

— Мой затуманенный вином мозг говорит: «Лицемерие».

Она увидела, как кровь отлила от лица Геборика. Ох, Фелисин, слишком много дурханга, слишком много вина! Неужели я делаю добро Геборику только для того, чтобы посыпать ему соль на раны? Я не хочу быть такой жестокой. Она вытащила из-за пазухи еду, которую сберегла для него, наклонилась и положила свёрток на колени историку.

— Утопное озеро опустилось ещё на сажень.

Геборик промолчал, не сводя глаз со своих культей.

Фелисин нахмурилась. Нужно было сказать ему что-то ещё, но память подводила. Она допила вино и выпрямилась, провела обеими руками по волосам. Кожа на голове словно онемела. Фелисин замерла, заметив, что Геборик исподтишка смотрит на её груди — круглые и полные под натянувшейся туникой. В этой позе она простояла чуть дольше, чем было необходимо, а затем медленно опустила руки.

— У Булы есть фантазии о тебе, — медленно проговорила Фелисин. — Её интригуют... возможности. Тебе это пойдёт на пользу, Геборик.

Он рывком сорвался с табурета, так что нетронутый свёрток с едой покатился по полу.

— Худов дух, девочка!

Она смеялась, глядя, как историк откинул в сторону занавеску, которая отделяла его койку от остальной комнаты, а потом неуклюже задёрнул её за собой. В следующий миг Фелисин замолчала и услышала, как старик забирается в постель.

Я хотела, чтобы ты улыбнулся, Геборик, — хотела объяснить она. — И не хотела, чтобы мой смех прозвучал так... жестоко. Я не то, что ты думаешь.

Ведь верно?

Фелисин подняла свёрток с едой и положила его на полку над очагом.

Час спустя, когда Фелисин без сна лежала на своей койке, а Геборик — на своей, вернулся Бодэн. Он подбросил навоза в очаг, двигался тихо. Не пьян. Фелисин задумалась, где же он был. Куда ходил каждую ночь? Самого Бодэна спрашивать бессмысленно. Он мало говорил с другими, а с ней — меньше прочих.

В следующий миг Фелисин пришлось изменить своё мнение: она услышала, как Бодэн тихонько постучал пальцем по перегородке Геборика. Историк тут же откликнулся, говорил тихо, так что слов было не разобрать, а Бодэн что-то прошептал в ответ. Разговор продолжался ещё минуту, а потом Бодэн тихонько хохотнул по-своему и пошёл ложиться.

Эти двое что-то задумали, но Фелисин потрясло другое. Они ничего ей не сказали! Понимание вызвало вспышку ярости. Я им помогла остаться в живых! Я им помогала — с самого корабля! Була права — все мужчины ублюдки, годны только на то, чтобы их использовать. Ну ладно же, сами увидите, как остальным живётся в Черепке, от меня больше помощи не дождётесь. Я тебя ещё отправлю обратно на тележки, старик, клянусь! Фелисин обнаружила, что едва сдерживает слёзы, и поняла, что ничего подобного не сделает. Ей и вправду был нужен Бенет, и она будет платить, чтобы удержать его. Но нужны были и Геборик с Бодэном, какая-то часть её души цеплялась за них, как ребёнок за родителей, отрицала жестокость, которая заполнила весь остальной мир. Потерять это — потерять их — значило бы потерять... всё.

Ясное дело, они подумали, что Фелисин продаст их тайну так же легко, как продаёт своё тело, но это не так. Клянусь, это неправда.

Фелисин уставилась невидящим взглядом в темноту, по щекам катились слёзы. Я одна. Остался только Бенет. Бенет, его вино, его дурханг и его тело. Между ног до сих пор саднило с того момента, когда Бенет всё-таки присоединился к ним с Булой на огромной постели в таверне.

Она сказала себе: это только вопрос силы воли — превратить боль в удовольствие.

Терпи и выживай. Каждый день. Каждый час.

Рынок на набережной начал заполняться утренними толпами, поддерживая иллюзию того, что этот день ничем не отличается от любого другого. Страх обдавал Дукера холодом, который не могло развеять даже восходящее солнце. Он сидел, скрестив ноги, на моле, глядя на бухту и дальше – в Сахульское море, и страстно желал, чтобы адмирал Нок и его флот вернулись.

Но этот приказ даже Колтейн не мог оспорить. У виканца не было власти над малазанскими военными флотилиями, и по воле Пормквала сегодня Сахульский флот покинул гавань Хиссара и вышел в месячное плавание до Арэна.

Несмотря на все попытки делать вид, будто ничего особенного не произошло, уход боевых кораблей хиссарцы не оставили незамеченным: утренний рынок звенел смехом и возбуждёнными голосами. Покорённые одержали первую победу – бескровную в отличие от будущих. Так, по крайней мере, говорили.

Единственным утешением Дукеру служило то, что жрец-джистал Маллик Рэл покинул город вместе с флотом. Впрочем, довольно легко было вообразить, какой отчёт он представит Пормквалю.

Внимание историка привлек малазанский парус в проливе – небольшое грузовое судно подходило с северо-востока. Из Досин-Пали на острове, наверное, или откуда-то дальше по побережью. Этот неожиданный гость в Хиссаре заставил Дукера задуматься.

Историк почувствовал, что кто-то появился рядом с ним, и, обернувшись, увидел Кальпа, который взобрался на невысокий волнолом и теперь болтал ногами над мутной водой в десяти шагах внизу.

– Дело сделано, – проговорил маг так, словно признавался в преднамеренном убийстве. – Я передал весточку. Если твой друг ещё жив, он получит указания.

– Спасибо, Кальп.

Маг беспокойно поёжился. Потёр лицо и покосился на судно, входившее в гавань. Патрульная барка подплыла к кораблю, как только моряки убрали единственный парус. Две фигуры в блестящих доспехах стояли на палубе, глядя на приближавшуюся барку.

Один из людей в доспехах перегнулся через планширь и обратился к офицеру охраны гавани. В следующий миг гребцы начали разворачивать барку – и очень поспешно.

Дукер крикнул.

– Видел?

– Ага, – проворчал Кальп.

Судно двинулось к имперскому причалу – низкие борта оцетинились вёслами чуть выше ватерлинии. Вскоре вёсла снова втянулись, а рабочие на пристани

приняли швартовы. Появился широкий трап, а на палубе историк разглядел лошадей.

— Красные Клинки, — сказал Дукер, увидев, что рядом с животными появились новые вооружённые люди.

— Из Досин-Пали, — добавил Кальп. — Я первых двоих узнал: это Барья Сэтрал и его брат Мескер. У них ещё один брат есть — Орто. Он командует Арэнской ротой.

— Красные Клинки, — задумчиво протянул историк. — Они не питают иллюзий по поводу положения дел. Говорят, они пытаются взять под контроль другие города, и вот теперь мы видим, как их стало вдвое больше в Хиссаре.

— Интересно, Колтейн знает?

На рынке росло напряжение; головы поворачивались, бесщётные глаза следили за тем, как Барья и Мескер выводят своих воинов на причал. Красные Клинки были снаряжены и приготовлены к войне. Они ощетинились оружием, натянули кольчужные штаны и опустили забрала с узкими прорезями. Луки натянуты, стрелы — в открытых колчанах. Конские ножи обнажены и угрожающе топорщатся на передних ногах скакунов.

Кальп нервно сглотнул.

— Не нравится мне это, — пробормотал он.

— Выглядит так, будто они...

— Собрались напасть на рынок, — закончил Кальп. — Это не просто показуха, Дукер. Ох, Фэнерово копыто!

Историк посмотрел на Кальпа, во рту у него пересохло.

— Ты открыл свой Путь.

Маг не ответил и скользнул прочь с мола, не сводя глаз с Красных Клинков, которые уже сели в сёдла и строились на дальнем конце причала — напротив пяти сотен горожан, которые вдруг затихли и начали отступать в переулки, по узким проходам между повозками и навесами торговцев. Давка в толпе вскоре вызовет панику, и именно этого хотели добиться Красные Клинки.

Отпустив копья, которые повисли на лямках из сыромятной кожи, Красные Клинки положили стрелы на тетивы, кони под воинами мелко дрожали, но не двигались с места.

Толпа вдруг вскипела, будто в некоторых местах под ней зашевелилась земля. Дукер увидел фигуры, которые двигались не прочь от пристани, а наоборот — к шеренге воинов.

Кальп сделал полдюжины шагов к Красным Клинкам.

Протолкавшись через толпу, фигуры сбросили капюшоны и телабы, открыв солнцу кожаные доспехи с нашитыми железными пластинами. В затынутых в

перчатки руках блеснули длинные ножи. Тёмные глаза на загорелых, покрытых татуировками лицах виканцев холодно и твёрдо смотрели на Барью и Мескера Сэтралов и их воинов.

Десять виканцев остановились напротив примерно сорока Красных Клинков, и люди за их спинами застыли – безмолвные и неподвижные, словно статуи.

– Посторонитесь! – заревел Барья, лицо которого потемнело от ярости. – Или умрите!

Виканцы бесстрашно и издевательски захохотали.

Дукер сорвался с места и поспешил за Кальпом, который уже приблизился к Красным Клинкам.

Увидев мага, Мескер прорычал проклятье. Его брат нахмурился.

– Не будь дураком, Барья! – прошипел чародей.

Командир Клинков угрожающе сощурился.

– Используешь против меня колдовство – зарублю! – заявил он.

Теперь Дукер уже заметил отатараловые звенья, вплетённые в кольчугу Барьи.

– Мы перережем эту кучку варваров, – прорычал Мескер, – а потом отметим своё прибытие в Хиссар как должно... кровью предателей!

– И пять тысяч виканцев отомстят за убитых родичей, – сказал Кальп. – И отнюдь не стремительными ударами мечей. Нет, вас живьём насадят на железные зубцы набережной. На потеху чайкам. Колтейн не твой враг, Барья. Вложи меч в ножны и представься новому Кулаку. Поступишь иначе – пожертвуешь жизнью, своей и своих солдат.

– Не делай вид, будто меня не видишь! – рявкнул Мескер. – Барья мне не указ, колдун.

Кальп ухмыльнулся.

– Цыц, щенок. Куда Барья идёт, туда Мескер следует. Или ты скрестишь клинки со своим братом?

– Хватит, Мескер, – пророкотал Барья.

Тальвар его брата вылетел из ножен.

– Ты смеешь мне приказывать?!

Виканцы подбадривающе заорали. Несколько смельчаков в толпе за ними рассмеялись.

Лицо Мескера побелело от гнева. Барья вздохнул.

— Брат, не сейчас.

Верховой отряд хиссарской стражи замаячил над головами горожан. Конники начали расчищать себе дорогу между прилавками и лотками. Слева зазвучал улюлюкающий хор голосов: обернувшись, Дукер и остальные увидели шесть десятков виканских лучников, которые уже натянули луки, направив наконечники в Красных Клинков.

Барья медленно поднял левую руку и подал резкий знак. Его воины опустили оружие.

Рыча от разочарования, Мескер с силой вогнал тальвар в деревянные ножны.

— Прибыл почётный эскорт, — сухо заметил Кальп. — Похоже, Кулак вас ждал.

Дукер стоял рядом с магом и смотрел, как Барья ведёт своих Красных Клинков навстречу хиссарским солдатам. Историк поёжился.

— Худов дух, Кальп! Это был рискованный бросок костей!

Чародей хмыкнул.

— На Мескера Сэтрала всегда можно рассчитывать, — сказал он. — Безмозглый, как кошка, и отвлечь его так же просто. Я даже понадеялся на минуту, что Барья примет его вызов — чем бы дело ни закончилось, стало бы на одного Сэтрала меньше. Жаль, что упустили такую возможность.

— Замаскированные виканцы, — начал Дукер, — не имели никакого отношения к встрече Клинков. Колтейн послал шпионов на рынок.

— Хитрый пёс этот Колтейн.

Дукер покачал головой.

— Они себя выдали.

— Ага, и показали всем, что готовы жизнь положить на защиту горожан Хиссара.

— Если бы Колтейн был здесь, Кальп, я сомневаюсь, что он приказал бы этим воинам выйти вперёд. Виканцы очень хотели ввязаться в бой. Защита толпы на рынке тут ни при чём.

Маг потёр лицо.

— Будем надеяться, что хиссарцы считают иначе.

— Идём, — сказал Дукер, — давай выпьем вина, я знаю одно местечко на площади Империи, а по пути Расскажи мне, отчего Седьмая вдруг стала радушной относиться к своему новому Кулаку.

Кальп лающе хохотнул, когда они двинулись прочь от пристани.

— Зауважала, может быть, но уж о радушии речи не идёт. Он всю строевую подготовку переиначил. Мы всего один раз строем ходили с его приезда — и было это в тот день, когда Колтейн принял командование!

Дукер нахмурился.

— Мне говорили, что он гоняет солдат до седьмого пота, так что даже следить за дисциплиной не надо — к восьмому колоколу все так хотят спать, что в казармах тихо, словно на кладбище. Если не «колёса», «черепahi» и «стены щитов», то что же?

— Разрушенный монастырь на холме к югу от города — знаешь его? Кроме главного храма, одни фундаменты остались, но стены где-то по грудь по всей вершине, будто городок небольшой. Сапёры их надстроили, кое-где поставили крыши. Это и раньше был лабиринт узких переходов и тупиков, но сапёры по приказу Колтейна превратили его в настоящий ад. Бьюсь об заклад, там до сих пор бродят заблудившиеся солдаты. Виканец нас гоняет туда каждый день: боевые учения, удержание улиц, штурмы зданий, выход из окружения, вылазки за ранеными. Воины Колтейна играют роль взбунтовавшихся толп и мародёров, и скажу тебе, историк, у них это в крови. — Чародей остановился и вздохнул. — Каждый день... мы жаримся под солнцем, на этом выжженном холме, разделённые повзводно, и каждому взводу даются невыполнимые задачи. — Он поморщился. — Под этим новым Кулаком каждый солдат в Седьмой уже не меньше дюжины раз погиб в учебных сражениях. Капрала Листа убивают просто в каждом упражнении, бедный мальчик уже головой прохудился, а вокруг эти дикари воют и улюлюкают.

Дукер молчал, пока они не приблизились к площади Империи. Когда спутники вошли в Малазанский квартал, историк наконец заговорил:

— Выходит что-то вроде соперничества между Седьмой и виканским полком.

— О да, это неплохая тактика, но, как по мне, дело зашло слишком далеко. Увидим через несколько дней, когда начнём получать поддержку от виканских конников. Начнутся подставы, помяни моё слово.

Они вышли на площадь.

— А ты? — спросил Дукер. — Какое задание Колтейн дал последнему кадровому магу?

— Да глупость! Создаю иллюзии весь день напролёт, пока череп не начинает раскалываться.

— Иллюзии? В учебных боях?

— Ага, это и делает задачи такими невыполнимыми. Поверь, Дукер, меня уже не раз и не два проклинали. И не три даже.

— Да кого же ты призываешь? Драконов?

— Если бы! Я создаю малазанских беженцев, историк. Сотнями. Тысячи утяжелённых пугал, которых солдаты должны тащить из боя, Колтейну показалось мало. Сотворённые малазанцы бегут не в ту сторону,

отказываются выходить из домов, волокут с собой мебель и другие пожитки. Это всё приказы Колтейна — мои беженцы порождают хаос, и в итоге — стоили больше жизней, чем любой другой элемент учений. Я сейчас не самый популярный человек в Седьмой, Дукер.

— А что Сормо И'нат? — спросил историк, у которого вдруг пересохло во рту.

— Колдун? Его нигде не видно.

Дукер задумчиво кивнул. Именно такого ответа он и ожидал. Ты занят, Сормо, читаешь камни в песке. Верно? А Колтейн вовсю трудится, чтобы выковать из Седьмой охранителей малазанских беженцев.

— Чародей, — наконец сказал Дукер.

— Да?

— Умереть десяток раз на учениях — ничто. Когда дело доходит до настоящего боя, умираешь лишь единожды. Подгоняй Седьмую, Кальп. Как только можешь. Покажи Колтейну, на что способна Седьмая, — обсуди это со взводными командирами. Сегодня вечером. А завтра — ступайте на учения и выполните свои задания. Я поговорю с Колтейном, чтобы он дал армии день отдыха. Проявите своё рвение, и он согласится.

— Почему это ты так уверен?

Потому что время на исходе, а вы ему нужны. Вы нужны ему в лучшей форме.

— Выполняйте задания. Побеждайте. А Кулака предоставьте мне.

— Ну, ладно. Посмотрим, что я смогу сделать.

Капрал Лист погиб в первые же минуты учебного боя. Бальт, который командовал воющей оравой виканцев, бесчинствовавших на главной улице условного городка, лично стукнул злополучного малазанца по голове так, что мальчик без чувств растянулся в пыли. Старый воин поднял Листа с земли, перебросил через плечо и вынес из боя.

Ухмыляясь, Бальт трусцой пробежал по грязной тропинке на всхолмье, откуда новый Кулак и его офицеры наблюдали за сражением, и бросил капрала в пыль у ног Колтейна. Дукер вздохнул.

Колтейн огляделся по сторонам.

— Лекарь! Займись мальчиком!

Рядом появился один из костоправов Седьмой и опустился на корточки над капралом. Взгляд раскосых глаз Колтейна нашёл Дукера.

— Я не вижу изменений в том, как сегодня идёт учение, историк.

— Ещё не вечер, Кулак.

Виканец хмыкнул и снова сосредоточил внимание на развалинах, над которыми уже вздымалась туча пыли. Из хаоса выходили солдаты, бойцы Седьмой и виканцы, с несерьёзными ранами и сломанными конечностями.

Поднимая свою дубинку, Бальт нахмурился.

— Ты говорил поспешно, Колтейн, — заявил он. — Сегодня всё иначе.

Дукер заметил, что среди «погибших» больше виканцев, чем солдат Седьмой, и с каждой минутой разница становилась всё более разительной. Где-то в клубах пыли ход битвы решительно переменялся.

Колтейн велел привести коня. Взлетел в седло и бросил жёсткий взгляд на Бальта.

— Останься тут, дядя. Где мои копейщики?

Он нетерпеливо подождал, пока сорок всадников поднимутся на холм. Копья воинов были смягчены обмотками из полосок кожи. Но даже так любой удар, кроме скользящего, скорее всего сломает кость, это Дукер знал наверняка.

Колтейн повёл отряд рысью к развалинам. Бальт сплонул в пыль.

— Ну, самое время, — проворчал он.

— Для чего? — переспросил Дукер.

— Седьмая наконец заслужила поддержку копейщиков. На неделю позже срока, историк. Колтейн ждал, что они окрепнут, а дождался только уныния. Кто же им подарил новый хребет? Ты? Поберегись, а не то Колтейн тебя сделает капитаном.

— Я был бы не против присвоить заслугу, — ответил Дукер, — но это работа Кальпа и взводных сержантов.

— Стало быть, Кальп им подыгрывает? Неудивительно, что битва пошла иначе.

Историк покачал головой.

— Кальп исполняет приказы Колтейна, Бальт. Если ищешь причину поражения своих виканцев, ищи её в другом месте. Можешь начать с мысли о том, будто это Седьмая показывает, на что она на самом деле способна.

— Может, и начну, — протянул старый солдат, и его маленькие тёмные глаза блеснули.

— Кулак зовёт тебя дядей.

— Ага.

— И? Ты ему дядя?

– Я ему кто?

Дукер сдался. Он уже начал понимать виканские представления о юморе. Ясное дело, придётся обменяться ещё дюжиной быстрых реплик, прежде чем Бальт наконец удостоит его ответом. Можно подыграть. Или просто заставить ублюдка ждать... ждать вечно, например.

Из клубов пыли появилось два десятка беженцев, которые странно колыхались на ходу. Каждый тащил невероятные пожитки – массивные тумбочки, сундуки, забитые едой шкафы, подсвечники и древние доспехи. С флангов толпу прикрывал строй солдат Седьмой: они хохотали, кричали и били мечами о щиты, празднуя успешное отступление.

Бальт лауще хохотнул.

– Передай мои поздравления Кальпу, когда увидишь его, историк.

– Седьмая заслужила день отдыха, – сказал Дукер.

Виканец приподнял безволосые брови.

– За одну-то победу?

– Им нужно её прочувствовать, командир. К тому же целителям понадобится время, чтобы срастить кости – плохо будет, если в нужный момент они все окажутся с истощёнными Путями.

– А нужный момент скоро придёт, так?

– Уверен, – медленно проговорил Дукер, – что Сормо И'нат со мной согласится.

Бальт опять сплунул.

– А вот и мой племянник.

Из пыли возникли копейщики во главе с Колтейном. Они прикрывали отход солдат, многие из которых несли или тащили чучела беженцев. По общему числу было понятно, что Седьмая одержала неоспоримую победу.

– Что это у Колтейна с лицом? – спросил Дукер. – Мне на миг показалось, будто я вижу улыбку...

– Почудилось наверняка, – пробурчал Бальт, но Дукер уже достаточно хорошо изучил виканцев и уловил шутивную нотку в голосе старого воина. Затем Бальт добавил: – Передай Седьмой весть, историк. Они заслужили свой день.

Скрипач сидел в темноте. Заросший сад окружал колодец и полукруглую скамейку рядом с колодцем. Прямо над головой сапёра открывался небольшой кусочек звёздного неба. Луны не было. Вдруг он склонил голову набок.

– Двигаешься ты тихо, парень, тут уж ничего не скажешь.

Крокус немного помялся за спиной у Скрипача, затем сел рядом на скамейку.

— Ты небось не ожидал, что он вот так возьмёт и напомним про своё звание,
— заявил юноша.

— Значит, вот что произошло?

— Вот на что это было больше всего похоже.

Скрипач ничего не ответил. Изредка над полянкой проносились ризаны и хватали накидочников, которые парили над колодцем. В прохладный ночной воздух просачивалась из-за задней стены вонь гниющих отбросов.

— Она расстроилась, — сказал Крокус.

Сапёр покачал головой. «Расстроилась».

— Мы просто поспорили. Не пленных пытали.

— Апсалар ничего такого не помнит.

— Зато я помню, парень, такое легко не забудешь.

— Она же просто девушка — рыбачка.

— Чаще всего, да, — согласился Скрипач. — Но иногда... — Он только покачал головой.

Крокус вздохнул, затем сменил тему.

— Значит, это было не по плану? Ну, то, что Калам пойдёт отдельно?

— Старая кровь зовёт, парень. Калам родился и вырос в Семи Городах. К тому же он хочет увидеть эту Ша'ик, пустынную ведьму, Руку Дриджны.

— А теперь ты на его сторону встал, — с тихим раздражением проворчал Крокус. — Полколокола назад ты его чуть в лицо не назвал предателем.

Скрипач поморщился.

— Сложные времена — для всех нас. Ласиин объявила нас вне закона, но разве мы от этого перестали быть солдатами Империи? Малаз — не Императрица, а Императрица — это не Малаз...

— Спорное разделение, я бы сказал.

Сапёр покосился на юношу.

— Вот как? Спроси девочку, может, она тебе объяснит.

— Но вы ведь ждёте восстания. Больше того, вы на него рассчитываете...

— Но это ж не значит, что именно мы должны вызвать Вихрь, правда? Калам хочет быть в сердце событий. Повадка у него такая. На этот раз шанс буквально упал ему под ноги. В Книге Дриджны скрыто сердце богини Вихря — чтобы начался Апокалипсис, Книга должна быть открыта, причём не кем иным, как Провидицей. Калам знает, что это может стоить ему жизни, но доставит Худом проклятую книгу Ша'ик, и так добавит ещё одну трещину в основании рассыпающейся власти Ласиин. Отдай ему должное хотя бы за то, что он твёрдо решил остальных в это не впутывать.

— Ну, вот, опять ты его защищаешь. План был — убить Ласиин, а не ввязываться в мятеж. Я по-прежнему не понимаю, зачем мы вообще приплыли на этот континент...

Скрипач выпрямил спину и посмотрел на звёзды над головой. Звёзды пустыни, острые бриллианты, всегда готовые пролить кровь.

— Разные дороги ведут в Унту, парень. Мы здесь, чтобы найти дорогу, которой прежде, наверное, никто не ходил. Она, может, и вовсе не работает, но мы всё равно будем её искать — с Каламом или без. Худ его знает, возможно, Калам выбрал более мудрый путь — по суше в Арэн, а оттуда на обычном корабле в Квон-Тали. Может, окажется, что самое мудрое наше решение — это разделиться, ведь так увеличиваются шансы на то, что хоть один дойдёт до цели.

— Конечнo! — взорвался Крокус. — А если Калам попадётся? Ты сам отправишься убивать Ласиин? Прославленный копатель окопов, даром что из самого песочек не сыплется. Ты особой уверенности не внушаешь, Скрипач. Мы же всё равно должны доставить Апсалар домой.

Голос Скрипача звучал холодно.

— Не подначивай меня, парень. То, что ты пару лет кошелки таскал на улицах Даруджистана, ещё не даёт тебе права оценивать меня.

На дереве напротив затрещали ветки, а затем появился Моби — повис на одной ручке с ризаном в зубах. Глазки фамилиара блеснули, когда хрустнули кости ящерицы. Скрипач крякнул.

— В Квон-Тали, — медленно проговорил он, — мы найдём больше помощников, чем ты думаешь. Незаменимых нет, и никого нельзя сбрасывать со счетов за бесполезность. Можешь возмущаться, парень, но тебе ещё предстоит немного подрасти.

— По-твоему, я дурак? Ошибаешься! Думаешь, я не понимаю, что ты вообразил, будто у тебя есть ещё одна бритая костяшка в дырке, и я не о Быстром Бене говорю. Калам — убийца, который настолько хорош, что имеет шанс добраться до Ласиин. Но если не он, так есть ведь другой — убийца, обладающий умениями бога, да не просто какого-нибудь старого божества, а самого Покровителя убийц, которого вы зовёте Узлом. Поэтому вы к ней и прицепились — везёте её домой, поскольку она уже не та, какой была раньше, но на самом деле вы хотите, чтобы прежняя вернулась!

Скрипач долго молчал, глядя, как Моби поедает ризана. Когда фамилиар наконец проглотил остатки летучей ящерицы, сапёр откашлялся.

– Я так наперёд не думаю, – проговорил он. – Я действую инстинктивно.

– Скажешь, что тебе не приходило в голову использовать Апсалар?

– Нет, мне не приходило...

– А вот Каламу...

Скрипач вскинулся, но потом пожал плечами.

– Если он об этом не подумал, то уж Быстрый Бен наверняка.

Крокус торжествующе зашипел.

– Я так и знал! Я не дурак...

– Ох, Худов дух, парень, это уж точно.

– Я не позволю этому случиться, Скрипач.

– Этот бхок'арал твоего дяди, – проговорил сапёр, кивая на Моби, – настоящий фамилиар, прислужник чародея? Однако, если Маммот умер, почему он до сих пор здесь? Я не маг, но всегда думал, что такие фамилиары магически... сплавлены со своими хозяевами.

– Не знаю, – признался Крокус, и по его тону Скрипач понял, что юноша прекрасно осознаёт, какие выводы это может за собой повлечь. – Вдруг он просто питомец. Лучше молись, чтоб так и было. Я сказал, что не позволю вам использовать Апсалар. Если Моби – настоящий фамилиар, вам придётся разбираться не только со мной одним.

– Я не стану и пытаться, Крокус, – сказал Скрипач. – Но повторю, тебе ещё предстоит подрасти. Рано или поздно до тебя дойдёт, что ты не можешь говорить за Апсалар. Она будет делать то, что сама решит, нравится тебе это или нет. Она больше не одержимая, но умения бога таятся у неё в костях. – Сапёр медленно обернулся и посмотрел на юношу. – Что, если она решит найти этим умениям применение?

– Не решит, – заявил Крокус, но в его голосе заметно поубавилось уверенности. Он жестом подозвал Моби, и тот неуклюже спланировал на руки к юноше. – Как ты его назвал – бхока...?

– Бхок'арал. Они родом из этих земель.

– Вот оно что.

– Иди поспи, парень. Завтра мы отправимся в путь.

– И Калам тоже.

– Именно. Но мы не встретимся. Для начала двинемся на юг параллельными маршрутами.

Сапёр смотрел, как Крокус идёт в дом, а Моби прижимается к юноше, словно ребёнок. Худов дух, чую, это путешествие мне не понравится.

В сотне шагов от Караванных ворот находилась площадь, где сухопутные торговцы собирались, прежде чем покинуть Эрлитан. Большинство отправится на юг по насыпной прибрежной дороге, которая огибала бухту. Рядом с ней было полно поселений и застав, да и саму мощённую булыжником дорогу малазанцы проложили и затем хорошо охраняли, точнее, должны были, если б городской Кулак не отозвал все гарнизоны.

Из разговоров с разными торговцами и караванщиками Скрипач понял, что разбойники ещё не успели толком воспользоваться исчезновением солдат, но наёмных стражников вокруг было столько, что становилось ясно — торговцы рисковать не намерены.

Притворяться торговцами по дороге на юг было бы бессмысленно: у спутников не было ни денег, ни снаряжения, чтобы поддержать такой маскарад. С учётом того, как опасно стало путешествовать между городами, они решили переодеться пилигримами. Для верующих Тропа Семи — паломничество в каждый из Святых Городов — была почётным и достойным знаком благочестия. Паломничества в этой стране совершались всегда — несмотря на разбойников, завоевателей или войны.

Скрипач решил оставить свой костюм грала и играть роль проводника и телохранителя для Крокуса и Апсалар — правоверных молодожёнов, отправившихся в странствие, которое принесёт их браку благословение Семи Небес. Все поедут верхом: Скрипач — на гральской лошади, норовистой, зато равнодушной к его маскараду, а Крокус и Апсалар — на двух породистых конях из лучших конюшен Эрлитана. В поводу поведут трёх сменных лошадей и четырёх мулов.

Калам ушёл на рассвете, очень коротко попрощавшись со Скрипачом и остальными. Прозвучавшие вчера вечером слова подпортили момент расставания. Сапёр понимал, как Каламу хочется ослабить Ласиин при помощи крови, пролитой во время мятежа, но потенциальная угроза для Империи — и любого, кто займёт трон после падения Ласиин, — была, по мнению сапёра, слишком большой. Они сильно повздорили, и теперь Скрипач чувствовал себя словно погнутой и шербатым клинок.

Был в этом расставании пафос, который Скрипач осознал только много позднее: казалось, что долг, который когда-то объединял их с Каламом в служении одной цели, скреплявший дружбу не хуже, чем что бы то ни было иное, вдруг расточился. И — по крайней мере, в данный момент — в сердце Скрипача ничто не могло занять место этого долга. Он чувствовал себя потерянным и таким одиноким, каким не ощущал себя уже долгие годы.

Через Караванные ворота они собирались выехать в числе последних. Скрипач в очередной раз проверил подпруги у мулов, когда его внимание вдруг привлёк быстрый стук копыт.

На площадь галопом вылетели шестеро Красных Клинков и резко осадили коней. Скрипач посмотрел на Крокуса и Апсалар, которые стояли рядом со

своими лошадьми. Поймав взгляд юноши, он покачал головой и снова взялся за подпругу последнего мула.

Солдаты кого-то искали. Отряд разделился, к каждому из оставшихся караванов направился один из всадников. Скрипач услышал, как копыта отбивают дробь по брусчатке у него за спиной, и усилием воли заставил себя сохранять спокойствие.

— Грал!

Смачно сплюнув, как сделал бы всякий кочевник при встрече с малазанским прихвостнем, Скрипач медленно обернулся.

Под кромкой шлема тёмное лицо Клинка напряглось от этого жеста.

— Однажды Красные Клинки очистят Гральские холмы, — пообещал он и обнажил в улыбке сероватые зубы.

Скрипач в ответ только хмыкнул.

— Если тебе есть что сказать по сути, Красный Клинок, говори. Наши тени уже слишком коротки для лиг, которые надо проехать сегодня.

— Это мера твоей неумелости, грал. У меня всего один вопрос. Отвечай правдиво, ибо я узнаю ложь. Мы хотим знать, выезжал ли сегодня утром через Караванные ворота человек на чалом жеребце.

— Я такого не видел, — ответил Скрипач, — но теперь желаю ему удачи. Да хранят его Семь Духов во всякий день жизни.

Красный Клинок зарычал:

— Предупреждаю: гральская кровь от меня не защитит. Ты был здесь на рассвете?

Скрипач отвернулся к мулам.

— Один вопрос, — проскрежетал он. — За остальные плати монетой, Красный Клинок.

Солдат сплюнул под ноги Скрипачу, рывком развернул коня и поскакал обратно к своим. За полотняным покровом телабы Скрипач позволил себе улыбнуться. Рядом появился Крокус.

— Что случилось? — шипящим шёпотом спросил он.

Сапёр пожал плечами.

— Красные Клинки кого-то ловят. Нас это не касается. Садись на коня, парень. Пора в дорогу.

— Калама?

Скрипач оперся руками о спину мула и поразмыслил, шурясь от яркого света, который играл на выжженных камнях мостовой.

— Может, они разузнали, что святая книга пропала из Арэна. И кто-то везёт её Ша'ик. Никто не знает, что Калам здесь.

Крокуса эти слова не убедили.

— Он встречался с кем-то вчера, Скрипач.

— Со старым знакомым, своим должником.

— Вот и повод предать Калама. Никто не любит, когда напоминают о старых долгах.

Скрипач промолчал. Затем он похлопал мула по спине, так что поднялось облачко пыли, и направился к своему коню. Гральский мерин показал зубы, стоило потянуться к поводьям. Скрипач схватился за узду под подбородком коня. Тот попытался мотать головой, но Скрипач держал крепко, затем наклонился поближе.

— А ну, веди себя прилично, уродливый ублюдок, не то пожалеешь.

Собрав поводья, он взобрался в седло с высокой задней лукой.

За Караванными воротами дорога тянулась на юг, ровная, несмотря на мягкие колебания склона из песчаника, который обрывался на западе над бухтой. По левую руку на расстоянии лиги раскинулись Арифальские холмы. Зазубренные вершины Арифалья будут видны до самой реки Эб, которая течёт в тридцати шести лигах к югу. В холмах живут полудикие племена, и самое крупное из них — гралы. Больше всего Скрипач боялся наткнуться на настоящих гралов. Вероятность, правда, была не очень большая, поскольку в эту пору года гралы угоняют коз на верхние пастбища, где легче найти тень и воду.

Спутники пустили скакунов лёгким галопом и обогнали торговый караван, чтобы не ехать в густом облаке пыли, а затем Скрипач снова повёл отряд медленной рысью. Дневная жара уже давала о себе знать. Целью они выбрали деревушку под названием Салик примерно в восьми с небольшим лигах отсюда. Там спутники смогут остановиться, поесть и переждать самые жаркие часы, прежде чем продолжить путь к реке Троб.

Если всё пойдёт хорошо, через неделю они доберутся до Г'данисбана. По прикидкам Скрипача, Калам к тому времени обгонит их на два-три дня. За Г'данисбаном раскинулся Пан'потсун-одан, малонаселённая пустошь, где было полно выжженных солнцем холмов, побелевших развалин давным-давно мёртвых городов, ядовитых змей, слепней и — Скрипач припомнил слова духовидца Кимлока — созданий куда более смертоносных. Схождение. Тогговы пятки, это мне совсем не нравится. Он подумал о раковине в сумке. Таскать с собой предмет силы — всегда немудро. От неё ещё беды будет больше, чем проку. Что, если какой-нибудь одиночник её унюхает и решит пополнить свою коллекцию? Скрипач нахмурился. Небольшое такое пополнение — одна раковина и три блестящих черепа.

Чем дольше сапёр думал об этом, тем беспокойней ему становилось. Продам лучше какому-нибудь торговцу в Г'данисбане. Лишние деньги не помешают. Эта мысль ему понравилась. Продать раковину, избавиться от неё. Никто не будет отрицать силу духовидца, но опасно на неё слишком полагаться. Таннойские жрецы отдавали жизнь во имя мира. Или чего похуже: Кимлок пожертвовал честью. Лучше полагаться на морантскую взрывчатку в сумке, чем на загадочную раковину. Огневик прожёт одиночника так же, как и обычного человека.

Крокус подстегнул коня и поехал рядом с сапёром.

— О чём задумался, Скрипач?

— Ни о чём. Где твой бхок'арал?

Юноша нахмурился.

— Не знаю. Наверное, он всё-таки был просто животным. Улетел вчера вечером и не вернулся. — Юноша потёр лицо тыльной стороной ладони, и Скрипач увидел на его щеках слёзы. — Пока Моби был рядом, я вроде как чувствовал, что Маммот со мной.

— Твой дядя был хорошим человеком, прежде чем его одержал яггутский Тиран?

Крокус кивнул. Скрипач крякнул.

— Тогда он по-прежнему с тобой. А Моби небось унхал родню. В городе многие знатные семьи держат бхок'аралов. Выходит, всё-таки просто питомец.

— Ты прав, наверное. Большую часть жизни я считал Маммота просто книжником, стариком, который только и делает, что корпит над своими свитками. Мой дядя. А потом оказалось, что он был верховным жрецом. Важным, с влиятельными друзьями вроде Барука. Но прежде, чем я это хоть как-то успел в голове уложить, он погиб. Твой взвод его уничтожил...

— Погоди-ка, парень! То, что мы убили, уже не было твоим дядей.

— Я знаю. Убив его, вы спасли Даруджистан. Я знаю, Скрипач.

— Да не в этом дело, Крокус. Ты должен понять, что дядя, который о тебе заботился и любил тебя, — важнее, чем то, что он оказался верховным жрецом. Уверен, он бы тебе то же самое сказал, если бы мог.

— Как ты не понимаешь? У него была власть, Скрипач, сила, но он с ней ничегошеньки не делал! Прятался только в своей комнатёнке посреди разваливающегося дома! Он мог жить в усадьбе, заседать в Совете, влиять на решения...

К такому разговору Скрипач был не готов. Он никогда особенно не умел утешать и советовать. Да и совета толкового у меня всё равно нет.

— Она тебя сюда пинками пригнала за то, что ты всё время ноешь, парень?

Лицо Крокуса потемнело, он пришпорил коня и поскакал впереди всех. Вздохнув, Скрипач повернулся в седле и покосился на Апсалар, которая ехала в нескольких шагах позади.

— Милые бранятся, да?

Она только по-совиному моргнула. Скрипач снова выпрямился в седле.

— Худова мошонка, — пробормотал он себе под нос.

Искарал Прыщ засунул метлу поглубже в дымоход и неистово потряс. Чёрная туча сажи опустилась на камни очага и осела на сером одеянии жреца.

— Дрова есть у вас? — поинтересовался Маппо с каменного возвышения, на котором спал, а теперь сидел.

Искарал замер.

— Дрова? А что, дровами лучше, чем метлой?

— Чтоб огонь развести, — объяснил трелль. — Выгнать холод из этой комнаты.

— Дрова! Нет, разумеется, нет. А вот навоз — о да! Навоза полным-полно. Огонь! Блестяще. Спалить их дотла! А трелли славятся хитростью? Такого не помню, ничего подобного в редких упоминаниях, мол, трелли то, трелли сё. Тяжкая работа искать письменные упоминания о народе, незнакомом с грамотой. Гм-м.

— Трелли неплохо знакомы с грамотой, — сказал Маппо. — Читают и пишут уже некоторое время. Семь-восемь столетий примерно.

— Нужно обновить библиотеку — дорогостоящее мероприятие. Поднять тени, чтобы разграбить величайшие библиотеки мира. — Жрец уселся у очага и нахмурился, его лицо покрывал слой сажи.

Маппо откашлялся.

— Кого сжечь дотла, верховный жрец?

— Пауков, разумеется. Этот храм наводнили пауки. Убивай их, где только увидишь, трелль. Топчи своими толстокожими ногами, дави загрубевшими руками. Убивай всех без пощады, понимаешь?

Кивая, Маппо закутался в меховое одеяло и лишь чуть-чуть поморщился, когда кожа коснулась сморщенных ран на шее. Лихорадка ушла, как он подозревал, благодаря его внутренним резервам не в меньшей степени, чем из-за сомнительных лекарств, которыми его потчевал безмолвный слуга Искарала. Когти и клыки д'иверсов и одиночников вызывали тяжкую хворь, что приводила к галлюцинациям, дикому безумию, а затем к смерти. Многие

выжившие оставались безумны, бред возвращался к ним на одну-две ночи по девять-десять раз в году. И это безумие нередко приводило к убийствам.

Искарал Прыщ считал, что Маппо избежал этой участи, но сам трелль не стал бы в это верить, пока не пройдут без симптомов, по крайней мере, два лунных цикла. Маппо и думать не хотелось о том, на что может оказаться способен, если им овладеет убийственная ярость. Много лет назад, когда трелль сражался в боевом отряде, разорявшем Ягг-одан, Маппо силой воли вводил себя в подобное состояние, как нередко делали воины, и смерти, которые он принёс, остались с ним навсегда.

Если яд оборотня жив в его венах, Маппо скорее покончит с собой, чем позволит безумию вырваться наружу. Искарал Прыщ потыкал метлой во все углы маленькой кельи, в которой поселили трелля, а затем потянулся к потолку, чтобы сделать то же самое.

— Убей, что кусает, убей, что жалит, — эта священная заповедь Тени, должно быть, перевозданная! Убей, что бегаёт, убей, что ползает. Вас ведь проверили на паразитов, обоих, о да! Никаких незваных гостей. Мы уж приготовили щелочные ванны, но ничего не нашли — ни на одном из вас. Разумеется, мои подозрения по-прежнему сильны.

— Ты давно тут живёшь, верховный жрец?

— Понятия не имею. Это не важно. Важность заключается лишь в свершённых деяниях, достигнутых целях. Время — только подготовка, не более. Должно готовиться столько, сколько требуется. Следует принять, что планирование начинается с рождением. Рождённый прежде всего погружается в тень, окутывается Её святой двойственностью, вкушает Её сладостное млеко. Я живу, чтобы готовиться, трелль, и подготовка уже почти завершена.

— Где Икарий?

— Жизнь, данная за жизнь отнятую, передай ему это. В библиотеке. Монахини оставили всего несколько книг. Фолианты, посвящённые самоуслаждению. Читать лучше в постели, как мне кажется. Все прочие материалы — мои, скудное собрание, чудовищная нищета, я горю от стыда. Есть хочешь?

Маппо встряхнулся. Бормотание верховного жреца обладало гипнотическим эффектом. Каждый вопрос трелля вызвал вычурный монолог, который, казалось, напрочь лишал его воли — сил хватало только на следующий вопрос. В полном соответствии со своими утверждениями Искарал Прыщ делал течение времени бессмысленным.

— Есть? Хочу.

— Слуга готовит еду.

— Он её может принести в библиотеку?

Верховный жрец скривился.

— О, крушение этикета! Но да, если ты настаиваешь.

Трелль заставил себя подняться.

— А где библиотека?

— Поверни направо, пройди тридцать четыре шага, снова поверни направо, двенадцать шагов, затем через дверь направо, тридцать пять шагов, оттуда в арку направо и ещё одиннадцать шагов, последний раз направо, пятнадцать шагов и входи в дверь справа.

Маппо уставился на Искарала Прыща.

Верховный жрец нервно поёжился.

— Иначе говоря, — хмуро проговорил трелль, — поверни налево и пройди девятнадцать шагов.

— Ну да, — буркнул Искарал.

Маппо направился к двери.

— В таком случае, я пойду коротким маршрутом.

— Воля твоя, — проворчал жрец, склонившись над метлой и внимательно рассматривая помело.

«Крушение этикета» объяснилось, когда, войдя в библиотеку, Маппо увидел, что она служила ещё и кухней. Икарий сидел за массивным столом, покрытым чёрными пятнами, в нескольких шагах справа от трелля, а слева Слуга склонился над подвешенным над очагом котлом. Голова Слуги оставалась почти невидимой за клубами пара, испарения собирались в капли и летели обратно в варево, которое тот помешивал деревянной ложкой медленными, величавыми движениями.

— От супа я, наверное, откажусь, — сказал ему Маппо.

— Книжки эти гниют, — сказал Икарий, откидываясь в кресле и глядя на трелля. — Ты пришёл в себя?

— Похоже на то.

Не сводя глаз с Маппо, Икарий нахмурился.

— От супа?.. А-а-а! — Его лицо прояснилось. — Это не суп. Стирка. Ты найдёшь более питательное угощение на разделочном столе. — Ягг указал на стену за спиной у Слуги, затем снова обратился к рассыпающимся страницам старинной книги. — Это потрясающе, Маппо.

— Учитывая, в каком одиночестве жили тут монашки, — сказал Маппо, подходя к разделочному столу. — Я удивлён, что тебя это поражает.

— Я не о тех книгах, друг мой, а об Искараловых. Здесь собраны труды, само существование которых — позабытые слухи. А о некоторых — вроде этой

— я вообще никогда не слышал. «Трактат о планировании ирригационных сооружений в пятом тысячелетии Араркала», четыре автора — ни много ни мало.

Вернувшись к Икарию с оловянной миской, наполненной доверху хлебом и сыром, Маппо заглянул другу через плечо, чтобы рассмотреть подробные рисунки на пергаментных страницах, а затем странную, замысловатую вязь. Трелль хмыкнул. Во рту у него вдруг пересохло, но Маппо сумел выдавить из себя вопрос:

— И что же здесь такого потрясающего?

Икарий откинулся на спинку.

— Такое... легкомыслие, Маппо. Одни только материалы для этого тома стоят не меньше годового заработка ремесленника. Ни один учёный в здравом уме не станет зря тратить столь драгоценные ресурсы — не говоря уж о времени — на такой бессмысленный, банальный текст. И это не единственный пример. Смотри — «Схемы рассеивания семян цветков пурилля на архипелаге Скар». Или вот — «Болезни белорамных моллюсков Лекурской бухты». Более того, я убеждён, что этим трудам тысячи лет. Тысячи!

И написаны они на языке, который ты вряд ли мог бы узнать, не то что прочесть.

Маппо вспомнил, когда последний раз видел подобную вязь — под навесом из шкур, на холме, который отмечал северную границу владений его племени. Он пришёл туда в числе воинов, избранных сопровождать старейшин на встречу, оказавшуюся судьбоносной.

Осенний дождь стучал по шкуре над головой, все сидели на корточках полукругом, лицом к северу и смотрели, как приближаются семь фигур в плащах с капюшонами. Каждый из странников опирался на посох, и когда они вошли под навес и остановились перед старейшинами, Маппо с содроганием заметил, что посохи словно бы извиваются перед глазами, как деревянные змеи или те деревья-паразиты, что обвивают чужие стволы, выдавливая из них жизнь. Затем он понял, что вьющееся безумие было на деле рунической вязью — постоянно изменяющейся на древках, словно невидимые руки вырезали на них новые слова с каждым вдохом и выдохом.

Затем один из пришедших отбросил капюшон, и так началась встреча, которая изменила будущий путь Маппо. Его мысли метнулись прочь от этого воспоминания.

Дрожа, трелль сел, расчищая место для тарелки.

— Это всё почему-то важно, Икарий?

— Знаменательно, Маппо. Цивилизация, которая произвела на свет эти книги, верно, была неизмеримо богатой. Язык явно связан с современными диалектами Семи Городов, хотя кое в чём более изощрён. И ещё — взгляни на этот символ, здесь, на корешке каждого тома. Изогнутый посох. Я этот знак уже где-то видел, друг мой. В этом я уверен.

— Богатой, говоришь? — Трелль попытался увести разговор от темы, которая, как он знал, может стать бездонной пропастью. — Скорее уж погрязшей в мелочах. Должно быть, потому и обратилась в прах и пыль. Обсуждали семена на ветру, когда варвары ломались в ворота. Праздность принимает различные формы, но она всегда приходит к цивилизациям, которые пережили собственную волю к жизни. Тебе это известно не хуже, чем мне. В данном случае это была праздность, связанная с поиском знаний, безумной гонкой за ответами на все вопросы, без оглядки на ценность этих ответов. Цивилизация так же легко может потонуть в том, что знает, как и в том, чего не знает. Вспомни, — продолжил он, — «Блажь Готоса». Познания стали проклятием Готоса, он слишком много знал — обо всём. Обо всех изменениях, о всякой возможности. Этого хватило, чтобы отравить любой взгляд, который он бросал на мир. Ничего ему не дало, хуже того, он и об этом тоже знал.

— Тебе точно стало лучше, — с оттенком сухой иронии заметил Икарий. — Твой пессимизм возродился. В любом случае, эти труды подтверждают моё мнение, что многие руины в Рараку и Пан'потсун-одане — свидетельства процветавшей некогда цивилизации. Быть может, даже первой воистину человеческой цивилизации, от которой произошли все остальные.

Не думай об этом, Икарий. Оставь эти мысли.

— И как эти соображения связаны с нами в теперешней ситуации?

Выражение лица Икария слегка поблекло.

— Это моя одержимость временем, разумеется. Писание заменяет память, понимаешь? И сам язык от этого изменяется. Подумай о моих механизмах, которыми я стремлюсь измерить поток часов, дней и лет. Такие измерения по природе своей цикличны, повторяемы. Слова и предложения когда-то обладали таким же ритмом и потому могли быть сохранены в сознании, а затем повторены с совершенной точностью. Возможно, — на миг задумался ягг, — если бы я был неграмотен, не был бы и столь забывчив. — Он вздохнул и с трудом улыбнулся. — К тому же я просто убивал время, Маппо.

Трелль постучал широким сморщенным пальцем по открытой книге.

— Думается, авторы этого трактата защищали бы свои труды теми же словами, друг мой. У меня есть более насущное опасение.

Холодное выражение лица ягга не слишком успешно скрывало веселье.

— И в чём же оно заключается?

Маппо развёл руками.

— В этом месте. Никогда Тень не значилась среди моих любимых культов. Гнездилище убийц и кого похуже. Иллюзии, обманы, предательства. Искарал Прыщ притворяется безобидным, но меня не проведёшь. Он нас явно ждал и рассчитывал на наше участие в каком-то своём хитроумном плане. Мы многим рискуем, задерживаясь здесь.

— Но, Маппо, — медленно произнёс Икарий, — именно здесь, в этом месте, будет достигнута моя цель.

Трелль вздрогнул.

— Я боялся, что ты так скажешь. Теперь тебе придётся мне это объяснить.

— Не могу, друг мой. Пока не могу. У меня есть лишь подозрения, не более того. Когда буду уверен, наберусь и смелости для объяснений. Можешь проявить ко мне терпение?

Перед внутренним взором трелля встало другое лицо, человеческое, худое и бледное, по которому ручейками текла дождевая вода. Тусклые серые глаза нашли Маппо, стоявшего за спиной у старейшин.

— Вы знаете нас? — Голос был сухим, как старая кожа.

Один из старейшин кивнул.

— Мы знаем вас как Безымянных.

— Хорошо, — ответил человек, не сводя взгляда с Маппо. — Безымянные, которые мыслят не годами, а столетиями. Избранный воин, — продолжил он, обращаясь к Маппо, — что ты можешь узнать о терпении?

Как грачи, взлетающие с трупа, воспоминания умчались прочь. Глядя на Икария, Маппо растянул губы в улыбке — так, что показались блестящие клыки.

— Терпение? Вот уж ничего другого к тебе проявить не смогу. Как бы там ни было, я не доверяю Искаралу Прыщу.

Слуга начал доставать из котла мокрые тряпки и простыни и голыми руками выжимать горячую воду из дышащей паром ткани. Глядя на него, трелль нахмурился. Одна из рук Слуги была до странности розовой, нежнокожей, почти юношеской. Другая более подходила пожилому человеку — мускулистая, заросшая жёстким волосом, загоревшая.

— Слуга?

Тот даже не поднял глаз.

— Ты что, язык проглотил? — продолжил Маппо.

— Похоже, — заметил Икарий, когда Слуга вновь не ответил, — он нас не слушает. Не сомневаюсь, что по приказу своего хозяина. Давай осмотрим этот храм, Маппо? Учитывая, что всякая Тень, скорее всего, донесёт эхо наших слов до ушей верховного жреца.

— Что ж, — проворчал трелль, поднимаясь, — и пускай Искарал знает, что я ему не доверяю.

— Он явно знает о нас больше, чем мы — о нём, — сказал Икарий и тоже встал.

Когда они вышли, Слуга продолжил выжимать воду из белья с каким-то диким наслаждением, так что на массивных запястьях набухли вены.

Глава четвёртая

В земле, где

Семь городов высятся в злате,

Даже у пыли есть глаза.

Дебральская пословица

Когда выносили последние тела, вокруг уже собралась толпа пыльных, потных людей. Туча пыли неподвижно висела над входом в штольню с самого утра, с самого обвала в дальнем конце Глубокой шахты. Под руководством Бенета рабы отчаянно трудились, чтобы вытащить примерно три десятка несчастных, оказавшихся под завалом.

Не выжил никто. Безо всякого выражения Фелисин следила за происходящим вместе с дюжиной других рабов с платформы у Входа на Загибы, все ждали, пока подвезут новые бочки с водой. Жара превратила даже самые глубокие забои в раскалённые печи. Под землёй десятки рабов ежечасно валились с ног от изнеможения.

На другой стороне рудника Геборик вспахивал выжженный грунт на Земельке. Он работал там уже вторую неделю, свежий воздух и освобождение от тележек хорошо сказались на его здоровье. Помогли и лимоны, которые доставили по приказу Бенета.

Если бы Фелисин не устроила ему перевод, сейчас Геборик был бы уже мёртв, а его труп лежал бы под тоннами камня. Он ей обязан жизнью.

Это осознание почти не принесло Фелисин удовлетворения. С Гебориком они теперь почти не разговаривали. При затуманенной дурхангом голове Фелисин едва справлялась с тем, чтобы дотащить каждый вечер домой от Булы. Она много спала, но сон не приносил отдыха. Дневная работа на Загибах проходила в бесконечном, глухом мареве. Даже Бенет начал жаловаться, что в постели она стала... как мёртвая.

Скрип и грохот тележек водовозов на изрытой рабочей дороге стал громче, но Фелисин не могла оторвать глаз от спасателей, которые выкладывали изуродованные тела на земле в ожидании повозки для трупов. Что-то в этой сцене вызвало в ней лёгкое чувство жалости, но даже оно требовало слишком много усилий, не говоря уж о том, чтобы отвести глаза.

Несмотря на общую заторможенность, она ходила к Бенету, хотела, чтобы её использовали – всё чаще и чаще. Отыскивала его, когда Бенет был пьян, весел и щедр, когда предлагал её друзьям, Буле и другим женщинам.

«Ты оцепенела, девочка, – сказал Геборик во время одного из редких и коротких разговоров. – Но жажда чувства в тебе растёт, скоро даже боль стодится. Только ты ищешь в неправильных местах».

В неправильных местах. Да что он знает о неправильных местах? Дальний забой Глубокой шахты – вот неправильное место. Штольня, куда сбрасывают трупы, – вот неправильное место. А все остальные места попадают в категорию «ничего, стодится».

Она уже была готова перебраться к Бенету, закономерно завершить череду сделанных выборов. Через несколько дней, наверное. На следующей неделе. Скоро. Фелисин так носилась со своей независимостью, а в конце концов с ней тоже оказалось не так уж трудно расстаться.

– Эй, девочка!

Фелисин заморгала и подняла взгляд. Это был тот молодой малазанец, стражник, который когда-то предупреждал Бенета... давным-давно. Солдат ухмыльнулся.

– Разыскала уже цитату?

– Чего?

– Из писаний Келланведа, девочка. – Теперь юноша хмурился. – Я тебе советовал найти кого-нибудь, кто знает продолжение высказывания, которое я процитировал.

– Не понимаю, о чём ты говоришь.

Он протянул руку, мозоли на большом и указательном пальцах правой руки царапнули кожу, когда солдат взял её за подбородок и поднял, чтобы заглянуть в лицо. Фелисин поморщилась от яркого света, когда он откинул в сторону её волосы.

– Дурханг... – прошептал он. – Ох, сердце Королевы, девочка, ты же на десять лет старше выглядишь, а когда я тебя видел? Две недели тому.

– Попроси Бенета, – проямлила она, отдёргивая голову.

– О чём попросить?

– Меня попроси. К себе в постель. Он согласится, если напьётся. Он сегодня напьётся. Он мёртвых поминает кружкой. Или двумя. Тогда будешь меня трогать.

Он отстранился.

– Где Геборик?

— Геборик? На Земельке. — Она хотела спросить, почему он захотел старика вместо неё, но вопрос сам собой провалился в темноту. Ночью пусть трогает. Ей уже начали нравиться мозолистые руки.

Бенет собирался нанести визит капитану Саварку и решил взять Фелисин с собой. Она слишком поздно поняла, что Бенет хочет заключить какую-то сделку и предложить её капитану в качестве задатка.

Они подошли к Крысиной площади по Рабочей дороге. У дверей таверны Булы стояли полдюжины стражников-досиев, которые проводили их скучающими взглядами.

— Прямо иди, девчонка, — проворчал Бенет и схватил её за руку. — И ноги не волочи. Вот такая ты на деле, да? Всегда хочешь больше.

Теперь, когда Бенет говорил с ней, в его тоне звучали нотки отвращения. Он перестал обещать. Будешь моей, девочка. Перебирайся ко мне. Нам больше никто не нужен. Все грубоватые нашёптывания прекратились. Это не беспокоило Фелисин. Она и так никогда особенно не верила Бенету.

Прямо впереди в центре Крысиной площади темнела приземистая башня Саварка, её огромные, грубо отёсанные каменные блоки были покрыты налётом от дыма, который всегда клубился в Черепке. У входа стоял одинокий стражник, небрежно опираясь на копьё.

— Не повезло, — сказал он, когда они подошли.

— В смысле? — уточнил Бенет.

Солдат пожал плечами.

— Ну с обвалом нынче утром, с чем же ещё?

— Мы спасли бы кого-нибудь, — сказал Бенет, — если бы Саварк послал помощь.

— Спасли бы? А зачем? Саварк не в настроении, если ты жаловаться пришёл. — Тусклые глаза солдата метнулись к Фелисин. — А если с подарком — другой разговор. — Стражник открыл тяжёлую дверь. — Он в кабинете.

Бенет хмыкнул. Покрепче сжав руку Фелисин, он потащил её внутрь. На первом этаже располагался арсенал, на запертых полках вдоль стен лежало оружие. Поодаль виднелись три стула и столик с остатками завтрака стражников. От центра комнаты уходила вверх железная винтовая лестница.

Они поднялись на один пролёт — к кабинету Саварка. Капитан сидел за письменным столом, который, казалось, наспех сколотили из плавника. Его кресло с высокой спинкой было обито бархатом. Перед капитаном лежала толстая учётная книга в кожаном переплёте. Саварк отложил перо и выпрямился.

Фелисин, кажется, никогда прежде не видела капитана. Он прилагал много усилий, чтобы не покидать своей башни. Саварк был тощим, напрочь лишённым жира, мускулы на его обнажённых предплечьях бугрились, словно переплетённые канаты под бледной кожей. Вопреки моде он носил бороду – жёсткие чёрные колечки были смазаны маслом и надушены. Волосы на голове были коротко острижены. Водянистые зелёные глаза вечно щурились над высокими скулами. Широкий рот обрамляли глубокие вертикальные морщины. Капитан пристально смотрел на Бенета, словно Фелисин здесь не было.

Бенет толкнул её на стул рядом со стеной, слева от Саварка, затем уселся сам на одинокий стул точно напротив капитана.

– Нехорошие слухи, Саварк. Хочешь их услышать?

Капитан заговорил тихим голосом:

– Сколько это мне будет стоить?

– Нисколько. Это бесплатно.

– Тогда говори.

– Досии громко болтают у Булы. Сулят приход Вихря.

Саварк нахмурился.

– Опять эта чушь. Неудивительно, что ты принёс такие новости даром, Бенет, цена им – грош.

– Я так тоже подумал поначалу, но...

– Что ещё ты хотел мне сказать?

Взгляд Бенета скользнул по книге на столе.

– Ты записал погибших утром? Нашёл имя, которое искал?

– Я не искал никакого конкретного имени, Бенет. Ты думаешь, будто что-то угадал, но угадывать здесь нечего. Я теряю терпение.

– Среди погибших было четверо магов...

– Довольно! Зачем ты явился?

Бенет пожал плечами, словно отбрасывая все свои догадки и подозрения.

– Подарок, – сказал он, указывая на Фелисин. – Молоденькая. Покорная, но очень горячая. Никакой воли к сопротивлению – делай, что хочешь, Саварк.

Капитан нахмурился ещё сильнее.

– Взамен, – продолжил Бенет, – я хочу получить ответ на один-единственный вопрос. Раба Бодэна арестовали сегодня утром – за что?

Фелисин моргнула. Бодэна? Она помотала головой, пытаясь разогнать туман, которым были окутаны теперь её дни. Важно ли это?

— Арестовали в Бечёвкинском проулке после отбоя. Он сбежал, но один из моих людей опознал его, так что взяли утром. — Водянистые глаза Саварка наконец переключились на Фелисин. — Молоденькая, говоришь? Восемнадцать, девятнадцать? Стареешь, Бенет, если ты это называешь «молоденькая».

Фелисин почувствовала, как взгляд капитана обшаривает её, словно призрачные руки. На этот раз ощущение было отнюдь не приятным. Она с трудом сдержала дрожь.

— Ей пятнадцать, Саварк. Но опытная. Прибыла два корабля назад.

Капитан вдруг пристально посмотрел на неё, и Фелисин заметила, что у него кровь отлила от лица. Бенет поднялся на ноги.

— Пришлю другую. Двух молоденьких девочек с последнего судна. — Он шагнул к Фелисин и вздёрнул её на ноги. — Гарантирую полное удовлетворение, капитан. Они будут здесь в течение часа...

— Бенет, — мягко заговорил Саварк, — Бодэн ведь работает на тебя, да?

— Просто знакомый, Саварк. Не из моих доверенных людей. Спросил, потому что он в моей команде в забое. Сильного человека нет, так что работа пойдёт медленнее, если ты завтра его не отпустишь.

— Смирись с этим, Бенет.

Они друг другу не верят. Эта мысль сверкнула в голове Фелисин, словно воспоминание о давнем-давно утраченной ясности ума. Она глубоко вздохнула. Что-то происходит. Нужно об этом подумать. Нужно слушать. Внимательно слушать.

В ответ на слова Саварка Бенет глубоко вздохнул.

— Больше ничего не остаётся. До скорого, капитан.

Фелисин не сопротивлялась, когда Бенет потащил её к лестнице. Снаружи он быстро потянул её через площадь, даже не ответил стражнику, который отпустил какое-то колкое замечание. Тяжело дыша, Бенет втолкнул Фелисин в тёмный переулочек, а затем развернул лицом к себе. Голос его звучал жёстко и хрипло:

— Кто ты такая, девчонка? Его давно потерянная дочка? Худов дух! Приди же в себя! Отвечай — что это сейчас такое было в кабинете? Бодэн? Кто тебе Бодэн? Говори!

— Он... он никто...

Тыльная сторона его ладони врезалась в лицо Фелисин, словно мешок с камнями. Яркий свет вспыхнул перед глазами, когда она упала на бок. Из носу хлынула кровь, Фелисин растянулась среди гниющих отбросов. Тупо

глядя на землю в шести дюймах от себя, она не могла оторвать глаз от растекающейся в пыли красной лужицы.

Бенет вздёрнул Фелисин на ноги и с силой приложил спиной о деревянную стену.

— Твоё полное имя, девчонка. Отвечай!

— Фелисин, — пробормотала она. — Просто Фелисин..

Бенет снова замахнулся.

Она увидела метки, которые её зубы оставили чуть выше костяшек.

— Нет! Клянусь! Я сирота..

От недоверия глаза Бенета стали совсем безумными.

— Кто?!

— Меня нашли у ворот монастыря Фэнера на острове Малаз... Императрица обвинила... поклонников Фэнера. Геборик..

— Твой корабль пришёл из Унты, девчонка. Ты за кого меня держишь? Ты же благородная..

— Нет! Просто обо мне заботились. Пожалуйста, Бенет. Я не вру. Не понимаю, чего хотел Саварк. Может, Бодэн наврал с три короба, чтобы спасти свою шкуру..

— Твой корабль пришёл из Унты. Ты в жизни не была на Малазе. Монастырь твой — возле какого города он находится?

— В Джакате. На острове всего два города. Второй — Малаз. Меня туда отправили на лето. Учиться. Я должна была стать жрицей. Спроси Геборика, Бенет. Пожалуйста.

— А ну назови мне самый бедный квартал Малаза?

— Самый бедный?

— Живо!

— Я не знаю! Храм Фэнера стоит в Портовом! Он самый бедный? За городом вдоль дороги в Джакату трущобы. Я там только лето провела, Бенет! И Джакаты почти не видела — нам не разрешали выходить! Пожалуйста, Бенет, я ничего не понимаю! За что ты меня бьёшь? Я же всё делала, чего ты хотел — спала с твоими друзьями, позволяла собой торговать, я себя сделала ценной..

Бенет снова ударил её, он уже не пытался добиться ответов или разобраться в отчаянном вранье — в его глазах сверкнуло новое чувство, породившее раскалённый добела гнев. Он бил её методично, в холодной, безмолвной ярости. После нескольких первых ударов Фелисин скорчилась от боли,

прохладная пыль затенённого переулка казалась бальзамом там, где касалась тела. Фелисин попыталась сосредоточиться на дыхании, втягивала воздух, одолевая волны агонии, которую порождало это усилие, медленно выпускала его – ровным потоком, который уносил боль прочь.

В какой-то момент она поняла, что Бенет остановился, наверное, и ударил-то всего несколько раз, а потом ушёл. Фелисин лежала, свернувшись, в переулке, тонкая полоска неба над головой быстро темнела в сумерках. Она слышала голоса на соседней улице, но сюда никто не заглядывал.

Потом Фелисин снова пришла в себя. Видимо, потеряла сознание, пока ползла к выходу из переулка. В дюжине шагов впереди виднелась освещённая факелами Рабочая дорога. По ней пробежали тёмные фигуры. Несмотря на громкий звон в ушах, Фелисин слышала крики и вопли. В воздухе стоял запах дыма. Она хотела ползти дальше, но снова провалилась в темноту.

Лба коснулась прохладная ткань. Фелисин открыла глаза.

Геборик наклонился над ней, будто изучал зрачки – один, затем другой.

– Ты здесь, девочка?

Челюсть болела, губы сковывала засохшая корка. Фелисин кивнула и только теперь поняла, что лежит в собственной кровати.

– Я сейчас вотру немного масла тебе в губы, попробуем их открыть так, чтобы не было очень больно. Тебе нужна вода.

Она снова кивнула и приготовилась терпеть, пока историк прикладывал ко рту смоченную маслом тряпку, привязанную к левой культе. Продолжая работать, он снова заговорил:

– Богатая на события ночь для всех нас. Бодэн сбежал из тюрьмы, поджёг несколько зданий, чтобы отвлечь внимание. Он прячется где-то здесь, в Черепке. Никто не пытался взобраться на стены у гребня или за Утопным озером. По крайней мере, стражники на кордонах у Жучьей дороги не сообщали о попытках прорыва. Саварк объявил награду – хочет получить ублюдка живым, потому что Бодэн ни много ни мало убил троих его людей. Подозреваю, дело не только в этом, как полагаешь? А потом Бенет сообщил, что ты не вышла сегодня на работу в Загибы, так что я задумался. И вот я подошёл поговорить с ним во время полуденного перерыва – сказал, что видел тебя у Булы вчера ночью, мол, он тебя отпустил, потому что ты поизносилась, глотаешь больше дыма, чем воздуха, словно не он в этом виноват. Но он-то говорит и говорит, а я смотрю на его костяшки. Бенет вчера с кем-то дрался, но сам получил только отметины от чужих зубов на руке. И что ж, закончив прополку, я дождался момента, когда на старого Геборика никто не станет обращать внимания, и отправился обыскивать тупики и переулки, признаюсь, ожидая худшего...

Фелисин оттолкнула его руку. Медленно она открыла рот, морщась от боли и чувствуя, как заново открываются ранки.

– Бенет, – прохрипела она. Каждый вздох отдавался в груди болью.

Взгляд Геборика потяжелел.

– Что до него?

– Передай... ему... что я... прошу прощения.

Старик медленно распрямился.

– Я хочу, чтобы.. он меня взял обратно. Передай. Пожалуйста.

Геборик поднялся.

– Отдохни, – проговорил он до странности ровным голосом и пропал из виду.

– Воды.

– Сейчас. Потом спи.

– Не могу.

– Почему?

– Не могу... без трубки. Не могу.

Фелисин почувствовала на себе его взгляд.

– У тебя кровоподтёки в лёгких и сломаны несколько рёбер. Чай подойдёт? Настой дурханга.

– Только покрепче.

Услышав, как он наполняет чашку водой из бочонка, Фелисин закрыла глаза.

– Неплохая история, девочка, – сказал Геборик. – Сирота. Повезло тебе, что я быстро соображаю. Я бы сказал, что теперь Бенет тебе, скорее всего, верит.

– Зачем? Зачем ты мне это говоришь?

– Чтобы успокоить. Думаю, я хочу сказать... – Он подошёл к кровати, сжимая между культиями чашку с водой. – ...Он, вероятно, возьмёт тебя обратно, девочка.

– Я... я тебя не понимаю, Геборик.

Он смотрел, как Фелисин подносит чашку к губам.

– Да, – проговорил историк. – Не понимаешь.

Словно гигантская стена, песчаная буря спустилась с западных склонов Эстарских холмов и приближалась к береговой дороге с мертвящим воем. Хотя такие бури были редки на полуострове, Калам уже сталкивался с их яростью.

Первым делом нужно было сойти с дороги. Она кое-где подбиралась слишком близко к обрыву над морем, а в таких местах утёсы частенько рушились.

Жеребец заупрячился, когда убийца направил его вниз по крутой обочине. Для мускулистого, норовистого зверя этот конь слишком любил удобство. Песок был горячим и ненадёжным, полным коварных провалов. Не обращая внимания на то, что жеребец фыркал и тряс головой, Калам направил коня в долину, а затем пришпорил и пустил быстрой рысью.

В полутора лигах впереди находилась Ладрова Пристань, а за ней, на берегу пересыхающей за лето реки, Ладрова крепость. Калам не собирался там задерживаться, если будет другой выход. Командующий фортом был малазанцем, и под его рукой служили малазанские солдаты. Если получится, убийца обгонит бурю и снова выйдет на береговую дорогу за крепостью, а оттуда двинется дальше на юг через деревню Интесарм.

Стонущий охряный вал затянул горизонт по левую руку от Калама и заметно приблизился. Холмы скрылись из виду. Глухая мгла заслонила небо. Вокруг раздались хлопанье крыльев и визг перепуганных ризанов. Прошипев проклятье, убийца снова пришпорил жеребца и пустил галопом.

Хоть Калам и презирал лошадей в принципе, этот конь был великолепен; казалось, он играючи плывёт над землёй в ритме, возмещающем неловкость посредственного наездника. Калам не был готов признаться себе в большем — в растущей привязанности к этому жеребцу.

Убийца обернулся и разглядел стену бури меньше чем в сотне шагов от себя. Обогнать её не удастся. Вихрь взбитого песка отмечал границу, где ветер встречался с землёй. Калам разглядел в этом воздушном прибое камни размером с кулак. Стена нагонит их через несколько минут. Все звуки заглушил громогласный рёв бури.

Калам разглядел на охряном фоне бури сероватое пятно — оно двигалось чуть впереди, наперерез всаднику. Он откинулся в седле и натянул поводья. Жеребец заржал, выбился из ритма и, остановившись, замолотил передними копытами в воздухе.

— Была бы у тебя хоть капля мозгов, ты бы меня поблагодарил, — буркнул Калам. Серое пятно было роем блох-клещей. Прожорливые насекомые ждали бури, такой, как эта, а затем неслись по ветру в поисках добычи. Хуже того, напрямую их было не видно: разглядеть блох-клещей можно было только сбоку.

Стоило рюю промчатся перед всадником, пришла буря.

Жеребец зашатался, когда стена песка прокатилась по ним. Мир пропал, провалился в воющий, шипящий охряный морок. Со всех сторон летели камешки, так что конь вздрагивал, а Калам постанывал от боли. Убийца склонил укрытую капюшоном голову по ветру. Он прищурился, глядя через узкую прорезь в повязке телабы, и пустил коня шагом.

Калам наклонился в седле, протянул руку и прикрыл левый глаз жеребца, чтобы защитить его от камней и крупной крошки. Уж такую-то благодарность Калама конь точно заслужил.

Они двигались вперёд ещё около десяти минут в непроглядном мареве поднятого в воздух песка. Затем жеребец фыркнул и попятился. Что-то треснуло и захрустело под копытами. Калам наклонился и прищурился. Кости, со всех сторон. Бурей сдуло кладбище – нередкое явление. Убийца успокоил коня, а затем попытался разглядеть что-то в охряном мороке. Где-то рядом должна была стоять Ладрова Пристань, но Калам ничего не видел. Он снова поехал вперёд. Жеребец грациозно переступал через груды костей.

Впереди показалась береговая дорога, а дальше – караулки по обе стороны моста. Деревня, должно быть, где-то справа – если её не сдуло бурей ко всем демонам. За мостом стоит Ладрова крепость.

Обе одиночные караулки зияли пустыми дверями, словно огромные геометрически правильные черепа.

Поставив жеребца в конюшню, Калам пересёк двор, сторбившись под ветром и побряхывая от боли в ногах, и приблизился к воротам крепости. Нырнув под арку, он впервые за многие часы оказался защищён от воя бури. По углам скопились кучки песка, но сухой воздух здесь был спокоен. Стражника на посту не оказалось: одинокая каменная скамья пустовала.

Калам приподнял тяжёлое железное кольцо на двери и с силой ударил им по дереву. Подождал. Наконец по ту сторону послышался звук отодвигаемых засовов. Со скрипом дверь отворилась внутрь. Старый слуга оглядел Калама единственным глазом.

– Внутрь иди, – проворчал он. – К остальным.

Калам проскользнул мимо старика и оказался в просторной общей зале. Все лица обернулись к нему. На дальнем конце главного стола, который тянулся от края до края квадратного зала, сидели четверо мрачных и насторожённых стражников-малазанцев. В лужах вина на столе красовались три кувшина. С другой стороны у стола расположилась жилистая женщина с запавшими глазами, чье лицо было раскрашено в стиле, который лучше было бы оставить юным девушкам. Рядом с ней устроился эрлинский торговец, наверное, муж.

Калам поклонился им и подошёл к столу. Другой слуга, младше первого разве что на несколько лет, принёс ещё один кубок и кувшин, но замешкался, ожидая, пока убийца не выберет себе место – напротив купеческой четы. Старик поставил кубок и налил полмеры, а затем отступил. Торговец приветственно улыбнулся, показав потемневшие от дурханга зубы.

– Ты с севера приехал, стало быть?

Вино оказалось настоящим на травах – слишком сладким и приторным для местного климата. Калам отставил бокал и поморщился.

– А пива нет в этой крепости?

Голова торговца утвердительно качнулась.

— Ещё как есть, к тому же холодное. Но увы — бесплатно наливают только вино, от щедрот нашего хозяина.

— Неудивительно, что бесплатно, — проворчал убийца и жестом подозвал слугу. — Изволь кружку пива.

— Сребреник с вас, — заявил слуга.

— Это неприкрытый грабёж, однако жажда — требовательная госпожа. — Калам нашёл обрезанную джакату и положил на стол.

— Как там деревня? Обвалилась уже в море? — поинтересовался торговец. — А на дороге в Эрлитан — как, держится мост?

Калам заметил на столе перед женой торговца небольшую бархатную сумку. Подняв взгляд, он уставился в её запавшие глаза. Жуткая женщина ему подмигнула.

— Он с тобой не будет сплетничать, Беркру. Путник явился сюда, чтобы укрыться от бури, — больше ты от него ничего не добьёшься, дорогой.

Один из стражников поднял голову.

— А тебе есть что скрывать, да? Не в охране каравана служишь, сам-один приехал? Дезертир из Эрлитанской стражи, а может, проповедник Дриджны, или и то, и другое разом. А теперь прибежал сюда, ждёшь гостеприимства от хозяина — урождённого малазанца.

Калам оглядел солдат. Четыре враждебных лица. Никаким оправданиям сержант не поверит. Стражники уже решили, что его следует упечь в темницу — на эту ночь, по крайней мере, чтобы хоть как-то развеять скуку. Но убийца не хотел проливать кровь. Он положил ладони на стол, медленно поднялся.

— На два слова, сержант, — проговорил Калам. — Наедине.

Темнокожий солдат скривился.

— Горло мне перерезать хочешь?

— Думаешь, я на такое способен? — удивлённо спросил Калам. — На тебе кольчуга, у пояса — меч. С тобой — трое друзей, которые будут держаться рядом, по меньшей мере, чтобы подслушать, о чём мы будем говорить.

Сержант поднялся.

— Да я с тобой и сам справлюсь! — прорычал он и решительно отошёл к дальней стене.

Калам последовал за солдатом. Он вытащил из-под телабы небольшой медальон и поднял повыше.

— Узнаёшь этот знак, сержант? — тихо спросил убийца.

Солдат осторожно наклонился вперёд, чтобы рассмотреть символ, выгравированный на медальоне. Осознание заставило его побледнеть и невольно прошептать:

– Старший Коготь...

– Больше никаких вопросов и обвинений, сержант. Людям не открывай того, что узнал – по крайней мере, пока я не уеду. Ясно?

Сержант торопливо кивнул.

– Прошу прощения, господин, – прошептал он.

Калам криво усмехнулся.

– Твоя подозрительность уместна. Скоро Худ поскачет по этой земле, мы оба это знаем. Сегодня ты ошибся, но продолжай подозревать каждого. Командир крепости знает о положении за её стенами?

– Так точно.

Убийца вздохнул.

– В этом тебе и твоему взводу крупно повезло, сержант.

– Так точно.

– Давай теперь вернёмся к столу?

В ответ на любопытные взгляды подчинённых сержант только помотал головой. Когда Калам снова принялся за пиво, жена торговца потянулась к своей бархатной сумочке.

– Все солдаты попросили нагадать им будущее, – произнесла она и вынула Колоду Драконов. Женщина держала её обеими руками, не сводя пристального взгляда с убийцы. – А ты? Хочешь узнать свою судьбу, незнакомец? Какие боги тебе улыбаются, какие хмурятся...

– У богов нет ни времени, ни желания следить за нами, – с отвращением процедил Калам. – Не втягивай меня в свои игры, женщина.

– Значит, сперва ты припугнул сержанта, – с улыбкой проговорила она, – а теперь хочешь припугнуть и меня. Видишь, каким ужасом меня наполнили твои слова? Я вся трясусь от страха.

Калам презрительно фыркнул и отвёл глаза.

По залу разнёсся грохот: кто-то с силой барабанил по входной двери.

– О, новые таинственные путники! – проскрежетала женщина.

Все смотрели, как привратник появился из соседней комнаты и зашаркал к двери. Кто бы ни ждал позади – он не мог похвалиться терпением: дверь снова задрожала от ударов, прежде чем старик успел потянуться к засову.

Как только засов отодвинулся, створка двери распахнулась от мощного толчка. Привратник невольно отшатнулся. На пороге возникли две фигуры в доспехах, одна из них — женская. Позвякивая металлом и громко топая сапогами, она вышла на середину зала. Невыразительные глаза обежали стражников и других гостей, на миг задержавшись на каждом. Никакого особого внимания к своей особе Калам не заметил.

Женщина наверняка прежде имела военный чин. Возможно, сохраняла его и теперь, хотя по доспехам и вооружению этого нельзя было сказать. Да и мужчина у неё за спиной никакой формы не носил.

Калам разглядел на лицах обоих рубцы и ухмыльнулся про себя. Эти двое нарвались на блох-клещей и были явно совершенно не рады встрече. Мужчина вдруг дёрнулся, когда одно из насекомых укусило его где-то под кольчугой. Разразившись проклятиями, он начал расстёгивать ремешки доспеха.

— Нет, — резко приказала женщина.

Мужчина замер.

Она была из пардийцев, равнинного племени с юга; её спутник казался северянином, возможно, эрлинцем. На его коже — несколько светлее, чем у женщины, — не было видно племенных татуировок.

— Худов дух! — зарычал сержант, глядя на женщину. — Ни шагу дальше! На вас обоих полным-полно клещей. На дальнем конце стола садитесь. Слуги приготовят кедровую ванну — не бесплатно, разумеется.

Поначалу женщина хотела возмутиться, но затем указала рукой в перчатке на дальний конец стола, и её спутник тут же подчинился: подтащил к нему два кресла, а затем уселся в одно из них и замер, как деревянный. В другое кресло села пардийка.

— Кувшин пива, — сказала она.

— Хозяин требует за это денег, — с кривой ухмылкой заметил Калам.

— Клянусь судьбой Седьмого! Вот ведь жадный ублюдок... Эй, слуга! Принеси мне кружку, я сама решу, стоит ли пиво денег. Живо!

— Дамочка решила, что у нас тут таверна, — проворчал один из солдат.

Заговорил сержант:

— Вы все здесь — по милости командира Крепости. И будете платить за пиво, платить за ванну и даже платить за то, чтобы спать на этом полу.

— И это — милость?

Лицо сержанта потемнело — он был малазанцем и находился в одной комнате со Старшим Когтем.

— Четыре стены, потолок, очаг и конюшня даются тебе бесплатно, женщина. Но ты жалуешься, будто принцесса нетронутая, — принимай наше гостеприимство или проваливай.

От ярости глаза женщины превратились в щёлки, затем она вытащила из кошелька на поясе пригоршню джакат и с грохотом припечатала монеты к столешнице.

— Как я понимаю, — мягко проговорила она, — твой милостивый хозяин берёт деньги за пиво даже с тебя самого, сержант. Хорошо, у меня нет выбора, кроме как купить всем здесь по кружке.

— Щедро, — сказал сержант и кивнул.

— Сейчас мы узрим будущее, — заявила жена торговца, выравнивая Колоду.

Калам заметил, как пардийка вздрогнула, увидев карты.

— Уволь, — сказал убийца. — Никакого прока от знания грядущего, даже если у тебя и есть хоть малый дар, в чём я сомневаюсь. Избавь нас от своего постыдного балагана.

Не обращая на него внимания, старуха обернулась к стражникам.

— Все ваши судьбы лежат на... этой! — Она выложила первую карту.

Калам коротко хохотнул.

— Это которая? — спросил один из солдат.

— Обелиск, — ответил Калам. — Эта женщина — шарлатанка. Любой настоящий провидец знает, что эта карта не работает в Семи Городах.

— А ты сам, я погляжу, эксперт в прорицаниях? — огрызнулась старуха.

— Я хожу к опытному провидцу перед каждым долгим путешествием, — ответил Калам. — Глупо было бы этого не делать. Я знаю Колоду, и я видел истинные гадания, когда руку водила сила. Не сомневаюсь, что ты намеревалась потребовать денег со стражников после того, как рассказала бы им, как они все разбогатеют, умрут в глубокой старости, наплодив прежде десятки будущих героев...

Исказившееся лицо старухи ознаменовало конец фарса, жена торговца взвизгнула от ярости и швырнула Колоду в Калама. Карты попали убийце в грудь, отскочили и с треском рассыпались по столу случайным узором — который сложился в расклад. Пардийка с шипением выпустила воздух сквозь зубы, и это был единственный звук, раздавшийся в большом зале.

Калам, которого вдруг прошиб пот, посмотрел на карты. Шесть оракулов окружали седьмой, и эта единственная карта — убийца вдруг с ясностью понял — принадлежала ему. Узел, Убийца Тени. Шесть окружающих карт принадлежали к одному-единственному Дому. Король, Вестник, Каменщик, Пряха, Рыцарь, Королева... Высокий дом Смерти, весь Дом Худа на подбор... вокруг того, кто несёт Святую книгу Дриджны.

— Ну, что ж... — вздохнул Калам, бросив взгляд на пардийку. — Похоже, сегодня я буду спать в одиночестве.

Капитан Красных Клинков Лостара Йил и её подчинённый покинули Ладрову крепость последними, более чем через час после того, как Калам ускакал на юг на своём жеребце и растворился в пыльной мгле утихающей бури.

Вынужденное сближение с Каламом было неизбежным, но сколь бы ни был он искусен в обмане, Лостара ему ничем не уступала. Чванство само по себе могло служить маской, надменность — личиной, скрывающей куда более опасную уверенность в себе.

Неожиданное откровение Колоды Драконов многое открыло Лостаре — и не только о Каламе и его призвании. Выражением лица сержант выдал себя — соучастник, ещё один малазанский солдат, готовый предать Императрицу. Судя по всему, Калам остановился в Крепости далеко не так случайно, как можно было бы подумать.

Проверив лошадей, Лостара обернулась, когда её спутник вышел из главного здания. Красный Клинок ухмыльнулся.

— Ты всё сделала основательно, как обычно, — заметил он. — А вот за командиром мне пришлось погоняться. Нашёл его в крипте. Он там пытался втиснуться в доспехи пятидесятилетней давности. Видать, в молодости был заметно потоньше.

Лостара одним движением взлетела в седло.

— Никто не дышит? Ты всех проверил? Что со слугами в дальнем коридоре? Я с ними разобралась несколько поспешно.

— Ты ни одного бьющегося сердца не оставила, капитан.

— Очень хорошо. В седло! Жеребец убийцы просто убивает этих коней — новых получим в Интесарме.

— Если только Баральта сумеет их обеспечить.

Лостара холодно посмотрела на спутника.

— Верь Баральте, — сухо сказала она. — И радуйся, что — в этот раз — я не доложу ему о твоих сомнениях.

Солдат поджал губы и кивнул.

— Спасибо, капитан.

Красные Клинки поскакали прочь из Крепости, а затем свернули на прибрежную дорогу.

Первый этаж храма состоял из коридора, уходившего по спирали от единственной комнаты, в которой винтовая лестница вела вниз, во тьму. Маппо присел на корточки рядом с каменными ступенями.

— Ведёт небось прямо в крипту.

— Если я правильно помню, — откликнулся Икарий, который остановился у входа в комнату, — когда монахини Королевы грёз умирают, тела просто заворачивают в полотно и укладывают на полки вдоль стен крипты. Тебе интересно рассматривать трупы?

— Обычно-то нет, — ответил трелль и с тихим кряхтением поднялся. — Просто камень меняется, как только ступени уходят ниже.

Икарий приподнял бровь.

— В самом деле?

— Этот этаж вырублен из живого камня — местного известняка. Он мягкий. А вот ниже я вижу отёсанный гранит. Думаю, крипта внизу старше храма. Либо так, либо монашки этого культа решили, что стены крипты и лестницу нужно обтесать, а вот жилые помещения — нет.

Ягг покачал головой и приблизился.

— Я бы сильно удивился. Аспект Королевы грёз — Жизнь. Что ж, давай прогуляемся?

Первым спускался Маппо. Обоим спутникам не был нужен искусственный свет, так что темнота внизу их не останавливала. На ступенях винтовой лестницы виднелись следы мраморной облицовки, но большая её часть давным-давно истёрлась под многочисленными ногами. Твёрдый гранит под мрамором не выказывал никаких признаков эрозии.

Лестница уходила всё ниже и ниже. Семидесятая ступень привела спутников в восьмиугольный зал. Стены были украшены фризами, цвета угадывались по многочисленным оттенкам серого. Сразу за лестничной площадкой пол укрывали ряды прямоугольных углублений, вырезанных прямо сквозь мраморные плиты так, чтобы убрать лежавшие ниже глыбы гранита. Сами глыбы были свалены в кучу, перегораживая проход, ведущий в другое помещение. В каждом углублении виднелся закутанный в саван труп.

Воздух был сухим, лишённым всякого запаха.

— Эти фрески не относятся к культу Королевы, — заявил вслух Маппо, хоть это и не вызвало сомнений: изображения на стенах были посвящены некоему мрачному мифу. Повсюду темнели чёрные, покрытые мхом стволы могучих елей, так что казалось, будто спутники стоят на поляне древнего леса. Кое-где между деревьями мелькали тени громадных четвероногих созданий, их глаза поблёскивали, словно отражали лунный свет.

Икарий присел на корточки и провёл рукой по остаткам мраморных плит.

— Здесь был узор, — проговорил он, — прежде чем монахи устроили тут кладбище. Жаль.

Маппо посмотрел на забаррикадированную арку.

— Если есть разгадки для местных загадок, то они там — за камнями.

— Ты уже восстановил силы, друг мой?

— Силёнок хватит.

Трелль подошёл к арке и потянул на себя самый верхний гранитный блок. Когда глыба накренилась, Маппо поймал её на руки и тут же с диким рычанием согнулся. Икарий бросился на помощь другу и помог ему опустить камень на пол.

— Худов дух! Тяжелей, чем я думал.

— Это я уже понял. Давай тогда возьмёмся вместе?

Через двадцать минут спутники растащили уже довольно гранитных глыб, чтобы можно было пройти под арку. Последние пять минут у них даже была публика — по лестнице спустилась стайка бхок'аралов, которые безмолвно наблюдали за друзьями, цепляясь за перила. Однако когда сначала Маппо, а затем Икарий протиснулись на другую сторону, бхок'аралы остались на месте.

Перед спутниками открылся широкий коридор, обрамлённый парами колонн, сделанными из цельных кедровых стволов. Каждая была никак не меньше сажени в диаметре. Грубую, покрытую глубокими бороздами кору не снимали, но та большей частью отвалилась сама и теперь лежала на полу.

Маппо положил руку на одну из деревянных колонн.

— Только подумай, сколько сил пришлось потратить, чтобы их сюда доставить.

— Принести по Пути, — прихвываясь, сказал Икарий. — Остаточный запах не рассеялся, хоть и прошли века.

— Века? А ты чувствуешь, какой это был Путь, Икарий?

— Куральд Галейн. Старший Путь Тьмы.

— Тисте анди? Сколько я слышал историй Семи Городов, ни разу не встречал упоминаний о тисте анди на этом континенте. И на моей родине, по другую сторону Ягг-одана — тоже. Ты уверен. Как-то не сходится...

— Я не уверен, Маппо. По ощущению похоже на Куральд Галейн, вот и всё. Чувствуется след Тьмы. Это не Омтоз Феллак и не Телланн. И не Старвальд Демелейн. Других Старших Путей я не знаю.

— Я тоже.

Не обменявшись больше ни словом, они пошли дальше. По подсчётам Маппо, коридор закончился через триста тридцать шагов аркой, ведущей в ещё один восьмиугольный зал, пол в котором был поднят на ладонь относительно коридора. Все плиты тоже были восьмиугольные, на каждой были тщательно вырезаны образы, которые затем скололи и изуродовали, словно в приступе безумной ярости.

Остановившись на пороге, трелль почувствовал, как шерсть встаёт дыбом на шее. Икарий встал рядом.

— Я не думаю, — проговорил ягг, — что нам стоит входить в этот зал.

Маппо согласно заворчал. В воздухе стояла вонь чародейства, старая, затхлая, липкая и загустевшая от силы. Словно волны жара, чары поднимались от плит на полу, от вырезанных на них образов и от изуродовавших изображения рытвин и сколов.

Икарий покачал головой.

— Если это и Куральд Галейн, оттенок мне незнаком. Он... искажён.

— Осквернением?

— Возможно. Но вонь от следов когтей отличается от запаха, который идёт от самих плит. Тебе она знакома? Клянусь смертными слезами Дессембрея, наверняка знакома, Маппо!

Трелль прищурился и посмотрел на ближайшую плиту, покрытую глубокими царапинами. Его ноздри задрожали.

— Одиночники. Д'иверсы. Пряный дух оборотней. Конечно. — Маппо дико захохотал, так что по залу раскатилось эхо. — Тропа Ладоней, Икарий. Врата — они здесь.

— Не просто врата, как мне думается, — сказал Икарий. — Взгляни на неповреждённую резьбу — на что это похоже, по-твоему?

Маппо задумался над ответом. Он оглядел пол с растущей уверенностью, но та не принесла ответов, только новые вопросы.

— Похоже, конечно, но... не совсем. Ещё больше раздражает то, что я не могу себе представить никакой связи...

— Таких ответов здесь нет, — перебил его Икарий. — Мы должны идти туда, куда намеревались, Маппо. Мы близки к пониманию — в этом я уверен.

— Икарий, думаешь, Искарал Прыщ готовится принимать новых гостей? Одиночники и д'иверсы, неминуемое открытие врат. Неужели он — и, как следствие, Владения Тени — в сердце этого схождения?

— Не знаю. Давай спросим его.

Оба отступили от арки.

«Мы близки к пониманию». Эти слова вызвали в сердце Маппо ужас. Он чувствовал себя зайцем, в которого уже прицелился опытный лучник, куда ни беги — спасения нет, так что остаётся только замереть на месте. Трелль стоял на стороне сил, которые потрясли его душу, сил прошлого и сил настоящего. Безымянные — со своими обвинениями, намёками и видениями, со своими тайными целями и скрытыми желаниями. Создания седой древности, если есть в трелльских легендах хоть слово правды. Икарий.. О, друг мой, я ничего не могу тебе рассказать. Моё проклятье — молчание в ответ на всякий твой вопрос, и рука, которую я протягиваю как брат, ведёт тебя только к обману. Во имя любви я делаю это и плачу цену.. и какую цену!

Бхок'аралы ждали спутников у лестницы и на безопасном расстоянии последовали за ними обратно на первый этаж.

Верховного жреца друзья застали в вестибюле, который тот превратил в свою спальню. Бормоча что-то себе под нос, Искарал Прыщ наполнял плетёную мусорную корзину подгнившими фруктами, мёртвыми летучими мышами и изуродованными ризанами. Он мрачно покосился через плечо на Икария и Маппо, которые остановились на пороге комнаты.

— Если эти гнусные мартышки следуют за вами, передайте им, чтобы остереглись моего гнева! — прошипел Искарал. — Какое бы помещение я ни выбрал, они тут же решают его использовать как склад для своих мерзких сокровищ. Моё терпение лопнуло! На свой страх и риск они глумятся над Верховным жрецом Тени!

— Мы нашли врата, — заявил Маппо.

Искарал даже не оторвался от уборки.

— Нашли, значит, вот как? Глупцы! Всё не так, как выглядит. Жизнь, данная за жизнь отнятую. Каждый угол, каждый закоулок обыскали, так ведь? Идиоты! Столь самонадеянная похвальба есть знамя невежества. Подняли его и ждёте, что я почтительно склонюсь? Ха! У меня свои секреты, свои планы, свои замыслы. Лабиринт гения Искарала Прыща не распутать таким, как вы. Оба — древние странники в земной юдоли. Почему вы не взошли, как все прочие? Я вам скажу. Долголетие не дарует по умолчанию мудрость. О нет, совсем нет. Надеюсь, вы всех пауков убиваете, каких только видите. Обязательно убивайте, ибо это — тропа мудрости. О да, воистину, тропа! У бхок'аралов маленькие мозги в крошечных круглых черепках. Хитрые, как крысы, глазки блестят, словно чёрные камешки. Как-то четыре часа я глядел в глаза одному из них, а тот — в мои. Никто не отводил взгляд, о нет, это было состязание, которое я бы не проиграл. Четыре часа, лицом к лицу, так близко, что я чуял его зловонное дыхание, а тот — моё. Кто же победит? Ответ был в руках богов.

Маппо взглянул на Икария, затем откашлялся.

— И кто же, Искарал Прыщ, одержал победу в этой... битве умов?

Искарал Прыщ бросил на Маппо пронзительный взгляд.

— Взгляни на того, кто никогда не отклоняется от избранного пути, каким бы тот ни был скучным и бессмысленным, и узришь воплощение тупоумия. Бхок'арал мог бы смотреть мне в глаза вечно, ибо в них не было и тени интеллекта. В его глазах, я имею в виду. Ярчайшим свидетельством моего превосходства стало то, что я нашёл нечто более интересное для взгляда.

— Ты собираешься отвести д'иверсов и одиночников к воротам внизу, Искарал Прыщ?

— О, сколь тупоумны трелли, упорные в опрометчивых ошибках и опрометчивые в ошибочном упорстве. Я уже говорил. Вы ничего не знаете об этих тайнах, о планах Престола Тени, о многих секретах Серой крепости, Затенённого дома, где стоит трон Теней. Но я знаю. Я, единственный из смертных, удостоился узреть истину. Мой бог щедр, мой бог мудр, хитёр, как крыса. Пауки должны умереть. Бхок'аралы украли мою метлу и на сей героический поиск я отправляю вас, благородные гости. Икарий и Маппо Трелль, достославные путешественники, вам поручаю я это опаснейшее задание — найдите мою метлу.

Выйдя в коридор, Маппо вздохнул.

— Ну, это всё было без толку. Что теперь будем делать, друг мой?

Икарий удивился:

— Но это ведь очевидно, Маппо! Мы отправимся на опаснейшее задание. Нам следует найти метлу Искарала Прыща.

— Мы ведь обыскали монастырь, Икарий, — устало возразил трелль. — Никакой метлы я не видел.

Губы ягга едва заметно изогнулись.

— Обыскали? Каждый угол, каждый закоулок? Сомневаюсь. Но первым делом — на кухню. Мы должны подготовиться к поисковой экспедиции.

— Ты это серьёзно?

— Вполне.

...Мухи кусались отчаянно, они одурели от палящего солнца не меньше, чем все остальные. До полудня в фонтанах Хиссара стояли — плечом к плечу в тёплой, мутной воде — люди, которые затем всё же скрылись в более прохладной тени собственных домов. Для прогулок день был явно неподходящий, так что Дукер даже нахмурился, набрасывая на плечи тонкую свободную телабу, пока Бальт ждал у двери.

— Почему же не под луной? — пробормотал историк. — Прохладный ночной воздух, звёзды над головой, все духи прислушиваются. Тогда бы успех был обеспечен!

Язвительная ухмылка Бальта ничуть не улучшала настроения. Затягивая плетёный пояс, Дукер обернулся к седому воину.

— Ну, что ж, веди, дядюшка.

Виканец заулыбался ещё шире, шрам проступил виднее, так что в конце концов стало казаться, что на лице у Бальта две улыбки, а не одна.

Снаружи рядом с лошадьми их ждал Кальп — верхом на собственном невысоком, крепком коньке. Увидев мрачное выражение лица кадрового мага, Дукер испытал извращённое удовольствие.

Они ехали по опустевшим улицам. Настал маррок — послеполуденный час, когда разумные люди скрывались в домах, чтобы переждать жару. Историк обычно ложился подремать во время маррока; теперь он чувствовал себя не в своей тарелке и отнюдь не жаждал присутствовать на ритуале Сормо. Колдуны были печально известны вызывающей неуместностью, осознанно-наплевательским отношением к здравому смыслу. Ради одной только защиты приличий можно было бы простить Императрице казни. Дукер поморщился: подобные мысли не стоило озвучивать, если рядом был хоть один виканец.

Спутники добрались до северной окраины города и проехали пол-лиги по береговой дороге, прежде чем свернуть прочь от моря — в пустоши одана. Оазис, до которого они добрались час спустя, был мёртв — ручей давно пересох. От прежнего роскошного сада среди песков остались только иссохшие стволы кедров, возвышавшиеся над ковром из поваленных ветром пальм.

На многих деревьях виднелись странные выступы, которые привлекли внимание Дукера, как только спутники подъехали поближе.

— Это что — рога на деревьях? — поинтересовался Кальп.

— Похоже, рога бхедеринов, — ответил историк. — Зажали их в развилку и так оставили, деревья проросли и рога оказались накрепко вделаны в стволы. Этим деревьям, наверное, сравнялась тысяча лет, прежде чем вода ушла.

Маг фыркнул:

— Кто бы мог подумать, что их до сих пор не вырубил — в такой-то близости от Хиссара.

— Рога — это предупреждение, — сказал Бальт. — Святая земля. Была. Когда-то давно. Память сохранилась.

— Так и должно быть, — пробормотал Дукер. — Сормо стоило бы обходить зыбучие пески, а не искать их. Если это место аспектировано, его сила, скорее всего, враждебна любому виканскому колдуну.

— Я давно научился полагаться на мудрость Сормо И'ната, историк. Тебе бы не помешало научиться тому же.

— Плох тот учёный, что полагается на чужую мудрость, — возразил Дукер. — Даже — и в особенности — на свою собственную.

— «Ходишь по изменчивым пескам», — вздохнул Бальт, а затем снова улыбнулся Дукеру, — как сказали бы местные.

— А что бы сказали на их месте виканцы? — поинтересовался Кальп.

Глаза Бальта насмешливо блеснули.

— Ничего. Мудрые слова — точно стрелы, что летят тебе прямо в лоб. Что тут делать? Пригибаться, само собой. Эту истину виканец познаёт тогда же, когда и обучается ездить верхом — задолго до того, как делает первый шаг своими ногами.

Колдуна они нашли на поляне. Наносной песок стресли в сторону, так что показалась кирпичная кладка пола — всё, что осталось от здания, которое когда-то здесь стояло. В трещинах поблёскивали осколки обсидиана.

Кальп спешил, поглядывая на Сормо, который стоял в центре, спрятав руки в рукава. Чародей прихлопнул навязчивую муху.

— Что это? Какой-то затерянный, забытый храм?

Юный виканец медленно моргнул.

— Мои помощники заключили, что здесь была конюшня. Затем они ушли без дальнейших объяснений.

Кальп поморщился и взглянул на Дукера.

— Терпеть не могу виканский юмор, — прошептал он.

Сормо жестом подозвал их поближе.

— Я собираюсь открыть себя священному аспекту этого хэра — так виканцы называют святые места под открытым небом...

— Ты свихнулся? — Кальп побледнел. — Эти духи тебе горло перегрызут, мальчик. Они же из Семи...

— Нет, — отрезал колдун. — Духи этого хэра были призваны задолго до Семи. Они плоть от плоти этой земли, и если тебе обязательно нужно установить связь с известным аспектом, то их Путь — Телланн.

— Худова милость, — простонал Дукер. — Если это и вправду Телланн, тебе придётся иметь дело с т'лан имассами, Сормо. Эти бессмертные воины отвернулись от Императрицы и вообще от Империи ещё с самого убийства Императора.

Глаза колдуна сверкнули.

— А ты не задавался вопросом — почему?

Историк быстро закрыл рот. У него имелись соображения на сей счёт, но озвучивать их — кому бы то ни было — было бы изменой.

Мысли Дукера прервал сухой вопрос, с которым Кальп обратился к Сормо.

— А тебе это императрица Ласиин поручила? Ты хочешь прозреть будущие события, или это всё только для отвода глаз?

Бальт стоял в нескольких шагах от них и молчал, но теперь сплюнул.

— Для такого нам даже провидец не нужен, маг.

Колдун поднял руки и развёл их в стороны.

— Держись поближе ко мне, — сказал он Кальпу, а затем перевёл взгляд на историка. — А ты — смотри и запоминай всё, чему станешь свидетелем.

— Я этим уже занимаюсь, колдун.

Сормо кивнул и закрыл глаза.

Сила его раскатилась в стороны призрачными, беззвучными волнами, охватила Дукера и остальных, залила всю поляну. Дневной свет неожиданно поблек, сменился мягкими сумерками, сухой воздух вдруг стал влажным, запахло болотом.

Точно стражи, поляну окружали кипарисы. Рваными занавесями с ветвей свисали клочья мха, погружавшие всё за собой в непроглядную тень.

Дукер чувствовал чары Сормо И'ната, будто тёплый плащ; никогда прежде он не ощущал подобной силы. Спокойной и защитной, могучей, но гибкой. Сколько же потеряла Империя, уничтожив этих колдунов? Эту ошибку Императрица уже явно исправила, хотя, быть может, слишком поздно. Сколько колдунов погибли на самом деле?

Сормо пронзительно заулюлюкал, и его крик отразился эхом, словно они стояли в огромной пещере.

В следующий миг воздух ожил, наполнился хаотическими порывами ледяного ветра. Сормо зашатался, глаза его распахнулись и округлились от испуга. Колдун вздохнул, а затем отпрянул от запаха, и Дукер его прекрасно понял. Ветер принёс звериную вонь, которая становилась с каждым мгновением всё сильнее.

Тугая ярость наполнила поляну, зловещее предзнаменование прозвучало во внезапном треске увитых мхом ветвей. Историк заметил, как сзади к Бальту приближается рой, и предостерег виканца резким криком. Тот молниеносно развернулся, в руках блеснули длинные ножи. Когда первая оса ужалила Бальта, он вскрикнул.

— Д'иверсы! — заревел Кальп, ухватил Дукера за полу телабы и потащил ближе к Сормо, который стоял неподвижно, будто окаменел.

По мягкой земле пробежали крысы и набросились на клубок извивающихся змей.

Историк почувствовал жар у ног и посмотрел вниз. Огневые муравьи уже поднялись до бёдер. Жар быстро перешёл в невыносимую боль. Дукер завопил.

Разразившись проклятьями, Кальп направил свой Путь выбросом силы. Муравьи сморщились и посыпались с ног историка, точно пыль. Остальные насекомые откатились прочь, д'иверс отступил.

Крысы одолели змей и теперь приближались к Сормо. Виканец посмотрел на них и нахмурился.

Там, где скорчился, бестолково отмахиваясь от жалящих ос, Бальт, вспыхнуло жидкое пламя, языки которого быстро окутали старого воина.

Проследив источник огня, Дукер увидел на краю поляны громадного демона. Укрытое иссиня-чёрной шкурой чудовище в два раза выше человека с рёвом прыгнуло на белого медведя — поляна гудела от сражавшихся д'иверсов и одиночников, воздух звенел от рычания и воплей. Демон обрушился на медведя и повалил на землю, так что послышался хруст костей. Оставив животное корчиться на земле, демон отпрыгнул в сторону и снова заревел, на этот раз Дукер распознал значение этого рёва.

— Он нас предупреждает! — закричал он Кальпу.

Словно магнит, демон притягивал к себе д'иверсов и одиночников. Они дрались друг с другом в безумном стремлении добраться до чудовища.

— Нужно выбраться отсюда! — сказал Дукер. — Вытаскивай нас, Кальп! Быстро!

Маг зашипел от ярости.

— А как?! Это же ритуал Сормо, червяк ты книжный!

Демон уже полностью скрылся под грудой созданий, но всё ещё стоял — д'иверсы и одиночники взбирались будто на груды твёрдого камня. То и дело изнутри прорывались чёрные лапы и швыряли в сторону мёртвых и умирающих тварей. Но долго так продолжаться не могло.

— Худ тебя дери, Кальп! Придумай что-нибудь!

Лицо мага напряглось.

— Тащи Бальта поближе к Сормо. Живо! Колдуном я сам займусь.

С этими словами Кальп рванулся к Сормо, криками пытаясь вывести юношу из транса, в котором тот, видимо, пребывал. Дукер бросился к скорчившемуся на земле в пяти шагах от них Бальту. Ковыляя к виканцу, он почувствовал сквозь боль, что ноги кажутся ужасно тяжёлыми после укусов муравьёв.

Воин был весь искусан осами, его плоть разбухла и налилась багрянцем. Он потерял сознание, возможно, уже умер. Дукер ухватил Бальта за перевязь и поволок туда, где Кальп по-прежнему пытался привести в себя Сормо И'ната.

Когда историк добрался до них, демон испустил последний протяжный вой и повалился под грудой нападавших. Д'иверсы и одиночники ринулись к четверым людям.

Сормо И'нат был явно не в себе, стоял с остекленевшими глазами и никак не реагировал на крики Кальпа.

— Буди его, иначе нам всем конец, — прохрипел Дукер, перешагивая через Бальта, чтобы встретить волну чудовищ всего-то с обычным ножом в руке.

От оружия он особого проку не ждал — кипящий рой шершней был уже совсем рядом.

Внезапно всё вокруг вздрогнуло и Дукер увидел, что они снова оказались в мёртвом оазисе. Д'иверсы и одиночники исчезли. Историк обернулся к Кальпу.

— Ты справился! Как?

Маг покосился на растянувшегося на земле, стонущего Сормо И'ната.

— Я за это ещё поплачусь, — пробормотал он, затем встретил взгляд Дукера. — Я ему вмазал. Чуть руку не сломал, кстати. Это ведь был его кошмар, верно?

Историк заморгал, а затем покачал головой и присел на корточки рядом с Бальтом.

— Яд его убьёт раньше, чем мы доберёмся до города...

Кальп опустился рядом, провёл здоровой рукой по распухшему лицу воина.

— Это не яд. Скорее, отравляющий Путь. С этим я справлюсь, Дукер. И с твоими ногами тоже. — Маг прикрыл глаза и сосредоточился.

Сормо И'нат медленно поднялся и сел. Он огляделся, затем нежно коснулся челюсти, где грубые отпечатки костяшек Кальпа белели словно островки в море покрасневшей плоти.

— У него не было выбора, — сказал ему Дукер.

Колдун кивнул.

— Говорить можешь? Зубы целы?

— Где-то, — внятно произнёс виканец, — прыгает ворона со сломанным крылом. Теперь их осталось лишь десять.

— Что там произошло, колдун?

Глаза Сормо нервно забегали.

— Нечто неожиданное, историк. Схождение близко. Тропа Ладоней. Врата одиночников и д'иверсов. Несчастливое совпадение.

Дукер нахмурился.

— Ты же говорил — Телланн...

— Так и было! — отрезал колдун. — Смешиваются ли оборотничество и Старший Телланн? Неведомо. Быть может, д'иверсы и одиночники просто проходили по этому Пути — сочли, что там нет т'лан имассов и потому безопасно. Воистину, нет т'лан имассов, которые могли бы покарать нарушителей, биться приходится только друг с другом.

— Ну, тогда милости просим, пускай истребляют один другого, — проворчал историк, ноги его подгибались, так что Дукер вскоре тоже уселся на землю рядом с Сормо.

— Я тебе скоро помогу, — заявил Кальп.

Кивнув, Дукер обнаружил, что внимательно наблюдает за жуком-навозником, который героически пытался двинуть с пути кусок пальмовой коры. Историк почувствовал в этой картине какую-то фундаментальную истину, но сформулировать её уже не было сил.

Глава пятая

Бхок'аралы, видимо, происходят из пустошей Рараку. Довольно быстро эти стайные создания расплодились и расселились по всей территории Семи Городов. Как хороших истребителей крыс их не только терпели, но и привечали во многих поселениях. Через некоторое время торговля одомашненными породами бхок'аралов расцвела...

Использование и подселение демонов в тела этих созданий магами и алхимиками — предмет для более специализированной работы, нежели эта. Заинтересованные учёные смогут найти краткий анализ в «Триста двадцать первом трактате Барука»...

Имригин Таллобант. Обитатели пустыни Рараку

Если не считать песчаной бури — которую путники переждали в Тробе — и тревожных вестей о резне в Ладровой крепости, которые им сообщил верховой охранник из вооружённого до зубов каравана, шедшего в Эрлитан, дорога для

Скрипача, Крокуса и Апсалар выдалась вполне спокойной вплоть до того самого часа, пока на горизонте не показался Г'данисбан.

Скрипач хоть и понимал, что опасности, поджидающие их к югу от города, в Пан'потсун-одане, должны бы напрочь лишить его покоя, всё же предвкушал тихий и мирный участок пути до ворот Г'данисбана. Чего он совершенно не ожидал, так это обнаружить разношёрстную армию повстанцев, разбившую лагерь прямо под стенами города.

Дорога проходила строго посередине главного лагеря, но с севера армию прикрывала тонкая гряда холмов. Тракт привёл ничего не подозревающих путников прямо к укреплениям на периметре. Всё произошло очень быстро.

Рота пехотинцев следила за дорогой с ближайшего холма и занималась тщательным допросом всех путешественников, собиравшихся войти в город. Пехоту поддерживали два десятка аракских всадников, в задачу которых, видимо, входило догонять путников, которые предпочли бы бежать прочь от города, чем приближаться к наскоро собранной баррикаде.

Скрипачу и его подопечным ничего не оставалось, как ехать вперёд и положиться на свой маскарад. В его надёжности сапёр был совершенно не уверен, в итоге нахмурился и насупился столь убедительно по-гральски, что двое-трое солдат, которые выступили из-за баррикады, чтобы остановить путников, заметно встревожились.

— Город закрыт, — заявил не дрогнувший стражник, который стоял ближе всего к путникам. В довершение своих слов он смачно сплюнул под копыта мерину Скрипача.

Потом говорили, что даже гральский конь узнает оскорбление и не спустит. Прежде чем Скрипач успел открыть рот, конь вытянул шею, вырвав поводья из рук сапёра, и вцепился зубами в лицо солдату. Мерин повернул голову так, что челюсти сомкнулись на щеках и захватили верхнюю губу и нос. Хлынула кровь. Стражник мешком рухнул на землю, издав пронзительный, воющий звук.

Поскольку тянуть стало не за что, Скрипач ухватил мерина за уши и сильно дёрнул, заставив коня отступить ровно в тот миг, когда он уже приготовился добить упавшего солдата копытами. Пытаясь скрыть потрясение под ещё более злобной миной, сапёр начал поливать отборнейшей гральской бранью двух оставшихся солдат, которые в панике отскочили назад, а потом опустили пики.

— Вонючие отродья бешеных собак! Корки дерьма под козьим хвостом! Чтоб дали молодожёнам такое увидеть?! Как вы проклинаете их брак всего через две недели после благословенного дня? Что мне, вшей с головы натравить, чтоб они недостойную плоть сняли с ваших водянистых костей?

Пока Скрипач продолжал выкрикивать все гральские проклятья, какие только смог вспомнить, чтобы не дать стражникам прийти в себя, с холма диким галопом спустился отряд аракских всадников.

— Грал! Десять джакат за твоего коня!

— Дюжину, грал! Но чтоб мне!

— Пятнадцать и мою младшую дочь в придачу!

— Пять джакат за три волоса из его хвоста!

Скрипач набычился и смерил конников яростным взглядом.

— Да никто из вас не достоин даже пук его понюхать! — Затем он ухмыльнулся, отвязал бурдюк с пивом и швырнул его одной рукой ближайшему араку. — Если дадите нам переночевать в вашем лагере, за сребреник можете рукой почувствовать, какой он горячий — но только один раз! За больше — платите!

С диковатыми усмешками араки передавали бурдюк друг другу, делая по глубокому глотку, чтобы завершить ритуальный обмен. Поделившись пивом, Скрипач признал их за равных, тем самым вырвав ядовитое жало из своих оскорблений и проклятий.

Скрипач оглянулся на Крокуса и Апсалар. Оба выглядели потрясёнными. Справившись с неожиданным приступом дурноты, сапёр подмигнул.

Стражники наконец пришли в себя, но прежде, чем они смогли подойти ближе, всадники сдвинули коней, чтобы загородить Скрипача и его подопечных.

— Скачи с нами! — крикнул сапёру один из араков.

Все как один конники сорвались с места. Подхватив поводья, Скрипач прищпорил мерина и поскакал следом, а затем вздохнул, услышав, что «молодожёны» тоже не отстают.

Араки явно затеяли гонку до своего лагеря, но, словно почувствовав новообретённую славу, гральский конь явно решил из кожи выпрыгнуть, чтобы победить. Скрипач раньше никогда не ездил на таком темпераментном животном и даже невольно заулыбался, хотя изуродованное лицо стражника по-прежнему стояло у сапёра перед глазами и заставляло кишки в животе сворачиваться в холодный узел.

Типи[4] араков растянулись шеренгой вдоль гребня продуваемого всеми ветрами холма, каждый стоял на приличном расстоянии от прочих, чтобы даже вечерняя тень не смогла упасть на порог соседа и нанести ему оскорбление. Женщины и дети столпились на вершине, чтобы понаблюдать за гонкой. Они разразились криками, когда конь Скрипача вырвался на переднюю линию и качнулся, чтобы толкнуть плечом самого быстрого соперника. Лошадь арака споткнулась так, что всадник чуть не вылетел из своего деревянного, обитого войлоком седла, — и, поотстав, отчаянно заржала.

Оказавшись впереди всех, Скрипач наклонился к холке мерина, который уже добрался до подножия холма и помчался по поросшему травой склону. Толпа расступилась, когда сапёр оказался на вершине и придержал коня среди типи.

Как и любое другое равнинное племя, араки предпочитали ставить лагерь на вершинах холмов, а не в защищённых долинах. Ветра отгоняли насекомых,

края типи приваливали камнями, чтобы не унесло, а заход и восход солнца всегда можно было увидеть, чтобы совершить обряд благодарения.

Скрипач сразу узнал такое расположение, поскольку ездил по этим землям с виканскими разъездами во время кампаний старого Императора. В центре, среди кольца типи, виднелся обложенный камнями очаг. Четыре деревянные жерди, обвязанные пеньковой верёвкой, служили загоном для лошадей. Мотки накатанного войлока лежали и сушились неподалёку, рядом с треножниками, на которых висели растянутые шкуры и полоски мяса.

Около дюжины собак сразу же окружили фыркающего мерина, а Скрипач выпрямился в седле, пытаясь собраться с мыслями. Костлявые, голосистые дворняги могут стать проблемой, но сапёр понадеялся, что они так облаивают всех чужаков, включая гралов. В противном случае маскараду конец.

Вскоре на вершину вылетел отряд араков. Конники кричали и хохотали, останавливая лошадей и прыгивая на землю. Последними на гребень поднялись Крокус и Апсалар, которым явно было не до веселья.

Увидев их лица, Скрипач вспомнил изуродованного стражника на дороге внизу. Сапёр снова нахмурился и спешил.

— Город закрыли? — выкрикнул он. — Опять мезланская дурь!

Арак, который заговорил с ним на дороге, подошёл ближе, на узком лице играла яростная ухмылка.

— Не мезланская! Г'данисбан освобождён! Южане, как зайцы, бежали в предчувствии Вихря!

— Так почему нас не пускают в город? Разве мы мезланы?

— Очищение, грал! Мезланские торговцы и знать отравляют Г'данисбан. Их вчера всех арестовали, а сегодня казнят. Завтра утром ты введёшь свою благословенную чету в свободный город. Пойдём! Нынче ночью у нас празднество!

Скрипач присел на корточки по-гральски.

— Значит, Ша'ик уже подняла Вихрь? — Он покосился на Крокуса и Апсалар, словно жалел, что принял на себя такую ответственность. — Война началась, араки?

— Скоро, — ответил тот. — Наше проклятье — нетерпение, — добавил он с самодовольной ухмылкой.

Подошли Крокус и Апсалар. Арак удалился, чтобы помочь другим в подготовке вечернего празднества. Под копыта мерина бросали монетки и осторожно тянули руки, чтобы легонько коснуться его шеи и боков. На несколько минут трое путников остались одни.

— Эту картину я никогда не забуду, — проговорил Крокус, — хотя очень хотелось бы, клянусь Худом. Тот бедолага будет жить?

Скрипач пожал плечами.

— Если захочет.

— Мы сегодня заночуем здесь? — спросила Апсалар, оглядываясь по сторонам.

— Либо так, либо оскорбим этих араков, за что нас могут и расчлениить.

— Долго их обманывать не удастся, — сказала Апсалар. — Крокус ни слова не понимает на местном наречии, а у меня малазанский акцент.

— Этот солдат — мне почти ровесник, — прошептал даруджийский вор.

Хмурясь, сапёр проговорил:

— Выбор у нас один: ехать в Г'данисбан, чтобы увидеть своими глазами отмщение Вихря.

— Очередное празднование того, что ещё не случилось? — фыркнул Крокус. — Этого треклятого Апокалипсиса, который ты всё время поминаешь? У меня такое чувство, что жители этой страны ничего не делают, а только говорят да говорят.

Скрипач откашлялся.

— Сегодня вечером в Г'данисбане, — медленно проговорил он, — заживо сдерут кожу с нескольких сотен малазанцев, Крокус. Если мы выкажем желание увидеть это торжество, араки могут простить наш поспешный уход.

Апсалар обернулась и увидела шестерых приближающихся араков.

— Действуй, Скрипач, — сказала она.

Сапёр чуть было не отдал честь. Он сдавленно прошипел проклятье.

— Ты что, мне приказы отдаёшь, новобранец?

Апсалар заморгала.

— Думаю, я отдавала приказы... когда ты ещё за подол матери держался, Скрипач. Да-да, знаю: не я, а тот, кто меня одержал. Это его инстинкты сейчас звенят как сталь, бьющая в камень. Делай, как я говорю.

Ответить сапёр не успел — подошли араки.

— Ты благословен, грал! — сказал один из них. — Гральский клан приближается, чтобы присоединиться к Апокалипсису! Будем надеяться, что, подобно тебе, они привезли своё пиво!

Скрипач совершил ритуальный жест родства, затем сурово покачал головой.

— Не сложится, — заявил он и внутренне задержал дыхание. — Я — изгой. К тому же эти молодожёны желают войти в город... чтобы узреть казни и обрести

большее благословение своему союзу. Я их сопровождаю, так что должен подчиняться.

Апсалар шагнула вперёд и поклонилась:

— Мы не хотим оскорбить вас.

Дело было плохо. Лица араков помрачнели.

— Изгой? Никто из родичей не почтит твой след, грал? Может, нам следует задержать тебя, чтоб твои братья смогли отомстить, а в благодарность они оставят нам твоего коня.

С потрясающей выразительностью Апсалар топнула ножкой, чтобы выказать возмущение избалованной дочки и молодой жены.

— Я беременна! Обидите меня — прокляну! Мы едем в город! Сейчас же!

— Найми одного из нас на остаток пути, благословенная женщина! Но оставь безродного грала! Он не достоин служить тебе!

Апсалар задрожала и приготовилась поднять закрывавший лицо покров, чтобы провозгласить проклятье.

Араки отшатнулись.

— Вам только мерин нужен! Это всё одна лишь жадность! Сейчас я вас всех прокляну...

— Прости!

— Кланяемся, благословенная!

— Не касайся покрова!

— Уезжайте же! В город! Езжайте!

Апсалар заколебалась. На миг даже Скрипачу показалось, что она их всё-таки сейчас проклянёт. Но девушка отвернулась от араков.

— Веди нас, грал, — сказала она.

Под встревоженными, перепуганными взглядами кочевников трое спутников взобрались в сёдла.

Тот арак, что прежде говорил с ними, снова подошёл к сапёру.

— Задержись только на ночь, а затем скачи быстро, грал. Твои родичи наверняка отправятся в погоню.

— Скажи им, — проговорил Скрипач, — что коня я получил в честном бою. Так им скажи.

Арак нахмурился.

— А они знают, о чём речь?

— Какой клан?

— Себарки.

Сапёр покачал головой.

— Тогда они погонятся за тобой просто ради удовольствия. Но я передам им твои слова. Этот конь и вправду стоит того, чтобы за него убить.

Скрипач вспомнил пьяного грала, у которого купил мерина в Эрлитане. За три джакаты. Кочевники, которые переселились в города, потеряли многое.

— Будете пить моё пиво сегодня, арак?

— Будем. Пока не придут гралы. Езжай.

...Спутники выехали на дорогу и уже приблизились к северным воротам Г'данисбана, когда Апсалар заговорила:

— У нас неприятности, верно?

— Это тебе инстинкты подсказывают, девочка?

Апсалар скорчила гримасу.

— Ну да, — вздохнул Скрипач. — Неприятности. Ох, и зря я назвался изгоем. Теперь-то, учитывая, как ты с ними обошлась, думаю, хватило бы просто пригрозить им проклятьем.

— Возможно.

Крокус откашлялся.

— Мы что, действительно поедем смотреть на казни, Скрип?

Сапёр покачал головой.

— Вот уж нет! Поедем прямо через город, если сможем. — Он покосился на Апсалар. — Только норов попридержи, девочка. Ещё одно такое выступление — и жители тебя на золотые носилки посадят да на собственных плечах из города понесут.

В ответ она только криво улыбнулась.

Скрип, старик, не вздумай влюбляться в эту женщину, иначе станешь чуть меньше заботиться о жизни парня да потом ещё и скажешь, мол, судьба такая, не повезло..

Кровь окрасила истёртые камни мостовой под северными воротами, а под стенами арки валялись — изломанные и растоптанные — деревянные игрушки. Поблизости звучали предсмертные крики детей.

— Это невозможно, — пробормотал побледневший Крокус. Он ехал рядом со Скрипачом, а Апсалар держалась сразу за ними.

На дальнем конце улицы мелькали фигуры мародёров и вооружённых людей, но сами ворота в город, как ни странно, никто не охранял. Всё заволакивала пелена дыма, повсюду зияли чёрные окна и двери выгоревших лавок и домов торговцев.

Спутники ехали среди обломков догорающей мебели, разбитых горшков и прочей посуды, тел, замерших в позах насильственной смерти. Предсмертные крики детей справа наконец прекратились, но вдали, в самом сердце Г'данисбана, продолжали звучать отчаянные вопли.

Вдруг из переулка почти под ноги лошадям вылетела фигура — девочка, голая и покрытая синяками. Она бежала так, словно не замечала спутников, а потом нырнула под разбитую повозку шагах в пятнадцати от Скрипача и остальных.

Вслед за ней появились шестеро вооружённых мужчин. Оружие у них было разнородное, доспехов никто не носил. На потрёпанных телах чернели потёки запекшейся крови. Один заговорил:

— Эй, грал! Девчонку видел? Мы с ней ещё не закончили.

Прежде чем Скрипач успел ответить, другой ухмыльнулся и указал на повозку. Под ней явно виднелись колени и ступни девочки.

— Мезланка? — спросил Скрипач.

Главарь пожал плечами.

— А кто ещё? Не бойся, грал, мы поделимся.

Сапёр услышал, как Апсалар испустила тихий, долгий вздох. Он чуть откинулся в седле.

Группа разделилась, чтобы обойти Скрипача, Крокуса и Апсалар. Сапёр небрежно склонился в сторону ближайшего мужчины и вонзил острие своего длинного ножа ему в основание черепа. Гральский мерин крутнулся под Скрипачом и лягнул обеими задними ногами так, что проломил копытами грудь другого человека и отбросил тело далеко в сторону.

Скрипач натянул поводья, а затем ударил пятками в бока коню. Тот метнулся вперёд и подмял не в меру щедрого главаря. Из-под тяжёлых копыт мерина послышался треск костей и тошнотворный звук раскалывающегося черепа. Скрипач повернулся в седле, чтобы найти оставшихся троих.

Двое мужчин корчились от невыносимой боли рядом с Апсалар, которая спокойно сидела в седле, сжимая в затянутых в перчатки руках по широкому ножу-кефре.

Крокус спешил и теперь присел рядом с последним телом, чтобы выдернуть метательный нож из окровавленного горла жертвы.

Все трое обернулись, услышав треск глиняных черепков, и увидели, что девочка выбралась из-под повозки, поднялась на ноги, а затем стрелой метнулась в тень переулка и скрылась из виду.

Затем из-под арки северных ворот послышался топот копыт.

— Скачите вперёд! — рявкнул Скрипач.

Крокус запрыгнул на спину своему коню. Апсалар убрала клинки в ножны и коротко кивнула сапёру, собирая поводья.

— Через город — к южным воротам!

Скрипач проводил взглядом уходящих галопом лошадей, затем соскользнул со спины мерина и подошёл к тем двоим, которых ранила Апсалар.

— Ага, — выдохнул он, когда подошёл ближе и увидел, что обоим девушка вспорола пах, — вот эту девчонку я знаю.

В город въехал отряд всадников. Все они повязали наискосок через грудь охряные кушаки поверх кольчуг. Командир уже было открыл рот, чтобы заговорить, но Скрипач успел первым:

— Неужто всякой дочери грозит опасность в этом семи-проклятом городе?! Она вовсе не мезланка была, клянусь предками! Такой у вас Апокалипсис? Тогда я помолюсь, чтоб ямы со змеями ждали вас всех в Семи Преисподних!

Командир нахмурился.

— Град, ты утверждаешь, что эти люди были насильниками?

— Мезланские потаскухи получают, что заслужили, но эта девочка была никакая не мезланка.

— И ты убил их. Всех шестерых.

— Да!

— А кто были другие два всадника с тобой?

— Паломники, которых я поклялся защищать.

— И вот они поехали в сердце города... а ты остался тут.

Скрипач нахмурился.

Командир поглядел на жертв.

— Двое ещё живы.

— Да будут они прокляты ещё сотней тысяч вздохов, прежде чем Худ их заграбастает.

Командир опёрся на луку седла и немного помолчал.

— Догоняй своих паломников, грал. Им нужна твоя защита.

С ворчанием Скрипач снова сел в седло.

— Кто теперь правит в Г'данисбане?

— Никто. Армия Апокалипсиса удерживает только два квартала. Остальные возьмём к утру.

Скрипач развернул коня, ударил пятками в бока и пустил лёгким галопом. Отряд за ним не последовал. Сапёр выругался себе под нос — командир был прав, нельзя было посылать Крокуса и Апсалар в город одних. Повезло ещё, что это выглядело типично по-гральски — не мог же «настоящий грал» упустить возможность похвастаться перед краснопоясными всадниками, разразиться проклятиями и лишний раз продемонстрировать неприступную гордыню кочевника — но это же выглядело наплевательски по отношению к клятве защищать паломников. В глазах командира Скрипач заметил лёгкое презрение. В общем, он повёл себя немного слишком по-гральски. Если бы не пугающие дарования Апсалар, эти двое сейчас были бы в серьёзной опасности.

Сапёр поскакал в город и с некоторым запозданием заметил, что мерин слушается каждого его движения. Конь, конечно, знал, что Скрипач не грал, но, судя по всему, решил, будто ведёт он себя вполне подобающе, так что можно и проявить немного уважения. И это, подумал Скрипач, единственная сегодняшняя победа.

На центральной площади Г'данисбана разразилась бойня. Скрипач догнал своих спутников, когда они ещё только пустили лошадей шагом, оглядывая чудовищную картину. На стук копыт оба обернулись, и Скрипач смог только кивнуть, увидев облегчение на лицах, когда они его узнали.

На краю площади замешкался даже гральский мерин. Тел на каменной мостовой было несколько сотен. В основном старики, старухи да дети. Всех зверски порубили на куски или, в некоторых случаях, сожгли заживо. Вонь разогретой на солнце крови, жёлчи и палёной плоти густым облаком окутывала площадь.

Скрипач сглотнул, чтобы подавить отвращение, откашлялся.

— За этой площадью, — проговорил он, — никто даже не притворяется, будто что-то контролирует.

Крокос обвёл сцену дрожащей рукой.

– Это всё малазанцы?

– Да, парень.

– Во время завоевания малазанцы так же поступали с местными?

– Ты к тому, что это только воздаяние?

Апсалар заговорила, и в её голосе прозвучало почти личное чувство:

– Император воевал с армиями, а не с мирными жителями..

– Если не считать Арэна, – язвительно вставил Скрипач, припомнив собственные слова, обращённые к таннойскому духовидцу. – Когда в городе поднялись т’лан имассы..

– Не по приказу Келланведа! – возразила она. – Кто направил т’лан имассов в Арэн? Я тебе скажу. Стерва, глава Когтей, женщина, которая выбрала себе новое имя..

– Ласиин. – Скрипач удивлённо поглядел на девушку. – Такого утверждения я прежде не слышал, Апсалар. Не было никаких письменных приказов – не нашли, во всяком случае..

– Нужно было её убить прямо там и тогда, – пробормотала Апсалар.

Скрипач ошеломлённо посмотрел на Крокуса. Даруджиец только покачал головой.

– Апсалар, – медленно сказал сапёр, – ты же была ребёнком, когда Арэн восстал, а затем пал перед т’лан имассами.

– Я знаю, – ответила девушка. – Но эти воспоминания.. такие ясные. Меня.. послали в Арэн.. увидеть бойню. Выяснить, что случилось. Мы.. ругались со Стервой. Никого больше не было в той комнате. Только Стерва и.. и я.

Спутники добрались до противоположного конца площади. Скрипач придержал коня и долго молча смотрел на Апсалар.

Крокус сказал:

– Тебя одержал Узел, покровитель убийц. Но эти воспоминания принадлежат..

– Танцору. – Скрипач вдруг понял, что это правда. – У Узла есть и другое имя. Котильон. Худов дух, это ведь так очевидно! Никто даже не усомнился, что произошло убийство. Обоих – Танцора и Императора.. убили Ласиин и её преданные Старшие Когти. Что Ласиин сделала с телами? Никто не знает.

– Значит, Танцор остался жив, – нахмурившись, проговорил Крокус. – И Взошёл. Стал богом-покровителем на Пути Тени.

Апсалар промолчала, только смотрела и слушала, стараясь, чтобы лицо её ничего не выражало.

Скрипач костерил себя на чём свет стоит — как же можно было быть таким слепым идиотом?

— А какой Дом появился в Колоде Драконов вскоре после этого? Тень. Два новых Взшедших. Котильон... и Престол Тени...

Крокус широко распахнул глаза.

— Престол Тени — это Келланвед, — сказал он. — Их не убили — ни того, ни другого. Они Взшли — и таким образом сбежали.

— Во владения Тени, — невесело улыбнулся Скрипач. — Чтобы там лелеять мысли об отмщении, которые в конце концов заставили Котильона одержать юную девушку из Итко-Кана и начать долгий, хитроумный путь к Ласиин. Но ничего не вышло. Апсалар?

— Верно говоришь, — ровным голосом ответила она.

— Так почему же, — спросил сапёр, — Котильон не открылся нам? Скворцу, Каламу? Дуджеку? Проклятье, Танзор знал всех нас — и если этот ублюдок имел хоть какое-то представление о дружбе, то все, кого я назвал, были его друзьями...

Апсалар неожиданно расхохоталась, что покорило обоих мужчин.

— Можно было бы соврать и сказать, что он хотел вас защитить. Ты действительно хочешь знать правду, «мостожот»?

Скрипач почувствовал, что краснеет.

— Да, хочу, — проворчал он.

— Танзор доверял только двум людям. Одним из них был Келланвед. Другим — Дассем Ультор, Первый Меч. Дассем мёртв. Мне жаль, если это тебя огорчает, Скрипач. Если подумать, я бы предположила, что Котильон не доверяет никому. Даже Престолу Тени. Императору Келланведу ещё можно было верить. Взшедшему Келланведу — Престолу Тени... нет, это уже совсем другое дело.

— Ну и дурак он, значит, — заявил Скрипач, собирая поводья.

Улыбка Апсалар была до странности печальной.

— Хватит слов, — сказал Крокус. — Давайте выбираться из этого проклятого города.

— Да уж.

Вопреки предостережениям командира повстанцев, до южных ворот спутники доехали без приключений. Улицы тонули во мгле, а дым от догорающих зданий растёкся едкой пеленой так, что дышать стало тяжело. Они ехали по

молчаливому миру, где бойня уже миновала, ярость отступила, и вместе с осознанием возвращались потрясение и стыд.

Скрипач понимал, что это лишь короткая передышка, за которой последует всё разрастающийся пожар. Если бы малазанские легионы не вывели из Пан'потсуна, оставался бы шанс подавить его первые искры – с не меньшей жестокостью. Когда участники кровавой бойни сами становятся её жертвами, жажда крови утоляется быстро.

Император бы действовал стремительно и решительно. Худов дух, да он бы никогда не позволил делу зайти так далеко.

Меньше чем через десятую часть колокола спутники проехали под почерневшей аркой неохраемых южных ворот. Впереди раскинулся Пан'потсун-одан, ограниченный с запада грядой, за которой начиналась священная пустыня Рараку. На небе уже замерцали первые звёзды.

Затянувшееся молчание нарушил Скрипач:

– Примерно в двух лигах к югу есть деревня. Если повезёт, она ещё не стала поживой для падальщиков. Пока что, по крайней мере.

Крокус откашлялся.

– Скрипач, если бы Калам знал... про Танцора, ну, то есть про Котильона...

Сапёр скривился и покосился на Апсалар.

– Она бы сейчас была с ним.

Никто не узнал, что собирался ответить Крокус, потому что с неба с громким писком упала маленькая тень и, хлопая крыльями, врезалась в спину юноше. Крокус испуганно завопил, когда создание вцепилось ему в волосы и забралось на голову.

– Это же Моби, – проговорил Скрипач, пытаясь избавиться от страха, который вызвало внезапное появление фамилиара. Сапёр прищурился. – Похоже, он с кем-то подрался.

Крокус стащил Моби с головы и взял на руки.

– Да он истекает кровью!

– Думаю, ничего серьёзного, – сказал Скрипач.

– Почему ты так уверен?

Сапёр ухмыльнулся.

– Видел когда-нибудь брачные игры бхок'аралов?

– Скрипач. – В голосе Апсалар прозвучало напряжение. – За нами гонятся.

Придержав коня, Скрипач встал в стремях и обернулся. Вдалеке виднелось облако пыли. Сапёр шёпотом выругался.

– Гральский клан.

– Наши кони устали, – сказала Апсалар.

– Ага. Королева, пошли нам свежих лошадей в Новом Веларе.

У подножия трёх сходящихся гряд Калам сошёл с ложной тропы и осторожно провёл лошадь по узкому сточному каналу. Старые воспоминания о путях, ведущих в Рараку, наливались тяжестью в костях. Всё изменилось, но на самом деле не изменилось ничего.

Из бесчисленных троп, что змеились среди холмов, почти все вели только к смерти. Ложные пути хитроумно обходили немногие колодцы и ручьи. Без воды солнце в Рараку становилось смертоносным спутником. Калам знал Священную пустыню, карта в голове – пусть и прошли десятки лет – заново оживала при виде каждой новой приметы, каждой вехи. Вершины, наклонные камни, поворот паводочного канала – Калам словно никогда и не уезжал, будто пропали новые привязанности, вступившие в противоречие со старой преданностью. Вновь я – дитя этой пустыни. Вновь – слуга её священных потребностей.

Как ветер и солнце придавали форму песку и камню, Рараку обтёсывала всех, кто узнавал её. Переход через Рараку навсегда запечатлелся в душах трёх рот, которые потом стали называться «Мостожогами». Мы и вообразить не могли другого имени. Рараку сожгла наше прошлое, оставив за спиной только пепел.

Он повернул жеребца, и тот начал взбираться по склону, так что из-под копыт полетели камешки. Нужно было держаться верного пути – вдоль гряды, которая медленно понижалась к западу, чтобы скрыться в песках Рараку.

Звёзды над головой блестели, словно острия ножей. Выжженные известняковые утёсы серебрились в призрачном лунном свете, будто отражали воспоминания о миновавшем дне.

Убийца провёл коня между развалинами двух смотровых башен. Под копытами жеребца похрустывали черепки и обломки кирпича. С тихим хлопанием крыльев с его пути метнулись ризаны. Калам почувствовал, что вернулся домой.

– Ни шагу дальше, – произнёс хриплый голос.

С улыбкой Калам натянул поводья.

– Смелое заявление, – продолжил голос, – этот жеребец цвета песка, красная телаба...

– Я заявляю о том, кто я есть, – небрежно ответил Калам. Он уже определил, откуда звучит голос – из глубокой тени у сточного колодца за левой башней. На убийцу был направлен взведённый арбалет, но Калам знал, что сможет уклониться от стрелы, если скатится с седла так, чтобы жеребец

оказался между ним и незнакомцем. И дело завершат два точно брошенных в тёмную фигуру в тени ножа. Ничего опасного.

— Разоружи его, — добавил голос.

Две крепкие руки сомкнулись на запястьях Калама и сильно потянули назад, так что разразившийся яростными проклятьями убийца проехал по крупу коня и оказался на земле. В тот же миг руки подхватили его и швырнули лицом вниз на камни. Удар вышиб воздух из лёгких. Калам беспомощно корчился на земле.

Он услышал, как тот, что заговорил, поднялся из своего убежища за колодцем и подошёл ближе. Жеребец попытался его укусить, но успокоился, едва незнакомец произнёс одно-единственное тихое слово. Убийца услышал, что седельные сумки сняли с коня и поставили на землю. Открыли.

— Ага, значит, это он.

Руки отпустили Калама. Со стоном убийца перевернулся. Над ним возвышался настоящий великан. Татуировки покрывали его лицо так густо, что напоминали трещины в разбитом стекле. Слева с плеча на грудь спускалась толстая коса. Поверх доспеха, который, похоже, собрали из раковин моллюсков, великан набросил плащ из шкуры бхедерина. Деревянная рукоять и каменное навершие какого-то клинкового оружия торчали под левой рукой. Широкий пояс, удерживавший набедренную повязку, был украшен странными предметами, которые показались Каламу похожими на засушенные шапки грибов разных размеров. Росту в незнакомце было больше семи футов, но всё равно он казался широким из-за огромной горы мускулов. Глаза на плоском лице ничего не выражали.

Восстановив дыхание, убийца сел.

— Чародейская тишина, — проворчал он себе под нос.

Человек, который сейчас держал в руках Книгу Апокалипсиса, услышал и фыркнул:

— Воображаешь, что никто из смертных не может подкрасться к тебе так, чтобы ты не услышал. Убеждаешь себя, что для этого нужна магия. И ошибаешься. Мой спутник — тоблакай, беглый раб с плато Лейдерон в Генабакисе. Семнадцать раз он встретил лето и лично убил сорок и одного врага. Их уши у него на поясе. — Человек поднялся и протянул Каламу руку. — Добро пожаловать в Рараку, Податель. Наше долгое бдение подошло к концу.

Поморщившись, Калам принял протянутую руку и легко поднялся на ноги. Убийца стряхнул пыль с одежды.

— Значит, вы не разбойники.

Незнакомец рассмеялся.

— О нет. Я — Леоман, капитан телохранителей Ша'ик. Мой спутник отказывается называть своё имя незнакомцам, на том и остановимся. Нас двоих она избрала.

— Я должен подать Книгу в руки Ша'ик, — заявил Калам, — а не тебе, Леоман.

Низкорослый воин — судя по цвету кожи и одежде, дитя этой пустыни — протянул ему Книгу.

— Конечно. Прошу.

Убийца осторожно принял тяжёлый, потрепанный том.

Позади заговорила женщина:

— Теперь можешь отдать её мне, Податель.

Калам медленно закрыл глаза, пытаясь собрать в кулак истрёпанные нервы. Он обернулся.

Никаких сомнений. От невысокой женщины с медвяной кожей волнами раскатывалась сила, запах пыли и песка, иссечённого ветрами, вкус соли и крови. Довольно невзрачное лицо покрывали глубокие морщины, так что казалось — ей около сорока, хотя Калам подозревал, что она младше: Рараку — суровая обитель.

Непроизвольно Калам опустился на одно колено. Вытянул вперёд Книгу.

— Я подаю тебе, Ша'ик, Апокалипсис.

И вместе с ним море крови — сколько невинных жизней погибнет, чтобы только низвергнуть Ласиин? Худ меня побери, что же я наделал?

Вес Книги покинул его руки, когда Ша'ик приняла её.

— Она повреждена.

Убийца поднял глаза и медленно поднялся.

Ша'ик хмурилась, касаясь пальцем оторванного угла кожаного переплёта.

— Что ж, не стоит удивляться, ей ведь тысяча лет. Благодарю тебя, Податель. Присоединишься ли ты теперь к моему отряду воинов? Я чувствую в тебе великое дарование.

Калам поклонился.

— Я не могу. Моя судьба — в другом.

Беги, Калам, прежде чем захочешь испытать умения этих телохранителей. Беги, пока неуверенность не погубила тебя.

Её тёмные глаза испытующе впились в него, затем удивлённо расширились.

– Я чувствую часть твоего устремления, хоть ты и хорошо его прячешь. Скачи. Путь на юг открыт для тебя. Более того, я дам тебе охрану...

– Мне не нужна охрана, Провидица...

– Но тем не менее ты её получишь.

Ша'ик взмахнула рукой, и из мрака выступила громадная, неуклюжая фигура.

– Священная! – предостерегающе зашипел Леоман.

– Ты усомнился во мне? – резко спросила Ша'ик.

– Тоблакай – сам по себе стоит армии, да и мои умения немалы, Священная, но всё же...

– С самого детства, – перебила его Ша'ик ломким голосом, – одно видение владело мною больше, чем остальные. Я видела этот миг, Леоман, – тысячу раз! На заре я открою Книгу, и поднимется Вихрь, и из него я восстану... обновлённой. «С клинком в руке и без руки, дающей мудрость» – таковы слова ветра. Молодая, но старая. Одна жизнь полная, другая – незавершённая. Я видела, Леоман! – Она судорожно вздохнула. – Я не вижу другого будущего, кроме этого. Мы в безопасности. – Ша'ик снова обернулась к Каламу. – Недавно у меня появился... питомец, которого я теперь посылаю с тобой, ибо чувствую в тебе... особые возможности, Податель.

Она вновь взмахнула рукой. Огромная неуклюжая фигура придвинулась, и Калам невольно отступил на шаг. Жеребец тихо взвизгнул и замер, дрожа крупной дрожью.

Леоман сказал:

– Аптори, Податель, из владений Тени. Её прислал в Рараку Престол Тени, чтобы... шпионить. Теперь она принадлежит Ша'ик.

Это было кошмарное чудовище: ростом около девяти футов, на двух коротких и тонких задних лапах. Единственная передняя нога – длинная и многосуставная – торчала из странно разветвлённой груди. От изогнутых, угловатых лопаток поднималась гибкая шея демона, которая заканчивалась плоской вытянутой головой. Тонкие, как иглы, зубы торчали из пасти, уголки которой приподнимались вверх, так что на морде застыла вечная ухмылка вроде дельфиньей.

Голова, шея и конечности были чёрными, а торс – тёмно-серым. Единственный плоский чёрный глаз смотрел на Калама до ужаса разумным взглядом.

Убийца увидел на демоне едва зажившие шрамы.

– Он дрался?

Ша'ик нахмурилась.

– Д’иверс. Пустынные волки. Она их отогнала...

– Скорей, это было тактическое отступление, – сухо добавил Леоман. – Это создание не ест и не пьёт, по крайней мере, мы этого никогда не видели. И хотя Священная полагает иначе, оно кажется совершенно безмозглым – взгляд, вероятнее всего, только маска, за которой мало что скрыто.

– Леоман осыпает меня сомнениями, – сказала Ша’ик. – Таково избранное им призвание, и меня оно утомляет всё больше.

– Сомневаться – полезно, – брякнул Калам и лишь потом прикусил язык.

Священная улыбнулась.

– Я почувствовала, что вы двое похожи. Что ж, оставь нас. Семи Святым ведомо, довольно с меня и одного Леомана.

Бросив последний взгляд на молодого тоблакая, убийца взлетел обратно в седло, повернул жеребца на южную тропу и пустил рысью.

Аптори явно предпочитала сохранять между ними некоторую дистанцию; она двигалась параллельным курсом более чем в двадцати шагах от Калама тёмным пятном в ночи, шагая – неуклюже, но бесшумно – на трёх костистых ногах.

Через десять минут езды быстрой рысью убийца придержал коня и пустил его шагом. Он доставил Книгу, лично обеспечил восстание Вихря. Ответил на зов своей крови, пусть и не с самыми чистыми мотивами.

Впереди лежали задачи другой его жизни. Он убьёт Императрицу, чтобы спасти Империю. Если всё получится, восстание Ша’ик обречено. Порядок будет восстановлен. А если я не справлюсь, они обескровят друг друга до изнеможения, Ша’ик и Ласиин, две женщины одного покроя – Худов дух, они даже внешне похожи! Теперь Каламу легко было представить в собственной тени сотню тысяч смертей. И он даже подумал, что сейчас в Семи Городах читающие Колоду Драконов подняли в дрожащих руках заново пробуждённого Вестника Смерти. Благословенная Королева, дело сделано.

За несколько минут до рассвета Ша’ик села, скрестив ноги, перед Книгой Апокалипсиса. По сторонам расположились её телохранители – каждый в разрушенной башне. Молодой тоблакай опёрся на свой двуручный меч из железного дерева. На голове у него поблёскивал старый бронзовый шлем без боковых щитков, его глаза тонули в узкой прорези полузабрала. Его спутник скрестил на груди руки. На затянтом в шкуру бедре висел арбалет. За широкий кожаный пояс были заткнуты два одноручных моргенштерна. Поверх островерхого железного шлема он намотал выцветший шарф от телабы. Под ним виднелось гладко выбритое лицо, изборождённое морщинами, что появились за тридцать лет, проведённых под солнцем и ветром. Светло-голубые глаза ни на чём не останавливались подолгу.

Лучи рассвета коснулись Ша’ик. Священная протянула руку и открыла Книгу.

Стрела вонзилась ей в лоб на дюйм выше левого глаза. Железный наконечник пробил кость и вошёл внутрь за миг до того, как пружина раскрыла встроенные в него шипы, — словно в мозгу Провидицы расцвёл смертоносный цветок. Затем острие ударило в заднюю стенку черепа и вышло наружу.

Ша'ик упала.

Тин Баральта заревел и с удовлетворением увидел, как Аральт Арпат и Лостара Йил ведут дюжину Красных Клинков в атаку на двух неумелых телохранителей.

Воин пустыни бросился на землю и перекатился через мгновение после смерти Ша'ик. Арбалет в его руках щёлкнул. Грудь Аральта Арпата заметно прогнулась внутрь, когда стрела ударила в грудину. Высокий сержант рухнул на спину и растянулся в пыли. Командир заревел от ярости, выхватил свои тальвары и присоединился к нападающим.

Взвод Лостары бросил свои сулицы одну за другой, оказавшись всего в пятнадцати шагах от тоблакай.

Глаза Тина Баральты удивлённо округлились, когда ни одно из шести метательных копий не достигло цели. Тоблакай оказался невероятно проворен для такого гиганта и словно просочился между ними, перенёс вес и выставил вперёд плечо, прежде чем войти в ближний бой, взмахнув из-за плеча своим архаичным деревянным мечом, удар которого пришёлся по коленям первого из Красных Клинков. Солдат рухнул, подняв облако пыли, — обе ноги у него были перебиты.

А затем тоблакай оказался среди воинов взвода. Пока Тин Баральта бежал к ним, он увидел, как Лостара Йил отшатнулась, кровь хлестала из раны у неё на голове, а шлем отлетел в сторону и покатился среди черепков. Второй солдат упал — горло было перебито деревянным мечом.

Взвод Арпата надел на воина пустыни. Звякнули цепи, и моргенштерны разлетелись в стороны, нанося удары со смертоносной точностью. Нет оружия, удары которого было бы сложнее парировать, чем моргенштерн — цепь обходила любой блок, так что железный шарик с шипами достигал цели. Главным недостатком оружия были длительные паузы между ударами, но, бросив взгляд на бой, Тин Баральта заметил, что воин пустыни одинаково хорошо владеет обеими руками и теперь изматывает противников непрерывным градом атак, пробиться через которые не мог никто из противников. За тот миг, что командир смотрел на бой, один из железных шаров проломил голову в шлеме.

В то же мгновение тактика Тина Баральты изменилась. Ша'ик мертва. Задание исполнено — никакого Вихря не будет. Нет смысла жертвовать жизнями в бою против этих ужасных палачей, которые, в конце концов, так и не сумели спасти жизнь Ша'ик и теперь могли только мстить. Командир прокричал приказ отступить и увидел, как его солдаты пытаются выйти из боя с двумя телохранителями. За это пришлось заплатить высокую цену — ещё трое упали под ударами врагов, прежде чем воины смогли отступить настолько, чтобы повернуться и побежать.

Двое из солдат Лостары Йил оказались верны настолько, что вытащили свою оглушённую предводительницу из боя.

Вид бегущих Красных Клинков вызвал у Тина Баральты ярость, но он проглотил поток горьких проклятий. С обнажёнными тальварами он прикрывал отступление солдат, его нервы горели огнём от одной мысли о том, что один из телохранителей может принять вызов.

Но те не стали преследовать нападавших, а вернулись на прежние места в разрушенных башнях. Воин пустыни присел, чтобы перезарядить арбалет.

Бросив последний взгляд на двух убийц, Тин Баральта метнулся в укрытие и бегом последовал за своими солдатами в небольшой каньон, где их ждали стреноженные лошади.

Оказавшись в пересохшем русле реки с высокими стенами, Красные Клинки поставили своего единственного выжившего арбалетчика на обращённый к югу гребень, а затем остановились, чтобы перевязать раны и перевести дух. Позади заржали лошади, почуяв запах крови. Один из солдат плеснул водой в окровавленное лицо Лостары. Та заморгала, и в её взгляде начало проступать сознание.

Тин Баральта нахмурился.

— Приходи в себя, сержант, — прорычал он. — Ты должна снова пойти по следу Калама — на безопасном расстоянии.

Лостара кивнула и потрогала рассечённый лоб.

— Меч же был деревянный.

— Но твёрдый, как сталь. Худ бы побрал этого тоблакая — и второго вместе с ним. Оставим их здесь.

Лостара Йил чуть скривилась и просто снова кивнула.

Тин протянул затянутую в перчатку руку и поднял сержанта на ноги.

— Отличный выстрел, Лостара Йил. Ты убила проклятую ведьму и всё, что она собой представляла. Императрица будет довольна. Более чем довольна.

Немного покачиваясь, Лостара подошла к лошади и взобралась в седло.

— Мы поскачем в Пан'потсун, — сказал Тин Баральта. — Чтобы разнести весть, — добавил он с мрачной ухмылкой. — Не потеряй Калама, сержант.

— Я ещё не потерпела в этом неудачу, — ответила Лостара.

Знаешь, что я свалю все потери на тебя, да? Слишком ты умна, девочка.

Проводив её взглядом, командир обратился к оставшимся солдатам.

— Трусы! Повезло вам, что я прикрыл ваше отступление. По коням!

Леоман расстелил одеяло на плоском участке земли между развалинами двух башен и выкатил на него завёрнутое в полотно тело Ша'ик. На миг он замер над трупом, на коленях, неподвижный, затем вытер чёрный пот со лба.

Рядом стоял тоблакай.

— Она мертва.

— Это я вижу, — сухо сказал Леоман, протянул руку, поднял залитую кровью Книгу и медленно завернул её в ткань.

— Что теперь будем делать?

— Она открыла Книгу. На рассвете.

— Ничего не случилось. Только стрела ей в голову попала.

— Да знаю я, будь ты проклят!

Тоблакай скрестил на груди мощные руки и замолчал.

— Пророчество недвусмысленно, — сказал через несколько минут Леоман. Он поднялся, поморщившись от боли в окаменевших в бок мышцах.

— Что теперь будем делать? — снова спросил молодой великан.

— Она сказала, что... обновится... — Леоман вздохнул, Книга налилась тяжестью в его руках. — Будем ждать.

Тоблакай поднял голову, принюхался.

— Буря начинается.

Книга вторая

Вихрь

Я бродил по старым дорогам

Днём,

Что стали призрачными

С приходом ночи

И скрылись с глаз моих

На рассвете.

Таков был мой путь

Лиги через столетья

В одно мгновение солнца.

Пардийская эпитафия

Глава шестая

В ранний период правления Келланведа в армии Империи, особенно среди морпехов, процветали различные культы. Следует помнить, что это было также время Дассема Ультора, Первого Меча и Верховного главнокомандующего Малазана (...) человека, посвятившего себя Худу...

Дукер. «Малазанские кампании», том II

Бенет сидел за своим столиком у Булы и чистил ногти кинжалом. Ногти были безукоризненно чисты, что превращало эту привычку в манию. Фелисин уже научилась распознавать его позы и то, что за ними крылось. Сейчас Бенета обуревала ярость с явной примесью страха. Жизнь его поразили сомнения; словно личинки кровных слепней, они кишели под кожей, росли и вгрызались в самую плоть.

Лицо, лоб, крупные, покрытые шрамами запястья Бенета блестели от пота. Оловянная кружка с охлаждённым сольтанским вином стояла рядом на столе — нетронутая, по ободку круг за кругом маршировали мухи.

Фелисин не могла отвести глаз от крошечных чёрных насекомых, её вдруг сковало ужасное воспоминание. Послушник Худа, которого на самом деле не было. Рой духов смерти, принявший вид человека, жужжание крыльев, которое складывалось в слова...

— У тебя в глазах снова появился свет, девочка, — сказал Бенет. — Говорит, ты понимаешь, чем стала. Уродливый свет. — Он подтолкнул к ней через стол маленький кожаный мешочек. — Убей его.

Руки Фелисин задрожали, когда она взяла мешочек и вытащила оттуда шарик дурханга.

Бенет смотрел, как она крошит спрессованную пыльцу в чашу своей трубки.

Шесть дней прошло, а Бодэна так и не нашли. Капитан Саварк уже несколько раз вызывал Бенета к себе. Черепок перетрусил сверху донизу, патрули на Жучьей дороге и верхнем гребне удвоили – круг за кругом, как мухи – а по Утопному озеру прошли с баграми. Но беглец, казалось, просто растаял в воздухе.

Бенет принял это на свой счёт. Его власти в Черепке был брошен вызов. Он снова позвал девушку к себе, но не из сочувствия, а потому, что больше не доверял Фелисин. Она что-то знала – что-то о Бодэне – и хуже: Бенет теперь знал, что она не та, за кого себя выдаёт.

«Бенет с Саварком говорили, – сказал Геборик в тот день, когда Фелисин ушла – когда его заботы позволили ей притвориться достаточно окрепшей, чтобы уйти. – Будь осторожна, девочка. Бенет принимает тебя обратно, но только для того, чтобы лично проследить за твоим уничтожением. То, что прежде было случайным, теперь стало нарочным, осозанным. Он получил указания».

«Откуда ты знаешь?»

«Ну да, правда, я могу только догадываться. Но побег Бодэна дал Бенету рычаг давления на Саварка, и скорее всего Бенет использовал его, чтобы выдать из капитана твою истинную историю. Саварк дал ему больше власти, второго Бодэна не будет – этого они оба не могут допустить. У Саварка нет выбора, он должен дать Бенету больше власти... больше информации...»

Чай с дурхангом ослаблял боль в сломанных рёбрах и опухшей челюсти, но его силы не хватало, чтобы притупить мысли. Минута за минутой – она чувствовала, как подходит всё ближе к отчаянию. Уходя от Геборика, Фелисин на самом деле бежала, возвращение к Бенету стало панической необходимостью.

Он улыбнулся, когда она поднесла к дурхангу огонь.

– Бодэн ведь не был просто портовым громилой, верно?

Фелисин хмуро посмотрела на него сквозь завесу дыма.

Бенет положил кинжал на стол и крутанул. Оба смотрели, как вертится блестящий клинок. Остановившись, остриё указало на Бенета. Он поморщился и раскрутил кинжал снова. Когда клинок второй раз обратился к нему, Бенет подхватил кинжал и сунул в ножны на поясе, а затем потянулся к оловянной кружке.

Мухи разлетелись, когда он поднёс кружку к губам.

– Я ничего не знаю о Бодэне, – сказала Фелисин.

Его глубоко посаженные глаза надолго остановились на ней.

– И ты ничего не выяснила, выходит? Значит, либо ты тупая... либо очень старалась, чтобы ничего не узнать.

Фелисин промолчала. По телу уже разливалось онемение.

— Это из-за меня, девочка? Неужто это такое падение — стать моей? Я тебя хотел, Фелисин. Ты была красивой. Умной — по глазам было видно. Это я виноват, что ты стала... такой?

Бенет увидел, как она покосилась на мешочек на столе, и криво улыбнулся.

— Приказы есть приказы. К тому же ты могла отказаться.

— В любой момент, — проговорила Фелисин, отводя глаза.

— Ну, значит, моей вины тут нет.

— Нет, — повторила она. — Вся вина только моя, Бенет.

Он резко поднялся.

— Погода сегодня мерзкая. Начался ши'гай — горячий ветер — все твои страдания до сих пор были только прелюдией, девочка. С первым порывом ши'гая начинается лето. Но сегодня... — Бенет посмотрел на неё сверху вниз, однако не договорил, а просто взял за руку и вздёрнул на ноги. — Идём со мной.

Бенету разрешили собрать отряд ополчения из им лично отобранных рабов, каждого из которых вооружили дубиной. По ночам они патрулировали улочки Черепка. Тех, кого ловили снаружи после заката, теперь ждали побои и казнь наутро. Казнями занимались стражники — ополчение Бенета вовсе отрывалось на побоях.

Бенет и Фелисин присоединились к одному из патрулей — полдюжины человек, всех она хорошо знала, поскольку их преданность Бенет покупал за её тело.

— Если ночь будет тихой, — пообещал он своим людям, — перед рассветом найдём время и немножко расслабимся.

Громилы в ответ заухмылялись.

Они прошли по занесённым песком и мусором улочкам, но никого не увидели. Когда патруль оказался рядом с казино Сурука, они заметили толпу стражников-досиев. С ними был сам капитан досиев, Ганнип. Стражники проводили патруль тяжёлыми взглядами.

Бенет было задержался, словно хотел переговорить с Ганнипом, но затем тяжело выдохнул через ноздри и зашагал дальше. И положил ладонь на рукоять кинжала.

Фелисин показалось, будто она вот-вот поймёт что-то важное, словно горячий ветер добавил к ночному воздуху новый запах угрозы. Бодрый разговор ополченцев стих, и Фелисин заметила в них явные признаки тревоги. Она вытащила ещё один шарик дурханга и положила прохладный сладковатый комочек за щёку.

— Смотрю на тебя, — пробормотал Бенет, — и вспоминаю Саварка.

Она удивлённо моргнула.

— Саварка?

— Ага. Чем хуже дело, тем плотнее он зажимается.

С трудом выговаривая слова, она промямлила:

— А какое дело стало хуже?

Словно в ответ, сзади, от заведения Сурука раздался выкрик, а затем грубый смех. Бенет жестом приказал своим людям остановиться, а затем пошёл обратно к перекрёстку. Оттуда он мог увидеть казино Сурука — и солдат Ганнипа.

Словно призрак вдруг поднялся из земли и коснулся Бенета: в его позе читалось напряжение. В черепе Фелисин зазвенела глухая тревога. Она помедлила, затем обернулась к ополченцам.

— Что-то случилось. Идите к нему!

Они тоже смотрели на Бенета. Один из рабов нахмурился, и его рука скользнула к поясу, за который была заткнута дубина.

— Вот ничего такого он нам не приказывал, — проворчал громила. Другие закивали, беспокойно ёрзая в тени.

— Он там стоит один! — возмутилась Фелисин. — На открытом месте. На него, наверное, нацелены стрелы..

— Заткни хлебало, детка, — рявкнул ополченец. — Никуда мы не пойдём.

Бенет чуть было не отступил на шаг, затем явно взял себя в руки.

— Они идут к нему, — прошипела Фелисин.

Показались Ганнип и его досии, обступили полукругом Бенета. С запястий солдат на него смотрели взведённые арбалеты.

Фелисин резко обернулась к ополченцам.

— Да помогите же ему, чтоб вас!

— Да провались ты к Худу! — огрызнулся один из громил. Патруль разбежался, мужчины тихо уходили в тени ближайших переулков.

— Ты там одна осталась, девочка? — громко спросил капитан Ганнип. Его солдаты расхохотались. — Иди сюда, к Бенету. Мы ему просто кое-что рассказываем, вот и всё. Ничего страшного, девочка.

Бенет обернулся, хотел ей что-то сказать. Стражник-досий шагнул вперёд и с размаху ударил по лицу рукой в перчатке. Бенет пошатнулся, выругался, прижимая руку к разбитому носу.

Фелисин неловко отступила на шаг, затем развернулась и побежала, а за спиной уже шёлкнули арбалеты. Стрелы прожужжали по обе стороны от неё, но Фелисин сумела ускользнуть в узкий переулок. Позади раздался смех.

Она бежала по улочке, которая шла параллельно Ржавому уклону. В сотне шагов впереди находились Темень и казармы. Задыхаясь, она вылетела на открытое пространство между двумя малазанскими строениями. Сердце колотилось в груди так, словно ей было уже пятьдесят лет, а не пятнадцать. Постепенно до Фелисин начало доходить потрясение от того, что она увидела – Бенета ударили.

За казармами раздался крик. Застучали копыта. Из-за угла появилось два десятка рабов, которые бежали туда, где стояла Фелисин. За ними гнались полсотни досийских всадников. Несколько человек настигли копьём, и они попадали на пыльную землю. Безоружные рабы пытались сбежать, но досии уже окружили их. Слишком поздно Фелисин поняла, что ей тоже не спастись.

Я видела, как у Бенета идёт кровь. Эта мысль вызвала следующую. Теперь мы умрём.

Кони досиев топтали и мужчин и женщин без разбору. Поднимались и опускались тальвары. В безнадёжной тишине рабы погибали один за другим. Двое всадников направились к Фелисин. Она смотрела, гадая, который из них доберётся до неё первым. Один из досиев наклонил копьё, чтобы ударить её в грудь, другой высоко занёс широкий клинок, чтобы обрушить его в подходящий момент. На раскрасневшихся лицах Фелисин увидела радость и удивилась тому, насколько нечеловеческим было это выражение.

За миг до того, как всадники оказались рядом с ней, в грудь обоим с глухим звуком вошли стрелы. Солдаты покачнулись и упали с коней. Фелисин обернулась и увидела строй малазанских арбалетчиков: солдаты в первом ряду опустили на колено для перезарядки, а второй ряд сделал несколько шагов вперёд, прицелился, а затем разом разрядил оружие в толпу досийских конников. Люди и животные закричали от боли.

Третий залп сломил сопротивление досиев: оставшиеся ускакали во тьму за казармами.

Горстка рабов осталась в живых. Сержант рявкнул приказ, и дюжина солдат двинулась вперёд, проверяя тела, которыми была усыпана площадка, толкая выживших в сторону строя.

– Идём со мной, – прошипел голос рядом с Фелисин.

Она удивлённо заморгала, не сразу узнала лицо Пеллы.

– Что?

– Мы собираем рабов в конюшне – но тебе туда не надо. – Он мягко взял её за руку. – Они сильно превосходят нас числом. Защищать рабов – не самая важная задача, к сожалению. Саварк хочет, чтобы бунт подавили. Сегодня же.

Она всматривалась в его лицо.

— Что ты такое говоришь?

Сержант отвёл свой отряд на более защищённую позицию — у самого выхода из переулка. Двенадцать солдат продолжали подталкивать рабов по боковой улице в сторону конюшни. Пелла повёл Фелисин в том же направлении. Как только сержант уже не мог их видеть, он обратился к остальным солдатам.

— Трое — со мной.

Один ответил:

— Тебе Опонны мозги свернули, Пелла? И так небезопасно, а ты хочешь разделить взвод?

Другой заворчал:

— Давай просто избавимся от этих треклятых рабов и вернёмся, пока сержант не отдал приказ возвращаться к капитану.

— Это женщина Бенета, — сказал Пелла.

— Не думаю, что Бенет ещё жив, — глухо проговорила Фелисин.

— Был жив пять минут назад, девочка, — хмуро заметил Пелла. — В крови, конечно, но ничего опасного. Он сейчас собирает своё ополчение. — Сержант обернулся к остальным. — Нам нужен Бенет, Реборид, что бы там ни визжал Саварк. А теперь трое — за мной, нам недалеко идти.

С недовольной миной солдат, которого Пелла назвал Реборидом, жестом приказал ещё двоим следовать за собой.

На западном крыле Черепка разгорался пожар — где-то у Заплюйного ряда. Никто его не тушил, так что огонь распространялся быстро, отбрасывая багровые блики на нижнюю часть густых клубов дыма.

Пелла ташил за собой Фелисин, а Реборид продолжал ворчать.

— Да где же, Худовы пятки, гарнизон Бе'тры? Может, они огня не видят? Малазанские взводы патрулировали Жучью дорогу, они бы послали вестового — отряд уже должен быть здесь, чтоб его.

На улицах лежали тела, скорчившиеся, неподвижные фигуры. Маленький отряд шёл мимо, не останавливаясь.

— Худ знает, что себе думает Ганнип, — продолжал солдат. — Саварк всех растреклятых досиев на пятьдесят лиг вокруг выпотрошит и бросит гнить на солнце.

— Мы на месте, — сказал Пелла, заставив Фелисин остановиться. — Защитный строй, — приказал он остальным. — Я скоро.

Они стояли у дома Геборика. Света за ставнями было не видно. Дверь была заперта. Презрительно фыркнув, Пелла ударом ноги снёс хлипкое препятствие. Он подтолкнул Фелисин в спину, а затем шагнул следом, в темноту.

— Здесь никого нет, — сказала Фелисин.

Пелла не ответил, продолжая подталкивать её, пока они не оказались у тканой занавески, за которой скрывалась спальня бывшего жреца.

— Отодвинь её, Фелисин.

Она отбросила ткань в сторону и шагнула в крошечную каморку. Следом вошёл Пелла.

Геборик сидел на своей койке, молча глядя на них.

— Я не был уверен, — тихо произнёс Пелла, — хочешь ли ты всё ещё взять её с собой или уже нет.

Бывший жрец крякнул.

— А что ты, Пелла? Мы бы справились...

— Нет. Бери лучше её. Я должен вернуться к капитану — мы подавим этот мятеж, но для тебя время превосходное...

Геборик вздохнул.

— Да, это точно. Фэнеров пятак, Бодэн! Выходи уже из теней. Этот парень нам не страшен.

Пелла вздрогнул, когда массивная фигура вдруг отделилась от драпировки. В полумраке блеснули близко посаженные глаза Бодэна. Он ничего не сказал.

Встряхнувшись, Пелла отступил на шаг, взялся одной рукой за грязную ткань.

— Храни тебя Фэнер, Геборик.

— Спасибо, парень. За всё.

Пелла коротко кивнул и ушёл.

Фелисин хмуро посмотрела на Бодэна.

— Ты мокрый.

Геборик поднялся.

— Всё готово? — спросил он Бодэна.

Великан кивнул.

— Мы что, убегаем? — спросила Фелисин.

— Да.

— Как?

Геборик поморщился.

— Скоро увидишь.

Бодэн подхватил с пола за собой два больших кожаных бурдюка и без всякого усилия бросил один Геборику, который ловко поймал его запястьями. Звук, который издал бурдюк, дал Фелисин понять, что на самом деле это просто запечатанный пузырь с воздухом.

— Мы собираемся плыть через Утопное озеро, — сказала она. — Зачем? Там ведь на другой стороне ничего нет, только отвесная скала.

— Там пещеры, — сказал Геборик. — В них можно пробраться, если уровень воды низко... спроси Бодэна, он там прятался неделю.

— Мы должны взять с собой Бенета, — заявила Фелисин.

— Но, девочка...

— Нет! Вы мне обязаны — вы оба! Вы бы оба уже давно отправились на тот свет, Геборик, если бы не я. Про Бенета. Я его найду, встретимся на берегу озера...

— Нет, — отрезал Бодэн. — Я его найду. — Он подал Фелисин кожаный пузырь.

Она увидела, как великан выскользнул наружу через боковую дверцу, о существовании которой Фелисин даже не догадывалась, затем медленно обернулась к Геборику. Он присел, внимательно рассматривая притороченную к бурдюкам сетку.

— Вы меня и не собирались включать в свой план побега, да, Геборик?

Он поднял глаза и вскинул брови.

— До сегодняшнего дня было похоже на то, будто ты нашла в Черепке свой рай. Я не думал, что ты захочешь бежать.

— Рай? — Это слово почему-то потрясло её. Фелисин села на койку.

Глядя на неё, Геборик пожал плечами.

— При наличии Бенета.

Она смотрела ему в глаза, пока жрец в конце концов не отвёл взгляд; он поднялся с кряхтением и взвесил на руках бурдюк.

— Пора идти, — проворчал он.

— Я теперь немного стою в твоих глазах, верно, Геборик? Да и стоила ли когда-нибудь?

Фелисин из Дома Паранов, чья сестра — адъюнкт Тавор, чей брат служил адъюнкту Лорн. Знатная, избалованная девчонка. Шлюха.

Жрец не ответил и направился к отверстию в задней стене.

Всю западную часть Черепка объял огонь, окрасив долину зернистым, дрожащим алым цветом. Геборик и Фелисин быстро шли по Рабочей дороге и видели по сторонам следы многочисленных стычек: убитых лошадей, мёртвых малазанцев и досиев. В таверне Булы сперва забаррикадировались, затем барьеры снесли. Из тёмного дверного проёма доносились тихие стоны.

Фелисин замешкалась, но Геборик потянул её за руку.

— Ты не хочешь заходить туда, девочка, — сказал он. — Там побывали люди Ганнипа.

За пределами городка Рабочая дорога тянулась — тёмная и пустая — до самого перекрёстка Трёх доль. За камышами слева поблёскивала ровная поверхность Утопного озера.

Бывший жрец повёл её в заросли, приказал присесть, затем сделал то же самое.

— Будем ждать здесь, — сказал он, вытирая пот с широкого, покрытого татуировкой лба.

Ил под коленями был мягким, приятно прохладным.

— Значит, мы поплывём к пещере... а потом что?

— Это старая штольня, она ведёт за пределы долины, выходит на поверхность далеко за Жучьей дорогой. На другом конце нас будут ждать припасы. Оттуда пойдём через пустыню.

— В Досин-Пали?

Геборик покачал головой.

— Прямо на запад, к внутреннему берегу. Девять-десять дней. По пути есть скрытые родники — Бодэн запомнил их расположение. Нас подберёт барка и отвезёт на материк.

— Как? Кто?

Бывший жрец поморщился.

— Старый друг проявляет преданность, которая дорого ему может стоить. Но видит Худ, я не жалеюсь.

– А Пелла – связной?

– Да, какие-то дальние связи, вроде друзей отца и дяди, и друзей других друзей, что-то вроде того. Он сперва пытался выйти на тебя, между прочим, но ты не откликнулась. Поэтому он сам меня нашёл.

– Ничего такого не помню.

– Цитата, приписываемая Келланведу и записанная тем человеком, который организовал наш побег, – Дукером.

– Знакомое имя...

– Императорский историк. Он за меня заступался на суде. Затем устроил так, что его доставили в Хиссар через Путь. – Геборик замолчал, медленно покачал головой. – И всё, чтобы спасти жёлчного старика, который неоднократно называл его запись истории откровенной ложью. Если доживу до личной встречи с Дукером, нужно будет, наверное, извиниться.

Бешеное жужжание вдруг донеслось до них с затянутого дымом неба над городом. Звук становился всё громче. Гладкая поверхность Утопного озера скрылась, будто под плотным градом. Фелисин от страха пригнулась ещё ниже.

– Что это? Что происходит?

Геборик некоторое время молчал, затем вдруг прошипел:

– Кровные слепни! Их сперва приманил, а потом напугал огонь. Быстро, девочка, загребай ил – обмазывайся! И меня тоже намажь! Скорей!

Поблёскивающий рой насекомых был уже виден, он катился вперёд, словно стена тумана.

Фелисин в панике погрузила пальцы в прохладный ил между стеблями камыша и стала пригоршнями бросать его на руки, шею, плечи, лицо. В процессе она ползла вперёд, пока не оказалась по пояс в воде, затем обернулась к Геборику.

– Иди сюда!

Он подобрался к Фелисин.

– Они ныряют в воду, девочка! Выбирайся отсюда – укрой ноги илом!

– Как только закончу с тобой, – заявила она.

Но было уже слишком поздно. В следующий миг воздухом уже стало почти невозможно дышать, рой накрыл их. Кровные слепни вонзились в воду, словно дротики. Бёдра пронзила острая боль.

Геборик оттолкнул её руки, затем пригнулся.

– Занимайся собой, девочка!

Этот приказ был излишним, потому что все мысли о том, чтобы помочь Геборику, испарились после первого же укуса. Фелисин выпрыгнула из воды, зачерпнула две пригоршни ила и шлёпнула по окровавленным бёдрам. Она быстро добавила ещё слой на икры и ступни. Насекомые ползали по волосам. Всклипывая, Фелисин ногтями выдрала их, затем покрыла илом и голову. От судорожных вздохов кровные слепни попали ей в рот и отчаянно жалили, пока она хрипела и отплёвывалась. Фелисин вдруг поняла, что прикусывает их, давит зубами, а горький яд насекомых жётся, как кислота. Слепни были повсюду, они слепили Фелисин, собираясь комьями у глаз. Она завопила, смахнула их, затем нагнулась, нащупала ил, набрала ещё пригоршню. Фелисин погрузилась в целительную тьму, но не прекращала кричать, не могла остановиться. Насекомые пробрались в уши. Она заполнила илом и уши. Тишина.

Лишённые кистей руки вдруг обвили её. Голос Геборика донёсся словно издалека.

– Всё в порядке, девочка, всё хорошо. Ты можешь перестать кричать, Фелисин. Не нужно больше кричать.

Она свернулась клубком среди камыша. Боль от укусов сменялась онемением – на ногах, вокруг глаз и ушей, во рту. Прохладное, мягкое онемение. Фелисин услышала, как её вопль стих.

– Рой прошёл дальше, – сказал Геборик. – Благословение Фэнера им не по вкусу пришлось. Мы в порядке, девочка. Протри глаза – сама увидишь.

Она не пошевелилась. Слишком легко было просто лежать, чувствовать, как по телу растекается онемение.

– Очнись! – рявкнул Геборик. – В каждом укусе – яйцо, оно выделяет яд, который умертвляет плоть, размягчает её. Превращает тебя в пищу для личинок внутри яиц. Ты меня понимаешь, девочка? Мы должны убить эти личинки – у меня есть тинктура в сумке на поясе – но ты должна её наложить, понимаешь? Безрукий старик сам не сможет этого сделать...

Она застонала.

– Проклятье! Да очнись же!

Он её ударил, толкнул, затем пнул ногой. Фелисин выругалась и села.

– Хватит! Я очнулась! – Губы онемели, поэтому слова выговаривались невнятно. – Где эта твоя сумка?

– Вот. Глаза открой!

Веки и плоть вокруг глаз так отекали, что Фелисин почти ничего не видела, но всё вокруг освещало странное голубоватое мерцание, лившееся от татуировок Геборика. Его слепни не укусили ни разу. Благословение Фэнера им не по вкусу.

Старик указал на поясную сумку.

— Скорей! Из яиц вот-вот вылупятся личинки и начнут есть тебя — изнутри. Открой сумку... вон, чёрная бутылочка, маленькая. Откупоривай!

Фелисин выдернула пробку. И отшатнулась от горьковатого запаха.

— Одну каплю на палец, затем вдавить её в ранку, глубоко. Затем другую..

— Я... я не чувствую ранок вокруг глаз..

— Я тебе подскажу, девочка. Быстрей!

Кошмару не было конца. Тинктура — зловонная, тёмно-коричневая жидкость, окрасившая пальцы в жёлтый цвет, — не убивала новорождённых личинок, а выгоняла их наружу. Геборик направлял её руки к ранкам вокруг глаз и ушей, и из каждой, извиваясь, медленно выползала личинка. Фелисин вытаскивала их из отверстий от укусов — каждую вялую от ядовитой тинктуры личинку длиной с обрезок ногтя. По видимым укусам можно было догадаться, что происходило вокруг глаз и ушей. Во рту горечь тинктуры переборола яд слепней, так что у Фелисин закружилась голова, а сердце забилося очень быстро. Личинки посыпались на язык, словно зёрнышки риса. Она сплюнула.

— Мне очень жаль, Фелисин, — проговорил Геборик, когда она закончила. Он с сочувствием рассматривал укусы вокруг её глаз.

По телу Фелисин пробежал холодок.

— Что случилось? Я ослепну? Оглухну? В чём дело, Геборик?!

Он покачал головой и медленно разогнулся.

— Укусы кровных слепней... их яд убивает плоть. Ты исцелишься, но могут остаться оспины. Мне так жаль, девочка. Вокруг глаз дело плохо. Очень плохо...

Она чуть не рассмеялась, несмотря на то что голова кружилась всё сильнее. По телу снова пробежала дрожь, и Фелисин обхватила себя руками.

— Я видела. У местных. Рабов. Не один раз...

— Да. Обычно кровные слепни в рой не собираются. Должно быть, их привлёк пожар. Послушай, хороший целитель — кто-нибудь с Высшим Дэнупом — сможет убрать шрамы. Мы найдём тебе такого целителя, Фелисин. Клянусь клыками Фэнера — найдём!

— Меня тошнит.

— Это из-за тинктуры. Учащённое сердцебиение, морозит, тошнит. Это сок растения из Семи Городов. Если бы ты выпила то, что осталось в этой крошечной бутылочке, умерла бы через несколько минут.

На этот раз она рассмеялась ломким, дребезжащим смехом.

— Я бы, наверное, даже обрадовалась Вратам Худа, Геборик. — Фелисин покосилась на бывшего жреца. Голубоватое сияние начало меркнуть. — Похоже, Фэнер — бог всепрощающий.

Старик нахмурился.

— Честно говоря, я сам пока в этом не разобрался. Однако знаю многих высших жрецов Фэнера, которых хватил бы удар, услышь они, что их бог-вепрь... всепрощающий. — Он вздохнул. — Но, видимо, ты права.

— Тебе, наверное, стоит выказать благодарность. Принести жертву.

— Наверное, — проворчал бывший жрец и отвёл глаза.

— Какое же великое преступление отторгло тебя от твоего бога, Геборик?

Старик не ответил. Через некоторое время он поднялся и взглянул на объятый пламенем город.

— Всадники.

Фелисин села ровней, но голова всё ещё слишком кружилась, чтобы встать.

— Бенет?

Он покачал головой.

В следующий миг отряд малазанцев уже был рядом, остановился прямо напротив Геборика и Фелисин. Возглавлял всадников капитан Саварк. Досийский клинок рассёк ему щеку. Форма капитана была тёмной и мокрой от крови. Фелисин невольно отшатнулась от взгляда его холодных, как у ящерицы, глаз.

Наконец Саварк заговорил:

— Когда окажетесь на гребне... посмотрите на юг.

Геборик тихо выругался от удивления.

— Ты нас отпускаешь? Спасибо, капитан.

Лицо Саварка потемнело.

— Не ради тебя, старик. Именно такие смутьяны, как ты, и вызвали всё это. Я бы тебя, скорей, прямо на месте поднял на копьё. — Капитан будто хотел сказать что-то ещё, снова перевёл взгляд на Фелисин, но затем лишь развернул коня.

Двое беглецов молча смотрели, как отряд скачет обратно к Черепку. Солдаты ехали на битву. Это Фелисин поняла интуитивно. И тут же возникла другая уверенность, прошептала, что они все умрут. Капитан Саварк, Пелла. Все малазанцы. Она перевела взгляд на Геборика. Старик задумчиво смотрел, как отряд приблизился к городу и исчез в дыму.

В следующий миг из камышей рядом поднялся Бодэн.

Фелисин встала на ноги и шагнула к нему.

— Где Бенет?

— Мёртв, девочка.

— Ты.. ты..

Слова потонули в волне боли, горя, которое потрясло её больше, чем всё пережитое прежде. Фелисин покачнулась и отступила на шаг.

Бодэн не сводил с неё маленьких, плоских глаз.

Геборик откашлялся.

— Нужно спешить. Скоро рассвет, а я, хоть и сомневаюсь, что на озере нас кто-то заметит, думаю, что лучше не выставлять наши намерения напоказ. В конце концов, мы — малазанцы. — Он подошёл к надутым бурдюкам. — По плану мы переждём день на другом конце штольни и выйдем в путь после заката. Так меньше шансов попасться на глаза какому-нибудь разъезду досиев.

Фелисин безвольно поплелась за мужчинами к кромке воды. Бодэн привязал один из бурдюков к груди Геборика. Фелисин поняла, что второй бурдюк ей придётся делить с Бодэном. Она внимательно смотрела на здоровяка, пока тот проверял крепления на последнем кожаном пузыре.

Бенет мёртв. Так он говорит. Да он его, наверное, и вовсе не искал. Бенет жив. Наверняка. Нос разбит, только и всего. Бодэн лжёт.

Вода Утопного озера смыла с кожи Фелисин остатки ила и тинктуры. Ну, хоть так.

..Тяжёлое дыхание эхом отражалось от отвесного утёса. Фелисин продрогла и чувствовала, как вода пытается утащить её вниз. Она крепче ухватилась за ремешки на бурдюке.

— Не вижу никакой пещеры, — прохрипела Фелисин.

Бодэн заворчал.

— Странно, что ты вообще хоть что-то видишь, — заметил он.

Фелисин не ответила. Плоть вокруг глаз так опухла, что остались только узкие щёлки. Уши казались кусками мяса, тяжёлыми и огромными, а дёсны во рту отекали так, что скрыли зубы. Она дышала с трудом, постоянно откашливалась, но это не помогало. Физический дискомфорт заставил Фелисин чувствовать себя оторванной от всего, словно у неё не осталось тщеславия, которое можно было бы уязвить. Это чувство принесло неожиданное облегчение, почти веселье.

Выжить — только это важно. Пусть Тавор увидит все шрамы, которыми я ей обязана, в тот день, когда мы встретимся лицом к лицу. Тогда мне даже ничего не придётся говорить, чтобы оправдать свою месть.

— Вход под водой, — сказал Геборик. — Нам придётся проткнуть бурдюки и нырнуть. Первым поплывёт Бодэн с верёвкой, привязанной к поясу. Держись за эту верёвку, девочка, иначе вода утянет тебя на дно.

Бодэн дал ей кинжал, затем положил верёвку поверх покачивающегося на воде бурдюка. В следующий миг он оттолкнулся в сторону утёса и скрылся под водой.

Фелисин крепко ухватилась за верёвку, глядя, как разматываются кольца.

— Как глубоко?

— Семь-восемь футов, — ответил Геборик. — Потом примерно пятнадцать футов по пещере, прежде чем сможешь снова вдохнуть. Справишься, девочка?

Придётся.

Над озером разнеслись далёкие крики. Последние жалкие вопли догорающего города. Всё произошло так быстро, почти бесшумно — в одну ночь Черепок постиг кровавый конец. Всё это казалось... ненастоящим.

Фелисин почувствовала, что верёвка дёрнулась.

— Твоя очередь, — сказал Геборик. — Проткни бурдюк, потом отпусти — пусть тонет, а сама двигайся по верёвке.

Она перехватила кинжал лезвием вниз и проткнула бурдюк. Наружу со свистом вырвался воздух, пузырь начал сдуваться и пошёл ко дну. Вода потянула Фелисин вниз, словно цепкие руки. Она судорожно набрала полную грудь воздуха, прежде чем скрылась под водой. В следующий миг верёвка вела уже не вниз, а вверх. Фелисин наткнулась на скользкую поверхность утёса. Кинжал скрылся внизу, когда она ухватилась за верёвку обеими руками и начала подтягиваться.

Вход в пещеру в темноте казался только ещё более тёмным пятном, вода была ледяной. От недостатка воздуха лёгкие уже горели. Фелисин почувствовала, что вот-вот потеряет сознание, но диким усилием воли отогнала это ощущение. Впереди сверкнул отблеск света. Бешено отталкиваясь ногами, Фелисин, рот которой уже наполнился водой, рванулась к свету.

Руки ухватили её за обшитый каймой воротник туники и легко вытащили к воздуху, к свету. Фелисин лежала на жёстком холодном камне и содрогалась от приступов кашля. Рядом с её головой теплилась масляная лампа. Чуть дальше к стене прислонились два походных рюкзака на деревянном каркасе и набухшие от воды бурдюки.

— Потеряла мой растреклятый нож, да?

— Провались ты к Худу, Бодэн.

Тот заворчал — так он смеялся, — затем начал быстро выбирать верёвку. Вскоре над водой показалась голова Геборика. Бодэн вытащил бывшего жреца на каменный приступок.

— Наверху, похоже, дело плохо, — заметил великан. — Наши припасы принесли сразу сюда.

— Понятно. — Геборик сел, судорожно глотая воздух.

— Вы двое лучше оставайтесь здесь, а я схожу, разведая, что и как, — сказал Бодэн.

— Да. Иди уж.

Когда Бодэн исчез в глубине штольни, Фелисин села.

— Что там наверху плохо?

Геборик пожал плечами.

— Нет, — не сдавалась Фелисин. — У тебя есть подозрения.

Он поморщился.

— Саварк сказал: «Посмотрите на юг».

— И что?

— И то, девочка. Давай дождёмся Бодэна, хорошо?

— Мне холодно.

— Мы решили не тратить место на сменную одежду. Припасы, вода, оружие, кремь и огниво. Есть одеяла, но лучше их не мочить.

— Скоро высохнут, — отрезала Фелисин и подобралась к одному из рюкзаков.

Через несколько минут вернулся Бодэн и присел рядом с Гебориком. Дрожа под одеялом, Фелисин наблюдала за мужчинами.

— Нет, Бодэн, — заявила она, когда тот приготовился что-то прошептать бывшему жрецу, — говори так, чтобы все слышали.

Великан покосился на Геборика, но тот лишь пожал плечами.

— До Досин-Пали отсюда тридцать лиг, — сказал Бодэн. — Но вспышки и зарево видно хорошо.

Геборик нахмурился.

— Даже грозу с молниями не было бы видно с такого расстояния, Бодэн.

— Точно, и это не гроза. Чародейство, старик. Битва магов.

- Худов дух, – пробормотал Геборик. – Вот это сражение!
- Поднялся, значит, – буркнул Бодэн.
- Кто? – спросила Фелисин.
- Семь Городов восстали, девочка. Дриджна. Вихрь поднялся.

Плоскодонка оказалась длиной всего в тринадцать футов. Дукер долго колебался, прежде чем забраться в неё. Шесть дюймов воды плескались между двух досок, которые играли роль палубы. Многочисленные мелкие течи в дне были заткнуты тряпками – с разной степенью успешности. Запах гниющей рыбы просто валил с ног.

Закутавшийся в свой армейский дождевик Кальп и не двинулся с того места, где стоял на причале.

- И сколько же ты, – поинтересовался он ровным тоном, – заплатил за эту.. лодку?

Историк вздохнул и поднял глаза на мага.

- Ты её не сможешь починить? Какой, ты говоришь, у тебя Путь, Кальп?

- Путь Починки Лодок, – ответил тот.

- Ладно, – сказал Дукер, выбираясь обратно на причал. – Ответ понял. Чтобы пересечь Пролив, тебе понадобится что-то более остойчивое. Человек, который мне продал эту лодку, несколько преувеличил её достоинства.

- Это святое право харалов. Лучше бы ты просто нанял судно.

Дукер хмыкнул.

- А кому я могу доверять?

- Что теперь?

Историк пожал плечами.

- Обратно в таверну. Тут нужен новый план.

Они двинулись назад по скрипучему причалу и вскоре выбрались на узкую грунтовую дорогу, которой приходилось служить ещё и главной улицей деревни. Рыбацкие хибары по обе стороны демонстрировали полное отсутствие гордости, свойственное маленьким поселениям в тени большого города. Уже стемнело, и кроме стаи собак, которые по очереди катали в пыли рыбий скелет, никого не было видно. Тяжёлые занавеси скрывали почти весь свет внутри домов. Воздух был горячим, ветер с материка продолжал теснить морской бриз.

Деревенская таверна стояла на сваях – выдавшая виды одноэтажная развалюха, где стенами служила натянутая на выцветший деревянный каркас джутовая ткань, под соломенной крышей. В песке под домом ползали крабы. Напротив таверны расположился каменный блокгауз малазанского отряда Береговой охраны, который состоял из четырёх матросов из Кона и двух морпехов, чья внешность не выдавала происхождения. Для них прежние национальные различия уже не имели значения. «Новая имперская порода», – подумал Дукер, когда они с Кальпом вошли в таверну и вернулись к столу, за которым сидели прежде. Малазанские солдаты сгрудились вокруг другого, ближе к стене, где мешковину отогнули так, чтобы открылся безмятежный пейзаж – жухлая трава, белый песок и поблёскивающее море. Дукер позавидовал морпехам, потому что до них наверняка ветер доносил свежий воздух.

Солдаты ещё не подходили к ним, но историк понимал, что это только вопрос времени. В такой деревеньке путники – редкость, а люди в плащах военного образца – ещё большая редкость. Тем не менее до сих пор морпехи так и не заставили себя претворить любопытство в действие.

Кальп указал хозяину у стойки на кувшин с элем, а затем наклонился поближе к Дукеру.

– Вопросы будут. Скоро. Это первая проблема. У нас нет лодки. Это вторая. Я в моряки вообще не гожусь, это третья..

– Хорошо, хорошо, – прошипел историк. – Худов дух, дай мне подумать спокойно!

Кальп с кислым лицом отодвинулся.

Мотыльки неуклюже крутились вокруг мигающих фонарей, которыми освещался зал. Местных жителей не было, а внимание одинокого человека за барной стойкой было неотрывно приковано к малазанским солдатам. Он не отвёл от морпехов взгляда узких, тёмных глаз, даже когда поставил кувшин с элем перед Кальпом.

Глядя ему вслед, маг хмыкнул:

– Странный какой-то вечер выдался, Дукер.

– Да уж.

Где же все?

Скрип стула привлёк их внимание к старшему по чину малазанцу – капралу, судя по значку на сюрко, [5] – который поднялся и теперь подошёл. Под блёклым жестяным значком виднелось пятно побольше – там ткань сюрко не выцвела: этот человек был когда-то сержантом.

Лицо у капрала было под стать телу – плоское и широкое, признак канской крови в роду. На бритой голове виднелись порезы от бритвы, некоторые из них до сих пор прикрывала корочка подсохшей крови. Солдат не сводил глаз с Кальпа.

Маг заговорил первым:

— Следи за языком, если не хочешь и дальше пятиться.

Солдат недоумённо моргнул.

— Пятиться?

— Сержант, потом капрал — ты в рядовые нацелился? Это я тебя предупреждаю.

Угроза не произвела на морпеха впечатления.

— Не вижу знаков отличия, — процедил он.

— Потому что не знаешь, куда смотреть. Возвращайся за свой стол, капрал, и оставь наши дела нам.

— Ты из Седьмой армии. — Солдат явно не собирался возвращаться за стол. — Дезертир.

Жёсткие брови Кальпа приподнялись.

— Капрал, ты стоишь лицом к лицу со всем магическим подразделением Седьмой. Теперь ноги отсюда уноси, пока я их тебе узлом не завязал.

Взгляд капрала метнулся к Дукеру, затем снова к Кальпу.

— Да нет же, — вздохнул маг. — Я — всё подразделение. Это мой гость.

— На задницу, значит? — Капрал упёр широкие ладони в столешницу и наклонился поближе к Кальпу. — Если я учую хоть намёк на то, что ты открываешь Путь, получишь ножом в глотку. Это мой караульный пост, чародей, и любое дело здесь — моё дело. А теперь, господин старший по званию, давай-ка объясняйся, пока я твои большие уши не отрезал, чтоб на пояс повесить.

Дукер откашлялся.

— Прежде чем это зашло слишком далеко..

— Заткнись! — рявкнул капрал, продолжая буравить взглядом Кальпа.

Его тираду прервали донесшиеся издалека крики.

— Истин! — взревел капрал. — Иди посмотри, что там снаружи.

Молодой кониец вскочил на ноги, проверил новенький короткий меч в ножнах на поясе и подошёл к двери.

— Мы здесь, — сказал капралу Дукер, — чтобы купить лодку..

Потрясённое проклятье донеслось снаружи, за ним последовал торопливый топот сапог по скрипучей лестнице таверны. Новобранец по имени Истин

ввалился внутрь, лицо его побелело. Из уст юноши полился впечатляющий поток конийских портовых ругательств, закончившийся словами:

— ...и вооружённая толпа снаружи, капрал! Они там не для разговоров собрались. Видел, как разделились: десяток пошёл к «Рипате».

Остальные моряки были уже на ногах. Один обратился к капралу:

— Они её сожгут, Геслер, а мы потом застрянем на этом вонючем побережье...

— Оружие к бою — и в строй, — прорычал Геслер. Он распрямился и повернулся к другому морпеху. — К передней двери, Ураган. Найди, кто там верховодит этой толпой, и влепи стрелу между глаз.

— Мы должны спасти корабль! — снова вмешался матрос.

Геслер кивнул.

— И спасём, Веред.

Морпех по имени Ураган занял место у двери, в руках у него будто из ниоткуда появился взведённый штурмовой арбалет. Снаружи крики стали громче, ближе. Толпа распалялась, чтобы набраться храбрости и ворваться в таверну. Мальчик Истин стоял в центре зала, короткий меч дрожал у него в руке, а лицо покраснело от гнева.

— Успокойся, парень, — сказал Геслер. Его взгляд упал на Кальпа. — Если ты теперь откроешь свой Путь, маг, я уже, может, и не отрежу тебе уши.

Дукер спросил:

— Ты завёл врагов в этой деревне, капрал?

Тот усмехнулся.

— Это давненько назревало. «Рипата» набита продовольствием. Мы вас можем довести до Хиссара... наверное... нужно только сперва тут разобраться. С арбалетом справишься?

Историк вздохнул, затем кивнул.

— Будьте готовы — стрелы полетят сквозь стены, — сказал от дверей Ураган.

— Нашёл их главаря?

— Так точно, и держится он на расстоянии.

— Нельзя ждать — все к задней двери!

Хозяин, который всё это время сидел за маленькой стойкой на дальнем конце зала, теперь вышел вперёд, сторбившись, точно краб, в ожидании первых стрел, которые пробьют стены из мешковины.

— Счёт, мезлан! За много недель! Семьдесят две джакаты...

— Сколько сто́ит твоя жизнь? — поинтересовался Геслер, жестом приказав Истину идти к другим матросам, которые уже выскальзывали наружу через пролом в дальней стене.

Глаза хозяина испуганно округлились, затем он повесил голову.

— Семьдесят две джакаты, мезлан?

— Где-то так, — кивнул капрал.

Прохладный, влажный воздух, пахнувший мхом и мокрым камнем, наполнил зал. Дукер посмотрел на Кальпа, который лишь молча покачал головой. Историк поднялся.

— У них там есть маг, капрал..

Рёв хлынул с улицы и волной врезался в таверну. Деревянный каркас прогнулся, джутовые стены раздулись, как паруса. Кальп издал предупредительный крик, сорвался со стула и покатился по полу. Дерево затрещало, ткань разорвалась.

Ураган рванулся прочь от передней стены, а затем все в комнате одновременно ринулись к задней двери. Пол под ногами накренился, когда передние сваи вырвались из земли. Столы и стулья попадали, покатались вместе со всем остальным. Верещащий хозяин скрылся под упавшими полками с винными кувшинами.

Вывалившись в дыру, Дукер рухнул в темноту и приземлился на кучу сухих водорослей. На него сверху упал Кальп — одни локти и колени, — так что у историка воздух вышибло из лёгких.

Передний край таверны продолжал подниматься под напором колдовской силы, которая вцепилась в него и давила.

— Делай же что-то, Кальп! — прохрипел Дукер.

В ответ маг поднял историка на ноги и хорошенько толкнул.

— Бежать! Вот что нам нужно делать!

Чародейство, охватившее таверну, вдруг утихло. Покачнувшись на задних сваях, здание упало вперёд. Перекрёстные балки треснули. Таверна словно взорвалась, деревянный каркас развалился. Потолок упал строго вниз, ударился об пол, подняв тучу песка и пыли.

Дукер побежал к берегу. Его сразу же нагнал Ураган и пропыхтел:

— Худ уж оплатит хозяину все счета, да? — Морпех приподнял свой арбалет.
— Я здесь, чтобы вас прикрыть. Капрал ушёл вперёд — будет драчка по пути к причалу «Рипаты».

— Где Кальп? — спросил Дукер. Всё произошло так быстро, что он совсем потерял голову. — Он был рядом со мной..

— Пошёл вынюхивать этого чародея небось. Кто ж их, магов, разберёт, да? Ежели только не сбежал. Видит Худ, он пока не особо отличился, да?

Они добежали до пляжа. В тридцати шагах слева Геслер и матросы мчались на дюжину местных, которые перегородили узкий причал. Там был пришвартован низкий, вылизанный патрульный корабль с одной мачтой. Справа береговая линия плавно изгибалась и шла к далёкому Хиссару... городу в огне. Дукер споткнулся и остановился, глядя на багровое небо над Хиссаром.

— Тогговы соски! — прошипел Ураган, увидев, что так поразило историка. — Дриджна пришла. Видать, не повезём мы тебя обратно в город, да?

— Нет, — отрезал Дукер. — Я должен вернуться к Колтейну. Моя лошадь в конюшне — к демонам проклятую лодку.

— Они ей сейчас бока щупают, бьются об заклад. В этих краях люди ездят на верблюдах, а лошадей — едят. Забудь о ней. — Солдат протянул руку, но историк уже побежал обратно по берегу, прочь от «Рипаты» и боя, который разгорелся на причале.

Ураган замешкался, затем выругался и бросился за Дукером.

Магическое пламя вспыхнуло в воздухе над главной улицей, за ней последовал истошный крик.

«Кальп, — подумал Дукер. — Сражается или умирает».

Историк продолжал бежать по пляжу вдоль деревни, пока, как ему показалось, не очутился напротив конюшни, затем повернул прочь от моря, пробираясь через заросли на приливной полосе. Рядом возник Ураган.

— Присмотрю, чтобы по дороге с тобой ничего не случилось, да?

— Благодарю, — прошептал Дукер.

— А кто ты такой-то?

— Императорский историк. А кто ты такой, Ураган?

Тот хмыкнул.

— Никто. Совсем никто.

Проскользнув за первый ряд хибар, они замедлили шаг, стараясь держаться в тени. В нескольких шагах от улицы воздух покрылся рябью и появился Кальп. Плащ его обгорел, лицо покраснело от ожога.

— Какого Худа вы оба тут делаете? — прошипел он. — Тут гуляет высший маг — Худ его разберёт, откуда и зачем взялся. Беда только — он знает, что я здесь, так что болтаться рядом со мной — небезопасно. Я едва вывернулся в прошлый раз...

— Это ты так кричал? — спросил Дукер.

— Тебя когда-нибудь заклятьем прикладывало? У меня все кости чуть не вырвало из суставов. И в штаны нагадил. Зато живой.

— Пока что, — ухмыльнулся Ураган.

— Вот спасибо за поддержку, — пробормотал Кальп.

Дукер сказал:

— Нам нужно...

Ночь вокруг внезапно расцвела сверкающим пламенным взрывом, который бросил всех троих на землю. Историк завопил от боли, ему вторили остальные. Чары впилась в тело, словно ледяные когти, коснулись костей и разлились потоками агонии по членам. Его крик стал громче, когда боль достигла мозга, заволокла мир красноватым кровавым туманом, который будто кипел перед глазами. Дукер забился в конвульсиях, начал кататься по земле, но спасения не было. Заклятье убивало историка — чудовищно личное насилие, врывававшееся в каждый уголок его естества.

Затем всё кончилось. Он неподвижно лежал, прижавшись одной щекой к прохладной грязной земле. Тело ещё некоторое время продолжало подёргиваться. Он обгадился. Он обмочился. Его пот пах горечью.

Чья-то рука ухватила Дукера за ворот телабы. Горячее дыхание Кальпа коснулось уха. Маг прошептал:

— Я ему ответил. Достаточно сильно, чтобы почувствовал. Нужно добраться до корабля... Геслера...

— Иди с Ураганом, — выдохнул Дукер. — Я беру лошадей...

— Ты свихнулся?

Прикусив губу, чтобы не закричать, историк кое-как поднялся на ноги. Он зашатался, когда воспоминания о боли прокатились по рукам и ногам.

— Иди с Ураганом, чтоб тебя! Быстро!

Кальп внимательно посмотрел на Дукера и прищурился.

— Ага, притворишься досием. Может сработать...

Бледный как смерть Ураган подёргал мага за рукав.

— Геслер вечно ждать не будет.

— Да.

В последний раз кивнув Дукеру, маг двинулся за морпехом. Оба быстро побежали к берегу.

Геслеру и матросам пришлось несладко. На почерневшем песке у причала лежали тела – первая дюжина местных и двое из конийских моряков. Геслер, которого с боков прикрывали Истин и другой матрос, пытался сдержать новый отряд жителей деревни – мужчин и женщин. Они бросались вперёд в неконтролируемой ярости с гарпунами, деревянными молотками, мясницкими ножами, а некоторые – и с голыми руками. Два оставшихся матроса – оба раненые – были уже на «Рипате», пытались быстро отдать швартовы.

Ураган подвёл Кальпа примерно на дюжину шагов к месту боя, затем присел, прицелился и выстрелил в толпу. Кто-то завопил. Ураган перебросил арбалет за плечо, выхватил короткий меч и охотничий кинжал.

– Есть у тебя что-нибудь на такой случай, маг? – спросил морпех и, не дожидаясь ответа, бросился на толпу с фланга. Местные отшатнулись; никто не погиб, но многие были ужасно изувечены, когда морпех врубился в их ряды – мёртвые никому не мешали, в отличие от раненых.

Геслер остался один у края причала: Истин волок бесчувственного товарища к кораблю. Один из матросов на палубе «Рипаты» больше не шевелился.

Кальп колебался, зная, что любые чары могут привлечь сюда высшего мага. Кадровый чародей сомневался, что выдержит ещё одну такую атаку. Все его суставы кровоточили изнутри, плоть набухала от крови. К утру он уже не сможет шевелиться. Если доживу до утра. Но даже так – оставались ещё некоторые уловки.

Кальп воздел руки и пронзительно закричал. Перед ним возникла стена огня, с рёвом покатила к толпе. Местные отступили, затем побежали. Пламя Кальпа продолжало преследовать их по берегу, но когда достигло спрессованного дёрна, угасло.

Ураган резко обернулся.

– Если ты такое мог сделать...

– Да это ерунда, – буркнул Кальп, подходя к солдатам.

– Стена ог...

– Говорю же, ерунда! Худова иллюзия это, дурень! Давайте выбираться отсюда!

Верёда они потеряли в двадцати пядях от берега: плотно засевший в груди наконечник гарпуна наконец выпустил на липкую палубу последние капли его крови. Геслер бесцеремонно перебросил мертвеца за борт. На ногах, кроме капрала, держались только молодой Истин, Ураган и Кальп. Второй матрос медленно проигрывал битву с рассечённой артерией на левом бедре – до Врат Худа ему оставалось несколько минут.

– Всем молчать, не шуметь, – прошептал Кальп. – Никакого света – на берегу высший маг.

Они задержали дыхание. Безжалостная рука закрыла рот умирающему, пока стоны не стихли.

«Рипата», на которой был поднят только штормовой парус, медленно выходила из неглубокой бухты, киль с тихим шелестом разрезал воду.

Недостаточно тихим, понял Кальп. Он открыл свой Путь, стал разбрасывать звуки в случайных направлениях: приглушённый голос тут, скрип дерева там. Раскинул, насколько мог, покров сумрака, сдерживая силу своего Пути, позволяя ему лишь дразнить, а не бросать вызов.

В шестидесяти пядях от них вспыхнули чары, привлечённые обманном звуком. Сумрак поглотил свет заклятья.

Ночь снова погрузилась в тишину. Геслер и остальные, кажется, поняли, что делает Кальп. Солдаты не сводили с него глаз, смотрели с надеждой и едва сдерживаемым страхом. Истин вцепился в рулевое весло и сидел неподвижно, не смел ничего делать, только держал парус на ветру.

Казалось, будто корабль едва ползёт. По лицу Кальпа катился пот — он весь взмок, пытаясь улизнуть от поисковых чар высшего мага. Он чувствовал, как расходятся смертоносные сети, и лишь теперь осознал, что его противником оказалась женщина, а не мужчина.

Далеко на юге гавань Хиссара превратилась в сверкающую стену багрового пламени. Истин даже не пытался повернуть туда, и Кальп, как и остальные, понял, что подмоги в городе они не найдут. Семь Городов поднялись, начался мятеж.

А мы в море. Остались ли для нас безопасные гавани? Геслер сказал, что на корабле полно припасов — хватит, чтобы добраться до Арэна? Но и там придётся пройти по враждебным водам... Вариант получше — Фалар, но он лежал в шести сотнях лиг к югу от Досин-Пали.

Другая мысль пришла в голову Кальпу, когда поисковые заклятья чародейки на берегу ослабли, а затем и вовсе исчезли. Геборик Лёгкая Рука — несчастный ублюдок сейчас направляется к побережью, если всё пошло по плану. Через пустыню — к безжизненному берегу.

— Выдыхайте, — сказал маг. — Она бросила охоту.

— Слишком далеко? — спросил Истин.

— Нет, просто надоело. Думаю, у неё есть дела поважнее, парень. Капрал Геслер.

— Да?

— Мы должны пересечь пролив. Подойти к Отатараловому берегу.

— Какого Худа мы там забыли, маг?

— Извини, на этот раз я погромыхаю званием. Исполни приказ.

— А что, если мы тебя просто за борт выбросим? — спокойно поинтересовался Геслер. — Там дхэнраби кормятся вдоль Сахульской отмели. Будешь им десертом..

Кальп вздохнул:

— Мы должны подобрать высшего жреца Фэнера, капрал. Скормишь меня дхэнраби, и никто слезинки не проронит. Разозлишь жреца — и его гневливый бог уставится на тебя своим красным глазом. Готов так рискнуть?

Капрал откинул голову и расхохотался. Истин и Ураган тоже заухмылялись.

Кальп нахмурился:

— Вам смешно?

Ураган перегнулся через планширь и сплюнул в море. Он вытер рот тыльной стороной ладони и сказал:

— Похоже, Фэнер уже на нас смотрит, маг. Мы — из Вепревой роты, расформированной Первой армии. То есть были, пока Ласиин не раздавила наш культ. А теперь — просто морпехи в составе жалкой Береговой охраны.

— Только это нам не помешало воздавать должное Фэнеру, маг, — сказал Геслер. — И даже новичков посвящать в воинский культ, — добавил он, кивнув в сторону Истина. — Так что указывай дорогу — Отатараловый берег, говоришь. Поворачивай на восток, парень, и давайте поставим парус да приготовим спинакер[6] под утренний ветер.

Кальп медленно сел.

— Никому больше штаны постирать не надо? — спросил он.

Закутавшись в телабу, Дукер ехал прочь от деревни. По обе стороны береговой дороги возникали фигуры, почти неразличимые в слабом лунном свете. Казалось, в прохладном воздухе пустыни таится примесь песчаной бури, иссушающего глотку морока. Добравшись до перекрёстка, историк натянул поводья. Береговая дорога вела дальше на юг, к Хиссару. Торговый тракт сворачивал на запад, в глубь континента. В четверти мили по этому тракту разбила лагерь армия.

Никакого порядка в ней не было. Тысячи шатров хаотически растянулись вокруг огромного центрального загона, окутанного подсвеченной факелами тучей пыли. Над песками неслись песни кочевников. Не дальше пятидесяти шагов от Дукера взвод малазанских солдат беспомощно извивался на «скользких койках» — так местные называли четыре длинных копыя, вкопанных в землю: жертву клали на острия у плеч и верхней части бёдер. В зависимости от веса и силы воли, позволявшей не шевелиться, кровавый путь вниз мог растянуться на часы. Если Худ будет милостив, утреннее солнце приблизит смерть несчастных. Историк почувствовал, как сердце в груди холодеет от гнева.

Дукер знал, что ничем не может им помочь. Просто оставаться в живых на этой охваченной жаждой крови земле — уже было нелёгким делом. Но день воздаяния придёт. Если будет на то воля богов.

Над Хиссаром разлилось магическое пламя, ослепительное и — на таком расстоянии — беззвучное. Жив ли ещё Колтейн? Бальт? Седьмая? Прозрел ли Сормо вовремя то, что сейчас случилось?

Дукер ударил каблуками в бока коня и поехал по береговой дороге. Появление армии мятежников его потрясло. Она возникла будто из ниоткуда, и, несмотря на хаос в лагере, там были также командиры, полные кровожадной воли и способные добиться своего. Это не спонтанный бунт. Кальп сказал — высший маг. Кто же там ещё? У Ша'ик были долгие годы, чтобы собрать свою армию Апокалипсиса, разослать агентов, распланировать эту ночь — и всё, что за ней последует. Мы знали, что это происходит. Ласиин следовало давным-давно отрубить голову Пормквалю. Опытный Первый Кулак смог бы раздавить мятеж в зародыше.

— Досий, ким'арал!

Три фигуры в плащах поднялись из сточной канавы с материковой стороны дороги.

— Ночь славы! — откликнулся Дукер, не останавливая коня.

— погоди, досий! Апокалипсис готов принять тебя в объятия! — человек указал рукой на лагерь.

— У меня родичи в хиссарской гавани, — ответил историк. — Я скачу, чтобы разделить с ними богатства освобождения! — Дукер вдруг натянул поводья и развернул коня. — Если только Седьмая не отбила город — не эти ли новости ты несёшь?

Мятежник расхохотался.

— Они раздавлены. Убиты в своих постелях, досий! Хиссар свободен от проклятых мезланов!

— Тогда я поскачу туда!

Дукер снова пришпорил коня. Он задержал дыхание, но воин его так и не окликнул. Седьмая уничтожена? Неужели Колтейн сейчас лежит на «скользкой койке»? Трудно поверить, но, может, правда. Нападение было внезапным, с поддержкой чародеев... а я уволок из города Кальпа именно в эту ночь, Худ побери мои кости. Сколько бы в нём ни было жизней, Сормо И'нат — всего лишь мальчик, его плоть вряд ли готова к таким испытаниям. Он, конечно, мог расквасить несколько носов вражеским чародеям. Рассчитывать или надеяться на что-то большее неразумно. Они все дрались бы храбро. За Хиссар пришлось бы заплатить высокую цену.

Тем не менее Дукер должен всё увидеть своими глазами. Это самое меньшее, чего требует долг императорского историка. Более того, он может некоторое время ехать с мятежниками — это уникальная возможность. Пусть и чрезвычайно рискованная. Он соберёт всю возможную информацию, пока не

вольётся в ряды малазанской карательной экспедиции, которая сумеет обратить его знания в смерть. Иными словами, станешь шпионом. Вот она, объективность историка, Дукер. Но вставший перед глазами образ малазанских солдат на «скользких койках» вдоль дороги быстро выжег эту отвлечённую мысль.

Чародейство полыхнуло в рыбацкой деревне в полумиле позади. Дукер поколебался, но затем поехал дальше. Кальп — человек упорный и опытный, и, судя по виду солдат Береговой охраны, с ним бок о бок сражаются ветераны. Маг уже сталкивался с могучими заклятьями и умел спастись от того, чего не мог победить. Солдатские дни самого Дукера остались в далёком прошлом, теперь его присутствие стало бы обузой, а не помощью. Без него им будет лучше.

Но что теперь предпримет Кальп? Если хоть кто-то из Седьмой выжил, место кадрового мага — рядом с ними. А какая судьба ждёт Геборика? По крайней мере, я сделал, что мог, для этого несчастного безрукого ублюдка. Да хранит тебя Фэнер, старик.

Беженцев на дороге не было. Похоже, фанатики призвали к оружию абсолютно всех — все до одного провозгласили себя воинами Дриджны. Старухи, рыбацки, дети и седые деды. Тем не менее Дукер ожидал увидеть малазанцев или, по крайней мере, следы их пути, места, где попытки бежать увенчались кровью. Но насыпная военная дорога была пуста и казалась призрачной в серебристом свете луны.

Пламя далёкого Хиссара привлекло пустынных накидочников: мотыльки порхали и кружились, словно кусочки пепла — каждый шириной с ладонь. Накидочники питались падалью и направлялись в ту же сторону, что и Дукер, — в огромных количествах.

Через несколько минут ночь ожила: бесшумные, призрачные мотыльки со всех сторон окружили историка. Дукер старался подавить нараставший в груди леденящий ужас. «Предвестников смерти в мире много, и вид их разнообразен». Он нахмурился, пытаясь припомнить, где же слышал эти слова. Наверное, в одной из бесчисленных литаний Худу, которые жрецы поют во время Поры Гниения в Унте.

Первые трущобы города показались в расступившемся сумраке впереди, узкий квартал лачуг и ветхих домишек, прилепившихся к утёсу над морем. В воздухе клубился дым, он нёс запах горелого крашеного дерева и сожжённой ткани. Запах разрушенного города, запах ярости и слепой ненависти. Всё это было слишком знакомо Дукеру, и он вдруг почувствовал себя старым.

Двое детей перебежали улицу, скрылись за лачугами. Один из них рассмеялся, и в смехе прозвучала нотка безумия, слишком изощрённого для такого юного существа. Историк проехал мимо, но по коже побежали мурашки. Он был потрясён тем, что испытал страх — боишься детей? Ох, старик, тебе здесь не место.

Небо светлело над проливом по левую руку от Дукера. Накидочники летели в город, исчезали в густых клубах дыма. Дукер натянул поводья. Береговой тракт здесь разделялся: одна дорога шла прямо и превращалась в главную улицу города, другая, справа, обходила город и вела к Имперскому

гарнизону. Историк посмотрел туда и прищурился. Чёрные столбы дыма поднимались в полумиле впереди над казармами, изгибались высоко в небе, где ветер пустыни гнал их к морю.

Убиты в постелях? Такая возможность вдруг показалась историку вполне реальной. Он поскакал к гарнизону. По правую руку от него, в тенях, порождённых рассветным солнцем, пылал город Хиссар. Балки переламывались, кирпичные стены рассыпались, камни трескались от чудовищного жара. Дым затянул всё вокруг смертоносной, горькой вуалью. То и дело в глубине города раздавались крики. Стало ясно, что разрушительная жестокость мятежа обратилась против самой себя. Бунтовщики обрели свободу, потеряв всё остальное.

Дукер добрался до утоптанного участка земли, где раньше стоял лагерь торговцев, — там, где они с Сормо видели прорицание. Лагерь был в спешке покинут, скорее всего, лишь несколько часов назад. Теперь только стая городских собак рылась в оставленном мусоре.

Напротив, на другой стороне Фаладханской дороги, высилась укреплённая стена малазанского гарнизона. Дукер пустил лошадь шагом, затем и вовсе остановил. Чёрные полосы испещрили те части выцветшей стены, что ещё не обрушились. Чародейство проломило укрепления по меньшей мере в четырёх местах, и всюду проломы были настолько широки, что внутрь могла бы войти целая фаланга. В проломах, среди разбитых камней густо лежали тела. Доспехов почти не было видно, а разбросанное вокруг оружие состояло из пёстрого набора — от древних пик до мясницких тесаков.

Седьмая сражалась отчаянно: нападавших встречали у каждого пролома; перед лицом дикого чародейства солдаты изрубили десятки врагов. Никого не застали спящим в постели. Эта мысль вызвала в сердце историка робкую надежду.

Он взглянул на обрамлённую орешником, мощёную улицу. Здесь, совсем рядом с внутренними воротами гарнизона явно развернулась кавалерийская атака. Среди дюжин тел хиссарцев лежали две лошади, но никого из копейщиков Дукер не увидел. Либо им повезло и они никого не потеряли во время атаки, либо хватило времени подобрать раненых и убитых товарищей. Здесь чувствовалась твёрдая рука и строгая дисциплина. Колтейн? Бальт?

Живых на улице не было. Если битва и продолжалась, она переместилась. Дукер спешил к одному из проломов в стене гарнизона. Он перебрался через развалины, избегая скользких от крови камней. Большинство нападавших убили из арбалетов. Многие тела оказались просто утыканы короткими, тяжёлыми стрелами. Расстояние было безвыходно малым, последствия — смертельными. Обезумевшая, неорганизованная толпа плохо вооружённых хиссарцев не имела никаких шансов против такого концентрированного огня. За обломками камней Дукер уже не увидел трупов.

Гарнизонный плац был пуст. Тут и там возвели валы, чтобы обеспечить смертоносный обстрел с разных сторон, если не удастся защитить проломы — но ни знака того, что это понадобилось.

Дукер сошёл с груды разбитого камня. Малазанский штаб и казармы подожгли. Теперь историк уже начал гадать, не сделали ли это сами солдаты Седьмой.

Объявив всем, что Колтейн не собирается прятаться за стенами, Седьмая и виканцы выступили, развернув порядки. Что же было дальше?

Дукер вернулся к своей лошади. Из седла он увидел густой дым, который поднимался над малазанским Усадебным кварталом. Рассвет принёс странное затишье. Город казался вымершим, почти иллюзорным, словно разбросанные на улицах тела были лишь пугалами с праздника урожая. Накидочники их нашли и покрыли трупы полностью, огромные крылья пирующих насекомых медленно подрагивали.

Пока историк ехал к малазанским Усадьбам, он то и дело слышал крики и далёкие вопли, лай собак и рёв мулов. Шум пожара накатывался и спадал, словно бьющиеся об утёс волны, нёс жар по переулкам, шипел и трещал в грудах мусора.

В пятидесяти шагах от Усадеб Дукер обнаружил первую сцену настоящей бойни. Хиссарские бунтовщики атаковали малазанский квартал с неожиданной яростью, вероятно, в то же время, когда другой отряд штурмовал гарнизон. Дома торговцев и знати бросили вперёд личную стражу, отчаянно пытались защититься, но стражников оказалось слишком мало, им не хватало сплочённости, поэтому их заслон быстро и жестоко смели. Толпа ворвалась в квартал, выбивала двери усадеб, вытаскивала на широкую улицу семьи малазанцев.

Там, когда конь Дукера осторожно искал путь среди мёртвых тел, историк увидел настоящее безумие. Мужчинам вспороли животы, внутренности вытащили наружу и намотали на женщин – жён, матерей, тёток, сестёр, – которых изнасиловали, а затем задушили кишками. Историк видел детей с разбитыми черепами, младенцев, которых насадили на шампуры уличных торговцев. Но многих дочерей помоложе нападавшие захватили, продвигаясь в глубину квартала. Этим несчастных ждала судьба ещё более страшная, чем та, что постигла их родню.

Глядя по сторонам, Дукер чувствовал подступающую отрешённость. Ужасная мука и боль словно висели в воздухе отравой, готовой свести с ума. Чтобы спастись, его душа забивалась всё глубже и глубже. Оставалось лишь наблюдать, холодно, бесчувственно – расплата придёт потом, это Дукер хорошо знал: трясущиеся руки, ночные кошмары, медленное угасание веры.

Ожидая застать лишь новые знаки бойни, Дукер подъехал к первой площади квартала. Увиденное потрясло его: на площади хиссарские мятежники попали в засаду, на земле лежали десятки трупов. Убившие их стрелы вытащили из ран, но тут и там виднелись сломанные древка. Историк спешил и подобрал обломок. Виканцы. Теперь Дукер начал понимать, что произошло на самом деле.

Гарнизон взяли в осаду. Предводители хиссарцев хотели не дать силам Колтейна нанести удар в глубь города и, судя по уровню использованной магии, собирались полностью уничтожить малазанскую армию. Но это им не удалось. Виканцы прорвали окружение и поскакали прямо к Усадьбам – где, как они знали, уже давно началась резня. Всадники не успели предотвратить первое нападение у Квартальных ворот и изменили маршрут, обошли разъярённую толпу мятежников с фланга и устроили засаду на площади.

Одержимые жаждой крови хиссарцы побежали через площадь, даже не потрудившись выслать вперёд разведчиков.

А затем виканцы их перебили. Люди Колтейна не опасались ответного удара, так что даже успели собрать свои стрелы. Перекрыли пути к отступлению, а затем хладнокровно и споро истребили всех до единого хиссарцев на площади.

Дукер обернулся на приближавшийся топот копыт. В ворота позади въехал отряд мятежников. Всадники были хорошо вооружены: в руках — пики, у пояса — тальвары. Под красными телабами виднелись кольчуги. На головах воинов поблёскивали остроконечные бронзовые шлемы городской стражи.

— Ужасная бойня! — завыл Дукер, налегая на досийский акцент. — Нужно отомстить!

Сержант, который командовал взводом, подозрительно оглядел историка.

— На твоей одежде пыль пустыни, — сказал он.

— Да! Я приехал от воинов высшего мага на севере. Племянник мой в портовом квартале живёт. Хочу найти его...

— Если он ещё жив, старик, — марширует сейчас с армией Релоя.

— Мы изгнали мезланов из города, — добавил другой солдат. — Их мало, много раненых да ещё и десять тысяч беженцев на шее...

— Молчать, Гебурах! — рявкнул сержант. Он прищурился и снова посмотрел на Дукера. — Мы едем к Релю. Скачи с нами. Всех хиссарцев ждёт благословение, когда перережем последних мезланов.

Насильно тянут в армию. Неудивительно, что вокруг ни души. Все теперь в священном войске — по своей воле или против. Историк кивнул.

— Поскачу. Я поклялся защищать своего племянника...

— Клятва очистить Семь Городов от мезланов — сильнее, — прорычал сержант.

— Дриджна взимает твою душу, досий. Апокалипсис пришёл — войска собираются по всей нашей земле, и всякий должен услышать зов.

— Вчера ночью я помогал проливать кровь мезланской береговой охраны — моя душа ещё тогда отошла к ней, хиссарец, — высокомерно ответил молодому сержанту Дукер. Чти старших, мальчик.

В ответ солдат лишь согласно кивнул.

Ведя коня в поводу, Дукер последовал за взводом по улицам Усадебного квартала. Сержант объяснил, что армия Камиста Релоя собиралась на равнине к юго-западу от города. Три оданных племени сохраняли контакт с ненавистными мезланами, теребили длинную вереницу беженцев и немногочисленных солдат, которые их охраняли. Мезланы хотели добраться до Сиалка, другого портового города в двадцати лигах к югу от Хиссара. Чего эти глупцы не знали, с мрачной улыбкой добавил солдат, так это того, что

Сиалк тоже пал и уже сейчас тысячи мезланских богачей с семьями гонят по северной дороге. Мезланскому командиру скоро придётся оберегать вдвое больше беженцев.

Тогда Камист Релой окружит врага, которого превосходит числом семь к одному, и устроит бойню. Битва должна состояться через три дня.

Слушая сержанта, Дукер только согласно ворчал и хмыкал, но мысли его неслись вскачь. Камист Релой – Высший маг, который, как считалось, погиб десять лет назад в пустыне Рараку, когда пытался оспорить право Ша'ик возглавить Апокалипсис. Теперь очевидно: вместо того, чтобы убить соперника, Ша'ик смогла заслужить его преданность. Слухи о смертоносном соперничестве, распрях и личной вражде хорошо помогли Ша'ик убедить малазанцев в слабости и неорганизованности своего восстания. Всё это оказалось ложью. Мы обманулись, а теперь платим сполна.

– Армия мезланов – словно большой зверь, – сказал сержант, когда они добрались до окраины города, – раненный бессчётными ударами, с боками, залитыми кровью. Зверь ковыляет вперёд, ослеплённый болью. Через три дня, досий, зверь падёт.

Историк задумчиво кивнул, вспоминая ежегодную охоту на вепря в лесах на севере Квон-Тали. Лесник рассказал ему, что большинство охотников погибали уже после того, как вепрь получал смертельную рану. Последний, неожиданный рывок, смертоносный удар вопреки хватке Худа. Предвкушение скорой победы лишало охотников осторожности. В словах мятежника Дукер услышал нотки самоуверенности. Зверь истекает кровью, но ещё жив.

Когда солнце начало подниматься, они поскакали на юг.

Вогнутый, словно миска, пол покрывал толстый, как войлок, слой пыли. Чтобы добраться до этого зала, нужно было пройти почти треть лиги по коридорам, уводящим всё глубже в каменное сердце горы. Грубо отёсанные стены потрескались, словно стекло, трещины змеились сверху вниз от свода к полу. В центре зала лежала на боку рыбацкая лодка. Неубранный парус свисал с единственной мачты, будто клочья старой паутины. Сухой горячий воздух выгнал наружу скрепы, доски ссохлись, прогнулись под собственным весом лодки.

– Тоже мне сюрприз, – проворчал Маппо, остановившись в дверях.

Губы Икария чуть изогнулись, затем он шагнул вперёд, обошёл трелля и осмотрел лодку.

– Лет пять? Не больше – я всё ещё чувствую запах соли. Не знаешь, где такие делают?

– Проклинаю себя за то, что никогда не интересовался кораблестроением, – вздохнул Маппо. – Воистину, следовало предвидеть, что сей момент настанет, – и о чём я только думал?

— Мне кажется, — медленно проговорил Икарий, положив руку на нос лодки, — Искарал Прыщ хотел, чтобы мы нашли именно это.

— А я-то полагал, что целью «героического поиска» была метла, — пробормотал трелль.

— Не сомневаюсь, метла отыщется в свой час. Нам следует ценить не цель поиска, но сам путь к ней.

Поначалу Маппо подозрительно нахмурился, но затем посмотрел на друга и обнажил клыки в улыбке.

— И всегда так, верно? — Он последовал за яггом в зал. Ноздри трелля широко раздувались. — Я никакой соли не чую.

— Быть может, я несколько преувеличил.

— Спору нет, непохоже, чтобы она тут столетия провалялась. Но в чём смысл, Икарий? Мы нашли рыбацкую лодку в подземном зале, среди пустыни на расстоянии тридцати лиг от любой лужи крупнее родника. Верховный жрец загадал нам загадку.

— Именно.

— А сам ты узнаёшь работу?

— Увы, я столь же невежественен в морских делах и судах, сколь и ты, Маппо. Божь, мы уже не оправдали ожиданий Искарала Прыща.

Трелль хмыкнул, а Икарий внимательно осмотрел лодку.

— Здесь сети, искусно сплетённые. Какие-то засохшие комки, которые, видимо, были когда-то рыбой... ага! — Ягг наклонился. Раздался стук дерева о дерево. Икарий выпрямился и обернулся к Маппо с метлой жреца Тени в руках.

— Будем теперь зал подметать?

— Я полагаю, наша задача — вернуть её законному владельцу.

— Лодку или метлу?

Брови Икария приподнялись.

— А вот это уже интересный вопрос, друг мой.

Маппо нахмурился, затем пожал плечами. Если в его вопросе и было что-то умное, то лишь случайно. Трелль был раздражён. Слишком долго под землёй, слишком долго ничего не делал, оказался впутан в интриги сумасшедшего старика. С большим трудом он заставил себя сосредоточиться на загадке и, честно говоря, вообще не думал, что дело того стоит. Через минуту он вздохнул.

— Тень накрыла эту лодку и её хозяина, выхватила и перенесла сюда. Может, это лодка самого Прыща? Только, как по мне, не похож он на рыбака. Я от него не слышал ни одного портового ругательства, ни одной солёной метафоры, ни одного ядрёного присловья...

— Значит, это судно не принадлежало Искаралу Прыщу.

— Ага. И остаётся...

— Только мул или Слуга.

Маппо кивнул. Потёр щетинистый подбородок.

— Не стану спорить, лодка с мулом, который тянет сети по мелководью, — картинка достаточно забавная, чтобы привлечь любопытство бога и заставить забрать обоих в коллекцию.

— Да, но какова же будет ценность приобретения без озера или пруда для полного вида? Нет, думаю, мы должны исключить мула из списка. Это судно принадлежит Слуге. Припомни, как споро он взобрался по верёвке...

— Припомни ужасный суп...

— Это была стирка, Маппо.

— Вот именно, Икарий! Но ты прав. Слуга когда-то рассекал волны на этой лодке.

— Значит, здесь мы сходимся во мнениях.

— Ага. Не очень-то повезло бедолаге с карьерой.

Икарий отряхнулся и воздел над головой метлу, словно боевой штандарт.

— Вот и новые вопросы к Искаралу Прыщу. Что ж, отправимся в обратный путь, Маппо?

Три часа спустя уставшие путники нашли верховного жреца Тени за столом в библиотеке. Искарал Прыщ сторбился над Колодой Драконов.

— Вы опоздали, — проворчал он, не оборачиваясь. — Колода звенит от бешеной энергии. Мир снаружи пришёл в движение — ваша любовь к невежеству не стоит таких судьбоносных времён. Войдите в расклад, странники, или продолжайте блуждать на свой страх и риск.

Возмущённо фыркнув, Маппо подошёл к полке, на которой стояли кувшины с вином. Похоже, даже Икарий не нашёлся с ответом на слова верховного жреца: уронил метлу на пол и отодвинул стул напротив Искарала Прыща. Ягг был раздражён, так что вечер явно не располагал к спокойным беседам. Маппо налил две чаши вина, затем вернулся к столу.

Верховный жрец поднял колоду обеими руками, закрыл глаза и прошептал короткую молитву Престолу Тени. Он начал спиральный расклад, выложив сначала центральную карту.

— Обелиск! — проскрипел Искарал и нервно заёрзал на стуле. — Я так и знал! Прошлое-настоящее-будущее, здесь, сейчас, тогда, затем...

— Худов дух! — выдохнул Маппо.

На стол легла вторая карта, её верхний край перекрыл правый нижний угол Обелиска.

— Узел Тени — Покровитель убийц, за! — Все последующие карты падали на стол быстро, одна за другой, Искарал Прыщ называл их, словно остальные были слепыми или невеждами: — Опонны, Брат вверху, судьба, что тащит, дурная удача, невезение, просчёт, неблагоприятные обстоятельства... Скипетр... Престол... Королева Высокого дома Жизни... Пряха Высокого дома Смерти... Солдат Высокого дома Света... Рыцарь Жизни, Каменщик Тьмы... — Затем последовала ещё дюжина карт, а после верховный жрец откинулся на спинку стула, глаза — узкие щёлки, рот — широко открыт. — Обновление, воскрешение, минувя врата Худа. Обновление... — Он посмотрел прямо в глаза Икарию. — Ты должен отправляться в путь. Скоро.

— Ещё один героический поиск? — спросил ягг так тихо, что у Маппо тревожно поднялись волоски на загривке.

— Да! Неужели ты не видишь, глупец?

— Чего именно? — прошептал Икарий.

Искарал Прыщ, который явно не понимал, что жизнь его висит на волоске, вскочил и картинно указал на расклад.

— Всё же у тебя перед носом, идиот! Так ясно, как только может сказать мой повелитель, Владыка Тени! Да как ты вообще столько прожил? — В ярости жрец вцепился в редкие космы седых волос у себя на голове и принялся дёргать их во все стороны. Он даже подпрыгивал на месте. — Обелиск! Ты что, не видишь? Каменщик, Пряха, Скипетр, Королевы и Рыцари, Короли и Шуты!

Икарий молниеносно перегнулся через стол и обеими руками ухватил жреца за шею, поднял в воздух и потащил к себе по столешнице. Искарал Прыщ захрипел, выпучил глаза и слабо засучил ногами.

— Друг мой, — заговорил Маппо, который боялся, что придётся вмешаться, и пытался оторвать руки Икария от горла жертвы, прежде чем случилось непоправимое.

Ягг отбросил старика прочь, ему явно самому было не по себе от этой вспышки гнева. Икарий глубоко вздохнул.

— Говори яснее, жрец, — спокойно произнёс он.

Искарал Прыщ ещё немного покорчился на столе, сбрасывая на пол деревянные карты, затем притих. Поднял на Икария широко раскрытые и полные слёз глаза.

— Ты должен выступать в путь, — прохрипел он. — В Священную пустыню.

— Почему?

— «Почему»? «Почему»?! Ша'ик мертва!

— Приходится признать, — медленно проговорил Маппо, — что неумение отвечать — это у него в крови, наследственное. Не может просто, как водой дышать.

Оба сидели в прихожей, где поселили трелля. Искарал Прыщ исчез через несколько минут после того, как провозгласил свою весть, а Слугу друзья не видели с самого возвращения из зала с рыбацкой лодкой.

Икарий кивал.

— Он говорил о воскрешении. Это следует обдумать, потому что внезапная смерть Ша'ик идёт вразрез со всеми пророчествами, если только «обновление» не означает возвращение из врат Худа.

— А Искарал Прыщ ждёт, что мы явимся на это перерождение? Как легко он нас впутал в свою безумную паутину. Лично я рад, что ведьма умерла, надеюсь, на том свете она и останется. Восстания — это всегда кровь. Если её смерть оттолкнёт страну, которая уже стоит на грани мятежа, то вмешиваясь, мы подвергнем себя большой опасности.

— Ты боишься гнева богов?

— Я боюсь, как бы нас подспудно не использовали, Икарий, — они сами или их слуги. Кровь и хаос — вино и мясо для богов. Ну, для большинства из них, по крайней мере. Особенно для тех, что любят вмешиваться в дела смертных. Я ничем не хочу им помогать.

— Я тоже, друг мой, — сказал ягг, со вздохом поднимаясь со стула. — Тем не менее я бы хотел увидеть подобное воскрешение. Каким обманом возможно вырвать душу из лап Худа? Все ритуалы воскрешения, о каких я только слышал, неизбежно имели чудовищную цену. Даже если Худ и отпускает душу, он всегда обставляет дело так, чтобы выиграть при обмене.

Маппо прикрыл глаза и наморщил широкий, покрытый шрамами лоб. Друг мой, что мы здесь делаем? Я вижу твоё отчаяние, ты готов пойти любой тропой в надежде обрести откровение. Если бы я мог говорить с тобой открыто, я бы предостерег тебя от поисков истины.

— Это древняя страна, — тихо проговорил трелль. — Мы даже гадать не можем, какие силы вкладывались в камень, песок и землю. Поколение за поколением. — Он встревоженно поднял глаза. — Всякий раз, когда мы ходили по окраинам Рараку, Икарий, я чувствовал, будто мы шагаем по тоненькой

нити паутины, которая тянется от горизонта до горизонта. Древний мир лишь дремлет, и я чувствую, как он беспокойно ворочается во сне – сейчас сильнее, чем прежде.

Не буди эту землю, друг мой, иначе она пробудит тебя.

– Что ж, – сказал Икарий после долгого размышления, – я отправлюсь туда в любом случае. Пойдёшь ли ты со мной, Маппо Трель?

Не отрывая глаз от каменных плит пола, Маппо медленно кивнул.

Стена песка поднималась до самого охряного свода неба. Где-то внутри этого яростного, безумного вихря скрывалась Священная пустыня Рараку. Скрипач, Крокус и Апсалар сидели на взмыленных лошадях у начала тропы, которая вела вниз по склону холма и уходила в пустыню. В тысяче шагов впереди мир попросту исчезал.

До них доносился слабый, шипящий рёв.

– Я так понимаю, – тихо проговорил Крокус, – это не самая обычная песчаная буря.

Он пребывал в дурном расположении духа с самого утра, когда, проснувшись, обнаружил, что Моби опять исчез. В зверьке явно пробудились дикие инстинкты, и Скрипач сомневался, что они снова его увидят.

– Когда при мне говорили про Вихрь, – продолжил даруджийский вор, – я думал, это... ну... в переносном смысле. Образ, состояние – в таком роде. Так скажите мне, мы сейчас смотрим на настоящий Вихрь? Гнев богини?

– Как же восстание может родиться в сердце такой бури? – спросила Апсалар. – Тут даже глаза открыть – сложное дело, не говоря уж о том, чтобы подготовить мятеж, который охватит весь континент. Если, конечно, это не стена, за которой скрывается зона покоя.

– Похоже на то, – согласился Крокус.

Скрипач хмыкнул.

– Выбора у нас нет. Поедем вперёд.

Преследователи-гралы отстали от беглецов всего на десять минут и продолжали погонять своих не менее измученных коней. Воинов было не меньше двух десятков, и даже учитывая богоданные умения Апсалар и запас морантской взрывчатки в рюкзаке Скрипача, перспектива сражаться с гралами выглядела малопривлекательно.

Сапёр покосился на своих спутников. Ветер и солнце обожгли их лица, оставив лишь белёсые полосы в уголках глаз. Голодные, измученные жадой, молодые люди едва держались в сёдлах от усталости, да и сам Скрипач наверняка выглядел не лучше. Хуже скорее всего, если учесть, что

юношеским запасом сил он не располагал. А ведь Рараку уже отметила меня когда-то. Давным-давно. Я знаю, что нас ждёт там.

Юноша и девушка будто почувствовали колебания сапёра и ждали его решения с чем-то вроде почтения, несмотря на топот копыт, который уже раздавался на тропе за спиной.

Наконец Апсалар заговорила:

— Я хочу узнать больше... об этой пустыне. Её силе...

— Узнаешь, — проворчал Скрипач. — Лица прикройте. Поедем, поприветствуем Вихрь.

Буря обняла их, как гигантское крыло. Летящий песок словно обладал собственной волей, он неуклонно пробивался через складки телаб, будто тысячи загрубевших пальцев царапали кожу. Широкие полы плащей и концы кушаков устремились вверх, хлопая в тревожном ритме. Рёв наполнил воздух, зазвучал уже внутри головы.

Рараку пробудилась. Всё, что Скрипач чувствовал, когда в прошлый раз ехал по этой пустыне, ощущал как подспудное беспокойство, призрачное обещание кошмара под тонким слоем песка, теперь вырвалось на волю и упивалось свободой.

Пригнув головы, лошади медленно ступали вперёд, покачиваясь под порывами наполненного песком ветра. Под копытами открылась земля — плотно утрамбованная глина и каменное крошево — когда-то их укрывал слой мельчайшего белого песка, но он теперь пел в воздухе, и вместе с этим покровом с пустыни слетели и терпеливые, всеукрывающие века.

Путники спешили, закутали головы лошадям, затем повели их в поводу.

Под ногами появились кости. Проржавевшие части доспехов, колёса колесниц, останки коней и верблюдов, куски кожи, округлые камни, служившие фундаментом стен. Ранее безлика, пустыня ныне обнажила свои кости, и земля была усыпана ими так щедро, что Скрипачу оставалось только дивиться. Он и шагу не мог сделать так, чтобы под ногой что-то не хрустнуло.

Неожиданно дорогу преградил увенчанный камнями склон, который поднимался ступенями заметно выше голов спутников. Скрипач надолго остановился, а затем покрепче взялся за узду лошади и начал подъём. Оступаясь и скользя по крутому склону, путники наконец забрались наверх и оказались на дороге.

Она была вымощена искусно высеченными плитами так ровно и гладко, что между камнями едва можно было заметить тончайшие трещинки. Ошеломлённый Скрипач присел и стал разглядывать полотно дороги — это было нелегко, поскольку ветер нёс по камням потоки мелкого песка. Определить возраст дороги сапёр не смог. Он не сомневался, что даже под покровом песка на плитах должны были появиться следы износа, но не сумел их найти. Более

того, инженерное искусство здесь намного превосходило всё, что Скрипачу доводилось видеть в Семи Городах.

В обе стороны дорога уходила вдаль – прямая, как стрела, насколько сапёр мог увидеть, щурясь от ветра. Она возвышалась, словно огромный волнолом, неприступный даже для такой чародейской бури.

Крокус наклонился к Скрипачу.

– Я думал, в Рараку нет дорог! – прокричал он, стараясь перекрыть пронзительный вой ветра.

Сапёр покачал головой: ответа у него не было.

– Пойдём по ней? – спросил Крокус. – Тут ветер не такой сильный..

Насколько мог судить Скрипач, дорога уводила на юго-запад, глубоко в сердце Рараку. На северо-востоке она, видимо, достигала Пан'потсунских холмов на расстоянии десяти лиг – если отправиться туда, можно выйти к холмам примерно на пять лиг южнее того места, где спутники свернули в пустыню. Особого смысла в том не было. Скрипач снова посмотрел на дорогу справа. В сердце Рараку. Говорят, там лежит оазис. В котором устроили лагерь Ша'ик и её мятежники. Сколько до него добираться? Можно ли найти воду по пути? Наверняка дорогу через пустыню прокладывали так, чтобы она проходила мимо источников пресной воды. Думать иначе – безумие, а строители этой дороги явно были слишком искусны, чтобы оказаться дураками. Треморлор... если будет на то воля богов, этот тракт приведёт нас к легендарным воротам. У Рараку есть сердце, говорил Быстрый Бен. Треморлор, Дом Азатов.

Скрипач сел на гральского мерина.

– Поедем по дороге! – прокричал он своим спутникам и указал рукой на юго-запад.

Те без возражений забрались в сёдла. Подчинились приказу, понял Скрипач, потому что оба ничего не знали об этой земле. И полностью положились на него. Худов дух, они думают, будто я знаю, что делаю. Сказать им сейчас, что идея найти Треморлор основана исключительно на вере, будто он вообще существует? И на том, что предположения Быстрого Бена обычно верны, хоть он и не любит объяснять, откуда что узнал? Сказать, что мы там скорее всего просто погибнем – если не от жажды, так от рук Ша'ик и её прихвостней-фанатиков?

– Скрип! – закричал Крокус и указал рукой на дорогу за спиной.

Сапёр обернулся и увидел, как группа гральских воинов взбирается по обочине не больше чем в пятидесяти шагах от маленького отряда. Преследователи разделились, выказывая не больше страха перед колдовской бурей, чем сам Скрипач и его спутники. В следующий миг гралы вывели коней на плоскую вершину, увидели добычу и испустили еле слышный боевой клич.

– Бежим? – спросила Апсалар.

Гралы уже взлетели в сёдла и доставали короткие копыя.

— На беседу они, похоже, не настроены, — пробормотал сапёр. И добавил погромче: — Их оставьте мне! Скачите вперёд оба!

— Что, опять? — Крокус соскользнул с коня. — А какой смысл?

Апсалар последовала его примеру. Она шагнула к Скрипачу и заглянула ему в глаза.

— Если ты погибнешь, какие у нас шансы выжить в этой пустыне?

Да примерно такие же, как и со мной. Скрипач поборол желание сказать это вслух, просто пожал плечами и натянул арбалет.

— Я не собираюсь тут устраивать длинную битву, — заявил он, укладывая на ложе стрелу с морантской «руганью».

Гралы развернули коней на дороге. Опустив копыя, замолотили пятками по бокам скакунов и помчались вперёд.

Вопреки всему Скрипачу стало невыносимо жаль этих гральских коней, но он прицелился и выстрелил. Стрела ударилась о каменное покрытие в трёх шагах перед атакующими всадниками. Раздался оглушительный взрыв, волна багрового пламени отбросила во все стороны летящий по ветру песок, смела гралов вместе с конями, словно рука бога, отбросила назад на дорогу и в стороны. Взметнулась кровь, и покрасневший песок градом посыпался на землю. В следующий миг ветер сдул прочь пламя и дым, оставив лишь извивающиеся в агонии тела.

Бессмысленная погоня, а теперь бессмысленная смерть. Я не грал. Стали бы вы за мной гнаться, если бы знали, что я только притворяюсь? Хотел бы я это у вас спросить, воины.

— Они нас, конечно, уже два раза спасли, — проговорил Крокус, — но эта морантская взрывчатка — ужасна, Скрипач.

Молча, сапёр зарядил ещё одну стрелу, набросил кожаный ремешок на костяной спусковой рычажок, чтобы закрепить его, а затем забросил тяжёлый арбалет за плечо. Взобравшись в седло, он собрал одной рукой поводья и сурово посмотрел на спутников.

— Не расслабляемся, — сказал Скрипач. — Мы можем внезапно напороться на другой отряд. Если так случится, попытайтесь пробиться через них.

Он легонько пришпорил мерина и поехал вперёд. Ветер ворвался в уши хохотом, в котором словно звучала радость при виде бессмысленного насилия. Этот хохот требовал продолжения. Вихрь пробудился — эта богиня безумна, совсем сумасшедшая — кому же по силам её остановить? Скрипач продолжал шуриться, вглядываясь в дорогу впереди, монотонную реку каменных плит, ведущую всё дальше в охряную воющую мглу. В пустоту.

Скрипач прорычал проклятье, пытаясь побороть чувство тщетности, завладевшее его мыслями. Нужно поскорее найти Треморлор – прежде чем Вихрь проглотит их целиком.

Аптор тёмной тенью маячил в тридцати шагах слева от Калама, легко и неумолимо шагал навстречу несущему песок ветру. Убийца уже почти радовался буре – каждый раз, когда ему удавалось как следует разглядеть этого нежеланного спутника, нервы натягивались, как струна. Калам уже сталкивался с демонами: на поле боя и на объятых войной улицах городов. Нередко в битву их бросали малазанские маги, так что демоны были своего рода союзниками, хоть и исполняли только приказы своих хозяев, не обращая внимания на всё остальное. Значительно реже, к счастью, убийца сталкивался с демонами, которых призвал враг. В этих случаях Калам заботился только о том, чтобы выжить, а для этого следовало бежать. Демоны состояли из плоти и крови – когда-то убийца даже слишком хорошо рассмотрел внутренности одного чудовища, которое разорвала «ругань» из арбалета Вала – но только дураки будут пытаться встать против холодной ярости и нерушимой целеустремлённости демона.

«В боях гибнут, – заметил как-то Скрипач, – только дураки и невезучие». Схватиться один на один с демоном – одновременно и глупость, и невезение.

При этом сам вид аптора резал Каламу глаза, словно железный клинок, скребущий гранит. Стоило чуть дольше сосредоточить взгляд на демоне, к горлу подкатывал ком тошноты. Убийца был совсем не рад подарку Ша'ик. Подарок... или шпион. Она разбудила Вихрь, и богиня взнуздала её, считай что одержала. Это скорее всего сильно разбавляет благодарности. Вдобавок, даже Дриджна не стала бы запросто отправлять такую мощь, как демон-аптор, просто для охраны. Выходит, друг Апт, доверять тебе нельзя.

За последние несколько дней Калам пытался оторваться от зверя: бесшумно уходил из лагеря за час до рассвета, нырял в самое густое марево песчаной бури. Обогнать демона было невозможно – тот мог дать фору в скорости и выносливости любому земному животному, и несмотря на все усилия, Апт шёл за Каламом, словно хорошо натасканный пёс – спасибо ещё, что держался на расстоянии.

Ветер впивался в каменистые холмы с ненасытной яростью, цеплялся за трещины и расселины, словно жаждал утащить в небо каждую крохотную песчинку. Гладкие, округлые купола выжженного солнцем известняка, обрамлявшие неглубокую долину, по которой ехал убийца, старели на глазах, покрываясь бесчисленными морщинами и шрамами.

Шесть дней тому Калам оставил позади холмы Пан'потсуна, пересёк невидимую границу и оказался рядом с другой грядой холмов, которые назывались Анибадж. Земли столь далеко к югу от Рараку были уже не так хорошо известны убийце. Иногда он забредал сюда по найденным торговым тропам, которые огибали эти холмы с востока. На Анибадже не жило ни одно племя, хоть и ходили слухи про скрытые в холмах монастыри.

Прошлой ночью Вихрь выкатился из Рараку: затмевающая звёзды приливная волна чародейства потрясла Калама, хоть он и ожидал её неминуемого

появления. Дриджна пробудилась в таком голоде, что даже убийца ужаснулся. Он уже опасался, что пожалеет о своей роли в этом деле, и каждый новый взгляд на Апта только усиливал это предчувствие.

Никаких признаков жизни — открытой или тайной — на Анибадже Калам не замечал. Изредка попадались развалины крепостей, которые намекали, что прежде тут обитали люди, но — ничего больше. Если аскеты и монахини действительно таились в этой пустоши, благословения их богов надёжно укрыли их от смертного ока.

И всё же, сторбившись в седле под неустанно бьющим в спину ветром, Калам не мог отделаться от чувства, что за ним следят. Чувство перешло в уверенность за последние шесть часов. Кто-то был там — человек или зверь — за пределами видимости, каким-то образом шёл по следу. Калам знал, что запах — его и лошади — ветер несёт только вперёд и наверняка развеивает уже в десяти шагах. И следы копыт тоже существовали лишь несколько секунд. Если только преследователь не отличался заметно лучшим зрением, чем убийца, во что Калам не верил, тот мог оставаться невидимым и не сбиться со следа лишь при помощи.. чародейства, Худ его дери. Этого-то мне и не хватало.

Убийца покосился налево и различил грузную фигуру Апта, его странную механическую походку, позволявшую не отставать от всадника. Демон не выказывал признаков тревоги — а если и наоборот, как узнать? — но это совершенно не утешило Калама, напротив, в груди крепло тяжкое подозрение, что демон приставлен к нему отнюдь не для защиты.

Ветер внезапно стих, рёв сменился шипением опадающего песка. Крякнув от удивления, Калам натянул поводья и оглянулся через плечо. Граница бури стояла ровной стеной в пяти шагах позади. Из вихря летел песок и складывался в зубчатые дюны вдоль чуть изогнутого рубежа, уходившего к горизонту на запад и на восток. Небо над головой посветлело и приобрело оттенок начищенной бронзы. Солнце висело в часе перед закатом, словно шар литого золота.

Убийца проехал ещё дюжину шагов, затем снова остановился. Апт не вышел из-за стены бури. По телу Калама пробежал тревожный холодок, и убийца потянулся к арбалету, висевшему на луке седла.

Коня вдруг обуял страх, и животное дёрнулось вбок, подняв голову и прижав уши. В воздухе повис сильный пряный запах. Калам скатился с седла в тот миг, когда что-то мелькнуло в воздухе рядом. Выпуская из рук незаряженный арбалет, убийца обнажил оба длинных ножа в полёте, ещё до того, как врезался правым плечом в мягкий песок, перекатился и, пригнувшись, встал на ноги. Нападавший — громадный пустынный волк — не смог перебраться через отшатнувшуюся лошадь и теперь пытался спрыгнуть с перекошенного седла, не сводя янтарных глаз с Калама.

Убийца ринулся вперёд, нанося удар узким клинком в правой руке. Слева на него прыгнул другой волк — тяжкая груда мускулов, разинутая пасть — и повалил Калама на землю. Левая рука оказалась прижата к земле весом зверя. Длинные клыки впились в кольчугу на плече. Звенья с треском разлетелись, зубы коснулись плоти.

Калам вытянул правую руку и вогнал остриё длинного ножа в бок волку, так что клинок прошёл под хребтом перед бедром животного. Пасть распахнулась; взвизгнув, волк попытался отскочить. Когда убийца попытался высвободить клинок, он почувствовал, как лезвие упёрлось в кость. Арэнская сталь согнулась... и сломалась.

Волк завыл от боли, отпрыгнул, выгнув спину, завертелся, словно пытаюсь ухватить собственный хвост, потянулся клыками к торчавшему из раны обломку.

Сплюнув песок, Калам перекатился на ноги. Лошадь дико взбрыкнула и сбросила с себя первого волка. Тяжёлое копыто угодило ему в голову. Теперь зверь стоял, покачиваясь, в дюжине шагов от убийцы, из носа лилась кровь.

Другие волки оставались где-то за стеной бури, их рычание, визг и лай слегка приглушил ветер. Они сражались с кем-то — это было понятно. Калам вспомнил, что Ша'ик говорила о д'иверсах, которые напали на аптора — но отступили — несколько недель назад. Похоже, оборотень решил попробовать ещё раз.

Убийца увидел, как его лошадь рванулась прочь по тропе, на юг. Он резко обернулся к двум волкам, но те уже исчезли, только два кровавых следа уводили обратно за стену бури. Внутри Вихря все звуки боя стихли.

В следующий миг показался Апт. По его бокам струилась кровь и капала с тонких, как иглы, клыков, жутко подчёркивая врождённую улыбку демона. Апт повернул вытянутую голову и смерил Калама взглядом чёрного, умного глаза.

Калам нахмурился.

— Я сильно рискую и без твоих проклятых свар, Апт.

Демон щёлкнул челюстью, змеиный язык метнулся вперёд, чтобы слизнуть кровь с зубов. Калам заметил, что демон дрожит — одна из ран на шее выглядела глубокой.

Со вздохом убийца добавил:

— Тобой займётся, когда найдём мою лошадь. — Он потянулся к небольшой фляжке у пояса. — Но, по крайней мере, я могу хоть раны тебе промыть. — Калам шагнул вперёд.

Демон отпрянул, угрожающе склонив голову. Калам остановился.

— Ну, нет, так нет.

Он нахмурился. Было что-то странное в демоне, который стоял на низком выбеленном валуне, склонив голову, раздувая ноздри и приплюсываясь. Калам нахмурился сильнее. Что-то... Через минуту убийца снова вздохнул, взглянув на сломанный нож в правой руке. Почти всю свою взрослую жизнь Калам носил парные клинки, в них, точно в зеркале, отражались две его верности. Которую из них я теперь потерял?

Он смахнул пыль со своей телабы, подобрал арбалет, повесил на плечо, а затем зашагал на юг по тропе, ведущей к дальней долине. Рядом, теперь уже ближе, двигался Апт, низко склонив голову и взбивая единственной передней ногой тучки пыли, которая в лучах закатного солнца горела красным.

Глава седьмая

Смерть станет мне мостом.

Тоблакайская поговорка

Дукер видел догоравшие повозки, трупы лошадей, ослов, мулов, тела мужчин, женщин и детей, разбросанные обломки мебели, одежды и прочих хозяйственных мелочей, укрывавшие долину к югу от Хиссара, насколько хватал глаз. Тут и там возвышались горы трупов, словно курганы из плоти — здесь воины дали свой последний, отчаянный бой. Это была бойня без малейшего намёка на милосердие, пленных не брали.

В нескольких шагах перед историком застыл сержант: молча, как и его люди, он рассматривал последствия сражения в долине Вин'тила, которое впоследствии назовут по имени деревушки Бат'рол, что располагалась менее чем в лиге отсюда.

Дукер перегнулся через седло и сплюнул.

— А раненый зверь-то показал клыки, — мрачно сказал он.

Ну, молодчина, Колтейн! Они не раз задумаются, прежде чем схлестнуться с тобой вновь. Трупы убитых принадлежали хиссарцам — даже детей бросили в пекло сражения. Чёрные, изорванные шрамы пересекали поле битвы, как будто когти божества опустили на эту землю, приняв участие в побоище. Куски обгорелого мяса — людей и животных, понять было невозможно — заполняли эти шрамы. Накидочники шныряли над трупами олицетворением немого безумия. Воздух вонял магией, итог столкновения Путей оседал повсюду жирным пеплом. Историк уже не чувствовал ужаса, его сердце ожесточилось, и он испытывал только облегчение.

Где-то на юго-западе находились солдаты Седьмой, остатки верных хиссарцев и виканцы. И десятки тысяч малазанских беженцев, лишившихся своих пожитков... но не жизни. Угроза же никуда не делась. Уже сейчас войска Апокалипсиса начинали перегруппировку: поодиночке или небольшими группами выжившие пробирались к оазису Мейла, где ожидали подкрепления от Сиалка и появления припозднившихся племён пустыни. Когда вновь начнётся погоня, они всё ещё будут значительно превосходить числом измотанную армию Колтейна.

Один из людей сержанта вернулся из своей вылазки на запад.

— Камист Релой жив, — сообщил он. — Ещё один Высший маг ведёт новую армию с севера. В следующий раз ошибок не будет.

Воины испытали облегчение явно меньшее, чем если бы услышали они эти слова ещё вчера. Сержант кивнул, его губы сжались в тонкую линию.

— Значит, мы присоединимся к остальным в Мейле.

— Без меня, — прохрипел Дукер.

Он поймал на себе неодобрительные взгляды.

— Не сейчас, — добавил историк, вглядываясь в поле битвы. — Сердце подсказывает мне, что я найду тело племянника здесь... где-то здесь.

— Сначала ищи среди выживших, — заметил один из солдат.

— Нет. В моём сердце нет страха, лишь уверенность. Скачите вперёд. Я присоединюсь к вам до наступления сумерек. — Он тяжело, в упор, посмотрел на сержанта. — Скачите.

Тот молча взмахнул рукой.

Дукер смотрел, как они уезжают на запад, и знал: если и увидит их снова, то уже из рядов малазанской армии. И тогда они будут мало напоминать людей. Игра, в которую должен сыграть разум, чтобы дать волю разрушениям. Он не раз стоял в рядах армии, чувствуя, как солдаты ищут и находят такое место в своём разуме, холодное и безмолвное, благодаря которому мужья, отцы, жены и матери становятся убийцами. Это удавалось им от раза к разу всё проще. До тех пор, пока ты уже не сможешь это место покинуть.

Историк поскакал на поле боя, отчаянно желая догнать армию. Не лучший момент для того, чтобы ехать одному в самом сердце недавнего сражения, где каждый обломок, каждый кусок обгорелой и изорванной плоти беззвучно вопил от ярости. Поля битв сочились безумием, будто кровь, впитавшаяся в землю, помнила боль и ужас и таила в себе отголоски воплей и смерти.

Мародёров не было, только мухи, накидочники, ризаны и осы — мириады крылатых духов Худа мелькали и гудели вокруг, пока он ехал вперёд. В полумиле впереди двое всадников галопом промчались по южной гряде на запад. Телабы беспорядочно развевались у них за спинами.

К тому времени, как Дукер достиг подножия невысокой гряды, всадники скрылись из виду. Пыльная дорога впереди была изрыта следами повозок. Колонна, покинувшая поле сражения, уходила в боевом порядке, а ширина оставленного следа говорила о том, что она была огромной. Девять, десять повозок в ряд. Домашний скот. Запасные лошади... Королева грёз! Как Колтейн надеется защитить всё это? Целых две тысячи беженцев, возможно, больше — и каждый требует стену солдат для защиты себя, драгоценного — даже Дассем Ультор не решился бы на такое.

Далеко на юге небо окрасилось ржаво-коричневым. Как и Хиссар, Сиалк пылал. Но в городе находились лишь небольшой гарнизон морпехов, крепость и военный лагерь у пристани, с собственной дамбой и тремя сторожевыми кораблями. С Оппоновым счастьем, они отступили, хотя, по правде говоря, Дукер мало на это надеялся. Скорее всего, они отправились защищать мирных малазанцев – добавив свои трупы к этой бойне.

Было довольно легко идти по следу, оставленному армией Колтейна и беженцами, – на юго-запад, в глубь материка, в Сиалк-одан. Ближайший город, где они могли получить помощь, Карон-Тепаси, располагался в шестидесяти лигах, а в степях между оданом и городом кочевали враждебные кланы титтанов. И Апокалипсис Камиста Релоя идёт за ними по пятам. Дукер знал, что если и догонит армию, то лишь затем, чтобы погибнуть вместе с ней.

Впрочем, восстание могли подавить и в другом месте. Был Кулак в Карон-Тепаси, и другой – в Гуране. Если один из них или оба преуспели в подавлении волнений в своих городах, то у Колтейна появится ещё одно подходящее убежище. И всё же, такое путешествие через одан займет не один месяц. Хотя пастбищ для домашнего скота полным-полно, источников воды мало, а засушливый сезон только начался. Нет, даже представить себе такой переход – верх отчаяния. Это просто безумие.

Остаётся только... контратака. Стремительный, смертоносный штурм, взятие Хиссара. Или Сиалка. Разрушенный город предоставлял больше возможностей для защиты, чем степной простор. Более того, малазанский флот смог бы прийти на выручку – Пормкваль, может, и глупец, но вот адмирал Нок – отнюдь. Нельзя просто так оставить Седьмую армию, ведь без неё будет потеряна малейшая надежда быстро задуть восстание.

На данный момент, однако, было очевидно, что Колтейн ведёт свою колонну к ручью Дридж, и несмотря на то что Кулак выступил в путь раньше, Дукер рассчитывал нагнать его ещё до прибытия туда. Сейчас вода была для малазанцев первоочередной потребностью. Камист Релой это тоже знал. Он загнал Колтейна в положение, в котором не хотел бы оказаться ни один военачальник, – в ситуацию предсказуемости. Чем меньше вариантов было у Кулака, тем отчаяннее становилась ситуация.

Историк ехал дальше. Он продолжал идти по каменистому следу, солнце медленно клонилось к западу, и безучастность светила заставляла Дукера чувствовать себя незначительным, все надежды и страхи казались бессмысленными. На обочине то и дело попадались брошенные без погребальных церемоний трупы беженцев и солдат, умерших от ран. Тела раздулись под солнцем, кожа стала тёмно-красной, покрылась чёрными пятнами. Наверняка решение оставить тела непогребёнными далось непросто. Дукер чувствовал привкус отчаяния в поступках отступающей армии.

За час до заката в полулиге поднялась туча пыли. Титтанские наездники, догадался историк, мчатся во весь опор к ручью Дридж. Спокойного похода Колтейну и его людям не будет. Молниеносные атаки всадников станут разорять караулы лагеря; неожиданные набеги с целью увести скот, горящие стрелы, летящие в повозки беженцев... ночь непреходящего ужаса.

Глядя, как титтаны медленно вырываются вперёд, Дукер подумал, не пустить ли измученную лошадь лёгким галопом. Наверняка наездники вели с собой запасных коней, историку же придется загнать свою лошадь в попытке добраться до Колтейна раньше их. А затем он только и сможет, что сообщить Кулаку о неизбежном. К тому же Колтейн должен знать, что его ожидает. Он знает, ведь он и сам когда-то шёл в бой с предводителем повстанцев и так же тербил отступающую имперскую армию на Виканских равнинах.

Дальше историк ехал рысью, размышляя об опасностях предстоящей ночи: о том, как миновать расположение врага, как подобраться к разъездам Седьмой, которые и так уже наверняка на взводе. Чем больше он думал об этом, тем прозрачнее казались его шансы дожить до утра.

Багровое небо потемнело внезапно, как бывает лишь в пустыне, — и окрасило воздух цветом подсохшей крови. За мгновение до того, как ушёл последний свет, Дукер рискнул оглянуться. Он увидел зернистую тучу, устремившуюся на юг и расширявшуюся на глазах. Казалось, она сверкала сотнями тысяч блёклых отблесков, будто ветер трепал берёзовую листву на опушке обширного леса. Накидочники, миллионы накидочников, оставив Хиссар позади, летели на запах крови.

Он говорил себе, что их вел безотчетный голод. Он говорил себе, что потёки, пятна и кляксы в этом клубящемся, заполнившем всё небо облаке лишь случайно принимали форму лица. Худу, в конце концов, не требовалось объявлять о своём присутствии. Да и не славился этот бог склонностью к мелодраме. Какая ирония: Повелитель Смерти имел репутацию чрезвычайно скромного божества. Увиденное Дукером было вызвано страхом, слишком человеческой потребностью находить символическое значение в бессмысленных событиях. Ничего более.

Дукер пустил лошадь галопом, снова устремив взгляд в разрастающуюся тьму впереди.

С гребня невысокого холма Фелисин наблюдала за бурлившей долиной. Словно волна безумия выплеснулась из городов, из умов мужчин и женщин, и запятнала природный мир. С приближением сумерек, когда они со спутниками приготовились покинуть лагерь для ночного перехода, песок в долине начал дрожать, словно поверхность озера под дождём. Появились жуки — чёрные, размером с большой палец Бодэна — они ползли единым мерцающим приливом, который вскоре захлестнул весь простор пустыни. Тысячи, сотни тысяч насекомых двигались как один, и в этом движении чувствовалась общая цель. Геборик, вечный учёный, ушёл, чтобы выяснить, куда они направляются. Фелисин смотрела, как он шагает по кромке армии насекомых, а после исчезает из виду за следующей грядой.

С тех пор прошло двадцать минут.

Рядом с ней присел на корточки Бодэн, его руки лежали на большом заплочном мешке. Бодэн щурился, вглядываясь в густеющий мрак. Она ощущала его растущее тягостное волнение, но решила, что не станет говорить вслух о причине их общего беспокойства. Временами Фелисин удивлялась

представлению Геборика о том, что было значимым, а что нет, и думала, не является ли старик на самом деле обузой.

Отёк спал, теперь она могла видеть и слышать, но более глубокая боль никуда не делась, будто личинки кровного слепня оставили нечто в её плоти, гниение, которое не просто изуродовало её, но оставило след в душе. Яд отравлял её изнутри. Сны были наполнены видениями крови, непрекращающимся, алым потоком, который нёс её, словно разбитый корабль, от рассвета к закату. Со времени их побега из Черепка миновало шесть дней, и где-то в глубине сознания уже шевельнулось радостное ожидание следующего такого сна.

Бодэн заворчал.

Вновь показался Геборик, возвращался он мерной трусцой вдоль края котловины. Приземистый сторбленный старик был похож на огра, вылезшего из детских сказок, что рассказывают на ночь. Обрубки-культы на месте рук, вот сейчас он подымет их и окажется, что они заканчиваются зубастыми ртами. Сказки, чтобы пугать детей. Я бы могла писать такие. Мне даже воображение не понадобится, хватит того, что я вижу вокруг. Геборик, мой покрытый вепрями отр. Бодэн, с багровым шрамом вместо уха, волосы спутанные и жёсткие, точно звериный мех, сморщенная кожа. Такой парочки не хочешь — испугаешься.

Старик добрался до них, присел на корточки, чтобы надеть заплечный мешок.

— Невероятно, — пробормотал он.

Бодэн снова заворчал:

— А обойти их можно? Я не собираюсь брести по колени в жуках, Геборик.

— Да, конечно, довольно просто. Они просто мигрируют к соседней котловине.

Фелисин фыркнула:

— И ты считаешь, что это невероятно?

— Да, — подтвердил Геборик, ожидая, пока Бодэн подтянет ремни на мешке. — Завтра ночью они двинутся к следующему участку глубокого песка. Понимаешь? Как и мы, они направляются на запад, и тоже доберутся до моря.

— А потом что? — спросил Бодэн. — Поплывут?

— Не имею ни малейшего понятия. Вероятнее всего, повернут обратно и отправятся на восток, к другому берегу.

Бодэн закрепил рюкзак и поднялся.

— Как жук, ползущий по ободку кубка, — сказал он.

Фелисин покосилась на него, она вспомнила свой последний вечер с Бенетом. Тот сидел за столом в таверне Булы и глядел, как мухи ползают по ободку

его кружки. Одна из немногих картин, которые она могла воскресить в памяти. Бенет, мой любовник, Мушиный Король на ободке Черепка. Бодэн оставил его гнить, поэтому он не смотрит мне в глаза. Головорезы не умеют врать. Он поплатится за это — рано или поздно.

— Следуйте за мной, — бросил Геборик и двинулся вперёд. Его ноги увязали в песке, и казалось, будто старик идёт на культиях, таких же, какими заканчивались его руки. Он всегда выходил в путь бодро, выказывал энергичность, которая казалась Фелисин нарочитой, будто Геборик пытался отрицать то, что был старым, самым слабым из них. Последнюю треть ночи он будет тащиться за ними на расстоянии семи или восьми сотен шагов позади, с опущенной головой, волочить ноги, шатаясь под тяжестью заплечного мешка, сгибаясь почти вдвое.

Похоже, у Бодэна карта была прямо в голове. Неведомый источник информации оказался точным и правдивым. И хотя пустыня представлялась безжизненной, непреодолимой стеной мёртвой земли, здесь можно было найти воду. Наполняемые ручьями озера среди обнажений каменных пород, скопления жидкой грязи, окружённые следами животных, которых они никогда не видели. Туда можно было запустить руку по локоть, иногда меньше, и найти живительную воду.

Путники несли с собой еды на двенадцать дней, на два больше, чем необходимо для путешествия к побережью. Запас небольшой, но его должно хватить. Несмотря на это, они слабели. Каждую ночь преодолевали всё меньшее расстояние в часы между закатом и восходом солнца. Месяцы, проведённые в Черепке, на работе в душных шахтах, существенно сократили в них некий жизненно важный резерв.

Все знали об этом, но никто не говорил вслух. Теперь их преследовало время — самый терпеливый из слуг Худа, и каждую ночь они отставали всё больше, становились всё ближе к той точке, где воля к жизни уступит место всеобъемлющему спокойствию. Сладостное обетование таится в том, чтобы сдаться, но дабы осознать это, нужно пуститься в путешествие. Духовное путешествие. Нельзя пешком прийти к Худовым Вратам, они просто окажутся перед тобой, когда рассеется туман.

— О чём думаешь, девочка? — спросил Геборик.

Они пересекли два хребта и очутились на иссохшем плоскогорье. Звёзды железными шипами блестели над головой. Луна ещё не взошла.

— Мы живем в густом тумане, — ответила она, — всю жизнь.

Бодэн заворчал:

— Это дурханг говорит.

— Не знал, что ты такой шутник, — окоротил его Геборик.

Бодэн ничего не ответил. Фелисин мысленно улыбнулась. Головорез теперь едва ли два слова произнесёт до конца ночи. Ему не нравится, когда над ним смеются. Это стоит запомнить, пригодится, когда нужно будет в следующий раз его заткнуть.

— Прости меня, Бодэн, — сказал Геборик после недолгого молчания. — Слова Фелисин привели меня в раздражение, и я выместил его на тебе. Более того, мне понравилась твоя шутка, пусть и непреднамеренная.

— Брось, — вздохнула Фелисин. — Этот упрямый мул в конечном счёте выберется из стойла, но сам, заставить его ты не сможешь.

— Что ж, — сказал Геборик, — хоть отёк и сошёл с твоего языка, но яд всё же остался.

Она вздрогнула. Знал бы ты, насколько прав.

Ризаны промчались по-над потрескавшейся поверхностью плоскогорья, единственные спутники беглецов сейчас, когда они оставили жуков позади. Беглецы больше никого не видели с тех пор, как пересекли Утопное озеро в ночь досийского восстания. Побег не вызвал ни малейшей реакции: не было маниакального преследования и громких сигналов тревоги. Для Фелисин всё это сделало драму той ночи ничтожной. При всей важности, беглецы были лишь песчинками в буре большей, чем сами могли осознать. Эта мысль ей понравилась.

Но имелись и причины для беспокойства. Если восстание перекинется на материк, беглецы дойдут до побережья, только чтобы умереть в ожидании корабля, который никогда не прибудет.

Они добрались до низкого иззубренного кряжа голых скал, который в свете звёзд отливал серебром и походил на позвоночник громадного змея. За ним раскинулась волнообразная ширь песка. Что-то вздымалось из дюн шагах в пятидесяти впереди, угловатое, словно упавшее дерево или мраморная колонна, хотя, когда путники подошли ближе, они разглядели нечто перекошенное, искривлённое.

Унылый ветер шуршал песком, извиваясь, как укушенный пауком танцор. Песчинки поглаживали икры ног. Покосившаяся колонна или что это там было оказалась дальше, чем казалось Фелисин. Когда новое ощущение пространства сформировалось у неё в голове, Фелисин с шипением выдохнула сквозь зубы.

— О да, — прошептал в ответ Геборик.

Нет, не в пятидесяти шагах, похоже, в пятистах, смазанная ветром поверхность показала им своё непостоянство. Долина не была ровным отрезком плоскогорья. Поднимаясь и опускаясь, земля волнами расходилась от этого объекта. От такого зрелища у неё закружилась голова.

К тому времени, как они достигли монолита, серп луны взошёл над южным горизонтом. В молчаливом согласии Бодэн и Геборик сбросили дорожные мешки. Головорез тут же уселся и оперся о свой, более не обращая внимания на безмолвное сооружение, возвышавшееся над ним.

Геборик достал фонарь и коробку с огнивом из рюкзака, подул на выложенные угли, после поджёг вощёный фитиль, который прежде использовал, чтобы засветить фонарь. Фелисин не дала себе труда помочь, увлечённо наблюдая,

как он справляется с задачей – невероятно проворно, вопреки его неуклюжим, покрытым шрамами культам.

Просунув предплечье под ручку фонаря, старик поднялся и приблизился к тёмному монолиту.

Пятьдесят человек, взявшись за руки, не смогли бы обхватить его основание. Изгиб находился на уровне в семь-восемь ростов – около трёх пятых от общей высоты. Камень выглядел покоробленным и отполированным одновременно, тёмно-серым в бесцветном свете луны.

Геборик подошел к монолиту. В свете фонаря камень оказался зелёным. Фелисин смотрела, как запрокидывается голова историка, когда тот разглядывал монолит. Потом сделал шаг вперёд и прижал культу к поверхности. Мгновением позже он сделал шаг назад.

Рядом послышался плеск воды – это Бодэн пил из бурдюка. Фелисин протянула руку, и через мгновение он передал бурдюк ей. Заскрипел песок: вернулся Геборик. Бывший жрец присел на корточки.

Фелисин предложила ему бурдюк. Старик отрицательно покачал головой, жабье лицо исказила обеспокоенная гримаса.

– Самая большая колонна, которую ты когда-либо видел, Геборик? – спросила Фелисин. – В Арэне есть колонна... говорят... высотой как двадцать человек, вырезанная в виде спирали снизу доверху. Однажды Бенет описывал её мне.

– Видел я её, – проворчал Бодэн. – Не такая широкая, но, наверно, выше. Из чего сделана эта, жрец?

– Нефрит.

Бодэн флегматично хмыкнул, но Фелисин заметила, как слегка распахнулись его глаза.

– Ну, видывал я и выше. Видывал и шире...

– Умолкни, Бодэн, – буркнул Геборик, обхватывая себя руками. Он уставился на громилу из-под кустистых бровей. – Эта штука там – не колонна, – прохрипел старик. – Это палец.

Восход прокрался на небо, разбрасывая по земле тени. Детали резного нефритового пальца медленно вырисовывались в полутьме. Бугорки и складки кожи, узоры на подушечке пальца, всё стало видимым. Как и возвышение в песке прямо под ним – второй палец.

Пальцы крепятся к ладони. Ладонь к руке, рука к телу... Такую последовательность диктует логика, подумала Фелисин, но это невозможно. Ничего подобного не могло быть создано, не могло стоять вертикально, не могло сохраниться целиком. Ладонь, но нет руки, нет тела.

Геборик не проронил ни слова, сидел, обхватив себя культиями, неподвижно, а ночная темнота таяла. Запястье, касавшееся строения, он поджал под себя, как будто память об этом прикосновении несла боль. Разглядывая его в нарастающем свете, Фелисин вновь подивилась его татуировкам. Они будто углубились, стали чётче.

Бодэн наконец встал и принялся устанавливать две небольшие палатки неподалеку от основания пальца, там, где тень продержится дольше всего. На возвышающийся монолит он не обращал внимания, будто тот был не более чем стволом дерева, — хлопотал себе вокруг, вгоняя длинные тонкие шипы в песок сквозь медные петли краёв первой палатки.

Солнце поднялось выше, и оранжевый оттенок разлился в воздухе. И хотя Фелисин уже видела на острове такой оттенок в небе, он никогда не был таким насыщенным. Девушка почти могла ощутить его вкус, горький, словно железо.

Когда Бодэн взялся за вторую палатку, Геборик наконец встал и запрокинул голову, прихвываясь к воздуху, прищурился, глядя вверх.

— Худов дух! — прорычал он. — Неужто мало было?

— Что такое? — требовательно спросила Фелисин. — Что не так?

— Была буря, — сказал бывший жрец. — Это отатараловая пыль.

Бодэн застыл у палаток. Провел рукой по своему плечу, потом ухмыльнулся, глядя на ладонь.

— Оседают, — сказал.

— Нам лучше укрыться...

Фелисин хмыкнула:

— Как будто это поможет! Мы добывали эту дрянь, если вы забыли. Как бы она на нас ни действовала, своё мы уже получили.

— В Черепке мы могли вымыться вечером, — возразил Геборик, просовывая руку под перевязь мешка с едой и оттаскивая его к палаткам.

Она увидела, что он все ещё плотно прижимает к груди вторую культю, ту, которой прикоснулся к камню.

— Думаешь, есть разница? — бросила она. — Если так, то почему все маги, которые там работали, умерли или сошли с ума? Ты нелогичен, Геборик...

— Вот и сиди там тогда, — отрезал старик, ныряя под полог первой палатки и втаскивая рюкзак за собой.

Фелисин уставилась на Бодэна. Головорез пожал плечами и продолжил устанавливать вторую палатку, особо не торопясь.

Фелисин вздохнула. Она вымоталась, но спать пока не хотела. Если залезет в палатку, то, скорее всего, будет просто лежать там с открытыми глазами, изучая узоры ткани над головой.

– Лучше бы внутрь, – сказал Бодэн.

– Мне не хочется спать.

Он шагнул ближе, плавным, кошачьим движением.

– Мне плевать, хочешь ты спать или нет. Будешь сидеть под солнцем, оно тебя высушит, значит, будешь пить больше воды, значит, меньше достанется нам, значит, лезь в эту треклятую палатку, девочка, пока я не надавал тебе по заднице.

– Если бы Бенет был здесь, он бы..

– Ублюдок мёртв! – прорычал Бодэн. – И Худ утащил его гнилую душонку в глубочайшую пропасть!

Она презрительно усмехнулась:

– Какой ты храбрый сейчас. Ты бы не посмел бросить ему вызов.

Он оглядел её, как кровного слепня, угодившего в паутину.

– А вдруг бросил, – сказал он. Хитрая ухмылка скользнула по его лицу за мгновение до того, как он отвернулся.

Внезапно озябшая, Фелисин смотрела, как головорез дошел до палатки, присел на корточки и залез внутрь. Меня не обманешь, Бодэн. Ты был дворнягой, шныряющим по улицам, только и разницы, что улицы теперь остались позади. Ты бы корчился в песке у ног Бенета. Будь он здесь. Она помедлила ещё минуту – всем назло, а после укрылась в своей палатке.

Развернув спальный мешок, Фелисин улеглась. Отчаянное желание провалиться в сон не давало ей уснуть. Она смотрела на тёмные изъяны в ткани, мечтая, чтобы у неё было немного дурханга или кувшин вина. Алая река её снов превратилась в объятая – безопасные, дружеские. В памяти всплыл отголосок видения – и все чувства, которые оно вызвало. Течение этой реки имело цель, определенную и безжалостную. В объятых тёплого течения она ощущала себя ближе к пониманию этой цели. Знала, что скоро обнаружит эту цель, и с тем знанием изменится её мир, станет намного больше, чем сейчас. Не просто девчонка – пухлая, помятая, использованная, – видение будущего сузилось до дней, хотя должно бы охватывать десятилетия, девчонка, которая может назвать себя молодой, лишь иронично ухмыляясь. Всё, что обещал ей сон, – ценность презрения к себе – точка раздвоения меж временем сна и бодрствования, меж тем, что было, и тем, что могло бы быть. Напряжённое противостояние между действительной реальностью и воображаемой, так бы Геборик сформулировал это со своей критической, пропитанной ядом точки зрения. Знаток человеческой природы был невысокого мнения о Фелисин. Он высмеял бы её понимание судьбы; её вера в то, что сны могут предложить нечто осязаемое, дала бы ему повод выразить своё

презрение. Не то чтобы ему нужен был повод. Я ненавижу себя, но он ненавидит всех остальных. Кто из нас утратил больше?

Она проснулась будто с похмелья, во рту чувствовались сухость и привкус ржавчины. Воздух был зернистым, бледно-серый свет проникал под полог. Снаружи Фелисин услышала звуки сборов: что-то коротко пробормотал Геборик, проворчал в ответ Бодэн. Фелисин закрыла глаза, силясь снова окунуться в мерное течение реки, несшей её сквозь сон, но реки больше не было.

Она села, морщась от возмущённых воплей каждого сустава. Те двое испытывали то же самое, она это знала. Нехватка питательных элементов, предположил Геборик, хоть он и не знал, каких именно. У них были сушёные фрукты, полоски копчёного мяса мула и какой-то досийский хлеб, тёмный и твёрдый, как кирпич.

Она вылезла из палатки в прохладу утреннего воздуха, мышцы болели. Двое мужчин сидели и ели, перед ними были разложены узелки с припасами. Оставалось немного, за исключением хлеба – солёного, от него невыносимо хотелось пить. Геборик пытался было настоять, чтобы хлеб они съели в первую очередь – в первые несколько дней – пока они ещё были сильны, не обезвожены, но ни она, ни Бодэн не послушались, и по какой-то причине старик оставил эту идею уже во время следующего привала. Фелисин подшучивала над ним за это, как ей сейчас вспомнилось. Неохота следовать собственному совету, а, старик? И всё же совет был дельный. Они достигнут усыпанного солью, смертоносного побережья, имея при себе лишь ещё более солёный хлеб и крошечный запас воды, чтобы утолить жажду.

Возможно, мы не послушались, поскольку никто из нас не верил, что дойдём до побережья. Быть может, Геборик решил так же после первой трапезы. Только я не продумывала всё настолько вперёд, верно? Неразумное приятие тщетности всего. Я высмеяла и отвергла его совет в пику ему, вот и всё. Что касается Бодэна, у преступников редко водились мозги, а он уж точно не был исключением.

Фелисин присоединилась к завтраку, проигнорировав их взгляды, когда сделала дополнительный большой глоток теплой воды из меха, чтобы проглотить копченое мясо.

Когда она поела, Бодэн запаковал еду.

Геборик вздохнул.

– Ну мы и компания!

– Имеешь в виду, что мы не переносим друг друга на дух? – уточнила Фелисин, приподняв бровь. – Не стоит удивляться, старик, – продолжила она. – Если ты, случаем, не заметил, мы все в некотором роде поломанные. Разве нет? Боги свидетели, ты не раз говорил, как низко я пала. А Бодэн не более чем убийца, он свободен от любых идей о братстве, а ещё он громила, и значит, трус по натуре... – Она отглянулась, посмотрела, как тот сидит на корточках у мешков, скучающим взглядом наблюдая за ней. Фелисин мило улыбнулась.

— Верно, Бодэн?

Мужчина ничего не ответил, намёк на улыбку скользнул по его чертам, пока он разглядывал её.

Фелисин снова перевела взгляд на Геборика.

— Твои изъяны и так достаточно очевидны, не стоит и упоминать...

— Не разоряйся попусту, девочка, — пробормотал бывший жрец. — Я не нуждаюсь в том, чтобы пятнадцатилетняя девчонка напоминала мне о моих слабостях.

— А почему ты оставил жреческий сан, Геборик? Мошенничал с пожертвованиями, я полагаю. Вот тебе и отрубили руки, а после выбросили на помойку за храмом. Этого уж точно достаточно, чтоб кто угодно решил заделаться профессиональным историком.

— Пора идти, — сказал Бодэн.

— Но он ещё не ответил на мой вопрос...

— А как по мне, ответил, девочка. Теперь умолкни. Сегодня второй мешок несёшь ты, а не старик.

— Разумное предложение, но нет, спасибо.

Бодэн встал, лицо его потемнело.

— Оставь, — сказал Геборик, просовывая руки в заплечные ремни рюкзака. В полумраке Фелисин увидела культю, которой он впервые прикоснулся к нефритовому пальцу. Та была опухшей и красной, сморщенная кожа натянулась. Татуировки густо укрывали окончание запястья, делая его почти чёрным. В этот момент она осознала, что рисунок углубился по всей поверхности его кожи, вздулся, словно вены.

— Что это с тобой?

Он бросил взгляд через плечо:

— И сам хотел бы знать.

— Ты обжёг запястье об эту статую.

— Не обжёг, — поправил старик. — Хотя болит, как поцелуй самого Худа. Может ли прорасти магия из глубин отатаралового песка? Может ли отатарал дать рождение магии? У меня нет ответов, девочка, ни на один из этих вопросов.

— Ну... — пробормотала она, — было довольно глупо прикасаться к этой штуковине. Сам виноват.

Бодэн двинулся вперед без предупреждения. Игнорируя Геборика, Фелисин отправилась за ним.

— Этой ночью нам попадётся источник? — спросила она.

Великан заворчал.

— Надо было спрашивать до того, как выпила больше, чем полагалось.

— Ну, я не спросила. Так попадётся?

— Мы потеряли полночи вчера.

— В смысле?

— В смысле, никакой воды до завтрашнего вечера. — Он на ходу оглянулся на неё. — Ты пожалеешь о том, что не сберегла тот глоток.

Фелисин не удостоила его ответом. У неё не было намерения проявлять благородство, когда придёт время в следующий раз пить. Благородство для глупцов. Благородство — роковая ошибка. Я не собираюсь погибать из-за благородства, Бодэн. Геборик, наверное, и так уже умирает. Этот глоток воды будет потрачен на него впустую.

Бывший жрец тащился позади, звук его шагов становился всё менее отчетливым по мере того, как он отставал. В конце, решила Фелисин, только она и Бодэн, только они двое увидят море у западного края этого забытого Королевой острова. Слабые всегда остаются на обочине. Это — первый закон Черепка; и верно, это был первый урок, выученный ею на улицах Унты, по дороге на невольничьи корабли.

Тогда, по наивности, она расценила убийство леди Гайсен как акт предосудительного запугивания со стороны Бодэна. Если бы он сделал то же самое сейчас — избавил Геборика от страданий, — она бы и глазом не моргнула. Какое длинное оно, это путешествие. Где же оно закончится? Фелисин думала о реке крови, и эта мысль согревала её.

Бодэн предположил совершенно правильно: источника, который обозначил бы окончание ночного перехода, не было. Местом для лагеря громилла выбрал песчаный участок, окружённый иссечёнными ветром выступами известняка. Выбеленные человеческие кости валялись на песке, но Бодэн просто отшвырнул их в сторону, когда ставил палатки.

Фелисин села, прижавшись спиной к камню, и стала ждать, пока фигура Геборика наконец-то появится у дальнего края плоской равнины, которую они только что пересекли. Он никогда раньше не отставал настолько — равнина была не менее трети лиги в длину — и глядя, как рассветный румянец осветил горизонт, Фелисин начала размышлять, а не лежит ли где-то там его бездыханное тело.

Бодэн присел рядом.

— Я велел тебе нести рюкзак с едой, — сказал он, щурясь и глядя на восток.

Значит, не из сострадания к старику.

– Теперь тебе придётся просто пойти и найти его, не так ли?

Бодэн выпрямился. Мухи жужжали вокруг него в неподвижном стылом воздухе, а он очень долго глядел на восток.

Фелисин смотрела, как он идёт, легко дыша, срываясь на ровный бег, как только выбрался из камней. Впервые она по-настоящему испугалась Бодэна. Он запасал еду – он припрятал бурдюк с водой – иначе он не смог бы сохранить столько сил. Она с трудом поднялась на ноги и поплелась к другому рюкзаку.

Палатки были поставлены, спальные мешки – внутри. Заплечный мешок обмякшей грудой виднелся рядом. В нём оказался замотанный в тряпицу кошель, в котором Фелисин узнала аптечку, истёсанный кремьень и огниво, которых она не видела раньше – бодэновские личные – и, спрятанный под полкой, пришитой снизу к краю рюкзака, небольшой плоский свёрток из оленьей кожи.

Бурдюка с водой не было, не было и спрятанных съестных припасов. Безотчётно она вдруг стала ещё больше бояться этого человека.

Фелисин уселась на мягкий песок рядом с мешком. Через мгновение она протянула руку к кожаному свёртку, ослабила ремешки и развернула его, лишь для того, чтобы обнаружить внутри добротный набор воровских инструментов: набор отмычек, небольшие пилы и напильнички, комки воска, маленький мешочек с мукой хорошего помола, и два стилета без ножен; иглоподобные лезвия были окрашены в глубокий синий цвет и издавали горький, едкий запах, костяные рукояти были отполированы и зачернены, небольшие эфесы – разобраны в местах, где они скреплялись в крестообразную гарду, а полые и утяжелённые металлические яблоки закреплены на свинцовых сердцевинах. Метательное оружие. Оружие убийцы. Последний предмет в свёртке был прикреплен на кожаной петле: коготь какого-то большого кошачьего, гладкий, янтарного цвета. Она подумала, что на нём может быть невидимый слой яда. Этот предмет казался загадочным – и зловещим.

Фелисин упаковала свёрток и положила его обратно в мешок. Она услышала звук тяжёлых шагов, приближающихся с востока, и выпрямилась.

Бодэн возник меж известняковых выступов, рюкзак у него на плечах, Геборик – на руках. Головорез даже не запыхался.

– Ему нужна вода, – сказал Бодэн, заходя в лагерь и укладывая потерявшего сознание Геборика на мягкий песок. – В этом мешке, девочка, быстрее...

Фелисин не пошевелилась.

– Зачем? Нам она нужна больше, Бодэн.

Громила замер на один удар сердца, после чего снял с плеч мешок и притянул его к себе.

— Хотела бы ты, чтобы он сказал то же, если бы здесь лежала ты? Как только мы выберемся с острова, можем идти каждый своим путем. Но сейчас мы нужны друг другу, девочка.

— Он умирает. Признай это.

— Мы все умираем. — Он откупорил бурдюк и аккуратно вложил горлышко меж потрескавшихся губ Геборика. — Пей, старик. Глотай.

— Это свою пайку ты сейчас отдаешь ему, — сказала Фелисин, — не мою.

— Ну, — ответил он с холодной ухмылкой, — никому бы и в голову не пришло принять тебя за нечто, отличное от благородной дамы. Заметь, то, что на Черепке ты раздвигала ноги перед всеми подряд, достаточное тому доказательство, по-моему.

— Это позволило нам остаться в живых, ты, ублюдок.

— Имеешь в виду, позволило тебе остаться пухленькой и ленивой? Большая часть нашей с Гебориком еды появлялась благодаря услугам, которые я оказывал стражникам-досиям. Бенет давал нам помои, чтоб ты была с ним пайнкой. Знал, что мы тебе об этом не скажем. Он смеялся над твоим «благородным делом».

— Ты лжёшь.

— Да как скажешь, — ответил Бодэн, продолжая ухмыляться.

Геборик кашлянул, его глаза открылись. Он заморгал от утреннего света.

— Ты бы себя видел, — обратился к нему Бодэн. — С пяти футов ты — одна сплошная татуировка, тёмная, как дал-хонский колдун. А вблизи видно каждую чёрточку, каждый волосок щетины Вепря. Она покрыла и культю, не ту, что отекла, а другую. Вот, выпей ещё...

— Ублюдок! — взорвалась Фелисин. Она смотрела, как последние капли воды утекли в рот старику.

Он бросил Бенета умирать. А теперь пытается отравить и саму память о нём. Не получится. Я делала то, что делала, чтобы они оба выжили, и они меня ненавидят за это — оба. Вина разъедает их изнутри, вина за ту цену, что я платила. Именно это Бодэн сейчас пытается отрицать. Он затыкает собственную совесть, чтобы ничего не почувствовать, когда один из этих его ножей вонзится в меня. Просто ещё одна дохлая дочь знатного рода. Ещё одна леди Гейсен.

Фелисин громко заговорила, поймав взгляд Геборика:

— Мне снится река крови каждую ночь. Она несёт меня. И вы оба там, но лишь поначалу, а потом вы оба тонете в этой реке. Верьте во что хотите. Я переживу всё это. Я. Только я.

Когда она отвернулась и пошла к своей палатке, обоим мужчинам только и оставалось, что смотреть ей вслед.

Следующей ночью, за час до восхода луны, путники нашли водоём. Он обнаружился на дне большой каменной впадины, где его, похоже, питал какой-то невидимый источник. Поверхность словно подёрнул налёт сероватой пыли. Бодэн спустился к водоёму, но не спешил выдалбливать углубление и пить воду, которая в нём выступила бы. Вскоре Фелисин, у которой голова кружилась от слабости, сбросила с плеч мешок с едой и поплелась вниз, встала на колени рядом с Бодэном.

Серая поверхность слегка мерцала и состояла из утонувших накидочников: их крылья были раскинуты, накладывались друг на друга, покрывая всю поверхность. Фелисин потянулась, чтобы отодвинуть плавающий ковёр из накидочников, но рука Бодэна метнулась вперёд и сомкнулась на её запястье.

— Вода грязная, — сказал он. — В ней полно личинок накидочников, они кормятся телами родителей.

Худов дух, только не личинки.

— Протри воду через ткань, — ответила Фелисин.

Он покачал головой.

— Личинки испражняются ядом, наполняют им воду. Это устраняет всякую конкуренцию. Пройдут месяцы, прежде чем эту воду можно будет пить.

— Но она нужна нам, Бодэн.

— Она убьёт тебя.

Фелисин уставилась на серую жижу, отчаянное желание, мучительный огонь жёг её горло, её разум. Этого не может быть. Мы умрём без воды.

Бодэн отвернулся. Появился Геборик, пошатываясь, он плёлся по каменистому склону. Кожа старика была чернее ночи, но всё же поблёскивала серебром там, где прорехи в узоре кабаньей щетины отражали звёздный свет. Какая бы инфекция ни охватила культю его правой руки, теперь она начала отступать, оставляя по себе гноящуюся сеть трещинок на коже. От них исходил странный запах дроблёного камня.

Историк был похож на привидение, и, увидев это жуткое зрелище, которое словно вырвалось из ночного кошмара, Фелисин истерически расхохоталась.

— Помнишь площадь, Геборик? В Унте? Аколита Худа, жреца, покрытого мухами... ничего в нём не было, кроме мух. У него было послание для тебя. А сейчас что же я вижу? Ковыляет, пошатывается жрец — только покрыт не мухами, а татуировками. Разные боги, да послание всё то же, вот что я вижу. Дай Фэнеру говорить этими иссохшими устами, старик. Скажет твой бог то же, что и Худ? Правда, что мир — лишь совокупность уравновешенных существ, бесконечное шатание туда-сюда судеб и предназначений? Вепрь Лета, Клыкастый Сеятель Войны, что скажешь ты?

Старик уставился на неё. Его рот открылся, но не прозвучало ни слова.

— Что ты говоришь? — Фелисин приложила ладонь к уху. — Жужжание крыльев? Точно нет!

— Дура, — пробормотал Бодэн. — Давайте найдем место для лагеря. Не здесь.

— Дурная примета, убийца? Никогда бы не подумала, что они для тебя что-то значат.

— Побереги дыхание, девочка, — отрезал Бодэн, поворачиваясь к каменистому склону.

— Уже без разницы, — ответила она. — Не теперь. Мы всё ещё танцуем в уголке божьего глаза, но это лишь напоказ. Мы мертвецы, сколько бы ни трепыхались. Какой там в Семи Городах символ у Худа? Они его зовут Клобуком, верно? Говори уже, Бодэн, что выгравировано на храме Повелителя Смерти в Арэне?

— Сдаётся мне, ты и так знаешь, — сказал Бодэн.

— Накидочки, предвестники, пожиратели гниющей плоти. Для них это нектар разложения, роза, разбухшая под солнцем. Худ одарил нас обетованием в Унте, и вот сейчас этот обет исполнился.

Бодэн взобрался на край впадины, её слова летели ему вслед. Окрашенный оранжевыми лучами восходящего солнца, он обернулся. И посмотрел на неё сверху вниз.

— Вот тебе и река крови, — произнес он низким, насмешливым тоном.

У неё закружилась голова. Ноги подкосились, и Фелисин резко села, больно ударившись копчиком о жёсткие камни. Она обернулась и увидела Геборика, который свернулся калачиком на расстоянии вытянутой руки. Подошвы его мокасин протерлись насквозь, открыв истерзанную, покрытую волдырями плоть. Неужели он умер? Всё равно что умер.

— Сделай что-то, Бодэн.

Он ничего не ответил.

— Как далеко до побережья?

— Сомневаюсь, что это имеет значение, — ответил он спустя мгновение. — Лодка должна была дежурить три или четыре ночи, не дольше. Мы по меньшей мере в четырёх днях от побережья и слабеем с каждым часом.

— А следующий источник?

— Часов семь пешком. В нашем состоянии, скорее, четырнадцать.

— Сам-то ты ещё как бегал вчера ночью! — прошипела она. — Когда рванул за Гебориком. И на вид ты вовсе не такой иссушенный, как мы..

— Я пью свою мочу.

— Что?

Он заворчал.

— Ты слышала.

— Недостаточно хороший ответ, — решила она, подумав немного. — Только не говори, что ты ещё и собственное дерьмо ешь. Это не объяснение. Ты заключил договор с каким-то богом, Бодэн?

— По-твоему, сделать что-то такое — проще простого? Эгей, Королева грёз, спаси меня, и я буду служить тебе. Скажи, на сколько твоих молитв ответили? К тому же я ни во что, кроме себя самого, не верю.

— Так ты ещё не сдался?

Фелисин решила, что он не ответит, но по прошествии долгой минуты, за которую она уже успела погрузиться в себя, Бодэн привел её в чувство резким:

— Нет.

Он снял свой мешок, потом заскользил вниз по склону. Нечто в умелой экономности его движений наполнило Фелисин внезапным ужасом. Называет меня пухленькой, пялится на меня, как на кусок мяса, и совсем не так, как Бенет, больше похоже, будто разглядывает свою следующую пайку. Её сердце бешено колотилось, Фелисин боялась его первого шага, голодной вспышки в его крошечных, звериных глазках.

Но вместо того, чтобы нападать, Бодэн опустился на корточки рядом с Гебориком, перевернул потерявшего сознание старика на спину. Наклонился ближе. Прислушался к дыханию, откинулся назад, вздохнул.

— Умер? — спросила Фелисин. — Свежевать будешь ты. Я не стану есть татуированную кожу, насколько бы голодна ни была.

Бодэн на миг уставился на неё, но ничего не сказал и продолжил осматривать бывшего жреца.

— Скажи, что ты делаешь, — наконец не выдержала Фелисин.

— Он жив, и одно только это может спасти нас. — Бодэн помолчал. — Как низко ты падёшь, девочка, мне всё равно. Просто держи свои мысли при себе.

Она наблюдала, как Бодэн снимает с Геборика гниющую одежду, открывая невообразимые переливы татуировок под ней. Бодэн передвинулся, чтобы его тень была позади, и лишь после нагнулся, чтобы изучить тёмные узоры на груди бывшего жреца. Он явно что-то искал.

— Ощетинившийся загривок, — вяло сказала она, — кончики опущены вниз и почти соприкасаются, почти круг. Он окружает пару клыков.

Он внимательно посмотрел на неё, глаза сузились.

— Знак самого Фэнера, священный, — сказала она. — Его ты ищешь, не так ли? Его изгнали из храма, но Фэнер остается в нём. Это очевидно. Стоит только взглянуть на эти ожившие татуировки.

— А знак? — холодно спросил он. — Как тебе стали известны такие вещи?

— Я ведь врала Бенету, — объяснила Фелисин, пока Бодэн продолжал осматривать густо расписанную плоть бывшего жреца. — Было нужно, чтобы Геборик подтвердил мою ложь. Мне нужны были подробные сведения о культуре. Он мне рассказал. Ты хочешь призвать бога.

— Нашёл, — сказал он.

— И что теперь? Как ты достучишься до бога другого человека, Бодэн? В этом знаке нет замочной скважины, нет священного замка, который ты мог бы вскрыть.

Бодэн вскинулся, его глаза засверкали, когда он начал буравить её взглядом.

Фелисин не моргнула, не выдала ничего.

— Как, по-твоему, он потерял руки? — спросила Фелисин невинным тоном.

— Он был когда-то вором.

— Был. Но руки отрубили в храме. Ключ был, видишь ли. Путь Высшего жреца к своему богу. Татуировка на ладони правой руки. Её прижимают к священному знаку — рука к груди, в общем-то — просто, как приветствие. Я много дней провалялась после того, как Бенет меня избил, а Геборик рассказывал. Так много всего — я должна была бы забыть всё это, знаешь ли. Я пила дурханговый чай галлонами, но этот настой просто растворил поверхность, тот фильтр, который говорит, что важно, а что нет. Его слова вливались в меня беспрепятственно и оставались внутри. У тебя ничего не выйдет, Бодэн.

Он поднял правое предплечье Геборика, внимательно осмотрел блестящую, покрасневшую в нарастающем свете дня культу.

— Пути назад нет, — сказала она. — Жречество позаботилось об этом. Он не тот, кем был, и всё тут.

С тихой злобой Бодэн развернул предплечье, чтобы прижать культу к священному знаку.

Воздух взвыл. Звук сшиб их, отбросил вниз, заставил инстинктивно царапать камень — прочь... прочь от этой боли. Прочь! Вопль был исполнен агонии, она нахлынула на них огнём, небо почернело; словно волосы, заструились трещины по камням, ширясь из-под неподвижного тела Геборика.

Фелисин силилась отползти прочь, вверх по трясущемуся склону, у неё из ушей шла кровь. Трещины — татуировки Геборика расцвели на теле, перескочили неизмеримое расстояние от кожи к камню — пронеслись под ней, превращая камень под ладонями в нечто гладкое и маслянистое.

Всё затряслось. Даже небо, казалось, извивается, обрушивается само в себя, как будто сонм невидимых рук протянулся сквозь незримые порталы, ухватив саму ткань мира в порыве холодной, разрушительной ярости.

Вопль был нескончаемым. Ярость и невыносимая боль схлестнулись, будто нити в натягивающейся верёвке. Затянулись петлёй на её горле, звук перекрыл окружающий мир, его воздух, его свет.

Нечто ударилось оземь, почва содрогнулась, Фелисин подбросило вверх. Она упала, сильно стукнувшись локтем. Кости руки завибрировали, как клинок. Свет солнца померк, Фелисин силилась вдохнуть. Её расширившиеся от страха глаза уловили движение чего-то за впадиной, тяжело встающего над равниной, в обрамлении густой тучи пыли. Двупалое, обрамленное щетиной копыто, слишком огромное, чтобы в него поверить, вздымалось, уходило в полуночную тьму.

Татуировка перетекла с камня в сам воздух, чернильно-синяя паутина разрасталась сумасшедшими, дёргаными узлами, прыснула во всех направлениях.

Фелисин не могла дышать. Её легкие горели. Она умирала, её втянула безвоздушная пустота, что была воплем божества.

Внезапная тишина, только эхо ещё звенит в ушах. Воздух влился в лёгкие, холодный и горький, но ничего слаще Фелисин не знала в жизни. Кашляя, сплёвывая желчь, она встала на четвереньки, подняла трясущуюся голову.

Копыто исчезло. Татуировка висела, как мираж через всё небо, медленно выцветая. Движение привлекло её взгляд вниз, к Бодэну. Тот стоял на коленях, закрывая уши руками. Сейчас он медленно поднимался, кровавые слезы наполняли морщинки на его лице.

Шатаясь, Фелисин встала на ноги, земля казалась удивительно тягучей. Она тупо моргала, глядя вниз на мозаику известняка. Волнистые узоры меха татуировки всё ещё дрожали, вырываясь из-под её мокасин, когда Фелисин пыталась удержать равновесие. Трещины, татуировки... они спускаются вниз, и вниз, и вниз. Как будто я стою на гвоздях в лигу длиной, и каждый гвоздь не падает только потому, что его окружают другие. Ты пришёл из Бездны, Фэнер? Сказано, что твой священный Путь граничит с самим Хаосом. Фэнер? Ты всё ещё среди нас сейчас? Она повернулась, чтобы встретиться взглядом с Бодэном. Его глаза помутнели от потрясения, но Фелисин могла различить первые проблески страха, рвущегося наружу.

— Мы хотели божественного внимания, — сказала она. — Но не самого бога. — Дрожь охватила её. Она обхватила себя руками, заставляя следующие слова выйти наружу: — И он не желал приходить!

Его слабость была минутной, Бодэн вздрогнул, будто пожал плечами.

— Так он и ушёл, верно?

— Ты в этом уверен?

Вместо ответа он отрицательно помотал головой, посмотрел на Геборика. После короткого осмотра сказал:

— Дыхание выровнялось. Он не выглядит таким сморщенным и изможденным. Что-то произошло с ним.

Фелисин хмыкнула.

— Такова награда за то, что на волосок разминулся с божьим копытом.

Бодэн хмыкнул, его внимание вдруг приковало что-то другое.

Фелисин проследила за его взглядом. Вода исчезла, впиталась в почву, оставив после себя лишь ковёр из трупов накидочников. Фелисин хрипло хохотнула.

— Вот так спасение нам принесли.

Геборик медленно свернулся в калачик.

— Он здесь, — прошептал старик.

— Мы знаем, — ответил Бодэн.

— В мире смертных... — продолжил бывший жрец после паузы, — он уязвим.

— Ты смотришь на это не с той стороны, — сказала Фелисин. — Бог, которому ты больше не поклоняешься, отобрал твои руки. И вот теперь ты вытащил его сюда. Не связывайся со смертными.

То ли её холодный тон, то ли жестокие слова каким-то образом придали Геборику сил. Он развернулся, поднял голову, потом сел. Нашёл взглядом Фелисин.

— Устами младенца, — сказал он с улыбкой, не имеющей ничего общего с юмором.

— Значит, он здесь, — пробормотал Бодэн, оглядываясь. — Но как бог может спрятаться?

Геборик поднялся на ноги.

— Я бы отдал остаток руки, чтобы только взглянуть сейчас на расклад Колоды. Представляю, какая буря поднялась среди Взошедших. Это вам не обсиженное мухами явление, не подёргивание ниточек власти. — Он поднял руки, нахмурился, глядя на культи. — Годы прошли, но вот — призраки вернулись.

Даже просто смотреть, как смутился Бодэн, было довольно тяжело.

— Призраки?

— Руки, которых здесь нет, — объяснил Геборик. — Отголоски. Этого достаточно, чтобы свести человека с ума. — Он встряхнулся, прищурился, глядя на восток. — Я чувствую себя лучше.

— Похоже на то, — сказал Бодэн.

Жара нарастала. Через час она станет нестерпимой.

Фелисин нахмурилась.

— Исцелён богом, которого отверг. Не важно. Если сегодня останемся в палатках, будем слишком слабы, чтобы предпринять хоть что-то на закате. Мы должны идти сейчас. К следующему источнику воды. Если не пойдём, погибнем.

Но я переживу тебя, Бодэн. Ровно настолько, чтобы всадить в тебя нож.

Бодэн взвалил на плечи мешок. Сияя лучезарной улыбкой, Геборик вдел культи в лямки мешка, который несла Фелисин. Встал легко, хотя и пошатнулся, чтобы удержать равновесие, когда выпрямлялся.

Бодэн показывал дорогу. Фелисин шла за ним. Бог шагает по миру смертных, но шагает в страхе. Его власть невообразима, но он вынужден прятаться. И каким-то образом Геборик нашёл в себе силы противостоять случившемуся. И тому факту, что он за случившееся в ответе. Это должно было сломать его, сломать его душу. Но он не ломается, а гнётся. Сможет ли стена цинизма противостоять этому натиску долго? Что же такое он натворил, чтобы лишиться рук?

Ей нужно было справиться со смятением. Мысли ворочались в её сознании, в каждом закутке. Она всё ещё предвкушала убийство, и всё же испытывала смутный порыв, некую общность со своими спутниками. Ей хотелось сбежать от них, Фелисин чувствовала, что их присутствие — воронка, засасывающая её в водоворот безумия и смерти, но она знала, что зависит от них.

Позади заговорил Геборик:

— Мы доберёмся до побережья. Я слышу запах воды. Близко. К побережью, а когда мы доберемся туда, Фелисин, ты обнаружишь, что ничего не изменилось. Совершенно ничего. Понимаешь, что я имею в виду?

Она ощущала в его словах тысячи смыслов, но ни один не был понятен ей.

Впереди раздался удивленный возглас Бодэна.

Мысли Маппо Трелля унеслись почти на восемь сотен лиг на запад, к закату, не похожему на этот, к закату, что случился двести лет назад. Он видел себя идущим по равнине, где трава была по грудь, но трава эта оказалась примята к земле, покрыта чем-то, похожим на жир, и когда он шёл, сама

земля под кожаными сапогами двигалась и ускользала. Он прожил уже столетия, повенчаный с войной, что превратилась в неизменную круговерть набегов, схваток и кровавых жертвоприношений божеству чести. Игры кношей, он давно устал от них. Тем не менее Маппо остался, пригвождённый к одинокому дереву, но только лишь потому, что привык к окружающему пейзажу. Поразительно, чего только не вытерпишь, оказавшись в объятиях привычки. Он достиг той стадии, когда всё странное, незнакомое вызывало страх. Но, в отличие от своих братьев и сестёр, Маппо не мог плыть на гребне этого страха всю свою жизнь. И потому, чтобы оторвать его от дерева, понадобился ужас, к которому он приближался сейчас.

Молодым он покинул торговый город, бывший его домом. Маппо увяз — как тогда многие в его возрасте — в лихорадочных метаниях, отрицании гнилого застоя трелльских городов и старых воинов, что превратились в торговцев бхедеринами, козами да овцами и вспоминали о путях сражений лишь в бесчисленных тавернах. Он принял старый кочевой образ жизни, добровольно стерпел посвящение в один из глухих, дальних кланов, который сохранил традиционный уклад.

Цепи его убеждений держались сотни лет и были разрублены однажды таким способом, которого Маппо не мог предвидеть.

Его воспоминания оставались чёткими, и мысленно он снова шёл по равнине. Показались развалины торгового города, в котором он родился. Минул месяц со времени его разрушения. Тела пятнадцати тысяч убитых — те, что не сгорели в яростном пламени, — давно были изглоданы до костей равнинными падальщиками. Маппо возвращался домой, к голым костям, обрывкам одежды и потрескавшимся от жара кирпичам.

Древняя поплечница приютившего его клана провидела произошедшее по жёным плоским костям, как и предсказали несколько месяцев ранее Безымянные. И хотя городские трелли стали им чужими, всё же они были родней.

Однако задача не имела ничего общего с мстью. Это заставило замолчать многих товарищей, которые, как и Маппо, родились в уничтоженном городе. Нет, все помыслы о мести должны быть отринуты тем, кого изберут для этого задания. Такими были слова Безымянных, предвидевших сей миг.

Маппо до сих пор не понимал, почему избрали его. Он считал, что ничем не отличается от своих братьев-воинов. Мсть питала его. Больше, чем мясо и вода, она была причиной, по которой он ел и пил. Ритуал, которому надлежит очистить его, уничтожит всё, чем он был. Ты станешь шкурой, не тронутой рисунком, Маппо. Будущее преподнесёт собственные письма, перепишет и создаст твою историю заново. То, что было сделано с городом наших родичей, не должно повториться. Ты позаботишься об этом. Понимаешь?

Выражения отчаянной необходимости. И всё же, если бы не ужасающее разрушение города, в котором он родился, Маппо отринул бы их. Он прошёл по заросшей главной улице, укрытой буйным ковром корней и сорняков, увидел блеск выбеленных солнцем костей у своих ног.

Возле рыночной площади он нашёл Безымянную, которая ждала, стоя посреди прогалины. Ветер прерий трепал блёкло-серые одеяния, капюшон был отброшен назад, чтобы открыть худое женское лицо. Взгляд выцветших глаз встретился

с его взглядом, когда Маппо подошёл ближе. Посох в её руке словно извивался под пальцами.

— Мы прозреваем не на года, — прошипела она.

— Но на столетия, — отозвался Маппо.

— Хорошо. Теперь, воин, ты должен научиться поступать так же. Так прикажут твои старейшины.

Трелль медленно огляделся, щурясь на руины.

— Больше похоже на последствия набега — говорят, есть такая армия к югу от Нэмила...

Маппо удивился нескрываемому презрению, скользнувшему в её снисходительной усмешке.

— В один прекрасный день он вернётся к своему дому, как вернулся ты сейчас. До тех пор ты должен...

— Проклятье! Да почему я?!

Ответом стало лёгкое пожатие плечами.

— А если я воспротивлюсь?

— Даже это, воин, потребует от тебя терпения. — Затем она воздела посох кверху, этот жест привлек его взгляд. Извивающееся, податливое дерево, казалось, жадно устремилось к треллю, прорастая, наполняя его мир, пока Маппо не затерялся в его истерзанном лабиринте.

— Удивительно, как земля, по которой никогда не ступал, может выглядеть столь знакомой.

Маппо моргнул, воспоминания рассеялись от звука этого знакомого, мягкого голоса. Он поднял взгляд на Икария.

— Ещё более удивительно, как далеко и быстро может странствовать мысленный взор, и всё же — возвращаться в одно мгновение.

Ягг улыбнулся.

— С таким взором можно оглядеть целый мир.

— С таким взором можно из него сбежать. — Икарий прищурился, теперь он разглядывал каменистый простор пустыни внизу. Они взобрались на тель, [7] чтобы лучше разглядеть дорогу. — Твои воспоминания меня завораживают, ибо своих у меня почти нет, и к тому же ты столь неохотно ими делишься.

— Я вспоминал свой клан, — сказал Маппо, пожимая плечами. — Поразительно, по каким обыденным вещам может скучать человек. Пора приплота стад, как мы отсеивали слабых, в безмолвном согласии со степными волками... — Он улыбнулся. — Слава, которую я обрёл, когда пробрался в лагерь врагов и

сломал острия ножей всем воинам, а потом выбрался оттуда, никого не разбудив... — Маппо вздохнул. — Я носил эти острия в мешочке, привязанном к боевому поясу, много лет.

— И что стало с ними?

— Их украла более хитрая воительница. — Улыбка Маппо стала шире. — Представь её славу!

— Больше она ничего не украла?

— О, оставь мне хоть немного тайн, друг мой. — Трелль встал, стряхнул песок и пыль с кожаных штанов. — Как бы то ни было, — сказал он после недолгого раздумья, — песчаная буря выросла на треть с тех пор, как мы остановились.

Уперев руки в бёдра, Икарий вглядывался в тёмную стену, разделившую равнину.

— Мне кажется, она приблизилась, — заметил он. — Рождена магией, возможно, самым дыханием богини, и сила этой бури станет расти. Я чувствую, как она тянется к нам.

— Угу, — кивнул Маппо, подавляя дрожь. — Удивительно, учитывая, что Ша'ик и вправду мертва.

— Её смерть, возможно, необходима, — сказал Икарий. — В конце концов, разве сумеет смертная плоть повелевать такой силой? Может ли живая плоть остаться живой, будучи вратами между Дриджной и этим миром?

— Думаешь, она стала Взшедшей? И таким образом отринула плоть и кости?

— Не исключено.

Маппо притих. Вероятности умножались всякий раз, когда они обсуждали Ша'ик, Вихрь и пророчества. Они вдвоём с Икарием сеяли собственные заблуждения. И кому бы это могло быть на руку? Ухмыляющееся лицо Искарала Прыща возникло перед его мысленным взором. Маппо с шипением выпустил воздух сквозь стиснутые зубы.

— Нами манипулируют, — проворчал он. — Я чувствую. Нюхом чую.

— Я заметил, что у тебя шерсть дыбом встала, — хмуро улыбнулся Икарий. — Что до меня, я стал глух к подобным чувствам — всю жизнь ощущаю, будто мною манипулируют.

Трелль встряхнулся, пытаясь скрыть дрожь.

— И кто же, — вкрадчиво спросил он, — мог бы это делать?

Ягг пожал плечами, посмотрел на Маппо, приподняв бровь.

— Я давным-давно перестал задавать эти вопросы, друг. Будем есть? Урок, который стоит в данном случае заучить, состоит в том, что баранья похлебка на вкус превосходит сладкое любопытство.

Маппо внимательно смотрел в спину Икарию, пока воин спускался к лагерю. А как насчёт сладкой мести, друг?

Они ехали по древней дороге, подгоняемые дикими завываниями насыщенного песком ветра. Даже гральский мерин спотыкался от усталости, но у Скрипача не было выбора. Он понятия не имел, что происходит.

Где-то справа в непроницаемых волнах песка кипела битва. Она была совсем близко, её звуки были близко, но путники не видели и тени бойцов, и Скрипач не собирался ехать искать их. От страха и изнеможения он пришел к горячечному, исполненному паники убеждению, что лишь оставаясь на дороге, они смогут выжить. Если покинут её, их разорвёт на части.

В звуках битвы не было ни звона стали, ни предсмертных криков людей. Это были звериные звуки: рёв, клцанье зубов, рык, заупокойные песни ужаса и боли, звуки дикой ярости. Ничего человеческого. В невидимой битве могли участвовать волки, но другие, совершенно иные глотки оповещали о своей бешеной ярости. Носовой рёв медведей, шипение больших кошек, и иные звуки: змеиные, птичьи, обезьяньи. Демонические. Нельзя забывать этот демонический лай — сами Худовы кошмары не могут быть хуже.

Он ехал без поводьев. Двумя руками сжимал изъеденное песком ложе своего арбалета. Арбалет был взведён, стрела-«огневик» установлена на место с тех пор, как всё началось, десять часов назад. Сплетённая из жил тетива уже ослабла, это наверняка. О том же говорили и разошедшиеся в стороны плечи арбалета. Стрела не полетит далеко, и удар будет смягчён. Но «огневику» не нужны ни точность, ни дальность. Осознание того, что урони Скрипач оружие, и бушующее пламя тут же поглотит их с конём, возвращалось к сапёру всякий раз, когда оружие слегка скользило в его ноющих от боли, мокрых от пота руках.

Долго он не продержится. Один-единственный взгляд через плечо — Апсалар и Крокус всё ещё с ним, лошадей уже не спасти, будут теперь бежать, пока жизнь не покинет тело. Осталось недолго.

Гральский мерин заржал и подался вбок. Горячая жидкость хлынула на Скрипача. Моргая и ругаясь, он утёр глаза. Кровь. Фэнер её роди, Худом раздери, горячая кровь. Она хлестнула потоком из непроницаемой стены песка и ветра. Что-то подобралось близко. Что-то другое остановило его, чтоб не подобралось ещё ближе. Благословенная Королева, что, во имя Бездны, происходит?

Крокус закричал. Скрипач оглянулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как юноша спрыгивает с падающей лошади. Передние ноги животного подкосились, лошадь ударилась мордой о камни дороги, оставляя на них след из крови и пены. Она резко дёрнула головой в последней попытке подняться, потом перевернулась, конвульсивно молотя ногами воздух, но через мгновение обмякла и застыла.

Сапёр с трудом снял руку с арбалета, подобрал поводья и остановил мерина. Развернул спотыкающееся животное.

— Бросай палатки! — прокричал он Крокусу, который только-только поднялся на ноги. — Это самая свежая из запасных лошадей. Быстрой, чтоб тебя!

К Скрипачу подъехала сторбившаяся в седле Апсалар.

— Бесплезно, — проговорила она потрескавшимися губами. — Мы должны остановиться.

Сердито ворча, Скрипач вглядывался в колючую стену песка. Битва приближалась. Кто бы ни сдерживал её, сейчас он сдавал позиции. Сапёр увидел неясно вырисовавшуюся массивную фигуру, которая так же быстро исчезла из виду. Казалось, на её плечах висели леопарды. С одной стороны возникли четыре приземистые фигуры, чёрные, низко припавшие к земле, они приближались в полном молчании.

Скрипач развернул арбалет и выстрелил. Болт ударился оземь в полудюжине шагов от четырех тварей. Волны пламени окутали их. Существа завопили.

Не теряя времени на то, чтобы оглянуться, он наугад вытащил следующий «огневик» из тяжелого чехла, прикрепленного к седлу. Вначале у него была всего дюжина стрел с морантской взрывчаткой. Сейчас осталось девять, из них — всего одна «ругань». Он покосился вниз, заряжая арбалет — еще один «огневик», затем продолжил внимательно наблюдать за стеной летящего песка, позволяя рукам работать по памяти.

Возникали силуэты, мелькая, словно зернистые призраки. Дюжина крылатых рептилий размером с собаку появилась на высоте двадцати футов, поднимаясь с потоком воздуха. Эсантан'эли, Худов дух, это же д'иверсы и одиночники! Громадная, похожая на плащ, фигура пронеслась над эсантан'элями, поглотив их.

Крокус с остервенением рылся в своём мешке в поисках короткого меча, который купил в Эрлитане. Апсалар сидела на корточках рядом с ним, наблюдая за дорогой, в её руках тускло блестели кинжалы.

Скрипач уже было закричал, что враг справа от неё, но увидел то, на что смотрела девушка. Гральские охотники, плечом к плечу, гнали лошадей во весь опор, менее чем в дюжине конских шагов от беглецов. Копья преследователей опустились.

Слишком близко для безопасного выстрела. Сапёру ничего не оставалось, как только смотреть на приближавшихся воинов. Время, казалось, замедлилось, а Скрипач глядел, не в силах вмешаться. Громадный медведь выпрыгнул из-за края дороги, столкнувшись с гральским всадником слева. Одиночник был размером с лошадь, которую повалил. Его челюсти сомкнулись на талии воина, между ребрами и бедрами, клыки впились в тело, почти выступая с другой стороны. Челюсти сомкнулись без видимого усилия. Желчь и кровь брызнули изо рта воина.

Апсалар прыгнула к двум оставшимся гралам, проскочила под наконечниками копий, оба кинжала метнулись вверх, как только девушка оказалась между конями преследователей. У гралов не было времени парировать удары. Словно отражаясь в зеркале, клинки взмыли вверх и скрылись в телах: левый достиг сердца, а правый пронзил лёгкое.

Потом девушка оказалась уже позади них, оставив оба клинка в ранах. Нырнула, перекадилась, чтобы избежать удара копья четвёртого всадника, которого Скрипач не заметил прежде. Одним плавным движением Апсалар снова оказалась на ногах, прыгнула с невероятной силой и вдруг оказалась сидящей позади грала. Её правая рука сомкнулась на его горле, левой она обхватила его за голову, два пальца глубоко вошли в глазницы, а потом резко дёрнула вверх. Как раз вовремя, чтобы внезапно возникший в её правой руке маленький нож скользнул по незащищённому горлу воина.

Заворожённое внимание Скрипача отвлекло что-то огромное и чешуйчатое, оно хлестнуло сапёра по лицу, вышибло его из седла и выбило арбалет из рук. Вспышка боли пронзила Скрипача, когда он ударился о мостовую. Ребра хрустнули, обломки костей царапались и тёрлись друг о друга, когда он перекадился на живот. Все мысли о том, чтобы встать, отпали, когда жестокая схватка развернулась прямо над ним. Обхватив руками голову, Скрипач плотно свернулся, страстно желая стать меньше. Костяные копыта топтали его, когтистые лапы оставляли отметины на кольчужной броне, терзали его бедра. Внезапный удар размозжил левую лодыжку, а затем создание развернулось на её останках и исчезло.

Сапёр слышал, как захрипел его конь – не от боли, но в приступе ужаса и ярости. Звук копыт мерина, бьющих во что-то твёрдое, вызвал краткую вспышку удовлетворения в затуманенной болью голове Скрипача.

Громадное тело рухнуло на землю рядом с сапёром, перекадилось, прижавшись к нему чешуйчатым боком. Он почувствовал конвульсии мышц, они откликнулись дрожью в его собственном избитом теле.

Звуки битвы стихли. Остались только вой ветра да шорох песка. Скрипач попробовал сесть, но обнаружил, что едва может поднять голову. Перед ним раскинулась сцена бойни. На расстоянии вытянутой руки стояли четыре дрожащих ноги мерина. С одной стороны валялся арбалет без «огневика»; должно быть, оружие выстрелило, ударившись оземь, и направило смертоносный заряд в глубину бури. Прямо впереди лежал грал с пробитым лёгким и кашлял кровью. Над ним стояла задумчивая Апсалар, свободно держа горлорез в руке. В дюжине шагов за ней возвышалась коричневая спина медведя-одиночника. Спина подрагивала, когда зверь отрывал куски мяса от поваленной лошади. Показался Крокус: он нашёл свой короткий меч, который ещё только предстояло вынуть из ножен. Скрипач ощутил, как волна сочувствия охватывает его при взгляде на лицо парня.

Сапёр протянул руку за спину, застонав от усилия. Его рука коснулась чешуйчатой шкуры. Конвульсии прекратились.

Медведь зарычал, встрепенулся. Скрипач извернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как зверь умчался прочь. О, Худ, если он решил сбежать...

Дрожь ног мерина усилилась, Скрипачу казалось, что они стали почти размытыми, но конь не сбежал, прошёл вперёд, чтобы оказаться между сапёром и приближавшейся угрозой. От такого проявления преданности сердце Скрипача сжалось.

— Проклятье, конь, — прохрипел он. — Иди отсюда!

Апсалар отступала к нему. Крокус стоял неподвижно, забытый меч выпал у него из рук.

Сапёр наконец-то увидел новоприбывшего. Новоприбывших. Бурлящим, бугрящимся чёрным ковром на дорогу хлынула волна д'иверсов. Крысы, сотни крыс. Но всё же один. Сотни? Тысячи. Ох, Худ, я же его знаю!

— Апсалар!

Девушка посмотрела на него безо всякого выражения.

— В моей седельной сумке, — сказал сапёр. — «Ругань»...

— Этого недостаточно, — холодно ответила она. — Да и поздно уже.

— Не для них. Для нас.

В ответ она медленно моргнула, потом подошла к мерину.

Голос незнакомца раздался в вое ветра:

— Гриллен!

Да, это имя д'иверса. Гриллен, а еще его называют Волной Безумия. Сбежал из пылающего Й'гхатана. О да, всё возвращается, чтоб его!

— Гриллен! — снова прогремел голос. — Покинь это место, д'иверс!

Перед ним появились укутанные в шкуры ноги. Скрипач посмотрел вверх и увидел необычайно высокого человека, сутулого, в выцветшей таннойской телобе. Его кожа была серо-зелёного оттенка, в длиннопалой руке он сжимал натянутый лук, увитая рунами стрела лежала на тетиве. На длинных седых волосах были заметны следы чёрной краски, так что вся грива казалась теперь пятнистой. Сапёр заметил зазубренные кончики клыков, выступавшие из-под тонкой нижней губы. Ягг. Не знал, что они заходят так далеко на восток. И почему, во имя Худа, это должно что-то значить, не знаю.

Ягг подошёл ещё на шаг к копошавшейся крысиной массе, которая сейчас покрывала останки убитых медведем лошади и всадника, и положил руку на плечо мерина. Тот прекратил дрожать. Апсалар шагнула назад, с опаской изучая незнакомца.

Скрипач не верил своим глазам: Гриллен колебался. Он снова взглянул на ягга. Ещё одна фигура возникла рядом с высоким лучником. Этот был низкорослый и коренастый, как осадная машина, его кожа имела глубокий, тёплый коричневый оттенок, в чёрные волосы было вплетено множество фетишей. Клыки у него были даже больше, чем у спутника, и казались

значительно острее. Трелль. Ягг и трелль. Это всё наверняка очень важно, я бы даже разобрался, если б смог одолеть боль и подумать.

— Твоя жертва бежала, — сказал ягг Гриллену. — Эти люди не идут по Тропе Ладоней. Более того, сейчас они под моей защитой.

Шипение и писк крыс слились в оглушительный рёв, а затем грызуны вдруг устремились к ним по дороге. Пепельно-серые глаза блеснули в мареве бури.

— Не стоит, — медленно проговорил ягг, — испытывать моё терпение.

Тысячи тел вздрогнули. Волна засаленного меха отхлынула. Мгновением позже крысы исчезли.

Трелль присел на корточки рядом со Скрипачом.

— Жить будешь, солдат?

— Да уж придётся, — ответил сапёр, — хотя бы только для того, чтобы разобраться, что тут сейчас произошло. Я ведь должен понять, кто вы оба такие, верно?

Трелль пожал плечами.

— Встать можешь?

— Сейчас поглядим.

Скрипач подтянул под себя руку, приподнялся на джойм и провалился в беспамятство.

Глава восьмая

Говорят, в ночь Возвращения Келланведа и Танцора город Малаз стал ареной жутких испытаний и чародейства. Несложно также укрепиться во мнении, что сами убийства были делом грязным и запутанным, а ответ на вопрос об успехе или неудаче самым существенным образом зависит от точки зрения...

Геборик. Заговоры в Империи

Колтейн удивил всех. Оставив пехотинцев Седьмой охранять забор воды из источника Дридж, сам он повёл виканцев в Одан. Через два часа после заката титтанские воины, которые вели лошадей в поводу, чтобы дать животным роздых, вдруг обнаружили, что на них, охватив полукругом, несутся вооружённые всадники. Мало кто из титтанов успел сесть в седло,

не говоря уж о том, чтобы развернуть боевое построение. И хотя местные превосходили виканцев числом семь к одному, они дрогнули, побежали и заплатили сотнями жизней за каждого павшего воина Колтейна. Спустя два часа бойня была окончена.

Дукер ехал по южной дороге к оазису и видел огни догоравших повозок титтанов далеко справа. Отнюдь не сразу он понял, что именно видит. О том, чтобы поскакать к зареву, не могло быть и речи. Виканцы отправились на смертный бой, они убили бы его, не задумываясь. Поэтому историк пустил лошадь лёгким галопом на северо-запад и скакал до тех пор, пока не встретил первого из бегущих титтанов, от которого и узнал все подробности.

Виканцы – сущие демоны. Они дышат огнём. Их стрелы заколдованные – одна в воздухе сразу превращается в сотню. Кони у них дерутся с невероятным коварством и неживотным умом. Кто-то призвал Взшедшего мезлана и послал против Семи Городов, где он теперь схлестнулся с богиней Вихря. Виканцы бессмертны, их невозможно убить. Солнце погасло, рассвета больше не будет.

Дукер предоставил титтана судьбе и вернулся на дорогу, чтобы продолжить путь к оазису. Он потерял два часа, зато сумел выловить среди перепуганных причитаний дезертира бесценные сведения.

Покачиваясь в седле, историк подумал, что это отнюдь не предсмертные конвульсии смертельно раненного зверя. Колтейн явно видел ситуацию совсем иначе. И вероятно – с самого начала. Кулак проводил военную кампанию. Для него это война, а не паническое бегство. Вождям Апокалипсиса стоило бы поскорей изменить ход своих мыслей, чтобы оставалась хоть какая-то надежда вырвать клыки у этого змея. Более того, им нужно в зародыше подавить слухи о том, что виканцы – не совсем люди, а то и вовсе не люди, но это сказать куда проще, чем сделать.

У Камиста Релоя сохранялось численное преимущество, но начинало сказываться качество войск – виканцы Колтейна сохраняли железную дисциплину даже в пылу битвы, а Седьмая – опытная армия, которую новый Кулак тщательно готовил именно к такому типу войны. Вероятнее всего, малазанцев всё-таки рано или поздно уничтожат – если в других местах дела обстоят так же плачевно, у оторванной от всех армии, отягчённой тысячами беженцев, надежды мало. Такими маленькими победами не выиграть войну – Релой может призвать в своё войско сотни тысяч новых рекрутов, если только Ша'ик осознает угрозу, которую представляет Колтейн, и пошлёт за ним свои силы.

Когда Дукер увидел небольшой оазис вокруг Ручья Дридж, он был потрясён: почти все пальмы были срублены. Стволы исчезли, остались только пеньки и молодые растения. В воздухе клубился дым, призрачный на фоне бледнеющего неба. Дукер встал в стремях, высматривая костры, частоколы, шатры лагеря. Ничего... может, на другой стороне?..

Чем дальше историк въезжал в оазис, тем гуще становился дым. Лошадь осторожно выбирала дорогу среди изрубленных пней. Знаки были повсюду – сперва рвы, вырытые в песке под частоколами, затем глубокие колеи там,

где фургоны выстроили в оборонительную линию. В очагах остался только дымящийся пепел.

Дукер был ошеломлён и вдруг почувствовал невыносимую усталость. Он позволил лошади вольно бродить по оставленному лагерю. Глубокая воронка за ним оказалась источником — его вычерпали почти досуха, и озерцо только-только начинало наполняться: маленькая буроватая лужа, окружённая грязными обрывками пальмовой коры и гниющими листьями. Даже рыбу всю забрали.

Когда виканцы истребляли титтанов, солдаты Седьмой и беженцы уже покинули оазис. Историк пытался осознать этот факт. Он воображал себе сцену: беженцы с покрасневшими глазами, детишки, набившиеся в фургоны, больные взгляды старых солдат, прикрывавших отступление. Колтейн не давал им отдыха, времени, чтобы справиться с потрясением, примириться с тем, что произошло, что сейчас происходило. Они пришли, забрали из оазиса всю воду и вообще всё, что может пригодиться, и тут же ушли.

Куда?

Дукер поехал вперёд. Вскоре он оказался на юго-западном краю оазиса, вглядываясь в широкий след, оставленный фургонами, конями и скотом. Вдалеке на юго-востоке вздымались выветренные вершины Ладорских холмов. На западе раскинулись Титтанские степи. Там нет ничего до самой реки Секалы, а до неё слишком далеко, чтобы Колтейн даже задумался об этом. Если они двинулись на северо-запад, значит, к деревне Манот, а затем в Карон-Тепаси на берегу моря Карас. Но это почти так же далеко, как до Секалы. След вёл строго на запад, в степи. Худов дух, там же ничего нет!

Похоже, пытаться предугадать действия Кулака-виканца просто бессмысленно. Историк развернул лошадь, двинулся обратно к источнику и там неуклюже спешился, морщась от ноющей боли в бёдрах и пояснице. Ехать дальше он бы не смог, как, впрочем, и его лошадь. Обоим был нужен отдых — и мутная вода на дне воронки.

Дукер снял с седла спальный мешок и бросил на усыпанный пальмовыми листьями песок. Отстегнув подпругу, стащил с мокрой от пота спины лошади резное седло. Взявшись за узду, историк повёл животное к воде.

Источник заложили камнями, поэтому он так медленно наполнялся. Дукер снял шарф и по ткани набрал воды в свой шлем. Сначала он напоил лошадь, затем снова взялся за самодельный фильтр, чтобы утолить жажду и наполнить флягу.

Дукер накормил кобылу зерном из подсумка, затем хорошенько вытер её, прежде чем взяться за обустройство собственного лагеря. Он уже сомневался, что сумеет догнать Колтейна с армией. Может, он давно уже гонится за призраками посреди ожившего ночного кошмара? Может, они и вправду демоны. Усталость явно брала своё.

Дукер развернул одеяло, затем натянул над ним самодельный тент из телабы. Без защиты пальм солнце выжжет оазис — годы уйдут на восстановление, если он вообще снова оживёт. Прежде чем сон сморил его, историк долго думал о грядущей войне. Города значат меньше, чем источники воды. Армии станут

захватывать оазисы, и те окажутся так же важны, как острова в широком море. У врагов Колтейна всегда будет преимущество – все его возможные пути известны, ко всякому его броску можно подготовиться.. нужно, конечно, чтобы Камист Релой смог добраться до них первым, но кто ему мешает? Ему-то не нужно охранять тысячи беженцев. Несмотря на все неожиданные ходы, тактически Колтейн связан.

Вопрос, которым историк задавался, прежде чем погрузиться в сон, звучал глухим отчаянием: как долго сможет Колтейн оттягивать неизбежный конец?

Он проснулся на закате и через двадцать минут уже ехал по следу – одинокий всадник под широким плащом накидочников, таким густым, что крылья насекомых затмевали звёзды.

Прибой накатывался на рифы в четверти мили от берега, буруны слегка мерцали, словно призрачная лента под затянутым тучами небом. До рассвета оставался ещё час. Фелисин стояла на поросшем травой обрыве, под которым раскинулась белёсая песчаная отмель. Минуты тянулись, а она всё стояла, чуть пошатываясь от головокружения.

Никакого корабля или лодки не было видно, никаких признаков того, что живой человек вообще ступал по этому отрезку берега. Плавник и груды мёртвых водорослей обозначали полосу прилива. Повсюду копошились песчаные крабы.

– Что ж, – раздался рядом голос Геборика, – по крайней мере, наедемся. Если они, конечно, съедобные. И существует лишь один способ это выяснить.

Она смотрела, как старик извлёк из сумки кусок мешковины, а затем начал спускаться к берегу.

– Только берегись клешней, – бросила Фелисин ему вслед. – Ты же не хочешь остаться без пальца, верно?

Бывший жрец расхотелся и продолжал спускаться. Фелисин видела, где он, только благодаря одежде. Его кожа теперь стала совершенно чёрной, белые полосы едва можно было различить даже при дневном свете. Эти – видимые – изменения шли в ногу с другими, менее заметными.

– Ты уже не сможешь сделать ему больно, – заметил Бодэн, присевший рядом с другим мешком, – что бы ни говорила.

– Тогда и молчать никакого смысла нет, – ответила Фелисин.

Воды у них осталось на день, может, два. Тучи над проливом обещали дождь, но Фелисин знала, что это ложное обещание – спасение ждёт других. Она снова огляделась. Здесь и останутся лежать наши кости, пригорками и складками на песке. А затем и эти следы исчезнут. Мы добрались до моря, но здесь нас ждёт лишь Худ – больше никто. Странствие не только духа, но и плоти. Я рада, что оба подошли к концу.

Бодэн уже поставил палатки, а теперь собирал дрова для костра. Вернулся Геборик, сжимая между культиями мешковину.

— От этого мы либо умрём, либо очень захотим пить — не знаю даже, что хуже.

Последний источник пресной воды остался в одиннадцати часах позади — влажная прогалина в небольшом углублении. Им пришлось выкопать яму в сажень глубиной, чтобы добраться до солоноватой воды с привкусом железа, пить её было почти невозможно.

— Всё ещё веришь, что Дукер где-то там — плавает туда-сюда уже... сколько? Пять дней?

Геборик присел на пятки и положил свёрток на землю.

— Он же ничего не публиковал уже много лет, чем ему ещё заниматься в свободное время?

— Думаешь, вздор — пристойный способ встретить Худа?

— Я и не знал, что существует «пристойный» способ, девочка. Даже если бы я был уверен, что смерть придёт — а я в этом не уверен, по крайней мере, не в ближайшем будущем — что ж, каждый из нас волен встречать её по-своему. В конце концов, даже сами жрецы Худа спорят о том, как именно следует приветствовать этого бога.

— Если бы я знала, что нарвусь на лекцию, держала бы рот на замке.

— Быть подростком иногда невыносимо тяжело, да?

Увидев её гримасу, он радостно рассмеялся.

Самые любимые шутки Геборика — непреднамеренные. Насмешка — лишь патина ненависти, и всякий смех — злой. У неё не было сил продолжать перепалку. Но последним тебе не смеяться, Геборик. Скоро ты это поймёшь. И ты, и Бодэн тоже.

Крабов испекли на углях. Животные пытались выбраться из жара, так что пришлось заталкивать их обратно палочками, пока они не прекратили отчаянную борьбу. Белое мясо оказалось потрясающим на вкус, но солоноватым. Роскошное пиршество и бесконечный запас яств, которые могут оказаться смертоносными.

Бодэн взялся собирать плавник, чтобы развести на берегу большой костёр — самодельный маяк на ночь. Пока же солнце поднималось над восточным горизонтом, а Бодэн навалил в костёр влажных водорослей и с удовлетворением посмотрел на столб густого белого дыма, который поднялся в воздух.

— Ты этим весь день собираешься заниматься? — спросила Фелисин. А как же сон? Ты мне нужен спящим, Бодэн.

— Время от времени, — ответил тот.

— Не вижу смысла, если тучи придвинутся.

— Ну, они ведь пока не придвинулись, верно? Если уж на то пошло, они скорее откатятся обратно к материку.

Фелисин смотрела, как он возится с костром. Она вдруг заметила, что Бодэн утратил экономную точность движений: в них появилась неловкость, выдававшая крайнюю усталость, слабость, которая проступила, когда они добрались до побережья. Теперь беглецы утратили всякую власть над своей судьбой. Бодэн верил в Бодэна и больше ни в кого. А теперь, как и мы, он зависит от других. И может, всё было напрасно. Может, стоило рискнуть и пойти в Досин-Пали.

Крабовое мясо начало делать своё дело. Фелисин стали посещать отчаянные приступы жажды, за ними последовали острые колики в желудке, который давно уже отвык от сытости.

Геборик спрятался в своей палатке, он явно испытывал те же самые симптомы.

Фелисин ничего не делала следующие двадцать минут, только впивалась пальцами в песок от боли, смотрела на Бодэна и страстно желала ему таких же страданий. Но если тот и мучился, то ничем этого не выдавал. Фелисин стала его бояться ещё больше.

Колики прошли — но не жажда. Тучи над заливом отступили, солнце принесло с собой жару. Бодэн бросил последнюю охапку водорослей в костёр и направился к палатке.

— Иди в мою, — сказала Фелисин.

Он резко обернулся и подозрительно прищурился.

— Я к тебе скоро присоединюсь.

Бодэн продолжал пристально на неё смотреть.

— А почему нет? — резко бросила Фелисин. — Какое у нас ещё спасение? Если ты не дал обет... — Он вздрогнул — почти незаметно. Фелисин продолжала: — ...какому-нибудь презирающему секс Взошедшему. Кто бы это мог быть? Худ? Вот это был бы сюрприз! Но когда занимаешься любовью, всегда приходит маленькая смерть...

— Так ты это называешь? — пробормотал Бодэн. — Заниматься любовью? — Она пожала плечами. — Я не служу ни одному богу.

— Ты это уже говорил. Но ты ведь никогда мной не пользовался, Бодэн. Предпочитаешь мужчин? Мальчиков? Положи меня на живот и не заметишь разницы.

Бодэн выпрямился, не сводя с неё глаз. По его лицу ничего нельзя было прочесть. Затем пошёл к палатке. К палатке Фелисин.

Она улыбнулась про себя, подождала сотню ударов сердца, а затем присоединилась к нему.

Его руки касались её тела неуклюже, словно великан старался быть нежным, да сам не знал как. На то, чтобы избавиться от лохмотьев, служивших одеждой обоим, потребовались считанные мгновения. Бодэн потянул её вниз, и вот Фелисин уже лежала на спине, глядя в его грубое, заросшее бородой лицо, глаза – по-прежнему холодные и бездонные, а его руки сжали её груди, сдвинули их вместе.

Стоило ему оказаться внутри её, вся выдержка испарилась. Бодэн почти перестал быть человеком, превратился в животное. Он был груб, но совсем не так груб, как Бенет или большая часть Бенетовых подручных.

Он быстро кончил и навалился на неё всем весом, тяжело и хрипло дыша в ухо. Фелисин даже не попыталась его подвинуть; все её чувства были сосредоточены на его дыхании, на том, как расслаблялись мускулы, когда Бодэна сморил сон. Она не ожидала, что он отключится так быстро, не предвидела такой откровенной беспомощности.

Рука Фелисин скользнула в песок рядом с одеялом и нащупала рукоятку кинжала. Усилием воли Фелисин заставила себя дышать ровно, хотя ничего не могла поделать с бешено бьющимся сердцем. Он спал. Не шелохнулся.

Она вытащила клинок из песка, перехватила так, чтобы лезвие было направлено внутрь. Глубоко вдохнула и задержала дыхание.

Его рука перехватила запястье Фелисин в самом начале удара. Одним текучим движением он поднялся и вывернул ей руку так, что Фелисин вынуждена была перекатиться на живот. Придавил её своим весом.

Бодэн сдавливал запястье, пока кинжал не выпал у неё из пальцев.

– Думаешь, я свои вещи не проверяю, девочка? – прошептал он. – Думаешь, ты для меня загадка? Кому ещё пришлось бы в голову украсть один из моих горлотыков?

– Ты бросил Бенета на верную смерть. – Она не могла видеть лица Бодэна, но сама этому обрадовалась, когда он ответил.

– Нет, девочка. Я этого ублюдка сам прикончил. Шею свернул, как тростинку. Он заслужил больше боли, смерти помедленнее, но на это у меня не было времени. Снисхождения он не заслужил, но всё же его получил.

– Да кто ты такой?

– Никогда не имел ни мужчину, ни мальчишку. Но притворюсь. Я хорошо умею притворяться.

– Я закричу...

– Геборик спит так, что его хоть трясина – не разбудишь. Видит сны. Мечется. Я ему пощёчину отвесил, но он всё равно не проснулся. Так что

кричи. Что такое крик, по сути? Криком ты даёшь выход своему негодованию, возмущению. Не думал, что ты ещё способна на возмущение, Фелисин.

Она почувствовала, как по телу растекается безнадежность. Просто ещё чуть-чуть того же самого. Я смогу это пережить. Смогу даже получать удовольствие. Если постараюсь.

Бодэн вдруг поднялся с неё. Фелисин резко перевернулась на спину и посмотрела на него. Бодэн подобрал свой кинжал и отодвинулся к выходу. Улыбнулся.

— Прости, если разочаровал, но я нынче не в настроении.

— Тогда зачем..

— Чтобы проверить, что ты всё ещё то, чем была. — Вывод он не озвучил. — Лучше поспи, девочка.

Оставшись в одиночестве, Фелисин свернулась клубочком на подстилке. Всё тело наполнило онемение. Чтобы проверить, что ты всё ещё... да, по-прежнему. Бодэн знал с самого начала. Просто хотел тебе показать это, девочка. Ты-то думала, будто используешь его, а он использовал тебя. Он знал, что ты задумала. Подумай об этом. Хорошенько подумай.

Худ явился из волн, жнец истерзанных душ. Довольно он ждал, их страдания уже перестали его забавлять. Настало время для Врат.

Фелисин сидела лицом к проливу и чувствовала себя такой же иссушённой и блёклой, как плавник вокруг. Над водой клубились тучи, молнии плясали под рокочущий барабан грома. Над линией рифа ярилась пена, взлетая белоголубыми взрывами в темноту.

Час назад Геборик и Бодэн вернулись с прогулки вдоль берега, волоча за собой нос разбитой лодки. Старой. Но они говорили о том, как построить плот. Обсуждение имело характер глубоко теоретический — ни у кого не было сил на такое предприятие. К рассвету они начнут умирать, и все это знали.

Фелисин поняла, что Бодэн умрёт последним. Если только бог Геборика не вернётся, чтобы разыскать своего блудного сына. Фелисин наконец начала верить, что будет первой. Не отомстив никому: ни Бодэну, ни сестрице Тавор, ни всей Худом деланной Малазанской империи.

Странная молния мелькнула за разбивавшимися о риф валами. Она катилась, подпрыгивая и сверкая, словно обернулась вокруг невидимого бревна в лигу длиной и в тридцать шагов шириной. Трескучие копы разили пену с оглушительным шипением. По-над берегом раскатился такой гром, что земля затряслась. Молния устремилась прямо к ним.

Рядом вдруг оказался Геборик. Его жабье лицо перекошилось от страха.

— Это колдовство, девочка! Беги!

Она хрипло рассмеялась. И не пошевелилась.

— Зато быстро, старик!

Ветер выл.

Геборик обернулся к наступающей волне. Прошипел проклятье, которое унёс прочь рокочущий рёв, а затем встал между Фелисин и чародейством. Бодэн присел рядом с ней, его лицо подсветил голубоватый отблеск молнии, которая достигла берега, а теперь катилась прямо на них.

Она разбилась о Геборика, будто тот был каменной скалой. Старик пошатнулся, его татуировки стали на миг огненным кружевом, которое ярко вспыхнуло и исчезло.

Чары рассеялись. Несмотря на видимую мощь, они быстро истаяли на берегу.

Геборик осел, опустился на колени.

— Это не я, — проговорил он во внезапно наступившей тишине. — Отатарал. Ну, разумеется. Нечего бояться. Совсем нечего.

— Смотри! — закричал Бодэн.

Барка каким-то образом преодолела риф, а теперь быстро шла к ним. Единственный парус горел. Чары разили корабль, словно смертоносные гадюки, но стихли и рассеялись, когда барка приблизилась к берегу. В следующий миг она заскребла дном о песок и остановилась, покосившись набок. Две фигуры тут же оказались у тросов, перерезали их, освободив пылающий парус. Ткань скользнула вниз, точно огненное крыло, и тотчас потухла, коснувшись воды. Двое других спрыгнули за борт и по колено в воде двинулись к берегу.

— Который из них Дукер? — спросила Фелисин.

Геборик покачал головой.

— Его здесь нет. Но вон тот, слева — маг.

— Откуда ты знаешь?

Старик не ответил.

К ним быстро подошли двое мужчин, оба едва не падали от усталости. Маг, краснолицый коротышка в обожжённом плаще, заговорил первым — по-малазански:

— Слава богам! Нам нужна ваша помощь.

Где-то по ту сторону рифа ждал неведомый маг — человек, никак не связанный с восстанием, незнакомец, пойманный в ловушку собственного кошмара. Ждал в центре яростного шторма, который зародился в глубинах на

второй день пути. Кальп никогда прежде не чувствовал такой необузданной мощи. Сама её дикость и спасла их, поскольку владевшее чародеем безумие рвало и терзало его Путь. Ни тени контроля, Путь распахивался ранами, а ветер выл мучительными криками самого мага.

«Рипату» носило по морю, как кусок коры в горном водопаде. Поначалу Кальп пытался отбиваться иллюзиями, думая, что они со спутниками были предметом ярости мага, но очень скоро стало очевидно, что безумный чародей вообще не знает о них и сражается в совершенно другой войне. Кальп свернул собственный Путь защитной раковиной вокруг «Рипаты», а затем присел у борта, чтобы сдерживать напор, пока Геслер и его подчинённые пытались выровнять корабль.

Спущенные с цепи чары инстинктивно гнались за ними, и никакие иллюзии не могли обмануть силу столь откровенно бессознательную. «Рипата» стала для них магнитом, атаки сыпались без конца, одна за другой, и дико различались по силе. Они неустанно терзали защиту Кальпа два дня и две ночи подряд.

Корабль сносило на запад к отатараловому берегу. Сила мага безуспешно накатывалась на побережье, и Кальп начал кое-что понимать – сознание мага, видимо, было разрушено отатаралом. Скорее всего, это сбежавший каторжник, военнопленный, который преодолел все стены, только чтобы понять, что унёс темницу с собой. Он потерял контроль над своим Путём, и тот овладел чародеем. Теперь Путь кипел силой большей, чем всё, что мог и умел сам маг.

От этой мысли Кальп пришёл в ужас. Если шторм выбросит «Рипату» на берег, не ждёт ли и его такая же судьба?

Только выучка Геслера и его команды не позволила судну налететь на рифы. Восемь часов им удавалось вести барку вдоль линии бритвенно-острых скал, скрытых под пенными бурунами.

На третью ночь Кальп почувствовал: что-то изменилось. Берег справа, который он до сих пор ощущал как непроницаемую стену, бескровное присутствие отатарала, вдруг... смягчился. Там укрылась сила, она противилась воле антимагической руды, отторгала её.

В стене рифа открылся просвет. Кальп решил, что это – их единственный шанс. Поднявшись со своего места посреди палубы, он закричал, обращаясь к Геслеру. Капрал мгновенно понял, что имеет в виду маг, и принял – с облегчением отчаяния. Они медленно проигрывали борьбу – усталости, неодолимой подавленности, с которой моряки видели, как защитный полог Кальпа слабеет с каждой волной враждебной магии.

Новый удар настиг корабль в тот самый миг, когда он проходил меж зазубренных скал, – и этот удар сломил сопротивление Кальпа. Пламя охватило штормовой стаксель, лини, парус. Если бы их одежда не промокла насквозь, моряки тоже вспыхнули бы. Но сейчас чары прокатились по ним волной шипящего пара, а затем помчались дальше, хлынули на берег и там угасли.

Кальп был готов поверить, что странный, смягчённый эффект отатарала на этом отрезке берега каким-то образом вызван человеком, которого ему поручили найти, и потому не удивился, увидев, как из сумрака на берегу выступили три фигуры. Несмотря на смертельную усталость, маг встревожился, разглядев, как эти трое держатся друг с другом. Обстоятельства свели их вместе, и узы дружбы ничего не значили с точки зрения практических соображений. Но дело было не только в этом.

От неожиданно неподвижной земли под ногами у Кальпа закружилась голова. Когда взгляд мага остановился на безруком жреце, сердце вздрогнуло от облегчения, поэтому в просьбе о помощи не было ни капли иронии.

Бывший жрец в ответ только хрипло расхохотался.

— Дай им воды, — приказал маг Геслеру.

Капрал с трудом оторвал взгляд от Геборика, затем кивнул и резко развернулся. Истин спрыгнул за борт и начал высматривать повреждения в корпусе «Рипаты», а Ураган неподвижно сидел на носу, не выпуская из рук арбалет. Капрал рывкнул, приказал вытащить один из бочонков с пресной водой. Истин забрался обратно, чтобы достать его.

— Где Дукер? — спросил Геборик.

Кальп нахмурился.

— Не уверен. Мы разошлись в разные стороны у деревеньки к северу от Хиссара. Апокалипсис...

— Мы знаем. Досин-Пали был охвачен пожаром той ночью, когда мы бежали с копей.

— Ага, ну да. — Кальп внимательно осмотрел двух других. Лишившийся одного из ушей здоровяк спокойно ответил взглядом на взгляд. Несмотря на явные признаки пережитых лишений, этот человек сохранял такое самообладание, что Кальпу стало не по себе. Это явно был отнюдь не обычный портовый головорез, за которого маг его принял поначалу.

Юная девушка беспокоила Кальпа ничуть не меньше, хотя он и сам не смог бы объяснить отчего. Маг вздохнул. Об этом будешь волноваться позже. Обо всём будешь волноваться позже.

Подошёл Истин с бочонком, Геслер отстал от него на шаг.

Трое беглецов струдились перед молодым морпехом, который откупорил бочонок, затем взял привязанную к нему оловянную кружку и набрал воды.

— Не спешите, — сказал Кальп. — Маленькими глоточками.

Глядя, как они пьют, маг потянулся к своему Пути. Тот казался скользким, неверным, но Кальп сумел ухватиться и вытянуть силы, чтобы обострить свои чувства. Когда он вновь взглянул на Геборика, чуть не вскрикнул от удивления. Татуировки бывшего жреца жили своей собственной жизнью: мерцающие волны силы катились по его телу и сливались в похожей на ладонь

проекции на культе, которой оканчивалась левая рука жреца. Этот призрачный кулак, коснувшийся некоего Пути, был крепко сжат, будто вцепился в невидимые оковы.

Совершенно другая сила пульсировала на правой культе, пронизанной жилами – зелёными и отатаралово-красными, словно две змеи сплелись в смертельной схватке. Но лишь от зелёных колец исходило смягчающее воздействие, оно катилось во все стороны с решимостью, за которой, казалось, можно было почувствовать сознательную волю. То, что эта воля достаточно сильна, чтобы отбросить прочь мощь отатарала, было просто поразительно.

Целители Пути Дэнул часто говорили, будто видят болезни как силы, ведущие войну, где плоть служит полем битвы. Кальп подумал, что, возможно, видит нечто подобное. Но это не болезнь. Битва Путей – один от Фэнера, за которого держится призрачная рука, а другой опутан отатаралом, но всё равно прирастает – этот Путь я не могу узнать, это сила, чуждая всякому моему чувству. Чародей моргнул. Геборик смотрел на него с широкой улыбкой.

– Да что же с тобой случилось, Худ разбирай? – выдохнул Кальп.

Бывший жрец пожал плечами.

– Хотел бы я сам знать.

Теперь к Геборику подошли трое морпехов.

– Я – Геслер, – сказал капрал, грубовато, но с почтением. – Мы – всё, что осталось от культа Вепря.

Улыбка старика поблекла.

– Это ровно на трёх человек больше, чем нужно.

Он отвернулся и зашагал прочь по берегу, чтобы забрать два заплечных мешка. Геслер с каменным лицом смотрел ему вслед.

Быстро же старик оправился. Истин ахнул, услышав такие суровые слова от человека, которого считал жрецом своего бога. Кальп увидел, как что-то рассыпается прахом в светло-голубых глазах юноши. Во взгляде Урагана вихрились тёмные тучи, благодаря которым он, вероятно, и получил своё имя, но морпех положил руку на плечо Истина за миг до того, как обернуться к одноухому.

– Ты всё время держишь руки рядом с припрятанными кинжалами. Я скоро начну нервничать, – хрипло прорычал он, перехватывая арбалет.

– Это Бодэн, – заявила девушка. – Он людей убивает. Старух, соперников. Кого ни назови, найдёшь у него на руках их кровь. Верно, Бодэн? – Не дожидаясь ответа, она продолжила: – Я – Фелисин, последняя из Дома Паранов. Только не позволяй себе обмануться на сей счёт.

Последнее утверждение она не стала пояснять.

Геборик вернулся, на обоих предплечьях он нёс по мешку. Старик положил их на землю, а затем подошёл ближе к Кальпу.

— У нас не хватит сил, чтобы вам помочь, но после того, как мы перешли эту треклятую пустыню, мысль о смерти в воде кажется удивительно привлекательной. — Геборик отвернулся и посмотрел на бушующие волны. — Что там?

— Вообрази себе ребёнка, который держит поводок, привязанный к ошейнику Пса Тени. Ребёнок — маг, Пёс — его Путь. Я бы предположил, что он слишком долго пробыл в копиях, прежде чем сбежать. Нам нужно отдохнуть перед тем, как попытаемся снова преодолеть его шторм.

— Насколько плохи дела на материке?

Кальп пожал плечами.

— Не знаю. Мы видели, как горел Хиссар. Дукер хотел догнать Колтейна и Седьмую — у этого старика такой приступ оптимизма, что впору лечиться. Я бы сказал, что от Седьмой уже осталась только история, как и от Колтейна с его виканцами.

— Ах этот Колтейн. Когда меня приковали на дне расселины за дворцом Ласиин, я почти ожидал, что он окажется моим соседом. Худ свидетель, компания там подобралась более чем достойная. — Он помолчал, а затем покачал головой. — Колтейн жив, маг. Такие люди легко не погибают.

— Если это правда, честь требует, чтобы я его догнал.

Геборик кивнул.

— Его отлучили от храма, — громко заявила Фелисин. Оба обернулись и увидели, что Геслер сверлит взглядом девушку. Та продолжила: — Более того, он проклятье для собственного бога. Вашего бога, как я понимаю. Берегитесь жрецов-расстриг. Придётся вам самим править молитвы Фэнеру, парни, и я вам советую молиться. Часто.

Бывший жрец снова повернулся к Кальпу и вздохнул.

— Ты открыл свой Путь, чтобы взглянуть на меня. Что увидел?

Кальп нахмурился.

— Я увидел, — проговорил он через некоторое время, — ребёнка, который волочёт Пса размером с Худову гору. Одной рукой.

Лицо Геборика напряглось.

— А другой?

— Извини, — ответил Кальп, — тут простого ответа нет.

— Я бы его выпустил...

— Если бы смог.

Геборик кивнул. Очень тихо Кальп добавил:

— Если Геслер поймёт...

— Он сам выпустит...

— Тебе — кишки.

— Вижу, мы друг друга поняли, — сказал с бледной улыбкой Геборик.

— Не совсем, но я пока шум поднимать не буду.

Бывший жрец в ответ только снова кивнул.

— Ты сам выбрал таких спутников, Геборик? — спросил Кальп, косясь на Бодэна и Фелисин.

— О да. Более или менее. Трудно поверить, да?

— Прогуляемся-ка по берегу, — сказал маг и отошёл в сторону. Покрытый татуировками беглец последовал за ним. — Расскажи мне о них, — попросил Кальп, когда оба оказались достаточно далеко.

Геборик пожал плечами.

— Чтобы выжить в копях, приходится идти на сделки, — сказал он. — И то, что один человек будет ценить выше жизни, другой продаст в первую очередь. Дёшево. Этим они стали теперь. Кем были прежде... — Старик снова пожал плечами.

— Ты им веришь?

Широкое лицо Геборика рассекла ухмылка.

— А ты веришь мне, Кальп? Я знаю, ещё рано искать ответ на такой вопрос. Но и твой — не легче. Я верю, что Бодэн будет нам помогать, пока это в его интересах.

— А девушке?

Старик долго молчал, прежде чем ответить.

— Нет.

Такого я не ожидал. И это ещё была лёгкая часть разговора.

— Ясно, — сказал Кальп.

— А твои спутники? Эти дурачки со своим дурацким культом?

— Суровые слова в устах жреца Фэнера...

— Отлучённого и изгнанного жреца. Девочка сказала правду. Моя душа принадлежит мне самому, а не Фэнеру. Я её забрал обратно.

— Не знал, что такое возможно.

— Может, и невозможно. Прошу тебя, маг, мне не по силам идти дальше. Наш путь был... тяжёлым.

И не только ваш, старик.

По дороге обратно они не говорили. Вопреки всем передрыгкам в море, Кальп ожидал, что эта часть плана будет сравнительно простой. Барка придёт к острову. Они высадутся. Найдут друга Дукера... или не найдут. И он ещё отмахнулся от дурных предчувствий, когда историк впервые явился с просьбой о помощи. Идиот. Что ж, ладно, придётся забрать их с этого треклятого острова, посадить на материк — и дело с концом. Только об этом его и просили.

Поднималось солнце, чародейский шторм отступил от берега, но продолжал бушевать чёрно-лиловым маревом над проливом.

С «Рипаты» принесли еду. Геборик присел рядом со своими спутниками, чтобы разделить безмолвную, напряжённую трапезу. Кальп подошёл к Геслеру, который стоял на страже над двумя своими спящими подчинёнными — все трое расположились под квадратным куском парусины, натянутым между четырьмя жердями.

Изрезанное шрамами лицо капрала скривилось в иронической ухмылке.

— Фэнерова шуточка, — проворчал он.

Кальп присел на корточки рядом с капралом.

— Рад, что тебе нравится.

— Юмор Бога-Вепря — не для смеха, маг. Странно только... я готов поклясться, что Владыка Лета был... здесь. Сидел, будто ворона, на плече у этого жреца.

— Ты уже испытывал касание Фэнера, Геслер?

Солдат покачал головой.

— Меня дарами судьба не балует. И не баловала никогда. Просто чувство такое, вот и всё.

— И ты его всё ещё испытываешь?

— Да вроде нет. Не знаю. Не важно.

— Как Истин?

— Тяжело ему: нашли жреца Фэнера, а тот отвернулся да и отрёкся от всех нас. Но всё будет в порядке, мы за парнем присмотрим — я да Ураган.

Теперь твой черёд отвечать. Как мы обратно на материк возвращаться будем? Этот треклятый колдун никуда не делся, верно ведь?

— Жрец нас проведёт.

— Это как же?

— Долго объяснять, капрал, а я сейчас могу думать только о том, как бы скорей уснуть. Я подежурю следующим. — Кальп поднялся и пошёл прочь, чтобы приготовить себе в тени место для сна.

Фелисин лежала, не засыпая, обхватив себя руками, и смотрела, как маг натягивает полог, а затем забирается в тень, чтобы прилечь. Она покосилась на морпехов и испытала приступ насмешливого презрения. «Последователи Фэнера», вот умора. Бог-Вепрь — уши есть, а между ними — пусто. Эй, дурачьё, Фэнер где-то здесь, прячется в мире смертных. Достойная добыча для всякого охотника с острым копьём. Мы видели его копыто. За это можете старика поблагодарить. Поблагодарить так, как считаете нужным.

Бодэн спустился к воде, чтобы помыться. Теперь он вернулся, стряхивая капли с бороды.

— Уже боишься, Бодэн? — спросила Фелисин. — Посмотри на того солдата, который не спит. Он тебе не по зубам. А тот, с арбалетом, в два счёта тебя раскусил, а? Крепкие мужики — покрепче тебя будут...

Бодэн протянул:

— Уже и с ними переспать успела?

— Ты меня использовал...

— Что с того, девочка? Для тебя это образ жизни — отдаваться другим.

— Худ тебя побери, ублюдок!

Стоя над ней, Бодэн по-своему рассмеялся — хмыкнул.

— Ты меня не собьёшь — мы уберёмся с этого острова. Мы выжили. Говори, что хочешь, а настроения мне не испортишь, девочка. Валяй.

— А что означает коготь, Бодэн?

Его лицо вдруг превратилось в лишённую всякого выражения маску.

— Помнишь, тот, что ты припрятал вместе с воровским снаряжением?

Невыразительный взгляд головореза вдруг оторвался от Фелисин. Она повернулась и в нескольких шагах позади увидела Геборика. Бывший жрец не сводил глаз с Бодэна:

– Я правильно расслышал? – спросил он.

Одноухий молчал.

Фелисин заметила, как по лицу Геборика пробежала гримаса понимания, старик перевёл взгляд на неё, затем обратно на Бодэна.

– Отличная работа, – сказал жрец. – Пока что.

– Уверен? – спросил Бодэн и отвернулся.

– В чём дело, Геборик? – требовательно спросила Фелисин.

– Тебе следовало больше внимания уделять урокам истории, девочка.

– Объясни.

– Худа с два! – Он заковылял прочь.

Фелисин, крепче обхватив себя руками, повернулась лицом к проливу. Мы живы. Я опять смогу быть терпеливой. Выждать. Материк охвачен огнём восстания против Малазанской империи. Приятная мысль. Может, в нём они все сторят – и Империя, и сама императрица... и её адъютнт. А когда не станет Малазанской империи, наконец воцарится мир. Конец притеснениям, конец ограничениям, тогда я примусь за месть. В тот день, когда ты лишишься своих телохранителей, сестрица Тавор, я приду. Клянусь в этом всеми богами и владыками демонов, какие только есть и были. А пока что нужно использовать людей вокруг, перетянуть их на свою сторону. Не Бодэна с Гебориком – тут уже слишком поздно. Остальных. Мага, солдат...

Фелисин поднялась.

Капрал сонным взглядом следил за тем, как она подходит.

– Когда ты последний раз был с женщиной? – спросила Фелисин.

Ответил, впрочем, не Геслер. Из тени под парусиновым навесом прозвучал голос арбалетчика – Урагана:

– Как раз год и один день прошёл с тех пор, как я переоделся канийской шлюхой – целый час Геслеру голову дурил. Учти, он был пьян в стельку. Учти, я тоже.

Капрал хмыкнул.

– Вот такие они, солдафоны. Настолько тупые, что не видят разницы.

– И настолько пьяные, что плевать на это хотели, – добавил арбалетчик.

– Это точно, Ураган. – Тяжёлый взгляд Геслера скользнул к Фелисин. – Игры свои затевай в другом месте, девочка. Без обид, но опыта у нас хватает, чтоб почуять, когда тебе в подарок предлагают сыр из мышеловки. Да и не выйдет у тебя купить то, что не продаётся.

– Я вам сказала про Геборика, – заметила Фелисин. – Могла и смолчать.

– Слышишь, Ураган? Девочка-то нас пожалела.

– Он вас предаст. Уже вас всех презирает.

Мальчик по имени Истин при этих словах сел.

– Уходи, – приказал ей Геслер. – Мои парни тут поспать пытаются.

Фелисин перехватила взгляд ярко-голубых глаз Истина и увидела в них только наивность. Она послала ему воздушный поцелуй и улыбнулась, когда краска залила его лицо.

– Ты осторожней, а то уши сторят, – добавила она.

– Худов дух! – буркнул Ураган. – Давай, парень. Она ж так хочет, аж подскакивает. Задай ей жару.

– Вот ещё! – фыркнула Фелисин. – Я сплю только с мужчинами.

– С болванами, ты хотела сказать, – поправил Геслер, и в его голосе прозвенела стальная нотка.

Фелисин побрела к берегу, зашла в воду по колени. Осмотрела «Рипату». Пятна гари покрывали корпус широкими, хаотически разбросанными полосами. Фальшборт на полубаке блестел, словно его изрешетило градом из кварца. Канаты измочаленные, распушены там, где их перерезали ножами.

Солнце так ослепительно сверкало на волнах. Фелисин закрыла глаза, отпустила все мысли, пока не осталось только чувство тёплой воды, касавшейся ног. Её одолела уже даже не физическая усталость. Она не могла удержаться и жалила во все стороны, и какую бы маску ни примеряла – ровно такая же глядела на неё извне, словно из зеркала. Должен же быть способ отразить что-то, кроме ненависти и презрения.

Даже не способ.

Причина.

– Я надеюсь, что вплетённый в тебя отатарал сможет отогнать безумного мага, – сказал Кальп. – Иначе нас ждёт очень опасное плавание.

Истин зажёт фонарь и теперь, присев на треугольном полубаке, ждал, когда они двинутся к рифу. Желтоватый свет взблеснул на татуировках Геборика, когда тот поморщился, услышав слова Кальпа.

Геслер сидел, облокотившись на рулевое весло. Как и все остальные, он ждал бывшего жреца. Ждал хотя бы крошечной надежды.

Чародейский шторм ярился за рифом, безумные молнии высвечивали над пенным морем небо, затянутое бурлящими чёрными тучами.

— Ну, если ты так думаешь... — протянул в конце концов Геборик.

— Это не то, что я хочу услышать...

— Ничего другого не дождёшься, — отгрызнулся старик. Он поднял культю и ткнул ею в Кальпа. — Ты видишь то, чего я даже не чувствую, маг!

Чародей обернулся к Геслеру.

— Ну что, капрал?

Солдат пожал плечами.

— Есть у нас шанс?

— Всё не так просто, — сказал Кальп, прилагая нечеловеческие усилия, чтобы сохранять спокойствие. — Теперь Геборик на борту, и я даже не уверен, что смогу открыть свой Путь — на нём есть пятна, которые я бы не хотел распространять. Без Пути я не смогу отражать чары. А значит...

— Поджаримся с корочкой, — закончил, кивнув, Геслер. — Пошевеливайся, Истин! Выходим в море!

— Не в то вы верите, капрал, — сказал Геборик.

— Так и знал, что ты это скажешь. А теперь все — не вертитесь под ногами: нам с Ураганом и этим парнем надо делом заняться.

Хоть Кальп и сидел на расстоянии вытянутой руки от старика, он чувствовал свой Путь. Казалось, тот сам рвётся наружу. Магу было страшно. Меанас — Путь далёкий, и все знакомые Кальпу последователи описывали его одинаково: холодный, бесстрастный, ироничный разум. Игра иллюзий происходила со светом, тьмой, фактурой и тенями, торжествовала победу, когда получалось обмануть глаз, но даже этот триумф казался лишённым эмоций, в нём царило отвлечённое удовлетворение. Всякий раз, обращаясь к Пути, Кальп чувствовал, будто отвлекает силу, занятую другими делами. Будто всплеск этой силы был лишь минутным развлечением, на которое и внимания обращать не стоит.

Кальпа тревожила неожиданная готовность Пути. Тот хотел тоже вступить в игру. Маг понимал, что попадает в ловушку, начинает думать о Меанасе, как о сущности, безликом боге, для которого открытие было служением, а успех — наградой за веру. Пути — совершенно не такие. Чародей — не жрец, а магия — не божественное вмешательство. Чародейство может стать лестницей к Восхождению — средством, но нет никакого смысла поклоняться средству.

Ураган поднял небольшой квадратный парус: вполне подходящий, чтобы управлять судном, но не такой большой, чтобы штормовой ветер сломал расшатанную мачту. «Рипата» скользнула вперёд, подчиняясь силе берегового бриза. Истин вытянулся вдоль бушприта, рассматривая буруны впереди. Разрыв в рифе, через который корабль вошёл в залив, оказалось не так легко найти. Геслер рывкнул команду, и морпехи повели барку вдоль рифа.

Кальп покосился на Геборика. Бывший жрец сидел, прислонившись левым плечом к мачте, и шурился, глядя в темноту. Магу отчаянно хотелось открыть свой Путь – посмотреть на призрачную руку, оценить извив отатаралового змея – но он сдержался, даже собственное любопытство уже вызывало подозрения.

– Вон там! – закричал Истин, указывая во тьму.

– Вижу! – взревел Геслер. – Давай, Ураган!

«Рипата» развернулась носом к бурунам.. и разрыву, который Кальп еле мог разглядеть. Сильный ветер наполнил парус.

За рифом бешено вертелись тучи, сливаясь в уходившую вверх воронку. Из волн вырвалась молния и подсветила её. «Рипата» проскользнула мимо рифа и устремилась прямо к центру вихря.

Кальп не успел даже закричать. Его Путь открылся, сцепился в схватке с мощью, исполненной демонической ярости. Сверху обрушились копьё воды, которые моментально разорвали парус в клочья. Они врезались в палубу, словно арбалетные стрелы, пробивая доски насквозь. Кальп увидел, как одна из струй прошла бедро Урагану, пригвоздив вопящего моряка к палубе. Другие разбились о сторбленную спину Геборика, который прикрыл собой девочку – Фелисин, чтобы защитить её от водяных копий. Татуировки ярились огнём света тусклого золота.

Бодэн метнулся на полубак, одну руку свесил за борт. Истина нигде не было видно.

Копья исчезли. «Рипата» накренилась, словно катилась с гигантской волны, так что корма задралась вверх. Над головой бешено сверкало небо, изрешеченное и освещённое взрывами силы. Кальп посмотрел наверх, и его глаза беспомощно распахнулись – в сердце шторма он разглядел крохотную фигурку: она беспорядочно размахивала руками, обрывки плаща метались вокруг неё, словно изорванное крыло. Чары швыряли фигурку по небу, словно она была лишь соломенной куколкой. Кровь хлынула во все стороны, едва лишь сверкающая волна накрыла безвольное создание. Когда волна схлынула, фигура завертелась, покатилась вслед за ней, оставляя за собой паутину крови, похожую на широкую рыбацкую сеть. А затем она начала падать.

Мимо Кальпа проскочил Геслер.

– Держи весло! – прокричал он, перекрывая рёв ветра.

Маг с трудом двинулся на корму. Вести судно? А по чему оно плывёт? Кальп был уверен, что барку несёт уже отнюдь не вода. Корабль провалился на Путь безумного чародея. Маг сжал обеими руками рулевое весло и почувствовал, как его собственный Путь просачивается в древесину и закрепляется в ней. Качка ослабла. Кальп закричал. Удивляться времени не было – все силы уходили на ужас и смятение.

Геслер добрался до носа и схватил Бодэна за лодыжки, когда тот уже начал переваливаться за борт. Капрал вытащил его, и оказалось, что Бодэн одной

рукой крепко держит за пояс Истина. По руке струилась кровь, а лицо Бодэна побелело от боли.

Невидимая волна под судном внезапно спала, и «Рипата» устремилась в зону мёртвого штиля. Наступила тишина.

Геборик придвинулся к Урагану. Морпех неподвижно лежал на палубе, из его пробитого бедра хлестала кровь. Напор на глазах становился всё слабее.

Геборик сделал то единственное, что мог. Во всяком случае, так потом думал Кальп. Однако в тот миг чародей закричал от ужаса — но было уже слишком поздно: Геборик погрузил измазанную глиной призрачную руку прямо в открытую рану.

Ураган судорожно дёрнулся и коротко вскрикнул от боли. Татуировки потекли с запястья Геборика и замерцали сложным узором на бедре солдата.

Когда старик отвёл руку, рана закрылась, линии татуировки стянулись, точно швы. Геборик отшатнулся, его глаза широко распахнулись от потрясения.

Сквозь сжатые, искажённые болезненной гримасой губы Урагана прорвался шипящий выдох. Морпех сел — дрожащий, мертвенно-бледный. Кальп заморгал. Он увидел, как с руки Геборика в тело Урагана скользнуло нечто большее, чем просто сила исцеления. Нечто заразное и отравленное безумием. После будешь об этом беспокоиться — парень-то живой, верно? Кальп перевёл взгляд на нос, где Геслер и Бодэн стояли на коленях рядом с неподвижным телом Истина. Капрал перевернул юношу на живот и ритмично давил обеими руками, чтобы освободить лёгкие от воды. Вскоре Истин закашлялся.

«Рипата» тяжело кренилась набок. Над головой раскинулось низкое, ровное, серое небо, укрытое призрачным сиянием. Вокруг царил мёртвый штиль. Единственным звуком был плеск текущей в трюм воды.

Геслер помог Истину сесть. Бодэн продолжал стоять на коленях и прижимать сжатую в кулак правую руку к животу. Кальп увидел, что все пальцы были выбиты из суставов, кожа потрескалась и кровоточила.

— Геборик, — прошептал маг.

Старик резко повернул голову. Он быстро и заплотшно хватал ртом воздух.

— Помоги Бодэну этим целебным касанием, — тихо проговорил Кальп. Не будем думать о том, что приходит вместе с ним. — Если можешь...

— Нет, — прорычал Бодэн, насторожённо глядя на Геборика. — Не хочу, чтоб твой бог меня лапал, старик.

— Нужно вправить вывихи, — сказал Кальп.

— Геслер вправит. По-простому.

Капрал поднял глаза на громилу, затем кивнул и подошёл.

Заговорила Фелисин:

— Где мы?

Кальп пожал плечами.

— Не уверен. Но мы идём ко дну.

— Пробоины, — заметил Ураган. — В четырёх-пяти местах. — Солдат уставился на татуировки, которые теперь покрывали его левое бедро, и нахмурился.

Девушка с трудом поднялась на ноги, вытянула руку, чтобы ухватиться за обугленную мачту. Корабль накренился ещё больше.

— Может перевернуться, — добавил Ураган, продолжая рассматривать татуировки. — В любой момент.

Путь Кальпа отступил. Маг тяжело сторбился от внезапно нахлынувшего изнеможения. В воде он долго не протянет.

Бодэн приглушённо зарычал, когда Геслер вправил указательный палец на правой руке. Занявшись следующим, капрал велел:

— Набери бочонков, Ураган. Если можешь ходить, конечно. Распредели между ними пресную воду. Фелисин, бери провизию — тот сундук на этой стороне полубака. Весь бери. — Бодэн застонал, когда солдат поставил на место второй палец. — Истин, можешь добыть бинт?

Сухие рвотные позывы, которые сотрясали юношу несколько секунд назад, прекратились, он медленно приподнялся, встал на четвереньки и пополз на корму.

Кальп покосился на Фелисин. В ответ на приказ Геслера она не шелохнулась и, кажется, подбирала подходящие слова.

— Давай-ка, девочка, — проговорил, поднимаясь, Кальп, — я тебе помогу.

Опасения Урагана не подтвердились. Крен заметно уменьшился, когда «Рипата» набрала воды. Та заполнила трюм и теперь просачивалась через люк — густая бледно-голубая жижа.

— Худов дух, — пробормотал Ураган, — тонем в козьем молоке.

— Напополам с рассолом, — добавил Геслер. Он уже закончил возиться с рукой Бодэна. К ним вернулся Истин с лекарской сумкой.

— Далеко идти не придётся, — сказала Фелисин, глядя куда-то в сторону правого борта.

Кальп подошёл к ней и увидел то, на что смотрела девушка. Большой корабль неподвижно стоял в густой воде менее чем в пятидесяти саженях от них. Два ряда вёсел безвольно свисали с бортов. Виднелся одинарный руль. Три мачты: на фок- и грот-мачте обрывки прямых парусов, на бизани — изодранный в клочья косой, треугольный. И никаких признаков жизни.

Сзади подошёл Бодэн, его перебинтованная рука превратилась в неповоротливую культю, капрал отстал от него на шаг. Одноухий хмыкнул.

— Это квонский дромон. [8] Доимперский.

— В кораблях ты разбираешься, — пробормотал Геслер и пристально посмотрел на Бодэна. Тот лишь пожал плечами.

— Я работал в тюремной банде, которая топила республиканский флот в Квонской гавани. Двадцать лет назад — Дассем их использовал, чтобы тренировать своих морпехов...

— Я в курсе, — сказал Геслер, который, судя по тону, знал это из первых рук.

— Молодой слишком, чтобы попасть в тюремную банду, — заметил Ураган, который сидел между бочонками с водой. — Сколько тебе тогда было, десять? Пятнадцать?

— Где-то так, — согласился Бодэн. — А как я там оказался — не твоё дело, солдат.

Последовало долгое молчание, затем Геслер встряхнулся.

— Ты закончил, Ураган?

— Так точно, всё готово.

— Ладно, давайте плыть туда, пока наша красавица не собралась на дно. Что толку, если она нас с собой утащит.

— Нерадостно мне, — проговорил Ураган, разглядывая дромон. — Вышел прямо как из морской байки, которые в полночь рассказывают. Может, «Худов вестник», а может, проклятый, чумной...

— А может, одно-единственное сухое место, какое тут найдёшь, — отрезал Геслер. — Что же до остального — ты подумай, какие истории будешь травить потом по тавернам, Ураган. Все же штаны обмочат да побегут-поскачут в ближайший храм наперегонки, чтобы благословение получить. Сможешь потом с ипостасей процент требовать.

— Ну, у тебя, может, мозгов и не хватает, чтоб хоть чего-нибудь бояться...

Капрал ухмыльнулся.

— Давайте-ка все в воду! Говорят, благородные дамы золотом платят, лишь бы только принять такую ванну. Верно, девочка?

Фелисин не ответила.

Кальп покачал головой.

— Ты просто счастлив, что жив остался, — сказал он Геслеру.

— Вот уж точно!

Вода оказалась холодноватой, слегка маслянистой — плыть было трудно. Позади оседала «Рипата», вода уже заливала палубу. А потом мачта накренилась, замерла на миг и ушла в воду. Несколько секунд спустя барка полностью скрылась из виду.

Через полчаса, задыхаясь от изнеможения, они добрались до дромона. Забраться наверх по рулевому веслу сумел только Истин. Он скрылся за высоким планширем на корме. Вскоре вниз скатилась, разматываясь, лестница из толстой пеньковой верёвки.

Было нелегко, но в конце концов все оказались на борту, последними Геслер и Ураган подняли на корабль сундук с припасами и бочонки с водой.

С высоты юта Кальп окинул взглядом палубу. Корабль покидали в спешке. Всюду валялись кольца каната и завернутые в тюленью кожу припасы вперемешку с брошенными доспехами, мечами и поясами. Всё было покрыто густым слоем сероватой, жирной пыли.

Остальные встали рядом и тоже молча осматривали корабль.

— Кто-нибудь заметил название? — поинтересовался наконец Геслер. — Я смотрел, но...

— «Силанда», — ответил Бодэн.

Ураган заворчал:

— Тогговы титьки! Да не было там ничего...

— И не надо, чтобы узнать этот корабль, — отрезал Бодэн. — Груз там внизу — с Плавучего Авали. Только у «Силанды» было разрешение на торговлю с тисте анди. Она как раз шла к острову, когда силы Императора захватили Квон. Так и не вернулась.

За этими словами последовало молчание.

Его нарушил тихий смех Фелисин.

— Бодэн-громила. Что? Твоя тюремная банда и по библиотекам тоже работала?

— Из вас кто-нибудь ещё обратил внимание на ватерлинию? — поинтересовался Геслер. — Это судно уже много лет не двигалось с места. — Он бросил последний буравящий взгляд на Бодэна и спустился на палубу. — Так что мы тут, считай, на твёрдой скале, по колено в птичьей дерьме, — бросил капрал, останавливаясь рядом с одним из свёртков в тюленьей коже. Он присел, развернул его. Затем прошипел проклятье и отпрянул. Кусок кожи упал на палубу так, что стало видно содержимое: отрубленная голова. Она покатилась, как сумасшедшая, и с глухим звуком остановилась, ударившись о край люка, ведущего в трюм.

Кальп прошёл мимо застывшего без движения Геборика, спустился на палубу и двинулся к носу. Открыл свой Путь. И замер.

— Что видишь? — спросил бывший жрец.

— Ничего хорошего, — ответил маг, сделал ещё шаг и присел на корточки. — Тисте анди. — Он бросил через плечо взгляд на Геслера. — Я сейчас предложу кое-что неприятное, но...

Бельй, как мел, капрал кивнул.

— Ураган, — позвал он, оборачиваясь к другому свёртку. — Помоги мне.

— Что делать?

— Считать головы.

— Храни меня Фэнер! Геслер...

— В руках себя надо держать, чтобы потом такие истории рассказывать. Приходит с опытом. Спускайся сюда, солдат, и не бойся запачкаться.

На палубе лежали десятки свёртков. В каждом — аккуратно отрезанная голова. Большинство принадлежало тисте анди, но нашлось и несколько человеческих. Геслер начал складывать их в жуткую пирамиду у подножия грот-мачты. Капрал быстро оправился от потрясения — он явно и не таких ужасов навидался на службе Империи. Ураган тоже быстро преодолел отвращение, но оно сменилось суеверным страхом — работал он невероятно быстро, и вскоре все головы оказались уложены в ужасный курган в центре палубы.

Кальп перевёл взгляд на люк, ведущий на гребную палубу. Вокруг него мерцала слабая аура магии, которую усиленный чарами Пути взгляд распознавал как расходящиеся в недвижимом воздухе волны. Кальп долго не решался подойти ближе.

Все, кроме мага, Геслера и Урагана, оставались на юте и следили за происходящим в немом потрясении. Капрал приблизился к Кальпу:

— Готов посмотреть, что внизу?

— Абсолютно нет.

— Ну, тогда ты — первый, — с напряжённой ухмылкой сказал Геслер. Он обнажил меч.

Кальп посмотрел на клинок. Капрал пожал плечами.

— Ага, я знаю.

Тихо ругаясь себе под нос, Кальп направился к люку. Темнота внизу ничего не скрыла от его взора. Всё было окутано колдовством — желтушным, пульсирующим свечением. Держась обеими руками за перила, маг спустился по проржавевшим ступеням, за ним неотступно следовал Геслер.

– Видишь что-нибудь? – спросил капрал.

– О да.

– Чем это пахнет?

– Если у терпения есть запах, – проговорил Кальп, – то это он.

Чародей направил волну света по центральному проходу между рядами банок, раздвинул его в стороны и оставил так.

– Да уж... – сдавленно прохрипел Геслер. – Есть определённая логика, верно?

На вёслах сидели обезглавленные трупы – по трое на банку. Всё свободное пространство занимали свёртки из тюленьей кожи. Ещё одна безголовая фигура возвышалась у кожного барабана, сжимая в обеих руках странные, похожие на тыквы-горлянки, палочки. Эта фигура была огромной и мускулистой. На телах не было и следа разложения. На шеях поблескивали белые кости и алая плоть.

Долгое время оба молчали, затем Геслер откашлялся, но это не помогло, слова всё равно давались ему с трудом.

– Ты сказал «терпение», Кальп?

– Угу.

– Значит, не ослышался.

Кальп покачал головой.

– Кто-то взял корабль, обезглавил всех на борту... а затем посадил за работу.

– В таком порядке?

– В таком порядке.

– Как давно?

– Годы. Десятилетия. Мы на Пути, капрал. Никто не скажет, как здесь работает время.

Геслер заворчал.

– Давай-ка проверим каюту капитана? Может, там сохранился бортовой журнал.

– И свисток «на вёсла».

– Ага. Знаешь, если мы спрячем этого барабанщика, я могу послать сюда Урагана, чтобы ритм отбивал.

— Злые у тебя шутки, Геслер.

— Так точно. Дело-то в чём: Ураган травит ужасно скучные морские байки. Это ж подарок будет всякому, кто с ним станет пить в будущем. Слегка добавить перцу.

— Не говори, что ты это серьёзно.

Капрал вздохнул.

— Да нет, — сказал он секунду спустя. — Никому не пожелаю тронуться умом, маг.

Спутники вернулись на верхнюю палубу. Остальные молча уставились на них. Геслер пожал плечами.

— Что и следовало ожидать, — сказал он. — Следовало, если ты совсем свихнулся, конечно.

— Тогда, — ответила Фелисин, — ты к самым подходящим людям обращаешься.

Кальп направился к дверце в каюту. Капрал вложил меч в ножны и поспешил за ним. Спустившись на две ступени, они оказались на камбузе. В центре стоял большой деревянный стол. Напротив виднелась ещё одна дверка, ведущая в узкий коридор с койками по обеим сторонам. На дальнем конце его была дверь в капитанскую каюту.

Койки были пусты, но рядом лежало множество вещей, которые уже никогда не понадобятся владельцам.

Дверь в каюту распахнулась с громким скрипом.

Даже по сравнению со всем, что они уже видели, сцена была ужасной. Четыре тела — три замерли в причудливых позах, погибшие внезапно и мгновенно. Никаких признаков разложения, но и крови не видно. То, что убило их, переломало все кости, но нигде не тронуло кожи. Единственным исключением было тело, которое восседало в капитанском кресле, во главе стола с картами, словно руководило жутким собранием, посвящённым Худу. Торчавшее из его груди копьё пробило насквозь тело и спинку кресла. Кровь блестела на животе и коленях фигуры. Она уже не текла, однако казалась влажной.

— Тисте анди? — шёпотом спросил Геслер.

— Похожи, — тихо ответил Кальп, — но не слишком. — Он вошёл в каюту. — Кожа у них серая, а не чёрная. И выглядят не такими... утончёнными.

— Говорят, тисте анди с Плавучего Авали были вполне себе варварами... Хотя, конечно, никто из живущих на этом острове не бывал.

— Никто оттуда не вернулся, во всяком случае, — поправил Кальп. — Но эти одеты в шкуры — едва выделанные. И посмотри только на украшения...

Четыре тела носили костяные фетиши, клыки и когти зверей, полированные морские раковины. Ничего похожего на изысканные украшения тисте анди,

которые Кальпу доводилось видеть в прошлом. Более того, у всех четверых волосы были каштанового цвета и свисали нерасчёсанными, жирными космами. У тисте анди волосы были либо серебристо-белыми, либо полуночно-чёрными.

— Да что же мы видим, Худ разбери? — спросил Геслер.

— Тех, кто убил тисте анди и квонских моряков, я думаю, — отозвался Кальп. — Затем они вошли на этот Путь. Быть может, по своему выбору, быть может, нет. И наткнулись здесь на что-то ещё более злобное, чем они сами.

— Думаешь, остальная команда спаслась?

Кальп пожал плечами.

— Если ты способен при помощи магии повелевать обезглавленными моряками, нужна ли тебе команда более многочисленная, чем та, которую ты видишь?

— А всё одно похожи на тисте анди, — сказал капрал, внимательно разглядывая фигуру в капитанском кресле.

— Нужно привести сюда Геборика, — решил Кальп. — Может, он читал что-нибудь такое, что прольёт свет на это дело.

— Жди здесь, — коротко буркнул Геслер.

Корабль начал поскрипывать — остальные спустились с юта и теперь ходили по верхней палубе. Кальп слушал, как шаги капрала удаляются по коридору. Маг опёрся обеими руками на стол и изучил разложенные на нём бумаги. Среди них была карта, изображавшая землю, которую Кальп не сумел опознать: изрезанное побережье, фьорды, украшенные грубыми изображениями сосен. В глубине белой краской был намечен лёд или снег. Курс был проложен на восток от изрезанных берегов, а затем на юг через океан. Малазанская империя гордилась тем, что обладает картами всего мира, но такой суши маг ни на одной не видел. Имперские претензии на всевластие вдруг показались ему жалкими.

Геборик вошёл в каюту. Кальп даже не оторвался от изучения карт.

— Посмотри на них внимательно, — сказал маг.

Старик пробрался мимо Кальпа, присел рядом с креслом, вгляделся в лицо капитана и нахмурился. Высокие скулы, угловатые глазницы и высокий рост делали его похожим на тисте анди. Геборик потянулся к нему...

— Стой! — рыкнул Кальп. — Поосторожней с тем, чего касаешься. И какой рукой.

Геборик раздражённо зашипел и опустил руку. Через минуту он выпрямился.

— Мне только одно приходит в голову. Тисте эдур.

— Кто?

— «Блажь Готоса». Там упоминается, что из иного мира пришли три народа тисте. Нам, разумеется, известны из них только тисте анди, а Готос называет лишь один из двух других — тисте эдур. Кожа серая, а не чёрная. Чада нежеланного союза Матери Тьмы со Светом.

— Нежеланного?

Геборик поморщился.

— Тисте анди сочли это падением непорочной Тьмы и источником всех своих последующих бедствий. Как бы там ни было, только в «Блажи Готоса» и есть о них упоминание. Оно же и самое древнее.

— Готос ведь был яггутом, верно?

— О да, и самым ядовитым и мрачным писателем из всех, каких я имел неудовольствие читать. Скажи, Кальп, что открывает твой Путь?

— Ничего.

Геборик удивлённо покосился на мага.

— Совсем ничего?

— Совсем.

— Но они ведь, судя по виду, в стазисе — кровь ещё влажная.

— Я знаю.

Геборик указал на предмет, висевший на шее у капитана.

— Вот и свисток, если, конечно, мы собираемся использовать обитателей нижней палубы.

— Либо так, либо будем просто сидеть тут и ждать голодной смерти. — Кальп шагнул к трупу капитана. Длинный костяной свисток висел на кожаном ремешке очень близко от древка копьё. — И от этой костяной трубочки я ничего не чувствую. Она, может, вовсе не работает.

Геборик пожал плечами.

— Я возвращаюсь наверх, к тому, что тут выдают за свежий воздух. Копьё принадлежало баргасту, кстати.

— Слишком уж большое, — возразил Кальп.

— Знаю, но мне всё равно так кажется.

— Слишком большое.

Геборик ничего не ответил и скрылся в коридоре. Кальп раздражённо посмотрел на копьё. Слишком большое. Затем он протянул руку и осторожно снял свисток с шеи трупа.

Выбравшись на верхнюю палубу, маг снова посмотрел на свисток. И крикнул. Теперь в нём оживило колдовство. Там в каюте дыхание отатарала! Неудивительно, что чары их не защитили. Кальп огляделся. Ураган расположился у руля, верный арбалет наготове за спиной. Бодэн стоял рядом, нянчил перебинтованную руку. Фелисин прислонилась к планширю у грот-мачты, скрестила на груди руки и казалась чудовищно спокойной, несмотря на груды отрезанных голов у своих ног. Геборика нигде не было видно.

Подошёл Геслер.

— Истин полез в воронье гнездо, — сказал он. — Забрал свисток?

Кальп подбросил косточку на ладони.

— С курсом определились?

— Посмотрим, что там Истин разглядит, тогда и решим.

Маг запрокинул голову и прищурился, глядя, как юноша ловко взбирается вверх по снастям. Через пять вздохов Истин оказался уже в вороньем гнезде и скрылся из виду.

— Фэнеровы копыта! — Прозвучавшее сверху проклятье привлекло всеобщее внимание.

— Истин!

— На три нагеля влево! Приближается буря!

Геслер и Кальп бросились к правому борту. Бесформенный горизонт набухал тёмным пятном, внутри которого поблёскивали молнии. Кальп прошипел:

— Этот Худом деланный чародей погнался за нами!

Капрал резко развернулся.

— Ураган! Проверь, что там осталось от парусов.

Тут же он сунул свисток в рот и дунул. Раздался звук — хор голосов, воющих погребальную песнь. Он морозом прошил воздух, вопль душ истерзанных превыше всякой муки превращал боль в звук, который стал постепенно стихать, когда Геслер резко опустил свисток.

По обеим сторонам заскрипело дерево — обезглавленные мертвецы приготовили вёсла. Из люка неуклюже выбрался Геборик, его татуировки светились, как фосфор. Глаза старика были широко раскрыты от изумления. Он резко обернулся к Геслеру.

— Теперь у тебя есть команда, капрал.

— Проснулись, — пробормотала Фелисин, отступая на шаг от грот-мачты.

Кальп увидел, что привлекло её внимание. Отрезанные головы открыли глаза и устремили взгляды на Геслера, словно были частью какого-то чудовищного механизма.

Капрал вздрогнул, но тут же собрался.

— Вот бы мне такой пригодился, когда я был строевым сержантом, — с натянутой улыбкой протянул он.

— Твой барабанщик там внизу готов, — заявил Геборик, заглядывая на гребную палубу.

— Забудь про паруса, — доложил Ураган. — Прогнили насквозь.

— Становись у руля, — приказал ему Геслер. — На три нагеля влево. Ничего другого нам не остаётся, только бежать. — Он снова поднял свисток к губам и выдул быструю ритмичную трель. Внизу так же быстро начал бить барабан. Вёсла крутанулись, лопасти, лежавшие прежде горизонтально, развернулись, а затем вошли в маслянистую воду и потянули корабль вперёд.

«Силанда» застонала, освобождаясь от толстой корки, которой зарос киль. Судно пришло в движение и медленно развернулось так, что приближавшиеся тучи оказались точно за кормой. Вёсла врезались в мутную воду с неумолимой точностью.

Геслер повесил ремешок со свистком на шею.

— А старому Императору эта старая дамочка пришлась бы по вкусу, а, Кальп?

— От твоих восторгов меня подташнивает, капрал.

Тот расхохотался.

Два ряда вёсел погнало «Силанду» вперёд, сохраняя таранную скорость. Барабан стучал в ритме бешеного сердцебиения. Он отдавался в костях Кальпа болью. Магу не нужно было спускаться вниз, чтобы убедиться: мускулистый труп колотит своими тыквами по коже барабана, гребцы неустанно налегают на вёсла, а освящённое Худом колдовство огнём пляшет в душном трюме. Кальп отыскал взглядом Геслера, тот стоял на юте рядом с Ураганом. Суровые, крепкие люди, много крепче, чем он мог вообразить. В них чёрный солдатский юмор проник глубже, чем казалось возможным, — холодный, как бессолнечное сердце ледника. Озлобленная самоуверенность... или фатализм? Не думал, что Фэнерова щетина может быть настолько чёрной.

Шторм безумного чародея по-прежнему нагонял их, медленнее, чем прежде, но столь же неумолимо. Маг подошёл к Геборику.

— Это Путь твоего бога?

Старик поморщился.

— Не моего бога. И не его это Путь. Худ знает, в какой части Бездны мы очутились, и сдаётся мне, от этого кошмара не так-то легко будет проснуться.

– Ты вложил тронутую богом руку в рану Урагана.

– Да. Случайно. С тем же успехом мог и другую вложить.

– Что ты почувствовал?

Геборик пожал плечами.

– Что-то прошло через меня. Ты это тоже понял, не так ли? – Кальп кивнул.

– Это был сам Фэнер?

– Не знаю. Не думаю. Я в религиозных делах не большой знаток. На Урагана вроде бы это не повлияло... если не считать исцеления. Не знал, что Фэнер раздаёт такие дары.

– Он и не раздаёт, – пробормотал бывший жрец, глаза его затуманились, когда старик обернулся, чтобы взглянуть на двух морпехов. – Не бесплатно, это уж точно.

Фелисин сидела поодаль от остальных, в компании пирамиды глазающих голов. Они её не слишком беспокоили, поскольку продолжали неотрывно пялиться на Геслера, человека, на груди которого висел костяной свисток. Она опять вспомнила площадь в Унте, жреца из мух. Тогда Фелисин впервые столкнулась с колдовством. Несмотря на все истории о магии и злобных чародеях, о волшебном пламени, в котором горели целые города во время войн на границах Империи, она никогда прежде не видела, как действуют такие силы. Те никогда не являлись столь часто, как можно было бы подумать, слушая истории. И встречи с магией оставляют шрамы: чувство абсолютной беспомощности перед лицом могущества, которое не можешь контролировать. Это делало мир вокруг обречённым, смертоносным, пугающим и мрачным. В тот день, в Унте, изменилось её место в мире или, по крайней мере, то, как Фелисин его чувствовала. И с тех пор она неизменно ощущала неуверенность, не могла восстановить равновесие.

Но, может, дело не в этом. Совсем не в этом. Может, дело в том, что я пережила по пути к галерам, может, причина – в море лиц, буре ненависти и бессмысленной ярости, свободе и жажде причинять боль, которые столь отчётливо проступали на этих, прежде таких обыкновенных лицах. Может быть, это люди вывели меня из равновесия.

Фелисин покосилась на отрезанные головы. Глаза не моргали. Они подсыхали, покрывались корочкой, точно яичный белок, который пролили на раскалённую мостовую. Как мои глаза. Они слишком много видели. Слишком много. Если бы сейчас из вод поднялись демоны, Фелисин не испытала бы потрясения, только удивилась, почему они явились так поздно – и не могли бы вы закончить это всё быстро? Пожалуйста.

Словно длиннорукая обезьяна, Истин ловко спустился по снастям и, легко спрыгнув на палубу, остановился рядом с ней, чтобы стряхнуть с одежды пыльные волокна от канатов. Он был на несколько лет старше Фелисин, но казался ей совсем маленьким. Не рябой, кожа гладкая. Бородка пробивается,

глаза слишком ясные. Ни тебе галлонов вина, ни облаков дурхангового дыма, ни тяжёлых тел, которые ждут своей очереди впихнуться в тебя, в то место, которое поначалу было уязвимым, но скоро отгородилось от всего по-настоящему реального, всего по-настоящему важного. Я им давала только иллюзию того, что они внутри меня, тупичок, карман. Можешь ты понять, о чём я говорю, Истин?

Юноша заметил, что Фелисин смотрит на него, и робко улыбнулся.

— Он там, в облаках, — проговорил Истин ломающимся голосом.

— Кто?

— Чародей. Как сорвавшийся с лески воздушный змей, носится туда-сюда, оставляя за собой ленты крови.

— Какая поэзия, Истин. Лучше становись снова морпехом.

Тот покраснел, отвернулся.

Позади прозвучал голос Бодэна:

— Парень для тебя слишком хорош, поэтому злишься.

— Тебе-то откуда знать? — не оборачиваясь, фыркнула Фелисин.

— Я тебя не очень-то хорошо понимаю, девочка, — признался он. — Но кое-что — вижу.

— Себя ещё в этом убеди. И кстати, дай знать, когда рука начнёт гнить. Не хочу пропустить момент, когда её будут отрезать.

Вёсла трещали контрапунктом гремящему барабану.

Судорожным вздохом их нагнал ветер, а затем — чародейский шторм.

Скрипач пришёл в себя от того, что лица коснулось что-то жёсткое. Он открыл глаза и увидел ошетилившуюся метлу, которая тут же отодвинулась, чтобы на её месте появилось сморщенное чёрное лицо. Незнакомец критически разглядывал сапёра, а закончив, недовольно скривился.

— Пауки в бороде... или что похуже. Не вижу, но знаю, знаю, что они где-то там.

Сапёр глубоко вздохнул и тотчас поморщился от глухой боли в сломанных рёбрах.

— А ну отстань от меня! — зарычал он. Режущая боль в бёдрах напомнила о когтях, которые его изодрали. Левая щиколотка была туго перебинтована — ступни Скрипач не чувствовал, и это его обеспокоило.

– Не могу, – ответил старик. – Спасенья нет. Сделки заключены, всё подготовлено. Об этом Колода говорит ясно. Жизнь, данная за жизнь отнятую, и больше того.

– Ты – дал-хонец, – проворчал Скрипач. – Где я?

Лицо рассекла широкая ухмылка.

– В Тени! Хи-хи-хи.

За спиной у странного старика зазвучал новый голос:

– Отойди, верховный жрец. Солдат едва выкарабкался, а ты его сразу, Искарал Прыщ.

– Это вопрос торжества справедливости! – отрызнулся жрец, но отступил. – Даже твой закалённый спутник преклоняет колени перед этим алтарём, не так ли? Эти детали чрезвычайно важны для понимания. – Он отодвинулся ещё на шаг, и в поле зрения Скрипача замаячила массивная фигура.

– Ага, – вздохнул Скрипач. – Трелль. Память возвращается. А где твой спутник... ягг?

– Развлекает твоих друзей, – сообщил трелль. – Не очень успешно, признаю. За все эти годы Икарий так и не научился манерам, которые бы позволили другим расслабиться в его присутствии.

– Икарий, ягг с таким именем... Создатель машин, преследователь времени...

Трелль показал клыки в широкой, кривой ухмылке.

– О да, владыка песчинок – хотя эту поэтическую аллюзию мало кто понимает, да и дурацкая она.

– Маппо.

– И снова верно. А твои друзья тебя называют Скрипачом, чем разрушают образ гральского воина.

– Ну, значит, не важно, что я, придя в себя, вышел из роли, – заметил сапёр.

– За этот промах наказывать не будем, солдат. Пить хочешь? Есть?

– Хорошо. Да и да. Но прежде всего – где мы?

– В храме, который высекли в скалах. За пределами Вихря. В гостях у верховного жреца Тени: его ты уже видел – Искарал Прыщ.

– Прыщ?

– Именно.

Дал-хонский жрец снова подобрался к постели.

— Над именем моим насмехаешься, солдат?

— Уж никак не я, верховный жрец.

Старик хмыкнул, поудобней перехватил метлу и заковылял прочь из комнаты.

Скрипач осторожно сел, двигаясь, как столетний дед. Ему очень хотелось спросить у Маппо, насколько тяжелы раны, особенно на лодыжке, но он решил ненадолго отложить знакомство с новостями, которые, скорее всего, ему не понравятся.

— Откуда он такой взялся?

— Не уверен, что даже он сам это знает.

— Я очнулся от того, что он мне в лицо метлой тыкал.

— Не удивлён.

Присутствие трелля успокаивающе подействовало на Скрипача. Но тут он вспомнил имя воина. Маппо, это имя цепями приковано к другому. А слухов об обоих столько, что хватит на толстый том. И если хоть один из слухов правдив...

— Икарий отпугнул д'иверсов.

— Репутация у него весомая.

— А заслуженная, Маппо? — Скрипач ещё задавал вопрос, но уже понял, что лучше бы ему было прикусить язык.

Трелль вздрогнул и чуть отодвинулся.

— Принесу тебе лучше поесть-попить.

Маппо вышел из комнатки, двигаясь совершенно бесшумно, несмотря на огромный вес. Это сочетание сразу напомнило Скрипачу Калама. Ну что, старый друг, смог ты опередить бурю?

Искарал Прыщ прокрался обратно в каморку.

— Зачем ты здесь? — прошептал он. — Знаешь зачем? Не знаешь, но я тебе скажу. Тебе и больше никому. — Старик наклонился к сапёру и вцепился обеими руками в редкие завитки своих волос. — Треморлор!

Увидев выражение лица Скрипача, жрец расхохотался и завертелся на месте, выкидывая диковатые коленца, а потом снова склонился к сапёру так, что их лица разделяли считанные дюймы.

— Слухи о Тропе, о Пути домой. Маленький слух-червячок, даже меньше, личинка, крохотней шляпки гвоздя, густая, неровная масса, опутавшая то, что может оказаться истиной. Или ложью. Хи-хи-хи!

Это было уже слишком. Морщась от боли, Скрипач схватил старика за воротник и встряхнул. На лицо ему брызнула слюна, глаза жреца завертелись, как шарики в чашке.

— Что? Опять? — сумел выговорить Искарал Прыщ.

Скрипач его оттолкнул.

Старик зашатался, кое-как выпрямился и принял позу оскорблённого достоинства.

— Стечение реакций. Слишком длительный недостаток социализации и всё такое прочее. Нужно заняться своими манерами и, более того, собственной личностью. — Он склонил голову набок. — Искренний. Прямолинейный. Забавный. Обходительный и удивительно цельный. Что ж! В чём же дело тогда? Солдаты грубы. Жестоки и бессердечны. Вспыльчивы. Знаешь ты Собачью цепь?

Скрипач ошеломлённо заморгал, словно только что вышел из транса.

— Что?

— Она уж началась, только ещё никому не известна. Анабар Тай'лэнд. «Собачья цепь» на малазанском наречии. У солдат вовсе нет воображения, а значит, они способны преподнести удивительные сюрпризы. Есть вещи, которые даже Вихрь не может отшвырнуть.

Вернулся трелль Маппо с подносом.

— Опять изводишь нашего гостя, Искарал Прыщ?

— Пророчества, рождённые Тенью, — пробормотал верховный жрец, холодно и оценивающе разглядывая Скрипача. — Сток во время потопа вызывает волны на поверхности. Река крови, поток слов от скрытого сердца. Всё разбито — расколото. Пауки в каждом углу. — Старик резко развернулся и, печатая шаг, удалился.

Маппо смотрел ему вслед.

— Не стоит на него обращать внимания, да?

Трелль обернулся, его тяжёлые брови приподнялись.

— Худа с два! Будь к нему очень внимателен, Скрипач.

— Боялся, что ты так скажешь. Он упомянул про Треморлор. Он знает.

— Он знает то, что неведомо даже твоим спутникам, — сказал Маппо, подавая сапёру поднос. — Ты ищешь знаменитый Дом Азатов в пустыне.

Да, и врата, которые, как клянётся Быстрый Бен, в нём скрыты..

— А ты? — спросил Скрипач. — Тебя-то что привело в Рараку?

— Я следую за Икарием, — ответил трелль. — Его поискам нет конца.

— И ты посвятил жизнь тому, чтобы помогать ему в поисках?

— Нет, — вздохнул Маппо, затем прошептал, не глядя Скрипачу в глаза, — я стараюсь сделать их бесконечными. Вот, угощайся. Ты пролежал без сознания два дня. У твоих друзей полно вопросов, они жаждут поговорить с тобой.

— М-да, выхода, похоже, нет — придётся отвечать на их вопросы.

— Да, и когда ты немного поправишься, мы сможем отправиться в путь... — Трелль осторожно улыбнулся. — Чтобы найти Треморлор.

Скрипач нахмурился.

— «Поправишься», говоришь? У меня лодыжка разбита — я ниже колена вообще ничего не чувствую. Похоже, ступню придётся отрезать.

— У меня есть некоторый опыт в целительстве, — проговорил Маппо. — Этот храм когда-то занимался именно лечебной алхимией, и монашки многое оставили здесь. И, как ни странно, Искарал Прыщ тоже выказал немалые таланты, хотя за ним нужен глаз да глаз. Когда его одолевает рассеянность, он путает лекарства с ядами.

— Он — одна из ипостасей Престола Теней, — прищурившись, сказал сапёр. — Или Узла, Котильона, Покровителя убийц — между ними особого различия нет.

Трелль пожал плечами.

— Искусство убийцы требует дополнительно познаний в целительстве. Это две стороны одной и той же алхимической монеты. Как бы там ни было, он прооперировал твою ногу — не бойся, я за ним наблюдал. И должен признаться — многому научился. По сути, верховный жрец наново выстроил тебе лодыжку. Склеил осколки некой мазью — ничего подобного я прежде не видел. Так что ты поправишься — и скоро.

— Руки посвящённого Тени пробрались ко мне под шкуру?! Худов дух!

— Либо так, либо остался бы без ноги. Ещё у тебя было пробито лёгкое — я оказался бессилён, но верховный жрец сумел вывести кровь из лёгкого, а затем заставил тебя вдохнуть лечебный порошок. Ты теперь должник Искарала Прыща по гроб жизни.

— Так и я ж о чём! — пробормотал Скрипач.

Снаружи послышались голоса, затем на пороге возникла Апсалар, а за ней — Крокус. Два дня в укрытии от жестокой бури позволили обоим прийти в себя. Они вошли, и Крокус поспешил присесть рядом с кроватью.

— Мы должны отсюда убраться! — прошипел он.

Сапёр покосился на Маппо и заметил, как тот медленно отступает с кривой ухмылкой на губах.

— Успокойся, парень. В чём беда?

— Этот жрец — он же из культа Тени, Скрипач. Ты что, не понимаешь? Апсалар..

Кости сапёра вдруг объял холод.

— Вот проклятье! — прошептал он. — Понимаю. — Он поднял глаза, когда девушка подошла к изножью кровати, и тихо спросил: — Ты ещё в себе, девочка?

— Коротышка со мной хорошо обходится, — ответила она, пожимая плечами.

— Хорошо? — взорвался Крокус. — Как с вернувшейся блудной дочерью, ты хотела сказать! Что мешает Котильону снова одержать тебя?

— Об этом можно спросить у его слуги, — произнёс у двери новый голос. В проёме стоял, прислонившись к косяку и сложив руки на груди, Икарий. Он не сводил серых глаз с чего-то в дальнем углу комнаты.

Из теней выступила фигура. Искарал Прыщ, сидевший на очень странной работы кресле. Он заёрзал и гневно воззрился на Икария.

— Меня не должны были видеть, глупец! Какой толк от дара Теней, если ты легко прозришь, что они скрывают? Тьфу! Я уничтожен!

Тонкие губы Икария слегка изогнулись.

— Почему бы не ответить им, Искарал Прыщ? Успокоить их.

— Успокоить? — Это слово явно показалось верховному жрецу совершенно неуместным. — Какой в этом прок? Нужно подумать. Спокойные. Расслабленные. Не видят пут. Беспечные. Да, конечно! Отличная идея. — Старик помолчал, обернулся к Скрипачу.

Сапёр увидел, как по морщинистому лицу расплывается улыбка, маслянистая, натянутая и нарочито неискренняя.

— Всё в порядке, друзья мои, — промурлыкал Искарал Прыщ. — Успокойтесь. Котильон уже не желает одержать эту деву. Угроза Аномандра Рейка всё ещё в силе. Кто же хочет, чтобы этот грубый провозвестник нецивилизованного хаоса и разрушений вломился в двери храма? Точно не Престол Тени. И не Покровитель убийц. Она по-прежнему под защитой. К тому же Котильон не видит никакого смысла впредь использовать её, хотя остаточные следы его талантов в ней и могут стать причиной для беспокойства.. — Лицо старика исказилось. — Нет! Лучше эту мысль не высказывать! — Он снова заулыбался. — Изысканная беседа проведена и использована с хитроумием и ловкостью. Взгляни на них, Искарал Прыщ! Ты их покоришь, всех до единого.

Наступила долгая тишина.

Маппо откашлялся.

— У верховного жреца редко бывают собеседники, — сказал он.

Скрипач вздохнул, он вдруг почувствовал сильную усталость, откинулся назад и прикрыл глаза.

— Мой конь? Он выжил?

— Да, — ответил Крокус. — О нём позаботились, как и об остальных — о тех, на кого у Маппо нашлось время, я имею в виду. А ещё тут где-то есть Слуга. Мы его не видели, но он исправно трудится.

Вмешалась Апсалар:

— Скрипач, расскажи нам о Треморлоре.

В воздухе повисло напряжение. Сапёр почувствовал его даже сквозь пелену сна, которая пыталась окутать его, обещая временное спасение. Через несколько секунд он преодолел дремоту и со вздохом открыл глаза.

— Быстрый Бен знает о Священной пустыне... ну, много. Когда мы в последний раз ехали по ней — выбирались из неё, собственно, — он говорил об Исчезнувших дорогах. Вроде той, что мы нашли, древняя дорога спит под песками и появляется только время от времени — если ветер дует подходящий. Ну и... одна из этих дорог ведёт в Треморлор...

— А что это? — вмешался Крокус.

— Дом Азатов.

— Вроде того, что вырос в Даруджистане?

— Да. Такие Дома существуют — по слухам, по крайней мере, — практически на всех континентах. Никто не знает их цели, хотя, кажется, они магнитом притягивают силу. Есть старая история о том, что Император и Танцор... — Ох, Худов дух, Келланвед и Танцор, Амманас и Котильон, возможная связь с Тенью... этот храм... Скрипач подозрительно посмотрел на Искарала Прыща. Жрец живо улыбнулся, глаза его заблестели. — Хм, легенда гласит, что Келланвед и Танцор жили когда-то в одном из таких Домов, в городе Малазе...

— В Мёртвом Доме, — добавил Икарий от дверей. — Легенда говорит правду.

— Ага, — пробормотал Скрипач, затем встряхнулся. — Примерно так. В любом случае, Быстрый Бен считает, что все подобные Дома связаны друг с другом — через какие-то врата. И можно путешествовать между ними — практически мгновенно...

— Простите, — Икарий вдруг шагнул в комнату, явно охваченный живым интересом. — Я не слышал такого имени — Быстрый Бен. Что же это за человек, который претендует на обладание такими сокровенными тайнами Азатов?

Сапёр поёжился под немигающим взглядом ягга, затем нахмурился и выпрямился.

— Взводный маг, — ответил он так, чтобы стало ясно — больше Скрипач ничего объяснять не намерен.

Взгляд Икария вдруг стал очень тяжёлым.

– Ты придаёшь большой вес мнению взводного мага.

– Точно.

Заговорил Крокус:

– То есть ты хочешь найти Треморлор, чтобы использовать врата и добраться до города Малаза. Попасть в этот Мёртвый Дом. И тогда нам останется...

– Полдня пути по морю до Итко-Кана, – сказал Скрипач, глядя в глаза Апсалар. – И до Дома твоего отца.

– Отца? – спросил Маппо и нахмурился. – Ты меня запутал.

– Мы везём Апсалар домой, – объяснил Крокус. – К семье. Её одержал Котильон, похитил у отца, украл её жизнь...

– Жизнь в каком качестве? – спросил Маппо.

– Она была рыбачкой.

Трелль промолчал, но Скрипач подумал, что знает произнесённую мысль Маппо: После всего, что она пережила, думаешь, она вернётся к простой жизни с рыбой и сетями?

Сама Апсалар ничего не сказала.

– Жизнь, данная за жизнь отнятую! – закричал Искарал Прыщ, спрыгнул с кресла и начал вертеться на месте, вцепившись обеими руками в редкую шевелюру. – Такое терпение кого угодно сведёт с ума! Но не меня! На якоре у потоков старинного камня, песок утекает под взглядом солнца! Время тянется, растягивается, бессмертные игроки за бесконечной партией. Есть нечто поэтическое в зове стихий, знаете ли. Ягг понимает. Ягг ищет секреты – он есть камень, и камень забывает, камень знает вечное сейчас, и в этом скрыта истина Азатов – но постой! Я тут разбрасываюсь таинственнейшими мыслями и вовсе не слушаю, что говорят другие! – Старик резко замолчал и вернулся в кресло.

Взгляд, которым Икарий посмотрел на верховного жреца, оставил бы след и на самом прочном камне. У Скрипача просто глаза разбегались. Все мысли о сне исчезли.

– Я в этих всех деталях не уверен, – протянул он, чем привлёк всеобщее внимание, – но у меня такое чувство, будто я – марионетка, которая вот-вот вступит в сложный и хитроумный танец. Но какой? И кто тянет за верёвочки?

Все посмотрели на Искарала Прыща. Верховный жрец ещё некоторое время сохранял сосредоточенное выражение, затем моргнул.

— Скрамнейшему мне задают вопрос? Извинения и реверансы — очевидно неискренние. Великий и сложный разум подвержен рассеянности. Твой вопрос? — Он склонил голову и улыбнулся в тени. — Обмануты они? Скрытые истины, смутные намёки, случайный выбор слов в бессмысленном отзвуке эха? Они не знают. Купайся же в их трепете с широко распахнутыми невинными глазами! О-о, как изысканно!

— Ты нам ответил вполне внятно, — сказал верховному жрецу Маппо.

— Да? Это дурно. То есть, как мило с моей стороны. Пожалуйста. Прикажу Слуге подготовить ваш отряд. Странствие в знаменитый Треморлор, где все истины сойдутся с ясностью обнажённых клинков и оскаленных клыков, где Икарий обретёт своё утраченное прошлое, некогда одержимая рыбачка найдёт то, о чём ещё сама не знает, что ищет, где юноша найдёт цену, которую надо заплатить за то, чтобы стать мужчиной, или не найдёт, где злополучный трелль сделает то, что должен, и где усталый сапёр наконец получит благословение своего Императора, о да! Если, конечно, — добавил он, прижав палец к губам, — Треморлор не миф, а эти цели — не бессмысленная трата времени.

Верховный жрец, продолжая прижимать палец к губам, снова уселся в своё странное кресло. Тени сомкнулись вокруг него. В следующий миг он исчез вместе с креслом.

Скрипач вдруг понял, что бессмысленно пялиться в пустой угол, будто в глубоком трансе. Он потряс головой, потёр лицо и посмотрел на остальных, но они вели себя точно так же — будто всех их одновременно опутали незаметные и соблазнительные чары. Скрипач тяжело вздохнул.

— Неужели одни только слова тоже могут таить в себе магию? — спросил он, ни к кому не обращаясь.

Ответил Икарий:

— И такую магию, солдат, которая способна поставить на колени самих богов.

— Мы должны отсюда убраться, — пробормотал Крокус.

На этот раз все согласно кивнули.

Глава девятая

Малазанские инженеры — люди особые: своенравные, сквернословящие, строптивные, скрытные и упрямые. Они — краеугольный камень малазанской армии...

Сэнжалль . Войска Империи

Как только Калам спустился на простор Орбала-одана, он увидел первые признаки восстания. Группа малазанских беженцев попала в засаду, когда двигалась по сухому руслу реки. Нападавшие выскочили из густой травы, что росла вдоль берегов, и сперва принялись стрелять из луков, а затем набросились на беспомощных малазанцев.

Три фургона подожгли. Калам неподвижно сидел на коне, разглядывая курившиеся груды обугленного дерева, пепла и костей. Из всех пожитков жертв остался только маленький свёрток с детской одеждой – крошечное цветное пятнышко в десяти шагах от дымящихся обломков фургонов.

Калам ещё раз оглянулся, чтобы высмотреть демона – Апта нигде не было видно, хотя убийца чувствовал, что он где-то рядом, – и спешил. Следы подсказывали, что скот малазанцев увели нападавшие. Все мёртвые тела принадлежали тем, кто сторел в фургонах. Осмотр показал, что были и выжившие – небольшой отряд, который покинул место засады и бежал на юг через одан. Их, похоже, не преследовали, но Калам знал: на этой равнине у беглецов мало шансов спастись. До города Орбала пришлось бы идти дней пять-шесть, но он, скорее всего, уже в руках восставших, поскольку гарнизон там всегда был недоукомплектованный.

Калам задумался, откуда здесь вообще беженцы. На многие лиги вокруг почти не было поселений.

Топая по песку, словно по кожаному барабану, вверх по руслу поднялся Апт. Раны чудовища более или менее затянулись, оставив на его чёрной шкуре лишь сморщенные шрамы. С нападения д'иверсов прошло пять дней. Не было никаких признаков того, что оборотень по-прежнему преследует его, и Калам надеялся, что охотник ранен настолько, чтобы отказаться от мысли продолжать.

Тем не менее за ним шёл... некто. Убийца это нутром чувствовал. Он подумывал над тем, чтобы устроить собственную засаду, но Калам был один, а преследователей могло оказаться много. Более того, убийца не был уверен, что Апт поддержит его в бою, – и сильно в этом сомневался. Единственным преимуществом оставалась скорость передвижения. После боя он без особых трудов отыскал своего коня, и тот, похоже, неплохо справлялся с тяготами пути. Калам начал подозревать, что между жеребцом и демоном зародилось своего рода соперничество: похоже, конь чувствовал стыд за то, что сбежал с поля боя, и теперь пытался восстановить утраченную иллюзию превосходства.

Калам снова забрался в седло. Апт нашёл след беглецов и теперь прихивался, покачивая из стороны в сторону вытянутой, узкой головой.

– Не наша проблема, – бросил ему Калам, поправляя за поясом единственный оставшийся длинный нож. – У нас своих бед по горло, Апт. – Он пришпорил коня и поехал туда, где его путь наверняка не пересечётся со следом беглецов.

В быстро ступавшихся сумерках Калам скакал по травянистой равнине. Несмотря на внушительные размеры, демон будто растворился в полумраке. Этот демон рождён во Владениях Тени – чему же удивляться?

Впереди раскинулся овраг – ещё одно пересохшее русло. Когда убийца подъехал ближе, из укрытия у ближнего берега поднялись две фигуры. Ругаясь вполголоса, Калам придержал коня и поднял обе руки ладонями вперёд.

– Я – мекрал, обарии! – сказал Калам. – Скачу с Вихрем!

– Тогда подъезжай ближе, – ответил один из незнакомцев.

Не опуская рук, Калам пятками и коленями направил жеребца к краю оврага.

– И точно – мекрал, – проворчал тот же голос. Из высокой травы выступил мужчина с обнажённым тальваром в руке. – Раздели с нами трапезу, всадник. Ты принёс нам новости с севера?

Калам расслабился и спешился.

– Месячной давности, обарий. Я уже много недель ни с кем не говорил – что ты мне скажешь?

Незнакомец оказался просто обычным разбойником, который мародёрствовал, прикрываясь благородным делом восстания. Он ухмыльнулся убийце, сверкнув немногочисленными зубами.

– Отмщение против мезланов, мекрал. Воздаяние сладостное, как ключевая вода.

– Так Вихрь не знает поражения? Мезланские армии ничего не сделали?

Ведя коня в поводу, Калам вместе с разбойниками спустился к их лагерю. Разбит он был небрежно, что выдавало недалёкий ум главаря. Недоумки навалили такую кучу хвороста, что, когда костёр разожгут, видно его будет на пол-одана. Небольшое стадо волов заперли в самодельном краале с подветренной стороны лагеря.

– Мезланские армии сделали, что надо, – передохли, – с ухмылкой ответил главарь. – Говорят, только одна осталась, далеко на юго-востоке. Ведёт её виканец с сердцем из чёрного, бескровного камня.

Калам хмыкнул. Разбойник протянул ему бурдюк с вином, и убийца, благодарно кивнув, сделал большой глоток. Сольтанское, отобрали у мезланов – наверное, из тех фургонов, которые я видел. И волы оттуда же.

– На юго-востоке? Это из одного из прибрежных городов?

– Ага, из Хиссара. Но Хиссар уже в руках Камиста Релоя. Как и все прочие города, кроме Арэна, да ведь и внутри Арэна сидит джистал. Виканец бежит по суше, скованный тысячами беженцев – они просят у него защиты, хоть и лакают его же кровь.

– Так он не такой уж и черносердечный, – пробормотал Калам.

– Точно. Ему бы бросить их на поживу армии Релоя, но он, видать, боится гнева безмозглых дураков, которые командуют в Арэне, – хотя и им дышать уже недолго осталось.

– Как зовут этого виканца?

– Колтейн. Говорят, у него вороньи крылья и столько смешного он находит в боине, что часто хохочет в бою. Долгая, медленная смерть его ждёт, в том поклялся Камист Релой.

– Да пожнёт Вихрь все заслуженные награды, – проговорил убийца и снова отхлебнул вина.

– Красивый у тебя конь, мекрал.

– И верный. Не даст чужому на себя сесть. – Калам понадеялся, что это предупреждение для разбойника прозвучит достаточно прозрачно.

Главарь пожал плечами.

– Всякого можно укротить.

Убийца вздохнул и положил на землю бурдюк.

– Вы что – предали Вихрь? – спросил он.

Все вокруг замерли. Слева от Калама сухие дрова затрещали в языках разгорающегося пламени.

Главарь развёл руками и скорчил оскорблённую гримасу.

– Это же была просто похвала, меркал! Чем мы заслужили такие подозрения? Мы ведь не воры и не убийцы, друг. Мы – правоверные! Твой прекрасный конь, конечно, принадлежит тебе, хоть у меня и есть золото...

– Он не продаётся, обарий.

– Ты даже не выслушал моё предложение!

– Хоть бы за все Семь Святых сокровищ – не продам, – прорычал Калам.

– Тогда не будем больше об этом говорить. – Главарь подобрал бурдюк и снова предложил его Каламу.

Тот принял вино, но на этот раз лишь намочил губы.

– Печальны времена, – продолжил главарь, – когда доверие – редкость между братьями-воинами. Мы ведь все скачем во имя Ша'ик. У всех нас один, ненавистный враг. Ночи – такие, как эта, когда выдалась минута мира под звёздами среди священной войны, – созданы для празднества и братства, друг.

— Своими словами ты уловил всю красоту нашей борьбы, — сказал Калам. Слова так легко летят по-над ужасами, жестокостью и страхом, что вообще удивительно, как кто-то кому-то ещё доверяет.

— А теперь ты отдашь мне своего коня и этот прекрасный клинок, который я вижу у тебя за поясом.

Смех убийцы был похож на тихий рокот.

— Я насчитал семерых: четверо передо мной, трое где-то за спиной. — Он помолчал, глядя в высвеченные огнём глаза главаря. — Дело будет рискованное, но я уж побеспокоюсь, чтоб тебя убить первым, друг.

Разбойник смешался, затем ответил с улыбкой:

— Нет у тебя чувства юмора. Ты, видно, слишком давно странствуешь один, раз отвык от солдатских розыгрышей. Ты голоден? Нынче утром мы нашли отряд мезланов, и они очень щедро оделили нас своими припасами и прочим имуществом. На рассвете мы к ним снова заглянем. Среди них есть и женщины.

Калам нахмурился.

— Это такая у тебя война против мезланов? Все вы вооружены, все на конях — почему не присоединились к армиям Апокалипсиса? Камисту Релю нужны такие воины, как вы. Я еду на юг, чтоб поспеть к осаде Арэна, которая наверняка скоро начнётся.

— И мы тоже — хотим войти в распахнутые ворота Арэна! — пылко отозвался главарь. — Более того, мы с собой ведём скот, чтобы накормить своих братьев по оружию! Ты что же, хочешь, чтобы мы отпустили богатых мезланов, которые нам попались?

— Одан их убьёт и без нашей помощи, — сказал убийца. — Их волы теперь у вас.

Распахнутые ворота Арэна... и внутри джистал. Что это значит? «Джистал». Незнакомое слово, не из наречий Семи Городов. Фаларское?

Услышав слова Калама, главарь помрачнел.

— Мы их возьмём на рассвете. Ты с нами, мекрал?

— Они к югу отсюда?

— Точно. Меньше часа езды.

— Я и так в этом направлении еду, так что буду с вами.

— Отлично!

— Но нет ничего святого в изнасиловании, — проворчал Калам.

— Святого — ничего. — Главарь ухмыльнулся. — Зато справедливо.

...Выехали ночью, под сияющими звёздами. Один из разбойников остался в лагере с волами и прочей добычей, так что с Каламом отправились шестеро. У каждого за плечом был лук с двойным изгибом, но стрел явно не хватало — ни в одном колчане убийца не заметил больше трёх, да и те — с сильно истрёпанным оперением. Толку от них — только если стрелять с близкого расстояния.

Борду, главарь разбойников, сказал Каламу, что всего малазанских беженцев пятеро — один солдат, две женщины и два маленьких мальчика. Он был уверен, что солдата ранили во время первого боя, поэтому Борду не ожидал особого сопротивления. Сначала надо убить мужчину.

— А потом поиграем с женщинами и мальчиками... Может, ты тогда передумаешь, мекрал.

Калам в ответ только хмыкнул. Таких людей он знал. Храбрились они, только пока числом превосходили жертв, а доблестью полагали возможность задавить и запугать беспомощных жертв. Таких созданий в мире было полно, и когда в стране началась война, для них наступило раздолье. Такова жестокая тень всякой благородной борьбы. По-эрлийски их называли «э'птарх ле'джебран» — «стервятники насилия».

Впереди иссохшая кожа прерии растрескалась. Сутулые гранитные глыбы поднимались над травой на склонах нескольких невысоких холмов. Слабый свет костра освещал одну из таких скал. Калам покачал головой. Подобная беспечность во враждебной стране недостойна солдата.

Борду поднял руку и остановил небольшой отряд примерно в полусотне шагов от гранитной глыбы.

— Отводите глаза от огня, — прошептал он остальным. — Пусть лучше эти дурни будут слепы в темноте, а не мы. Теперь — расходимся. Мы с мекралом зайдём с другой стороны. Дайте нам пятьдесят вдохов, затем нападайте.

Калам прищурился, глядя на главаря. Зайдешь с другой стороны, рискуешь поймать стрелу-другую от остальных разбойников во время боя. Опять солдатский розыгрыш, ясно. Калам ничего не сказал и поехал бок о бок с Борду.

— Твои люди хорошо стреляют из луков? — поинтересовался убийца через несколько минут.

— Жалят, как гадюки, мекрал.

— И с такого же расстояния, — пробормотал Калам.

— Они не промахнутся.

— Не сомневаюсь.

— Боишься, мекрал? Ты — такой здоровый, опасный. И ясно как день, что воин. Я удивлён.

— Сейчас ещё больше удивишься, — сказал Калам и резко провёл клинком по горлу Борду.

Хлынула кровь. Главарь забулькал и повалился назад в седле, так что рана на шее жутко хлюпнула.

Убийца спрятал нож. Подъехал ближе вовремя, чтобы подхватить тело, выровнять его в седле и удержать одной рукой за спину.

— Проедем ещё немного вместе, — проговорил Калам. — И да сдерут Семь Святых шкуру с твоей неверной души.

Как, несомненно, сдерут и с моей в свой срок.

Впереди показался дрожащий огонь костра. Крики вдалеке озаменовали нападение. Копыта коней застучали по твёрдой земле. Калам пустил жеребца лёгким галопом. Конь Борду не отставал, тело главаря болталось из стороны в сторону, голова свалилась набок, так что ухо прижалось к плечу.

Они добрались до склона холма — с этой стороны он был пологий, взобраться по нему было легче. Калам уже видел нападавших: разбойники въехали в круг света, стрелы полетели в укрытые одеялами фигуры у огня.

По звуку Калам мгновенно понял, что тел под одеялами нет. Солдат оказался толковый — устроил западню. Убийца ухмыльнулся. Он толкнул тело Борду на переднюю луку седла и сильно шлёпнул коня по крупу. Тот помчался к свету.

Убийца быстро остановил своего жеребца и скользнул на землю, оставаясь в темноте за пределами светового круга, а затем беззвучно двинулся вперёд.

Послышался звонкий щелчок арбалета. Один из разбойников вылетел из седла и рухнул на землю. Остальные натянули поводья, они явно растерялись. Что-то похожее на маленький мешочек полетело к костру и упало прямо в огонь, выбросив сноп искр. В следующий миг ночь осветил каскад языков пламени, так что чётко выступили силуэты четверых разбойников. Из темноты снова разрядили арбалет, затем другой. Два разбойника вскрикнули, каждый изогнулся, пытаясь дотянуться до стрелы в спине. Затем они застонали и обмякли, а лишившиеся всадников лошади испуганно пошли по кругу.

Калама вспышка не осветила, но глаза уже ничего не различали во тьме. Тихо ругаясь, он двинулся вперёд, сжимая в правой руке длинный нож, а в левой — обоюдоострый кинжал.

Убийца услышал стук копыт из темноты. Оба разбойника развернули лошадей, чтобы встретить нападавшего. На свет выскочил конь и остановился. В седле никого не было.

Яркое пламя в костре начало угасать.

Нервы Калама вдруг словно зазвенели, он остановился и пригнулся. Конь без всадника бесцельно подошёл к разбойникам справа и вскоре оказался рядом с

одним из нападавших. Текучим, изящным движением на его спину взлетела фигура — женщина, которая всё это время пряталась сбоку, держась за одно стремя. Она тут же с размаху ударила ближайшего разбойника мясницким тесаком. Тяжёлое лезвие вошло ему в шею и застряло между позвонками.

Женщина обеими ногами стояла на седле. Разбойник ещё только падал на землю, а она уже переступила на его лошадь, выхватила сулицу из седельного чехла и ударила ею, как копьём, второго противника.

Тот прошипел проклятье, но отреагировал по военной науке. Вместо того, чтобы откинуться назад в безнадёжной попытке уклониться от острого наконечника, он вонзил каблуки в бока лошади и пригнулся так, чтобы сулица прошла мимо. Его лошадь грудью врезалась в бок коня. Женщина вскрикнула, потеряла равновесие и тяжело упала на землю.

Разбойник спрыгнул с седла, обнажая тальвар.

Кинжал Калама вошёл ему в горло в трёх шагах от ошеломлённой женщины. Брызгая от ярости слюной, разбойник вцепился обеими руками в шею и упал на колени. Калам подошёл вплотную, чтобы добить его.

— Ни с места! — прошипел голос у него за спиной. — На тебя нацелен арбалет. Бросай свою ковырялку. Живо!

Убийца пожал плечами и позволил оружию выпасть из руки.

— Я из Второй армии, — сказал он. — Воинство Однорукого...

— В полутора тысячах лиг отсюда.

Женщина, которой от падения явно вышибло воздух из лёгких, начала приходить в себя. Она встала на четвереньки, длинные чёрные волосы прикрыли лицо.

Последний разбойник наконец умер, испустив тихий булькающий стон.

— Ты местный, из Семи Городов, — проговорил голос за спиной у Калама.

— Да, но и солдат Империи. Слушай, ну, подумай: я ехал с другой стороны, с главарём разбойников. Он был мёртв прежде, чем конь вынес его к вашему костру.

— А почему солдат носит талабу, а не форму, и едет в одиночку? Дезертир — а это смертный приговор.

Калам раздражённо зашипел.

— А ты сам явно решил защищать семью, а не роту, к которой приписан. По военному закону Империи это считается дезертирством, солдат. — В этот момент малазанец вошёл в поле зрения убийцы, продолжая направлять на него арбалет.

Мужчина едва держался на ногах. Невысокий, полный, в изорванной форме роты охранения — светло-серый кожаный колет, тёмно-серый нарамник. Его

лицо и руки покрывала сеть царапин. Глубокая рана зияла на щетинистом подбородке, а затенявший глаза шлем был помят. Пряжка на плаще указывала на чин капитана. Глаза убийцы удивлённо распахнулись.

— Хотя капитан-дезертир — это редкое явление...

— Он не дезертир, — сказала женщина, которая уже полностью оправилась и начала перебирать оружие мёртвых разбойников. Она подобрала лёгкий тальвар и, сделав несколько взмахов, проверила, насколько он сбалансирован. В свете костра Калам разглядел, что она привлекательная, среднего сложения, с пробивающейся в волосах сединой. Глаза у неё были пронзительно-серые. Женщина подобрала железный обруч-ножны и прицепила к поясу.

— Мы выступили из Орбала, — проговорил капитан, и в его голосе явно звучала боль. — Вся рота, и под нашей защитой — беженцы, наши семьи. Напоролись прямо на Худову армию во время марша на юг.

— Только мы остались, — сказала женщина, оборачиваясь, чтобы указать во тьму. Другая женщина — очень похожая на неё, но моложе, тоньше — и двое детей боязливо вышли на свет, а затем столпились за плечом капитана.

Тот продолжал направлять на Калама подрагивающий арбалет.

— Сэльва, моя жена, — сказал он, указывая на женщину рядом. — А это — наши дети. И сестра Сэльвы, Минала. Это про нас. Теперь говори о себе.

— Капрал Калам, Девятый взвод... «Мостожогги». Теперь понимаете, почему я не в форме, капитан.

Малазанец усмехнулся.

— Вас объявили вне закона. Так отчего же ты не с Дуджеком? Если только не вернулся на родину, чтобы поддержать Вихрь.

— Это твой конь? — спросила Минала.

Убийца обернулся и увидел, что его жеребец спокойно подошёл к лагерю.

— Да.

— Знаешь толк в лошадях, — заметила она.

— Он мне обошёлся в целое приданое. Я решил: если уж такой дорогой, значит, наверное, хороший. Это всё, что я знаю о лошадях.

— Ты нам до сих пор не объяснил, зачем явился сюда, — пробормотал капитан, но Калам заметил, что тот уже начал расслабляться.

— Почуял, как в воздухе запахло бунтом, — ответил убийца. — Империя принесла мир в Семь Городов. Ша'ик хочет вернуть старые дни — тираны, войны на границах, резня. Я еду в Арэн. Там высадутся карательные отряды — и если повезёт, я к ним пристроюсь, может, в качестве проводника.

— Тогда поедешь с нами, капрал, — сказал малазанец. — Если ты и вправду «мостожог», то знаешь солдатское ремесло. Покажи мне его по дороге в Арэн, и я позабочусь, чтобы тебя без особого шума приняли обратно в ряды армии Империи.

Калам кивнул.

— Можно теперь оружие подобрать, капитан?

— Можно.

Убийца присел, потянулся к своему длинному ножу и замер.

— Только одно, капитан...

Малазанец уже бессильно оперся на плечо жены. Он посмотрел на Калама мутными глазами.

— Что?

— Лучше мне изменить имя... в бумагах, официально. Не хотелось бы попасть на виселицу в Арэне, если меня узнают. Спору нет, «Калам» не самое редкое имя, но всегда есть шанс, что кто-то сообразит...

— Так ты тот самый Калам? Говоришь, Девятый взвод, да? Худов дух! — Если капитан и собирался ещё что-то сказать, то не успел. Колени у него подломились, жена с тихим всхлипом уложила малазанца на землю, а затем посмотрела перепуганными глазами на сестру и на Калама.

— Расслабься, девочка, — сказал убийца, выпрямляясь. — Я снова в армии.

Два мальчика — одному на вид было лет семь, другому четыре — с преувеличенной осторожностью подошли к потерявшему сознание капитану и его жене. Женщина заметила их и раскинула руки. Оба бросились в её объятия.

— Его затоптали, — объяснила Минала. — Один из разбойников тащил его за своим конём. Шестьдесят шагов, прежде чем он перерезал верёвку.

Женщины в гарнизоне были либо шлюхами, либо жёнами — по поводу Миналы сомнений не возникало.

— Твой муж тоже был в этой роте?

— Он её командовал. Но он умер.

Таким тоном Минала могла бы говорить о погоде. Калам почувствовал в этой женщине железный самоконтроль.

— А капитан — твой зять?

— Его зовут Кенеб. Мую сестру Сэльву ты уже знаешь. Старшего мальчика зовут Кесен, младшего — Ванеб.

— Ты из Квона?

— Давно уехали.

Болтать не любит. Убийца покосился на Кенеба.

— Жить будет?

— Не знаю. У него голова кружится. Теряет сознание.

— Перекошенное лицо, невнятная речь?

— Нет.

Калам подошёл к своему коню и собрал поводья.

— Куда это ты? — резко спросила Минала.

— Там один разбойник стережёт еду, воду и скот. Нам это всё нужно. Значит, вместе и пойдём.

Калам начал возражать, но Минала подняла руку.

— Подумай, капрал! У нас есть кони разбойников. Все мы сможем ехать верхом. Мальчики научились сидеть в седле прежде, чем ходить. А кто нас защитит, когда тебя не будет? Что случится, если тебя ранит этот последний разбойник? — Она развернулась к сестре. — Кенеба положим на седло, Сэльва. Договорились?

Та кивнула.

Убийца вздохнул.

— Только разбойника предоставьте мне.

— Хорошо. Судя по реакции Кенеба, ты нажил себе определённую славу.

— Дурную или добрую?

— Думаю, это он расскажет, когда очнётся.

Надеюсь, что нет. Чем меньше они обо мне знают, тем лучше.

До рассвета оставался ещё час, когда Калам поднял руку, чтобы остановить отряд.

— Вон там старое русло, — прошептал он, указывая на тёмную полосу в тысяче шагов впереди. — Вы все ждите здесь. Я быстро.

Калам снял с седла лучший из разбойничьих луков и выбрал две наименее потрёпанные стрелы.

– Заряди арбалет, – сказал он Минале. – На случай, если что-то пойдёт не так.

– А как я узнаю?

Убийца пожал плечами.

– Нутром почувешь.

Он покосился на Кенеба. Капитан висел на седле, так и не придя в сознание. Нехорошо. Ранения в голову – самые непредсказуемые.

– Он ещё дышит, – тихо сказала Минала.

Калам хмыкнул, затем побежал трусцой через равнину.

Свет костра он увидел задолго до того, как добрался до высокой травы на берегу. Никакого страха. Хороший знак. А вот голоса – плохой. Калам опустил на землю и пополз на животе по укрытой росой траве.

Прибыл ещё один отряд разбойников. С подарками. Калам разглядел неподвижные тела пяти женщин. Каждую изнасиловали и убили. Кроме подельника Борду, у огня сидели ещё семеро. Все были хорошо вооружены и одеты в доспехи из вываренной кожи.

Подельник Борду тархтел по тысяче слов на каждый вдох.

– ...чтоб коней не томить. Вот пленники пешком и пойдут. Две женщины. Два мальчика. Точно говорю. Борду такое продумывает. И конь королевский. Сами увидите...

– Борду подарит коня, – прорычал один из новоприбывших. Это не был вопрос.

– Само собой! И мальчика одного. Борду – щедрый командир, начальник. Очень щедрый...

Начальник. Значит, это – настоящие воины Вихря.

Калам подался назад, затем замешкался. В следующий миг его взгляд упал на убитых женщин, и убийца беззвучно выругался.

Тихий шелчок прозвучал у него над самым плечом. Калам окаменел, затем очень медленно повернул голову. Рядом с ним сидел, пригнувшись, Апт, с клыков свисала нитка слюны. Демон с намёком подмигнул.

– Значит, сейчас? – прошептал Калам. – Или посмотреть пришёл?

Демон никак не ответил. Разумеется.

Убийца положил на тетиву лучшую из двух стрел, послунил пальцы и провёл ими по оперенью. Не было никакого смысла выдумывать хитроумный план. Надо просто убить восьмерых.

Держась в высокой траве, он приподнялся, сел на корточки, набрал воздуха в лёгкие и натянул лук. Надолго задержал тетиву и дыхание.

Выстрел получился что надо. Стрела вонзилась командиру отряда точно в левый глаз, и железный наконечник с хрустом вошёл во внутреннюю стенку черепа. Голова дёрнулась так, что с неё слетел шлем.

Калам уже вновь натянул тетиву, хотя тело ещё только зашаталось, чтобы рухнуть лицом вперёд. Прицелился он в того, кто отреагировал быстрее всех, высокого солдата, который сидел спиной к убийце.

Стрела пошла слишком высоко — подвело кривое древко. Наконечник ударился в правую лопатку и отскочил от кости прямо под ободок шлема. Каламу снова повезло, воин замертво рухнул в костёр. Тело притушило пламя, вверх взметнулись искры. Темнота плащом окутала овраг.

Убийца бросил лук на землю и быстро подскочил к орущим, перепуганным солдатам. В правой руке Калам держал пару ножей. Выбрал цели. Левая рука рассекла тьму, посылая в полёт первый нож. Воин закричал. Другой заметил убийцу.

Калам обнажил длинный нож и кинжал для ближнего боя. Противник попытался снести ему голову тальваром. Убийца пригнулся, шагнул ближе и вогнал клинок ему под подбородок. Поскольку кинжал не встретил на своём пути твёрдой кости, Калам успел выдернуть его, чтобы парировать выпад сулицей, сделать ещё шаг и воткнуть остриё длинного ножа в горло врагу.

По плечам Калама пришлось лезвие тальвара, удар оказался скользким, так что не смог рассечь кольчугу под талабой. Убийца развернулся и, держа нож обратным хватом, распорол противнику щёку и нос.

Когда воин отшатнулся, убийца отбросил его прочь ударом ноги. Три остальных бойца и подельник Борду отступили, чтобы перестроиться. Похоже было: они вообразили, будто на них напал целый взвод. Калам воспользовался тем, что противники панически озирались, высматривая в тенях врагов, и добил воина с раскрытым лицом.

— В стороны! — прошипел один из воинов. — Джелем, Ханор, берите арбалеты..

Дождаться, пока дело дойдёт до арбалетов, было глупо. Калам бросился на солдата, который взялся командовать. Тот отчаянно отступал, тальвар в его руке метался, пытаясь предвосхитить сложные финты и обманные выпады убийцы и распознать, который из них станет настоящим ударом. Затем инстинкт заставил воина забыть о защите и контратаковать.

Этого убийца и ждал. Кончиком кинжала он подсёк под запястье направленный сверху вниз удар. Воин насадил руку на клинок, завопил от боли и выронил оружие.

Калам вогнал длинный нож в грудь противнику, пригнулся и перекатился, чтобы уклониться от удара подельника Борду. Неожиданно: Калам не думал, что разбойник наберётся храбрости. И чуть было не погиб. Спасло его только то, что поднялся убийца прямо перед врагом. Калам вонзил кинжал

точно над поясной пряжкой. Горячая жидкость хлестнула на запястье. Разбойник вскрикнул, согнулся вдвое, прижав собой кинжал и руку Калама.

Убийца выпустил оружие и шагнул так, чтобы оказаться позади разбойника.

Двое оставшихся воинов пригнулись в двадцати футах от него и спешно заряжали арбалеты – малазанские, военного образца. По обоим солдатам было видно, что они совершенно не привыкли к такому оружию и толком не разобрались в зарядном механизме. Сам Калам управился бы с таким арбалетом за четыре секунды.

Он не дал воинам даже этого времени и одним прыжком преодолел разделявшее их расстояние. Один ещё пытался подцепить тетиву рычагом, но от ужаса всё испортил – стрела выскочила с ложа и упала на землю. Второй воин с рычанием отшвырнул арбалет и выхватил тальвар, так что сумел встретить натиск Калама. У солдата Апокалипсиса было преимущество в дистанции и весе оружия, но оба утратили всякое значение, когда он окаменел от внезапного страха.

– Не надо...

Это были его последние слова, потому что Калам отбил в сторону тальвар и крест-накрест вскрыл воину горло длинным ножом. Обратный взмах убийца превратил в выпад, так что клинок пронзил кожаный нагрудник, плоть и скользнул между рёбер в лёгкое. Воин захрипел и повалился. Убийца добил его ещё одним колющим ударом.

Если не считать стонов подельника Борду, вокруг воцарилась тишина. Из рощицы в тридцати шагах вниз по ходу пересохшего русла послышались первые трели пробуждавшихся с рассветом птиц. Калам опустил на одно колено, набрал полную грудь свежего, прохладного воздуха.

Он услышал, как по южному склону в русло спускается лошадь, обернулся и увидел Миналу. Арбалет в её руках метался с одного трупа на другой, пока женщина не осмотрела весь лагерь. Затем она заметно расслабилась и огромными глазами посмотрела на Калама.

– Их тут восемь.

Убийца, который всё ещё не мог отдышаться, только кивнул. Он наклонился и вытер лезвие и рукоять своего длинного ножа о телабу последней жертвы, затем проверил остроту клинка, прежде чем вложить оружие в ножны на поясе.

Подельник Борду наконец затих.

– Восемь.

– Как там капитан?

– Очнулся. Вялый. Кажется, у него жар.

– Примерно в сорока шагах на восток отсюда есть подходящее место, – сказал Калам. – Предлагаю разбить там лагерь на день. Мне нужно поспать.

— Хорошо.

— Нужно этот лагерь обыскать... тела...

— Этим займёмся мы с Сэльвой. Нас не так-то просто напугать. С недавних пор...

Убийца с крихтением поднялся и начал собирать остальное своё оружие. Минала наблюдала за ним.

— Были ещё двое, — сказала она.

Калам остановился над телом, поднял глаза.

— Что?

— Стерегли лошадей. Они... — Минала замаялась, затем мрачно продолжила: — Их разорвали на куски. Большие куски мяса... пропали. Следы укусов.

Убийца снова закрихтел и медленно поднялся.

— Еды у меня в последнее время было не очень много, — пробормотал он.

— Может быть, равнинный медведь, из крупных — бурых. Воспользовался моментом, чтобы задрать двух сторожей. Слышал, как ржали кони?

— Может быть. — Калам внимательно посмотрел в её лицо, гадая, что же происходит за этими почти серебряными глазами.

— Я не слышала, но криков было много, а звук в таких руслах прыгает туда-сюда. В любом случае, подобное объяснение стодится, как думаешь?

— Похоже на то.

— Хорошо. Я сейчас поеду за остальными. Скоро вернусь.

Минала развернула лошадь, не касаясь поводьев, поскольку по-прежнему держала в руках арбалет. Калам не совсем понял, как ей это удалось. Он вспомнил, как эта женщина висела у бока лошади на стремени несколько часов назад, а потом переступила с седла на седло. Да, на конях она ездить умеет.

Когда Минала выбралась наверх, убийца оглядел полный мертвецов лагерь.

— Ох, Худ, — выдохнул он, — нужно передохнуть.

— Калам, который ехал со Скворцом через Рараку... — Капитан Кенеб покачал головой и снова пошевелил угли в костре.

Наступили сумерки. Убийца совсем недавно очнулся от глубокого, долгого сна. Первые часы после пробуждения его всегда мучили. Ныли суставы,

старые раны – возраст всегда догонял Калама во сне. Сэльва заварила крепкий чай и налила чашку Каламу. Он смотрел на угасающее пламя.

Минала сказала:

– Никогда бы не поверила, что один человек может убить восьмерых за считанные минуты.

– Калама взяли в Когти, – сказал Кенеб. – Редкое дело: обычно они набирают детей, чтобы потом учить их...

– Учить? – фыркнул убийца. – Мозги промывать. – Он поднял глаза на Миналу. – Напасть на группу воинов не так сложно, как ты думаешь. Если нападающий один, некому больше сделать первый ход. Восемь-десять человек.. ну, они обычно решают, что нужно всем скопом наброситься и порубить меня на куски. Только – кто первый? Все задерживаются, все ждут подходящего момента. А моё дело – всё время двигаться: так, чтобы они не успевали такими моментами воспользоваться. Но учти, солдаты хорошего, опытного взвода умеют работать вместе.

– Значит, тебе просто повезло, что эти – не умели.

– Мне повезло.

Заговорил старший мальчик, Кесен:

– А меня вы можете научить так драться, господин?

Калам заворчал.

– Думаю, отец для тебя приглядел жизнь получше, парень. Драться – удел тех, кто потерпел неудачу во всём остальном.

– Но драться – не то же самое, что быть солдатом, – сказал Кенеб.

– Это верно, – согласился убийца, чувствуя, что задел капитана за живое. – Солдаты заслуживают уважения, хоть иногда им приходится драться. Быть солдатом – значит стоять, как скала, когда приходит время сражаться. Так что, парень, если хочешь научиться драться, научись сперва быть солдатом.

– Иными словами, слушай отца, – сказала Минала, сухо улыбаясь Каламу.

По знаку или взгляду, которого убийца не уловил, Сэльва поднялась и увела мальчиков собирать лагерь. Как только те вышли за пределы слышимости, Кенеб сказал:

– До Арэна, выходит, три месяца пути? Худов дух, капрал, должен же остаться поблизости хоть один город или форпост под контролем малазанцев.

– Какие новости я ни слышал, все были дурными, – возразил Калам. – К югу отсюда лежат племенные земли – до самой реки Ватар. Рядом с рекой стоит Убарид, но думаю, его уже взяли приверженцы Ша'ик – слишком важный порт, чтобы так его оставить. Во-вторых, думаю, почти все племена отсюда до самого Арэна выступили, чтобы влиться в войско Камиста Релоя.

Кенеб вытаращил глаза.

— Релоя?

Калам нахмурился.

— Разбойники говорили, что он где-то к юго-востоку отсюда...

— Больше к востоку, чем к югу. Релой гонится за Кулаком Колтейном и Седьмой армией. Он, наверное, уже перебил их всех, но всё равно силы Релоя стоят к востоку от Секалы, и эту территорию ему поручили удерживать.

— Ты об этом знаешь куда больше, чем я, — проговорил убийца.

— У нас были слуги-титтанцы, — объяснила Минала. — Преданные.

— И они заплатили за свою верность жизнями, — добавил капитан.

— Так есть к югу отсюда армия Апокалипсиса?

Кенеб кивнул.

— Да, и она готовится к походу на Арэн.

Убийца помрачнел.

— Скажи, капитан... ты когда-нибудь слышал слово «джистал»?

— Нет, это не из наречий Семи Городов. А что?

— Разбойники говорили, что в Арэне «джистал сидит внутри». Будто это бритая костяшка. — Некоторое время Калам молчал, затем вздохнул. — Кто командует той армией?

— Этот ублюдок — Корболо Дом.

Калам сощурился.

— Но он ведь Кулак...

— Был Кулаком, пока не женился на местной женщине, которая совершенно случайно оказалась дочерью последнего Святого Защитника Халафа. Так что он стал предателем. Казнил половину собственного легиона, когда солдаты отказались ему подчиняться. А вторая половина сняла имперскую форму и объявила себя независимым отрядом наёмников, который тут же принял контракт у Корболо Дома. Именно они и напали на нас под Орбалом. Называются теперь «Легионом Вихря» или как-то так. — Кенеб вскочил и пнул ногой угли, так что те разлетелись во все стороны. — Они подъехали как союзники. И мы ничего не заподозрили.

Убийца почувствовал, что капитан далеко не всё рассказал.

— Я помню Корболо Дома, — пробормотал Калам.

— Так и думал. Он ведь замещал Скворца, верно?

— Некоторое время. После Рараку. Превосходный тактик, только слишком кровожадный, на мой вкус. Ласин он тоже не по вкусу пришёлся, потому она и назначила его в такую дыру, как Халаф.

— И повысила Дуджека, — рассмеялся капитан. — Которого теперь объявила вне закона.

— Вот про эту чёрную несправедливость я тебе когда-нибудь расскажу, — произнёс Калам, вставая. — Пора выдвигаться. У налётчиков могут оказаться поблизости друзья.

Он почувствовал на себе взгляд Миналы и сильно забеспокоился. Муж погиб меньше чем двадцать четыре часа назад. Корабль сорвался с якоря. Калам — незнакомец, который вроде как взял на себя командование, хоть уступает чином зятю. Она, должно быть, в первый раз подумала о том, что с Каламом у них есть шанс выжить. Такой ответственности он вовсе не был рад. Однако же мне всегда нравились сильные женщины. Но интерес так скоро после смерти мужа — это цветок на мёртвом стебле. Прекрасный, только мимолётный. Она сильна, однако, если ей позволить, её же собственные потребности подорвут эту силу. Это ей не на пользу. Вдобавок, если я такую поведу, она потеряет то, что меня в ней привлекло. Лучше держаться подальше. Отстранённо.

— Капрал Калам, — позвала Минала.

Убийца развернулся.

— Что?

— Женщины. Я думаю, мы должны их похоронить.

Убийца заколебался, затем снова принялся подтягивать подпругу.

— Времени нет, — проворчал он. — Беспокойся о живых, а не о мёртвых.

Её голос прозвучал жёстко.

— Именно. Здесь два мальчика, которым нужно напомнить об уважении.

— Не сейчас. — Калам снова обернулся к ней. — Уважение мальчикам не поможет, если их убьют или сделают с ними что похуже. Проследи, чтобы все были готовы, и сама садись на лошадь.

— Капитан отдаёт здесь приказы, — бледнея, процедила она.

— Он головой ударился и продолжает думать, что у нас тут пикник. Присмотрись, когда он приходит в себя: в глазах плещется страх. А ты хочешь ещё и это на него взвалить? Его любое потрясение может загнать в беспамятство — уже навсегда. И какой от него тогда будет прок?

– Ладно, – прошипела Минала и резко отвернулась.

Калам посмотрел ей вслед. Сэльва и Кенеб стояли рядом со своими лошадьми, слишком далеко, чтобы слышать слова, но достаточно близко, чтобы заметить: между убийцей и Миналой пробежал тёмный ручей. В следующий миг подъехали дети – вдвоём на одной лошади: старший гордо сидел впереди, а младший обнимал брата руками. Оба казались внезапно повзрослевшими.

Уважение к жизни. Верно. А другой урок – как дёшево жизнь может стоить. Возможно, первое рождается из второго, и тогда они оба уже на верном пути.

– Готова, – холодно бросила Минала.

Калам обернулся в седле. Вгляделся в быстро густевшую темноту. Держись рядом, Апт. Но не слишком близко.

Они выехали из оврага в поросший травой одан. Калам скакал впереди. К счастью, оказалось, что демон ему попался стеснительный.

Огромная волна ударила в корабль с левого борта – толстая мутная стена, казалось, перепрыгнула через планширь и обрушилась на палубу, словно грязепад. Вода мгновенно схлынула, так что Фелисин и остальные остались по колена в зловонном перегное. Пирамида голов превратилась в бесформенную кучу.

Геборик подполз к ней, лицо его приобрело цвет бледной охры.

– Ил! – пропыхтел он, закашлявшись и сплёвывая жижу изо рта. – Смотри, что это!

Фелисин было так жалко себя, что даже отвечать ничего не хотелось, но она опустила руку и набрала в пригоршню зеленоватую массу.

– Тут полно семян, – сказала Фелисин. – И гниющих растений...

– Да! Гниющая трава и семена степных растений – понимаешь, девочка? Там не дно моря. Это прерия. Залитая. Этот Путь затопило! Недавно.

Фелисин фыркнула, разделять его восторг было глупо.

– И что удивительного? По прерии на корабле не покатаешься.

Геборик вдруг прищурился.

– А ведь ты права, Фелисин.

Грязь у шиколоток казалась странной – ползучей, беспокойной. Не обращая внимания на бывшего жреца, она двинулась к юту. Его волной не накрыло. Геслер и Ураган оба вцепились в рулевое весло, в четыре руки удерживая судно на курсе. Рядом стоял Кальп, готовый подменить того, кого первым покинут силы. И ждал он уже так долго, что становилось ясно: ни Геслер,

ни Ураган не хотели уступать друг другу. Фелисин окончательно в этом убедилась, увидев, как они напряжённо ухмыляются. Кретины! Оба свалятся одновременно, и магу придётся управляться с рулём одному.

Небо по-прежнему ярилось над головой, рассыпая во все стороны пригоршни молний. Поверхность моря сопротивлялась воющему ветру, тяжёлая от ила вода приподнималась, набухала волнами, которые словно и не желали никуда катиться. Обезглавленные гребцы продолжали мерно работать, и хотя дюжина вёсел сломалась, растрескавшиеся обломки продолжали двигаться в одном ритме с теми, что загребали воду. Барабан продолжал рокотать, отвечая грому с неба с размеренным, немолчным терпением.

Фелисин добралась до лестницы, выбралась из грязи и остановилась, удивлённая. Ил стёк с её кожи, словно живое существо, покатился с ног, чтобы воссоединиться с зыбкой массой на верхней палубе.

Сгорбившийся рядом с грот-мачтой Геборик вдруг закричал, не сводя глаз с дрожащей массы:

— Здесь что-то есть!

— Иди сюда! — завопил Истин с лестницы бака, протягивая к бывшему жрецу руку. Бодэн крепко удерживал юношу за другую руку. — Быстрее! Что-то выбирается!

Фелисин поднялась на ступеньку выше.

Грязь менялась, сжималась, превращалась в фигуры. Возникли кремнёвые мечи — одни серые, другие — халцедоново-красные. Мокрый мех встопорщился на широких костистых плечах. Костяные шлемы вспыхнули золотым и коричневым — черепа животных, которые Фелисин и представить себе не могла. Показались длинные космы грязных волос — преимущественно чёрных или каштановых. Грязь не столько отступила, сколько изменилась. Эти создания были с глиной единым целым.

— Т'лан имассы! — завопил ухватившийся за бизань-мачту Кальп. — Т'ланы Логроса!

Их было шестеро. Все облачены в меха, кроме одной фигуры — последней, самой невысокой. Она была укрыта маслянистыми разноцветными птичьими перьями, а в седине волос пробивались рыжие пряди. С прогнившей кожаной рубахи свисали украшения из кости, ракушек и оленьего рога, но оружия не было видно.

Лица имассов оказались сухими, кожа плотно облегла мощные кости. В глазницах плескалась тьма. На подбородках ещё оставались клочковатые бороды. Безбородой была только среброволосая фигура, которая теперь обернулась к Кальпу.

— Отойди, слугитель Скованного! Мы пришли за своими родичами и тисте эдур. — Голос принадлежал женщине, и говорила она по-малазански.

Другой т'лан имасс повернулся к среброволосой женщине. Он был заметно крупнее остальных. Мех на его плечах принадлежал когда-то медведю, в волосах поблёскивало серебро.

— Смертные прислужники — сами по себе зло, — устало проговорил он. — Их мы тоже должны убить.

— Убьём, — сказал другой. — Но прежде всего — наша цель.

— Здесь нет ваших родичей, — потрясённо сказал Кальп. — А тисте эдур мертвы. Посмотрите сами. Они в капитанской каюте.

Женщина кивнула. Двое т'лан имассов пошли к люку. Затем она обернулась к Геборику, который стоял у планширя на баке.

— Призови вниз мага, что связан с тобой. Он — рана. И рана расходитя. Это должно прекратить. Более того, скажи своему богу, что такие игры подвергают его великой опасности. Мы не потерпим таких разрушений Путей.

Фелисин расхохоталась, может, чуть истерично.

Все как один т'лан имассы посмотрели на неё. Фелисин задрожала под этими безжизненными взорами, но затем вздохнула и взяла себя в руки.

— Может, вы бессмертны и так сильны, что способны грозить богу-вепрю, — сказала она, — но кое-чего пока так и не уяснили.

— Объяснись, — приказала женщина.

— Спроси того, кому не всё равно, — бросила Фелисин, встречая её бездонный взгляд, и сама удивилась, что не задрожала и не отвела глаз.

— Я больше не жрец Фэнера, — сказал Геборик, поднимая обе культи. — Если Бог-Вепрь ныне среди нас, я об этом не знаю да и не хочу знать. Чародей, летящий в буре, преследует нас и жаждет уничтожить. Мне неизвестно почему.

— Он — безумие отатарала, — сказала женщина.

Оба имасса вернулись из трюма. И хотя ни слова не прозвучало вслух, женщина кивнула.

— Значит, они мертвы. А наши родичи ушли. Нам следует продолжить охоту. — Она снова посмотрела на Геборика. — Я возложу на тебя руки.

Фелисин снова рассмеялась.

— Вот тогда он исцелится.

— Заткнись, девчонка! — зарычал Кальп, проталкиваясь мимо неё, чтобы спуститься на палубу. — Мы не служители Скovanного, — заявил он. — Худов дух, кто вообще такой этот Скovanный? Ладно, не важно. Не хочу знать. Мы оказались здесь, на корабле, случайно, а не по расчёту...

— Мы не ждали, что сей Путь будет затоплен, — сказала женщина.

— Говорят, вы умеете пересекать океаны, — пробормотал маг и нахмурился.

Фелисин видела: Кальп не совсем понимает, о чём говорит т'лан имасс. Как и она сама.

— Мы можем переходить через водные пространства, — подтвердила женщина. — Но обрести форму можем только на суше.

— Значит, как и мы, вы пришли на этот корабль, чтобы ног не замочить...

— И исполнить своё задание. Мы преследуем родичей-предателей.

— Если они и были здесь, то давно ушли, — заявил Кальп. — Прежде, чем мы поднялись на борт. Ты — заклинательница костей.

Женщина склонила голову.

— Хентос Ильм из т'лан имассов Логроса.

— А Логрос больше не служит Малазанской империи. Рад видеть, что вы не сидите без дела.

— Почему?

— Не важно. — Кальп посмотрел на небо. — Он сбавил обороты.

— Он чувствует нас, — сказала Хентос Ильм. И вновь обернулась к Геборику.

— Твоя левая рука пребывает в равновесии, это верно. Отатарал и сила, которой я не знаю. Если маг в буре станет дальше набирать силу, отатарал победит, и ты тоже познаешь его безумие.

— Я хочу от этого избавиться, — простонал Геборик. — Пожалуйста!

Хентос Ильм пожала плечами и подошла к бывшему жрецу.

— Мы должны уничтожить того, кто летит по небу. Затем мы должны закрыть рану Пути.

— Иными словами, — заметила Фелисин, — возиться с тобой недосуг, старик.

— Заклинательница, — подал голос Кальп. — Что это за Путь?

Хентос Ильм помолчала, по-прежнему глядя на Геборика.

— Старший. Куральд Эмурланн.

— Я слышал о Куральд Галейн — Пути тисте анди.

— Это Путь тисте эдур. Ты удивляешь меня, маг. Ты сам — от Меанас Рашан, который есть ответвление Куральд Эмурланн, доступное смертным людям. Твой собственный Путь — дитя этого места.

Кальп хмурился, глядя в спину заклинательнице костей.

— Ничего не понимаю. Меанас Рашан — это Путь Тени. Владение Амманаса, Котильона и Гончих.

— Прежде Престола Тени и Котильона, — проговорила Хентос Ильм, — были тисте эдур. — Заклинательница протянула руку к Геборику. — Я коснусь тебя.

— Милости прошу, — сказал он.

Фелисин смотрела, как Хентос Ильм приложила иссохшую ладонь к груди старика. В следующий миг она отступила, будто забыла о нём, и заговорила с т'лан имассом в медвежьей шкуре:

— У тебя нет клана, Легана Брид.

— У меня нет клана, — подтвердил тот.

Она указала на Кальпа.

— Маг! Ничего не делай.

— Постой! — воскликнул Геборик. — Что ты почувствовала во мне?

— Ты отсечён от своего бога, хоть он и продолжает тебя использовать. Я не вижу другой цели в твоём существовании.

Фелисин проглотила язвительный комментарий. Не сейчас. Она увидела, как обвисли плечи Геборика, будто саму жизнь вырвали из его груди и та теперь, пульсируя, истекала капавшей на палубу кровью. В душе он крепко держался за что-то, а заклинательница сейчас объявила, что это нечто — мертво. Кажется, я уже ничем не смогу его задеть. Может, хоть перестану пытаться.

Хентос Ильм запрокинула голову, затем начала растворяться, превращаться в маленький смерч праха. В следующий миг он взмыл вверх и скрылся в бурлящих над головой низких тучах.

Треск близкой молнии болью ожёг уши Фелисин. Девушка закричала и упала на колени. Остальным пришлось не лучше, если не считать т'лан имассов, которые продолжали неподвижно и равнодушно стоять. «Силанда» накренилась. Грязная пирамида отрубленных голов под грот-мачтой рассыпалась. Головы покатались, отскакивая от палубы.

Т'лан имассы вдруг развернулись к мачте — с оружием наготове.

В облаках зарокотал гром. Воздух вновь задрожал.

Легана Брид нагнулся и поднял одну из голов за длинные чёрные волосы. Она принадлежала женщине, тисте анди.

— Она ещё жива, — в словах немертвого воина прозвучало лёгкое удивление.

— Куральд Эмурланн, чародейство заперло души в телах.

Слабый крик донёлся из-за туч, в нём слились отчаяние и – вопреки ему – облегчение. Тучи разошлись во все стороны, рассыпались на тонкие струйки. Буря пропала, как и сам безумный чародей.

Фелисин инстинктивно пригнулась, когда что-то пролетело мимо неё, оставляя за собой затхлый, мёртвый запах. Когда она подняла глаза, Хентос Ильм уже снова стояла на палубе, глядя на Легану Брида. Оба не шевелились – видимо, беззвучно разговаривали.

– Худов дух, – прохрипел рядом с Фелисин Кальп. Она обернулась. Маг смотрел на небо, лицо его побледнело. Фелисин тоже запрокинула голову.

В янтарном небе зияла окаймлённая огненно-красным свечением дыра размером с полную луну. То, что текло через неё, словно просочилось внутрь Фелисин через зрачки, будто одного взгляда было достаточно, чтобы подхватить заразу, болезнь, которая распространится по всему телу. Как яд кровного слепня. Она невольно всхлинула, а затем отчаянно отвела глаза.

Кальп продолжал смотреть, лицо его стало совсем белым, челюсть безвольно отвисла.

– Кальп!

Он не откликнулся. Фелисин ударила его.

Внезапно рядом оказался Геслер. Морпех быстро прикрыл рукой глаза Кальпу.

– Чтоб тебя, маг! Кончай с этим!

Кальп затрепыхался, затем расслабился. Фелисин заметила, как он кивнул.

– Можешь его отпустить, – сказала она капралу.

Как только Геслер убрал руку, маг уставился на Хентос Ильм. Его хриплый голос дрожал.

– Это та рана, о которой ты говорила? Она растёт... я чувствую, как раковая опухоль...

– Душа должна скрепить её, – произнесла заклинательница.

Легана Брид двинулся вперёд. Все смотрели, как он подошёл к юту, поднялся по ступеням и остановился перед Ураганом. Покрытый шрамами моряк не шелохнулся.

– Ну, – пробормотал морпех, – ближе я никогда не был. – Он криво ухмыльнулся. – Одного раза хватит.

Т'лан имасс поднял свой серый кремнёвый меч.

– Стой! – зарычал Геслер. – Если тебе нужна душа, чтобы заткнуть эту рану... бери мою.

Легана Брид повернул голову.

Геслер сцепил зубы и кивнул.

— Недостаточно, — провозгласила Хентос Ильм.

Легана Брид снова повернулся к Урагану.

— Я — последний из своего клана, — пророкотал он. — Л'эккей Шаин прекратит существовать. Это оружие — наша память. Владей им, смертный. Узнай его тяжесть. Камень всегда жаждет крови. — Он протянул морпеху четырёхфутовый клинок.

Ураган принял его с каменным лицом. Фелисин увидела, как напряглись мышцы на запястьях, когда морпех ощутил и удержал вес меча.

— Пора, — сказала Хентос Ильм.

Легана Брид отступил на шаг и рассыпался в столб праха. Он заизвивался, изогнулся, воздух со всех сторон задрожал, а затем устремился внутрь новорождённого вихря. В следующий миг ветер стих, а Легана Брид исчез. Оставшиеся т'лан имассы обернулись и подняли взгляды к небу.

Фелисин так и не смогла понять, то ли она лишь вообразила, то ли и вправду увидела, что т'лан имасс принял прежний облик за миг до того, как врезаться в самое сердце раны, — ничтожная, крошечная фигурка, которую мгновенно поглотила чернильная тьма. В следующий миг границы раны вздрогнули, наружу покатались призрачные волны. Затем дыра начала обваливаться сама в себя.

Хентос Ильм продолжала смотреть вверх. Наконец она кивнула.

— Достаточно. Рана скреплена.

Ураган медленно опустил остриё кремнёвого меча, пока оно не упёрлось в палубу.

Просто бывалый солдат, прожжённый циник, один из множества отбросов Империи. Он явно был потрясён. Недостаточно, так она сказала. Вот уж точно.

— Теперь мы уйдём, — провозгласила Хентос Ильм.

Ураган встряхнулся.

— Заклинательница!

В её голосе прозвучало откровенное презрение:

— Легана Брид воспользовался своим правом.

Морпех не сдавался.

— Это «скрепление»... скажи, это больно?

Хентос Ильм пожала плечами, так что кости звонко хрустнули. Это и был её ответ.

— Ураган... — начал Геслер, но его друг покачал головой и спустился на палубу. Когда он двинулся к заклинательнице, другой т'лан имасс шагнул вперёд и преградил ему дорогу.

— Солдат! — рявкнул Геслер. — Назад!

Но Ураган подался назад только для того, чтобы освободить место для удара занесённого над головой кремнёвого меча.

Т'лан имасс одним неуловимо быстрым движением снова сблизился с морпехом, вытянул руку и сжал пальцы на шее Урагана.

Геслер с проклятьями рванулся мимо Фелисин, нащупывая рукоять собственного меча. Капрал остановился, когда стало понятно, что т'лан имасс просто удерживает Урагана. А сам морпех замер. Между ними текли беззвучные слова. Затем немертвый воин разжал пальцы и отступил. Гнев Урагана улетучился. Что-то в том, как он ссутулился, напомнило Фелисин о Геборике.

Все пятеро т'лан имассов начали рассыпаться.

— Стойте! — завопил маг и рванулся вперёд. — Как нам отсюда выбраться, во имя Худа?

Но было слишком поздно. Имассы уже исчезли. Геслер подбежал к Урагану.

— Что этот ублюдок тебе сказал?

Когда солдат обернулся к капралу, Фелисин была потрясена, увидев в его глазах слёзы. Геслер прошептал:

— Ураган...

— Он сказал, что это великая боль, — пробормотал морпех. — Я спросил: «Как долго?» Он сказал: «Вечно». Рана вокруг него залечивается, видишь? Она ему не могла приказать, понимаешь? Не могла его отправить на такое. Он сам вызвался... — Голос Урагана пресёкся. Он отвернулся и побежал к люку, а затем скрылся в трюме.

— Лишённый клана, — проговорил с бака Геборик. — Всё равно что бесполезный. Бессмысленное существование...

Геслер пнул ногой одну из голов так, что она покатилась по палубе. Глухие удары гулко разнеслись в недвижимом воздухе.

— И кому ещё хочется жить вечно? — прорычал он и сплюнул.

Дрожащим голосом заговорил Истин.

— А вы это заметили? — спросил он. — Заклинательница не увидела — уверен, что не заметила...

— Что ты несёшь, парень? — буркнул Геслер.

— Этот т'лан имасс. Он её привязал к поясу. За волосы. Медвежьим плащом прикрыл.

— Что?

— Он забрал одну голову. Вы не заметили?

Геборик отреагировал первым. С дикой ухмылкой он спрыгнул на палубу и побежал к люку. Однако когда жрец ещё только был у входа, Кальп уже скрылся из глаз, спустившись на первую гребную палубу.

Тянулись минуты.

По-прежнему хмурый Геслер отправился, чтобы присоединиться к Урагану и бывшему жрецу.

Потом Кальп вернулся.

— Одна из них мёртвая, как камень.

Фелисин хотела спросить его, что всё это значит, но внезапно навалившаяся смертельная усталость стёрла это желание. Она огляделась и нашла Бодэна. Тот стоял на носу, спиной ко всему... и ко всем. Откуда такое равнодушие? Наверное, от нехватки воображения. Эта мысль заставила её губы скривиться в усмешке. Фелисин подошла к нему.

— Это всё слишком для тебя, Бодэн? — Девушка облокотилась на изогнутый планширь рядом с ним.

— От т'лан имассов вечно только беды, — сказал Бодэн. — Что бы ни делали, всякий их поступок — это палка о двух концах. В лучшем случае — о двух. А может их быть и с сотню.

— Смотри-ка, у головореза своё мнение.

— Ты все свои впечатления сразу высекаешь в камне, девочка. Понятно, почему тебя люди всё время удивляют.

— Удивляют? Я уже ничему не удивляюсь, головорез. Мы в этом по уши, все мы. И дальше будет хуже, так что даже не ломай голову над тем, как найти выход. Выхода нет.

Бодэн хмыкнул.

— А вот и мудрые слова для разнообразия.

— Только не надо мной умиляться, — заявила Фелисин. — Я слишком устала, чтобы язвить. Дай мне поспать хотя бы пару часов, и я снова стану прежней Фелисин.

— Опять начнёшь изобретать способы, чтобы меня убить?

— Это меня развлекает.

Бодэн долго молчал, не сводя глаз с бессмысленного горизонта, а затем повернулся к ней.

— Никогда не думала, что именно то, чем ты стала, сделало тебя пленницей там, внутри, — где бы ты сама там, внутри, ни скрывалась?

Фелисин заморгала. В его маленьких, звериных глазках мелькнул сардонический блеск.

— Я тебя не понимаю, Бодэн.

Он улыбнулся:

— Да нет, девочка. Понимаешь.

Глава десятая

Вдохновлять собственным примером, когда у тебя за спиной полдюжины солдат, — одно дело. Когда же их десять тысяч — совсем другое.

Дукер. Жизнеописание Дассема Ультора

С тех пор, как Дукер нашёл следы беженцев из Карон-Тепаси, прошла неделя. Их явно гнали на юг, чтобы усилить давление на Колтейнов передвижной город, так, во всяком случае, считал сам историк. Больше в этих бескрайних полупустынях ничего не было. Лето укрепило свои позиции, с безвидного неба солнце выжигало травы так, что они на вид и на ощупь стали походить на хрупкую проволоку.

День шёл за днём, а Дукер по-прежнему не мог нагнать Кулака и его армию. Несколько раз он видел на горизонте массивную тучу пыли, но титтанские разезды Камиста Релоя не позволяли историку подобраться ближе.

Каким-то образом Колтейну удавалось заставлять свои силы двигаться, постоянно двигаться к реке Секале. А оттуда? Или он даст последний бой спиной к древнему броду?

Пока же Дукер ехал по следам гигантской колонны. Вещей и следов беженцы оставляли всё меньше, но те, что попадались, вызвали острую боль. Крохотные могилки на краю стоянки; рядом разбросаны губчатые кости

лошадей и коров; не раз уже чиненная, но наконец брошенная ось (саму повозку разобрали на запчасти). Под клубящимися тучами мух испускали зловоние выгребные ямы.

Те места, где случались стычки, рассказывали совсем о другом. Среди раздетых догола, брошенных тел титтанских всадников находились сломанные древка виканских копий, причём наконечники были сняты. С трупов титтанцев снимали всё, что можно было использовать: кожаные шнурки и подвязки, леггинсы и ремни, оружие, даже срезали косы. Туши мёртвых коней утаскивали целиком, оставляя полосы примятой и залитой кровью травы.

Дукер уже перестал удивляться, что бы ни увидел. Как и титтанские воины, с которыми он иногда разговаривал при встречах, историк начинал подозревать, что Колтейн — не совсем человек, что он выковал из своих солдат и беженцев непреклонные воплощения невозможного. Но, несмотря на это, надежды на победу не было. Апокалипсис Камиста Релоя состоял из армий четырёх городов и дюжины более мелких поселений, бесчисленных племён и орды крестьян — безбрежной, как море. И эта армия приближалась, пока что лишь следуя за Колтейном к реке Секале. Все ручейки стекались туда. Предстояла битва, тотальное истребление.

Дукер ехал весь день напролёт, опалённый, голодный, обветренный. Одежда его давно уже превратилась в лохмотья. Воин, отбившийся от крестьянской армии, старик, полный решимости присоединиться к последней битве. Титтанские конники узнавали его издали и почти не обращали внимания, разве только приветствовали иногда взмахом руки. Каждые два-три дня его нагонял какой-нибудь отряд, передавал свёртки с едой, водой и кормом для лошади. В каком-то смысле он стал для них символом, его путешествие — знаком, исполненным непрощеного значения. В такие моменты историк чувствовал уколы вины, но принимал подарки с искренней благодарностью — только они и сохраняли жизнь ему самому и лошади.

Но, несмотря на это, верная кобыла выбивалась из сил. Каждый день Дукер всё дольше и дольше вёл её под уздцы.

Приближались сумерки. Далёкий столб пыли продолжал двигаться вперёд до тех пор, пока, по мнению историка, авангард Колтейна не достиг реки. Кулак, конечно, будет настаивать, чтобы вся колонна продолжала движение ночью и добралась до стоянки, которую уже начал готовить авангард. Если у Дукера и остался шанс догнать их, то сделать это нужно сегодня ночью.

Брод он видел только на картах, и те помнил весьма смутно. Река Секала достигала пяти сотен шагов в ширину и текла на север, к морю Карас. Маленькая деревушка стояла в ложбине меж двух холмов в нескольких сотнях шагов к югу от самого брода. Ещё там, кажется, была излучина.

Умиравший день раскинул по равнине длинные тени. Самые яркие звёзды уже зажглись в стремительно темнеющем небе. Крылышки накидочников, словно чёрные комочки сажи, взлетали от жара, что шёл от раскалившейся за день земли.

Дукер вновь забрался в седло. Небольшой разъезд титтанцев показался на гребне холма в полумиле к северу. Дукер предположил, что находится по меньшей мере в лиге от реки. И чем ближе подберётся к броду, тем больше

вокруг будет конных патрулей. Никаких мыслей о том, как с ними разобраться, у историка не было.

Дукер вёл лошадь в поводу большую часть дня, чтобы дать ей роздых перед тяжёлой ночью. Ему понадобится всё, на что способна эта кобыла, и даже того может не хватить. Дукер пустил лошадь рысью.

Разъезд титтанцев не обратил на него никакого внимания и вскоре скрылся с глаз. С колотящимся сердцем Дукер пришпорил кобылу и поскакал лёгким галопом.

Ветер коснулся его лица. Историк прошептал благословение всякому причастному богу. Столб пыли впереди начал расступаться.

Небо потемнело.

Кто-то закричал в нескольких сотнях шагов слева. Дюжина всадников, с копий свисают полоски меха. Титтанцы. Дукер приветствовал всадников поднятым кулаком.

— На рассвете, старик! — прокричал один из воинов. — Безумие — нападать сейчас!

— Скачи в лагерь Релоя! — завопил другой. — На северо-запад, старик! Ты едешь прямо на врагов!

Дукер отмахнулся, стал размахивать руками, как сумасшедший. Он слегка приподнялся в седле, пошептал в ухо кобыле, чуть сдавил её бока коленями. Голова животного наклонилась вперёд, удила натянулись.

Оказавшись на гребне низкого холма, историк наконец увидел брод. Лагерь титтанских копейщиков располагался впереди и справа — тысяча кожаных шатров или даже больше, свечение множества костров. Конные разъезды непрерывно сновали между шатрами, стерегли лагерь от врагов, которые окопались у брода. Слева от стоянки титтанцев раскинулось около двадцати тысяч самодельных палаток — армия крестьян. Над необъятным полем лачуг и навесов пепельным плащом стелился дым. Готовили ужин. Внешние укрепления состояли из рвов и частоколов, направленных к реке. Между двумя лагерями оставался коридор шириной не более двух повозок, он тянулся вниз к пойме реки и земляным валам Колтейна.

Дукер направил лошадь в этот коридор, погнал её галопом. Титтанский разъезд, впрочем, за ним не последовал, однако историка заметили воины из охраны лагеря и теперь приближались, хоть и без особой спешки... пока что.

Оставив позади стоянку племени справа и крестьянские лачуги слева, Дукер увидел насыпные валы, ровные ряды палаток, дежурящих у частоколов солдат — у орды восставших была дополнительная защита. Историк разглядел два знамени — Сиалк и Хиссар, регулярная пехота. На звук копыт его лошади обернулись головы в шлемах, к ним устремились взгляды, привлечённые теперь ещё и криками опомнившихся позади титтанцев.

Кобыла выбивалась из сил. До укреплений Колтейна оставалось не меньше пяти сотен шагов, и расстояние будто и не сокращалось. Дукер услышал

позади топот копыт — погоня. На малазанском валу появились фигуры с луками. Историк помолился, чтобы среди солдат, к которым он ехал, оказался кто-нибудь сообразительный. И выругался, когда увидел, что луки поднялись, затем натянулись.

— Да не в меня, ублюдки! — заорал он по-малазански.

Луки распрямились. Стрелы полетели вперёд, невидимые во тьме.

Позади отчаянно закричали кони. Преследователи натянули поводья. Новый залп стрел. Дукер бросил опасливый взгляд назад и увидел, что титтанцы пытаются отступить за пределы досягаемости лучников. На земле бились в агонии кони и лежали тела.

Он чуть удержал кобылу, поехал лёгким галопом, затем перешёл на рысь, когда приблизился к земляным валам. Лошадь была в мыле, ноги ставила нетвёрдо, водила головой из стороны в сторону.

Дукер въехал в толпу синекожих виканцев — из клана Куницы, — которые лишь молча смотрели на него. Оглядевшись по сторонам, историк решил, что попал в подходящую компанию — равнинные воины с северо-востока Квон-Тали были бледны, как призраки, их лица — не менее истощены и измучены, чем у него самого.

За лагерем клана Куницы виднелись стандартные армейские шатры и два знамени — сохранившая верность присяге хиссарская стража и кто-то ещё. Этого флага Дукер не узнал, разглядел только в центре стилизованный арбалет, значит, малазанские морпехи.

Поднялись руки, чтобы помочь ему спуститься с седла. Молодые и старые виканцы собрались вокруг, нахлынуло успокаивающее гудение голосов. Они беспокоились о кобыле. Один из стариков ухватил историка за руку.

— Мы позаботимся об этой отважной лошади, незнакомец.

— Божь, ей конец, — проговорил Дукер и почувствовал, как в сердце поднимается волна горечи. Боги, как же я устал. Заходящее солнце вдруг пробилось сквозь тучи на горизонте и окрасило всё вокруг золотым сиянием.

Старик покачал головой.

— Наши лошадиницы искусны в таких вещах. Она ещё будет скакать. Вот офицер — иди к нему.

Подошёл капитан неизвестной роты морпехов. Это был фаларец, борода и длинные вьющиеся волосы — огненно-рыжие.

— В седле ты сидел, как малазанец, — сказал он, — а одет, как проклятый досий. Объясняйся — и быстро.

— Дукер, императорский историк. Я пытался догнать вашу колонну с самого Хиссара.

Глаза капитана округлились.

— Сто шестьдесят лиг — думаешь, я в это поверю? Колтейн ушёл из Хиссара почти три месяца назад.

— Я знаю. Где Бальт? Кальп нагнал Седьмую? И кто ты такой, клянусь Худом?

— Сон, капитан Сиалкских морпехов, Картеронское крыло, Сахульский флот. Колтейн собрал всех — лучше тебе тоже туда пойти, историк.

Оба быстро зашагали через лагерь. Дукер пришёл в ужас от того, что увидел. За наспех сооружёнными укреплениями морпехов раскинулось широкое поле, по которому шла единственная извилистая дорога. Справа скопились сотни повозок с ранеными. Колёса телег глубоко ушли в пропитанную кровью землю. В освещённом факелами воздухе вились и бешено кричали птицы — похоже, они распробовали вкус крови. Слева тянулась неразрывная масса скота, плечом к плечу, животные стояли беспокойным морем под тучей ризанов — крылатых ящеров, которые пировали, пожирая безбрежные тучи мух.

Впереди поле переходило в болотистый участок, укреплённый деревянными настилами. Лужи и озера воды там блестели красным. За ним виднелся островок в пойме реки, на котором в тесноте расположились беженцы — тысячи и тысячи шатров и палаток.

— Худов дух, — пробормотал историк, — нам что, придётся через этот лагерь идти?

Капитан покачал головой и указал на большой деревянный дом слева от дороги.

— Туда. Колтейнов клан Ворона стережёт южную сторону, вдоль холмов, чтобы скот не разбежался и не достался местным — на другой стороне есть деревня.

— Ты сказал, Сахульский флот? А почему вы не с адмиралом Ноком в Арэне, капитан?

Рыжий солдат скривился.

— Мы бы с радостью. Мы отстали от флота и остановились в Сиалке для починки — кораблю нашему было семьдесят лет, начал набирать воду на втором часу пути от Хиссара. Бунт случился ровно в ту же ночь, так что мы оставили судно, собрали всех, кто остался из местных морпехов, а затем сопровождали исход из Сиалка.

Дом был крепкий и обширный, обитатели явно сбежали от подступавшей армии Колтейна. Строение на каменном фундаменте, стены из цельных брёвен, щели замазаны высохшей на солнце глиной. Перед крепкой дубовой дверью стоял на страже солдат Седьмой. Он кивнул капитану Сну, затем прищурился, глядя на Дукера.

— Забудь про местную одежду, — сказал ему Сон, — этот — один из наших. Кто там?

— Все, кроме Кулака, колдунов и капитана сапёров, сэр.

— И про капитана забудь, — буркнул Сон. — Он ещё ни на один такой сбор не явился.

— Так точно. — Солдат стукнул кулаком в латной рукавице по двери, затем толчком раскрыл её.

Наружу потянулся дым. Дукер и капитан вошли. Бальт и двое офицеров Седьмой сторбились у массивного каменного очага в дальнем конце комнаты и переругивались, судя по всему, из-за забитого дымохода.

Сон расстегнул перевязь с мечом и повесил оружие на крюк у двери.

— Какого Худа вы вообще взялись разводить огонь? — возмутился он. — Будто тут и так недостаточно жарко и воняет? — Он указал рукой на клубы дыма.

Один из офицеров Седьмой обернулся, и Дукер узнал в нём солдата, который стоял рядом с ним, когда Колтейн с виканцами высадились в Хиссаре. Их взгляды встретились.

— Тогговы пятки, да это же историк!

Бальт выпрямился и развернулся. Шрам и губы одновременно растянулись в ухмылке.

— Сормо был прав — он тебя унюхал за нами несколько недель назад. Добро пожаловать, Дукер!

У Дукера подкашивались ноги, и он сел в одно из отодвинутых к стене кресел.

— Рад тебя видеть, дядя, — сказал он, откинулся на спинку и поморщился от боли в мышцах.

— Мы собирались заварить травяного чаю, — сообщил виканец, глаза у него были красные и слезились. Старый воин сильно похудел и был бледен от усталости.

— Ради всех чистых лёгких — забудьте об этом! — буркнул Сон. — И где сам Кулак? Очень хочу услышать, какой безумный план он придумал, чтобы мы смогли выбраться из этой западни.

— Пока у него всё получалось, — заметил Дукер.

— Против одной армии — да, — возразил Сон, — но теперь-то у нас их две...

Историк поднял голову.

— Две?

— Освободители Гурана, — объяснил знакомый Дукеру капитан. — Не помню, познакомили нас или нет. Я — Ченнед. Это капитан Сульмар.

— И вы — все оставшиеся офицеры Седьмой?

Ченнед ухмыльнулся.

— Боюсь, что так.

Капитан Сульмар фыркнул.

— Не совсем. Есть ещё начальник сапёров.

— Который никогда не ходит на наши сборы.

— Точно. — Сульмар выглядел мрачно, но Дукер уже заподозрил, что это его обычное состояние. Он был невысок, темнокож и, судя по всему, происходил из смешанного канского и дал-хонского семейства. Капитан сутулился так, словно на его плечах лежал непомерный груз. — Не знаю только, с чего этот ублюдок решил, будто он выше всех нас, прочих. Проклятые сапёры ничего толком не делали, лишь чинили повозки, собирали камни да мешались под ногами у каменотёсов.

— В поле нами командует Бальт, — сказал капитан Ченнед.

— Я — воля Кулака, — пророкотал виканец.

Судя по звукам, снаружи остановились лошади, затем раздались позвякивание доспехов и, наконец, одиночный стук. Дверь распахнулась.

Дукеру показалось, что Колтейн не изменился: прямой, как копьё, узкое лицо обветрено так, что кожа, кажется, задубела, плащ, украшенный чёрными перьями, раздувался, когда Кулак решительно зашагал к центру большой комнаты. Позади него появился Сормо И'нат и ещё полдюжины виканских юношей, которые как попало расселись под стенами и на оставшейся мебели. Историк у них напомнил стаю портовых крыс в Малазе, владык крошечного участка своей земли.

Сормо подошёл прямо к Дукеру и обеими руками взял его за запястья. Их взгляды встретились.

— Наше терпение вознаграждено. Ты молодец, Дукер.

Мальчик сейчас казался бесконечно старым, бессчётные годы сплетались в его полуприкрытых глазах.

— Отдохнёшь позже, историк, — сказал Колтейн, быстро, но пристально оглядывая каждого в комнате. — Я отдал чёткий приказ, — добавил он, обращаясь к Бальту. — Где капитан инженеров?

Бальт пожал плечами.

— Ему послали весточку. Найти-то его тяжело.

Колтейн нахмурился.

— Капитан Ченнед, докладывай.

— Третья и пятая роты перешли за брод и там окапываются. Сам брод длиной четыреста двадцать шагов, не считая отмелей по обеим сторонам, — в них ещё около двадцати шагов. Средняя глубина полторы сажени. Ширина — четыре-пять по большей части пути, иногда пошире, иногда поуже. Дно — на два пальца ил, ниже твёрдый камень.

— Клан Дурного Пса пойдёт к твоим ротам на другую сторону, — сказал Колтейн. — Если гуранцы попытаются захватить ту сторону брода во время переправы, вы их остановите. — Кулак обернулся к капитану Сну. — Вы с кланом Куницы будете охранять эту сторону, пока не перейдут раненые и беженцы. Я буду удерживать позицию на юге, перекрою дорогу к деревне, пока путь не освободится.

Капитан Сульмар откашлялся.

— По поводу порядка перехода, Кулак. Совет благородных взвоят..

— Мне всё равно. Первыми пойдут повозки с ранеными. Затем скот, затем беженцы.

— Может, если мы слегка разделим отряды, — продолжал настаивать Сульмар, на лбу у него заблестел пот, — пустим сперва сотню голов скота, потом сотню благородных..

— Благородных? — уточнил Бальт. — Ты, наверное, имел в виду беженцев.

— Конечно..

Капитан Сон презрительно ухмыльнулся, глядя на Сульмара.

— К обеим сторонам пытаешься подольститься? А я-то думал, что ты — солдат Седьмой.

Лицо Сульмара потемнело.

— Переходить отдельно — самоубийство, — сказал Ченнед.

— Точно, — проворчал Бальт, разглядывая Сульмара, будто тот вдруг стал куском подгнившего мяса.

— У нас есть долг перед.. — начал капитан, но Колтейн перебил его резким проклятьем.

Этого хватило. В комнате воцарилась тишина. Снаружи донёсся скрип колёс повозок.

Бальт хмыкнул.

— Глашатая им не хватало.

В следующий миг дверь открылась, и вошли двое мужчин. На переднем был чистый, с иголки небесно-голубой парчовый кафтан. Если в юности он и мог похвастаться мускулами, все они утонули в жире, но и этот жир подтаял за три месяца отчаянного бегства. Его лицо больше напоминало смятый

кожаный мешок, но всё равно сохраняло изнеженное выражение, к которому в данную минуту примешивались возмущение и обида. Следовавший за ним человек тоже носил дорогую одежду, но пыль и пот превратили её в бесформенный балахон, который мешком висел на худой фигуре. Этот мужчина был лыс, и кожа на темечке несла следы многочисленных солнечных ожогов. Он покосился на всех остальных, быстро моргая водянистыми глазками.

Заговорил первый представитель знати.

— Весть об этом собрании с опозданием достигла слуха Совета...

— Да и вовсе не должна была, — сухо пробормотал Бальт.

Аристократ продолжил после кратчайшей паузы:

— Такие обсуждения по большей части касаются, видимо, военных вопросов, и упаси Небеса Совет от того, чтобы вмешиваться в эти материи. Тем не менее как представители почти тридцати тысяч собранных здесь беженцев мы составили список... вопросов... который и хотели бы представить вам.

— Ты представляешь несколько тысяч аристократов, — заявил капитан Сон, — и потому — только свои Худом проклятые интересы, Нэттпара. Благолепие побереги для сортира.

Нэттпара не подал виду, что вообще услышал замечание капитана. Он не сводил глаз с Колтейна и ждал ответа.

Кулак ничем не показывал, что собирается отвечать.

— Найди сапёров, дядя, — сказал он Бальту. — Повозки пойдут через час.

Старый виканец медленно кивнул.

— Мы думали, что ночью сможем отдохнуть, — хмуро проговорил Сульмар. — Все еле на ногах стоят от усталости...

— Через час, — прорычал Колтейн. — Первыми идут повозки с ранеными. Я хочу, чтобы к рассвету на той стороне оказались по меньшей мере четыре сотни.

Нэттпара вновь заговорил:

— Прошу тебя, Кулак, пересмотри порядок переправы. Сердце моё болит по раненым солдатам, однако твой долг — защищать беженцев. Более того, многие в Совете сочтут за смертельное оскорбление, если скотина перейдёт реку прежде, чем безоружные граждане Империи.

— А если мы потеряем скот? — спросил Сон. — Можно, наверное, будет насадить на вертел сирот.

Нэттпара терпеливо улыбнулся.

— Ах да, вопрос сокращённых пайков тоже входит в список наших забот. Из достоверных источников нам стало известно, что такое сокращение не

коснулось солдат Седьмой. Возможно, стоит рассмотреть более равномерный способ распределения? Так тяжело видеть, насколько исхудали детки.

— Мясца на них мало осталось, да? — Сон побагровел от едва сдерживаемого гнева. — Если между тобой и титтанцами не будет хорошо накормленных солдат, желудок твой очень скоро будет болтаться где-то на уровне коленей.

— Убрать их отсюда, — сказал Колтейн.

Второй аристократ откашлялся:

— Хотя Нэттпара говорит от имени большинства в Совете, его взгляды не получили единодушной поддержки. — Не обращая внимания на яростный взгляд, которым его пронзил спутник, старик продолжил: — Я пришёл сюда из любопытства, не более того. Например, повозки с ранеными — похоже, у нас намного больше пострадавших, чем я думал: все повозки набиты под завязку, а их ведь триста пятьдесят. Два дня назад мы везли семьсот солдат в ста семидесяти пяти повозках. С тех пор произошли две небольшие стычки, но у нас оказалось вдвое больше повозок с ранеными. Более того, сапёры выются вокруг них и отгоняют всех остальных, вплоть до того, что не пускают к повозкам костоправов. Что именно здесь планируется?

Все молчали. Дукер заметил, как капитаны обменялись озадаченными взглядами. Обескураженное выражение лица Сульмара стало почти забавным, пока он с трудом укладывал в голове детали, которые сообщил старик. Только виканцы и бровью не повели.

— Мы распределили раненых, — сказал Бальт. — Укрепили боковые стенки повозок...

— Ах да, — проговорил аристократ и сделал паузу, чтобы промокнуть слезящиеся глаза серым носовым платком. — Так и я подумал поначалу. Но почему же тогда колёса настолько глубоко уходят в грязь?

— Ну хватит уже, а, Тамлит? — с раздражением проворчал Нэттпара. — Технические нюансы, может, для тебя и увлекательны, но, Худ свидетель, остальным-то нет. Мы обсуждали позицию Совета по жизненно важным вопросам. Такие отступления недопустимы, ибо...

— Дядя, — сказал Колтейн.

Ухмыляясь, Бальт взял обоих аристократов за руки и решительно повёл к двери.

— У нас есть план переправы, — сказал он. — Отступления недопустимы.

— Но как же каменотёсы и салотопы... — не сдавался Тамлит.

— Вон вы оба! — Бальт толкнул их вперёд. Нэттпара благоразумно распахнул дверь как раз в тот момент, когда виканец придал им последнее ускорение. Аристократы неуклюже вывалились наружу.

Бальт кивнул стражнику, и тот закрыл за ними дверь.

Сон расправил плечи под тяжестью кольчуги.

— Нам надо что-то знать об этом, Кулак?

— Меня беспокоит глубина брода, — сказал Ченнед, когда всем стало ясно, что на вопрос Сна Колтейн отвечать не собирается. — Переход будет до Худа медленным. Течение не то чтобы очень сильное, но ил под ногами да воды на четыре с половиной фута — быстро никто не переправится, даже на лошади. — Он покосился на Сна. — Отступать с боем будет несладко.

— Свои позиции и задания вы знаете, — сказал Колтейн. Он обернулся к Сормо и прищурился, разглядывая колдуна, а затем — детей, которые столпились у него за спиной. — При каждом из вас будет колдун. Все сообщения посылать только через них. Свободны.

Офицеры и дети вышли, остались только Бальт, Сормо, Колтейн и Дукер.

Колдун будто из ниоткуда извлёк кувшин и протянул Кулаку. Колтейн глотнул и передал его Дукеру. Глаза Кулака заблестели.

— Историк, ты нам должен кое-что рассказать. Ты был с магом Седьмой, Кальпом. Уехал с ним за несколько часов до начала восстания. Сормо не может его найти... нигде. Он мёртв?

— Не знаю, — искренне ответил Дукер. — Мы разделились. — Он отпил из кувшина и страшно удивился. Холодный эль, откуда же Сормо мог его добыть? Историк перевёл взгляд на колдуна. — Ты искал Кальпа через свой Путь?

Юноша скрестил руки на груди.

— Несколько раз, — ответил он. — Но не в последнее время. Пути стали... тяжелы.

— Везёт нам, — заметил Бальт.

— Я не понимаю.

Сормо вздохнул.

— Помнишь наш ритуал, историк? Нашествие д'иверсов и одиночников? Теперь они пробрались на все Пути — по меньшей мере, на этом континенте. Все ищут легендарную Тропу Ладоней. Мне пришлось взяться за древние обряды, чары земли, духов жизни и тотемных зверей. Наш враг, Высший маг Камист Релой, не обладает Старшим знанием. Потому не решается использовать свою магию против нас. Уже несколько недель.

— Без чародейства, — заметил Колтейн, — Релой лишь умелый полководец. Не гений. Тактика у него примитивная. Он смотрит на свою огромную армию и позволяет самоуверенности недооценивать силу и волю противника.

— На поражениях он тоже не учится, — добавил Бальт.

Дукер внимательно посмотрел на Колтейна.

– Куда ты ведёшь эту колонну, Кулак?

– В Убарид.

Историк заморгал. Два месяца пути, не меньше.

– Значит, мы всё ещё удерживаем этот город?

Все молчали.

– Ты не знаешь, – сказал Дукер.

– Да, – подтвердил Бальт, забрал кувшин у историка и сделал добрый глоток.

– Теперь, Дукер, – заговорил Колтейн, – расскажи нам о своём путешествии.

Историк не собирался раскрывать свои планы и усилия, которые касались Геборика Лёгкая Рука. Впрочем, он набросал историю, которая была довольно близка к правде. Они с Кальпом поехали в прибрежный городок, чтобы встретиться со старыми друзьями из береговых морпехов. К несчастью, именно в эту ночь начался Мятеж. Увидев возможность миновать армию врага под маской своего и собирать по дороге сведения, Дукер решил поехать на лошади и по суше. Кальп присоединился к морпехам и попытался уплыть на юг от Хиссарского порта. Пока историк говорил, снаружи послышался скрип повозок, зашевелившихся на острове в излучине реки.

Звуки были достаточно громкими, чтобы солдаты Камиста Релоя их расслышали и поняли, что переправа началась. Дукер гадал, как отреагирует полководец Апокалипсиса.

Когда историк начал рассказывать, что именно он увидел среди врагов, Колтейн остановил его, подняв руку.

– Если все твои повести такие же скучные, неудивительно, что никто их не читает, – пробормотал он.

Дукер с улыбкой откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза.

– Ах, Кулак, это проклятье истории: те, кому следовало бы её прочесть, никогда этого не делают. К тому же я устал.

– Дядя, найди этому старику шатёр и одеяло, – приказал Колтейн. – Дай ему два часа. Я хочу, чтобы он поднялся и увидел всё, что произойдёт на переправе. Пусть события этого дня будут записаны, чтобы урок истории не погиб для будущих поколений.

– Два часа? – промямлил Дукер. – Не могу обещать, что сохраню чёткие воспоминания, если, конечно, доживу до того, чтобы записать всё.

Кто-то потряс его за плечо. Историк открыл глаза. Он уснул прямо в кресле. Его укрыли одеялом, виканским, дурно пахнущим и подозрительно грязным. Перед ним стоял молодой капрал.

— Сэр? Вам приказано вставать.

Все кости ныли. Дукер поморщился.

— Как тебя зовут, капрал?

— Лист, сэр. Пятая рота.

Ах да. Тот, который раз за разом умирал во время учений.

Только теперь историк обратил внимание на многослойный рёв снаружи. Он сел.

— Худов дух! Там что, битва?

Капрал Лист пожал плечами.

— Нет ещё. Погонщики и скот. Переправляются. На другой стороне были стычки — подошла армия Гурана. Но мы держимся.

Дукер отбросил одеяло и поднялся. Лист протянул ему мятую жестяную кружку.

— Осторожно, сэр, горячо.

Историк уставился на тёмно-коричневую жидкость.

— Что это?

— Не могу знать. Что-то виканское.

Дукер пригубил и скривился от обжигающего, горького вкуса.

— Где Колтейн? Я ему кое-что забыл рассказать вчера.

— Уехал с Вороньим кланом.

— Который час?

— Почти рассвет.

Почти рассвет, а скот только начал переправляться? Дукер почувствовал прилив бодрости, снова посмотрел на напиток и пригубил снова.

— Это какое-то варево Сормо? У меня от него нервы только что не звенят.

— Мне его передала какая-то старуха, сэр. Вы готовы?

— Тебя ко мне приставили, Лист?

— Так точно.

— Тогда первое задание, капрал. Укажи мне путь к отхожему месту.

Они вышли в хаос снаружи. Скот покрывал весь островок, огромная масса горбов медленно двигалась вперёд под крики погонщиков. Другой берег Секалы скрылся в туче пыли, которая уже начала клубиться над рекой.

— Сюда, сэр. — Лист указал на траншею за домом.

— Хватит уже мне «сэркать», — проговорил Дукер, когда они направились к выгребной яме. — И найди мне вестового. Солдатам на той стороне грозит большая опасность.

— Сэр?

Дукер остановился у края выгребной траншеи. Приподнял край телабы и замер.

— Тут кровь в яме.

— Так точно. А что на той стороне реки, сэр?

— Это мне титтанцы рассказали, — объяснил историк, опорожня мочевой пузырь. — Семаки пришли на юг. Думаю, они встанут на сторону гуранцев. У этого племени есть чародеи, а их воинов боятся сами титтанцы, так что, думается, ребята неприятные. Хотел об этом вчера сказать да забыл.

В этот момент мимо дома проезжал отряд всадников. Капрал Лист бросился обратно, чтобы перехватить их.

Дукер закончил и догнал своего помощника. Замедлил шаг. Штандарт отряда он узнал с первого взгляда. Лист тихо передавал сообщение командиру. Историк отбросил сомнения и подошёл.

— Барья Сэтрал.

Командир Красных Клинков окинул Дукера холодным взглядом. Рядом глухо заворчал его брат Мескер.

— Похоже, удача тебя не покинула, — сказал историк.

— А твоя — тебя, — пророкотал Барья. — Но не беловолосого мага. Печально. Я надеялся украсить его шкурой наше знамя. Вести про семаков — от тебя?

— От титтанцев.

Мескер лауще расхохотался и ухмыльнулся.

— Сидел у них в шатрах по пути сюда? — Он обернулся к брату. — Это ложь.

Дукер вздохнул:

— И какой в ней смысл?

— Мы скачем на помощь передовым частям Седьмой, — сказал Барья. — Передадим твоё предупреждение.

— Это ловушка...

— Заткнись, брат, — окоротил его Барья, не сводя глаз с Дукера. — Предупреждение и есть. Если подойдут семаки, мы будем готовы. Если нет, значит, весть неправдивая. Ничего не теряем.

— Спасибо, командир, — сказал Дукер. — Мы на одной стороне, в конце концов.

— Лучше поздно, чем никогда, — проворчал Барья. В его пропитанной маслом бороде мелькнул намёк на улыбку. — Историк. — Он поднял затянутый в перчатку кулак и разжал его. По этому знаку Красные Клинки лёгким галопом поскакали к броду, один только Мескер задержался, чтобы бросить мрачный взгляд на Дукера.

Бледный рассвет осветил край долины. Над Секалой непроглядная туча пыли шевельнулась под лёгким ветром, опустилась к самому броду и зависла там. Весь брод был плотно укрыт пылью. Дукер хмыкнул.

— Отличный штрих.

— Это Сормо, — сказал капрал Лист. — Говорят, он пробудил духов земли и неба. От векового сна, потому что даже пустынные племена уже оставили эти обряды. Иногда их можно... почуять.

Историк покосился на юношу.

— Почуять?

— Будто перевернул большой камень. Запах поднимается. Холодный, пыльный. — Он пожал плечами. — Такой.

Дукер вдруг увидел в Листе мальчишку — всего на несколько лет младше, чем сейчас. Камни переворачивать. Исследовать целую вселенную. Жить в коконе, полном мира и покоя. Историк улыбнулся.

— Знаю такой запах, Лист. Скажи, эти духи — насколько они сильны?

— Сормо говорит, они довольны. Хотят поиграть.

— Игры духов — кошмар для людей. Что ж, будем надеяться, что к играм своим они подходят серьёзно.

Море беженцев, как заметил Дукер, продолживший оглядывать брод, оттеснили с островка на другую сторону дороги, к южному склону и болотистой пойме у излучины. Места для такой массы людей не хватало, он увидел, что толпа уже вскарабкалась на холмы с края долины. Другие оказались в реке и медленно двигались в воде.

— Кто занимается беженцами?

— Люди из Вороньего клана. Колтейн поручил их своим виканцам — беженцы их боятся не меньше, чем Апокалипсиса.

И виканцев не подкупят.

— Смотрите, сэр! — Лист указал куда-то на восток.

В лагерях врагов, между которыми Дукер проехал прошлой ночью, началось движение. Пехота Сиалка и Хиссара расположилась справа, хиссарские конные копейщики — на левом фланге, а титтанские всадники заняли центр. Две группы кавалерии устремились к укреплениям клана Куницы. Им навстречу выехали виканские конники — лучники в сопровождении копейщиков. Но это была ложная атака, хиссарцы и титтанцы откатились на запад до того, как завязался бой. Однако командиры повстанцев перестарались, виканские лучники успели выехать на подходящее расстояние. В воздух прыгнули стрелы. Кони и всадники повалились на землю.

Затем пришёл черёд виканских копейщиков, они рванулись вперёд и быстро заставили врагов отступить на прежние позиции. Дукер поражённо наблюдал за тем, как копейщики остановились, некоторые из них спешили под прикрытие лучников. Раненых врагов добились, скальпы и амуницию забрали. Появились верёвки. Через несколько минут, виканцы поехали обратно к укреплениям, волоча за собой конские туши и гоня впереди нескольких раненых коней, которых удалось собрать.

— Виканцы сами себе добывают пропитание, — сказал Лист. — Шкуры тоже пойдут в дело. И кости, и хвосты, и гривы, и зубы, и...

— Я понял, — перебил его Дукер.

Вражеская пехота продолжала неторопливо наступать. Хиссарские и титтанские всадники оправались и снова начали приближаться — теперь уже медленнее и осторожнее.

— На острове есть старая стена, — сказал Лист. — Можем на неё забраться и получим хороший обзор обоих берегов. Если вы не против того, чтобы идти по спинам скота, конечно. Это не так трудно, как кажется, нужно просто не останавливаться.

Дукер приподнял бровь.

— Честно, сэр.

— Ладно, капрал. Веди.

Они двинулись по извилистой дороге к броду. Через старую излучину навели мост из деревянных досок на новых сваях, которые установили сапёры Седьмой. Этот путь предназначался для движения вестовых, но, как и повсюду, тут царил хаос. Дукер постарался держаться ближе к капралу, который извивался и размахивал руками, пытаясь выбраться на мост. За досками горбился остров и волновалась тысячеглавая масса скота.

— Откуда стадо? — спросил историк, когда они выбрались на мост.

— Скупили, по большей части, — ответил Лист. — Колтейн и его кланы заявили права на землю вокруг Хиссара и стали покупать скот: лошадей, волов, мулов, коз, — да вообще почти всё на четырёх ногах.

— Когда это началось?

— Да, считайте, со дня прибытия, — ответил капрал. — Когда грянул мятеж, большая часть клана Дурного Пса была со стадами — титтанцы хотели угнать скот, а получили вместо этого по носу.

Когда они приблизились к стаду, рёв стал оглушительным — крики погонщиков, лай собак — мускулистых полудиких зверей, которых разводили на Виканских равнинах, — мычание коров и немолчный грохот широких копыт. В укрывшей реку туче пыли было невозможно что-либо различить.

Дукер недоверчиво покосился на массу животных.

— Как-то не нравится мне твоя идея, капрал, — животные нервничают. Нас за секунду в лепёшку растопчут.

Их внимание привлёк раздавшийся позади крик. К спутникам скакала виканская девочка.

— Бездна, — сказал Лист.

Что-то в его голосе заставило Дукера обернуться. Под шлемом лицо юноши было бледным.

Девочка — на вид не больше девяти-десяти лет — остановила коня рядом с ними. Темнокожая, чёрные влажные глаза, волосы острижены очень коротко. Историк вспомнил, что видел её вчера среди подопечных Сормо.

— Вы хотите забраться на стену, чтобы осмотреться, — сказала она. — Я очищу вам дорогу.

Лист кивнул.

— На другой стороне — аспектированная магия, — сказала она, глядя на Дукера. — Путь одинокого бога, ни д'иверсов, ни одиночников. Племенного бога.

— Семачи, — сказал историк. — Красные Клинки везут эту весть. — Он замолчал, понял значение её слов, важность её присутствия на вчерашнем сборе. Одна из перерождённых колдуний. Сормо ведёт клан детей, в которых — сила нескольких жизней.

— И я встречу их. Дух земли старше любого бога. — Она объехала мужчин, а затем пронзительно закричала. Среди скота начал образовываться проход, животные жались в стороны и мычали от страха.

Бездна поехала по этому коридору. Вскоре за ней поспешили Лист и Дукер — бегом, чтобы не отставать. Как только они ступили на тропу, оба почувствовали, как дрожит под ногами земля — не глубоким отзвуком

бессчётных копыт, а чем-то более напряжённым, мускулистым. Будто шагаем по спине огромного змея... земля пробудилась и жаждет показать свою силу.

В пятидесяти шагах впереди замаячила старая, увитая плющом стена. Приземистая и толстая, она явно была когда-то частью старинных укреплений и достигала в высоту человеческого роста. Тропа, которую создала Бездна, касалась её, а затем уходила вниз, к реке.

Девочка, не оглядываясь, поскакала дальше. В тот же миг Лист с Дукером добрались до каменной кладки и взобрались на неровную, но широкую вершину стены.

— Посмотрите на юг! — воскликнул Лист.

Над гребнем холмов за волнующимся морем беженцев поднималось золотистое море пыли.

— Колтейн и его Вороны сражаются, — проговорил Лист.

Дукер кивнул.

— По другую сторону холмов ведь деревенька, да?

— Так точно. Называется Л'энбарл. Стычка, похоже, случилась на дороге, которая ведёт оттуда к броду. Мы не видели кавалерию Сиалка, так что Релой, наверное, послал её, чтобы зайти на нас с фланга. Как Колтейн всегда говорит, он предсказуем.

Дукер взглянул на север. Другая сторона острова заросла спартиной, [9] которая заполнила даже излучину. На другом берегу возвышалось несколько мёртвых деревьев, за ними широкий склон поднимался к крутому холму. Его слишком правильная форма подсказывала, что это тель. На его плоской вершине расположилась армия; оружие и доспехи блестели в утреннем свете. Тяжёлая пехота. Тёмные знамена поднимались среди шатров позади двух заградительных линий титтанских лучников. Титтанцы начали спускаться по склону.

— Это Камист Релой и его отборные войска, — пояснил Лист. — Он их ещё в бой не бросал.

На востоке продолжались ложные атаки и вылазки между всадниками клана Куницы и их титтанскими и хиссарскими противниками, а пехота Сиалка и Хиссара продолжала медленно, но неуклонно подбираться к укреплениям виканцев. Между этими легионами колыхалось море крестьянской армии.

— Если эта орда решится атаковать, — проговорил Дукер, — наши их и не удержат.

— Решится, — мрачно заявил Лист. — Если нам повезёт, они будут выжидать слишком долго и мы получим пространство для отступления.

— Именно такой риск и любит Худ, — пробормотал историк.

— Земля у них под ногами шепчет о страхе. Некоторое время они двигаться не будут.

— То, что я вижу, — это всецелый контроль или только иллюзия такового?

Лицо капрала слегка дрогнуло.

— Иногда это одно и то же. В смысле результатов. Единственное различие — так, по крайней мере, говорит Колтейн — в том, что, когда доходит дело до кровопролития, иллюзии распадаются на куски, а настоящее, неподдельное — впитывает удар.

Дукер покачал головой.

— Кто бы мог предположить, что виканский вождь думает о войне в таких... алхимических образах? А ты, капрал? Он тебя сделал своим протеже?

Юноша смутился:

— Я всё время умирал на учениях. Было много времени, чтобы торчать рядом и подслушивать.

Скот теперь двигался быстрее, волна за волной скрывалась под тучей пыли, укрывшей брод. Дукеру показалось даже, что движение слишком быстрое.

— Четыре с половиной фута глубина, четырёста шагов в длину.. да эти животные должны еле-еле ползти по броду. К тому же как удержать скот на мелководье? Собакам придётся плыть, погонщиков будут сталкивать на глубину, а в такой густой пыли кто вообще хоть что-то увидит?

Лист промолчал.

На другой стороне реки загрохотал гром, ему вторила быстрая дробь. Столбы дыма взметнулись вверх, а в воздухе разлилось лихорадочное напряжение. Чародейство. Семакские маги-жрецы. И против них — одна девочка.

— Слишком долго! — взорвался Дукер. — Какого Худа вся ночь ушла на то, чтобы только перевезти повозки? Стемнеет, а беженцы ещё даже не начнут двигаться.

— Наступают, — сказал Лист. Его лицо было покрыто грязным от пыли потом.

На востоке пехота Сиалка и Хиссара добралась до внешних укреплений. Воздух потемнел от стрел. Конники клана Куницы дрались на два фронта — с титтанскими копейщиками спереди и вооружённой пиками пехотой на правом фланге. Виканцы пытались отступить. Земляные валы удерживали морпехи капитана Сна, виканские лучники и разрозненные вспомогательные подразделения. Они уступили первую линию закалённой пехоте. Орда вскипела на склонах за передним рядом валов.

На севере два легиона титтанских лучников ринулись вперёд, чтобы укрыться среди деревьев. Оттуда они начнут обстреливать скот. И некому их разогнать.

— Вот она и рассыпается, — проговорил Дукер.

— А вы не лучше Релоя. Сэр.

— Что ты имеешь в виду?

— Слишком рано нас списываете со счетов. Это не первый наш бой.

Из роши на берегу донеслись слабые крики. Дукер прищурился, силясь что-то разглядеть сквозь завесу пыли. Титтанские лучники выли, метались, пропадали в высокой траве под мёртвыми деревьями.

— Да что, Худ побери, там с ними творится?

— Старый, голодный дух, сэр. Сормо пообещал ему день тёплой крови. Один последний день. Прежде чем он умрёт, угаснет или что там происходит с духами.

Лучники обратились в бегство и снова оказались на склоне у подножия теля.

— Вот и последние ушли, — заметил Лист.

Сначала Дукер подумал, что капрал говорил о титтанских лучниках, но затем с удивлением понял, что речь о скоте. Он резко обернулся, чтобы посмотреть на брод, проклиная густые клубы пыли.

— Слишком быстро, — пробормотал историк.

Двинулись беженцы, потоки людей спешили через излучину на остров. Не было и намёка на порядок, никто бы не смог удержать тридцать тысяч измотанных и перепуганных людей. Вот-вот они захлестнут стену, на которой стояли Дукер и капрал.

— Нам пора, — сказал Лист.

Историк кивнул.

— Куда?

— Ну... на восток?

Туда, где клан Куницы теперь прикрывал морпехов и остальных пехотинцев, которые оставляли один земляной вал за другим так быстро, что должны были оказаться у нового моста в считанные минуты. А потом? Они же упрутся спиной в толпу орущих беженцев. О Худ! Что же дальше?

Лист будто прочёл его мысли.

— Они закрепятся у моста, — заверил он Дукера. — Должны закрепиться. Идёмте!

Им пришлось пройти перед первыми рядами беженцев. Пробуждённая земля дрожала под ногами, от неё поднимался пар, воняющий грязным потом. По восточной кромке острова тут и там почва раскрылась. Дукер даже

споткнулся на бегу и чуть не упал. Из трещин выбирались фигуры, скелеты в старинных, изъеденных и покрытых коркой бронзовых доспехах, на головах – мятые шлемы с оленьими рогами, по плечам рассыпались длинные спутанные волосы, окрашенные охрой. Раздался звук, от которого Дукер похолодел. Смех. Радостный смех. О, Худ, ты ведь сейчас, наверное, извиваешься от возмущения и ярости?

– Это Нихил, – выдохнул Лист. – Брат-близнец Бездны – вон тот мальчик. Сормо сказал, что здесь уже была прежде битва – сказал, что остров в излучине не природный... ох, Королева грёз, ещё один виканский кошмар!

Древние воины, продолжая кровожадно хохотать, выбирались из-под покрова земли по всей восточной оконечности острова. Справа и позади Дукера беженцы завопили от ужаса, многие перестали бежать и остановились, когда среди людей поднялись чудовищные создания.

Воины клана Куницы и пехотинцы выстроились плотными рядами по эту сторону моста. Теперь их строй изгибался и расступался там, где восставшие мертвецы проталкивались вперёд, поднимая односторонние тесаки – клинки казались почти бесформенными под слоем минеральных отложений – и устремлялись на кишашую массу пехоты Хиссара и Сиалка. Смех сменился пением, гортанной боевой песнью.

Дукер и Лист оказались посреди опустевшего участка берега, изрытого парящими ямами, беженцы позади них снова бросились к броду, а заслон пехоты впереди смог наконец передохнуть, когда воинственная нежить врезалась в ряды врагов.

Мальчишка – Нихил, брат-близнец Бездны – ездил туда-сюда вдоль строя на огромном чалом коне. В одной руке он сжимал какую-то украшенную перьями, округлую дубинку, которой вертел над головой. Мёртвые воины, которые оказывались рядом с ним, ревели и потрясали оружием в знак приветствия – или благодарности. А мальчик смеялся – вместе с ними.

Регулярная пехота Релоя обратилась в бегство под напором нежити и столкнулась с крестьянской ордой, которая подоспела сзади.

– Как же так? – спросил Дукер. – Худов Путь – это некромантия, а не...

– Может, это не настоящая нежить? – предположил Лист. – Может, дух острова просто использует их...

Историк покачал головой.

– Не совсем. Слышишь смех? И эту песню – узнаёшь язык? Души этих воинов пробудились. Эти души, должно быть, удерживал этот дух, не отдал их Худу. Мы за это заплатим, капрал. Все до единого.

Отовсюду из земли поднимались новые фигуры: женщины, дети, собаки. Многие псы всё ещё были опутаны кожаной упряжью и тащили за собой обломки санок. Женщины прижимали детей к груди и стискивали костяные рукояти широких бронзовых ножей, которыми пронзили этих детей. Древняя, забытая трагедия открылась их глазам: целое племя было уничтожено руками каких-то неведомых врагов – сколько же тысяч лет назад это произошло, сколько же

эти души цеплялись за сей ужасный, чудовищный миг? А теперь? Неужели они обречены вновь и вновь переживать эту вечную муку?

— Благослови их, Худ, — прошептал Дукер. — Пожалуйста. Забери их. Прими их теперь.

Женщины были полностью погружены в смертельный ритуал. Историк видел, как они вонзали ножи в детей, видел, как те дёргались и замирали, слышал короткие вскрики. Видел, как женщины падали, их головы раскалывались под ударами невидимого оружия — воспоминаний, которые лишь они сами могли увидеть... и почувствовать. Безжалостная бойня всё продолжалась и продолжалась.

Нихил перестал ездить вдоль строя и теперь направил своего чалого коня к этой ужасной сцене. Несмотря на густой загар, мальчик был болезненно бледен. Что-то подсказывало Дукеру: юный колдун видит больше, чем все остальные, точнее, больше, чем остальные среди живых. Голова мальчика поворачивалась, его взор следил за призрачными убийцами. От каждого смертельного удара он вздрагивал.

На негнущихся, деревянных ногах историк заковылял к мальчику. Он потянулся и взял узду из безвольной руки мальчика.

— Нихил, — тихо спросил старик, — что ты видишь?

Мальчик заморгал, затем медленно встретился глазами с Дукером.

— Что?

— Ты видишь. Кто их убивает?

— Кто? — Он провёл дрожащей рукой по лбу. — Родичи. Клан разделился, два соперника схватились в битве за Трон Рогов. Родичи, историк. Кузены, братья, дяди...

Что-то внутри Дукера надломилось при этих словах Нихила. Непроявленные надежды, рождённые отчаянной нуждой в том, чтобы убийцы оказались... яггутами, форкрул ассейлами, к'чейн че'маллями... кем-то... кем-то другим.

— Нет, — проговорил он.

Глаза Нихила — юные, но древние — удерживали взгляд историка. Колдун кивнул.

— Родичи. Такое уже было. Среди народа вик. Поколение назад. Отражение.

— Но всё закончилось. — Пожалуйста, пусть будет так.

— Закончилось. — Нихил сумел криво улыбнуться. — Император, наш общий враг, объединил нас. Тем, кто смеялся над нашими маленькими войнами, нашей бессмысленной враждой. Смеялся и более того — насмехался. Он устыдил нас презрением, историк. Когда он встретился с Колтейном, наш союз уже трещал по швам. Келланвед насмехался. Сказал, что ему всего-то и нужно — сесть и подождать, пока мы сами не погубим своё восстание. Этими

словами он заклеил наши души. Этими словами и предложением единства он даровал нам мудрость. Этими словами заставил нас преклонить перед ним колени в истинной благодарности, принять то, что он предлагал, и так заслужил нашу верность. Когда-то ты хотел знать, как Император завоевал наши сердца. Теперь знаешь.

Решимость врагов окрепла, когда проржавевшие клинки древних воинов начали ломаться и рассыпаться от ударов по современному железу. Полуразложившиеся тела скелетов тоже не выдерживали. Во все стороны летели куски костей, фигуры спотыкались, затем падали — слишком разбитые, чтобы подняться вновь.

— Неужели они должны во второй раз пережить своё поражение? — спросил Дукер.

Нихил пожал плечами.

— Они дали нам миг передышки, позволили закрепиться. Не забывай, историк, если бы эти воины победили в первый раз, они сделали бы то же самое с семьями своих врагов. — Юный колдун медленно покачал головой. — Мало в людях добра. Очень мало добра.

Это прозвучало дико в устах такого молодого человека. Из тела этого мальчика говорит голос старика, помни об этом.

— Но можно его найти, — возразил Дукер. — Тем ценнее эта редкость.

Нихил забрал у него поводья.

— Здесь ты добра не найдёшь, историк, — сурово сказал он. — Мы известны своим безумием — это нам показывает древний дух острова. Сохранились воспоминания — все об ужасах, дела наши столь темны, что обожгли саму землю. Не закрывай глаза, — добавил он, разворачивая коня так, чтобы обозреть битву, которая вновь закипела у моста, — мы ещё не закончили.

Дукер промолчал, глядя, как юный колдун скачет к рядам солдат.

Историку это показалось невероятным, но путь перед беженцами был открыт, и они начали переправляться. Дукер взглянул на небо. Солнце поднималось к зениту. Почему-то он считал, что прошло куда больше времени. Дукер вновь посмотрел на окутанную пылью реку — переправа будет ужасной: глубокие, опасные воды по обе стороны, вопли детей, стариков и женщин, слишком слабых, чтобы устоять, — эти люди соскользнут в реку и навсегда скроются под волнами. Пыль и ужас, воронки в реке поглотят всякое эхо.

Конники Вороньего клана скакали по краям густой, перепуганной толпы, будто гнали тысячеголовое стадо неразумного скота. Длинными, тупыми жердями виканцы не давали людям разбежаться и рассыпаться по берегу, лупили по ляжкам и коленям, били в лицо. Где бы ни появились всадники, беженцы массово отшатывались.

— Историк, — проговорил рядом с ним Лист. — Нам нужно найти лошадей.

Дукер покачал головой:

— Нет ещё. Сейчас в этом последнем заслоне — сердце битвы. Я не уйду. Я должен это видеть...

— Понятно, сэр. Но когда начнётся отступление, их подхватят виканцы — по одному пешему на каждого всадника. Скоро к ним присоединится Колтейн со своим кланом. Они будут удерживать эту сторону брода, чтобы дать арьергарду переправиться. Головы наши окажутся на пиках, если мы сейчас не найдём себе коней.

Через некоторое время Дукер кивнул.

— Займись этим.

— Так точно. — Молодой солдат пошёл прочь.

Строй защитников у излучины извивался змеёй. Регулярная пехота врага расправилась с последними из мёртвых воинов и теперь усилила натиск. Железные нервы и спорая жестокость морпехов подбодрили остальных, и вспомогательные отряды продолжали отбрасывать солдат Апокалипсиса. Всадники клана Куницы разделились на отряды поменьше — смешанные группы лучников и копейщиков. Они быстро присоединялись к бою там, где ряды защитников грозили сломаться.

Виканцами командовал колдун Нихил, его пронзительные крики и приказы перекрывали грохот и рёв битвы. Казалось, он чувствует слабеющие звенья ещё до того, как угроза проявляется физически. Только благодаря его магически усиленному чувству времени строй всё ещё не был прорван.

На севере Камист Релой наконец привёл в движение свои элитные силы. Под прикрытием переднего ряда лучников тяжёлая пехота маршировала стройными рядами за спинами титтанцев. Они не решились идти через мёртвую рошу и болото, а развернулись к востоку, чтобы обойти их стороной.

Крестьянская армия теперь подпирала сзади пехоту Хиссара и Сиалка, десятки тысяч тел рвались вперёд неудержимым потоком.

Дукер встревоженно посмотрел на юг. Где же Колтейн? Пыль и дым поднимались из-за холмов. Деревня Л'энбарл горела, а битва кипела: если Колтейн и остатки его Вороньего клана не смогут быстро выйти из боя, они окажутся в ловушке на этой стороне реки. Историк заметил, что это беспокоило не только его. Голова Нихила тоже то и дело оборачивалась к холмам. Затем Дукер наконец понял, что юный колдун общался с коллегами из отряда Колтейна. Контроль... и иллюзия контроля.

Подъехал Лист, ведя в поводу кобылу Дукера. Капрал не стал спешиваться, чтобы передать поводья. Историк забрался в привычное потёртое седло и прошептал слова благодарности старикам-виканцам, которые с такой любовью позаботились о его лошади. Животное казалось бодрым и полным жизни. Интересно, а меня они смогли бы так выходить?

Арьергард армии Колтейна вновь начал отступать, оставляя старую излучину под упорным натиском врага. Тяжёлая пехота Камиста Релой будет готова обрушиться на северный фланг примерно через пять минут.

— Дело плохо, — проговорил Дукер.

Капрал Лист подтянул ремень шлема и промолчал, но историк заметил, как дрожат руки юноши.

Всадники клана Куницы теперь скакали прочь от линии обороны с ранеными солдатами на седле. Они мчались мимо Дукера — покрытые кровью и пылью призраки, испещрённые татуировками тела и лица делали виканцев похожими на демонов. Историк проводил их взглядом до кипящей толпы беженцев. Гражданских на этой стороне реки стало заметно меньше с тех пор, как он смотрел туда в последний раз. Слишком быстро. Они, наверное, запаниковали на переправе. Тысячи утонули в реке. Катастрофа.

— Нам пора отступить, сэр, — сказал Лист.

Арьергард сдавал позиции, поток раненых рос, все скачущие мимо кони несли двух, иногда трёх бойцов. Линия обороны сжалась, фланги отступили к центру. Через считанные минуты их окружают. А затем перебьют. Дукер увидел, как капитан Сон ревет команды, пытается выстроить своих подчинённых в каре. Солдат на ногах осталось ужасно мало.

По какой-то загадочной прихоти или превратности битвы пехота Сиалка и Хиссара в тот миг замешкалась на пороге полной победы. С фланга подоспела тяжёлая пехота, две фаланги в пятьдесят человек длиной и двадцать — глубиной, между ними и по сторонам расположились отряды лучников. На миг неподвижность и тишина стеной встали между двумя армиями.

Клан Куницы продолжал вывозить пехотинцев. Каре капитана Сна растворялось сзади, превращалось в польный трёхсторонний абрис.

— Последние беженцы уже в воде, — проговорил Сон; дышал он тяжело, руками крепко сжимал поводья. — Мы должны скакать...

— Да где же, Худ его подери, Колтейн? — воскликнул Дукер.

В дюжине шагов в клубящейся туче пыли остановился Нихил.

— Больше не ждём! Таков приказ Кулака! Скачи, историк!

Всадники подобрали последних людей Сна, несмотря на то что в этот момент враги с оглушительным рёвом бросились в атаку. Между полками пехоты открылись проходы, в которые выплеснулась наконец безумная ненависть крестьянской орды.

— Сэр! — В крике Листа прозвучала отчаянная мольба.

Выругавшись, Дукер развернул лошадь и всадил каблуки в бока кобылы. Они помчались вслед за виканскими конниками.

Обезумевшая орда устремилась за ними, чтобы занять эту сторону брода. Воины Сиалка и Хиссара и тяжёлая пехота Камиста Релоя их не сопровождали, сохраняя дисциплину и строй.

Виканские всадники на полном скаку ныряли в тучи пыли впереди. На такой скорости они врежутся в задние ряды беженцев, которые ещё наверняка на середине переправы. А потом их настигнет армия крестьян, и река окрасится красным. Дукер остановил лошадь и закричал, чтобы привлечь внимание Листа. Капрал обернулся, на его лице отразилось потрясение. Юноша натянул поводья, так что конь попятился и едва не упал на глинистом берегу.

— Историк!

— Поедем на юг, по берегу! — заорал Дукер. — Поплывём на лошадях — впереди только хаос и смерть!

Лист отчаянно затряс головой.

Не дожидаясь ответа, историк развернул кобылу налево. Если скакать быстро, они пересекут островок прежде, чем орда достигнет брода. Он пришпорил кобылу. Животное рванулось вперёд.

— Историк!

— Скачи или помирай, чтоб тебя!

В сотне шагов по берегу виднелось устье излучины, поросшее густым камышом, который каким-то чудом избежал кровавых событий этого дня. За ним вздымались защищающие Л'энбарл холмы. Если Колтейн сможет выйти из боя, он поступит умно — двинет прямо в реку. Даже если течение снесёт их к броду, воины получают преимущество в расстоянии. Несколько сотен утонет, но это лучше, чем три тысячи убитых, которыми придётся заплатить за попытку отбить эту сторону брода.

Словно чтобы окончательно сбить с толку историка, в этот миг на гребне холма появились виканские всадники и устремились вниз по склону. Впереди скакал Колтейн, чёрный плащ крылом раскинулся у него за спиной. Копья опущены, фланговые лучники на скаку натягивают луки. Конники летели прямо на Дукера.

Ошалевший историк с трудом заставил кобылу вновь развернуться.

— Ох, Худ, можно с тем же успехом присоединиться к этой безнадежной атаке! — Он увидел, что Лист тоже поворачивает, лицо под пыльным шлемом капрала было мертвенно-бледным.

Они войдут во фланг крестьянской армии, как нож в бок киту. И пользы будет столько же. Самоубийство! Даже если мы выйдем на брод, не разберём пути в воде. Лошади попадают, люди утонут, а остальных нагонят крестьяне, чтобы добить. Но оба продолжали скакать вперёд. За миг до того, как историк с капралом нырнули под завесу, Дукер увидел, как всадники клана Куницы вновь появились из клубов пыли. Контратака. Совершенное безумие!

По обе стороны от историка промчались всадники Вороньего клана, они как раз набрали максимальную скорость для атаки. Дукер обернулся, услышав яростный, радостный крик Колтейна.

Засвистели стрелы. Фланг крестьянской армии смешался, откатился назад. Атака виканцев пришлась в густую, плотную толпу тел. Но в последний момент виканцы развернулись и поскакали вдоль берега. Не пырнул ножом, а полоснул саблей.

Крестьяне умирали. В паническом бегстве многие падали, их топтали обезумевшие лошади. Весь фланг стал красным, когда дикие клинки виканцев прошли по нему.

Крестьяне у брода рассеялись под ударом всадников клана Куницы. Затем первые конники Вороньего клана оказались на северной оконечности переправы.

Ряды крестьян просто таяли на глазах у Дукера. Он теперь скакал с Вороньим кланом, плечи коней с обеих сторон касались его ног. Кровь с поднятых клинков брызгала на руки и лицо. Впереди всадники клана Куницы расступились, чтобы прикрыть сородичей, которые на полном скаку уходили в тучу пыли над бродом.

Вот теперь и начнётся настоящий ад. Каким бы страшным ни был удар конницы Колтейна, впереди лежала река. Раненые солдаты, беженцы и одному Худу ведомо, что ещё.

Историк глубоко вздохнул, как ему казалось, в последний раз, прежде чем нырнуть в позолоченную солнцем пыль.

Его кобыла с плеском вошла в воду, но не замедлила шаг. Путь впереди был свободен, странно бурлящий поток мутной воды. Остальных всадников впереди было почти не разглядеть, их кони шли галопом. Дукер чувствовал, что копыта кобылы бьют по твёрдой поверхности. Никак не четыре с половиной фута глубины, скорее вдвое меньше. И скакали они по камню, а не илистому дну. Дукер ничего не понимал.

Рядом с историком появился капрал Лист вместе с отрядом конников Вороньего клана. Один из виканцев ухмыльнулся:

— Колтейнова дорога — его воины как призраки летят над рекой!

И тут Дукер вспомнил разговоры прошлой ночи. Тамлит — этот аристократ кое-что заметил. Укреплённые повозки, будто бы с ранеными. Каменотёсы и инженеры. Повозки пошли первыми, и на их переправу ушла почти вся ночь. Раненых уложили поверх каменных плит. Треклятые инженеры выстроили тут дорогу!

Всё это казалось невозможным, но по доказательствам Дукер сейчас скакал. По краям дороги вкопали жерди, перевязанные верёвкой из волос титтанцев. В ширину — чуть больше десяти футов, но небольшую ширину с успехом возмещала быстрота, с которой можно было преодолеть более четырёхсот шагов до другого берега. Теперь глубина брода составляла не больше двух с третью футов, так что скот и беженцы явно справились.

Пыль впереди чуть рассеялась, и историк понял, что они почти добрались до западного берега реки. Он услышал раскаты колдовского грома. Эта битва ещё далеко не закончена. Мы временно оторвались от одной армии, но только

чтобы упереться во вторую. Неужели всё это — лишь ради того, чтобы нас раздавили между молотом и наковальней?

Они выбрались на мелководье и в следующий миг уже преодолели двадцать шагов по берегу, чтобы вырваться из-под пыльной пелены.

Дукер испуганно закричал, сам историк и его спутники судорожно натянули поводья. Прямо перед ними обнаружился взвод солдат — инженеров, которые на полной скорости бежали к броду. Сейчас сапёры бросились в стороны, осыпая всё и всех чернейшими проклятьями, ныряя и уворачиваясь от спотыкавшихся, храпящих коней. Один из них — огромный, как гора, здоровяк с обожжённым солнцем, чисто выбритым лицом, сорвал с головы помятый шлем, обнажив лысину, и швырнул железную каску в ближайшего виканца, да так, что она пролетела в считанных дюймах от его головы.

— С дороги — вы, потроха летучие! Нам работать надо!

— Ага! — зарычал другой, которому копытом отдавило ногу. — Подеритесь там с кем-нибудь или ещё что! Нам надо пробку выдернуть!

Не обращая внимания на их вопли, Дукер развернул лошадь к броду. Чары, которые удерживали пыль над переправой, рассеялись. Тучу уже снесло шагов на пятьдесят вниз по течению. А Колтейнову дорогу заполнила вопящая масса вооружённых крестьян.

Второй сапёр в этот момент забрался в неглубокую яму на глинистом берегу рядом с бродом.

— Погодь пока, Спрут! — приказал здоровяк, не сводя глаз с тысяч врагов — первые из них уже добрались до середины переправы. Он упёр могучие руки в бока и словно не замечал пристального внимания, с которым на него смотрели подчинённые, а также Дукер, Лист и полдюжины виканских всадников.

— Максимизировать надо, — пророкотал инженер. — Не только ублюдки-виканцы знают толк в том, чтоб выбрать правильный момент.

Первые ряды орды с оружием наперевес, словно пасть гигантской змеи со стальными клыками, преодолели уже три четверти пути. Историк мог разглядеть отдельные лица, выражения страха и кровожадной ненависти, из которых и складывается лик битвы. Короткий взгляд назад — столбы дыма и магические вспышки сосредоточились на правом фланге укреплений Седьмой. Оттуда донёсся далёкий, пронзительный боевой клич семаков, звук будто когтями продрал по коже. У первых валов разгорелся жестокий рукопашный бой.

— Ладно, Спрут, — протянул здоровяк. — Рви волосок.

Дукер снова перевёл взгляд на сапёра в яме, тот поднял в руках длинный чёрный шнур, который уходил вниз к воде. Измазанное грязью лицо Спрута исказила злобная гримаса, он зажмурился. Затем дёрнул. Шнур безвольно обвис.

Ничего не случилось.

Историк посмотрел на здоровяка. Тот заткнул пальцами уши, но глаза не закрыл, наоборот, пристально смотрел на реку. Вдруг Дукер всё понял — ровно в тот момент, когда Лист закричал: «Сэр!»

Земля словно ушла на дюйм из-под ног. Над бродом вода поднялась в воздух, набухла и покатила с молниеносной скоростью по всей длине Колтейновой дороги. Крестьяне на реке просто исчезли. И вновь появились удар сердца спустя — когда взрыв отрезал людей на берегу ветром с силой божеского кулака — алыми, розовыми и жёлтыми пятнами, кусками плоти и костей, оторванными конечностями, волосами, обрывками одежды, которые всё выше и выше поднимала вода — и разбрасывала во все стороны мутным, жутким туманом.

Кобыла Дукера отшатнулась, замотала головой. Взрыв был оглушительным. Мир со всех сторон вздрогнул. Виканский всадник свалился с седла и теперь извивался на земле, прижимая руки к ушам.

Река начала опускаться, жутко вспениваясь телами и кусками тел, пар снесло внезапным порывом ветра. Голова гигантской змеи исчезла. Стинула. Вместе с третью длины её тела — все, кто успел войти в воду, пропали.

Здоровяк стоял совсем рядом, но его слова звучали едва слышно сквозь звон в ушах Дукера:

— Пятьдесят пять «руганок» — Седьмая их много лет копила. И вместо брода теперь — траншея. Ха! — Удовлетворённая гримаса вдруг покинула его лицо. — Худовы пяточки, это что же, нам опять лопатами махать придётся?

Кто-то потянул историка за рукав. Лист наклонился поближе и прошептал:

— Куда теперь, сэр?

Историк посмотрел вниз по течению реки, туда, где красная вода бурлила и несла прочь то, что совсем недавно было людьми. Некоторое время он никак не мог понять смысл вопроса капрала. Куда? Точно — не к добру. Нигде перерыв в кровопролитии не даст нам ничего, кроме отчаяния.

— Сэр?

— К рукопашной, капрал. Посмотрим, что там.

Быстрое появление Колтейна и всадников Вороньего клана на западном фланге титтанских копейщиков изменило ход битвы. По пути к разгоревшейся на валах схватке Дукер и Лист увидели, как титтанцы дрогнули, отступили и открыли пеших семаков для виканских конных лучников. Стрелы градом посыпались на простоволосых бойцов-семаков.

В центре стояли основные силы Седьмой и сдерживали безумный натиск семаков, а в сотне шагов на севере тяжёлая пехота Гурана всё ещё ждала возможности схлестнуться с ненавистными малазанцами. Но у их командира явно возникли сомнения. Камист Релой и его армия оказались отрезаны — по крайней мере, на эту битву — на другой стороне реки. Если не считать

потрёпанных морпехов арьергарда и воинов клана Куницы, войско Колтейна почти не понесло потерь.

В пяти сотнях шагов на запад, на широкой, каменистой равнине клан Куницы преследовал остатки гуранской кавалерии.

В рядах Седьмой Дукер заметил яркое скопление алого и золотого – Барья Сэтрал и его Красные Клинки в самом сердце битвы. Семаки явно жаждали схватиться с малазанскими прихвостнями и платили за эту жажду собственной кровью. Однако отряд Сэтрала казался обескровленным – меньше двадцати человек, едва ли половина.

– Хочу подъехать поближе, – объявил Дукер.

– Так точно, – отозвался Лист. Он указал рукой. – Вон на тот холм – только там нас смогут достать лучники, сэр.

– Пойду на такой риск.

Оба поскакали к укреплениям Седьмой. Запылённый армейский штандарт одиноко стоял на невысоком холме за линией обороны. Его охраняли три седых ветерана – тела семаков на склонах показывали, что за эту высоту пришлось изрядно побороться утром. Все трое уже побывали в бою и получили лёгкие раны.

Когда историк и капрал проезжали мимо, Дукер заметил, что солдаты присели вокруг павшего товарища. На пыльных щеках оставили следы слёзы. Историк подъехал ближе и медленно спешился.

– У вас тут история, солдаты, – проговорил он низким голосом, чтобы перекрыть грохот и вопли битвы в тридцати шагах к северу от знамени.

Один из старых воинов поднял глаза и прищурился.

– Клянусь Худом, это же историк старого Императора! Видел тебя в Фаларе, а может, на Виканских равнинах...

– И там, и там был. За штандарт шёл бой, как я понимаю. Вы потеряли друга, защищая его.

Солдат заморгал, обернулся и посмотрел на знамя Седьмой. Древко накренилось, изодранная ткань выцвела на палящем солнце.

– Худов дух! – проворчал бывалый воин. – Думаешь, мы бы стали драться за кусок ткани на деревяшке? – Он указал рукой на тело, возле которого сидели его друзья. – Нордо поймал две стрелы. Мы удержали взвод семаков, чтобы он умер в свой срок. Эти треклятые дикари утаскивают раненых, чтобы потом пытаться. Ничего такого с Нордо не будет.

Долгое время Дукер молчал.

– Хочешь, чтобы я так и поведал эту историю, солдат?

Тот вновь прищурился, затем кивнул.

— Именно так, историк. Мы теперь уже не просто малазанские солдаты. Мы — армия Колтейна.

— Но он — Кулак.

— Он — холоднокровный ящер. — Воин ухмыльнулся. — Но мы — его солдаты.

Улыбнувшись, Дукер поднялся в седло и осмотрел линию укреплений. Предел выдержки был пройден. Семаки — сломлены. Они гибли десятками, а три легиона союзников стояли на склонах позади и ничего не делали. Боевой запал семаков и желание биться за святое дело явно закончились — по меньшей мере, в этом сражении. Дукер подумал, что нынче вечером в лагере врагов будут звучать проклятья и жестокие обвинения. Хорошо, пускай ссорятся сами с собой.

Вот и ещё один день, который не принёс славы Вихрю.

Колтейн не дал своей победоносной армии передохнуть, когда землю покинул послеполуденный свет. Строились новые укрепления, прежние — усиливались. Всюду копали рвы, поднимали частоколы. Беженцев перевели на каменистую равнину к западу от брода, их шатры расположили большими блоками так, чтобы оставить между ними широкие проходы. Туда загнали повозки с ранеными, и лекари с костоправами принялись за работу.

Скот перегнали на юг, к травянистым склонам Барловых холмов — выветренной гряде блёклого камня, поросшей искривлёнными чёрными соснами. Стада охраняли погонщики с помощью всадников клана Дурного Пса.

Когда солнце село за горизонт, Колтейн собрал в своём шатре командиров для доклада по итогам дня.

Дукер, за плечом которого маячил неотлучный капрал Лист, устало сидел на походном стуле и слушал рапорты со всё более оглушающим отчаянием. Сон потерял ровно половину своих морпехов, а вспомогательным отрядам, которые его поддерживали, пришлось ещё хуже. Клан Куницы тяжело пострадал во время отступления, больше всего их теперь беспокоила нехватка коней. В Седьмой капитаны Ченнед и Сульмар зачитывали бесконечную литанию раненых и убитых. Похоже, их офицеры и взводные сержанты понесли особенно тяжёлые потери. Давление на защитные валы было огромным, особенно утром — прежде чем прибыло подкрепление в лице Красных Клинков и клана Дурного Пса. Многие говорили о подвиге Барьи Сэтрала и его воинов. Они сражались яростно, как демоны, и, удержав первые ряды, своими жизнями купили время для перегруппировки остальной пехоты. Красные Клинки проявили отвагу, которая даже удостоилась похвалы самого Колтейна.

Сормо потерял двух детей-колдунов в битве против семакских чародеев-жрецов, но Нихил и Бездна выжили.

— Нам повезло, — сказал он, сообщив о смертях холодным, безучастным голосом. — Бог семаков — злобный Взшедший. Он использует чародеев, чтобы

направлять свою ярость, не щадя их смертной плоти. Те, кто неспособен выдержать мощь своего бога, просто рассыпаются прахом.

— Зато так их становится меньше, — хмыкнул Сон.

— Бог просто изберёт новых, — возразил Сормо. Он всё больше походил на старика — даже повадками. Дукер увидел, как юноша прикрыл глаза и прижал костяшки пальцев к векам. — Следует предпринять более суровые меры.

Все остальные молчали, пока наконец Ченнед не решился выразить общее недоумение:

— Что это значит, колдун?

Бальт сказал:

— Слова, рождённые дыханием, может услышать... мстительный, подозрительный бог. Если другого пути нет, Сормо, действуй.

Колдун медленно кивнул.

Через некоторое время Бальт громко вздохнул, затем приложился к бурдюку и заговорил:

— Камист Релой двинулся на север. Он переправится в устье — в городе Секале есть каменный мост. Но на этом он потеряет десять, может быть, одиннадцать дней.

— С нами останется пехота Гурана, — сказал Сульмар. — И семки. Им не нужно стоять с нами грудь в грудь, чтобы причинить вред. Истощение нас погубит быстрее.

Широкий рот Бальта сжался в тонкую линию.

— Колтейн объявил, что завтра будет день отдыха. Скот забьют, вражеских коней разделают и приготовят. Оружие и доспехи — починят.

Дукер поднял голову.

— Мы по-прежнему направляемся в Убарид?

Никто не ответил.

Историк рассматривал военачальников. Никакой надежды в их лицах он не увидел.

— Город пал.

— Так сказал титтанский вождь, — сказал Сон. — Он ничего не терял, когда сообщил нам это, — всё равно умирал. Бездна говорит, что он сказал правду. Малазанский флот бежал из Убариды. Теперь десятки тысяч беженцев гонят на северо-восток.

— Новая порция крикливых аристократов сядет на шею Колтейну, — с кривой ухмылкой бросил Ченнед.

— Но это невозможно, — сказал Дукер. — Если нельзя идти в Убарид, то какой же город открыт для нас?

— Только один, — сказал Бальт. — Арэн.

Дукер выпрямился.

— Безумие! Две сотни лиг!

— И ещё тридцать, если быть точным, — сказал Сон и осклабился.

— Пормкваль контратакует? Выйдет на север, чтобы встретить нас на полпути? Он вообще знает, что мы живы?

Бальт не сводил глаз с Дукера.

— Знает ли? Думаю, да, историк. Выйдет ли из Арэна? Контратакует? — Старый воин пожал плечами.

— Я по дороге сюда видел отряд инженеров, — сказал Сон. — Они все как один рыдали.

Ченнед спросил:

— Почему? Их невидимый командир лежит на дне Секалы с полной глоткой ила?

Сон покачал головой.

— У них закончилась «ругань». Осталась только пара ящиков шрапнели да «горелок». Можно подумать, у них всех только что матери дружно на тот свет отправились.

Наконец заговорил Колтейн:

— Они молодцы.

Бальт кивнул.

— Да. Хотел бы я там быть и видеть, как дорога взлетела на воздух.

— Мы там были, — сказал Дукер. — Победа лучше на вкус, если её не портят жуткие воспоминания, Бальт. Наслаждайся ею.

Дукер проснулся в своём шатре от того, что его плеча коснулась маленькая мягкая ладонь. Он открыл глаза в темноте.

— Историк, — произнёс голос.

— Бездна? Который час? Сколько я спал?

— Около двух, — ответила она. — Колтейн приказывает тебе идти со мной. Немедленно.

Дукер сел. Он слишком устал вечером, так что просто бросил свой спальный мешок на землю. Одеяло было мокрым от пота и росы. Историк задрожал от холода.

— Что случилось? — спросил он.

— Ничего. Пока что. Ты должен видеть. Быстрей, историк. У нас мало времени.

Он вышел наружу, лагерь тихо постанывал в самый тёмный час перед зарёй. Тысячи голосов сливались в один жуткий, леденящий звук. Раны тревожат измученный сон, тихие крики тех, кому уже не поможет искусство лекарей и костоправов, мычание скота, перестук конских копыт подчёркивают этот хор неумолчным, глухим боем. Где-то на равнине к северу раздаётся далёкий вой: матери и жёны оплакивают мертвецов.

Следуя за юркой, укрытой шерстяным плащом фигуркой Бездны, историк погрузился в печальные мысли. Мёртвые ушли во Врата Худа. Живым осталась только боль потери. Как императорский историк Дукер видел много народов, но ни у одного из них не было обрядов горя. Какими бы ни были наши личные боги, один Худ примет нас всех, единый в тысяче обличий. Когда дыхание его Врат касается нас, мы все кричим, чтобы отогнать эту вечную тишину. Сегодня мы слышим семаков. И титтанцев. Без лишних обрядов. Кому нужны храмы и жрецы, чтобы направлять излияния горя и отчаянья — когда всё свято?

— Бездна, почему виканцы не скорбят сегодня?

Она полуобернулась, не сбавляя шаг.

— Колтейн запретил.

— Почему?

— Об этом спроси его. Мы не оплакивали потери с самого начала пути.

Дукер долго молчал, затем сказал:

— И что ты сама и другие в трёх кланах чувствуете по этому поводу, Бездна?

— Колтейн приказывает. Мы повинемся.

Они подошли к границе лагеря виканцев. За последними шатрами протянулась мёртвая полоса шириной, наверное, в двадцать шагов, за ней возвышались наспех сооружённые плетни, из которых на уровне конской груди торчал частокोल заострённых бамбуковых жердей. Всадники клана Куницы постоянно патрулировали укрепления, не сводя глаз с тёмной равнины.

На мёртвой полосе виднелись две фигуры — одна высокая, другая низкая, обе худые, точно призраки. Бездна подвела к ним Дукера. Сормо. Нихил.

— Неужели только вы остались? — спросил историк, обращаясь к высокому колдуну. — Ты же говорил Колтейну, что потерял лишь двоих.

Сормо И'нат кивнул.

— Остальные дали отдых своей юной плоти. Дюжина лошадиц ухаживает за конями и несколько целителей помогают раненым солдатам. Мы трое — самые сильные, поэтому мы здесь. — Колдун шагнул вперёд. В нём чувствовалось лихорадочное возбуждение, в голосе звучала просьба о чём-то, чего историк дать не мог. — Дукер, чьи глаза отыскивали мои сквозь марево призрака Вихря в шатре торговцев, услышь мои слова. Ты услышишь страх — всякий его перезвон. Ты сам не чужд песни этого тёмного хора. Знай, что сегодня ночью меня терзают сомнения.

— Колдун, — тихо проговорил Дукер, когда Бездна шагнула вперёд, чтобы встать по правую руку от Сормо, и развернулась, так что все трое теперь смотрели на историка, — что здесь происходит?

В ответ Сормо И'нат поднял руки.

Всё вокруг вдруг изменилось. Дукер увидел морены и каменистые осыпи за спинами трёх колдунов, тёмное небо словно пульсировало чернотой над головами. Земля под мокасинами Дукера была влажной и холодной. Он посмотрел вниз и увидел тонкую корочку льда, которой схватились лужи мутной воды. Безумные узоры на льду отблёскивали мириадами цветов, отражением невидимого источника света.

Дыхание холодного ветра заставило его обернуться. Из глотки сам собой вырвался гортанный крик удивления. Объятый ужасом историк отступил на шаг. Изъеденный, залитый кровью лёд складывался перед ним в неровный утёс, зазубренные, перекошенные блоки у его подножия лежали меньше чем в десяти шагах. Стена утёса уходила выше и выше — пока не терялась в тумане.

Во льду виднелись тела, человеческие фигуры, перекрученные, лишённые плоти. Органы и кишки были свалены у основания утёса, словно на гигантской бойне. Медленно тающие куски пропитанного кровью снега породили озерцо, из которого торчали части тел, словно липкие островки.

Обрывки плоти уже начали разлагаться, превращаться в бесформенные студенистые холмики, сквозь которые можно было рассмотреть кости.

За спиной раздался голос Сормо:

— Он внутри, но близко.

— Кто?

— Бог семаков. Древний Взшедший. Он не смог справиться с чародейством и был пожран вместе с остальными. Однако не умер. Чувствуешь его гнев, историк?

— По-моему, я уже ничего не чувствую. Какое же чародейство сотворило такое?

— Яггутское. Чтобы сдержать волны вторгшихся людей, они возводили стены льда. Иногда быстро, иногда медленно, согласно своей стратегии. Где-то лёд поглотил целые континенты, уничтожив всё, что противостояло ему. Цивилизации форкрул ассейлов, огромные механизмы и машины к'чейн че'маллей и, конечно, убогие домишки тех, кому было суждено затем унаследовать мир. Высочайшие из ритуалов Омтоз Феллака — такие никогда не умирают, историк. Они поднимаются, спадают и поднимаются вновь. Даже сейчас один из них рождается заново в далёкой земле, и его ледовые реки пришли в мои сны, ибо им суждено принести великие изменения и бесчисленные смерти.

В словах Сормо звучал ритм древности, безжалостный холод веков, находивших один на другой, снова и снова, пока Дукеру не начало казаться, что каждый камень, каждый утёс, каждая гора движутся в вечном танце, словно лишённые сознания левиафаны. Кровь застыла у него в жилах, и Дукер задрожал.

— Подумай о таких ледовых крепостях, — продолжал Сормо. — Грабители могил ищут богатств, но мудрые охотники ищут... лёд.

Заговорила Бездна:

— Они начали собираться.

Дукер наконец смог оторвать взгляд от истерзанного, наполненного плотью льда. Беспорядочные извивы и биение энергии окружили трёх колдунов. Одни наливались яркой силой, другие расцветали и гасли в судорожном ритме.

— Духи земли, — сказал Сормо.

Нихил беспокойно заёрзал, словно едва сдерживал желание пуститься в пляс. На детском лице появилась мрачная улыбка.

— Плоть Взшедшего несёт в себе великую силу. Все они хотят получить кусочек. Если мы поднесём им такой дар, тем самым купим их службу в дальнейшем.

— Историк. — Сормо подошёл ближе, протянул тонкую руку и положил на плечо Дукеру. — Сколь тонок этот отрез милосердия? Вся эта ярость, весь гнев... закончатся. Их разорвут на куски, и каждый кусок пожрут. Не смерть, но своего рода рассеяние...

— А что ждёт семакских чародеев-жрецов?

Колдун вздрогнул.

— Знание. И с ним — великая боль. Мы должны вырвать сердце семаков. Но это сердце хуже, чем камень. То, как он использует смертную плоть... — Сормо покачал головой. — Колтейн приказывает.

– Вы подчиняетесь.

Сормо кивнул.

Дюжину ударов сердца Дукер молчал, затем вздохнул.

– Я услышал твои сомнения, колдун.

На лице Сормо отразилось почти яростное облегчение.

– Закрой глаза, историк. Это будет.. некрасиво.

Позади Дукера с трескучим рёвом разломился лёд. Алый дождь налетел на историка могучим валом, так что тот едва устоял на ногах.

За спиной раздался дикий вопль.

Духи земли рванулись вперёд, кувыркаясь и вертясь, проскользнули мимо Дукера. Он обернулся вовремя, чтобы разглядеть фигуру – плоть, стнившая до черноты, руки по-обезьяньи длинные, – фигуру, которая выбиралась из грязного талого снега.

Духи добрались до неё, закружились вокруг. Взошедший испустил ещё один пронзительный вопль, прежде чем духи разорвали его на куски.

Горизонт на востоке уже заалел, когда они вернулись на мёртвую полосу. Лагерь просыпался, жизнь брала своё, вновь наваливаясь на измождённые, усталые души. Установленные на повозках горны разжигали, свежие шкуры скоблили, кожу растягивали и кроили или вываривали в огромных почерневших котлах. Вопреки прожитым в городах годам, малазанские беженцы учились отныне нести город за собой – или, по крайней мере, его самые необходимые элементы.

Дукер и три колдуна были мокры от старой крови, к одежде прилипли обрывки плоти. То, что они вернулись, уже служило знаком успеха, так что виканцы подняли протяжный крик, который прокатился по становищам всех кланов. В этом звуке сливались горечь и триумф – подходящая погребальная песнь для погибшего бога.

В далёком лагере семаков на севере погребальный плач вдруг стих, воцарилась зловещая тишина.

От земли поднимался утренний пар, и Дукер чувствовал, шагая по мёртвой полосе к становищу виканцев, тёмные отзвуки силы духов земли. Три колдуна покинули его, когда они подошли к краю лагеря.

Отзвук силы нашёл себе голос лишь несколько мгновений спустя, когда все собаки в огромном лагере одновременно завывали. Вой был до странности безжизненным и холодным, как железо, в нём звучало обещание.

Дукер замедлил шаг. Обетование. Век всепоглощающего льда...

– Историк!

Он поднял глаза и увидел, как к нему подходят трое. Двоих Дукер узнал – Нэттпара и Тамлит. С ними был ещё один аристократ – низкорослый и толстый, закутанный в расшитый золотом парчовый плащ, который смотрелся бы внушительно на человеке вдвое более высоком и менее грузном. В итоге выглядел он скорее пафосно.

Нэттпара запыхался от спешки, его обвисшие щёки и подбородки дрожали.

– Императорский историк Дукер, мы желаем говорить с тобой.

Недосып – и множество других вещей – сильно подточили терпение Дукера, но он сумел ответить сдержанно:

– Я бы предложил в другой раз...

– Совершенно невозможно! – возмутился третий аристократ. – Совет не позволит отшить себя снова. Колтейн держит в руке меч и потому может оскорблять нас своим варварским равнодушием, но мы позаботимся о том, чтобы нашу петицию доставили – так или иначе!

Дукер посмотрел на него и заморгал.

Тамлит сконфуженно откашлялся и потёр слезящиеся глаза.

– Историк, позволь представить тебе высокородного Ленестро, до недавнего времени – жителя Сиалка...

– Не просто жителя! – взвизгнул толстяк. – Единственного представителя канского семейства Ленестро во всех Семи Городах. Комиссионер самого крупного торгового предприятия по экспорту дублёной верблюжьей кожи. Я – старшина в Гильдии, удостоенный чести Первенства в Сиалке. Не один Кулак склонялся передо мной, но вот я стою – униженный, вынужденный выпрашивать аудиенцию у измазанного нечистотами книжника...

– Ленестро, пожалуйста! – раздражённо воскликнул Тамлит. – Ты не приносишь пользы нашему делу!

– Получивший пощёчину от салом вымазанного дикаря, которого Императрица должна была посадить на кол много лет назад! Уверю вас, она горько пожалеет о своей снисходительности, когда вести об этом ужасе достигнут её ушей!

– О каком же именно ужасе речь, Ленестро? – тихо спросил Дукер.

Этот вопрос застал Ленестро врасплох, так что он налился краской, замер с открытым ртом и только брызгал слюной. Отвечать взялся Нэттпара:

– Историк, Колтейн забрал на работы наших слуг. Это была даже не просьба. Его виканские псы попросту увели их – более того, когда один из наших почтенных коллег запротестовал, его ударили, так что он упал на землю. Вернули ли наших слуг? Нет. Живы ли они? Какое чудовищное самоубийственное задание им уготовано? У нас нет ответов, историк.

– Вы беспокоитесь о благополучии своих слуг? – уточнил Дукер.

– Кто будет готовить нам еду? – вмешался Ленестро. – Чинить одежду, ставить шатры, греть воду для ванны? Это возмутительно!

– Их благополучие более всего беспокоит меня, – сказал Тамлит с грустной улыбкой.

Дукер ему поверил.

– Я наведу справки.

– Ну, разумеется! – взвизгнул Ленестро. – И немедленно!

– Когда сможешь, – сказал Тамлит.

Дукер кивнул и отвернулся.

– Мы с тобой не закончили! – заорал Ленестро.

– Закончили, – услышал Дукер голос Тамлита.

– Кто-то должен заткнуть этих псов! Они же воют и воют без конца!

Лучше пусть воют, чем кусают за пятки. Историк пошёл дальше. Желание вымыться становилось невыносимым. Остатки крови и плоти на его одежде и коже начали подсыхать. Когда Дукер шагал по проходу между шатрами, многие взгляды обратились к нему. Руки поднимались, чтобы совершить защитные знаки у него за спиной. Дукер боялся, что невольно стал предвестником и нёс обетование судьбы столь же ледяной, сколь бездушным был вой собак.

По небу кровавой полосой растекался свет утра.

Книга третья

Собачья цепь

Когда пески

Плясали слепо,

Она изошла от лика

Богини яростной.

Бидиталь. Ша'ик

Глава одиннадцатая

Если ищешь раскрошившиеся кости т'лан имассов, набери в ладонь песка Рараку.

Неизвестный автор. Священная пустыня

Кальп чувствовал себя мышью в большой комнате, битком набитой великанами: прячешься в тени и всё равно через миг растопчут. Никогда прежде, выходя на Меанас, он не чувствовал в Пути такой... тесноты.

Сюда явились чужие, хватчики, силы столь враждебные этому Пути, что сам воздух стал вязким. Та сущность мага, которая прорвалась сквозь завесу, съёжилась в крохотное боязливое создание. И всё же — Кальп ощущал лишь несколько жутких Троп, заплетённых следов, указывающих, где прошли незваные гости. Все чувства кричали, что он — по крайней мере, сейчас — один на этой широкой безжизненной равнине. Но маг трепетал от страха.

Сознанием он потянулся призрачной рукой, коснулся того места, где осталось тело, почувствовал ритмичный ток крови в венах, надёжный вес плоти и костей. Кальп сидел, скрестив ноги, в капитанской каюте «Силанды» под присмотром встревоженного, насторожённого Геборика, а остальные ждали на палубе, вглядываясь в ровный, безжалостно пустынный горизонт.

Нужно найти выход. Весь Старший Путь, на котором они очутились, представлял собой вязкое, неглубокое море. Гребцы могут гнать «Силанду» вперёд тысячу лет, дерево стгниёт под мёртвыми руками, вёсла переломятся, сам корабль начнёт разваливаться, а барабан всё ещё будет рокотать, спины — стигаться и разгибаться. А мы к тому времени давно умрём, от нас останется лишь прах. Чтобы спастись, нужно найти способ перейти на другой Путь.

Кальп проклинал свои ограничения. Следуй он Пути Серка, Дэнула или Д'рисса — да практически любого другого Пути, открытого людям, — уже давно отыскал бы то, что нужно. Но только не Меанас. Ни морей, ни рек, ни даже, Худ её дери, лужи! Со своего Пути Кальп пытался создать проход в мир смертных... и пока что не преуспел.

Они попались в ловушку хитроумных правил, законов природы, которые будто решили поиграть с принципом причинно-следственной связи. Если бы спутники ехали в повозке, Путь, несомненно, повёл бы их по суше. Изначальные стихии диктовали нерушимое постоянство между Путиами. Земля к земле, воздух к воздуху, вода к воде.

Кальп слышал рассказы о Высших магах, которые – по слухам – придумали способы обмануть эти беспредельные законы, возможно, таким знанием обладали боги и другие Взшедшие. Но эти уловки были так же недоступны обычному кадровому магу, как орудия великанской кузни – дрожащей крысе.

С другой стороны, его тревожил сам масштаб задачи. Протащить нескольких спутников через свой Путь было бы тяжело, но посильно. А целый корабль?! Маг надеялся, что на Пути Меанас обретёт отгадку, словно гром с ясного неба явится простое и элегантное решение. Изящное, как поэзия. Разве не сказал когда-то сам Рыбак Кель'Тат, что поэзия и чародейство суть разные стороны одного клинка в сердце всякого человека? Где же тогда мои магические песнопения?

Кальп печально признался себе, что на Пути Меанас остался столь же глупым, каким был в капитанской каюте. Искусство иллюзий – сама элегантность. Должен, должен быть способ... хитростью выбраться из ловушки. Реальное против синергии впечатлений в сознании смертного. А как же вышние силы? Можно ли саму реальность убедить в существовании нереального?

Вопль его чувств зазвучал иначе. Кальп уже был не один. Густой, разбухший воздух Пути Меанас – где тени наполнялись плотностью матового стекла, а скользить по ним было наслаждением сродни экстатической дрожи – воздух надулся, выгнулся, словно приближалось что-то огромное и толкало этот воздух перед собой. Но, что бы это ни было, оно приближалось очень быстро.

В мозгу чародея блеснула внезапная мысль. Сумасшедшая, но... элегантная. Тотговы пятки, а смогу ли? Нарастает давление, затем пустой след, надёжный поток. Худ, не вода, конечно, но похоже!

Надеюсь, что похоже.

Кальп увидел, как Геборик подпрыгнул от неожиданности и ударился головой о низкую балку потолка. Маг скользнул обратно в своё тело и хрипло вздохнул.

– Скоро двинемся, Геборик. Прикажи всем готовиться!

Старик потирал кулечей затылок.

– К чему готовиться, маг?

– К чему угодно.

Кальп снова ушёл, устремился к своему «якорю» на Пути Меанас.

Незванный гость приближался, и сила его была такова, что сам воздух лихорадочно дрожал. Маг увидел, как ближайšie тени завибрировали, словно готовы были вот-вот рассеяться. Он ощутил: ярость клубится в воздухе, просачивается в глинистую почву под ногами. Незванный гость явно привлёк внимание... кого-то – Престола Тени, Псов – а может, Пути и вправду сами по себе живые. В любом случае, гость двигался дальше, высокомерно не обращая внимания на гнетущую угрозу.

Кальп вдруг вспомнил ритуал Сормо, который бросил их на Путь т'лан имассов на окраинах Хиссара. Ох, Худ, одиночник или д'иверс... но какая мощь! Кто же, во имя Бездны, обладает такой силой? У мага нашлось два варианта ответа: Аномандр Рейк, Сын Тьмы, и Осрик. Оба – одиночники, оба – невероятно высокомерны. Если бы существовали на свете равные им, сказания об их делах наверняка достигли бы ушей Кальпа. Воины говорят о героях. Маги – о Взшедших. Наверняка бы достигли.

Но Рейк – в Генабакисе, а Осрик, по слухам, удалился на дальний южный континент около века назад. Что ж, наверное, холодноокий ублюдок вернулся. Ладно, всё равно скоро выяснится.

Маг почувствовал близкое присутствие. Прижавшись духовным телом к мягкой земле, Кальп задрал голову.

Дракон летел низко. Он не был похож ни на одно изображение дракона из тех, что Кальп видел в жизни. Это не Рейк и не Осрик. Огромные кости, шкура, как высушенная акуля кожа, размах крыльев больше, чем даже у самого Сына Тьмы – в жилах которого течёт кровь драконьей богини – а крылья лишены изящной гладкости формы; безумный рисунок косточек, словно раздробленное крыло летучей мыши, каждый угловатый сустав выпирает из-под натянутой, потрескавшейся шкуры. Голова – равной длины и ширины, как у гадюки, глаза посажены высоко на черепе. Никакого выпуклого лба, череп просто уходит назад, так что основание переходит в шею, скрытую мышцами челюсти.

Грубое, угловатое создание, окутанное аурой изначальной древности. И к тому же, как вдруг потрясённо понял Кальп, когда его чувства охватили все эманации дракона, он – нежить.

Маг ощутил, что дракон его заметил, пролетая в жалких двадцати сажнях над головой Кальпа. Мимолётное обострённое внимание, которое быстро сменилось равнодушием.

Вслед за драконом явился резкий ветер, а Кальп перекатился на спину и прошипел несколько слов Высшего Меанаса, которые знал. Ткань Пути разошлась – в разрыв такого размера едва пролезла бы лошадь. Однако пролом вёл в пустоту, вакуум, и свист ветра сменился рёвом.

Продолжая парить между мирами, Кальп с восторгом увидел, как покрытый коркой грязи нос «Силанды» вошёл в разрыв. Ткань разошлась шире, затем ещё шире. Внезапно корабль показался ужасно широким. Восторг сменился страхом, затем – ужасом. О нет, я это и вправду сделал.

Молочно-белая, пенистая вода вскипела вокруг корпуса судна. Портал раскрывался всё шире по обе стороны «Силанды», неуправляемо – огромная масса воды устремилась в проход.

Морской вал обрушился на Кальпа и в следующий миг уничтожил «якорь», разрушил его духовное присутствие. Маг рывком вернулся в скрипящую, кренящуюся капитанскую каюту. Геборик почти выпал из двери в коридор и теперь лежал в проходе, а гигантская волна несла «Силанду» вперёд.

Бывший жрец бросил на Кальпа мрачный взгляд, когда увидел, что маг поднимается.

— Скажи мне, что ты всё так и задумал! Скажи, что у тебя всё под контролем, чародей!

— Конечно, идиот! Разве не видно? — Он пробрался через завал из опрокинувшейся мебели и перешагнул через Геборика в дверях. — Держи оборону, старик, мы на тебя рассчитываем!

Геборик прошипел вслед Кальпу несколько забористых ругательств, но маг уже карабкался на верхнюю палубу.

Если присутствие Незваного гостя силы Меанаса ещё терпели и не противились открыто, то разрыв ткани Пути сорвал все ограничения. Это было разрушение космического масштаба, рана, которую, быть может, никогда не удастся залечить.

Кажется, я только что уничтожил собственный Путь. Если реальность невозможно обмануть. Но её, разумеется, можно обмануть — я всё время только этим и занимаюсь!

Кальп выбрался на палубу и поспешил на ют. Геслер и Ураган стояли у руля, оба ухмылялись, как идиоты, и пытались удерживать курс. Геслер указал вперёд, Кальп обернулся и увидел смутный, призрачный облик дракона, его узкий, костистый хвост ритмично извивался, как у ползущей по песку змеи. В этот момент показалась клиновидная голова — жуткое создание обратило взгляд чёрных, мёртвых глазниц на корабль.

Геслер помахал.

Кальп встряхнулся, с трудом пошёл против ветра и вцепился обеими руками в планширь на корме. Разлом остался далеко позади — но его всё ещё видно, а значит... ох, Худ! Ревущим потоком вода лилась внутрь под могучим ветром, который, словно след, оставлял за собой дракон-одиночник. Разрыв не расходился во все стороны только потому, что плотная масса теней бросалась на его края — и исчезала. Но являлись всё новые и новые тени. Задача заткнуть разрыв была непомерной, невозможно было даже приблизиться к разлому, чтобы исцелить саму рану.

Престол Тени! И всякий другой Взшедший ублюдок, который меня слышит! Может, у меня и нет в вас веры, но вы уж лучше поверьте в меня. И быстро! Иллюзия — мой дар, здесь и сейчас. Верьте! Не сводя глаз с разлома, Кальп пошире расставил ноги, затем отпустил планширь и поднял обе руки.

Закроется... исцелится! Образ перед ним заколебался, разрыв сомкнулся, словно заштопанный. Вода замедлилась. Кальп усилил давление, приказал иллюзии стать реальностью. Руки и ноги дрожали. Пот катился по телу, пропитал одежду.

Реальность сопротивлялась. Иллюзия дрогнула. Колени Кальпа подломились. Он ухватился за планширь, чтобы не упасть. Он проигрывал. Не осталось сил. Проигрываю. Умираю...

Сила вонзилась в него сзади, словно физический удар по затылку. В глазах потемнело, в поле зрения судорожно вспыхнули звёзды. Через него текла чуждая сила, она вздёгнула мага на ноги. Руки широко раскинулись, он почувствовал, что стопы оторвались от накренившейся палубы. Сила держала его в воздухе; воля холодная, как лёд, заполнила его плоть.

Это была сила нежити. Воля дракона. Слегка раздражённо, нехотя, он всё же постиг смысл алогичных чародейских ухищрений Кальпа... и дал ему всю нужную силу. А затем – больше.

Маг закричал, боль пронзила его ледяным огнём.

Мёртвый дракон даже не думал об ограничениях смертного тела, и этот урок теперь пылал в костях Кальпа.

Далёкий разрыв сомкнулся. И тут же через мага потекли и другие силы. Взшедшие, уловив возмутительное намерение Кальпа, со зловещим весельем вступили в игру. Всегда игры. Будьте вы прокляты, ублюдки! Все как один! Я отказываюсь от своей молитвы! Слышите? Худ вас всех побери!

Чародей вдруг понял, что боль исчезла, дракон-одиночник отвлёкся, как только другие силы были готовы занять его место. Но Кальп продолжал болтаться в нескольких футах над палубой, содрогаясь в конвульсиях, – охватившие его силы играли со смертным телом. Это было не равнодушие нежити, а ехидная насмешка. Кальп тотчас пожелал возвращения первого.

Внезапно он упал, врезался коленями в грязную палубу. Оружие, использовали и выбросили...

Рядом появился Ураган и помахал перед носом чародея мехом с вином. Кальп выхватил его и приложил к губам, рот наполнился тёрпкой жидкостью.

– Идём в фарватере дракона, – сообщил солдат. – Только уже не по воде. Дырка закрылась плотно, как задний проход сапёра. Что бы ты там ни сделал, маг, всё получилось.

– Ещё не всё, – пробормотал Кальп, пытаясь совладать с дрожащими руками и ногами. Он сделал очередной глоток.

– Тогда поосторожней с вином, – с ухмылкой сказал Ураган. – В голову бьёт будь здоров...

– Я разницы не замечу – у меня в голове и так уже каша.

– Ты там синим огнём горел, маг. Ничего подобного в жизни не видел. Хорошая будет байка для таверны.

– Ах, наконец-то я обрету бессмертие. Получай, Худ!

– Встать можешь?

Кальп не стал артачиться и позволил солдату помочь.

— Дай мне пару минут, — сказал он. — Потом попробую вывести нас с этого Пути... обратно в наш мир.

— Дорожка будет такая же крутая?

— Надеюсь, что нет.

Фелисин стояла на баке, глядя, как маг и Ураган передают друг другу мех с вином. Она почувствовала присутствие Взошедших, холодное, бескровное внимание, окинувшее корабль и всех его пассажиров. Дракон был хуже всех — студёный и отстранённый. Блохи в шерсти — мы для него значим не больше.

Она обернулась. Положив забинтованную руку на планширь, Бодэн рассматривал огромное крылатое чудовище, которое прорезало путь впереди. То, по чему плыл корабль, катилось под ними с тихим шелестом. Вёсла по-прежнему поднимались и опускались с беспощадным терпением, хотя было ясно, что «Силанда» двигалась куда быстрее, чем могли бы толкать её мускулы и кости гребцов — даже мёртвые мускулы и кости.

Вот так компания. Судьбы — одна другой краше. Не решаем ничего, не можем даже выбрать следующий шаг в этом безумном, диком путешествии. У мага есть чары, у старого солдата — каменный меч, у двух других — вера в Бога-Вепря. У Геборика... у Геборика нет ничего. А у меня — только оспины да шрамы. Вот и всё богатство.

— Зверь готовится...

Фелисин покосилась на Бодэна. Ах да, забыла про головореза. У него есть свои секреты, если они вообще чего-то стоят.

— К чему готовиться? Ты что, ещё и по драконам специалист?

— Нечто открывается впереди — небо изменилось. Видишь?

Она увидела. Непроглядная серая завеса приобрела цвет, окрасилась прямо по курсу цветом меди, и пятно становилось всё больше. Надо бы сказать магу, наверное...

Но стоило ей развернуться, пятно вдруг расцвело, заполнило половину неба. Откуда-то сзади послышался вой, исполненный холодной ярости. Тени летели к ним со всех сторон, расступаясь, когда киль «Силанды» врезался в них. Дракон подогнул крылья и исчез в сверкающем зареве багрового пламени.

Бодэн резко отвернулся, обхватил Фелисин сильными руками и повалил, прикрыв своим телом, — и тотчас корабль охватило пламя. Она услышала, как головорез зашипел, когда до них добрался огонь.

Дракон нашёл Путь... который выжжет блох на его шкуре!

Фелисин вздрогнула, когда пламя лизнуло защищавшего её Бодэна. Она почувствовала запах, он горел — кожаная рубашка, кожа на спине, волосы. Каждый вздох наполнял её лёгкие мукой.

Затем Бодэн побежал, легко понёс её вниз по трапу на верхнюю палубу. Вокруг кричали люди. Фелисин на миг увидела Геборика – его татуировки извивались в чёрном дыму – тот пошатнулся, ударился о планширь слева, а затем упал за борт.

«Силанда» горела.

Продолжая бежать, Бодэн обогнул грот-мачту. Рядом возник Кальп, схватил головореза за руку, попытался что-то прокричать, но ревущее пламя унесло слова прочь. От боли Бодэн превратился в неразумное животное. Он взмахнул рукой, и маг отлетел в пламя.

Бодэн заревел, рванулся вперёд в слепом, безнадёжном бегстве на ют. Морпехи исчезли – то ли сторели дотла, то ли умирали где-то под палубой. Фелисин не стала бороться. Она видела, что спасения нет, и почти с радостью ждала укусов огня, которые теперь касались её всё чаще.

Фелисин просто смотрела, как Бодэн донёс её до планширя на корме и прыгнул.

Они падали.

От удара о твёрдый песок воздух вышибло из лёгких. Бодэн так и не разомкнул рук, оба покатались по крутому склону и остановились среди груды гальки. Багровое пламя исчезло.

Вокруг опускалась пыль. Фелисин подняла глаза на яркое солнце. Где-то поблизости жужжали мухи. Этот звук оказался таким обыденным, что она задрожала – будто последние защитные стены внутри её рушились. Мы вернулись. Домой. Она поняла это с нутряной уверенностью.

Бодэн застонал. С трудом отодвинулся, галька заскользила и затрещала под ним.

Фелисин посмотрела на головореза. Волосы сторели, череп обтягивала обожжённая кожа цвета старой бронзы. Кожаная рубаха превратилась в клочья, которые свисали со спины, будто обугленные нити паутины. Кожа на спине казалась даже темнее, чем на голове. Повязка с руки тоже исчезла, обнажив распухшие пальцы и посиневшие суставы. Как ни странно, кожа не растрескалась; наоборот, казалось, будто ее позолотили. Закалили.

Бодэн поднялся – медленно, каждое болезненное движение было невероятно точным. Он моргнул, глубоко вздохнул. Затем удивлённо посмотрел на себя.

Не этого ты ждал. Боль уходит – по лицу вижу – теперь осталась лишь в воспоминаниях. Ты выжил, но всё... кажется другим. Ты это чувствуешь.

Неужто ничто не способно убить тебя, Бодэн?

Он покосился на Фелисин и нахмурился.

– Мы живы, – сказала она.

Фелисин последовала примеру Бодэна и поднялась. Они стояли посреди узкого сухого русла, оврага, где ливневый паводок сошёл с такой силой, что забил дно камнями размером с череп. Овраг был не больше пяти шагов в ширину, стены в два человеческих роста открывали разноцветные слои песка.

Жара была невыносимая. Пот ручьём стекал у неё по спине.

— Видишь место, где мы могли бы выбраться? — спросила Фелисин.

— Чувешь запах отатарала? — пробормотал Бодэн.

Она похолодела. Мы вернулись на остров..

— Нет. А ты?

Он покачал головой.

— Ничего вообще не чую. Просто мысль.

— Плохая мысль! — прошипела она. — Давай искать выход.

Ждёшь, что я тебя благодарить буду за то, что спас мне жизнь? Ждёшь хоть слова или, может, взгляда, намёка в глазах. Не дождёшься, головорез.

Они пошли по дну забитого оврага под стройное гудение роя мух и эхо собственных шагов.

— Я стал... тяжелее, — сказал Бодэн через несколько минут.

Она остановилась и обернулась.

— Что?

Он пожал плечами.

— Тяжелее. — Он потрогал больную руку здоровой. — Твёрже. Не могу объяснить. Что-то изменилось.

Что-то изменилось. Фелисин пристально смотрела на него, её эмоции вились вокруг невыговоренных страхов.

— Могу поклясться, я сторел до костей, — добавил Бодэн и нахмурился ещё сильнее.

— Я не изменилась, — сказала она, развернулась и пошла дальше. Вскоре позади послышались его шаги.

Они нашли приток, расселину, где поток воды вливался в основное русло, пробившись сквозь песчаник. Этот проход вывел их наверх примерно через двадцать шагов. Спутники оказались у подножия гряды пологих холмов, которые возвышались над широкой потрескавшейся долиной. На другой стороне высились другие холмы — более высокие и крутые. За жарким маревом они казались нечёткими.

В пяти сотнях шагов на равнине стояла фигура. Рядом виднелось обмякшее тело.

— Геборик, — прищурившись, сказал Бодэн. — Тот, который стоит.

А лежащий? Жив или мёртв? И кто?

Бок о бок они пошли к бывшему жрецу, который, в свою очередь, уже заметил спутников. Его одежда тоже выгорела и превратилась в обугленные лохмотья. Но плоть под вязью татуировок осталась нетронутой.

Когда они подошли, Геборик культей показал на свою лысину.

— Тебе идёт, Бодэн, — с сухой усмешкой сказал он.

— И что? — едко поинтересовалась Фелисин. — Вы двое теперь состоите в братстве?

У ног старика лежал маг Кальп. Её взгляд наткнулся на него.

— Мёртв?

— Не совсем, — сказал Геборик. — Будет жить, но он ударился обо что-то, когда падал за борт.

— Так буди его! — приказала Фелисин. — Я не собираюсь ждать тут на жаре, пока он выпится. Мы снова в пустыне, старик, если ты вдруг не заметил. А пустыня — это жажда, не говоря уж о том, что у нас нет ни еды, ни других припасов. И, наконец, мы понятия не имеем, где очутились...

— На материке, — перебил Геборик. — В Семи Городах.

— Откуда ты это знаешь?

Бывший жрец пожал плечами.

— Просто знаю.

Кальп застонал и сел. Осторожно трогая синяк под левым глазом, огляделся. И помрачнел.

— Седьмая армия стоит лагерем прямо вон там, — сообщила Фелисин.

На миг он поверил, затем устало улыбнулся.

— Очень смешно. — Маг поднялся на ноги, внимательно осмотрел горизонт, прежде чем склонить голову набок и принюхаться. — Материк, — заявил Кальп.

— Почему у тебя волосы не сгорели? — спросила Фелисин. — Не обжётся даже.

— На какой Путь нас вывел дракон? — вмешался Геборик.

– Без понятия, – признался Кальп, проводя рукой по копне седых волос, словно хотел убедиться, что они по-прежнему на месте. – Хаоса, наверное, – эта буря между Путиями... Не знаю, в общем. Никогда прежде ничего подобного не видел, хотя это мало значит – я ведь всё-таки не Взшедший...

– Это уж точно, – пробормотала Фелисин.

Маг покосился на неё.

– Оспины у тебя на лице блекнут.

На этот раз оторопела она.

Бодэн хрюкнул. Фелисин резко обернулась к нему.

– Что смешного?

– Я-то заметил, только красивее это тебя не делает.

– Довольно! – сказал Геборик. – Сейчас полдень, значит, сперва будет ещё жарче, и только потом – прохладней. Нам нужно найти укрытие.

– Морпехов никто не видел? – спросил Кальп.

– Умерли, – ответила Фелисин. – Они побежали в трюм, но корабль горел. Умерли. Меньше голодных ртов.

Никто на это не сказал ни слова.

Кальп повёл их вперёд, приняв за ориентир дальнюю гряду холмов. Остальные молча последовали за магом.

Через двадцать минут Кальп остановился.

– Нужно ускорить шаг. Чую, приближается буря.

Фелисин фыркнула.

– А я чую только запах пота – ты слишком близко стоишь, Бодэн, уходи.

– Уверен, он бы с радостью, если б мог, – пробормотал Геборик не без симпатии в голосе. В следующий миг он удивлённо посмотрел на них, словно не собирался произносить эту мысль вслух. Его жабье лицо обескураженно перекопилось.

Фелисин подождала, пока не успокоится дыхание, затем обернулась к головорезу.

Маленькие глазки Бодэна были похожи на тусклые монетки, прочесть по ним ничего не получалось.

– Телохранитель, – проговорил Кальп и медленно кивнул. Когда маг обратился к Геборику, в его голосе чувствовался холод. – Говори. Я хочу знать, кто наш спутник и кому он верен. Раньше я готов был смотреть

сквозь пальцы, потому что под рукой были Геслер и его солдаты. Но не теперь. У этой девочки есть телохранитель — почему? Признаться, не могу вообразить, чтобы кого-то заботила судьба такого жестокосердного создания, значит, его преданность купили. Кто она, Геборик?

Бывший жрец поморщился.

— Сестра Тавор, маг.

Кальп заморгал.

— Тавор? Адъюнкт? Так какого же Худа она оказалась на рудниках?

— Она сама меня туда отправила, — сказала Фелисин. — Ты прав — никакой преданности. Я просто попала под отбраковку в Унте.

Маг был явно потрясён, он повернулся к Бодэну:

— Ты ведь Коготь, не так ли? — Воздух вокруг Кальпа будто замерцал — Фелисин поняла, что он открыл свой Путь. Маг оскалился. — Воплощённое раскаяние адъюнкта.

— Не Коготь, — заметил Геборик.

— А кто тогда?

— Чтобы объяснить, придётся провести урок истории...

— Приступай!

— Давнее соперничество, — начал бывший жрец. — Между Танцором и Стервой. Танцор создал специальное подразделение для военных кампаний. В соответствии с гербом Империи — рукой демона, держащей круглую державу, — он назвал своих невидимых воинов Перстами. Стерва использовала ту же модель, когда создавала Когтей. Персты были силой внешней — вне Империи, а Когти — внутренней, тайной полицией, сетью шпионов и убийц.

— Но ведь Когтей используют в тайных военных операциях, — сказал Кальп.

— Теперь. Когда Стерва стала Регентом в отсутствие Келланведа и Танцора, она послала своих Когтей против Перстов. Незаметное предательство — поначалу просто череда ужасных неудач и провалов, потом кто-то расслабился — и выдал игру. Две силы скрестили кинжалы и дрались до последнего.

— И Когти победили.

Геборик кивнул.

— Стерва становится Ласиин, Ласиин — Императрицей. Когти сидят на горе черепов, как сытые вороны. Персты последовали за Танцором. Погибли, исчезли... или, как некоторые полагают, ушли в такое глубокое подполье, что кажутся исчезнувшими. — Бывший жрец ухмыльнулся. — Как и сам Танцор, быть может.

Фелисин внимательно посмотрела на Бодэна. Перст. Что может быть общего у моей сестры и какой-то подпольной секты возрожденцев, цепляющихся за память об Императоре и Танцоре? Почему не использовать Когтя? Если только она не хотела, чтобы задание осталось тайной для всех остальных.

— Всё это было с самого начала слишком жестоко, — продолжал Геборик. — Послать родную сестру на каторгу, как самую обыкновенную жертву. Явно продемонстрировать свою верность Императрице...

— Не только свою, — поправила Фелисин. — Дома Паранов. Наш брат переметнулся на сторону Однорукого в Генабакисе. Это сделало нас... уязвимыми.

— Всё пошло не так, как задумывалось, — проговорил Геборик, пристально глядя на Бодэна. — Она не должна была так долго пробыть в Черепке, верно?

Бодэн покачал головой.

— Нельзя вытащить с каторги человека, который не хочет сбежать. — Он пожал плечами, будто этих слов было достаточно, и больше ничего не добавил.

— Значит, остались ещё Персты, — заметил Геборик. — Кто вами командует?

— Никто, — ответил Бодэн. — Я туда попал по рождению. Их осталась горстка — старики или сумасшедшие, или и то и другое сразу. Несколько старших сыновей унаследовали... тайну. Танцор не погиб. Он взошёл одесную Келланведа — мой отец это своими глазами видел в Малазе, в ночь Теневой Луны.

Кальп фыркнул, но Геборик только задумчиво кивал.

— Я близко подошёл к истине в своих догадках, — сказал бывший жрец. — Как выяснилось, слишком близко по меркам Ласиин. Она подозревает — или даже точно знает, не так ли?

Бодэн пожал плечами.

— Спрошу в следующий раз, когда будем с ней болтать.

— Мне больше не нужен телохранитель, — сказала Фелисин. — Прочь с глаз моих, Бодэн. Катись с заботой моей сестрицы прямо в Худовы Врата.

— Девочка...

— Заткнись, Геборик. Я попытаюсь тебя убить, Бодэн. Как только представится возможность. Тебе придётся меня убить, чтобы спасти свою шкуру. Проваливай. Немедленно.

Великан снова её удивил. Он ничего не сказал остальным, просто повернулся и пошёл прочь под прямым углом к маршруту, который выбрал для них Кальп.

Вот и всё. Уходит. Вон из моей жизни, без единого слова. Она посмотрела ему вслед и удивилась тому, как сжалось вдруг сердце.

— Будь ты проклята, Фелисин! — зарычал бывший жрец. — Нам он нужен больше, чем мы — ему.

Заговорил Кальп:

— Мне сильно хочется пойти за ним и потащить тебя за собой, Геборик. Брось эту дрянную ведьму, и Худ её может забирать — с моего благословения.

— Ну так уходи! — с вызовом бросила Фелисин.

Маг не обратил на неё внимания.

— Я взялся спасти твою шкуру, Геборик, и собираюсь это сделать, потому что Дукер меня попросил. Теперь решение за тобой.

Старик обхватил себя руками.

— Я ей обязан жизнью...

— А я уж думала, ты об этом забыл, — глумливо заявила Фелисин.

Он покачал головой. Кальп вздохнул.

— Ладно. Подозреваю, во всяком случае, без нас Бодэну будет легче. Пошли, пока я не расплавился, — и, может, ты объяснишь мне, с чего взял, что Танцор ещё жив, Геборик? Это очень увлекательная идея...

Фелисин перестала их слушать. Это ничего не меняет, дорогая сестрица. Твой любезный подручный убил моего любовника, единственного человека в Черепке, которому было на меня не наплевать. Для Бодэна я была заданием, ничего больше, хуже того, он себя показал неумельцем, бестолковым, толстолобым дураком. Таскать с собой тайный знак своего отца — какая пошлость! Я тебя найду, Тавор. Там, в моей реке крови. Это я обещаю...

— ... чародейство.

Это слово вывело её из оцепенения. Фелисин подняла глаза на Кальпа. Маг ускорила шаг, лицо его было бледным.

— Что ты сказал? — переспросила она.

— Я сказал, что буря, которая нас нагоняет, — не естественная, вот что.

Фелисин обернулась. Сумрачная стена песка рассекла долину в длину — холмы, с которых спустились они с Бодэном, скрылись из виду. Стена катилась на них, словно левиафан.

— Пора бежать, я полагаю, — прохрипел рядом с ней Геборик. — Если мы сможем добраться до холмов...

— Я знаю, где мы! — закричал Кальп. — Рараку! Это же Вихрь!

Впереди, примерно в сотне шагов высились зазубренные, каменистые склоны холмов. Между ними залегали глубокие ущелья, словно оттиски гигантских рёбер.

Все трое помчались, зная, что не успеют добраться до холмов вовремя. Бьющий в спину ветер выл, как обезумевшее животное. В следующий миг их настиг песок.

— По правде говоря, мы искали труп Ша'ик.

Скрипач нахмурился, глядя на сидевшего напротив трелля.

— Труп? Она умерла? Как? Когда?

Это твоя работа, Калам? Поверить не могу...

— Искарал Прыщ утверждает, что её убил отряд Красных Клинков из Эрлитана. Так ему, во всяком случае, нашептала Колода.

— Вот уж не знал, что Колода Драконов может выразиться с такой точностью.

— Насколько я знаю, не может.

Они сидели на каменных скамьях в погребальном чертоге по меньшей мере на два уровня ниже любимых мест жреца Тени. Скамьи стояли у грубых стен, которые когда-то закрывала цветная плитка, а выемки под ними ясно указывали, что скамьи на самом деле были пьедесталами, на которых лежали тела умерших.

Скрипач вытянул ногу, наклонился и потрогал костяшками пальцев распухшую плоть над сросшейся костью. Эликсиры, мази... а насильное исцеление всё равно оставляет боль. Настроение у него было мрачное — уже несколько дней подряд Верховный жрец находил то один, то другой повод, чтобы отложить их уход, последней стала необходимость собрать побольше припасов. Каким-то странным образом Искарал Прыщ напоминал сапёру взводного мага — Быстрого Бена. Бесконечная череда планов внутри других планов. Он воображал, что если снять их слой за слоем, откроется главная интрига во всех своих хитроумных ходах. Очень даже вероятно, что вся его жизнь — одно собрание предположений в духе «если-так-то-сяк». Худова Бездна, может, и наша тоже!

От Верховного жреца у него кружилась голова. Ничем не лучше Быстрого Бена с этим Тогговым клещом — Треморлором. Дом Азатов, навроде Мёртвого Дома в городе Малазе. Да только что они такое? Кто-нибудь знает? Хоть кто-нибудь? Ходили лишь слухи, невразумительные предостережения, да и тех — немного. Большинство людей предпочитали делать вид, будто и не замечают Дома — жители Малаза, кажется, тщательно пестовали своё неведение. «Просто заброшенный дом, — говорят они. — Ничего особенного, кроме, может, нескольких привидений во дворе». Но у некоторых при этом бегают глаза.

Треморлор, Дом Азатов. Нормальные люди такие места не ищут.

— О чём думаешь, солдат? — тихо спросил Маппо Коротышка. — Я у тебя на лице уже увидел столько выражений, что хватило бы для украшения целой стены в храме Дессембрея.

Дессембрей. Культ Дассема.

— Похоже, я только что сказал нечто неприятное для твоих ушей, — продолжил Маппо.

— Рано или поздно человек доходит до точки, когда все воспоминания — неприятные, — скрипя зубами, ответил Скрипач. — Думаю, я до этой точки дошёл, трелль. Чувствую себя старым, изношенным. Прыщ что-то задумал: мы все — части огромного плана, который, вероятней всего, быстро отправит нас на тот свет. Раньше я бы это сразу почуял. У меня на беду чутьё было — будь здоров. Но на этот раз не могу разобраться. Он меня сбил с толку — вот и всё.

— Думаю, всё дело в Апсалар, — сказал через некоторое время Маппо.

— Ага. И это меня беспокоит. Сильно. Она не заслужила ещё больше горя.

— Икарий ищет ответ на вопрос, — проговорил трелль, глядя на потрескавшиеся камни, которыми был выложен пол. Масло в фонаре заканчивалось, так что чертог погружался во мрак. — Должен признать, я сам гадал, не задумал ли Верховный жрец силой загнать Апсалар в ту роль, для которой она, кажется, предназначена...

— Это какую такую роль?

— Пророчество Ша'ик говорит о перерождении...

Сапёр побледнел, затем негодуя замотал головой:

— Нет! Она этого не сделает. Это не её земля, богиня Вихря для неё ничего не значит. Пускай Прыщ изгаляется и загоняет, как умеет, девочка от него отвернётся — попомни мои слова. — Скрипачу вдруг стало совсем не по себе, он вскочил и начал расхаживать по чертогу. — Раз Ша'ик умерла — значит, умерла. Худ бы побрал все эти невнятные пророчества! Апокалипсис пошипит да потухнет, Вихрь снова упокоится в земле, чтобы проспять ещё тысячу или сколько там лет до следующего года Дриджны...

— Однако Прыщ, похоже, придаёт большое значение этому восстанию, — заметил Маппо. — Оно далеко не закончено — так он, во всяком случае, полагает.

— Сколько же богов и Взшедших играют в эту игру, трелль? — Скрипач помолчал, разглядывая древнего воина. — Она физически похожа на Ша'ик?

Маппо пожал огромными плечами.

— Я видел Провидицу Вихря всего один раз, да и то с большого расстояния. Светлокожая, как для уроженки Семи Городов. Тёмные глаза, не слишком высока, фигура не очень внушительная. Говорят, власть таится — таилась — в глазах. Тёмная и жестокая. — Он опять пожал плечами. — Старше Апсалар. Наверное, вдвое. Но волосы такие же чёрные. Однако детали не важны в вопросах веры и пророчеств, Скрипач. Быть может, переродиться должна лишь роль.

— Девочка не хочет мстить Малазанской империи, — зарычал сапёр и снова начал расхаживать по комнате.

— А бог Тени, который когда-то одержал её?

— Ушёл, — буркнул Скрипач. — Остались только воспоминания, да и тех — благословенно мало.

— Но каждый день она вспоминает всё больше. Верно?

Скрипач промолчал. Если бы тут был Крокус, стены бы уже дрожали от его возмущённых воплей — парень проявлял крутой нрав, когда речь заходила об Апсалар. Крокус был молод, от природы не жесток, но сапёр был уверен, что парень не задумываясь убьёт Искарала Прыща, если только допустит возможность того, что жрец хочет использовать Апсалар. А попытка убить Прыща скорее всего окажется самоубийственной. Дёргать жреца за бороду в его собственном храме — всегда дурная идея.

Девочка вспоминала всё больше, это верно. И воспоминания потрясали её совсем не так сильно, как ожидал Скрипач, точнее надеялся. Ещё один тревожный знак. Хоть он и сказал Маппо, что Апсалар откажется от такой роли, сапёр неохотно признался себе, что на самом деле не уверен в этом.

С воспоминаниями приходила память о силе, о власти. И будем честны, мало таких — в этом мире или в любом другом, — кто отвернётся от обещания великой силы. Искарал Прыщ это знает и обернёт своё предложение в это знание. Прими роль, девочка, — и сможешь ниспровергнуть великую Империю...

— Возможно, конечно, — проговорил Маппо, облокотясь о стену и вздыхая, — что мы идём совсем не по тому... — он медленно выпрямился и нахмурился, — следу.

Скрипач прищурился, глядя на трелля.

— Что ты имеешь в виду?

— Тропа Ладоней. Схождение одиночников и д'иверсов — Прыщ с ним как-то связан.

— Объясни.

Маппо указал грубым пальцем на камни под ногами.

— На самых нижних этажах этого храма есть чертог. Его пол вымощен резными плитами. На них выбито что-то вроде Колоды Драконов. Ни я, ни Икарий ничего подобного прежде не видели. Если это и вправду Колода, то Старшего

извода. Не Дома́, но Обители, силы более стихийные, более грубые и примитивные.

— А как это связано с оборотнями?

— Можешь считать прошлое чем-то вроде заплесневелой старой книги. Чем ближе к началу, тем более истрёпаны и изорваны страницы. Они буквально рассыпаются у тебя в руках, остаёшься только с горсткой слов — большинство из них на языке, которого ты не понимаешь. — Маппо надолго закрыл глаза, затем снова посмотрел на Скрипача: — Где-то среди этих несвязных слов скрывается повесть о сотворении оборотней — силы, кои суть одиночники и д'иверсы, столь древние, Скрипач. Они были стары даже в Старшие времена. Ни один вид не может заявить исключительное право, в том числе и четыре Расы-Основательницы: яггуты, форкрул ассейлы, имассы и к'чейн че'малли. Все оборотни не переносят друг друга на дух — в обычных обстоятельствах, разумеется. Есть исключения, но о них сейчас нет нужды говорить. Но все они испытывают голод, скрытый так же глубоко в их естестве, как сама их звериная лихорадка. Желание доминировать. Повелевать всеми иными оборотнями, собрать армию таких созданий — рабов, покорных твоей воле. От армии — к Империи. Империи жестокости, какой ещё не видывал свет...

Скрипач заворчал.

— Ты хочешь сказать, что Империя, созданная одиночками и д'иверсами, будет изначально хуже — более преданной злу, — чем любая другая? Я удивлён, трелль. Мерзость растёт, как опухоль, в любой и всякой организации — человеческой или другой, это тебе хорошо известно. Беда в том, что к ней легче привыкнуть, чем вырезать её.

В ответ Маппо горько улыбнулся.

— Верно сказано, Скрипач. Когда я говорил о жестокости, я имел в виду миазмы хаоса. Но согласен — ужас столь же успешно процветает и среди порядка. — Он в третий раз пожал плечами, сел прямо и потянулся. — Оборотни собираются, чтобы найти обетованные врата, за которыми смогут обрести Восхождение. Стать богом одиночников и д'иверсов — ни один оборотень не согласится на меньшее и не остановится перед любыми преградами. Скрипач, я думаю, что эти врата лежат там, внизу, и мы полагаем, что Искарал Прыщ сделает всё возможное, дабы не позволить оборотням их найти, — вплоть до того, чтобы прокладывать в пустыне ложные следы, подделывая след из ладоней, который ведёт к вратам.

— И для вас с Икарием Прыщ тоже подобрал роль?

— Вероятно, — согласился Маппо. Он вдруг побледнел. — Мне кажется, что он знает о нас — об Икарии, то есть. Он знает...

Что знает? — хотелось спросить Скрипачу, хоть он и понимал, что по своей воле трелль ничего не скажет. Имя Икария было известно — не всем и каждому, но его знали. Странник яггутских кровей, которого преследовали чёрным плащом слухи о разрушениях, чудовищных убийствах и геноциде. Сапёр мысленно покачал головой. Тот Икарий, с которым он познакомился, делал эти слухи смехотворными. Ягг оказался щедрым, отзывчивым. Если ужасы

преследуют его по пятам — это старые, древние преступления. Юность, в конце концов, склонна к крайностям. Этот Икарий был слишком мудр, нёс на себе слишком много шрамов, чтобы кинуться в кровавую реку власти. Какую же силу Прыщ надеялся выпустить при помощи этих двоих?

— Возможно, — сказал Скрипач, — вы с Икарием — последняя линия защиты для Прыща. Если Тропа всё же приведёт их сюда.

Да, не дать оборотням добраться до врат — хорошее дело, вот только может привести к смерти... или даже чему похуже.

— Не исключено, — невесело согласился Маппо.

— Ну, вы ведь можете уйти.

Трелль поднял глаза и криво усмехнулся.

— Боюсь, Икария ведёт его собственный поиск. Потому — мы останемся.

Скрипач прищурился.

— Вы оба попытаетесь не допустить использования врат, так? Это понимает Искарал Прыщ, на это он рассчитывает, да? Он использует ваше чувство долга и чести против вас.

— Хитрая уловка. И учитывая её эффективность, он способен воспользоваться ею вновь — против вас троих.

Скрипач поморщился.

— Ему придётся постараться, чтобы найти во мне такую преданность к чему бы то ни было. Быть солдатом, конечно, надо с честью и долгом, да только при этом приходится иногда посылать их к Худу. Что до Крокуса, он верен Апсалар. А сама она... — Он замолчал.

— Да. — Маппо положил руку на плечо сапёру. — Вот я и вижу источник твоего беспокойства, Скрипач. И сочувствую.

— Ты сказал, что вы проводите нас до Треморлора.

— Да. Путешествие туда опасно. Икарий решил вас вести.

— Значит, он и вправду существует.

— Очень на это надеюсь.

— Думаю, нам пора возвращаться к остальным.

— И поделиться с ними нашими мыслями?

— Худов дух, конечно, нет!

Трелль кивнул и поднялся на ноги. Скрипач зашипел.

– В чём дело? – спросил Маппо.

– Фонарь погас. Давно уже. Мы в темноте, трелль.

Храм угнетал Скрипача. Низкие циклопические стены на нижних этажах кренились и давили, будто прогибаясь под весом камня наверху. В некоторых местах из стыков на потолке ручьём сыпалась пыль, оставляя на плитах пола пирамиды. Он хромал вслед за Маппо по винтовой лестнице, которая вела их обратно к остальным.

Полдюжины бхок'аралов следили за ними, каждый держал ветку с листьями, которыми они хлопали и мели по полу. Сапёру бы было намного смешнее, не достигни они таких высот в подражании Искаралу Прыщу и его одержимости пауками – вплоть до яростной сосредоточенности на маленьких морщинистых личиках.

Маппо объяснил, что эти создания боготворили Верховного жреца. Не как собака боготворит хозяина, но как аколиты поклоняются своему богу. Подношения, замысловатые символы и странные жесты определяли их диковинные ритуалы. Многие из этих обрядов были почему-то связаны с нечистотами. Ну, если не можешь выдать из себя священное писание, выдавливай, что можешь. Маленькие создания доводили Искарала Прыща до белого каления. Он проклинал их, начал даже носить с собой мешок с камнями и теперь швырял их в бхок'аралов при всякой возможности.

Крылатые создания собирали эти богоданные предметы с явственным почтением – нынче утром Верховный жрец обнаружил, что мешок его заново наполнили. Прыщ впал в неконтролируемую ярость.

Маппо споткнулся о связку факелов в коридоре и чуть не упал. Тьма – погибель для теней. Прыщ вознамерился призвать в храм больше этих служительниц своего бога. Каждый зажёт по факелу, саркастически ворча по поводу невысокого качества светильников. Но хотя Маппо неплохо видел и без света, Скрипач в темноте вынужден был пробираться на ощупь, крепко держась за кожаную перевязь на груди трелля.

Добравшись до лестницы, спутники задержались. Бхок'аралы столпились в коридоре в десяти шагах позади, тихонько и пискляво переругиваясь о чём-то.

– Недавно здесь проходил Икарий, – сказал Маппо.

– Твои чувства усилены магией? – спросил Скрипач.

– Не совсем. Скорее – веками совместных странствий...

– Тем, что привязывает тебя к нему, ты хотел сказать.

Трелль заворчал.

– Не одной цепью, но тысячью, солдат.

– Так что же, эта дружба для тебя – бремя?

– Бывает, что тяжкое бремя принимают с радостью.

Несколько мгновений Скрипач молчал.

– Говорят, Икарий одержим мыслями о времени, правда?

– Да.

– Он мастерит странные механизмы, чтобы его отмерять, расставляет свои машины по всему миру.

– Да, свои временные карты.

– Он чувствует, что близок к цели, верно? Вот-вот найдёт ответ на свой вопрос – а ты пойдёшь на всё, чтобы этого не допустить. В этом твой зарок, Маппо? Удержать ягга в неведении?

– В неведении о прошлом, да. О его прошлом.

– Это меня пугает, Маппо. Без истории нет и роста...

– Да.

Сапёр вновь замолчал. Больше он ничего не осмеливался сказать вслух. Столько боли в этом огромном воине. Столько печали. Неужели Икарий никогда об этом не задумывался? Никогда не сомневался в истоках этого векового товарищества? И что есть «дружба» для ягга? Без памяти – это иллюзия, соглашение, которое принимают на веру и только одной верой. Да как же из такого могло родиться великодушие Икария?

Оба пошли дальше, взбираясь по истёртым ступеням. Вхок'аралы ещё немного поспорили ожесточённым шёпотом, но затем притихли и последовали за спутниками.

Выбравшись на главный этаж, Маппо и Скрипач сразу же окунулись в грубое эхо криков, которое катилось по коридору от алтарной комнаты. Сапёр поморщился.

– Это, похоже, Крокус.

– И он явно не молится, как я понимаю.

Молодой даруджийский вор был близок к тому, чтобы окончательно выйти из себя. Он схватил Искарала Прыща за грудки, прижал к стене за пыльным каменным алтарём. Ноги жреца болтались в десяти дюймах над полом и слабо подрагивали. Поодаль стояла со скрещёнными на груди руками Апсалар и безучастно наблюдала за происходящим.

Скрипач подошёл и положил руку на плечо юноше.

– Ты его задушишь до смерти, Крокус...

— Он именно этого и заслуживает, Скрипач!

— Не спорю, но если ты не заметил, тени собираются.

— Он прав, — сказала Апсалар. — Как я и говорила, Крокус. Ты очень близок к тому, чтобы самому пройти во Врата Худа.

Даруджиец заколебался; затем с разочарованным рычанием отбросил Прыща. Верховный жрец, задыхаясь, сполз по стене, затем поднялся и начал поправлять своё одеяние. И хрипло заговорил:

— Опрометчивый юнец! Невольно вспоминаются мои собственные мелодраматические выходы в те годы, когда я ещё крошкой бегал во дворе тётушки Туллы. Как я мучил цыплят за то, что они отказались носить соломенные шапочки, которые я столько часов плёл. Не способны были оценить изысканное плетенье моего собственного изобретения. Я был глубоко оскорблён. — Он склонил голову набок и ухмыльнулся, глядя на Крокуса. — Ей будет к лицу моя новенькая, улучшенная соломенная шляпка...

Скрипач перехватил Крокуса на лету и вцепился в юношу. Чтобы оттащить его, потребовалась помощь Маппо, а верховный жрец тем временем убрался подальше, продолжая хихикать.

Хихиканье прервалось приступом кашля, от которого Прыщ вдруг зашатался, как пьяный.словно слепой, он нащупал рукой соседнюю стену и медленно осел под ней. Кашель наконец прекратился, затем Искарал Прыщ вытер глаза и посмотрел на остальных.

Крокус зарычал:

— Он хочет заставить Апсалар...

— Мы знаем, — сказал Скрипач. — До этого мы сами дошли, парень. Но дело-то в том, что это ей решать, верно?

Маппо удивлённо воззрился на сапёра. Тот пожал плечами. Долговато я шёл к этой мудрости, но всё же добрался.

— Меня уже однажды использовал Взоседший, — сказала Апсалар. — По собственной воле я не соглашусь на такое снова.

— Не будут тебя использовать, — зашипел Искарал Прыщ, пускаясь в странный танец, — ты будешь вести за собой! Командовать! Повелевать! Диктовать условия! Сможешь творить что вздумается, исполнить любой каприз, вести себя, как избалованная девчонка, а тебя за это будут боготворить! — Он вдруг пригнулся, помолчал, а затем прошептал: — О, какие уловки, какие приманки! Самоанализ тает, когда манят и зовут неограниченные возможности и привилегии! Она колеблется, склоняется — видно по глазам!

— Отнюдь, — холодно заявила Апсалар.

— О да! Какая сила восприятия в девчонке, читает мои мысли, будто слышит их! Тень Узла скрывается в ней, связь неоспоримая! О боги, я — гений!

Апсалар презрительно фыркнула и вышла из комнаты.

Искарал Прыщ потрусил за ней. Скрипач удержал даруджийца, который попытался погнаться за жрецом.

— Она с ним сама справится, Крокус, — сказал сапёр. — Это же очевидно — даже тебе.

— Здесь скрыто больше загадок, чем ты думаешь, — проговорил Маппо, хмуро глядя вслед верховному жрецу.

Они услышали снаружи голоса, затем на пороге возник Икарий в своём плаще из оленьей кожи. Его тёмно-зелёную кожу укрывал слой пыли с пустоши. В глазах Маппо он прочёл вопрос и пожал плечами.

— Он ушёл из храма, я прошёл по его следу до самой границы бури.

Скрипач спросил:

— О ком вы говорите?

— О Слуге, — ответил Маппо и нахмурился ещё сильнее. Он покосился на Крокуса. — Мы думаем, что он — отец Апсалар.

Юноша ошеломлённо распахнул глаза.

— Он разве однорукий?

— Нет, — ответил Икарий. — Но слуга Искарала Прыща — рыбак. Более того, его лодку можно найти на нижнем этаже этого храма. Он говорит по-малазански...

— Её отец потерял руку при осаде Ли-Хэна, — сказал Крокус, качая головой. — Он был среди восставших, которые удерживали стену, за это его руку сожгли, когда армия Империи вновь захватила город.

— Когда в дело вмешивается бог... — проговорил Маппо, затем пожал плечами. — Одна из его рук выглядит... молодой... моложе, чем другая, Крокус. Когда мы привели вас сюда, Слуге приказали прятаться. Прыщ прятал его от вас. Зачем?

Заговорил Икарий:

— Одержание ведь оставил Престол Тени? Когда Котильон взял её, Престол мог спокойно забрать его. О мотивах гадать — гиблое дело: Владыка Тени печально известен своим коварством. Тем не менее мне видится в такой возможности определённая логика.

Крокус побледнел. Его взгляд метнулся к двери.

— Влияние, — прошептал он.

Скрипач мгновенно понял, что имел в виду даруджиец. Он обернулся к яггу.

– Ты сказал, что след Слуги уходит в Вихрь. А есть какое-то конкретное место, где должна возродиться Ша'ик?

– Жрец говорит, что тело не убирала оттуда, где она пала от рук Красных Клинков.

– Внутри Вихря?

Ягг кивнул.

– Это он ей сейчас и говорит, – простонал Крокус и сжал кулаки так, что побелели костяшки. – «Переродись – и воссоединишься с отцом».

– Жизнь, данная за жизнь отнятую, – пробормотал Маппо. Трелль посмотрел на сапёра. – Ты достаточно окреп, чтобы отправиться в погоню?

Скрипач кивнул.

– Могу скакать, идти... или ползти, если придётся.

– Значит, собираюсь в дорогу.

В небольшой кладовой, куда сложили припасы и походные принадлежности, Маппо сторбился над собственным мешком. Он порывлся где-то между свёрнутыми одеялами и полотняным шатром, и его рука наконец нащупала завернутый в кожу твёрдый предмет, который искал трелль. Маппо вытащил его, развернул вощёную лосиную кожу и увидел трубчатую кость длиной в полтора его предплечья. Кость была отполирована до блеска, пожелтела от времени. Рукоять обмотана полосками кожи, хват на две руки. Дистальный конец украшал круг отполированных острых зубцов – каждый размером с большой палец, – укреплённых на металлическом кольце.

Ноздри Маппо уловили запах полыни. Чародейская сила оружия не ослабла. Заклятья семи трелльских ведьм не так уж просто поддаются напору времени. Эту кость нашли в горном ручье. Богатая минералами вода сделала её твёрдой, как железо, и столь же тяжёлой. Нашлись и другие части скелета странного, неведомого зверя, но они остались в Клане – предметы поклонения и почитания, наделённые магической силой.

Лишь однажды Маппо видел все части скелета вместе, зверь, верно, был вдвое тяжелее степного медведя, на верхней и нижней челюстях красовались ряды грубо смыкающихся клыков. Берцовая кость, которую он сейчас держал в руках, была похожа на птичью, только невообразимо крупнее и в два раза толще внутренней полости. Тут и там на кости виднелись гребни, к которым, по-видимому, крепились массивные мышцы.

Его руки задрожали под весом оружия.

Позади раздался голос Икария.

– Не помню, чтобы ты когда-нибудь пользовался этим, друг мой.

Маппо не хотелось оборачиваться к яггу, и он прикрыл глаза.

– Да.

Да, ты не помнишь.

– Не устаю удивляться, – продолжил Икарий, – сколько всего тебе удаётся втискивать в этот старый мешок.

Ещё один подарочек от ведьм Клана – маленький, личный Путь, скрытый за неприметными тесёмками. Заклятье не могло продержаться так долго. Они говорили – месяц, может, два. Никак не века. Взгляд трелля снова упал на оружие в руках. С самого начала в этих костях была сила – ведьмы просто наложили несколько заклятий, чтобы скрепить части вместе, сбережь от разрушения и тому подобного. Может быть, кость каким-то образом питает Путь внутри мешка... или это делают те надоедливые ребята, которых я засунул внутрь во время приступов дурного настроения. Интересно, куда они там попали?.. Он вздохнул и снова завернул оружие, положил его в мешок и крепко затянул тесёмки. Затем выпрямился и обернулся, чтобы улыбнуться Икарию.

Ягг собрал собственное оружие.

– Похоже, наше странствие к Треморлору придётся на некоторое время отложить, – сказал он, пожимая плечами. – Апсалар ушла вслед за отцом.

– И таким образом её приведут туда, где ждёт тело Ша'ик.

– Мы должны догнать её, – сказал Икарий. – Быть может, нам удастся обойти ухищрения Искарала Прыща.

– Не только Прыща, похоже, но и самой богини Вихря, которая, возможно, с самого начала стоит за этим.

Ягг нахмурился. Маппо снова вздохнул.

– Подумай, друг мой. Ша'ик была помазана Провидицей Апокалипсиса вскоре после рождения. Сорок с лишним лет в Рараку она готовилась к наступлению этого года... Рараку – суровая обитель, а сорок лет вымотают даже избранную. Возможно, лишь подготовка и была уделом и призванием Провидицы – сама война требует новой крови.

– Но ведь солдат сказал, что Котильон отпустил девушку лишь из-за угроз Аномандра Рейка? Одержание должно было продлиться куда дольше, чтобы она смогла подобраться ближе к самой Императрице...

– Так все считают, – сказал Маппо. – Искарал Прыщ – верховный жрец Тени. Думаю, разумно полагать, что каким бы коварством ни отличался Прыщ, Престол Тени и Котильон коварнее. Намного. Одержимая Апсалар никогда бы не добралась до Ласиин – Когти унюхали бы подмену, не говоря уж об адъюнкте и её отатараловом клинке. А вот Апсалар уже не одержимая... что ж... Котильон позаботился о том, чтобы она перестала быть обычной рыбацкой, не так ли?

– План внутри плана. Ты говорил об этом со Скрипачом?

Маппо покачал головой.

– Я могу ошибаться. Возможно, повелители Тени просто увидели возможность получить преимущество от схождения – наточить кинжал, а затем бросить его в самую гущу. Мне любопытно, почему память возвращается к Апсалар так быстро... и так безболезненно.

– А нам в этом плане тоже предназначена роль?

– Этого я не знаю.

– Апсалар становится Ша'ик. Ша'ик побеждает малазанские легионы, освобождает Семь Городов. Ласиин вынуждена сама вступить в борьбу, она прибывает с армией, призванной покорить бунтовщиков в этой стране.

– Вооружённая умениями и познаниями Котильона, Ша'ик убивает Ласиин. Рушится Империя...

– Рушится? – Брови Икария поползли вверх. – Скорей уж, обретает нового Императора или Императорицу под покровительством богов Тени...

Маппо хмыкнул.

– Тревожная мысль.

– Почему?

Трелль поморщился.

– Представил себе на миг Императора Искарала Прыща... – Он встряхнулся, поднял мешок и забросил его за плечи. – Думаю, пока что нам стоит держать эти соображения при себе, друг мой.

Икарий кивнул. Он помолчал, затем сказал:

– У меня есть один вопрос, Маппо.

– Да?

– Я чувствую, что скоро узнаю... кто я. Я ближе к ответу... чем когда-либо прежде. Говорят, что Трemorлор аспектирован временем...

– Да, так говорят, хоть никто и не знает, что это подразумевает.

– Надеюсь, ответы. Для меня. Для всей моей жизни.

– Так каков твой вопрос, Икарий?

– Если я узнаю своё прошлое, Маппо, как это изменит меня?

– Ты спрашиваешь об этом у меня? Почему?

Икарий посмотрел на Маппо из-под полуприкрытых век и улыбнулся.

— Потому, друг мой, что внутри тебя живут мои воспоминания — которые ты не готов мне открыть.

Вот мы и пришли к этому разговору... снова.

— Кто ты, Икарий, от меня не зависит, как и от моих воспоминаний. Что толку пытаться стать подобным моему представлению о тебе? Я сопровождаю тебя, друг мой, в твоих поисках. Если истину — твою истину — суждено найти, ты найдёшь её сам.

Икарий кивал, словно к нему возвращалось эхо прежних повторений этого разговора — но ничего больше, ради всех Древних, ничего больше, пожалуйста...

— Однако что-то подсказывает мне, Маппо, что ты — часть этой скрытой истины.

Сердце трелля сковал лёд. Раньше он так далеко не заходил — неужели близость Треморлора открывает прежде запёртые двери?

— Значит, когда наступит время, тебе придётся принять решение.

— Я полагаю, придётся.

Они посмотрели друг другу в глаза, в одних плескался невинный вопрос, в других скрывалось губительное знание. А между нами висит на волоске дружба, которой ни один из нас не понимает.

Икарий протянул руку и взял Маппо за плечо.

— Пойдём к остальным.

Скрипач сидел на спине гральского мерина. Все они стояли у подножия утёса. По фасаду храма ползали бхок'аралы, пищали и пыхтели, спуская вниз вьюки и различные припасы. Хвостик одного из созданий запутался в верёвке, и бхок'арал жалобно выл, опускаясь всё ниже и ниже вместе с вещами. Искарал Прыщ до пояса высунулся из окна в башне и швырял камни в незадачливое существо — но ни один не попал в цель.

Сапёр покосился на Икария и Маппо, почувствовал новое напряжение, которое выросло между ними, хоть друзья и продолжали трудиться вместе с привычной лёгкостью. Скрипач подозревал, что напряжение коренится в произнесённых словах. Похоже, всех нас ожидают перемены. Он посмотрел на Крокуса, который напряжённо восседал на доставшейся ему в наследство запасной лошади. Недавно сапёр застал юношу за тренировкой — тот отрабатывал близкие удары кинжалом. Несколько раз прежде Скрипач уже видел, как парень использует кинжалы: всегда в его технике сквозило своего рода отчаяние. Крокус был достаточно умелым бойцом, но ему не хватало зрелости — он слишком много думал о себе, стоящем за клинками. «Это прошло», — подумал Скрипач, глядя, как юноша повторяет последовательность ударов.

Получать ранения необходимо, чтобы наносить смертельные удары. Драться ножами — дело небезопасное. Теперь в движениях Крокуса проглядывала холодная решимость — отныне парень будет уже не только защищаться. И не станет легкомысленно швырять клинки в цель, если только в складках телабы не будут ждать своего часа запасные. А они там скоро появятся, нутром чую.

Предвечернее небо подёрнулось охряной дымкой, мелкой пылью Вихря, который по-прежнему ярился в сердце Рараку менее чем в десяти лигах отсюда. От этой удушающей мглы жара становилась невыносимой.

Маппо освободил запутавшегося бхок'арала и был за свою доброту жестоко укушен. Создание взлетело по склону вверх, осыпая своего спасителя писклявыми оскорбительными возгласами.

Скрипач окликнул трелля:

— Задай нам скорость!

Маппо кивнул, и они с Икарием двинулись по тропинке.

Сапёр порадовался тому, что только он один обернулся и увидел, как два десятка бхок'аралов на прощание машут им ручками с утёса, а Искарал Прыщ чуть не выпал из окна, пытаясь достать метлой ближайшего.

Армия бунтовщиков Корболо Дома расположилась на поросших травой холмах, окаймлявших южный край равнины. На каждой вершине стояли штабные шатры под знамёнами разных племён и самозванных батальонов ополчения. Между палаточными городками паслись огромные стада скота и табуны лошадей.

Вдоль частоколов возвышались три ряда распятых пленников. Соколы, ризаны и накидочники вились вокруг тел.

Самый дальний ряд крестов поднимался над валами и рвом менее чем в пятидесяти шагах от укрытия Калама. Он лежал на пожелтевшей траве, от иссушенной земли поднимался жар, смешанный с запахами пыли и полыни. По ладоням и предплечьям убийцы бездумно ползали насекомые. Калам не обращал на них внимания, не сводя глаз с ближайшего распятого.

Малазанский мальчик — не больше двенадцати или тринадцати лет. Накидочники облепили его руки от плеч до запястий, так что несчастный казался крылатым. Ризаны кишели бесформенными сгустками на ладонях и ступнях, там, где шипы пробили кость и плоть. У мальчика не было ни глаз, ни носа — лицо его представляло собой одну ужасную рану — но он ещё оставался жив.

Эта картина запечатлевалась в сердце Калама, как след кислоты на бронзе. Руки и ноги похолодели, словно его собственное право на жизнь сжалось, скрылось где-то в животе. Я не могу его спасти. Я не могу даже подарить ему милость быстрой смерти. Ни этому мальчику, ни кому-либо другому из сотен малазанцев вокруг этого лагеря. Я ничего не могу сделать.

Это знание стало для убийцы шёпотом безумия. Только одно чувство заставляло Калама дрожать от ужаса: беспомощность. Не та беспомощность, которую дают плен или пытки, — и то и другое было ему не внове, и убийца знал, что пытки могут сломить всякого — каждого. Но это... Калам боялся ничтожности, неспособности на что-то повлиять, изменить мир за пределами собственной плоти.

Именно такое знание эта картина выжигала в его душе. Я ничего не могу сделать. Ничего. Через пространство в непреодолимые пятьдесят шагов Калам смотрел в невидящие глазницы мальчика, расстояние словно уменьшалось с каждым вздохом, пока наконец он не почувствовал, будто может коснуться губами обожжённого солнцем лба несчастного. Прошептать утешительную ложь — твою смерть не забудут, истину твоей драгоценной жизни, с которой ты отказываешься расставаться, потому что больше у тебя ничего нет. Ты не один, малыш, — ложь. Мальчик был один. Один на один со своей агонизирующей, умирающей жизнью. А когда тело станет трупом, когда оно стниёт и упадёт на землю рядом со всеми остальными жертвами вокруг того места, где стояла армия, он будет забыт. Ещё одна безликая жертва. Одна среди непостижимого множества других.

Империя отомстит — если сможет, — и число жертв вырастет. Угроза Империи от века была такой: Разрушения, которые ты принесёшь нам, мы вернём тебе десятикратно. Если Каламу удастся убить Ласиин, быть может, он сумеет привести на трон человека, которому хватит смелости править не в кризисном положении. У Быстрого Бена и Калама даже был на примете подходящий кандидат. Если всё пройдёт по плану. Но для этих людей всё уже кончено, слишком поздно.

Убийца медленно выдохнул и только теперь понял, что лежит на муравейнике, а его обитатели самым недвусмысленным образом предлагают ему убираться. Я навалился на их мир весом бога, и муравьям это не по нутру. У нас куда больше общего с ними, чем все думают.

Калам отполз назад по траве. Впрочем, это не первая ужасная картина, какую я видел в жизни. Солдат должен научиться носить все виды брони, и пока он остаётся в профессии, этого хватает. О боги, не думаю, что смогу сохранить рассудок, если наступит мир!

Эта мысль отозвалась холодком, растеклась слабостью по рукам и ногам, но Калам уже добрался до заднего склона, и жертвы скрылись из виду. Убийца оглядел окрестности, высматривая признаки присутствия Апта, но демон как сквозь землю провалился. Тогда Калам приподнялся и, пригнувшись, двинулся обратно в осиновую рощу, где ждали остальные.

Когда он приблизился к невысокой поросли, окружавшей серебристые деревья, из укрытия поднялась Минала с арбалетом в руках.

Калам покачал головой. Молча они скользнули между чахлыми стволами и вернулись к малазанцам.

Кенеба снова свалил приступ лихорадки. Его жена, Сэльва, стояла над ним, в плотно сжатых губах проступали признаки страха, почти паники. Она промокала лоб мужа влажной тканью и тихо что-то бормотала, пытаясь

успокоить его судороги. Дети, Ванеб и Кесен, были рядом, они тщательно ухаживали за своими конями.

— Насколько всё плохо? — спросила Минала, аккуратно спуская с боевого взвода арбалет.

Некоторое время Калам не отвечал, сосредоточенно стряхивая с себя муравьёв, затем вздохнул.

— Нам их не обойти. Я видел знамёна западных племён — и эти лагеря быстро растут, а значит, в одане на западе будет людно. На востоке мы упрёмся в деревни и городки, захваченные и снабжённые гарнизонами. Там весь горизонт дымом затянут.

— Если бы ты был один, пробрался бы, — заметила Минала, отбрасывая с лица прядь чёрных волос. Его пронзил пристальный взгляд её светло-серых глаз. — Притворился бы воином Апокалипсиса, напросился на дежурство у южного частокола, а потом ускользнул ночью.

Калам хмыкнул:

— Не так всё просто, как ты думаешь. В лагере есть маги.

А я держал в руках Книгу — недолго бы я остался там неузнанным..

— А какая разница? — спросила Минала. — Может, о тебе и идёт слава, но ты ведь — не Взшедший.

Убийца пожал плечами. Он выпрямился, подобрал свой мешок и начал рыться в нём.

— Ты мне не ответил, капрал, — продолжила Минала, не сводя с него глаз. — Откуда вдруг такое самомнение? Ты не похож на человека, склонного к самообману, значит, — что-то от нас скрываешь. Что-то.. важное о себе.

— Чародейство, — пробормотал Калам, вытаскивая из мешка небольшой предмет. — Не моё. Быстрого Бена. — Он поднял предмет повыше и криво усмехнулся.

— Камень.

— Ага. Согласен, выглядело бы посolidней, если бы это был гранёный самоцвет или золотой торк. Но в этом мире нет настолько тупого мага, чтобы вкладывать силу в драгоценную вещь. В конце концов, кому придёт в голову украсть бульжник?

— Я слышала другие легенды..

— Нет, само собой, можно найти магию, которой оплели драгоценные камни или другие сокровища, — все прокляты, так или иначе. Большинство из них — это шпионские устройства чародеев, маги могут отслеживать их местоположение, иногда даже смотреть через них. Когти такими всё время пользуются. — Калам подбросил камень в воздух, поймал, затем вдруг

посерьёзней. — По задумке, его следовало использовать только в крайнем случае...

Во дворце в Унте, если быть точным.

— Что он делает?

Убийца скорчил гримасу. Понятия не имею. Быстрый Бен не из говорливых, старый ублюдок. «Это твоя бритая костяшка в дырке, Калам. Сможешь с ней войти прямо в тронный зал. Это я гарантирую». Убийца осмотрелся, приметил невысокий плоский валун неподалёку.

— Скажи всем, чтобы были готовы выступить.

Калам присел рядом с плоским валуном, положил на него булыжник, затем подобрал камень, размером с кулак. Взвесил его на руке, а затем обрушил на магический талисман.

К его потрясению, тот расплескался в стороны, словно жидкая глина.

Всех окутала тьма. Калам поднял глаза, медленно поднялся. Проклятье, я должен был догадаться.

— Где мы? — тонким, напряжённым голосом воскликнула Сэльва.

— Мама!

Убийца обернулся и увидел, что Кесен и Ванеб стоят по колено в пепле. Пепле, смешанном с обгоревшими костями. Лошади перепугались, мотали головами и шарахались от сероватого праха, который поднимался вверх, словно дым.

Худов дух! Мы же на Имперском Пути!

Калам обнаружил, что стоит на широком, приподнятом диске из серого базальта. Небо сливалось с землёй в один бесформенный, бесцветный морок. Шею бы тебе за это свернуть, Быстрый Бен! До убийцы доходили слухи о том, что такой Путь был создан, и описание совпадало в точности, но, судя по рассказам, которые он слышал в Генабакисе, этот Путь был новорождённый, тянулся не больше чем на несколько сотен лиг — если лиги здесь вообще имеют какое-то значение — вокруг Унты. А он, выходит, дотянулся аж до Семи Городов. И Генабакиса? Почему бы и нет? Эх, Быстрый Бен, у тебя за плечом сейчас может стоять Коготь...

Дети успокоили коней и уже сидели в сёдлах — в стороне от жуткого холма пепла. Калам обернулся и увидел, что Сэльва с Миналой привязывают к седлу Кенеба.

Убийца подошёл к собственному жеребцу. Конь возмущённо фыркнул, когда он взлетел в седло и натянул поводья.

— Мы ведь на Пути, да? — спросила Минала. — А я-то всегда считала, что рассказы о других мирах — просто хитроумные выдумки волшебников и жрецов, чтобы оправдать все их неудачи и провалы.

Калам хмыкнул. Ему-то пришлось побывать на стольких Путях и в стольких чародейских передрягах, что существование Троп магии казалось самоочевидным. Минала напомнила ему, что для большинства людей это было чем-то очень далёким и сомнительным, если вообще реальным. Такое невежество – утешение или источник слепого страха?

– Я так понимаю, что здесь мы в безопасности от Корболо Дома?

– Очень надеюсь, – пробормотал убийца.

– Как нам сориентироваться? Тут ведь нет ни указателей, ни дорог..

– Быстрый Бен сказал, что надо сосредоточиться на своей цели и Путь сам выведет тебя к ней.

– А какова же наша цель?

Калам нахмурился и долго молчал. Затем вздохнул.

– Арэн.

– Насколько тут безопасно?

Безопасно? Да мы влезли в осиное гнездо!

– Посмотрим.

– О, это очень успокаивает! – проворчала Минала.

Образ распятого малазанского мальчика снова встал перед мысленным взором убийцы. Он покосился на детей Кенеба.

– Лучше такой риск, чем... другая определённая, – пробормотал он.

– Не хочешь объяснить это замечание?

Калам покачал головой.

– Хватит болтать. Мне нужно себе представить город...

...Лостара Йил подвела своего коня к зияющему провалу и, хотя никогда прежде ничего подобного не видела, сразу поняла, что это – портал на один из Путей. Он уже начал блекнуть по краям, будто рана закрывалась.

Лостара колебалась. Убийца решил срезать угол, проскользнуть мимо армии бунтовщиков, которая стояла между ним и Арэном. Воительница Красных Клинков понимала, что у неё нет выбора, придётся последовать за ним, иначе след остынет, когда она доберётся до Арэна долгим путём. Даже прорваться через заслоны Корболо Дома может оказаться невозможным: Красного Клинка наверняка узнают, хоть Лостара теперь и носила доспехи без знаков отличия.

Но всё равно Лостара Йил колебалась.

Её конь отшатнулся и заржал: из портала появилась странная фигура. Мужчина в сером одеянии, серая кожа, даже волосы – серые. Он выпрямился, странными светящимися глазами огляделся по сторонам, затем улыбнулся.

– Вот в такую дыру я не рассчитывал провалиться, – сказал он с ритмичным малазанским акцентом. – Прошу прощения, если напугал. – Незнакомец изящно поклонился, так что с его одежды взвились тучи пыли. Пепел, серый пепел, поняла Лостара. Тёмная кожа показалась под слоем пыли на худом лице мужчины.

Он со знающим видом посмотрел на Лостару.

– У тебя есть аспектированная печать. Ты её спрячешь.

– Что? – Рука Лостары потянулась к рукояти меча.

Мужчина заметил это движение, и его улыбка стала шире.

– Ты – Красный Клинок, даже больше – офицер. Значит, мы союзники.

Она подозрительно сощурилась.

– Кто ты такой?

– Зови меня Жемчуг. Итак, похоже, ты собиралась войти на Имперский Путь. Я бы предложил нам обоим это сделать, прежде чем продолжить беседу – до того, как портал закроется.

– А ты не можешь удержать его открытым, Жемчуг? В конце концов, это ты через него пришёл...

Мужчина картинно и издевательски насупился.

– Увы, это дверь там, где никакой двери не должно и не могло возникнуть. Не смею отрицать, к северу отсюда даже на Имперском Пути появились... незваные гости... но они проходят на Путь способами куда более... примитивной, скажем так... природы. Таким образом, поскольку этот портал явно не твоих рук дело, я бы предложил нам безотлагательно воспользоваться преимуществом его существования.

– Но не раньше, чем я узнаю, кто ты такой, Жемчуг.

– Я – Коготь, разумеется. Кому ещё дарована привилегия путешествовать по Имперскому Пути?

Лостара кивнула на портал.

– Кто-то сам себе даровал такую привилегию.

Глаза Жемчуга вспыхнули.

— И об этом ты мне подробно расскажешь, Красный Клинок.

Некоторое время она молча размышляла, затем кивнула:

— Да. Идеально. Я пойду с тобой.

Жемчуг сделал шаг назад и поманил её взмахом затянутой в перчатку руки.

Лостара Йил чуть пришпорила коня.

Бритая костяшка Быстрого Бена не закрывалась дольше, чем кто-либо мог ожидать. Семь часов миновало с тех пор, как воительница Красных Клинков и Коготь вышли на Имперский Путь, звёзды замерцали на безлунном небе, а портал по-прежнему стоял, только по краям красное мерцание выцвело и стало пурпурным.

Вдали от поляны звучали крики, отзвук паники и тревоги в лагере Корболо Дома. Во все стороны скакали отряды всадников с факелами. Маги рискнули обратиться к своим Путям, чтобы выискивать следы при помощи ставших теперь опасными Троп чародейства.

Тринадцать сотен малазанских детей исчезли, их освободителя не видели ни дежурные у частоколов, ни конные патрули. Косые деревянные кресты пустовали, только потёки крови, мочи и экскрементов свидетельствовали о том, что недавно на них бились в агонии живые существа.

Во тьме по равнине скользили до странности живые, лишённые видимого источника тени, летели и текли по недвижной траве.

Апт бесшумно вышла на поляну, её кинжально-острые клыки сверкали в естественной ухмылке. Пот поблёскивал на чёрной шкуре, жёсткая, колючая щетина была мокрой от росы. Демоница стояла на задних лапах, прижимая единственной передней конечностью к груди обмякшее тело мальчика. С его рук и ног капала кровь, лицо было ужасно изуродовано: глаза выклеваны, вместо носа — зияющая красная дыра. Судорожные, лихорадочные вздохи вырывались из его губ призрачными облачками, которые одиноко поднимались над поляной.

Демоница присела на корточки и стала ждать.

Тени собирались, текли, словно жидкость, между деревьями и парили у портала.

Апт склонила голову набок и раскрыла пасть, будто зевающая собака.

Смутная фигура обрела форму среди теней. По бокам от неё мерцали глаза сторожевых Псов.

— Я-то думал, что потерял тебя, — прошептал Престол Тени, обращаясь к демонице. — Так долго ты пробыла в плену у Ша'ик и её обречённой богини. Но нынче ночью вернулась, и не одна — о нет, не одна, аптори. Ты научилась честолюбию с тех пор, как была лишь наложницей владыки демонов.

Скажи, дорогая моя, что же мне делать с тысячью с лишним умирающих смертных?

Псы смотрели на Апт, словно демоница была желанным угощением.

— Разве я костоправ? Или целитель? — Голос Престола Тени звучал всё выше и выше — октава за октавой. — Разве Котильон — добродушный дядюшка? Разве мои Гончие — деревенские шавки и щенки для сироток? — Тень бога яростно всколыхнулась. — Ты что, совсем обезумела?

Апт заговорила на языке быстрых гортанных щелчков и шипения.

— Разумеется, Калам хотел их спасти! — завопил Престол Тени. — Но он знал, что это невозможно! Можно было лишь отомстить! А теперь? Теперь мне придётся тратить силы на исцеление тысячи искалеченных детей! А ради чего?

Аптори снова заговорила.

— Слуги? А сколько же их вообще поместится в Цитадели Тени, однорукая идиотка?!

Демоница ничего не сказала, её шиферно-серый фасетчатый глаз поблёскивал в звёздном свете.

Вдруг Престол Тени ссутулился, его призрачный плащ поник, когда бог обхватил себя руками.

— Армия слуг, — прошептал он. — Слуг. Покинутых Империей, оставленных на произвол судьбы в руках кровожадных головорезов Ша'ик. Будет... двойственность... в их изломанных, ковких душах... — Бог поднял взгляд на аптори. — Я вижу долгосрочные преимущества в твоём опрометчивом поступке, демоница. Повезло тебе!

Апт зашипела и защёлкала.

— Хочешь получить того, которого держишь? А если ты и вправду снова станешь хранительницей «мостожога»-убийцы, как же будешь согласовывать столь несовместимые обязанности?

Демоница ответила.

Престол Тени зашипел:

— Какая наглость, ты, сучка избалованная! Неудивительно, что Владыка апторов тебя прогнал! — Он замолчал, затем вдруг потёк вперёд. — Силовое исцеление имеет цену, — прошептал Престол Тени. — Плоть излечивается, а сознание корчится в воспоминаниях о боли, этой палице беспомощности. — Бог положил скрытую рукавом одеяния ладонь на лоб мальчика. — Этот ребёнок, который поедет на тебе, будет... непредсказуемым. — Он с шипением захохотал, когда новая плоть начала расти на изуродованном лице мальчика. — Какие же глаза ты хочешь ему подарить, дорогая моя?

Апт ответила.

Престол Тени вздрогнул, затем снова расхохотался, на этот раз – грубо и холодно.

– «Глаза – призма любви», не так ли? Будете, держась за руки, ходить к рыбнику в базарный день, дорогая моя?

Голова мальчика резко откинулась, кости черепа меняли форму, пустые глазницы сливались в одну – побольше, прямо над переносицей, которая разошлась в стороны, затем каймой обошла новую глазницу. Из колеблющейся тени сформировался глаз – такой же, как у демоницы.

Престол Тени отступил на шаг, чтобы полюбоваться работой.

– А-ах, – прошептал он. – Кто же он – тот, кто ныне смотрит на меня сквозь эту призму? О, нет, Великая Бездна, не отвечай! – Бог резко обернулся и посмотрел на портал. – Хитрость Быстрого Бена – узнаю его работу. Он бы мог далеко пойти под моим покровительством...

Малазанский мальчик вскарабкался на спину Апт и уселся сразу за узкой, выступающей лопаткой. Его маленькое тельце дрожало от потрясения силового исцеления и вечности, проведённой на кресте, но на жутком лице возникла чуть ироничная улыбка – в точности похожая на ухмылку демоницы.

Аптори подошла к порталу. Престол Тени взмахнул рукой.

– Что ж, отправляйся по следу тех, что идут по следу «мостожога». Солдаты Скворца всегда были верны, насколько я помню. Калам не собирается целовать Ласиин в щёчку, когда найдёт её, в этом уж я уверен.

Апт заколебалась, затем снова заговорила. Судя по голосу, невидимое лицо бога исказила гримаса.

– Этот мой Верховный жрец тревожит даже меня самого. Если ему не удастся обмануть охотников на Тропе Ладоней, мои драгоценные владения – которые, кстати, в последнее время и так уже повидали довольно незваных гостей, – станут воистину очень оживлённым местом... – Престол Тени покачал головой. – А ведь задание-то было простенькое. – Он начал таять в тенях вместе с Гончими. – Да возможно ли вообще в наши дни найти надёжного, компетентного помощника, хотел бы я знать?

В следующий миг Апт осталась одна, тени разбежались.

Портал начал слабеть, рана между мирами постепенно закрывалась. Демоница отозвалась утешительным пощёлкиванием. Мальчик кивнул.

И они скользнули на Имперский Путь.

Века обнажили Святую пустыню.

Охряным морем была когда-то Рараку.

Стояла под ветром

на вершине мира

и взирала на древний флот —

корабли из костей, паруса из блёклых

волос, несутся по волнам

туда, где воды уходят

в песок, что однажды

станет пустыней.

Неизвестный автор. Священная пустыня

Несколько белых диких коз выстроились в ряд на вершине теля, известного под названием Самон, их силуэты чётко выделялись на фоне поразительно голубого неба. Будто высеченные из мрамора боги-животные, они смотрели, как огромная колонна движется по извилистому пути в долине, поднимая тучу пыли. Коз было ровно семь — это предзнаменование не упустил Дукер, который скакал на южном фланге вместе с разездом всадников клана Дурного Пса.

В девяти сотнях шагов позади историка маршировали пять рот Седьмой, чуть меньше тысячи солдат, и на таком же расстоянии за ними скакал другой разезд в двести пятьдесят виканцев. Эти три подразделения составляли южную защитную группу для теперь уже почти пятидесяти тысяч беженцев, а также стад скота, которые составляли основную колонну. С севера её прикрывал такой же отряд. По краям колонны растянулись сохранившие верность Империи хиссарские пехотинцы и морпехи — они шли бок о бок с беспомощными гражданскими.

Арьергард из тысячи виканцев от каждого клана двигался в густом облаке пыли почти в двух третях лиги от Дукера. Несмотря на то что всадники разделились на маленькие отряды по дюжине человек и меньше, задача перед ними стояла невыполнимая. Титтанские воины неустанно теребили хвост колонны, заставляли виканцев, не прекращая отступления, ввязываться в бесчисленные стычки. Хвост колонны Колтейна представлял собой кровоточащую рану, которой не давали затянуться.

В авангарде двигались остатки средневооружённой кавалерии Седьмой армии — всего около двух сотен всадников. Перед ними ехала малазанская знать в

каретам и фургонам, прикрытая по бокам десятью ротами пехоты Седьмой. Ещё около тысячи солдат Седьмой — способные самостоятельно идти раненые — служили аристократам собственным авангардом, а перед ними катились повозки с лекарями и тяжелоранеными. Впереди всей колонны скакал Колтейн с тысячей всадников своего Вороньего клана.

Но беженцев было слишком много, а боеспособных воинов — слишком мало, и несмотря на все усилия малазанцев, отлично скоординированные отряды Камиста Релоя, словно гадюки, постоянно жалили колонну со всех сторон. В армии Релоя выдвинулся новый командир, безымянный военный вождь титтанцев, которому и было поручено ни днём ни ночью не давать покоя силам Колтейна. Колонна с трудом продвигалась на запад — окровавленной, раненой змеей, которая всё никак не хотела умирать, — и этот воин теперь представлял для Кулака самую серьёзную угрозу.

Неспешная, хорошо рассчитанная бойня. С нами просто играют. Бесконечная пыль забила историка в горло, так что даже слглатывать было невыносимо больно. Воды оставалось критически мало, от жажды воспоминания о реке Секале стали почти желанными. Каждую ночь забивали всё больше голов скота, овец, свиней и коз, животных избавляли от мучений, затем разделывали и бросали в огромные котлы, где варилась овсяная каша с мясом и костным мозгом, которая теперь стала главным блюдом в рационе всех малазанцев. Каждую ночь лагерь превращался в скотобойню, оглашался криками умирающих животных, в воздухе висели тучи ризанов и накидочников. Этот чудовищный, еженощный рёв держал нервы Дукера натянутыми до предела — и в этом историк был не одинок. Безумие шло за всеми по пятам днём и ночью, неотступно, как Камист Релой со своей огромной армией.

Капрал Лист в подавленном молчании ехал рядом с историком. Он ссутулился, упёрся подбородком в грудь. Юноша словно состарился на глазах Дукера.

Мир как будто сжался. А мы ковыляем по его краям — видимым и невидимым. Истощены, но не сдаёмся. Потеряли счёт времени. Лишь бесконечное движение, которое прерывает только его отсутствие — потрясение отдыха, невероятный звук рогов, знаменующих конец дневного перехода. И пока пыль не уляжется, никто не шелохнётся. Не верит, что миновал новый день, а мы всё ещё живы.

Ночами Дукер бродил по лагерю беженцев, хаотическому лабиринту палаток, навесов и крытых фургонов, вглядываясь во всё с извращённым равнодушием. Историк, теперь — свидетель, наблюдатель, обманутый иллюзорной верой в то, что сам он выживет. Проживёт хотя бы столько, чтобы успеть записать всё на пергамент в слабой надежде на то, что истина — достойное сохранения сокровище. Что рассказанное станет уроком, который услышат. В слабой надежде? Нет, это откровенная ложь, безумный бред худшего толка. Уроки истории никого ничему не учат.

Дети умирали. Дукер присел, положив руку на плечо матери, и вместе с ней смотрел, как жизнь медленно покидает младенца у неё на руках.словно пламя масляного светильника, становится всё более и более тусклым, вспыхивает и гаснет. В тот миг, когда борьба за жизнь уже проиграна, маленькое сердечко замедляется от этого осознания, а затем замирает в немом удивлении. И больше уже не бьётся. Затем боль наполняет обширные

пещеры в душах живых, уничтожая всё, чего касается, яростью, гневом на такую несправедливость.

Что можно противопоставить слезам матери? Он пошёл дальше. Неприкаянный, вымазанный грязью, потом и кровью, он стал чем-то вроде призрака, добровольным парией. Вопреки прямому приказу Дукер перестал ходить на еженочные сборы у Колтейна. В сопровождении верного Листа днём он скакал с виканцами на флангах и в арьергарде, шагал с солдатами Седьмой, с хиссарской стражей, морпехами, сапёрами, аристократами и грязнокровками — так начали себя называть беженцы низкого происхождения.

Говорил Дукер мало, все уже так привыкли к его присутствию, что могли при нём не испытывать неловкости. Какие бы лишения они ни пережили, у людей всегда оставались силы на то, чтобы высказать своё мнение.

Колтейн — на самом деле демон, такую злую шутку сыграла над нами Ласиин. Да нет, он в стоворе с Камистом Релоем и Ша'ик, всё это восстание — маскарад, ибо Худ явился, чтобы объять все земли смертных. Мы склонились перед Господом Черепов, а взамен за всю пролитую кровь Колтейн, Ша'ик и Ласиин взойдут, дабы встать одесную Владыки Худа.

Худ является нам в полёте накидочников — открывает лицо своё вновь и вновь, каждый закат приветствует голодной усмешкой на темнеющем небе.

Виканцы заключили договор с духами земли. И эту землю нам предстоит удобрить своими телами...

Это ты не туда загнул, дружок. Мы-то — всего лишь добыча для богини Вихря. Через нас всему миру преподан урок.

А на Совете знати едят детей.

Это откуда известно?

Говорят, кто-то случайно наткнулся на их жуткую трапезу вчера. Совет призвал тёмных Старших богов, чтобы только жирок свой сохранить...

Зачем?

Жирок сохранить, говорю. Правда! А теперь звериные духи бродят по лагерю ночью, собирают детишек — мёртвых или таких, которые уже почитай что мёртвые, только посочнее малость будут.

Да ты совсем сдурел...

Он, может, и не так уж не прав, приятель! Своими глазами я видел обглоданные кости нынче утром: горы костей — черепов нет, а сами кости на человечьи походят, только махонькие. Ты бы и сам не отказался сейчас от жареного младенчика, а? Вместо полмиски этой бурой баланды, которой нас теперь потчуют?

Говорят, войско Арэна всего в нескольких днях пути от нас, сам Пормкваль его ведёт. И с ним — легион демонов...

Ша'ик сдохла! Слышал, как семаки выли той ночью, да? А теперь они с ног до головы жирным пеплом измазаны. Солдат один из Седьмой мне сказал, что лицом к лицу с таким столкнулся вчера, когда они в засаду попали — ну, возле пересохшего колодца. Говорит, мол, у семака не глаза, а чёрные ямы, блёклые, точно пыльный камень. Даже когда солдат его своим мечом проткнул, ничегошеньки в тех глазах не отразилось. Говорю тебе, сдохла Ша'ик.

Убарид уже освободили. Мы на юг повернём буквально на днях — сама увидишь, — других вариантов просто не существует. На запад отсюда ничего нет. Вообще ничего...

Вообще ничего...

— Историк!

Хриплый оклик с фаларским акцентом послышался от покрытого с ног до головы пылью всадника, который подвёл своего коня так, чтобы ехать рядом с Дукером. Капитан Сон, Картеронское крыло, длинные рыжие волосы висят нечёсаными пасмами из-под шлема. Историк только моргнул. Старый солдат ухмыльнулся.

— Говорят, ты с пути сбился, дед.

Дукер покачал головой.

— Я двигаюсь вместе с колонной, — с трудом проговорил он, смахивая разъедающий глаза песок.

— Нам тут нужно одного титтанского вождя найти и уничтожить, — сказал Сон, прищурившись. — Сормо и Бальт назвали имена добровольцев.

— Я со всем почтением внесу их имена в свой Список павших.

Капитан с шипением выпустил воздух через сжатые зубы.

— Ах ты ж Нижняя Бездна! Дед, они ещё живы — мы ещё живы, чтоб тебя! Ладно, я должен тебе сообщить, что ты вызвался добровольцем. Выступаем сегодня вечером, под десятый колокол. Сбор у костра Нихила к девятому.

— Я вынужден отклонить это предложение, — ответил Дукер.

Сон снова заухмылялся.

— В прощении отказано. А мне поручено проследить, чтоб ты не ускользнул куда-нибудь по своему обыкновению.

— Худ тебя побери, ублюдок!

— Это скоро, не беспокойся.

За девять дней дойти до реки П'аты. Мы из сил выбиваемся, чтобы достичь малых целей, есть в этом какой-то тёмный гений. Колтейн ставит перед нами едва выполнимые задачи, чтобы обманом заставить осилить невыполнимую.

Дойти до самого Арэна. Но вопреки его воле, мы не дойдём. Не выдержат плоть и кости.

— Если убьём этого вождя, его место просто займёт другой, — пробормотал через некоторое время Дукер.

— Да только, скорее всего, он уже не будет ни таким одарённым, ни таким храбрым, как того требует задача. В душе он будет знать: если действовать посредственно, мы его не тронем, а если блестяще — убьём.

О да, это в духе Колтейна. Он метко посылает стрелы страха и неуверенности. И ещё ни разу не промахнулся. Пока он справляется, он не может не справиться. В тот день, когда он поскользнётся, выкажет малейшее несовершенство, наши головы покатаются в пыль. Девять дней до реки. Убейте титанского вождя, и мы доберёмся до воды. Пусть враги дрожат при каждой победе, облегчённо вздыхают при каждом поражении — Колтейн их дрессирует, как собак, а они этого даже не понимают.

Капитан Сон перегнулся через луку седла.

— Капрал Лист, ты там живой?

Юноша вскинул голову и растерянно заозирался по сторонам.

— Чтоб тебя, историк! — зарычал Сон. — У парня же лихорадка от жажды.

Взглянув на капрала, Дукер увидел на запавших щеках Листа нездоровый румянец под потёками грязи, слишком яркие, блестящие глаза.

— Ещё утром он был в порядке...

— Одиннадцать часов назад!

Одиннадцать?

Капитан развернул коня и принялся звать лекаря так громко, что его голос перекрыл немолчный гул колёс, копыт и бесчисленных шагов, который сопровождал колонну оглушительным рёвом.

Одиннадцать?

В клубах пыли наметилось движение. Вернулся Сон, а рядом с ним — Бездна. Девочка казалась крошечной на спине своего мускулистого чалого жеребца. Капитан подобрал поводья лошади Листа и передал их Бездне. Дукер смотрел, как виканка уводит капрала прочь.

— Надо бы её попросить потом и тобой заняться, — проворчал Сон. — Худов дух, когда ты в последний раз воду пил?

— Какую воду?

— У нас остались бочонки для солдат. Каждое утро выдают бурдюк рядом с повозками для раненых. На закате возвращаешь бурдюк.

— В каше ведь тоже есть вода?

— Только молоко и кровь.

— Если для солдат остались бочки, то что же для остальных?

— Всё, что они сами смогли унести от Секалы, — ответил Сон. — Мы их защитим, так точно, но нянчиться не будем. Вода уже превратилась в валюту, и спрос на неё высокий.

— Дети умирают.

Сон кивнул.

— Это самая точная и краткая характеристика человечества, я бы сказал. Кому нужны тома и книги историков? Дети умирают. Вся несправедливость мира скрывается в этих двух словах. Прочити меня, Дукер, и дело твоё будет сделано.

А ведь ублюдок прав. Экономика, этика, игры богов — всё в одном этом трагическом утверждении. Я тебя процитирую, солдат. Не сомневайся. Старый меч, зазубренный, затупившийся, погнутый, но бьёт в самое сердце.

— Ты меня пристыдил, капитан.

Сон фыркнул и передал Дукеру бурдюк с водой.

— Пару глотков. Не спеши, а то захлебнёшься.

Дукер криво улыбнулся.

— Я так понимаю, — продолжил капитан, — ты всё ещё ведёшь этот свой Список павших?

— Нет, я... к сожалению, несколько сбился в последнее время.

Сон коротко кивнул.

— Как у нас дела, капитан?

— Громят нас. Сильно. Каждый день до двадцати убитых, вдвое больше раненых. Как гадюки в пыли — появляются из ниоткуда, летят стрелы, солдат умирает. Мы посылаем в погоню отряд виканцев, они попадают в засаду. Мы посылаем второй, в итоге ввязываемся в крупную драку и обнажаем оба фланга. Беженцев убивают, погонщиков протыкают копьями, и мы теряем коров — если, конечно, рядом нет виканских собак. Злобные твари. Но учти, их тоже становится всё меньше.

— Иными словами, долго не протянем.

Сон ухмыльнулся, его зубы блеснули белым на фоне подёрнутой проседью рыжей бороды.

— Вот поэтому нам и нужна голова этого вождя. Когда доберёмся до реки П'аты, снова будет полномасштабная битва. И его мы туда не хотим приглашать.

— Опять сложная переправа будет?

— Нет, речка глубиной по колено, а к середине лета только мельчает. Скорее, на другой стороне — там придётся петлять по сложной местности. Там нас и ждёт беда. В любом случае, либо мы сейчас выьем себе возможность отдышаться, либо станем сизым мясом на солнце и это всё вообще не важно.

Завыли рога виканцев.

— Ага, на сегодня всё, — сказал Сон. — Отдохни, дед — найдём себе местечко в лагере Дурных Псов. Я тебя разбужу через пару часов, когда выдадут еду.

— Ну, тогда веди, капитан.

Свора виканских собак, которая дралась за что-то невидимое в высокой траве, отвлеклась от своего занятия, когда Дукер и Сон проходили шагах в двадцати от них. Историк нахмурился, глядя на жилистых, пятнистых псов.

— В глаза им лучше не смотри, — предупредил Сон. — Ты — не виканец, и они это знают.

— Интересно, что они там едят?

— Лучше тебе этого не знать.

— Ходили слухи о разрытых детских могилках...

— Повторяю, тебе лучше этого не знать, историк.

— Между прочим, кое-кто из крепких грязнокровок за плату вызвался охранять эти могилы...

— Если кроме грязи в их жилах нет виканской крови, они об этом пожалеют.

Когда мужчины прошли мимо, собаки снова начали шумно драться.

В лагере горели костры. Последняя линия защитников охраняла периметр. У круглых кожаных шатров старики и дети смотрели на пришедших с тем же мрачным, немного угрожающим вниманием, что и собаки.

— Что-то мне кажется, — пробормотал Дукер, — желание защищать беженцев в этих людях гаснет...

Капитан поморщился, но промолчал.

Они зашагали дальше, петляя среди шатров. В воздухе висел густой дым, запах конской мочи и варёных костей – едкий, но странно сладковатый. Дукер задержался, когда спутники оказались рядом со старухой, которая возилась с одним из железных котлов с костями. То, что в нём кипело, явно состояло не только из воды. Плоской деревянной лопаткой женщина собирала густой жир и костный мозг с поверхности и запихивала в кишку, которую затем перекрутят и превратят в сосиски.

Старуха заметила историка и протянула деревянную лопатку – будто предлагала несмышлёному малышу дочиста её вылизать. В жире виднелись кусочки полыни – эту приправу Дукер когда-то любил, но теперь возненавидел, поскольку, кроме неё, в одане почти ничего не росло. Он улыбнулся и покачал головой.

Когда он догнал капитана, Сон пробормотал:

– Тебя тут знают, дед. Говорят, ты ходишь в мире духов. Та старая лошадица не предложила бы еду кому попало – мне уж точно нет.

Мир духов. Да, я там бывал. Однажды. Больше не хочу.

– Если дед в лохмотья одет...

– Значит, богами отмечен дед, да. Но лучше не смейся над ними, когда-нибудь это может спасти тебе жизнь.

Костёр Нихила отличался от всех остальных тем, что над ним не висел котёл и не вялилось на распорках мясо. В небольшом очаге из камней горел голубоватым бездымным огнём кизяк. У костра сидел юный колдун, его руки ловко свивали из полосок кожи что-то вроде плётки.

Неподалёку сидели на корточках четверо из морпехов Сна, которые в последний раз проверяли своё оружие и доспехи. Штурмовые арбалеты наново зачернили, а затем обсыпали жирной пылью, чтобы не блестели.

С первого взгляда Дукеру стало ясно, что это закалённые солдаты, ветераны многих кампаний: экономные движения, профессиональная подготовка. И мужчине, и трём женщинам было уже за тридцать, ни один не заговорил и не поднял взгляда, когда подошёл их капитан.

Нихил кивнул Дукеру, когда историк присел напротив него.

– Ночь обещает быть холодной, – сказал мальчик.

– Ты узнал, где находится этот вождь?

– Не слишком точно. Но приблизительно знаю. Возможно, он использует слабые маскирующие чары – когда подойдём ближе, они ему не помогут.

– Как же можно найти человека, который нам известен только своим умением, Нихил?

Юный колдун пожал плечами.

— Он оставил... и другие знаки. Мы его найдём, это наверняка. А потом — дело за ними... — Нихил кивнул в сторону морпехов. — За последние месяцы на этой равнине я кое-что понял, историк.

— Что же?

— Малазанский профессиональный солдат — самое смертоносное оружие, какое мне доводилось видеть. Если бы у Колтейна было три армии, а не три пятых одной, он бы покончил с этим восстанием ещё до конца года. И настолько истощающе, что Семь Городов никогда бы не взбунтовались вновь. Он мог бы разгромить Камиста Релоя даже сейчас... если бы не беженцы, которых мы поклялись защищать.

Дукер кивнул. В этих словах было много правды.

В звуках лагеря звучала приглушённая иллюзия обыденности, она окружала историка со всех сторон и выводила его из равновесия. Дукер с горечью осознал, что теряет способность расслабляться. Он подобрал небольшую ветку и бросил в костёр.

Рука Нихила подхватила деревяшку в воздухе.

— Не этот, — сказал он.

Подошёл другой юный колдун, его тонкие, костистые руки были покрыты крестовидными шрамами от запястий до плеч. Он присел рядом с Нихилом и сплюнул в огонь.

Шипения не последовало.

Нихил выпрямился, отбросил в сторону кожаный ремешок и посмотрел на Сна и его солдат. Те были готовы.

— Пора? — спросил Дукер.

— Да.

Нихил и другой колдун повели отряд через лагерь. Мало кто из виканцев смотрел им вслед, и только через несколько минут Дукер понял, что небрежное равнодушие членов клана было показным, возможно, так в их культуре следовало выражать уважение. Или что-то совсем другое. Ведь когда смотришь, касаешься другого духом.

Они вышли на северную оконечность лагеря. На равнине между защитными плетнями клубился туман. Дукер нахмурился.

— Они поймут, что это не естественное явление, — пробормотал он.

Сон хмыкнул.

— На то мы и приготовили отвлекающий манёвр. Три взвода сапёров уже вышли в поле с полными мешками сюрпризов...

В этот миг где-то на северо-востоке прогремел взрыв, за которым из тьмы послышались крики и вой. Затем ночной воздух разорвала грохочущая череда новых взрывов.

Туман поглотил вспышки, но Дукер уловил узнаваемый треск шрапнели и глухое шипение огневигов. Снова крики, затем быстрый топот копыт двинулся на северо-восток.

— А теперь пусть-ка всё успокоится, — сказал Сон.

Шли минуты, крики вдали стихали.

— А Бальту удалось наконец разыскать капитана сапёров? — вдруг спросил историк.

— Лица его я не видел ни на одном сборе, если ты об этом. Но он где-то тут. Рядом. Колтейн наконец смирился с тем, что этот парень очень стеснительный.

— Стеснительный?

Сон пожал плечами.

— Это шутка, историк. Помнишь, бывают такие?

Нихил наконец обернулся к ним.

— Ну всё, — сказал капитан. — Хватит болтать.

Полдюжины виканцев выдернули колья, на которых держался один из плетней, и положили его плашмя. Сверху раскатали толстую шкуру, чтобы приглушить неизбежный скрип и треск, когда по нему пойдут солдаты.

Туман на равнине начал таять и сбиваться в неровные комки. Одно из таких облаков подплыло ближе, окутало весь отряд и продолжало двигаться с нужной скоростью, когда солдаты выбрались на равнину.

Дукер пожалел, что не задал больше вопросов раньше. Сколько идти до вражеских укреплений? Как пробраться за них незамеченными? Как отступить, если что-то пойдёт не так? Историк положил руку на рукоять короткого меча у бедра и даже испугался, насколько это было непривычно — много времени утекло с тех пор, когда он в последний раз использовал оружие. Выдернули меня с передовой. Этим меня наградила Император столько лет назад. Этим — да ещё доступом к алхимическим эликсирам, благодаря которым я по-прежнему могу кое-как ковылять в свои-то годы. Боги, даже шрамы после того, последнего ужаса, сошли!

«Никто из тех, кто вырос среди книг и свитков, не сможет описать мир, — сказал ему как-то Келланвед, — поэтому я назначаю тебя Императорским историком, солдат».

«Император, я ни читать, ни писать не умею».

«Незасорённый разум! Прекрасно. Ток Старший будет учить тебя в течение следующих шести месяцев – он тоже солдат с мозгами. Только шесть месяцев, учти. Не больше».

«Император, мне кажется, что он лучше подойдёт на эту роль, чем я...»

«У меня есть на тебя и другие виды. Делай, что я говорю, а не то прикажу повесить тебя на городской стене».

Келланвед и в лучшие времена отличался странным чувством юмора. Дукер вспомнил те уроки: он, солдат тридцати с лишним лет, больше половины из них провоевавший, и рядом – сын самого Тока, вечно простуженный коротышка – рукава его рубахи всегда были покрыты коркой засохших соплей. На обучение ушло больше шести месяцев, но в конце учителем выступал уже Ток Младший.

Император любил уроки смирения. Если только их не пытались преподать ему самому. Что же случилось с Током Старшим? Исчез после убийств – я-то всегда думал, что это дело рук Ласиин... а Ток Младший отрёкся от жизни среди свитков и книг... теперь пропал где-то в огне Генабакисской кампании...

Рука в латной рукавице легла на плечо историку и крепко сжала. Дукер увидел перед собой измождённое лицо Сна и кивнул. Похоже, рассеянность меня не оставляет.

Отряд остановился. Впереди из тумана поднимался ощерившийся заострёнными кольями земляной вал. Отблески огней за укреплениями окрашивали туман оранжевым светом.

И что теперь?

Два колдуна опустились на колени, выйдя на пять шагов вперёд. Затем оба замерли и стояли совершенно неподвижно.

Они ждали. Дукер услышал приглушённые голоса с другой стороны вала. Звуки медленно смещались слева направо, а затем совсем смолкли, когда патруль титанцев пошёл дальше. Нихил обернулся и взмахнул рукой.

Вперёд скользнули морпехи со взведёнными арбалетами в руках. За ними последовал историк.

Перед колдунами в земле открылся вход в тоннель. Почва слегка дымилась, камни и гравий потрескивали от жара. Проход будто вырыла огромная когтистая рука – снизу.

Дукер поморщился. Он ненавидел тоннели. Нет, даже до смерти их боялся. Ничего рационального в этих страхах не было – опять ошибка. Тоннель может обвалиться. И людей завалит заживо. Очень даже оправданное опасение – возможное, вероятное, неизбежное.

Впереди пошёл Нихил, нырнул под землю и скрылся из виду. За ним двинулся второй колдун. Сон обернулся к историку и жестом показал, что теперь его черёд.

Дукер замотал головой.

Капитан указал на него, затем на чёрную дыру в земле, а после одними губами прошептал: «Живо!»

Историк прошипел проклятье и шагнул вперёд. Стоило ему оказаться рядом со Сном, как тот стрёб рукой передние полы пыльной телобы Дукера и потащил его в глубь тоннеля.

Только недюжинным усилием воли историку удалось не закричать, когда капитан бесцеремонно затолкал его под землю. Он отчаянно забился. Почувствовал, что попал каблуком во что-то позади. Сну в челюсть небось. Так ему и надо, ублюдку! Злобное удовлетворение помогло. Дукер пробрался по норе в осадочном силте и оказался в объятиях тёплого материкового грунта. Вряд ли обвалится, повторял он себе почти вслух. Тоннель уходил всё глубже, тёплый камень стал влажным и скользким. Отступивший страх обвала сменила жуткая перспектива захлебнуться.

Дукер застыл и не двигался, пока острие меча не прижалось к его подошве, проткнуло кожу и ужалило плоть. Всхлипнув, Дукер пополз дальше.

Тоннель выровнялся. Он истекал водой, которая капала из трещин по обеим сторонам. Историк вынужден был преодолеть холодный ручей на пути. Задержался, осторожно глотнул и почувствовал привкус железа и песка. Но пить можно.

Ход всё тянулся и тянулся дальше. Ручей становился глубже с пугающей скоростью. Дукер вымок до нитки, одежда теперь тяжёлым грузом тянула его вниз, но историк полз вперёд, несмотря на мертвенную усталость и дрожь в мускулах. Двигаться его заставляло только то, что сзади кто-то кашлял и отплёвывался. Они там сзади уже тонут! И я – следующий!

Тоннель наконец начал забирать вверх, и Дукер впился пальцами в жидкую грязь и крошащуюся землю, чтобы ползти дальше. Впереди замаячила неровная сфера серого тумана – выход!

Чьи-то руки подхватили историка, вытащили наверх, откатили в сторону, и Дукер с облегчением растянулся среди стеблей жёсткой травы. Он лежал и тихо ловил ртом воздух, глядя на низкий свод тумана над головой. Историк едва заметил, как морпехи выбрались из тоннеля и выстроились в защитную линию. Они тяжело дышали, а с оружия капала грязная вода. Тетива на арбалетах растянется, если только её не вымочили прежде в масле и не покрыли воском. Ну разумеется, они это сделали – эти солдаты ведь не идиоты. Будь готов к любой неожиданности, даже к тому, чтобы плыть по ручью под пыльной равниной. Я однажды видел, как солдат нашёл в пустыне применение рыбацкой снасти. Что делает малазанских солдат такими опасными? Им позволено думать.

Дукер сел.

Сон говорил с морпехами на сложном языке жестов. Те споро отвечали, а затем скользнули в туман. Нихил и второй колдун змеями поползли по траве в направлении костра, который казался сквозь мглу багровым.

Со всех сторон зазвучали голоса, гортанное наречие титтанцев, негромкие шепотки накатывались на них волнами, так что Дукер уже поверил, будто в шаге позади устроился взвод врагов, которые спокойно обсуждают, где бы лучше сделать дырку, вогнав копьё в его спину. Какую бы роль здесь ни играл туман, историк подозревал, что Нихил с товарищем магически усилили этот эффект, так что скоро все они доверят жизнь успеху этого звукового обмана.

Сон коснулся плеча Дукера и рукой указал вперёд, туда, где скрылись колдуны. Туман здесь был непроглядный, сам историк видел не дальше вытянутой руки. Поморщившись, он лёг на живот, перетянул перевязь так, чтобы ножи с мечом оказались на спине, и пополз туда, где ждал их Нихил.

Костёр был большой, пламя грозно пылало сквозь завесу тумана. Вокруг сидели и стояли шесть титтанцев. Все они почему-то кутались в меха. Дыхание вырывалось у них из уст клубами пара.

Остановившись рядом с Нихилом, Дукер присмотрелся и разглядел на земле тонкую плёнку изморози. Нежданный порыв ночного ветра окутал их ледяным воздухом.

Историк толкнул в бок колдуна, кивнул на изморозь и вопросительно приподнял брови.

Нихил в ответ только едва заметно пожал плечами.

Воины ждали, тянули выкрашенные красной краской руки к огню, чтобы согреться. Ещё около двадцати вздохов ничего не менялось, затем сидящие поднялись и посмотрели куда-то влево от Дукера.

В круг света вошли две фигуры. Впереди – мужчина, огромный и сильный, как медведь, впечатление усиливалось благодаря тому, что широкие плечи воина украшала шкура этого зверя. У бёдер висела пара метательных топоров. Кожаная рубаха от середины груди была незашнурована, так что виднелись внушительные мускулы и спутанные волосы. Алые полосы на щеках выдавали в нём военного вождя, каждая полоска означала недавнюю победу. Количество этих полос свидетельствовало о том, как несладко приходилось малазанцам по его воле.

Позади этого великана стоял семак.

Вот одно допущение и опровергнуто. Очевидно, заклятая ненависть племени семаков ко всем инородцам отступила перед почтением к богине Вихря. А точнее – перед жадой уничтожить Колтейна.

Семак был пониже и выглядел агрессивнее титтанского вождя, его тело было покрыто таким густым слоем волос, что нужды в медвежьей шкуре не возникло бы. Из одежды на нём были только меховая набедренная повязка да пара поясов, туго затянутых на животе. Кожу покрывал жирный пепел, косматые чёрные волосы свисали толстыми прядями, в бороду были вплетены фетиши из фаланговых косточек. Губы семака кривились в вечной пренебрежительной ухмылке.

Последнее, что Дукер разглядел, когда семак подошёл ближе к огню, было то, что рот воина зашили леской из кишки. Худов дух! А семаки серьёзно отнеслись к своему обету молчания!

Воздух стал уже попросту ледяным. Дукер почувствовал нарастающую тревогу и потянулся, чтобы снова толкнуть в бок Нихила.

Но прежде, чем историк успел дотронуться до колдуна, щёлкнули арбалеты. Две стрелы вонзились в грудь титтанского вождя, и ещё двое воинов со стонами повалились на землю. Пятая стрела глубоко вошла в плечо семаку.

Земля под костром вдруг взорвалась, к небу взмыли угли и горящие ветки. Наружу выбрался многорукий, смолянокожий зверь и испустил пробирающий до костей вопль. Он бросился на оставшихся титтанцев, разрывая когтями равно доспехи и плоть.

Вождь упал на колени, непонимающе глядя на кожаное оперенье торчащих из груди стрел. Он закашлялся, так что брызнула кровь, содрогнулся и рухнул лицом вниз на пыльную землю.

Ошибка! Не тот...

Семак выдернул стрелу из плеча так, словно это был плотницкий гвоздь. В воздухе вокруг него взвился белый вихрь. Воин впился тёмными глазами в духа земли, а затем прыгнул на чудовище.

Нихил рядом с историком не шевелился. Дукер обернулся, чтобы встряхнуть его, и увидел, что молодой колдун потерял сознание.

Второй юный виканец ещё стоял на ногах, но шатался и отступал под невидимыми чародейскими ударами. Плоть и кровь полетели во все стороны от колдуна – через миг на месте его лица остались только кости и хрящи. Увидев, как взорвались глаза мальчика, Дукер инстинктивно отвернулся.

Со всех сторон к костру бежали титтанцы. Оттаскивая Нихила, историк заметил, как Сон и один из его морпехов выпускают почти в упор стрелы в спину семака. Из тьмы вылетела сулица и отскочила от кольчуги на спине морпеха. Оба солдата развернулись, отбросили арбалеты и обнажили длинные ножи, чтобы встретить первых нападавших.

Дух земли теперь выл, три оторванные лапы уже извивались на земле. Семак крушил врага безмолвно, не обращая никакого внимания на стрелы в спине, вновь и вновь бросаясь на духа земли. От семака волнами шёл холод – Дукер узнал этот мороз: бог семаков – часть его выжила, часть его теперь управляет одним из его избранных воинов...

На юге слышались взрывы. Шрапнель. Ночь огласилась криками. Малазанские сапёры пробивали проход через укрепления титтанцев. А я-то уже решил, что это было задание для самоубийц.

Дукер продолжал тащить Нихила на юг, к взрывам, и тихо молился, чтобы сапёры не приняли его в суматохе за врага.

Поблизости слышался топот копыт. Зазвенело железо.

Одна из морпехов Сна вдруг возникла рядом. По её щеке текла кровь, но женщина отбросила меч, приняла колдуна из рук историка и безо всякого усилия перебросила тело через плечо.

— Доставай свой треклятый меч и прикрой меня! — прорычала она и рванулась вперёд.

Без щита? Худ нас всех забирай, нельзя же драться коротким мечом без щита! Но клинок уже оказался в его руке, будто по своей воле выпрыгнул из ножен. Рябой железный меч казался смехотворно коротким, когда историк выставил его перед собой и начал пятиться вслед за воительницей.

Дукер зацепился каблуком за что-то мягкое, споткнулся и с проклятьем упал.

Женщина обернулась.

— Встать, чтоб тебя! За нами гонятся!

Дукер споткнулся о тело: титтанский копейщик, которого протащил по земле конь, прежде чем изуродованная левая рука выпустила наконец узду. Глубоко в шею воина вошла метательная звёздочка — оружие Когтя, — историк удивлённо моргнул, поднимаясь на ноги. Новый невидимый помощник? В тумане катились звуки сражения, будто рядом развернулась полномасштабная битва.

Дукер снова принялся прикрывать воительницу, которая продолжала двигаться на юг, обмякшее тело Нихила мешком болталось у неё на плече.

В следующий миг из тумана выскочили трое титтанцев, размахивая тальварами.

От их первого натиска историка спасла старинная выучка. Он низко пригнулся и сошёлся с воином справа, крякнул, когда прикрытое кожаны́м наручем предплечье конника обрушилось на его левое плечо, ахнул, когда сжатый в руке тальвар опустился — титтанец вывернул кисть, — и глубоко рассёк левую ягодицу Дукера. В тот миг, когда тело обожгла боль, историк вогнал свой короткий меч под рёбра воину, так что клинок пронзил сердце.

Выдернув оружие из раны, Дукер отпрыгнул вправо. Падающее тело оказалось между ним и двумя оставшимися воинами, которым к тому же не повезло быть правшами. Удары тальваров прошли на расстоянии вытянутой руки от историка.

Ближний воин взмахнул оружием с такой силой, что оно вошло в землю. Дукер с размаха наступил на тыльную сторону клинка, так что тальвар вырвался из рук титтанца. Историк нагнал его диким ударом, который пришёлся между шеей и плечом врага и переломил ключицу.

Дукер метнулся за спину покачнувшегося воина, чтобы схватиться с третьим титтанцем, но увидел, как тот падает лицом вниз — между лопаток врага торчал метательный нож с серебряным навершием. Шип Когтя — такое оружие я где угодно узнаю!

Историк остановился, огляделся, но никого не увидел. Вокруг клубился густой туман, пахло пеплом. Шипение воительницы заставило его обернуться. Женщина присела за частоколом у рва и жестом приказывала ему догнать.

Дукер вдруг покрылся потом и задрожал от холода, но быстро добрался до неё.

Женщина усмехнулась.

— А ты до Худа хорошо владеешь мечом, дед, хоть я и не разглядела, как ты прикончил последнего.

— Ты больше никого не видела?

— Чего?

Пытаясь отдышаться, Дукер только покачал головой. Он посмотрел на Нихила, который неподвижно лежал у земляного вала.

— Что с ним?

Воительница пожала плечами. Её бледно-голубые глаза продолжали оценивающе смотреть на историка.

— Ты бы нам пригодился в строю, — сказала она.

— Что я потерял в быстроте, то наверстал опытом, и опыт мне подсказывает, что не стоит ввязываться в такие передраги. Это игра не для стариков, солдат.

Женщина скривилась, но добродушно.

— И не для старух. Пошли, бой сдвинулся к востоку — ров перелезем без проблем.

Она снова легко подняла Нихила и положила на плечо.

— Вы не того вождя продырявили.

— Ага, я уже поняла. Этот семак — одержимый, верно?

Оба уже карабкались вверх по склону, пробираясь между заострёнными кольями. В лагере титтанцев горели шатры, теперь к туману примешивался густой дым. Крики и звон оружия эхом отдавались вдали.

Дукер спросил:

— Видела, чтобы кто-то ещё выбрался оттуда?

Женщина покачала головой.

Они наткнулись на два десятка тел — патруль титтанцев, который попал под шрапнель. Мелкие кусочки железа, скрытые в гранате, раскрыли плоть с

чудовищной аккуратностью. Кровавые следы указывали, в каком направлении отошли выжившие.

На подходе к позициям виканцев туман быстро поредел. Отряд копейщиков клана Дурного Пса, который охранял частокол, заметил их и поскакал навстречу.

Воины не сводили глаз с Нихила.

Воительница сказала:

— Он живой, но лучше побыстрее найдите Сормо.

Двое всадников развернулись и лёгким галопом устремились обратно в лагерь.

— Есть вести об остальных морпехах? — спросил Дукер у ближайшего всадника.

Виканец кивнул.

— Капитан и ещё один солдат вернулись.

Из тумана вынырнул взвод сапёров. Они двигались ленивой трусцой и перешли на шаг, как только заметили собравшихся.

— Две шрапнели! — словно не веря своим словам, проговорил один из подрывников. — А этот ублюдок взял и встал на ноги.

Дукер шагнул вперёд.

— Какой ублюдок, солдат?

— Да этот волосатый семак...

— Ну, уже не волосатый, — поправил его другой сапёр.

— Наша задача была всё зачистить, — объяснил с ухмылкой первый солдат. — Топор Колтейна: вы — лезвие, ну а мы — обух. Мы этого гада хорошо приложили, да только без толку...

— Сержант стрелу поймал, — добавил второй сапёр. — Лёгкое пробито...

— Да ведь одно только, и то — дырочка махонькая, — вмешался сержант и сплюнул. — Второе-то в порядке.

— Кровью дышать — дурное дело, сержант...

— Я с тобой в одной палатке спал, сынок, — чем уж только не надыхался.

Взвод двинулся дальше, сапёры продолжали переругиваться и выяснять, нужно сержанту искать целителя или нет. Воительница смотрела им вслед, качая головой. Затем обернулась к историку.

– Уж лучше вы, сэр, говорите с Сормо, если нет возражений.

Дукер кивнул.

– Двое твоих друзей не вернулись...

– Зато один вернулся. Когда решу в следующий раз потренироваться с мечом, найду вас, сэр.

– У меня уже из суставов песок сыплется, солдат. Тебе придётся меня палками со всех сторон подпирать.

Женщина мягко положила Нихила на траву и пошла прочь.

Будь я на десять лет моложе, хватило бы храбрости её пригласить... ну да ладно. А то ведь такие были бы ссоры у костра на привале...

Вернулись всадники. Они ехали по бокам волокуши, в которую запрягли громадного грозного пса. Когда-то давно его голова близко познакомилась с конским копытом, кости срослись криво, так что животное, казалось, постоянно скалилось. Общее мрачное впечатление дополнял жестокий блеск в глазах пса.

Всадники спешили и осторожно уложили Нихила на волокушу. Презрительно взглянув на свой эскорт, пёс двинулся обратно в виканский лагерь.

– Вот так уродище, – пробормотал за спиной историка капитан Сон.

Дукер хмыкнул.

– Зато доказывает, что в голове у них одни кости, мозга нет.

– Всё ворчишь, дед?

Историк нахмурился.

– Почему ты мне не сказал, что у нас будут тайные помощники, капитан? Чьи они люди? Пормкваля?

– Да о чём ты, к Худовой бабушке, говоришь?

Дукер обернулся.

– Когти. Кто-то прикрывал наш отход. Использовал звёздочки и шипы, ходил невидимый, как Худово дыхание, у меня за спиной! – Глаза Сна изумлённо распахнулись. – Да сколько же ещё деталей Колтейн нам не сообщает?!

– Об этом Колтейн точно ничего не знает, Дукер, – проговорил Сон, качая головой. – Если ты уверен в том, что видел – а я тебе верю, – Кулак должен об этом узнать. Сейчас же.

Впервые за всё время, что Дукер его знал, Колтейн выглядел ошарашенным. Он замер совершенно неподвижно, словно не был уверен, что за спиной не стоит кто-то невидимый, готовый в любой момент нанести смертельный удар своими клинками. Из горла Бальта раздалось низкое рычание.

— У тебя от жары в голове помутилось, историк.

— Я знаю, что видел, дядя. Более того, я знаю, что я почувствовал.

Последовало долгое молчание, воздух в шатре был спёртый и неподвижный.

Вошёл Сормо и остановился на пороге, когда Колтейн пронзил его взглядом. Плечи колдуна сторбились, словно он больше не мог нести бремя, которое волок на себе все эти месяцы. У глаз его залегли усталые тени.

— У Колтейна будут к тебе вопросы, — сказал Бальт. — Потом.

Юноша пожал плечами.

— Нихил очнулся. У меня есть ответы.

— Другие вопросы, — сказал с мрачной, невесёлой ухмылкой старый воин.

Колтейн сказал:

— Объясни, что произошло, колдун.

— Бог семаков не умер, — сказал Дукер.

— Я это мнение поддерживаю, — пробормотал Сон. Он сидел на складном походном стуле в углу, расстёрнутые наручи на коленях, ноги вытянуты. Капитан поймал взгляд историка и подмигнул.

— Не совсем, — возразил Сормо. Он помолчал, затем глубоко вздохнул и продолжил: — Бог семаков был уничтожен. Разорван на куски и съеден. Иногда кусочек плоти может быть исполнен такого зла, что оно поработает пожирателя...

Дукер резко наклонился вперёд и тут же поморщился от резкой боли в наскоро исцелённой ягодице.

— Дух земли...

— Да, дух этой земли. Тайные амбиции, внезапная великая сила. Другие духи... ничего не подозревали.

Бальт скривился от отвращения.

— Мы потеряли семнадцать солдат сегодня, только чтобы убить горстку титтанских вождей и сорвать маску с духа-предателя?

Историк вздрогнул. Он только теперь услышал общее число жертв. Первый провал Колтейна. Если Опонны нам так улыбаются, враги этого не поймут.

— Это знание, — тихо объяснил Сормо, — позволит спасти жизни в будущем. Духи чрезвычайно встревожены — они гадали, почему не могут высмотреть налёты и засады. Теперь знают. Они не догадывались, что нужно искать врага среди своих. Теперь они свершат своё собственное правосудие, в своё время...

— Так что же — налёты будут продолжаться? — Казалось, старый воин сейчас сплюнет. — Твои духи-союзники смогут нас предупреждать — как они это столь успешно делали раньше?

— Усилия предателя будут ослаблены.

— Сормо, — сказал Дукер, — зачем семаку зашили рот?

Колдун криво улыбнулся.

— Этому созданию зашили все отверстия, историк. Иначе пожранное вырвется наружу.

Дукер покачал головой.

— Странная магия.

Сормо кивнул.

— Древняя, — сказал он. — Чародейство костей и кишок. Мы боремся за знание, которым прежде обладали инстинктивно. — Он вздохнул. — Во времена до Путей, когда магию искали внутри.

Ещё год назад Дукер бы весь лучился от любопытства и удивления при таком замечании и тут же начал осыпать колдуна тысячей вопросов. Теперь же слова Сормо, словно эхо, угасли в безмерной пещере усталости. Историк хотел только спать, но знал, что сна ему не видать ещё двенадцать часов — лагерь за стенами шатра уже просыпался к жизни, хотя до рассвета оставалось около часа.

— Если в этом дело, — протянул Сон, — почему же тот семак не взорвался, как надутый пузырь, когда мы его проткнули стрелами?

— Пожранное прячется глубоко. Скажи мне, что защищало живот одержимого семака?

Дукер крикнул.

— Ремни. Из толстой кожи.

— Вот как.

— Что случилось с Нихилом?

— События застали его врасплох, и он воспользовался тем самым знанием, которое мы пытаемся вспомнить. Когда на него обрушился колдовской удар, Нихил ушёл в себя. Чары преследовали, но он ускользал, пока зловередная сила не иссякла. Мы учимся.

Перед глазами Дукера пронеслась картина ужасной смерти второго колдуна.

— Но цена высока.

Сормо ничего не сказал, лишь в глазах его на миг блеснула боль.

— Нужно ускорить продвижение, — объявил Колтейн. — На один глоток меньше воды каждому солдату в день...

Дукер выпрямился.

— Но у нас есть вода.

Все посмотрели на историка. Он криво улыбнулся Сормо.

— Я так понимаю, что отчёт Нихила был довольно... сухим. Духи создали для нас тоннель, который проходил через материковую породу. Капитан может подтвердить, что камень там плачет.

Сон ухмыльнулся.

— Худов дух, а ведь дед прав!

Сормо поражённо смотрел на историка.

— Из-за того, что мы не задали верного вопроса, мы страдали долго — и бессмысленно!

Колтейн будто наполнился новой силой, которая проявилась в том, что он чуть оскалил зубы.

— У тебя, — сказал колдуну Кулак, — есть час, чтобы напоить сто тысяч глоток.

Из камня, который выветренными пластами выходил из земли среди прерии, потекли сладостные слёзы. Выкопали огромные ямы. Над лагерем звенели радостные песни. Среди животных, наоборот, воцарилась блаженная тишина. И за всем чувствовалось что-то удивительно тёплое. Впервые духи земли принесли дар, которого не коснулась смерть. Дукер физически ощущал радость духов, стоя у северной оконечности лагеря, глядя, слушая.

Капрал Лист снова был рядом, лихорадка отступила.

— Воду пускают медленно, но недостаточно — животы взбунтуются, — неосторожные могут даже умереть...

— Да. Некоторые могут.

Дукер поднял голову, вглядываясь в северный край долины. Там выстроились в ряд титтанские конники, которые смотрели на лагерь, как показалось историку, с боязливым изумлением. Он не сомневался, что армия Камиста

Релоя тоже страдает, несмотря на то, что она захватила все известные источники воды в одане.

В этот момент историк уловил проблеск белого, который сорвался со склона на край долины, а затем скрылся из глаз. Дукер хмыкнул.

— Вы что-то заметили, сэр?

— Да так, дикие козы... — пробормотал историк. — Перешли на другую сторону...

Бешеный ветер вырыл глубокие норы в склонах плосковерхих холмов вдоль долины, сначала углубления, затем пещерки, и наконец — целые тоннели, которые, возможно, шли насквозь и выходили с другой стороны гребня. Словно жадные черви, вгрызающиеся в старое дерево, ветра пожирала склоны, выцарапывая одну дыру за другой, истончая стены между ними так, что часть из них обвалилась, тоннели всё расширялись. Однако наносное плато стояло — огромной каменной шапкой на быстро тающем основании.

Кальп никогда не видел ничего подобного. Будто Вихрь его осознанно терзает. Зачем кому-то брать в осаду камень?

Ветер выл в тоннелях, в каждом — на свой особый лихорадочный лад, порождая яростный хор. У основания утёса мелкий, как пыль, песок вертелся под ветром и взлетал ввысь. Кальп обернулся, чтобы взглянуть туда, где его ждали Геборик и Фелисин — две смутные фигуры, сторбившиеся под беспрестанной яростью песчаной бури.

Вихрь не оставлял путникам никакого убежища уже три дня кряду, с тех самых пор, как настиг их. Ветер хлестал со всех сторон — будто безумная богиня нас специально выбрала. Не такая невероятная возможность, как может показаться на первый взгляд. Маг физически ощущал злонамеренную волю. Мы ведь вторглись в её владения, в конце концов. Богиня Вихря всегда сосредотачивала свою ненависть именно на чужаках. Не повезло Малазанской империи вступить прямо в готовый миф о восстании против чужих...

Чародей добрался до остальных. Ему пришлось наклониться поближе, чтобы перекричать бесконечный рёв.

— Там пещеры! Только ветер ломится прямо им в глотку — подозреваю, он холм насквозь пробил!

Геборик дрожал, с самого утра его одолела лихорадка, рождённая переутомлением. Он быстро слабел. Как и все мы. До заката оставалось недолго — неизменная охра темнела у них над головами, — и по прикидкам мага, за последние двенадцать часов путники прошли немногим более лиги.

У них не было ни воды, ни пищи. Худ следовал за ними по пятам.

Фелисин ухватила за изорванный плащ Кальпа и притянула его поближе. Губы у неё потрескались, песок скопился в уголках рта.

– Всё равно попробуем! – прохрипела она.

– Не знаю даже. Весь холм может обрушиться...

– В пещеры! Идём в пещеры!

Там умрём или здесь. Пещеры хотя бы станут гробницей для наших трупов. Чародей коротко кивнул.

Геборика им пришлось почти тащить между собой. Ветер сделал утёс впереди похожим на соты, поэтому спутники могли выбирать из множества потенциальных укрытий. Только на выбор не было сил, и они просто ступили в первый же попавшийся проход: широкий, до странности ровный тоннель, который, похоже, шёл строго прямо – по крайней мере, первые несколько шагов.

Ветер бил в спину, словно презирал их жалкие колебания. Спотыкаясь, спутники вошли в колыбель воя, и их окутала тьма.

На полу вихрь вытесал выступающие гребни, так что передвигаться было тяжело. Через пятнадцать шагов они наткнулись на пласт кварцита или какого-то другого подобного минерала, который сопротивлялся выветриванию. Путники обошли скалу и под её защитой обрели убежище от безжалостного напора Вихря – первое за последние семьдесят часов.

Геборик обмяк на руках у спутников. Они уложили старика в доходящий до щиколоток слой песка у основания пласта.

– Я хочу поглядеть, что там впереди, – прокричал Кальп Фелисин, чтобы перекрыть вой ветра.

Она кивнула и опустилась на колени.

Ещё через тридцать шагов маг оказался в просторной пещере. Вокруг высились залежи кварцита, в которых отражалось слабое сияние, идущее с пятнадцатифутового потолка, будто выложенного битым стеклом. Кварцит здесь вздымался вертикальными жилами, сияющими колоннами, которые будто обрамляли естественную галерею – картина была поразительно прекрасной, несмотря даже на визг переполненного песком ветра. Кальп шагнул вперёд. Пронзительный вой ослаб в бесконечной пещере.

Ближе к центру высилась груда камней – слишком аккуратная, чтобы быть последствием естественного обвала. Блестящий материал, такой же, как на потолке, покрывал камни в некоторых местах: быстрый осмотр показал, что блестела у всех грубо прямоугольных камней только одна грань. Кальп присел и провёл ладонью по такой грани, а затем наклонился ещё ниже. Худов дух, это же и правда стекло! Разноцветное, разбитое и спрессованное...

Он поднял глаза. В потолке зияла большая дыра, её края светились странным, холодным светом. Кальп заколебался, но затем всё же открыл свой Путь. И ахнул. Ничего. Ох, Королева грёз, никакой магии – это всё земное.

Низко согнувшись и ступая против ветра, маг вернулся обратно к остальным. Оба спали или потеряли сознание. Кальп осмотрел их, похолодев от безучастной неподвижности их измождённых обезвоживанием лиц.

Наверное, милосерднее их не будить.

Словно почувствовав его присутствие, Фелисин открыла глаза. В них вспыхнуло внезапное понимание.

— Так легко не отделаешься, — проговорила она.

— Этот холм — погребённый город, а мы — прямо под ним.

— И что?

— Ветер пробился в один из залов, по крайней мере, очистил его от песка.

— Нам под гробницу.

— Возможно.

— Ладно, пошли.

— Одна проблема. — Кальп не двинулся с места. — Вход примерно в пятнадцати футах над нашими головами. Там есть кварцитовая колонна, но забраться наверх по ней будет нелегко, особенно в нашем состоянии.

— Так покрути Путём.

— Что?

— Открой туда проход.

Маг уставился на Фелисин.

— Это не так просто.

— Умирать просто.

Он заморгал.

— Давай пока поставим старика на ноги.

Опухшие веки Геборика были плотно сомкнуты, из-под них сочились полные мелкого песка слёзы. В себя он приходил медленно и явно не сразу понял, где очутился. Широкий рот бывшего жреца растянулся в жутковатой ухмылке.

— Они здесь попробовали, так ведь? — спросил он, оглядываясь по сторонам, пока спутники помогали ему идти вперёд. — Попробовали и поплатились за это, о да, память воды, столько загубленных жизней...

Все трое добрались до зала с обвалившимся потолком. Фелисин положила руку на ближайшую к дыре кварцитовую колонну.

– Придётся лезть так, как досии лазают на кокосовые пальмы.

– И как они это делают? – спросил Кальп.

– Нехотя, – проворчал Геборик, склонив голову набок, будто прислушивался к какому-то голосу.

Фелисин покосилась на мага.

– Мне понадобится твой ремень.

С кряхтением Кальп начал снимать кожаный пояс.

– Странное ты выбрала время, чтобы посмотреть на меня без штанов, девочка.

– Нам всем не помешает посмеяться, – парировала она.

Маг передал Фелисин ремень и увидел, как она привязывает концы к лодыжкам. И поморщился от того, как сильно девушка затянула узлы.

– А теперь, пожалуйста, твой плащ.

– А с туникой твоей что не так?

– Никто тут не будет пялиться на мои сиськи – бесплатно, по крайней мере. К тому же ткань у плаща крепче.

– Потом пришло воздаяние, – проговорил Геборик. – Методичная, бесстрастная чистка.

Снимая исхлётанный песком плащ, Кальп хмуро покосился на бывшего жреца.

– О чём ты, Геборик?

– Первая Империя – город над нами. Они явились и всё исправили. Бессмертные хранители. Такое фиаско! Даже с закрытыми глазами я вижу свои руки – они шупают слепо, о как слепо. Так пусто. – Он вдруг осел на землю, поражённый горем.

– Не обращай внимания, – сказала Фелисин, подходя, словно чтобы обнять зазубренную колонну. – Старый хрыч потерял своего бога и оттого свихнулся.

Кальп промолчал.

Фелисин обхватила руками колонну и перехватила концы туго скрученного плаща с другой стороны. Ремень на ногах обнял «ствол» с этой стороны.

– Ага-а, – протянул Кальп. – Понимаю. Хитрые досии.

Она забросила плащ так высоко, как только дотянулась, резко откинулась назад и подпрыгнула, раздвинув колени, так что ремень врезался в колонну.

Маг увидел, как девушка дёрнулась от боли, когда кожа впилась в щиколотки.

— Странно, что у досиев ещё остались ступни, — сказал Кальп.

Задыхаясь, она процедила:

— Кажется, я какую-то мелкую деталь упустила.

В глубине души маг не верил, что она сделает это. До потолка ещё оставались две сажени — полный человеческий рост, — а по ногам у Фелисин уже струилась кровь. Она дрожала, используя быстро тающие резервы физических сил. Но не сдавалась. Крепкая, крепкая душа. Она превосходит нас всех, снова и снова. Эта мысль напомнила ему о Бодэне — изгнанник, должно быть, находится где-то там, среди безжалостной песчаной бури. Тоже крепкий, упрямый, жёсткий человек. Как ты там, Перст?

Фелисин наконец оказалась рядом с зазубренным краем дыры. И остановилась.

Ага, и что теперь?

— Кальп! — Её голос отозвался в пещере жутковатым эхом, которое быстро унёс ветер.

— Что?

— Сколько от тебя до моих ног?

— Где-то три сажени. А что?

— Прислони Геборика к основанию колонны. Заберись ему на плечи...

— Зачем, Худа ради?

— Тебе нужно дотянуться до моих щиколоток, затем вскарабкаешься по мне — я не могу её отпустить — не осталось ничего!

О боги, я не такой крепкий, как ты, девочка...

— Давай! У нас нет выбора, будь ты проклят!

Кальп зашипел и обернулся к Геборику.

— Старик, ты меня понимаешь? Геборик!

Бывший жрец выпрямился, не переставая ухмыляться.

— Помнишь каменную руку? Палец? Прошлое — чуждый мир. Невообразимые силы. Коснуться рукой значит призвать чужие воспоминания, настолько отличные от твоих по мысли и чувству, что за ними следует безумие.

Каменная рука? Да несчастный ублюдок бредит.

– Мне нужно забраться к тебе на плечи, Геборик. Ты должен стоять крепко – когда вскарабкаемся наверх, свяжем колыбельку, чтобы поднять тебя к нам, хорошо?

– Ко мне на плечи. Каменные горы, и каждая высечена, обтёсана жизнью, давно уже ушедшей к Худу. Сколько же страстей, желаний, секретов? Куда всё уходит? Невидимая энергия мыслей жизни есть пища богов, знал ты это? Поэтому они должны – должны – быть переменчивы!

– Маг! – заорала Фелисин. – Давай же!

Кальп зашёл за спину к старику и положил руки ему на плечи.

– Теперь стой смирно..

Но вместо этого Геборик обернулся. Он свёл культи вместе так, что между ними остался промежуток, будто там были ладони.

– Наступай. Я тебя подброшу прямо к ней.

– Геборик... у тебя же нет рук, чтобы моя нога...

Ухмылка старика стала ещё шире.

– Ну, давай, ради меня.

Кальп онемел от потрясения, когда его ступня в мокасине встала в стремя из сплетённых невидимых пальцев. Он снова положил руки на плечи бывшему жрецу.

– Прямо наверх полетишь, – сказал Геборик. – Я ослеп. Направь меня, маг.

– Шаг назад, ещё чуть-чуть. Вот.

– Готов?

– Да.

Но он оказался вовсе не готов к невероятной силе, с которой невидимые руки подняли его, безо всякого усилия подбросили прямо вверх. Кальп инстинктивно попытался уцепиться за Фелисин, промахнулся – к счастью, потому что пролетел мимо неё, прямо в дыру на потолке. И чуть не упал обратно вниз. В панике маг изогнулся и болезненно грохнулся на край провала. Камень застонал, просел.

Отчаянно цепляясь пальцами за невидимую кладку, маг выбрался на пол.

Снизу прозвучал голос Фелисин.

– Маг! Ты где?

Чувствуя, как на его лице каменеет чуть истерическая ухмылка, Кальп ответил:

– Наверху. Сейчас я тебя вытащу, девочка.

При помощи невидимых рук Геборик быстро вскарабкался по наскоро связанной из ремня и ткани верёвке, которую Кальп сбросил ему через десять минут. Сидя рядом с ним в маленькой, мрачной комнатке, Фелисин молча смотрела на старика, чувствуя, как в душе нарастает страх.

Тело мучило её болью, чувства с молчаливой яростью возвращались к стопам. Мелкая белёсая пыль покрывала кровь на лодыжках и царапины, которые оставили на запястьях острые грани колонны. Фелисин была крупная дрожь. Старик казался полумёртвым. Да что там – мёртвым. Он сторал, но в его бреднях были не только пустые слова. В них было знание, невысказанное знание. А теперь его призрачные руки стали настоящими.

Фелисин покосилась на Кальпа. Маг хмуро смотрел на обрывки своего плаща, которые держал в руках. Затем вздохнул и перевёл пристальный взгляд на Геборика, который, казалось, вновь погрузился в лихорадочное оцепенение.

Кальп сотворил неяркое мерцание, которое осветило голые каменные стены комнаты. У одной из стен истёртая ногами лестница вела к крепкой на вид двери. У противоположной стены на полу виднелись круглые выбоины такого размера, что в них хорошо поместились бы бочонки. В дальнем конце комнаты с потолка на цепях свисали ржавые крюки. Фелисин всё казалось смазанным; то ли всё вокруг было до странности изношенным, то ли такое впечатление создавал чародейский свет.

Она потрясла головой, обхватила себя руками, чтобы унять дрожь.

– Ловко ты забралась наверх, девочка, – заметил Кальп.

Она хмыкнула.

– Только смысла в этом не было, как выяснилось.

А теперь я, скорее всего, из-за этого умру. Для того чтобы вскарабкаться сюда, мне понадобились не только мышцы и кости. Я чувствую себя... пустой, ничего не осталось, чтобы восстановить утраченное. Она рассмеялась.

– Что?

– Мы выбрали себе гробницей кладовую.

– Я ещё не готов умирать.

– Повезло тебе.

Фелисин смотрела, как маг поднимается на ноги. Затем оглядывается.

– Эта комната была когда-то затоплена. Текущей водой.

– Откуда куда?

Он пожал плечами и шаркающей походкой с трудом подошёл к лестнице.

Выглядит так, будто ему сто лет. Я себя на столько же чувствую. Вместе мы даже догоним по возрасту Геборика. Ну, я хотя бы учусь ценить иронию.

Через несколько минут Кальп наконец добрался до двери. Потрогал её рукой.

— Бронзовая обивка — чувствую удары молотка, которыми её разровняли. — Он постучал по тёмному металлу костяшками пальцев. Послышался тихий, сыплющийся шепоток. — Дерево под ней прогнило.

Щеколда сломалась у него в руках. Маг тихо выругался, а затем уперся в дверь плечом и толкнул.

Бронза треснула и обвалилась внутрь. В следующий миг вся дверь рухнула, а Кальп вслед за ней упал в облако пыли.

— Преграды всегда не так крепки, как мы думаем, — сказал Геборик, когда улеглось эхо. Он стоял, вытянув перед собой культи. — Теперь я это понимаю. Для слепого всё это тело — призрак. Он его чувствует, но не видит. Так я поднимаю невидимые руки, переставляю невидимые ноги, набираю полную грудь невидимого воздуха. Так же я вытягиваю пальцы, затем сжимаю кулаки. Я настоящий всюду — и всегда был таким, вопреки обману, которому поддались мои собственные глаза.

Фелисин отвела взгляд от бывшего жреца.

— Может, если я оглохну, ты исчезнешь.

Геборик расхохотался.

На площадке наверху Кальп уныло застонал, дышал он хрипло и с трудом. Она заставила себя встать, покачнувшись, когда боль сжала железные тиски на лодыжках. Скрежеща зубами, Фелисин заковыляла к лестнице.

Преодолев одиннадцать ступеней, она чуть не падала с ног от усталости. Фелисин опустилась на колени рядом с магом и долго ждала, пока выровняется дыхание.

— Ты в порядке?

Кальп поднял голову.

— По-моему, нос себе сломал.

— Судя по тому, как ты теперь гундосишь, это правда. Зато, как я понимаю, будешь жить.

— Долго и счастливо. — Он поднялся на четвереньки, с его лица потёками свисали сгустки крови. — Видишь, что впереди? Я ещё не успел посмотреть.

— Темно. Воняет.

— Чем?

Она пожала плечами.

– Не знаю. Побелкой? В смысле, известью.

– Да? А не аристократичной пудрой? Удивлён.

Шаги на лестнице предупредили их о приближении Геборика.

Магическое сияние медленно поднялось наверх, и из теней постепенно вырисовалось помещение. Фелисин окаменела.

– Что-то ты тяжело задыхалась, девочка, – проговорил Кальп, который по-прежнему не хотел поднимать голову. – Скажи, что ты видишь?

Голос Геборика донёсся с середины лестницы:

– Последствия провального ритуала она видит. Замороженные воспоминания о древней трагедии.

– Статуи, – проговорила Фелисин. – Разбросаны по полу – большой зал. Очень большой – свет не достаёт до дальнего конца...

– Постой. Статуи, говоришь? Какие?

– Люди. Вырезаны так, будто лежат – я сперва подумала, что они настоящие...

– А почему ты теперь так не думаешь?

– Ну... – Фелисин подползла вперёд. До ближайшей статуи было около дюжины шагов, обнажённая пожилая женщина, лежит на боку, словно уснула. Камень, из которого её вытесали, был тускло-белым, раскрашенным пятнами плесени. Художник передал каждую морщинку на её иссохшем теле, не упустил ни единой детали. Фелисин посмотрела на умиротворённое, старое лицо. Леди Гейсен – эта женщина могла бы быть её сестрой. Фелисин протянула руку.

– Только ничего не трогай, – буркнул Кальп. – У меня перед глазами по-прежнему пляшут звёздочки, но волосы на загривке встали дыбом, значит, в этом зале действует магия.

Фелисин отдернула руку и села.

– Это просто статуи...

– На пьедесталах?

– М-м, нет, просто на полу.

Свет вдруг стал ярче, заполнил весь зал. Фелисин обернулась и увидела, что Кальп поднялся на ноги и прислонился к косяку разбитой двери. Маг близоруко щурился, оглядывая сцену.

– Скульптуры, девочка? – проворчал он. – Худа с два. Тут прокатился Путь.

— Некоторые врата никогда не следует отпирать, — заметил Геборик, беззаботно проходя мимо мага. Он уверенно подошёл к Фелисин, остановился и улыбнулся, склонив голову набок. — Её дочь избрала Тропу Одинок, тяжкое странствие. Она была в этом не одинока, эта кривая дорожка считалась хорошей альтернативой Восхождению. Говорили, что она... ближе к земле. И более древняя, а старину высоко ценили в последние дни Первой Империи. — Бывший жрец замолчал, внезапно его лицо скривилось от горя. — Можно понять Старейшин тех дней, они стремились облегчить дорогу своим детям. Хотели сотворить новый извод старой, опасной Тропы — ибо она истёрлась, раскрошилась, стала злокачественной. Слишком много юных чад Империи сбились с пути — и плевать на войны на западе...

Кальп положил руку на плечо Геборику. Лёгкое прикосновение словно перекрыло кран. Бывший жрец поднёс к лицу призрачную руку и вздохнул.

— Слишком легко сбиться с пути...

— Нам нужна вода, — сказал маг. — Есть в её памяти такое знание?

— Это был город ручьёв, фонтанов, бань и каналов.

— Теперь в них, наверное, только песок, — проговорила Фелисин.

— А может, и нет, — заметил Кальп, поглядывая по сторонам покрасневшими глазами. Нос он сломал сильно, опухоль разорвала пересохшую кожу по обеим сторонам от переносицы. — Этот зал только недавно осушился — чувствуешь, как до сих пор дрожит воздух?

Фелисин посмотрела на женщину у своих ног.

— Значит, когда-то она была настоящей. Живой.

— Да, все они были плотью.

— Алхимические эликсиры замедляли старение, — проговорил Геборик. — Шесть, семь столетий для каждого горожанина. Ритуал лишил их жизни, но эликсиры были сильны...

— А затем город залила вода, — добавил Кальп. — Богатая минералами.

— И обратила в камень не только кости, но и плоть. — Геборик поёжился. — Потоп был рождён другими событиями — бессмертные хранители уже пришли и ушли.

— Какие бессмертные хранители, старик?

— Может, и остался ещё родник, — пробормотал бывший жрец. — Неподалёку.

— Веди же, слепец, — сказала Фелисин.

— У меня ещё есть вопросы, — заявил Кальп.

Геборик улыбнулся.

– Позже. Наш путь к воде сам по себе многое объяснит.

Минерализованные обитатели зала все до одного были пожилыми, количество их исчислялось сотнями. Постигшая их смерть, похоже, была мирной, и это слегка тревожило Фелисин. Не всякий конец – пытка. Худу плевать на средства. Так, во всяком случае, говорят жрецы. Но самый обильный урожай ему приносят войны, болезни и голод. Бессчётные столетия избавления наверняка оставили след на Верховном короле Смерти. Буйные толпы осаждают его Врата, и в этом есть свой вкус. А тихий геноцид звучит совсем по-другому.

Она чувствовала, что Худ сейчас с ней, в эти часы – и с самого возвращения в этот мир. Фелисин уже начала думать о нём как о возлюбленном, хватка которого на её сердце была вечной и до странности успокаивающей.

А теперь я боюсь только Геборика и Кальпа. Говорят, боги боятся смертных больше, чем друг друга. Не в этом ли источник моего страха? Может, я уловила отзвук Худа в себе? Богу смерти наверняка снятся кровавые реки. Может, я принадлежала ему всё это время.

Тогда – я благословенна.

Геборик вдруг обернулся, словно хотел посмотреть на неё обожжёнными солнцем, опухшими, плотно закрытыми глазами.

Теперь ты можешь читать мои мысли, старик?

Широкий рот Геборика дрогнул в кривой ухмылке. Затем он отвернулся и пошёл дальше.

На другом конце зала их ждала арка, под которой начинался тоннель с низким сводом. Древние потоки воды отполировали и разгладили камень по обе стороны. Кальп поддерживал колдовской, лишённый источника свет, чтобы спотыкающимся путникам было видно, куда идти.

Ковыляем, точно ожившие трупы, проклятые на странствие без конца. Фелисин улыбнулась. Избранники Худа.

Тоннель оказался бывшей улицей, узкой и кривой, мостовая на ней просела и вздыбилась. Под мутным сводом из спрессованного стекла – невысокие жилые дома. Вдоль всех стен шли узкие полосы подобного материала, будто отмечали уровни воды или слои песка, который прежде заполнял здесь всё пространство.

На улице тоже лежали тела, но в их судорожных, искривлённых позах уже не было ни капли умиротворения. Геборик остановился, склонил голову набок.

– А вот и совершенно другие воспоминания.

Кальп присел рядом с одной из фигур.

— Одиночник, умер в момент превращения. Во что-то... рептильное.

— Одиночники и д'иверсы, — проговорил бывший жрец. — Ритуал высвободил силу, и она потекла во все стороны. словно мор, оборотничество заразило тысячи людей — не желавших того, без всякого посвящения.. Многие обезумели. Смерть шагала по городу, по каждой улице, была в каждом доме. оборотни разрывали на куски своих родных. — Он встряхнулся. — Всё заняло лишь несколько часов, — прошептал старик.

Кальп не сводил глаз с другой фигуры, едва заметной под грудой окаменевших трупов.

— Да тут не только д'иверсы и одиночники.

Геборик вздохнул.

— Да.

Фелисин подошла к телу, которое привлекло такое живое внимание мага. Она увидела крепкие конечности орехово-коричневого цвета — руку и ногу. Только они и остались прикрепленными к торсу. Тело расчленили. Сухая кожа прикрывала толстые кости. Я уже видела такие. На «Силанде». Это т'лан имасс.

— Вот и твои бессмертные хранители, — пробормотал Кальп.

— Верно.

— Они понесли потери.

— О да, — согласился Геборик. — Ужасные потери. Существует связь между т'лан имассами и д'иверсами с одиночками, таинственное родство, о котором и не подозревали жители этого города, — хоть они и присвоили себе гордый титул Первой Империи. Т'лан имассов бы разозлило — если бы эти создания могли чувствовать злость — то, что люди так нагло присвоили честь и звание, которые по праву принадлежали имассам. Но сюда их привели ритуал и необходимость навести порядок.

Опухшее, избитое лицо Кальпа помрачнело.

— Мы уже сталкивались с одиночками... и с имассами. Что начинается здесь сызнова, Геборик?

— Не знаю, маг. Возвращение к древним вратам? Новый прорыв древней силы?

— Дракон-одиночник, за которым мы плыли... он был нежитью.

— Это был т'лан имасс, — сообщил бывший жрец. — Заклинатель костей. Быть может, это хранитель древних врат, которого вновь призывает надвигающаяся беда. Пойдём дальше? Я чую запах воды — ручей ещё не пересох.

Пруд раскинулся посреди сада. Бледная растительность пробилась между камнями, которыми была выложена тропинка: бело-розовые листья, словно обрывки плоти, бесцветные плоды на лозах, которыми были увиты каменные колонны и окаменевшие стволы деревьев. Этот сад расцвёл во мраке.

В пруду мелькали белёсые безглазые рыбы, искали убежище от чародейского света.

Фелисин упала на колени, опустила дрожащую руку в прохладную воду. Это ощущение наполнило её восторгом.

— Остатки алхимических эликсиров, — проговорил у неё за спиной Геборик.

Фелисин обернулась.

— О чём ты?

— Испив этот нектар, мы можем получить некоторые... преимущества.

— Плоды съедобные? — поинтересовался Кальп, срывая один из белёсых шаров.

— Были съедобными, когда ещё оставались ярко-красными, девять тысяч лет назад.

Позади в воздухе неподвижно висел густой пепел — насколько видел Калам, расстояние на Имперском Пути определить было сложно. След их казался прямым, как древко копья. Убийца нахмурился ещё больше.

— Мы всё-таки заблудились, — объявила Минала, откидываясь на заднюю луку седла.

— Всё лучше, чем умерли, — пробормотал Кенеб, оказав убийце, по крайней мере, такую поддержку.

Калам чувствовал на себе суровый взгляд серых глаз Миналы.

— Выводи нас с этого Худом проклятого Пути, капрал! Мы хотим есть и пить, мы не знаем, где мы. Выводи нас!

Я себе представлял Арэн, выбрал место — незаметную нишу у последнего поворота Беспомощного проулка... в самом сердце Отстойника, квартала бедных эмигрантов из Малазана, рядом с рекой. До последнего бульжника под ногами представлял. Так почему же мы туда не попали? Что нас держит?

— Не сейчас, — сказал Калам. — До Арэна — долгая дорога, даже на Пути.

Логично ведь звучит? Так почему мне тревожно?

— Что-то не так, — настаивала Минала. — Я по твоему лицу вижу. Мы должны были уже прибыть на место.

Вкус и запах пепла стали уже его частью, и Калам знал, что другие чувствуют то же. Безжизненный прах, казалось, просочился во все его мысли. Калам подозревал, кому принадлежал когда-то этот пепел — груды костей, на которую они наткнулись у входа, была далеко не единственной, — но инстинктивно пытался не признаваться в этих подозрениях даже самому себе. Сама мысль об этом была слишком жуткой, слишком ошеломительной.

Кенеб хмыкнул, затем вздохнул.

— Что ж, капрал, поедем дальше?

Калам покосился на капитана. Лихорадка от ранения в голову спала, но едва заметная неуверенность в движениях и выражениях говорила, что излечение ещё не закончено. Убийца понимал, что в бою на него рассчитывать не приходится. И поскольку Апт, похоже, пропала, спину ему прикрыть некому. Минала явно не готова доверять Каламу, так что и на неё нельзя полагаться: она сделает всё, чтобы защитить сестру и племянников, но не более того.

Легче было бы, если б я ехал один. Калам пустил жеребца вперёд. Вскоре остальные последовали за ним.

На Имперском Пути не было ни дня, ни ночи, лишь вечные сумерки, тусклый свет лился словно из ниоткуда — здесь не было теней. Время путники измеряли по циклу потребностей своих тел. Желание есть, желание пить, желание спать. Но когда ноющий голод и жажда стали вечными и неудовлетворёнными спутниками, когда изнеможение делало каждый шаг подвигом, само понятие времени утратило смысл — стало казаться фантазией, основанной на слепой вере, а не фактом.

«Время делает из нас верующих. Безвременье — неверующих». Ещё один афоризм из «Речей шута», ещё одно хитроумное речение мудрецов моей родины. Чаще всего его используют, чтобы отмахнуться от прецедента, насмешливо поглумиться над уроками истории. Главное наставление мудрецов — не верить ничему. И та же заповедь оставалась главным уроком для тех, кому суждено было стать убийцами.

«Убийство разрушает лживое постоянство. Хотя занесённый кинжал — сам по себе данность, свобода выбрать «кого», выбрать «когда» — ещё больший обман данности. Убийца, ученики — это вырвавшийся на волю хаос. Но помните, что занесённый кинжал может погасить пожар так же легко, как и разжечь его...»

И здесь, вырезанная в мыслях, точно остриём кинжала, растянулась прямая линия, которая приведёт его к Ласиин. Все необходимые основания аккуратно укладывались в этот разрез. И хотя путь клинка проходит через Арэн, кажется, что-то неведомое отталкивает меня от него, удерживает на этой пепельной равнине.

— Я вижу впереди тучи, — сказала Минала, которая ехала рядом с Каламом.

Равнину там пересекали крест-накрест гряды низко висящей пыли. Убийца прищурился.

— Чётко, как отпечаток ноги в глине, — пробормотал он.

— Что?

— Оглянись — за нами остаётся такой же след. Мы не одни на Имперском Пути.

— А нам никакие спутники не нужны, — сказала она.

— Точно.

Когда они добрались до первой пепельной колеи, Калам встревожился ещё больше. Он тут не один. Зверь. Никто из слуг Империи не оставил бы такие..

— Смотри, — сказала Минала, указывая в сторону.

В тридцати шагах впереди виднелось нечто похожее на воронку или тёмное пятно на земле. Висящий пепел обрамлял яму неподвижной полупрозрачной завесой.

— Только мне кажется, — протянул за спиной Кенеб, — или появился-таки новый запах в этом Худом проклятом воздухе?

— Будто духи́ на древесной смоле, — подтвердила Минала.

Волосы на загривке Калама встали дыбом, он вытянул арбалет из крепления у седла и положил стрелу на ложе. Почувствовал, как Минала буравит его глазами, и не удивился, когда она заговорила.

— Этот странный запах тебе знаком, да? И не по содержимому вывернутого сундука какого-нибудь торговца. Чего нам ждать, капрал?

— Чего угодно, — ответил он и пустил коня шагом.

Яма была по меньшей мере в сотню шагов в поперечнике, по краям кое-где возвышались груды отвала. Из этих насыпей выглядывали обожжённые кости.

Жеребец Калама остановился в нескольких ярдах от края. Не выпуская из рук арбалет, убийца перебросил ногу через луку седла, затем спрыгнул вниз и приземлился в облаке серой пыли.

— Лучше оставайтесь здесь, — сказал он остальным. — Никто не знает, насколько крепки склоны.

— Так зачем вообще подходить? — поинтересовалась Минала.

Не отвечая, Калам двинулся вперёд. Он оказался в двух шагах от края, отсюда уже можно было разглядеть, что лежало на дне ямы, хотя поначалу его внимание привлекла другая сторона карьера. Теперь я точно знаю, по чему мы ходим, хоть и старался об этом не задумываться. Худов дух! Пепел уходил вниз спрессованными слоями, по которым было видно, как изменялась температура и ярость пламени, испепелившего эту землю — и всё на ней. Слои разнились и толщиной. Один из самых толстых был около сажени в глубину и, казалось, состоял только из спрессованных, раздробленных

костей. Под ним располагался красноватый слой потоньше – красноватый, словно кирпичная пыль. В других слоях были только обожжённые кости, пересыпанные чёрными вкраплениями с белым ободком. Все они были человеческого размера – наверное, чуть длиннее руки. Стена напротив уходила вниз, по меньшей мере, на шесть саженей. Мы идём по древнему могильнику, по останкам... миллионов.

Взгляд Калама медленно спустился ко дну ямы. Там виднелись проржавевшие, искорёженные механизмы, одинаковые, хоть и разбросанные в разные стороны. Каждый из них был размером с фургон торговца, сходство дополняли мощные колёса с железными спицами.

Калам долго смотрел на них, затем развернулся и пошёл обратно к остальным, разряжая на ходу арбалет.

– Ну?

Убийца пожал плечами, забираясь обратно в седло.

– На дне – старые развалины. Странные – я похожее видел всего один раз, в Даруджистане, в храме, где стоит Круг Сезонов Икария, который, говорят, измеряет течение времени.

Кенеб хмыкнул. Калам покосился на него.

– Что, капитан?

– Слух, ничего больше. Месячной давности.

– Какой слух?

– Да, говорят, Икария видели. – Солдат вдруг нахмурился. – Что ты знаешь о Колоде Драконов, капрал?

– Знаю достаточно, чтобы держаться от неё подальше.

Кенеб кивнул.

– Примерно тогда же к нам заехал провидец – ребята из моего взвода запросили себе гадание, в итоге получили деньги назад, поскольку провидец не мог раскрыть поле дальше первой карты – и ничуть тому не удивился, как я припоминаю. Сказал, что так уже несколько недель, и не только у него, и у всех остальных гадателей тоже.

Увы, мне так не повезло, когда в последний раз я заглянул в Колоду.

– И какая была карта?

– Что-то из Независимых. Какие они там?

– Держава, Престол, Скипетр, Обелиск...

– Обелиск! Вот именно. Провидец утверждал, что это дело рук Икария, будто их с треллем видели в Пан'потсуне.

— Это вообще важно? — раздражённо спросила Минала.

Обелиск... прошлое, настоящее, будущее. Время, а у времени нет союзников...

— Скорее всего, нет, — ответил убийца.

Они поскакали дальше, объехав на безопасном расстоянии яму. Их маршрут пересекли ещё несколько пылевых дорожек, и только на одной следы казались человеческими. Точно сказать было сложно, но выглядело так, будто все следы вели в направлении, прямо противоположном тому, которое избрал Калам. Если мы и вправду едем на юг, значит д'иверсы и одиночники все рванули на север. Это бы утешило, да только, если прошли ещё не все оборотни, мы наткнёмся прямо на них.

Примерно через тысячу шагов они выбрались на засыпанную пеплом дорогу. Как и машины в яме, она была шириной в шесть сажений. Пепел клубился в воздухе над мостовой, так что её трудно было разглядеть, но крутые насыпи по краям не осели. Калам спешил, привязал длинную, тонкую верёвку к луке седла, а затем, держась за другой конец, начал спускаться. К своему удивлению, он не проваливался в пепел насыпи. Подошвы заскрипели. Насыпь каким-то образом стала твёрдой. И достаточно пологой, чтобы прошли кони.

Убийца посмотрел на остальных.

— Эта дорога может нас повести в том направлении, в котором мы двигались — более или менее. Предлагаю ехать по ней — так быстрее будет.

— Куда быстрее доберёмся в никуда, — фыркнула Минала.

Калам ухмыльнулся.

Когда все свели вниз своих лошадей, капитан заговорил:

— Может, ненадолго разобьём тут лагерь? Нас не видно, и воздух чуть-чуть почище.

— И прохладней, — добавила Сэльва, обнявшая своих слишком уж тихих детей.

— Ладно, — согласился убийца.

Бурдюки с водой для коней стали зловеще лёгкими — животные, конечно, протянут несколько дней на одном корме, но будут сильно страдать. Времени у нас мало. Пока он рассёдлывал, кормил и поил лошадей, Минала и Кенеб развернули одеяла и вынули припасы, из которых будет состоять их собственная скудная трапеза. Все приготовления проходили в тишине.

— Не могу сказать, что это место меня сильно бодрит, — заметил за едой Кенеб.

Калам хмыкнул, его обрадовало возвращение чувства юмора капитана.

— Подмести тут не мешало бы, — согласился он.

— Ага. А я-то, заметь, навидался пожаров на своём веку.

Минала ещё раз отпила воды и отложила бурдюк.

— С меня хватит, — заявила она, вставая. — Можете теперь спокойно болтать о погоде.

Оба проводили её взглядами, когда Минала ушла к своему одеялу. Сэльва упаковала оставшиеся припасы и увела детей.

— Я дежурю, — напомнил капитану Калам.

— Я не устал..

Убийца хохотнул.

— Ну ладно, устал. Все мы устали. Понимаешь, от пыли мы так храпим, что всю живность вокруг распугаем. Выходит, я просто лежу себе и пялюсь туда, где должно быть небо, а висит что-то вроде савана. Горло горит, лёгкие болят так, словно туда серной кислоты плеснули, глаза сухие, как забытый талисман. Мы толком не выспимся, пока не уберём отсюда свои бранные тела..

— Для этого нужно сначала отсюда выбраться.

Кенеб кивнул. Он покосился туда, откуда уже послышался храп, и заговорил тише.

— Есть идеи, когда это случится, капрал?

— Нет.

Капитан долго молчал, затем вздохнул.

— Так вышло, что ты скрестил клинки с Миналой. Это неудачный поворот для нашей маленькой семьи, верно?

Калам промолчал. Через некоторое время Кенеб продолжил:

— Полковник Трас хотел тихую, покорную жену — птичку, чтобы сидела на жёрдочке и по команде чирикала..

— Наблюдательностью он не отличался, да?

— Отличался упрямством. Всякую лошадку можно сломать, такая у него была философия. Этим-то он и решил заняться.

— А полковник был человек ловкий?

— Даже не слишком умный.

— А Минала — ловкая и умная. Худов дух, чем она думала?

Кенеб прищурился и посмотрел в глаза Каламу, будто тот что-то правильно понял. Затем пожал плечами.

— Она любит свою сестру.

Калам отвёл глаза с грустной усмешкой.

— Жизнь в офицерском корпусе — просто загляденье.

— Трас недолго собирался пробыть в нашем глухом гарнизоне. Посылал вестовых, плёл широкую сеть. Ему небось неделя оставалась до нового назначения, в самом центре.

— В Арэне.

— Да.

— Ты бы тогда получил пост командира гарнизона.

— И ещё десять импералов в месяц. Хватило бы на хороших учителей для Кесена и Ванеба вместо этого старого пьянчуги с дрожащими руками, который числился у нас в гарнизонных наставниках.

— Минала сломленной не выглядит, — заметил Калам.

— Она своё получила. Силовое исцеление полковнику очень пригодилось. Одно дело — избить кого-то до бесчувствия, а потом ждать месяц или больше, чтобы повторить упражнение. Совсем другое, когда взводный целитель тебе проигрался в кости, так что можешь кости ломать перед завтраком, а на следующее утро она уж готова для новой порции.

— А ты только бодро честь отдаёшь...

Кенеб вздрогнул и отвёл глаза.

— Нельзя возразить против того, о чём не знаешь, капрал. Если бы я хоть заподозрил... — Он покачал головой. — Закрытые двери. Это Сэльва узнала. От прачки, которая дом полковника обслуживала. Кровь на простынях и всё такое. Когда она мне сказала, я сразу пошёл к нему в гарнизон. — Капитан скривился. — Восстание мне помешало — попал в засаду на полпути, а потом уж единственной моей заботой было, чтобы мы все остались в живых.

— Как же умер добрый полковник?

— А вот и ты нашёл закрытую дверь, капрал.

Калам улыбнулся.

— И хорошо. Такие вещи я и через закрытые двери отлично вижу.

— Значит, говорить больше ничего и не надо.

— Глядя на Миналу, сложно в это поверить, — проговорил убийца.

— Разная бывает сила, я так думаю. И защита. Она была близка с Сэльвой, с детьми. Теперь обернулась вокруг них, словно броня — такая же холодная и твёрдая. У неё беда с тобой, Калам. Ты-то обернулся точно так же — вокруг неё и вокруг всех нас.

А она себя чувствует ненужной? Похоже, так это выглядит для Кенеба.

— У неё беда со мной в том, капитан, что она мне не доверяет.

— Да почему же, Худом клянусь?

Потому что я держу за спиной кинжалы. И она это знает.

Калам пожал плечами.

— Судя по тому, что ты мне рассказал, капитан, не думаю, чтобы она вообще легко доверилась хоть кому-то.

Кенеб подумал, затем вздохнул и поднялся.

— Ну, хватит об этом. Мне ещё на саван пялиться и храпы считать.

Калам смотрел, как капитан отошёл и устроился рядом с Сэльвой. Убийца глубоко, медленно вздохнул. Думаю, смерть твоя была быстрой, полковник Трас. Покапризначай, милый Худ, выплюнь ублюдка обратно. Я его снова убью для тебя, и — отвернись, Королева! — я уж торопиться не стану.

Скрипач сполз на животе вниз по каменистой осыпи и неосторожно оцарапал костяшки пальцев, которыми сжимал заряженный арбалет. Этот ублюдок Слуга небось уже переваривается в дужине желудков. Или голову его насадили на пику, только уши оставили, на поясе у кого-то болтаются.

Всех умений Икария и Маппо едва хватало на то, чтобы сохранить всем жизнь. Несмотря на свою ярость, Вихрь уже не был безлюдной бурей, катившейся по мёртвой земле. След Слуги вёл отряд в сердце кровавого хаоса.

Ещё одна сулица вылетела из-за вертевшейся охряной завесы и с треском покатила по земле в десяти шагах от того места, где залёг сапёр. Гнев твоей богини слепит тебя так же, как и нас, идиот!

Они оказались в холмах, кишевших пустынными воинами Ша'ик. Было что-то роковое в этом случайном схождении обстоятельств. Вот уж воистину Схождение. Последователи ищут женщину, за которой поклялись следовать. Не повезло только, что здесь же пролегает и другой Путь.

Вдали за гортанным воем ветра послышались крики. Ого, в холмах этих полно зверей. И злобных притом. За последний час Икарий трижды вёл их в обход одиночника или д'иверса. В этом чувствовалось какое-то взаимное согласие — оборотни тоже не хотели связываться с яггом. А вот с фанатиками Ша'ик... ну, сами напросились. Нам же лучше.

Но всё равно, по прикидкам Скрипача, шансов на то, что Слуга жив, оставалось крайне мало. Он волновался за Апсалар и с некоторым удивлением понял, что надеется: доставшихся от бога умений ей достанет.

Впереди и внизу показались двое пустынных воинов в кожаной броне — оба с панической поспешностью улепётывали вниз по склону.

Скрипач прошипел ругательство. Он прикрывал фланг отряда с этой стороны — если они проскользнули мимо него...

Сапёр поднял арбалет.

Чёрные плащи опустились на обоих воинов. Те закричали. Плащи кишели движением, ползали. Пауки — такие крупные, что каждого можно было разглядеть даже отсюда. У Скрипача мурашки побежали по коже. Мётлы надо было брать с собой, ребята.

Сапёр выбрался из расселины, в которую залёт, свернул направо и двинулся вдоль склона. И если я быстро не вернусь под крыло Икария, горько пожалею, что сам не взял метлу.

Крики воинов оборвались, то ли Скрипач уже достаточно далеко отошёл, то ли прекратились их мучения — он надеялся на последнее. Прямо впереди высилась гряда, по которой до сих пор шёл след Апсалар и её отца.

Пока Скрипач карабкался наверх, ветер несколько раз чуть не сбил его с ног. Взобравшись, он сразу увидел остальных — не более чем в десяти шагах впереди. Все трое склонились над неподвижной фигурой.

Скрипач похолодел. Ох, Худ, только бы это был кто-то чужой...

Незнакомец. Молодой человек, кожа слишком бледная, чтобы заподозрить в нём одного из воинов Ша'ик. Горло перерезано так, что в глубине раны виднеется плоская внутренняя сторона позвоночника. Крови нет.

Когда Скрипач неторопливо присел на корточки рядом, Маппо поднял глаза на сапёра.

— Одиночник, как нам кажется, — сообщил он.

— Это работа Апсалар, — сказал Скрипач. — Видишь, как голову потянули вперёд и вниз, так что подбородок стал упором для клинка — я такое уже видел раньше...

— Значит, она жива, — проговорил Крокус.

— Как я и говорил, — проворчал Икарий. — И её отец тоже.

Вот и хорошо. Скрипач выпрямился.

— Крови нет, — заметил он. — Есть мысли, как давно его убили?

— Не больше часа назад, — сказал Маппо. — Что до крови... — Он пожал плечами. — Вихрь — богиня кровожадная.

Сапёр кивнул.

— Я, наверное, теперь буду держаться поближе, если вы не против — не думаю, что нам стоит опасаться воинов Ша'ик — считайте, это я нутром чую.

Маппо кивнул.

— Сейчас мы сами идём по Тропе Ладоней.

И зачем же, хотел бы я знать?

Отряд двинулся дальше. Скрипач размышлял о тех воинах пустыни, которых полдюжины раз видел за последние двенадцать часов. Отчаянные люди, не поспоришь. Рараку была сердцем Апокалипсиса, но восстание обезглавлено, уже некоторое время лишено лидера. Что происходит за кольцом холмов Священной пустыни?

Анархия, я бы сказал. Бойня и безумие. Ледяные сердца и милосердие холодной стали. Даже если поддерживается иллюзия присутствия Ша'ик — её офицеры отдают приказы, — она не повела свою армию в бой, чтобы сделать её естественным магнитом для бунтовщиков. Некрасиво получается — восстание провозгласила, а сама не пришла, чтобы его возглавить...

У Апсалар будет много забот, если она примет эту роль. Умения убийцы помогут ей сохранить жизнь, но никак не придадут того неосязаемого магнетизма, который нужен, чтобы вести армию. Командовать армией довольно просто — на это работают сами её традиционные структуры, как доказали практически некомпетентные Кулаки Малазанской империи, а вот вести её — совсем другое дело.

Скрипач знал всего нескольких людей, обладавших таким магнетизмом. Дассем Ультор, князь К'азз Д'Авор из Багровой гвардии, Каладан Бруд и Дуджек Однорукий. Рваная Снасть, если бы захотела. Наверное, сама Ша'ик. И Скворец.

Какой бы привлекательной ни была Апсалар, сапёр не видел в ней такой силы личности. Умение — несомненно. Спокойная уверенность — да. Но девочка явно предпочитает наблюдать, а не вмешиваться — по крайней мере, до тех пор, пока не настанет пора обнажить шип. Убийцы не учатся искусству убеждения — зачем им? Ей понадобятся под рукой верные люди...

Скрипач сам на себя разозлился. Он уже принял за данность, что девочка согласится с ролью, связанной центральной нитью в сотканном богиней полотне. А вот и мы, пробиваемся через Вихрь... только чтобы явиться в последний миг и увидеть предсказанное перерождение.

Щурясь от летящего в глаза песка, сапёр покосился на Крокуса. Юноша шагал в полдюжине шагов впереди, на шаг позади Икария. Даже в позе — молодой вор низко склонился против шквального ветра — сквозило что-то хрупкое, тревожное. Она ему ничего не сказала перед уходом — отмахнулась от него и его беспокойства так же легко, как и от всех остальных. Прыщ предложил ей отца, чтобы подсластить договор. Но для начала отправил его сюда. Выходит, старик добровольно играет эту роль, стал соучастником. Будь я на

месте этой девочки, у меня бы возникло несколько тяжёлых вопросов к папаше...

Со всех сторон завывал Вихрь, и в его рёве сапёру слышался хохот.

Синюшное пятно имело форму двери, а высотой было примерно в два человеческих роста. Жемчуг расхаживал перед ним туда-сюда и что-то бормотал себе под нос, а Лостара Йил наблюдала за ним с усталым равнодушием.

Наконец Коготь обернулся, словно вспомнил о её присутствии.

— Осложнения, дорогая моя. Я... разрываюсь.

Воительница Красных Клинков посмотрела на портал.

— Убийца покинул Путь? Эти врата не похожи на предыдущие...

Коготь вытер со лба пепел, так что по коже прошла грязная полоса.

— Ах нет! Это всего лишь... небольшое изменение маршрута. Я ведь последний живой агент, в конце концов. Императрица терпеть не может бездельников... — Он криво усмехнулся, затем пожал плечами. — Увы, беспокоит меня не только это. За нами следят.

От этих слов она похолодела.

— Нужно быстро вернуться. Устроить засаду...

Жемчуг ухмыльнулся и взмахнул рукой.

— Милости прошу — подбери нам подходящее для засады место.

Лостара огляделась по сторонам. Плоская равнина до самого горизонта во всех направлениях.

— А как насчёт холмиков, которые мы недавно проезжали?

— Забудь о них, — буркнул Коготь. — Охотник выжидает на безопасном расстоянии и не приближается.

— Тогда — яма...

— Машины для измерения бесполезны. Не думаю, дорогая моя. Боюсь, пока что нам лучше не обращать внимания на того, кто идёт за нами...

— А если это Калам?

— Это не он. Благодаря тебе, мы его не упускаем из виду. Мысли нашего убийцы блуждают, и как следствие — блуждает по Пути он сам. Постыдный недостаток дисциплины для такого значительного человека. Вынужден признать, я в нём разочарован. — Жемчуг обернулся к portalу. — В любом

случае, мы уже довольно сильно отклонились от маршрута. Нужна некоторая помощь — это недолго, позволь тебя заверить. Императрица согласна с тем, что путешествие Калама предполагает... некоторый личный риск для неё, а значит, становится делом первостепенной важности. Тем не менее...

Коготь снял свой короткий плащ и аккуратно сложил его, прежде чем опустить на землю. На груди у Жемчуга красовалась перевязь с метательными звёздочками. Из-под левой руки торчали рукояти двух кинжалов. Коготь привычно проверил оружие.

— Мне ждать здесь?

— Как пожелаешь. Не могу гарантировать тебе безопасность, если пойдёшь со мной. Мне предстоит схватка.

— Враг?

— Последователи Вихря.

Лостара Йил обнажила свой тальвар.

Жемчуг ухмыльнулся, словно ожидал именно такой реакции.

— Когда выйдем — там будет ночь. Густой туман. Наши враги — семаки и титтанцы, союзники...

— Союзники? Схватка уже идёт?

— О да! Виканцы и морпехи Седьмой армии.

Лостара оскалила зубы.

— Колтейн.

Ухмылка Жемчуга стала шире, он натянул пару тонких кожаных перчаток.

— Весьма желательно, — добавил он, — чтобы нас никто не увидел.

— Почему?

— Если помощь пришла один раз, они будут ждать её всегда. Риск притупит остроту Колтейна, а клянусь Скрытыми, виканцам в грядущие недели эта острота понадобится.

— Я готова.

— Ещё кое-что, — протянул Коготь. — Там демон-семак. Держись от него подальше, ибо нам практически ничего не известно о его силах, а известное предполагает, что у него ужасный... характер.

— Буду держаться за тобой, — сказала Лостара.

— Гм-м, тогда, как выйдем, поворачивай налево. Я пойду направо.

Непристойно явиться — и тут же попасть под копыта.

Портал вспыхнул. Жемчуг молниеносным движением скользнул вперёд и исчез. Лостара пришпорила своего скакуна. Лошадь прыгнула в портал...

...и её копыта ударили по твёрдой земле. Вокруг бешено вихрился туман, тьма наполнилась криками и звуками взрывов. Лостара тотчас потеряла из виду Жемчуга, но это её мало беспокоило, поскольку в зону видимости ввалились четыре пеших титтанца.

Их потрепала шрапнель, и воины были не готовы к тому, что на них обрушится, размахивая тальваром, Лостара Йил. Враги бросились врассыпную, но раны лишили их спасительной скорости. В первом же натиске клинок Лостары уложил двоих. Она развернула кобылу, чтобы снова атаковать.

Двое оставшихся воинов исчезли, туман сомкнулся, словно медленно колыхавшееся одеяло. Шум слева заставил её вновь развернуть лошадь – как раз вовремя, чтобы увидеть пробегающего мимо Жемчуга. Он развернулся на бегу и послал себе за спину блеснувшую звёздочку.

Огромный дикарь, который вынырнул из тумана вслед за Когтем, резко запрокинул голову – звёздочка глубоко вошла ему в лоб. Однако это не остановило чудовище.

Лостара зарычала, выпустила тальвар, который повис на петле, обёрнутой вокруг запястья, и вытащила арбалет.

Стрела пошла низко и вонзилась в тело под грудиной, точно над странными кожаными ремнями, которые прикрывали живот врага. Но выстрел оказал на великана куда больший эффект, чем звёздочка Жемчуга. Семак замычал и упал, а Лостара потрясённо заметила, что его рот и ноздри зашиты. Он не дышит! Это наш демон!

Семак поднялся, вытянул перед собой руки. Сила, которая хлынула из них, была невидима, но Жемчуга и Лостару отбросило назад так, что оба закувыркались в воздухе. Лошадь жалобно ржала в предсмертной агонии среди хруста ломающихся костей.

Лостара упала на правое бедро, кость отозвалась во всём теле треснувшим колоколом. Волны боли когтями впились в ногу. Мочевой пузырь выпустил наружу содержимое, заливая бельё горячим потоком.

Рядом с ней на землю опустились ноги в мокасинах. В её ладонь вложили рукоять кинжала.

– Покончишь с собой, когда меня не станет! Вот он!

Стиснув зубы, Лостара Йил перевернулась.

Демон-семак был уже в десяти шагах от них – огромный, неудержимый. Жемчуг пригнулся между ними, сжимая кинжалы, с которых капал красный огонь. Лостара поняла, что он уже считает себя мертвецом.

Создание, которое внезапно появилось слева от демона, было кошмарным. Чёрное, трёхногое, выпяченная лопатка клубуком висит за длинной шеей,

ухмыляющаяся пасть, полная острых клыков, единственный чёрный глаз влажно поблёскивает.

Ещё страшнее выглядела человекообразная фигура, которая сидела у него на спине: лицо – чудовищная пародия на морду жуткой твари, губы приподнялись, открывая ряд кинжальных клинков длиной с пальчик младенца, единственное око сверкает.

Чудовище врезалось в семака, словно сорвавшаяся со склона боевая колесница. Единственная передняя лапа вытянулась вперёд, ударила в живот демона, а затем отдернулась так, что во все стороны брызнули внутренности. В когтях чёрная тварь сжимала нечто, от чего во все стороны расходились ощутимые волны ярости. Воздух стал ледяным.

Жемчуг отступал, пока не споткнулся о Лостару, затем опустил руку, не отрывая взгляда от чудовищ, и ухватил её за перевязь.

Тело семака будто сложилось вдвое, он зашатался и отступил. Чудовище попятилось, продолжая сжимать влажный кусок плоти.

Всадник потянулся к нему, но тварь зашипела и вывернула лапу так, чтобы он не достал. Затем швырнула ужасный предмет куда-то в туман.

Семак заковылял вслед за ним.

Вытянутая голова чудовища с жуткой ухмылкой обернулась к Лостаре и Жемчугу.

– Спасибо, – прошептал Жемчуг.

Вокруг Когтя и Лостары вспыхнул портал.

Лостара заморгала, глядя в сумрачное, пепельное небо. Все звуки исчезли, осталось только их дыхание. Спаслись. В следующий миг бесчувствие укрыло её, словно саван.

Глава тринадцатая

В полном соответствии с характером своих хозяев, виканская пастушья собака – порода жестокая и непредсказуемая, небольшая, но сильная, однако более всего она славится своим упрямством и волей.

Илем Траут. Жизнь покорённых

Когда Дукер вошёл в проход между большими, просторными шатрами, впереди раздались громкие крики. В следующий миг перед ним возник виканский пёс — низко склонив голову, этот стук мускулов мчался прямо на историка.

Дукер неуклюже схватился за меч, понимая: слишком поздно. В последний момент огромный зверь ловко проскочил мимо историка, и тот увидел, что пёс держит в зубах маленькую комнатную собачку — в её глазах плескался ужас.

Пёс побежал дальше, проскользнул между шатрами и скрылся из виду.

Впереди появились люди, вооружённые большими камнями и — как ни странно — канскими зонтиками. Все они были разряжены так, словно собирались на императорский приём, хотя в лицах Дукер прочёл лишь ярость.

— Эй, старик! — повелительно закричал один из них. — Ты не видел здорового пса?

— Да, пробегал тут один, — тихо ответил историк.

— С бесценным хэнским тараканоловом в зубах?

Собака, которая ест тараканов?!

— Бесценным? Да, пожалуй, цена ему теперь медяк.

Аристократы поутихли, все посмотрели на Дукера.

— Дурное время для шуток, старик, — зарычал предводитель. Он был моложе остальных, медвяная кожа и большие глаза выдавали в нём квон-талиец. Аристократ был строен, двигался с уверенностью дуэлянта, о том же свидетельствовала и рапира с гардой-чашкой у пояса. Более того, что-то в глазах этого человека говорило Дукеру, что он любит убивать.

Аристократ подошёл, его походка стала развязной.

— Проси прощения, мужлан. Я его дарю, но от порки тебя это не спасёт, впрочем — останешься жив...

Сзади галопом подлетел всадник.

Дукер заметил, как глаза дуэлянта метнулись куда-то к нему за плечо.

Капрал Лист натянул поводья, не обращая на аристократа никакого внимания.

— Прошу прощения, сэра, — сказал он. — Меня задержали в кузнице. Где ваша лошадь?

— С главным табуном, — ответил Дукер. — День отдыха для несчастной скотины — она его уже очень давно заслужила.

Для молодого человека невысокого чина Лист отлично изобразил холодное презрение, когда наконец удосужился взглянуть на аристократа.

— Если мы опоздаем, сэр, — сказал он Дукеру, — Колтейн потребует объяснений.

Историк обратился к аристократу:

— Это всё?

Тот коротко кивнул.

— Пока что, — процедил дуэлянт.

В сопровождении капрала Дукер продолжил путь по лагерю знати. Когда они прошли около дюжины шагов, Лист склонился в седле.

— Алар, похоже, был готов тебя вызвать, историк.

— Так он известен? Алар..

— Пуллик Алар..

— Да, не повезло ему.

Лист ухмыльнулся.

Они оказались на центральной площадке и увидели, что там идёт показательная порка. Толстый коротышка, который сжимал в опухшей от жары руке кожаную «кошку-девятихвостку», оказался старым знакомым. Жертвой был один из слуг. Ещё трое слуг стояли рядом и отводили глаза. Поодаль несколько аристократов столпились вокруг рыдающей женщины и бормотали слова утешения.

Вышитый золотом плащ Ленестро потерял прежний блеск, а сам он — раскрасневшийся от ярости, с плёткой в руках — казался бешеной обезьяной из «Зеркала короля», традиционного фарса, который играли на сельских ярмарках.

— Кажется, знать радуется возвращению своих слуг, — сухо заметил Лист.

— Думаю, это связано с украденной собачкой, — пробормотал историк. — В любом случае, этому пора положить конец.

Капрал покосился на Дукера.

— Он просто продолжит, когда мы уйдём, сэр.

Историк промолчал.

— Да и кому бы пришло в голову красть собачку? — рассуждал Лист, шагая вместе с Дукером к Ленестро.

— Да кому угодно! У нас есть вода, но голод рядом. Тем не менее один из виканских псов додумался до этого первым — как бы постыдно для нас это ни звучало.

— Я бы сослался на занятость, сэр.

Ленестро заметил новоприбывших и остановился; дышал он тяжело, как кузнечные мехи.

Не обращая внимания на аристократа, Дукер подошёл к слуге. Старик стоял на четвереньках, прикрывая руками голову. Красные рубцы украшали его пальцы, шею и всю костлявую спину. Под ними виднелись следы более старых шрамов. В пыли рядом с несчастным валялся украшенный драгоценными камнями, сломанный ошейник с поводком.

— Не твоё дело, историк, — буркнул Ленестро.

— Эти слуги выстояли под напором титтанцев у Секалы, — произнёс Дукер. — Они помогли сохранить твою голову на плечах, Ленестро.

— Колтейн украл собственность! — завизжал аристократ. — Так постановил Совет! Был назначен штраф!

— Назначен, — подтвердил Лист, — и использован по назначению у выгребной ямы.

Ленестро развернулся к капралу и занёс плётку.

— Предупреждаю, — сказал Дукер, выпрямляясь. — Ударишь солдата Седьмой — или его лошадь, — тебя повесят.

Ленестро явно пытался совладать с яростью, поднятая рука дрожала.

Вокруг собирались другие, они явно сочувствовали Ленестро. Тем не менее историк не думал, что дело дойдёт до насилия. У аристократов, конечно, сидели в голове бредовые представления о мире, но самоубийцами они точно не были.

Дукер сказал:

— Капрал, мы заберём этого человека к целителям Седьмой.

— Так точно, — ответил Лист и быстро спешил.

Слуга потерял сознание. Вместе они подтащили его к лошади и уложили спиной вверх поперёк седла.

— Его следует вернуть мне, как только целители закончат, — заявил Ленестро.

— Чтобы ты его снова избил? Нет, он к тебе не вернётся.

А если тебя и твоих дружков это возмущает, погодите часок — увидите.

— Все нарушения малазанского закона не останутся незамеченными, — завизжал толстяк. — За всё заплатите! С процентами!

Дукер не выдержал. Он резко шагнул вплотную к Ленестро, схватил его обеими руками за ворот плаща и встряхнул так, что щёлкнули зубы. Плётка упала на землю. Глаза аристократа наполнились ужасом – точно как у собачки, которая болталась в зубах у пса.

– Ты, наверное, думаешь, – прошептал Дукер, – что я сейчас начну тебе рассказывать о том, в каком положении мы все находимся. Но совершенно очевидно, что это бесполезно. Ты – безмозглый отморозок, Ленестро. Ещё раз меня доведёшь, будешь свиной навоз жрать и радоваться.

Историк ещё раз встряхнул жалкую тварь и отпустил.

Ленестро упал.

Дукер хмуро посмотрел на лежащее тело.

– Он сознание потерял, сэр, – сообщил Лист.

– Это точно.

Старика, значит, испугался?

– Ну, зачем же так? – жалобно проговорил знакомый голос. Из толпы вынырнул Нэттпара. – Наша очередная петиция и так уже разрослась, а теперь к списку жалоб добавится ещё и личное оскорбление. Как тебе не стыдно, историк...

– Прошу прощения, сэр, – вмешался Лист, – но вам лучше знать – прежде чем вы продолжите бранить историка, – что этот человек поздно встал на учёную стезю. Вы найдёте его имя среди Отмеченных на Колонне Первой армии в Унте. И если бы вы чуть раньше подоспели сюда, увидели бы, каков нрав у старого солдата. Поверьте, только высочайшая выдержка позволила историку взяться обеими руками за плащ Ленестро, а не обнажить свой верный меч и проткнуть мерзавца насквозь.

Нэттпара сморгнул заливавший глаза пот.

Дукер медленно повернулся к Листу.

Капрал заметил смятение на лице историка и подмигнул ему.

– Нам лучше поспешить, сэр, – сказал он.

Толпа на площадке сохраняла гробовое молчание и взорвалась, только когда оба скрылись в проходе между шатрами.

Лист шагал рядом с историком и вёл свою лошадь в поводу.

– Всё-таки меня поражает, как они упорствуют – верят, что мы переживём этот поход.

Дукер удивлённо посмотрел через плечо.

– А в тебе нет такой веры, капрал?

— Нам не дойти до Арэна, историк. А эти дураки пишут петиции, жалобы — на тех самых людей, которые спасают им жизнь.

— Очень нужно поддерживать иллюзию порядка, Лист. Во всех нас.

Юноша насмешливо скривился.

— Не заметил, как вы там проявляли сочувствие, сэр.

— Само собой.

Они покинули лагерь знати и вошли в хаос тропок между повозками с ранеными. Голоса вокруг сливались в немолчном хоре боли. Дукер похолодел. Даже походный госпиталь — на колёсах — нёс в себе глубокое чувство страха, вопли отчаянной борьбы за жизнь и молчание смирения, поражения. Многочисленные утешительные покровы жизни здесь были сорваны, а под ними — раздробленные кости, внезапное осознание смерти, пульсирующее, как обнажённый нерв.

Эти понимание и откровение создавали посреди прерии такую густую атмосферу, о какой жрецы могли только мечтать в своих храмах. Страх божий — это страх смерти. Там, где люди умирают, боги уже не стоят между ними и смертью. Там заканчивается благословенное заступничество. Они отступают назад, во врата, и ждут с другой стороны. Смотрят и ждут.

— Нужно было другой дорогой идти, — пробормотал Лист.

— Даже если бы у нас не было раненого на лошади, капрал, — заметил Дукер, — я бы настоял, чтобы мы прошли здесь.

— Я уже выучил этот урок, — напряжённым голосом ответил Лист.

— Судя по сказанному сегодня, я бы предположил, что урок, который ты выучил, отличается от моего, парень.

— Это место тебя бодрит, историк?

— Делает сильнее, капрал, хоть это и холодная сила, признаю. Забудь об играх Взшедших. Вот что мы есть. Бесконечная борьба без прикрас. Исчезают идиллия, обман собственной важности, ложная скромность собственной незначительности. Даже когда мы сражаемся в глубоко личных битвах, мы едины. Здесь все равны, капрал. Это урок, и мне кажется, не случайно безумной толпе в золоте и бархате приходится идти вслед за этими повозками.

— Однако немного же этих кровоточащих откровений запятнали умы знати.

— Да ну? Я в них почувствовал отчаяние, капрал.

Лист заметил целительницу, и они передали слугу в окровавленные руки женщины.

Солнце коснулось горизонта прямо перед ними, когда Дукер и Лист добрались до главного лагеря Седьмой. Лёгкий дымок от горящих кизяков позолоченной вуалью висел над строгими рядами палаток. Рядом два взвода взялись тягаться в поясок, используя вместо мяча кожаный подшлемник. Вокруг столпились крикливые болельщики. В воздухе звенел смех.

Дукер припомнил слова старого морпеха, которые слышал ещё в солдатские дни. «Иногда нужно просто ухмыльнуться и плюнуть Худу в рожу». Солдаты сейчас делали именно это, выкладывались в пику собственной усталости, прекрасно зная, что издали на них смотрят титтанцы.

До реки П'аты оставался день пути, и закат полнился обещанием грядущей битвы.

У входа в командный шатёр Колтейна стояли на страже два морпеха Седьмой, и одного из стражей Дукер сразу узнал.

Женщина кивнула.

— Историк.

Было во взгляде её бесцветных глаз что-то такое — словно невидимая рука прижалась к груди, — и Дукер вдруг онемел, смог только улыбнуться.

Как только они оказались внутри, за пологом шатра, Лист пробормотал:

— Ай да историк!

— Ни слова, капрал, — буркнул Дукер, но не обернулся, чтобы суровым взглядом пронзить ухмылявшегося Листа, несмотря на сильное желание. Дожил вот до того возраста, когда уже глупо болтать о страстях с соратником вдвое себя моложе. Даже во сне я ему в соперники не стоюсь. К тому же в этом её взгляде наверняка было больше жалости, чем чего другого, что бы там мне ни нашёптывало сердце. Не забивай себе голову глупостями, старик.

Колтейн стоял у центральной опоры шатра, выглядел он мрачно. Появление Дукера и Листа прервало разговор. Бальт и капитан Сон с одинаково хмурыми лицами сидели рядом на седельных стульях. Сормо стоял, закутавшись в шкуру антилопы, у дальней стенки шатра, его глаза скрывала тень. Атмосфера была напряжённая и давящая.

Бальт откашлялся.

— Сормо нам рассказывал про семакского божка, — сообщил он. — Духи говорят, кто-то его ранил. Сильно. В ночь нашего налёта на землю вышел демон. И ступал он легко, как я понимаю, так что след не просто унюхать. В общем, демон явился, отдубасил семака и ушёл. Похоже, историк, у Когтя был могучий спутник.

— Имперский демон?

Бальт пожал плечами и перевёл невыразительный взгляд на Сормо.

Колдун, похожий на чёрную ворону на заборе, чуть шевельнулся.

— Бывали такие прецеденты, — признал он. — Но Нихил считает иначе.

— Почему? — спросил Дукер.

Прежде чем ответить, Сормо долго молчал.

— Когда Нихил ушёл в себя той ночью.. нет, точнее, он считал, что укрылся в собственном сознании от чародейства семака... — Было ясно, что колдуну трудно подобрать слова. — Таннойские Духовидцы этой земли, как говорят, могут странствовать по скрытому миру — не истинному Пути, но пространству, где души свободны от плоти и костей. Похоже, Нихил случайно попал в такое место, а там столкнулся лицом к лицу с... кем-то другим. Поначалу он подумал, что это было лишь одно из воплощений его самого, чудовищное отражение...

— Чудовищное? — переспросил Дукер.

— Мальчик того же возраста, что и Нихил, но с лицом демона. Нихил считает, что он связан с чудовищем, которое напало на семака. У имперских демонов редко встречаются люди-прислужники.

— Так кто же послал его?

— Возможно, никто.

Теперь понятно, почему Колтейн встопорщил свои чёрные перья.

Через несколько минут Бальт громко вздохнул и вытянул вперёд кривые ноги.

— Камист Релой приготовил нам встречу на другом берегу П'аты. А мы не можем его обойти. Поэтому придётся идти напролом.

— Ты поскачешь с морпехами, — сообщил Дукеру Колтейн.

Историк покосился на капитана Сна. Рыжебородый солдат ухмыльнулся.

— Похоже, ты заслужил место среди лучших из лучших, дед.

— Худов дух! Я пяти минут не протяну в боевом строю. У меня чуть сердце не разорвалось после схватки, которая длилась едва ли три вдоха...

— А мы и не будем на передовой, — сказал Сон. — Слишком нас мало осталось. Если всёйдёт по плану, не придётся даже мечи тупить.

— Ладно, как скажешь. — Дукер обернулся к Колтейну. — Возвращать слуг знати было ошибкой, — заявил он. — Похоже, аристократы решили, что ты их не заберёшь обратно, если они не смогут стоять на ногах.

Бальт сказал:

— Эти слуги себя хорошо показали на Секальской переправе. Они только щиты держали, конечно, но удержали.

— Дядя, у тебя ещё остался их свиток с требованием компенсации? — спросил Колтейн.

— Да.

— И эта компенсация была рассчитана, исходя из стоимости каждого слуги в деньгах?

Бальт кивнул.

— Собери слуг и заплати за них полную цену. Золотыми джакатами.

— Да, однако столько золота тяжеловато будет нести аристократам.

— Лучше им, чем нам.

Сон откашлялся.

— Деньги-то пойдут из солдатского жалованья, да?

— Империя всегда платит по счетам, — прорычал Колтейн.

В этом заявлении прозвучал отзвук будущих событий, и наступившее молчание подсказало Дукеру, что не только он это понял.

Лик луны затмили полчища накидочников. Дукер сидел у тускло мерцающих в золе углей костра. Нервное возбуждение подняло историка с походного одеяла. Вокруг спал лагерь — словно измождённый город. Даже животные притихли.

В тёмном воздухе над кострищем мелькали ризаны, выхватывая в полёте насекомых. Тихий хруст панцирей не прерывался ни на миг.

Рядом с Дукером возникла тёмная фигура, молча присела на корточки.

Через некоторое время Дукер сказал:

— Кулак должен иногда отдыхать.

Колтейн тихо фыркнул.

— А историк?

— Никогда не дремлет.

— В отдыхе нам сейчас отказано, — сказал Колтейн.

— А бывало иначе?

— Историк, ты шутишь как виканец.

— Научился отсутствию чувства юмора у Бальта.

— Это ясно как день.

Некоторое время оба молчали. Дукер не осмелился бы утверждать, что знает этого человека. Если Кулака терзали сомнения, он ничем того не показывал, да и не показал бы. Командир не может выказывать слабость. Однако Колтейну такую выдержку диктовало не только положение. Сам Бальт иногда ворчал, что его племянник отгораживается от других куда больше, чем предполагает даже знаменитый виканский стоицизм.

Колтейн никогда не обращался с речами к воинам, и хотя солдаты часто его видели, Кулак не делал из этого события, как другие полководцы. Но теперь эти солдаты были преданы ему так, словно любое их сомнение Кулак способен был раз и навсегда изгнать из их душ.

Что будет в тот день, когда эта вера рухнет? Что, если от этого момента нас отделяют считанные часы?

— Враг выслеживает наших разведчиков, — сказал Колтейн. — Мы не видим, что для нас приготовлено в долине реки.

— А союзники Сормо?

— Духи заняты.

Ага, семакский божок.

— Кан'эльды, дебральцы, титтанцы, семаки, Карон-Тепаси, Халаф, Убарид, Хиссар, Сиалк и Гуран.

Четыре племени. И шесть городских легионов. Неужели я слышу в этом голосе сомнение?

Кулак сплюнул на угли.

— В долине нас ждёт одна из двух армий, которые держат юг.

Откуда он это знает, Худ бы меня побрал?!

— Значит, Ша'ик вышла из Рараку?

— Нет. Это её ошибка.

— Что её удерживает? Восстание на севере подавлено?

— Подавлено? Нет, они там захватили всё. Что до Ша'ик... — Колтейн примолк, чтобы расправить свой плащ из перьев. — Быть может, видения открыли ей будущее. Быть может, она знает, что Вихрь падёт, что уже сейчас адъюнкт Императрицы собирает легионы — в гавани Унты теснятся грузовые корабли. Успехи Вихря окажутся недолгими, первая кровь принесла победу лишь из-за слабости имперцев. Ша'ик знает... дракон пробудился, движется он ещё тяжеломерно, но когда придёт час гнева, он испепелит эту землю от моря до моря.

— А вторая армия на юге... как далеко она от нас?

Колтейн выпрямился.

— Я собираюсь дойти до Ватара, опередив её на два дня.

Он получил вести о том, что Убарид пал, как и Деврал, и Асмар. Ватар — третья и последняя река. Если переправимся через Ватар, откроется прямая дорога на юг, в Арэн — через самую гибельную пустыню на этом Худом проклятом континенте.

— Кулак, до реки Ватар ещё месяцы пути. Что завтра?

Колтейн оторвал взгляд от углей и удивлённо взглянул на историка.

— Завтра мы разобьём армию Камиста Релоя, разумеется. Чтобы преуспеть, нужно планировать далеко вперёд, историк. Ты-то должен это понимать.

Кулак пошёл прочь.

Дукер смотрел на умирающий костёр и чувствовал на языке горький привкус. Это вкус страха, старик. Нет у тебя непробиваемой брони Колтейна. Ты не можешь увидеть ничего, кроме ближайших нескольких часов, ждёшь рассвета и думаешь, что он станет для тебя последним, а значит, нельзя его пропустить. Колтейн требует невозможного, требует, чтобы мы разделяли его непоколебимую уверенность. Разделяли его безумие.

На сапог историка приземлился ризан, устроился поудобней, поджав крылья. В зубах крылатый ящер держал молодого накидочника, насекомое продолжало бороться, несмотря на то, что ризан методично его пережёвывал.

Дукер подождал, пока тварь доест, а затем пошевелил ногой, так что ящер рванул в небо. Историк поднялся. Со стойбищ виканцев послышались первые утренние звуки. Дукер отправился к ближайшему лагерю.

Конники клана Дурного Пса собрались, чтобы приготовить оружие и доспехи в свете вкопанных в землю факелов. Дукер подошёл ближе. Он увидел украшенную броню из вываренной кожи, расцвеченной в тёмные, глухие оттенки красного и зелёного. Толстые, подбитые тканью доспехи были историком незнакомы. На коже были выжжены виканские руны. Броня казалась старой, но никогда не бывавшей в бою.

Дукер подошёл к ближайшему воину, розовощёкому юноше, который втирал топлёное сало в кожаный щиток на лошадиной сбруе.

— Тяжёлые доспехи для виканцев, — заметил историк. — И для виканских коней тоже.

Юноша спокойно кивнул, но ничего не сказал.

— Вы из себя делаете тяжёлую кавалерию.

Тот пожал плечами.

Рядом заговорил воин постарше.

— Вождь приказал изготовить их во время восстания... а потом вышел мир с Императором. Не успели использовать.

— И с тех пор вы возили доспехи с собой?

— Да.

— Почему же вы не использовали эту броню у Секалы?

— Не нужно было.

— А теперь?

Ухмыляясь, старый воин поднял железный шлем с прилаженным наносником и боковыми щитками.

— Орда Релоя ещё не сталкивалась с тяжёлой кавалерией, так ведь?

Толстой брони мало, чтобы стать тяжёлой кавалерией. Ох, дурни, вы хоть тренировались? Можете идти галопом и сохранять ровный строй? А разворачиваться в строй? А как скоро ваши кони выдохнутся под непривычным весом?

— Выглядеть будете внушительно, — сказал историк.

Виканец уловил в его голосе скептические нотки и заухмылялся ещё шире.

Молодой воин отложил конский доспех и начал затягивать перевязь с мечом. Он выдвинул из ножен клинок, так что показались четыре фута воронёного железа, остриё скруглено и затуплено. Меч казался тяжёлым, слишком большим в руках юноши.

Худов дух, да ты им один раз взмахнёшь — и из седла вылетишь.

Старый воин хмыкнул.

— Разомнись-ка, Темул, — сказал он по-малазански.

Темул немедленно пустился исполнять сложную последовательность ударов и выпадов, так что клинок в его руках превратился в размытое пятно в воздухе.

— Вы собираетесь спешиться, когда доедете до врага?

— Сон бы сильно укрепил твой разум, дед.

Ладно, ублюдок, я тебя понял.

Дукер зашагал прочь. Он всегда ненавидел последние часы перед битвой. Ни один из приготовительных ритуалов ему никогда не помогал. На то, чтобы проверить оружие и снаряжение, у опытного солдата редко уходило больше двадцати ударов сердца. Историк никогда не мог заставить себя бездумно

повторять эти действия снова и снова, как многие другие воины. Занять руки, пока сознание медленно соскальзывает в бритвенно-острый мир насыщенных цветов, болезненной ясности и своего рода чувственного голода, который охватывал тело и душу.

Одни воины готовятся выжить, другие – умереть, и в часы перед тем, как судьбы их решатся, отличить одного от другого очень трудно. Этот парень, Темул, быть может, исполнил свой последний танец. Треклятый меч, возможно, никогда больше не выпрыгнет из ножен и не запоёт в его руке.

Небо на востоке светлело, холодный ветер стал теплее. На небосводе не было ни облачка. На севере летела клином стая птиц, так далеко, что чёрные точки казались почти неподвижными.

Оставив позади стоянку виканцев, Дукер вошёл в стройные ряды палаток лагеря Седьмой. Разные подразделения стояли вместе, и глаз историка легко распознавал их. Средняя пехота, составлявшая основу армии, расположилась ротами, которые разбивались на когорты, а те, в свою очередь, на взводы. Солдаты пойдут в бой с ростовыми бронзовыми щитами, пиками и короткими мечами. Пехотинцы облачились в бронзовые чешуйчатые доспехи, наголенники и рукавицы, а также шлемы, укреплённые железными полосами поверх бронзовых шишаков. Шею и плечи воинов прикрывала кольчужная бармица. Остальная пехота состояла из морпехов и сапёров, первые – тяжёлая пехота и ударная часть в одном лице, изобретение старого Императора, не имеющее аналогов за пределами Империи. Морпехи были вооружены арбалетами, а также короткими и длинными мечами. Доспехами им служила воронёная кольчуга, прикрытая сверху серой кожей. Каждый третий солдат нёс большой круглый щит из толстой, мягкой древесины, которую час до битвы будут вымачивать. Этими щитами морпехи ловили и вырывали из рук врагов оружие – от мечей до кистеней. Их отбросят через несколько минут после начала битвы, и, как правило, каждый щит к тому моменту будет утыкан жутковатым набором режущего и колющего оружия. Такая тактика Седьмой оказалась весьма эффективной против семаков, которые полагались в бою на неуправляемый напор и двуручное оружие. У морпехов это называлось «вырывать зубы».

Сапёры ставили свои палатки чуть в стороне от остальных – так далеко, как только возможно, когда несли с собой морантскую взрывчатку. Дукер никак не мог их высмотреть, но хорошо знал, что искать. Увидишь самую беспорядочную группу палаток, где мерзко воняет и тучей вьются комары да мошкара, значит, нашёл малазанских инженеров. И на этой стоянке найдёшь трясущихся, как лист, солдат с точечными ожогами на лицах, обгорелой шевелюрой и мрачным, лихорадочным блеском в глазах.

Капрал Лист ждал с капитаном Сном на дальнем конце стоянки морпехов, рядом с лагерем верной Хиссарской стражи – воины там готовили свои тальвары и круглые щиты в суровом молчании. Колтейн полностью им доверял, а уроженцы Семи Городов вновь и вновь оправдывали доверие с фанатичной яростью – будто они приняли на себя бремя позора и вины, которое могли сбросить, лишь перебив всех до единого родичей-бунтовщиков.

Когда историк подошёл ближе, капитан Сон улыбнулся.

– Есть у тебя тряпка, чтобы лицо прикрыть? Мы сегодня пыли наглотаемся досыта, дед.

— Мы пойдём в задней части клина, сэр, — чуть разочарованно сообщил Лист.

— Я лучше проглочу пригоршню пыли, чем ярд холодного железа, — заметил Дукер. — Мы уже знаем, с кем будем драться, Сон?

— Для тебя — «капитан».

— Как прекратишь называть меня «дедом», тут же вспомню про твой чин.

— Я шучу, Дукер, — сказал Сон. — Зови меня как хочешь, вплоть до «свинорылого ублюдка», если захочется.

— Неплохая идея.

Сон обиженно скривился.

— Так и не поспал сегодня? — Он обернулся к Листу. — Если старый хрыч начнёт клевать носом, разрешаю тебе приложить его прямо по шлему, капрал.

— Если сам не усну, капитан. Всеобщая радость и оптимизм меня утомляют.

Сон поморщился и взглянул на Дукера.

— А парень-то показывает характер.

— Похоже на то.

На горизонте ярко пылало солнце. Светлокрылые птицы скрылись за пологими холмами на севере. Дукер посмотрел на свои сапоги. Утренняя роса просочилась сквозь изношенную кожу. Носки украшали поблёскивающие узоры из спутанной паутины. Осенняя паутина... хитроумная ловушка. А я просто прошёл мимо и бездумно уничтожил труды всей ночи. Будут ли теперь из-за меня голодать пауки?

— Не стоит заикливаться на том, что будет, — проговорил Сон.

Дукер улыбнулся, посмотрел в небо.

— Какой порядок?

— Морпехи Седьмой — острие копья. По обе стороны от них всадники Вороньего клана — шипы. Дурные Псы — они теперь превратились в Тоггом топтанную тяжёлую кавалерию — подпирают морпехов сзади. За ними — раненые, их со всех сторон прикрывает пехота Седьмой. В хвосте — Хиссарская стража и кавалерия Седьмой.

Дукер не сразу понял, а затем удивлённо моргнул и посмотрел на капитана.

Сон кивнул.

— Беженцы и стада остаются на этой стороне долины, чуть южнее, на плоской полосе земли, которую на карте именуют просто Низиной, а к югу от неё — гряда холмов. Их охраняет клан Куницы. Так безопасней — этот клан стал

мрачным и жёстким после Секалы. Все их всадники до одного себе зубы подпилили, веришь?

— В эту битву мы идём налегке, — проговорил историк.

— Если не считать раненых, да.

Из лагеря пехоты появились капитаны Сульмар и Ченнед. Жестикуляция и выражение лица Сульмара выдавали возмущение и ярость, Ченнед выглядел скорее насмешливым и немного ошарашенным.

— Кровь и кишки! — прошипел Сульмар так, что его намащенные усы встопорщились. — Треклятые сапёры и их Худом деланный капитан на этот раз доигрались!

Ченнед поймал вопросительный взгляд Дукера и покачал головой.

— Колтейн аж побелел, как услышал.

— Что услышал?

— Сапёры сбежали прошлой ночью! — прорычал Сульмар. — Худ побери этих трусов! Полиэль благослови их чумой, всё их безродное потомство пометь своим гнойным поцелуем! Тотт, растопчи их капитана в...

Ченнед поражённо расхохотался.

— Капитан Сульмар! Что бы сказали твои друзья из Совета, если бы услышали такое сквернословие?

— И тебя Огнь пожги, Ченнед! Я в первую голову — солдат, будь ты проклят. Это первая струйка потопа — вот что это...

— Не будет дезертирства, — сказал Сон, поглаживая грубыми пальцами бороду. — Сапёры не сбежали. Сдаётся мне, они что-то задумали. Нелегко управиться с такой немойтой, разудалой братией, если даже капитана не можешь найти, но уж не думаю, что Колтейн повторит эту ошибку.

— У него и возможности не будет, — пробормотал Сульмар. — Первые червяки поползут нам в уши ещё до заката. Дурной пир нас ждёт, помяните мои слова.

Сон приподнял бровь.

— Если лучше подбодрить перед боем ты не умеешь, мне жаль твоих солдат, Сульмар.

— Жалость — для победителей, Сон.

Одинокий рог протрубил свою печальную ноту.

— Ну, началось, — с заметным облегчением сказал Ченнед. — Будете погибать, господа, оставьте и мне кусочек земли.

Дукер смотрел вслед двум уходившим капитанам Седьмой. Этого напутствия он уже очень давно не слышал.

— Отец Ченнеда служил в Первых Мечах у Дассема, — объяснил Сон. — Так говорят, во всяком случае. Даже когда имена исчезают из официальной истории, прошлое показывает своё лицо, верно, дед?

Дукер был не в настроении обмениваться подначками.

— Пора мне снаряжение проверить, — сказал он и отвернулся.

Окончательная расстановка затянулась до полудня. Беженцы чуть было не взбунтовались, когда осознали, что основные силы собираются переправиться без них. Колтейн опять выказал верный расчёт — поставил в охрану беженцам клан Куницы. Эти воины теперь и вправду являли собой жуткое зрелище — щрамированные лица, чёрные татуировки, подпиленные зубы. Хотя всадники Куницы чуть не перегнули палку, бросая кровожадные насмешки в лица тем самым людям, которых поклялись защищать. Наконец относительный порядок был восстановлен, вопреки усилиям обезумевшего от страха Совета знати и неисчерпаемой способности аристократов составлять ноты протеста да письменные жалобы.

Когда основные силы выстроились, Колтейн дал команду выступать.

День выдался обжигающе жарким, от иссушенной земли стали вздыматься тучи пыли, как только трава поникла под копытами коней и сапогами солдат. Слова Сна по поводу пыли оказались печально пророческими. Дукер снова поднял оловянную поясную флягу к губам, чтобы вода хоть немного смочила губы и пересохшую глотку.

Слева от него шагал капрал Лист, лицо его покрывала белая корка, а шлем то и дело сползал на блестящий от пота лоб. Справа от историка маршировала та самая воительница — имени её Дукер не знал и не собирался спрашивать. Страх перед предстоящим растёкся по телу историка, словно зараза. Мысли его лихорадочно вертелись вокруг иррационального ужаса... перед знанием. Перед теми чёрточками, что напоминают нам о человечности. Сплетаясь с лицами, имена, словно две змеи, грозят самыми болезненными укусами. Я никогда не вернусь к Списку Павших, потому что теперь понимаю: безымянный солдат — это дар. Солдат поименованный — мёртвый, расплавленный воск — требует ответа у живых... ответа, который никто не может дать. Имена — не утешение, а требование ответить на безответное. Почему она умерла, а не он? Почему выжившие остаются забытыми — будто прокляты, — а мёртвых чтят и помнят? Почему мы цепляемся за то, что потеряли, и не ценим то, что ещё имеем?

Не называй имён павших, ибо они встали на наше место и будут стоять там — до самой нашей смерти. Пусть я умру бесславно и пусть погибну забытым и неизвестным. Лишь бы никто не мог сказать, что я вошёл в сонм мёртвых, чтобы укорять живых.

Река П'ата рассекала дно пересохшего озера, протянувшееся на две тысячи шагов с востока на запад и более четырёх тысяч — с севера на юг. Когда

авангард добрался до восточной гряды и начал спускаться в долину, перед Дукером открылась панорама будущего поля битвы.

Камист Релой и его армия ждали малазанцев: широкая полоса ярко блестящего под утренним солнцем железа; штандарты городов и племенные вымпелы безжизненно висели над морем островерхих шлемов. Ряды солдат дрожали и покачивались, словно под напором невидимого течения. Число врагов было ужасающим.

Река казалась тонкой, узкой полоской в шести сотнях шагов впереди, в русле виднелись валуны, а берега ошетились колючими кустами. Торговая дорога вела к традиционному месту переправы, а на другой стороне сворачивала на запад к тому, что прежде было пологим склоном. Но сапёры Релоя не сидели без дела: они насыпали земляной вал, подрыли естественный склон с обеих сторон, так что образовался довольно крутой обрыв. К югу от озёрной котловины открывался запутанный лабиринт сухих русел сезонных речушек, батолитов, каменистых осыпей и выступов; на севере возвышалась зубчатая гряда холмов — они белели под солнцем, как кости. Камист Релой позаботился о том, чтобы оставался лишь один выход — на запад, где на вершине выстроились его отборные войска.

— Худов дух! — пробормотал капрал Лист. — Этот ублюдок восстановил Гэлорову гряду, и взгляните на юг, сэръ... Видите столб дыма? Там был гарнизон, в Мельме.

Дукер прищурился и увидел кое-что другое, заметно ближе. На вершине нависавшего над юго-восточным краем озера утёса стояла крепость.

— Что это? — спросил он вслух.

— Монастырь, — ответил Лист. — Так написано на единственной карте, на которой он есть.

— Кого из Взосшедших?

Лист пожал плечами.

— Наверное, одного из Семи Святых.

— Если там кто-то остался, сможет отлично полюбоваться всем происходящим.

Камист Релой расставил силы ниже и по флангам от своих элитных полков так, чтобы заблокировать северный и южный концы долины. На юге виднелись штандарты Силака, Халафа, Дебрала и знамёна титтанцев; на севере — Убарид. Любая из этих трёх армий заметно превосходила числом силы Колтейна. В рядах армии Апокалипсиса зародился рёв, подкреплённый ритмичными ударами оружием о щиты.

Морпехи шли к переправе в молчании. Грохот и крики катились на них, как волна. Седьмая не дрогнула.

О, нижние боги, что же будет?

Река П'ата представляла собой медленный поток тепловатой воды глубиной по щиколотку, в ширину — меньше дюжины шагов. Гальку и камни на дне покрывал слой водорослей. Валуны побольше испещрил белыми пятнами птичий помёт. В воздухе гудели насекомые. Прохладное дыхание реки исчезло, как только Дукер ступил на противоположный берег, раскалённый жар накрыл его, словно плащ.

Пот пропитал стёганный поддоспешник под его кольчугой; грязными ручейками он стекал в рукавицы, на ладони историка. Он покрепче взялся за ремень щита, а другую руку положил на рукоять меча. Во рту вдруг пересохло, но Дукер подавил желание немедленно отхлебнуть из фляги. Воздух наполнился вонью солдат, за которыми он шёл, — запахами пота и страха. Было и другое чувство, будто странная меланхолия сопровождала наступление армии.

Дукер уже испытывал это чувство — много лет назад. Это не предчувствие поражения, не отчаяние. Грусть таилась глубже таких примитивных реакций, она казалась размеренной и более чем осознанной.

Мы идём, чтобы причаститься смерти. И в эти мгновения, прежде чем обнажатся клинки, прежде чем кровь напоит землю, а крики всколыхнут воздух, нас одолевает чувство тщеты. Не будь брони, мы бы все, наверное, плакали. Как иначе ответить на неминуемое обетование неисчислимых потерь?

— Мечи мы сегодня сильно затупим, — проговорил рядом Лист хриплым, ломающимся голосом. — По вашему опыту, сэр, что хуже — пыль или грязь?

Дукер хмыкнул.

— Пыль душит. Пыль ослепляет. Но грязь выдёргивает мир у тебя из-под ног.

И грязи у нас тут скоро будет довольно, когда достаточно крови, жёлчи и мочи прольётся на землю. И будет обоих несчастий поровну, парень.

— Твой первый бой?

Лист скривился.

— Я был приписан к вам, сэр, и не мог участвовать в прежних.

— Так говоришь, будто тебе это обидно.

Капрал промолчал, но Дукер его хорошо понял. Все другие солдаты уже прошли через первую кровь, это было испытание, которого боялись, но и с нетерпением ждали. Воображение нашёптывало обманы, развеять которые мог лишь опыт.

Тем не менее историк предпочёл бы более удалённую точку обзора. Маршируя в рядах солдат, он ничего не видел за телами соратников. Зачем Колтейн поставил меня сюда? Отнял у меня глаза, будь он проклят.

До укреплённого склона оставалось около ста шагов. Всадники пронеслись перед рядами врагов на флангах, чтобы все оставались на местах. Грохот щитов и крики требовали крови, долго их не удержать. Тогда на нас насядут с трёх сторон да ещё захотят отрезать от пехоты Седьмой, которая

попытается защитить раненых. Релой отсечёт змею голову, если только сможет.

По обе стороны от морпехов конники Вороньего клана готовили к бою луки и сулицы, не сводя глаз с позиций врага. Рог протрубил приказ брать на изготовку щиты, передние ряды сомкнулись, а центр и задние подняли свои над головами. На вершине насыпи показались лучники.

Неподвижный воздух был тяжёлым. Ни ветерка.

Наверное, врагов на флангах удержало недоумение. Колтейн вообще никак не отреагировал на расположение и силу противника; Седьмая просто шагала вперёд, а оказавшись под насыпью, без задержек начала на неё подниматься.

Склон был мягким – валуны да песок, осознанно подобранная предательская почва. Солдаты начали оступаться.

Внезапно в воздух взвились стрелы – и градом посыпались вниз. Ужасный рокот прокатился над головой Дукера – стрелы ломались, скользили по поднятым щитам, некоторые пробились вниз, чтобы отскочить от шлемов и доспехов, некоторые – пронзили плоть. Под панцирем черепахи послышались глухие вскрики. Под ногами сыпался мелкий камень. Но строй продолжал неуклонно подниматься вверх.

У историка невольно согнулась рука, когда стрела сильно ударила в щит. За ней последовали ещё три – уже вскользь, стрелы с треском покатались по соседним щитам.

Воздух под щитами стал душным и спёртым – пот, моча и нарастающий гнев. Атака, на которую невозможно ответить, – ночной кошмар всякого солдата. Решимость добраться до вершины, где завывали семаки и тяжёлая пехота Гурана, обжигала, как лихорадка. Дукер понимал, что морпехи выходят из себя. Первое столкновение будет взрывным.

Насыпь с обеих сторон примыкала к холму, крутому и высокому, с широкой плоской вершиной. Воины племени, которое Дукер не мог опознать – Кан'эльд? – начали собираться на перемычках и готовить короткие роговые луки. Будут стрелять в нас с обеих сторон, когда мы сойдёмся с гуранцами и семаками. Вести продольный огонь.

Бальт скакал с конниками Вороньего клана на фланге, историк явственно различал голос старого воина, выкрикивающий команды. Подняв тучу пыли, всадники развернулись и устремились к перемычкам. Полетели стрелы. Кан'эльды не ожидали такой прыти от виканцев и побежали. С насыпи покатались тела. Воины Вороньего клана проехали вдоль рва, осыпая высокие перемычки убийственным огнём. В считанные мгновения на них не осталось живых врагов.

Второй выкрик заставил всадников натянуть поводья, передние были уже всего в дюжине шагов от ошетилившихся рядов семаков и гуранцев. Эта внезапная остановка толкнула вперёд диких семаков. Через разделяющее противников пространство полетели метательные топоры. В ответ засвистели стрелы.

Первые морпехи ринулись вперёд, увидев беспорядок в передних рядах врагов. Всадники Вороньего клана прищипорили коней и высоко поднялись в седлах, чтобы не оказаться между сходящимися пехотинцами и не помешать атаке морпехов. Они успели отойти даже с некоторым запасом времени.

Клин малазанцев вошёл в ближний бой.

Через щит мощь столкновения достигла Дукера отдающимся в костях грохотом. Со своего места он не видел почти ничего, кроме кусочка синего неба над головами других солдат: там в небо взлетели обломок пики и шлем, ремешки которого, кажется, удерживали бородатую голову, затем пыль укрыла всё непроницаемым занавесом.

— Сэр! — Кто-то потянул его за левую руку. — Вам нужно повернуться!

Повернуться? Дукер недоумённо посмотрел на Листа.

Капрал развернул историка кругом.

— Так вам будет видно, сэр...

Оба стояли в предпоследнем ряду строя. Коридор в десять шагов отделял морпехов от облачённых в странные доспехи конников клана Дурного Пса, которые стояли неподвижно, положив тяжёлые мечи поперёк седел. За ними раскинулась долина — со своего места на высокой насыпи историк мог видеть весь ход остальной битвы.

На юге стояли плотными рядами титтанские лучники и поддерживающая их дебральская кавалерия. К востоку от них, справа, маршировала пехота Халафа и рота тяжёлой пехоты Сиалка. Дальше к востоку двигались лучники и ещё один отряд кавалерии. Одна челюсть, а на севере — другая. Теперь они неумолимо смыкаются.

Дукер взглянул на север. Легионы Убариды — не меньше трёх — вместе с кавалерией Сиалка и Карон-Тепаси отделяло от пехоты Седьмой не больше пятидесяти шагов. Среди убарийских штандартов историк заметил чёрно-серые вымпелы. Обученное морпехами местное ополчение, вот так злая шутка.

К востоку от реки кипел яростный бой, насколько можно было судить по густым клубам пыли. Клан Куницы не упустил своего. Историк задумался, кто из сил Камиста Релоя сумел их обойти. Истребление скота и сладостный дар — устроить бойню среди беженцев. Держитесь, Куницы, от нас вы помощи не дождётесь.

Движение солдат вокруг привлекло внимание Дукера к тому, что происходило рядом. Звон оружия и крики на насыпи становились громче, клин постепенно сплющивался о наковальню жёсткого, дисциплинированного отпора. По рядам прокатились первые волны обратного движения.

Три маски войны Тогга. Ещё до заката мы примерим их все. Ужас, ярость и боль. Не взять нам эту насыпь...

Из долины позади послышался низкий рёв. Историк быстро развернулся. Челюсти сомкнулись. Защитные ряды Седьмой вокруг раненых смешались,

извивались, точно окружённый муравьями червяк. Дукер смотрел на эту картину, и в его груди поднималась волна ужаса: он уже ждал, что строй защитников рассыплется, разорвётся под яростью нападавших.

Но Седьмая устояла, хоть это и казалось историку невозможным. Со всех сторон враги откатывались назад, словно челюсти сомкнулись на ядовитых шипах и инстинктивно отдёнулись. Возникла пауза, нутряной холод разделил две стороны – пространство между ними усыпали тела убитых и умирающих, – а затем Седьмая повела себя неожиданно. В тишине, от которой у историка волосы на загривке встали дыбом, малазанские солдаты, опустив пики, устремились вперёд, квадратный строй вывернулся в овал.

Ряды врагов смешались, разрушились от внезапного удара.

Стойте! Слишком далеко! Слишком редкий строй! Стойте!

Овал натянулся, замер, а затем сжался обратно с размеренной точностью, которая казалась почти зловещей – словно Седьмая превратилась в какой-то бездушный механизм. И они сделают это снова. Уже не столь неожиданно, но не менее смертоносно. Будто лёгкое дышит в ритме спокойного сна, снова и снова.

Внимание Дукера привлекло движение среди Дурных Псов. Перед строем появились Нихил и Бездна, которая вела в поводу виканскую кобылу. Животное высоко подняло голову, вздёнуло уши. Рыжеватые бока блестели от пота.

Колдуны замерли по обе стороны кобылы, Бездна отпустила поводья, и оба положили ладони на бока лошади.

В следующий момент Дукер чуть не упал, потому что задние ряды клина двинулись вперёд, вверх по насыпи, будто их потянул туда великанский вдох.

– Готовь ближнее оружие! – рявкнул неподалёку сержант.

Ох, Худов стояк...

– Ну вот оно, – проговорил рядом Лист, голос его звучал как натянутая тетива.

Времени на ответ не осталось, Дукер не успел даже подумать, потому что внезапно они оказались среди врагов. Историк успел разглядеть кусочек картины впереди. Солдат с проклятьем споткнулся, шлем сполз ему на глаза. Выбитый меч взлетел в воздух. Вопящего семака оттаскивают назад за косу, вопль прерывает остриё короткого меча, которое вырывается из его тела чуть ниже грудины вместе со скользкой массой внутренностей. Женщина-морпех резко уворачивается от атаки, обрызгав собственной мочой сапоги. И всюду... три маски Тогга и какофония криков, из глоток вырываются звуки совершенно противоестественные, хлещет кровь, умирают люди – всюду умирают люди.

– Справа!

Дукер узнал голос – его безымянная воительница – и развернулся как раз вовремя, чтобы парировать выпад копьём, его короткий меч скользнул по обитому жостью древку. Историк шагнул вперёд и вогнул клинок в лицо женщине из семаков. Обливаясь кровью, она рухнула на землю, но дикий крик боли, разорвавший воздух, принадлежал историку – душу его будто пронзило насквозь. Дукер отшатнулся и упал бы, если бы не упёрся спиной в крепкий щит. Голос безымянной женщины прозвучал рядом с его ухом:

– Я тебя сегодня так объезжу, что будешь просить пощады, дед!

И вот – странный извив человеческого ума – Дукер окутал себя этими словами, не из похоти, а так, как утопающий хватается за сваю. Он всхлипнул, судорожно вздохнул, оттолкнулся от щита и шагнул вперёд.

Впереди бились первые ряды морпехов, их осталось до ужаса мало, и солдаты отступали шаг за шагом под неумолимым натиском гуранской тяжёлой пехоты. Клинок грозил вот-вот развалиться.

Семаки бесновались в гуще морпехов, исходили дикой, безумной яростью, и задние ряды подтянули именно для того, чтобы справиться с ними.

Задание не заняло много времени: суровая дисциплина много значила против воинов-одиночек, которые даже строй не держали, не прикрывали друг друга и не слышали других голосов, кроме собственных сумасшедших боевых кличей.

Несмотря на облегчение, морпехи начали отступать.

Рог протрубил три быстрые, блеющие ноты: имперский сигнал разойтись в стороны. Дукер ахнул, отглянулся в поисках Листа, но капрала нигде не было видно. Он увидел свою воительницу и, пошатываясь, подошёл к ней.

– Отступление – четыре, был четвёртый сигнал? Я слышал только...

Она оскалилась.

– Три, дед. Разойтись! Ну же!

Женщина двинулась вбок. Сбитый с толку Дукер последовал за ней. Склон стал труднопроходим: пропитанная кровью и жёлчью жидкая грязь поверх неверных камней. Оба добрались до остальных солдат по эту сторону насыпи – южную, – отступили к краю, спустились в узкий ров и остановились по щиколотку в потоке крови.

Гуранская тяжёлая пехота задержалась, враги чуяли ловушку – какой бы невероятной она ни казалась в такой ситуации. Затем враги сделали четыре шага вниз от гребня. Блеющий сигнал бараньего рога заставил их неуклюже вернуться на вершину.

Дукер обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как в семидесяти шагах внизу по склону двинулась тяжёлая кавалерия клана Дурного Пса, объезжая Нихила и Бездну, которые продолжали стоять по обе стороны неподвижной кобылы и прижимать ладони к её бокам.

– Божьи уши... – выругалась женщина рядом с Дукером.

Они собираются скакать в атаку по насыпи, через трупы, грязь и камни. По крутому склону, где всадники вынуждены будут пригнуться к шеям коней — и весь вес придётся на передние ноги. Колтейн их отправил в атаку. Против тяжёлой пехоты...

— Нет! — прошептал историк.

Сверху в ров посыпался песок и мелкие камни. Укрытые шлемами головы вокруг Дукера с тревогой обернулись — кто-то был сверху, над насыпью. Вновь посыпался песок.

Сверху полился поток отборной малазанской ругани, затем над краем появилась голова в шлеме.

— Да это же Худов сапёр! — ахнул один из морпехов.

Грязное лицо наверху растянулось в ухмылке.

— Угадайте, что черепахи делают зимой? — прокричал он вниз, а затем исчез из виду.

Дукер снова обернулся к всадникам клана Дурного Пса. Они приостановились, будто не знали чего ждать. Виканцы задрали головы и смотрели на верхние перешейки по обе стороны от насыпи.

Тяжёлая пехота Гурана и оставшиеся в живых семаки тоже не сводили глаз с боковых отрогов.

Несмотря на пыль, которая посыпалась в ров, Дукер прищурился и посмотрел на северный склон. По нему двигались сапёры, как были, со щитами на спинах, они начали прыгивать с насыпи на усыпанное телами пространство.

Вновь протрубил рог, и всадники Дурного Пса опять пришли в движение, пустили коней сперва рысью, а затем — лёгким галопом. Однако путь к гребню им преградил отряд сапёров.

Черепаша закапывается, когда приходит зима. Эти ублюдки прокрались ночью на боковины насыпи — прямо под носом у Релоя — и закопались. Но зачем же, Худа ради?!

Сапёры, не снимая щитов, топтались на месте, готовили оружие и другое снаряжение. Один из них шагнул в сторону и взмахом руки показал виканцам, что можно скакать дальше.

Насыпь задрожала.

Облачённые в доспехи кони взлетели по крутому склону одним взрывом мускулов, быстрее, чем казалось возможным историку. Тяжёлые мечи поднялись к небу. В своей диковинной, тёмной броне виканцы сидели в сёдлах, словно демоны верхом на столь же жутких скакунах.

Сапёры обрушились на ряды гуранцев. Полетели гранаты, за ними последовали взрывы и предсмертные крики.

Вся взрывчатка, какая только осталась у сапёров, сейчас взмывала в небо и летела в самую гущу тяжёлой пехоты. Шрапнель, горелки, огневики... Плотный строй элитных солдат Релоя рассыпался.

На полном скаку Дурные Псы нагнали сапёров, которые попадали под копыта коней, которые, отбивая ужасный ритм, с грохотом скакали по щитам.

В суматошную толпу, которая всего несколько секунд назад была строем тяжёлой пехоты, вломились виканские конники, расчистили гребень и, размахивая тяжёлыми клинками, начали кровавую бойню.

Грохот сражения перекрыл новый сигнал рога.

Женщина рядом с Дукером ткнула его в грудь рукой в латной рукавице.

— Вперёд, дед!

Он шагнул вперёд, затем остановился. Да, пора солдатам идти вперёд. Но я — историк, я должен видеть, стать свидетелем всему, и Худ поberi все стрелы!

— Не сейчас, — сказал Дукер, обернулся и начал карабкаться на боковину насыпи.

— Увидимся вечером! — прокричала она ему вслед, прежде чем присоединиться к остальным морпехам, которые уже бежали дальше.

Дукер подтянулся и выбрался наверх, набрав в процессе полный рот песка. Кашляя и отплёвываясь, он поднялся на ноги и осмотрелся.

Плоская поверхность вала была изрешечена скошенными ямами. В некоторых из отверстий в размер человека валялись раскрытые парусиновые коконы. Историк ещё некоторое время смотрел на них, не веря своим глазам, а затем перевёл взгляд на насыпь.

Атаке морпехов помешало отступление попавших под копыта сапёров. Переломанных костей было в достатке, но щиты — которые теперь превратились в бесполезные куски мятого металла — и погнутые шлемы по большей части уберегли от смерти этих безумцев.

За гребнем, на западной равнине всадники клана Дурного Пса преследовали бегущие остатки хвалёных пехотинцев Релоя. Личный шатёр самого военачальника, стоявший на невысоком холме в сотне шагов от гребня, погрузился в клубы дыма и языки пламени. Дукер заподозрил, что бунтовщик, будучи Высшим магом, прежде чем убраться туда, куда вёл его Путь, сам вызвал этот огонь, чтобы уничтожить всё, что могло пригодиться Колтейну.

Дукер обернулся, оглядывая долину.

Внизу по-прежнему кипела битва. Защитное кольцо солдат Седьмой вокруг повозок с ранеными держалось, хотя и прогнулось с северной стороны под настойчивым натиском тяжёлой пехоты Убариды. Сами повозки катились на юг.

Кавалерия Карон-Тепаси и Сиалка наседали на арьергард, где верные хиссарцы отважно сражались... и гибли десятками.

Мы ещё можем проиграть.

Двойной рёв рогов с холма призвал обратно Дурных Псов. Дукер увидел Колтейна – вороний плащ посерел от пыли – верхом на боевом коне на гребне. Историк разглядел, как Кулак жестом приказал своим подчинённым трубить, и рога взвыли снова – на этот раз быстрее. Вы нам нужны!

Да только кони измотаны. Они совершили невозможное. Взлетели вверх по насыпи, со всё большей и большей скоростью, с такой скоростью, какой я никогда прежде не видел. Историк нахмурился и развернулся.

Нихил и Бездна по-прежнему стояли по бокам одинокой кобылы. Лёгкий ветерок трепал её гриву и хвост, но в остальном животное не шевелилось. Дукер вдруг похолодел. Что же они сделали?

Раздавшийся вдалеке вой привлёк внимание историка. Через реку двигался большой конный отряд, но с такого расстояния знамён было не различить. Затем Дукер разглядел маленькие бурые точки, которые мчались впереди всадников. Виканские собаки. Это клан Куницы.

Как только всадники выбрались из реки, они пустили коней галопом.

Кавалерию Сиалка и Карон-Тепаси виканцы захватили врасплох: сперва на них накатила волна злобных псов, которые не обращали внимания на лошадей и бросались на всадников – шестьдесят фунтов рычания, клыков и мускулов стаскивали солдат с сёдел, – а затем подоспели сами виканцы. Они заявили о своём прибытии на поле боя, швырнув перед собой отрубленные головы, а потом испустили жуткий крик, от которого кровь стыла в жилах, и обрушились с фланга на вражеских конников.

Пару десятков ударов сердца спустя кавалерия Сиалка и Карон-Тепаси перестала существовать: всадники были убиты или гибли, спасаясь бегством. Конники Куницы лишь на миг задержались, чтобы перестроиться, прежде чем лёгким галопом рвануться вместе со своими пятнистыми псами на убарийцев.

Враги смешались, бросились бежать – инстинктивно, но вовремя.

Всадники клана Дурного Пса уже катились вниз по насыпи, объезжая с обеих сторон колдунов и неподвижную кобылу, а затем поскакали на юг – преследовать бегущую пехоту Сиалка и Халафа и титтанских лучников.

Дукер опустился на колени, силы вдруг покинули его, эмоции кипели в котле горя, гнева и ужаса. Не говори о победе сегодня. Нет, вообще молчи.

Кто-то, запыхавшись, выбрался на вал. Шаги послышались ближе, затем рука в латной рукавице тяжело легла на плечо историка. Голос, который Дукеру не сразу удалось узнать, проговорил:

– Знаешь, дед, они ведь насмеются над нашими аристократами. Придумали для них прозвище по-дебральски. Знаешь, как переводится? Собачья цепь. Собачья цепь Колтейна. Он ведёт, но и его ведут, он тянет вперёд, но его

тянет назад, он скалит зубы, но кто жалит его сзади? Те, кого он поклялся защищать. А ведь есть в таком прозвище второе дно, как думаешь?

Голос принадлежал Сну, но звучал странно. Дукер поднял голову и посмотрел в лицо человеку, который присел рядом с ним. Единственный голубой глаз поблёскивал среди массы изорванной плоти. Мощный удар палицы вдавил боковой щиток шлема, сломал скулу, выдавил глаз и оторвал нос. Жуткая кровавая маска, которая теперь служила капитану лицом, дрогнула в чём-то похожем на улыбку.

— Повезло мне, историк. Смотри, ни одного зуба не выбили — не шатаются даже.

Счёт жертв стал ошеломительной литанией тщете войны. По мнению историка, сегодня лишь Худ мог бы улыбнуться с триумфом.

Клан Куницы ждал титтанских копейщиков и божка-военачальника, который вёл их. Духи земли из засады напали на семака и разодрали его плоть на куски, чтобы вырвать и пожрать останки древнего бога. Затем Куницы привели в действие свою собственную ловушку: она была ужасна по-своему, ибо беженцы в ней служили приманкой, и сотни были убиты или ранены, пока приводилась в исполнение эта хладнокровная хитрость.

Вожди клана Куницы могли бы сказать, что враги превосходили их числом в четыре раза; что некоторые из тех, кого они поклялись защищать, были принесены в жертву, чтобы спасти остальных. Всё это было правдой и могло бы служить оправданием тому, что они сделали. Однако вожди ничего не сказали, и хотя их молчание вызвало бешенство и ярость, особенно среди членов Совета знати, Дукер видел всё в ином свете. Виканцы презирали высказанные вслух оправдания и пояснения — не принимали их от других и насмеялись над теми, кто пытался говорить. Поэтому они молчали сами, и Дукер подозревал: виканцы чтит жертв — малазанцев и своих родичей — так, что попытаться выразить это словами было бы эгоистичным и низким кощунством.

К несчастью, беженцы этого не понимали. Для них молчание виканцев само по себе было знаком презрения, пренебрежения к потерянным жизням.

Тем не менее клан Куницы иным образом отдал честь погибшим беженцам. После разгрома титтанских лучников в долине это равнинное племя фактически прекратило своё существование. Воздаяние Куницы было абсолютным. На этом всадники не остановились, они нашли крестьянскую орду Камиста Релоя, которая с опозданием шла на битву с востока. Виканцы устроили бойню, которая могла бы послужить наглядным отражением того, что титтанцы собирались сделать с малазанцами. Этого урока беженцы тоже не поняли.

Дукер был уверен, что, несмотря на все попытки мудрецов, нельзя найти объяснения тёмным путям, которыми движутся людские мысли в тени большого кровопролития. Достаточно было вспомнить его собственную реакцию, когда, спустившись с насыпи, Дукер оказался рядом с Нихилом и Бездной, ладони которых покрывали пот и свёртывающаяся кровь с боков замертво стоящей

кобылы. Силы жизни дают великую силу, и принести в жертву одно животное, чтобы даровать неистовую мощь почти пяти тысячам других, было делом достойным и благородным.

Но ведь глупая тварь до самого конца не понимала, что погибает под любящими руками двух убитых горем детей...

На Имперском Пути горизонт оборачивался со всех сторон серым саваном. Все детали казались смазанными под вуалью неподвижного, густого воздуха. Никакого ветра, но эхо смерти и разрушения оставалось, будто разлитое в самом времени.

Калам чуть откинулся в седле, не сводя глаз с картины перед собой.

Пепел и пыль осели на выложенный плиткой купол. В одном месте он провалился, так что стали видны грани бронзовых пластин кровли. Над проломом висела серая дымка. По изгибу купола было件нятно, что на поверхности осталась едва ли его треть.

Убийца спешил. Задержался, чтобы потеревить шарф, который прикрывал его нос и рот, сбить корку пепла и пыли. Обернулся, чтобы взглянуть на остальных, и пошёл к зданию.

Где-то внизу, под ногами стоял дворец или храм. Добравшись до купола, убийца наклонился и смахнул пепел с бронзовых пластин. Показался глубоко врезанный в металл символ.

От внезапного узнавания он похолодел. Калам видел эту стилизованную корону на другом континенте во время неожиданной войны с противниками, которых наняли отчаявшиеся враги. Каладан Бруд и Аномандр Рейк, рхиви и Багровая гвардия. Собрание таких непохожих врагов, объединившихся, чтобы бросить вызов захватническим планам Малазанской империи. Вольные города Генабакиса погрязли в распрях и предательствах. Алчные правители и вороватые торговцы больше всех скулили об угрозе для свободы...

Мысли Калама унеслись за тысячу лиг, и он рассеянно коснулся вырезанного в металле знака. Чернопёсий лес... мы воевали с москитами и пиявками, ядовитыми змеями и кровососущими ящерицами. Линии снабжения перерезали, моранты отступили именно тогда, когда были нам больше всего нужны.. и этот знак я помню – на рваном знамени отборных воинов Бруда.

Как там называл себя этот ублюдок? Верховный король? Каллор... Верховный король без королевства. Ему уже тысячи лет, а если легенды не врут, то и десятки тысяч. Он утверждает, что некогда повелевал империями, в каждой из которых Малазанская империя была бы не больше провинции. Затем, мол, он их разрушил собственной рукой, уничтожил до основания. Каллор хвастался, дескать, опустошал целые миры так, что не оставалось ничего живого...

И этот человек сейчас стал правой рукой Каладана Бруда. А когда я уходил, Дуджек, «Мостожогги» и восстановленная Пятая армия готовились заключить союз с Брудом.

Скворец... Быстрый Бен... будьте настороже, друзья. Есть среди вас безумец...

— Если ты тут просто замечтался...

— Больше всего ненавижу в этом месте то, — проговорил Калам, — что пепел скрадывает шаги.

Пронзительные серые глаза Миналы подозрительно прищурились над шарфом, который прикрывал нижнюю половину её лица.

— Ты, похоже, напуган.

Калам поморщился, обернулся к остальным. Он заговорил громко:

— Мы сейчас покинем этот Путь.

— Что? — фыркнула Минала. — Не вижу никаких врат!

Их и нет, но я чувствую, что так надо. Мы уже довольно прошли, и я наконец понял: сила размышления — она не в том, чтобы странствовать, а в том, чтобы прибыть на место.

Калам закрыл глаза, выбросил из головы Миналу и всех остальных, чтобы в сознании наступила полная тишь. Последней стихла мысль: Надеюсь, я прав.

В следующий миг рядом открылся портал, с трескучим звуком он сделался шире.

— Ах ты тупоголовый ублюдок! — осознав происходящее, взорвалась Минала. — Небольшой разговор мог бы нас привести к этому раньше — если только ты преднамеренно не задерживал нас. Худ знает, что ты задумал, капрал.

Интересный выбор слов, женщина. Полагаю, он действительно знает.

Калам открыл глаза. Врата висели в воздухе непроницаемым чёрным пятном в дюжине шагов от него. Убийца поморщился. Вот так просто. Калам, ты тупоголовый ублюдок. Запомни, страх может заставить сосредоточиться даже самую бестолковую тварь.

— Не отставайте, — сказал убийца, чуть выдвигая длинный нож из ножен, прежде чем шагнуть в портал.

Его мокасины скользнули по присыпанной песком мостовой. Стояла ночь, звёзды ярко сверкали над головой в узкой щели между двумя высокими кирпичными зданиями. Проулок уходил вперёд извилистой тропой, которую Калам хорошо знал. Рядом никого не было.

Убийца сдвинулся к стене слева. Появилась Минала, она вела в поводу коней — своего и Каламова. Женщина заморгала, завертела головой.

— Калам? Где?..

— Здесь, — ответил убийца.

Она вздрогнула, затем раздражённо зашипела.

— Три вдоха не провёл в городе, а уже спрятался.

— Привычка.

— Не сомневаюсь. — Минала отвела коней подальше. В следующий миг появились Кенеб и Сэльва, а вслед за ними — дети.

Капитан оглядывался, пока не заметил Калама.

— Арэн?

— Да.

— Слишком тихо.

— Мы в переулке, который проходит через некрополь.

— Как мило, — заметила Минала. Она указала на угрюмые дома. — Но это же трущобы.

— Они для... мёртвых. В Арэне бедняк остаётся бедняком даже после смерти.

Кенеб спросил:

— Как далеко отсюда до гарнизона?

— Три тысячи шагов, — ответил Калам, снимая с лица шарф.

— Нам нужно помыться, — сказала Минала.

— Я пить хочу, — протянул Ванеб, не слезая с лошади.

— И есть, — добавил Кесен.

Калам вздохнул, затем кивнул.

— Надеюсь, — добавила Минала, — прогулка по мёртвой улице не станет для нас дурным предзнаменованием.

— Вокруг некрополя стоят таверны для плакальщиков, — пробормотал убийца.
— Далеко идти не придётся.

Таверна «Слеза» выглядела так, будто знавала и лучшие дни, но Калам в этом сильно сомневался. Пол в главном зале просел настолько, что накренившиеся внутрь стены пришлось подпирать деревянными балками. Гниющие объедки и дохлые крысы с неумолимым терпением сползали к центру, и образовалась зловонная куча — будто приношение какому-то непотребному божеству.

Столы и стулья на искусно подпиленных ножках стояли вокруг ямы, и лишь один из них был занят посетителями, которые ещё не упились до беспамятства. Второй зал, ничуть не более пристойный, позволял более почтенной публике посидеть в относительном покое, и именно там Калам посадил свой отряд за еду, пока в заросшем саду готовили лохань с водой. Затем убийца вернулся в главный зал и уселся напротив единственного бодрствующего посетителя.

— Всё дело в еде, да? — проговорил сидящий напанец, как только убийца занял своё место.

— Лучшая в городе.

— Ага, совет тараканов за это проголосовал.

Калам смотрел, как голубокожий мужчина поднёс кружку к губам, как заходил огромный кадык.

— А тебе, похоже, нужно выпить ещё.

— Это точно.

Убийца чуть повернулся на стуле, перехватил мутный взгляд старухи, которая прислонилась к балке рядом с бочонком эля, и поднял два пальца. Та вздохнула, отлепилась от опоры, поправила заткнутый за пояс фартука острый «крысорез» и отправилась на поиски двух кружек.

— Попробуешь её облапать, — руку сломает, — предупредил незнакомец.

Калам откинулся на спинку стула и рассмотрел напанца. Лет ему было то ли тридцать, то ли шестьдесят — всё зависит от того, как он их провёл. Под обильно побитой сединой бородой проглядывала задубевшая кожа. Тёмные глаза постоянно бегали и до сих пор так ни разу и не остановились на убийце. Мужчина был одет в мешковатые, изношенные лохмотья.

— Придётся спросить, — проговорил убийца, — кто ты таков и откуда?

Мужчина чуть выпрямился.

— Думаешь, я вот так и расскажу — каждому-всякому?

Калам ждал.

— Ну да, — вздохнул напанец. — Не каждому. Некоторые грубияны не хотят меня слушать.

Упившийся до беспамятства посетитель за соседним столом наконец свалился со стула, его голова с мерзким хрустом ударилась о каменный пол. Калам, напанец и старуха, которая только что вернулась с двумя оловянными кружками, смотрели, как пьяница сползает по жидкой грязи и блевотине к центральной куче отбросов.

Тут же выяснилось, что одна из крыс только притворялась мёртвой, она живо вскарабкалась на тело пьяницы и зашевелила усами.

Напанец напротив убийцы фыркнул.

— Каждый теперь философ!

Служанка принесла эль к их столу, её ковыляющая походка выдавала давнее знакомство с перекошенным полом. Разглядывая Калама, она спросила по-дебральски:

— Твои друзья в том зале попросили мыла.

— Ага, похоже, что так.

— Нет у нас мыла.

— Это я только что понял.

Старуха зашаркала прочь.

— Недавно в городе, я так вижу, — заметил напанец. — Через Северные ворота вошли?

— Ага.

— Сложновато небось было карабкаться на такую высоту, да ещё и с конями.

— Выходит, Северные ворота закрыты.

— Заперты наглухо, как и все остальные. Может, вы в гавань приплыли.

— Может.

— А гавань закрыта.

— Как это можно закрыть Арэнскую гавань?

— Ну, ладно, не закрыта.

Калам хлебнул эля, проглотил и напряжённо замер.

— Со второй кружки ещё хуже будет, — сообщил напанец.

Убийца поставил кружку обратно на стол. Заговорить ему удалось не сразу.

— Расскажи новости.

— С чего бы это?

— Я поставил тебе выпивку.

— А мне следует быть благодарным? Худов дух, ты же сам эту дрянь пробовал!

— Я не всегда такой терпеливый.

— А-а, ну, это, конечно, другое дело, что ж сразу не сказал? — Напанец допил первую кружку и принялся за вторую. — Бывает, к элю привыкаешь, а у нас — эль привыкает к тебе. Твоё здоровье, уважаемый. — Он залпом осушил кружку.

— Я и не таким уродам глотки перерезал, — сообщил убийца.

Напанец помолчал, его глаза на миг блеснули, окинув быстрым взглядом Калама. Затем он отставил кружку.

— Корноболовы жёны его вчера домой не пустили — бедолага слонялся по улицам, пока его патруль Первого Кулака не зажёб за нарушение комендантского часа. Часто теперь такое происходит. По всему городу жёны вдруг поумнели. А что делать? Филей не купишь нынче так, чтобы за него руку да ногу не отдать — на улицах сплошные калеки там, где раньше были рынки. Какого гадателя ни спроси, обязательно Худов Вестник влезет в расклад. Скажи, как думаешь, правду говорят, мол, Первый Кулак чужую тень отбрасывает? Хотя трудно, конечно, отбрасывать свою тень, если в дворцовом шкафу прячешься. В этом городе не только рыба скользкая, вот что я скажу. Да что там — меня за последние два дня четыре раза арестовали: пришлось доказывать, кто я такой, патент имперский показывать, веришь? Но повезло — отыскал свою команду в одной местной каталажке. Если Опонны мне улыбнутся, вытасу их завтра — палубу надо драить, и уж поверь ты мне, эти выпивохи будут драить, пока мир в Бездну не ухнет. Хуже другое, вот прямо из-за этого патента выходят люди да начинают требовать всякого так, что голова потом гудит от аргументов, которые не передать словами, будто жизнь и без того не тяжкая — знаешь, как корабль стонет, если тркм набит золотом? И теперь-то ты мне скажешь: «Вот так-так, капитан, я совершенно случайно хочу заплатить за место до самой Унты». А я скажу: «Боги тебе улыбнулись, уважаемый! Совершенно случайно я выхожу в море через два дня с двадцатью морпехами, казначеем Первого Кулака и половиной богатств Арэна на борту — но место у нас есть, уважаемый, ещё как. Добро пожаловать на борт!

Калам молчал ещё дюжину ударов сердца, а затем сказал:

— Вот уж и правда боги улыбнулись.

Голова капитана качнулась.

— Гладенькие да хитренькие у них улыбочки.

— Кого же мне благодарить за такой тёплый приём?

— Сказал, мол, твой друг, только вы никогда не встречались — однако предупредил, что ты окажешься на борту моей «Затычки» через два дня.

— И звали его?

— Сказал, Салк Элан. Говорит, мол, ждёт тебя.

— И откуда же он узнал, что я зайду в эту таверну? Я ещё час назад не подозревал о её существовании.

– Догадка, но обоснованная. Болтал, мол, это первое заведение, которое ты увидишь, когда выйдешь из ворот некрополя. Зря ты вчера не пришёл, друг, тут даже тише было. Конечно, пока девка не выловила крысу из бочки с элем. Не повезло вам с твоими друзьями – пропустили сегодня завтрак.

Калам захлопнул за собой покосившуюся дверь и остановился, чтобы успокоиться. Уловки Быстрого Бена? Вряд ли. Да и невозможно..

– Что случилось? – Минала сидела за столом с куском дыни в руке. Судя по голосам со двора, родители взялись купать сопротивляющихся детей.

Убийца надолго прикрыл глаза, затем открыл их и вздохнул.

– Вы попали в Арэн – теперь пойдём своими дорогами. Передай Кенебу, чтобы вышел сам, прежде чем его найдёт один из патрулей, пусть явится к командиру городской стражи, но меня в докладе никак не упоминает..

– И как он объяснит, что мы взяли и попали в город?

– Рыбак вас довёз. Всё просто.

– И всё? Ты даже не попрощаешься с Кенебом, Сэльвой или с детьми? Не дашь даже высказать благодарность за то, что спас им жизнь?

– Если сможешь, Минала, вывези родных из Арэна – возвращайтесь в Квон-Тали..

– Не делай этого, Калам.

– Так безопаснее. – Убийца поколебался, но затем сказал: – Я был бы рад, если бы всё было.. иначе.

Кусок дыни врезался ему в щёку. Калам быстро вытер лицо, затем поднял свои седельные сумки и перебрался через плечо.

– Жеребца бери себе, Минала.

В главном зале Калам подошёл к столу капитана.

– Ладно, я готов.

В глазах напанца мелькнуло что-то вроде разочарования, затем он вздохнул и поднялся.

– Ну, как скажешь. До пристани, где стоит «Затычка», идти омерзительно долго – если повезёт, мне всего дюжину раз придётся свой патент показать. Худ знает, что ещё можно делать с армией, которую поставили в городе, да?

– Лохмотья тебе не очень помогут, капитан. Думаю, пора сменить костюм.

– Какой костюм? Это моя счастливая рубашка!

Лостара Йил прислонилась к стене маленькой каморки и сложила на груди руки, глядя, как Жемчуг расхаживает туда-сюда у окна.

— Детали, — пробормотал он, — всё дело в деталях. Не моргай, а то пропустишь.

— Я должна явиться с докладом к командиру Красных Клинков, — сказала Лостара. — Затем вернусь сюда.

— А Орто Сэтрал тебе позволит?

— Я не оставляю эту погоню.. если только ты мне не прикажешь.

— Боги упасите! Мне чрезвычайно приятна твоя компания.

— Издеваешься.

— Совсем чуть-чуть. Не спорю, с чувством юмора у тебя не очень. Однако мы ведь прошли через удивительные приключения вместе, не так ли? Зачем же расставаться?

Лостара поглядела на свою форму. Вес доспехов был приятен — кожаная броня, которую она носила для маскировки, была отвратительной, и Лостара с радостью рассталась с ней, после того как Коготь исцелил её раны.

Жемчуг даже не попробовал развеять загадку вокруг внезапного появления демона во время схватки на равнине, но Лостара прекрасно видела, что это происшествие до сих пор беспокоит Когтя. И меня тоже. Но это — прошлое. Мы добрались до Арэна и не потеряли след убийцы. Всё так, как и должно быть.

— Будешь ждать меня здесь? — спросила она.

Улыбка Жемчуга стала шире.

— Хоть до конца света, дорогая.

— Хватит и до рассвета.

Коготь поклонился.

— Буду считать мгновения до этого мига.

Лостара вышла из комнаты и закрыла за собой дверь. Коридор вёл к деревянной лестнице, которая спускалась в переполненный главный зал таверны. Комендантский час мешал посетителям разойтись, однако настроение царило отнюдь не праздничное.

Лостара нырнула под лестницу и прошла через кухню. Повар и его помощники проводили её глазами до задней двери, которую, как обычно, оставили

приоткрытой, чтобы кухня проветривалась. К таким взглядам Лостара давно привыкла. Красных Клинков очень боялись.

Она толчком распахнула дверь и вышла в проулок.

Дыхание реки, смешанное с солёным ветром бухты, прохладным касанием пробежало по её лицу. Надеюсь, мне никогда больше не придётся ступить на Имперский Путь.

Громко топя сапогами, она вышла на главную улицу.

Дюжина солдат армии Первого Кулака остановили её на первом же перекрёстке на пути к гарнизону. Сержант недоумённо взглянул на Лостару.

— Добрый вечер, Красный Клинок, — сказал он.

Лостара кивнула.

— Я так понимаю, что Первый Кулак ввёл комендантский час. Скажи, Красные Клинки тоже патрулируют улицы?

— Вовсе нет, — ответил сержант.

Солдаты были напряжены, будто чего-то ждали, и это слегка беспокоило Лостару.

— Значит, они заняты другим?

Сержант медленно кивнул.

— Я полагаю, да. Судя по твоим словам и... другим признакам, я бы предположил, что ты недавно попала в город.

Лостара кивнула.

— Как?

— Через Путь. У меня был... спутник.

— Наверняка интересная история, — проговорил сержант. — Теперь сдай оружие.

— Что-о?

— Ты ведь хочешь присоединиться к другим Клинкам, да? Переговорить с командиром Орто Сэтралом?

— Да.

— По приказу Первого Кулака, оглашённому четыре дня назад, Красные Клинки помещены под арест.

— Что?!

— И ожидают суда за измену Малазанской империи. Прошу сдать оружие.

Лостара Йил была настолько поражена, что не оказала сопротивления, когда солдаты разоружили её. Она не сводила глаз с сержанта.

— В нашей верности... усомнились?

В глазах солдата не было злобы, когда он кивнул и добавил:

— Думаю, твой командир лучше опишет ситуацию.

— Он ушёл.

У Кенеба отвисла челюсть.

— Ого, — только и смог он сказать через некоторое время. Нахмурившись, он смотрел, как Минала собирает свои вещи. — Что ты делаешь?

Она резко обернулась.

— Думаешь, он просто так улизнёт и всё?

— Минала...

— Молчи, Кенеб! Детей разбудишь.

— Это не я кричал.

— Расскажи своему командиру всё, понимаешь меня? Всё — только не про Калама.

— Я не дурак, что бы ты там ни думала.

Её взгляд смягчился.

— Я знаю. Извини.

— Лучше у сестры прощения попроси. И у Кесена с Ванебом.

— Попрошу.

— Скажи, как ты собираешься преследовать человека, который не хочет, чтобы его преследовали?

Её лицо озарилось мрачной усмешкой.

— Ты об этом женщину спрашиваешь?

— Ох, Минала...

Она погладила его по щеке.

– Не надо слёз, Кенеб.

– Это всё проклятая сентиментальность, – с усталой улыбкой заметил он. – Но знай, я не теряю надежды. Теперь иди и попрощайся с сестрой и детьми.

Глава четырнадцатая

Богиня вздохнула, и всё замерло...

Геруланн. Апокалипсис

– Нам нельзя здесь оставаться.

Фелисин подозрительно посмотрела на мага.

– Почему это? Буря снаружи нас погубит. От неё нет укрытия – только здесь, где есть вода... еда...

– Потому что за нами охотятся, – бросил Кальп, обнимая себя руками.

Сидевший у стены Геборик рассмеялся. Поднял свои невидимые руки.

– Покажи мне смертного, за которым не идёт охота, и я покажу тебе труп. Всякий охотник – добыча, всякий разум, что знает себя, имеет преследователей. Мы гонимся, и гонятся за нами. Неведомое преследует невежду, истина насаждает на всякого учёного, которому хватает мудрости признать собственное невежество, ибо в нём – значение непостижимых истин.

Сидящий на бортике фонтана Кальп поднял взгляд, из-под тяжёлых век посмотрел на бывшего жреца.

– Я говорил буквально, – произнёс маг. – В этом городе есть живые оборотни – всякий ветерок доносит их запах, и он нарастает.

– Почему бы нам просто не сдаться? – спросила Фелисин.

Маг презрительно ухмыльнулся.

– Беспечность – не мой недостаток. Мы в Рараку, в обители Вихря. В сотне лиг вокруг мы не увидим ни одного дружеского лица – да и вряд ли сумеем уйти так далеко.

– А лица рядом – вообще нечеловеческие, – добавил Геборик. – Все маски срываются, и знаете – д'иверсы с одиночками скорее всего пришли сюда не по зову Вихря. Трагическое совпадение – Год Дриджны и неблагое Схождение...

— Дурак ты, если и вправду так думаешь, — буркнул Кальп. — Уж никак не совпадение. У меня такое чувство, что кто-то подтолкнул оборотней к Схождению и сделал это именно из-за восстания. Или наоборот — богиня Вихря подтасовала пророчество так, чтобы на время Схождения пришёлся Год Дриджны, — чтобы создать хаос на Путях.

— Интересные соображения, маг, — медленно кивая, проговорил Геборик. — Разумеется, их и следовало ожидать от практика Меанаса, Пути, где обман разрастается, словно сорняки, и неизбежно искажает правила игры.. но только тогда, когда это выгодно.

Фелисин молчала, глядя на мужчин. Один разговор — на поверхности, но совсем другой — под ним. Жрец и маг играют в какую-то игру, сплетают подозрение со знанием. Геборик увидел тайные связи, награбил в призрачных жизнях нужные сведения и, кажется, намекает теперь магу, что тот ближе к пониманию, чем сам подозревает. «Вот, последователь Меанаса, возьми мою невидимую руку...»

Фелисин решила, что с неё довольно.

— Что тебе известно, Геборик?

Слепец пожал плечами.

— Тебе-то какое дело, девочка? — проворчал Кальп. — Ты предлагаешь сдать: пускай нас найдут оборотни — нам ведь всё равно не выжить.

— Я спросила, зачем продолжаем бороться? Зачем уходить отсюда? В пустыне у нас тоже нет шансов.

— Так оставайся! — воскликнул Кальп и поднялся. — Худ свидетель, пользы от тебя никакой.

— Говорят, всего-то и нужно — один укус.

Маг замер, затем медленно повернулся к Фелисин.

— Это неправда. Распространённое заблуждение, я полагаю. От укуса может развиться циклическая лихорадка, безумие, но оборотнем ты не станешь.

— Тогда как ими становятся?

— Не становятся. Оборотнями рождаются.

Геборик поднялся на ноги.

— Если мы собираемся идти через мёртвый город, идёмте. Голоса смолкли, и разум мой очистился.

— А какая разница? — продолжала настаивать Фелисин.

— Я могу провести нас по самому короткому пути, девочка. Иначе будем блуждать, пока нас не нагонят охотники.

Они в последний раз напился из бассейна, затем набрали столько бледных плодов, сколько способны были унести. Фелисин не могла не признать, что чувствует себя более здоровой – исправленной, будто память перестала кровоточить, остались только шрамы. Но подавленность никуда не делась. Фелисин давно потеряла надежду.

Геборик повёл их по извилистым улицам и переулкам, через жилые дома и здания, и всюду спутники находили тела – люди, оборотни, т'лан имассы, древние сцены яростной битвы. Краденое знание Геборика улеглось в голове Фелисин дрожащим ужасом, который пробуждался при каждой новой картине смерти. Ей казалось, будто она вот-вот постигнет какую-то глубочайшую истину, которая станет ответом на все человеческие устремления от начала времён. Все мы лишь царапаем мир, слабые и неразумные. Все чудовищные драмы цивилизаций, людей с их убеждениями и красивыми жестами – ничего не значат, ни на что не влияют. Жизнь просто ползёт дальше. Неужели дар озарения – дар видеть значение всего, что есть человек, – не приносит ничего, кроме чувства сокрушительной тщетности. Только невежда выберет цель и будет цепляться за неё, ибо в этом – иллюзия собственной важности. Вера, король, королева, император или месть... всё это цитадели глупцов.

Ветер выл за спиной, поднимал маленькие облачка пыли под ногами, шершавыми языками лизал кожу. И нёс с собой слабый, пряный запах.

По ощущению Фелисин, прошёл час, прежде чем Геборик остановился. Спутники стояли у главного входа какого-то храма, где толстым, массивным колоннам благодаря резьбе придали сходство с древесными стволами. Вдоль потрескавшегося, просевшего цоколя тянулся фриз. На каждой панели виднелось изображение, едва различимое в свете чародейского огня Кальпа.

Маг вглядывался в резьбу. «Худов дух!» – одними губами прошептал он.

Бывший жрец улыбался.

– Это же Колода, – проговорил Кальп.

Ещё одна жалкая попытка утвердить порядок.

– Старшая Колода, – кивнул Геборик. – Не Дома, а Обители. Владения. Можешь опознать Смерть и Жизнь? А Тьму и Свет? Видишь Обитель Зверя? Кто сидит на рогатом троне, Кальп?

– Он пуст, если, конечно, я смотрю на то, что ты имеешь в виду, – обрамление из разных созданий. По сторонам от престола – т'лан имассы.

– Да, тот самый. И никого на троне, говоришь? Любопытно.

– Почему?

– Потому что малейшие отзвуки памяти кричат мне, что раньше трон не пустовал.

Кальп хмыкнул.

— Ну, по крайней мере, его не стесали — я вижу спинку трона, и она выглядит такой же старой, как и остальное изображение.

— Здесь должны быть и Независимые — можешь их найти?

— Нет. Возможно, где-то по бокам храма или сзади?

— Не исключено. Среди них найдёшь Оборотня.

— Всё это невыносимо увлекательно, — протянула Фелисин. — Я так понимаю, мы собираемся сюда войти, — поскольку ветер дует туда.

Геборик улыбнулся.

— Да. На дальнем конце нас ждёт выход.

Внутри храм больше напоминал тоннель — его стены, пол и потолок скрывали спрессованные напластования песка. Чем дальше они заходили, тем сильнее становился вой ветра. Через сорок шагов спутники начали различать бледный охряный свет впереди.

Тоннель сузился, ревущий ветер отчаянно толкал их в спину, так что у самого выхода пришлось даже пригнуться, чтобы не упасть.

Геборик задержался у самого порога, чтобы пропустить вперёд Кальпа, а затем Фелисин. Первым наружу вышел маг, за ним — Фелисин.

Они стояли на уступе, выход из пещеры располагался высоко на боковой части утёса. Ветер вцепился в них так, будто пытался столкнуть, сбросить с обрыва на острые камни в двухстах с лишним саженях внизу. Фелисин ухватилась за крошащуюся кромку входа в пещеру. От вида у неё захватило дыхание, чуть не подогнулись колени.

Вихрь бушевал не перед ними, но внизу, в обширной долине, которая была Священной пустыней. Тонкая дымка мелкого песка плыла над землёй, укрытой кипучими жёлто-оранжевыми тучами. Солнце плыло на западе размытым шаром красного пламени, и с каждым мгновением всё больше наливалось кровью.

Через некоторое время Фелисин расхохоталась.

— Теперь нам всего-то и нужны — крылья.

— И снова я вам пригожусь, — с улыбкой заявил Геборик, который как раз вышел наружу и остановился рядом с ней.

Кальп резко повернул голову к старику.

— Что ты имеешь в виду?

— Привяжитесь к моей спине — оба. У этого человека есть пара рук, и он ею воспользуется. Даже слепота на сей раз окажется благом.

Кальп посмотрел вниз с обрыва.

— Ты слезать собираешься? Да это же треклятый камень, старик...

— А мне и не придётся цепляться, маг. К тому же, какой ещё у вас выбор?

— Просто восхитительно, — проговорила Фелисин.

— Ладно, но я открою Путь, — заявил Кальп. — Упадём, конечно, но приземление будет мягче — вряд ли это поможет, но хотя бы даст нам шанс.

— Маловер! — воскликнул Геборик, и лицо его исказилось от попыток сдержать смех.

— Вот спасибо, — сказала Фелисин. Как же далеко нас завели? Мы не просто идём к безумию, нас туда толкают, тянут и тащат.

Что-то горячее и твёрдое сжало её плечо. Фелисин обернулась. Геборик возложил на неё призрачную руку — ничего не видно, но тонкая ткань рубашки прижалась к телу и теперь медленно темнела, пропитываясь потом. Фелисин чувствовала вес ладони на плече. Старик наклонился ближе.

— Рараку претворяет всех, кто входит в неё. Этой истине можешь верить. Чем ты была — отваливается, чем будешь — другое дело. — Она презрительно фыркнула, но его улыбка стала только шире. — Дары Рараку суровы, это верно, — с сочувствием сказал бывший жрец.

Кальп готовил ремни, чтобы привязаться.

— Ремешки прогнили, — заметил он.

Геборик подвинулся к нему.

— Тогда держись крепче.

— Это безумие.

Эй, это я хотела сказать!

— Так ты собираешься здесь ждать д'иверсов и одиночников?

Маг скривился.

Тело Геборика на ощупь напоминало шишковатые древесные корни. Фелисин вцепилась в него до дрожи в мускулах — не доверяла кожаным ремням.

Она не сводила глаз с запястий бывшего жреца — невидимые ладони уходили в толщу камня. Было слышно, как ногами он снова и снова нащупывает упоры, но не находит. Старик нёс вес троих на одних только ладонях и руках.

Выветренный утёс купался в алом сиянии закатного солнца. Будто мы спускаемся в котёл огня, во владения демонов. И это дорога в один конец —

Рараку примет нас, проглотит. В песке будут погребены все мечты об отмщении, все желания, все надежды. Все мы утонем здесь – в пустыне.

Ветер сперва придавил их к камню, а затем попытался оторвать взвившейся плетью песка. Спутники вновь оказались внутри Вихря. Кальп что-то закричал, но его слова заглушил рокочущий рёв. Фелисин почувствовала, что её отрывает от Геборика, так что тело зависло горизонтально в лапах безумного, голодного ветра. Она согнула руку, чтобы крюком уцепиться за правое плечо Геборика.

Мышцы сводило от напряжения, суставы горели, словно уголья. Она почувствовала, как натягиваются кожаные ремни. Безнадёжно. Боги насмеются над каждым нашим шагом.

Геборик продолжал карабкаться вниз, в самое сердце урагана.

С расстояния в несколько дюймов Фелисин видела, как песок в ветре начал вгрызаться в натянутую кожу над локтем. Чувство было такое, словно кошка лижет языком, но кожа сходила слоями, исчезала.

Тело и ноги терзал ветер, и всюду она чувствовала прикосновения этого ужасного языка бури. Когда мы доберёмся до дна, от меня останутся только кости и сухожилия, бесплотный труп с вечной ухмылкой черепа. Фелисин, открывшаяся во всей своей славе...

Геборик вдруг отступил от утёса. Все трое повалились на камни. Фелисин закричала, когда камни и песок врезались в измочаленную кожу на спине. Она бездумно смотрела на утёс, который то и дело проступал в разрывах между песочными тучами. Ей показалось, будто на высоте пятидесяти саженей мелькнула фигура, но тут же снова скрылась в пелене бури.

Кальп дёргал за ремни, панически пытаюсь высвободиться. Фелисин перекатилась на живот, встала на четвереньки. Что-то здесь есть... даже я чувствую...

– Вставай, девочка! – заорал маг. – Живо!

Всхлипнув, Фелисин заставила себя подняться. Порыв ветра снова бросил её на землю, словно хлестнул плёткой. Её коснулись тёплые ладони, подняли в колыбель мускулистых рук.

– Жизнь всегда так, – проговорил Геборик. – Держись крепче.

Они бежали, пригнувшись против ярящегося ветра. Фелисин зажмурилась, агония истерзанной кожи молниями вспыхивала под веками. Да к Худу всё! Всё это!

В этот миг вокруг внезапно наступило затишье. Кальп удивлённо зашипел.

Фелисин открыла глаза и увидела неподвижную дымку тонкого песка, которая опоясывала сферу посреди Вихря. Из мглы к ним приближалась огромная, пошатающаяся тень. В воздухе разлился пьянящий аромат цитрусовых духов. Фелисин начала вырываться, пока Геборик не поставил её на землю.

Четверо бледных мужчин в лохмотьях несли паланкин, в котором восседал под зонтом тучный человек в просторных шёлковых одеждах диссонирующих цветов. Узкие глазки выглядывали из покрытых бисеринками пота складок плоти. Мужчина поднял пухлую руку, и носильщики остановились.

— Опасно! — взвизгнул он. — Присоединитесь же ко мне, незнакомцы, дабы оставить такое опасности — пустыня исполнена зверями весьма неприятного нрава. Я предлагаю вам скромное убежище под защитой искусных чар, наложенных на сие кресло за огромные деньги. Вас терзает голод? Мучит жажда? Ах, лишь взгляните на раны несчастной девицы! Мне выпало счастье владеть целебными мазями, и я позабочусь, чтобы эта аппетитная крошка вновь обрела гладкую кожу юного совершенства. Скажите, а не рабыня ли она? Нельзя ли её приобрести?

— Я не рабыня, — ответила Фелисин. И больше не продаюсь.

— От лимонного чада у меня слезятся слепые глаза, — прошептал Геборик. — Я чувствую алчность, но не злую волю..

— Я тоже, — пробормотал Кальп. — Но.. носильщики у него — нежить, и они странно.. обгрызены.

— Вижу, что вы в сомнениях, и безусловно приветствую осторожность. О да, слуги мои видали и лучшие дни, однако они безвредны, позвольте вас заверить.

— Как же, — крикнул Кальп, — ты противостоишь Вихрю?

— Не противостою, господин! Я сам — скромный правоверный. Богиня облегчает мне путь, за что я постоянно приношу ей жертвы! Я лишь торговец, но товар мой — редкостный: чародейский, сказать точнее. Я возвращаюсь в Пан'потсун, видите ли, после весьма прибыльного странствия в лагерь воинов Ша'ик. — Толстяк улыбнулся. — Конечно, я опознал в вас малазанцев и потому — врагов великого восстания. Но жестокая месть не укоренилась в моём сердце, уж поверьте. Правду сказать, я был бы рад вашей компании, ибо эти мёртвые слуги слишком поглощены собственной смертью и лишь бесконечно жалуются.

По его знаку носильщики поставили паланкин на землю. Двое из них немедленно начали снимать лагерное снаряжение со стойки за креслом. Движения их были неаккуратными и небрежными. Остальные помогли хозяину подняться на ноги.

— У меня есть очень сильное лекарство, — пропыхтел толстяк. — Вон в том сундуке! Который несёт Шишак. Шишак! Поставь его на землю, червяк недогрызенный! Шишак-червяк, хи-хи! Прекрати возиться с задвижкой — столь изощрённые движения расплавят твои гниющие мозги. А-ай-й! У тебя нет рук! — Глаза толстяка впервые остановились на Геборике. — Совершить подобное — что за преступление! Увы, ни одна из моих целебных мазей не справится с такой сложной регенерацией.

— Прошу тебя, — ответил Геборик, — не расстраивайся из-за того, чего у меня нет, и даже из-за того, чего нет у тебя. Мне ничего не нужно, хотя за убежище от ветра я искренне благодарен.

– Наверняка в твоей груди таится трагическая история, о бывший жрец Фэнера, но я не буду доискиваться. А ты.. – Толстяк обернулся к Кальпу. – Извини, не Меанас ли – твой Путь?

– Ты явно не только продаёшь чародейские побрякушки, – прорычал маг, лицо его потемнело.

– Много времени провёл рядом с чародеями, о добрый господин, – проговорил толстяк и склонил голову. – Ничего больше, уверяю тебя. Я посвятил свою жизнь магии, но сам её не практикую. Годы даровали мне некоторую.. чувствительность, только и всего. Прощу меня простить, если я чем-то тебя оскорбил. – Он протянул руку и задержал одного из слуг. – Эй ты, как там я тебя назвал?

Фелисин восхищённо смотрела, как покусанные губы трупа растянулись в кривой усмешке.

– Клещ. Хотя прежде я звался Ирин Талар..

– Ох, заткнись, не важно, как там тебя раньше звали! Теперь ты Клещ.

– Я принял ужасную смерть..

– Заткнись! – завизжал хозяин, и его лицо внезапно потемнело.

Немёртвый слуга замолчал.

– Теперь, – пропыхтел толстяк, – найди нам фаларское вино – давайте насладимся самыми изысканными дарами Империи.

Слуга заковылял прочь. Ближайший товарищ следил за ним сухими глазами.

– Твоя была не такой ужасной, как моя..

– О, Семь Святых, сохраните нас! – прошипел торговец. – Умоляю тебя, маг, наложи заклятье молчания на сих неудачно выбранных ревенантов! Я заплачу имперскими джакатами, и хорошо заплачу!

– Этого я не умею, – пробормотал Кальп.

Фелисин с подозрением посмотрела на кадрового мага. Вот уж точно – ложь.

– Ну и ладно, – вздохнул толстяк. – Ох, нижние боги! Я ведь не представился! Я – Наваль Эбур, скромный торговец из Святого града Пан'потсуна. А какими именами вы сами предпочтёте зваться?

Странное выражение.

– Я – Кальп.

– Геборик.

Фелисин промолчала.

– А девица-то – скромница, – проговорил Наваль, и его губы изогнулись в самодовольной ухмылке.

Кальп присел рядом с деревянным сундуком, вынул задвижку и открыл крышку.

– Кувшин из белой глины, запечатанный воском, – подсказал торговец.

Ветер стал далёким стоном, охряная пыль постепенно оседала вокруг. Геборик, которому невидимое чутьё по-прежнему позволяло обходиться без зрения, уселся на старый валун. Его широкий лоб прорезала хмурая морщинка, а татуировки скрылись под пеленой мелкого песка.

Кальп подошёл к Фелисин с мисочкой в руках.

– Это целебная мазь, – подтвердил он. – И очень мощная.

– А почему ветер не разорвал тебе кожу, маг? У тебя-то нет защиты, как у Геборика...

– Не знаю, девочка. Я открыл свой Путь – возможно, этого хватило.

– А почему ты не укрыл им меня?

Кальп отвёл глаза.

– Я думал, что укрыл, – пробормотал он.

Мазь была прохладной и будто впитывала в себя боль. Под слоем прозрачного вещества кожа начала зарастать. Кальп намазал её там, где самой было не дотянуться, и когда миска наполовину опустела, последние вспышки агонии угасли. Фелисин внезапно почувствовала ужасную усталость и села на песок.

Перед её лицом возникло вино в бокале с отломанной ножкой. Наваль улыбался.

– Это тебя укрепит, о нежная дева. Мягкие волны унесут сознание прочь от страданий, в куда более мирные воды жизни. Пей, милая, пей. Я чрезвычайно пекусь о твоём здоровье.

Фелисин приняла бокал.

– Почему? – спросила она. – Почему ты обо мне так печёшься?

– Человек моего достатка многое может тебе предложить, дитя. Всё, что ты даруешь по доброй воле, будет мне наградой. И знай, я весьма нежен.

Фелисин пригубила терпкое, прохладное вино.

– В самом деле?

Наваль торжественно кивнул, его глазки заблестели в складках пухлой плоти.

– Даю слово.

Худ свидетель, это не худший вариант. Богатство, все удобства, покой и любые капризы. Дурханг и вино. Мягкие подушки...

– Я чувствую в тебе мудрость, милая, – проворковал Наваль, – и не буду настаивать. Лучше, чтобы ты сама выбрала верный Путь.

Слуги расстелили на земле одеяла. Один из мертвецов раздул походную печь, при этом обрывки рукава его рубахи вспыхнули и задымились, но все сделали вид, будто не заметили этого.

Вокруг быстро стучалась тьма. Наваль приказал зажечь фонари и водрузить их на шесты по периметру вокруг лагеря. Один из трупов стоял за плечом у Фелисин и после каждого глотка заново наполнял бокал. Плоть мертвеца казалась погрызенной. Блѣклые запястья покрывали маленькие бескровные ранки. У него выпали все зубы.

Фелисин взглянула на него, постаравшись не отшатнуться.

– А как ты умер? – язвительно поинтересовалась она.

– Ужасно.

– Но как именно?

– Мне запрещено рассказывать. Я умер ужасно, смертью, достойной кошмаров самого Худа. Она была долгой, но быстрой, вечность, пролетевшая в один миг. Я был удивлѣн, но знал. Малая боль, но великая боль, текучая тьма, но ослепительная...

– Ясно. Теперь я понимаю, что имел в виду твой хозяин.

– Ты поймѣшь.

– Не увлекайся, девочка, – окликнул Кальп, сидевший у походной печи. – Лучше сохранить ясную голову.

– Зачем? Она мне пока ничем не помогла, не так ли? – Из чувства противоречия Фелисин залпом осушила бокал и подняла, чтобы слуга его наполнил. Голова кружилась, руки и ноги стали ватными. Слуга расплескал вино по её запястью.

Наваль вернулся в своё широкое мягкое кресло и наблюдал за тремя гостями с довольной улыбкой на устах.

– Компания смертных – это так прекрасно! – повизгивал он. – Я так счастлив, просто купаюсь в земном. Скажите, куда же вы направляетесь? Что толкнуло вас на столь опасный поход? Восстание? Оно и вправду стало столь кровавым, как мне рассказывали? Такая несправедливость, увы, всегда воздаётся сторицей. Боюсь, этого урока они не выучили.

– Мы идѣм в никуда, – сообщила Фелисин.

— Тогда, быть может, мне удастся уговорить вас сменить место назначения?

— А ты предлагаешь защиту? — спросила она. — Насколько надёжную? Что будет, если мы столкнёмся с разбойниками или кем похуже?

— Тебе ничего не грозит, милая. Человек, который торгует магией, имеет много средств для защиты своей плоти. Не раз во время странствий мне приходилось отделяться от подлецов и глупцов. Иногда ко мне привязывались, но все отступали, когда я даровал им мудрость. Милая, ты умопомрачительна — такая гладкая, загорелая кожа... бальзам для моих очей.

— Что же скажет твоя жена? — проворковала Фелисин.

— Увы, я вдовец. Моя благоверная прошла во Врата Клобука почти год назад. Не без приятствия скажу, что жизнь она прожила полновесную и счастливую — это меня очень утешает. Ах, если бы только дух её мог восстать, чтобы уверить и успокоить тебя, милая.

Над жаровней зашипело мясо на вертелах.

— Маг, — проговорил Наваль, — ты открыл свой Путь. Скажи, что ты видишь? Неужели я дал тебе повод для недоверия?

— Нет, торговец, — ответил Кальп. — И я не вижу ничего подозрительного... но заклятья вокруг нас — Высшие чары. Я поражён.

— Для самозащиты — лишь самое лучшее.

Земля вдруг задрожала, и что-то огромное, поросшее бурым мехом, вломилось в сферу напротив Фелисин. Плечо зверя было почти три сажени в высоту. В следующий миг создание зарычало и отступило.

— Звери! Они заполонили эту пустыню! Но не бойтесь — никто не сумеет одолеть мою защиту. Я призываю к спокойствию.

Покой, я очень спокойна. Мы наконец в безопасности. Ничто не сможет добраться до нас...

Когти длиной в палец прорвали полосы в мерцающей стенке сферы, яростный рёв потряс воздух.

Наваль вдруг с удивительным проворством вскочил.

— Прочь, проклятый! Вон отсюда! Давайте по одному!

Фелисин заморгала. Давайте по одному?

Сфера замерцала сильнее там, где зарастали рваные дыры. Чудовище с другой стороны снова заревело, на этот раз явно от разочарования. Когти снова разорвали стену, но раны сходились на ней практически мгновенно. Тяжёлое тело ударилось о магический барьер, отступило, попробовало снова.

— Мы в безопасности! — закричал Наваль, лицо его потемнело от ярости. — Он не преуспеет, сколь бы ни упрямылся! Но как же мы будем спать под такой шум?

Кальп двинулся к торговцу, который невольно отступил на шаг. Маг обернулся к настойчивому зверю за стеной.

— Это одиночник, — проговорил он. — Очень сильный..

Для Фелисин всё, что произошло потом, слилось в один сплошной, почти изящный поток. Как только Кальп повернулся спиной к торговцу, Наваль будто расплылся под шелками, его кожа потемнела, превратилась в блестящий мех. Пряный запах хлынул горячим потоком и одолел цитрусовые духи. Из шёлка нарастающим потоком хлынули крысы.

Геборик закричал, но было уже поздно.

Крысы набросились на Кальпа, окутали его бурлящим плащом, их было даже не десятки — сотни.

Вопль мага прозвучал глухо. В следующий миг холм крыс провалился, когда Кальп упал под их весом.

Четверо носильщиков стояли в стороне и наблюдали.

Геборик бросился в гущу крыс, его призрачные руки теперь превратились в пылающие огненные перчатки: одна — нефритово-зелёная, другая — ржаво-красная. Крысы отшатнулись. Те, кого он хватал, мгновенно выгорали в бесформенную массу изуродованной плоти и костей. Но стая откатилась назад, всё больше и больше маленьких беззвучных тварей влезали друг на друга, так что на земле появлялись холмики.

Крысы бросились вроссыпь от того места, где лежал Кальп. Фелисин заметила блеск влажных костей, разодранный плащ. И не поняла, откуда они там взялись.

Одиночник по ту сторону барьера с бешеной яростью наседавал на сферу. Рваные раны смыкались всё медленнее. В один из разрывов просунулась лапа медведя — шириной с талию Фелисин.

Крысы поднялись извивающимся полумесяцем, чтобы наброситься на Геборика. Не переставая кричать, бывший жрец отскочил назад.

Кто-то схватил Фелисин за воротник сзади и вздёнул на ноги.

— Хватай его, девочка, и бегите!

Голова кружилась, она вывернулась и уставилась в обветренное лицо Бодэна. В другой руке он держал четыре фонаря.

— Да шевелись же! — Он сильно толкнул Фелисин к Геборику, который всё ещё отступал, хотя ползущая волна не отставала от него ни на шаг. Позади Геборика в шель протискивались две тонны бурой ярости.

Бодэн прыгнул куда-то за спину жреца и разбил один из фонарей о землю. Масло брызнуло во все стороны текучими языками пламени.

Все крысы одновременно издали дикий вопль.

Четверо слуг разразились хриплым хохотом.

Полумесяц обрушился на Бодэна, но не смог повалить его, как Кальпа. Он взмахнул фонарями и разбил их. В следующий миг Бодэна и сотни крыс объяло пламя.

Фелисин добралась до Геборика. Старик был покрыт кровью из сотен маленьких ран. Его незрячие глаза будто вперились в какой-то внутренний ужас, отражавший страшную картину вокруг. Фелисин схватила его за руку и потащила за собой.

Голос торговца зазвучал у неё в голове. За себя не бойся, милая. Богатство и покой, любые наслаждения, а я нежен с теми, кого выбираю, — о, как я нежен...

Фелисин остановилась.

Оставь мне этого толстошкурого незнакомца и старика, а затем я разберусь с Мессрембом, этим вонючим, невоспитанным одиночником, который так меня не любит...

Но в словах д'иверса Фелисин услышала боль, нотку отчаяния. Одиночник уже почти прорвался через барьер и зашёлся оглушительным, раскатистым рёвом.

Бодэн не падал. Он убивал одну крысу за другой внутри ярящегося пламени, но они бросались на него снова и снова, крыс становилось всё больше, горящее масло начало гаснуть под массой крошечных тел.

Фелисин покосилась на одиночника, оценила его мощь и безудержную ярость. Она покачала головой.

— Нет. У тебя проблемы, д'иверс. — Фелисин снова подхватила Геборика и поволокла к умирающему барьеру.

Милая! Постой! Ах ты, упрямый смертный, когда же ты сдохнешь?!

Фелисин не удержалась от ухмылки. Ничего у тебя не получится — уж я-то знаю.

Вихрь снаружи тоже обрушился на магическую сферу. Ветер хлестнул Фелисин песком по лицу.

— Стой! — прохрипел Геборик. — Кальп...

Фелисин похолодела. Он мёртв, о боги, он мёртв! Его сожрали крысы. А я смотрела, пьяная, равнодушная, ничего не заметила — «давайте по одному». Кальп погиб. Она подавила всхлип, протолкнула жреца через барьер в тот самый миг, когда магическая сфера наконец рухнула. С торжествующим рёвом одиночник бросился в самую гущу крыс. Фелисин не обернулась, чтобы

посмотреть на сражение, не обернувшись, чтобы узнать, какая судьба постигла Бодэна. Волоча за собой Геборика, она помчалась сквозь темнеющую в сумерках бурю.

Далеко они не ушли. Ярость ветра трепала их, давила и наконец заставила укрыться под накренившимся камнем. Оба повалились на землю у его основания, прижались друг к другу и ждали смерти.

Алкоголь в крови погрузил Фелисин в сон. Она пыталась сопротивляться, но затем сдалась, сказав себе, что все ужасы скоро сами её найдут, а быть свидетельницей собственной смерти – небольшое утешение. Нужно теперь открыть Геборику истинную цену знания. Но он и сам узнает. Скоро. Уже совсем скоро...

Фелисин проснулась в тишине. Нет, не в тишине. Рядом кто-то плакал. Фелисин открыла глаза. Вихрь утих. Небо над головой скрывала золотая вуаль мелкого песка. Такого густого, что видно было едва ли на дюжину шагов. Но воздух был неподвижен. О боги, д'иверс вернулся... Но нет, повсюду наступило затишье.

Голова раскалывалась, во рту мучительно пересохло. Фелисин села.

Геборик стоял на коленях, призрачная фигура за лучезарной завесой. Невидимые ладони он прижал к лицу, так что кожа странно сплющилась, будто старик надел диковинную маску. Бывший жрец содрогался всем телом и раскачивался из стороны в сторону в бесконечном ритме горя.

Воспоминания нахлынули на Фелисин. Кальп. Она почувствовала, что сама сейчас расплачется.

– Он должен был что-то почувствовать, – прохрипела Фелисин.

Геборик вздёрнул голову, его незрячие глаза покраснели и опухли.

– Что?

– Маг, – буркнула она, обхватывая себя руками. – Этот ублюдок был д'иверсом.

Он должен был это понять!

– Ох, боги... Девочка, мне бы твою броню!

А если я внутри её истекаю кровью, ты ничего не увидишь, старик. Никто не увидит. Никто не узнает.

– Если бы пришлось, – продолжил Геборик, – я бы остался с тобой, чтобы защитить, как смогу... хоть и гадал бы, зачем я это делаю. Но остался бы.

– Что ты несёшь?

— Меня лихорадит. Яд д'иверса проник в тело и теперь борется с другими чужаками в моей душе — я не знаю, смогу ли выжить, Фелисин.

Она его не слушала. Её внимание привлекло какое-то шарканье. Кто-то приближался, с трудом волоча ноги по камням. Фелисин вскочила на ноги, обернулась на звук.

Геборик замолчал и склонил голову набок.

Из охряного тумана вынырнула фигура, при виде которой когти безумия вонзились в её душу. Фелисин услышала, как из её горла вырвался всхлип.

Бодэн обгорел, крысы обгрызли его, сожрали целые части тела. В некоторых местах плоть прогорела до кости, от жара его живот распух газами так, что он казался беременным, кожа и плоть разорвались. От лица ничего не осталось, кроме рваных дыр там, где должны были быть глаза, нос и рот. Но Фелисин его узнала.

Он подошёл ещё на шаг, затем медленно осел на землю.

— Что это? — шёпотом спросил Геборик. — На сей раз я действительно слеп — кто пришёл?

— Никто, — сказала Фелисин после долгого молчания. Она медленно подошла к существу, которое прежде было Бодэном. Фелисин опустилась на тёплый песок, приподняла его голову и положила себе на колени.

Он тоже её узнал, потянулся обожжённой, покрытой коркой рукой к её локтю, затем уронил руку на песок. Бодэн заговорил, каждое слово вырывалось наружу со скрипом натянутой верёвки.

— Я думал... огонь... не берёт.

— Ты ошибся, — прошептала она, и образ брони внутри вдруг начал рассыпаться, по панцирю побежали трещинки. А под ним, под ним вызревало нечто.

— Моя клятва.

— Твоя клятва.

— Твоя сестра...

— Тавор.

— Она...

— Нет, Бодэн. Ничего не говори о ней.

Он с хрипом вздохнул.

— Ты...

Фелисин ждала, надеялась, что жизнь покинет это тело, улетит сейчас, прежде чем...

— Ты... оказалась... не такой... как я думал...

Броня может укрыть всё, что угодно, прежде чем развалится. Даже ребёнка. Особенно ребёнка.

Земля совершенно слилась с небом. Весь мир объяла золотая тишь. По тропинке покатались камни, когда Скрипач выбрался на гребень, и их треск показался ему ужасно громким. Она затаила дыхание. И ждёт.

Сапёр утёр пот и пыль со лба. Худов дух, ничем хорошим это не закончится.

Из мглы впереди вынырнул Маппо. Усталость заставила огромного трелля шаркать даже больше, чем обычно. Веки вокруг глаз покраснели, а складки у мощных клыков глубоко врезались в обветренную кожу.

— Тропа уходит всё вперёд и вперёд, — проговорил Маппо, присаживаясь рядом с сапёром. — Думаю, девочка сейчас с отцом — они идут вместе. Скрипач... — Трелль помедлил.

— Да. Богиня Вихря...

— Я чую... в воздухе... ожидание.

Скрипач даже фыркнул от такого преуменьшения.

— Ладно, — вздохнул через некоторое время Маппо, — пойдём-ка к остальным.

Икарий отыскал плоский каменный выступ, окружённый большими валунами. Крокус сидел, прислонившись к одному из них спиной, и смотрел, как ягг раскладывает в центре еду. Выражение лица, с которым молодой даруджиец встретил сапёра, принадлежало заметно более зрелому человеку.

— Она не вернётся, — сказал Крокус.

Скрипач промолчал, снял с плеча арбалет и поставил рядом. Икарий откашлялся.

— Иди поешь, парень, — сказал он. — Владения пересекаются, и всё возможно... в том числе неожиданное. Горевать о том, что ещё не произошло, — бесполезно. С другой стороны, тело требует подкрепления, и никому из нас не пойдёт на пользу, если у тебя не останется сил тогда, когда настанет пора действовать.

— Уже слишком поздно, — пробормотал Крокус, но всё равно поднялся на ноги.

— На этой дороге чересчур много загадок, чтобы уверенно утверждать хоть что-то, — ответил Икарий. — Дважды мы выходили на Пути — их аспекты я не

могу назвать. Они казались древними и расчленёнными, вплетёнными в сами камни Рараку. Однажды я даже услышал запах моря..

— И я тоже, — подтвердил Маппо, пожимая широкими плечами.

— Её странствие ведёт в места, — проговорил Крокус, — где такие вещи, как перерождение, становятся всё более и более возможными. Я ведь прав в этом, да?

— Возможно, — согласился Икарий. — Но тени печали намекают на неуверенность, Крокус. Не упускай этого.

— Апсалар не пытается от нас убежать, — сказал Маппо. — Она ведёт нас. Какое значение этому придать? Благодаря божественным умениям она легко могла бы скрыть свой след — тем порождённым Тенью осадком, который для нас с Икарием виден столь ясно и чётко, как имперский тракт.

— Может быть и нечто другое, — пробормотал Скрипач. Все лица обернулись к нему. Сапёр глубоко вздохнул, затем медленно заговорил: — Она знает наши намерения, Крокус, — наш с Каламом план, которому, насколько мне известно, он до сих пор следует. Она могла вообразить, что, приняв облик Ша'ик, сумеет... опосредованно... поддержать наши усилия. В совершенно собственном стиле, а не в духе того бога, который когда-то её одержал.

Маппо криво усмехнулся.

— Ты многое скрыл от нас с Икарием, солдат.

— Имперское дело, — бросил сапёр, не встречаясь с треллем глазами.

— Но упомянутое дело выиграет от восстания на этой земле.

— Только в краткосрочной перспективе, Маппо.

— Став возрождённой Ша'ик, Апсалар не просто сменит костюм, Скрипач. Цель богини войдёт в её сознание и душу. Такие видения и явления изменят её.

— Боюсь, подобной возможности она не учитывает.

— Она не дура! — возмутился Крокус.

— Я этого не говорю, — ответил Скрипач. — Нравится тебе это или нет, но Апсалар не чужда божественная гордыня — я видел эту самонадеянность в Генабакисе и замечаю её следы в девочке. Вот, к примеру, её последнее решение — уйти из храма Искарала, одной, чтобы догнать отца.

— Иными словами, — заметил Маппо, — ты думаешь, она верит, что сможет противостоять влиянию богини, даже если примет роль пророчицы и военачальницы.

Крокус нахмурился.

— У меня мысли разбегаются. Что, если бог убийц снова одержал её? Что будет, если восстание вдруг возглавит Котильон — и, как следствие, Амманас? Старый Император вернулся, чтобы отомстить.

Наступила тишина. Скрипач грыз эту мысль, как одержимый пёс, уже несколько дней, с тех самых пор, как она пришла ему в голову. Убитый Император, который стал богом, теперь тянется из теней, чтобы занять свой трон — уж никак не приятная перспектива. Одно дело пытаться убить Ласин — это, в конце концов, дело смертных. А вот бог, который будет править империей смертных, — совсем другое. Это привлечёт других Взшедших, и в этом состязании могут погибнуть целые цивилизации.

Спутники доели в полном молчании.

Мелкая пыль всё никак не желала оседать; она просто висела в воздухе — неподвижная, горячая и безжизненная. Икарий снова упаковал припасы. Скрипач подошёл к Крокусу.

— Беспокоиться тут без толку, парень. Она нашла отца спустя столько лет — что-то об этом можно сказать, как думаешь?

Даруджиец криво улыбнулся.

— О да, об этом я подумал, Скрип. И я, конечно, рад за неё, хоть и не доверяю ему. То, что должно было стать чудесной встречей, испорчено. Искаралом Прыщом. Уловками Тени. Всё пошло не так..

— Как бы ты себе ни представлял эту встречу, Крокус, она принадлежит Апсалар.

Юноша долго молчал, затем кивнул.

Скрипач снова поднял арбалет и закинул его за плечо.

— По меньшей мере, нас больше не тревожили солдаты Ша'ик. И д'иверсы с одиночками.

— Куда она ведёт нас, Скрип?

Салёр пожал плечами.

— Подозреваю, мы это скоро узнаем.

Высокий мужчина стоял на большом валуне и смотрел на Рараку. Тишина вокруг была абсолютной; он слышал собственное сердцебиение, ровный, бездумный ритм в груди. И начал его бояться.

За спиной покатались камешки, вскоре появился тоблакай и бросил двух ящериц длиной с руку на выжженный солнцем камень.

— Все твари выползли посмотреть, что происходит, — пророкотал громадный юноша. — Редкое дело — мясо, достойное трапезы.

Тоблакай выглядел исхудавшим. Приступы яростного нетерпения покинули его, и Леоман был этому рад, хоть и понимал, что виной тому недостаток сил. «Ждём, пока Худ не придёт, чтобы забрать нас», — прошептал варвар несколько дней назад, когда Вихрь взвился с новой яростью.

Леоману нечего было ответить на это. Его вера рушилась. Укрытый тканью труп Ша'ик по-прежнему лежал между обтёсанными ветром каменными столбами. Он ссохся. Парусиновый саван истрепался под бесконечным, жестоким ветром. В прорехи выпирали сухие выступы её суставов. Волосы, которые продолжали расти ещё несколько недель, выбились и неустанно метались на ветру.

Но всё изменилось. Богиня Вихря задержала своё бессмертное дыхание. Пески пустыни, которые сорвались со своих каменных костей, отказывались оседать на землю.

Тоблакай увидел в этом смерть Вихря. Убийство Ша'ик вызвало длительную вспышку ярости, побеждённая богиня бесновалась в бессильном гневе. И хотя восстание продолжало разворачивать свой кровавый плащ над Семью Городами, сердце его умерло. Армии Апокалипсиса превратились в конвульсивно дёргающиеся конечности трупа.

Леоман, которого терзали рождённые голодом лихорадочные видения, тоже начал склоняться к этой мысли.

Однако...

— Эта трапеза, — проговорил тоблакай, — даст нам необходимые силы, Леоман.

Необходимые, чтобы уйти. А куда нам идти? В оазис в центре Рараку, где до сих пор ждёт армия мёртвой провидицы? Неужели мы — избранные вестники трагического поражения? Или мы бросим их? Уйдём в Пан'потсун, затем в Эрлитан, скроемся неузнанными?

Воин обернулся. Его взгляд пробежал по земле и остановился на Книге Дриджны, которая ждала, не тронутая Вихрем, неприступная даже для песка, который пробивался всюду. Сила живёт. Неугасимая. Когда я смотрю на эту книгу, я знаю, что не могу уйти...

«Клинка в руках и в мудрости безрукой. Юная, но старая, одна жизнь целая, другая — неполная: она восстанет...» Остались ли в этих словах скрытые истины? Неужели воображение — упрямое желание — предало его?

Тоблакай присел рядом с мёртвыми ящерицами, перевернул первую на спину и приставил кончик ножа к брюху.

— Я пойду на запад, — сказал он. — В Ягг-одан...

Леоман обернулся. В Ягг-одан, чтобы встретиться лицом к лицу с другими великанами. С самими яггами. Треллями. Другими дикарями. В тамошней глуши парень будет чувствовать себя как дома.

— Дело ещё не кончено, — произнёс воин.

Тоблакай оскалился, его пальцы вошли в разрез на брюхе ящерицы и вынырнули с комком липких внутренностей.

— Это самка. Говорят, икра помогает от лихорадки, верно?

— Я не брежу.

Великан промолчал, но Леоман заметил, как напряглись его плечи. Тоблакай принял решение.

— Забирай то, что осталось от твоей добычи, — сказал воин. — Тебе она понадобится больше, чем мне.

— Ты шутишь, Леоман. Ты себя не видишь со стороны, как вижу я. Одни кожа да кости. Ты собственные мускулы пожрал. Когда смотрю на тебя, вижу под кожей череп.

— Тем не менее я в здравом уме.

Тоблакай хмыкнул.

— Здоровый человек этого бы не сказал так уверенно. Не в этом ли тайное откровение Рараку? «Безумие — это лишь состояние сознания».

— «Речи шута» — подходящее название, — еле слышно пробормотал Леоман. Горячий неподвижный воздух наливался напряжением. Воин почувствовал, как его сердце забилось чаще, сильнее.

Тоблакай выпрямился, его огромные руки были измазаны кровью.

Оба медленно повернулись к древним каменным воротам. Чёрные волосы, выбившиеся из-под савана, вздрогнули, кончики затрепетали. Висевшая в воздухе пыль начала вихриться за столбами. В воронке поблёскивали искры, словно самоцветы на охряном плаще.

— Что? — спросил тоблакай.

Леоман взглянул на Святую книгу. Кожаный переплёт блестел, будто покрылся потом. Воин сделал шаг к воротам.

Из песчаной мглы появились две фигуры. Они шли бок о бок, обнявшись, спотыкаясь, но прямо к столбам — и труп, лежавшему между ними.

«Клинка в руках и в мудрости безрукой...»

Старик. И молодая женщина. Сердце бешено заколотилось в груди Леомана, когда воин внимательнее присмотрелся к ней. Так похожи. Тёмная угроза льётся из неё. Боль, а из боли — ярость.

Позади послышался глухой удар и треск камня. Леоман обернулся и увидел, что тоблакай упал на колени, склонив голову перед приближавшимися призраками.

Женщина подняла голову, увидела сперва завёрнутый в саван труп Ша'ик, затем — Леомана и коленопреклонённого великана. Она остановилась, почти над самым телом, чёрные волосы парили, будто под силой статического заряда.

Младше. Но огонь внутри... прежний. О, моя вера...

Леоман опустился на одно колено.

— Ты возродилась, — сказал он.

В тихом смехе женщины прозвучал триумф.

— О да, — сказала она.

Женщина перехватила старика — голова его безвольно обвисла, одежда превратилась в лохмотья.

— Помогите мне с ним, — приказала она. — Только осторожно с его руками...

Книга четвёртая

Врата Мёртвого дома

Колтейн катится медленно

по горящей земле.

Ветер воет в костях

одержимых ненавистью солдат.

Колтейн ведёт цепь собак,

норовящих укусить его за руку.

Колтейнов кулак кровит дорогу домой

вдоль рек, где песок пропитался красным.

Весь отряд воет в его костях

с обидой и злорадством.

Колтейн ведёт цепь собак,

норовящих укусить его за руку.

Колтейн. Походная песня «Костоловов»

Глава пятнадцатая

Бог, идущий по смертной земле, оставляет кровавый след.

Тэни Бьюл. Речи шута

— Собачья цепь, — проворчал моряк голосом тёмным и тяжёлым, как воздух в трюме. — Такого проклятья злейшему врагу не пожелаешь. Сколько там, тридцать тысяч голодных беженцев? Сорок? И потом побитые аристократы среди них. Скоро в Колтейновых часах песочек закончится, помяни моё слово.

Калам пожал плечами в полумраке, продолжая ощупывать руками влажные доски. Назовёшь корабль «Затычкой», и течь начинается ещё до того, как поднимаешь якорь.

— Пока что он держится, — пробормотал убийца.

Моряк отвлёкся от сортировки груза.

— Ты только глянь, а? Три пятых трюма забили, а воду с припасами ещё даже не начали грузить. Корболо Дом подобрал Релоя и его армию — вместе сколько это выходит? Пятьдесят тысяч мечей всего? Шестьдесят? Предатель хорошо ухватится за эту цепь у Ватара. А ещё добавь все племена, что зашевелились на юге, и да хранит нас Беру, этому виканскому псу конец. — Моряк закричал, поднимая ещё один парусиновый тук. — Тяжёлый, будто золото... и это не пустые слухи, я тебе скажу. Этот пузырь ворвани, который себя называет Первым Кулаком, держит нос по ветру — смотри, повсюду его печать. Гнусный червяк собрался сбежать с награбленным. Зачем ещё имперскому казначею подниматься к нам на борт? Да ещё и с двадцатью морпехами...

— Может, ты и прав, — рассеянно проговорил убийца. Сухой доски он пока так и не нашёл.

— Ты-то, выходит, конопатчик, да? Зазноба у тебя тут, в Арэне? Небось сам бы удавился, чтоб с нами уйти в море? Да только нам и так не протолкнуться — сам казначей да ещё двое надушенных господ.

— Надушенных господ?

— Ага, видел уж одного — на борт поднялся минут десять назад. Гладкий, что крысиная кашка, весь блистает да благоухает, но сколько цветочным нектаром ни брызгай, а заднепроходца за лигу видно, если понимаешь, о чём я.

Калам ухмыльнулся в темноте. Не совсем, старый ты шлюп, но догадываюсь.

— А что второй? — поинтересовался убийца.

— Да тоже небось, только его я ещё не видел. Поднялся на борт с капитаном, говорят. Семигородских кровей, не поверишь. Это ещё было до того, как нас капитан вытащил из портовой кутузки — да и не за что нас там было держать, учти, — Худов дух, вот насядет на тебя взвод солдат и давай придирается, так ты бы тоже, верно, кулаком их погладил, а? Мы и на десять шагов от трапа не отошли — вот тебе и увольнение!

— Последний порт захода?

— Фалар. Бабы здоровее, рыжие да мускулистые — всё, как мне нравится. Эх, было времечко!

— Груз?

— Оружие довозили, чтоб успеть до флота Тавор. По волнам скакали, словно хрюшка, скажу тебе — и точно так же доскачем до самой Унты. Выпятишь чуток брюшко, и твой хозяин ручки-ножки замочит, а? Зато деньги хорошие, я так думаю.

Калам разогнулся.

— Для полного ремонта времени не хватит, — проговорил он.

— Никогда же его нет, но — благослови тебя Беру — делай, что можешь.

Убийца откашлялся.

— Уж прости, но ты ошибся. Я не из людей конопатчика.

Моряк застыл над одним из тюков.

— А кто?

Калам вытер руки о его плащ.

— Я — второй надушенный господин.

В темноте трюма воцарилась тишина, затем послышалось тихое бормотание, а затем:

— Извиняйте, сударь.

— Не извиняйся, — бросил убийца. — Кто бы поверил, что один из гостей капитана полезет сюда, чтобы пощупать борта? Я человек осторожный, и, увы, это всё меня не успокаивает.

— Малость протекает, правда, — сказал моряк, — но у капитана трое верных людей воду откачивают по часам, сударь. И любую волну удержит, уж много раз проверено. У капитана-то есть счастливая рубашка!

— Я её видел, — проворчал Калам и зашагал вдоль ряда сундуков, украшенных печатями Первого Кулака. Он уже добрался до лестницы и положил руки на перекладины, но вдруг остановился. — А как у бунтовщиков дела на Сахульском море?

— Всё горячее, сударь. И благослови всякий бог морпехов, потому как мы с таким грузом и от плоскодонки не уйдём.

— А эскорт?

— Пормкваль приказал флоту Нока удерживать гавань. Они нас прикроют в Арэнской бухте до самого выхода в Криводожальское море.

Калам поморщился, но промолчал. Он поднялся по лестнице на верхнюю палубу.

«Затычка» тяжело покачивалась на волнах у имперского причала. Грузчики и матросы были заняты работой, так что убийце было тяжело найти место, где он не путался бы у кого-то под ногами. Наконец Калам нашёл хорошую точку обзора на юте, около штурвала. На противоположной стороне широкого каменного причала был пришвартован большой малазанский транспортный корабль. Лошадей, которых он привёз из Квон-Тали, выгрузили ещё час назад. Остались лишь несколько портовых рабочих, которые выгружали останки забитых животных, не переживших долгое плавание. Обычно мясо таких коней засаливали, если только корабельный врач признавал его съедобным. Шкурам на борту находили множество способов применения. Таким образом, портовикам остались головы да кости, на которые, тем не менее, нашлось множество покупателей — люди столпились у самого имперского поста в начале дока.

Капитана Калам не видел уже два дня — с того утра, когда они поднялись на борт. Тот проводил убийцу в маленькую каюту, которую для него выкупил Салк Элан, и быстро оставил одного, отправившись вызволять свою команду из тюрьмы.

Салк Элан... Жду не дождусь составить с тобой знакомство...

У трапа послышались голоса, и Калам увидел, что на палубу поднялся капитан. Сопровождал его высокий сутулый мужчина средних лет с длинным, острым, болезненно тонким лицом. Он густо покрыл щёки светло-голубой пудрой по новейшей придворной моде и облачился в напанский морской костюм, который был ему явно велик. Рядом высились телохранители — крепкие, краснолицые, с густыми чёрными бородами и грубо заплетёнными усами. На них были плоские шлемы с наносниками и полные кольчужные рубахи, у поясов — широкие тальвары. Определить происхождение телохранителей Калам не смог. Сами воины и их хозяин очень неуверенно стояли на мягко покачивающейся палубе.

— Ага, — проговорил за спиной у Калама тихий голос, — вот и казначей Пормкваля.

Калам молниеносно обернулся и обнаружил, что говоривший стоит рядом, облокотившись о планширь. На расстоянии выпада.

Мужчина улыбнулся.

— Тебя хорошо описали.

Убийца внимательно рассмотрел незнакомца. Он был молод, строен, одет в свободную, ядовито-зелёную шёлковую рубашу. Лицо приятное, но слишком резкие черты, чтобы назвать его дружелюбным. На длинных пальцах поблёскивают кольца.

— Кто? — резко спросил Калам, которого внезапное появление этого человека вывело из равновесия.

— Наш общий друг в Эрлитане. Я — Салк Элан.

— У меня нет друзей в Эрлитане.

— Значит, я неудачно выразился. Тот, кто был должен тебе, и кому, в свою очередь, был должен я, так что мне было поручено обеспечить твоё отбытие из Арэна, что я, собственно, и сделал, избавившись, таким образом, от всяких других обязательств — и весьма вовремя, смею заметить.

Никакого оружия у этого человека Калам не заметил, и это говорило очень о многом. Убийца презрительно ухмыльнулся.

— Игры.

Салк Элан вздохнул.

— Мебра, передавший тебе Книгу, которая была должным образом доставлена Ша'ик. Ты направлялся в Арэн, так, во всяком случае, заключил Мебра. Он также подозревал, что с учётом твоих, гм-м, талантов, ты решил принести Святое Дело в самое сердце Империи. Точнее, не принести, а вонзить в одно конкретное сердце. Среди прочих приготовлений я сумел установить своего рода растяжку у врат Имперского Пути, которая, в свою очередь, вызвала бы последовательность заранее подготовленных событий. — Салк Элан откинул голову, глядя на крыши города. Его улыбка стала шире. — Однако, как выяснилось, мои возможности в Арэне в последнее время оказались несколько ограниченны, поэтому подобные приготовления оказались осложнены. К тому же за мою голову была назначена награда — чудовищное недоразумение, уверяю тебя, однако я мало доверяю Имперскому суду, особенно когда в деле замешана личная гвардия Первого Кулака. Поэтому я выкупил не одно место, а два — каюту напротив твоей, собственно говоря.

— Капитан не показался мне человеком, чья преданность обходится дёшево, — проговорил Калам, пытаясь скрыть тревогу. Если Мебра догадался, что я собираюсь убить Императрицу, — кто ещё? А этот Салк Элан, кем бы он ни был, явно не знает, когда надо заткнуться... если, конечно, он меня не

провоцирует. Кстати, тут может работать классическая уловка. Нет времени проверять правдивость сказанного, когда тебя гонит страх...

Высокий голос казначея взвился над палубой, осыпая капитана разнообразными жалобами. Тот если и отвечал, то делал это шёпотом.

— О нет, не дёшево, — согласился Салк Элан. — Преданность ему попросту незнакома.

Калам хмыкнул; с одной стороны, он был разочарован неудачей своего ложного выпада, а с другой, доволен подтверждением собственной оценки характера капитана. Худов дух, имперские патенты нынче не стоят промасленной кожи, на которой пишутся...

— Ещё один источник опасений заключается в том, — продолжил Элан, — что этот малый заметно хитрее среднего капитана и, кажется, находит особое интеллектуальное наслаждение в том, чтобы юлить и финтить. Не сомневаюсь, что он перегнул палку во время загадочной встречи с тобой в таверне.

Калам невольно усмехнулся.

— Неудивительно, что он мне сразу понравился.

Элан рассмеялся — тихо, но понимающе.

— И, разумеется, потому я с таким нетерпением жду обедов, которые мы будем вкушать за его столом каждый вечер во время плавания.

Калам сдержал улыбку и проговорил:

— Второй раз не подставляю тебе спину, Салк Элан.

— Твоё внимание отвлекли, разумеется, — невозмутимо ответил тот. — Я не ожидаю, что такая возможность повторится.

— Рад, что мы друг друга поняли, потому что в твоих объяснениях больше пробоин, чем в этом корабле.

— Рад? Какое преуменьшение, Калам Мехар! Я просто счастлив, что мы так хорошо друг друга поняли!

Калам отступил в сторону и бросил взгляд на палубу. Казначей продолжал свою тираду против капитана. Матросы замерли, не сводя глаз с происходящего.

Салк Элан заговорил:

— Непростительное нарушение этикета, не так ли?

— Команда корабля подчиняется капитану, — проговорил убийца. — Если бы он того хотел, уже давно всё это прекратил бы. Сдаётся мне, что капитан просто ждёт, когда визг сам собою уляжется.

— Тем не менее я бы предложил нам обоим присоединиться к обсуждению.

Калам покачал головой.

— Это не наше дело, и проку в том никакого. Однако не смею навязывать своё мнение.

— Ах, но это ведь наше дело, Калам. Неужели ты хочешь, чтобы всех пассажиров команда возненавидела? Быть может, конечно, тебе нравится, когда кок плюёт в твою кашу..

А ведь этот ублюдок прав.

Калам посмотрел, как Салк Элан легко спустился на палубу, и вскоре догнал его.

— Милостивый государь! — воскликнул Элан.

Казначей и оба его телохранителя мгновенно повернулись.

— Вы, я надеюсь, высоко цените терпение капитана, — продолжил Элан, приближаясь. — На всяком другом корабле вас и ваших изнеженных слуг уже выбросили бы за борт, и, по крайней мере, двое пошли бы на дно, как балластные камни — весьма привлекательная перспектива.

Один из телохранителей зарычал и шагнул вперёд, сжимая волосатый кулак на рукояти тальвара.

Лицо казначея под капюшоном из тюленьей кожи было до странности бледным, на нём не выступило и капельки пота, несмотря на жару и тяжёлый напанский плащ.

— Ах ты жалкое подобие крабьего ануса! — взвизгнул казначей. — А ну катись в свою нору, вонючий подонок, пока я не вызвал портового судью, чтобы заковать тебя в цепи! — Он взмахнул бледной длиннопалой рукой. — Мегара, избежь этого человека до потери сознания!

Телохранитель, не убирая руки с тальвара, шагнул вперёд.

— Отставить! — заревел капитан. Полдюжины матросов мгновенно оказались между усатым телохранителем и Салком Эланом. В руках у моряков угрожающе покачивались заточки и ножи. Телохранитель замешкался, а затем попятился.

Капитан улыбнулся и упёр руки в бока.

— А теперь, — проговорил он спокойным и практичным тоном, — мы со счетоводом продолжим беседу у меня в каюте. Моя команда тем временем поможет этим двум слугам снять Худом деланные доспехи и спрячет их в надёжном месте. Указанные слуги затем должны помыться, и корабельный врач осмотрит их на предмет паразитов — которых я не терплю на борту «Затычки», — а когда осмотр будет закончен, они помогут погрузить остаток вещей своего хозяина, не считая скамьи свинцового дерева, которую мы подарим таможеннику, чтобы не затягивать отплытие. И, наконец, впредь сквернословить на моём корабле — сколь угодно изобретательно — позволено только мне и никому больше. Это всё, господа.

Если казначей и собирался возмутиться, то не успел, поскольку внезапно рухнул на палубу. Оба телохранителя обернулись, услышав глухой удар, и уставились на своего бесчувственного хозяина. Через мгновение снова заговорил капитан:

— Нет, похоже, не всё. Отнесите счетовода вниз и снимите с него тюленью шкуру. У корабельного врача прибавилось работы, а мы ещё даже якорь не подняли. — Он обернулся к Салку Эллану и Каламу. — А вы, господа, можете присоединиться ко мне в каюте.

Каюта оказалась не намного больше той, что отвели убийце, вещей в ней почти не было. Только через несколько минут капитан сумел отыскать три кружки, в которые и налил местного кислого эля из глиняного кувшина. Не удосужившись провозгласить тост, он одним глотком ополовинил свою кружку и вытер губы тыльной стороной ладони. Глаза его постоянно бегали, ни разу не остановившись на обоих гостях.

— Правила, — сказал он, поморщившись. — Всё просто: держитесь подальше от казначея. Ситуация... запутанная. Поскольку адмирал арестован...

Калам поперхнулся элем и прохрипел:

— Что? По чьему приказу?

Капитан нахмурился, глядя на туфли Эллана.

— Первого Кулака, разумеется. Никак иначе флот в бухте бы не удержали.

— Императрица...

— Вероятно, не знает. В городе уже много месяцев не было ни одного Когтя — никто не знает почему.

— Их отсутствие, — проговорил Эллан, — придаёт безусловную силу решениям Пормквалля, как я понимаю.

— Более или менее, — согласился капитан, который теперь перевёл взгляд на потолочную балку. Он добил свой эль и налил ещё. — В любом случае, личный казначей Первого Кулака явился сюда с рескриптом, который делает его командующим на время плавания, а значит, ему дарована привилегия отменять мои приказы, если он того пожелает. Однако, хоть у меня и есть имперский патент, ни я сам, ни мой корабль и команда, по сути, не входим в Имперский флот, поэтому, как я уже сказал, ситуация запутанная.

Калам поставил кружку на единственный стол в каюте.

— Прямо напротив нас стоит имперский транспортник, который собирается отплыть в самом скором времени. Какого Худа Пормкваль не погрузил на него этого казначея и свои трофеи? Вдобавок тот корабль больше и лучше защищён...

— Точно. И его тоже реквизировал Первый Кулак. Транспорт отправится в Унту вскоре после нас, повезёт домочадцев и драгоценных племенных жеребцов Пормкваля, так что места там будет мало, а вони много. — Он пожал плечами так, будто невидимые руки вздёрнули его плечи вверх. Нервно взглянул на дверь, прежде чем перевести немного отчаянный взгляд обратно на балки над головой. — «Затычка» быстрая, когда нужно. Вот теперь — всё. Допивайте. В любую минуту погрузятся морпехи, и я хочу, чтоб мы отчалили в течение часа.

В коридоре за дверью капитанской каюты Салк Элан покачал головой и пробормотал:

— Не мог же он это сказать всерьёз.

Убийца взглянул на него.

— О чём ты?

— Эль был отвратительный. «Допивайте» — скажешь тоже.

Калам нахмурился.

— Ни одного Когтя в городе — это, интересно, ещё почему?

Элан легко пожал плечами.

— Арэн, увы, изменился. Толпы монахов, жрецов и солдат, тюрьмы забиты невинными, а фанатичные сторонники Ша'ик — в живых остались только самые хитрые, разумеется, — творят беззакония и убивают. Также говорят, что и Пути изменились, хотя, полагаю, об этом ты знаешь больше моего. — Элан улыбнулся.

— Это был ответ на мой вопрос?

— А я похож на знатока дел и приёмов Когтей? Я не только никогда не сталкивался с этими ужасными головорезами, но и принял за привычку не слишком интересоваться ими. — Он внезапно развеселился. — Может, казначей не переживёт теплового удара? Какая приятная перспектива!

Калам отвернулся и пошёл в свою каюту. Он услышал, как Салк Элан вздохнул, а затем двинулся в противоположном направлении и поднялся по лестнице на верхнюю палубу.

Убийца закрыл за собой дверь и прислонился к ней спиной. Лучше войти в ловушку, которую видишь, чем в ту, о которой не догадываешься. Особого утешения эта мысль не принесла. Калам не был даже уверен, что это ловушка. Паутина Мебры раскинулась широко — это Калам всегда знал и сам частенько дёргал её ниточки. Более того, эрлитанец, кажется, не выдал его, когда дело дошло до вручения Книги Дриджны — Калам ведь передал её в руки Ша'ик.

Салк Элан, скорее всего, был магом и выглядел человеком, который отыщет себе применение в драке. Даже не вздрогнул, когда телохранитель казначея пошёл к нему.

И то и другое меня не радует.

Убийца вздохнул. И он привык пить хороший эль, судя по вкусам..

Когда племенных жеребцов Первого Кулака провели через ворота к имперской пристани, поднялся переполох. Всхрапывающие, нервные кони брыкались и толкались среди конюхов, портовых рабочих, солдат и чиновников всех мастей. Главный Конюший вопил и бегал туда-сюда, пытаясь навести порядок, но в итоге только усиливал хаос в толпе.

Женщина, которая держала в руках поводья великолепного жеребца, отличалась от остальных только внимательным спокойствием, и когда Конюший наконец сумел организовать погрузку, она среди первых повела своего подопечного по широкому трапу на имперский транспорт. И хотя Конюший знал каждого из своих работников и жеребцов, его внимание рассеялось из-за необходимости принимать несколько решений одновременно, поэтому он даже не задумался над тем, что эту женщину и коня видит впервые в жизни.

Минала заметила, как «Затычка» отчалила два часа назад, сразу после того, как на борт поднялись два взвода морпехов со своим снаряжением. Торговый корабль отбуксировали из внутренней гавани, прежде чем позволили поставить паруса. По бокам от него шли две имперские галеры – эскорт, который проводит судно через Арэнскую бухту. Четыре таких же военных корабля ожидали транспорт в четверти лиги от порта.

На борту имперского транспорта было полно морпехов: по меньшей мере, семь взводов. На Криводожальском море явно было беспокойно.

Жеребец Калама вскинул голову, как только ступил на верхнюю палубу. Огромный люк, ведущий в трюм, оказался настоящим лифтом, который поднимали и опускали на лебёдках. Первых четырёх лошадей уже завели на платформу.

Старый седой конюх, который стоял рядом с Миналой, окинул взглядом её саму и жеребца.

– Новейшее приобретение Первого Кулака? – спросил он.

Минала кивнула.

– Великолепное животное, – сказал старик. – Хороший глаз у Первого Кулака.

И больше ничего достойного. Этот ублюдок всему городу показывает, что собрался бежать, а когда наконец уплывёт, уведёт с собой весь флот. Ах, Кенеб, куда же мы тебя привели?

Уходите из Арэна, так сказал Калам. Она то же самое советовала Сэльве, когда прощалась, но Кенеб теперь снова оказался в рядах армии. Поступил под командование Блестига, начальника городского гарнизона. Никуда они не уйдут.

Минала подозревала, что никогда больше их не увидит.

И всё ради того, чтобы погнаться за мужчиной, которого я даже не понимаю. Мужчину, который мне, может быть, даже не нравится. Ох, женщина, ты ведь уже взрослая, подумай головой..

Полоса горизонта на юге тянулась тонкой серо-зелёной нитью и колыхалась в горячих потоках воздуха над дорогой. Впереди раскинулась бесплодная земля, усыпанная валунами. По ней тянулась усеянная глиняными черепками торговая дорога, отделившаяся от имперского тракта.

Всадники авангарда остановились на перекрёстке. На восток и юго-восток отсюда лежало побережье, к которому жались деревни и посёлки, а также Святой Город Убарид. Небо в том направлении было затянуто дымом.

Сгорбившись в седле, Дукер вместе с остальными слушал капитана Сульмара.

— ...и в этом они абсолютно единодушны, Кулак. У нас нет другого выхода, кроме как прислушаться к Нэттпаре и Пуллику. В конце концов, более всех пострадают беженцы.

Капитан Сон презрительно хмыкнул.

Под слоем дорожной пыли лицо Сульмара побледнело, но он продолжал:

— Пайки у них урезаны уже до голодного уровня, а вода? В Ватаре она будет, но что до пустыни за ним?

Бальт провёл пальцами по бороде.

— Наши колдуны говорят, что ничего не чувствуют, однако мы ещё далеко — лес и большая река лежат между нами и пустошами. Быть может, духи земли там просто глубоко закопаны, так сказал Сормо.

Дукер посмотрел на колдуна. Тот сидел на коне, молчал и только кутался в плащ старейшины, лицо его скрывалось в тени капюшона. Теперь историк заметил, как дрожат длинные пальцы Сормо на луке седла. Нихил и Бездна всё ещё не оправились после испытания на Гэлоровой гряде и не выходили из своего крытого фургона, так что историк даже засомневался, живы ли они ещё. Последние наши три мага, и двое — мертвы или слишком слабы, чтобы ходить, а третий постарел на десять лет за каждую неделю этого Худом проклятого похода.

— Тактические преимущества очевидны, Кулак, — добавил Сульмар после короткого молчания. — Как бы ни были разгромлены стены Убариды, они предоставят лучшую защиту, чем пустошь, где даже холмов не найти..

— Капитан! — рявкнул Бальт.

Сульмар замолк, его губы сжались в одну тонкую, бескровную линию.

Дукер поёжился, и отнюдь не от медленно подступающей прохлады ночи. Такой большой уступки, Сульмар, согласно виканским представлениям о вежливости, военный вождь мог ждать от кого-то низшего по званию. Какая шкура так поизносилась на тебе, капитан? Ты её, несомненно, быстро сбрасываешь, когда пьёшь вино с Нэттпарой и Пулликом Аларом..

Колтейн не отчитал Сульмара. Никогда не отчитывал. Намёки и претензии, рождённые аристократической заносчивостью и высокомерием, он встречал так же, как и всё остальное, — с холодным безразличием. Может, это и производило впечатление на виканцев, но Дукер замечал, как расхрабрились из-за этого Сульмар и ему подобные.

И капитан ещё не закончил.

— Это не только военное решение, Кулак. Есть в ситуации и гражданский элемент..

— Повысь меня, командор Бальт, — попросил Сон, — чтоб я мог высечь этого пса так, что от шкуры одно воспоминание останется. — Он оскалил зубы и посмотрел на другого капитана. — Иными словами, нам нужно перемолвиться словечком в каком-нибудь тихом месте, Сульмар..

Тот ответил безмолвной ухмылкой. Заговорил Колтейн:

— Нет никакого гражданского элемента. Убарид окажется смертельной ловушкой, если мы его возьмём. В осаде — с суши и с моря — мы не устоим. Объясни это Нэттпаре, капитан. Это твоё последнее задание.

— Последнее, Кулак?

Колтейн промолчал.

— Последнее, — пророкотал Бальт, — значит последнее. Ты разжалован. С позором.

— Прошу прощения у Кулака, но вы этого не можете сделать.

Колтейн повернул голову, и Дукер на миг заподозрил, что капитан всё-таки сумел вывести Кулака из себя. Сульмар пожал плечами.

— Мой офицерский патент был выдан Первым Кулаком. Исходя из этого, я имею права потребовать судебного разбирательства. Кулак Колтейн, силой малазанской армии всегда было то, что наша дисциплина призывает высказываться откровенно. Какие бы ни были отданы приказы — их я исполню в точности, — я имею право на то, чтобы моя точка зрения была задокументирована дословно. Если нужно, могу процитировать соответствующие пункты Устава, которые описывают мои права.

Все молчали, затем Бальт повернулся в седле к Дукеру.

– Историк, ты что-то из этого понял?

– Не хуже тебя, дядя.

– Будет его точка зрения «задокументирована дословно»?

– Да.

– И как я понимаю, разбирательство потребует присутствия адвокатов, не говоря уж о Первом Кулаке.

Дукер кивнул.

– Где у нас ближайший Первый Кулак?

– В Арэне.

Бальт задумчиво кивнул.

– Значит, чтобы разобраться с капитанским патентом, придётся поспешить в Арэн. – Он обернулся к Сульмару. – Если, конечно, предложения Совета знати не важнее решения судьбы твоей карьеры, капитан.

– Возвращение Убариды развяжет руки флоту адмирала Нока, – сказал Сульмар. – Тогда он сможет быстро и безопасно перевезти нас в Арэн.

– Флот адмирала Нока уже в Арэне, – заметил Бальт.

– Так точно. Тем не менее, как только он узнает, что мы в Убариде, решение станет очевидным.

– Думаешь, флот поспешит нам на помощь? – Бальт картинно нахмурился. – Что-то ты меня сбил с толку, капитан. Первый Кулак держит свою армию в Арэне. Более того, там же он удерживает весь флот Семи Городов. И никаких движений за несколько месяцев. У него была уйма возможностей направить нам помощь – по суше или по морю. Скажи, капитан, в своих родовых охотничьих угодьях доводилось тебе видеть оленя, который попал в свет фонаря? Как он стоит, окаменевший, не способный ничего сделать? Первый Кулак Пормкваль – вот такой олень. Колтейн может подвести эту колонну до места в трёх милях от Арэна, но и тогда Пормкваль не выступит к нам на помощь. Ты правда думаешь, что, загнав нас в безвыходное положение в Убариде, ты разбудишь совесть Первого Кулака и он начнёт действовать?

– Я говорил больше об адмирале Ноке...

– Который умер, захворал или попал в темницу, капитан. Иначе флот уже давно бы вышел в море. Арэном правит один человек – единственный. Ты свою жизнь доверишь ему, капитан?

Сульмар помрачнел.

– Похоже, мне и так и эдак придётся это сделать, командор. – Он натянул перчатки. – И похоже, что мне больше не позволено высказывать свои взгляды...

– Позволено, – сказал Колтейн. – Но ты при этом – солдат Седьмой.

Капитан вздёрнул голову.

– Кулак, прошу прощения за свою самонадеянность. Времена пришли тревожные.

– А мне об этом никто не сказал, – с ухмылкой заметил Бальт.

Сульмар вдруг резко обернулся к Дукеру.

– Историк, а что ты об этом думаешь?

Как непредвзятый наблюдатель...

– О чём именно, капитан?

Губы Сульмара изогнулись в улыбке.

– Убарид или река Ватар и лес, а затем южные пустоши? Как гражданское лицо, которое хорошо знакомо с бедами беженцев, ты действительно веришь, что они смогут выжить в таком тяжком походе?

С минуту историк молчал, затем откашлялся и пожал плечами.

– Наибольшую угрозу всегда представляла и представляет армия бунтовщиков. Победа при Гэлоровой гряде позволила нам выиграть время, чтобы зализать раны...

– Сомневаюсь, – перебил Сульмар. – С тех пор нас только сильнее гонят вперёд.

– Да, и на то есть хорошие основания. Теперь нас преследует Корболо Дом. Этот человек был Кулаком в своём праве, он – весьма способный военачальник и тактик. Камист Релой – маг, а не полководец: он погубил свою армию, ибо полагался только и исключительно на численное превосходство. Корболо Дом такой ошибки не сделает. Если враг прибудет к реке Ватар прежде нас, нам конец...

– Вот именно! Поэтому нужно удивить его и захватить Убарид!

– Это будет мимолётная победа, – ответил Дукер. – В нашем распоряжении окажется в лучшем случае два дня, чтобы наладить защиту города, прежде чем нас нагонит Корболо. Ты сам сказал, я – гражданское лицо, а не тактик. Но даже я понимаю, что захват Убариды станет для нас самоубийством, капитан.

Бальт заёрзал в седле, картинно оглядываясь по сторонам.

– Давайте найдём ещё собаку, чтобы выслушать независимое мнение. Сормо, где этот уродливый пёс, который тебя усыновил? Тот, которого морпехи прозвали Кривым?

Колдун чуть приподнял голову.

— Ты правда хочешь это узнать? — Его голос прозвучал хрипло.

Бальт нахмурился.

— Да, а почему нет?

— Прячется в траве в семи шагах от тебя, командор.

Само собой, все тут же начали оглядываться, даже Колтейн. Наконец Сон указал рукой, и, присмотревшись, Дукер различил рыжевато-коричневую шерсть среди высоких стеблей униолы. Худов дух!

— Божь, — проговорил Сормо, — независимого мнения от него ждать не стоит, дядя. Куда ты пойдёшь, туда и Кривой.

— Настоящий солдат, — кивнул Бальт.

Дукер выехал на перекрёсток и развернул лошадь, окинул взглядом колонну, которая растянулась во всю длину к северу. Имперский тракт строили, чтобы обеспечить быстрое передвижение армий. Он был широкий и ровный, камни подогнаны друг к другу с геометрической точностью. По тракту пятнадцать всадников могли бы ехать в ряд. Собачья цепь Колтейна была в имперскую лигу длиной, несмотря на то, что три виканских клана скакали по траве по обе стороны тракта.

— Обсуждение окончено, — объявил Колтейн.

Бальт сказал:

— Возвращайтесь к своим подразделениям, капитаны. — Добавлять «мы идём к реке Ватар» было не нужно. Собрание обозначило позиции всех — особенно внутренние противоречия в преданности Сульмара. А кроме бытовых вопросов расположения отрядов, снабжения и тому подобного, обсуждать больше было нечего.

Дукер почувствовал жалость к Сульмару, когда понял, какое давление на него оказывают Нэттпара и Пуллик Алар. Капитан всё-таки происходил из благородной семьи, и угроза положению родичей делала положение Сульмара очень шатким.

«Малазанская армия да знает лишь один набор правил, — провозгласил император Келланвед во времена первой «чистки» и «перестройки» войск на заре своего правления. — Один набор правил — и одного правителя». Когда они с Дассемом Ультором сделали личные достоинства и способности единственным способом подняться на руководящие посты, борьба за власть разгорелась среди высших эшелонов имперской армии и флота. Кровь пролилась на ступени дворца, и Когти Ласиин были скальпелем в этой операции. Этот эпизод мог многому её научить. Мы дождались второй Отбраковки, но она пришла слишком поздно.

От мыслей Дукера отвлёк капитан Сон:

— Поехали обратно со мной, дед. Хочу тебе кое-что показать.

— Ну, что ещё?

Ухмылка Сна на красном, изуродованном лице была жуткой.

— Терпение, прошу тебя.

— Да уж, этого добра мне не занимать, капитан.

Жду смерти, и так давно жду.

Сон явно правильно понял замечание Дукера. Он прищурил единственный глаза, глядя на северо-запад, где находилась армия Корболо Дома — всего в трёх днях пути отсюда, и разрыв быстро сокращался.

— Это официальная просьба, историк.

— Хорошо. Тогда веди.

Колтейн, Балът и Сормо съехали на торговую дорогу. В передовых частях Седьмой послышались крики: сержанты отдавали приказы, готовясь покинуть Имперский тракт. Дукер заметил, что перед тремя виканцами бежит Кривой. Куда они, туда и пёс. Вот уж и вправду подходящее прозвище нам досталось.

— Как дела у капрала? — поинтересовался Сон, пока они скакали по узкой полосе к роте морпехов.

Дукер нахмурился. Лист был ранен на Гэлоровой гряде.

— Лечится. Целителям тяжело — они измотаны, капитан.

— Да.

— Они столько взяли от своих Путей, что истощили собственные тела: я видел, как рука одного целителя сломалась, будто веточка, когда он попытался поднять котёл у костра. Это меня напугало больше, чем всё, что я видел прежде, капитан.

Солдат теребил повязку, прикрывавшую выбитый глаз.

— В этом ты не одинок, дед.

Дукер замолчал. Сна едва не погубила септическая инфекция. Доспехи скрывали то, как он исхудал, а шрамы на лице придали ему такое жуткое выражение, что незнакомцы вздрагивали. Худов дух, не только незнакомцы. Если есть лицо у Собачьей цепи, то это лицо Сна.

Они скакали между отрядами солдат, улыбались выкрикам и мрачным шуточкам, хотя улыбка Дукера была натянутой. Хорошо, что поднялся боевой дух, отступила странная меланхолия, которую принесла победа, но призрак будущего маячил впереди с чудовишной неотвратимостью. Историк чувствовал, что и сам проваливается в отчаяние, ибо давно утратил способность утешаться слепой верой.

Капитан снова заговорил:

— Лес за рекой, что ты о нём знаешь?

— Старые кедры, — ответил Дукер. — Источник славы корабельщиков Убариды. Когда-то он покрывал оба берега реки Ватар, теперь остался только на юге, но и там прижался к бухте.

— Эти идиоты не побеспокоились высадить саженцы?

— Несколько попыток было, когда угроза стала всем очевидна, но пастухи уже захватили землю. Козы, капитан. Козы способны превратить райский сад в пустыню за считанные годы. Они едят побеги, обдирают кору со стволов, чем губят деревья не хуже пожара. Но в верхнем течении лес ещё силён, мы по нему будем идти неделю, если не больше.

— Говорят, что так. Ну, хоть тенёк будет...

Неделю, если не больше. А скорее — вечность. Как Колтейн собирается защищать огромную, длинную колонну в лесу, где засаду можно устроить где угодно, где всадники не сумеют развернуться и ответить на удар быстро и слаженно? Как по мне, зря Сульмар боится пустошей за лесом. Интересно, я один так думаю?

Они ехали между повозками с ранеными солдатами. Воздух здесь был насыщен вонью гниющей плоти, в которой исцеление магической силой не смогло одолеть инфекцию. Солдаты бредили в лихорадке, жар распахивал перед их разумом бесчётные двери в другие миры — из этого кошмарного мира в неисчислимое множество других. И только дар Худа дарует облегчение...

Слева по плоской равнине двигались в густых тучах пыли тающие стада коров и коз.

По краям их стерегли виканские собаки и всадники клана Куницы. Всех животных забьют у реки Ватар, поскольку в пустошах за лесом для них не будет корма. Ибо там нет никаких духов земли.

Глядя на стадо, историк задумался. Эти животные шли за ними шаг в шаг по этому гибельному для души пути. Месяц за месяцем терпели те же страдания. У нас с ними общее проклятье — желание жить. Судьба бессловесных тварей была решена, но, к счастью, они об этом не знали. Но даже это изменится в последние мгновения. Даже самые глупые звери, похоже, предчувствуют свою близкую гибель. Худ дарует всякому живому существу понимание в самом конце. Разве это милосердно?

— У лошади кровь почернела в жилах, — сказал вдруг Сон.

Дукер кивнул, ему не нужно было спрашивать, о какой лошади идёт речь. Она вынесла всех, такая бешеная трата жизненной силы просто выжгла её изнутри. От этих мыслей все слова смолкли, осталась только чистая боль.

— Говорят, — продолжил Сон, — у них теперь ладони чёрные. Меченые — навсегда.

Как и я сам. Дукер подумал о Нихиле и Бездне, двух детях, которые лежали, свернувшись в позе зародыша, под крышей своего фургона, в окружении безмолвных родичей. Виканцы знают, что за дар силы всегда приходится платить. Знают достаточно, чтобы не завидовать избранным среди своего народа, ибо сила – никогда не игра, а сияющие знамёна никогда не возносятся к славе и богатству. Они ничего не скрывают под масками, и потому все мы видим то, чего не хотели бы видеть: сила жестока, тверда, как железо и кость, и она питается разрушением.

– Что-то я начал часто молчать, точно как ты, дед, – тихо проговорил Сон.

Дукер снова смог только кивнуть в ответ.

– Прямо с нетерпением жду Корболо Дома. Конца. Я уже не способен увидеть то, что видит Колтейн, историк.

– В самом деле? – спросил Дукер и перехватил взгляд капитана. – Ты уверен, что он видит не то, что видишь ты, Сон?

На изуродованном лице проступило смятение.

– Я боюсь, – продолжил Дукер, – что молчание Кулака больше не говорит о победе.

– Как и твоё растущее молчание.

Историк пожал плечами. Целый континент гонится за нами. Мы не должны были дожить до этого дня. И больше я ничего не могу придумать, эта истина меня раздавила. Все летописи, которые я читал... все были одержимы войной с интеллектуальной точки зрения: бесконечным перерисовыванием карт и границ. Героические атаки и сокрушительные поражения. Все мы – лишь судороги страдания в реке боли. Худов дух, старик, твои слова даже тебя самого уже утомили – зачем мучить ими других?

– Надо перестать думать, – заявил Сон. – От мыслей уже никакого проку. Мы теперь просто существуем. Посмотри на животных. Мы – такие же, ты да я, такие же, как они. Ковыляем под солнцем, а нас гонят и гонят к месту забоя.

Дукер покачал головой.

– Наше проклятье в том, что не ведаем блаженства безмысленности, капитан. В этом, боюсь, ты не найдёшь спасения.

– Да не нужно мне спасение! – прорычал Сон. – Просто, чтобы не сдаваться.

Они подъехали к роте морпехов. Среди пехотинцев Седьмой стояла группа сумбурно вооружённых мужчин и женщин – всего человек пятьдесят. Они с ожиданием посмотрели на Сна и Дукера.

– Пора быть капитаном, – тихонько пробормотал Сон, в его голосе звучала такая усталость, что сердце историка невольно сжалось.

Сержант рывкнул команду «смирно», и разношёрстный отряд неумело, но решительно попытался её исполнить. Сон ещё раз окинул взглядом странных солдат, а затем спешился и подошёл.

— Полгода назад вы на коленях стояли перед чистокровками, — обратился к ним капитан. — Отводили глаза да языками грязь с полов вылизывали. Подставляли спины под плети и жили среди высоких стен да вонючих хибар, где спали, любили и рожали детей, которым не светила лучшая судьба. Полгода назад я бы за вас не дал и жестяной джакаты.

Сон замолчал и кивнул сержанту.

Вперёд вышли солдаты Седьмой, каждый в руках держал аккуратно сложенную форму. Формы были выцветшие, запятнанные, зашитые там, где оружие пронзило ткань. На каждом свёртке покоился железный значок. Дукер склонился в седле, чтобы рассмотреть один из них. Медальон был примерно четырёх дюймов в диаметре, по кругу — цепь, прикреплённая к изображению виканского собачьего ошейника, а в центре — голова виканского пса, не скалящегося, просто глядящего вперёд из-под полуприкрытых век.

В душе историка что-то дрогнуло так, что он едва сдержался.

— Вчера, — провозгласил капитан Сон, — представители Совета знати явились к Колтейну. Они притащили сундук с золотыми и серебряными джакатами. Похоже, аристократы устали сами готовить себе еду, штопать одежду... задницы себе подтирать...

В другое время эти слова вызвали бы насторожённые взгляды и тихие шепотки — плевков в лицо и так уже заплёванной жизни. Но теперь бывшие слуги расхохотались. Будто вспомнили, как были детьми. Хотя уже не дети.

Сон подождал, пока стихнет смех.

— Кулак ничего не сказал. Кулак повернулся к ним спиной. Кулак знает, в чём истинная ценность... — Капитан помолчал, изуродованное лицо стало серьёзным. — Приходит время, когда жизнь уже не купишь за монеты, и если за этот порог ступаешь, назад дороги нет. Отныне вы — солдаты. Солдаты Седьмой. Каждый из вас вступит в обычный взвод моей пехоты, будет стоять наравне с другими солдатами — и всем им глубоко плевать, кем вы были прежде. — Он обернулся к сержанту. — Распредели их, сержант.

Дукер молча смотрел, как проходит ритуал. Каждого вызывали по имени, выдавали форму, а затем весь взвод делал шаг вперёд, чтобы принять нового члена. Ничего искусственного, ничего напыщенного. Механический профессионализм всего действия имел собственный вес, и всё проходило в глубокой тишине. Историк видел, что многим новобранцам было уже за сорок, но все были в хорошей форме. Десятилетия тяжкого труда и выбраковка двух битв обеспечили армию упрямыми и стойкими людьми.

Они будут стоять до последнего.

Рядом возник капитан.

— Как слуги, — тихо пробормотал Сон, — они могли бы выжить, их просто перепродали бы в другие благородные семьи. Теперь, с мечами в руках, они умрут. Слышишь молчание, Дукер? Знаешь, что оно значит? Думаю, слишком хорошо знаешь.

Что бы мы ни делали, Худ улыбается.

— Напиши об этом, дед.

Дукер взглянул на капитана и увидел сломленного человека.

У Гэлоровой гряды капрал Лист спрыгнул в ров у насыпи, чтобы укрыться от стрел. Правой ногой он попал на остриё дротика, который прикопали в песке. Железный наконечник прошил подошву сапога и плоть между большим и средним пальцами.

Рана небольшая, казалось бы, мелочь, но колотых ран солдаты боялись больше всего. С ними приходила лихорадка, которая схватывала судорогой суставы, в том числе челюсти, так что рот невозможно было открыть, чтобы накормить или напоить раненого, обречённого на мучительную смерть.

Виканские лошадицы умели обходиться с такими ранениями, но их запасы порошков и трав давно уже истощились, так что оставалось лишь одно средство: прижечь рану — и прижечь как следует. В часы после битвы на Гэлоровой гряде воздух наполнился вонью палёного волоса и жутким, сладковатым запахом подгорелого мяса.

Дукер обнаружил Листа, хромающего кругами по лагерю с решительным выражением на тонком, вспотевшем лице. Капрал поднял глаза на подошедшего историка.

— Верхом я тоже могу ехать, сэр, правда, всего по часу зараз. Иначе стопа немеет, и в такие моменты может вернуться инфекция — так мне сказали.

Четыре дня назад историк шагал рядом с волокушей, на которой лежал Лист, и был уверен, что смотрит на умирающего. Измождённая виканка быстро осмотрела капрала во время марша. Дукер увидел, как на её морщинистом лице возникло мрачное выражение, когда старуха потрогала распухшие железы под поросшим редкой щетиной подбородком Листа. Затем она подняла взгляд на историка.

Дукер узнал её, а она — его. Та женщина, что когда-то предложила мне еду.

— Дело плохо, — сказал он.

Старуха помедлила, затем порылась в складках своего кожаного плаща и вытащила какой-то бесформенный комок размером с костяшку пальца — Дукеру показалось, что это просто заплесневелый хлеб.

— Шутка духов наверняка, — проговорила она по-малазански. Затем нагнулась, сжала неперевязанную ногу Листа — рану оставили открытой для

сухого, горячего воздуха – и прижала комок к ране, а затем закрепила его кожаным ремешком.

От такой шутки Худ бы нахмурился.

– Тогда готовься снова вернуться в строй, – сказал Дукер.

Лист кивнул и подошёл ближе.

– Я должен вам кое-что сказать, сэр, – тихо проговорил он. – В лихорадке мне открылись видения будущего...

– Иногда такое случается.

– Длань бога вырвалась из тьмы, схватила мою душу и понесла сквозь дни, недели. Историк... – Лист замялся и вытер пот со лба. – Земли к югу от Ватара... мы идём в средоточие древних истин.

Дукер встревоженно нахмурился.

– Древних истин? О чём ты, Лист?

– Что-то ужасное там произошло, сэр. Давным-давно. Земля... она безжизненна...

Это известно только Сормо и высшему командованию.

– А длань того бога, капрал? Ты её рассмотрел?

– Нет, но я её почувствовал. Пальцы длинные, слишком длинные, суставов больше, чем должно быть. Иногда эта хватка возвращается, будто рука призрака, и я дрожу от её ледяного прикосновения.

– Помнишь древнее смертоубийство у реки Секалы? Твои видения похожи на те, капрал?

Лист нахмурился и покачал головой:

– Нет, историк, то, что ждёт нас впереди, – намного старше.

Вокруг поднялся крик: колонна готовилась снова прийти в движение и перестроиться с Имперского тракта на торговую дорогу.

Дукер взглянул на южную равнину.

– Я пойду рядом с твоей волокушей, капрал, – сказал он. – Опишешь мне свои видения во всех деталях.

– Может, это только лихорадочный бред, историк...

– Но сам-то ты так не думаешь... как и я.

Дукер не сводил глаз с равнины. Многосуставная рука. Это не длань бога, капрал, хотя существо такой силы ты вполне мог принять за Взшедшего. Ты

был избран, сынок, по непонятной причине избран, чтобы узреть Старшее видение. Из тьмы к тебе протянулась холодная рука яггута.

Фелисин сидела на обтёсанном камне, который вывалился из кладки древних ворот, смотрела в землю, обхватив себя руками, и медленно покачивалась взад-вперёд. Движение успокаивало, будто она была лишь сосудом, наполненным водой.

Геборик и огромный воин спорили. О ней, о пророчествах и случайности, об отчаянии фанатиков. Между ними кипело и бурлило взаимное презрение, которое, похоже, зародилось с первого взгляда и с каждой минутой становилось всё сильнее.

Другой воин, Леоман, сидел на корточках неподалёку и тоже молчал. Стоял на страже Святой книги Дриджны, ждал, уверенный, что Фелисин неизбежно признает: она и есть возрождённая Ша'ик.

Возрождённая. Обновлённая. Сердце Апокалипсиса. Доставленная безруким в миг, когда богиня затаила дыхание. И теперь ждёт. Ждёт, как Леоман. Фелисин — средоточие мира.

Улыбка прорезала её черты.

Фелисин раскачивалась под далёкие крики, древнее эхо внезапных, разрывающих душу смертей — они теперь казались такими далёкими. Кальп, которого сожрали бесчисленные крысы. Обглоданные кости да прядь седых волос с красными пятнами. Бодэн, который сторел в пламени, им же и вызванном, — о, какая ирония, жил по своим собственным правилам и умер по собственному, безбожному почину. Хоть и отдал жизнь за другого. И всё равно он бы сказал, что принёс клятву добровольно.

Такие вещи порождают молчание.

Смерти, которые давно уже ушли, удалились по бесконечной пыльной дороге — слишком далеко, чтобы услышать или почувствовать их вопросы. Горе насилует разум, а об изнасиловании я знаю всё. Это вопрос вынужденного подчинения. Так я ничего не почувствую. Ни насилия, ни горя.

Позади заскрежетали камешки. Геборик. Фелисин чувствовала его присутствие, не нужно было даже оборачиваться. Бывший жрец Фэнера что-то тихо бормотал себе под нос. Изнасилование. В следующий миг он заговорил:

— Они хотят выдвигаться, девочка. Оба уже на грани. До оазиса — лагеря Ша'ик — долгая дорога. Воду по пути найти можно, но еду — вряд ли. Тоблакай будет охотиться, но зверья осталось мало — всех переловили д'иверсы и одиночники, я полагаю. В любом случае, откроешь ты Книгу или нет, мы должны уходить.

Она ничего не ответила, только продолжала раскачиваться. Геборик откашлялся.

– Как бы меня ни бесили их безумные, бредовые верования, и как бы действительно я ни советовал тебе их отбросить... эти двое нам нужны, и оазис тоже. Они знают Рараку лучше любого другого. Если мы хотим получить хоть какой-то шанс на выживание...

Выживание.

– Не скрою, – продолжил некоторое время спустя Геборик, – я приобрёл.. чувства... которые делают слепоту меньшей слабостью. И руки мои, возрождённые... Тем не менее, Фелисин, я не смогу тебя защитить. Вдобавок нет никакой гарантии, что эти двое позволят нам просто уйти, если ты понимаешь, о чём я.

Выживание.

– Очнись, девочка! Пора принимать решения.

– Ша'ик подняла клинок против Империи, – проговорила Фелисин, по-прежнему глядя в землю.

– Глупая выходка...

– Ша'ик встанет против Императрицы, отправит имперские армии в кровавую Бездну.

– История знает подобные восстания, девочка, эти события отзываются бесконечным эхом. Славные идеалы придают жизненной силы выцветшей усмешке Худа, но это лишь морок, а справедливость...

– Да кому интересна твоя справедливость, старик? Императрице придётся ответить на вызов Ша'ик.

– О да.

– И она отправит армию из Квон-Тали.

– Скорее всего, уже в пути.

– И кто же, – продолжила Фелисин, чувствуя, как всё тело холодеет, – будет командовать этой армией?

Она услышала, как Геборик ахнул и отступил на шаг.

– Девочка...

Фелисин взмахнула рукой, будто отмахивалась от осы, и встала. Она обернулась и увидела, что на неё пристально смотрит Леоман, его обожжённое солнцем лицо вдруг показалось ликом самой Рараку. Строже, чем у Бенета, никаких страстей. И хитрей, чем у Бодэна, – о да, изощрённый ум скрывается в этих холодных, тёмных глазах.

– В лагерь Ша'ик, – сказала она.

Воин перевёл взгляд на Книгу, затем снова посмотрел на неё.

Фелисин приподняла бровь.

— Ты хочешь идти через бурю? Дай богине подождать ещё чуть-чуть, прежде чем воскресить её ярость, Леоман.

Фелисин поняла, что он сейчас заново оценил её — в глазах промелькнула неуверенность, — и остался доволен. Через некоторое время он склонил голову.

— Фелисин, — прошипел Геборик, — ты хоть представляешь...

— И лучше тебя, старик. Теперь молчи.

— Возможно, теперь нам пора расстаться...

Фелисин обернулась к нему.

— Нет. Думаю, ты мне ещё понадобишься, Геборик.

Тот горько усмехнулся.

— Вместо собственной совести? Для этого, девочка, я плохо гожусь.

Да, но это и к лучшему.

Старинная тропа, которая, видимо, когда-то была дорогой, тянулась вдоль гряды изогнувшейся горбатой змеёй к далёкому плоскогорью. Бульжники выступали, будто старые кости, там, где ветер сдул песок. Тропа была усыпана укрытыми красной глазурью черепками, которые хрустели под ногами.

Тоблакай двигался в пяти сотнях шагов впереди, так что его почти не было видно в охряном мареве, а Леоман вёл Фелисин и Геборика размеренным шагом и почти всё время молчал. Он был ужасно худым и шёл настолько бесшумно, что начал казаться Фелисин чем-то вроде призрака. Но и Геборик, несмотря на слепоту, ни разу не споткнулся.

Обернувшись, она увидела, что старик улыбается.

— Что тебя веселит?

— На этой дороге тесно, девочка.

— Те же призраки, что и в подземном городе?

Он покачал головой.

— Не настолько древние. Это воспоминания о веках, которые пришли после Первой Империи.

Услышав эти слова, Леоман остановился и обернулся. Широкий рот Геборика растянулся в улыбке.

— О да, Рараку открывает мне свои секреты.

— Почему?

Бывший жрец пожал плечами. Фелисин взглянула на воина пустыни.

— Это заставляет тебя нервничать, Леоман?

А должно бы. Он смерил её суровым, оценивающим взглядом.

— Кто тебе этот человек?

Сама не знаю.

— Мой спутник. Мой историк. Очень ценен для меня, поскольку я собираюсь сделать Рараку своим домом.

— Секреты Священной пустыни ему не принадлежат. Он ворует их, как всякий иноземный захватчик. Если ты хочешь обрести истины Рараку, ищи в себе.

Фелисин чуть не рассмеялась, но поняла, что от горечи этого смеха даже ей самой станет страшно.

Они шли дальше, утренняя жара усиливалась, небо наполнялось золотым огнём. Гряда начала сужаться, в десяти футах внизу проступили камни фундамента древней дороги, сам склон уходил ещё на пятьдесят-шестьдесят футов вниз. Тоблакай ждал их там, где дорога обвалилась, так что в земле образовались большие тёмные ямы. Из одной раздавалось тихое журчание воды.

— Акведук под дорогой, — проговорил Геборик. — Когда-то в нём кипел сильный поток.

Фелисин увидела, как тоблакай нахмурился.

Леоман взял бурдюки и спустился в яму.

Геборик уселся передохнуть. Вскоре он склонил голову набок.

— Уж прости, что пришлось нас ждать, тоблакай-с-тайным-именем, но, думаю, тебе всё равно не удалось бы просунуть голову в эту маленькую пещерку.

Огромный дикарь ухмыльнулся, обнажив подпиленные зубы.

— Я собираю памятки с людей, которых убил. Ношу здесь, на поясе. Однажды повешу и твои.

— Это он про уши, Геборик, — пояснила Фелисин.

— О, я знаю, девочка, — откликнулся бывший жрец. — Измученные духи вьются в тени этого ублюдка — все мужчины, женщины и дети, которых он убил. Скажи, тоблакай, а дети умоляли тебя сохранить им жизнь? Плакали? Звали матерей?

— Не больше, чем взрослые, — ответил великан, но Фелисин заметила, как он побледнел, и почувствовала, что встревожило его отнюдь не воспоминание об убийстве детей. Нет, его задело что-то другое в словах Геборика.

Измученные духи. Его преследуют духи тех, кого он убил. Прости, тоблакай, но жалости к тебе у меня нет.

— В этой земле не живут тоблакай, — заметил Геборик. — Что заманило тебя сюда? Обещание кровавой бойни Восстания? Откуда ты выполз, ублюдок?

— Я тебе сказал всё, что хотел. В следующий раз заговорю, когда решу убить тебя.

Из ямы выбрался Леоман: в волосах обрывки паутины, за спиной — надутые бурдюки.

— Никого ты не убьёшь, пока я не прикажу, — прорычал он тоблакаю, затем перевёл взгляд на Геборика. — А я пока не приказал.

В выражении лица великана промелькнуло бесконечное терпение и непоколебимая уверенность. Он выпрямился во весь рост, забрал один из бурдюков у Леомана и пошёл вперёд по тропе.

Геборик продолжал смотреть ему вслед невидящими глазами.

— Дерево этого оружия вымочено в боли. Не думаю, что он хорошо спит по ночам.

— Он вообще почти не спит, — пробормотал Леоман. — И ты больше не будешь его подначивать.

Бывший жрец скривился.

— Ты не видел призраков детей, которые следуют за ним по пятам, Леоман. Но я постараюсь не открывать рта.

— Его племя не делало особых различий, — сказал Леоман. — Есть родичи. А все неродичи — враги. Ладно, хватит болтать.

Через сто шагов дорога внезапно расширилась, вышла на плоскогорье. По обе стороны возвышались пригорки обожжённой красноватой глины, каждый около семи футов в длину и трёх в ширину. Несмотря на завесу висящего в воздухе песка, Фелисин могла разглядеть, что они расположены ровными рядами — десятки холмиков окружали всё плато и разрушенный город на нём.

Теперь мостовая была видна уже отчётливо — широкий прямой тракт вёл к остаткам некогда величественных ворот, которые века превратили в невысокие глыбы выцветшего камня — как и весь город за ними.

— Медленная смерть, — прошептал Геборик.

Тоблакай уже входил в ворота.

— Нам нужно пройти насквозь, спуститься к гавани на другом конце, — сообщил Леоман. — Там будет тайный лагерь. И тайник с припасами... если его не разграбили.

Главная улица города была покрыта пыльной мозаикой разбитых черепков: фрагменты сосудов под красной глазурью, серые, чёрные и коричневые ободки.

— Вспомню об этом, — проговорила Фелисин, — когда в следующий раз случайно разобью горшок.

Геборик хмыкнул.

— Я знаю учёных, которые утверждают, что могут целые погибшие цивилизации описать по такому мусору.

— Захватывающая у них жизнь, — протянула Фелисин.

— Хотел бы я поменяться местами с одним из них!

— Ты шутишь, Геборик.

— А что? Клянусь клыком Фэнера, я не любитель приключений..

— Может, поначалу и не был, но потом сломался. Разбился. Как все эти горшки.

— Очень уместное замечание, Фелисин.

— Невозможно возродиться, не разбившись.

— Я вижу, с годами ты серьёзно увлеклась философией.

Больше, чем ты думаешь.

— Скажи, что не познал ни одной истины, Геборик.

Он фыркнул.

— Да, одну уяснил. Нет никаких истин. Ты это сама поймёшь — годы спустя, когда Худова тень протянется к тебе.

— Есть истины, — не оборачиваясь, сказал идущий перед ними Леоман. — Рараку. Дриджна. Вихрь и Апокалипсис. Оружие в руке, поток крови.

— Ты не прошёл по нашему пути, Леоман, — прорычал Геборик.

— Ваш путь вёл к возрождению — как она и сказала, — поэтому принёс с собой боль. Только глупец ожидал бы другого.

На это старик ничего не ответил.

Они шли дальше в могильной тишине мёртвого города. Остатки фундамента и низкие гребни внутренних стен очерчивали планы домов по обе стороны

улицы. В расположении улиц и переулков была заметна рассчитанная геометрия: полукруг concentрических дуг, выходящий плоской стороной к гавани. Впереди виднелись развалины большого дворцового комплекса; массивные камни в центре лучше выстояли против веков эрозии.

Фелисин оглянулась на Геборика.

— Призраки тебя всё ещё преследуют?

— Не преследуют, девочка. Здесь не было какой-то запредельной жестокости. Только печаль, да и та, скорее, на заднем плане. Города умирают. Города повторяют цикл всех живых существ: рождение, бурная юность, зрелость, старость и, наконец... пыль да черепки. В последний век этого поселения море уже начало отступать, тогда же пришли и новые жители, какие-то иноземцы. Наступила краткая пора возрождения — её свидетельства мы увидим впереди, у гавани, — но долго она не продлилась. — Ещё дюжину шагов он сделал в молчании. — Знаешь, Фелисин, я начинаю понимать кое-что о жизни Взшедших. Жить сотни, затем тысячи лет. Видеть подобное цветение во всей его тщетной славе, ах, удивительно ли, что сердца их ожесточаются и холодеют?

— Наше странствие привело тебя ближе к твоему богу, Геборик.

Это замечание его задело, бывший жрец замолчал.

Фелисин увидела то, о чём говорил Геборик, когда они добрались до гавани. Прежнюю бухту занесло илом, но жители выстроили четыре огромных канала, которые уводили куда-то в золотистое море. Каждый был в три городские улицы шириной и немногим менее глубоким.

— Последние корабли отплывали по этим каналам, — сказал Геборик. — Самые тяжёлые скребли дно у дальнего края и могли выйти в море только на пике прилива. Несколько тысяч жителей оставались здесь, пока не пересохли акведуки. Это одна из историй Рараку, но, увы, не единственная. Другие — куда более кровавые, куда более жестокие. Но я не знаю, какая из них трагичнее.

— Ты зря тратишь мысли на прошлое... — начал Леоман, но его перебил выкрик тоблака. Исполн возник у входа в один из каналов. Воин пустыни быстро направился к своему спутнику.

Когда Фелисин двинулась за ним, Геборик схватил её руку — невидимая ладонь казалась прохладной, касание — чуть щекочущим. Старик дождался, пока Леоман не отойдёт подальше, и сказал:

— Меня кое-что пугает, девочка...

— Неудивительно, — фыркнула она. — Тоблакай собирается тебя убить.

— Да не этот дурень. Я о Леомане.

— Он был телохранителем Ша'ик. Если мне предстоит стать ею, не придётся сомневаться в его преданности, Геборик. Меня беспокоит только то, что они с тоблакаем не очень-то преуспели в защите первой Ша'ик.

— Леоман не фанатик, — сказал бывший жрец. — Он, конечно, может издавать подходящие звуки, чтобы тебя в этом убедить, но есть в нём некая двусмысленность. Я не верю, что он и вправду считает тебя Ша'ик возрождённой. Дело простое — восстанию нужен номинальный предводитель — молодой, сильный, а не истощённая старуха, которой, вероятно, была первоначальная Ша'ик. Худов дух, она была силой в этой пустыне двадцать пять лет назад. Я бы на твоём месте хорошенько обдумал вероятность того, что оба эти телохранителя вовсе и не пытались её защитить.

Фелисин посмотрела на Геборика. Татуировки складывались в густой спиральный узор на его сморщенном, жабьем лице. Глаза были красными, веки окружали засохшие выделения, а зрачки покрывала тонкая серая патина.

— Тогда, полагаю, на этот раз они проявят больше рвения.

— Если будешь играть им на руку. Леоману на руку, если быть точным. Это он будет говорить от твоего имени с армией в лагере; если дать ему повод, намекни он на сомнения, и тебя разорвут на куски...

— Я не боюсь, Леомана, — сказала Фелисин. — Я понимаю таких, как он, Геборик.

Старик поджал губы.

Она вырвала руку из противоестественной хватки и пошла вперёд.

— Бенет — просто ребёнок по сравнению с этим Леоманом, — прошипел сзади бывший жрец. — Он был просто подонок, сутенёр, тиранивший горстку зашуганных рабов. Любой человек может напыжиться от амбиций, какое бы жалкое положение ни занимал, Фелисин. Ты не просто цепляешься за память Бенета — ты хватаешься за его выдуманый, воображаемый гонор...

Фелисин резко развернулась.

— Ничего ты не знаешь! — зашипела она, дрожа от ярости. — Думаешь, я боюсь того, что может сделать человек? Любой человек? Думаешь, ты знаешь меня? Знаешь мои мысли, мои чувства? Ты — самоуверенный ублюдок, Геборик...

Его смех обрушился на Фелисин, как удар. Она замолчала.

— Милая девочка, — проговорил он. — Ты меня хочешь оставить при себе. В каком качестве? Украшения? Жутковатой диковинки? Выжжешь мне язык, чтобы компенсировать слепоту? Значит, я здесь, чтобы тебя развлекать, — а ты обвиняешь меня в заносчивости! О, это и вправду очаровательно...

— Замолчи, Геборик, — тихо сказала Фелисин, она вдруг почувствовала ужасную усталость. — Если когда-нибудь мы начнём понимать друг друга, слова уже не потребуются. Кому нужны мечи, пока у нас с тобой есть языки? Давай вложим их в ножны и покончим с этим.

Он склонил голову набок.

— Тогда — последний вопрос. Почему ты хочешь, чтобы я остался, Фелисин?

Она не сразу решилась ответить ему, гадая, как он воспримет правду. Ну, уже что-то. Совсем недавно мне было бы наплевать.

— Потому что так ты выживешь, Геборик. Я предлагаю это... ради Бодэна.

Не поднимая головы, бывший жрец медленно провёл запястьем по запылённому лбу.

— Возможно, — проговорил он, — мы ещё научимся понимать друг друга.

Ко входу в канал вела широкая лестница, более тысячи ступеней. У её подножия, на бывшем дне, выстроили в более поздние времена невысокую стену, к которой крепился полотняный навес. Рядом виднелся измазанный пеплом очаг, а старые бульжники, которые прикрывали тайник, валялись теперь вокруг выпотрошенной пирамиды из камней.

Причиной выкрика тоблакая были семь полусъеденных трупов, которые лежали на территории лагеря, укрытые покровом из мух. Кровь на мелком белом песке явно пролилась не больше нескольких часов назад, она всё ещё была чуть клейкой на ощупь. В воздухе стояла вонь вывернутых кишок.

Леоман присел рядом с лестницей, разглядывая звериные следы, которые уходили обратно в город. Несколько минут спустя он взглянул на тоблакаю.

— Если захочешь этого убить, пойдёшь один, — сказал он.

Великан оскалил зубы.

— Ненавижу, когда кто-то путается под ногами, — ответил тот, сбросил на землю бурдюк с водой и свёрнутое одеяло и обнажил деревянный меч, держа его так, будто это была просто веточка.

Прислонившийся к каменной стене Геборик фыркнул.

— Собираешься выследить одиночника? Думаю, ты приближаешься к среднему сроку жизни в своём племени, если остальные столь же глупы, как ты. Ну, я лично о твоей смерти горевать не буду.

Тоблакай не нарушил слово и не обратился к Геборику, только ухмылка стала шире. Он обернулся к Леоману:

— Я — отмщенье Рараку против подобных захватчиков.

— Если так, отомсти за моих родичей, — ответил воин пустыни.

Тоблакай сорвался с места и побежал, перепрыгивая через ступеньки, остановился только на самом верху лестницы, чтобы осмотреть следы. В следующий миг он шагнул вперёд и скрылся из виду.

— Одиночник его убьёт, — сказал Геборик.

Леоман пожал плечами.

— Возможно. Однако Ша'ик далеко заглянула в его будущее..

— И что увидела? — спросила Фелисин.

— Она не сказала. Но.. ужаснулась увиденному.

— Провидица Апокалипсиса ужаснулась? — Фелисин взглянула на Геборика. Бывший жрец помрачнел, словно только что услышал подтверждение какому-то предчувствию, которое сам испытывал. — Леоман, — проговорила она, — расскажи мне о других её видениях.

Воин начал оттаскивать тела своих родичей на край лагеря. Услышав вопрос, он остановился и поднял глаза.

— Когда ты распахнёшь Святую книгу, они сами откроются тебе. Это — дар Дриджны.. один из многих.

— Ты хочешь, чтобы я провела этот обряд до того, как мы доберёмся до лагеря.

— Ты должна. Обряд — подтверждение того, что ты — действительно Ша'ик возрождённая.

Геборик хмыкнул.

— А что именно это значит?

— Если это не так, обряд убьёт её.

Древний остров высился холмом с плоской вершиной над потрескавшейся глинистой равниной. Серые выветренные столбы отмечали древний причал и более мощный пирс у давней границы прибоя, на земле кучами валялся мусор, который когда-то сбрасывали за борт. В ямах на земле, бывшей некогда илистым дном бухты, поблёскивала рыба чешуя.

Присев рядом со Скрипачом, Маппо смотрел, как Икарий поднимается на растрескавшиеся остатки дамбы. Крокус остановился позади трелля, рядом со стреноженными лошадьми. Юноша стал до странности молчалив с последнего привала, в движениях его появилась выверенная точность, словно Крокус сковал себя клятвой терпения. И, видимо, неосознанно — даруджиец начал подражать Икарию в манерах и речи. Маппо это не повеселило, но разозлило. Ягг всегда производил на людей ошеломительный эффект, во многом потому, что никогда ничего не делал на публику, не притворялся.

И всё равно лучше бы Крокус подражал Скрипачу. Этот солдат — чудо в своём роде.

— Икарий так карабкается вверх, будто знает, куда идёт, — заметил сапёр.

Маппо вздрогнул.

— Я пришёл к тому же наблюдению, — печально признал он.

— Вы с ним были тут раньше?

— Я — не был, Скрипач. А вот Икарий... да, он уже странствовал по этой земле прежде.

— Но как бы он узнал, что вернулся в то место, где уже бывал?

Трелль покачал головой. Никак. И никогда прежде не узнавал. Неужели рушатся благословенные стены? О Королева грёз, верни Икария в блаженство неведения! Умоляю тебя...

— Пойдём-ка к нему, — проговорил Скрипач, медленно поднимаясь.

— Я бы лучше...

— Как хочешь, — ответил солдат и двинулся за яггом, который скрылся в поросших терновником развалинах города за дамбой. Через несколько мгновений Крокус тоже прошёл мимо Маппо.

Трелль поморщился. Кажется, старею, раз горе так меня напугало. Он вздохнул, поднялся и потрусил за остальными.

Груды мусора у основания дамбы представляли собой опасную осыпь из расколотого дерева, больших кусков гипса, кирпичей и черепков. Добравшись до середины подъёма, Скрипач хмыкнул и остановился, чтобы выдернуть из кучи сероватую деревянную палку.

— Надо кое-что заново обдумать, — пробормотал он, оборачиваясь. — Тут всё дерево окаменело.

— Ага, — сказал Крокус. — Дядя когда-то мне описывал этот процесс. Дерево напитывается минералами. Но на это вроде бы уходят десятки тысяч лет.

— Ну, высший маг Пути Д'рисс управился бы с такой задачей так, что моргнуть не успеешь, парень.

Маппо поднял осколок керамики. Не толще яичной скорлупки, небесно-голубой и очень твёрдый. На черепке виднелся торс фигуры — чёрной с зеленым контуром. Изображение было строгим, стилизованным, но, несомненно, человеческим. Трелль выронил осколок.

— Этот город умер задолго до того, как высохло море, — проговорил Скрипач и снова полез наверх.

Крокус окликнул его:

— Откуда ты знаешь?

— Тут всё водой побито, парень. Волны расшатали эту дамбу. Века и века волн. Я же вырос в портовом городе, помнишь? Я видел, на что способна вода. Император приказал вычерпать Малазанскую бухту, прежде чем строить

Имперский причал; показались старые дамбы и всё такое. — Выбравшись на вершину, сапёр остановился, чтобы перевести дух. — Все тогда увидели, что город Малаз древнее, чем кто-либо мог подумать.

— И что уровень моря с тех пор поднялся, — заметил Маппо.

— Ага.

С вершины дамбы открывался вид на город. Развалины сильно выветрились, но всё равно было совершенно очевидно, что город был целенаправленно уничтожен. Каждое здание разрушили до основания, используя катастрофические силу и мощь. Всё свободное пространство заросло чахлым кустарником, а на фундаменте и грудях обломков удержались низкие, искривлённые деревья.

Больше всего здесь было статуй: они обрамляли широкие колоннады и занимали ниши на стенах зданий. Повсюду валялись мраморные куски тел, все — в том же строгом стиле, который Маппо увидел на черепке. Треллю набор изображённых фигур показался вдруг знакомым.

Легенда, которую рассказывают в Ягг-одане... предание, что сохранили старейшины моего племени...

Икария нигде не было видно.

— Куда теперь? — спросил Скрипач.

Тихий стон поднимался в голове трелля, так что пот выступил на тёмной коже. Маппо шагнул вперёд.

— Унюхал что-нибудь?

Он не услышал вопроса сапёра.

Планировку города по развалинам было трудно установить, но Маппо шёл по мысленной карте, рождённой воспоминанием о легенде, её модуляции, её точного метра, звучащего в гортанном, грубом диалекте древнетрелльского. Народы, не знающие письменности, достигали в использовании устной речи ошеломительных высот. Слова были числами, кодами, формулами. В словах крылись тайные карты, счёт шагов, рисунки человеческих умов, историй, городов, континентов и Путей.

Племя, которое приняло к себе Маппо столько веков назад, решило вернуться к древним обычаям, отказаться от новшеств, которые губили треллей. Старейшины показали Маппо и остальным всё, что могло исчезнуть, силу, что жила в пересказе преданий, в ритуале разворачивания памяти.

Маппо знал, куда ушёл Икарий. Он знал, что найдёт там ягг. Сердце дико колотилось в груди, трелль уже почти бежал по развалинам, пробираясь через заросли терновника, шипы которого рассекали даже его толстую кожу.

Семь главных улиц в каждом граде Первой Империи. Небесные Духи смотрят на священные числа, семь скорпионьих хвостов, семь жал, направленных на круг песка. Все, кто желал принести подношение Семи Святым, искали круг песка.

Позади его окликнул Скрипач, но трелль не ответил. Он уже нашёл одну из изогнутых улиц и бежал к центру.

Когда-то внутри огороженной площади стояли семь тронов со скорпионьими хвостами, каждый – семьдесят семь саженей в высоту. Все они были разбиты.. ударами меча, бесконечно крепкого оружия в руках, которым придала силу ярость почти непостижимая.

Мало что осталось от подношений и жертв, которыми когда-то был завален песчаный круг, – за одним исключением, перед которым сейчас стоял Икарий. Ягг был неподвижен, он поднял голову, чтобы осмотреть огромную конструкцию.

На железных шестернях не было и следа ржавчины, они по-прежнему двигались со скоростью, недоступной смертному оку. Под углом ко всей машине стоял гигантский мраморный диск, покрытый глубоко вырезанными символами. Он был обращён к солнцу, хотя пламенная сфера была едва различима в золотом мареве неба.

Маппо медленно подошёл к Икарию и остановился в двух шагах позади.

Икарий почувствовал его присутствие и заговорил:

– Как же это возможно, друг?

Это был голос заблудившегося ребёнка, и он колючим тернием сдавил сердце трелля.

– Это ведь моя работа, – продолжил ягг. – Мой.. дар. Во всяком случае, так здесь написано древним омтозским письмом. Более того, я отметил, со знанием дела, время и год постройки. Видишь, как повернулся диск, чтобы я мог увидеть омтозское соответствие этому году.. это позволяет вычислить..

Его голос стих.

Маппо обхватил себя руками, не в силах заговорить, не в силах даже просто думать. Боль и страх наполнили его, так что в конце концов трелль почувствовал себя ребёнком, который столкнулся лицом к лицу со своим самым страшным кошмаром.

– Скажи, Маппо, – после длительной паузы продолжил Икарий, – почему разрушители этого города не уничтожили и его? Конечно, вложенные чары сделали механизм неуязвимым для самого времени.. но такими же были и эти семь тронов.. такими же были и многие другие дары в круге. Ведь всё сотворённое можно разрушить. Так почему же, Маппо?

Трелль безмолвно молился, чтобы его друг не обернулся: только бы не увидеть его лица, его глаз. Самые жуткие страхи ребёнка, лицо кошмара – мать, отец, всякая любовь отнята, заменена холодной решимостью или слепым равнодушием, просто недостатком чувства.. и тогда ребёнок просыпается с криком..

Не оборачивайся, Икарий, я не вынесу вида твоего лица.

— Возможно, я ошибся, — проговорил Икарий по-прежнему спокойным, невинным тоном. Маппо услышал, как подошли сзади Скрипач и Крокус. Что-то в стеснившейся атмосфере заставило их хранить молчание, не подходить ближе. — Ошибка в измерениях, описка в надписи. Это древний язык, омтозский, он почти выветрился из моей памяти — быть может, я столь же плохо помнил его и в те времена, когда построил механизм. Мои познания кажутся мне... точными, но я ведь не совершенен, верно? Моя уверенность может корениться в самообмане.

Да, Икарий, ты несовершенен.

— По моим расчётам, девяносто четыре тысячи лет миновали с тех пор, как я в последний раз стоял здесь, Маппо. Девяносто четыре тысячи. Наверное, это какая-то ошибка. Никакие развалины города не смогли бы простоять так долго, верно?

Маппо невольно пожал плечами. Откуда нам знать?

— Возможно, вложенные чары..

Возможно.

— Интересно, кто же разрушил этот город?

Ты, Икарий, но даже в слепой ярости часть тебя узнала собственное творение и не тронула его.

— У них была великая сила, кем бы они ни были, — продолжил ягг. — Сюда явились т'лан имассы, пытались отогнать врага — в соответствии с древним союзом, что был заключён между жителями города и Безмолвным воинством. Их раздробленные кости лежат в песке под нашими ногами. Их тысячи. Какая же сила была здесь, если она сумела совершить такое, Маппо? Даже яггуты на пике своей мощи миллионы лет тому назад не смогли бы. А к'чейн че'малли вымерли задолго до того. Я не понимаю, друг мой..

Мозолистая ладонь опустилась на плечо Маппо, крепко сжала, а затем исчезла, когда Скрипач шагнул к яггу мимо трелля.

— Мне ответ кажется очевидным, Икарий, — проговорил солдат, останавливаясь рядом с яггом. — Сила Взшедшего. Ярость бога или богини могла причинить такие разрушения. Сколько древних сказаний мы слышали о старинных империях, которые замахнулись на недостижимое в гордыне своей? Кем были эти Семь Святых? Да кем бы ни были, их почитали здесь, в этом городе и его городах-побратимах, разбросанных по Рараку. Семь тронов — взгляни, с какой яростью атаковали каждый из них. Мне в этом видится... что-то личное. Длань бога или богини опустилась сюда, Икарий, — но чья именно? Это давно истёрлось из памяти смертных. Я, например, не могу вспомнить никого из Взшедших, который бы мог обрушить такую мощь на мир смертных...

— О да, это в их силах, — сказал Икарий, в его голосе прозвучала нотка возрождённой бодрости, — однако с тех пор боги научились больше ценить

скрытность, вмешиваясь в дела смертных, — старые обычаи были слишком опасны во всех отношениях. Думаю, ты ответил на мой вопрос, Скрипач...

Сапёр пожал плечами.

Сердце Маппо начало биться медленнее. Только не думай больше о единственном сохранившемся артефакте, Икарий. Пот его градом катился на песок, трелль поёжился, глубоко вздохнул. Он посмотрел на Крокуса. Юноша всем своим видом изображал, будто всецело увлечён чем-то другим, и трелль невольно задумался, что же чувствует этот человек.

— Девяносто четыре тысячи лет — должно быть, ошибка, — повторил Икарий. Он отвернулся от машины и слабо улыбнулся треллю.

Зрение Маппо помутилось. Он кивнул и отвёл глаза, пытаясь подавить новый приступ горя.

— Ладно, — проговорил Скрипач. — Пойдём дальше по следу Апсалар и её отца?

Икарий встряхнулся, затем пробормотал:

— Да. Мы близки... ко многим открытиям, похоже.

Воистину опасное путешествие.

Ночью, перед тем как покинуть становище, — столько веков назад, в часы, когда Маппо ритуально освободили от последних клятв верности, — трелль стоял на коленях перед старейшей в племени поплечницей в её задымлённой юрте.

— Я должен узнать больше, — прошептал он. — Больше об этих Безымянных, которые столько требуют от меня. Они служат какому-то богу?

— Некогда служили, но теперь — нет, — ответила старуха, не встречаясь с ним взглядом — не могла или не хотела. — Изгнанному, свергнутому. Во времена Первой Империи, которая на самом деле не была первой, ибо т'лан имассы задолго до неё обрели этот титул. Они были левой рукой, другая секта — правой. Обе двигались, должны были столкнуться в хлопке. Те, кому суждено было стать Неименованными, в своих поисках тайн... — Она сделала рубящее движение рукой, такого жеста Маппо прежде не видел среди старейшин племени. Он поражённо понял, что это — жест яггов. — Таинства других сбили их с пути. Они поклонились новому господину. Больше сказать нечего.

— Кто был их новым господином?

Женщина покачала головой, отвернулась.

— Чья сила живёт в их посохах?

Она не ответила.

Много лет спустя Маппо счёл, что нашёл ответ на этот вопрос, но утешения знание не принесло.

Они покинули древний остров и двинулись по глинистой равнине, когда свет дня начал таять на небе. Лошади страдали, требовали воды, найти которую не помогали даже пустынные умения Икария и Маппо. Трелль не представлял себе, как выходят из положения Апсалар с отцом, но они умудрялись оставаться впереди — день за днём.

Это странствие и его цель никак не связаны с Ша'ик. Нас увели далеко от тех земель, далеко от места, где была убита Ша'ик, далеко от оазиса. Скрипач знает, куда мы идём. Он выудил это знание из тех секретов, которые хранит в сердце. На самом деле все мы подозреваем, хоть и не говорим об этом. Похоже, в неведении остаётся только Крокус, но, возможно, я недооцениваю этого юношу. Он внутренне возмужал.. Маппо взглянул на Скрипача. Мы идём к месту, которое ты искал с самого начала, солдат.

Пустошь погрузилась в сумерки, но света ещё было достаточно, чтобы увидеть холодающее душу схождение следов. Десятки одиночников и д'иверсов, столько, что страшно было даже подумать, выходили на следы Апсалар и её отца.

Лошадей вели в поводу, и Крокус отстал на дюжину шагов. Маппо не обратил на это внимания, пока вскоре не обернулся на крик даруджийца. Крокус на земле сцепился с каким-то человеком. По растрескавшейся глине метались длинные тени. Юноша сумел прижать противника к земле за запястья.

— Я знал, что ты где-то здесь ползаешь, пронира! — зарычал Крокус. — Уже много часов, ещё до острова! Всего-то нужно было — подождать, а теперь я тебя поймал!

Остальные вернулись к тому месту, где Крокус оседлал Искарала Прыща. Верховный жрец уже не пытался вывернуться.

— Ещё тысяча шагов! — прошипел он. — И обман свершится! Видели вы знамения моего достославного успеха? Хоть один из вас? Вы что, все имбецилы? Ах, я так груб в своих коварных мыслях! Но что же — узрите, как я отвечаю на все обвинения мужественным молчанием! Ха!

— Можешь его поднять, — сказал Крокусу Икарий. — Он уже не будет бежать.

— Поднять? А не лучше ли его вздёрнуть?

— На ближайшем дереве, какое найдём, парень, — ухмыльнулся Скрипач. — Это я тебе обещаю.

Даруджиец отпустил верховного жреца. Искарал встал, пригибась, словно крыса, которая решает, в каком направлении метнуться.

— Смертельное разрастание! Осмелюсь ли я пойти с ними? Рискну ли узреть своими глазами полнейшее исполнение собственных гениальных планов? О, как надёжно скрыта моя неуверенность, — они ничего не поймут!

— Ты пойдёшь с нами, — прорычал Крокус, сжимая рукояти двух кинжалов, которые торчали у него из-за пояса. — Что бы там ни было.

— А что? Конечно, юноша! — Искарал резко развернулся к даруджийцу и закивал. — Я лишь спешил, дабы нагнать вас! — Он склонил голову. — Он верит мне, по лицу видно. Безмозглый кретин! Кто сравнится с Искаралом Прыщом? Никто! Нужно хранить свой триумф в тайне, в великой тайне. Ключ к пониманию скрывается в неведомой природе Путей. Возможно ли их разорвать на куски? О да, о да, воистину. И в том — тайна Рараку! Они бредут не по одному только миру, сами того не зная.. и впереди — ах, спящий великан, который есть сердце! Истинное сердце, а не жалкий оазис Ша'ик, о, какие ничтожные глупцы! — Жрец замолчал, оглянулся на остальных. — Почему вы так на меня смотрите? Нужно идти. Лишь тысяча шагов — не больше — до вашего заветного желания, хи-хи! — Искарал Прыщ вдруг пустился в пляс, высоко вскидывая колени.

— Ох, Худов дух! — Крокус схватил верховного жреца за воротник и потащил вперёд. — Идём.

— Столь вкрадчивое, добродушное подталкивание со стороны юнца, — пробормотал Искарал. — Столь тёплый, дружеский приём, ох, я просто так..

Маппо взглянул на Икария и обнаружил, что ягг, в свою очередь, смотрит на него. Взгляды встретились. Разорванный Путь. Да что же случилось на этой земле? Этим вопросом они обменялись без слов, хотя в сознании трелля скользнула и другая мысль. Легенды гласят, что Икарий явился из этого места, вышел из Рараку. Путь, разорванный на куски, — Рараку изменяет всех, кто ступает по её разбитой земле — о, боги, неужели мы и вправду пришли к месту, где родился кошмар жизни Икария?

Они двинулись дальше. Над головой тусклая бронза неба потемнела и стала непроницаемо-чёрной, беззвёздная пустота будто медленно опускалась на спутников. Искарал Прыщ почти перестал бормотать, будто все его слова поглотила ночь. Маппо заметил, что Скрипачу и Крокусу нелегко, но оба продолжают идти, вытянув вперёд руки, точно слепые.

В дюжине шагов перед остальными Икарий остановился. Обернулся.

Маппо кивнул, показывая, что тоже разглядел две фигуры, которые стояли в пятидесяти шагах вперди. Апсалар и Слуга — только под этим именем я и знаю старика, простой, но зловещий титул.

Ягг подошёл и взял Крокуса за вытянутую руку.

— Мы нашли их, — сказал он тихо, но всё равно все услышали и остановились. — Похоже, они ждут нас, — продолжил Икарий, — на пороге.

— На пороге? — встрепенулся Скрипач. — Быстрый Бен ни о чём подобном не упоминал. На пороге чего?

— Спутанного, рваного обрывка Пути! — прошипел Искарал Прыщ. — О, смотрите, как Тропа Ладоней привела к нему — а глупцы и пошли, один за другим! Верховному жрецу Тени поручили проложить ложный след, и узрите, о, узрите, как он это проделал!

Крокус обернулся на голос Искарала Прыща.

— Но почему её отец привёл нас сюда? Чтобы мы попали в ловушку и погибли от клыков одиночников и д'иверсов?

— Слуга отправляется домой, вонючая ты кротовая туша! — Верховный жрец снова начал приплясывать. — Если, конечно, Схождение его не погубит! Хи-хи! И заберёт её, и сапёра, и тебя, мальчик. Тебя! Спроси у ягга, что скрывается на этом Пути! Ждёт, словно сжатый кулак, который удерживает этот обрывок владения!

Апсалар и её отец подошли — бок о бок.

Маппо часто думал о том, как они встретятся, но ничего подобного себе не представлял. Крокус ещё не заметил их и, обнажая кинжал, собирался прыгнуть на голос верховного жреца. Позади даруджийца стоял Икарий, готовый в любой момент обезоружить его. Сцена получилась почти комичная, потому что Крокус ничего не видел, а Искарал Прыщ заставил свой голос звучать из дюжины разных мест одновременно, продолжая задорно приплясывать.

Скрипач, тихо ругаясь себе под нос, вытащил из заплечного мешка выдавший виды фонарь, а теперь искал огниво.

— Осмелитесь ступить на Путь? — пропел Искарал Прыщ. — Осмелитесь? Осмелитесь?

Апсалар остановилась перед Маппо.

— Я знала, что вы прорвётесь, — сказала она. — Крокус! Я здесь...

Юноша резко обернулся, вложил кинжал в ножны и подошёл.

Оттуда, где присел на корточки Скрипач, посыпались искры.

Трелль видел, как вытянутую руку Крокуса перехватила Апсалар. И прижала к себе так, что они сплелись в тесных объятьях.

О, мальчик, ты не знаешь, сколь остра твоя слепота...

Аура, эхо бога, окутывала Апсалар, но стала теперь её собственной. Это чувство встревожило трелля.

Икарий подошёл к Маппо.

— Треморлор, — сказал он.

— О да.

— Некоторые говорят, что азаты, по сути, милостивая сила, которая сдерживает прочие силы, что они вырастают там и тогда, где и когда в них возникает нужда. Друг мой, я, кажется, готов согласиться с этими утверждениями.

Трелль кивнул. В разорванном Пути скрыто столько боли. Если бы она вырвалась, потекла наружу, то принесла бы ужас и хаос. Треморлор удерживает её внутри — Искарал Прыщ говорит правду, но даже так Рараку подверглась чудовищным искажениям..

— Я чувствую внутри одиночников и д'иверсов, — заметил Икарий. — Они приближаются, пытаются найти Дом..

— Считая его вратами.

Разгорелся фонарь; бледный желтоватый свет расходился едва ли на несколько шагов вокруг. Скрипач поднялся, не сводя глаз с Маппо.

— Там есть врата, просто не те, которые ищут оборотни. Да и не доберутся они — сад Азатов их возьмёт.

— Как, быть может, и всех нас, — произнёс новый голос.

Все обернулись и увидели, что рядом стоит отец Апсалар.

— А теперь, — хрипло продолжил он, — я бы был очень благодарен, если б вы хоть попытались отговорить мою дочь туда соваться — нельзя нам искать врата, потому как они внутри Дома..

— Но ты же сам её привёл сюда, — сказал Скрипач. — Спору нет, мы тоже искали Треморлор, но ты-то действовал по указке Искарала Прыща, верно?

Маппо заговорил:

— Есть у тебя имя, Слуга?

Старик поморщился.

— Реллок. — Он снова посмотрел на Скрипача и покачал головой. — Я не знаю мотивов Верховного жреца. Я только сделал, что приказали. Последнее задание для него, чтобы перечеркнуть долг, а я всегда плачу по счетам, даже если задолжал богам.

— Они тебе вернули потерянную руку, — проговорил сапёр.

— И сохранили жизнь мне и моей дочери в тот день, когда пришли Псы. Остальные-то погибли..

Скрипач хмыкнул.

— Это же были их собственные Псы, Реллок.

— Даже и так — пусть так. Это ведь ложный след, понимаешь? Он сбивает оборотней со следа, ведёт их..

— ...прочь от истинных врат, — закончил Икарий и кивнул. — Которые скрыты под храмом Искарала Прыща.

Реллок кивнул.

— Мы должны были завершить ложный след — я и моя дочка. Знаки расставить, следы запутать и всё такое. Теперь дело сделано. Мы укрылись в тенях, когда оборотни рванули внутрь. Если мне суждено умереть в своей постели, в родной деревне в Итко-Кане, я плевать хотел, как долго туда придётся идти.

— Реллок хочет снова рыбачить, хи-хи! — пропел Искарал. — Но откуда ушёл, туда уже не вернёшься, о нет! Изю дня в день, забудь о годах. Реллок свершил работу, направленную руками богов, но мечтает тянуть сети, чтобы солнце светило в лицо да канат скрипел под ногой! Он — сердце Империи, это бы Ласиин стоило понять! И запомнить!

Скрипач вернулся к своему коню, вытащил арбалет, установил рычаг и замкнул его.

— Остальные — решайте, как хотите, а мне нужно внутрь. — Он помолчал, глядя на лошадей. — И надо отпустить животных. — Он подошёл к своему коню и стал расстёгивать подпругу. Вздохнул, похлопал гральского мерина по шее. — Я тобой очень горжусь, но тебе лучше будет на воле — веди остальных, друг, в лагерь Ша'ик..

В следующий миг остальные тоже подошли к своим лошадям.

Икарий обернулся к треллю.

— Я должен идти.

Маппо прикрыл глаза, пытаясь унять внутреннюю бурю. О боги, я — трус. Со всех возможных сторон — трус.

— Друг мой?

Трелль кивнул.

— О, да ведь вы все пойдёте! — продолжал напевать, пританцовывая, верховный жрец Тени. — Взыскуете ответов, а потом ещё ответов! Но в тайных своих мыслях я лишь посмеиваюсь и предупреждаю словами, которых вы никогда не услышите — берегись ловких рук. В сравнении с Азатами мои бессмертные повелители — лишь неуклюжие дети!

Глава шестнадцатая

Треморлор, Престол Песка,
скрыт, говорят, в Рараку.

Азатов Дом стоит
на раскорчёванной земле,
где все следы – призраки,
а всякий призрак ведёт
к дверям Треморлора.

Безымянные. Узоры Азатов

Насколько хватал взгляд, на запад и на восток раскинулся кедровый лес,
заполненный бабочками. Тёмно-зелёная хвоя едва проглядывала сквозь
беспокойный покров бледно-жёлтых крылышек. Вдоль русла Ватара среди голых
ветвей высился папоротник, создавая мощную стену, которая расступалась
лишь на торговой дороге, которая вела к реке.

Историк выехал из строя и остановил лошадь на вершине низкого холма,
который чуть поднимался над испещрённой валунами равниной. Собачья цепь
сильно растянулась: усталость ослабила её звенья. Пыль призрачным плащом
колыхалась в воздухе над колонной, ветерок неспешно гнал её к северу.

Дукер оторвал взгляд от панорамы и осмотрел вершину холма. Крупные
угловатые валуны расположились грубыми концентрическими кругами –
короновали вершину. Он уже видел подобное раньше, но не мог вспомнить,
где именно. Всепроницающая тревога наполняла воздух на вершине.

От колонны отделился всадник и рысью поехал к холму, каждый подъём в
стременах доставлял ему явное неудобство. Дукер нахмурился. Капрал Лист
ещё был далёк от полного исцеления. Юноша рисковал на всю жизнь охрометь,
но удержать его было невозможно.

– Историк, – сказал Лист, натянув поводья на вершине холма.

– Капрал, ты – идиот.

– Так точно. Вести с западного фланга арьергарда. Замечены передовые
отряды Корболо Дома.

– Западного? Значит, как и предсказывал Колтейн, он хочет добраться до
реки прежде нас.

Лист кивнул, вытирая пот со лба.

– Да. Кавалерия, не меньше тридцати рот.

— Если нам придётся пробиваться через тридцать рот солдат, чтобы добраться до брода, мы увязнем..

— И основные силы Корболо сожмут челюсти на хвосте колонны. Поэтому Кулак отправляет вперёд клан Дурного Пса. И просит вас к ним присоединиться. Дорога тяжёлая, сэр, но ваша кобыла в форме — в лучшей форме, чем большая часть наших лошадей, по крайней мере.

Подпругу затягивать приходится на два отверстия выше, кости выпирают, но в лучшей форме, чем остальные.

— Шесть лиг?

— Скорее семь, сэр.

Приятная прогулка — в обычных обстоятельствах.

— Может случиться, что как только приедем, придётся разворачивать коней, чтобы отразить атаку.

— Они будут вымотаны не меньше нас, сэр.

И близко не так, капрал, и мы оба это знаем. Хуже того, численное преимущество у них больше, чем три к одному.

— Значит, будет запоминающаяся поездка.

Лист кивнул, глядя на лес.

— Никогда не видел столько бабочек в одном месте.

— Они мигрируют, как птицы.

— Говорят, река сильно обмелела.

— Хорошо.

— Но брод узкий. Река по большей части течёт в ущелье.

— На коне ты так же едешь, капрал? То туда потянешь, то сюда.

— Просто уравниваю, сэр.

— Что твои видения говорят о реке?

Выражение лица Листа стало напряжённым.

— Это граница, сэр. За нею лежит прошлое.

— А каменные круги здесь, на холме?

Юноша присмотрелся.

— Худов дух, — пробормотал он, затем взглянул в глаза историку.

Дукер хмуро улыбнулся и собрал поводья.

— Вижу, Дурные Псы уже скачут вперёд. Не стоит заставлять их ждать.

Громкий лай разорвал воздух, когда историк рысью подъехал к группе офицеров в авангарде. Он с удивлением увидел, что среди виканских псов прыгает маленькая комнатная собачка, её некогда ухоженная длинная шерстка свалаялась и сбилась в колтуны.

— Я-то думал, этого таракана давно уже переварил кто-нибудь из псов, — заметил Дукер.

— А я уже жалею, что не переварил, — ответил Лист. — От лая уши болят. И только посмотрите — скачет так, будто заправляет стаей.

— Может, и заправляет. Умение себя поставить, капрал, часто имеет значение, которое не стоит недооценивать.

Колтейн развернул коня, когда они приблизились.

— Историк. Я снова вызывал капитана инженерной роты. Начинаю думать, что его вовсе не существует — скажи, ты его когда-нибудь видел?

Дукер покачал головой.

— Боюсь, нет, хотя меня уверяли, что он ещё жив, Кулак.

— Кто?

Историк нахмурился.

— Я... боюсь, не могу припомнить.

— Вот именно. Мне кажется, у сапёров просто нет капитана, и они не очень-то хотят им обзаводиться.

— Такой обман довольно тяжело было бы поддерживать, Кулак.

— По-твоему, они на это не способны?

— О, вовсе нет, Кулак.

Колтейн ждал, но историку больше нечего было сказать по этому поводу, и через некоторое время Кулак вздохнул.

— Поедешь с Дурными Псами?

— Да, Кулак. Тем не менее я бы просил оставить капрала Листа здесь, с основной колонной..

— Сэр!..

— Ни слова, капрал, — отрезал Дукер. — Кулак, он ещё далеко не так здоров.

Колтейн кивнул.

Между Кулаком и историком вдруг возникла лошадь Бальта. Сулица старого воина молнией вылетела у него из руки и устремилась в высокую траву рядом с дорогой. Лающая собачка взвизгнула и помчалась прочь, словно ободранный мячик из глины и соломы.

— Худов зуб! — зарычал Бальт. — Снова!

— Неудивительно, что он не замолкает, — заметил Колтейн. — Ты же его каждый день пытаешься убить.

— Тебя отчитала комнатная собачка, дядя? — поинтересовался Дукер, приподнимая брови.

— Поосторожней, дед, — прорычал покрытый шрамами виканец.

— Вам пора ехать, — сказал Дукеру Колтейн, его взгляд молнией метнулся к новой фигуре. Историк обернулся и увидел Бездну. Она была бледна и казалась погружённой в себя. Чистая боль по-прежнему плескалась в её тёмных глазах, но в седле колдунья сидела прямо. Её ладони почернели, включая кожу под ногтями, будто она окунула руки в дёготь.

Горе затопило душу историка, и он отвёл взгляд.

Когда они добрались до опушки леса, бабочки взвились с дороги. Лошади попятились, некоторые столкнулись с задними, и то, что минуту назад казалось картиной неземной красоты, грозило теперь принести хаос и травмы. Затем, пока кони взбрыкивали, фыркали, трясли головами, два десятка собак рванулись вперёд и побежали перед отрядом. Они прыгали в рой насекомых, так что те взлетали над дорогой.

Пока Дукер сплёвывал похожие по вкусу на мел крылышки, он вдруг обратил внимание на одного из псов и поражённо потряс головой. Нет, это мне точно почудилось. Чушь какая-то. Псом был суровый зверь, известный под прозвищем Кривой, и он, как показалось историком, нёс в зубах четвероногий комочек шерсти.

Порядок восстановили, собаки расчистили дорогу, и отряд поскакал дальше лёгким галопом. Вскоре Дукер приспособился к ровному ритму. Никакого привычного крика, шуток или виканских походных песен не было слышно — только топот копыт и диковинный шепоток сотен тысяч крылышек в воздухе.

Скачка стала какой-то нереальной, свелась к ритму, который казался вневременным, будто всадники ехали по реке тишины. По обе стороны дороги папоротник и сухостой сменились группками молодых кедров, на этом берегу реки их было слишком мало, чтобы назвать лесом. От старых деревьев остались только пни. Роши стали фоном для бесконечного движения бледно-

жёлтого марева, от постоянного трепетания крылышек по сторонам у Дукера разболелась голова.

Отряд ехал со скоростью собачьей стаи, но псы показали себя неутомимыми, куда более выносливыми, чем кони и всадники. Каждый час устраивали передышку, коней пускали шагом, делили последние запасы воды в запечатанных воском бурдюках. Собаки с нетерпением ждали.

Торговая дорога предоставляла клану лучший шанс добраться до брода прежде врагов. Кавалеристам Корболо Дома придётся ехать по прореженному кедровому лесу, но больше всего их могут задержать бабочки.

Когда позади осталось чуть более четырёх лиг, с запада начал доноситься новый звук: странный шепоток, на который Дукер даже не обратил внимания, пока его неестественность не стала мучительно явственной. Историк прищиприл лошадь, чтобы догнать Бездну.

Она едва посмотрела на Дукера в знак приветствия.

- С ними скачет маг, расчищает дорогу.
- Так Пути больше не опасны.
- Уже три дня как, историк.
- Как этот маг уничтожает бабочек? Огнём? Ветром?
- Нет, просто открывает свой Путь, и они проваливаются внутрь. Заметь, что между каждым новым открытием проходит больше времени. Он устаёт.
- Ну, это хорошо.

Бездна кивнула.

- Мы доберёмся к броду до них?
- Думаю, да.

Вскоре они выехали на опушку. К востоку и западу из земли вздымались скалы, закрывая зазубренными вершинами часть наполненного бабочками неба. Прямо впереди дорога уходила вниз по усыпанной гладышем морене, а у её подножия открывалась широкая площадка, за которой двигался на восток жёлтый ковёр насекомых.

Река Ватар. Погребальная процессия утонувших бабочек мчится к морю.

Брод был отмечен двумя рядами вкопанных в дно реки деревянных кольев, к каждому были привязаны какие-то тряпки, будто выцветшие знамёна утонувшей армии. На восточной стороне, сразу за кольями стоял на якоре большой корабль носом по течению.

Увидев его, Бездна резко выдохнула через стиснутые зубы, и сам Дукер почувствовал лёгкую тревожную дрожь.

Корабль обгорел, почернел от огня с носа до кормы, и на него не села ни единая бабочка. С бортов свисали ряды вёсел, многие были сломаны; целые покачивались в воде, и на них налипли комья из мёртвых насекомых.

Клан выехал на открытый луг с ближней стороны брода. Рядом с испускающим зловонный дым очагом возвышался парусиновый навес на высоких шестах. Под ним сидели трое мужчин.

Псы остановились на безопасном расстоянии и начали их облаивать.

Услышав тонкий, пронзительный лай, Дукер поморщился. Нижние боги, мне не почудилось!

Историк с Бездной выехали вперёд и остановились посреди своры беспокойных собак. Один из мужчин под навесом — его лицо и предплечья имели странный, бронзовый оттенок — поднялся с бухты каната, на которой сидел, и шагнул вперёд.

Комнатная собачка бросилась на него, затем вдруг остановилась и прекратила лаять. Крысиный хвостик судорожно вильнул.

Мужчина наклонился, поднял собачку и почесал за облезлыми ушами. Он посмотрел на виканцев.

— А кто ещё считает себя главным в этой страшной стае? — спросил он по-малазански.

— Я, — ответила Бездна.

Мужчина нахмурился.

— Снова-здорово, — пробормотал он.

Дукер напрягся. Было что-то очень знакомое в этих людях.

— Это ещё что значит?

— Скажем так: я уже по горло сыт высокомерными маленькими девчонками. Я — капрал Геслер, а это наш корабль — «Силанда».

— Мало кто осмелился бы выбрать такое название, капрал, — заметил историк.

— Мы на себя проклятья не накликали. Это и есть та самая «Силанда». Мы её нашли... очень далеко отсюда. Так что, вы — всё, что осталось от виканцев, которые высадились в Хиссаре?

Бездна заговорила:

— Как получилось, что вы нас ждали, капрал?

— Мы и не ждали, девочка. Мы вышли к Убаридской бухте, только город уже пал, и мы заметили много вражеских парусов, вот и укрылись здесь, собирались прорываться ночью. Мы решили идти в Арэн...

— Худов дух! — воскликнул Дукер. — Да вы же — те самые морпехи из деревни! В ночь восстания...

Геслер хмуро посмотрел на историка.

— Это ты был тогда с Кальпом, выходит...

— Ага, это он, — сказал Ураган, поднимаясь с табурета и подходя ближе. — Фэнеровы копыта, вот уж кого не ждал снова увидеть.

— Сдаётся мне, — ошеломлённо пробормотал Дукер, — вам есть что рассказать.

Бывалый морпех ухмыльнулся.

— Тут ты не ошибся.

Бездна заговорила, глядя на «Силанду»:

— Капрал Геслер, сколько вас?

— Трое.

— Команда корабля?

— Мертва.

Если бы историк не был настолько измотан, он бы наверняка заметил некоторую сухость в этих ответах.

Восемьсот конников клана Дурного Пса поставили в центре луга три кораля и взялись за возведение укреплений по периметру. Разведчики двинулись через подлесок на западе и практически сразу вернулись с вестями о том, что подъехали передовые разъезды Корболо Дома. Защитники внешней линии начали готовить оружие, а остальные продолжали окапываться.

Дукер и Бездна спешили около навеса. Когда Истин тоже выбрался из тени, историк заметил, что кожа у всех приобрела одинаковый бронзовый оттенок. Все трое были безбороды, но на подбородках пробивалась свежая щетина.

Несмотря на уйму вопросов, которые теснились у него в голове, Дукер не мог отвести глаз от «Силанды».

— У вас не осталось парусов, капрал. Хочешь сказать, что вы втроем сумели справиться с вёслами и рулём?

Геслер обернулся к Урагану.

— Готовь оружие. Эти виканцы уже еле на ногах стоят. Истин, к шляпке — может, придётся по-быстрому уносить отсюда задницу. — Он обернулся, чтобы взглянуть на историка. — «Силанда» сама по себе идёт, можно сказать.

Только объяснять времени нет. Тут полудохлые виканцы собрались принять последний бой, судя по всему. Мы можем положить около сотни, если, конечно, вы не побрезгуете компанией..

— Капрал! — рявкнул Дукер. — Эти «полудохлые виканцы» — солдаты Седьмой. Вы — морпехи..

— Береговая стража. Помнишь? Мы официально никак к Седьмой не относимся, и мне плевать, даже если б ты оказался давно потерянным братишкой Кальпа. Если собираешься дальше в таком тоне со мной разговаривать, начни-ка с рассказа о трагической потере собственной формы, может, я даже поверю и начну тебе говорить «так точно», а может, не поверю, — и нос разобью.

Дукер моргнул. Кажется, похожий разговор у нас уже был прежде. Он медленно продолжил:

— Вы — морпехи, и Кулак Колтейн, возможно, очень захочет услышать вашу историю, да и я сам — как Императорский историк. Береговая охрана была расквартирована в Сиалке, значит, капитан Сон — ваш командир. Несомненно, он тоже пожелает выслушать ваш доклад. Наконец, остатки Седьмой и ещё два клана виканцев сейчас двигаются сюда с примерно сорока пятью тысячами беженцев. Так что, господа, откуда бы вы ни пришли, оказались здесь, а стало быть — снова в рядах Имперской армии.

Ураган шагнул вперёд, чтобы внимательно осмотреть Дукера.

— Кальп о тебе много говорил, историк, только вот не припомню, было ли хоть что-то хорошее. — Он подумал, затем переложил арбалет на стиб локтя и вытянул вперёд крепкую, безволосую руку. — Но даже так, я мечтал познакомиться с тем ублюдком, который нас втравил в эту катавасию, хотя, конечно, хотелось бы, чтобы с нами по-прежнему был один ворчливый старикан, я бы его тогда ленточкой обвязал и в глотку тебе засунул.

— Это было сказано с большим чувством, — протянул Геслер.

Дукер не обратил внимания на протянутую руку, и мгновение спустя солдат убрал её и пожал плечами.

— Я должен знать, — тихо проговорил историк, — что случилось с Кальпом.

— Мы бы сами не отказались, — ответил Ураган.

Двое боевых вождей клана подошли, чтобы переговорить с Бездной. Услышав их слова, колдунья нахмурилась.

Дукер отвлёкся от морпехов.

— Что происходит, Бездна?

По её жесту вожди удалились.

— Кавалеристы разбивают лагерь выше по течению, меньше чем в трёх сотнях шагов отсюда. Они не собираются атаковать. И начали валить деревья.

– Деревья? Но берега здесь – высокие скалы.

Бездна кивнула.

Если только они не собираются выстроить частокол, а не понтонный мост, что в конечном счёте бессмысленно – они ведь не надеются перебраться через ущелье?

Позади заговорил Геслер:

– Мы можем подняться на шлюпке вверх по течению и взглянуть поближе.

Бездна обернулась и сурово посмотрела на капрала.

– Что не так с вашим кораблём? – с лихорадочной ноткой в голосе спросила она.

Геслер пожал плечами.

– Чуток обгорел, но в море выходить можно.

Она промолчала, но не отвела взгляда.

Капрал поморщился, затем сунул руку за пазуху обожжённой куртки и вытащил висевший на шнурке костяной свисток.

– Команда мёртвая, но это им не очень мешает грести.

– И головы им поотрубали, – вставил Ураган с поразившей историка безоблачной улыбкой. – Хорошего моряка так просто не уделаешь, я всегда говорил.

– По большей части – тисте анди, – добавил Геслер, – людей немного совсем. А остальные, в каюте... Ураган, как их там Геборик обозвал?

– Тисте эдур, капрал.

Геслер кивнул и перевёл взгляд на историка.

– Да, мы с Кальпом вытащили Геборика с острова, как ты и хотел. Его и ещё двоих. Плохая новость: мы их потеряли во время бури...

– Выпали за борт? – хрипло спросил Дукер, мысли его взвились вихрем. – Погибли?

– Ну, – протянул Ураган, – в этом уверенности нет. Мы не знаем, попали они в воду, когда за борт прыгнули, или нет. Мы тогда горели всё-таки и вроде как по мокрым волнам шли, а может, и нет.

Историк захотелось вдруг придушить обоих – ох уж эта солдатская славная привычка всё приуменьшать. С другой стороны, то, что он услышал, бросило его с глухим стуком на грязную, усыпанную бабочками землю.

— Историк, отправляйся с морпехами в шлюпке, — приказала Бездна, — но держитесь подальше от берега. Их маг вымотался, о нём можете не беспокоиться. Я должна знать, что происходит.

О да, в этом мы с тобой согласны, девочка.

Геслер наклонился и мягко поднял Дукера на ноги.

— Пойдёмте, сэр, а Ураган по ходу стравит нашу байку. Мы не то чтобы сильно скромничаем, просто тупые.

Ураган хмыкнул.

— А когда я закончу, расскажи нам, как Колтейн с остальными столько протянули. Эту историю уж точно стоит послушать.

... — В бабочках всё дело, вот что, — пропыхтел Ураган, налегая на вёсла. — Слой тут в фут глубиной, и идёт медленнее, чем течение вниз. Без них мы бы вообще с места не сдвинулись.

— И похуже бывало, — добавил Геслер.

— Верю, — сказал Дукер.

Они сидели в маленькой гребной лодке уже больше часа, и за это время Ураган с Истином смогли провести их примерно на сто пятьдесят шагов вверх по реке, укрытой ковром мёртвых насекомых. Северный берег быстро превратился в крутой утёс, поросший ползучими растениями. Шлюпка приближалась к резкому повороту, который образовался недавно, когда часть берега обвалилась.

Ураган уже поведал свою историю, и, вопреки явному недостатку таланта у рассказчика, именно нехватка воображения делала её такой убедительной. Дукеру оставалось только гадать о значении событий, свидетелями которых стали эти солдаты. То, что огненный Путь, по которому они прошли, изменил этих троих, было несомненно и явно касалось не только цвета кожи. Истин и Ураган гребли без устали и за четверых. Дукер и страстно желал, и боялся взойти на борт «Силанды». Даже без чародейской чувствительности Бездны историк содрогался от той ауры ужаса, что окружала корабль.

— Вы только гляньте, сэр! — воскликнул Геслер.

Шлюпка завернула за поворот. Обвалившийся утёс сузил русло, в котором теперь кипел пенящийся поток. На высоте десяти саженей от берега к берегу протянулись верёвки. Дюжина убаридских лучников ползла по ним на другую сторону.

— Чудные цели, — заметил сидевший у руля Геслер. — А Ураган — отличный стрелок. Сможешь удержать нас на месте, Истин?

— Попробую, — откликнулся юноша.

— Стойте-ка! — сказал Дукер. — Лучше нам не расшевеливать пока это осиное гнездо, капрал. Они сильно превосходят числом наш передовой отряд. К тому же взгляни на другой берег — там уже не меньше сотни солдат. — Историк замолчал, задумался.

— Если они валят деревья, то точно не для того, чтобы мост навести, — пробормотал капрал, прищурившись и глядя на северный склон, где то и дело возникали фигуры. — Какой-то начальник явился, чтобы на нас поглядеть, сэр.

Дукер присмотрелся к одной из фигур.

— Скорее всего, маг. Что ж, если мы не будем кусаться, надеюсь, и он тоже.

— А цель-то отличная, — задумчиво протянул Геслер.

Историк покачал головой.

— Поплыли обратно, капрал.

— Так точно. Расслабьтесь там, парни.

Прибыли основные силы Корболо Дома. Они заняли позиции по обе стороны брода. Густой лес попросту исчез, все деревья в округе свалили, ветви обрубали, а стволы утащили в глубь лагеря. Ничейная полоса шириной в семьдесят с лишним шагов разделяла две армии. Торговая дорога оставалась открытой.

Дукер нашёл Вездну, она сидела, скрестив ноги, под навесом, глаза колдуньи были закрыты. Историк ждал, подозревая, что она вступила в чародейский разговор с Сормо. Через несколько минут Вездна вздохнула.

— Какие вести? — спросила она, не открывая глаз.

— Они перебросили верёвки через ущелье и посылают на другую сторону лучников. Что происходит, Вездна? Почему Корболо Дом не атаковал? Он мог нас запросто раздавить здесь.

— Колтейн менее чем в двух часах пути отсюда. Похоже, военачальник врага готов подождать.

— Ему стоило бы учесть, до чего довела гордыня Камиста Релоя.

— Новоназначенный Кулак и Кулак-изменник: тебя удивляет, что Корболо Дом воспринимает это как личное соперничество?

— Нет, но это вполне оправдывает презрение к нему императрицы Ласиин.

— Колтейн был избран вместо Дома. Императрица ясно дала понять, что Корболо уже не поднимется выше в имперском командовании. Предатель

чувствует, что должен всем показать, доказать: он лучше. Камист Релой воевал одной лишь грубой силой. Теперь нас ждёт битва хитроумная.

— Если Колтейн явится сюда, он полезет в пасть дракону, и эта ловушка почти не замаскирована.

— Он явится.

— Значит, гордыня стала проклятием для обоих полководцев.

Бездна открыла глаза.

— Где капрал?

Дукер пожал плечами.

— Где-то поблизости.

— «Силанда» забьёт столько раненых солдат, сколько сможет, — тех, кто ещё сумеет оправиться, конечно. В Арэн. Колтейн спрашивает, не хочешь ли ты уплыть с ними, историк.

Значит, не гордыня, а фатализм. Дукер знал, что стоит не спешить и хорошенько всё взвесить, но услышал собственный голос:

— Не хочу.

Колдунья кивнула.

— Он знал, что ты так ответишь, и что ответишь быстро. — Нахмурившись, она посмотрела в лицо Дукеру. — Как Колтейн понимает такие вещи?

Историк был поражён.

— Ты меня спрашиваешь? Худов дух, он же виканец!

— И для нас он тоже загадка, историк. Клань исполняют его приказы и ничего не говорят. Наше молчание рождается не из общей уверенности или понимания, а из благоговения.

Дукеру нечего было на это сказать. Он отвернулся и впился глазами в дрожащее бледно-жёлтое марево неба. Мигрируют. Подчиняются инстинкту. Бездумно падают в смертоносный поток. Прекрасный, ужасающий танец, посвящённый Худу, каждый шаг в нём расписан. Каждый шаг...

Кулак прибыл, когда уже стемнело, воины Вороньего клана выехали вперёд, чтобы обеспечить коридор для авангарда, за ними последовали повозки с ранеными, которых было решено погрузить на «Силанду».

К навесу, под которым ждали Дукер, Бездна и Геслер, подошёл Колтейн, его щёки ввалились, на лице глубоко залегли морщины предельной усталости. За Кулаком спешили Бальт, капитаны Сон и Сульмар, капрал Лист и колдуны — Сормо и Нихил.

Сон подошёл к Геслеру. Капрал нахмурился.

— Что-то ты красоту подрастерял, капитан.

— Я про тебя слышал, Геслер. Был капитаном, потом сержантом, теперь уже капрал. У тебя сапоги в небо смотрят..

— А голова в навоз. Так точно.

— Из взвода двое осталось?

— Ну, формально — один, капитан. Этот парень вроде как новобранец, хоть его официально ещё не посвятили. Так что — только мы с Ураганом, капитан.

— С Ураганом? Это же не тот, который был адъютантом Кулака Картерона?..

— Даваем-давно.

— Худов дух! — Сон обернулся к Колтейну. — Кулак, у нас тут два человека из Старой гвардии Императора.. в чине морпехов береговой охраны.

— Тихое было назначение, капитан, — пока восстание не началось, конечно.

Сон расстегнул ремешок, стащил с головы шлем и провёл рукой по редким, слипшимся от пота волосам. Он снова обернулся к Геслеру.

— Вызови своего парня, капрал.

По знаку Геслера Истин выступил вперёд. Сон мрачно взглянул на него.

— Отныне ты официально принят в морпехи, парень.

Истин отдал честь, поджав большой палец и оттопырив мизинец.

Бальт фыркнул. Капитан Сон нахмурился сильнее.

— Да откуда же ты.. а, ладно, забудь. — Он снова обратился к Геслеру: — Что до тебя и Урагана..

— Если ты нас повесишь, капитан, я тебе расквашу всё, что от рожки осталось. А Ураган ещё и лежачим попинает. Господин капитан. — Геслер улыбнулся.

Бальт отодвинул в сторону Сна и встал лицом к лицу с капралом, так что их носы чуть не столкнулись.

— А мне, капрал, — прошипел командор, — ты тоже рожку расквасишь?

Улыбка Геслера не дрогнула.

— Так точно. Худ меня побери, я и Кулаку чего найду — надеру, если попросите вежливо.

На миг наступила гробовая тишина. Затем Колтейн расхохотался. Дукер и остальные потрясённо обернулись и уставились на виканца.

Ошеломлённо бормоча что-то себе под нос, Бальт отступил от Геслера, перехватил взгляд историка и просто покачал головой.

Смех Колтейна заставил собак разразиться диким воем, псы вдруг возникли со всех сторон, словно бледные призраки. Колтейн впервые выглядел таким оживлённым. Продолжая смеяться, он обратился к капралу:

— А что бы на это сказал Картерон Крест, солдат?

— Он бы мне двинул в...

Договорить Геслер не успел, поскольку кулак Колтейна врезался ему точно в нос. Голова морпеха запрокинулась, ноги оторвались от земли. С глухим стуком он упал на спину. Колтейн завертелся на месте, прижимая к животу руку так, будто ударил по каменной стене. Подскочивший Сормо схватил Кулака за запястье, чтобы осмотреть руку.

— Нижние духи, да она сломана!

Все глаза устремились на лежащего капрала. Тот сел, из носу у него текла кровь.

Нихил и Бездна вдруг зашипели и отшатнулись от Геслера. Дукер ухватил Бездну за плечо и потянул к себе.

— Что такое? Что случилось?

Ответил Нихил — глухим шёпотом:

— Кровь — этот человек почти Взощёл!

Геслер этого замечания не услышал. Он смотрел на Колтейна.

— Думаю, теперь я согласен на повышение, Кулак, — проговорил он разбитыми губами.

— ...почти Взощёл. Но Кулак...

Теперь оба колдуна смотрели на Колтейна, и Дукер впервые различил в их лицах благоговейный трепет.

Колтейн разбил лицо Геслеру. Геслеру, человеку на грани Восхождения... которое сделает его чем? Историк вспомнил, как Истин и Ураган гребли в шляпке... их удивительную силу и рассказ об огненном Пути. Нижняя Бездна, все трое... и... Колтейн?

В суматохе никто не услышал стука копыт, пока капрал Лист не доложил:

— Командор Бальт, у нас гости.

Все, кроме Колтейна и Сормо, обернулись и увидели полдюжины всадников Вороньего клана, которые окружали убарийского офицера в инкрустированных серебром чешуйчатых доспехах. Смуглое лицо незнакомца украшали борода и усы, завитки были окрашены чёрным. Он явился без оружия, а обе руки вытянул вперёд раскрытыми ладонями.

— Я принёс привет от Корболо Дома, Скромнейшего Слуги Ша'ик, командующего Южной армии Апокалипсиса, Кулаку Колтейну и офицерам Седьмой армии.

Бальт шагнул вперёд, но заговорил Колтейн, теперь он стоял прямо, спрятав сломанную руку за спиной:

— За это спасибо. Чего он хочет?

К собранию устремились ещё несколько человек, и Дукер нахмурился, узнав Нэттпару и Пуллика Алара.

— Корболо Дом желает лишь мира, Кулак Колтейн. Поэтому, к своей чести, он пощадил твоих виканцев, которые прибыли к броду сегодня днём, хотя мог был перебить их до последнего. Шесть из Семи Святых Городов уже освободились от малазанского ига. Все земли к северу отсюда теперь свободны. Мы бы хотели остановить кровопролитие, Кулак. Независимость Арэна можно обсудить на переговорах, к вящей выгоде казны императрицы Ласиин.

Колтейн молчал. Эмиссар подождал, затем продолжил:

— Как ещё одно подтверждение наших мирных устремлений, мы не будем препятствовать переправе беженцев, — в конце концов, Корболо Дом прекрасно знает, что именно эти элементы представляют наибольшую трудность для тебя и твоих сил. Твои солдаты могут постоять за себя — как мы все уже видели, к славе твоей будь сказано. Даже наши воины поют песни о твоих свершениях. Воистину, эта армия достойна того, чтобы бросить вызов нашей богине. — Он остановился, повернулся в седле, чтобы взглянуть на собравшихся аристократов. — Но эти достойные граждане... ах, это не их война! — Посланник вновь обернулся к Колтейну. — Путешествие по пустошам за лесом будет сложным и так — мы не хотим делать его ещё тяжелее, Кулак. Иди с миром. Отправь завтра беженцев через Ватар и сам узришь — безо всякого риска для своих солдат — милосердие Корболо Дома.

Пуллик Алар шагнул вперёд.

— В этом Совет полагается на слово Корболо Дома, — объявил он. — Дай нам разрешение переправиться завтра, Кулак.

Дукер помрачнел. Значит, у них уже были переговоры.

Кулак не обратил внимания на аристократа.

— Передай мои слова Корболо Дому, эмиссар. Его предложение не принято. Разговор окончен.

— Но, Кулак!..

Колтейн отвернулся, его плащ из перьев блеснул бронзой в свете факелов.

Всадники Вороньего клана сомкнулись вокруг посланника и заставили его коня развернуться. Пуллик Алар и Нэттпара бросились к офицерам.

— Он обязан передумать!

— Вон отсюда! — зарычал Бальт. — А не то я с вас шкуры спущу себе на новый шатёр. Вон!

Оба аристократа удалились.

Бальт завертел головой, нашёл глазами Геслера.

— Готовь свой корабль, капитан.

— Так точно.

Ураган рядом с историком пробормотал:

— Всё это плохо пахнет.

Дукер медленно кивнул.

Леоман уверенно привёл их по глинистой равнине, через непроглядный мрак, к следующему тайнику с припасами, который оказался спрятан под одиноким куском известняка. Когда Леоман начал разворачивать галеты, вяленое мясо и фрукты, Фелисин села на холодную землю и обхватила себя руками, чтобы унять дрожь. Геборик уселся рядом.

— И ни следа тоблакая. С Опонновой удачей он уже кусками варится в животе у одиночника.

— Он боец, каких мало, — сказал Леоман, протягивая им еду. — Поэтому Ша'ик и выбрала его...

— Очевидно неверный расчёт, — заметил бывший жрец. — Её убили.

— Её третий страж помешал бы этому, но Ша'ик его отпустила. Я пытался её переубедить, однако не сумел. Всё предсказано, каждый из нас — в плену собственной роли.

— Очень утешительно. Скажи, пророчества ясны в том, чем закончится восстание? Нас ждёт победоносный век бесконечного Апокалипсиса? В этом, конечно, есть логическое противоречие, но забудь о нём.

— Рараку и Дриджна — единое целое, — сказал Леоман. — Вечное, как хаос и смерть. Ваша Малазанская империя — лишь короткая вспышка, она уже блекнет. Мы рождаемся из тьмы и во тьму уходим. Этих истин вы так боитесь, и от страха — отвергаете их.

— Меня никто не дёргает за ниточки! — взорвалась Фелисин.

В ответ на это Леоман тихо рассмеялся.

— Если в этом заключается возрождение Ша'ик, можешь возвращаться к засушенному труп у ворот и ждать ещё кого-нибудь.

— Став Ша'ик, ты не утратишь иллюзию независимости, — сказал Леоман, — если, конечно, она тебе нужна.

Нас только послушать. Темно — ни зги не видно. Мы все — только бесплотные голоса, которые схлестнулись в тщетном споре здесь, на сцене пустыни. Священная Рараку смеётся над нашей плотью, оставляет от нас лишь звуки, которые ведут войну с бесконечной тишиной.

Приблизилась тихие шаги.

— Садись и поешь, — сказал Леоман.

Что-то упало на землю рядом с Фелисин. Её окатило запахом сырого мяса.

— Медведь с белой шерстью, — пророкотал тоблакай. — На миг показалось, что я вернулся домой, в Лейдерон. Мы таких зверей зовём нэтаурами. Но мы бились на песке и камне, а не на снегу и льду. Я принёс его шкуру, и голову, и когти, потому что этот зверь был вдвое больше всякого, какого я только видел прежде.

— Ох, жду не дождусь рассвета, — сказал Геборик.

— Следующий рассвет — последний перед оазисом, — сказал огромный дикарь, обращаясь к Леоману. — Она должна пройти обряд.

Наступила тишина.

Геборик откашлялся.

— Фелисин...

— Четыре голоса, — прошептала она. — Ни кости, ни плоти, лишь слабые звуки, что претендуют на самость. Четыре точки зрения. Тоблакай — чистая вера, но однажды он её всю утратит...

— Началось, — пробормотал Леоман.

— И Геборик, отмеченный жрец без веры, который однажды вновь обретёт её. Леоман, лучший из лучших обманщик, который смотрит на мир глазами более циничными, чем сам Геборик в приличествующей ему слепоте, но всегда ищет во тьме... надежду. И наконец — Фелисин. Кто же эта женщина в ризах ребёнка? Наслаждения плоти, лишённые наслаждения. Личности, отданные одна за другой. Потребность в доброте, которая стоит за каждым её злым словом. Она ни во что не верит. Тигель, выжженный начисто, пустой. У Геборика — руки невидимые, и ныне они держат истину и силу, которых он сам пока не чувствует. Руки Фелисин... ах, они хватались и касались, были гладкими, были грязными, но ничего не удержали. Жизнь течёт мимо них, словно

призрак. Всё было не завершено, Леоман, пока мы с Гебориком не пришли к тебе. К тебе и твоему спутнику – трагическому ребёнку. Книгу, Леоман.

Она услышала, как воин открывает застёжки, услышала, как фолиант выскользнул из кожаного футляра.

– Открывай, – сказала она.

– Это ты должна её открыть – и ещё не рассвет! Обряд..

– Открывай.

– Ты..

– Где твоя вера, Леоман? Ты не понимаешь? Это испытание – не только для меня. Испытание – для каждого из нас. Здесь. Сейчас. Открой Книгу, Леоман.

Она услышала его тяжёлое дыхание, услышала, как оно замедлилось, услышала, как его сдержала нестигаемая воля. Кожаный переплёт тихо скрипнул.

– Что ты видишь, Леоман?

Он хмыкнул.

– Ничего, разумеется. Нет света, который бы позволил мне видеть.

– Посмотри ещё раз.

Она услышала, как Леоман и остальные ахнули. Золотистое сияние начало исходить от Книги Дриджны. Со всех сторон послышался сначала далёкий шёпот, затем рёв.

– Вихрь пробуждается – но не здесь, не в сердце Рараку. Книга, Леоман, что ты видишь?

Он протянул руку, коснулся первой страницы, перевернул её, затем следующую, и ещё одну.

– Это невозможно! Все страницы пусты!

– Ты видишь то, что видишь ты, Леоман. Закрой Книгу и передай её тоблакаю.

Великан придвинулся, присел, и его массивные, запятнанные кровью руки приняли Книгу. Он не колебался.

Тёплый свет омыл его лицо, когда тоблакай посмотрел на первую страницу. Она увидела, как слёзы набухли в его глазах и побежали по укрытым шрамами щекам.

— Такая красота, — прошептала она. — И красота заставляет тебя плакать. Знаешь, почему ты чувствуешь такое горе? Нет, ещё нет. Но однажды.. Закрой Книгу, тоблакай.

— Геборик..

— Нет.

Кинжал Леомана скользнул из ножен, но его остановила рука Фелисин.

— Нет, — повторил бывший жрец. — Моя рука..

— Да, — сказала она. — Твоя рука.

— Нет.

— Тебя испытывали прежде, Геборик, и ты потерпел неудачу. О, какую неудачу! Ты боишься вновь не справиться..

— Не боюсь, Фелисин. — Голос Геборика звучал звонко, уверенно. — Этого — меньше всего. Я не желаю быть частью этого обряда, и я не рискну коснуться руками этой проклятой Книги.

— Какая разница, откроет он Книгу или нет? — прорычал тоблакай. — Он же слеп, как энкар'ал. Позволь мне убить его, Ша'ик Возрождённая. Пусть его кровь освятит обряд.

— Сделай это.

Движение тоблакай было молниеносным, деревянный меч размытым в воздухе пятном метнулся к голове Геборика. Если бы он попал в цель, череп старика расколосся бы на куски, которые разлетелись бы шагов на десять, если не больше. Но руки Геборика вдруг вспыхнули: одна — цветом высохшей крови, другая — звериным, щетинистым сиянием. Обе взмыли вверх, перехватили запястья великана — и остановили удар. Деревянный меч вылетел из рук тоблакай и исчез во тьме за пределами бледного света Книги.

Великан застонал от боли.

Геборик отпустил запястья тоблакай, схватил великана за горло и за пояс, а затем, одним движением, швырнул его в темноту. Послышался глухой удар, и глинистая почва вздрогнула у них под ногами.

Геборик, пошатываясь, вернулся, его лицо перекошилось от потрясения, а обвивающее руки сияние ярости мигнуло и померкло.

— Сейчас мы видели их, — сказала ему Фелисин. — Твои руки. Ты не был оставлен, Геборик, что бы там ни думали жрецы, когда делали то, что сделали. Тебя просто готовили.

Старик упал на колени.

— И так возрождается вера человека. Знай: Фэнер никогда бы не рискнул вложиться только в тебя одного, Геборик Лёгкая Рука. Думай об этом — и будь покоен..

Где-то в темноте застонал тоблакай. Фелисин поднялась на ноги.

— Теперь отдай мне Книгу, Леоман. Пока не придёт рассвет.

Фелисин снова отдаётся. Пересотворяется. Возрождается. В последний ли раз? О нет, наверняка нет.

Когда до рассвета оставался ещё час, Икарий привёл остальных к грани Пути. Прикрепляя приклад арбалета к поясу, Скрипач передал фонарь Крокусу, а затем взглянул на Маппо. Трелль пожал плечами.

— Барьер глухой — не видно ничего, что лежит по ту сторону.

— Они и не подозревают, что будет, — прошептал Искарал Прыщ. — Вечное сияние боли, но стану ли я тратить слова, чтоб попытаться их подготовить? Нет, нет и нет. Слова слишком драгоценны, чтобы тратить их зря. Потому — моё скромное молчание будет сопровождать все колебания их недвижимого невежества.

Скрипач сделал недвусмысленный жест арбалетом.

— Ты идёшь первым, Прыщ.

Верховный жрец разинул рот.

— Я? — взвизгнул он. — Ты свихнулся? — Искарал пригнулся. — И вновь они обмануты, даже этот недотёпа-солдат — о-о-о, даже слишком легко!

Зашипев, Крокус вышел вперёд, высоко поднимая фонарь, а затем шагнул за барьер и скрылся с глаз остальных. Следом за ним сразу же двинулся Икарий.

Скрипач зарычал и снова жестом приказал Искаралу Прыщу идти.

Когда оба пропали, Маппо обернулся к Апсалар и её отцу.

— Вы оба уже были здесь однажды, — сказал он. — Аура этого Пути цепляется к вам обоим.

Реллок кивнул.

— Ложный след. Мы должны были позаботиться об одиночниках и д'иверсах.

Трелль перевёл взгляд на Апсалар.

— Что это за Путь?

– Я не знаю. Его действительно разорвало на куски. Вряд ли удастся выяснить его природу, учитывая теперешнее состояние. И воспоминания ничего не говорят мне о Пути, который был бы разрушен таким образом.

Маппо вздохнул, расправил плечи, чтобы ослабить напряжение в мышцах.

– Ну, что ж, с чего мы взяли, что известные Старшие Пути – Телланн, Омтоз Феллак, Куральд Галейн – единственные из существовавших?

Преодоление барьера сразу дало о себе знать изменением атмосферного давления. Маппо сглотнул, чтобы перестало закладывать уши. Заморгал, когда на все его чувства обрушился поток впечатлений. Трелль стоял с остальными среди вековых деревьев, густой лес – ели, кедры и секвойи, густо оплетённые мхом. Вниз пробивался синеватый свет. Пахло гниющими растениями, в воздухе жужжали насекомые. Эта картина удивительной красоты коснулась души Маппо, как прохладный бальзам.

– Не знаю, чего я там ожидал, – пробормотал Скрипач, – но точно – не этого.

Прямо перед ними из дёрна вздымался огромный доломитовый валун выше Икария. Солнечный свет окрасил его в бледно-зелёный оттенок, так что выступили желобки, ямки и другие следы резьбы на поверхности камня.

– Солнце не движется, – сказала Апсалар из-за спины трелля. – Свет всегда падает под этим углом, только под таким углом резьба становится видной нашим глазам.

Основание и бока валуна были покрыты отпечатками ладоней и лап – отпечатками цвета крови.

Тропа Ладоней. Маппо повернулся к Искаралу Прыщу.

– Опять твои происки, верховный жрец?

– Одинокий валун в лесу? Нетронутый мхом и лишайником, выцветший под жестоким солнцем другого мира? Трелль глуп непроходимо, но вы только послушайте его! – Он широко улыбнулся Маппо. – Конечно же нет! Как бы я сумел сдвинуть с места такую махину? Взгляни на эту древнюю резьбу, ямки и спирали, как такое можно подделать?

Икарий подошёл вплотную к валуну. Провёл пальцем по изгибам одной из бороздок.

– Нет, эти – вполне настоящие. Однако это – знаки Телланна, такие можно увидеть в местах, священных для т'лан имассов – валун, как правило, стоит на вершине холма в тундре или на равнине. Впрочем, не думаю, что д'иверсы и одиночники заметят подобное несоответствие...

– Разумеется, нет! – взорвался Искарал Прыщ, а затем нахмурился, глядя на ягга. – Почему ты замолчал?

– А как иначе? Ты перебил меня...

— Ложь! Но нет, нужно свою ярость спрятать в мешок, такой, как загадочный мешок трелля — такой любопытнейший мешочек! Может быть, там внутри другой обломок? Такая возможность... возможна. Вероятная вероятность, даже определённая определённость! Нужно лишь обратить к яггу хитрую улыбку, чтобы показать моё доброжелательное терпение перед лицом его гнусных оскорблений, ибо я больший человек, чем он, о да! Такая напыщенность, такое позёрство, наигранные ремарки... Слушайте! — Искарал Прыщ вдруг резко развернулся и устоял в лес за валуном.

— Ты что-то слышишь, верховный жрец? — спокойно спросил Икарий.

— Слышу? — Прыщ нахмурился. — Зачем меня спрашивать?

Маппо спросил у Апсалар:

— Как далеко в лес вы заходили?

Она покачала головой. Недалеко.

— Я первым пойду, — сказал Скрипач. — Прямо вперёд за камень, правильно понимаю?

Других предложений не прозвучало.

Они пошли, Скрипач чуть опережая остальных, с заряженным морантской стрелой арбалетом на уровне пояса. Следом шёл Икарий, его лук по-прежнему был привязан за спиной, меч — в ножнах. За ним шагали Прыщ и Апсалар с отцом, а Крокус двигался в нескольких шагах перед Маппо, который замыкал маленький отряд.

Маппо не был уверен, что сумеет отреагировать на угрозу со скоростью ягга, поэтому вытащил из мешка кожаную палицу. Неужели я и вправду ношу кусочек этого Пути в своём драном мешке? Что же тогда случилось с моими беспомощными жертвами? Может, я отправил их в рай — такая мысль способна и заглушить уколы совести...

Треллю уже доводилось странствовать по старым лесам, но этот отличался от них. Крики птиц звучали редко и далеко друг от друга, и если не считать деревьев и других растений, вокруг не было никаких признаков жизни. В таком месте было бы легко отпустить поводья воображения, вообразить мрачное присутствие, рождённое первобытной атмосферой. В таком месте торжествуют тёмные легенды, а мы — превращаемся в перепуганных, дрожащих детей... тьфу, глупость какая! Если тут и есть что-то мрачное — так это я сам.

Под ногами из гумуса то и дело выступала сеть толстых камней, которой было пронизано всё свободное пространство между деревьями. Чем дальше заходили спутники, тем прохладнее становился воздух, вскоре они заметили, что лес становится реже, расстояние между деревьями увеличилось с нескольких шагов до полудюжины, затем дюжины. Но густая паутина корней оставалась на земле — их было слишком много, чтобы считать корни лишь продолжением леса. Их вид вызвал у Маппо какое-то смутное, тревожное узнавание, но вспомнить, где видел подобное, трелль не сумел.

Теперь спутники уже могли видеть на пять сотен шагов вперёд: усыпанная валунами лесистая долина, влажный воздух, казавшийся голубоватым в призрачном свете странного солнца. Ничто не шевелилось. Все молчали, так что единственными звуками оставались дыхание, шелест одежды и скрип доспехов, а также глухие шаги по бесконечному ковру переплетённых корней.

Через час они добрались до дальней опушки леса. За ним раскинулась тёмная равнина. Скрипач остановил отряд.

— Какие есть соображения? — спросил он, глядя на голый, пологий ландшафт впереди.

Земля под ногами оставалась густо оплетена безумными, змееобразными корнями, которые уходили куда-то вдаль.

Икарий присел и положил ладонь на один из толстых извивов дерева. Он закрыл глаза, затем кивнул. Ягг поднялся.

— Азаты, — сказал он.

— Треморлор, — пробормотал Скрипач.

— Я никогда не видел, чтобы Азаты так себя проявляли, — заметил Маппо.

Нет, не Азаты, но я видел деревянные посохи, которые...

— Я видел, — возразил Крокус. — В Даруджистане. Дом Азатов вырос из земли, как пень дерева. Я это своими глазами видел. Он там поднялся, чтобы схоронить Финнэст яггута.

Маппо долго и пристально смотрел на юношу, затем обернулся к яггу.

— Что ещё ты почувствовал, Икарий?

— Сопротивление. Боль. Азат в осаде. Этот разорванный Путь хочет вырваться из хватки Дома. А теперь — новая угроза...

— Одиночники и д'иверсы.

— Треморлор... знает... о тех, кто его ищет.

Искарал Прыщ захихикал, затем пригнулся под гневным взглядом Крокуса.

— Включая нас, как я понимаю, — сказал Скрипач.

Икарий кивнул.

— Да.

— И он собирается защищаться, — сказал трелль.

— Как только сможет.

Маппо поскрёб подбородок. Реакции живого создания.

– Нужно здесь остановиться, – сказал Скрипач. – Поспать...

– Нет-нет, нельзя! – воскликнул Искарал Прыщ. – Всё очень срочно!

– Что бы там ни было впереди, – протянул сапёр, – подождёт. Если мы не отдохнём...

– Я согласен со Скрипачом, – заявил Икарий. – Несколько часов...

Лагерь разбили на скорую руку, молча разложили одеяла, наскоро перекусили. Маппо смотрел, как укладываются остальные, пока бодрствовать не остались только он сам и Реллок. Трелль подошёл к старику, который начал готовить себе спальное место.

Маппо тихо проговорил:

– Почему ты исполнял приказы Искарала, Реллок? Привести собственную дочь сюда... в таких обстоятельствах...

Рыбак поморщился и явно с трудом заставил себя ответить:

– Мне, сударь, даровали вот эту новую руку. Жизнь нам сохранили...

– Ты это уже говорил. И тебя доставили к Искаралу. В цитадель в пустыне. А затем заставили подвергнуть единственного ребёнка опасности... прости, если тебе обидны эти вопросы, Реллок. Я хочу только понять.

– Она уже не та, что прежде. Не моя маленькая девочка. Нет. – Он помолчал, его руки чуть задрожали на одеяле. – Нет, – повторил Реллок, – что сделано, то сделано, назад не воротить. – Он поднял глаза. – Нужно выкручиваться, как бы жизнь ни повернулась. Моя девочка это знает... Только... – Реллок мрачно взглянул на Маппо. – Мало знать. Этого недостаточно. – Он нахмурился, покачал головой и отвёл глаза. – Не могу объяснить...

– Я понимаю, о чём ты.

Реллок вздохнул и продолжил:

– Ей нужны причины. Для всего – причины. Ну, то есть это мне так чудится. Я её отец, и я говорю: ей ещё многому нужно научиться. Это всё одно, что выйти в море – учишься тому, что безопасности нет нигде. Везде опасно, трелль. – Он встряхнулся и поднялся. – Ну вот, теперь из-за тебя голова разболелась.

– Прости, – сказал Маппо.

– Если повезёт, она меня когда-нибудь простит.

Трелль смотрел, как он разравнивает одеяло. Маппо поднялся и подошёл к своему мешку. «Безопасности нет нигде». Какой бы морской бог ни

присматривал за тобой, старик, он теперь должен смотреть и за твоей заблудшей дочерью.

Маппо не мог уснуть и вдруг услышал сквозь одеяло шаги, а затем тихий голос Икария:

— Лучше ложись спать, девочка.

В ответе треллю почудилось горькое веселье.

— Мы с тобой очень похожи.

— Чем же? — спросил Икарий.

Она вздохнула.

— У нас обоих есть защитники, которые не способны нас защитить. Особенно от нас самих. Поэтому они таскаются за нами, беспомощные, всегда начеку, но всё равно беспомощные.

Ответ Икария прозвучал размеренно и ровно:

— Маппо — мой спутник, друг. Реллок — твой отец. Я понимаю его представление о защите — что ещё делать отцу? Но мы с Маппо — другое дело.

— Да ну?

Маппо задержал дыхание, приготовился вскочить, прервать этот разговор...

Через некоторое время Апсалар продолжила:

— Возможно, ты прав, Икарий. Мы схожи меньше, чем мне показалось сначала. Скажи, что ты будешь делать со своими воспоминаниями, когда найдёшь их?

Облегчение, которое испытал трелль, быстро улетучилось. Только теперь он не пытался подавить желание вмешаться; теперь он замер совершенно неподвижно, чтобы услышать ответ на вопрос, который никогда не решался задать Икарию.

— Твой вопрос... удивил меня, Апсалар. Что ты делаешь со своими?

— А они и не мои — по большей части. У меня осталось несколько картинок из жизни в рыбацкой деревне. Вот я торгуюсь на рынке за бечеву. Вот держу отца за руку над кучей камней, по которой рассыпаны срезанные цветы, лишайник там, где я прежде касалась кожи. Потеря, замешательство — я тогда была, наверное, совсем маленькой. Другие воспоминания принадлежат восковой ведьме, старой женщине, которая хотела защитить меня во время одержания Котильоном. Она потеряла мужа, детей, все они были принесены в жертву славе Империи. Логично было бы предположить, что горечь одолеет всё прочее в сердце такой женщины? Но этого не произошло. Она не могла

защитить тех, кого любила, и инстинкт — долго сдерживаемый — заставил её принять меня. И защищать до сего дня, Икарий..

— Это великий дар, девочка..

— О да. И наконец последний набор чужих воспоминаний — самый невразумительный. Память убийцы. Некогда смертного, теперь Взшедшего. Убийцы склоняются перед алтарём эффективности, Икарий, а эффективность жестока. Она без особых размышлений приносит в жертву жизни смертных, всё ради того, что считается необходимым. По крайней мере, так было с Танцором, который убивал не за деньги, а ради высшей цели, в которой было куда меньше самовозвеличивания, чем можно было бы подумать. Он себя видел мастером, который чинит, исправляет сломанное. Он себя считал благородным. Цельный человек этот Танцор. Но эффективность — хозяин безжалостный. Есть ещё горькая ирония. В глубине души, несмотря на желание отомстить Ласиин, он ей.. сочувствует. В конце концов, она склонилась перед тем, что почитала высшей целью и необходимостью — для Империи, — и решила ради этой цели принести в жертву двух людей, которых называла друзьями.

— Значит, внутри тебя царит хаос.

— Да, Икарий. Таковы воспоминания в полноте своей. Мы не простые создания. Ты мечтаешь о том, что с воспоминаниями придёт знание, понимание. Но с каждым найденным ответом возникает тысяча новых вопросов. Всё, чем мы были, привело нас к тому, чем мы стали, но мало говорит о том, чем станем. Воспоминания — груз, который невозможно сбросить с плеч.

Икарий упрямо пробормотал:

— Груз, который я, тем не менее, приму.

— Позволь дать тебе совет. Не говори этого Маппо, если не хочешь разбить ему сердце.

Стук крови в ушах трелля гремел громом, грудь горела от долго сдерживаемого дыхания.

— Я не понимаю, — тихо сказал через некоторое время Икарий, — но никогда этого не сделаю, девочка.

Маппо медленно выпустил воздух из лёгких, стараясь держать себя в руках. Он почувствовал, что из уголков глаз по щекам побежали слёзы.

— Я не понимаю. — На этот раз слова принёс шёпот.

— Но хочешь понять.

Ответа не последовало. Прошла минута, затем Маппо услышал шаги.

— Возьми, Икарий, — сказала Апсалар. — Вытри глаза. Не пристало яггу плакать.

Сон бежал от Маппо, и трелль подозревал, что в лагере он не единственный, кому привал не дал передышки от мучительных мыслей. Только Искарал Прыщ спал сладким сном, если судить по громогласному храпу.

Вскоре Маппо снова услышал шаги, и спокойный, размеренный голос Икария произнёс:

— Пора.

Лагерь свернули быстро. Маппо ещё затягивал мешок, а Скрипач уже ушёл вперёд, как солдат, шагающий на поле боя, осторожный, но решительный. За ним ковылял верховный жрец Тени. Когда Икарий собрался двинуться следом, Маппо перехватил его за руку.

— Друг мой, Дома Азатов стремятся сковать всех, кто обладает силой, — ты понимаешь, чем рискуешь?

Икарий улыбнулся.

— Не только я, Маппо. Всегда ты недооцениваешь себя, забываешь, кем стал за прошедшие века. Если мы собираемся идти дальше, нужно доверять Азату, он поймёт, что мы не желаем вреда.

Все остальные уже ушли — Апсалар напоследок бросила на обоих испытующий взгляд.

— Как можно доверять чему-то, чего не понимаешь? — спросил трелль. — Ты говоришь «поймёт». Как? Собственно, кто поймёт?

— Понятия не имею. Я просто чувствую присутствие. И если я его чувствую, значит, и он может почувствовать меня. Треморлор страдает, Маппо. Он сражается один, и дело его — справедливо. Я собираюсь помочь Азату, и поэтому перед Треморлором стоит выбор — принять мою помощь или нет.

Трелль попытался скрыть тревогу. Ох, друг мой, ты предлагаешь помощь, не понимая, как быстро может развернуться этот клинок. В неведении ты столь чист, столь благороден. Если Треморлор знает тебя лучше, чем ты сам себя знаешь, осмелится ли он принять твоё предложение?

— Что не так, друг?

Во взгляде ягга мелькнуло холодное подозрение, и Маппо пришлось отвести глаза. Что не так? Я бы заговорил, предупредил тебя. Если Треморлор тебя заберёт, мир избавится от великой угрозы, но я потеряю друга. Даже нет — я предам тебя, обреку на вечное заточение. Старейшины и Безымянные, которые избрали меня для этой задачи, несомненно так и велели бы мне поступить. Им неведома любовь. Да и молодой воин-трелль, который столь охотно дал тогда клятву, не колебался бы — потому что не знал ещё того, с кем ему предстоит странствовать. И не знал сомнений — в те, такие далёкие времена.

— Я умоляю тебя, Икарий, давай вернёмся. Риск слишком велик, друг мой. — Глядя на равнину, Маппо почувствовал, что в глазах собираются слёзы.

«Друг мой». Ну вот, дорогие Старейшины, я разоблачён. Вы выбрали не того. Я трус.

— Хотел бы я... — медленно начал Икарий и замолчал на миг. — Хотел бы я понять. Война, которую ты ведёшь с собой, Маппо, разрывает мне сердце. Ты уже должен был понять...

— Понять что? — прохрипел трелль, не решаясь посмотреть в глаза яггу.

— Что я готов отдать жизнь за тебя, мой единственный друг, мой брат.

Маппо обхватил себя руками.

— Нет, — прошептал он. — Не говори так.

— Помоги мне покончить с этой твоей войной. Пожалуйста.

Трелль глубоко, судорожно вздохнул.

— Город Первой Империи, там, на острове...

Икарий ждал.

— Был разрушен... твоей рукой, Икарий. Твоя слепая ярость... ярость несравненная. Она пылает так жарко, что испепеляет воспоминания о том, что ты делаешь. Я присматриваю за тобой — я смотрю, как ты ворошишь холодные угли, пытаешься узнать, кто ты такой, но вот я стою рядом, связанный клятвой — предотвратить повторение подобного. Ты уничтожил города, целые народы. Начав убивать, ты не можешь остановиться, пока всё перед тобой не станет... безжизненным.

Ягг ничего не сказал, а Маппо не мог заставить себя взглянуть на друга. От чувства беспомощности трелль сжал себя руками до боли. В нём кипела мука, рвалась наружу, но Маппо сдерживал её изо всех сил.

— И Треморлор знает, — холодным, ровным тоном проговорил Икарий. — Азат может лишь забрать меня.

Если сумеет, ведь прежде, чем он сможет хотя бы попробовать, силы его подвергнутся столь суровому испытанию. В гневе ты можешь уничтожить его — о, нижние духи, чем же мы все здесь рискуем?

— Я думаю, что этот Путь породил тебя, Икарий. Столько лет спустя ты наконец вернулся домой.

— Где началось, там и закончится. Я иду в Треморлор.

— Друг...

— Нет. Я не могу просто уйти с таким знанием — пойми же, Маппо. Я не могу...

— Если Треморлор пленит тебя, ты не умрёшь, Икарий. Ты окажешься в вечном заточении, но будешь... знать.

– Да, это достойная кара за мои преступления.

Трелль вскрикнул.

Ладонь Икария легла ему на плечо.

– Пойди со мной к моей тюрьме, Маппо. Делай что должен – что ты уже наверняка делал прежде, – чтобы предотвратить ярость. Нельзя давать мне шанс сопротивляться.

Пожалуйста...

– Сделай то, что сделал бы друг. И освободись, если мне позволено быть настолько самонадеянным, чтобы предложить тебе ответный дар. Нужно это закончить.

Трелль покачал головой, словно отрицая всё сказанное. Трус! Ударь его сейчас! Утащи отсюда – далеко-далеко, – он очнётся и ничего не вспомнит. Я смогу его увести куда-нибудь, прочь отсюда, и всё будет по-прежнему, как всегда было...

– Встань, пожалуйста, остальные нас ждут.

Трелль сам не заметил, как оказался на земле, свернулся в клубок. Он почувствовал на губах вкус крови.

– Встань, Маппо. Осталось одно, последнее задание.

Надёжные, сильные руки помогли ему подняться на ноги. Трелль зашатался, как пьяный или смертельно больной.

– Маппо, иначе я не смогу звать тебя другом.

– А вот это, – выдохнул трелль, – было нечестно...

– Да, видимо, я должен сделать из тебя то, чем сам, похоже, являюсь. Пусть гнев станет железом твоей решимости. Не оставляй места для сомнений – ты всегда был слишком сентиментальным, трелль.

Даже такие слова ты произносишь по-доброму. О боги, как же я могу решиться на такое?

– Остальные глубоко потрясены тем, что увидели – что мы им скажем?

Маппо покачал головой. Ты по-прежнему во многом ребёнок, Икарий. Они знают.

– Идём же. Мой дом ждёт возвращения блудного сына.

– Иначе бы не вышло, – сказал Скрипач, когда они подошли.

Маппо внимательно осмотрел каждого и увидел понимание, ясно написанное на лицах. Искарал Прыщ нервически ухмылялся – в улыбке сквозил страх, предвкушение и множество других эмоций, которые только сам жрец смог бы объяснить, если бы захотел. Апсалар, видимо, подавила своё сочувствие и теперь разглядывала Икария так, будто оценивала потенциального противника; впервые в ней чувствовалась неуверенность в собственных силах. В глазах Реллока плескалось смирение, он слишком хорошо понимал, какая опасность грозит его дочери. Только Крокуса, казалось, не потрясло это знание, и Маппо вновь подивился решимости, которую обнаружил в себе юноша. Будто парень восхищается Икарием – но какой частью ягга он восхищается?

Они стояли на холме, под ногами раскинулось хаотическое переплетение корней. Какое-то древнее создание лежит внизу. Все эти холмы.. Впереди ландшафт изменился, корни поднялись из земли, сплелись в густые стены, из которых образовался огромный, запутанный лабиринт. Часть корней в стенах, кажется, шевелилась. Маппо присмотрелся к неустанному движению и напрягся.

– Не пытайтесь меня спасти, – объявил Икарий, – если Треморлор попытается меня забрать. Более того, помогите ему, как только сможете..

– Глупец! – каркнул Искарал Прыщ. – Ты ещё нужен Азату! Треморлор столько поставил на один бросок костяшек, что сами Опонны поразились бы! Отчаяние! Тысячи одиночников и д’иверсов сходятся сюда! Мой бог сделал всё, что мог, как и я сам! И кто поблагодарит нас? Кто хотя бы признает нашу жертву? Не подведи нас ныне, ужасный ягг!

Поморщившись, Икарий обернулся к Маппо.

– Я буду защищать Азат – скажи, могу я драться без... без пылающей ярости?

– У тебя есть предел, – ответил трелль. Но сколь же он близок..

– Держись сзади, – сказал Скрипач, проверяя арбалет. – Пока остальные не сделают всё, что могут.

– Искарал Прыщ, – рявкнул Крокус. – Это касается не только тебя, но и твоего бога..

– Ха! Ты хочешь нам приказывать? Мы собрали игроков в нужном месте – нельзя требовать большего..

Даруджиец шагнул к жрецу, остриё ножа блеснуло и легонько коснулось шеи Прыща.

– Мало, – сказал юноша. – Зови своего бога, чтоб тебя. Нам нужна помощь!

– Риски..

– Окажутся выше, если вы будете стоять в стороне! Что, если Икарий убьёт Азата?

Маппо тихо ахнул, поражённый тем, насколько точно Крокус осознал положение.

Наступила тишина.

Потрясённый Икарий отступил назад.

О да, друг мой, тебе на это хватит сил.

Искарал Прыщ заморгал, открыл рот, затем захлопнул с громким стуком.

— Непредвиденное осложнение, — наконец проскулил он. — Всё, что освободится... ой-ой-ой! Отпусти меня.

Крокус отступил, пряча клинок в ножны.

— Престол Тени... хм... мой достойный Владыка Тени... думает. Да! Думает неистово! Таков его великий гений, что он способен перехитрить даже самого себя! — Глаза верховного жреца вдруг распахнулись, он резко развернулся и уставился в лес.

Среди деревьев прозвучал далёкий вой.

Искарал Прыщ улыбнулся.

— Будь я проклята, — пробормотала Апсалар. — Вот уж не думала, что он на такое способен.

Из лесу появились пять Псов Тени, выбежали размашистой рысцой, словно волки, хотя каждый был размером с пони. Будто в насмешку над естественным порядком вещей вела стаю светлая, слепая Гончая по имени Бельмо. Её кобель, Вэран, бежал позади и справа от неё. Зубец и Шан шли следом. Вожак стаи, Крест, замыкал шествие.

Маппо поёжился.

— Я думал, их семеро.

— Аномандр Рейк убил двоих на равнине Рхиви, — сказала Апсалар, — когда потребовал, чтобы Котильон вышел из моего тела.

Крокус удивлённо обернулся.

— Рейк? Этого я не знал.

Маппо приподнял бровь, глядя на даруджийца.

— Ты знаешь Аномандра Рейка, Владыку Лунного Семени?

— Один раз встречались, — сказал Крокус.

— Эту историю я бы хотел когда-нибудь услышать.

Юноша поджал губы, но кивнул.

Маппо, ты единственный здесь глупец, который всё ещё надеется, что мы переживём этот поход. Он снова посмотрел на приближавшихся Псов.

За все годы странствий с Икарием они никогда не сталкивались с легендарными созданиями Тени, но трелль знал их имена и описания и больше прочих Гончих боялся Шан. Она двигалась, словно жидкая тьма, мускулистые бока покрывали шрамы, в её движениях чувствовалась дикая жестокость бойца, Шан была воплощённым, истинным убийцей. Трелль почувствовал, как волосы поднимаются у него на загривке, когда на короткий миг перехватил взгляд этих мертвенных глаз.

— Они не злятся, — проворковал Искарал Прыщ.

Маппо оторвал взгляд от Псов и заметил, что Скрипач пристально смотрит на него. Между ними мгновенно возникло понимание. Сапёр едва заметно кивнул. Трелль вздохнул, медленно моргнул, затем повернулся к Икарию.

— Друг мой..

— Я благодарен, — проворкотал ягг. — Мы не будем больше об этом говорить, Маппо.

В наступившей тишине подбежали Псы и выстроились вокруг отряда.

— Идём-идём мы в лабиринт, — пробормотал Искарал Прыщ и хихикнул, когда вдалеке послышался нечеловеческий крик. Псы подняли головы, принюхались, но других признаков тревоги не проявляли. Каждого из зверей окружала аура уверенности, пропитанная древностью Псов, точно стальными нитками.

Верховный жрец Тени снова пустился в пляс, конец которому положил Бэран — зверь молнией метнулся вперёд, ударил головой и плечом Искарала Прыща и повалил на землю.

Скрипач хмыкнул, помогая жрецу подняться.

— Ты даже собственного бога умудрился довести, Прыщ.

— Ерунда, — пропыхтел старик. — Это любовь! Щеночек был так рад меня видеть, что перевозбудился.

Они двинулись к лабиринту под небом цвета полированной стали.

Геслер подошёл туда, где Дукер, Бальт и капитан Сон пили некрепкий травяной чай. Сломанный нос капрала покраснел и распух, говорил он теперь гнусаво.

— Больше мы никого на борт поднять не можем, так что будем отчаливать, чтобы поспеть до отлива.

— Как быстро ваши мёртвые гребцы смогут доставить корабль в Арэн? — спросил Сон.

— Долго ждать не придётся. Дня три — не больше. Не бойся, капитан, мы в дороге никого из раненых не потеряем..

— Откуда такая уверенность, капрал?

— На «Силанде» время вроде как остановилось, капитан. С голов всё ещё капает кровь, а их отрубили месяцы, годы, а может, десятилетия назад. Ничего не гниёт. Фэнеровы клыки, да у нас даже борода не растёт, когда мы на борту, капитан.

Сон хмыкнул.

До рассвета оставался час. Звуки бешеной активности в лагере Корболо Дома не стихали. Чародейская завеса мешала колдунам-виканцам выяснить, что там происходит. От неизвестности нервы у всех были напряжены.

— Храни вас всех Фэнер, — сказал Геслер.

Дукер поднял голову, чтобы посмотреть в глаза морпеху.

— Спаси наших раненых, капрал.

— Так точно, историк, именно это мы и сделаем. Может, даже вытащим флот Нока из гавани или пристыдим Пормкваля настолько, что он решит выйти из города. Капитан городского гарнизона — Елистиг — хороший человек, если бы он не отвечал за безопасность в Арэне, был бы уже сейчас здесь. Ладно, может, мы вдвоём сумеем подбавить железа в характер Первого Кулака.

— Твои бы слова... — пробормотал Сон. — Ладно, иди уже, капрал, ты теперь почти такой же уродливый, как я, у меня аж живот сводит.

— У нас там полно лишних глаз — тистеандийских, если хочешь примерить, капитан. Последний шанс.

— Не хочу, капрал, но за предложение — спасибо.

— Всегда пожалуйста. Прощай, историк. Прости, что не получилось лучше с Кальпом и Гебориком.

— Вы сделали больше, чем кто бы то ни было мог надеяться, Геслер.

Солдат пожал плечами и повернулся к стоявшей у берега шлюпке. Затем помедлил.

— И ещё. Командор Бальт?

— Да?

— Мои извинения Кулаку за сломанную руку.

— Сормо сумел её исцелить, капрал, но твои слова я передам.

— Знаешь, командор, — сказал Геслер, прежде чем забраться в шлюпку. — Я тут заметил: у вас с капитаном на двоих три глаза, три уха и почти полная голова волос.

Бальт резко развернулся и пронзил взглядом капрала.

— В смысле?

— Да просто так, заметил. Увидимся в Арэне.

Дукер смотрел, как Геслер в шлюпке пересекает жёлтое полотно реки. Увидимся в Арэне. Несколько неуместно, капрал, зато от чистого сердца.

— До конца дней своих, — вздохнул Сон, — буду помнить Геслера как человека, который назло лицу сам себе нос сломал.

Бальт ухмыльнулся, выплеснул чайную гущу на глинистую землю и под хруст суставов поднялся.

— Племяннику это понравится, капитан.

— Всё дело только в недоверии, дядя? — спросил, поднимая голову, Дукер.

Бальт некоторое время смотрел на него сверху вниз, затем пожал плечами.

— Колтейн бы тебе сказал, что да, историк.

— А ты как думаешь?

— Я слишком устал, чтобы думать. Если хочешь узнать мысли Кулака по поводу предложения Корболо Дома, можешь его сам спросить.

Оба проводили глазами уходящего командора.

Сон хмыкнул.

— Жду не дождусь возможности прочесть твою хронику Собачьей цепи, дед. Жалко, что я не увидел, как ты отправляешь с Геслером в Арэн сундук, битком набитый свитками.

Дукер поднялся на ноги.

— Похоже, никто сегодня не хочет нежно обниматься.

— Может, завтра тебе больше повезёт.

— Может.

— Я-то думал, ты себе нашёл женщину. Из морпехов — как там её звали?

— Не знаю. Мы провели вместе лишь одну ночь...

— Вот как? Меч маловат оказался для ножен?

Дукер улыбнулся.

— Мы решили, что не стоит продолжать. Нам обоим и так хватает невосполнимых потерь...

— Значит, обоим вам ума не хватает.

— Наверное, да.

Дукер шёл по беспокойному, неспящему лагерю. Он слышал разговоры, но в душе его ревели безотрадное знание, и этот звук отдавался в костях.

Историк нашёл Колтейна рядом со штабным шатром: Кулак беседовал с Сормо, Нихилом и Бездной. Его правая рука всё ещё выглядела опухшей и покрасневшей, а на покрытом бисеринками пота лице отражалась боль, вызванная магическим исцелением.

Сормо обратился к историку:

— Где твой капрал Лист?

Дукер удивлённо моргнул.

— Не уверен. А что?

— Его одолевают видения.

— Да, так и есть.

Худое лицо колдуна скривилось.

— Мы ничего не чувствуем в землях впереди. Такая пустота — противоестественна. Эту землю вытерли дочиста, историк, саму душу её уничтожили. Как?

— Лист говорит: когда-то на равнине за лесом шла война. Так давно, что сама память о ней истёрлась. Но осталось эхо, заключённое в каменных костях земли.

— Кто вёл эту войну, историк?

— Это ему ещё не открылось. Призрак ведёт Листа во снах, но ясных откровений ждать не приходится. — Дукер помедлил, затем вздохнул. — Это призрак яггута.

Колтейн посмотрел на восток, словно хотел хорошенько рассмотреть бледнеющий горизонт.

— Кулак, — сказал через минуту Дукер, — Корболо Дом...

Неподалёку вдруг началась суматоха. Оба развернулись и увидели, что к ним сломя голову мчится аристократ. Историк нахмурился, затем узнал его.

– Тамлит...

Старик отчаянно щурился, приглядываясь к лицам, затем наконец остановился перед Колтейном.

– Ужасное происшествие, Кулак! – произнёс он дрожащим голосом.

Только теперь Дукер услышал шум в лагере беженцев, растянувшимся вдоль торговой дороги.

– Тамлит, что случилось?

– Ещё один эмиссар, к сожалению. Его тайно провели в лагерь. Он встретился с Советом – я пытался их отговорить, но не преуспел, увы. Пуллик и Нэттпара убедили остальных. Кулак, беженцы завтра пойдут через реку под милостивой защитой Корболо Дома...

Колтейн резко обернулся к колдунам.

– По кланам! Бальта и капитанов срочно ко мне.

Теперь уже послышались крики виканцев: толпа беженцев ринулась вперёд, проталкиваясь к броду. Кулак перехватил одного из солдат поблизости.

– Прикажи вождям кланов убрать воинов с их пути – здесь нам их не удержать.

Он прав – мы не сможем остановить этих дураков.

Подбежали Бальт и капитаны, Колтейн начал быстро раздавать приказы. По его словам Дукеру стало ясно, что Кулак готовится к худшему. Когда офицеры умчались, Колтейн встал лицом к лицу с историком.

– Иди к сапёрам. По моему приказу они должны присоединиться к колонне беженцев, сменить форму и знаки отличия на обычную одежду...

– Не понадобится, Кулак. Они и так все обряжены в тряпье и трофейные доспехи. Но я их заставлю привязать шлемы к поясам.

– Иди.

Дукер поспешил прочь. Небо светлело, и в растущем сиянии дня со всех сторон зашевелились бабочки, мерцание бесчисленных крыльев почему-то вызвало у историка дрожь. Он протолкался мимо неорганизованной колонны, между потоком горожан и пехотинцами, которые с каменными лицами смотрели на беженцев.

Дукер высмотрел разношёрстную группу солдат, которые сидели в стороне от дороги, почти у самого частокола. Они не обращали на беженцев внимания и, казалось, были полностью погружены в сматывание верёвок. Некоторые из них подняли глаза, когда историк подошёл ближе.

– Колтейн приказывает вам присоединиться к беженцам, – объявил Дукер. – Никаких возражений – снимайте шлемы и...

— А кто-то возражает? — пробормотал приземистый широкоплечий солдат.

— Что это вы задумали с верёвками? — спросил Дукер.

Сапёр поднял голову, глаза — узкие щёлки на широкоскулом обветренном лице.

— Мы тут свою рекогносцировку провели, старик. А теперь, если ты заткнёшься, мы начнём готовиться.

Со стороны леса трусой подбежали трое солдат. Один из них держал за косы отрубленную голову, за которой тянулся кровавый след.

— Этот больше спать на посту не будет, — отметил сапёр и бросил свой трофей на землю, голова упала с глухим стуком и покатилась в сторону. Никто не обратил на это внимания, а трое сапёров не стали ни перед кем отчитываться.

Весь отряд закончил подготовку одновременно, мотки верёвки на плече, шлемы привязаны к поясам, арбалеты взведены и спрятаны под широкими плащами и телабами. Сапёры молча поднялись и направились к толпе беженцев.

Дукер задумался. Посмотрел на реку. Голова колонны беженцев уже выбралась к броду: воды было по пояс, ширина — не меньше сорока шагов, на дне — густой липкий ил. Над толпой бледно-жёлтым мерцающим маревом порхали бабочки. Джину виканцев отправили вперёд, чтобы вести колонну. За ними катились фургоны знати — только аристократы не собирались замочить ноги и оставались над давкой. Историк снова посмотрел вслед сапёрам, но они уже растворились в толпе. Откуда-то с дальнего конца торговой дороги послышалось отчаянное мычание скота — забой начался.

Пехотинцы на флангах готовили оружие к бою — Колтейн явно ожидал нападения с тыла.

И всё же историк колебался. Если он присоединится к беженцам и произойдёт самое худшее, начнётся паника не менее смертоносная, чем бойня, которой грозят войска Корболо Дома. Худов дух! Теперь всё зависит от этого ублюдка.

Кто-то взял его под руку. Дукер обернулся и увидел свою безымянную воительницу.

— Пошли, — сказала она. — В толпу — нам приказали помочь сапёрам.

— В чём? С беженцами пока ничего не случилось — и они уже почти до половины брода добрались...

— Ага, и видишь, как все головы повернули вниз по течению? Бунтовщики выстроили понтонный мост — нет, отсюда не видно, но там полно солдат с пиками...

— Пикинёры? Что они там делают?

– Наблюдает. Ждут. Пошли, любовничек, кошмар вот-вот начнётся.

Они встроились в колонну беженцев, вошли в поток людей, который стремительно нёсся к берегу реки. Внезапный рёв и звон оружия ознаменовали начало атаки на арьергард. Скорость потока ещё увеличилась. В тесной толпе Дукеру почти ничего не было видно ни сбоку, ни сзади, но крутой спуск позволял хорошо разглядеть саму реку Ватар, к которой они неслись со скоростью лавины. Весь брод заполнили беженцы. По краям людей сталкивали на глубину – Дукер видел голову и вытянутые руки, которые сносило течением всё ближе и ближе к пикинёрам на мосту.

Вдруг над рекой пронёсся отчаянный крик беженцев и все головы повернулись вверх по течению, но сам историк ещё не видел, что именно привлекло их внимание.

Дюжина всадников выбралась на противоположный берег. Историк видел, как они лихорадочно натягивают луки, разворачиваясь к полосе деревьев на дальнем берегу. А затем виканцы начали валиться с коней, из тел торчали оперённые древки. Лошади заржали и тоже попадали на землю.

Повозки знати с треском и грохотом выкатились из воды – и остановились, когда тащившие их волю грузно осели под шквалом стрел.

Брод оказался перекрыт.

Беженцев охватила паника, прокатилась людской волной по склону к реке. Дукер заревел, но ничего не мог сделать, толпа несла его в укрытую жёлтыми крыльшками воду. Историк краем глаза увидел то, что прежде заметили беженцы, – ещё один понтонный мост с пикинёрами и лучниками. С обоих берегов солдаты тянули его за верёвки, направляли всё ближе и ближе к броду.

Стрелы неслись сквозь тучи бабочек и впивались в полчище беженцев. Негде было спрятаться, некуда бежать.

Историк погрузился в кошмар. Со всех сторон под жуткий шёпот и треск гибли невооружённые люди. Толпа судорожно металась во все стороны, образовывала перепуганные, беспомощные водовороты. Дети падали, их затаптывали ногами в мутной воде.

На Дукера упала женщина. Он обхватил её руками, пытаясь удержать на ногах, затем увидел стрелу, которая пробила насквозь ребёнка у неё на руках и вошла в грудь матери. От ужаса Дукер закричал.

Рядом появилась воительница, сунула ему в руки верёвку.

– Хватай! – крикнула она. – Крепко держись – мы пройдем – не отпускай!

Дукер намотал верёвку вокруг запястий. Впереди бечева тянулась по усыпанному телами берегу и скрывалась из глаз. Он почувствовал, как верёвка натянулась, потащила его вперёд.

Град стрел не прекращался. Одна оцарапала историка щёку, другая отскочила от прикрытой кожаной курткой кольчуги на плече. Он уже горько пожалел, что не надел шлем, а привязал его к поясу – в давке он, конечно, оторвался и пошёл под воду.

Движение верёвки – ровное, неутомимое – протащило Дукера через толпу: по людям и под ними. Много раз его утягивало под воду, но потом историк выныривал, отплёвываясь и кашляя. Один раз, когда Дукер оказался наверху, он заметил где-то впереди вспышку чародейства, грохочущую волну, но затем его вновь утащило вниз, пришлось вывернуть плечо, чтобы проскользнуть между двумя вопящими беженцами.

Брод всё никак не кончался, от мешанины криков и жутких картин Дукер погрузился в бесчувственность, показался себе призраком, которого тянет через всю человеческую историю, бесконечную процессию боли, страдания и позорной смерти. Судьба бросала жребий – то ли небеснорождённые железные шипы, то ли забвение под водой. Спасения нет – вот ещё один урок истории. Смертность – гость, который никогда надолго не уходит..

Затем историка уже волокло по мокрым, грязным трупам и размякшей от крови глине. Стрелы больше не падали с неба, а скользили над землёй, вонзаясь со всех сторон в дерево и плоть. Дукер перекатился через глубокую извилистую колею, а затем прижался к колесу фургона.

– Отпускай верёвку! – приказала воительница. – Мы на месте, Дукер..

На месте.

Историк стёр глину и грязь с глаз и, продолжая пригибаться, осмотрелся по сторонам. Виканские всадники, сапёры и морпехи лежали среди мёртвых и умирающих животных, утыканных стрелами так густо, что берег начал походить на заросли камыша. Фургоны знати откатили от брода и выстроили защитным полукругом, но бой отодвинулся от берега и шёл теперь в лесу.

– Кто? – выдохнул Дукер.

Лежащая рядом женщина хмыкнула.

– Остатки сапёров, морпехов... и несколько выживших виканцев.

– И всё?

– Больше никого на эту сторону перетаскать не удастся – и к тому же Седьмая и два клана сейчас дерутся в арьергарде. Помощи ждать неоткуда, Дукер, и если мы не зачистим этот лес..

Нас уничтожат.

Она подтащила к себе ближайший труп, чтобы снять шлем с мёртвого виканца.

– Этот, похоже, тебе больше по размеру, чем мой, дед. Держи.

– Сколько там врагов?

— Не меньше трёх рот. Но по большей части лучники — я думаю, Корболо не ожидал, что солдаты могут оказаться в голове колонны. По его плану, беженцы должны были заблокировать наше развёртывание, не позволить нам закрепиться на этом берегу.

— Будто Корболо знал, что Колтейн его предложение отвергнет, но знать — примет.

— Точно. Стрелки дали дёру — сапёры их гонят. О боги, что за люди! Давай-ка найдём себе толковое оружие и присоединимся к веселью.

— Давай, — сказал Дукер. — Но я остаюсь здесь, рядом с рекой. Мне нужно всё видеть.

— В тебе дырок навертят, дед.

— Рискну. А ты — иди!

Она на миг замешкалась, затем кивнула и поползла среди тел.

Историк нашёл круглый щит, вскарабкался на ближайший фургон — и чуть не наступил на сжавшуюся там фигуру. Он посмотрел на дрожащего человека.

— Нэттпара.

— Спаси меня! Пожалуйста!

Не обращая внимания на аристократа, Дукер снова посмотрел на реку.

Поток беженцев, который добрался до южной стороны реки, не мог двигаться дальше; люди начали растекаться по берегу. Дукер видел, как они нашли одну из групп, тянувших мост, и набросились на солдат с дикой яростью, которая заменяла им оружие и доспехи. Солдат буквально разорвали на куски.

Бойня превратила реку ниже по течению в сплошную массу мёртвых насекомых и человеческих тел, но число жертв всё прибывало. Ещё один недостаток плана Корболо стал явным, когда иссяк поток стрел с верхнего моста — лучники просто расстреляли весь боезапас. Мосту позволили плыть по течению, так что пикинёры наконец смогли дотянуться до безоружных беженцев в середине брода. Но они не ожидали столкнуться с таким ревушим бешенством. Беженцы лишились даже страха. Они хватались за пики, острия рассекали им руки, но малазанцы всё равно не отпускали наконечники. Другие вскарабкались на плот, чтобы добраться до стоявших за пикинёрами лучников. Мост накренился под весом тел, затем перевернулся. В следующий миг река наполнилась вопящими, размахивающими руками фигурами — беженцев и бунтовщиков Корболо.

А над всем роились бабочки, словно миллион жёлтых лепестков, которые несутся по воле ветра.

Гроыхнула ещё одна вспышка чар, и Дукер инстинктивно обернулся на звук. Он увидел в самой гуще толпы Сормо на коне. Волна силы покатила от колдуна к мосту ниже по течению, врезалась в мятежных солдат искрами,

которые рассекали плоть не хуже колючей проволоки. Кровь брызнула в воздух, а над мостом бабочки стали из жёлтых красными, и окровавленная туча опустилась на реку, словно трепещущее одеяло.

На глазах у Дукера четыре стрелы вонзились в колдуна, одна пробилась шею. Конь Сормо замотал головой, заржал, когда полдюжины стрел впились ему в тело. Животное пошатнулось, неуверенно отступило к краю брода, после — в глубокую воду. Сормо покачнулся, затем медленно соскользнул с седла и скрылся под водой. Конь упал на него сверху.

Дукер не мог вздохнуть. А потом увидел тонкую худую руку, которая вынырнула из воды в дюжине ярдов вниз по течению.

Бабочки потянулись к этому слабому, призывному жесту, хотя рука медленно опустилась и снова скрылась под водой. Насекомые собирались тысячами, затем сотнями тысяч. Со всех сторон битва, казалось, замерла, все смотрели на реку.

Худов дух! Они пришли за ним. За его душой. Не вороны, как должно быть. Ох, нижние боги!

Дрожащий голос послышался откуда-то снизу.

— Что случилось? Мы победили?

Дукер судорожно вздохнул. Огромная масса бабочек превратилась в кишачий, бешеный холм на месте, где в последний раз показался Сормо, — высокий, точно курган, набухающий с каждым мгновением, с каждым неверным ударом сердца историка.

— Мы победили? Ты видишь Колтейна? Позови его... я должен с ним поговорить...

Мгновение покоя разлетелось вдребезги, когда густая туча виканских стрел обрушилась на солдат на нижнем мосту. То, что начал Сормо, теперь закончили его родичи: последние лучники и пикинёры погибли.

Дукер увидел, как три взвода пехоты трусцой спустились с северного склона — их отозвали из битвы в тылу, чтобы навести порядок на переправе. Из леса выехали всадники клана Куницы и разразились улюлюкающими победными криками.

Дукер резко развернулся. Он увидел, как малазанские солдаты отступают, перебегая из укрытия в укрытие — горстка морпехов и менее тридцати сапёров. Стрелы полетели ближе и интенсивнее. Боги, они уже совершили невозможное — не требуйте же от них большего...

Историк глубоко вздохнул, затем забрался на высокие козлы фургона.

— Эй, вы все! — закричал он толпящимся на берегу беженцам. — Все, кто может стоять! Найдите оружие — и в лес! Иначе снова начнётся бойня! Лучники возвра...

Договорить он не успел, потому что воздух задрожал от дикого, животного рёва. Дукер смотрел, как сотни беженцев ринулись вперёд, не думая об

оружии, стремясь лишь сойтись с лучниками, чтобы за кровавую расправу этого дня отплатить мстью ничуть не менее ужасной.

Всех нас одолело безумие. Никогда такого не видел, не слышал даже — о боги, во что же мы превратились?..

Волны беженцев прокатились по позициям малазанцев и, не уstraшившись отчаянного обстрела из-за деревьев, ринулись в лес. В воздухе звенели жуткие крики и вопли.

Рядом замаячил Нэттпара.

— Где Колтейн? Я требую..

Дукер протянул руку и схватил шёлковый шарф, обвивавший шею аристократа. Подтянул Нэттпару ближе. Тот взвизгнул, вцепился ногтями в руку историка.

— Нэттпара. Он мог тебя отпустить. Одного. На переправу. Под защиту достославного милосердия Корболо Дома. Сколько людей погибло сегодня? Сколько солдат, сколько виканцев умерло, чтобы спасти твою шкуру?

— О-отпусти меня, рабское отродье!

Красная пелена застила взор Дукеру. Он перехватил аристократа обеими руками за шею и начал сдавливать. Увидел, как Нэттпара выпучил глаза.

Кто-то ударил его по голове. Кто-то схватил за запястья. Кто-то захватил его самого за горло предплечьем и сдавил глотку железными мускулами. Красная пелена потемнела, будто опустилась ночь. Историк ещё успел увидеть, как его руки оторвали от шеи Нэттпары, как тот, задыхаясь, упал на землю.

А затем окончательно наступила тьма.

Глава семнадцатая

Один, бывший многими,

По кровавому следу

Шёл на охоту за собственным голосом,

Духи жестокого

Убийства жужжали под солнцем,

Шли на охоту за собственным голосом,

Но услышал он только

Музыку Худа, песню сирены,

Имя которой – беззвучие.

Сеглора. Рассказ Сеглоры

Капитан начал пошатываться, но не в лад с корабельной качкой. Вино он разлил по всему столу, а не только в четыре кубка перед собой.

– Командовать тупоголовыми матросами – тяжкий труд, вызывающий жажду. Думаю, скоро принесут еду.

Казначей Пормкваля, который не счёл собравшихся достойными узнать его имя, приподнял подкрашенную бровь.

– Но, капитан, мы ведь уже отобедали.

– Правда? Ну, это объясняет беспорядок, хотя, конечно, беспорядку ещё стоит объясниться, потому что он ужасен. Эй, ты, – обратился он к Каламу, – ты у нас крепкий, как финский медведь, есть это можно было? Ладно, забудь, что ты вообще понимаешь? Говорят, семигородцы фрукты выращивают только для того, чтобы выесть из них потом червяков. Жри червя, а яблоко выбрось, да? Если хочешь узнать, как твой народ видит мир, одного этого обычая довольно. Ладно, раз уж мы все теперь друзья не разлей вода, о чём бишь мы там говорили?

Салк Элан поднял свой кубок и осторожно понюхал, прежде чем пригубить.

– Любезный казначей удивлял нас жалобой, капитан.

– Вот как? – Капитан опёрся о стол, чтобы посмотреть на казначея. – Жалоба? На борту моего корабля? С этим обращайтесь ко мне, сударь.

– Я это уже сделал, – язвительно заметил тот.

– И я с ней разберусь, как подобает капитану. – С удовлетворённым видом он выпрямился. – Так, о чём ещё нам нужно поговорить?

Салк Элан перехватил взгляд Калама и подмигнул.

– Что, если мы коснёмся темы двух каперов, которые сейчас гонятся за нами?

– Они не гонятся, – заявил капитан. Он осушил кубок, причмокнул, затем вновь наполнил его из оплетённого кувшина. – Они идут с нами вровень, сударь, и это уж вам должно быть понятно, – совсем другое дело.

– Что ж, должен признаться, мне это различие не столь ясно, капитан.

— Как печально.

— А не сочтёте за труд, — проскрежетал казначей, — просветить нас?

— Как-как? Сочтезад Пруд? Великолепно, друг мой! — Капитан откинулся на спинку стула, на лице его застыло довольное выражение.

— Они ждут более сильного ветра, — рискнул предположить Калам.

— Шквал, — буркнул капитан. — Хотят вокруг нас плясать, да, трусы обмоченные. Я люблю честно — нос в нос, но нет, им лишь бы вилять да петлять. — Он вдруг посмотрел в глаза Каламу неожиданно твёрдым взглядом. — Поэтому на рассвете застанем их врасплох. Атакуем! Жёстко! Морпехи, готовсь взять врага на бордаж! Я жалоб на борту «Затычки» не потерплю. Ни единой, вытрави мою душу. Кто ещё заблеет, потеряет палец. Снова заблеет, отрежу ещё один. И так далее. И каждый прибью к палубе. Тук-тук!

Калам закрыл глаза. Они уже четыре дня шли без эскорта, пассаты гнали корабль на скорости в шесть узлов. Матросы поставили все паруса, какие только были, так что всё судно наполнилось зловещими скрипами и стонами, но пиратские галеры всё равно умудрялись выписывать круги вокруг «Затычки».

А этот безумец собрался на абордаж.

— Как «атакуем»? — прошептал казначей и испуганно распахнул глаза. — Я запрещаю!

Капитан по-совиному заморгал, глядя на него.

— Но почему же, сударь? — спросил он совершенно спокойным голосом. — Я ведь смотрел в лужёное зеркальце, верно? Блеск его малость померк, поверьте на слово. Со вчера на сегодня. Этим я собираюсь воспользоваться.

С самого начала плавания Калам старался большую часть времени проводить в каюте и выходить на палубу только в самые тихие часы — во время последней предрассветной вахты. Ел с командой на камбузе, чтобы реже встречаться с Салком Эланом и казначеем. Но сегодня капитан настоял, чтобы Калам отобедал с ними. В полдень они увидели пиратов, так что убийце стало интересно, как капитан собирается разобраться с этой угрозой, и он согласился.

Было ясно, что Салк Элан и казначей заключили некое перемирие, и дело между ними никогда не заходило дальше нескольких саркастических выпадов. Преувеличенная вежливость делала их стремление держать себя в руках очевидным.

Однако истинной загадкой на борту «Затычки» оставался капитан. Калам слышал достаточно разговоров на камбузе, а также между первым и вторым помощником, чтобы понять: матросы относятся к этому человеку с уважением и даже какой-то извращённой симпатией. Как к нервному псу. Погладишь раз, вильнёт хвостом. Погладишь два — откусит руку. Он менял роли со случайной скоростью, совершенно не обращая внимания на приличия. Чтобы понять его шуточки, требовалось острое внимание. Стоило пробыть в его компании

слишком долго – особенно если пили вино, – и у Калама начинала болеть голова от попыток уследить за капитаном и его запутанной речью. Хуже того, Каламу в этом хитросплетении чудилась расчётливость, будто капитан говорил на двух языках одновременно: один – грубоватый и противоречивый, другой – тонко вышитый тайными смыслами. Готов поклясться, что этот ублюдок пытается мне что-то сообщить. Что-то очень важное. Убийца слышал про некоторые чары, связанные с одним из не самых известных Путей, которые способны опутать сознание человека, установить своего рода ментальный блок, так что жертва – при полном, мучительном понимании – будет лишь ходить вокруг да около, но никогда не сумеет преодолеть его. Ну вот, теперь я уже дошёл до абсурда. Паранойя – верная жена убийцы, и не стоит ворошить змеиное кубло. Эх, поговорить бы сейчас с Быстрым Беном..

– Спишь с открытыми глазами, приятель?

Калам вздрогнул, нахмурился, глядя на капитана.

– Кормчий этого парусного судна говорил, – промурлыкал Салк Элан, – что дни идут странно с тех пор, как мы вышли в открытое море. Тем самым он интересовался твоим мнением, Калам.

– Прошло четыре дня с тех пор, как мы вышли из Арэнской бухты, – пробурчал убийца.

– Вот оно как? – переспросил капитан. – Ты уверен?

– Что ты имеешь в виду?

– Кто-то всё время текучку переворачивает, видишь ли.

– Что? – А, понятно – то, в чём течёт песок. Боги, он что, на ходу слова придумывает? – Хочешь сказать, что на «Затычке» всего одни песочные часы?

– Официальное время замеряется по одним часам, – сообщил Элан.

– А все остальные идут вразнобой, – добавил капитан, вновь наполняя свой кубок. – Четыре дня... или четырнадцать?

– У нас тут какой-то философский диспут? – подозрительно осведомился казначей.

– Не совсем, – сумел выдавить из себя капитан, одолев отрывку. – Мы вышли из гавани в первую ночь четвертной луны.

Калам попытался вспомнить прошлую ночь. Он стоял на баке, под чистым небом. Луна уже зашла? Нет, стояла на горизонте, прямо над кончиком созвездия, известного под названием «Кинжал». Конец трёхчетвертной луны. Но это же невозможно.

– И десяток долгоносиков, – продолжил капитан. – По ним время можно отмерять не хуже, чем по часам. Их десяток набирается примерно за две недели, если только мука не была паршивая с самого начала, но кок утверждает, мол, отличная...

— Он ещё будет клясться, будто приготовил нам сегодня обед, — с улыбкой сказал Салк Элан, — но наши желудки ворчат, что на еду это было вовсе не похоже. В любом случае, спасибо за развеянные сомнения.

— Ну, сударь, это у вас аргумент стальной — и такой острый, что порезаться можно, да только у меня шкура толстая и упрямства — на двоих хватит.

— И это заставляет меня невольно вами восхищаться, капитан.

Да о чём они говорят, Худ разбери? Точнее, о чём они не говорят?

— Нельзя даже на стук собственного сердца полагаться — учтите, я только до четырнадцати считать и умею, поэтому хочешь не хочешь, а запутаешься, ну да мы ведь вроде про путы тут и говорим, если не ошибаюсь.

— Капитан, — сказал казначей, — ваши слова меня начинают всерьёз тревожить.

Салк Элан добавил:

— Вы в этом не одиноки.

— Я вас обидел, сударь? — Лицо капитана покраснело, когда он взглянул на казначея.

— Обидел? Нет. Озадачил. Осмелюсь заметить, мне остаётся лишь заподозрить, что вы повредились рассудком. Я обязан обеспечить безопасность этого судна, поэтому у меня нет выбора...

— Нет выбора?! — взорвался капитан, вскочив со стула. — Слова да власть — как песок. Что течёт между пальцами, то и с ног тебя собьёт! Я тебе покажу безопасность, потный ты кусок сала!

Калам отодвинулся от стола, когда капитан шагнул к двери каюты, пытаясь на ходу натянуть плащ. Салк Элан даже не шелохнулся, глядя на него с натянутой улыбкой.

В следующий миг капитан распахнул дверь каюты и, вылетев в коридор, заревел, призывая первого помощника. Его сапоги молотками загрохотали по доскам, когда капитан побежал к камбузу.

Дверь каюты со скрипом покачивалась на петлях.

Казначей открыл рот, закрыл, затем снова открыл.

— Какой выбор? — прошептал он, ни к кому не обращаясь.

— Не ваш, — протянул Элан.

Аристократ обернулся к нему.

– Не мой? А кому ещё, как не человеку, облечённому долгом сохранения казны Арэна...

– Так это официально называется? А может, «наворованного Пормквалем»? На ящиках в трюме печати Первого Кулака, а не имперский скипетр...

А ты тоже заглянул в трюм, Салк Элан? Интересно.

– Эти ящики запрещено трогать под страхом смерти! – прошипел казначей.

В улыбке Элана сквозило отвращение.

– Ты делаешь за вора грязную работу, и в кого же это превращает тебя самого?

Аристократ побелел. Он молча поднялся и, опираясь руками о стены, чтобы совладать с качкой, пересёк каюту, а затем вышел в коридор.

Салк Элан посмотрел на Калама.

– Ну-с, мой упорный друг, что думаешь о нашем капитане?

– Ничего, чем хотел бы с тобой поделиться, – пророкотал Калам.

– Попытки избегать меня выглядят просто по-детски.

– Ну, лучше так, чем убить тебя на месте.

– Фу, как грубо, Калам, а я ведь так расстарался ради тебя.

Убийца поднялся.

– Не сомневайся, я отплачу тебе сполна, Салк Элан.

– Одной твоей компании мне бы хватило – на этом корабле так трудно найти умного собеседника.

– Могу только посочувствовать, – сказал Калам, направляясь к двери каюты.

– Ты несправедлив ко мне, Калам. Я тебе не враг. Мы с тобой очень схожи.

Убийца задержался на пороге.

– Если ты ищешь моей дружбы, Салк Элан, то этим замечанием сделал огромный шаг назад. – Он вышел наружу и зашагал по коридору.

Убийца поднялся на верхнюю палубу и обнаружил там бешеную суматоху. Матросы закрепляли такелаж и проверяли снасти, остальные убирали паруса. Уже отбили десятые склянки, ночное небо оказалось плотно затянуто тучами – ни одной звезды не было видно.

Капитан подскочил к Каламу.

– Ну что я тебе говорил? Малость померк!

Приближался шквал – воздух вокруг убийцы вихрился, словно ему некуда было деться.

– С юга, – расхохотался капитан, хлопая Калама по плечу. – Мы на охотников сами рванём, верно! Под штормовым кливером да с морпехами на баке мы их протараним в самую глотку! Худ бы побрал этих самодовольных нахвостников – посмотрим, как они будут ухмыляться, когда коротким мечом получат по роже, да? – Он склонился поближе, винный дух ударил Каламу в лицо. – Держи кинжалы наготове, приятель, ночка будет для ближнего дела, верно! – Его лицо вдруг исказилось, капитан рванулся прочь и начал орать на команду.

Убийца смотрел ему вслед. Похоже, всё-таки не паранойя. Этот человек явно чем-то одержим.

Палуба резко накренилась, когда корабль повернул на другой галс. В тот же миг налетел штормовой ветер и погнал «Затычку» вперёд на вздувшихся парусах. Фонари укрыли заслонками, команда принялась за дело, а корабль мчался на север.

Морской бой во время шторма, и капитан хочет, чтобы морпехи взяли вражеский корабль на абордаж, встали на качающейся, исхлётанной волнами палубе и навязали битву пиратам. Отчаянный человек.

Сзади возникли две крупные фигуры, они остановились по обе стороны от убийцы. Калам поморщился. Оба телохранителя казначея с первого же дня слегли от морской болезни и выглядели так, будто способны разве что наблевать убийце на сапоги, однако не отступали и держали в руках оружие.

– Хозяин хочет с тобой поговорить, – прорычал один из них.

– Не повезло ему, – прорычал в ответ Калам.

– Сейчас же.

– А иначе что, дыхнёте мне в лицо, чтоб я задохнулся? Хозяин любит говорить с трупами, да?

– Хозяин приказывает...

– Если он хочет говорить, пусть идёт сюда. Иначе, как я и говорил, не повезло ему.

Телохранители удалились.

Калам двинулся вперёд, мимо грот-мачты, туда, где перед баком сидели на корточках два взвода морпехов. Убийца повидал не один шквал за время службы Империи – на галерах, транспортах и триремах, на трёх океанах и полудюжине морей. Этот шторм оказался – по крайней мере, пока – сравнительно спокойным. Морпехи были мрачны, чего и следовало ожидать перед боем, но в остальном – сдержанны, они проверяли свои штормовые арбалеты в приглушённом свете штормового фонаря.

Калам некоторое время бегал глазами по сторонам, пока не увидел лейтенанта.

— На два слова...

— Не сейчас, — отрезала она, застёгивая шлем и прилаживая передние щитки.
— В каюту спускайся.

— Он собирается таранить...

— Я знаю, что он собирается делать. И когда хрустнет, нам только гражданских на палубе не хватало, Худова душа.

— Ты исполняешь приказы капитана... или казначея?

Она подняла на него глаза и прищурилась. Другие морпехи остановились.

— В каюту спускайся, — повторила она.

Калам вздохнул.

— Я ветеран армии Империи, лейтенант...

— Какой армии?

Он ещё миг колебался, затем сказал:

— Второй. Девятый взвод, «Мостожогги».

Все как один, морпехи подняли головы. Все глаза устремились на Калама.

Лейтенант нахмурилась.

— Ну и кто в это поверит?

Другой морпех, седой, опытный солдат, рявкнул:

— Твой сержант? Имена называй, незнакомец.

— Скворец. Другие сержанты? Мало осталось. Мураш. Тормин.

— Ты, выходит, капрал Калам.

Убийца внимательно посмотрел на него.

— Кто ты такой?

— Никто — и уже давно. — Он обернулся к лейтенанту и кивнул.

— Можем мы на тебя рассчитывать? — спросила она Калама.

— Не в первых рядах, но буду рядом.

Она огляделась.

– У казначея имперский рескрипт – мы им скованы, капрал.

– Не думаю, чтобы казначей доверял вам в том, что касается выбора между ним и капитаном.

Она скривилась, будто на язык попало что-то горькое.

– Эта атака – безумие, но толковое безумие.

Калам кивнул, подождал.

– Думаю, у казначея есть причины.

– Если дело дойдёт до этого, – сказал убийца, – телохранителей оставьте мне.

– Обоих?

– Да.

Заговорил старый воин:

– Если из-за нас акулы отравятся казначеем, нас повесят.

– Просто будьте где-то в другом месте, когда это случится, – все.

Лейтенант ухмыльнулась.

– Думаю, с этим мы справимся.

– А теперь, – сказал Калам так громко, чтобы все морпехи услышали, – я снова становлюсь просто очередным жирным пассажиром, так?

– Мы сразу поняли, что вас объявили вне закона не всерьёз, – послышался голос. – Только не Дуджека Однорукого. Никак не его.

Худов дух, может, ты и прав, солдат. Однако Калам скрыл свою неуверенность, небрежно отдав честь, и пошёл на другой конец палубы.

Корабль напоминал Каламу медведя, ломающегося через подлесок, – неуклюжий, широкий и тяжёлый на высоких волнах – весенний медведь, час как выбрался из берлоги, в глазах ещё туман спячки, жалкий, в животе урчит от голода. А где-то впереди танцуют в темноте два волка... их ждёт неприятный сюрприз...

Капитан был на юте, опираясь на матроса у штурвала. Первый помощник стоял рядом, цепляясь за бизань-мачту. Оба всматривались во тьму впереди, выглядывая врага.

Калам открыл было рот, чтобы заговорить, но тут прозвучал крик первого помощника:

– Слева по борту, капитан! Против ветра на три четверти! Худов дух, мы прямо на него идём!

Корабль пиратов – низкий, одномачтовый рейдер – почти невидимый во мраке, шёл менее чем в сотне шагов по курсу, который выведет его точно перед «Затычкой». Положение было невероятно подходящим.

– По местам, – заревел капитан так, что перекрыл вой ветра, – к тарану готовь!

Первый помощник рванулся вперёд, выкрикивая приказы команде. Калам увидел, как морпехи пригнулись к палубе, готовясь к столкновению. С пиратского корабля до убийцы донеслись слабые крики. Прямой парус внезапно вздулся под штормовым ветром, но корабль резко повернул, когда пираты в последний момент попытались избежать столкновения.

Боги на небе улыбались, но это был оскал мёртвого черепа. Волна высоко подняла «Затычку» за миг до удара, а затем обрушила на низкий борт рейдера прямо перед остроконечной кормой. Дерево затрещало, треснуло и содрогнулось. Калам взлетел с юта, упал на верхнюю палубу плечом и перекатился вперёд.

Где-то наверху затрещали мачты, паруса хлопали в рассечённом каплями дождя воздухе, словно призрачные крылья.

«Затычка» осела с хрустом и скрежетом, покачнулась. Со всех сторон кричали и вопили матросы, но со своего места Калам не мог толком разглядеть, что происходит. Со стоном он поднялся.

Последние морпехи перепрыгивали через борт и исчезали с глаз – предположительно оказывались на палубе рейдера. Или того, что от него осталось. Сквозь вой ветра послышался звон оружия.

Убийца обернулся, но капитана нигде не было видно. И у штурвала никого не было. На юте валялись обломки бизань-гика. Калам двинулся на корму.

Столкнувшиеся корабли дрейфовали без руля. Волны били в правый борт «Затычки», заливая верхнюю палубу пенистой водой. Там лицом вниз лежало тело, по воде из-под него растекалась паутина крови.

Калам добрался до него и перевернул. Это был первый помощник, ему проломили голову. Кровь текла из носа и горла; вода отмыла место смертельного удара, и убийца смотрел на рану полдюжины ударов сердца, прежде чем подняться и перешагнуть через труп.

Морская болезнь всё же не слишком помешала.

Он поднялся на ют и начал осматривать обломки. Матрос у штурвала лишился большей части головы; то, что осталось, держалось на теле на нескольких полосках плоти и кожи. Калам осмотрел разрез на шее. Двуручный, стоял на шаг слева и сзади. Рангоут упал уже на мёртвое тело.

Капитана и одного из телохранителей казначея он обнаружил под парусом. Из горла и груди великана торчали крупные щепы. Он всё ещё сжимал в руках двуручный тальвар. Вцепившиеся в лезвие руки капитана были рассечены до

кости, кровь толчками выливалась из ран и растворялась в морской воде. Лицо его стало совершенно белым, но дыхание оставалось ровным.

Калам оторвал пальцы капитана от клинка тальвара и вытащил его из-под обломков.

В этот момент «Затычка» отцепилась от рейдера, упала в ложбину, затем бешено закачалась под ударами волн. На юте появились фигуры, одна встала у штурвала, другая присела рядом с убийцей.

Подняв глаза, Калам увидел мокрое лицо Салка Элана.

— Жив?

— Да.

— У нас ещё есть проблемы, — сказал Элан.

— К Худу их! Нужно его перетащить вниз.

— На носу течь — большая часть морпехов сейчас на помпах.

Они вдвоём подняли капитана.

— А рейдер?

— Тот, которого мы протаранили? Разлетелся на куски.

— Иными словами, — проговорил убийца, пока они волокли капитана по скользким ступеням, — всё пошло совсем не так, как планировал казначей.

Салк Элан остановился и пронзил Калама острым взглядом.

— Похоже, мы сделали одинаковые выводы.

— Где этот ублюдок?

— Принял командование... пока что. Так вышло, что со всеми остальными офицерами произошли несчастные случаи. При этом к нам подходит второй корабль, так что, повторяю, веселье ещё и близко не закончилось.

— По очереди разбираться будем, — проворчал Калам.

Они прошли через камбуз и оказались в коридоре. Воды здесь было по щиколотку, и убийца почувствовал, насколько неуправляемой стала «Затычка».

— Званием морпехов задавил, да? — поинтересовался Элан, когда они добрались до двери каюты капитана.

— лейтенант меня старше по званию.

— Тем не менее. Назовём это силой дурной славы, например. Она уже поругалась с казначеем.

— Почему?

— Этот ублюдок хочет, чтобы мы сдались, разумеется.

Они положили капитана на койку.

— Будут переносить груз в такую погоду?

— Нет, переждут.

— Тогда времени у нас достаточно. Ну-ка, помоги мне его раздеть.

— С руками дело плохо.

— Ага. Сейчас перебинтуем.

Салк Элан смотрел на капитана, пока убийца закутывал его в одеяло.

— Думаешь, выживет?

Калам промолчал, вытянув руки капитана наружу, чтобы осмотреть раны.

— Он ими удар клинка остановил.

— Да уж, такое нелегко сделать. Послушай, Калам, что мы здесь делаем?

Убийца помолчал, затем сказал:

— Как ты там сказал? «Сделали одинаковые выводы?» Похоже, никто из нас не желает оказаться в желудке акулы.

— Значит, нам следует действовать вместе.

— Да, покамест. Только не жди, что я буду приходить целовать тебя на ночь, Элан.

— Даже один разочек?

— Лучше поднимайся наверх, выясни, что происходит. Я здесь закончу.

— Не мешкай, Калам. Очень скоро может пролиться кровь.

— Да.

Оставшись наедине с капитаном, убийца нашёл нитки и иголку и начал зашивать ладони. Он уже закончил с одной рукой и принялся за другую, когда капитан застонал.

— Худов дух! — пробормотал Калам. — Мне всего-то ещё десять минут нужно было.

— Подстава, — прошептал капитан, не открывая глаз.

— Мы поняли уже, — сказал убийца, продолжая зашивать раны. — Теперь заткнись и не мешай мне работать.

— Казначей бедолаги Пормквала — вор.

— Два сапога пара, как говорится.

— Вы с этим разряженным бездельником... тоже похожи.

— Спасибо. Все так говорят.

— Теперь дело за вами.

— И лейтенантом.

Капитан сумел улыбнуться, не открывая глаз.

— Хорошо.

Калам отодвинулся, потянулся за бинтами.

— Почти конец уже.

— Мне тоже.

— Тебе приятно будет узнать, что тот телохранитель погиб.

— Да. Сам себя угробил, идиот. Я от первого удара уклонился. Клинок перерубил тросы. Чувствуешь, Калам? Выровнялись — кто-то наверху знает, что делает, слава богам. Всё равно, воды многовато набрали... но «Затычка» справится.

— На затычки нам тряпок хватит.

— Это точно.

— Ладно, это всё, — сказал, поднимаясь, Калам. — Поспи, капитан. Ты нам нужен здоровым. И быстро.

— Это вряд ли. Второй телохранитель закончит дело, как только подвернётся случай. Казначею нужно меня убрать.

— Об этом мы позаботимся, капитан.

— Вот даже так?

— Вот даже так.

Закрыв за собой дверь, Калам остановился и ослабил длинный клинок в ножнах. Вот даже так, капитан.

...Шквал стих, и небо на востоке посветлело, чистое и золотое. «Затычка» вновь развернулась, поскольку опять задул пассат. Обломки на юте убрали, у команды, похоже, всё было под контролем, хотя Калам чувствовал напряжение среди матросов.

Казначей и единственный оставшийся телохранитель стояли у грот-мачты, аристократ пристально смотрел на пиратский корабль, который шёл с правого борта так близко, что можно было различить людей на палубе — те, в свою очередь, рассматривали «Затычку». Телохранитель, впрочем, не сводил глаз с Салка Элана, который сидел около лестницы на бак. Матросы почему-то не рисковали пересекать невидимую линию длиной в десять шагов, которая протянулась между ними.

Калам подошёл к казначею.

— Значит, ты принял командование?

Тот резко кивнул, аристократ явно чувствовал себя неуверенно и избегал встречаться глазами с убийцей.

— Я собираюсь заплатить выкуп, чтобы они нас пропустили..

— Забрать свою долю, ты хотел сказать. И какова же она? Восемьдесят, девяносто процентов? И самого тебя, разумеется, должны взять в заложники.
— Калам следил, как кровь отливает от лица казначея.

— Это не твоё дело, — прошипел он.

— Верно. Но вот убийство капитана и его помощников — моё, поскольку ставит под угрозу плавание. Если матросы и не знают наверняка, то уж поверь — подозревают.

— Для этого у нас есть морпехи. Отойдёшь в сторону — сохранишь жизнь. Вмешаешься — будешь убит.

Калам посмотрел на рейдер.

— А им сколько полагается? Что им мешает просто перерезать тебе горло и уплыть со всей добычей?

Казначей улыбнулся.

— Сомневаюсь, что мой дядя и племянники это сделают. А теперь советую тебе спуститься вниз — в свою каюту — и оставаться там.

Без лишних слов Калам пошёл искать морпехов.

Схватка с пиратами была яростной и короткой. Корабль разваливался у них под ногами, так что паникующая команда была совершенно не настроена драться.

— Просто бойня, — пробормотала лейтенант, когда убийца присел напротив. Два взвода сидели в носовом трюме среди бегущей по доскам воды и торопливо затыкали течь обрывками тряпья. — У нас — ни царапинки.

— Что вы успели выяснить? — тихо спросил Калам.

Она пожала плечами.

— Достаточно много, капрал. Скажи, что нам делать?

— Казначей прикажет вам сдать. Затем пираты вас обезоружат..

— А потом они перережут нам глотки и выбросят за борт — что бы там ни говорилось в рескрипте, этот человек — изменник.

— Ну, он крадёт у вора, но я тебя понимаю, — Калам поднялся. — Я поговорю с командой и вернусь, лейтенант.

— Почему мы просто не уберём казначея и телохранителя прямо сейчас, Калам?

Убийца нахмурился.

— Действуй по правилам, лейтенант. Убийства оставь тем, у кого на душе уже есть пятна.

Она прикусила губу, пристально посмотрела на него, затем медленно кивнула.

Калам отыскал матроса, с которым разговаривал во время погрузки в Арэне. Тот сворачивал канат в бухту на юте с таким видом, будто ему просто нужно чем-то занять руки.

— Говорят, ты капитана спас, — сказал моряк.

— Он жив, но выглядит паршиво.

— Ага. Кок у него перед дверью дежурит. С тесаком. И все свиньи подтвердят — кок с ним обходиться умеет. Благослови меня Беру, видал своими глазами, как он тесаком побрился — стал гладенький, как девичья сиська.

— Кто подменяет помощников и капитана?

— Ежели вы о том, чтоб всё на корабле в порядке было и матросы по местам, так это я. Однако новый наш командор не так чтоб очень хотел перемолвиться со мной словечком. Прислал своего мечника, мол, готовься лечь в дрейф, как море слегка поутихнет.

— Чтобы перенести груз.

Моряк кивнул.

— А потом?

— Ну, ежели командор сдержит слово, они нас отпустят.

Калам хмыкнул.

— И с чего бы им проявлять такую доброту?

— Точно, я и сам это всё никак не прожужу. Глаза у нас вострые, слишком вострые, чтоб им легко дышалось. К тому же — чего с капитаном-то сотворили. Это нас малость обидело, прямо скажем.

На миделе послышался топот сапог. Оба повернулись и увидели, как телохранитель казначея выводит на верхнюю палубу морпехов. Лейтенант выглядела очень мрачной.

— Со всех сторон боги наблевали, — пробормотал моряк. — Рейдер подходит.

— Ну, приехали, — буркнул себе под нос Калам. Он посмотрел на Салка Элана, и тот тут же перехватил его взгляд. Убийца кивнул, и Элан мгновенно отвернулся, спрятав руки под плащом.

— Там на рейдере мечей полно. Я штук пятьдесят насчитал, если не больше, и все наготове.

— Их оставь морпехам. Команда пусть держится позади — передай всем.

Моряк пошёл прочь.

Калам поднялся на верхнюю палубу. Лейтенант стояла лицом к лицу с казначеем.

— Я сказал — сдать оружие, лейтенант! — рявкнул казначей.

— Никак нет. Не сдадим.

Казначей дрожал от ярости. Он подал знак телохранителю.

Великан далеко не ушёл. Он вдруг поперхнулся, потянулся руками к рукояти кинжала, торчащей из горла. Затем упал на колени и повалился навзничь. Салк Элан вышел вперёд.

— Планы меняются, милейший, — сообщил он, наклоняясь, чтобы вытащить кинжал.

Убийца подошёл к казначею и приставил ему к пояснице острière своего длинного ножа.

— Ни слова, — прорычал он. — И не шевелись. — Затем Калам обернулся к морпехам. — Лейтенант, готовьтесь отбить абордаж.

— Так точно.

Рейдер шёл уже борт о борт с «Затычкой», пираты теснились у планширя, готовясь перепрыгнуть с одного судна на другое. Малазанский корабль был значительно выше, так что затем им придётся карабкаться — к тому же с рейдера было почти не видно, что происходит на палубе «Затычки». Один из

пиратов начал лениво карабкаться в крошечное «воронье гнездо» на единственной мачте.

Слишком поздно, кретины.

Капитан пиратов – Калам решил, что это, наверное, дядя казначея – выкрикнул приветствие.

– Поздоровайся, – прорычал убийца. – Кто знает, может, кузены твои хороши, ещё и победите сегодня.

Казначей поднял руку и крикнул в ответ.

Расстояние между кораблями составляло уже меньше десяти шагов. Салк Элан подошёл к матросам, которые стояли рядом с морпехами.

– Когда окажемся ближе – бросайте абордажные крючья, парни. Ухватите его надёжно: если вырвется, будет тащиться за нами до самого Фалара.

Пират вскарабкался уже до половины мачты и обернулся, чтобы взглянуть, что происходит на верхней палубе «Затычки».

Команда рейдера перебросила линии. Корабли сближались.

Тревожный крик пирата на мачте прервала стрела из арбалета. Он рухнул на палубу среди своих товарищей. Послышались яростные возгласы.

Калам схватил казначея за шиворот и оттащил назад, когда первые пираты прыгнули вперёд и начали карабкаться по борту «Затычки».

– Ты совершил ужасную ошибку, – прошипел казначей.

Морпехи ответили смертоносным залпом из арбалетов. Первый ряд пиратов повалился.

Салк Элан закричал, и Калам быстро обернулся. Прямо за левым бортом, за спиной у выстроившихся морпехов появилось чудовище – крылья размахом в десять шагов, ярко-жёлтая чешуя ослепительно заблестела в лучах рассвета. Вытянутая голова рептилии оцетинилась клыками.

Энкар'ал – так далеко от Рараку – Худов дух!

– Я тебя предупреждал! – расхохотался казначей.

Создание молниеносно метнулось в гущу морпехов, когти разрывали кольчугу и пробивали шлемы.

Калам снова развернулся и ударил кулаком в ухмыляющуюся рожу казначея. Тот без сознания рухнул на палубу, из носа и глаз у него потекла кровь.

– Калам! – крикнул Салк Элан. – Мага оставь мне – помоги морпехам!

Убийца рванулся вперёд. Энкар'алы были вполне смертны, только прикончить их было очень тяжело. И даже в Священной пустыне они встречались крайне редко – убийца прежде ни одного не видел.

Семь морпехов уже пали. Хлопая крыльями, чудовище зависло над остальными, две когтистые лапы били вниз, с треском врезаясь в щиты.

Пираты посыпались на борт «Затычки», противостояли им теперь всего полдюжины морпехов во главе с лейтенантом.

У Калама было мало времени на то, чтобы придумать план, и вовсе не осталось на то, чтобы оценить успехи Салка Элана.

– Сомкнуть щиты! – заревел он, а затем прыгнул вперёд и взобрался на щиты. Энкар'ал изогнулся, бритвенно-острые когти метнулись к лицу убийцы. Он пригнулся, а затем ударил длинным ножом вверх, так чтобы попасть чудовищу между ног.

Остриё застряло между чешуйками и сломалось, словно веточка.

– Худ!

Бросив оружие, Калам подпрыгнул, вцепился в шишковатую, чешуйчатую шкуру. Чудовище попыталось достать его зубами, но не смогло дотянуться. Убийца подтянулся и выбрался на спину зверя.

На палубе рейдера послышались чародейские взрывы.

Сжав в одной руке стилет, а другой обхватив гибкую шею чудовища, Калам начал кромсать крылья. Клинок пробивал мембрану, оставляя за собой широкие, увеличивающиеся разрывы. Энкар'ал упал на палубу среди оставшихся в живых морпехов, которые стурдились вокруг и начали кромсать зверя своими короткими мечами.

Более тяжёлое оружие преуспело там, где подвёл длинный нож, клинки пробили чешую. Брызнула кровь. Чудовище завопило, забилось в предсмертных конвульсиях.

Теперь бой кипел со всех сторон, пираты собрались перебить последних морпехов. Калам слез с мёртвого энкар'ала, перебросил стилет в левую руку и подобрал короткий меч, лежавший рядом с мёртвым морпехом, – как раз вовремя, чтобы встретить нападение двух пиратов, которые с разных сторон обрушили на убийцу удары тяжёлых скимитаров.

Калам прыгнул вплотную к двум врагам, быстро ударил обоими клинками и ринулся дальше, проворачивая оружие в ране, прежде чем выдернуть.

Внимание рассеялось, Калам метался среди врагов, рассыпая во все стороны режущие, рубящие и колющие удары. Стиллет застрял у кого-то между рёбер, так что свободной рукой убийца успел сорвать шлем с падающего воина и нахлобучить себе на голову – шишак оказался маловат, косой удар скимитара сшиб его на доски, когда Калам пробился через строй врагов, оскальзываясь на окровавленной палубе.

Полдюжины пиратов развернулись, чтобы атаковать его.

Салк Элан налетел на них сбоку, сжимая в руках пару длинных ножей. Три пирата погибли на месте. Калам бросился вперёд, отбил в сторону клинок и воткнул одеревеневшие пальцы в горло противнику.

В следующий миг звон клинков прекратился. Повсюду лежали люди, некоторые стонали, некоторые орали от боли, но большинство было беззвучно и неподвижно.

Калам опустился на одно колено, пытаясь восстановить дыхание.

— Какой беспорядок! — пробормотал Салк Элан, присаживаясь, чтобы вытереть клинки своих длинных ножей.

Убийца поднял голову и посмотрел на него. Изысканная одежда Элана обгорела и была пропитана кровью. Половина его лица была ярко-красной от ожога, бровь превратилась в полоску пепла. Он тяжело дышал, и каждый вздох явно давался с болью.

Калам огляделся. Никого из морпехов на ногах не осталось. Несколько моряков ходили среди тел, вытаскивая тех, кто ещё был жив — пока что они нашли двоих, но среди них не оказалось лейтенанта.

Заместитель первого помощника подошёл к убийце.

— Тут как спрашивает...

— Что?

— А здоровая ящерица — вкусная?

Смех Салка Элана мгновенно перешёл в кашель.

— Деликатес, — пробормотал Калам. — По сто джакат за фунт в Пан'потсуне.

— Разрешите перебраться на рейдер? — продолжил моряк. — Заберём припасы.

Убийца кивнул.

— Я пойду с вами, — прохрипел Салк Элан.

— Благодарствуем.

— Эй! — крикнул один из матросов. — А с казначеем что делать? Этот ублюдок ещё живой.

— Оставь его мне, — сказал Калам.

Казначей пришёл в себя, когда к нему привязывали мешки с монетами, мычал через кляп, выпучил глаза. Калам и Салк Элан подтащили его к планширю и выбросили за борт безо всяких церемоний.

Акулы подплыли на всплеск, но опускаться за ним в глубину не стали — и так уже насытились.

Лишённый груза и такелажа рейдер всё ещё догорал под столбом дыма, уходящим за горизонт.

Вихрь поднялся огромной стеной вокруг Священной пустыни Рараку — выше, чем видел глаз, шириной около мили. Но в сердце пустоши царил покой, воздух сверкал золотистым светом.

Из песка впереди вздымались выветренные каменистые гряды, похожие на почерневшие кости. Шедший в дюжине шагов впереди Леоман остановился и обернулся.

— Нам придётся пересечь обитель духов, — сказал он.

Фелисин кивнула.

— Старше, чем эта пустыня... они восстали и смотрят на нас.

— Они желают нам вреда, Ша'ик Возрождённая? — спросил тоблакай, потянувшись к оружию.

— Нет. Быть может, это любопытство, но им уже давно всё равно. — Она повернулась к Геборику. Бывший жрец по-прежнему сутулился и был погружён в себя. — Что ты чувствуешь?

От её голоса Геборик вздрогнул, будто каждое слово впиталось в него заострённым дротиком.

— Не нужно быть бессмертным духом, чтобы тебе было всё равно, — пробормотал он.

Фелисин внимательно посмотрела на него.

— Невозможно долго бежать от радости перерождения, Геборик. На самом деле ты боишься снова стать человеком...

Он рассмеялся — горько, сардонически.

— Ты не ожидал услышать такие слова от меня, — заметила она. — Как бы ты ни ненавидел то, чем я была, ты ужасно не хочешь отпустить эту маленькую девочку.

— Ты всё ещё охвачена потоком силы, Фелисин, и он породил в тебе иллюзию того, что принёс с собой и мудрость. Бывают дары, а бывает то, что нужно приобрести самостоятельно.

— Он — словно кандалы на тебе, Ша'ик Возрождённая, — прорычал тоблакай. — Убей его.

Она покачала головой, не сводя глаз с Геборика.

— Поскольку мудрость не может быть получена в дар, мне подарили мудреца. Его компанию, его слова.

Бывший жрец поднял взгляд, прищурился исподлобья.

— Я-то думал, ты не оставила мне выбора, Фелисин.

— Возможно, тебе только так показалось, Геборик.

Она видела его внутреннюю борьбу, борьбу, которая кипела в его душе с самого начала. Мы пересекли землю, разорённую войной, и всё это время война шла внутри нас. Дриджна лишь показала нам зеркало...

— Одному я научилась у тебя, Геборик, — сказала Фелисин.

— Чему же?

— Терпению. — Она развернулась и помахала Леоману.

Они подошли к морщинистому, рассечённому каменному выступу. Мало что указывало на то, что некогда тут проводили священные обряды. Здесь базальтовые глыбы не знали ямочек и ложбинок, которые трудолюбивые руки выбивали на камнях в других священных местах, даже в расположении окрестных валунов не проглядывал осмысленный узор.

Но Фелисин чувствовала присутствие духов, некогда могучих, нынче ставших лишь эхом, — и теперь они провожали смертных спутников взглядом невидимых глаз. За грядой пустыня образовывала обширный бассейн, где умирающее море древних времён окончательно пересохло. Висевшая в воздухе мелкая пыль вуалью укрывала глубокую впадину.

— Оазис находится неподалёку от центра, — сообщил Леоман.

Она кивнула.

— Осталось меньше семи лиг.

— Кто несёт вещи Ша'ик? — спросила она.

— Я.

— Я заберу их.

Молча воин положил на землю свою заплечную сумку, отбросил клапан и начал извлекать предметы. Одежда, несколько колец бедной женщины, браслеты и серьги, длинный нож с тонким клинком, чёрнёный по всей длине, если не считать заточки.

— Её меч ждёт нас в лагере, — сказал Леоман, когда закончил. — Она носила браслеты только на левом запястье, кольца — только на левой руке. — Он указал на полоски кожи. — Правое запястье и предплечье она перетягивала

этим. — Он помолчал, затем поднял на неё тяжёлый взгляд. — Тебе лучше воспроизвести этот наряд. В точности.

Фелисин улыбнулась.

— Чтобы поддержать обман, Леоман?

Он опустил глаза.

— Может возникнуть некоторое... сопротивление. Высшие маги...

— Подчинят общее дело своей воле, создадут в лагере собственные фракции, затем сойдутся в борьбе, чтобы выяснить, кто же будет править всеми. Они ещё не сделали этого, потому что не могут определить, жива ли Ша'ик. Но почву уже подготовили.

— Провидица...

— Ах, ну, хотя бы это ты принимаешь.

Леоман поклонился.

— Никто не может оспорить, что сила пришла к тебе, но...

— Но я сама ещё не открыла Святую Книгу.

Он посмотрел ей в глаза.

— Да.

Фелисин оглянулась. Тоблакай и Геборик стояли неподалёку, слушали, наблюдали.

— То, что я открою, скрыто не между страниц, но внутри меня. Сейчас ещё не время. — Она вновь обернулась к Леоману. — Ты должен мне доверять, Леоман.

Кожа у глаз воина пустыни чуть-чуть натянулась.

— Это тебе никогда не давалось легко, не так ли, Леоман?

— Кто это говорит?

— Мы.

Он молчал.

— Тоблакай.

— Да, Ша'ик Возрождённая?

— Если человек сомневается в тебе, что ты применишь к нему?

— Меч, — ответил дикарь.

Геборик фыркнул. Фелисин обратилась к нему:

— А ты? Чем воспользуешься ты?

— Ничем. Я буду собой, и если окажусь достойным доверия, этот человек придёт к нему.

— Если только?..

Он нахмурился.

— Если только этот человек может доверять себе самому, Фелисин.

Она снова повернулась к Леоману и стала ждать.

Геборик откашлялся.

— Ты не можешь заставить человека поверить, девочка. Подчиниться — да, но не уверовать.

Она сказала Леоману:

— Ты сказал мне, что на юге есть человек. Человек, который ведёт потрёпанные остатки армии и десятки тысяч беженцев. Они подчиняются ему, их доверие абсолютно — как он добился такого?

Леоман покачал головой.

— Ты когда-нибудь следовал за таким предводителем, Леоман?

— Нет.

— Значит, действительно не знаешь.

— Не знаю, провидица.

Не обращая внимания на взгляды троих мужчин, Фелисин разделась и облачилась в одеяния Ша'ик. Она надела потемневшие серебряные украшения, которые казались до странности знакомыми, затем отбросила прочь лохмотья, которые носила раньше. Фелисин долго смотрела на долину внизу, а затем сказала:

— Пойдём, высшие маги уже теряют терпение.

— Мы всего в нескольких днях пути от Фалара, если верить первому помощнику, — сказал Калам. — Все только и говорят о пассатах.

— Ещё бы! — фыркнул капитан и скривился, будто проглотил что-то кислое.

Убийца заново наполнил кубки и откинулся на спинку стула. Сила, которая терзала капитана и не давала ему подняться с постели уже несколько дней,

явно не имела ничего общего с ранами, нанесёнными клинком телохранителя. Конечно, травмы головы могут вызывать разные осложнения. Но всё равно... Капитан дрожал, когда говорил, однако речь его оставалась внятной и членораздельной. Казалось, ему тяжело выталкивать слова наружу, собирать их во что-то похожее на предложения. Тем не менее в глазах капитана светился разум – ничуть не менее острый, чем прежде.

Убийца был сбит с толку, но инстинктивно чувствовал, что его присутствие придаёт капитану сил.

– Вперёдсмотрящий заметил вчера перед самым закатом корабль позади – быстроходный малазанский торговец, как ему показалось. Сегодня утром его уже не было видно.

Капитан хмыкнул.

– Никогда так быстро не ходили. Бьюсь об заклад, они глаза выпучили и бросают безголовых петухов за правый борт по каждой благословенной склянке.

Калам пригубил разбавленного водой вина, разглядывая капитана поверх помятого ободка кубка.

– Вчера ночью мы потеряли последних двух морпехов. Это меня заставляет усомниться в твоём лекаре.

– Раньше всегда ему Господь способствовал. Не похоже на него.

– Ну, он сейчас упился до беспамьятства пиратским элем.

– Не пьёт.

– Теперь пьёт.

В направленном на убийцу взгляде капитана будто полыхнул далёкий огонь, словно маяк, предупреждавший: впереди рифы.

– Что-то сильно не в порядке, как я понимаю, – тихо пробормотал Калам.

– У капитана голова набекрень, это факт. На языке одни колючки, а рядом уши, как жёлуди под дёрном, готовые прорасти. Прорасти.

– Ты бы мне сказал, если бы мог.

– Что сказал? – Он потянулся к кубку дрожащей рукой. – Чего нет, того не удержишь, всегда говорю. И в буре не удержишь, смотри, желудь покотился, как лот вниз пошёл.

– Руки твои, похоже, зажили неплохо.

– Да, неплохо. – Капитан отвёл взгляд, будто разговор его окончательно вымотал.

Убийца поколебался, затем всё же сказал:

- Я слышал про один Путь...
- Кролики, – пробормотал капитан. – Крысы.
- Ладно, – вздохнул Калам, поднимаясь. – Найдём тебе настоящего целителя с Дэнупом, когда попадём в Фалар.
- Быстро туда идём.
- Ну, да.
- На пассатах.
- Да.
- Только нету никаких пассатов так близко от Фалара.

Калам поднялся на палубу, на миг подставил лицо солнцу, а затем поднялся на бак.

- Как у него дела? – поинтересовался Салк Элан.
- Плохо.
- Такое бывает, когда голова пострадала. Стукнут по темечку, а потом будешь руку и сердце собственной собачке предлагать.
- Посмотрим в Фаларе.
- Нам сильно повезёт, если найдём хорошего целителя на Бантре.
- Бантре? Худов дух, зачем нам Бантра? Крупные острова всего в нескольких лигах дальше!

Элан пожал плечами.

– Родной порт «Затычки», как я понял. Если ты не заметил, наш теперешний первый помощник живёт в плену суеверий. Он – легион моряков-невротиков в едином теле, Калам. Тут его никак не переубедить – Худ свидетель, я пытался.

Разговор прервал крик вперёдсмотрящего.

– Паруса! Два нагеля влево от кормы! Шесть... семь... десять – благослови нас Беру, флотилия!

Калам и Элан подошли к левому борту на баке. Пока что они ничего не видели, кроме волн.

Первый помощник закричал с верхней палубы:

– Какой у них курс, Грызун?

– На север идут! И к западу. Пройдут точно у нас за кормой!

– Примерно через двенадцать часов, – пробормотал Элан, – на всех парусах.

– Флотилия, – пробормотал Калам.

– Имперская. Это адъютант Тавор, друг мой. – Он повернулся и натянуто улыбнулся убийце. – Если ты думал, что крови у тебя на родине пролилось уже довольно... что ж, слава богам, мы плывём в другую сторону.

Теперь уже на горизонте показались первые паруса. Флот Тавор. Транспорты с конями и пехотой обычно оставляют за собой след длиной в лигу – мусор, нечистоты, трупы людей и животных, акулы и дхэнраби в волнах. Каждый длительный морской переход привозит на место армию злую и рвущуюся в бой. Наверняка до них уже дошло довольно вестей о жестокостях, чтобы выжечь всякую жалость в душах.

– Голова змея, – тихо проговорил Элан, – на длинной, гибкой шее Империи. Скажи, Калам, неужели в глубине души – как старому солдату – тебе не хочется стоять сейчас там, на палубе, и смотреть с ленцой и любопытством на одинокий торговый корабль, идущий в Фалар, и чувствовать, как внутри тебя вызревает тихая, смертоносная решимость? Плыть, чтобы привести в исполнение наказание, которое Ласиин всегда назначает, как и подобает Императрице, – десятикратно. Не разрывает ли тебя сейчас на две части, Калам?

– Не тебе копать в моих мыслях, Элан, что бы там ни подсказывало буйное воображение. Ты меня не знаешь и никогда не узнаешь.

Тот вздохнул.

– Мы дрались бок о бок, Калам. Показали себя смертоносной командой. Наш общий друг в Эрлитане подозревал о твоих замыслах – подумай, насколько выше станут твои шансы, если рядом буду я...

Калам медленно обернулся к Элану.

– Шансы на что? – проговорил он едва слышным голосом.

Салк Элан пожал плечами – легко, беззаботно.

– На что угодно. Ты просто не умеешь работать в команде, да? Прежде был Быстрый Вен, а до него – Порсал К'настра, в доимперские времена, в Карашимеше. Худ свидетель, всякий, кто занялся бы твоей историей, Калам, мог бы решить, что ты очень выигрываешь от работы в команде. Ну, что скажешь?

Убийца ответил, медленно прикрывая веки:

– А почему ты решил, что я сейчас один, а, Салк Элан?

На краткий, но чрезвычайно приятный миг Калам увидел, как неуверенность искажила черты Элана, но затем оно снова стало непроницаемым.

— И где же прячется твой товарищ? В «вороньем гнезде» с этим сомнительно названным вперёдсмотрящим?

Калам отвернулся.

— Где же ещё?

Уходя, убийца чувствовал спиной пристальный взгляд Салка Элана. Гордыня у тебя такая же, как и у всех магов, дружок. Уж прости, обожаю её обламывать по краям.

Глава восемнадцатая

Я стоял там,
куда сходились тени, в конце
Тропы Ладоней, —
одиночники, д'иверсы
сквозь врата истины,
где из темноты
все тайны рождаются.

Трут Сэн'ал'Бхок'арал. Тропа

Они обнаружили четыре трупа у вырвавшегося из земли корня, за которым маячил вход в лабиринт. Тела были смяты, руки и ноги переломаны, тёмные балахоны перекручены и пропитаны засохшей кровью.

Узнавание обрушилось на Маппо глухо и тяжело — подтверждение тому, что он давно уже подозревал. Безымянные... Жрецы Азатов, если у таких сущностей вообще могут быть жрецы. Сколько же холодных рук привели нас сюда? Я... Икарий... два изогнутых корня... ползут в Треморлор...

Икарий хмыкнул и шагнул вперёд, не сводя глаз со сломанного посоха, который лежал рядом с одним из тел.

— Я уже видел подобные, — сказал он.

Трелль нахмурился.

— Как? Где?

— Во сне.

— Сне?

Ягг улыбнулся уголком рта.

— О да, Маппо, даже мне снятся сны. — Он снова посмотрел на мертвецов. — Начиналось так же, как и все остальные такие сны. Я с трудом ковыляю куда-то. Мне больно. Но на мне нет ран, а на оружии — крови. Нет, боль внутри меня, как от знания, которое некогда приобрёл, а затем вновь утратил.

Маппо смотрел в спину другу, пытаюсь понять его слова.

— Я выхожу, — сухо продолжил ягг, — на окраину города. Трелльского города на равнине. Он уничтожен. Следы чародейства пятнают землю... воздух. На улицах гниют тела, на поживу слетелись Великие вороны, их хохот — голос зловония.

— Икарий...

— Затем появляется женщина, одетая так же, как эти. Жрица. Она держит в руках посох, из которого до сих пор сочится губительная сила. «Что же ты сделала?» — спрашиваю я. «Только то, что было необходимо», — тихо отвечает она. Я вижу на её лице сильный страх, когда она смотрит на меня. Это меня огорчает. «Ягг, ты не должен бродить по миру один». Эти слова пробуждают ужасные воспоминания. Образы, лица — спутники, бессчётное число. Будто я редко странствовал один. Мужчины и женщины путешествовали со мной, иногда поодиночке, иногда легионами. Эти воспоминания наполняют меня горечью, будто я каким-то образом предал одного из этих спутников. — Он замолк, и Маппо заметил, что ягг медленно кивает. — Теперь я понимаю. Все они были стражами, как и ты, Маппо. И все они потерпели неудачу. Возможно, погибли от моей руки. — Он встряхнулся. — Жрица видит то, что написано у меня на лице, её собственное лицо становится отражением моего. Затем она кивает. Её посох расцветает чародейством... и я иду по безжизненной равнине, один. Боль ушла — на её месте в сердце теперь пустота. Я чувствую, как воспоминания рассыпаются... утекают... я чувствую, что видел только сон. И просыпаюсь. — Ягг обернулся и одарил Маппо ужасной улыбкой.

Невозможно. Искажение истины. Я видел бойню своими глазами. Я говорил со жрицей. Во снах, Икарий, тебе является иллюзорная угроза.

Скрипач откашлялся.

— Похоже, они охраняли вход. Но тот, кто хотел войти, оказался им не по зубам.

— В Ягг-одане, — проговорил Маппо, — их называют Безымянными.

Икарий сурово взглянул на трелля.

— Этот культ, — пробормотала Апсалар, — считается исчезнувшим.

Все посмотрели на неё. Девушка пожала плечами.

— Знания Танцора.

Искарал заворчал, брызгая слюной:

— Худ бы побрал их гнилые души! Высокомерные ублюдки все до одного — да как они смеют столько брать на себя?

— Что брать на себя? — прорычал Скрипач.

Верховный жрец обхватил себя руками.

— Ничего. Ничего не говори об этом, да. Служители Азатов — пф-ф! Неужто мы лишь фигуры на доске? Мой повелитель очистил от них Империю, да. Задача для Перстов, как говорит Танцор. Необходимая чистка, чтобы вырвать колючку из тела Императора. Бойня и осквернение. Безжалостно. Слишком много уязвимых секретов — коридоров власти — о, как они презирали моего повелителя, когда он вошёл в Мёртвый дом...

— Искарал! — рявкнула Апсалар.

Жрец сжался, будто получил пощёчину.

Икарий обернулся к девушке.

— Кто это сказал? Твоими устами — кто говорил?

Она холодно посмотрела на ягга.

— Обладание воспоминаниями накладывает ответственность, Икарий, так же, как их отсутствие снимает вину.

Ягг вздрогнул. Крокус шагнул вперёд.

— Апсалар?

Она улыбнулась.

— Или Котильон? Нет, Крокус, здесь только я сама. Боюсь, я уже устала от этих подозрений. Будто у меня не осталось собственной личности, которой бы не коснулся бог, что меня одержал. Когда он взял меня, я была маленькой девочкой. Дочерью рыбака. Но я уже не маленький ребёнок.

Её отец громко вздохнул.

— Дочь, — проговорил он, — никто из нас не остался прежним, и ничего простого не было в том, через что мы прошли, чтобы оказаться здесь. — Он нахмурился, будто пытался подобрать слова. — Но ты приказала верховному

жрецу заткнуться, чтобы защитить секреты, которые Танцор – Котильон – предпочёл бы сохранить. Поэтому подозрения Икария вполне можно понять.

– Да, – возразила она, – я не в рабстве у того, чем была. Я сама решаю, что делать с тем знанием, которым владею. Я делаю собственный выбор, отец.

Икарий сказал:

– Я пристыжен, Апсалар. – Он обернулся к Маппо. – Что ещё ты знаешь об этих Безымянных, друг мой?

Маппо помолчал, затем сказал:

– Наше племя принимало их как гостей, но приходили они редко. Однако, я думаю, что они и вправду считают себя слугами Азатов. Если в легендах треллей есть хоть слово правды, зародиться этот культ мог ещё во времена Первой Империи...

– Они были уничтожены! – завопил Искарал.

– В пределах Малазанской империи – возможно, – признал Маппо.

– Друг мой, – сказал Икарий, – ты скрываешь истину. Я бы хотел её услышать.

Трелль вздохнул.

– Они взяли на себя обязанность выбирать тебе спутников, Икарий, и делали это с самого начала.

– Зачем?

– Этого я не знаю. Хотя... – Он нахмурился. – Интересный вопрос. Верность благородной клятве? Защита Азатов? – Маппо пожал плечами.

– Худовы пятки! – проворчал Реллок. – Да хоть чувство вины – в такое я тоже верю.

Все посмотрели на него.

После долгого молчания Скрипач встряхнулся.

– Ладно, идём. В лабиринт.

Руки и лапы. Они высывались из плетения корней, тянулись, извивались в безнадежной попытке вырваться, протягивались с мольбой, с молчаливой просьбой, с опасным предложением – отовсюду. Пленённые живые существа. И среди них было очень мало людей.

Воображение Скрипача бледнело при попытках представить себе подходящие для таких конечностей тела, головы и лица, но сапёр догадывался, что реальность, скрытая в сплетённых стенах, превзошла бы его худшие кошмары.

Свитая из шишковатых корней темница Треморлора удерживала демонов, древних Взшедших и такое множество чуждых созданий, что сапёр едва не дрожал от осознания ничтожности – собственной и всего своего вида. Люди были лишь маленьким, хрупким листочком на древе, слишком огромном для понимания. Это потрясение лишило его мужества, стало насмешкой над его отвагой – бесконечное эхо веков и владений, заключённых в безумной тюрьме.

Спутники слышали звуки битвы со всех сторон: пока что, к счастью, в других коридорах мучительного лабиринта. Азат атаквали отовсюду. Слышны были треск и хруст дерева. Пропитанный привкусом железа воздух разрывали звериные крики, голоса, вырванные из глоток, только голоса и могли вырваться из этой ужасной войны.

Ложе арбалета стало липким от пота, когда Скрипач продолжал осторожно шагать вперёд, держась середины коридора, чтобы не попасться в хватку жадных, нечеловеческих рук. Впереди показался резкий поворот. Сапёр пригнулся, затем оглянулся на остальных.

С ними остались всего три Пса. Шан и Зубец свернули в другие развилки. Где они и что с ними происходит, Скрипач не мог даже вообразить, но Бэран, Бельмо и Крест не выказывали признаков беспокойства. Слепая самка двигалась вровень с Икарием, будто была просто хорошо выдрессированной собакой ягга. Бэран прикрывал арьергард, а Крест – бледно-мраморный, пятнистый, мускулистый – неподвижно ждал в пяти шагах от Скрипача. Его глаза – тёмно-карие – сверлили сапёра.

Скрипач вздрогнул, снова покосился на Бельмо. Рядом с Икарием... так близко... Эту близость он расценивал верно, как и Маппо. Если бы с Домом Азатов можно было заключить сделку, Престол Тени это бы сделал. Псов не заберут – как бы Треморлор ни жаждал заполучить таких пленников, добиться исчезновения этих древних убийц – нет, сделка подразумевала куда более ценного пленника...

Маппо стоял с другой стороны от ягга и держал в руках отполированную костяную дубину. Скрипач вдруг почувствовал острое сострадание. Трель разрывался на части. Ему приходилось остерегаться не только оборотней – оставался ещё спутник, которого он любил как брата.

Апсалар и Крокус с боевыми ножами в великолепно расслабленных руках шли по бокам от Слуги. В шаге за ними ковылял Прыщ.

Вот и всё, что мы есть. Это – и больше ничего.

Сапёр задержался перед поворотом, повинувшись инстинктивному чувству, которое будто холодком пробежало по хребту. Не иди дальше. Подожди. Скрипач вздохнул. Чего тут ждать?

Разглядывая отряд, он вдруг заметил кое-что, присмотрелся.

Шерсть на зашивке Креста начала медленно подниматься.

Худ!

Всё вокруг пришло в движение, огромная тень вылетела в коридор перед сапёром с воем, от которого костный мозг превратился в лёд. А над ним — кожистые крылья, молниеносные удары огромных когтей.

Чудовище оказалось медведем-одиночником, громадным, как карета аристократа, боками он почти упирался в стены корней, а вытянутые руки цеплялись за густой мех. Сапёр заметил, что одну нечеловеческую руку просто вырвало из тройного плечевого сустава, брызнула старая чёрная кровь. Не обращая внимания на конечности, будто просто продирался через колючий кустарник, медведь ринулся вперёд.

Скрипач припал к земле — кора на корнях казалась горячей, покрытой чем-то вроде пота — и даже не закричал, чтобы предупредить остальных. Нужды в этом не было.

Над ним промелькнуло брюхо медведя — сероватое, измазанное кровью, а затем зверь помчался дальше, хотя сапёр и перекатился ему вслед.

Внимание медведя было полностью сосредоточено на кроваво-красном одиночнике-энкар'але, который висел над ним и яростно визжал. Медведь взмахнул лапой, но рассёк воздух: крылатый ящер отшатнулся — и попал в зону досягаемости палицы Маппо.

Скрипач даже не взялся бы оценить силу, с которой трель обеими руками обрушил оружие на одиночника. Оснащённый клыками боёк палицы врезался в грудь энкар'ала и ушёл внутрь под хруст костей. Ящер размером с вола буквально сложился под этим ударом. Кости крыльев сломались, шея и голова вылетели вперёд, из глаз и ноздрей брызнула кровь.

Энкар'ал был мёртв прежде, чем ударился о стену из переплетённых корней. Когтистые лапы и руки жадно вцепились в тело.

— Нет! — заревел Маппо.

Взгляд Скрипача метнулся к Икарию, но не ягг стал причиной крика трелля: Крест набросился на огромного медведя сбоку.

Одиночник заревел и подался в сторону, прижался к стене корней. Мало рук и лап смогли бы удержать такого зверя, но одна из них — покрытая зелёной кожей — обвила толстую шею, и эта рука обладала силой большей даже, чем мощь одиночника.

Крест сжал в зубах извивающуюся лапу, размалывая кости, затем диким рывком оторвал её.

— Мессремб! — заголосил трель, вырываясь из рук Икария. — Союзник!

— Одиночник! — завопил Искарал Прыщ, приплясывая на месте.

Маппо вдруг обмяк.

– Друг... – прошептал он.

И Скрипач понял. Первый друг, который погиб сегодня. Первый...

Треморлор забрал обоих оборотней, вверх взвились корни и опутали новых пленников. Оба зверя теперь висели друг напротив друга на противоположных стенах – здесь они останутся навеки. Медведь-одиночник сопротивлялся, из культи хлестала кровь, но даже его чудесная сила не могла сравниться с неземной мощью Азата и руки, которая всё теснее прижимала его к себе. Сжатое горло Мессремба не находило воздуха, алая кайма вокруг карих глаз приобрела синеватый оттенок, сами глаза выпучились так, будто вот-вот выскочат из мохнатых глазниц.

Крест отодвинулся и безмятежно принялся обглаживать оторванную лапу – плоть, мех, саму кость.

– Маппо, – проговорил Икарий, – видишь чужую руку, которая сейчас лишает его жизни? Ты понимаешь? Не будет вечного заточения для Мессремба. Худ примет его – смерть возьмёт его, как и энкар'ала.

Корни с противоположных стен потянулись друг к другу, почти соприкоснулись.

– В лабиринте будет новая стена, – сказал Крокус.

– Тогда давайте быстрее, – проворчал Скрипач, который только теперь поднялся на ноги. – Все – на эту сторону.

Они пошли дальше, снова в молчании. Скрипач заметил, что его руки дрожат на прикладе жалкого оружия. Сила и дикость, которые он увидел несколько минут назад, просто выбили сапёра из колеи.

Мы погибнем. Даже сотни Гончих Тени не хватит, чтобы нас спасти. Тысячи оборотней собрались здесь, все в Треморлоре – сколько из них доберутся до Дома? Только сильнейшие. Сильнейшие... А мы на что решились? Войти в Дом, чтобы найти врата, которые приведут нас в Малаз, в Мёртвый Дом. О боги, мы же мелкие сошки... за одним исключением: с нами тот, которого мы не должны пускать в бой, тот, которого боится даже сам Азат.

Отовсюду раздавались звуки яростной битвы. В других коридорах этого адского лабиринта кипел бой, которого, как понимал Скрипач, им не избежать. Ужасные звуки становились всё громче, ближе. Мы приближаемся к Дому. Все сходимся...

Он остановился, повернулся к остальным. И ничего не сказал, потому что каждое лицо, каждый встретивший его взгляд говорил о том же знании.

Впереди застучали когти, сапёр резко повернулся и увидел, как Шан быстро замедляет бег. Бока её ходили туда-сюда и были расчерчены множеством ран.

Ох, Худ...

Новый звук послышался оттуда, где только что была Гончая.

— Его предупреждали! — закричал Икарий. — Гриллен! Тебя предупреждали!

Маппо обхватил руками ягга. От внезапной вспышки гнева Икария воздух вдруг замер, будто весь Путь задержал дыхание. Ягг не шевелился в объятиях, но сапёр видел, как руки трелля напряглись, пытаясь сдержать невидимую силу. Звук, который издал Маппо, был полон такой боли, такого отчаяния и страха, что Скрипач ссутулился, из глаз у него потекли слёзы.

Бельмо отскочила от Икария, и сапёр содрогнулся, увидев, что Гончая поджала хвост.

Крест и Бэран оказались рядом с Шан, встревоженные Псы встали стеной напротив Икария, а Скрипач оказался не с той стороны. Он попятился, ноги плохо слушались, будто в жилах плескался галлон вина. Он не сводил глаз с Икария: теперь тонкая грань, на которой все они стояли, наконец обнажилась, суля неописуемый ужас.

Все трое Псов вздрогнули и отскочили на шаг. Скрипач обернулся. Коридор впереди закрыла новая стена — из кишаших маленьких тел.

Вот так так. Какая встреча.

Девочке было не больше одиннадцати-двенадцати лет — на ней красовался кожаный жилет, обшитый внахлест бронзовыми кругляшками — расплюснутыми монетами, а копьё у неё в руках было таким тяжёлым, что дрожало, когда девочка решительно направила его на незнакомцев.

Фелисин взглянула на корзинку с веночками из цветов, которая стояла у босых, запыхлённых ног девочки.

— У тебя неплохо получается, — сказала Фелисин.

Юная стражница снова посмотрела на Леомана, затем на тоблакая.

— Можешь опустить оружие, — сказал воин пустыни.

Дрожащее остриё копья упало на землю.

Голос тоблакая прозвучал сурово:

— На колени перед Ша'ик Возрождённой!

Девочка мгновенно пала ниц.

Фелисин наклонилась и коснулась головы девочки.

— Можешь встать. Как тебя зовут?

Девочка неуверенно поднялась, но в ответ только покачала головой.

— Скорее всего, она из сирот, — заметил Леоман. — Некому говорить за неё в обряде наречения именем. Поэтому у неё нет имени, но она отдаст за тебя жизнь, Ша'ик Возрождённая.

— Если она готова отдать за меня жизнь, значит, заслужила имя. Как и другие сироты.

— Как пожелаешь — кто будет говорить за них?

— Я, Леоман.

Границы оазиса очерчивали невысокие, полуразвалившиеся кирпичные стены и редкие пальмы, под которыми среди сухих листьев ползали песчаные крабы. Дюжина белых коз стояла рядом в тени, их светло-серые глаза были направлены на пришедших.

Фелисин наклонилась и подняла один из маленьких венков. Надела его на запястье.

Они пошли дальше — к сердцу оазиса. Воздух стал прохладнее; озёрца тени казались ледяными после бесконечных часов под безжалостным солнцем. По бесконечным развалинам было видно, но когда-то здесь стоял город, город с просторными садами и дворами, бассейнами и фонтанами, но всё это теперь превратилось в невысокие холмики и низкие гряды на земле.

Вокруг лагеря расположились корали, кони в загонах выглядели здоровыми и полными сил.

— Насколько велик оазис? — спросил Геборик.

— Не можешь выяснить это у призраков? — спросила Фелисин.

— Не хочу. Смерть этого города была отнюдь не мирной. Древние завоеватели уничтожили последний из островных анклавов Первой Империи. Тонкие, небесно-голубые черепки у нас под ногами принадлежат Первой Империи; толстые, красноватые — завоевателям. От изысканного к грубому — этот узор вновь и вновь повторяется в истории. Эти истины лишают меня сил, выматывают душу.

— Оазис велик, — сказал бывшему жрецу Леоман. — Есть места, где сохранилась настоящая земля, там мы высадили злаки — для еды и на корм скоту. Осталось несколько кедровых рощ среди стволов, обратившихся в камень. Есть пруды и озёра, бесконечный запас пресной воды. Если бы мы захотели, могли бы никогда не уходить отсюда.

— Сколько людей?

— Одиннадцать племён. Сорок тысяч лучших всадников, каких только видел этот мир.

Геборик хмыкнул.

— А что кавалерия может поделать против легионов пехоты, Леоман?

Воин пустыни улыбнулся.

— Только изменить лицо войны, старик.

— Уже пробовали, — сказал Геборик. — Такой успешной малазанскую армию делает способность приспособливаться, изменять тактику — даже на поле боя. Думаешь, Империя не сталкивалась прежде с коневодами, Леоман? Сталкивалась, и покорила их. Отличные примеры — виканцы или сэти.

— И как же преуспела Империя?

— Я не историк, чтобы заниматься такими деталями — они меня никогда не интересовали. Если бы у тебя была библиотека с имперскими книгами — работами Дукера и Таллобанта, — мог бы поискать ответ у них. Если, конечно, можешь читать по-малазански.

— Вы определяете границы их владений, рисуете карту сезонных кочевий. Вы захватываете и удерживаете источники воды, строите форты и фактории — торговля ослабляет изоляцию врага, источник его силы. И в зависимости от того, насколько вы терпеливы, — либо выжигаете степи и убиваете всех четвероногих животных, либо ждёте, и каждому отряду молодых, которые приезжают в ваши поселения, предлагаете славу и военную добычу в далёких землях, обещаете сохранить их отряд в том же составе. Такая приманка срывает цвет с кочевых племён, и вскоре уже только старики и старухи ворчат о свободе, которая была прежде, — ответил Леоман.

— Ага, кое-кто хорошо начитался.

— Да, у нас есть библиотека, Геборик. Обширная, по настоянию Ша'ик. «Знай своего врага лучше, чем он сам себя знает». Так сказал император Келланвед.

— Не сомневаюсь, хотя замечу, что не он первый это сказал.

Везде были видны сложенные из глинобитного кирпича дома племён: маленький отряд вышел из коридора между кораллами. По занесённым песком улицам бегали дети, медленно катились прочь от центра повозки торговцев, запряжённые мулами или волами, — торговля на рынке уже закончилась. Стаи собак прибежали, чтобы удовлетворить своё любопытство, а затем умчались от крепкого запаха шкуры белого медведя на широких плечах тоблакая.

Начала собираться толпа, люди шли за ними к сердцу поселения. Фелисин чувствовала тысячи устремлённых на неё взглядов, слышала немолчный шёпот. Ша'ик, но не Ша'ик. Но Ша'ик — смотри на её излюбленных телохранителей — тоблакая и Леомана из Пустошей, великие воины исхудали в пустыне. Пророчество говорит о перерождении, обновлении. Ша'ик вернулась. Наконец-то она переродилась. Ша'ик Возрождённая...

«Ша'ик Возрождённая!» Эти два слова набирали шипящий ритм, словно волны, звучали всё громче. Толпа росла, весть передавалась с каждым вздохом.

— Надеюсь, в центре есть площадь или амфитеатр, — пробормотал Геборик. Он иронично ухмыльнулся Фелисин. — Когда мы с тобой в последний раз шли по забитой людьми улице, девочка?

— Лучше идти от позора к триумфу, чем наоборот, Геборик.

— Да, с этим не поспоришь.

— Перед дворцовым шатром есть парадная площадь, — сообщил Леоман.

— Дворцовым шатром? Ах, символ брэнности, знак согласия с традицией — мощь старых обычаев и всё такое.

Леоман обратился к Фелисин:

— Нехватка уважения у твоего спутника может стать проблемой, Ша'ик Возрождённая. Когда мы встретимся с высшими магами..

— Он будет благоразумно молчать.

— Хорошо бы.

— Отрезать ему язык, — прорычал тоблакай. — И волноваться не о чем.

— Да ну? — расхохотался Геборик. — Ты меня недооцениваешь, простофиля. Я слеп, но вижу. Отрежь мне язык, и — о, как я заговорю! Расслабься, Фелисин, я не дурак.

— Дурак, если будешь продолжать называть её прежним именем, — предупредил Леоман.

Фелисин позволила им пререкаться, чувствуя, что, несмотря на острую перепалку, между тремя мужчинами наконец начала устанавливаться связь. Не дружба — тоблакай и Геборик были скованы цепями ненависти, — но общность пережитого. Моё перерождение — вот что их объединяет, хоть они и стоят по разным углам треугольника, Леоман — на вершине. Леоман, человек без веры.

Они приблизились к центру поселения. Фелисин увидела там возвышение — круглый помост, окружённый фонтаном.

— Туда. Начнём.

Леоман удивлённо обернулся.

— Что?

— Я буду говорить с этими последователями.

— Сейчас? Прежде чем мы встретимся с высшими магами?

— Да.

— Ты заставишь трёх самых могущественных людей в этом лагере ждать?

– Разве это заботило бы Ша'ик, Леоман? Разве моё перерождение требует их согласия? К несчастью, их там не было, не так ли?

– Но...

– Твоя очередь закрыть рот, Леоман, – мягко заметил Геборик.

– Расчисти мне путь, тоблакай, – сказала Фелисин.

Великан резко качнулся и двинулся прямо к возвышению. Он ничего не сказал, потому что это было не нужно. Одного его присутствия было достаточно, чтобы толпа расступилась и притихла.

Они подошли к помосту.

– Чтобы начать, мне понадобятся твои лёгкие, тоблакай. Назови меня один раз, когда я взойду наверх.

– Да, Избранная.

Геборик тихо фыркнул:

– Вот это подходящий титул.

В голове Фелисин вертелся водоворот мыслей, пока она карабкалась на каменное возвышение. Ша'ик Возрождённая, которая опускает тёмный плащ Дриджны. Фелисин, урождённая аристократка из Унты, шлюха с рудников. Открой Святую Книгу и заверши обряд. Эта юная женщина увидела лик Бездны – оставила позади ужасный путь, – и теперь настало время встретиться с той, что была прежде неё. Юная женщина должна отречься от своей жизни. Открыть Святую Книгу – но кто бы мог подумать, что богиня окажется такой стоворчивой? Она знает моё сердце и потому, кажется, готова отречься от своей власти над ним. Сделка заключена. Сила дарована – так много видений! – но Фелисин остаётся, её каменно-твёрдая, изрезанная шрамами душа парит свободно в бескрайней Вездне.

И Леоман знает...

– На колени перед Ша'ик Возрождённой! – Рёв тоблакай громом раскатился в горячем, недвижимом воздухе. Как один человек, тысячи опустились на землю, склонили головы.

Фелисин вышла вперёд. Сила Дриджны тонкой струйкой вливалась в неё – ах, милая богиня, драгоценная покровительница, ты теперь колеблешься со своим даром? Как эти люди, как Леоман, ты тоже хочешь подтверждения моего слова? Моего намерения?

Но силы было достаточно, чтобы заставить её слова тихим шёпотом прозвучать в ушах всех присутствующих – в том числе и трёх высших магов, которые стояли у арки, ведущей на парадную площадь – стояли, не преклонили колени.

– Встаньте, верные мои.

Она почувствовала, что те трое вздрогнули, как она того и хотела. О да, я знаю, что вы задумали, вы трое...

— Священная пустыня Рараку укрыта стеной Вихря, чтобы защитить священнодействие моего возвращения. За нею могучая волна восстания — борьба за справедливую независимость от малазанской тирании — продолжает кровавый прилив. Мои слуги собрали огромные армии. Все, кроме одного из Семи Святых Городов, освобождены. — Некоторое время она молчала, чувствуя, как сила нарастает внутри, но когда заговорила, прошептала совсем тихо: — Время приуготовления завершается. Настало время выступить, покинуть этот оазис. Императрица на своём далёком троне хочет покарать нас. К Семи Городам идёт флотилия, армия, которой командует адъютант, но её мысли ясны мне как собственные — у неё нет секретов, которых бы я не знала...

Трое высших магов не двигались. Фелисин было даровано знание о них, внезапный поток воспоминаний, которые могли принадлежать только Ша'ик Старшей. Она могла видеть их лица так, будто стояла всего в шаге от каждого, и знала, что все трое тоже чувствуют эту внезапную близость — и в глубине души восхитилась тем, что они не задрожали. Старший из трёх — иссохший, сгорбленный Бидитал, тот, кто впервые нашёл её, тогда ещё совсем маленькую девочку, сообразно своим видениям. Его затуманенные глаза встретили её взгляд. Бидитал, помнишь эту девочку? Ту, которой воспользовался так жестоко в первую и единственную ночь, чтобы выжечь из неё все наслаждения плоти. Ты сломал её внутри собственного тела, оставил шрамы бесчувствия. Эту девочку ничто не должно отвлекать; ни собственных детей, ни мужчины рядом, который мог бы отнять часть преданности, по праву принадлежащей только богине. Бидитал, я приберегла для тебя местечко в огненной Бездне, но тебе это хорошо известно. Однако пока ты служишь мне. На колени.

Два зренья — одно вплотную, другое издали, с высокого помоста — позволили ей увидеть, как старик в просторных одеяниях опускается на землю. Она переключила внимание на следующего. Фебрил, самый трусливый и хитроумный из моих высших магов. Трижды ты пытался меня отравить, и трижды мощь Дриджны выжигала яд из моих жил — но я ни разу не обвинила тебя. Ты решил, что я не ведаю о твоих попытках? И не знаю твоего самого старого секрета — о том, как ты сбежал от Дассема Ультора перед последней битвой, предал наше дело — думаешь, я не знаю этого? Тем не менее ты нужен мне, ибо ты — магнит раздоров, собираешь вокруг себя тех, кто хотел бы предать меня. На колени, негодяй!

К этому приказу она присовокупила поток силы, который бросил мага на землю, будто огромной невидимой дланью. Он заизвивался в мягком песке, всхлипнул.

И наконец ты, Л'орик, единственная для меня истинная загадка. Твоё чародейское искусство сильно, особенно в том, чтобы сплести вокруг себя непроницаемый барьер. Ход твоих мыслей мне неизвестен, даже пределы и глубина твоей верности. И хотя ты кажешься лишённым веры, ты же оказался и самым надёжным из всех. Ибо ты — прагматичен, Л'орик. Как Леоман. Но я всегда на твоих весах, каждое моё решение, каждое слово. Так взвесь меня ныне, высший маг, суди и решай.

Он опустился на одно колено и склонил голову.

Фелисин улыбнулась. Полумера. Очень прагматично, Л'орик. Я соскучилась по тебе.

В тени под капюшоном она различила его сухую ответную улыбку.

Закончив с тремя магами, Фелисин снова обратила внимание на толпу, которая ждала её следующего слова. В воздухе дрожала тишина. Что ещё?

— Мы должны выступить, дети мои. Но одного этого мало. Мы должны объявить о том, что собираемся сделать, — так, чтобы все увидели.

Богиня была готова.

Фелисин — Ша'ик Возрождённая — воздела руки.

Золотая пыль завертелась над ней, свернулась спиралью в колонну. Выросла. Струи яростного ветра и пыли крепили, взбирались всё выше и выше к небу, всасывая золотой покров пустыни, очищая со всех сторон огромный купол, открывая голубую бездну неба там, где её не видели много месяцев.

Но колонна всё росла, тянулась выше и выше.

Вихрь был лишь предуготовлением к этому — вознесению знамени Дриджны, копья, которое есть Апокалипсис. Знамя, которое вздымается над целым континентом, увидят все. Вот наконец начинается война. Моя война.

Её голова запрокинулась, она позволила своему чародейскому зрению упиваться тем, что возносилось к самому краю небесной сферы. Любозная сестрица, узри, что ты сотворила.

В руках Скрипача дёрнулся арбалет. Языки пламени расцвели посреди беспокойного моря крыс, опалили, изжарили десятки мелких тварей.

Из ведущего сапёр теперь превратился в предводителя арьергарда: отряд начал отступать от кошмарного напора Гриллена.

— Д'иверс похитил могучие жизни, — сказала Апсалар, и Маппо, который пытался оттащить назад Икария, кивнул.

— Никогда прежде Гриллен не демонстрировал таких... объёмов...

Объёмов. Скрипач хмыкнул, переваривая это слово. Когда он в последний раз видел этого д'иверса, крыс были сотни. Теперь их были тысячи, быть может, десятки тысяч — сапёр бы не взялся угадать их число.

К отряду присоединился Пёс Зубец и вёл теперь отступление по боковым коридорам и узким тоннелям. Отряд пытался обойти Гриллена, больше ничего не оставалось.

Пока Икарий не потерял контроль над собой, и, боги, он почти сорвался. Почти.

Скрипач потянулся к мешку с амуницией, его пальцы нащупали последнюю «ругань», отбросили его и выбрали ещё один «огневик». Нет времени прилаживать снаряд к стреле, да и те заканчиваются. Передние крысы были уже всего в полудюжине шагов. Сердце Скрипача на миг бешено замерло в груди — Может, я их слишком близко подпустил на этот раз? Худов дух! Он метнул гранату.

Жареная крыса.

Массу тел охватило жидкое пламя, она покатилась, посыпалась к нему.

Сапёр развернулся и побежал.

Он чуть не угодил в окровавленные клыки Шан. Скрипач взвыл, крутнулся, споткнулся и растянулся среди сапог и мокасин. Отряд остановился. Сапёр встал.

— Бежать надо!

— Куда? — сухим, тяжёлым тоном спросил Крокус.

Проход здесь изгибался, и с обеих сторон кипела чёрная стена крыс.

Четверо Псов атаковали дальнейшее скопление, с отрядом осталась только Шан — она заняла место Бельма в опасной близости от Икария.

Ягг закричал от гнева и без заметного усилия сбросил Маппо с плеч. Трелль пошатнулся, не удержал равновесия и с хрустом упал на корни.

— Все на землю! — завопил Скрипач, его рука вслепую нащупала в мешке большой, гладкий предмет.

Завывая, Икарий обнажил меч. Дерево затрещало и отшатнулось. Железное небо окрасилось багрянцем, точно над отрядом начала крутиться тёмная воронка. Сок дождём брызнул из древесных стен и окропил всех.

Шан бросилась на Икария, но отлетела назад, кувыркаясь в полёте, а ягг её даже не заметил.

Скрипач ещё миг смотрел на Икария; затем вытащил «ругань», развернулся и швырнул её в д'иверса.

Только это оказалась не «ругань».

Широко распахнутыми глазами Скрипач смотрел, как морская раковина ударилась о корни на земле и разбилась, словно стекло.

Позади послышался дикий треск, но не было времени думать, а затем все звуки исчезли — из разбитой раковины поднялся шепчущий голос — подарок таннойского духовидца, — этот шёпот вскоре заполнил воздух костяной песней, которая обростала плотью и мышцами, раскатываясь во все стороны.

Крысиные стены по обе стороны попытались отступить, но бежать было некуда — звук охватил всё вокруг. Крысы начали рассыпаться, плоть их высыхала на глазах, оставались лишь кости да мех. Песня поглотила эту плоть и выросла.

Тысячеротый вопль Гриллена прозвучал мучительным взрывом боли и ужаса. Но и он был проглочен и пожран.

Скрипач прижал ладони к ушам, когда песня отозвалась в нём, настойчиво — голос точно не человеческий, наверняка не смертный. Он отвернулся, упал на колени. Широко распахнутые глаза смотрели, но почти не замечали ничего перед собой.

Его спутники валялись на земле, свернулись, сжались. Псы отступали, массивные тела дрожали, уши были прижаты. Маппо скорчился над неподвижно лежащим Икарием. В руках трелля была костяная палица, плоская сторона которой оказалась запятнана свежей кровью с обрывками длинных рыжеватых волос. Маппо наконец выронил своё оружие и заткнул руками уши.

Боги, это ведь всех нас погубит — хватит! Хватит же!

Он осознал, что сходит с ума, зрение подводит: сапёр вдруг увидел перед собой стену, стену воды, серую, точно талый снег, пронизанную пеной — она катилась на них по коридору, становилась всё выше, выше сплетённых из корней стен. А затем он увидел сквозь стену, словно она стала жидким стеклом. Обломки, поросшие водорослями камни, гниющие остатки кораблей, проржавевшие, бесформенные куски металла, кости, черепа, бочонки и обитые бронзой сундуки, треснувшие мачты и реи — ушедшая на дно память бесчисленных цивилизаций, лавина трагических событий, растворения и разложения.

Волна погребла их, подавила невероятным весом, неумолимой силой.

И ушла, оставив их сухими, как пыль.

Воздух наполнила тишина, которую медленно разгоняли хриплые вздохи, звериные повизгивания, приглушённый шорох одежды и оружия.

Скрипач поднял голову, заставил себя встать на четвереньки. Призрачный след этого потопа пропитал его насквозь, наполнил невыразимым горем.

«Защитные чары?»

Духовидец улыбнулся.

«В своём роде».

А я-то собирался продать эту проклятую раковину в Г'данисбане. Моя последняя «ругань» оказалась треклятой раковиной — а я не проверил, ни разу. Худов дух!

Он не сразу заметил, что воздух наполняется новым напряжением. Сапёр огляделся. Маппо подобрал свою палицу и теперь стоял над бесчувственным Икарием. Вокруг него вились Псы. Шерсть у них стояла дыбом.

Скрипач потянулся к арбалету.

— Искарал Прыщ! А ну отзови Псов, будь ты проклят!

— Сделка! Азат заберёт его! — прохрипел верховный жрец, который всё ещё шатался после встречи с таннойским чародейством. — Сейчас — самое время!

— Нет, — заревел трелль.

Скрипач колебался. Договор, Маппо. Икарий ясно выразил своё желание...

— Отзови Псов, Прыщ, — сказал он, придвигаясь к напряжённым участникам противостояния. Он сунул руку в мешок с амуницией и перетянул его вперёд так, чтобы прижать к животу. — У меня тут последняя «ругань», и пусть даже Гончие были из мрамора, их это не спасёт, когда я упаду на неё.

— Проклятые сапёры! Кто только их выдумал? Безумие!

Скрипач ухмыльнулся.

— Кто выдумал? Как же, Келланвед, кто же ещё, — который Взошёл и стал твоим богом, Прыщ. Я-то думал, ирония тебя позабавит, верховный жрец.

— Сделка...

— Подождёт. Маппо, как сильно ты его приложил? Сколько он будет без сознания?

— Столько, сколько я пожелаю, друг.

«Друг». И в этом слове — «спасибо».

— Ладно. Отзови щенят, Прыщ. Пошли к Дому.

Верховный жрец перестал неуверенно расхаживать вокруг; замер, начал раскачиваться вперёд-назад. Взглянул на Апсалар и широко ухмыльнулся.

— Делай, что сказал солдат, — приказала она.

Ухмылка исчезла.

— Вот молодёжь пошла. Про преданность не слыхали даже. Позор! Совсем не так было в наше время. Верно ведь, Слуга?

Отец Апсалар поморщился.

— Ты её слышал.

— Разбалуешь! Во всём ей потакаешь. Испортил ребёнка! А я — предан даже собственным поколением, увы! Что же дальше-то будет?

— Дальше — мы уходим, — сказал Скрипач.

— Недалеко уже, — заметил Крокус. Он указал на дальний конец коридора. — Вон. Я вижу Дом. Вижу Треморлор.

Сапёр смотрел, как Маппо вешает оружие на плечо, а затем осторожно поднимает Икария. Ягг безвольно обвис в его мощных руках. В движениях трелля сквозили такая нежность и забота, что Скрипач невольно отвёл глаза.

Глава девятнадцатая

День Чистой Крови

Семь Святых даровали

из своих песчаных гробниц.

Рекою была Судьба,

слава — даром Семи,

что рассёк красным и жёлтым

этот день.

Тэс'соран. Собачья цепь

На местном кан'эльдском диалекте впоследствии закрепилось название «Меш'арн то'леданн» — день Чистой Крови. После бойни кровь и трупы несло из устья реки Ватар в Криводожальское море почти неделю, в красно-чёрном потоке поблёскивали бледные, раздутые тела. Среди рыбаков тех мест это время помнили как «Акулю пору», и множество сетей обрезали, прежде чем вытащить жуткий улов.

Ужас не вставал ни на чью сторону, не выбирал своих и чужих. Он растекался во все стороны — от одного города к другому. Из отвращения среди жителей Семи Городов родился страх. Приближался малазанский флот под командованием женщины твёрдой, как железо. То, что произошло на Ватарском броде, стало точилом, на котором заострилось смертоносное лезвие.

Но Корболо Дом ещё отнюдь не закончил.

Кедровый лес к югу от реки рос на ступенчатых выступах известняка, а торговая дорога петляла по лощинам и крутым, опасным склонам. Чем дальше измученная колонна заходила в лес, тем более древним, зловещим он становился.

Дукер вёл свою лошадь в поводу, спотыкаясь, когда под ноги попадались камни. Рядом с ним грохотала повозка, нагруженная ранеными солдатами. На козлах сидел капрал Лист, его хлыст щёлкал над пыльными, прореженными ручейками пота спинами двух волов под ярмом.

Потери у Ватарского брода звучали в душе историка глухой, монотонной песнью. Более двадцати тысяч беженцев, среди них – непропорциональное число детей. В клане Дурного Пса осталось не больше пяти сотен воинов, и другие два клана пострадали немногим меньше. Седьмая потеряла семь сотен солдат убитыми, ранеными и пропавшими без вести. На ногах остались дюжина инженеров и всего два десятка морпехов. Погибли три знатные семьи – чудовищная потеря, с точки зрения Совета.

И Сормо И'нат. В одном человеке – восемь старых колдунов, потеря не только чародейского могущества, но знания, опыта и мудрости. Этот удар бросил виканцев на колени.

Днём, когда колонна временно остановилась, капитан подошёл к историку, чтобы разделить с ним скромную трапезу. Сначала они почти не разговаривали, словно о событиях на Ватарском броде нельзя было говорить, хоть они и заражали, словно чума, каждую мысль, отдавались призрачными отзвуками в каждой картине вокруг, в каждом звуке лагеря.

Сон начал медленно собирать остатки еды. Затем остановился, и Дукер заметил, что капитан смотрит на свои руки, которые мелко задрожали. Историк отвёл глаза и сам поразился внезапному чувству стыда, которое охватило его. Дукер увидел Листа, прикорнувшего на козлах, погрузившегося в темницу своих снов. Я бы мог разбудить его из милосердия, но жажда знания сильнее. Жестокость теперь даётся легко.

Капитан вздохнул и быстро закончил начатое.

– А ты чувствуешь необходимость чем-то ответить на всё это, историк? – спросил он. – Ты столько книг прочитал, выпитал столько мыслей от других – мужчин и женщин. Из других времён. Как смертный может ответить на то, на что способны ему подобные? Неужели каждый из нас, солдат или нет, доходит в какой-то момент до точки, когда всё увиденное, пережитое изменяет нас изнутри? Необратимо изменяет. Чем мы тогда становимся? Менее людьми – или более? Вполне человеческими – или слишком?

Дукер долго молчал, глядя на каменистую землю вокруг валуна, на котором сидел. Затем откашлялся.

– У каждого из нас – свой порог, друг мой. Солдаты или нет, мы не способны держаться вечно, рано или поздно мы превращаемся... во что-то другое. Будто мир вокруг нас изменился, хотя на самом деле это мы начали на него смотреть иначе. Меняется перспектива, но не от умозаключений – видишь, но не чувствуешь, или плачешь, а собственную боль рассматриваешь

со стороны, как чужую. Здесь нет места ответам, Сон, потому что все вопросы выгорели. Более человек или менее — тебе самому решать.

— Наверняка же об этом писали — учёные, жрецы.. философы?

Дукер улыбнулся грязной земле.

— Были попытки. Но те, кто сам переступил через этот порог.. у них почти нет слов, чтобы описать то место, куда попали, и мало желания объяснять. Как я и сказал, там нет места умствования, мысли там блуждают — бесформенные, несвязные. Потерянные.

— Потерянные, — повторил капитан. — Вот я точно потерян.

— Мы-то с тобой, Сон, потерялись уже в зрелом возрасте. Взгляни на детей, вот где отчаяние.

— Как на такое ответить? Я должен понять, Дукер, иначе сойду с ума.

— Ловкостью рук, — сказал историк.

— Что?

— Подумай о чародействе, какое мы видели в жизни, — огромной, неукротимой, смертоносной силе. Которой дивились и ужасались. А теперь подумай о фокусниках, каких мы видели в детстве, — об игре иллюзии и искусства, которую они умели творить руками, чтобы показать нам чудо.

Капитан молчал, не шевелился. Затем поднялся.

— И это ответ на мой вопрос?

— Только это приходит мне в голову, друг мой. Прости, если этого недостаточно.

— Нет, дед, достаточно. Придётся этим обходиться, верно?

— Да, придётся.

— Ловкостью рук.

Историк кивнул.

— О большем не проси, ибо мир — этот мир — не даст больше.

— Но где же нам её найти?

— В самых неожиданных местах, — ответил Дукер и тоже встал. Где-то впереди послышались крики, и колонна вновь пришла в движение. — Если сумеешь сдержать и слёзы, и улыбку, найдёшь.

— До встречи, историк.

— Бывай.

Дукер смотрел, как капитан двинулся обратно к своим солдатам, и подумал: всё, что он сказал, всё, что предложил Сну, возможно, одна лишь ложь.

Эта мысль вернулась теперь, несколько часов спустя, когда историк трусил вверх по дороге. Одна из тех случайных, одиноких мыслей, которыми теперь характеризовался выжженный ландшафт его сознания. Вернулась, помедлила мгновение и пропала, стинула.

Колонна двигалась дальше — под тучами пыли и немногочисленными оставшимися бабочками.

Корболо Дом преследовал малазанцев, целил в раскромсанный хвост колонны, ждал, пока они выйдут на более подходящую территорию, прежде чем начать новую полномасштабную битву. А возможно, даже он немного струсил перед тем, что открывалось в Ватарском лесу.

Среди высоких кедров попадались деревья, которые превратились в камень. Внутри шишковатых, искорёженных стволов виднелись другие предметы, тоже окаменевшие — деревья скрывали подношения, вокруг которых давным-давно выросли. Дукер отлично помнил, когда впервые увидел подобное, — в сердце оазиса к северу от Хиссара. Там он видел бараньи рога, оплетённые извилистыми ветвями, здесь их тоже хватало, но это были не самые тревожные из подношений Ватара.

Т'лан имассы. Никаких сомнений — их мёртвые лица смотрят на нас со всех сторон, черепа и ссохшиеся лица глядят из-под окаменевшей коры, тёмные глазницы взирают нам вслед. Это могильник, но не для людей из плоти и крови, предшественников т'лан имассов, а для самих бессмертных созданий.

Лист грезит о древней войне — и здесь мы видим её итог. Иногда попадались и полуразвалившиеся платформы, каменные решётки выступали среди ветвей, которые прежде их оплетали, укрывая кости, словно пальцы каменной руки.

Когда закончилась война, выжившие пришли сюда, принесли товарищей, слишком разбитых, чтобы служить дальше, и сделали этот лес их вечным домом. Души т'лан имассов не могут прийти к Худу, не могут даже сбежать из темницы костей и иссохшей плоти. Таких созданий не хоронят — бесконечная подземная тьма не принесёт им мира. Лучше позволить им смотреть с высоких настилов друг на друга и на редкие караваны смертных, что идут по дороге...

Капрал Лист понимал это слишком ясно, видения открывали ему историю, которой лучше бы стинуть в веках. Знание раздавило его — как и всех нас подавляет знание, полученное слишком великой ценой. Но я хочу большего!

Начали появляться каирны — груды камней, увенчанные тотемными черепами. «Это не могилы, — сказал Лист. — Это места древних битв, разных кланов, здесь яггуты останавливали своё бегство и отвечали ударом на удар».

День уже угасал, когда колонна достигла последней высоты: широкий смешанный батолит, казалось, стряхнул с себя покров известняка, так что обнажилась порода цвета вина. Плоские безлесные прогалины украшали

валуны, расположенные спиралями, эллипсами и коридорами. Кедрь сменились соснами, а число окаменевших деревьев уменьшилось.

Дукер и Лист ехали в последней трети колонны, где раненых прикрывала потрёпанная пехота аррьергарда. Когда последние повозки и немногочисленный скот преодолели подъём и вышли на ровную землю, солдаты быстро расположились на гряде, взводы рассыпались по удобным позициям и естественным укреплениям, которые позволяли контролировать подходы.

Лист остановил свою повозку и поставил тормоз, затем поднялся на козлах, потянулся и взглянул на Дукера беспокойными глазами.

— Лучшие точки обзора всё равно здесь, — заметил историк.

— Всегда тут были, — сказал капрал. — Если пойдём к голове колонны, найдём первую.

— Первую?

Кровь отлила от лица юноши, значит, его одолело новое видение — мир и время, увиденные нечеловеческими глазами. Миг спустя он задрожал, вытер пот со лба.

— Я покажу.

Они молча пошли вдоль притихшей колонны. Люди начали разбивать лагерь, но движения их казались деревянными, солдаты и беженцы двигались, будто машины. Никто даже не пытался ставить палатки — все просто бросали одеяла на землю. Дети сидели неподвижно и смотрели на взрослых глазами стариков и старух.

Лагеря виканцев выглядели не лучше. Не было спасения от произошедшего, от образов и картин, которые вновь и вновь безжалостно воскрешала память. Всякий слабый, земной жест привычной жизни разлетался вдребезги под весом знания.

Но был и гнев — раскалённый добела, глубоко скрытый в сердцах, словно под слоем торфа. Только он ещё мог гореть. Так мы и движемся, день за днём, бьёмся во всех битвах — внутренних и внешних — с нестигаемой яростью и решимостью. Все мы оказались там, где живёт теперь Сон, в месте, лишённом рациональной мысли, в мире, утратившем всякую связность.

Когда Дукер и Лист добрались до авангарда, они увидели выразительную сцену. Колтейн, Бальт и капитан Сон стояли перед выстроившейся в десяти шагах от них неровной шеренгой последних выживших инженеров.

Кулак повернулся к новоприбывшим:

— Ага, хорошо. Я бы хотел, чтобы ты стал этому свидетелем, историк.

— Что я пропустил?

Бальт ухмыльнулся.

— Ничего. Мы только совершили чудное чудо — собрали в одном месте сапёров: ты-то, наверное, думаешь, что битвы с Камистом Релоем были кошмарной тактической задачей. Но вот они — смотрят так, будто их в западню заманили или что похуже.

— А заманили, дядя?

Ухмылка командора стала шире.

— Может быть.

Колтейн шагнул к строю солдат.

— Знаки отличия и жесты признания всегда звучат пустыми — это я знаю, но что мне ещё остаётся? Вожди трёх кланов пришли ко мне, чтобы просить разрешения официально принять вас всех в свои кланы. Возможно, вы не знаете, что скрывается за такой беспрецедентной просьбой... хотя, судя по лицам, знаете. Я почувствовал, что должен ответить от вашего имени, ибо знаю вас, солдат, лучше, чем большинство виканцев, в том числе — лучше этих вождей. В итоге они покорно отозвали свои прошения.

Он долго молчал.

— Тем не менее, — наконец продолжил Колтейн, — я бы хотел, чтобы вы знали — этим они хотели оказать вам честь.

Ах, Колтейн, даже ты не слишком хорошо понимаешь этих солдат. Хмурый вид вроде бы выказывает неодобрение, даже презрение, но послушай — ты когда-нибудь видел, чтобы они улыбались?

— Потому в моём распоряжении остаются лишь традиции Малазанской империи. На переправе было довольно свидетелей, которые во всех деталях живописали ваши свершения, и среди всех вас, включая павших товарищей, естественное руководство одного было замечено снова и снова. Без него в тот день мы потерпели бы истинное поражение.

Сапёры не двигались и продолжали хмуриться ещё сильнее.

Колтейн подошёл к одному из инженеров. Дукер его хорошо помнил — приземистый, лысый, невероятно уродливый сапёр, глаза, как щёлочки, нос приплюснутый. Он с вызовом носил части доспехов, в которых Дукер опознал униформу командоров армии Апокалипсиса, впрочем, шлем у пояса мог бы украсить собой любую антикварную лавку Даруджистана. Другой предмет у пояса сапёра историк поначалу даже не узнал и лишь миг спустя сообразил, что смотрит на помятые остатки щита: две усиленные ручки за искорёженным бронзовым умбоном. Большой чёрный арбалет за плечом был так густо заплетён веточками, сучками и листвой, что казалось, будто солдат таскает с собой куст.

— Думаю, пришло время тебя повисить, — сказал Колтейн. — Ты отныне сержант, солдат.

Тот ничего не сказал, но сощурился так, что щёлки глаз стали почти невидимыми.

— Думаю, уместно отдать честь, — прорычал Бальт.

Один из сапёров кашлянул и нервно дёрнул себя за ус.

Капитан Сон подскочил к нему.

— Тебе есть что сказать, солдат?

— Да так, мелочь, — пробормотал инженер.

— Говори уже!

Солдат пожал плечами.

— Так выходит.. в общем, он ещё две минуты назад был капитаном. Кулак его только что разжаловал. Это ж капитан Глазок. Командовал инженерным корпусом. До сих пор.

Наконец заговорил сам Глазок:

— И раз уж я теперь сержант, предлагаю капитаном сделать вот кого! — Он вытянул руку и ухватил женщину рядом за ухо, чтобы подтащить поближе. — Вот эта у меня была сержантом. Звать её Промашка.

Колтейн ещё некоторое время просто смотрел на него, затем обернулся и посмотрел в глаза Дукера с таким весельем, что безмерная усталость историка вспыхнула и исчезла. Кулак пытался сохранить серьёзную гримасу, да и сам Дукер прикусил губу, чтобы не расхохотаться. Судя по лицу Сна, капитан испытывал те же трудности, но подмигнул историк и одними губами произнёс два слова: «Ловкость рук».

Оставался вопрос, как Колтейн выкрутится из этой ситуации. Придав лицу суровое выражение, Кулак снова обернулся к сапёрам. Он посмотрел на Глазка, затем на женщину по имени Промашка.

— Согласен, сержант, — сказал он. — Капитан Промашка, я тебе советую во всём прислушиваться к мнению своего сержанта. Ясно?

Женщина покачала головой. Глазок поморщился и сказал:

— В этом у неё опыта нет, Кулак. Я-то у неё никогда совета не просил.

— Как я вижу, ты ни у кого совета не просил, когда был капитаном.

— Так точно, это факт.

— И ни на один сбор командования не пришёл.

— Так точно.

— И почему же?

Глазок пожал плечами. Капитан Промашка сказала:

– «Высыпаться надо». Он так всегда говорил, Кулак.

– Худ свидетель, это точно, – пробормотал Бальт.

Колтейн приподнял бровь.

– А он спал, капитан? Во время собраний?

– Ещё как, Кулак. Он на ходу спит – никогда такого не видела раньше. Храпит, Кулак, ногами перебирает, с мешком камней за спиной..

– Камней?

– На случай, если меч сломается, Кулак. Он их швыряет так метко, что никогда не промахивается.

– Вот и нет, – прорычал Глазок. – Эта тараканья собачка..

Бальт поперхнулся, затем сочувственно сплюнул.

Колтейн сцепил руки за спиной, и Дукер увидел, что костяшки у него побелели.

– Историк!

– Здесь, Кулак.

– Ты это запишешь?

– О да. Каждое благословенное слово.

– Отлично. Инженеры, свободны.

Сапёры разбрелись, тихо переговариваясь между собой. Один из солдат похлопал Глазка по плечу и заработал уничтожающий взгляд в ответ.

Колтейн посмотрел им вслед, затем подошёл к Дукеру. Бальт и Сон от него не отставали.

– Нижние духи! – прошипел Бальт.

Дукер улыбнулся.

– Твои солдаты, командор.

– Да-а, – протянулся он с внезапной гордостью. – Это да.

– Я просто не знал, что делать, – признался Колтейн.

Сон хмыкнул.

— Ты отлично всё разыграл, Кулак. Великолепно! Наверняка история уже пошла из уст в уста, чтобы стать легендой. Если ты им и раньше нравился, теперь они тебя полюбили, Кулак.

Виканец продолжал недоумевать.

— Но почему? Я ведь только что разжаловал солдата за непревзойдённую отвагу!

— Вернул его в строй, проще говоря. И тем самым повесил их всех, понимаешь?

— Но ведь Глазок...

— Никогда в жизни так не веселился, бьюсь об заклад. Это видно — чем они мрачней, тем лучше. Худ свидетель, я не могу объяснить — только сапёры понимают, как думают сапёры, да и то не всегда.

— Теперь у тебя есть капитан по имени Промашка, племянник, — сказал Балът. — Думаю, на следующий сбор она явится с иголки?

— Худа с два, — возразил Сон. — Она уже небось вещи свои пакует.

Колтейн покачал головой.

— Они победили, — сказал он с нескрываемым удивлением. — Я побеждён.

Дукер смотрел, как все трое пошли прочь, продолжая обсуждать произошедшее. И всё-таки не ложь. Слезы и улыбки, вещи такие крошечные, такие абсурдные... единственный возможный ответ... Историк встряхнулся, осмотрелся и нашёл Листа.

— Капрал, ты мне, кажется, хотел что-то показать...

— Так точно. Впереди. Недалеко, как мне кажется.

До развалин башни они добрались прежде, чем дошли до передовых сторожевых отрядов. Взвод виканцев уже расположился среди камней, оставив охранять разложенное снаряжение однорукую юношу.

Лист положил ладонь на ближайший из массивных камней.

— Яггуты, — проговорил он. — Они ведь жили порознь. Ни деревень, ни городов, только одиночные жилища далеко друг от друга. Вроде этого.

— Очень ценили уединение, я так понимаю.

— Они друг друга боялись не меньше, чем т'лан имассов, сэр.

Дукер покосился на молодого виканца. Юноша спал. Все мы в последнее время много спим. Просто выключаемся.

— Сколько? — спросил он капрала.

— Не уверен. Сто, двести, может, даже триста.

— Не лет?

— Да. Тысячелетий.

— Значит, здесь жили яггуты.

— Это первая башня. Отсюда их выбили, затем снова, и снова. Последняя башня — последний рубеж — в самом сердце равнины за лесом.

— Выбили, — повторил историк.

Лист кивнул.

— Каждая осада длилась столетия, т'лан имассы несли ужасающие потери. Яггуты не были кочевниками. Когда они выбирали место.. — Он вдруг замолчал. Пожал плечами.

— И это была типичная война, капрал?

Юноша заколебался, затем покачал головой.

— Странная связь, редкостная среди яггутов. Когда мать оказалась в опасности, вернулись дети, вступили в бой. Затем отец. Ситуация... обострилась.

Дукер кивнул, огляделся по сторонам.

— Наверное, она была... особенной.

Губы Листа плотно сжались, он побледнел. Стянул с головы шлем, провёл ладонью по мокрым от пота волосам.

— Да, — наконец прошептал капрал.

— Она твой проводник?

— Нет. Её муж.

Что-то заставило историка обернуться, словно едва заметная дрожь в воздухе. На севере, между деревьями, над ними. Дукер никак не мог осознать, что видит: колонна, копьё из сияющего золота, вздымается всё выше... и выше.

— Худов дух! — пробормотал Лист. — Что это?

Одно слово прогремело в сознании Дукера, затопило его, смыло все прочие мысли, он чувствовал совершенную уверенность в этом, единственном, слове, которое было ответом на вопрос Листа.

— Ша'ик.

Калам сидел в полутёмной каюте, погружившись в звуки яростных волн и вой ветра. «Затычка» вздрагивала от каждого безжалостного удара бурного моря, стены вокруг убийцы качались в дюжину сторон одновременно.

Где-то позади быстроходный торговец боролся с тем же штормом, и его присутствие – объявленное вперёдсмотрящим всего за несколько минут до того, как небо заволкли странные, светящиеся тучи, не шло у Калама из головы. Тот же торговец, которого мы видели прежде. Простой ли ответ? Когда мы торчали в грязном порту, он спокойно покачивался у Имперского причала в Фаларе, никакой спешки с тем, чтобы пополнить припасы, когда объявлено увольнение на берег, о котором вообще стоит говорить.

Но это не объясняло множества других странностей, которые терзали убийцу – странностей, которые, каждая сама по себе, вносили нестройную нотку, но вместе порождали такую какофонию, что Калам начинал всерьёз тревожиться. Смутное течение времени, которое, быть может, рождалось от страстного желания быстрее добраться до цели, противоречило бесконечной череде дней и ночей, унылому однообразию плавания.

Нет, тут не просто противоречие восприятия. Склянки, сократившиеся запасы еды и пресной воды, намёки капитана на безумие на борту этого проклятого корабля.

И быстроходный торговец – он уже давно должен был нас обогнать...

Салк Элан. Маг – от него на милую несёт чародейством. Но чародей, который смог бы так полно перекрутить мысли всей команде... должен быть высшим магом. Это не то чтобы невозможно. Просто крайне маловероятно среди тайного кружка агентов и шпионов Мебры.

Калам ни на миг не сомневался, что Элан сплёл вокруг себя паутину обмана – это явно было в его характере, вне зависимости от реальной нужды. Но по какой же ниточке убийца должен пойти, чтобы обнаружить истину?

Время. Сколько же длится это плавание? Пассаты там, где их быть не должно, теперь шторм, который гонит нас на юго-восток, шторм, который пришёл не из открытого океана – как того требовали бы неизменные законы моря, но со стороны Фаларских островов. В сухой сезон – пору недвижных штилей.

Так кто же играет с нами? И какую роль примерил на себя Салк Элан? Или – никакую?

С ворчанием убийца поднялся с койки, подхватил раскачивавшийся на крюке ранец, а затем, пошатываясь, направился к двери.

Трюм походил на осадную башню, на которую обрушивался непрерывный град камней. В солоноватом воздухе стоял туман, на дне по щиколотку плескалась вода. Здесь никого не было: все моряки боролись со штормом на палубе. Калам расчистил себе место, выдвинул сундук. Он порылся в ранце и нащупал

маленький, бесформенный кусочек камня. Вынул его и положил на крышку сундука.

Тот не скатился, даже не шевельнулся.

Убийца обнажил кинжал, перехватил его и обрушил железное навершие на камень. Тот разбился. Калама обдало потоком горячего, сухого воздуха. Он пригнулся.

— Бен! Быстрый Бен, сукин ты сын, пора!

Ни слова не донеслось через немолчный рёв шторма.

Начинаю ненавидеть магов.

— Быстрый Бен, чтоб тебя!

Воздух задрожал, словно потоки жара поднимались от раскалённого песка пустыни. В ушах убийцы зазвучал знакомый голос.

— Ты хоть знаешь, когда у меня в последний раз была возможность поспать? Тут всё полетело к Худу в задницу, Калам... Где ты, и чего тебе нужно? И быстрее говори, мне тут нелегко!

— Я думал, что ты — моя бритая костяшка в дыре, будь ты проклят!

— Ты в Унте? Во дворце? Вот уж не думал...

— Спасибо за доверие, — перебил убийца. — Нет, я не в Худовом дворце, идиот. Я в море...

— Как и все мы. Ты облажался, Калам, я такое второй раз не повторю.

— Знаю. Останусь один, когда попаду на место. Ну и пусть, не впервые. Слушай, что ты чувствуешь: где я сейчас? Что-то на этом корабле пошло не так, и я хочу знать, что именно и кто за это в ответе.

— И это всё? Ладно, ладно, минуточку...

Калам ждал. Волоски поднялись у него на шее, когда убийца почувствовал, как присутствие мага раскатывается во все стороны, чародейское прощупывание, которое он хорошо знал. Затем эманация исчезла.

— Ого.

— Это что значит, Бен?

— У тебя неприятности, друг мой.

— Ласиин?

— Не уверен. Не напрямую — этот корабль насквозь провонял Путём, Калам, одним из самых редких среди смертных. Тебя ничего не сбивало с толку в последнее время?

— Значит, я был прав! Кто?

— Кто-то. Может, на борту, может, нет. Может, плывёт на корабле на своём Пути рядом с тобой, только ты его не увидишь. На борту есть что-нибудь ценное?

— Кроме моей шкуры?

— Да, кроме твоей шкуры, конечно.

— Только казна мелкого деспота.

— Ага, и кто-то хочет, чтобы она быстро добралась куда-то, а потом все и каждый на борту напрочь забыли, где же это они были. Я бы такое предположил, Калам. Но могу серьёзно ошибиться.

— Утешил, нечего сказать. Говоришь, у вас там неприятности? Скворец? Дуджек, взвод?

— Пока держимся. Как там Скрипач?

— Понятия не имею. Мы пошли разными дорогами...

— О нет, Калам!

— Да, Треморлор. Худов дух, Бен, это же была твоя идея!

— Исходя из того, что в Доме... спокойно. Конечно, должно было сработать. Как мне кажется. Но там что-то пошло наперекосяк — все Пути горят огнём, Калам. Смотрел недавно в Колоду Драконов?

— Нет.

— Повезло тебе.

Убийца вдруг понял и с шипением выпустил воздух сквозь стиснутые зубы.

— Тропа Ладоней...

— Тропа... ого! — Маг повысил голос. — Калам! Если вы знали...

— Ни Худа мы не знали, Бен!

— Ну, шанс у них есть, — пробормотал через некоторое время Быстрый Бен. — Там Жаль...

— Апсалар, ты хотел сказать.

— Да какая разница? Дай подумать, чтоб тебя.

— Ну, отлично, — проворчал Калам. — Опять хитрые планы...

— Я теряю связь, друг. Чересчур устал... вчера слишком много крови потерял, наверное. Молоток говорит...

Голос стих. Вокруг убийцы снова ступил прохладный туман. Быстрый Бен исчез. Вот и всё. Теперь и вправду я совсем один. Скрипач... ах, ты, сукин сын, мы ведь должны были догадаться, должны были понять. Древние врата... Треморлор.

Долгое время он не шевелился. Наконец вздохнул, протёр крышку сундука, смахнул каменное крошево с влажной поверхности, и встал.

Капитан не спал, и он был не один. Салк Элан ухмыльнулся, когда Калам вошёл в тесную каюту.

— А мы как раз о тебе говорили, напарник, — заметил Элан. — Мы ведь знаем, какой ты упрямый, если что решил, потому и гадали, как ты воспримешь новости...

— Ладно, я клюнул. Какие новости?

— Шторм — нас сносит с курса. Далеко.

— То есть?

— Похоже, когда он пройдёт, мы зайдём в другой порт.

— Не в Унту.

— Туда тоже, конечно. Рано или поздно.

Взгляд убийцы упал на капитана. Тот выглядел недовольным, но смирившимся. Калам вызвал в памяти карту Квон-Тали, некоторое время изучал её, затем вздохнул.

— Малаз. Город и остров.

— Никогда прежде не был в этой дыре, — сообщил Элан. — Жду не дождусь. Надеюсь, ты великодушно покажешь мне все достопримечательности, друг мой.

Калам посмотрел на него, затем улыбнулся.

— Можешь на это рассчитывать, Салк Элан.

Они остановились для привала — уже почти привыкли к душераздирающим крикам и воплям из других частей лабиринта. Маппо уложил Икария на землю и встал на колени рядом с бесчувственным телом друга. Жажда, с которой Треморлор тянулся к яггу, ощущалась физически. Трелль закрыл глаза. Безымянные привели нас сюда, поднесли Икария Азату, точно козлёнка — богу холмов. Но не их руки окропятся кровью. Я должен запятнать себя этим деянием.

Он попытался воскресить в памяти образ разрушенного города — своей родины, — но там остались лишь тени. Решимость сменилась сомнениями. Он уже не верил собственным воспоминаниям. Глупость! Икарий прервал бесчётное число жизней. Кто бы на самом деле ни разрушил мой родной город...

Его руки сжались в кулаки.

Моё племя — поплечницы — не предало бы меня. Чего стоят сны Икария? Ягг ничего не помнит. Ничего настоящего. Его хладнокровие размягчает истину, стирает острые грани... смешивает все цвета, покуда память не будет выписана заново. Вот и всё. Это доброта Икария пленила меня...

Сжатые кулаки ныли. Он посмотрел на своих спутников, взгляделся в умиротворённое выражение залитого кровью лица ягга.

Треморлор тебя не получит. Я не позволю так себя использовать. Если Безымянные захотят тебя отдать, пусть приходят сами, и прежде им придётся иметь дело со мной.

Он поднял глаза, всмотрелся в сердце лабиринта. Треморлор. Протянешь к нему свои корни — вкусишь ярости воина-трелля, узришь его боевые сны, в которых древние духи оседлали его плоть в танце разрушения. Это я обещаю — и тем самым предупреждаю.

— Говорят, — пробормотал рядом Скрипач, — что Азаты забирали даже богов.

Маппо посмотрел на солдата исподлобья.

Скрипач прищурился, глядя на пышные стены со всех сторон.

— Какие же Старшие боги, чьи имена забылись за тысячи лет, томятся здесь? Когда они в последний раз видели свет? Когда в последний раз могли пошевелиться? Способен ты представить себе такую вечность? — Он перехватил арбалет поудобнее. — Если Треморлор умрёт... вообрази, какое безумие обрушится на мир.

Трелль помолчал, затем прошептал:

— Что за стрелы ты мечешь в меня?

Скрипач приподнял брови.

— Стрелы? Ничего такого я не хотел. Просто я себя чувствую так, будто на меня плащ из гадюк надели.

— Треморлор не охотится за тобой, солдат.

Скрипач криво улыбнулся.

— Иногда выгоднее быть никем.

— Вот теперь ты точно издеваешься.

Улыбка сапёра померкла.

— Прислушайся к своим чувствам, трелль. Треморлор здесь — не единственный охотник. Каждый пленник в древесных стенах чувствует нас. Они могут шарахаться от вас с Икарием, но такой страх не удержит их от всех остальных.

Маппо отвёл глаза.

— Прости. Я мало думал о других, как ты заметил. Но не считай, что я бы колебался, возникни нужда защитить вас. Не мне преуменьшать честь — быть вашим спутником.

Скрипач резко кивнул, поднялся.

— Солдатский прагматизм. Нужно было выяснить, так или эдак.

— Я понимаю.

— Прости, если обидел.

— Ничего. Просто укол кончиком ножа — ты меня разбудил.

Искарал Прыщ, который сидел на корточках в нескольких шагах от них, начал бормотать, брызгая слюной:

— Мути водичку, да! Тягай его преданность туда-сюда — отлично! Узрите стратегию молчания, покуда жертвы растравляют себя бессмысленными спорами и раздорами. О, да, многому научился у Треморлора и выберу подобную стратегию. Молчание, незаметная, насмешливая улыбка, намекающая, что я знаю больше, чем на самом деле, аура загадочности, да, и сокровенного знания. И никто не догадается, что я теряюсь в догадках среди своих безумных иллюзий и иллюзорных безумств! Слой мрамора да покроет изношенный кусок песчаника. Видишь, как они на меня уставились? Гадают — все гадают, что кроется в моём тайном источнике мудрости...

— Давайте его убьём? — пробормотал Крокус. — Хоть избавим таким образом от страданий.

— И пожертвуем таким развлечением? — проворчал Скрипач. Он снова занял своё место во главе отряда. — Пора идти.

— Разбалтывай секреты, — проговорил верховный жрец совершенно другим голосом, — чтобы они считали тебя бессильным.

Остальные резко обернулись к Искаралу.

Прыщ блаженно улыбался.

Рой ос взлетел над стеной из переплетённых корней, промчался у них над головами и скрылся из виду. Оборотень не обратил на спутников никакого

внимания. Скрипач вздохнул и почувствовал, что сердце возвращается на место в груди. Некоторых д'иверсов он боялся больше, чем прочих. Звери — одно дело, но вот насекомые...

Скрипач взглянул на остальных. Икарий безвольно обвис на руках у Маппо. На голове ягга виднелась кровь. Трелль смотрел за спину сапёру — на здание, которое ждало их. В чертах Маппо сквозила боль — такая открытая, откровенная, что лицо трелля стало похоже на лицо ребёнка, на нём была написана мольба, невыразимо искренняя потому, что оставалась совершенно неосознанной. В такой немой просьбе было очень трудно отказать.

Скрипач встряхнулся, отвлекся от Маппо и его груза. Позади трелля защитным кордоном стояли Апсалар, её отец и Крокус. А за ними — Искарал Прыщ и Псы. Пять пар звериных глаз и одни человеческие горели решимостью — сомнительные союзники у нас в арьергарде, вот и говори про несвоевременный раскол, — и предметом этой решимости было тело на руках у Маппо.

Сам Икарий пожелал такого исхода, и этими словами разбил сердце треллю. Цена покорности — ничто по сравнению с болью отказа. Но Маппо готов отдать жизнь за это, и мы, скорее всего, поступим так же. Никто из нас — даже Апсалар — не настолько бессердечен, чтобы просто стоять и смотреть, как Дом заберёт ягга. Худов дух, мы — дураки, а Маппо — самый большой дурак из всех нас...

— О чём думаешь, Скрип? — спросил Крокус, но по его тону было понятно, что он неплохо представляет себе ответ.

— Есть у сапёров такое выражение, — пробормотал Скрипач, — «дурень лупоглазый».

Даруджиец медленно кивнул.

В других коридорах лабиринта началось пленение. Оборотни — самые сильные, выжившие, те, кто смог забраться так далеко, — начали штурмовать Дом Азатов. В воздухе раскатилась какофония оглушительных криков. Треморлор защищался единственным доступным ему способом — поглощая. Но их слишком много, они приходят слишком быстро. Трещало дерево, разлетались в щепки клетки из корней, звуки были такие, словно целый лес подвергался уничтожению, ветка за веткой, ствол за стволом: неумолимый вал — всё ближе и ближе к самому Дому.

— У нас мало времени! — зашипел Искарал Прыщ, вокруг него возбуждённо вились Гончие. — Твари идут за нами! Твари! Что я непонятного говорю?

— Он ещё может нам понадобиться, — сказал Скрипач.

— Ну да! — воскликнул верховный жрец. — Трелль может его швырнуть, как мешок с зерном!

— Я его могу быстро на ноги поставить, — прорычал Маппо. — У меня с собой ещё несколько эликсиров Дэнула из твоего храма, Искарал Прыщ.

— Пойдём, — сказал сапёр. За ними действительно двигалось какое-то создание, воздух наполнил пряный запах оборотня. Псы отвлеклись от Маппо с Икарием и теперь явно нервничали, переминаясь с лапы на лапу. Коридор резко поворачивал в двадцати шагах от огромных собак.

Прямо из-за угла раздался пронзительный вопль, за ним последовали звуки яростной битвы. И вдруг прекратились.

— Слишком долго ждали! — прошипел Прыщ, пригибаясь позади Псов своего бога. — Вот и он!

Скрипач перехватил арбалет, не сводя глаз с того места, где должен был появиться преследователь.

Но вместо чудовища из-за угла показалось орехово-коричневое создание, которое полуподлетело-полуподбежало к ним. От него тянулись вверх тонкие завитки дыма.

— Ай! — завопил Прыщ. — Они меня преследуют!

Крокус метнулся вперёд, протолкнулся между Шан и Зубцом, будто они были просто парой мулов.

— Моби?

Фамилиар поспешил к даруджийцу и подпрыгнул, чтобы оказаться на руках у юноши. Там он и замер, нервно подёргивая крыльшками. Крокус откинул голову.

— Фу! Воняешь ты, как сама Бездна!

Моби, растреклятый фамилиар... Скрипач перевёл взгляд на Маппо. Трель хмурился.

— Бжок'арал! — Это слово в устах Искарала Прыща звучало грязным ругательством. — Питомец? Питомец? Безумие!

— Фамилиар моего дяди, — объяснил, подходя, Крокус.

Псы попятились с его пути.

О, парень, похоже, всё далеко не так просто.

— Значит, союзник, — сказал Маппо.

Крокус кивнул, хоть и не очень уверенно.

— Худ знает, как он нас нашёл. Как вообще выжил...

— Обманщик! — обвиняюще взвыл Прыщ, подкрадываясь к даруджийцу. — Фамилиар? Ха! Может, спросим у того мёртвого оборотня? Да нет, не выйдет, верно? Его ведь на куски разорвали!

Крокус ничего не сказал.

– Не важно, – сказала Апсалар. – Мы теряем время. Идём в Дом...

Верховный жрец подскочил к ней.

– Не важно?! Что это за изощрённое коварство среди нас? Какое чудовищное предательство зреет между нами? Вот оно – к рубашке этого мальчика прицепилось...

– Хватит! – рявкнул Скрипач. – Хочешь – оставайся здесь, Прыщ. Ты и твои Псы. – Сапёр снова обернулся к Дому. – Что думаешь, Маппо? Никто ещё к нему близко не подошёл – если мы побежим...

– Можем попробовать.

– Думаешь, дверь для нас откроется?

– Не знаю.

– Ну, тогда давай проверим.

Трелль кивнул.

Теперь они уже лучше могли разглядеть Треморлор. Дом окружала невысокая стена, сложенная, похоже, из грубого камня, зубчатого и острого. Единственным проходом в стене оставались узкие ворота, арку над которыми обвили лозы. Сам Дом был рыжегато-коричневым, выстроенным, видимо, из известняка, вход зиял в углублении между двумя приземистыми, асимметричными двухэтажными башнями, в которых не было ни единого оконца. От ворот к укрытой тенью двери вела выложенная каменными плитами тропинка. Двор заполняли шишковатые деревья, каждое из которых венчало небольшой холмик.

Родной брат Мёртвому Дому в городе Малазе. Мало отличается от того, что в Даруджистане. Все они похожи. Все – Азаты, хотя откуда и когда взялось это имя, никто не знает и никогда не узнает.

Маппо тихо заговорил рядом с сапёром:

– Говорят, что Азаты соединяют владения – все владения. Говорят, что само время останавливается в их стенах.

– И двери эти открываются лишь для немногих, по неведомым причинам, – сказал Скрипач и поморщился.

Апсалар вышла вперёд мимо сапёра. Скрипач удивлённо хмыкнул.

– Куда торопишься, девочка?

Она обернулась.

– Тот, кто одержал меня, Скрипач... Азат когда-то принял его.

Верно. И почему же это заставляет меня так нервничать здесь и сейчас?

– Так как это делать? Постучать по-особому? Ключ взять под последним камнем?

Ответная улыбка стала бальзамом для его смятения.

– Нет, нужно кое-что попроще. Отвага.

– Ну, этого у нас хоть отбавляй. Мы же здесь, верно?

– Да, мы здесь.

Апсалар пошла вперёд, и все последовали за ней.

– Твоя раковина... – пророкотал Маппо. – Огромный ущерб понесли одиночники и д'иверсы, и всё ещё несут, похоже. Для Азата этого может оказаться довольно.

– И ты молишься, чтобы так оно и было.

– Да.

– Так почему же эта песнь смерти не уничтожила нас самих?

– Ты меня спрашиваешь, Скрипач? Тот дар был передан тебе, не так ли?

– Да. Я спас маленькую девочку – внучку духовидца.

– Которого духовидца, Скрипач?

– Кимлока.

Полдюжины шагов трелль молчал, затем разочарованно заворчал:

– Девочку, говоришь. Как бы он её ни любил, награда Кимлока куда более весома, чем твоя помощь ему. Более того, она, похоже, предназначалась именно для такого применения – чары песни были аспектированы, Скрипач. Скажи, Кимлок знал, что ты ищешь Треморлор?

– Ну, уж такого я ему не говорил.

– А он к тебе прикасался? Пальцем задел по руке, например?

– Он меня, кажется, просил об этом. Хотел узнать мою историю. Я отказал. Худов дух, Маппо, я не могу точно вспомнить, может, и было какое-то случайное прикосновение.

– Думаю, обязательно должно было быть.

– Если и так, я его прощаю за эту бестактность.

– Я полагаю, это он тоже предвидел.

Хотя Треморлор и сдерживал напор со всех сторон, битва была ещё далеко не закончена, и в некоторых местах треск дерева сопровождал непреклонное движение – всё ближе и ближе.

Апсалар ускорила шаг и нырнула под арку ворот, когда одна из таких невидимых лавин стала приближаться к отряду. В следующий миг – под нарастающий рёв – все они бросились бежать.

– Где? – требовательно выдохнул Скрипач, отчаянно озираясь по сторонам на бегу. – Где он, Худ побери?

Ответом стали внезапные брызги холодной как лёд воды сверху – решительно распахнутый Путь. Из странного, зависшего в воздухе потока – всего в пятидесяти шагах позади – вынырнула огромная голова и пасть дхэнраби, увитого морской травой, водорослями и странными, тонкими ветвями.

Прямо перед чудовищем поднялся рой ос, но был сразу же проглочен целиком.

Из водяного портала вынырнули ещё трое дхэнраби. Пенистые волны испарялись, как только касались корней на земле, но чудовища продолжали извиваться в шипящем потоке.

В памяти Скрипача в один удар сердца встала яркая картина. Море Кансу. Это не одиночник – не один зверь, а стая. Д'иверс. А у меня «руганей» не осталось...

В следующий миг стало ясно, как мало до сих пор показывали себя Гончие Тени. Сапёр почувствовал, как от пяти Псов потекла волна силы: словно дыхание драконов, поток чистого чародейства катился перед пятью зверями, когда они с бешеной скоростью рванулись вперёд.

Шан первой добралась до передового дхэнраби, первой прыгнула в разинутую, зубастую пасть – и исчезла в зияющей тьме. Чудовище молниеносно отдёрилось, и если жуткая морда была способна на удивлённое выражение, именно его и показала.

Следующим до д'иверса добрался Зубец, и дхэнраби метнулся – не для того, чтобы проглотить, но перекусить, разорвать Пса тысячью плоских, зазубренных зубов. Сила Зубца сжалась под нажимом огромных челюстей, но не рассыпалась. В следующий миг Зубец нырнул между зубами в глотку чудовища – начал крушить его изнутри.

Другие Псы занялись оставшимися двумя дхэнраби. Рядом с отрядом держался только Бельмо.

Передовой дхэнраби вдруг забился, его огромное тело извивалось, а поток Пути разваливался вокруг, – туша рухнула в лабиринт, разнося стены, и в обломках зашевелились древние пленники, иссохшие руки потянулись к небу через мутную воду. Второй дхэнраби впал в такую же безумную агонию.

Кто-то схватил Скрипача за руку и резко развернул.

– Быстрее! – прошипел Крокус. Моби по-прежнему цеплялся за его рубашку. – Мы тут не одни, Скрип.

И тогда сапёр увидел, что привлекло внимание даруджийца: справа, за Треморлором, ещё в тысяче шагов, но быстро сокращая расстояние, поднимался рой. Такого Скрипач никогда не видел. Кровные слепни, густая чёрная туча, будто грозовой фронт, кипела и катилась на них.

Оставив позади бьющихся в предсмертных конвульсиях дхэнраби, отряд помчался к Дому.

Когда сапёр нырнул под безлистую арку лозы, он увидел, что Апсалар уже оказалась у двери, сжала руки на широком, тяжёлом кольце засова и попыталась повернуть. Мускулы на предплечьях напряглись от усилия. Набухли.

А затем девушка неуклюже отступила на шаг, словно её презрительно оттолкнули. Когда Скрипач, а за ним Крокус, Маппо с телом Икария, отец Апсалар и Искарал Прыщ с Бельмом добрались до плоского, вымощенного камнем крыльца, она обернулась – на лице Апсалар застыло потрясённое выражение.

Не открывается. Треморлор нас не принял.

Сапёр остановился, развернулся.

Небо было чёрным, живым и быстро падало вниз.

У илистого берега Ватара, там, где батолит снова укрывался плащом известняка, а земля, открывавшаяся с обзорной точки, представляла собой лишь усыпанную валунами, вылизанную ветрами, иссохшую глинистую равнину, они нашли первую яггутскую гробницу.

Мало кто из всадников передового разъезда обратил на неё внимание. Захоронение ничем не отличалось от обычной каменной вешки: могучий вытянутый валун, чуть приподнятый с южной стороны, будто указывал путь через Нэнот-одан к Арэну или какому-то другому, менее древнему поселению.

Капрал Лист в молчании подвёл историка к гробнице, пока остальные готовили канаты, чтобы помочь спустить повозки по крутому склону на равнину.

– Младший сын, – сказал Лист, глядя на примитивную могилу. На его лицо страшно было смотреть, ибо в нём отражалось горе отца, такое острое, будто ребёнок умер только вчера – горе, которое только разрасталось в мучительной чередё двухсот тысяч лет.

А он всё стоит на страже, призрак-яггут. От этого простого, бессловного утверждения у историка почему-то захватило дух. Как же это понять...

– Сколько ему было? – Голос Дукера прозвучал так же безжизненно, как ожидавший их одан.

— Пять. Т'лан имассы выбрали для него это место. Его смерть обошлась бы им слишком дорого, тем более что их ещё ждали остальные родичи. Поэтому они притащили ребёнка сюда — переломали все кости до единой столько раз, сколько позволял маленький скелет, а затем привалили камнем.

Дукер думал, что уже не способен на потрясение, даже на отчаяние, но его горло сжалось от монотонных слов Листа. Воображение историка было слишком ярким, оно принесло ему картины, полные невыносимой печали. Дукер заставил себя отвернуться, посмотрел на то, как трудятся солдаты и виканцы в тридцати шагах позади. Он вдруг заметил, что они работают преимущественно в молчании, говорят только по необходимости, да и то — тихо, до странности лаконично.

— Да, — сказал Лист. — Чувства отца — покров, который не сняло время. Столь могучие, столь мучительные чувства, что даже духи земли вынуждены были бежать. Иначе сошли бы с ума. Колтейну нужно сказать — мы должны быстро уйти отсюда.

— А впереди? На равнине Нэнот?

— Будет хуже. Т'лан имассы погребли под камнем не только ребёнка — ещё живого, всё понимающего.

— Но почему? — Этот вопрос с болью вырвался из горла Дукера.

— Для погрома причины не нужны, сэр, во всяком случае, такие, чтоб выдержали критику. Чуждость опознаётся первой, только она и нужна на самом деле. Земли, власть, упреждающие удары — это всё только оправдания, бытовые обоснования, призванные замаскировать простое отличие. Они — не мы. Мы — не они.

— А яггуты пытались договориться с ними, капрал?

— Не раз, те из них, кто не был глубоко развращён властью, не были Тиранами, но видите ли, яггуты всегда отличались высокомерием, которое брало верх над практическими соображениями, когда они встречались лицом к лицу. Всякого яггута заботили его собственные интересы. Исключительно. Т'лан имассов они воспринимали так же, как муравьёв под ногами, стада на равнинах или даже траву. Вездесущие твари, часть ландшафта. Могучий, молодой народ, каким были т'лан имассы, не мог воспринять это без обиды..

— И оскорбились настолько, что дали бессмертный зарок?

— Думаю, поначалу т'лан имассы не понимали, какой трудной окажется задача — истребить яггутов. Они отличались от имассов и в другом — они не хвалились своей силой. И даже многие их попытки самозащиты были.. пассивными. Стены льда — ледники, они поглощали земли вокруг, даже моря, проглатывали целые континенты, превращали их в непроходимую пустыню, не способную обеспечивать пищу, в которой нуждались смертные имассы.

— И они создали ритуал, который бы сделал их бессмертными..

— И позволил летать, словно пыль, а в эпоху ледников пыли было полно.

Дукер увидел Колтейна, который стоял на обочине дороги.

— Сколько идти, — спросил он юношу, — чтобы покинуть эту зону... горя?

— Две лиги, не больше. Дальше лежат степи Нэнота, холмы.. племена, которые ревниво оберегают свои источники пресной воды.

— Думаю, мне лучше поговорить с Колтейном.

— Так точно.

Сухой Поход, как его называли, сам по себе стал свидетельством горя. Три больших, могучих племени ждали малазанцев. Два из них — трегины и бхиларды — жалили измученную колонну, словно гадюки. С третьим, расположенным в самой западной части равнины — кхундрилами, — непосредственного контакта до сих пор не было, но все понимали, что это ненадолго.

Жалкое стадо, которое сопровождало Собачью цепь, пало на марше: животные просто умирали на ходу, хотя виканские собаки собирались вокруг них с такой яростью, будто готовы были заставить и мёртвых встать, чтобы те шли дальше. При разделке эти туши дали лишь жёсткие полоски жилистого мяса.

К ужасной, мучительной жажде добавился голод, потому что виканцы отказывались забивать своих лошадей и ухаживали за ними с таким красноречивым фанатизмом, что никто не смел с ними спорить. Воины жертвовали собой, чтобы только сохранить жизнь коням. Одну из петиций от Совета Нэттпары вернули аристократу вымазанной в человеческих нечистотах.

Гадюки жалили снова и снова, оспаривая каждую лигу пути; нападения становились всё более жестокими и частыми, пока не стало очевидно, что всего через несколько дней предстоит большая битва.

По пятам за колонной двигалась армия Корболо Дома, в её ряды влились подкрепления из Тарксиана и других прибрежных поселений, так что теперь войско врага в пять раз превосходило Седьмую вместе с виканскими кланами. То, что Кулак-отступник не спешил ввязываться в бой, позволяя равнинным племенам изматывать малазанцев, само по себе выглядело зловеще.

Корболо наверняка примет участие в неизбежной битве и готов подождать.

Собачья цепь, пополнившаяся беженцами из Билана, тащилась вперёд, пока не оказалась на краю Нэнот-одана — там, где равнину опоясывала гряда холмов с юга. Торговая дорога вела через единственную подходящую долину широкой реки между Билан'шийскими и Санифирскими холмами. Дорога шла там семь лиг, выбираясь на равнину, где высился древний тель Санимона, а затем отгибала его по краю Санит-одана и выходила на равнину Гэлиин, Доджал-одан и после — сам Арэн.

Никакая армия из Арэна не выдвинулась им навстречу из долины Санимона. На закате глубокое чувство одиночества опустилось на колонну, словно саван,

— когда свет умирающего дня очертил на холмах два огромных лагеря кочевников — основные силы трегингов и бхилардов.

Значит, здесь, в древней долине... здесь всё и случится.

— Мы умираем, — пробормотал Сон, когда они с историком брели на очередной сбор. — И я не фигурально выражаюсь, дед. Я сегодня потерял одиннадцать солдат. Горло так опухло от жажды, что они задохнулись. — Он отмахнулся от жужжавшей перед лицом мухи. — Худов дух, я потом обливаюсь в доспехах — когда всё закончится, мы все станем похожи на т'лан имассов.

— Не могу сказать, что эта аналогия мне нравится, капитан.

— Этим ты меня не удивил.

— Конская моча. Вот что виканцы теперь пьют.

— Ага, мои тоже. Ржут во сне, и некоторые от неё уже умерли.

Мимо пробежали три собаки — огромный пёс по кличке Кривой, сука и маленькая комнатная собачка.

— Эти нас переживут... — протянул Сон. — Проклятые твари!

Небо потемнело, сквозь лазурную дымку пробивались первые звёзды.

— О боги, я устал.

Дукер кивнул. О да, друг мой, мы прошли долгий путь, а теперь стоим лицом к лицу с Худом. Уставших он забирает так же охотно, как и отважных. Всех встречает одной и той же улыбкой.

— Что-то сегодня в воздухе, историк. Чувствуешь?

— Да.

— Может, Путь Худа становится ближе.

— Вот точно такое ощущение.

Они добрались до штабного шатра, вошли.

Привычные лица. Нихил и Бездна, последние оставшиеся колдуны; Сульмар и Ченнед, Балът и сам Колтейн. Все стали только иссохшей тенью воли и силы, которой когда-то лучились.

— А где Промашка? — спросил Сон, усаживаясь на свой обычный походный стул.

— Слушается своего сержанта, наверное, — ответил Балът со слабой ухмылкой.

Колтейн не тратил времени на пустую болтовню.

— Что-то приближается и произойдёт сегодня ночью. Колдуны это почувствовали, но больше ничего сказать не могут. Нам нужно подготовиться.

Дукер взглянул на Бездну.

— А какое чувство?

Она пожала плечами, затем вздохнула.

— Смутное. Тревожное, даже гневное... не знаю, историк.

— Ты когда-нибудь прежде чувствовала что-то подобное? Хотя бы отдалённо?

— Нет.

Гневное.

— Беженцев перевести поближе, — приказал Колтейн капитанам. — Удвоить караулы..

— Кулак, — сказал Сульмар, — завтра будет битва...

— Да, нужен отдых. Я знаю. — Виканец начал расхаживать из стороны в сторону, но медленнее, чем обычно. Его походка утратила и лёгкость, звериную грацию. — Хуже того, мы страшно ослабели, бочонки разошлись, воды нет.

Дукер вздрогнул. Битва? Нет, завтра будет бойня. Солдаты не могут драться, не могут защищаться. Историк кашлянул, хотел заговорить, но промолчал. Одно слово, но произнести его — значит подарить им жесточайшую иллюзию. Одно слово.

Колтейн смотрел на него.

— Не можем, — тихо сказал он.

Я знаю. Для бунтовщиков, как и для нас, всё это может закончиться только кровью.

— Солдатам не хватит сил, чтобы выкопать окопы, — произнёс Сон в тяжёлой от общего понимания тишине.

— Ну, хоть ямы тогда.

— Так точно.

Ямы. Чтобы ломать ноги коням, бросать ревуших животных в пыль.

Этим сбор и закончился, внезапно, потому что воздух вдруг стусился и неведомая угроза проявилась в тонком скрипе, каком-то маслянистом тумане, который раскатился в воздухе.

Колтейн первым вышел наружу — и обнаружил, что напряжённая атмосфера в десять раз сильнее под поблёскивающим куполом неба. Лошади ржали. Собаки выли.

Солдаты поднимались, словно призраки. Зазвенело оружие.

На открытом пространстве непосредственно за самой дальней заставой воздух с диким, ревущим звуком разорвался.

Из разлома выехали три бледных коня, затем ещё три, все в сбруе, все громко ржали от ужаса. За ними выкатился массивный фургон, обожжённый огнём, кричаще раскрашенный левиафан на шести колёсах, каждое из которых было выше человеческого роста. Словно густые космы шерсти, дым поднимался от фургона, самих коней и трёх фигур на козлах.

Белая упряжка шла галопом — будто на полной скорости удирала от чего-то на Пути, с которого пришла. Фургон сильно накренился, когда кони устремились к заставе.

Виканцы бросились врассыпную.

Дукер ошеломлённо смотрел, как все трое натянули поводья, завопили, откинулись на спинку подсакивающей скамьи на козлах.

Кони взрыли землю копытами, остановились, а огромный фургон повернулся за ними, подняв тучу дыма, пыли и эманации, в которой историк с тревогой опознал тот самый гнев. Гнев, который, как теперь понял Дукер, принадлежал Пути — и его богу.

За первым фургоном появился второй, затем третий, все разворачивались в разные стороны, чтобы не столкнуться.

Как только передний фургон окончательно остановился, оттуда посыпались фигуры — одетые в доспехи мужчины и женщины кричали, отдавали приказы, которых, кажется, никто не слушал, и размахивали почерневшим, мокрым оружием.

В следующий миг, когда остановились другие два экипажа, громко прозвенел колокол.

Бешеная на первый взгляд, бессмысленная активность фигур тут же прекратилась. Оружие опустили, и во внезапно наступившей тишине звучало только затухающее эхо колокола. Взмыленные кони фыркали, били копытами, трясли головами, прями ушами и широко раздували ноздри.

Передний фургон стоял всего в пятнадцати шагах от того места, где были Дукер и остальные.

Историк заметил отрубленную руку, которая цеплялась за выступающую часть фургона. В следующий миг она упала на землю.

Открылась маленькая дверца, и из неё появился человек, с трудом протискиваясь объёмистым телом через небольшой проём. Он был облачён в

мокрые от пота шелка. Его круглое блестящее лицо выдавало следы какого-то огромного, всепоглощающего усилия. В руке он держал закупоренную бутылку.

Выбравшись наружу, он обернулся к Колтейну и поднял бутылку.

— Вам, сударь, — произнёс он по-малазански со странным акцентом, — за многое предстоит ответить. — Затем незнакомец ухмыльнулся, открыв ряд золотых, утыканных мелкими бриллиантами зубов. — Ваши свершения потрясли Пути! Вести о вашем походе, как огонь, летят по улицам Даруджистана, а равно, не сомневаюсь, и всякого другого города, как бы далеко он ни лежал! Вы хоть представляете, сколько людей одолевают своих богов молитвами за вас? Сундуки переполнены! Составлены грандиозные планы спасения! Созданы мощные организации, представители которых обратились к нам, то есть к Тригалльской торговой гильдии, чтобы оплатить наше опасное странствие, — хотя, — добавил он чуть тише, — все наши странствия опасны, потому и плата столь велика. — Он откупорил бутылку. — Великий град Даруджистан и его достойнейшие жители — вмиг отбросившие жадные притязания вашей Империи на себя и своих близких — преподносит вам этот дар! При помощи наших акционеров... — Он помахал рукой мужчинам и женщинам, которые теперь собрались у фургона. — ...из Тригалля — самых капризных, самых жадных созданий, каких только можно вообразить, но, впрочем, это ведь не так важно, мы ведь здесь, не так ли? Преступно было бы сказать, что жители Даруджистана не верят в чудеса, а вы, милостивый государь, воистину чудо!

Несообразный человек шагнул вперёд и внезапно сделался серьезнее. Он тихо заговорил:

— Алхимики, маги, чародеи, все пожертвовали — предоставили нам сосуды, вместимостью много превосходящие свой скромный внешний вид. Колтейн из Вороньего клана, из Собачьей цепи, я привёз вам пищу. Я привёз вам воду.

Карполан Демесанд оказался одним из первооснователей Тригалльской торговой гильдии, жителем маленького укрепленного города Тригалля, расположенного к югу от равнины Ламатат в Генабакисе. Гильдия, рожденная в сомнительном союзе между горсткой магов, среди которых был и сам Карполан, и покровителями города — разношерстной компанией бывших пиратов и грабителей, — специализировалась на экспедициях столь рискованных, что ни один благоразумный торговец и не подумал бы их предпринять. Каждый караван был защищён тяжеловооружённым отрядом акционеров — охранников, которые получали прямые проценты со сделки, что должно было обеспечить сколь возможно полное использование всех их способностей. И такие способности оказывались более чем необходимы, ибо Тригалльская торговая гильдия — как можно было понять с самого начала — странствовала по Путям.

— Мы, конечно, знали, что дело предстоит нелёгкое, — говорил Карполан Демесанд с блаженной, блистающей улыбкой, сидя в шатре Колтейна, с одним лишь Кулаком и Дукером, поскольку остальные трудились снаружи, чтобы побыстрее распределить живительные припасы. — Но зловонный Путь Худа завернулся вокруг вас тесней, чем саван на трупе... прошу прощения за такой образ. Ключ — ехать спешно, ни за что не останавливаться, а потом убираться вон так быстро, как только может человек. Я в первом фургоне

выбираю дорогу, используя все свои чародейские дарования – утомительное странствие, не спорю, однако же, повторяюсь, услуги наши недёшевы.

– Я всё ещё не могу поверить, – проговорил Дукер, – что жители Даруджистана, лежащего от нас за полторы тысячи лиг, вообще знают о том, что здесь происходит, не говоря уж о том, что им не всё равно.

Карполан хитро прищурился.

– Ну, что ж, возможно, я слегка преувеличил – под влиянием момента, признаюсь. Вы должны понять – солдаты, которые совсем недавно собирались покорить Даруджистан, сейчас воюют против Паннионского Домина, тирания которого с огромным удовольствием поглотила бы Град Голубых Огней. Дуджек Однорукий, некогда Кулак Империи, объявленный ныне вне закона, стал нашим союзником. И это определённые особы в Даруджистане хорошо знают и горячо приветствуют...

– Но это не всё, – тихо проговорил Колтейн.

Карполан улыбнулся второй раз.

– Правда же, вода великолепная? Позвольте вам налить ещё чашечку.

Они ждали, глядя, как торговец наполняет три оловянные кружки на столе между ними. Закончив, Карполан вздохнул и откинулся на спинку мягкого кресла, которое для него выгрузили из фургона.

– Дуджек Однорукий. – Имя прозвучало, с одной стороны, как благословение, с другой – со страхом. – Он шлёт вам привет, Кулак Колтейн. Наш филиал в Даруджистане невелик, недавно открылся, как вы понимаете. Мы не рекламируем свои услуги. Открыто, во всяком случае. Честно говоря, эти услуги частенько носят довольно секретный характер. Мы торгуем не только материальным товаром, но добываем информацию, доставляем дары, перевозим людей... и других созданий.

– Дуджек Однорукий организовал эту операцию, – заключил Дукер.

Карполан кивнул.

– При финансовой поддержке некой ложи в Даруджистане, да. Его слова таковы: «Императрица не может терять таких военачальников, как Колтейн из Вороньего клана». – Торговец ухмыльнулся. – Невероятно для изгоя, над которым довлеет смертный приговор, не так ли? – Он наклонился вперёд и вытянул руку ладонью вверх. На ней вдруг возникло нечто – маленькая вытянутая бутылочка дымчатого зелёного стекла на серебряной цепочке. – И от до ужаса таинственного мага из «Мостожогов» прибыл этот дар. – Торговец протянул бутылочку Колтейну. – Для вас. Носите. Никогда не снимайте, Кулак.

Виканец нахмурился и не шевельнулся, чтобы принять подарок. Карполан грустно улыбнулся.

– Дуджек готов использовать преимущество старшего по званию, друг мой...

– Изгой вспомнил о званиях?

– О да, признаюсь, я высказал такие же сомнения. Его ответ: «Никогда не недооценивай Императрицу».

Наступила тишина, значение которой постепенно начало вырисовываться в голове историка. Завязнув в войне против целого континента... наткнуться на ещё большую угрозу – Паннионский Домин... будет ли Империя биться против этой враждебной страны в одиночку? Но... как сделать союзников из врагов, как объединиться против большего врага с минимальными потерями и недоверием? Объяви вне закона свою оккупационную армию, чтобы у неё «не было другого выбора», кроме как выйти из тени Ласиин. Дуджек, верный, преданный Дуджек – даже злонамеренный план уничтожить всю Старую гвардию – глупость и бредовая идея Тайшренна – не смогли его оттолкнуть. И вот теперь у него есть союзники – бывшие прежде врагами. Возможно, даже сами Каладан Бруд и Аномандр Рейк... Дукер повернулся к Колтейну и увидел то же понимание на его исхудавшем, суровом лице.

Виканец протянул руку и принял подарок.

– Императрица не может вас потерять, Кулак. Носите это, сударь. Всегда. И когда придёт время, разбейте – о собственную грудь. Даже если это будет ваше последнее действие, хотя я бы не рекомендовал оттягивать так долго. Таковы были безумные наставления его создателя. – Карполан снова ухмыльнулся. – И каков человек – этот создатель! Джужина Взшедших дорого бы дала, чтоб получить его голову на блюде, выцарапать ему глаза, вырвать язык и зажарить с перцем, уши запечь...

– Картина ясна, – перебил его Дукер.

Колтейн накинул цепочку на шею, а бутылочку спрятал под кожаную рубаху.

– Страшная битва ждёт вас на рассвете, – сказал через некоторое время Карполан. – Я не могу остаться – и не останусь. Хотя я сам – маг высшего ордена, хоть и торговец безжалостного коварства, но должен признаться вам, господа: я сентиментален. Просто не смогу смотреть на такую трагедию. Более того, нам необходимо доставить ещё кое-что, прежде чем отправиться в обратный путь, и это потребует всех моих умений; даже их может оказаться едва достаточно.

– Я никогда прежде не слышал о такой Гильдии, Карполан, – сказал Дукер, – но с радостью бы послушал когда-нибудь о ваших приключениях.

– Быть может, такая возможность и представится в будущем, историк. Теперь же я слышу, что мои акционеры уже собираются, и мне следует оживить и успокоить коней – хотя, справедливости ради, следует заметить, что они, кажется, приобрели вкус к дикому ужасу. Мало чем отличаются от нас, верно? – Он поднялся.

– Спасибо тебе, – проворчал Колтейн, – и твоим акционерам.

– Передать ли что-то Дуджеку Однорукому, Кулак?

Ответ виканца поразил Дукера, вонзил в сердце клинок подозрения, который останется там надолго – холодный и страшный.

– Нет.

Глаза Карполана на миг распахнулись, затем он кивнул.

– Увы, нам пора отправляться в дорогу. Да заплатят ваши враги высочайшую цену утром, Кулак.

– Заплатят.

Внезапное изобилие не могло, конечно, в один миг восстановить все силы, но на заре армия поднялась с той спокойной готовностью, какой Дукер не видел с Гэлоровой гряды.

Беженцы остались в тесном ущелье к северу от устья долины. Подступы охраняли кланы Куницы и Дурного Пса, которые расположились на склоне напротив выстроившихся сил Корболо Дома. Против каждого виканского всадника готовы были выступить тридцать солдат-бунтовщиков, и неизбежный исход такого столкновения представлялся настолько очевидным, настолько безжалостно ясным, что паника волнами расходилась по толпам беженцев, безнадежно металась в стенах ущелья, огласившегося стонами отчаяния.

Колтейн собирался пробиться через заслон кочевников в устье долины – и быстро, поэтому поставил свой Вороний клан и большую часть Седьмой впереди. Только стремительный и решительный прорыв оставлял шанс на спасение кланам арьергарда и самим беженцам.

Дукер сидел на своей изнурённой кобыле посреди пологого склона к востоку от дороги, откуда были видны лишь два виканских клана на севере – войска Корболо Дома скрывались где-то за ними.

Фургоны Тригалльской торговой гильдии уехали, исчезли в последние минуты темноты, прежде чем горизонт на востоке окрасился первым светом утра.

Капрал Лист подъехал к историку и натянул поводья.

– Доброе утро, сэр! – сказал он. – Пора года сменяется – новый запах в воздухе. Чувствуете?

Дукер недоверчиво посмотрел на него.

– Такому молодому человеку, как ты, не следует сегодня быть таким радостным.

– А такому старому деду, как вы, – столь унылым, сэр.

– Ах ты, Худом деланный выскочка! Я с тобой по-доброму, а ты о себе что возомнил?

Ухмылка Листа была вполне выразительным ответом. Дукер прищурился.

– И что же тебе сообщил этот твой яггутский призрак, Лист?

– То, чего сам никогда не имел, историк. Надежду.

– Надежду? Как, откуда? Неужели приближается Пормкваль?

– Этого я не знаю, сэр. Думаете, такое возможно?

– Нет, не думаю.

– Я тоже, сэр.

– Так о чём же ты, клянусь волосатыми бубенцами Фэнера, болтаешь, Лист?

– Сам не знаю, сэр. Я просто проснулся и почувствовал.. – Он пожал плечами. – Почувствовал, будто меня благословили, будто бог меня коснулся, что-то в этом роде..

– Неплохой способ встретить свой последний рассвет, – со вздохом пробормотал Дукер.

Трегины и бхиларды готовились к бою, но внезапный вой рогов Седьмой показал, что Колтейн не намерен вежливо их дожидаться. Копейщики и конные лучники Вороньего клана устремились вперёд по мягкому склону к восточному холму бхилардов.

– Историк!

Что-то в голосе капрала заставило Дукера обернуться. Лист не обращал никакого внимания на атаку Вороньего клана – он смотрел на северо-запад, где только что возникло новое племя: всадники скакали врассыпную, и число их было огромно.

– Кхундрилы, – сказал Дукер. – Говорят, они самое могучее племя к югу от Ватара – а теперь мы и сами это видим.

Рядом застучали копыта, и, обернувшись, они увидели, что приближается сам Колтейн. Выражение лица Кулака было безучастным, почти спокойным, когда он смотрел на северо-запад.

У позиций арьергарда начались стычки – пролилась первая кровь этого дня, скорее всего – виканская. Беженцы уже начали двигаться на юг с такой яростной надеждой, которая, казалось, сама по себе способна открыть выход из долины.

Десятки тысяч кхундрилов разделились на две плотные группы: одна расположилась непосредственно к западу от устья Санимона, другая – дальше к северу, на фланге армии Корболо Дома. Между ними осталась небольшая группа военных вождей, которые теперь ехали прямо к всхолмью, на котором стояли Дукер, Лист и Колтейн.

– Похоже, они желают личного единоборства, Кулак, – сказал Дукер. – Нам лучше поскакать обратно.

– Нет.

Историк обернулся. Колтейн уже вытащил сулицу и поправлял покрытый чёрными перьями щит на левом предплечье.

– Будь ты проклят, Кулак, – это же безумие!

– За языком следи, историк, – рассеянно проронил виканец.

Взгляд историка зацепился за серебряную цепочку на шее Колтейна.

– Что бы ни делал этот подарок, он сработает только один раз. Сейчас ты ведёшь себя как виканский военный вождь – не как Кулак Империи.

При этих словах Колтейн молниеносно обернулся, и историк обнаружил, что остриё сулицы щекочет ему горло.

– И когда же мне, – проскрежетал Колтейн, – можно будет выбрать, как я хочу умереть? Думаешь, я воспользуюсь этой треклятой стекляшкой? – Высвободив левую руку, он сорвал с шеи цепочку. – Сам носи её, историк. Всё, что мы сделали, ничего не даст миру, если история не будет рассказана. Худ побери Дуджека Однорукого! Худ побери Императрицу! – Он швырнул бутылочку Дукеру, и та приземлилась точно в ладонь правой руки. Пальцы историка сомкнулись, он почувствовал змеиную гладкость цепочки на мозолях. Остриё копья у горла не шелохнулось.

Они сверлили друг друга глазами.

– Прошу прощения, Кулак, – сказал Лист. – Похоже, речь идёт не о поединке. Если вы изволите посмотреть...

Колтейн отвёл прочь оружие, развернулся.

Кхундрильские вожди ждали, выстроившись в ряд на расстоянии тридцати шагов перед ними. Под шкурами и фетишами они были облачены в странные сероватые доспехи, которые делали их похожими на рептилий. Длинные усы, завязанные узлом бороды и тугие косицы – чёрные как смоль – скрывали их лица, оставляя лишь небольшие полоски загорелой кожи на высоких скулах.

Один подъехал чуть ближе на своём пони и заговорил на ломаном малазанском:

– Чернокрыл! Как ты думать свой шанс сегодня?

Колтейн повернулся в седле, посмотрел на тучи пыли на севере и юге, затем снова сел прямо.

– Биться об заклад не буду.

– Мы долго ждали этот день, – сказал вождь. Он привстал в стременах и указал на южные холмы. – Трегины и бхиларды вместе сегодня. – Он махнул рукой на север. – И кан'эльды, и семаки, да даже титтанцы – что от них

осталось. Великие племена южных оданов, но кто из них самый могучий? Ответ даст этот день.

— Тогда вам лучше поспешить, — сказал Дукер.

У нас скоро не останется солдат, на которых ты сможешь показать свою удаль, самодовольный ты ублюдок.

Колтейн, казалось, подумал о том же, хотя голос его звучал холодно.

— Вопрос этот твой, а ответ меня не интересует.

— Неужто такие вещи не интересны кланам виканцев? Неужто сами вы не племя?

Колтейн медленно опустил древко сулицы в проушину.

— Нет. Мы — солдаты Малазанской империи.

Худов дух, я до него достучался!

Вождь невозмутимо кивнул, словно ответ его не удивил.

— Тогда будь внимателен, Кулак Колтейн, когда будешь решать этот день.

Всадники развернулись и поскакали обратно к своим воинам.

— Мне кажется, — проговорил Колтейн, оглядываясь, — ты выбрал хорошую точку обзора, историк. Я останусь здесь.

— Кулак?

Тонкие губы Колтейна дрогнули в улыбке.

— Ненадолго.

Вороний клан и Седьмая выложились, но силы, удерживавшие устье долины — от высот по сторонам до самого дна долины, — не сдавались. Собачья цепь сжималась между молотом Корболо Дома и наковальной трегинов и бхилардов. Поражение было лишь вопросом времени.

Действия кхундрилов изменили всё. Ибо они явились не для того, чтобы принять участие в избиении малазанцев, но чтобы дать ответ на вопрос, который поставили их гордость и честь. Южная группировка обрушилась на позиции трегинов, словно серп мстительного бога. Северная стала копьем, которое глубоко вонзилось во фланг армии Корболо Дома. Третья группа, которой раньше было не видно, вышла из долины в тыл к бхилардам. Через несколько минут после начала синхронных атак по всем фронтам малазанские солдаты обнаружили, что им уже никто не оказывает сопротивления, хотя вокруг бушует хаос битвы.

Армия Корболо Дома быстро оправилась, перестроилась с такой точностью, с какой только смогла, и обратила хундрилов в бегство после четырёх часов яростного боя. Одной цели, тем не менее, кхундрилы добились: семаки, кан'эльды и остатки титтанцев были разгромлены.

— Половина ответа, — пробормотал в этот момент Колтейн, и в его голосе звучало глубокое потрясение.

Южные силы сломали трегинов и бхилардов на час позже и бросились преследовать бегущих врагов.

Когда до заката оставался всего час, одинокий вождь кхундрилов подъехал к ним лёгким галопом. Когда он приблизился, Дукер опознал в нём утреннего визитёра. Он побывал в бою и был залит кровью, по меньшей мере, наполовину — собственной, однако же в седле держался прямо.

Он натянул поводья в десяти шагах от Колтейна. Кулак заговорил:

— Похоже, у вас есть ответ.

— Есть, Чернокрыл.

— Кхундрилы.

По грубому лицу воина пробежало удивление.

— Ты оказываешь нам честь, но нет. Мы хотели сломить того, кого зовут Корболо Домом, но не смогли. Ответ не «кхундрилы».

— Так вы чествуете Корболо Дома?

Вождь при этих словах сплюнул и потрясённо заворчал:

— Нижние духи! Не может быть, что ты такой глупец! Ответ этого дня... — Вождь выхватил свой тальвар из кожаных ножен. Оказалось, что лезвие сломано в десяти дюймах от рукояти. Кхундрил поднял клинок над головой и заревел: — Виканцы! Виканцы! Виканцы!

Глава двадцатая

Эта тропа опасна,
врата, к коим ведёт она,
подобна трупу,
над которым десять тысяч

кошмаров препираются

в бесплодной распре.

Трут Сэн' ал' Бхок' арал. Тропа

Над ними вились чайки — первые за долгое время. На горизонте впереди, прямо по курсу на юго-юго-восток, появилось неровное пятно, которое быстро росло в надвигающихся сумерках.

На небе не было ни облачка, а ветер дул крепкий и ровный.

Салк Элан подошёл к Каламу, который стоял на баке. Оба кутались в плащи, чтобы укрыться от ритмично вздымающихся от носа «Затычки» брызг. Для моряков на палубе эта картина — две чёрные фигуры на носу, словно пара Великих воронов, — выглядела дурным предзнаменованием.

Не знавший этого Калам продолжал смотреть на приближавшийся остров.

— К полуночи, — с громким вздохом сообщил Салк Элан. — Древняя колыбель Малазанской империи.

Убийца фыркнул.

— Древняя? Да сколько же, по-твоему, лет Империи? Худов дух!

— Ладно, признаю, с романтикой вышел перебор. Я просто пытался войти в настроение...

— Зачем? — буркнул Калам.

Элан пожал плечами.

— Без особых на то причин, если не считать общего тревожного ощущения ожидания и даже нетерпения.

— О чём тревожиться?

— Ты мне скажи, друг мой.

Калам поморщился, но промолчал.

— Итак — город Малаз, — продолжил Салк Элан. — Чего мне стоит ожидать?

— Представь себе свинарник у моря — и хватит. Гнилое, вонючее, кишасщее паразитами болото...

— Ладно, ладно! Прости, что спросил!

— Капитан?

– Увы, без изменений.

И почему я не удивлён? Колдовство – о боги, как же я ненавижу колдовство!

Салк Элан опёрся длиннопальными руками о планширь, в очередной раз подтверждая свою любовь к зелёным самоцветам в безвкусных, массивных кольцах.

– Быстрый корабль доставит нас в Унту дня за полтора...

– А это ты откуда знаешь?

– У матроса спросил, Калам, откуда ещё? Этот твой просоленный приятель, который притворяется первым помощником, – как бишь там его зовут?

– Я не спрашивал.

– Истинный, редчайший талант.

– Ты о чём?

– О твоей способности убивать собственное любопытство, Калам. С одной стороны, весьма практично, с другой – смертельно опасно. Понять тебя тяжело, а предсказать – ещё труднее...

– Это верно, Элан.

– Но я тебе нравлюсь.

– Да ну?

– Ну да. И я рад, потому что это для меня важно...

– Если ты по этим делам, Элан, иди – найди себе морячка.

Тот улыбнулся.

– Я не то имел в виду, и ты, разумеется, это хорошо понимаешь, просто не можешь удержаться от подначек. Я всего-то хотел сказать, что мне очень приятно знать: я нравлюсь человеку, которым восхищаюсь...

Калам развернулся.

– Чем ты восхищаешься, Салк Элан? Ты в своих смутных предположениях убедил себя, что я падок на лесть? Зачем ты так настойчиво втираешься в доверие?

– Убить Императрицу будет нелегко, – ответил он. – Но только представь себе успех! Добиться того, что все почитали невозможным! О да, я хочу быть к этому причастным, Калам Мехар! Быть там, с тобой, вонзить клинок в сердце самой могущественной Империи на свете!

— Ты свихнулся, — проговорил Калам так тихо, что его голос едва перекрыл плеск волн. — Убить Императрицу? И я должен присоединиться к тебе в этом безумии? Не дождёшься, Салк Элан.

— Ох, избавь меня от притворства, — презрительно бросил он.

— Какие чары опутывают этот корабль?

Глаза Салка Элана невольно распахнулись. Затем он покачал головой.

— Это мне не по плечу, Калам. Худ свидетель, я пытался. Обыскал каждый дюйм добычи Пормкваля — ничего.

— А сам корабль?

— Ничего определённого. Слушай, Калам, за нами следит кто-то через Путь — это моя догадка. И этот некто следит за грузом. Лучшей версии у меня нет. Вот и все мои секреты, друг мой.

Калам долго молчал, затем встряхнулся.

— У меня есть связи в Малазе — неожиданное схождение, не по плану, но раз уж так вышло...

— Связи — отлично, они нам понадобятся. Где?

— Есть чёрное сердце в Малазе, чернейшее. Жители его избегают, даже не говорят о нём — и там, если всё пойдёт хорошо, мы дождёмся союзников.

— Дай угадаю: пресловутая таверна «У Зубоскала», которой некогда владел человек, ставший затем Императором, — матросы мне сказали, что еда там отвратительная.

Калам удивлённо уставился на Элана. Один Худ знает, то ли это такой неохватный сарказм, то ли... то ли что?

— Нет, я говорю про Мёртвый Дом. И не внутри, а у ворот, хотя милости прошу, Салк Элан, можешь обследовать двор.

Тот опёрся обеими руками на планширь, прищурился, глядя на тусклые огни города Малаза.

— Учитывая, что ждать твоих друзей придётся долго, возможно, я это сделаю. Вполне возможно.

Судя по всему, мрачной ухмылки Калама он не заметил.

Искарал Прыщ вцепился в кольцо обеими руками, упёрся ногами в дверь и отчаянно потянул, невнятно бормоча от ужаса, — но без толку. Маппо заворчал, переступил через Икария, который лежал на пороге Треморлора, и оторвал жреца от непреклонной преграды.

Скрипач услышал, как трелль, в свою очередь, налегает на засов, но сам не сводил глаз с роя кровных слепней. Треморлор боролся с ними, однако рой неумолимо приближался. Рядом стояла Бельмо, голова поднята, шерсть на загривке дыбом. Остальные четверо Псов вновь возникли на тропе и теперь бежали к воротам Дома. Тень д'иверса текла по ним, словно чёрная вода.

— Она либо открывается от первого касания, либо не открывается вообще, — удивительно спокойным голосом сказала Апсалар. — Отойди, Маппо, пусть все попробуют.

— Икарий пошевелился! — воскликнул Крокус.

— Это из-за опасности, — ответил трелль. — Ох, нижние боги, только не здесь, не сейчас!

— Самое время! — взвизгнул Искарал Прыщ.

Снова заговорила Апсалар:

— Крокус, осталось попробовать только тебе и Скрипачу. Быстро иди сюда.

Молчание сказало Скрипачу всё, что нужно было знать. Он рискнул бросить взгляд назад, туда, где Маппо сидел на корточках над Икарием.

— Приводи его в себя, — сказал сапёр, — иначе всё пропало.

Трелль поднял голову, и Скрипач увидел на его лице мучительные колебания.

— Так близко от Треморлора... Скрипач, риск...

— Что...

Закончить он не успел.

Словно от удара молнии, тело ягга дёрнулось, раздался пронзительный вой. Звук ударил по остальным так, что они покатались по земле. Из свежей раны на голове текла кровь, сомкнутые веки дрожали, словно вот-вот откроются — Икарий вскочил на ноги. Древний однолезвийный меч выскользнул из ножен, клинок окутывала странная, дрожащая дымка.

Гончие и рой д'иверса влетели во двор одновременно. Земля и старые деревья взорвались: в небо устремилась беспорядочная сеть корней и ветвей, словно чёрный парус, она раздувалась всё шире и шире. Другие корни потянулись к Псам — звери завизжали. Бельмо сорвалась с места, оказалась во дворе среди своей стаи.

В этот миг, несмотря на всё увиденное, Скрипач мысленно усмехнулся. Не только Престол Тени знает толк в вероломстве — как же мог Азат удержаться от искушения захватить Гончих Тени?

Кто-то схватил его за плечо.

— Кольцо! — прошипела Апсалар. — Попробуй открыть дверь, Скрип!

Д'иверс обрушился на последнюю, отчаянную защитную стену Треморлора. Дерево затрещало.

Сильные руки толкнули сапёра к двери, но он успел краем глаза заметить, как Маппо, обхватив всё ещё бесчувственного Икария, удерживал ягга, хотя вой становился всё громче, а с ним росла и чудовищная, неудержимая сила. Давление прижало Скрипача к тёмному влажному дереву двери и не давало отодвинуться, презрительно шептало о неизбежном уничтожении. Сапёр, до боли напрягая мышцы, попытался ухватиться за кольцо.

Из самых дальних уголков двора донёсся вой Гончих, торжествующий, яростный звук, который сменился страхом, когда ярость Икария поглотила всё остальное. Скрипач почувствовал, как дерево задрожало, ощутил, как эта дрожь распространяется по всему Дому.

Текущий ручьём пот смешивался с соком Треморлора. Сапёр вложил последние силы в один рывок, направил всю волю на успех, на то, чтобы дотянуться рукой до кольца.

И не смог.

Сзади донёсся новый холодящий кровь звук — кровные слепни начали пробиваться сквозь древесные сети, всё ближе и ближе, ещё миг — и столкнутся со смертоносным гневом Икария — тогда ягг очнётся. Нет другого выбора — и наша гибель будет самой меньшей потерей. Азат, лабиринт и все его пленники... о, Икарий, будь последователен в гневе, не пропусти никого — ради этого мира и всякого другого...

Острая боль пронзила тыльную сторону ладони — Кровные слепни! — но за уколами чувствовался вес. Не укусы, а маленькие когти. Сапёр чуть повернул голову и обнаружил, что смотрит на клыкастую ухмылку Моби.

Фамилиар пополз по руке Скрипача, царапая кожу когтями. Бхок'арал то и дело оказывался словно не в фокусе для глаз сапёра, и с каждым таким помутнением вес на руке становился на миг огромным. Сапёр вдруг понял, что кричит.

Моби перебрался с руки Скрипача на саму дверь, протянул маленькую, морщинистую лапку к кольцу, коснулся его.

Скрипач упал на влажные, тёплые камни пола. Он услышал позади крики, топот сапог, а Дом стонал со всех сторон. Скрипач перевернулся на спину и при этом навалился на какой-то предмет, что-то хрустнуло, треснуло под весом сапёра, обдав его горьким запахом пыли.

А потом внутри разлился смертоносный вой Икария.

Треморлор содрогнулся.

Скрипач вывернулся и сел.

Все они были в передней, известняковые стены испускали желтоватый мерцающий свет. Маппо по-прежнему удерживал Икария, на глазах сапёра

пытался сохранить хватку. В следующий миг ягг вдруг осел, обвис на руках трелля. Золотой свет выровнялся, стены замерли. Гнев Икария миновал.

Маппо опустился на пол, наклонился над бесчувственным телом друга.

Скрипач медленно осмотрелся, чтобы проверить, не потеряли ли они кого. Апсалар сидела на корточках рядом с отцом, спиной к захлопнувшейся двери. Крокус заташил за собой внутрь съёжившегося Искарала Прыща, и теперь верховный жрец оглядывался и моргал, словно не верил своим глазам.

Скрипач хрипло проговорил.

— Что Псы, Искарал Прыщ?

— Спаслись! Но даже будучи преданными, они обратили свои силы против д'иверса! — Он помолчал, втянул ноздрями сырой воздух. — Чувствуешь? Треморлор доволен — забрал д'иверса.

— Предательство могло быть инстинктивным, жрец, — заметила Апсалар. — Пять Взшедших во дворе Дома — огромный риск для самого Треморлора, учитывая склонность Тени к вероломству...

— Ложь! Мы играли честно!

— Раз в жизни и такое бывает, — пробормотал Крокус. Он посмотрел на Скрипача. — Рад, что для тебя Дом открылся, Скрип.

Сапёр встрепенулся, вновь оглядывая комнату.

— Не открылся. Моби открыл дверь и руку мне исполосовал при этом — где этот треклятый недомерок? Он где-то здесь...

— Ты сидишь на трупе, — сообщил отец Апсалар.

Скрипач посмотрел вниз и увидел вокруг кости и истлевшую одежду. Выругавшись, сапёр вскочил.

— Я его не вижу, — сказал Крокус. — Ты уверен, что он попал внутрь, Скрип?

— Да, уверен.

— Наверное, забрался глубже в Дом...

— Он ищет врата! — взвизгнул Искарал Прыщ. — Тропу Ладоней!

— Моби — фамилии...

— Снова ложь! Этот отвратительный бхок'арал — одиночник, глупый ты человек!

— Расслабься. Нет здесь никаких врат, которые могли бы что-то дать оборотню, — медленно поднимаясь, сказала Апсалар, она не сводила глаз с обломков скелета за спиной у Скрипача. — Это, должно быть, Хранитель — у

каждого Азата есть страж, смотритель. Я всегда думала, что они бессмертны.. — Девушка шагнула вперёд. Пнула носком сапога кости, хмыкнула. — Не человек — руки слишком длинные, и суставов слишком много. Это создание могло гнуться в любую сторону.

Маппо поднял голову.

— Форкрул ассейл.

— Самая загадочная из Старших рас. О них нет ни слова в семигородских легендах, которые я слышала. — Апсалар принялась рассматривать помещение.

В пяти шагах от двери коридор открывался Т-образным перекрёстком, а строго напротив входа виднелась двустворчатая дверь.

— Планировка практически идентичная, — прошептала Апсалар.

— Чему? — спросил Крокус.

— Мёртвому Дому в Малазе.

За поворотом послышался топоток, а затем на перекрёстке показался Моби. Бхок'арал захлопал крыльями и взлетел на руки к даруджийцу.

— Он дрожит, — сказал Крокус, обнимая фамилиара.

— Ну, отлично, — проворчал Скрипач.

— Ягг! — прошипел Искарал Прыщ, который стоял на коленях в нескольких шагах от Маппо с Икарием. — Я видел, как ты его душил и ломал — он мёртв?

Трелль покачал головой.

— Без сознания. Не думаю, что он скоро очнётся..

— Так пусть Азат его забирает! Сейчас же! Мы ведь внутри Треморлора. Он нам больше не нужен!

— Нет.

— Глупец!

Где-то снаружи звякнул колокол. Все недоумённо переглянулись.

— Мне не послышалось? — спросил Скрипач. — Колокольчик торговца?

— Какого торговца? — прорычал Прыщ, его глаза подозрительно забегали по сторонам.

Но Крокус кивнул.

— Колокольчик торговца. Ну, как в Даруджистане.

Сапёр подошёл к двери. Изнутри засов легко поддался его руке, и Скрипач распахнул дверь.

Во дворе к небу тянулись тонкие стенки сплетённых корней, они укрывали весь Дом, пересекаясь под странными углами. Со всех сторон от развороченной земли поднимался пар. У ворот стояли три огромных разукрашенных фургона, каждый был запряжён девяткой белых коней. Под аркой стоял полный человек в шёлковых одеждах. Он поднял руку и обратился к Скрипачу по-даруджийски:

— Увы, но дальше я не пойду! Уверяю тебя, вокруг всё спокойно. Я ищу человека по имени Скрипач.

— Зачем это? — отрызнулся сапёр.

— Я привёз дары. Собранные в великой спешке и за большие деньги, смею добавить. Я бы рекомендовал завершить сделку как можно быстрее, учитывая обстоятельства.

Крокус уже стоял рядом со Скрипачом. Даруджиец хмурился, глядя на фургоны.

— Я знаю, кто их сделал, — тихо сказал он. — Бернук, у него мастерская в Озёрном квартале. Но прежде я никогда таких огромных не видел — о боги, как же давно я там не был.

Скрипач вздохнул.

— Даруджистан.

— В этом я уверен, — сказал Крокус, качая головой.

Скрипач вышел наружу и осмотрелся. Как и сказал торговец, вокруг всё выглядело спокойно. Недвижно. Сапёру по-прежнему было не по себе, но он зашагал по тропе к воротам. Остановился в двух шагах от арки и подозрительно оглядел торговца.

— Карполан Демесанд, господин мой, из Тригалльской торговой гильдии, и это поход, о котором мы с акционерами никогда не пожалеем, но надеемся никогда его не повторить. — Было видно, что он очень устал, шёлковые одеяния насквозь промокли от пота. Торговец взмахнул рукой, и облачённая в доспехи женщина со смертельно бледным лицом вышла вперёд с небольшим ящиком в руках. Карполан продолжил: — Это подарок от некоего мага из «Мостожогов», которому описал — весьма вовремя — твоё положение ваш общий капрал.

Скрипач принял коробку и ухмыльнулся.

— Даже представить себе не могу, как сюда можно было это доставить, — заметил он.

— Как и я сам, смею уверить. Но теперь нам пора делать отсюда ноги — ах, что я говорю? — «отправляться в обратный путь», разумеется. Нам пора возвращаться. — Он вздохнул и огляделся по сторонам. — Прощу меня

простить, я столь утомлён, что не могу даже толком поддержать цивилизованную беседу.

— Не стоит извинений, — сказал Скрипач. — Хотя я и понятия не имею, как вы сюда пробрались и как вернётесь в Даруджистан, желаю вам быстрого и счастливого странствия. Ещё только один вопрос: маг не сказал, случайно, откуда происходит содержимое этого ящика?

— О да, господин мой, упомянул! С улиц Града Голубых Огней. Загадочное объяснение, которое, однако, ты мгновенно понял, как я погляжу.

— А маг предупреждал тебя, насколько осторожно следует обращаться с этим ящиком, Карполан?

Торговец поморщился.

— Он сказал, что его не стоит трясти. Тем не менее последний отрезок нашего пути был... не самым ровным. С сожалением признаюсь, что кое-что из содержимого ящика, возможно, разбилось.

Скрипач улыбнулся.

— Рад сообщить тебе, что всё содержимое цело.

Карполан Демесанд нахмурился.

— Но ты ведь ещё не заглядывал внутрь — откуда же ты знаешь?

— Тебе придётся мне просто поверить, господин мой.

Крокус закрыл дверь, когда Скрипач внёс ящик внутрь. Сапёр аккуратно поставил коробку на пол и поднял крышку.

— Ах, Быстрый Бен, — прошептал он, оглядывая лежавшие внутри предметы, — когда-нибудь я храм тебе построю. — Он насчитал семь «руганей», тринадцать каменоломных «трещоток» и четыре «огневика».

— Но как же торговец сюда попал? — спросил Крокус. — Из Даруджистана! Худов Дух, Скрип!

— Знать не знаю. — Сапёр выпрямился, взглянул на остальных. — Я счастлив, друзья мои. Очень счастлив.

— Оптимизм! — проговорил Прыщ так, будто готов был взорваться от негодования. Верховный жрец потянул себя за редкие остатки волос. — Эта вонючая мартышка от ужаса мочится на руки недоумку! А тут — оптимизм!

Крокус теперь держал фамилиара на вытянутых руках и недоверчиво смотрел на тоненькую струйку, которая лилась на каменный пол.

— Моби?

Бхок'арал только смущённо улыбался.

— Одиночник, ты хотел сказать!

— Минутная слабость, — сказала Апсалар, разглядывая ёжащегося от стыда фамилиара. — От понимания того, что на самом деле произошло. Или странное чувство юмора.

— Что ты несёшь? — подозрительно осведомился Искарал Прыщ.

— Он думал, что нашёл Тропу, думал, что сюда его призвало древнее обещание Восхождения — в некотором роде Моби был в этом прав. Бхок'арал у тебя в руках, Крокус, имеет демоническую природу. В своём истинном обличье он мог бы держать тебя так же, как ты его сейчас.

Маппо хмыкнул.

— Ага, понимаю.

— Так, может, просветишь нас? — огрызнулся Крокус.

Апсалар дотронулась до костей носком сапога.

— Треморлору необходим был новый зритель. Дальше нужно объяснять?

Крокус заморгал, снова посмотрел на Моби, который по-прежнему дрожал у него в руках.

— Фамилиар твоего дяди?

— Демон, который в данный момент, видимо, до смерти испугался такой ответственности. Но не сомневаюсь, что он вживётся в эту роль.

Всё это время Скрипач перекалывал морантскую взрывчатку в свой кожаный ранец. Теперь он поднялся и осторожно повесил его на плечо.

— Быстрый Бен думал, что мы найдём здесь портал, врата на Путь...

— Соединить Дома! — каркнул Искарал Прыщ. — Возмутительное безрассудство — этот хитроумный маг меня очаровал, солдат. Ему следовало бы быть служителем Тени!

Он и был когда-то, но это уже не важно. Если твой бог окажется в настроении, он тебе расскажет — но я бы на это особо не рассчитывал...

— Пора найти этот портал...

— На перекрёстке повернуть налево, дойти до двух дверей. Левая ведёт в башню. На второй этаж. — Апсалар улыбнулась.

Скрипач некоторое время смотрел на неё, затем кивнул. Чужие воспоминания...

Моби поскакал первым, он явно восстановил душевное равновесие и даже выказывал что-то вроде собственнической гордости. Сразу за перекрёстком,

в левом коридоре в стене обнаружился альков, в котором висел роскошный чешуйчатый доспех для воина десяти футов ростом и весьма широкого в талии. О боковые стенки ниши опирались два лабриса.[10] Там Моби задержался, чтобы нежно провести маленькой ручкой по железному сапогу, прежде чем с сожалением двинуться дальше. Крокус даже споткнулся, когда это заметил.

Открыв дверь, они попали на первый этаж башни. Каменная винтовая лестница поднималась из центра помещения вверх. На земле у нижней истёртой ступени лежало ещё одно тело: молодая темнокожая женщина выглядела так, будто её положили здесь всего час назад. Одежда её явно была нательной, но доспехов нигде не было видно. Стройное тело испещряли жестокие раны.

Апсалар подошла, присела рядом и положила руку на плечо девушки.

— Я её знаю, — прошептала она.

— Чего? — пробурчал Реллок.

— Память того, кто одержал меня, отец, — сказала она. — Его смертные воспоминания...

— Танзор, — уточнил Скрипач.

Она кивнула.

— Это дочь Дассема Ультора. Похоже, Первый Меч забрал её после того, как Худ закончил ею пользоваться, и принёс сюда.

— Прежде чем нарушить клятву, данную Худу...

— Да, прежде чем Дассем проклял бога, которому прежде служил.

— Это было много лет назад, Апсалар, — сказал Скрипач.

— Я знаю.

Все молчали, разглядывая тонкую юную девушку, лежавшую у подножия лестницы. Маппо чуть передвинул тело Икария в руках, словно почувствовал, что невольно повторяет давнюю историю — пусть даже все вокруг понимали, что он никогда не поступил бы со своим другом так, как Дассем Ультор — с дочерью.

Апсалар выпрямилась и посмотрела на ступени.

— Если память Танзора не подводит, портал нас ждёт.

Скрипач повернулся к остальным.

— Маппо? Ты пойдёшь с нами?

— Да, хотя, наверное, не всю дорогу — если, конечно, возможно покинуть этот Путь, когда пожелаешь...

– Интересное предположение, – сказал сапёр.

Трелль просто пожал плечами.

– Искарал Прыщ?

– О да. Конечно, разумеется! Почему бы нет, почему вообще нет? Идти обратно по лабиринту? Безумие! Искарал Прыщ кто угодно, но не безумец, как вам всем хорошо известно. Да, я пойду с вами... и добавлю в одних лишь своих мыслях: быть может, ещё возникнет подходящий момент для предательства! Кого предать? Что предать? Разве это важно? Не достижение цели приносит истинное наслаждение, а процесс!

Скрипач перехватил суровый взгляд Крокуса.

– Не своди с него глаз, – сказал сапёр.

– Само собой.

Сапёр покосился на Моби. Фамилиар тихо сидел у двери, играя с собственным хвостиком.

– Как попрощаться с бхок'аралом?

– Сапогом под зад дать – как же ещё? – предложил Искарал Прыщ.

– Хочешь вот с этим попробовать? – поинтересовался Скрипач.

Верховный жрец поморщился, но с места не сдвинулся.

– Он ведь был рядом, когда мы ехали через бурю, да? – проговорил Крокус, подходя к маленькому сморщенному созданию. – Помнишь битвы, которых мы не могли увидеть? Он нас защищал... всё время.

– Да, – сказал сапёр.

– Низменные мотивы! – прошипел Искарал Прыщ.

– Тем не менее.

– О боги, ему же будет так одиноко! – Крокус взял бхок'арала на руки. Ничего постыдного в слезах на глазах юноши не было.

Моргая, Скрипач отвернулся, поморщился, глядя на лестницу.

– Толку нет растягивать прощание, Крокус, – сказал он.

– Я придумаю способ тебя навестить, – прошептал даруджиец.

– Подумай о том, что видишь, Крокус, – сказала Апсалар. – Он выглядит вполне довольным. Что до одиночества, откуда ты знаешь, что это будет так? Есть и другие Дома, другие смотрители.

Юноша кивнул. Медленно посадил фамилиара обратно на пол.

— Надеюсь, хрупкой посуды тут нет.

— Что?

Крокус улыбнулся.

— Моби всегда не везло с глиняной посудой, или, точнее сказать, наоборот.
— Он коснулся ладонью круглой лысой головки бхок'арала, затем распрямился. — Идём.

Бхок'арал смотрел, как отряд поднимается по лестнице. В следующий миг наверху раскатилась полуночная вспышка, и они исчезли. Фамилиар прислушался, склонив голову набок, но в комнате наверху не было слышно ни звука.

Ещё несколько минут он сидел неподвижно, лениво теребя собственный хвостик, а затем развернулся и заковылял по коридору, пока не остановился перед доспехами в алькове. Массивный закрытый шлем шевельнулся с тихим скрипом, из него послышался резкий голос:

— Я рад, что моему одиночеству пришёл конец, малыш. Треморлор от всего сердца приветствует тебя... хоть ты и испачкал пол в передней.

Пыль и щебень вылетели из-под копыт и ударились в щит Дукера, когда виканский всадник упал на землю и покатился, остановившись у самых ног историка. Совсем мальчик, он казался таким умиротворённым, глаза закрыты, будто спит. Но для этого юноши все сны уже закончились.

Дукер перешагнул через тело и остановился в туче пыли, которую оно подняло. Короткий меч в правой руке покрывала подсыхающая кровь, так что каждый раз, когда историк менял хват, раздавался густой хлюпающий звук.

Всадники разворачивались на изрытой копытами площадке перед историком. В промежутки между ними летели стрелы, гудевшие в воздухе, как стрекозы. Дукер вздёрнул щит, чтобы поймать стрелу, которая целила ему прямо в лицо, ахнул, когда сила удара двинула обитый кожей край к губам и подбородку так, что рассекла кожу.

Тарксийская кавалерия прорвала линию обороны и готова была отрезать дюжину оставшихся взводов от остальной армии. Контратака Вороньего клана была яростной, но обошлась дорого. Хуже того, устало шагая вперёд, заметил Дукер, она, кажется, провалилась.

Взводы пехоты оказались отрезаны и теперь сбились в четыре группы (лишь одна — сколько-нибудь многочисленная), пытаются соединиться. Меньше двух десятков всадников Вороньего клана оставались в сёдлах, каждого из них окружали тарксийцы и свирепо рубили широкими тальварами. Всюду на земле извивались и кричали лошади, бешено лягались от боли.

Круп боевого коня чуть не сбил историка с ног. Дукер шагнул в сторону и вогнал остриё короткого меча в затянутое кожей бедро тарксийца. Лёгкая броня поначалу держалась, но историк налёг всем весом и почувствовал, что клинок пронзил плоть, вошёл глубоко и царапнул по кости. Он провернул меч.

Сверху обрушился тальвар и врезался в край щита Дукера. Историк пригнулся, потянул за собой застрявшее оружие. Свежая кровь хлынула на правую руку, когда он вырвал из раны клинок. Дукер рубил бедро всадника, пока конь не отскочил, так что враг оказался вне досягаемости.

Дукер поправил шлем, чтобы не закрывал глаза, сморгнул песок и пот, затем снова двинулся вперёд, направляясь к самому крупному скоплению пехоты.

Три дня прошло с битвы в Санимонской долине и кровавой отсрочки, которую даровали малазанцам хундрилы. Нежданные союзники завершили бой тем, что погнали остатки племён-соперников по степи в часы заката, прежде чем рассеяться и вернуться в собственные земли. Во всяком случае, с тех пор их не видели.

Поражение привело Корболо Дома в ярость — это было совершенно очевидно, — нападения теперь происходили непрерывно, бесконечная битва уже более сорока часов — и никаких признаков того, что это скоро закончится.

Враги снова и снова накатывались на потрёпанную Собачью цепь — с флангов, с тыла, иногда с двух или трёх направлений одновременно. То, чего не могли достигнуть клинки, копья и стрелы, довершала усталость. Солдаты просто падали на землю — доспехи изодраны в клочья, десятки мелких ранений медленно подтачивали последние силы. Сердца останавливались, сосуды лопались под кожей, так что возникали чёрные синяки, будто армию поразила неведомая болезнь.

То, что увидел Дукер, даже не ужасало, эти картины просто не поддавались осознанию.

Историк добрался до позиций пехоты одновременно с остальными группами. Солдаты выстроили круговую оборону; ошетилившееся клинками кольцо, которое не смогла бы одолеть никакая — даже самая вышколенная — кавалерия.

Внутри кольца один из мечников начал бить мечом по щиту, заревел, усиливая голосом ритм ударов. Кольцо шевельнулось: поворот, все солдаты шагнули одновременно вперёд и в сторону, поворот, весь отряд сместился, поворот, медленно двинулся туда, где оставшиеся полки ещё держали линию обороны здесь, на западном фланге цепи.

Дукер шагал с ними, во внешних рядах кольца, добивал всех вражеских солдат, которых затоптал строй. Рядом гарцевали пять всадников Вороньего клана. Только они выжили после контратаки, и даже из них двое уже никогда не смогут пойти в бой.

Через несколько минут кольцо достигло линии обороны, раскрылось и влилось в ряды своих. Виканцы пришпорили взмыленных коней и поскакали на юг. Дукер начал проталкиваться через ряды солдат, пока не вышел на открытое

место. Он опустил дрожащие руки, сплюнул кровь на землю, затем медленно поднял голову.

Мимо него шагали беженцы. В клубах пыли сотни лиц повернулись в сторону Дукера, все смотрели на тонкий кордон пехоты позади – всё, что отделяло малазанцев от кровавой расправы, – как он выгибается, отступает, становится всё тоньше с каждой минутой. Лица оставались безучастными, беженцы уже преодолели ту черту, за которой не оставалось ни мыслей, ни эмоций. Они сделались просто частью прилива, который не знает отливов, где отстать значит погибнуть, поэтому они ковыляли вперёд, вцепившись в последнее и самое драгоценное – детей.

К Дукеру подошли две фигуры, они двигались вдоль потока беженцев от передовых позиций. Историк мучительно всматривался в них, чувствовал, что должен узнать, но все лица теперь стали лицами незнакомцев.

– Историк!

Хриплый голос вывел его из протрации. Разбитые губы заныли, когда Дукер сказал:

– Капитан Сон.

В руки историку ткнули оплетённый кувшин. Он вложил короткий меч в ножны и принял сосуд. От холодной воды заныли зубы, но Дукер не обратил на это внимания и продолжал пить.

– Мы вышли на равнину Гэлиин, – сообщил Сон.

Рядом с ним стояла безымянная воительница Дукера. Она еле держалась на ногах, историк заметил глубокую колотую рану у неё на левом плече, там, где остриё сулицы прошло поверх щита. В зияющей ране поблёскивали оторванные звенья кольчуги.

Их глаза встретились. Дукер не увидел ничего живого в этих некогда прекрасных светло-серых глазах, но тревогу вызвало не то, что историк увидел, а то, что это его ничуть не потрясло, пугающее отсутствие всякого чувства – даже отчаяния.

– Колтейн тебя вызывает, – сказал Сон.

– Он что же, ещё живой?

– Так точно.

– Насколько я понимаю, ему нужно это. – Дукер вытащил из-за пазухи маленькую стеклянную бутылочку на серебряной цепочке. – Возьми...

– Да нет же, – сказал Сон и нахмурился. – Ему нужен ты, историк. Мы столкнулись с племенем из Санит-одана – они пока только наблюдают...

– Похоже, восстание в этих краях не столь уж и популярно, – пробормотал Дукер.

Звуки битвы на флангах стали чуть тише. Краткая пауза, несколько ударов сердца, чтобы передохнуть, залатать доспехи, перевязать раны.

Капитан взмахнул рукой, и они пошли вдоль колонны беженцев.

— Какое племя? — спросил через некоторое время историк. — И ещё более важный вопрос — я-то здесь при чём?

— Кулак принял решение, — сказал Сон.

Что-то в этих словах заставило Дукера поёжиться. Он хотел было расспросить капитана, но потом передумал. Подробности решения принадлежат Колтейну. Этот человек ведёт вперёд армию, которая отказывается умирать. Мы за тридцать часов не отдали врагам ни одной жизни беженца. Пять тысяч солдат... плюют в лицо всем богам..

— Что ты знаешь о племенах, которые живут так близко от города? — спросил на ходу Сон.

— К Арэну они любви не испытывают, — ответил Дукер.

— Под властью Империи им хуже?

Историк хмыкнул, сообразив, к чему клонит капитан.

— Нет, лучше. Малазанская империя понимает, что такое окраины, знает нужды жителей степи — в конце концов, огромные территории Империи по-прежнему населены кочевниками, — и дань с них никогда не требуют заоблачную. Более того, за проход через племенные земли Империя платит регулярно и щедро. Колтейн это должен хорошо знать, капитан.

— Думаю, он знает — это меня нужно убеждать.

Дукер покосился на поток беженцев слева, пробежал глазами по рядам лиц — молодых и старых — под вечным маревом пыли. Несмотря на усталость, мысли Дукера помчались вперёд, и он почувствовал, что стоит на рубеже, за которым — это уже было ясно видно — лежит последняя, отчаянная игра Колтейна.

Кулак принял решение.

И его офицеры упираются, отшатываются от неуверенности. Неужели Колтейна поразило отчаяние? Или он просто слишком хорошо всё понимает?

Пять тысяч солдат..

— Что мне сказать тебе, Сон? — спросил Дукер.

— Что другого выбора нет.

— Это ты сам можешь сказать.

— Но не смею. — Капитан поморщился, его изрезанное шрамами лицо скривилось, единственный глаз потонул в сетке морщинок. — Это всё дети,

понимаешь? Всё, что у них осталось, — последнее, что у них осталось, Дукер...

Историк коротко кивнул, показывая, что объяснять ничего не надо — и уже это была милость. Он видел эти лица, почти начал их изучать — будто искал в них юность, свободу, невинность — но на деле искал и нашёл другое. Простое, неизменное и от того только более священное.

Пять тысяч солдат отдадут за это жизнь. Какая-то романтическая глупость, не иначе; неужели я хочу признания от этих простых солдат? Да и просты ли солдаты — просты в том смысле, что смотрят на мир и своё в нём место по-простому, прагматично? И разве такой взгляд не позволяет обрести глубинное знание, которое мне теперь чудится в этих измотанных, стёрших в кровь ноги мужчинах и женщинах?

Дукер посмотрел на свою безымянную воительницу и встретил ответный взгляд потрясающих глаз, будто она ждала, знала, что все мысли, сомнения и страхи приведут его к ней, заставят искать её.

Женщина пожала плечами.

— Думаешь, мы слепые и ничего не видим, Дукер? Мы защищаем их достоинство. Вот так просто. И в этом — наша сила. Ты это хотел услышать?

Я принимаю этот упрёк. Никогда нельзя недооценивать солдата.

...Санимон представлял собой массивный тель — холм с плоской вершиной, полмили в поперечнике, высотой более тридцати саженей, бесплодное плато, продуваемое всеми ветрами. На юге, в Санит-одане, где сейчас растянулась цепь, шли две насыпные дороги, сохранившиеся с тех времён, когда тель был ещё процветающим городом. Обе дороги были прямыми, как копье, и лежали на мощном фундаменте из каменных блоков; западная называлась Панесан'м — теперь никто ею не пользовался, потому что она вела к другому телю в безводных холмах и больше никуда. Другая, Санидже'м, тянулась на юго-запад и до сих пор служила торговцам, которые отправлялись к внутреннему морю Клатар. Насыпи в пятнадцать саженей высотой делали дороги своего рода водоразделами.

Вороний клан Колтейна занял Санидже'м у теля и расположился так, будто дорога была укреплённой стеной. Южная треть самого Санимона стала для виканцев опорным пунктом, где стояли воины и лучники кланов Куницы и Дурного Пса. Поскольку беженцев вели по восточному краю Санимона, крутой склон теля позволял не выставлять с той стороны фланговую охрану. Этими силами укрепили аррьергард и восточный фланг. Войска Корболо Дома, которые атаковали с обоих направлений, снова умылись кровью. Седьмая по-прежнему представляла собой внушительное зрелище, несмотря на потери, несмотря на то, что солдаты иногда падали замертво без всяких видимых ран, а другие плакали, рыдали и не могли остановиться, даже когда убивали врагов. Прибытие виканских лучников обратило врагов в бегство, так что опять появилась возможность передохнуть.

Кулак Колтейн стоял в одиночестве и смотрел на южный одан. Его украшенный перьями плащ трепетал на ветру, оперение дрожало под дыханием воздуха. В двух сотнях шагов в том направлении, у гряды холмов сидели на конях воины нового племени, варварские знамёна неподвижно чернели на фоне бледно-голубого неба.

Дукер пристально рассматривал Колтейна, подходя ближе. Попытался поставить себя на его место, почувствовать, чем живёт теперь Кулак, — и не смог. Нет, это не от слабости воображения. От страха. Я не могу взвалить на себя чужой груз — даже на краткий миг. Все мы теперь погружены в себя, каждый наедине с собой...

Колтейн заговорил, не оборачиваясь:

— Кхеран-дхобри — так они, во всяком случае, именуются на карте.

— Недобрые соседи Арэна, — проговорил Дукер.

Кулак резко обернулся, пронзил его взглядом.

— Мы всегда соблюдали условия договоров, — сказал он.

— Да, Кулак, соблюдали — чем приводили в ярость многих жителей Арэна.

Колтейн снова отвернулся, посмотрел на племя у холмов и долгое время молчал.

Историк взглянул на свою безымянную воительницу.

— Тебе нужно найти лекаря, — заметил он.

— Щит я могу держать...

— Не сомневаюсь, но риск заражения...

Её глаза распахнулись, и Дукер умолк, ощутив приступ острой печали. Он отвёл взгляд. Ты глупец, дед.

Колтейн заговорил:

— Капитан Сон.

— Кулак.

— Фургоны готовы?

— Так точно. Подъезжают.

Колтейн кивнул.

— Историк.

— Кулак?

Виканец медленно обернулся к Дукеру.

— Я даю тебе Нихила, Бездну и воинов из трёх кланов. Капитан, командор Бальт известил раненых?

— Так точно, и они отказались. — Кожа вокруг глаз Колтейна натянулась, но затем он медленно кивнул. — Как и, — продолжил Сон, глядя на Дукера, — капрал Лист.

— Признаю, — вздохнул Кулак, — те, кого я отобрал из своего народа, тоже были недовольны, но они не смеют перечить своему военному вождю. Историк, будешь командовать так, как сочтёшь нужным. Но ответственность на тебе огромная. Ты должен доставить беженцев в Арэн.

Вот до чего дошло.

— Кулак...

— Ты малазанец, — перебил Колтейн. — Следуй предписанному протоколу...

— А если нас предадут?

Виканец улыбнулся.

— Тогда мы все отправимся к Худу вместе. Если уж будет конец у этого похода, то пусть — подходящий.

— Держитесь, сколько сможете, — прошептал Дукер. — Я с Пормкваля кожу спущу и его губами отдам приказ, если понадобится...

— Оставь Первого Кулака Императрице — и её адъютанту.

Историк потянулся к стеклянной бутылочке на шее. Колтейн покачал головой.

— Это твоя история, и сейчас никто не важен так, как ты, историк. Если когда-нибудь увидишь Дуджека, скажи ему: не солдат Императрица не имеет права терять, а память Империи.

К ним подъехал отряд виканцев с лошадьми в поводу — среди них оказалась и верная кобыла Дукера. Позади из пыли проступили повозки беженцев, а рядом ждали ещё три фургона, которые, как заметил Дукер, охраняли Нихил и Бездна.

Историк глубоко вздохнул.

— Что до капрала Листа...

— Его не переубедить, — сказал капитан Сон. — Он просил передать тебе слова прощания, Дукер. Он бормотал что-то про призрак за плечом, что бы это ни значило, а потом добавил: «Скажи историку, что я нашёл свою войну».

Колтейн вдруг обернулся, словно эти слова поразили его так, как не могли никакие другие.

— Капитан, передай войскам — атакуем в течение часа.

Атакуем? Худов дух! Дукеру было неуютно в собственном теле, руки налились свинцом и обвисли, словно вопрос, что делать с собственной плотью и костями — что делать вот прямо сейчас, — стал для него неразрешимым.

Сквозь гудящую пелену пробился голос Сна:

— Твоя лошадь, историк.

Дукер судорожно вздохнул. Глядя на капитана, он медленно покачал головой.

— Историк? Нет, пожалуй, историком я стану снова где-то через неделю. Но сейчас и на ближайшее будущее... — Он снова покачал головой. — Нет у меня подходящего слова, чтобы себя назвать. — Он улыбнулся. — Думаю, стодится «дед»...

Улыбка Дукера, похоже, разозлила Сна. Капитан обратился к Колтейну:

— Кулак, этот человек говорит, что у него нет звания. Решил зваться «дедом».

— Неудачный выбор, — проворчал виканец. — Деда — мудрецы, а не дураки. — Он хмуро посмотрел на Дукера. — Нет никого среди знающих тебя, кто сомневался бы в том, кто ты. Мы знаем тебя как солдата. Это звание тебя оскорбляет?

Дукер прищурился.

— Нет. По крайней мере, мне так кажется.

— Тогда спаси беженцев, солдат.

— Так точно, Кулак.

Безымянная воительница сказала:

— У меня есть для тебя кое-что, Дукер.

Сон фыркнул.

— Что? Вот прямо здесь?

Она подала Дукеру обрывок ткани.

— Только подожди, не читай сразу, что там написано. Пожалуйста.

Дукер смог лишь кивнуть, тогда она засунула обрывок ему за пояс. Историк посмотрел на троих людей перед собой и пожалел, что среди них нет Бальта и Листа, но значит, не будет церемонных прощаний, утешения привычных ролей. Как и всё остальное, это случилось впопыхах, неуклюже и не до конца.

— Садись на свою костлявую животину, — сказал Сон. — И оставайся там, где Худ не видит, друг.

— Желаю вам того же. Всем вам.

Колтейн зашипел, разворачивая коня к северу.

— Так не выйдет, Дукер. Мы собираемся прорезать кровавый путь... прямо в глотку этому ублюдку.

Нихил и Бездна ехали по сторонам от Дукера во главе колонны беженцев, которая двигалась к воинам-кочевникам у гряды холмов. Виканские всадники и воины, охранявшие несколько повозок, которые катились впереди, все были очень молоды — мальчики и девочки со своим первым оружием. Общее возмущение тем, что их отослали прочь, кипело, как безмолвная буря.

Но если отчаянный ход Колтейна не принесёт успеха, им ещё придётся поднять оружие... в последний раз.

— Два всадника, — сказал Нихил.

— Добрый знак, — пробормотал Дукер, вглядываясь в пару кхеранов, которые ехали им навстречу лёгким галопом. Старики — мужчина и женщина — худые, обветренные, кожа — того же оттенка, что и выделанные олени шкуры, которые служили им одеждой. Под левой рукой у них висели мечи с завернутыми крюком клинками, а на головах красовались богато украшенные шлемы с толстыми боковыми щитками.

— Оставайся здесь, Нихил, — сказал Дукер. — Бездна, пожалуйста, езжай со мной. — Он пришпорил кобылу и поскакал вперёд.

Они встретились перед первыми повозками, натянули поводья и остановились в нескольких шагах друг от друга. Первым заговорил Дукер:

— По признанному договору эти земли принадлежат кхеран-дхобри. Малазанская империя чтит все подобные договоры. Мы хотим проехать по...

Женщина, не сводя глаз с повозок, резко спросила по-малазански безо всякого акцента:

— Сколько?

— Сбор со всех солдат Седьмой, — ответил Дукер. — Имперской монетой, всего сорок одна тысяча серебряных джакат...

— Это годовое жалованье полноценной малазанской армии, — с сомнением сказала женщина. — Это никакой не «сбор». Твои солдаты знают, что ты украл их жалованье, чтобы оплатить проход?

Дукер моргнул, затем тихо сказал:

— Солдаты настаивали, старейшина. Это и вправду был сбор.

Заговорила Бездна:

— От трёх виканских кланов дополнительная плата: украшения, посуда, шкуры, мотки войлока, подковы, гвозди и кожа, а также разные монеты, полученные за время долгого странствия из Хиссара в количестве около семидесяти трёх тысяч серебряных джакат. Всё даётся добровольно.

Женщина долго молчала, затем её спутник что-то сказал на их собственном наречии. В ответ она покачала головой, её невыразительные, жёлто-бурые глаза снова нашли историка.

— И за это вы хотите провести беженцев, виканские кланы и Седьмую.

— Нет, старейшина. Только за беженцев — и небольшой отряд, который ты видишь здесь.

— Мы отвергаем твоё предложение.

Правильно Сон боялся этого момента. Проклятье...

— Это слишком много, — заявила женщина. — Договор с Императрицей точно определяет расценки.

Дукер смог только растерянно пожать плечами.

— Тогда часть...

— А остальное попадёт в Арэн, где будет валяться без толку до того времени, когда Корболо Дом войдёт в город — и вы ему заплатите за то, что он вас всех перебьёт.

— Тогда, — сказала Бездна, — за остальное мы наймём вас в сопровождение.

Сердце Дукера замерло.

— До ворот города? Слишком далеко. Мы вас проводим до деревни Балахн, где начинается Арэнский тракт. Но и тогда ещё останется часть. Мы продадим вам еду и лечение, какое потребуется и какое способны предоставить наши лошадницы.

— Лошадницы? — переспросила Бездна, приподнимая брови.

Старуха кивнула. Бездна улыбнулась.

— Виканцы рады знакомству с кхеран-дхобри.

— Что ж, тогда проезжайте со своими людьми.

Старейшины поехали обратно к родичам. Дукер некоторое время смотрел им вслед, затем развернул коня и привстал в стременах. Далеко на севере, над Санимоном, поднялась туча пыли.

— Бездна, ты можешь передать весть Колтейну?

— Да, могу.

— Тогда сообщи: он был прав.

...Чувство приходило медленно, словно от тела, которое все уже считали хладным трупом, осознание поднималось, заполняло воздух, землю и всё пространство между ними. В лицах проступало отрицание, онемение, которое отказывалось сдавать свои защитные рубежи. Опустились сумерки, окутавшие лагерь тридцати тысяч беженцев двойным молчанием — одно исходило от земли с ночным небом, укрытым блеском звёздочек из битого стекла, а другое — от самих людей. Мрачные кхераны ходили по лагерю, их жесты и дары вступали в противоречие со сдержанностью и чувствами. Но куда бы они ни пришли, чего бы ни коснулись, всюду возникало ощущение освобождения.

Сидя в густой траве под блистающим ночным небом, Дукер слушал крики, которые долетали из тьмы и разрывали ему сердце. Радость, смешанная с тёмной, жгучей болью, бессловесные вопли, неконтролируемые рыдания. Иной человек мог бы подумать, что лагерь обуял какой-то ужас, он бы не понял того освобождения, которое слышал историк, не осознал значения звуков, на которые его собственная душа откликнулась горячей болью, заставлявшей моргать и щуриться, глядя на размытые, смазанные звёзды над головой.

Рождённое спасением чувство освобождения было, тем не менее, мучительным, и Дукер хорошо понимал, почему, хорошо знал, что тянется к ним с севера — поток неизбежных истин. Где-то там, во тьме, стояла стена людской плоти, одетой в разбитые доспехи, которая до сих пор сопротивлялась Корболо Дому и тем самым оплачивала — до сих пор — это ужасное спасение. От этого знания некуда было бежать.

Рядом зашелестела трава, и Дукер почувствовал знакомое присутствие. Она присела рядом.

— Как дела у Колтейна? — спросил историк.

Бездна вздохнула.

— Связь разорвана, — ответила она.

Дукер окаменел. Через некоторое время с трудом вздохнул.

— Стало быть, погиб?

— Мы не знаем. Нихил продолжает пытаться, но боюсь, усталость делает кровную связь недостаточной. Мы не чувствовали предсмертного крика, а уж его-то мы бы наверняка ощутили, Дукер.

— Возможно, попал в плен.

— Возможно. Историк, если Корболо Дом придёт завтра, кхеран-дхобри дорого заплатят за эту сделку. Их может не хватить для... для...

– Бездна?

Она повесила голову.

– Прости, не могу заткнуть уши. По-моему, они заблуждаются. Даже если мы доберёмся до Балахна, выйдем на Арэнский тракт, до города останется ещё три лиги.

– Я разделяю твои сомнения. Но ведь это жест доброты, понимаешь? У нас, ни у кого из нас нет от них никакой защиты.

– Чувство освобождения пришло слишком рано, Дукер!

– Возможно, но с этим мы ничего не можем поделать.

Оба повернулись на звук голосов. От лагеря к ним спешили люди. Они шёпотом переругивались, но спор быстро затих, когда спутники подошли ближе.

Дукер медленно поднялся, Бездна сделала то же самое.

– Надеюсь, мы вас не прервали в самый неподходящий момент, – с ехидцей провозгласил Нэттпара.

– Я бы предложил Совету, – сказал историк, – ложиться спать. Завтра всех нас ждёт долгий и тяжёлый переход...

– Именно поэтому, – поспешно перебил Пуллик Алар, – мы и пришли.

– Те из нас, у кого ещё остались некоторые средства, – объяснил Нэттпара, – сумели приобрести у кхеранов свежих лошадей для своих экипажей.

– Мы хотим выступить немедленно, – добавил Пуллик. – Наш небольшой отряд, таким образом, поспешит в Арэн...

– Где мы будем настаивать, чтобы Первый Кулак отправил силы для охраны остальных, – закончил Нэттпара.

Дукер посмотрел на аристократов, затем на дюжину фигур у них за спинами.

– Где Тамлит? – спросил он.

– Увы, три дня назад он слёг по болезни, и его уже нет среди живых. Все мы глубоко скорбим об этой утрате.

Не сомневаюсь.

– В вашем предложении есть благородство, но я вынужден его отвергнуть.

– Но...

– Нэттпара, если вы выдвинетесь сейчас, начнётся паника, а этого никто из нас не может себе позволить. Нет, вы поедете со всеми и должны

удовлетвориться тем, что первыми из всех беженцев въедете во врата Арэна во главе колонны.

— Это возмутительно!

— Прочь с глаз моих, Нэттпара, а иначе я закончу то, что начал на Ватарском бросе.

— О, историк, не думай, что я об этом забыл!

— Вот и дополнительная причина, чтобы отказать. Возвращайтесь к своим фургонам и выспитесь — завтра будет тяжёлый марш.

— Вот уж точно! — прошипел Пуллик. — Корболо Дом ещё с нами не закончил! Теперь, когда Колтейн мёртв, а с ним вся его армия, мы должны доверить свои жизни кучке вонючих дикарей? А когда они нас бросят? Три лиги до Арэна! Ты нас всех отправишь на смерть!

— Да, — прорычал Дукер. — Все или никто. Разговор окончен. Уходите.

— Так ты теперь возомнил себя возрождённым виканским псом? — Он потянулся к рапире у пояса. — Я вызываю тебя на дуэль...

Меч историка вылетел из ножен и плашмя врезался в висок Пуллика Алара. Аристократ без чувств повалился на землю.

— Возрождённым Колтейном? — прошептал Дукер. — Нет. Просто солдатом.

Бездна заговорила, глядя на неподвижное тело:

— Вашему Совету придётся дорого заплатить, чтобы исцелить эту рану, Нэттпара.

— Наверное, стоило ударить посильнее и сберечь вам деньги, — пробормотал Дукер. — Прочь с глаз моих.

Члены Совета ушли и унесли своего бесчувственного предводителя.

— Бездна, прикажи виканцам следить за ними.

— Так точно.

Деревня Балахн оказалась убогим собранием глинобитных домишек, в которых обитало около сорока жителей, но все они бежали ещё несколько дней назад. Единственным строением, которому исполнилось меньше ста лет, была малазанская арка, за которой начинался Арэнский тракт — широкая, насыпная военная дорога, проведённая по приказу Дассема Ультора в самом начале завоевания Семи Городов.

По сторонам от тракта тянулись глубокие канавы, а за ними — высокие, плоские земляные отвалы, на которых росли — на всём отрезке в десять миль

— два строгих ряда кедров, привезённых с равнины Гэлиин у Клатарского моря.

Старейшина кхеранов подошла к Дукеру и колдунам, которые стояли во главе толпы людей перед аркой.

— Плата получена, и все договорённости между нами исполнены.

— Прими нашу благодарность, старейшина, — сказал историк.

Она пожала плечами.

— Просто сделка, солдат. Не нужны слова благодарности.

— Верно. Не нужны, но всё равно сказаны.

— В таком случае — пожалуйста.

— Императрица услышит об этом, старейшина, в самых уважительных словах.

В этот миг она отвела глаза. Заколебалась, но всё же сказала:

— Солдат, большое войско приближается с севера — наши воины в заслоне увидели пыль. Войско идёт быстро.

— Понимаю.

— Возможно, кто-то из вас и успеет.

— Да уж, лучше успеть.

— Солдат?

— Да, старейшина?

— Ты уверен, что Арэн откроет для вас ворота?

Дукер горько рассмеялся.

— Об этом я буду думать, когда доберусь туда.

— В этом есть своя мудрость. — Она кивнула, затем собрала поводья. — Прощай, солдат.

— Прощай.

Кхеран-дхобри уехали, исчезли за пять минут, повозки сопровождал внушительный отряд. Дукер оглянулся на море беженцев, которое вынужденно разлилось даже за пределы маленькой деревушки.

Он приказал идти быстро, мучительно быстро — день и ночь напролёт, делая только самые краткие привалы, но смысл приказа явно был понят всеми: в безопасности они окажутся только внутри мощных стен Арэна.

Осталось три лиги — идти придётся до самого рассвета. И каждая лига тяжёлого марша замедляет отстающих. Но какой ещё у меня выбор?

— Нихил, скажи виканцам: вся колонна должна выйти на тракт до заката. Для этого все средства хороши — только не убивать и не калечить. Если беженцы забыли, что вас нужно бояться, напомните им.

— У нас всего тридцать всадников, — напомнила ему Бездна. — И все они молоды..

— Возмущённая молодёжь? Ну, вот им возможность выпустить пар.

Арэнский тракт поначалу даже способствовал их усилиям, поскольку первая его треть, известная среди местных жителей как «Скат», представляла собой мягкий спуск к равнине, на которой стоял город. На востоке параллельно дороге тянулась гряда конических холмов, которая сходила на нет лишь в тысяче шагов от северной стены Арэна. Эти холмы насыпала не природа: это были братские могилы, десятки захоронений, которые появились после того, как жителей города истребили во времена Келланведа т'лан имассы. Ближайший к Арэну курган был и самым большим, в нём покоились останки правящих родов, Святого Защитника и Фалах'дов.

Дукер оставил Нихила во главе авангарда и поехал к самому хвосту колонны, где Бездна и трое виканцев уже охрипли, пытаясь заставить самых слабых и медленных беженцев ускорить шаг. Задача была душераздирающей: позади оставались тела тех, кто умирал на ходу, не выдержав темпа. Не было ни времени их хоронить, ни сил нести с собой.

На северо-северо-востоке туча пыли всё время увеличивалась, приближалась.

— Они не пошли по дороге, — выдохнула Бездна, развернув коня, чтобы оглянуться на пыль. — Идут по равнине — медленнее, намного медленнее...

— Но по карте — так ближе, — ответил Дукер.

— Холмы там не отмечены?

— Да. Неимперские карты показывают равнину — курганы появились слишком недавно.

— Следовало бы ожидать, что у Корболо будет малазанская карта...

— Похоже, всё-таки нет — и это одно может нас спасти...

Но Дукер и сам слышал неискренность в своих словах. Враг был чересчур близко — меньше трети лиги, по прикидкам историка. Несмотря даже на курганы, кавалерия преодолела бы это расстояние меньше чем за час.

От головы колонны слышались виканские боевые кличи.

— Они увидели Арэн, — сказала Бездна. — Нихил мне показал, что видят его глаза...

— Ворота?

Она нахмурилась.

— Закрыты.

Дукер выругался. Подъехал на своей кобыле к отстающим.

— Город уже виден! — закричал он. — Немного осталось! Шевелись!

Эти слова историка вызвали неведомо откуда взявшийся прилив энергии. Он почувствовал, затем увидел, как волна прокатилась по массе людей, они немного ускорили шаг под влиянием надежды — и страха. Историк развернулся в седле.

Туча пыли уже нависала над коническими курганами. Ближе, но совсем не так близко, как следовало бы ожидать.

— Бездна! На стенах Арэна стоят солдаты?

— Да, яблоку негде упасть...

— Ворота?

— Нет.

— Как далеко от головы колонны?

— Тысяча шагов — люди уже побежали...

Да что же они там — свихнулись совсем, Худ забирай?

Дукер снова посмотрел на тучу пыли.

— Фэнеровы копыта! Бездна, бери виканцев — скачите к Арэну!

— А ты?

— Худ со мной! Скачи! Спасай своих детей!

Она помедлила, затем развернула коня.

— Вы! — рывкнула колдунья трём юным виканцам. — За мной!

Дукер смотрел, как они гонят уставших лошадей вдоль края дороги, мимо спотыкающихся, шатающихся беженцев.

Колонна растянулась по тракту, быстроногие вырвались далеко вперёд. Историка окружали старики, каждый шаг давался им с трудом и мукой. Многие просто останавливались и садились на обочине, чтобы дожидаться неизбежного. Дукер орал на них, угрожал, но всё без толку. Он увидел ребёнка, едва ли восемнадцати месяцев от роду, девочка ковыляла с вытянутыми ручками, не плакала, погрузившись в жуткое молчание.

Дукер подъехал ближе, склонился в седле, поднял ребёнка на руки. Маленькие ручки вцепились в лохмотья, которыми стала его рубаха.

От армии преследователей его и хвост колонны отделяла теперь только одна, последняя гряда холмов.

Движение не замедлялось, и это было единственным свидетельством того, что ворота Арэна наконец распахнулись, чтобы впустить беженцев. Либо так, либо они просто растекаются обезумевшей, отчаянной толпой вдоль стены — но нет, такое предательство было бы уже просто безумием..

И вот наконец он увидел в тысяче шагов впереди — Арэн. Обрамлённые мощными башнями северные ворота распахнулись на три четверти своей высоты — последняя, нижняя четверть превратилась в бурлящую, толкающуюся, вопящую толпу, где люди вылезали друг на друга от панического ужаса. Но напор был слишком велик, чтобы образовался затор. Словно гигантская пасть, Арэн проглатывал беженцев. По обеим сторонам колонны скакали виканцы, пытались утихомирить человеческую реку, и среди них Дукер увидел людей в форме Арэнского гарнизона.

А как же армия? Армия Первого Кулака?

Они стояли на стенах. Смотрели. Ряды и ряды лиц, люди теснились на всём протяжении северной стены. Роскошно одетые личности занимали платформы на привратных башнях, смотрели на изголодавшуюся, оборванную, вопящую толпу, которая штурмовала ворота города.

Внезапно среди последних беженцев, которые ещё были способны двигаться, возникли солдаты городского гарнизона. Дукер видел, как угрюмые стражники там и здесь подхватывали людей и трусцой несли их к воротам. Заметив солдата с капитанскими знаками отличия, историк подъехал к нему.

— Ты! Возьми этого ребёнка!

Капитан поднял руки, принял всё ещё молчащую, перепуганную малышку.

— Ты Дукер? — спросил он.

— Да.

— Ты должен немедленно доложить обстановку Первому Кулаку — вон там, на левой башне...

— Этому ублюдку придётся подождать, — прорычал Дукер. — Сперва я прослежу, чтобы внутрь вошли все растреклятые беженцы! А теперь беги, капитан, только скажи сперва, как тебя зовут, — может, мать или отец этого ребёнка ещё живы.

— Кенед, сэр, и я об этой девочке позабочусь, даю слово. — Солдат замешкался, затем высвободил одну руку и схватил Дукера за запястье. — Сэр...

— Что?

— Простите нас.

— Ваша преданность отдана городу, который вы поклялись защищать, капитан...

— Я знаю, но солдаты на стенах — они стоят так близко, как им только разрешили. И они этим отнюдь не довольны.

— Тут они не одиноки. А теперь иди, капитан Кенеб.

Дукер был последним. Когда ворота наконец опустели, ни одного живого беженца за стенами не осталось, — если не считать тех, кого он видел вдалеке на дороге, они так и сидели на камнях, сдерживали последнее дыхание — слишком далеко, чтобы забрать, и было ясно, что арэнские солдаты получили чёткие приказы по поводу того, насколько они могут уходить от ворот.

В тридцати шагах от створок Дукер под взглядами стоявших в проёме стражников в последний раз повернул коня. Он смотрел на север, туча пыли уже поднималась над последним, самым большим курганом, а затем выше — на сияющее копье Вихря. Мысленный взор унёс его дальше, на север и на восток, за реки, через равнины и степи, к городу на другом берегу моря. Но это мало что дало. Слишком много следовало осознать, слишком быстро, слишком стремительно случился конец этого невозможного, калечащего душу похода.

Цель трупов длиной в сотни лиг. Нет, это выше моего понимания да и, наверное, любого из нас...

Он развернул коня, посмотрел на распахнутые ворота, на стражников под аркой. Они расступились, чтобы открыть проход. Дукер пришпорил кобылу.

Он не обратил внимания на солдат на стенах, даже когда из их глоток вырвался, словно высвободившийся зверь, торжествующий клич.

Тени бесшумными волнами текли по бесплодным холмам. Ещё некоторое время Апт не сводила блестящего глаза с горизонта, а затем опустила вытянутую голову, чтобы взглянуть на мальчика, который сидел у её передней лапы.

Он тоже рассматривал зловещий ландшафт владений Тени, его собственный единственный, фасетчатый глаз поблёскивал под выступающей лобной дугой. Спустя долгое время он поднял голову и встретил её взгляд.

— Мама, это наш дом? — спросил он.

На расстоянии дюжины шагов зазвучал голос:

— Мой коллега постоянно недооценивает естественных обитателей этих владений. Ага, вот и ребёнок.

Мальчик повернулся и увидел, что к ним подходит высокий, одетый в чёрное человек.

— Аптори, — продолжил незнакомец, — великодушное преобразование этого мальчика — с какими бы благородными намерениями это ни делалось — оставит шрам в его душе. В последующие годы.

Апт прощёлкала и прошипела ответ.

— Однако добилась ты прямо противоположного, госпожа, — заметил человек. — Ибо теперь он не принадлежит ни к тому, ни к другому.

Демоница вновь заговорила.

Человек склонил голову набок, пристально посмотрел на неё, затем криво ухмыльнулся.

— Какая самонадеянность. — Его взгляд упал на мальчика. — Ну, хорошо. — Он присел на корточки. — Здравствуй.

Мальчик робко ответил на приветствие.

Бросив последний раздражённый взгляд на Апт, человек протянул ребёнку руку.

— Я... дядя Котильон...

— Не может так быть, — заявил мальчик.

— Вот как. И почему же?

— Глаза. Они у тебя другие. Махонькие и вдвоём пытаются смотреть как один. Они, наверное, слабые. Когда ты подходил, ты прошёл через каменную стену, а потом — деревья, будто знать не знаешь о призрачном мире и его праве быть здесь.

Глаза Котильона удивлённо распахнулись.

— Стена? Деревья? — Он взглянул на Апт. — Он лишился рассудка?

Демоница отвечала долго.

Котильон побледнел.

— Худов дух! — наконец пробормотал он и снова посмотрел на мальчика — ошеломлённо. — Как тебя зовут, парень?

— Панек.

— Имя, значит, у тебя есть. Скажи, что ещё — кроме имени — ты помнишь о своём... другом мире?

— Я помню, как меня наказывали. Мне сказали не отходить далеко от папы...

— А как он выглядел?

— Я не помню. Я вообще не помню лиц. Мы ждали, что они с нами сделают. А потом нас увели — детей. Солдат толкнул папу, потащил его в другую сторону. Я должен был оставаться с ним, а пошёл с другими детьми. Они меня наказали — всех детей наказали — за то, что мы не делали как нам велели.

Котильон прищурился.

— Не думаю, чтобы у твоего отца был выбор, Панек.

— Но враги тоже были отцами, понимаешь? И мамами, и бабушками — они все так на нас злились. Они забрали нашу одежду. Наши сандалии. Всё у нас забрали, так злились. А потом нас наказали.

— И как же они это сделали?

— Прибили к крестам.

Долгое время Котильон молчал. Когда он заговорил, голос его был до странности невыразительным.

— Значит, ты это помнишь.

— Да. И обещаю делать, что велют. Всегда. Всё, что скажет мама. Обещаю.

— Панек. Послушай дядю внимательно. Вас наказали не за то, что вы не слушались. Послушай — это тяжело, я знаю, но попробуй понять. Они сделали тебе больно потому, что могли, потому, что рядом не оказалось никого, кто сумел бы их остановить. Твой отец попытался бы — он наверняка и пытался. Но, как и ты, он был беспомощен. Мы здесь — твоя мама и дядя Котильон, — мы здесь для того, чтобы ты больше никогда не оказался беспомощным. Понимаешь?

Панек посмотрел на мать. Она тихо щёлкнула.

— Ладно, — сказал мальчик.

— Мы будем учить друг друга, парень.

Панек нахмурился.

— А чему я могу тебя научить?

Котильон поморщился.

— Научишь меня тому... что видишь здесь, в этом владении. Твой призрачный мир, то есть, конечно, Обитель Тени, старое место, которое осталось здесь...

— То, через что ты ходишь и не видишь.

— Да. Я-то всегда гадал, почему Псы никогда не бегают по прямой.

— Псы?

— Ты с ними познакомишься рано или поздно, Панек. Миленькие собачки — все до одного.

Панек улыбнулся, сверкнули острые клыки.

— Я люблю собак.

Котильон едва заметно вздрогнул, затем сказал:

— Уверен, тебя они тоже любят. — Он выпрямился и обратился к Апт: — Ты права, одна ты не справишься. Дай нам с Амманасом подумать об этом. — Он снова посмотрел на мальчика. — У твоей мамы сейчас другие дела. Долги, по которым нужно расплатиться. Пойдешь с ней или останешься со мной?

— А куда ты пойдешь, дядя?

— Другие дети расположились неподалёку. Поможешь мне их обустроить?

Панек заколебался, затем ответил:

— Я хочу с ними снова увидеться, но не прямо сейчас. Я пойду с мамой. Нужно присмотреть за человеком, который её попросил нас спасти — она так объяснила. Я хочу с ним познакомиться. Мама говорит, что ему всё время снится наша первая встреча.

— Неудивительно, — пробормотал Котильон. — Как и меня, его пугает беспомощность. Ладно, тогда до скорой встречи. — Он в последний раз переключил внимание, долго смотрел в единственный глаз Апт. — Я Взшёл, господа, чтобы бежать от кошмара чувств... — Он поморщился. — Представь себе моё удивление от того, что ныне я благодарю тебя за эти цепи.

Панек спросил:

— Дядя, а у тебя есть свои дети?

Тот поморщился, отвёл глаза.

— Дочь. В некотором роде. — Он вздохнул и криво усмехнулся. — Божь, мы с ней поссорились.

— Ты должен её простить.

— Ах ты наглец!

— Ты сам сказал: мы должны учить друг друга, дядя.

Котильон поражённо посмотрел на мальчика, затем покачал головой.

— Не мне тут нужно прощать или не прощать, к сожалению.

— Тогда мне надо с ней поговорить.

– Что ж, всё возможно...

Апт заговорила. Котильон нахмурился.

– А вот это, госпожа, было уже попросту грубо. – Он отвернулся и запахнулся в плащ.

Через полдюжины шагов он остановился и оглянулся.

– Передавай Каламу привет. – Миг спустя его окутали тени.

Панек продолжал смотреть вслед Котильону.

– Он что, взаправду думает, что его никто не видит? – спросил он у матери.

Смазанная цепь тихо забренчала, уходя в чёрную, масляную воду. «Затычка» бросила якорь в гавани Малаза, в сотне ярдов от причала. Пригоршня тусклых огоньков отмечала ближние к морю улицы нижнего квартала, где среди старых складов теснились таверны и жилые дома, выходящие к порту. На севере высился холм, где жили богачи и аристократы – крупные усадьбы вплотную примыкали к отвесному склону, вдоль которого петляла лестница, ведущая в Паяцев замок. В самой старой крепости огней почти не разглядеть, но Калам видел, как на ветру тяжело хлопает знамя – было слишком темно, чтобы различить цвета.

Тяжёлое предчувствие дрожью пробежало по телу от вида этого флага. Кто-то там есть... кто-то важный.

Позади возились моряки, ворчали, потому что поздний час не позволит им сразу же выбраться в город. Капитан порта лишь утром сядет в шлюпку, чтобы осмотреть корабль и проверить, что все моряки здоровы – не привезли с собой заразу или что-то подобное.

Полуночный колокол пробил свою атональную ноту всего несколько минут назад. Салк Элан всё рассчитал верно, чтоб ему провалиться.

По плану, он никак не должен был попасть в Малаз. Калам изначально собирался подождать Скрипача в Унте, где потом они смогли бы довести до ума детали. Быстрый Бен настаивал, что сапёр сможет пройти через Мёртвый Дом, но, по своему обыкновению, на прямые вопросы отвечал уклончиво. Калам рассматривал Дом как вариант для поспешного отступления, если что-то пойдёт не так, и даже в этом случае – как крайнюю меру. Азаты ему никогда не нравились, убийца не верил в силы, которые казались такими благотворящими. Дружественные ловушки всегда оказывались намного опаснее откровенно враждебных.

Позади воцарилась тишина, и убийца на миг подивился, как быстро сон сморил матросов, разлёгшихся на верхней палубе. «Затычка» стояла неподвижно, такелаж и корпус привычно поскрипывали. Калам опёрся о планширь на баке, не сводя глаз с города и тёмных силуэтов кораблей у

пирса. Имперский причал располагался справа, там, где отвесный склон уходил в море. Никаких судов там не было.

Он подумывал взглянуть на тёмное крыло знамени над Заком, но не стал — слишком темно, — да и воображение всегда оживлялось от мыслей о худшем из неизвестного.

А потом до Калама начали долетать звуки с моря. Ещё один корабль осторожно идёт во тьме, ещё один поздний гость.

Убийца посмотрел на свои ладони, лежавшие на планшуре. Казалось, они чужие: блестящая тёмно-коричневая кожа, бледные шрамы тут и там — не его руки, а жертвы чужой воли.

Калам потряхнул с себя это чувство.

До него донеслись запахи города. Обычная портовая вонь: нечистоты и гниль, солёные воды моря смешиваются со зловонной речушкой, которая впадает в бухту. Калам снова посмотрел на тёмную, кривоизогнутую ухмылку припортовых зданий. В нескольких кварталах на углу между убогими домишками и рыбными лотками стоял Мёртвый Дом. Жители города его обходили и старались даже не упоминать о нём. По виду Дом казался просто заброшенным, двор зарос сорняками, грубо отёсанные чёрные камни заплели вьющиеся растения. Свет никогда не зажигался в провалах окон парных башенок.

Если кто и сможет пробиться, то Скрипач. Этот ублюдок всегда был словно заговорённый. Всю жизнь в сапёрах, а у сапёров своё, шестое чувство. Что бы он сказал, если бы стоял сейчас здесь, рядом со мной? «Не нравится мне это, Лам. Что-то тут не так. Шевели-ка руками...»

Калам нахмурился, снова посмотрел на руки, захотел оторвать их от планширя...

И не смог.

Он попытался отступить от борта, но мускулы отказались подчиняться. Под одеждой выступил пот, заблестел капельками на тыльной стороне ладоней.

Рядом зазвучал тихий голос:

— Такая ирония судьбы, друг мой. Видишь ли, тебя предал твой собственный разум. Могучий, грозный разум Калама Мехара. — Салк Элан облокотился о планширь рядом, разглядывая город. — Я так долго тобой восхищался. Ты ведь настоящая легенда: лучший убийца, какого только имели Когти — и потеряли. Ах, такая потеря для большинства мучительна. Если бы ты захотел, Калам, мог бы сейчас командовать всей организацией — да, конечно, Шик бы возражал, и я не буду спорить, в некоторых отношениях он тебя заметно превосходит. Он бы меня убил в первый же день, не важно, насколько был бы не уверен в том, какую степень опасности я представляю. — Салк Элан помолчал и добавил: — Но всё равно нож на нож — ты лучше его, друг мой. И опять ирония, Калам. Я прибыл в Семь Городов не для того, чтобы найти тебя — да мы и вовсе не знали о твоём присутствии. Пока я не встретился с одной дамой из Красных Клинков, если быть точным. Она за

тобой следила от самого Эрлитана, ещё до того, как ты передал Книгу Ша'ик... Кстати, ты знал, что привёл Красных Клинков прямо к этой старой ведьме? Знал, что они смогли её убить? Эта дама была бы сейчас со мной, если бы не пренеприятнейшее происшествие в Арэне. Но я предпочитаю работать один. Салк Элан — признаюсь, я горжусь этим именем. Но здесь и сейчас тщеславие требует, чтобы ты узнал моё настоящее имя — Жемчуг. — Он помолчал, огляделся и вздохнул. — Ты меня напугал лишь однажды, когда намекнул, что Быстрый Бен прячется в твоём багаже. Я чуть не запаниковал тогда, пока не понял, что, если бы это было правдой, я был бы уже мёртвым — он бы меня вынюхал и скормил акулам. Тебе не следовало уходить из Когтей, Калам. Мы не слишком хорошо воспринимаем отказы. Императрица хочет тебя видеть, знаешь ли, даже поговорить с тобой. Прежде чем заживо освежевать, я полагаю. Увы, всё ведь не так просто, верно? И вот мы достигли финала... — Боковым зрением Калам увидел, что он обнажил кинжал. — Есть у Когтей нерушимые законы, как ты понимаешь. Один из них ты наверняка ещё не забыл... — Клинок вошёл в бок Каламу с глухой, далёкой болью. Жемчуг выдернул кинжал. — Нет, не смертельно, просто много крови. Чтобы тебя ослабить, если можно так сказать. Малаз сегодня удивительно тих, тебе не кажется? И закономерно — что-то носится в воздухе, все карманники, грабители и воры это почувствовали и решили залечь на дно. Три Пятерни ждут тебя, Калам... мы, Когти, сами разбираемся со своими членами. — Жемчуг подхватил убийцу под руки. — Ты очнёшься, когда коснёшься воды, друг мой. Не спорю, плыть будет нелегко, особенно если учесть твои доспехи. И от крови одна морока — эта бухта печально известна акулами. Но я в тебя верю, Калам. Знаю, что ты доберёшься до берега. По крайней мере, туда. А потом — что ж... — Убийца почувствовал, как его переваливают через борт. Он уставился на чёрную воду внизу. — Очень, очень жаль капитана и его команду. Но ты ведь понимаешь, у меня нет выбора. Прощай, Калам Мехар.

С тихим всплеском убийца упал в воду. Жемчуг смотрел вниз, пока волны не улеглись. Его уверенность в Каламе пошатнулась. Он ведь всё-таки в кольчуге. Затем Коготь пожал плечами, вытащил пару стилетов и развернулся к неподвижным фигурам на верхней палубе.

— У доброго человека работы всегда вдоволь, увы, — проговорил он и сделал шаг вперёд.

Фигура, которая выступила из тени перед ним, была огромной, угловатой и чёрной. На вытянутой голове мерцал единственный глаз, а на шее сидел всадник с лицом, которое можно было принять за насмешку над ликом его скакуна. Жемчуг отступил на шаг и улыбнулся.

— Ах, какая возможность отблагодарить тебя за помощь против семаков. Я не знал тогда, откуда ты явился, не знаю и теперь, как и зачем ты прибыл сюда, однако прошу принять мою благодарность...

— Калам, — прошептал всадник. — Он был здесь только что.

Жемчуг прищурился.

— Ах, теперь понимаю. Ты следил не за мной, верно? Нет, конечно, нет. Как глупо с моей стороны! Что ж, отвечая на твой вопрос, дитя, Калам отправился в город...

Закончить он не успел: демон рванулся вперёд. Жемчуг нырнул под взмах челюстей — только чтобы попасть под удар передней лапы. Коготь отлетел на двадцать футов и врезался в старую шлюпку. Боль — плечо выбило из сустава. Жемчуг перекатился, заставил себя сесть. Он смотрел, как демон подходит ближе.

— Похоже, я встретил себе равного, — прошептал Жемчуг. — Хорошо. — Он сунул руку за пазуху. — Попробуй вот это.

Крошечная бутылочка разбилась о палубу между ними. От осколков повалил дым, начал стучаться.

— Кенрилл'ах, похоже, рвётся в бой, верно? — Жемчуг поднялся на ноги. — Что ж, думаю, я оставляю вас с ним наедине. Сам я до смерти хочу взглянуть на некую таверну в Малазе.

Он взмахнул рукой, открылся Путь, накрыл Когтя, а когда схлопнулся, Жемчуга уже нигде не было видно.

Апт смотрела, как обретает форму имперский демон — существо вдвое тяжелее её, могучее, звероподобное.

Ребёнок наклонился и похлопал Апт по плечу.

— Давай мы с ним быстро закончим, ладно?

Капитан очнулся под звуки взрывов и треск дерева. Он заморгал во тьме, а под ним бешено качалась «Затычка». На палубе послышались крики. Со стоном капитан заставил себя вскочить с постели, почувствовал ясность в уме, которой не знал долгие месяцы, свободу действий и мысли, которая недвусмысленно говорила ему, что влияние Жемчуга исчезло.

Он добрался до двери каюты — руки и ноги ослабели от долгой неподвижности — и вывалился в коридор.

Выбравшись на палубу, он обнаружил себя в толпе перепуганных матросов. Два жутких создания сошлись в бою прямо перед ними: больший из противников уже превратился в массу изорванной плоти, ибо не мог превзойти молниеносную скорость врага. Отчаянными взмахами огромной двулезвийной секиры он уже разбил палубу и планширь в щепки. Ещё раньше он перерубил мачту, и хотя та ещё стояла, запутавшись в такелаже, брус опасно наклонился, и под его весом накренился весь корабль.

— Капитан!

— Заставь ребят вытянуть шлюпки на корму, Палет, — оттуда их спустим.

— Есть! — Заместитель первого помощника стал выкрикивать команды, затем снова обернулся, чтобы улыбнуться капитану. — Рад, что ты снова с нами, Картер...

– Заткнись, Палет! Мы в Малазе, а я ведь утонул много лет назад, помнишь?
– Он прищурился, глядя на борьбу демонов. – Этого «Затычка» не выдержит...

– Но сокровища...

– К Худу! Мы её потом поднять сможем – если только живыми останемся.
Давай-ка теперь поможем парням со шлюпками – мы воду набираем и быстро идём на дно.

– Храни нас Беру! В море же полно акул!

В пятидесяти ярдах от них капитан быстроходного торговца стоял рядом со своим первым помощником и пытался разглядеть, что же происходит впереди.

– Табань вёсла, – сказал капитан.

– Есть.

– Корабль идёт на дно. Собери людей, спускай спасательные шлюпки...

По палубе позади застучали конские копыта. Оба развернулись. Первый помощник вышел вперёд.

– Эй! Ты что вытворяешь, клянусь Маэлем? Как ты вообще этого треклятого коня вытащила на палубу?

Женщина подтянула подпругу, затем взлетела в седло.

– Прости, – сказала. – Но я не могу ждать.

Матросы и морпехи бросились врассыпную, когда она пустила коня вскачь. Жеребец подлетел к планширю и прыгнул во тьму. В следующий миг послышался громкий всплеск.

Первый помощник с отвисшей челюстью посмотрел на капитана.

– Вызывай корабельного мага и выведи ему козу, – рявкнул капитан.

– Что?

– Если кто такой отчаянный или глупый, чтобы сотворить то, что она только что сотворила, мы должны помочь, чем только можем. Прикажи корабельному магу разогнать акул и всё остальное, что там её может поджидать. И живо!

Глава двадцать первая

Всякий трон — мишень для стрел.

Келланвед

Под гигантским шпилем Вихря поднялось облако пыли поменьше — огромная армия сворачивала лагерь. Своенравный ветер разносил охряные тучи прочь из оазиса, и они оседали тут и там среди старых развалин. Воздух повсюду золотился, словно пустыня наконец открыла свои воспоминания о богатстве и славе, чтобы только показать, какими они были на самом деле.

Ша'ик стояла на плоской крыше деревянной смотровой башни рядом с дворцовым плацем. Она практически не замечала суеты и беготни внизу, вглядываясь в золотое море на юге. Девочка, которую она удочерила, сидела рядом и смотрела на мать проницательным, пристальным взглядом.

Приставная лестница заскрипела — Ша'ик не сразу поняла, что кто-то поднимается на башню, обернулась и увидела, как из люка появляются голова и плечи Геборика. Бывший жрец выбрался на платформу и положил невидимую руку на голову девочке, прежде чем обернуться к Ша'ик.

— Глаз да глаз нужен за Л'ориком, — заявил Геборик. — Остальные двое только воображают, что очень хитры и скрытны.

— Л'орик, — пробормотала она, снова глядя на юг. — Что ты в нём чувствуешь?

— Твоё знание превосходит моё, девочка...

— И тем не менее.

— Мне кажется, он чуёт сделку.

— Сделку?

Геборик подошёл к ней и оперся татуированными запястьями о тонкие деревянные перила.

— Которую с тобой заключила богиня. Ту, что подтверждает: перерождение на самом деле не свершилось...

— Не свершилось, Геборик?

— Да. У ребёнка нет выбора, родиться или нет, ребёнок вообще не имеет своего слова. У тебя было и то и другое. Ша'ик не переродилась, она пересотворилась. Л'орик вполне может это унюхать, решить, что это дырка в твоей броне.

— Значит, он рискует навлечь на себя гнев богини.

— О да, и мне кажется, он об этом хорошо знает, девочка. Поэтому за ним нужно присматривать. Аккуратно.

Некоторое время оба молчали, глядя на непроницаемую завесу на юге. Наконец Геборик откашлялся.

— Может быть, с твоими новыми дарованиями ты сумеешь ответить на некоторые вопросы.

— Например?

— Когда Дриджна выбрала тебя?

— О чём ты?

— Когда начались манипуляции? Здесь, в Рараку? В Черепке? Или на другом континенте? Когда богиня впервые обратила на тебя свой взгляд, девочка?

— Никогда.

Геборик был поражён.

— Это...

— Невероятно? Да, но это правда. Это был мой путь — и только мой. Ты должен понять: даже богини не способны предвидеть неожиданную гибель, этот извив смертности, принятые решения, тропы, которыми пойдёт или не пойдёт человек. Ша'ик Старшая обладала пророческим даром, но когда получаешь такой дар — он лишь семя. Которое прорастает в свободе человеческой души. Дриджну очень беспокоили видения Ша'ик. Видения безумные. Тень угрозы, но ничего наверняка, ничего точно. К тому же, — добавила она, пожав плечами, — стратегия и тактика — не самые сильные стороны богини Апокалипсиса.

Геборик скривился.

— Это дурное предзнаменование.

— Наоборот. Мы вольны разработать собственные.

— Даже если богиня тебя не направляла, значит, вели кто-то или что-то иное. Иначе Ша'ик никогда бы не получила таких видений.

— Теперь ты говоришь о судьбе. Об этом спорь с другими философами, Геборик. Не всякую загадку можно отгадать, как бы ты ни верил в обратное. Прости, если тебе от этого больно...

— Нет, это ты прости. Но мне кажется, что если смертные — фигуры на доске, то то же и с богами.

— «Противоборство стихийных сил», — с улыбкой сказала она.

Брови Геборика приподнялись, затем он нахмурился.

— Цитата. Знакомая...

– Конечно, знакомая. Эти слова высечены над Императорскими воротами в Унте. Это сказал Келланвед, чтобы оправдать разрушение созиданием – расширение Империи во всей её алчной славе.

– Худов дух! – прошипел старик.

– Я заставила тебя задуматься о другом, Геборик?

– Да.

– Ну, побереги дыхание. Это тема для твоего следующего трактата – не сомневаюсь, старые дурни в пляс пустятся от восторга.

– Старые дурни?

– Другие философы. Твои читатели, Геборик.

– А-а.

На некоторое время они снова погрузились в молчание.

– Что будешь делать? – тихо спросил старик.

– С тем, что там произошло?

– С тем, что по-прежнему происходит. Корболо Дом устраивает бессмысленную резню, прикрываясь твоим именем..

– Во имя богини, – поправила Ша'ик, услышав сдержанный гнев в собственном голосе. Она уже говорила об этом с Леоманом – в резких выражениях.

– Вести о «возрождении», наверное, добрались до него..

– Ещё нет. Я запечатала Рараку, Геборик. Буря вокруг пустыни может снять плоть с костей. Даже т'лан имасс не смог бы пройти.

– Но ты дала знак, – возразил старик. – Вихрь.

– И это вызвало в сердце Корболо Дома сомнения. И страхи. Он всей душой жаждет исполнить то, что начал. И он по-прежнему свободен, поэтому может удовлетворять свои навязчивые желания..

– Так что же ты будешь делать? Да, мы можем выступить, но у нас уйдут месяцы на то, чтобы добраться до Арэнской равнины, а к тому времени Корболо Дом даст Тавор все возможные основания для жесточайшей кары. Восстание и так было кровавым, но твоя сестра сделает такое, что всё это покажется царапиной на заднице.

– По-твоему, она лучше меня, Геборик, не так ли? Что касается тактики..

– У нас есть прецедент: как далеко твоя сестра может зайти в жестокости, – проворчал он. – Вот он – стоит передо мной..

– И в этом – моё самое большое преимущество, старик. Тавор думает, будто столкнётся с ведьмой пустыни, которой никогда не видела. Неведение заставит её презирать такое создание. Но я своего врага знаю.

Далёкий рёв Вихря у них за спиной вдруг зазвучал иначе. Ша'ик улыбнулась. В следующий миг Геборик тоже почувствовал изменения. Он обернулся.

– Что происходит?

– Нам не потребуются месяцы, чтобы добраться до Арэна, Геборик. Ты никогда не задумывался, что такое Вихрь?

Слепые глаза бывшего жреца поражённо распахнулись, когда он посмотрел на колонну из песка и ветра. Ша'ик задумалась, как сверхъестественные чувства покажут ему этот феномен, но следующие слова подтвердили: он узрел истину.

– Клянусь богами, он же падает!

– Путь Дриджны, Геборик, станет нашей дорогой на юг.

– А мы успеем туда вовремя, Фели... Ша'ик? Успеем остановить безумие Корболо Дома?

Она не стала говорить ему, что уже слишком поздно.

Когда Дукер выехал из ворот, руки в перчатках схватили поводья и заставили его кобылу резко остановиться. Рука поменьше вцепилась в руку историка, отчаянно сжала. Он посмотрел вниз и увидел в лице Бездны мучительный ужас, от которого по жилам раскатился лёд.

– В башню! – умоляюще воскликнула она. – Быстрее!

Странный гул раскатился по стенам Арэна, этот звук тьмой заполнил пыльный воздух. Соскользнув с седла, Дукер почувствовал, как сердце его заколотилось. Бездна потащила его через толпу солдат гарнизона и беженцев. Он чувствовал прикосновения других рук – люди трогали его, словно благословляли или просили благословения.

Внезапно впереди показался сводчатый портал, ведущий к полутёмной лестнице, которая поднималась вдоль одной из внутренних стен башни. Гул на стенах уже превратился в рёв – бессловесный вопль возмущения, ужаса и боли. В башне он раскатился безумным эхом, нарастал с каждой ступенькой, на которую ступали колдунья с историком.

На средней площадке она протащила его мимо Т-образных амбразур, к которым прижались двое лучников, и дальше – вверх по истёртым ступеням. Ни один из лучников их даже не заметил.

Когда колдунья и Дукер подошли к столбу яркого света под люком, до них донёсся дрожащий голос:

— Их слишком много... я ничего не могу сделать, нет-нет, боги, помилуйте меня, — их слишком, слишком много...

Бездна поднялась наверх, за ней последовал Дукер. Они оказались на широкой площадке. У внешней стены стояли три фигуры. В левой Дукер сразу же узнал Маллика Рэла — советника, которого он в последний раз видел в Хиссаре, — чьё шёлковое облачение трепетало на горячем ветру. Человек рядом, наверное, был Первым Кулаком Пормквалем — высокий, жилистый, сутулый, в такой роскошной одежде, что король бы позавидовал, его бледные руки трепетали на парاپете, словно пойманные птицы. Справа от него стоял солдат в хорошо подогнанных доспехах, торквес на левой руке указывал на чин командора. Он обхватил себя мускулистыми руками, словно пытался сам себе переломать кости. Казалось, командор вот-вот взорвётся.

Рядом с люком сидел Нихил — совершенно разбитый. Юный колдун обратился к Дукеру серое постаревшее лицо. Бездна бросилась к брату и отчаянно обняла его, а потом не захотела или не смогла отпустить.

Солдаты на стенах рядом вопили, этот звук резал воздух, словно серп самого Худа.

Историк подошёл к стене рядом с командором. Руки Дукера коснулись нагретого солнцем камня мерлона. Он взглянул на равнину и едва подавил вскрик. Паника охватила его, когда историк увидел, что происходит на склоне ближайшего кургана.

Колтейн.

Над всё сжимающейся массой из едва ли четырёх сотен солдат развевались три знамени: штандарт Седьмой; полированный, собранный собачий скелет клана Дурного Пса; чёрные вороньи крылья на бронзовом диске, который отчаянно блестел на солнце. Нерушимые знаменосцы продолжали гордо и высоко поднимать их.

Повсюду со звериной яростью бушевали тысячи воинов Корболо Дома, масса пехотинцев безо всякой дисциплины, одержимая лишь жадой убийства. Кавалеристы скакали по краям этой толпы, чтобы перекрыть пространство между курганом и городскими стенами — однако не рисковали подъезжать близко, чтобы не попасть под обстрел лучников Арэна. Личная гвардия Корболо Дома и, несомненно, лично Кулак-предатель расположились на предпоследнем кургане, там уже соорудили помост, словно чтобы лучше разглядеть то, что происходит на соседнем холме.

Расстояние было слишком близким, чтобы пощадить тех, кто смотрел на бой с башни и городских стен. Дукер увидел Колтейна среди инженеров Глазка и горстки морпехов Сна — круглый щит на левой руке разбит, вороний плащ блестит так, словно измазан смолой. Историк увидел командора Бальта, который руководил отступлением на вершину кургана. Виканские псы кружили и скакали вокруг старого воина, словно личная охрана, несмотря на раз за разом обрушивавшийся на них град стрел. Среди собак высился один зверь — густо утыканный стрелами, он всё равно продолжал драться.

Лошади пали. Клан Куницы истреблён. Воинов Дурного Пса осталось не более двадцати, они окружали полдюжины стариков и лошадиц — вырванное,

умирающее сердце клана. Было ясно, что из Ворон остались лишь Бальт и Колтейн.

Солдаты Седьмой, на которых почти не осталось доспехов, стояли плотным строем вокруг остальных. Многие уже не могли поднять оружие, но всё равно стояли, хотя их резали на куски. Пошады не давали, упавших солдат забивали жестоко – срывали шлемы, ломали руки, которыми они пытались защититься от ударов, дробили черепа.

Камень под ладонями Дукера вдруг стал липким. Руки пронзили железные копы боли. Он не заметил.

Совершив мучительное усилие, историк отвернулся, чтобы схватить красными пальцами Пормквалю...

Командир гарнизона заступил ему дорогу, удержал.

Первый Кулак увидел Дукера и отшатнулся.

– Ты не понимаешь! – заверещал он. – Я не могу их спасти! Слишком много! Слишком много!

– Можешь, ублюдок! Вылазка до кургана – создать коридор, будь ты проклят!

– Нет! Нас раздавят! Я не должен!

Дукер услышал тихое рычание командора.

– Ты прав, историк. Но он не сделает этого. Первый Кулак не даст нам их спасти...

Дукер попытался вырваться, но тот его оттолкнул.

– Худа ради! – рявкнул командор. – Мы пытались... мы все пытались...

Маллик Рэл подошёл ближе и тихо проговорил:

– Сердце моё рыдает, историк. Первого Кулака не переубедить...

– Это убийство!

– За которое Корболо Дом заплатит дорогую цену.

Дукер развернулся, бросился снова к парапету.

Они умирали. Здесь, почти можно дотянуться – нет, солдат смог бы дотянуться. Боль сжала чёрный кулак в животе историка. Не могу на это смотреть.

Но должен.

Он увидел, что на ногах осталось ещё около сотни солдат, однако бой превратился в бойню – борьба шла только между повстанцами Корболо Дома за право нанести последний удар и воздеть над головой с победным криком

жуткий трофей. Солдаты Седьмой падали и падали, защищая одной лишь плотью и кровью тех, кто провёл их через весь континент, чтобы умереть здесь, в тени высоких стен Арэна.

А на стенах стояла армия, десять тысяч солдат, которые беспомощно смотрели – смотрели на величайшее преступление, совершённое Первым Кулаком Малазанской империи.

Дукер не мог себе даже представить, как Колтейн сумел так далеко продвинуться. Он видел окончание битвы, которая, должно быть, длилась без перерыва несколько дней – битвы, которая позволила беженцам спастись, – вот почему туча пыли приближалась столь медленно.

Последние солдаты Седьмой исчезли под напором тел. Бальт стоял спина к спине со знаменосцем и сжимал в каждой руке по дхобрийскому тальвару. Толпа набросилась на него, пронзила короткими копьями, будто загнанного в угол медведя. И даже тогда Бальт ещё поднялся, отсёк взмахом тальвара ногу одному из врагов – тот завыл и отшатнулся. Но копья вошли глубоко, отбросили виканца, пригвоздили к земле. Взметнулись клинки – и опустились, чтобы зарубить его насмерть.

Знаменосец оставил штандарт стоять между телами соратников и прыгнул вперёд в отчаянной попытке добраться до своего командира. Тяжёлый клинок обезглавил его одним ударом, так что голова покатилась и остановилась рядом с кровавым месивом у подножия знамени. Так погиб капрал Лист, который столько раз умирал во время учений в Хиссаре.

Позиция Дурных Псов скрылась под сплошной массой тел, в следующий миг упал их штандарт. В воздух взметнулись окровавленные скальпы, орошая землю алым дождём.

Колтейн продолжал сражаться среди последних инженеров и морпехов. Сопротивление продлилось всего лишь несколько мгновений. Воины Корболо Дома убили последних защитников, а затем набросились на самого Колтейна, погребли его под волной кровожадного безумия.

Огромный, утыканный стрелами пёс метнулся туда, где исчез Колтейн, но затем копьё пронзило зверя насквозь, высоко подняло над землёй. Извиваясь, пёс сполз вниз по древку и ещё успел отнять жизнь у одного врага – разорвал глотку солдату с копьём.

Затем умер и он.

Штандарт Вороньего клана зашатался, накренился и скрылся под ногами врагов.

Дукер стоял неподвижно, не мог поверить в увиденное.

Колтейн.

Пронзительный вой поднялся за спиной у историка. Он медленно обернулся. Бездна по-прежнему обнимала Нихила, словно маленького ребёнка, но голова его запрокинулась, он смотрел в небо широко открытыми глазами.

Всех их накрыла тень.

Вороны.

И к Сормо, Старшему колдуну, на стену Унты явились одиннадцать ворон — одиннадцать, чтобы забрать душу великого человека, ибо ни одна птица не сумела бы удержать её всю. Одиннадцать.

Небо над Арэном почернело от ворон, море крыльев бушевало повсюду.

Вой Бездны становился всё громче и громче, словно её собственная душа с болью вырывалась из горла.

Дукер содрогнулся. Это ещё не всё — не конец... Он развернулся, увидел наскоро поднятый крест, увидел прибитого к нему живого человека.

— Они его не отпускают! — закричала Бездна. Она вдруг оказалась рядом с Дукером и тоже смотрела на курган. Она вцепилась себе в волосы, впиалась ногтями в кожу, пока кровь не заструилась по лицу. Дукер схватил её за руки — такие тонкие, детские запястья — и прижал их к груди, прежде чем она дотянулась до глаз.

На помосте рядом с Корболо Домом стоял Камист Релой. Расцвело чародейство — смертоносная, дикая волна устремилась вперёд и врезалась в подлетающих ворон. Чёрные птицы закувыркались, повалились с неба...

— Нет! — завопила Бездна; извиваясь в руках Дукера, она попыталась вырваться, броситься со стены.

Туча ворон рассыпалась, собралась снова, снова попыталась подлететь.

Камист Релой уничтожил ещё несколько сотен птиц.

— Освободите его душу! От плоти! Освободите!

Рядом командир гарнизона повернулся и ледяным голосом приказал одному из своих адъютантов:

— Найди мне Прищура, капрал. Живо!

Адъютант не стал бежать вниз по лестнице: он просто подошёл к дальней стене, перегнулся через парапет и заорал:

— Прищур! А ну бегом сюда, чтоб тебя!

Ещё одна волна чародейства смахнула сотни ворон с неба. В тишине туча птиц снова собралась воедино.

Рёв на стенах Арэна стих. В воздухе дрожала тишина.

Бездна обмякла в руках историка, словно ребёнок. Дукер увидел, что Нихил свернулся клубком и неподвижно лежит на площадке около люка — лишился чувств или умер. Он обмочился, вокруг растекалась лужа.

На лестнице раздался топот сапог.

Адъютант сказал командору:

— Он помогал беженцам, сэр. Думаю, он вообще не знает, что происходит...

Дукер взглянул на одинокую фигуру на кресте. Та была ещё жива — ей не дадут умереть, не выпустят душу, Камист Релой отлично знает, что делает, прекрасно понимает весь ужас своего преступления, методично уничтожая сосуды, призванные вместить эту душу. Со всех сторон к кургану рвались солдаты, карабкались по склонам, как муравьи.

В фигуру на кресте полетели какие-то предметы, которые оставляли на теле кровавые полосы. Куски мяса, о боги, — куски мяса — останки погибших солдат его армии — от такой жестокости Дукер похолодел и содрогнулся.

— Сюда, Прищур! — прорычал командор.

Рядом с Дукером возник солдат — невысокий, коренастый, седой. Его глаза, спрятавшиеся среди морщин, впелись в далёкую фигуру на кресте.

— Милость божья, — прошептал он.

— Ну что? — спросил командор.

— Тут же шагов пятьсот, Блистиг...

— Я знаю.

— Возможно, потребуется больше одного выстрела, командор.

— Так начинай, чтоб тебя!

Старый солдат в форме, которая, кажется, не стиралась и не чинилась лет десять, снял с плеча длинный лук. Подобрал тетиву, переступил через лук и выгнул его через бедро. Когда он набрасывал тетиву, руки его дрожали. Затем солдат выпрямился и изучил стрелы в колчане у бедра.

Ещё одно волна чародейства врезалась в тучу ворон.

Долгий миг спустя Прищур выбрал стрелу.

— Я в грудь попробую. Цель самая большая, командор. Пара попаданий — да и кончится эта бедная душа.

— Ещё хоть слово, Прищур, — прошептал Блистиг, — и я тебе язык прикажу отрезать.

Солдат положил стрелу на тетиву.

— Расступитесь-ка.

Бездна безвольно висела на руках у Дукера, когда он оттащил её на шаг назад.

Даже в натянутом состоянии лук был ростом с самого стрелка. Когда он натягивал тетиву, мышцы на руках свились, словно тугие канаты. Тетива коснулась щетины на щеке, когда он полностью натянул лук, а затем замер, медленно, ровно выдыхая.

Дукер заметил, что солдат вдруг задрожал, глаза его впервые широко распахнулись – маленькие, чёрные пуговицы в пронизанных красноватыми прожилками гнёздах.

В голосе Блистига звучал чистый страх:

– Прищур...

– Это же Колтейн, командор! – прохрипел старик. – Ты хочешь, чтоб я убил Колтейна...

– Прищур!

Бездна подняла голову и с мольбой вытянула окровавленную руку.

– Освободи его. Пожалуйста.

Старик посмотрел на неё. По его лицу потекли слёзы. Дрожь ушла – сам лук не сдвинулся и на дюйм.

– Худов дух! – прошипел Дукер. Он же плачет. Не может прицелиться – этот ублюдок не может прицелиться...

Тетива зазвенела. Длинная стрела взмыла к небу.

– О боги! – застонал Прищур. – Слишком высоко – слишком высоко!

Стрела взлетела, пронеслась сквозь плотную тучу ворон и по дуге начала падать вниз.

Дукер мог бы поклясться, что в тот миг Колтейн поднял голову и встретил взглядом этот дар, прежде чем железный наконечник вошёл ему в лоб, пробил кость, вонзился глубоко в мозг и мгновенно убил его. Голова дёрнулась назад между брусьями, а потом стрела прошла её насквозь.

Воины на склонах кургана отшатнулись.

Небо затряслось от зловещих криков ворон, когда чёрные птицы устремились к обвисшей на кресте фигуре, промчались над воинами на склонах. Брошенные в них чары отшвырнула неведомая сила – душа Колтейна? – которая теперь поднималась навстречу воронам.

Туча опустилась на Колтейна, покрыла его полностью, вместе с крестом – с такого расстояния птицы показались Дукеру мухами на куске мяса.

А когда они взмыли в небо, вождя Вороньего клана уже не было.

Дукер зашатался, тяжело прислонился к каменной стене. Бездна выскользнула у него из рук, свернулась у ног, так что окровавленные волосы скрыли лицо.

— Я его убил, — простонал Прищур. — Я убил Колтейна. Кто отнял у него жизнь? Старый бедовый солдат армии Первого Кулака — он убил Колтейна... Ох, Беру, смилуйся над моей душой..

Дукер обхватил старика руками и крепко обнял. Лук со стуком упал на каменные плиты. Историк почувствовал, как солдат обмяк в его объятиях, словно кости у него вдруг превратились в пыль, будто долгие века входили в него с каждым судорожным вздохом.

Командор Блиститг схватил лучника за шиворот и вздёрнул на ноги.

— Ещё до заката, ублюдок, — прошипел он, — десять тысяч солдат будут повторять твоё имя. — Эти слова потрясли старика. — Как молитву, Прищур, как Худом деланную молитву.

Историк зажмурился. Такой выпал день — обнимать сломленных и потрясённых.

Но кто обнимет меня?

Дукер открыл глаза, поднял голову. Губы Первого Кулака шевелились, словно он пытался попросить прощения. На тонком, умощённом маслами лице Пормкваля отражалось изумление, в устремлённом на историка взгляде плескался животный страх.

У кургана армия Корболо Дома зашевелилась, задрожала, как тростник в бурном потоке, пришла в беспокойное, бессмысленное движение. Вой закончился, и настала расплата. Зазвучали голоса, бессловесные крики, но их было слишком мало, чтобы разорвать чудовищное молчание, которое набирало силу.

Вороны исчезли, перекрещенные брусья были пусты, окровавленными древками они возвышались над толпой.

Над головами начало умирать небо.

Дукер снова посмотрел на Пормквалю. Первый Кулак словно вжался в тень Маллика Рэла. Он покачал головой, словно отказывался верить в этот день.

Трижды преданный.

Колтейн мёртв, Первый Кулак. Все они мертвы.

Глава двадцать вторая

Вижу: солнца стрела
вершит безупречный полёт
в лоб человеку.
Когда долетела, вороны
собрались, будто
дыхание ночи.
Сеглора. Собачья цепь

Легкие волны лизали заваленную мусором грязь под причалом. Ночные насекомые плясали над самой водой, а у берега в исступлённом безумии откладывали яйца какие-то угри. Тысячи чёрных, блестящих созданий извивались под дрожащим маревом мошкеры. Из года в год они возвращались к этому берегу, а люди не обращали никакого внимания — исключительно потому, что на вкус угри были просто ужасны.

Из темноты под причалом послышался плеск воды. Оттуда покатались волны — единственный признак того, что кто-то вынырнул из моря у самого берега.

Калам выбрался на сушу и повалился в изрытую угрями грязь. Тёплая кровь по-прежнему текла между пальцами правой руки, которая зажимала рану. Рубашки на убийце не было, а кольчуга уже покрывалась илом где-то на дне Малазанской бухты, так что Калам остался только в легинсах из оленьей кожи и мокасинах.

Чтобы избавиться под водой от доспехов, ему пришлось снять пояс и перевязь с ножами. Отчаянная потребность выбраться на поверхность и глотнуть воздуха заставила убийцу выпустить их из рук.

И оставила безоружным.

Где-то вдали корабль разрывали на куски, треск и дикий грохот далеко разносились над водой. Калам слегка удивился, но не стал задумываться. Сейчас у него были другие задачи.

Лёгкие укусы подсказали, что угри глубоко возмущены его бестактным вторжением. Стараясь умерить дыхание, он прополз чуть дальше по илистому берегу. Битые черепки врезались в тело, когда Калам выбрался на первый каменный волнорез. Он перевернулся на спину и устался на поросшую водорослями нижнюю сторону причала. В следующий миг убийца закрыл глаза и попытался сосредоточиться.

Кровотечение из раны сперва замедлилось, затем вовсе прекратилось.

Через несколько минут он сел и принялся снимать с себя угрей, которые присосались, точно пиявки, и бросать их во тьму, туда, откуда доносилась

возня портовых крыс. Они уже подбирались к убийце, а тот слышал довольно жутковатых историй, чтобы понимать: не знающая страха орда вполне может оказаться опасной.

Дальше ждать было нельзя. Калам поднялся на корточки, взглянул на сваи над волнорезом. В часы прилива можно было бы дотянуться до массивных бронзовых колец, вделанных в деревянные столбы на третьей четверти высоты. Сваи были покрыты чёрным дёгтем, кроме тех мест, где корабли бились о причал, оставляя неровные, пропитанные водой вмятины.

Значит, другого пути наверх нет...

Убийца прошёл по волнолому, пока не оказался напротив торгового кораблика. Пузатое судно, чуть накренившись, лежало в грязи. Толстая пеньковая верёвка тянулась с носа к одному из бронзовых колец на свае.

В обычных обстоятельствах взобраться было бы легко, но даже умения Когтя не позволили Каламу избежать кровотечения, когда он карабкался наверх по верёвке. Убийца чувствовал, что слабеет, а добравшись до кольца, вовсе остановился, дрожа, чтобы восстановить силы.

С тех пор как Салк Элан выбросил его за борт, у Калама не было времени подумать, — не было и теперь. Проклинать собственную глупость — пустое занятие. Убийцы ждут его на тёмных, узких улочках Малаза. Следующие несколько часов, скорее всего, станут последними по эту сторону Врат Худа.

Калам отнюдь не собирался стать лёгкой добычей.

Скорчившись у кольца, он снова заставил дыхание замедлиться, остановить кровотечение из раны и многочисленных укусов.

На крышах складов дозорные с усиленным чарами зрением, а у меня даже рубашки нет, чтобы скрыть тепло тела. Они знают, что я ранен, это испытание высших дисциплин — сомневаюсь, что даже Стерва в лучшие свои годы смогла бы охладить тело в таких обстоятельствах. А я смогу?

Он снова закрыл глаза. Отвести кровь от кожи, увести глубже в мускулы, ближе к кости. Всякий вздох — лёд, всякое касание к земле или камню — уравнивание температуры. Никакого следа в движении, никакого тепла за спиной. Чего они будут ждать от раненого человека?

Не этого.

Он открыл глаза, отпустил одной рукой кольцо и прижал предплечье к изъеденному коррозией металлу. Тот показался тёплым.

Пора.

До верхушки сваи было совсем близко. Калам выпрямился, медленно подтянулся и выбрался на покрытые засохшим слоем птичьего помёта доски. Перед ним открылась Передняя улица. У выходящих на улицу ворот склада теснились тележки, до ближайшей было меньше двадцати шагов.

Побежать значило бы кликать смерть, тело бы не успело приспособиться к изменению температуры, и такое тепловое пятно не заметить было бы невозможно.

Один угорь пробрался слишком далеко и собирается ползти дальше. На животе Калам двинулся вперёд, выбрался на влажные камни мостовой, прижался к ним лицом, чтобы дыхание вырывалось вниз.

Чародейство расхолаживает охотников, они ленятся реагировать на то, что не кажется очевидным — при усиленных-то чувствах. Они забывают игру теней, музыку темноты, самые тонкие и неприметные знаки... надеюсь, что так.

Он не мог поднять глаза, но знал, что на самом деле совершенно открыт, точно червяк на вымощенной крупными плитами тропинке. Где-то в душе кипело желание заорать от ужаса, но убийца его подавил. Высшая дисциплина — безжалостная госпожа его духа, тела, самого сознания.

Больше всего он боялся, что в тучах на небе образуется разрыв. Луна стала ему врагом, если она пробудится, даже самый ленивый дозорный не пропустит тень, которую Калам отбросит на мостовой.

Минуты шли, а он полз — мучительно медленно — через улицу. В городе царил мертвенная, неестественная тишина. Лабиринт ловушек, который для него заготовили охотники на случай, если жертва сможет зайти так далеко. В голове скользнула мысль — меня уже заметили, но зачем же портить игру? Охота должна давать длительное наслаждение, удовлетворить жажду мести братства. Зачем вообще готовить лабиринт, если убьёшь жертву до того, как она в нём заплутает?

Эта горькая логика впивалась в грудь раскалённым кинжалом, грозила разрушить маскировку сильнее, чем что бы то ни было. Однако Калам сумел приподняться очень медленно, задержать дыхание, прежде чем поднять глаза.

Он оказался под тележкой, коснулся темечком её дна.

Убийца замер. Они, конечно, ожидали состязания в скрытности, но ловкость рук была не единственным талантом Калама. Всегда они пригодились — другие, неожиданные умения... Убийца скользнул вперёд, оставил позади тележку, затем ещё три, и наконец оказался рядом с воротами склада.

Основные ворота для грузов представляли собой массивные раздвижные панели, которые были сейчас скреплены цепью с мощным висячим замком. Однако рядом в стене обнаружилась калитка — и ещё один замок.

Калам метнулся туда и прижался к старому дереву. Сомкнул обе руки на замке.

Не было ничего скрытного в грубой физической силе Калама. Сам замок выдержал поворот, но петли на дверце — не справились. Прижавшись всем телом к краю двери, убийца заглушил треск дерева.

Замок и петли остались у него в руках. Не выпуская их, Калам потянул дверь на себя и приоткрыл – ровно настолько, чтобы проскользнуть в темноту внутри.

Быстро осмотрев главный зал, убийца оказался у стойки с инструментами. Там он забрал клещи, топорик, джутовый мешок с обивочными гвоздями и тупой рабочий нож – с отломанным кончиком и иззубренным лезвием. Там же Калам обнаружил кожаную кузнечную рубаху и натянул её. В задней комнате нашлась дверь, ведущая в переулочек за складом.

До Мёртвого Дома, по представлению Калама, оставалось примерно шесть кварталов. Но Салк Элан знает – и там они меня будут ждать. Я был бы идиотом, если бы рванул сразу туда – и это они тоже знают.

Рассовав своё импровизированное оружие в петли на рубахе, Калам отодвинул засов, приоткрыл дверь и выглянул в щёлочку. Никакого движения. Он приоткрыл её ещё на несколько дюймов, оглядел соседние крыши, затем небо.

Никого, и тучи текли сплошной пеленой. Из-за ставней нескольких окон сочился слабый свет, который только делал гуще мрак в других местах. Где-то вдалеке залаяла собака.

Убийца шагнул наружу и бочком двинулся по краю заставленного ящиками переулочка.

В алькове около выхода из переулочка собралось пятно ещё более густой, непроглядной темноты. Калам заметил его, присмотрелся. Вытащил нож и топорик – и молниеносно рванулся прямо во мрак.

Чародейская тьма окутала его, как только убийца оказался в алькове. Нападение было столь неожиданным, что двое Когтей внутри не успели даже достать оружие. Зазубренное лезвие ножа распорол горло одному из них. Топорик раздробил ключицу и засел в рёбрах. Калам выпустил рукоятку и закрыл ладонью рот жертве, дёрнул, так что голова с хрустом врезалась в стену. Другой Коготь – женщина – с хрипящим бульканьем осела у стены.

В следующий миг Калам уже обыскивал тела, собирал метательные звёздочки, ножи, две пары коротких, широколезвийных стилетов, гарроту и самую ценную добычу – безрёберный арбалет Когтей, винтозарядный, маленький и смертоносный, пусть и на короткой дистанции. К нему прилагались восемь стрел, железные наконечники поблёскивали ядом, который назывался «белый паральт».

Калам снял с трупа мужчины тонкий чёрный плащ, набросил капюшон с марлевыми вставками около ушей. Передняя завеса клобука тоже была из тонкой газовой ткани, позволявшей сохранять боковое зрение.

Чародейство растаяло к тому моменту, когда он закончил. Выходит, по меньшей мере один из убитых был магом. Какая халатность – они у Шика совсем размякли.

Калам выдвинулся из алькова, поднял голову и принялся. Связь в Пятерне разорвана: остальные уже знают, что пришла беда, и сейчас медленно, осторожно приближаются.

Калам улыбнулся. Вы-то рассчитывали, что жертва побежит. Но уж простите.

И он вышел в ночь, чтобы начать охоту на Когтей.

Глава Пятерни склонил голову набок, затем вышел на открытое пространство. В следующий миг из переулка выступили две фигуры и подошли ближе, чтобы переговорить.

— Кровь пролилась, — пробормотал главарь. — Шик будет.. — Он обернулся на тихий щелчок. — Ага, сейчас узнаем подробности, — сказал он глядя на приближающегося коллегу в плаще.

— Убийца пришёл сюда, — прорычал новоприбывший.

— Я бы Шику патлы повывёртывал..

— Правильно, пора ему уже понять.

— Что..

Оба спутника главаря упали на мостовую. Огромный кулак врезался в лицо Когтю. Кости и хрящи захрустели. Главарь моргнул невидящими, налившимися кровью глазами. Носовая перегородка вошла ему в передний мозг, и Коготь повалился на землю.

Калам присел, чтобы прошептать в ухо мертвецу:

— Я знаю, что ты меня слышишь, Шик. Две Пятерни осталось. Прячься или беги — я всё равно тебя найду.

Он выпрямился и забрал своё оружие.

Труп у его ног булькающе рассмеялся, убийца опустил глаза, а из губ мертвеца послышался призрачный голос:

— С возвращением, Калам. Две Пятерни, говоришь? Уже нет, мой старинный друг..

— Напугал я тебя, да?

— Салк Элан, похоже, слишком легко тебя отпустил. Боюсь, я не буду столь снисходителен..

— Я знаю, где ты, Шик, и иду к тебе.

Последовала долгая пауза, затем труп заговорил в последний раз:

— Милости прошу, друг мой.

Имперский Путь в ту ночь стал похожим на решето — одна Пятерня за другой выходили через него в город. Один из порталов распахнулся прямо перед одиноким прохожим — и пять фигур сообщили о своём прибытии хрипом, брызгами крови и быстротечными предсмертными всхлипами. Ни один не сделал больше шага по скользкой мостовой Малаза прежде, чем его тело начало остывать во мраке ночи.

Улицы и переулки огласились криками: редкие горожане, которые осмелились выйти ночью из дому, поплатились за своё безрассудство жизнями. Когти больше не рисковали.

Калам стал в этой игре охотником, но они твёрдо решили доказать, что он — жертва.

Под ногами у них раскинулась бесконечная мозаика — разноцветные камешки складывались в невообразимый узор, который тянулся до самого горизонта. Шаги спутников гулко отдавались на нём негромким эхом.

Скрипач закинул арбалет за спину и пожал плечами.

— Зато беду мы здесь за лигу углядим, — заметил он.

— Все вы предаёте Азата! — прошипел Искарал Прыщ, наворачивая неровные круги вокруг отряда. — Яггу место под сводом корней. Такой был договор, сделка, план... — Он примолк, но затем продолжил уже другим тоном: — А какой договор? Разве получил Престол Тени ответы на свои вопросы? Разве Азат открыл своё древнее каменное лицо? Нет. Молчание было ответом — на всё. Мой повелитель мог бы провозгласить о своём высочайшем намерении испражниться на пороге Дома, но всё равно ответ бы не изменился. Молчание. Ну, разумеется, могло показаться, что это знак согласия. Возражения ведь не были озвучены? Не были! Некоторые допущения были необходимы, о да, очень необходимы. И в конце концов, случилась ведь некая победа, не так ли? Всё, кроме ягга, который остался на руках у трелля. — Он остановился, пытаясь отдышаться. — О боги, сколько же ещё идти?

— Пора отправляться в путь, — сказала Апсалар.

— Согласен, — пробормотал Скрипач. — Только вот куда идти?

Реллок встал на колени, чтобы как следует рассмотреть мозаику. Свет исходил только от неё — над головами спутников разлилась смоляная чернота. Каждая плитка была не больше половины ладони. Свет в них пульсировал в медленном, но ровном ритме. Вдруг старый рыбак крикнул.

— Отец?

— Вот тут, смотри-ка... — Он указал на одну из плиток. — Вот эта ломаная линия...

Скрипач присел рядом и посмотрел на пол.

– Если это какой-то маршрут, то очень кривой.

– Маршрут? – Рыбак поднял глаза. – Да нет же, вот здесь, смотри. Это Канское побережье.

– Что?

Старик провёл коротким ногтем по изломанной линии.

– Вот здесь Квонский берег, дальше Кан, вот Кон-Вор.. А здесь – остров Картул, а вот тут, на юго-западе, в центре плитки – остров Малаз.

– Ты что, хочешь сказать, что здесь, на этой маленькой плитке у нас под ногами, изображена большая часть континента Квон-Тали? – Но не успел он договорить, а уже и сам заметил сходство, увидел то, что показывал отец Апсалар. – А что же тогда, – тихо проговорил он, – на остальных?

– Ну, они не согласуются друг с другом, если ты об этом. Есть разрывы, карты других мест, наверное. И всё вперемешку, но масштаб, как мне кажется, всюду одинаковый.

Скрипач медленно поднялся.

– Но это же значит.. – Он запнулся, окинув взором бесконечный пол, который тянулся на лиги во всех направлениях.

Ох, все боги Бездны! Это что же – все Владения? Во всех мирах Дом Азатов как дома? О, Королева грёз, что же это за сила?

– По Пути Азатов, – поражённо сказал Маппо, – можно прийти.. куда угодно.

– Ты уверен? – спросил Крокус. – Тут есть карты, да, но.. – Он указал на плитку с изображением континента Квон-Тали. – Где же врата? Где вход?

Долгое время все молчали, затем Скрипач откашлялся.

– У тебя есть идея, парень?

Даруджиец пожал плечами.

– Карта – это карта, она могла бы и просто на столе лежать, если ты понимаешь, о чём я.

– Так что предлагаешь?

– Забыть о ней. Единственное, на что указывают эти плитки, – любой Дом в любом месте является частью общего рисунка, большой системы. Но даже зная это, не факт, что мы сможем её понять. Азаты остаются загадкой даже для богов. Мы просто потеряемся в предположениях, и такие игры разума нас ни к чему не приведут.

– Это верно, – пробурчал сапёр. – Только никак не помогает нам понять, в какую сторону идти.

— Возможно Искарал Прыщ угадал правильно, — сказала Апсалар. Её сапоги скрипнули по плиткам, когда девушка развернулась на пятках. — Но, увы, кажется, он исчез.

Крокус заозирался по сторонам.

— Будь он проклят, этот ублюдок!

Верховный жрец Тени, который долгое время бессмысленно кружил вокруг них, действительно пропал. Скрипач поморщился.

— Значит, он сообразил, только не побеспокоился с нами поделиться перед уходом..

— Постой! — воскликнул Маппо. Он уложил Икария, а затем прошёл дюжину шагов. — Здесь, — сказал он. — Сначала трудно было рассмотреть, но теперь ясно вижу.

Трелль взирал на что-то у себя под ногами.

— Что ты там нашёл? — спросил Скрипач.

— Подойди поближе — иначе практически невозможно увидеть, хотя это странно..

Остальные подошли.

На полу зияла яма, рваная дыра, в которую Искарал Прыщ попросту упал и исчез. Скрипач встал на колени и осторожно приблизился к краю.

— Худов дух! — ахнул он. Толщиной плитки пола были едва ли больше дюйма. Под ними не было земли. Под ними не было... ничего.

— Думаешь, это выход? — спросил Маппо.

Сапёр отполз обратно. Скользкие плитки вдруг показались ему тонким льдом.

— Худ меня побери, если знаю, но прыгать и проверять точно не буду.

— В этом я с тобой согласен, — прогудел трелль. Он вернулся туда, где лежал Икарий, и снова взял друга на руки.

— Эта дыра может расшириться, — сказал Крокус. — Я предлагаю идти. В любом направлении. Только подальше отсюда.

Аспалар сомневалась.

— А как же Искарал Прыщ? Может, он там где-то без сознания лежит?

— Худа с два, — ответил Скрипач. — Судя по тому, что я видел, бедолага до сих пор падает. Я одним глазком только посмотрел, и все кости тут же звывли: «Погибель!» Думаю, тут я положусь на свои инстинкты, девочка.

— Печальная смерть, — сказала она. — А он мне почти начал нравиться.

Скрипач кивнул.

— Наш личный домашний скорпион, ага.

Крокус пошёл прочь от ямы, остальные последовали за ним. Если бы они задержались ещё на несколько минут, то увидели бы, как из зияющей бездны поднялось облачко желтоватого тумана, загустело так, что стало совсем непрозрачным. Туман ещё некоторое время висел в воздухе, а затем начал растворяться, и когда наконец исчез, пропала и бездонная яма. Мозаика снова стала цельной.

Мёртвый Дом. Город Малаз, сердце Малазанской империи. Нечего нам там делать. Более того, на то, чтобы выдумать внятное объяснение, не хватило бы даже моей искушённой изобретательности. Божь, нам пора уходить.

Как-то.

Но это всё для меня чересчур — этот Путь, — и хуже того, мои преступления — словно раны, которые никак не хотят закрываться. Не могу сбежать от собственной трусости. В конце концов — и все они это знают, хоть и не говорят, — мои эгоистичные желания взяли верх, посмеялись над силой характера, над моим обетом. Я ведь мог уничтожить великую угрозу, уничтожить навеки.

Как же способна дружба отвратить от подобной возможности? Как способна душевная привязанность восставить, словно божество, будто само изменение стало чем-то демоническим? Я трус. Предложение свободы, прекращение, конец жизни, посвящённой одному обету, — вот самый великий ужас для меня.

Вот простая истина... тропы, по которым мы идём очень долго, становятся жизнью, темницей в своём праве...

Апсалар прыгнула вперёд, кончиками пальцев коснулась плеча, косичек, а затем — пустота. Инерция увлекла её дальше, туда, где ещё миг назад были Маппо с Икарием. Она полетела в зияющую черноту.

Крокус закричал и схватил её за ноги. Его тоже потащило по плиткам к бездонной яме, но сильные руки рыбака ухватили его и удержали.

Вместе они вытащили Апсалар на край бездны. В дюжине шагов от них с противоположной стороны стоял Скрипач — крик даруджийца стал для него первым признаком беды.

— Они пропали! — закричал Крокус. — Просто раз — и провалились, Скрип! Вообще без предупреждения!

Сапёр тихо выругался и осторожно присел на корточки. Мы здесь незваные гости... Он слышал рассказы о Путиях, где нет воздуха, где смертные сразу умирают, если решаются ступить на них. Какая гордыня — думать, будто все

миры обязаны склониться перед человеческими нуждами. Незваные гости — этому владению на нас плевать, нет здесь никаких законов, которые бы требовали о нас заботиться.

Впрочем, то же самое можно сказать и о любом другом мире.

Он тихо зашипел, медленно поднялся, пытаясь подавить волну горечи, вызванной внезапной гибелью людей, которых уже начал считать друзьями. И кто следующий?

— Ко мне идите, — проворчал он. — Все трое — осторожно. — Он порывлся в мешке и вытащил моток верёвки. — Нужна связка — если один упадёт, остальные его вытащат. Или все вместе пропадём. Договорились?

В ответ они с готовностью кивнули.

Да уж, мысль о том, чтобы в одиночку бродить по этому Пути, — не из приятных.

Спутники быстро перевязались верёвкой.

Четверо путников прошли ещё примерно тысячу шагов, прежде чем воздух задрожал — это был первый ветерок, который они почувствовали с того момента, как вышли на Путь. Все пригнулись — что-то огромное летело прямо у них над головами.

Скрипач запрокинул голову к небу, хватаясь за арбалет.

— Худов дух!

Но три дракона уже пронеслись мимо, не обратив на людей никакого внимания. Они мчались в небе, выстроившись клином, словно стая гусей. Все они были похожи друг на друга — чешуя охряная, размах крыльев в пять крупных повозок. Позади извивались длинные хвосты.

— Глупо было бы думать, — пробормотала Апсалар, — что только мы используем это Владение.

Крокус фыркнул.

— Видал я и побольше...

Скрипач слабо улыбнулся.

— Да, парень, это я знаю.

Драконы уже почти скрылись из виду, когда вдруг — все трое — повернули, спикировали к земле и провалились сквозь плитки пола.

Несколько минут все молчали, затем отец Апсалар откашлялся и сказал:

— По-моему, мы сейчас кое-что поняли.

Сапёр кивнул.

— Ага.

Проваливаешься, когда попадаешь туда, куда шёл — даже если толком не собирался туда попадать. Он вспомнил про Икария и Маппо. Треллю незачем было идти с ними до самого города Малаза. В конце концов, Маппо ещё нужно вылечить друга, привести его в чувство. Для этого ему необходимо найти безопасное место. Что до Искарала Прыща... Стоит небось сейчас под скалой и орёт на бок'аралов, чтобы верёвку спустили...

— Ладно, — сказал Скрипач, выпрямляясь. — Похоже, нам просто надо продолжать идти... пока не придут место и время.

— Маппо с Икарием не пропали, не погибли, — сказал с явным облегчением Крокус и зашагал вперёд.

— И верховный жрец тоже, — добавила Апсалар.

— Ну-у, — протянул даруджиец, — хорошие новости не приходят без плохих.

Скрипач на миг задумался об этих трёх драконах — куда они ушли, какое задание привело их туда, но потом лишь пожал плечами. Само их появление, исчезновение и, самое важное, глубокое безразличие по отношению к четырём смертным стали отрезвляющим напоминанием о том, что мир в действительности куда больше, чем очерчивают дороги человеческой жизни, человеческие желания и цели. Фантастическое пике, в которое превратилось это путешествие, было на деле лишь крошечной последовательностью шагов, ничуть не более важных, чем возня в муравейнике.

Миры живут себе без нас — бессчётные, бесконечные истории.

Сапёру показалось, будто горизонты его сознания расступаются, растягиваются во все стороны, и чем дальше они раздвигались, тем меньше становился он сам.

Все мы — одинокие души. Полезно познать такое умаление, смирение, чтобы не погрязнуть в иллюзии самоконтроля и власти. А ведь наш вид, похоже, снова и снова упивается этой иллюзией...

Когда солнце зашло, воины Корболо Дома начали праздновать Падение Колтейна. Звуки торжества доносились за стены Арэна и наполняли воздух холодом, который не имел ничего общего с жаркой ночью.

У северных ворот города раскинулась широкая площадь, где обычно собирались торговые караваны. Теперь там теснились беженцы. Расселят их потом, прежде всего нужно было обеспечить людей водой, пищей и оказать медицинскую помощь.

Командор Блестиг поручил исполнение этих заданий своим людям, и солдаты гарнизона трудились без усталости, выказывая удивительное сочувствие, будто только так могли ответить на триумф врага за стенами. Колтейн, виканцы и

солдаты Седьмой отдали жизни за тех, кому сейчас помогали стражники. Добросердечие никогда не было таким искренним.

Но воздух был наполнен другими тревогами.

Последняя жертва оказалась ненужной. Мы могли их спасти, если бы только не трусость того, кто нами командует. Здесь столкнулись два долга – необходимость спасти своих, малазанских солдат, и строгая дисциплина имперской армии. И этот конфликт выбил почву из-под ног десяти тысяч живых, деятельных и отлично подготовленных воинов.

Внизу, на площади, Дукер бесцельно бродил среди толпы. То и дело перед ним возникали фигуры, смазанные лица, звучало бессмысленное бормотание, слова, которые, как каждый из них надеялся, смогут его утешить. Молодые виканцы забрали к себе Нихила и Бездну и теперь защищали так ожесточённо, что никому бы и в голову не пришло с ними спорить. Многих беженцев вернули буквально с порога Худовых Врат, в каждом чувствовалось звериное упорство – наслаждение в горящих глазах и оскаленных зубах. За тех, чья плоть не смогла вынести последнего участка пути – и, возможно, самого избавления, – боролись с твёрдой решимостью отчаяния. Худу приходилось тянуться за этими слабеющими душами, тянуться, хватать и через силу тащить в небытие, ибо целители использовали все свои умения, чтобы ему помешать.

Дукер отыскивал собственное небытие глубоко внутри и совершенно не желал покидать его бесчувственные объятия. В них боль могла лишь едва заметно саднить где-то на границе сознания, и даже эти границы отодвигались всё дальше и дальше.

Иногда смысл слов просачивался внутрь: офицеры и солдаты сообщали подробности, которые, по их мнению, следовало узнать историку. Осторожные выражения были излишни, информация поглощалась без всякого чувства. Слова уже не могли причинить Дукеру боль.

«Силанда» с ранеными так и не пришла в Арэн, сказал виканский юноша по имени Темул. До прибытия флота адъютанта Тавор осталось меньше недели. Корболо Дом, скорее всего, начнёт осаду, поскольку Ша'ик уже вышла из Рараку во главе армии вдвое большей, чем все силы Кулака-предателя. Маллик Рэл увёл Первого Кулака Пормкваля обратно во дворец. В воздухе носился план, план отмщения, до которого остались считанные часы...

Дукер заморгал, попытался сосредоточиться на лице, голосе, который настойчиво пытался донести до него эти новости. Но первые же признаки узнавания заставили историка снова отшатнуться в забытье. Слишком много боли несли воспоминания, которые никак не получалось отделить от самого узнавания. Дукер отступил на шаг.

Человек протянул сильную руку, схватил Дукера за истрёпанную рубашку и подтащил к себе. Обрамлённый бородой рот шевелился, губы складывали слова, требовательные, раздражённые слова.

– ... до тебя, историк! Это ведь допущения, понимаешь? Все сведения к нам поступили от этого аристократа – Нэттпары. Нам нужна оценка солдата – понимаешь? Проклятье, уже почти рассвело!

— Что? О чём ты говоришь?

Блиститг скривился.

— Маллик Рэл уговорил Пормквалю. Худ знает как, но уговорил! Мы собираемся нанести удар по армии Корболо Дома — меньше чем через час, пока они ещё пьяные и уставшие. Мы пойдём в бой, Дукер! Ты меня понимаешь?

Жестокость... такая жестокость...

— Сколько их там? Нам нужна заслуживающая доверия оценка...

— Тысячи. Десятки тысяч. Сотни...

— Да подумай же, будь ты проклят! Если сумеем разгромить этих ублюдков, прежде чем подойдёт Ша'ик...

— Я не знаю, Блиститг! Эта армия разрасталась с каждой Худом проклятой лигой!

— Нэттпара говорит: там не больше десяти тысяч...

— Он дурак.

— Он обвиняет Колтейна в смерти десятков тысяч невинных беженцев...

— Ч-что? — Историк зашатался и упал бы, если бы Блиститг не поддержал его.

— Не понимаешь? Дукер, без тебя — это будет единственная версия произошедшего. Она уже разошлась среди солдат, и это очень плохо. Уверенность рассыпается — жажда мести ослабевает...

Этого хватило. Историк даже вздрогнул от прилива энергии. Глаза широко распахнулись, он выпрямился.

— Где он? Нэттпара! Где...

— Уже два колокола беседует с Пормквалем и Малликом Рэлом.

— Отведи меня туда.

Поблизости зазвучал быстрый сигнал рога — сбор. Взгляд Дукера метнулся за спину командору, к солдатам, которые уже начали построение. Историк запрокинул голову — на светлеющем небе бледнели звёзды.

— Фэнеровы клыки, — зарычал Блиститг. — Может, уже слишком поздно...

— Отведи меня к Пормквалю... к Маллику Рэлу...

— Ну, пойдём.

Беженцы зашевелились, когда среди них появились солдаты гарнизона, чтобы расчистить площадь для армии Первого Кулака.

Блистиг протолкался через толпу, Дукер шёл по пятам.

— Пормкваль приказал моему гарнизону выступать вместе с ним, — бросил через плечо командор. — В арьергарде. Это противоречит моим обязанностям. Моя задача — защищать этот город, но Первый Кулак набрал свои силы из моих солдат, обескровил целые роты. У меня осталось всего человек триста, едва хватит, чтобы удержать стены. Особенно если учесть, что Красных Клинков всех арестовали...

— Арестовали?! Почему?

— Они ведь местные по крови — Пормкваль им не доверяет.

— Глупец! Это самые преданные солдаты Империи, каких я только знал...

— Согласен с тобой, историк, только моё мнение ничего не стоит...

— Будем надеяться, что моё чего-то стоит, — проворчал Дукер.

Блистиг приостановился, обернулся.

— Ты поддерживаешь решение Первого Кулака атаковать?

— Худов дух, нет!

— Почему?

— Потому что мы не знаем, сколько их там. Мудрее дождаться Тавор, мудрее позволить Корболо Дому бросать своих воинов на стены...

Блистиг кивнул.

— Мы их на куски порубим. Вопрос в том, сможешь ли ты убедить в этом Пормквала.

— Ты его знаешь, — парировал Дукер, — а я — нет.

Командор поморщился.

— Идём.

Штандарты армии Первого Кулака развевались рядом с группой всадников, которая стояла на выезде с широкой улицы, выходящей на привратную площадь. Блистиг повёл историка прямо к ним.

Дукер заметил Пормквала верхом на великолепном боевом коне. Доспехи Первого Кулака были богато украшены, так что казались скорее декоративными, чем боевыми. У бедра качалась усыпанная драгоценными камнями рукоять грисийского палаша; на полированном железном шишаке сияло выложенное золотом изображение солнца с лучами. Лицо Пормквала казалось болезненным и бескровным.

Рядом с Первым Кулаком восседал на белой лошади Маллик Рэл в голубовато-зелёном тюрбане – по-прежнему в шелках и без оружия. Их окружали армейские офицеры – пешие и конные. Также Дукер заметил Нэттпару и Пуллика Алара.

Когда взгляд Дукера упал на аристократов, глаза ему заволкло кровавым туманом. Он ускорил шаг, обогнал Блистига, но тот перехватил историка за руку и удержал.

– Это отложи на потом. У тебя сейчас есть более насущное задание.

Дрожа, Дукер подавил ярость. И даже сумел кивнуть.

– Идём, Первый Кулак нас увидел.

Пормкваль холодно посмотрел на Дукера сверху вниз. Визгливым голосом он произнёс:

– Историк, ты явился как нельзя кстати. Сегодня перед нами стоят две задачи, и обе требуют твоего присутствия...

– Первый Кулак...

– Молчать! Перебьёшь меня ещё раз, прикажу язык отрезать! – Он выдержал паузу, взял себя в руки и продолжил: – Прежде всего, ты лично будешь сопровождать нас в грядущей битве, чтобы засвидетельствовать правильный способ обращения со сбродом. Я не стану торговать жизнями невинных беженцев – не будет повторения прежних трагедий, прежних измен! Глупцы только сейчас легли спать – и за глупость свою они дорого заплатят, уж поверь. Затем, когда бунтовщики будут перебиты, мы перейдём к другим обязанностям: в первую очередь арестуем тебя и колдунов, известных как Нихил и Вездна – последних «офицеров» ужасного сброда Колтейна. И уверяю тебя, строгость кары будет точно соответствовать тяжести ваших преступлений. – Пормкваль взмахнул рукой, и адъютант подвёл к ним кобылу Дукера. – Увы, эта кляча никак не подходит для нашего отряда, но придётся это стерпеть. Командор Блистиг, подготовь солдат к выступлению. Мы приказываем арьергарду двигаться не ближе и не дальше трёхсот шагов позади. Надеюсь, это тебе по силам: если нет, доложи мне, и я с радостью назначу кого-нибудь другого командующим гарнизона.

– Да, Первый Кулак, это мне вполне по силам.

Взгляд Дукера метнулся к Маллику Рэлу. Историк на миг удивился удовлетворению, которое промелькнуло на лице жреца. Ну да, конечно, старые обиды. С тобой шутки плохи, верно, Рэл?

Историк молча подошёл к своей лошади и забрался в седло. Положил ладонь на тонкую, неухоженную шею кобылы и собрал поводья.

У ворот собрались первые роты средней кавалерии. За пределами города они не будут терять времени, а тотчас поскачут в разные стороны, чтобы окружить лагерь Корболо Дома, пехота же в это время выстроится в глубокие фаланги, прежде чем пойти на позиции врага.

Блиститг ушёл прочь, не оборачиваясь. Дукер посмотрел на ворота, оглядел собравшиеся войска.

— Историк.

Он повернул голову и посмотрел сверху вниз на Нэттпару. Аристократ ухмылялся.

— Тебе следовало проявлять ко мне больше почтения. Я полагаю, теперь ты уж это сам понял, хоть и слишком поздно. — Нэттпара не заметил, как сапог Дукера выскользнул из стремени. — За оскорбления, которые ты мне нанёс... за то, что осмелился поднять на меня руку, историк, ты понесёшь...

— Не сомневаюсь, — перебил Дукер. — Вот тебе последнее оскорбление.

Он ударил ногой так, что носок сапога вошёл в обвисшую шею аристократа, а затем выше, чтобы перебить трахею. Голова Нэттпары с хрустом запрокинулась, он остутился и повалился спиной на мостовую. Глаза аристократа невидящим взором уставились в бледнеющее небо.

Пуллик Алар закричал.

Солдаты с оружием наперевес сомкнулись вокруг историка.

— Милости прошу, — сказал Дукер. — Я буду только рад концу...

— Так просто ты не отделаешься! — прошипел белый от ярости Пормкваль.

Дукер вызывающе ухмыльнулся.

— Ты ведь уже записал меня в палачи. Так что мне ещё одна жертва, а? Ты, смрадный кусок дерьма! — Он перевёл взгляд на Маллика Рэла. — Что до тебя, джистал, подойди поближе — у меня есть ещё одно дело в жизни.

Историк не заметил — и никто другой тоже, — что к группе присоединился офицер гарнизона. Он хотел поговорить с Дукером, сообщить, что благополучно передал девочку её деду. Но, услышав слово «джистал», будто оцепенел, а затем поражённо распахнул глаза и отступил на шаг.

В этот момент ворота распахнулись, и отряды кавалерии хлынули наружу. По рядам пехоты пробежало волнение — все готовили оружие.

Кенеб сделал ещё один шаг назад, у него в ушах по-прежнему звенело одно слово. Он его где-то слышал, но всё никак не мог точно припомнить, где именно, хоть само воспоминание вызвало безотчётную тревогу. Внутренний голос кричал, что нужно срочно найти Блиститга — Кенеб сам ещё не знал зачем, но чувствовал, что это совершенно необходимо...

Однако времени у него не осталось.

Кенеб смотрел, как армия выходит за ворота города. Приказ уже был отдан, сдержать наступление — невозможно.

Капитан отступил ещё на шаг, забыв, что хотел сказать Дукеру. Он споткнулся о тело Нэттпары, не обратил на это никакого внимания, а затем развернулся. И побежал.

Шестьдесят шагов спустя Кенеб наконец вспомнил, где слышал слово «джистал».

Вместе с руководящими офицерами Дукер выехал на равнину.

Армия Корболо Дома вроде бы обратилась в паническое бегство, но историк заметил, что солдаты не выпускали из рук оружия, когда бежали за ближайший к городу курган. Кавалерия Первого Кулака гнала коней, чтобы обогнать пехоту врага и завершить окружение. Оба крыла уже скрылись за одинаковыми холмами могильника.

Легионы Первого Кулака двигались с удвоенной скоростью – молчаливые, решительные. Не было никакой надежды нагнать бегущую армию прежде, чем кавалерия завершит окружение и отрежет все пути к отступлению.

– Как вы и предрекали, Первый Кулак! – закричал на скаку Пормквалю Маллик Рэл. – Они бегут!

– Но им не спастись, верно? – расхохотался Пормкваль, неуклюже подпрыгивая в седле.

Ох, нижние боги, Первый Кулак даже на коне сидеть не умеет.

Погоня увела их за первый курган, теперь всадники скакали среди трупов виканцев и солдат Седьмой. Ограбленные тела были разбросаны широкой полосой, которая уходила дальше на север – по маршруту отчаянной битвы Колтейна, – за следующий курган и вокруг подножия дальнего. Дукер старался не вглядываться в эти трупы, не искать знакомые лица, застывшие в незнакомых масках смерти. Он смотрел только вперёд – на бегущих бунтовщиков.

Пормкваль время от времени придерживал коня, чтобы оставаться вровень со средними подразделениями пехоты. Крылья кавалерии умчались куда-то вперёд – их до сих пор не было видно. Тем временем тысячи бегущих солдат оставались вне досягаемости малазанских фаланг, бросая по пути награбленное добро.

Первый Кулак и его армия продолжали упорно преследовать врага, выбрались в широкую долину, где скопившиеся бунтовщики уже начали подниматься на мягкие склоны. Пыль клубилась над долиной с востока и запада, а также прямо впереди.

– Окружение завершено! – закричал Пормкваль. – Смотрите на пыль!

Дукер нахмурился. Вдалеке он услышал звуки боя. Вскоре они стали затухать, а пыль стустилась.

Пехота начала спускаться в долину.

Что-то тут не так...

Бегущие солдаты уже добрались до высоких гребней по краю долины всюду, кроме южного конца, но теперь они вдруг остановились, вытащили оружие и развернулись.

Завеса пыли поднялась ещё выше, затем за спинами солдат появились всадники — не кавалерия Пормкваля, а воины-кочевники. В следующий момент ряды пехотинцев сомкнулись — сзади к ним подходило подкрепление.

Дукер развернулся в седле. Кавалеристы Семи Городов возникли и на южных отрогах, закрывая путь к отступлению.

Вот так мы попали в простейшую ловушку. И оставили Арэн беззащитным...

— Маллик! — закричал Пормкваль, натягивая поводья. — Что происходит? Что случилось?

Жрец озирался по сторонам с отвисшей челюстью.

— Предательство! — зашипел он. Он развернул своего белого коня и впился взглядом в Дукера. — Это твоих рук дело, историк! Часть сделки, на которую намекал Нэттпара! Теперь-то я вижу чары на тебе — ты всё это время поддерживал связь с Корболо Домом! О боги, какие же мы глупцы!

Дукер проигнорировал жреца, он шурился, глядя на юг: там задние ряды армии Пормкваля развернулись, чтобы встретить новую угрозу. Было ясно, что кавалерия Первого Кулака уничтожена.

— Мы окружены! Их десятки тысяч! Нас просто перебьют! — Первый Кулак указал на историка пальцем. — Убить его! Немедленно!

— Постой! — закричал Маллик Рэл. Он обернулся к Пормквалю. — Пожалуйста, Первый Кулак, позволь мне этим заняться, умоляю тебя! Поверь, я найду для него достойную кару!

— Как скажешь, но... — Пормкваль поднял глаза. — Что нам делать, Маллик?

Жрец указал на север.

— Смотри, вон скачут всадники под белым флагом — давай выслушаем предложение Корболо Дома, Первый Кулак! Что нам терять?

— Я не могу с ними говорить! — залепетал Пормкваль. — Не могу сосредоточиться! Маллик — прошу тебя!

— Разумеется, — согласился жрец-джистал. Он развернул коня, ударил шпорами и поскакал через ряды пойманной в ловушку армии Первого Кулака.

На полпути к северному склону долины всадники встретились, переговоры заняли меньше минуты, а затем Маллик поскакал обратно.

— Если мы двинемся назад, можем попробовать разбить заслон на юге, — тихо сказал Дукер Первому Кулаку. — Боевое отступление к воротам города...

— Ни слова, гнусный предатель!

Маллик Рэл подъехал, на его лице сверкала надежда.

— Корболо Дом говорит: «Довольно кровопролития». Первый Кулак, вчерашняя бойня вызвала у него отвращение!

— И что же он предлагает? — спросил Пормкваль, склонившись в седле.

— Он даёт нам единственную надежду, Первый Кулак. Вы должны приказать армии сложить оружие — сложить его у склонов, а затем отступить в центр долины. Солдаты станут военнопленными, и с ними обойдутся милосердно. Что же до вас и меня, мы будем заложниками. Когда явится Тавор, заключат сделку, чтобы нас отпустили. Первый Кулак, у нас просто нет выбора...

Странная апатия охватила Дукера при этих словах. Он понимал, что никак не сможет отговорить Первого Кулака. Он медленно спешил и начал расстёгивать подпругу.

— Что ты делаешь, предатель? — спросил Маллик Рэл.

— Освобождаю свою лошадь, — степенно ответил историк. — Врагу она не нужна — слишком измотана. Она поскачет обратно в Арэн — это всё, что я могу для неё сделать. — Дукер снял седло, бросил на землю и начал снимать уздечку.

Жрец ещё некоторое время смотрел на него, слегка хмурясь, но затем снова повернулся к Первому Кулаку.

— Они ждут вашего ответа.

Дукер подошёл к голове кобылы и погладил её по носу.

— Удачи тебе, — прошептал он. Затем отступил на шаг и шлёпнул лошадь по крупу. Кобыла отскочила, развернулась и затрусилась на юг — как и предполагал Дукер.

— Какой у меня выбор? — прошептал Пормкваль. — В отличие от Колтейна, я забочусь о своих солдатах... их жизни — самое ценное... мир вернётся на эту землю рано или поздно...

— Тысячи мужей и жён, отцов и матерей будут благословлять ваше имя, Первый Кулак. Драться сейчас, искать горькой, бессмысленной смерти — ах, они бы навеки прокляли вас за это.

— Этого я допустить не могу, — согласился Пормкваль. Он обернулся к офицерам. — Сложите оружие. Передайте приказ — всем сложить оружие у склонов, затем отойти к центру долины.

Дукер пристально смотрел на четырёх капитанов, которые молча слушали приказы Первого Кулака. Бесконечное мгновение спустя офицеры отдали честь и поскакали прочь.

Дукер отвернулся.

На разоружение ушёл почти час. Малазанские солдаты сдавали оружие в гробовой тишине. Это оружие складывали в кучи рядом с фалангами, а затем солдаты отступали к центру долины, где строились тесными, беспокойными рядами.

Затем подъезжали кочевники и забирали оружие. Ещё через двадцать минут в долине стояли десять тысяч безоружных, беспомощных малазанцев.

Авангард армии Корболо Дома отделился от основных сил и подъехал к позиции Первого Кулака.

Дукер смотрел на приближавшийся отряд. Он заметил Камиста Релоя, нескольких военных вождей, двух безоружных женщин, скорее всего, чародеек, и самого Корболо Дома — приземистого полунапанца, с выбритым начисто телом, на котором змеились старые шрамы. Он улыбнулся, когда натянул поводья и остановился вместе со спутниками перед Первым Кулаком, Малликом Рэлом и другими офицерами.

— Молодец, — прорычал он, глядя на жреца.

Джистал спешился, вышел вперёд и поклонился.

— Я предаю тебе Первого Кулака Пормкваля и его десять тысяч солдат. Более того, я предаю тебе город Арэн — во имя Ша'ик...

— Ошибаешься, — хмыкнул Дукер. Маллик Рэл обернулся к нему. — Никому ты не предал Арэн, джистал.

— Что ты несёшь, старик?

— Удивлён, что ты не заметил, — сказал историк. — Слишком занят был злорадством, наверное. Присмотрись-ка к отрядам вокруг, особенно к южным...

Маллик Рэл прищурился, разглядывая легионы малазанцев. Затем он побледнел.

— Блестиг!

— Похоже, командор со своим гарнизоном решил всё-таки остаться. Не спорю, их там всего две или три сотни, но мы оба знаем, что этого хватит — на неделю, пока не прибудет Тавор. Стены Арэна высоки, укреплены по новой практике отатаралом, чтобы остановить всякое чародейство. К тому же, если подумать, я бы сказал, что сейчас на этих стенах строятся вместе с солдатами гарнизона Красные Клинки. Провалилось твоё предательство, джистал. Провалилось.

Жрец рванулся вперёд, с размаху ударил Дукера по лицу тыльной стороной ладони. Силой удара историка развернуло, а перстни на пальцах джистала рассекли щёку и едва поджившие трещины на губах и подбородке. Он тяжело рухнул на землю и почувствовал, как о грудь что-то разбилось под рубашкой.

Дукер заставил себя приподняться, по рассечённому лицу струилась кровь. Глядя на землю, он ожидал увидеть крошечные осколки стекла, но их не было. На кожаном ремешке на шее просто ничего не оказалось.

Грубые руки подхватили его, вздёрнули на ноги и вновь развернули к Маллику Рэлу.

Жрец всё ещё дрожал от ярости.

— Смерть твоя будет...

— Молчать! — рявкнул Корболо Дом. Он посмотрел на Дукера. — Ты — тот историк, который ехал с Колтейном.

— Я.

— Ты солдат.

— Как скажешь.

— Так скажу. Поэтому ты и примешь с остальными солдатами ту же смерть...

— Собираешься убить десять тысяч безоружных мужчин и женщин, Корболо Дом?

— Я собираюсь подкосить Тавор ещё до того, как она ступит на этот континент. Я собираюсь вызвать в ней такой гнев, чтобы она не смогла думать. Я собираюсь разбить холодную маску, чтобы она мечтала только о мести днём и ночью, чтобы эта страсть отравила все её решения.

— Ты себя всегда подавал как самого жёсткого Кулака в Империи, так ведь, Корболо Дом? Будто жестокость — это достоинство...

Голубокожий полководец просто пожал плечами.

— Лучше иди-ка к остальным, Дукер. Солдат армии Колтейна заслуживает, по меньшей мере, этого. — Корболо повернулся к Маллику Рэлу. — Моя милость, однако, не распространяется на того солдата, стрела которого отняла у нас удовольствие видеть Колтейна. Где он, жрец?

— Увы, он пропал. В последний раз его видели через час после самого выстрела — солдаты Блестига его всюду искали, но не нашли. Даже если они его отыскивали, сейчас он, к сожалению, с гарнизоном.

Кулак-бунтовщик нахмурился.

— Сегодня меня постигло несколько разочарований, Маллик Рэл.

— Корболо Дом, господин мой! — воскликнул Пормкваль, на лице которого по-прежнему выражалось полное недоумение. — Я не понимаю..

— Это заметно, — согласился полководец и даже скривился от отвращения. — Джистал, ты задумал для этого дурня какую-то особую судьбу?

— Нет. Он твой.

— Я не могу даровать ему почётную роль жертвы, которую приберёт для солдат. Иначе, боюсь, у меня останется горькое послевкусие. — Корболо Дом ещё миг колебался, а затем вздохнул и небрежно взмахнул рукой.

За спиной у Первого Кулака взвился тальвар одного из племенных вождей. Клинок одним ударом снёс голову с плеч, так что она покатилась по земле. Боевой конь взбрыкнул и выскочил из круга солдат. Прекрасный зверь поскакал галопом к безоружным солдатам, принёс в самый центр толпы свою обезглавленную ношу. Дукер заметил, что труп Первого Кулака держался в седле с неведомой при жизни грацией, мотался туда-сюда, пока чьи-то ладони не взметнулись, чтобы остановить коня, а тело Пормквала не сползло набок, чтобы повалиться в подставленные руки.

Возможно, это было лишь игрой воображения, но Дукеру показалось, что при этом он услышал хриплый хохот бога.

Железных кольев было более чем достаточно, но всё равно полтора дня прошло, прежде чем последнего, заходящегося криком пленника пригвоздили к последнему кедру из тех, что росли вдоль Арэнского тракта.

Десять тысяч мёртвых и умирающих малазанцев смотрели на широкую, удивительно ровную имперскую дорогу глазами невидящими или непонимающими — разницы было немного.

Дукер был последним: железные шипы вбили ему в запястья и плечи — высоко на залитом кровью стволе. Ещё несколько кольев прошли через лодыжки и мускулы с внешней стороны бёдер.

Такой боли историк никогда прежде не испытывал. Хуже было лишь знание того, что эта боль будет сопровождать его во время всего последнего странствия к окончательному беспамятству, а с нею — что ещё тяжелее — выжженные в памяти образы: почти сорок часов его гнали пешком по Арэнскому тракту, заставляли смотреть, как один за другим десять тысяч солдат становятся жертвами массового распятия, цепь страданий, которая растянулась более чем на три лиги, и каждое звено в ней — десятки мужчин и женщин, тесно прибитых к высоким, широким стволам.

Историк онемел от шока, когда пришла его очередь — последнего солдата в человеческой цепи. Его подтащили к дереву, вздёрнули на подмости, прижали к жёсткой коре, насильно развели в стороны руки. Он почувствовал сперва холод прижатых к коже кольев, а затем, когда молоток опустился, взрыв боли, от которой Дукер непроизвольно опорожнил кишечник и начал извиваться на дереве в крови и нечистотах. Но самая великая боль пришла, когда подмости выдернули и весь вес тела лёг на вбитые шипы. До этого

момента он и вправду верил, что познал предельную агонию, доступную человеку.

Он ошибался.

Вечность спустя, когда бесконечный вопль изорванной плоти затопил в нём всё остальное, откуда-то поднялась прохладная, спокойная ясность, и в угасающем сознании пронеслись мысли – несвязанные и несвязные.

Призрак яггута... почему я о нём теперь думаю? О вечности, полной горя? Кто он мне? Кто или что вообще что-либо для меня значит? Я наконец-то жду Врат Худа – время воспоминаний, сожалений и осознаний миновало. Пойми же это, дед. Там тебя ждут твоя безымянная воительница, и Балът с капралом Листом, и Сон, и Сульмар, и Глазок. И Кальп с Гебориком, скорее всего. Ты уходишь из мира чужих людей туда, где тебя ждут старые спутники и друзья.

Так говорят жрецы Худа.

Это последний дар. Хватит с меня этого мира, ибо я в нём одинок. Одинок.

Перед его внутренним взором возникло клыкастое лицо, которого он никогда не видел прежде, но сразу понял, что яггут нашёл его. В нечеловеческих глазах плескалось мучительное сострадание, сострадание, которого Дукер не мог понять.

Зачем горевать, яггут? Я не буду мучиться вечно, как ты. Я не вернусь сюда, не буду вновь переживать все страдания, которые терпит смертный при жизни. Скоро Худ благословит меня, яггут, – не нужно горевать...

Эти мысли ещё миг отдавались эхом, пока искажённое лицо яггута таяло во тьме, что окутала историка, сомкнулась и поглотила его.

И в ней – иссякла всякая мысль.

Глава двадцать третья

Ласиин послала Тавор

За бурное море

Сжать руку Колтейна,

Но ухватили пальцы

Кость, вороньём обглоданную.

У. Мятеж Ша'ик

Калам упал в тень под невысокой, полуразвалившейся стеной, а затем подтянул к себе ещё тёплое тело. Он опустил голову, замер без движения, стараясь замедлить дыхание.

Через несколько мгновений на мостовой послышались лёгкие шаги. Тихий голос отдал приказ остановиться.

— Они гнались за ним, — прошептал другой охотник. — А он им устроил засаду — здесь. Боги! Да что же это за человек такой?

Заговорила женщина — третий Коготь.

— Он не мог уйти далеко...

— Конечно, он рядом, — прошипел главарь, который приказал Пятерне остановиться. — У него ведь нет крыльев, верно? Он не бессмертный, не защищён от чар наших клинков — чтоб я такого больше не слышал, ясно вам обоим? Разделимся. Ты идёшь туда, а ты — вон туда. — Калама коснулось холодное дыхание магии. — А я останусь посередине, — добавил главарь.

Ага, в невидимости. Значит, ты будешь первым, ублюдок.

Калам услышал, как двое Когтей поспешили прочь. Он знал эту тактику: двое по бокам выходят вперёд, главарь под покровом чар остаётся позади, глаза мечутся между двумя охотниками, проверяют подворотни и крыши, в каждой руке — по арбалету. Калам выждал ещё мгновение, затем медленно, беззвучно выскользнул из-под трупа и приподнялся на четвереньки.

Беззвучно ступая босыми ногами, он крался по улице. Если знать, что ищешь, вполне можно различить пятно неестественной тьмы в двадцати шагах впереди. Такое заклятье нелегко удерживать, поэтому оно обычно слабее сзади: Калам мог даже различить абрис фигуры, скользившей за пеленой сумрака.

Одним стремительным прыжком, словно леопард, Калам сократил дистанцию. Удар локтя в основание черепа убил главаря на месте. Убийца подхватил один арбалет прежде, чем тот упал на мостовую, но другой выскользнул и со стуком покатился по земле. Беззвучно выругавшись, убийца помчался дальше, свернул направо — в переулок, оказавшись в двадцати шагах позади Когтя.

Он кувыркнулся на бегу под тихий щелчок арбалета и почувствовал, как стрела прошла плащ. В следующий миг он уже катился по узкому переулку, оскальзываясь на гнилых овощах. Крысы прыснули во все стороны, а Калам вскочил на ноги и метнулся в глубокую тень.

Слева темнела ниша, убийца вжался в неё и вытащил собственный арбалет. С оружием в обеих руках он стал ждать.

В поле зрения показалась фигура и замерла точно напротив него — всего в шести футах.

Женщина пригнулась и вывернулась, как только Калам выстрелил, — и убийца сразу понял, что промахнулся. Но её нож попал в цель. Вылетевший из руки женщины клинок вошёл ему под правую ключицу. Второе метательное оружие — железная звёздочка — со стуком впилося в деревянную дверь совсем рядом с лицом Калама.

Он нажал спусковой рычажок на втором арбалете. Стрела попала ей в живот. Женщину отбросило назад, но белый паральт убил её прежде, чем тело коснулось земли.

Калам был жив — клинок, торчавший из груди, оказался чистым. Он сполз на землю, положил рядом арбалеты, а затем поднял руку и выдернул нож из раны.

Остальное оружие Калам уже израсходовал, хотя оставались ещё щипцы и мешочек с гвоздями.

Последний охотник был где-то рядом, ждал, когда Калам решится на следующую перебежку, — и этот человек отлично знал, где прячется жертва. Лежавшее напротив тело служило тому ярчайшим указателем.

И что теперь?

Рубаха с правой стороны стала мокрой и липкой, Калам чувствовал, как по телу струится тёплая кровь. Это была уже третья небольшая рана за ночь — во время предпоследней стычки метательная звёздочка попала ему в спину. Такое оружие никогда не смазывали ядом — слишком опасно для самого метателя, даже если он носит перчатки. Грубая кожа поглотила бо́льшую часть силы удара, а саму звёздочку он выковырял о стену.

Все высокие техники, которые позволяли останавливать ток крови, уже не спасали. Он терял силы. Стремительно.

Калам посмотрел вверх. Прямо над головой, примерно в семи с половиной футах от земли, виднелся деревянный балкончик на двух покрытых растрескавшейся краской балках. Можно подпрыгнуть и уцепиться за одну из них, но это дело шумное, и даже в случае успеха убийца останется беззащитным перед врагом.

Калам вытащил из петли клещи. Зажав в зубах окровавленный нож, он выпрямился и потянулся клещами. Зубцы сомкнулись на балке.

А выдержит она мой вес?

Крепко вцепившись в рукоятки, Калам напряг плечи, подтянулся на дюйм, затем другой. Балка даже не скрипнула — он догадался, что деревянный брус, наверное, уходит глубоко в каменную стену. Убийца подтянулся ещё выше.

Сложность заключалась в том, чтобы сохранять тишину, ведь любой шорох или шум могли привлечь внимание охотника. Руки и плечи дрожали, однако Калам подтянул ноги, а затем очень быстро просунул правую в треугольный зазор над балкой.

Зацепившись ногой, он смог наконец немного расслабить руки и плечи.

Некоторое время Калам висел неподвижно.

Когти обожают выжидать. Они всегда обходят соперников в состязаниях на терпение. Охотник, кажется, решил, что это ровно такое состязание, и вознамерился его выиграть.

Ну, незнакомец, я по твоим правилам не играю.

Он разжал клещи, освободил их и потянулся к полу балкона. Это был огромный риск, поскольку Калам понятия не имел, что находится на самом балконе. Он засунул клещи так далеко, как только смог, и оставил их там.

Нож был по-прежнему зажат в зубах и наполнял рот Калама привкусом его собственной крови. Освободив обе руки, убийца ухватился за настил, постепенно перенёс вес с балки и подтянулся. Перебирая руками, поднялся по ограде, перекинул ноги и в следующий миг уже сидел пригнувшись на балкончике, рядом с клещами.

Калам огляделся. Глиняные горшки с травами, на другом конце – литая хлебная печь на кирпичном основании. Жар от неё достиг холодного от пота лица убийцы.

Закрытый лаз, вползти в который было можно только на четвереньках, был единственным входом в комнату.

Осмотр завершился тем, что Калам встретился глазами с маленькой собачкой, сидевшей в противоположном от печки конце балкона. Животное чёрной масти, крепко сбитое, с лисиной мордочкой и ушами увлечённо грызло половину крысиной тушки, но при этом следило за каждым движением Калама пронзительным, чёрным взглядом.

Калам едва слышно вздохнул. Вот ещё одна сомнительная гордость города Малаза: малазанский крысобою, славится и разводится за бесстрашное безумие. Невозможно было предсказать, что сделает пёс, когда решит, что трапеза завершена. Может, руки полижет, может, нос откусит.

Калам видел, как пёс понюхал лежавший между лапами кусок мяса, затем проглотил его, тщательно разгрызая, но не сводя глаз с Калама. Потом собака сожрала и крысиный хвост – чуть поперхнувшись в конце, но тихо, будто шёпотом.

Крысобою облизал передние лапы, сел, склонил голову, чтобы полизать бок, а затем поднялся и устался на истекающего кровью убийцу.

Громкий лай взорвал ночной воздух, крысобою вошёл в такой раж, что аж подпрыгивал от натуги.

Калам запрыгнул на перила балкона. Внизу, в переулке метнулась размытая тень. Убийца прыгнул к ней, сжимая в левой руке метательный нож.

Ещё в воздухе Калам понял, что ему конец. Одинокий охотник нашёл себе союзников – полную Пятерню.

Чародейство вспыхнуло навстречу Каламу, словно мощный кулак. Нож вылетел из онемевших пальцев. Магический удар сбил траекторию, поэтому убийца промахнулся мимо цели и тяжело рухнул левым боком на мостовую.

Маниакальный лай наверху всё не стихал.

Удачливая жертва Калама бросилась на него с блестящими клинками в руках. Убийца поджал ноги и ударил, но противник лёгким движением уклонился. Ножи скользнули по рёбрам Калама с обеих сторон. Лбом охотник врезался ему в нос. Перед глазами убийцы вспыхнул ослепительный свет.

В следующий миг охотник подвинулся назад, оседлал Калама и занёс оба ножа, но тут ему на голову приземлился рычащий чёрный ступок. Охотник завопил, когда длинные, острые, как бритва, клыки располосовали ему поллица.

Калам перехватил запястье, сломал его и выдернул нож из судорожно подрагивавших пальцев.

Охотник отчаянно, но безуспешно попытался достать крысобою другим ножом, а затем уронил оружие и потянулся к беснующемуся псу.

Калам вонзил нож прямо в сердце охотнику.

Оттолкнув тело в сторону, он с трудом поднялся — и обнаружил, что окружён.

— Можешь отозвать своего пса, Калам, — сказала женщина.

Он посмотрел на собаку — та и не думала останавливаться. Кровь заливала мостовую вокруг головы и шеи мертвеца.

— Увы, — проворчал Калам, — это не мой... хоть я бы и не отказался от сотни таких зверьков. — Боль пульсировала в сломанном носу. Слезы текли из глаз, смешивались с кровью из разбитых губ и подбородка.

— Ох, Худа ради! — Женщина обернулась к одному из охотников. — Убейте же проклятую тварь...

— Не надо, — сказал Калам. Он наклонился, схватил собаку за шкуру и забросил обратно на балкон. Крысобою взвизгнул, пролетая над перилами, и скрылся из виду. Приземление обозначилось нервным скрежетом когтей.

Из-за заслонки в стене послышался дрожащий голос:

— Цветочек, малыш, успокойся. Ну, мой хороший мальчик.

Калам посмотрел на предводительницу.

— Ладно, — сказал он. — Заканчивай.

— С удовольствием...

Сила арбалетной стрелы бросила предводительницу на руки Каламу с такой силой, что его самого чуть не проткнул зазубренный наконечник, выросший из груди охотницы. Четверо оставшихся Когтей нырнули в разные стороны, чтобы найти укрытие, не зная, чего ждать, — и тогда в переулке раздался топот конских копыт.

Калам ахнул, увидев, как на него несётся его собственный жеребец, а на нём, натягивая «козьею ножкой» армейский арбалет, скачет Минала.

Ещё миг — и убийца оказался бы под копытами, но он шагнул в сторону и ухватился за седло, позволив силе животного забросить себя за спину к Минале. Она сунула в руки Каламу арбалет.

— Прикрывай!

Обернувшись, он увидел четырёх преследователей. Калам выстрелил. Все охотники одновременно упали на землю. Стрела отскочила от стены и укатилась во тьму.

Переулок вывел их на улицу. Минала повернула налево. Подкованные копыта заскользили по мостовой так, что посыпались искры. Конь выправился и помчался вперёд.

Портовый квартал Малаза представлял собой запутанный лабиринт узких, извилистых улочек и переулков, по которым, казалось, просто невозможно скакать галопом посреди тёмной ночи. Следующие несколько минут запомнились Каламу на всю жизнь — такой бешеной скачки у него ещё не было. От верховых навыков Миналы просто захватывало дух.

Некоторое время спустя Калам наклонился к ней поближе.

— Куда ты нас везёшь, во имя Худа? Тут весь город кишит Когтями, женщина...

— Да знаю я, будь ты проклят!

Жеребец проскакал по деревянному мосту. Убийца увидел впереди верхний квартал, а за ним тёмную громаду: утёс, и на нём — Паяцев замок.

— Минала!

— Ты же Императрицу искал, да? Так вот она, ублюдок, прямо там — в Паяцевом замке!

Ох, Худова тень!

Плитки подались без единого звука. Холодная чернота окутала четырёх путников.

Падение прервалось внезапно — костоломным ударом о гладкие истёртые камни.

Со стоном Скрипач сел, ранец со взрывчаткой по-прежнему висел у него за плечами. В падении он повредил едва зажившую лодыжку, боль была невыносимая. Сжав зубы, сапёр огляделся. Остальные, похоже, были целы и медленно поднимались на ноги.

Они оказались в круглой комнате, абсолютно такой же, как в Треморлоре. Несколько мгновений сапёр даже боялся, что они попросту вернулись туда, но затем почувствовал в воздухе запах соли.

— Мы на месте, — заявил он. — В Мёртвом Доме.

— С чего это ты так уверен? — возмутился Крокус.

Скрипач подполз к стене и, опираясь на неё, поднялся. Осторожно перенёс вес на ногу и поморщился.

— Я чую запах Малазанской бухты — и чувствую, насколько воздух здесь пропитан влагой. Это не Треморлор, парень.

— Ну а почему не любой другой Дом в любом месте рядом с морем...

— Может, и другой, — согласился сапёр.

— Это довольно легко проверить, — рассудительно сказала Апсалар. — Ты опять повредил ногу, Скрипач.

— Ага. Жаль, что здесь нет Маппо с его эликсирами...

— Идти сможешь? — спросил Крокус.

— Выбора-то нет.

Отец Апсалар подошёл к лестнице и посмотрел вниз.

— В доме кто-то есть, — сообщил он. — Я вижу свет лампы.

— Великолепно, — проворчал Крокус, обнажая кинжалы.

— Спрячь, — посоветовал Скрипач. — Либо мы тут гости, либо — мертвецы. Пойдём поздороваемся, что ли?

Спустившись на первый этаж — Скрипач тяжело опирался на плечо даруджийца, — они прошли через открытую дверь в коридор. В нишах по всей его длине горели лампы, и отблески огня вырывались из-за распахнутых двойных дверей напротив входа.

Как и в Треморлоре, массивные доспехи были выставлены в алькове в середине коридора, и эта броня знавала суровые битвы.

Спутники задержались на миг, чтобы молча посмотреть на неё, а затем вошли в распахнутые двери.

Вслед за Апсалар они оказались в главном зале. Огонь в камине горел без дров, а тонкая чёрная кайма по краям выдавала в нём портал, открытый на Путь вечного пламени.

Спиной к вошедшим стояла фигура и смотрела в огонь. Одетый в выцветший охряный балахон мужчина был широкоплеч, крепок, росту в нём было не меньше семи футов. Длинные волосы с проседью спускались по спине и были перевязаны на поясице тонкой цепочкой.

Не оборачиваясь, хранитель заговорил низким, рокочущим голосом:

— То, что вы не передали Икария, не осталось незамеченным.

Скрипач заворчал:

— В конечном итоге это было не нам решать. Маппо...

— О да, Маппо, — перебил хранитель. — Трелль. Похоже, он слишком долго странствовал рядом с Икарием. Бывает долг превыше дружбы. Старшие ранили его глубоко, когда уничтожили целое поселение и возложили вину на Икария. Они думали, этого будет достаточно. Отчаянно, срочно требовался Сторож. Тот, кто прежде исполнял этот долг, покончил с собой. Долгие месяцы Икарий ходил по земле один, опасность была слишком велика.

Когда Скрипач осознал эти слова, всё у него внутри перевернулось. Нет! Маппо верит, что Икарий уничтожил его дом, убил родных, всех, кого он знал. Нет! Как же вы могли совершить такое?

— Азаты готовили эту передачу очень долго, смертные. — Мужчина обернулся. Из-под нижней губы тонкого рта торчали два мощных клыка. Зеленоватый оттенок морщинистой кожи делал его похожим на призрака, несмотря на тёплый свет камина. На спутников оценивающе смотрели глаза цвета грязного льда.

Скрипач пригляделся и сначала не поверил — сходство было неоспоримым, каждая черта — словно эхо другого лица. Сапёр опешил.

— Моего сына нужно остановить. Гнев его — это яд, — сказал яггут. — Бывает долг превыше дружбы, превыше даже зова крови.

— Нам очень жаль, — тихо проговорила Апсалар после долгой паузы, — но эта задача оказалась нам не по плечу, не по силам тем, кого ты видишь здесь.

Холодные, нечеловеческие глаза взглянули на неё.

— Возможно, ты права. Теперь мой черёд просить прощения. Я очень... надеялся.

— Но почему? — прошептал Скрипач. — За что Икарий так жестоко проклят?

Яггут склонил голову набок, затем резко повернулся обратно к огню.

— Раненые Пути — опасная вещь. А ранить Путь — ещё опаснее. Мой сын хотел освободить меня из Азата. Он не преуспел. И... пострадал. Он не понимал — а

теперь уже никогда и не поймёт, — что я удовлетворён жизнью здесь. Во всех мирах не так уж много мест, где яггут может обрести покой, во всяком случае, такой покой, какой мы способны принять. В отличие от вашего рода, мы ищем одиночества, ибо только в нём наша безопасность. — Он вновь повернулся к спутникам. — Для Икария, разумеется, ирония судьбы заключается в другом. Лишённый памяти, он ничего не знает о том, что прежде побуждало его к действию. Он ничего не знает о раненых Путиях или тайнах Азатов. — Внезапно яггут улыбнулся, и в этой улыбке чувствовалась боль. — И обо мне ничего не знает.

Апсалар вдруг подняла голову:

— Ты ведь Готос, не так ли?

Тот не ответил.

Взгляд Скрипача привлекла скамья у ближней стены. Он доковылял до неё и сел. Прислонился головой к тёплому камню, закрыл глаза. Боги, все наши усилия — ничто, все наши шрамы — царапины. Будь благословен, Худ, за дар смертности. Я бы не смог жить так, как эти Взшедшие — я бы не смог так терзать собственную душу...

— Вам пора уходить, — пророкотал яггут. — Если вас беспокоят раны, у входной двери найдёте ведро с водой — эта вода обладает целебными свойствами. Сегодня ночью на улицах города полно неприятностей, будьте осторожны.

Апсалар повернулась и перехватила взгляд Скрипача, который открыл глаза и заморгал, чтобы смахнуть слёзы. Ох, Маппо, Икарий... так переплетены судьбы...

— Нам пора, — сказала она.

Сапёр кивнул и рывком поднялся на ноги.

— Я бы этой водички хлебнул, — пробормотал он.

Крокус в последний раз оглядел комнату: выцветшие гобелены, резные скамьи, кусочки камня и дерева на полках... и многочисленные свитки, сваленные на письменном столе у дальней стены напротив входа. Со вздохом даруджиец пошёл обратно. За ним последовал отец Апсалар.

Они вернулись в коридор и подошли к выходу. Рядом стояло ведро, над ним, на крюке висел простой деревянный ковш.

Апсалар сняла его, зачерпнула воды и протянула Скрипачу.

Он напился, а затем крякнул от боли, когда чудовищно быстрое исцеление коснулось лодыжки. В следующий миг боль утихла. Сапёр сник, его вдруг пробил пот. Остальные не спускали с него глаз.

— Худовы Врата, — выдохнул Скрипач, — не пейте, если вам это до смерти не нужно.

Апсалар повесила ковш на место.

Дверь открылась от первого же касания, показались ночное небо и заросший двор. Выложенная каменными плитами тропинка вела к арке ворот. Дом и двор окружала низкая каменная стена. Рядом высились жилые дома с наглухо закрытыми ставнями.

— Ну что? — спросил Крокус, оборачиваясь к Скрипачу.

— Он. Город Малаз.

— Уродливый какой-то.

— Это точно.

Опробовав ногу и не почувствовав ни единого укола боли, Скрипач пошёл по тропинке к воротам. Из глубокой тени под аркой он оглядел улицу.

Ни звука. Ни движения.

— Не нравится мне всё это.

— Чары опутали этот город, — объявила Апсалар. — И я узнаю их вкус.

Скрипач хмуро взглянул на неё.

— Когти?

Апсалар кивнула.

Сапёр перебросил ранец на грудь и откинул клапан.

— Выходит, дело может дойти до рукопашной.

— Если нам не повезёт.

Он вытащил две шрапнели.

— Ага.

— Куда? — прошептал Крокус.

Худ меня бери, если знаю.

— Давай заглянем к Зубоскалу — это таверна, которую мы с Каламом оба хорошо знаем.

Они вышли за ворота.

Огромная тень раскрылась перед спутниками, выпуская исполинскую, нечеловеческую фигуру. Апсалар в последний момент перехватила руку Скрипача со шрапнелью.

— Нет, постой.

Демон склонил к ним вытянутую голову, осмотрел единственным серебристым глазом. Затем у него из-за плеча выглянула другая фигура. Мальчишка, покрытый высохшей кровью. Его лицо казалось человеческим отражением морды демона.

— Аптор, — приветственно сказала Апсалар.

Клыкастый рот мальчика распахнулся, и послышался хриплый голос.

— Вы ищете Калама Мехара.

— Да, — ответила Апсалар.

— Он приближается к крепости на утёсе...

Скрипач удивился.

— В Паяцев замок пошёл? Зачем?

Всадник склонил голову набок.

— Он ведь хочет увидеть Императрицу?

Сапёр резко развернулся, вперился в темнеющую громаду крепости. Тёмное знамя развевалось на шпилье под флюгером.

— Худ нас всех побери, она здесь!

— Мы вас проведём, — сказал всадник с жутковатой улыбкой. — Через Тень — мимо Когтей.

Апсалар улыбнулась в ответ.

— Ведите.

Скачка не замедлилась, даже когда они подъехали к основанию широкой лестницы, ведущей вверх по склону утёса. Калам схватил Миналу за руку.

— Помедленнее бы...

— Держись лучше, — проворчала она. — Не так тут и круто.

Не так круто? Фэнеровы...

Жеребец прыгнул. Однако прежде чем его копыта коснулись камня, мир вдруг подёрнулся бесформенной серой дымкой. Конь заржал и попятился, но было слишком поздно. Путь поглотил их.

Копыта бешено застучали где-то внизу. Калама бросило вбок, он задел плечом стену и свалился. Навстречу убийце взметнулся полированный пол,

вышиб воздух из лёгких. Арбалет выскочил из рук и отлетел в сторону. Хватая ртом воздух, Калам перевернулся.

Они оказались в пыльном коридоре, и это совершенно не обрадовало жеребца. Высокий сводчатый потолок отстоял меньше чем на сажень от головы коня. Минала каким-то чудом удержалась в седле. Она попыталась успокоить жеребца и быстро добилась успеха, наклонившись вперёд и положив ладонь на нос коня, прямо над дрожащими ноздрями.

Калам со стоном поднялся на ноги.

— Где мы? — прошипела Минала, оглядывая длинный пустой коридор.

— Если не ошибаюсь, в Паяцевом замке, — пробормотал убийца, подбирая арбалет. — Императрица знает, что мы идём, — и, похоже, заждалась...

— Если ты прав, Калам, нам конец.

Он вовсе не собирался с этим спорить, но промолчал, обошёл коня и устался на дверь в дальнем конце коридора.

— Кажется, мы в Старой крепости.

— Понятно, откуда столько пыли, но всё равно вонь — как в конюшне.

— Само собой — тут половину строения отдали именно под стойла. Но Главный зал не тронули. — Убийца кивнул на дверь. — Туда.

— Других входов нет?

Он покачал головой.

— Не осталось. Да и в любом случае, она всегда может сбежать на Путь.

Минала хмыкнула и слезла с седла.

— Думаешь, она за нами следила?

— Магически? Возможно. А ты хочешь понять, знает она о тебе или нет. — Калам поразмыслил и вручил ей свой арбалет. — Давай сделаем вид, что не знает. Держись позади — я проведу внутрь жеребца.

Минала кивнула и взвела оружие. Калам глянул на неё.

— Как ты вообще сюда попала?

— На имперском транспорте, который вышел в море на следующий день после «Затычки». Такому коню оказалось самое место среди Пормквалевых производителей. Нас тоже захватил этот проклятый шторм, но особых проблем не было, пока не настала пора высаживаться в бухте. Больше я так плавать не хочу. Никогда.

Убийца поражённо распахнул глаза.

— Худов дух, женщина! — Он отвёл взгляд, затем снова посмотрел на неё. — Почему?

Она оскалилась.

— Ну неужели ты настолько тупой, Калам? И как бы там ни было, я что, ошиблась?

Были стены, которые убийца никогда и не надеялся пробить. То, как быстро они рассыпались, лишило его присутствия духа.

— Ну, ладно, — сказал наконец Калам, — только учти, я особой нежностью не отличаюсь.

Она картинно вскинула брови.

— Надо же! А я-то поверила.

Калам снова обернулся к двери. Он был вооружён лишь ножом и потерял слишком много крови. Не в самой лучшей форме, чтобы убивать Императрицу, но уж придётся использовать что есть... Не сказав Минале больше ни слова, он скользнул вперёд и собрал поводья коня. Копыта жеребца звонко цокали по камню, когда они приближались к двустворчатой двери.

Убийца прижал ладонь к дереву. Тёмные доски были покрыты конденсатом. За ними кипит чародейство. Могучее чародейство. Он отступил на шаг, посмотрел в глаза Минале, которая стояла в десяти шагах позади, затем медленно покачал головой.

Она пожалала плечами, поднимая в руках арбалет.

Калам снова повернулся к двери и взялся за кольцо на левой створке. Оно бесшумно подалось.

Калам толчком открыл дверь.

Наружу потекла чернильная тьма — и ледяной холод.

— Входи, Калам Мехар, — проговорил женский голос.

Выбора у него не оставалось. Для этого он и пришёл, хотя конечную расстановку выбрал бы, разумеется, другую. Калам шагнул в темноту, ведя за собой жеребца.

— Довольно. В отличие от Шика и его Когтей, я не недооцениваю тебя.

Калам ничего не видел, а голос шёл, казалось, со всех сторон одновременно. Дверь за спиной — чуть-чуть приоткрытая — слегка рассеивала мрак, но света хватало едва ли на пару шагов, прежде чем чернота поглощала его.

— Ты пришёл, чтобы убить меня, «мостожог», — холодным, сухим голосом сказала Ласиин. — Почему?

Этот вопрос его огорошил. В её голосе прозвучало жёлчное веселье:

– Не могу поверить, что тебе сложно найти ответ, Калам.

– Предумышленное убийство «мостожогов», – прорычал он. – Объявление вне закона Дуджека Однорукого. Покушение на убийство Скворца, меня и остальных солдат Девятого взвода. Старые исчезновения. Возможное соучастие в гибели Дассема Ультора. Убийство Императора и Танцора. Некомпетентность, невежество, предательство... – Он прервал перечисление.

Долгое время императрица Ласиин молчала, затем тихо проговорила:

– И ты должен стать моим судьёй. И палачом.

– Примерно так.

– А позволено ли мне говорить в свою защиту?

Калам оскалил зубы. Голос звучал со всех сторон – кроме одной, тишина царила в углу, как казалось убийце, всего в четырёх шагах от него.

– Можешь попробовать, Императрица.

Худов дух, я еле на ногах держусь, а у неё наверняка магические щиты. Как говорит Быстрый Бен, когда нет ничего на руках – блефуй..

Голос Ласиин прозвучал жёстко.

– Действия Высшего мага Тайшренна в Генабакисе были необоснованны. Истребление «мостожогов» не входило в мои намерения. В вашем взводе находилась молодая женщина, одержимая богом, который хотел убить меня. Адъюнкт Лорн должна была с ней разобраться...

– Это я знаю, Императрица. Зря тратишь время.

– Не думаю, что зря, учитывая, что это, возможно, всё время, которое у меня осталось в этом смертном мире. Что же до остальных твоих обвинений... Приговор Дуджеку – временная мера, обман, уловка. Мы оценили угрозу, которую представляет Паннионский Домин. Дуджек, однако, считал, что не сможет справиться с ней в одиночку. Нам нужно было сделать врагов союзниками, Калам. Нам необходимы ресурсы Даруджистана, необходим Каладан Бруд и его рхиви и баргасты, нам необходим Аномандр Рейк и его тисте анди. И нам нужно было отвязаться от Багровой гвардии. Все эти силы не чужды прагматизму, все они прекрасно видят угрозу, которую представляет Паннионский Провидец и его новорождённая империя. Однако проблематичным оставался вопрос доверия. Я согласилась на план Дуджека – спустить его самого и его Воинство с поводка. Оказавшись вне закона, они достаточно отделились от Малазанской империи и её желаний – это наш ответ, если угодно, на вопрос о доверии.

Калам задумчиво прищурился.

– И кто знает об этой «уловке»?

– Только Дуджек и Тайшренн.

Через некоторое время он хмыкнул.

– А что сам Высший маг? У него какая роль?

В словах Ласиин прозвучала усмешка:

– Он остаётся в тени, в укрытии, но поможет Дуджеку, если Однорукий того пожелает. Тайшренн для Дуджека – как вы, солдаты, говорите – бритая костяшка в дырке.

Калам долгое время молчал. Единственными звуками в зале оставались его дыхание и мерный стук, с которым его кровь капала на камни пола. Затем убийца сказал:

– Остались и более старые преступления... – Убийца нахмурился. Единственные звуки...

– Убийство Келланведа и Танцора? Да, я положила конец их власти в Малазанской империи. Узурпировала трон. Жестокое предательство, воистину. Но Империя – больше, чем любой из смертных...

– Включая тебя.

– Включая меня. Империя удовлетворяет собственные нужды, выставляет требования во имя долга – и ты это, как солдат, наверняка хорошо понимаешь. Я очень хорошо знала этих двоих, Калам, – ты о себе такого сказать не можешь. Я действовала по необходимости – неизбежной – нехотя, преодолевая боль. С тех пор я совершила несколько прискорбных ошибок – и должна жить, приняв их последствия...

– Дассем Ультор...

– Соперник. Амбициозный человек, посвящённый Худа. Я не могла допустить гражданской войны, поэтому нанесла удар первой. Гражданской войны я избежала и поэтому не жалею о сделанном.

– Похоже, – сухо проворчал убийца, – ты к разговору подготовилась.

Ещё как подготовилась!

Через некоторое время она продолжила:

– Если бы Дассем Ультор сидел сейчас здесь вместо меня, скажи, Калам, думаешь, он подпустил бы тебя так близко? Думаешь, он попытался бы тебя переубедить? – Ещё несколько вздохов она молчала, затем добавила: – Вижу, что все усилия замаскировать голос пошли прахом, потому что ты смотришь прямо на меня. Три, может быть, четыре шага, Калам, и ты сможешь оборвать правление императрицы Ласиин. Что выберешь?

Ухмыляясь, Калам перехватил нож поудобнее. Ладно, подыграю.

– Семь Городов...

— Получат по заслугам, — рявкнула Ласиин.

Убийца невольно удивился гневу, который прозвучал в этом голосе. Кто бы мог подумать? Эх, Императрица, не понадобились тебе твои иллюзии в конечном итоге. Итак — охота закончена. Он вложил клинок в ножны.

И удовлетворённо улыбнулся, когда она ахнула.

— Императрица, — пророкотал Калам.

— Я... признаюсь, я в некотором замешательстве...

Вот уж не думал, что придётся разыгрывать один из твоих излюбленных фортелей, Ласиин...

— Ты могла бы умолять о пощаде. Могла бы приводить бесконечные причины, оправдания. Однако ты говорила не своим голосом, но голосом Империи. — Он отвернулся. — Твоё убежище в безопасности. Не смею более злоупотреблять твоим... вниманием.

— Постой!

Он замер, вскинул брови, распознав в голосе внезапную неуверенность.

— Императрица?

— Когти. Я ничего не могу поделать — не сумею отозвать их.

— Я знаю. Они всегда сами разбираются со своими людьми.

— Куда ты отправишься?

Калам улыбнулся в темноту.

— Твоя вера в меня весьма лестна, Императрица. — Он развернул жеребца и пошёл к двери, затем обернулся в последний раз. — Если ты хотела спросить, приду ли я за тобой снова, ответ — «нет».

Минала прикрывала вход с расстояния в несколько шагов. Когда Калам выскользнул в коридор, она медленно выпрямилась. Арбалет не дрогнул, пока убийца выводил коня, а затем закрывал за собой дверь.

— Ну? — прошипела она.

— Что «ну»?

— Я слышала голоса — бормотание, невнятное — она мертва? Ты убил Императрицу?

Я убил привидение, в лучшем случае. Даже не так — чучело, которому придал облик Ласиин. Убийца никогда не должен видеть лица под маской жертвы.

— Никого в этом зале не было, кроме издевательского эха. Нам здесь больше нечего делать, Минала.

Её глаза вспыхнули.

— После всего... издевательское эхо? Ты же три континента прошёл ради этого!

Он пожал плечами.

— Такова наша природа, верно? Снова и снова цепляемся за глупую веру в то, что существуют простые решения. Да, я ожидал захватывающего, убедительного поединка — вспышка чародейства, поток крови. Я хотел увидеть, как заклятый враг умрёт от моей руки. А вместо этого... — Он тихо рассмеялся. — ...получил аудиенцию у смертной женщины — в каком-то смысле... — Калам встряхнулся. — В любом случае, нам ещё предстоит прорваться через заслон Когтей.

— Восхитительно. И как мы это будем делать?

Он ухмыльнулся.

— Очень просто — прямо им в Худом деланную глотку.

— Что ты там говорил про простые решения?

— Точно. Идём.

Они пошли по коридору, ведя за собой коня.

Неестественная темнота медленно растаяла в старом Главном зале. В одном из углов показалось кресло, на котором сидел высохший труп. Волосы слегка подрагивали на слабом сквозняке, сухие губы чуть приподняты, глазные впадины — две бездонные воронки.

Рядом с задней стеной открылся портал, и наружу вышел высокий худой мужчина, закутанный в тёмно-зелёный плащ. Он остановился в центре зала, склонил голову в сторону двойных дверей напротив, затем повернулся к трупу на кресле.

— Итак?

Из безжизненных губ зазвучал голос императрицы Ласиин:

— Угрозы больше не представляет.

— Ты уверена, Императрица?

— В какой-то момент во время разговора Калам понял: меня нет здесь во плоти, что ему придётся начать охоту заново. Однако, похоже, мои слова произвели некоторый эффект. В конце концов оказалось, что он достаточно рациональный человек. Теперь, будь добр, отзови своих охотников.

— Мы уже об этом говорили — ты ведь знаешь: это невозможно.

— Я не хочу его потерять, Шик.

Коготь хрипло хохотнул.

— Я сказал, что не могу отозвать охотников, Императрица. Ты ведь не хочешь сказать, что веришь в их успех? Худов дух! Да сам Танзор дважды подумал бы, прежде чем бросить вызов Каламу Мехару. Нет, лучше уж рассматривать эту жуткую ночь как запоздавший отсев, выбраковку слабых звеньев в братстве.

— Как великодушно с твоей стороны.

Он криво усмехнулся.

— Смерти сегодняшней ночи преподнесли нам ценные уроки, Императрица. Есть о чём подумать. К тому же у меня есть жертва, на которой можно будет выместить всё разочарование.

— Жемчуг, твой любимый помощник.

— Уже не любимый.

В словах Ласиин прозвучала предостерегающая нотка:

— Я надеюсь, он сумеет оправиться от твоего внимания, Шик.

Коготь вздохнул.

— О да. Но пока что я оставляю его дрожать... и размышлять над самым веским уроком Калама. Определённая мера унижения приносит человеку пользу, я всегда это говорил. Верно, Императрица?... Императрица?

Я разговаривал с трупом. Ах, Ласиин, вот это мне в тебе нравится больше всего — экстраординарное умение заставить человека подавиться собственными словами...

Капитан стражи буквально наткнулся на них, когда они крались вдоль внешней стены старой крепости. Минала вскинула арбалет, и солдат осторожно поднял руки. Калам шагнул вперёд, затащил его в тень, а затем быстро разоружил.

— Ладно, капитан, — прошипел убийца. — Скажи мне, где прячутся незваные гости в замке?

— Я так понимаю, вы не о себе говорите? — со вздохом сказал тот. — Что ж, стражник на воротах бурчал что-то о людях на лестнице — конечно, старый дурак почти слепой. Но здесь, на территории... никого.

— Ну, подумай лучше, капитан...

Стражник нахмурился.

— Араган. Вот повезло мне, всего-то несколько дней оставалось до нового назначения...

— И оно тебя дождётся, если ты чуть-чуть нам поможешь.

— Я только что закончил обход — всюду тихо, насколько я могу судить. Но учти, это ведь ничего не значит, верно?

Минала со значением посмотрела на знамя, развевавшееся под старым флюгером замка.

— А почётная гостья? Без телохранителей?

Капитан Араган ухмыльнулся.

— Ах, вы об Императрице! — Теперь в его тоне зазвучало с трудом сдерживаемое веселье. — Годы были с ней суровы, не так ли?

Посреди двора вдруг набухла чернильная тьма. Минала быстро выкрикнула предупреждение, разряжая в то же время арбалет. Раздался вопль боли.

Калам резко оттолкнул капитана, так что тот отлетел в сторону, — затем развернулся, в руке его блеснул нож.

Появились четыре Пятерни Когтей — двадцать убийц бросились на них. Во мраке засвистели метательные звёздочки. Минала вскрикнула, арбалет вылетел из рук, она отшатнулась назад. Дробящая волна чародейства прокатилась по мостовой — и исчезла.

Среди Когтей взвихрились тени, от чего убийцы оказались ещё больше сбиты с толку. Когда нечто огромное и неуклюжее шагнуло вперёд, Калам удивлённо распахнул глаза. Апт! Демоница бросилась вперёд. Тела полетели во все стороны. Самая дальняя Пятерня развернулась в полном составе, чтобы встретить новую угрозу. В них полетел какой-то предмет размером с бульжник. Пятеро охотников бросились врассыпную, но поздно — шрапнель ударила о камни.

Взрыв выкосил их мелкими обломками железа.

Одинокий охотник бросился на Калама. Вперёд молниеносно метнулись два тонких клинка. Один вонзился убийце в правое плечо, другой прошёл в дюйме от лица. Нож выпал из онемевших пальцев, и Калам отшатнулся. Охотник прыгнул на него.

Мешок гвоздей врезался в голову Когтю с тошнотворным хрустом. Охотник упал и начал корчиться на земле.

Рядом взорвалась ещё одна шрапнель. Двор огласился новыми криками.

Чьи-то руки ухватили Калама за изорванную рубаху и затащили в тень. Убийца слабо сопротивлялся.

— Минала!

Рядом зашептал знакомый голос:

— Она с нами. А Крокус забрал жеребца...

Калам моргнул.

— Жаль?

— Уже некоторое время Апсалар, капрал.

Тени сомкнулись со всех сторон. Звуки стихли.

— В тебе полно дырок, — заметила Апсалар. — Трудная ночь, да?

Калам заворчал, когда нож медленно вышел из его плеча, и почувствовал, как вслед за клинком наружу хлынула кровь. В поле зрения появилось лицо — рыжая борода с проседью, ухмылка бывшего солдата.

— Худов дух! — пробормотал Калам. — Ну и рожа у тебя, Скрип.

Ухмылка стала шире.

— Вот умора, — заявил Скрипач, — я ровно то же о тебе сейчас подумал, и всё в толк не возьму, как ты вообще раздобыл такую шикарную даму...

— Её раны...

— Лёгкие, — сообщил голос Апсалар где-то поблизости.

— Ты её достал? — спросил Скрипач. — Убил Императрицу?

— Нет. Я передумал...

— Проклятье, мы бы могли... ты что сделал?

— Она в конце концов оказалась милым мешком с костями, Скрип. Напомни мне как-нибудь рассказать тебе всю историю, — но только в обмен на собственную, поскольку, я так понимаю, вы сумели пройти во врата Азатов.

— Ага, сумели.

— Проблемы были?

— Ничего особенного.

— Ну, хорошо, что хоть кому-то из нас повезло. — Калам с трудом сел. — Где мы?

В этот миг зазвучал новый голос — ироничный и прищёптывающий:

— Во владениях Тени... в моих владениях!

Скрипач тяжело вздохнул, поднял глаза.

— Теперь Престол Тени, да? А был вроде Келланвед! Нас не обмишулишь, ясно? Прячься в своих расфуфыренных тенях, сколько душе угодно, да только ты всё одно просто треклятый Император!

— Ой, какой кошмар! — Бестелесная фигура вдруг захихикала и отодвинулась.
— А ты — ты разве не солдат Малазанской империи? Разве не давал присягу? Не клялся в верности... мне?

— Империи, ты хотел сказать!

— Зачем же нам мелочиться и спорить о таких крохотных различиях? Факт остаётся фактом — аптори доставила вас... мне, мне, мне!

Вдруг послышалось ворчание и странные щелчки, так что бог повернулся к Апт. Когда странные звуки демонической речи прекратились, Престол Теней вновь обратился к отряду:

— Умная сучка! Но мы ведь это и так знали, верно? Она сама и этот жуткий ребёнок у неё на спине, ух! Капрал Калам из «Мостожогов», похоже, ты нашёл себе женщину — ох, какие глаза! Какая ярость! Потрясающе, просто потрясающе. А теперь вы ведь пожелаете остепениться, так? Я вас всех хочу вознаградить! — Он поднял обе руки, словно в благословении. — Как своих верных подданных!

Апсалар заговорила в своей обычной холодной, отстранённой манере:

— Я не ищу награды, как и мой отец. Мы бы хотели разорвать все связи — с тобой, с Котильоном и любым другим Взшедшим. Мы бы хотели покинуть этот Путь, Амманас, и вернуться в Итко-Кан...

— И я с ними, — встрепенулся Крокус.

— О, чудесно! — проворковал бог. — Элегантное совпадение, завершение круга! В Итко-Кан, подумать только! На ту самую дорогу, где мы впервые встретились, о да. Идите же! Я вас отправляю легчайшим мановением руки. Идите! — Он поднял ладонь и погладил воздух длинными призрачными пальцами.

Тени окутали три фигуры, а когда рассеялись, Апсалар, её отец и Крокус исчезли.

Бог снова захихикал.

— Котильон будет так рад, просто несказанно. Ну-с, а что ты, солдат? Моё великодушие — редчайший дар, я его сам почти никогда не видел! Быстрой говори, пока мне эта забава не надоела.

— Капрал? — спросил Скрипач, сидя на корточках рядом с убийцей. — Калам, я как-то не в восторге от того, что боги делают мне какие-то предложения, если понимаешь, о чём я...

– Ну, мы ещё толком не выслушали эти предложения, верно? Келл... Престол Тени, я бы с удовольствием отдохнул, если ты это задумал. – Он посмотрел в глаза Минале. Та кивнула. – В каком-нибудь безопасном месте...

– Безопасном?! Да это самое безопасное место во всех мирах! Апт будет при вас – как всегда настороже! И удобства, все возможные удобства...

– Пф-ф, – фыркнул Скрипач. – Скука смертная. Без меня.

Бог склонил голову набок.

– На самом деле, сапёр, вот тебе я вообще ничего не должен. За тебя просит только Апт. Увы, у неё появились некоторые... рычаги влияния. И да, я полагаю, ты был образцовым, верным солдатом, да. Хочешь вернуться к «Мостожогам»?

– Нет.

Калам удивлённо повернулся и увидел, как его друг хмурится.

– По пути к Паяцеву замку, – объяснил сапёр, – мы подслушали болтовню стражников во время смены караула: я так понял, в порту стоит последний набор рекрутов, которых отправят на помощь Тавор. – Он посмотрел в глаза Каламу. – Прости, капрал, но я хочу помочь подавить это восстание у тебя на родине. Так что запишусь добровольцем... снова.

Калам протянул ему залитую кровью руку.

– Не умри там – только об этом прошу.

Сапёр кивнул.

Престол Тени вздохнул.

– С такими солдатами – неудивительно, что мы покорили половину мира... Нет, Скрипач, я не издеваюсь. Редкий случай – не насмехаюсь. Хотя, конечно, Ласиин не заслуживает таких солдат, как ты. Как бы там ни было, когда туман рассеется, ты окажешься в переулке за таверной «У Зубоскала».

– Годится, Келланвед. Благодарю.

В следующий миг сапёр исчез.

Убийца устало посмотрел на Престола Тени.

– Ты ведь понимаешь, что я не стану больше пытаться убить Ласиин – моя охота закончена. Честно говоря, мне даже хочется посоветовать вам с Котильоном от неё отстать – оставить Империю Императрице. У тебя тут своя собственная...

– Хочется посоветовать, говоришь? – Бог подлетел поближе. – Лучше сдержись, Калам, а то пожалеешь. – Окутанная тенями фигура вновь отодвинулась. – Мы делаем то, что пожелаем. Никогда не забывай об этом, смертный.

Минала подошла к Каламу и положила дрожащую руку на его здоровое плечо.

— Дары богов меня заставляют нервничать, — прошептала она. — Особенно — дары этого бога.

Он кивнул, выражая полное согласие.

— Ну что вы! — воскликнул Престол Тени. — Не надо так! Моё предложение в силе. Убежище, возможность остепениться. Жить как муж и жена, хи-хи-хи! Даже не так — как мать и отец! Лучше всего то, что не придётся дожидаться собственных детишек — Апт вам их уже нашла!

Туман вокруг постепенно рассеялся, и они увидели позади Апт и её спутника неопрятный лагерь на вершине низкого холма. Среди палаток бродили маленькие фигурки. Дым поднимался над бесчисленными кострами.

— Ты пожелал сохранить им жизнь, — с ликованием прошипел Престол Тени. — Так, во всяком случае, говорит Апт. Ну что же, получай их. Ваши дети ждут вас, Калам Мехар и Минала Эльтройб — все тринадцать сотен детишек!

Глава двадцать четвёртая

Жрецу Старшего Маэля

снится встающее море...

Сэтанд. Сумерки

Закрученный тоннель Вихря открылся на равнине, взметнув в воздух тучу пыли. Жёсткие диковинные чёрные травы раскинулись перед Ша'ик, когда она повела свою армию вперёд. Вскоре она удержала коня. Только теперь Ша'ик поняла: то, что она поначалу приняла за покатые камни, усыпавшие равнину, было мёртвыми телами, гниющими на солнцепёке. Они выехали на поле боя, где разыгралось одно из последних столкновений между Корболо Домом и Колтейном.

Травы почернели от засохшей крови. Повсюду порхали накидочники. Над распухшими телами жужжали мухи. В воздухе стояло ужасающее зловоние.

— Души в клочья, — проговорил рядом Геборик.

Она посмотрела на старика, а затем жестом подозвала Леомана.

— Возьми разъезд, — сказала Ша'ик воину пустыни. — Разведай, что там впереди.

— Смерть там впереди, — проговорил Геборик и поёжился, несмотря на жару.

Леоман хмыкнул.

— Нас она уже окружает.

— Нет. Это... это ничто. — Бывший жрец посмотрел на Ша'ик незрячими глазами. — Корболо Дом — что же он наделал?

— Это мы скоро узнаем, — рывкнула она и взмахом руки отпустила Леомана и его отряд.

Армия Апокалипсиса выходила с Пути Вихря. Ша'ик придала каждого из трёх магов отдельному батальону — лучше пусть будут порознь и подальше от неё. Все они были отнюдь не рады поспешному выступлению, а теперь Ша'ик чувствовала, как они тянутся вперёд обострёнными магией чувствами — тянутся и тут же отшатываются. Сперва Л'орик, затем Бидитал и, наконец, Фебрил. Из трёх источников долетело эхо чудовищного ужаса.

И я, если бы захотела, могла бы сделать то же самое. Потянуться вперёд незримиными пальцами, коснуться того, что лежит перед нами. Но Ша'ик этого не сделала.

— Я чувствую в тебе смятение, девочка, — пробормотал Геборик. — Ты наконец-то сожалеешь о сделанном выборе?

Сожалею? О да. Я о многом сожалею, начиная с жуткой ссоры с сестрой в Унте, обычной размолвки, которая зашла слишком далеко. Страдающая девочка... обвинила сестру в убийстве их родителей. Сперва он, потом она. Отец. Мать. Страдающая девочка, которой уже нечему было улыбнуться.

— Теперь у меня есть дочь.

Ша'ик почувствовала, как всё его внимание вдруг сосредоточилось на ней. Старик удивился такому странному повороту мысли, удивился, а затем — медленно и с болью — понял. Ша'ик добавила:

— И я дала ей имя.

— Я его ещё не слышал, — сказал бывший жрец, так, словно каждое слово катилось по тонкому льду.

Она кивнула.

Леоман и его разъезд скрылись за ближайшим холмом. Там поднималась призрачная завеса дыма, и Ша'ик задумалась над значением этого предзнаменования.

— Она редко говорит. Но когда говорит... у неё дар складывать слова, Геборик. Глаз поэта. В чём-то она такая, какой я бы могла стать, если бы мне дали такую свободу...

— Дар складывать слова, говоришь. Дар для тебя, но для неё он рискует обернуться проклятьем, которое никак не связано со свободой. Некоторые люди вызывают восхищение и трепет, хотят они того или нет. Такие люди часто становятся очень одинокими. Одинокими внутри себя, Ша'ик.

На гребне показался Леоман. Он не помахал рукой, чтобы они ехали быстрее, просто смотрел, как Ша'ик ведёт свою армию вперёд.

В следующий миг рядом с воином пустыни появилась другая группа всадников. Племенные знамёна напоказ — чужие. Внимание Ша'ик привлекли двое. До них ещё было слишком далеко, чтобы различить лица, но она всё равно их узнала: Камист Релой и Корболо Дом.

— Она не будет одинока, — сказала Ша'ик Геборику.

— Тогда не восхищайся, — ответил он. — Ей будет свойственно скорее наблюдать, чем принимать участие. Тайна идёт рука об руку с такой отстранённостью.

— Я не умею восхищаться, Геборик, — сказала Ша'ик. И улыбнулась.

Они подъехали к всадникам. Внимание бывшего жреца оставалось прикованным к ней, даже когда кони начали подниматься по пологому склону.

— И я понимаю отстранённость, — добавила Ша'ик. — Очень хорошо.

— Ты её назвала Фелисин, не так ли?

— Да. — Она повернула голову и посмотрела в незрячие глаза. — Это ведь красивое имя, верно? В нём есть такое... обещание. Новорождённая невинность, какую родители хотели бы видеть в своём ребёнке, яркие, живые глаза...

— Откуда мне знать? — ответил Геборик.

Она смотрела, как слёзы текут по его морщинистым, укрытым татуировками щекам, и чувствовала отстранённо их значимость, понимала, что в этом замечании не было обвинения. Лишь чувство потери.

— О, Геборик, — сказала она. — Не стоит об этом горевать.

Если бы она подумала над своими словами ещё мгновение, то поняла бы, что именно они — прежде любых других — сломают старика. Он словно рухнул в себя, тело его содрогнулось. Она протянула руку, которую он не мог видеть, почти коснулась его, но убрала — и в этот миг осознала, что момент исцеления упущен.

Сожаления? Множество. Бесконечное.

— Ша'ик! Я вижу богиню в твоих очах!

Восторженный возглас принадлежал Камисту Релой — его лицо оставалось светлым, хоть и перекосилось от напряжения. Не обращая внимания на мага,

она пристально посмотрела на Корболо Дома. Полунапанец – похож на моего старого учителя, вплоть до холодного презрения во взгляде. Что ж, этому человеку нечему меня учить. Вокруг двух военачальников собрались военные вожди племён, преданных делу Вихря. На их лицах застыло некое потрясение, след ужаса. Теперь Ша'ик заметила ещё одного всадника, который невозмутимо восседал на муле. Он был облачён в шёлковое одеяние священника. Только его явно ничто не беспокоило, и от этого Ша'ик стало не по себе.

Леоман сидел на коне чуть поодаль от группы. Ша'ик уже чувствовала тёмную волну, вздымавшуюся между воином пустыни и Корболо Домом, Кулаком-предателем.

Вместе с Гебориком она выехала на гребень и увидела то, что скрывалось за ним. На переднем плане раскинулись развалины деревни – россыпь дымящихся зданий, мёртвые лошади, мёртвые солдаты. Каменная арка в начале Арэнского тракта почернела от копоти.

Дорога тянулась прочь, на юг. Деревья по сторонам..

Ша'ик пустила коня шагом. Геборик догнал её – молчаливый, сторбленный, дрожащий под жаркими лучами солнца. Леоман подъехал с другой стороны. Они приблизились к Арэнской арке.

Встречающие последовали за ними – молча.

Камист Релой заговорил, и в его голосе послышалась лёгкая дрожь.

– Видишь, во что превратилась эта гордая арка? Малазанские врата в Арэн стали ныне Вратами Худа, Провидица. Ты понимаешь значение этого? Ты..

– Молчать! – прорычал Корболо Дом.

О да, молчать. Пусть молчание поведаёт эту историю.

Они проехали через прохладную тень врат и оказались рядом с первыми деревьями, первыми распухшими, гниющими трупами на стволах. Ша'ик остановила коня.

Разведчики Леомана возвращались быстрым галопом. В следующий миг они натянули поводья и остановились рядом.

– Докладывай, – рявкнул Леоман.

Четыре бледных лица смотрели на них. Наконец, один из разведчиков сказал:

– Всё так же, командир. Больше трёх лиг – насколько хватает глаз. Их там... тысячи.

Геборик отъехал в сторону, подвёл коня к ближайшему дереву, прищурился, глядя на ближайший труп.

Долгое время Ша'ик молчала, затем, не оборачиваясь, сказала:

- Где твоя армия, Корболо Дом?
- Стоит лагерем под стенами города...
- Значит, вы не сумели взять Арэн.
- Да, Провидица, не сумели.
- Адъюнкт Тавор?
- Флот вошёл в бухту, Провидица.

Что же ты на это скажешь, сестра?

– Глупцы сдались, – сказал Корболо Дом, и по голосу было слышно, что он сам не может в это поверить. – По приказу Первого Кулака Пормкваля. Это новая слабость Империи – то, что прежде было силой: эти солдаты подчинились приказу. Империя потеряла своих великих полководцев...

– В самом деле? – Ша'ик наконец повернулась к нему.

– Колтейн был из них последним, Провидица, – с напором сказал Кулак-предатель. – Новая адъюнкт не испытана в бою – да она Худова аристократка! Кто ждёт её в Арэне? Кто даст толковый совет? Седьмая уничтожена. Армия Пормкваля тоже. У самой Тавор армия из новобранцев. Которым предстоит сразиться с опытными бойцами, что втрое превосходят их числом. Императрица обезумела, Провидица, если думает, что чистокровная выскочка сможет вновь завоевать Семь Городов.

Ша'ик отвернулась от него и посмотрела на Арэнский тракт.

– Отведи своё войско, Корболо Дом. Пусть они станут частью моих сил здесь.

– Провидица?

– У Апокалипсиса есть лишь один командир, Корболо Дом. Делай, что я говорю.

И молчание снова рассказывает историю.

– Конечно, Провидица, – наконец выдал из себя Кулак-предатель.

– Леоман.

– Провидица?

– Пусть наши люди станут лагерем. Прикажи им похоронить мертвецов на равнине.

Корболо Дом откашлялся.

– А когда мы перегруппируемся – что ты предлагаешь делать дальше?

«Предлагаешь»?

— Мы встретимся с Тавор. Но время и место выберу я, а не она. — Ша'ик помолчала, затем добавила: — Мы возвращаемся в Рараку.

Она не обратила внимания на выкрики удивления и возмущения, проигнорировала все вопросы, даже когда они стали требовательными. Рараку — сердце моей новообретённой силы. Мне понадобятся её объятия... чтобы одолеть страх — ужас — перед родной сестрой. О Богиня, направь меня...

Возражения не находили ответа и постепенно смолкли. Поднялся ветер, застонал в воротах позади. Геборик повысил голос, чтобы перекрыть его:

— Кто это? Я ничего не вижу — ничего не чувствую. Кто этот человек?

Толстый, облачённый в шелка жрец наконец заговорил.

— Старик, о Безрукий. Солдат, не более. Один из десяти тысяч.

— Ты... слышишь... — Геборик медленно повернулся, его молочные глаза блестели. — Вы слышите смех бога? Кто-нибудь ещё слышит смех бога?

Жрец-джистал склонил голову набок.

— Увы, я слышу только ветер.

Ша'ик встревоженно посмотрела на Геборика. Он вдруг показался таким... крохотным.

В следующий миг она развернула коня.

— Пора уезжать. Приказы вы получили.

Геборик остался последним. Бывший жрец беспомощно сидел на лошади и смотрел на труп, который ни о чём ему не говорил. В ушах продолжал звенеть бесконечный хохот, который ветер нёс сквозь Арэнские врата за спиной.

Что именно я не должен увидеть? Ты ли теперь воистину ослепил меня, Фэнер? Или это нефритовый незнакомец, который беззвучно течёт во мне? Что это — жестокая шутка... или акт милосердия?

Смотри, что стало с твоим заблудшим сыном, Фэнер, и знай — знай без тени сомнения, — что я хочу вернуться домой.

Я хочу вернуться домой.

Командор Блистиг стоял у парапета и смотрел, как адъютант со своей свитой поднимается по широкой каменной лестнице, ведущей к воротам дворца. Она была, на его вкус, слишком юной, но даже с такого расстояния можно было

почувствовать ту жёсткость, о которой все говорили. Рядом с ней шагала красивая молодая женщина — по слухам, помощница и любовница Тавор, — но имени её Блистиг не мог припомнить, наверное, никогда и не слышал. С другой стороны от адъюнкта шёл капитан её семейной стражи, человек по имени Бурав. Он был похож на бывалого солдата, и это немного успокоило Блистига. Рядом возник капитан Кенеб.

— Безуспешно, командор.

Блистиг нахмурился, затем вздохнул. Команда обожжённого корабля исчезла практически сразу после того, как поставила судно у причала и помогла выгрузить раненых солдат Седьмой армии Колтейна. Командир гарнизона хотел, чтобы эти моряки присутствовали на встрече с Тавор, подозревал, что адъюнкт захочет их допросить — и Худ свидетель, этим нахалам порка бы пошла на пользу...

— Выживших солдат Седьмой собрали для смотра, сэр, — доложил Кенеб.

— И виканцев?

— Так точно, и обоих колдунов тоже.

Блистиг поёжился, несмотря на жару. Вот уж жутковатая парочка. Холодные, молчаливые. И только на вид — дети.

Прищура так и не нашли — командор хорошо понимал, что вряд ли когда-нибудь снова его увидит. Героизм и преступление в одном выстреле — жить с таким мало кому будет легко. Оставалось лишь надеяться, что старого лучника не найдут потом плавающим лицом вниз в водах бухты.

Кенеб откашлялся.

— Эти солдаты, сэр...

— Я знаю, Кенеб, знаю. — Они разбиты. Ох, милостивая Королева, сломлены. Магическое исцеление врачует только плоть. А у меня и своих проблем с гарнизоном по горло. Никогда ещё не командовал такой... хрупкой армией.

— Нам лучше спуститься, сэр. Она уже почти у ворот.

Блистиг вздохнул.

— Да, идём, посмотрим на этого адъюнкта Тавор.

Маппо осторожно уложил Икария на мягкий песок. Он натянул над бесчувственным другом навес для тени, но ничего не мог поделать с тяжёлым запахом разложения, от которого загустел воздух. Не лучший запах для момента, когда ягг придёт в себя...

Позади осталась разрушенная деревня, тень закопченных ворот не дотягивалась до места, где Маппо разбил лагерь — рядом с дорогой и её жуткими хранителями. Путь Азатов выплюнул их в десяти лигах к северу,

несколько дней назад. Всё это время Маппо нёс Икария на руках, искал место, где не было бы признаков смерти — надеялся, что вот-вот его найдёт. Но пришёл лишь к обители ещё большего ужаса.

Маппо выпрямился, заслышав стук колёс на дороге. Прищурился против солнца. Одинокий вол тащил открытую телегу по Арэнскому тракту. На козлах сидел сторбленный человек, а за спиной у него ещё двое возились с чем-то невидимым за бортом телеги.

Ехали они медленно, потому что возница останавливался у каждого дерева и около минуты смотрел на тела, прибитые к стволу, прежде чем двинуться к следующему.

Подобрав свой мешок, Маппо направился к путникам.

Увидев трелля, возница остановил телегу и поставил на стопор. Он небрежно сунул руку за спинку сиденья и вытащил массивный кремнёвый меч, который затем положил на колени.

— Если ты с дурными намереньями, трелль, — прорычал возница, — лучше уходи подобру-поздорову.

Остальные двое тут же выпрямились — с арбалетами в руках.

Маппо положил на землю мешок и поднял руки. Кожа у всех троих имела странный оттенок, и трелль почувствовал в них такую спящую силу, что ему стало не по себе.

— Уверяю тебя — с самыми благими. Уже много дней я шёл среди мертвецов. Вы — первые живые люди, которые мне встретились за всё время. Увидев вас, я обрадовался, потому что уже побаивался, что потерялся в одном из ночных кошмаров Худа...

Возница поскрёб поросший рыжей бородой подбородок.

— Я бы сказал, ты недалёк от истины. — Он отложил меч и обернулся. — Я думаю, всё в порядке, капрал, — к тому же, может, мы у него бинты выменяем или ещё что.

Старший из двух пассажиров выпрыгнул из повозки и подошёл к Маппо.

Трелль сказал:

— У вас там раненые солдаты? Я — неплохой лекарь.

Улыбка капрала была напряжённой, вымученной.

— Не думаю, что ты захочешь тратить время. Нет у нас раненых людей — только две собаки.

— Собаки?

— Ага. Мы их на месте Гибели нашли. Похоже, Худ не захотел их забрать... сейчас, по крайней мере. Я лично не понимаю, почему они до сих пор живы — дырок в них тьма, и порублены.. — Он покачал головой.

Возница спустился с козел и теперь шёл по дороге, рассматривая каждый труп, прежде чем двинуться дальше. Маппо указал на него рукой.

— Вы кого-то ищете.

Капрал кивнул:

— Да, но тела уже сильно разложились, трудно сказать наверняка. Но Ураган говорит, что узнает, если, конечно, он здесь.

Маппо отвёл взгляд от капрала и взглянул на Арэнский тракт.

— И как далеко это всё тянется?

— До самого города, трелль. Десять тысяч солдат по круглому счёту.

— И вы..

— Каждого осмотрели. — Капрал прищурился. — Ну, Урагану уже всего несколько осталось. Знаешь, даже если бы мы не искали конкретного человека... по крайней мере.. — Он пожал плечами.

Маппо отвёл глаза, его лицо напряглось.

— Твой друг упомянул какую-то «Гибель». Что это за место?

— Там, где полегли Колтейн и Седьмая армия. Только собаки выжили. Колтейн провёл тридцать тысяч беженцев из Хиссара в Арэн. Невозможно это было, но он справился. Он спас этих неблагодарных ублюдков, а в награду получил бойню в пяти сотнях шагов от ворот города. Никто им не помог, трелль. — Капрал посмотрел в глаза Маппо. — Можешь такое вообразить?

— Боюсь, я ничего не знаю об этих событиях.

— Я так и понял. Худ знает, где ты в последнее время прятался.

Маппо кивнул. Через некоторое время он вздохнул.

— Я посмотрю на ваших собак, если хотите.

— Давай. Но мы особо не надеемся. Просто парень взял и привязался к ним, если понимаешь, о чём я.

Трелль подошёл к повозке и забрался наверх.

Он увидел юношу, который сторбился над бесформенной грудой красной, иссечённой плоти и костей, слабыми движениями отгоняя от неё мух.

— Худова милость, — прошептал Маппо, разглядывая то, что было когда-то псом. — А другая где?

Юноша откинул в сторону кусок ткани, под которым оказалась маленькая комнатная собачка. Все четыре лапы ей намеренно сломали. Из переломов сочился гной, и зверек трясся в лихорадке.

— Малыша, — проговорил молодой солдат, — оставили лежать на этом, большом. — В его голосе звучали боль и непонимание.

— Не жильцы они, парень, — сказал Маппо. — Большой уже давно должен был умереть — может, и умер...

— Нет. Он жив. Я чувствую стук сердца, но всё медленнее. Медленнее и медленнее, а мы ничего не можем поделать. Геслер говорит, что нужно помочь, остановить сердце, чтобы прекратить боль, но может быть... может быть...

Маппо смотрел, как юноша возится с беспомощными животными, промокает раны окровавленной тряпкой в тонких, почти женских руках. Через минуту трелль выпрямился, медленно обернулся и посмотрел на длинную дорогу. За спиной вдруг раздался выкрик — у самых ворот, а после капрал по имени Геслер подбежал к Урагану.

Ах, Икарий. Скоро ты очнёшься, а я всё буду горевать, и ты будешь спрашивать... Моё горе начинается с тебя, друг мой, с потери памяти — воспоминаний не об ужасах, а о дарах, даваемых столь щедро... Слишком много мёртвых... как ответить на такое? Как бы ты ответил, Икарий?

Он долго смотрел на Арэнский тракт. Позади юноша склонился над телом пса, а по дороге медленно приближались шаги. Повозка качнулась, когда Ураган забирался обратно на козлы. Геслер тоже запрыгнул в повозку. Лицо его было каменным.

Юноша поднял глаза.

— Вы его нашли, Геслер. Ураган его нашёл?

— Нет. Хотя на минуту... но нет. Его здесь нет, парень. Пора возвращаться в Арэн.

— Благослови нас Королева, — сказал юноша. — Значит, всегда есть шанс.

— Да, кто знает, Истин, кто знает...

Юный Истин снова занялся собаками.

Маппо медленно обернулся, взглянул в глаза капралу и увидел в них ясно написанную ложь. Трелль кивнул.

— Спасибо, что посмотрел на собак, — сказал Геслер. — Я знаю, им конец. Думаю, мы хотели... ну, то есть надеялись... — Он замолчал, затем просто пожал плечами. — Хочешь, подвезём тебя до Арэна?

Маппо покачал головой, спустился на дорогу и встал у обочины.

— Спасибо за предложение, капрал. Мой народ не любят в Арэне, поэтому я откажусь.

— Как пожелаешь.

Маппо смотрел, как они разворачивают повозку.

Как бы ты ответил на такое...

Они уже отъехали на тридцать шагов, когда трелль закричал. Они остановились, Геслер и Истин выпрямились, глядя, как Маппо побежал вперёд, продолжая рыться в сумке.

Искарал Прыщ ковылял по каменистой пыльной тропинке. Остановился, чтобы яростно почесаться — сперва в одном месте под рваным балахоном, затем в другом, и в ещё одном, и ещё. В следующий миг он завопил и начал рвать на себе одежду.

Пауки, сотни пауков посыпались во все стороны, попадали на землю, разбежались, прячась в трещинах и ямках, а верховный жрец всё бушевал.

— Я знал! — завопил Искарал Прыщ. — Знал! Покажись! Если не трусишь! Пауки снова выбрались на свет, помчались по выжженной солнцем земле.

Тяжело дыша, верховный жрец отступил на шаг, глядя, как д'иверс принимает человеческий облик. Перед ним возникла жилистая черноволосая женщина. Хоть она была ниже его на дюйм, фигурой и чертами лица удивительно походила на самого Искарала. Жрец нахмурился.

— Думала, обманула меня? По-твоему, я не знаю, что ты тут скрывалась!

Женщина фыркнула.

— Вот именно, обманула! А как ты искал, как искал! Идиот тупоголовый! Точно, как все дал-хонцы, каких только мне доводилось встречать! Идиоты тупоголовые!

— Только дал-хонка бы такое сказала...

— Да! А кому же лучше знать!

— Как тебя зовут, д'иверс?

— Могора, и я за тобой уже много месяцев слежу. Месяцев! Я видела, как ты прокладывал ложную тропу, видела, как рисовал отпечатки ладоней и лап на камнях! Видела, как вытащил камень на опушку леса! Сородичи мои, может, и идиоты, но я-то уж точно нет!

— Ты никогда не доберёшься до настоящих врат! — завизжал Искарал Прыщ. — Никогда!

— Я — и — не — хо-чу!

Жрец подозрительно уставился на её заострённое лицо. Начал потихоньку кружить вокруг женщины.

— Вот как, вот как, — проворковал он, — и почему же это?

Развернувшись так, чтобы не упускать его из виду, Могора пронзила жреца презрительным взглядом.

— Я сбежала из Дал-Хона, чтобы избавиться от идиотов. Так что же мне — стать Взшедшей, только чтобы править другими идиотами?

— Да ты настоящая дал-хонская ведьма, верно? Злобная, высокомерная, глумливая сучка от начала и до конца!

— А ты — дал-хонский тупица! Вероломный, изворотливый, лживый..

— Да ведь все эти слова одно и то же значат!

— Ничего — у меня ещё слов довольно!

— Ну-ка, ну-ка, послушаем.

Оба пошли дальше по тропинке, и Могора продолжила свой речитатив:

— Лукавый, коварный, вороватый, лживый..

— Это уже было!

— И что с того? Лживый, скользкий, ненадёжный..

Огромный немертвый дракон медленной взлетел с гребня плоскогорья, расправленные крылья сверкнули в солнечном свете, тонкая мембрана приглушила пробивающиеся цвета. Чёрные плоские глаза посмотрели на две фигуры, которые медленно карабкались к отвесному утёсу.

Через миг дракон отвёл взгляд. Затем древний Путь открылся перед ним, поглотил зверя целиком и исчез.

Искарал Прыщ и Морога некоторое время смотрели на опустевшее небо. На губах верховного жреца заиграла кривая ухмылка.

— Ага-а, тебя-то я не обманул, выходит? Ты сюда явилась, чтобы охранять истинные врата. Всегда вы только и думаете что о своём долге, проклятые т'лан имассы. Гнусные заклинатели костей, ваши тайны сводят меня с ума!

— Да ты родился сумасшедшим! — проворчала Могора.

Не обращая на неё внимания, Искарал продолжал говорить, обращаясь к исчезнувшему дракону:

— Ну, кризис-то миновал, верно? А ты бы выдержала? Выстояла против всех своих детей? Нет! Без Искарала Прыща — никогда! Без меня ничего бы не вышло!

Могора презрительно расхохоталась.

Он бросил на неё испепеляющий взгляд и потрусил вперёд.

Остановившись под одиноким тёмным окном в стене утёса, Искарал завопил:

— Я дома! Я дома! — Эти слова отразились от камней безотрадным эхом и стихли.

Верховный жрец Тени начал приплясывать на месте, он явно был слишком возбуждён, чтобы стоять неподвижно. Прошла минута, затем другая — он продолжал пританцовывать. Могора смотрела на жреца, приподняв бровь.

Наконец из окна выглянула маленькая бурая головка.

Оскаленные зубки сошли бы за улыбку, но в этом Искарал Прыщ никак не мог быть уверен. Всегда в этом сомневался.

— Ох, ты только посмотри, — пробормотала Могора. — Это же один из твоих преданных поклонников.

— Ой, какая ты остроумная!

— Я голодная! Кто теперь будет готовить еду? Слуга-то ушёл.

— Как кто? Ты, разумеется.

Могора вмиг вышла из себя. Искарал Прыщ смотрел на её яростные гримасы с довольной улыбкой на лице. Ах, приятно видеть, что я ещё не растерял своего обаяния...

Огромный разукрашенный фургон остановился в облаке пыли на некотором расстоянии от дороги. Кони не хотели успокаиваться, испуганно били копытами и трясли головами.

Два маленьких создания выскочили из фургона и заковыляли на кривых ножках к дороге, расставив в стороны длинные руки. Внешне они были очень похожи на бхок'аралов — крохотные морщинистые мордочки скривились, когда они прищурились от яркого солнечного света.

Однако странные существа заговорили по-даруджийски:

— Ты уверен? — спросил тот, что пониже — ростом он не достал бы взрослому человеку до колена.

Другой возмущённо фыркнул.

– Ну, это ведь я на связи, верно? Не ты, Ирп, не ты! Барук не дурак, чтобы тебе поручать что-то важное – кроме самой нудной работы.

– Это ты правду сказал, Радд. Нудная работа. Это я умею хорошо, да? Нудить на работе. Нудить, нудить, нудить – ты уверен? Точно уверен?

Оба поднялись по насыпи и подошли к первому дереву у дороги. Оба существа присели под ним, молча глядя на высохший труп, прибитый к стволу.

– Я ничего не вижу, – проворчал Ирп. – Я думаю, ты не прав. Я думаю, ты заблудился, Радд, и просто не признаёшься. Я думаю..

– Ещё слово, и я тебя прикончу, Ирп, честно.

– Ладно. Буду умирать достойно! Нудно стонать, нудно хрипеть... и нудить.

Радд подбежал к дереву, по нескольким вставшим на загривке волоскам было ясно, что он вне себя. Радд вскарабкался наверх, вылез на грудь трупу и стал рыться одной рукой под полусгнившей рубахой. Вытащил рваный, грязный кусок ткани. Развернул его и нахмурился.

Ирп закричал снизу:

– Кто там?

– Имя написано.

– Какое?

Радд пожал плечами.

– «Са'илесса Лорталь».

– Это женское имя. Он ведь не женщина, правда?

– Конечно, нет! – рявкнул Радд. В следующий момент он засунул тряпку обратно за пазуху трупу. – Смертные такие странные, – пробормотал Радд, продолжая шарить под рубахой. Он быстро нашёл то, что искал, и вытянул наружу крошечную бутылочку из дымчатого стекла.

– Ну что? – спросил Ирп.

– Разбилась как надо, – удовлетворённо заявил Радд. – Вижу трещинки. – Он наклонился вперёд и перекусил шнурок, затем спустился вниз, сжимая в руке бутылочку. Под деревом Радд присел и поднял её к солнцу, прищурился, глядя на свет через стекло.

Ирп заворчал.

Радд поднёс бутылочку к острому уху и потряс.

– Ага! Он внутри, как надо!

– Хорошо, пошли тогда...

– Нет ещё. Тело надо забрать. Смертные в этом смысле капризные – другого он не захочет. Так что давай, Ирп, снимай.

– Да от него же ничего не осталось... – начал нудить Ирп.

– Точно, поэтому и нести будет проще, верно?

Продолжая ворчать, Ирп забрался на дерево и начал выдёргивать железные кольца.

Радд удовлетворённо слушал его нытьё, а затем поёжился.

– Поторопись, чтоб тебя! Тут как-то неуютно.

Веки ягга задрожали, затем распахнулись, глаза впились в звериное лицо над ним. Недоумение сменило узнавание.

– Трелль по имени Маппо. Мой друг.

– Как ты себя чувствуешь, Икарий?

Ягг чуть шевельнулся и поморщился.

– Я... я ранен.

– Да. Боюсь, я свои последние два эликсира отдал другим, так что не могу тебя как следует подлечить.

Икарий сумел улыбнуться.

– Уверен, что, как всегда, нужда была велика.

– Боюсь, ты бы так не подумал. Я спас жизнь двум собакам.

Улыбка Икария стала шире.

– Должно быть, достойные псы. Расскажешь мне о них. Помоги подняться, пожалуйста.

– Ты уверен?

– Да.

Маппо поддержал Икария, когда тот с трудом поднялся на ноги. Ягг зашатался, но восстановил равновесие. Поднял голову и осмотрелся.

– Где... где мы?

– Что ты помнишь?

— Я... ничего не помню. Нет, постой. Мы увидели демона — аптора — и решили пойти за ним. Да, это я помню. Это.

— Верно, мы теперь далеко на юге, Икарий. Сюда нас выбросило с Пути. Ты ударился головой о камень и потерял сознание. Идти за этим аптором — это была ошибка.

— Очевидно. Сколько.. времени прошло?

— День, Икарий. Всего лишь день.

Ягг выпрямился, силы явно возвращались к нему, и Маппо наконец решил, что можно отойти, но всё равно придерживал Икария за плечо.

— К западу отсюда лежит Ягг-одан, — сказал трелль.

— Да, хорошая идея. Признаюсь, Маппо, я чувствую, что разгадка близка. Очень близка.

Трелль кивнул.

— Сейчас рассвет? Ты собрал наш лагерь?

— Да, но я бы предложил сегодня пройти совсем немного — пока ты не справишься окончательно.

— Да, мудрое решение.

Однако они задержались ещё на час, потому что Икарию было нужно смазать маслом лук и наточить меч. Маппо терпеливо ждал, сидя на валуне, затем ягг наконец поднялся, повернулся к нему и кивнул.

Друзья зашагали на запад.

Через некоторое время Икарий посмотрел на Маппо.

— Что бы я без тебя делал, друг мой?

Морщинки вокруг глаз трелля дрогнули, затем он грустно улыбнулся и ответил:

— Даже не думай об этом.

Впереди раскинулась бесконечная пустошь, известная как Ягг-одан.

Эпилог

Худовы духи открыли
войско нестройное.
Шёпоты смерти
в хлопанье крыльев.
Грустная мелодия обладает
особой красой, ибо песнь разрушения
плодородна.
Рыбак. Виканская погребальная

Сжимая в руках глиняную бутылочку, молодая вдова вышла из юрты лошадницы и побрела по разнотравью за стойбищем. Небо над головой было пустынным и казалось женщине безжизненным. Она тяжело ступала босыми ногами, приминая пожелтевшую траву.

Пройдя тридцать шагов, женщина остановилась и опустилась на колени. Она смотрела на безбрежную Виканскую равнину, сложив руки на раздутом животе. Бутылочка лошадницы казалась тёплой и гладкой в мозолистой ладони.

Поиск завершился, вывод был неизбежным. Ребёнок у неё во чреве был... пуст. Существо без души. Перед внутренним взором женщины возникло бледное, покрытое бисеринками пота лицо лошадницы, вновь зазвучали, как ветер, слова: Даже колдун должен оседлать душу – дети, которых они взяли, ничем не отличались от прочих. Ты понимаешь? То, что зреет в тебе, не имеет... ничего. Это создание проклято – почему, ведомо лишь самим духам.

Дитя в твоём чреве нужно вернуть земле.

Женщина выдернула пробку. Придёт боль – сначала, затем – прохладное онемение. Никто в стойбище не будет смотреть, все отведут глаза в этот миг позора.

Горизонт на севере заволокла грозовая туча. Она росла, приближалась – тёмная и громадная.

Вдова поднесла бутылочку к губам.

Рука метнулась у неё над плечом и схватила за запястье. Молодая женщина вскрикнула, развернулась и увидела лошадницу – та тяжело дышала и смотрела широко распахнутыми глазами на грозовую тучу. Бутылочка упала на землю. Люди со всего стойбища бежали к двум женщинам.

Вдова смотрела на морщинистое лицо старухи, видела страх и... надежду?

— Что? Что случилось?

Лошадница, казалось, не могла говорить. Только продолжала смотреть на север.

Грозовая туча залила тенью ближние холмы. Вдова повернулась и ахнула. Это была не туча. Вьющаяся, бурлящая масса черноты мчалась на них, словно великан, от неё отделялись побеги, затем снова вливались в основное облако.

Вдову охватил ужас. Боль вспыхнула в руке там, где её сжимала лошадница, — так сильно, что казалось, вот-вот сломается кость.

Мухи! Ох, нижние духи, — это мухи..

Туча приближалась — рокочущая, гремящая, ужасная.

Лошадница закричала от невыразимой боли, будто давала голос тысяче скорбящих душ. Выпустив руку вдовы, она рухнула на колени.

Сердце молодой женщины вдруг заколотилось, она поняла.

Нет, не мухи. Вороны. Вороны, столько ворон..

У неё в животе шевельнулся ребёнок.

Так заканчивается второе сказанье из Малазанской Книги Павших

Глоссарий

Племена субконтинента Семи Городов

Араки: Пан'потсун-одан

Бхиларды: восточная часть от Нэнот-одана

Гралы: всхолмья Эрлитана вплоть до Пан'потсуна

Дебральцы: северные регионы

Дхис'бальцы: холмы Омари и Нахаль

Кан'эльды: к северо-востоку от Убариды

Кхеран-дхобри: равнина Гэлиин

Кхундрилы: западная часть Нэнот-одана

Пардийцы: северная часть равнины Гэлиин

Семаки: Карасские холмы и степи

Титтанцы: к югу от Сиалка

Трегины: к западу от Санимона

Семь городов

Язык (избранные слова)

белый паральт: яд, который получают из пауков

блех-клеши: перелетающие с ветром пустынные блохи

бхок'аралы: крикливые крылатые обезьянки (широко распространены)

гульдиндха: широколистное дерево

джегура: целебный кактус

Дриджна: Апокалипсис

дурханг: опиат

дхэнраби: огромный морской хищник

кеттра: нож

кровный слепень: насекомое

маррок: сиеста во время засушливого сезона

мезланы: презрительное наименование малазанцев

одан: равнина, пустошь

ризаны: крылатые ящерицы размером с белку (широко распространены)
савр'ак: светлое пиво, подают охлаждённым
сепях: пресный хлеб
симхарал: торговец детьми
тапу: разносчик еды
тапусепях: торговец хлебом
тапутасыр: торговец сладостями
тапухарал: продавец жареной козлятины
тасыр: сепях с мёдом
телаба: плащ досиев (Досин-Пали)
тральб: яд, который получают из грибов
ши'гай: горячий ветер засушливого сезона
эмраг: съедобный кактус, который любят трелли
эмулор: яд, который добывают из цветов
энкар'ал: крылатая рептилия размером с лошадь (очень редкое животное)
эсантан'эль: крылатая рептилия размером с собаку

Названия

Арэн: Святой Город и ставка Имперского командования
Балахн (Битва при) Бат'рол: деревенька рядом с Хиссаром
Ватарский брод (Колтейнов брод, Ватарская резня): День Чистой крови,
Меш'арн то'леданн
Г'данисбан: город рядом с Пан'потсуном
Гуран: город в глубине материка
Гэлиин: город на берегу Клатарского моря
Гэлорова гряда (Битва при)

Дожальский ручей (Битва при)

Долина Вин'тил: к юго-западу от Хиссара

Досин-Пали: город на южном берегу Отатаралового острова

Каракаранг: Святой Город на Отатараловом острове

Карон-Тепаси: город в глубине материка

Нэнот (Битва при)

Пан'потсун: Святой Город

Руту-Джелба: портовый город на севере Отатаралового острова

Санмон (Битва при)

Священная пустыня Рараку: лежит к западу от Пан'потсун-одана

Секала (Битва при)

Сиалк: город на восточном побережье

Собачья цепь: колонна беженцев и солдат Колтейна, идущая из Хиссара в Арэн

Треморлор: Дом Азатов в Пустыне, также Оданный Дом

Тропа Ладоней: путь Восхождения для одиночников и д'иверсов

Убарид: Святой Город на южном побережье

Хиссар: город на восточном побережье

Эрлитан: Святой Город

Мир чародейства

Пути (Тропы – Пути, доступные людям)

Д'рисс: Тропа камня

Дэнул: Тропа целительства

Меанас: Тропа тени и иллюзий

Рашан: Тропа тьмы

Руз: Тропа моря

Серк: Тропа неба

Тир: Тропа света

Тропа Худа: Тропа смерти

Тэннес: Тропа земли

Старшие Пути

Куральд Галейн: Путь Тьмы тисте анди

Куральд Эмурланн: Путь тисте эдур

Омтоз Феллак: яггутский Путь

Старвальд Демелейн: Путь Тиамы, Первый Путь

Телланн: Путь т'лан имассов

Титулы и объединения

«Мостожоги»: легендарное элитное подразделение малазанской Второй армии

Багровая гвардия: знаменитый отряд наёмников под командой низложенного князя

Воевода: одно из имён Каладана Бруда

Когти: тайная организация в Малазанской империи

Кроновы т'лан имассы: общее наименование кланов под рукой Крона

Кулак: военный правитель в Малазанской империи

Логросовы т'лан имассы: общее наименование кланов под рукой Логроса

Паннионский Провидец: таинственный пророк, правитель земель к югу от Даруджистана

Первый Кулак: командующий армией в малазанских кампаниях

Первый Меч Империи: титул Поборника Империи у малазанцев и т'лан имассов

Народы (люди и не люди)

Баргасты (не люди): кочевой народ воинов-пастухов

К'чейн че'малли (не люди): вымерший легендарный народ (одна из Четырёх рас-основательниц)

Моранты (не люди): высокоорганизованная и дисциплинированная цивилизация с центром в Облачном лесу

Рхиви: кочевой народ пастухов с равнин центрального Генабакиса

Т'лан имассы: одна из Четырёх рас-основательниц, ныне бессмертные

Тисте анди (не люди): Старшая раса

Тисте эдур (не люди): Старшая раса

Трелли (не люди): полукочевой народ воинов-пастухов, переходящий к оседлости

Форкрул ассейлы (не люди): вымерший легендарный народ (одна из Четырёх рас-основательниц)

Яггуты (не люди): вымерший легендарный народ (одна из Четырёх рас-основательниц)

Колода Драконов – Оракулы (и соответствующие Взшедшие)

Высокий дом Жизни

Король

Королева (Королева грёз)

Поборник

Жрец

Вестник

Солдат

Ткач

Каменщик

Дева

Высокий дом Смерти

Король (Худ)

Королева

Рыцарь (прежде — Дассем Ультор)

Маг

Вестник

Солдат

Пряха

Каменщик

Дева

Высокий дом Света

Король

Королева

Поборник

Жрец

Капитан

Солдат

Швея

Строитель

Девушка

Высокий дом Тьмы

Король

Королева

Рыцарь (Сын Тьмы)

Маг

Капитан

Солдат

Пряха

Каменщик

Жена

Высокий дом Тени

Король (Престол Тени / Амманас)

Королева

Убийца (Узел / Котильон)

Маг

Пёс

Независимые

Опонны (Шуты Удачи)

Обелиск (Огонь)

Корона

Скипетр

Держава (иначе – Сфера)

Престол

Д'иверсы: высший род оборотней

Заклинатель костей: шаман у т'лан имассов

Одиночники: род оборотней

Отатарал: противомagическая красноватая руда, которую добывают в холмах Танно, в Семи Городах

Путь Хаоса: миазматические тропы между Путиами

Взошедшие

Апсалар, Госпожа воров

Беру, Владыка бурь

Великие вороны, вороны, которые питаются магией

Геддерона, Госпожа Весны и Возрождения

Джесс, Королева-Пряха

Д'рек, Червь Осени (иногда Королева мора, см. Полиэль)
Дэссембрей, Господин трагедий
К'рул, Старший бог
Каладан Бруд, Воевода
Каллор, Верховный король
Королева грёз (Королева Высокого дома Жизни)
Котильон / Узел (Убийца Высокого дома Тени)
Маури, Госпожа нищих, рабов и сервов
Нерруза, Госпожа тихого моря и лёгкого ветра
Огнь, Госпожа Земли, Спящая богиня
Опонны, Шуты, Близнецы Удачи
Оссерк, Господин неба
Полиэль, Госпожа мора
Престол Тени / Амманас (Король Высокого дома Тени)
Псы (Гончие Высокого дома Тени)
Солиэль, Госпожа Исцеления
Сын Тьмы / Владыка Луны / Аномандр Рейк (Рыцарь Высокого дома Тьмы)
Теннерок / Фэнер, Вепрь о Пяти Клыках
Тогг (см. Фандерея), Волк Зимы
Трейк / Трич, Тигр Лета и Битвы
Трич, Первый герой
Увечный бог, Король Цепей
Фандерея, Волчица Зимы
Фэнер, Вепрь (см. Теннерок)
Худ (Король Высокого дома Смерти)
Шеденуль / Солиэль, Госпожа Здравия

* * *

notes

Примечания

1

Имя этого персонажа говорящее, дукер – африканские карликовые антилопы. –
Здесь и далее – прим. ред.

2

Тальвар – сабля со слабо или умеренно изогнутым клинком, длиной до метра.
Её отличительная особенность – эфес с дискообразным навершием. Носилась
на поясе или перевязи, переброшенной через плечо. В нашей реальности была
распространена в Северной Индии в эпоху Великих Моголов. (Однако напомним
читателю, что у Эриксона прямых параллелей между вымышленными им и земными
народами нет.)

3

Шкаторина – кромка паруса.

4

Типи – переносное жилище кочевых народов, имеет форму прямого или слегка наклонённого назад конуса или пирамиды.

5

Длинный и просторный плащ-нарамник, чуть ниже колен, с разрезами спереди и сзади, без рукавов. Часто носился поверх кольчуги, чтобы та не нагревалась и не страдала от влаги и грязи.

6

Тип паруса, имел выпуклую форму и предназначался для использования на полных курсах, от галфвинда до фордевинда.

7

Тель – холм, обычно искусственного происхождения, высотой до 40 м. Обычно возникали на месте разрушенных древних городов из остатков глинобитных строений.

8

Дромон — быстроходное парусно-гребное судно, в разные периоды земной истории имел разный внешний вид и парусное снаряжение.

9

Спартина — многолетние травянистые злаковые растения, растут в основном на морских побережьях.

10

Лабрис — двусторонний боевой или церемониальный топор времён античности, часто ассоциируется с Кносским лабиринтом.